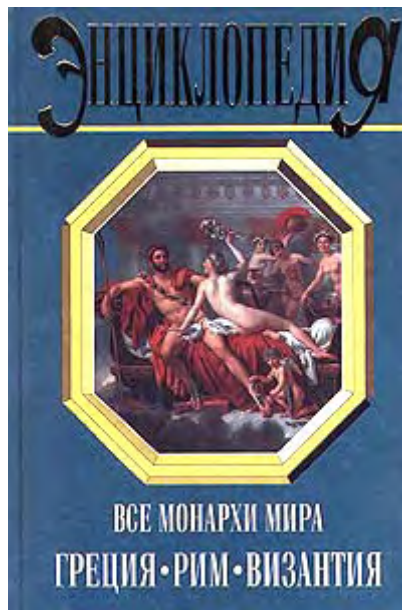

Константин Рыжов

Все монархи мира: Греция. Рим. Византия

«Рыжов К. Все монархи мира. Греция. Рим. Византия: Энциклопедия»: Вече; М.; 1999

Аннотация

Второй том серии «Все монархи мира» посвящен государям Древней Греции, Древнего Рима и Византии. Представлены биографии более двухсот государей, правивших на протяжении двадцати семи веков со времен дорийского завоевания Греции до взятия Константинополя турками.

Константин РЫЖОВ

ВСЕ МОНАРХИ МИРА: ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. ДРЕВНИЙ РИМ. ВИЗАНТИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том жизнеописаний из серии «Все монархи мира» посвящен государям античности: Древней Греции и Древнего Рима, а также императорам Византии. Мы надеемся, что благодаря полноте материала наше издание будет хорошим пособием для всех любителей истории. Впервые под одной обложкой собраны подробные жизнеописания всех греческих, македонских и эллинистических царей, а также римских и византийских императоров, правивших на протяжении двадцати семи веков со времен дорийского завоевания Греции и до взятия Константинополя турками.

В томе представлены биографии более чем двухсот государей. Чтобы легче было ориентироваться во множестве описываемых событий, попробуем дать их краткий очерк в хронологическом порядке. Самое раннее событие, которого касается наш словарь, - это переселение дорийцев. Оно происходило во времена почти мифические, и поэтому предание приписывает первый почин к этому завоеванию Гиллу, сыну Геракла. Он сам и его потомки на протяжении ста лет вели войны за обладание Пелопоннесом (см. жизнеописания Гилла, Темена, Кресфонта, Аристодема). Правнуки Гилла сумели овладеть этим полуостровом через 80 лет после окончания Троянской войны. О дальнейших событиях - постепенном росте могущества спартанцев, завоевании ими Месении, о героической войне с Персией, трагических перипетиях Пелопонесской войны и о стремительном упадке спартанского могущества - можно узнать из

биографий царей этого периода (см., например, жизнеописания месенских царей: Эвфая и Аристодема, или спартанских: Клеомена I, Леонида I, Архидама II, Агесилая II, Агиса IV и Клеомена III).

Как бы на обочине всех этих событий долгое время оставались цари Македонии. Сил этого государства на протяжении нескольких веков едва хватало на то, чтобы отбиваться от соседей-варваров. То, что произошло потом с этим народом, справедливо считается одной из самых удивительных метаморфоз в мировой истории. На глазах буквально одного поколения цари Филипп и Александр возвели македонцев из полного ничтожества к мировому господству (жизнеописания Филиппа II и Александра III). Но образованная ими мировая держава не пережила своих создателей. Ее развал сопровождался серией войн, получивших название войн диадохов, и закончился возникновением системы эллинистических государств (жизнеописания Антигона I, Птолемея I, Селевка I, Деметрия I, Кассандра и Лисимаха). После потери азиатских владений македонские цари с трудом сохранили господство над частью Греции и в конце концов пали под ударами римлян (Жизнеописания Пирра, Антигона II, Антигона III, Филиппа V и Персея). Та же судьба постигла другие эллинистические государства: Пергам (жизнеописания Атталов и Эвменов), Сирию (жизнеописания Антиохов и Селевков) и Египет (жизнеописания Птолемеев). Каждое из них пережило свой расцвет, упадок, период смут и полный крах.

На смену эллинистическим монархиям пришла мировая империя римлян, обладавшая неизмеримо большей внутренней прочностью. Жизнеописания эпохи римских императоров представляют, на наш взгляд, исключительный интерес, поскольку ни одно время прежде не давало таких поразительно сильных и цельных характеров, таких картин гражданских бедствий и разнузданного порока. Формально Рим вплоть до конца III века считался республикой, но реально уже родоначальники первой императорской династии Юлиев-Клавдиев обладали огромной единоличной властью, пределом которой было только их собственное чувство меры (жизнеописания Цезаря, Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия I и Нерона). После смерти Нерона у власти за короткий срок сменились три императора (жизнеописания Гальбы, Отона и Вителлия), а потом утвердилась династия Флавиев (жизнеописания Веспасиана, Тита и Домициана). Во II веке им наследовали Антонины, которых и современники и потомки единодушно объявили «идеальными государями» (жизнеописания Траяна, Адриана, Антония Пия и Марка Аврелия), а эпоху их правления называли временем «величия Римской империи». И действительно, последующие императоры превзошли своими пороками все мыслимые пределы (жизнеописания Коммода, Каракаллы и Гелиогабала). С первой четверти III века Римская империя погрузилась в пучину смут и гражданских войн. Истинной вершительницей ее судьбы стала разнузданная солдатня, из среды которой один за другим выходили так называемые «солдатские императоры». Грубые и безжалостные, они все время своего правления проводили в непрерывных войнах с персами, варварами, отпавшими провинциями, собственным народом и друг с другом (см., например, жизнеописания Максимиана Фракийца, Галлиена, Клавдия, Аврелиана, Проба и других). Наконец Диоклетиан водворил внутренний мир. Но вскоре он сам и его соправители начали религиозную войну против христиан (жизнеописания Диоклетиана, Максимиана, Галерия, Максимиана Дазы и Максенция), на которую наложилась новая гражданская война между его наследниками (жизнеописания Лициния и Константина I). Из всех этих смут, которые должны были бы погубить всякое государство, империя вышла такой же сильной, централизованной и грозной, какой она была два века назад, но совершенно иной по духу и внутреннему устройству. Еще полвека она оставалась крепкой, несмотря на новые внутренние потрясения (жизнеописания Констанция II, Юлиана, Валентиниана I, Валента и Феодосия I), но затем ее захлестнули варварские нашествия и мятежи. Убогие правители ускорили ее гибель (см., например, жизнеописания Гонория, Валентиниана III и Констанция III). В 476 г. варвар Одоакр низложил последнего западного римского императора.

Но Восточная половина империи пережила гибель Западной почти на тысячу лет, демонстрируя удивительную живучесть и текучесть своей внутренней структуры. Поначалу ее императоры находились в таком же бессильном состоянии, как и их западные соправители: их дожимали персы, готы, гунны, религиозные смуты и собственная наемная армия (жизнеописания Аркадия, Феодосия II, Зинона и Анастасия I), но они постепенно преодолели

все эти беды, отбили нашествия, подавили инакомыслие, и к началу шестого века империя вновь показала миру свое грозное могущество (Жизнеописание Юстиниана I). В дальнейшем Византия переживала один за другим периоды упадка и расцвета. Доведенная при преемниках Юстиниана почти до полного развала войнами с лангобардами, славянами, аварами и персами (жизнеописания Юстина II, Тиберия II и Фоки), она с огромным трудом возродилась в первой четверти VII века (жизнеописание Ираклия I). Нашествия арабов и болгар привели к новому вековому упадку (жизнеописания Константина IV, Юстиниана II или Анастасия II). Только императоры Исаврийской династии, разбив арабов у самых стен Константинополя, начали теснить внешних врагов (жизнеописания Льва III и Константина V). Но они же, покровительствуя иконоборцам, преследовали православную церковь с жестокостью, напоминая времена Диоклетиана. Следующие сто лет были отмечены медленным упадком, религиозными смутами и войнами с болгарами (см., например, жизнеописания Константина VI, Феофила и Михаила III). Выдающиеся императоры Македонской династии на некоторое время подняли могущество Византии (жизнеописания Василия I, Никифора II, Иоанна I, Василия II), но при их преемниках разорение, мятежи, безумные растраты, полный распад армии, нашествия турок и печенегов довели государство до полного краха (жизнеописания Константина VIII, Михаила V, Михаила Седьмого, Никифора III). Территория империи сократилась до небольшого округа вокруг Константинополя. Никогда еще Византия не стояла так близко к своей гибели. Однако в начале XII века энергичные императоры из династии Комнинов в короткий срок возвратили империи ромеев быллой вес (жизнеописания Алексея I, Иоанна II, Мануила I, Андроника Г). При Мануиле I Византия вела войны в Сицилии, Италии, Египте, Сирии, Малой Азии и на Балканах. Он был последним императором, который попытался выдвинуть империю в ряд мировых держав. Эта роль оказалась ей не по силам. При бездарном правлении трех императоров из династии Ангелов (жизнеописания Исаака II, Алексея III и Алексея IV) Византия дошла до национальной катастрофы: в 1204 г. крестоносцы взяли Константинополь и завоевали всю европейскую часть государства. Казалось, после такого удара уже невозможно оправиться, но государство ромеев еще раз показало свою удивительную живучесть. Императоры из рода Ласкарисов, утвердившиеся в Никее, подняли знамя национальной и религиозной войны против захватчиков. Им удалось собрать развалившуюся на уделы страну и одержать очень важные победы над латинянами (жизнеописания Феодора I, Иоанна III и Феодора II). Первый император из рода Палеологов (жизнеописание Михаила VIII) в 1261 г. вернул Константинополь. Но это был последний успех древней империи, этого последнего обломка античной истории, пережившего свое время. Следующие два века - это грустная картина умирания и затухания жизни, озаренная в конце последней яркой вспышкой - героической обороной и падением Константинополя в 1453 г. (Жизнеописания Андроника II, Иоанна VI, Иоанна V, Иоанна VIII и Константина XI).

Данная эпоха была описана многими замечательными античными и византийскими историками, чьи труды мы постарались сделать нашим главным источником. Везде, где это возможно, мы следовали их тексту и лишь в крайнем случае прибегали к сочинениям позднейших историков. Все жизнеописания расположены в словаре в строго алфавитном порядке. Кроме персоналий включены также обобщающие статьи о каждой династии с генеалогическими таблицами (например, Комнины, Агиды или Македонские цари). В конце приводится хронологическая таблица.

АВГУСТ, Гай Юлий Цезарь Октавиан

Род. 23 сент. 63 г. до Р.Х. Римский император из рода Юлиев-Клавдиев, правивший в 43 г. до Р.Х. - 14 г. Умер 19 авг. 14 г.

Октавиан, или, как его звали в детстве и юности, Октавий, приходился Цезарю внучатым племянником. Его бабка с материнской стороны, Юлия, была родной сестрой императора. Собственно же род Октавиев, к которому будущий Цезарь принадлежал по отцу, считался весьма захудалым, хотя и претендовал на родство с патрицианским родом Октавиев. Сам Август позже писал о себе, что происходит из богатой всаднической семьи, но враги в лицо попрекали его тем, что прадед его был африканцем и держал лавку с мазями, а дед был не то

пекарем, не то ростовщиком. Что касается его отца, Гая Октавия, то достоверно известно, что он избирался претором, а после претуры получил в управление Македонию и достойно справлялся со своими обязанностями: бессов и фракийцев он разбил в большом сражении, а с союзными племенами ладил и даже заслужил похвалу Цицерона. Умер он рано, оставив двух дочерей и четырехлетнего Гая.

Октавий родился в консульство Марка Туллия Цицерона. В 45 г. до Р.Х. он с несколькими спутниками отправился вслед за Цезарем в Испанию с немалым риском для жизни, так как претерпел по пути кораблекрушение и подвергнулся опасности быть убитым по дороге испанцами. Цезарь был доволен смелостью, а также природным умом Октавия. Задумав затем поход против дакийцев, он отправил племянника вперед себя в Аполлонию, в Эпир. Здесь юноша узнал о смерти дяди, а также о том, что тот в завещании усыновил его, передав ему свое имя и три четверти своего имущества (Светоний: «Август»; 1-8).

Поначалу Октавий находился в нерешительности и не знал, как ему себя вести. Мать и отчим Филипп писали ему из Рима, чтобы он не зазнавался и не рисковал. Они советовали Октавию избрать жизнь частного человека как менее опасную при данных обстоятельствах и, ехать в Рим. Октавий из Аполлонии переправился в Италию, но не в Брундизий, а в Лупии.

Здесь он узнал подробности о покушении и то, что в большинстве своем римляне клянут убийц и оплакивают Цезаря. Мать советовала ему отказаться от наследства и от усыновления, но Октавий решительно возразил, что это было бы постыдным и трусливым поступком. Он отправился в Брундизий. Все тамошнее войско вышло ему навстречу и приветствовало его как сына Цезаря. Октавий воспрянул духом и с этого времени всегда и везде именовал себя Цезарем. Он двинулся в Рим в сопровождении значительной толпы приспешников (Аппиан: 15; 10, 11).

В столице Цезарь прежде всего обратился за поддержкой к Антонию, старому боевому соратнику его приемного отца и сотоварищу его по последнему консульству. Антоний был в это время на вершине своего могущества и почти единолично распоряжался всем. Вдова Цезаря, Кальпурия, сразу после смерти мужа перевезла в дом Антония все наличные деньги - в целом около четырех тысяч талантов и все бумаги покойного. Так как по завещанию Цезаря полагалось выплатить каждому римлянину по семидесяти пяти денариев, молодой Цезарь напомнил Антонию о взятых им на хранение деньгах.

Антоний, полный пренебрежения к юным годам Цезаря, отвечал ему очень высокомерно. Он сказал, что тот просто не в своем уме и лишен не только разума, но и добрых друзей, если хочет принять на свои плечи такую непосильную ношу, как наследство Цезаря. Однако юноша не уступал и по-прежнему требовал денег (Плутарх: «Антоний»; 15-16). Антоний возразил ему без обиняков, что ничего не отдаст, поскольку эти деньги не личное достояние Цезаря, а были взяты им из государственной казны. Он прибавил к этому еще много обидных и унижительных слов, так что Цезарь ушел в сильнейшем гневе.

Все имущество, доставшееся ему по завещанию, он немедленно предназначил на продажу, а вырученные суммы направил на выплаты народу. При этом он велел объявлять по возможности низкие цены, чтобы распродажа шла быстрее. Римляне, видевшие, как юноша разоряет себя ради того, чтобы выполнить посмертную волю отца, проникались сочувствием к Цезарю и негодовали на Антония, который жил в вызывающей роскоши. К тому же, пользуясь властью консула, Антоний продолжал третировать своего противника. Он запретил ему выставлять на зрелищах, посвященных Венере-родительнице, золотой трон и золотой венки в честь своего отца, хотя эти почести полагались тому по закону. Запрет этот привел всех в недоумение, а Цезарю дал возможность усилить свое влияние. Он обхаживал народ и бывших солдат и просил всех вступить в защиту покойного императора, подвергающегося теперь издевательствам. Он говорил, что этим они защитят и самих себя, так как не будет прочным их достоянием то, что они получили от Цезаря, если то, что было постановлено для самого Цезаря, окажется непрочным. Увидев, что все вокруг ропщут на него и даже центурионы, служащие в его личной охране, не скрываясь, осуждают его поведение, Антоний понял, что недооценил своего врага, и решил впредь действовать осторожнее. Он разрешил выставить кресло на зрелищах и при посредстве старых ветеранов помирился с Цезарем.

Его влиянием он хотел воспользоваться для того, чтобы получить после консульства в

управление Цизальпийскую Галлию. Сенат не хотел давать ему эту провинцию, так как ясно было, что Антоний сразу склонит на свою сторону стоявшие там легионы и тогда сможет делать с государством все, что захочет. Поэтому сенат назначил Галлию Дециму Бруту, одному из убийц Цезаря. Но когда вопрос был поставлен на голосование в народном собрании, Цезарь своими уговорами склонил римлян предоставить ее Антонию, ибо, говорил он, нельзя допустить, чтобы этой опасной провинцией управлял убийца его отца (Аппиан: 15; 21-23, 28-30).

После этого Цезарь стал добиваться своего избрания народным трибуном, хотя был патрицием и еще не заседал в сенате (Светоний: «Август»; 10). Он надеялся на поддержку Антония и во второй раз обманулся. Антоний, не считаясь с недавно заключенной с Цезарем дружбой, объявил в качестве консула, что Цезарь не имеет права нарушать закон. А чтобы народ против его воли не проголосовал за Цезаря, он вовсе отменил выборы. Пытаясь обезоружить Цезаря, которому все опять начали сочувствовать, Антоний распустил слух, что Цезарь замышлял убить его и предоставил тому свидетелей.

Увидев, что враг цепко держит в руках столицу, Цезарь отправился в Кампанию и начал готовиться к вооруженной борьбе. Он склонил города, заселенные его отцом, сражаться на его стороне. Его поддержали сначала ветераны Калатия, а затем Казилина. Цезарь дал каждому солдату 500 драхм и повел за собой 10 000 человек. Лагерь свой он устроил в Альбе и вскоре, считая перешедших на его сторону солдат, имел под своим началом пять легионов. Он постарался придать делу такой вид, словно выступил в поддержку сената и республики против единоличного правления Антония. Все решения он принимал, оповестив об этом предварительно сенаторов, и сумел покрыть их авторитетом многие свои поступки. Действительно, сенаторы больше склонялись на сторону Цезаря, чем Антония, которого многие боялись.

Антоний поспешно уехал в Брундизий и вызвал сюда македонские войска. Всего удалось собрать четыре легиона. У Децима Брута он потребовал Галлию, которая следовала ему согласно народному постановлению. Брут, которого поддерживал сенат, отказался выполнить этот приказ. С тремя легионами он укрылся в Мутине и приготовился к обороне. Полный гнева Антоний выступил против Брута и осадил Мутину.

В начале 43 г. до Р.Х. истекли консульские полномочия Антония. Консулами стали Гирций и Панса. При их поддержке сенаторы обвинили Антония в превышении своих полномочий, а также в том, что войско, данное ему для войны во Фракии, он направил против Италии. Ему предложили оставить Галлию и ехать проконсулом в Македонию, а когда Антоний отказался, объявили его врагом отечества.

После этого сенат позаботился о двух главных вдохновителях покушения на Цезаря - Кассии и Бруте. Македония была передана Марку Бруту, а Кассию поручили Сирию. Все провинции, находившиеся восточнее Ионийского моря, обязаны были снабжать их деньгами и припасами. Таким образом в короткое время они сумели собрать большое войско и превратились в грозную силу.

Легионы Цезаря были поставлены на государственное довольствие, а ему самому в звании пропретора поручили вместе с консулами выступить против мятежников. Все эти постановления смутили Цезаря, поскольку он ясно увидел, что вражда с Антонием привела его в один лагерь с убийцами его приемного отца, за смерть которого он поклялся мстить. В усилении Кассия и Брута он предчувствовал для себя прямую угрозу. К тому же, подчинив его консулам, сенат фактически лишил Цезаря его войска. Действительно, Гирций сразу потребовал у него два лучших легиона, и Цезарю пришлось их уступить. Он ничем, впрочем, не выразил своего недовольствия, полагая, что среди превратностей гражданской войны у него будет много благоприятных моментов для того, чтобы получить свое обратно (Аппиан: 15; 31, 39-40, 43, 46-49, 51, 61, 63-65).

Война против Антония завершилась в два месяца и была очень удачной для Цезаря. В первом сражении, в котором был ранен Панса, он не принимал участия. Зато во втором, развернувшемся у стен Мутины, ему пришлось не только быть полководцем, но и биться как солдату. Когда в гуще боя был ранен знаменосец его легиона, он долго носил его орла на собственных плечах (Светоний: «Август»; 10). Гирций, преследуя врага, ворвался в лагерь

Антония и пал у палатки полководца. Цезарь первый пробился к его телу и прикрыл его плащом (Аппиан: 15; 71). Когда вскоре после этого умер и Панса, распространился слух, что это Цезарь позаботился об их смерти, чтобы теперь, когда Антоний бежал, а республика осталась без консулов, он один мог захватить начальство над победоносными войсками. В особенности смерть Пансы внушала столько подозрений, что врач его Гликон был взят под стражу по обвинению в том, что вложил яд в его рану. Другие утверждали, что и второго консула, Гирция, Цезарь убил собственной рукой в замешательстве схватки (Светоний: «Август»; 11).

С остатками своего войска Антоний отступил за Альпы. Войну против него сенат поручил Дециму Бруту. Последний хотел поблагодарить Цезаря за помощь, но Цезарь отвечал, что явился сюда не для того, чтобы спасти убийцу отца, а для войны с Антонием, с которым, если захочет, может помириться вновь, в то время как с Брутом он не помирится никогда и ни при каких обстоятельствах.

Сенат был очень доволен разгромом Антония, а еще больше тем, что расправился с ним руками Цезаря. Теперь, когда прямая угроза государству миновала, многие считали, что пришла пора поставить на место и этого честолюбивого юношу. Цицерон, фактически стоявший во главе сената, повернул дело так, что победителем при Мутине был объявлен Брут. Войско консулов он так же переподчинил ему. Имя Цезаря вовсе не было упомянуто в его распоряжениях. Оскорбленный всем этим, Цезарь потребовал триумфа за военные подвиги. В ответ сенаторы отправили ему презрительный отказ, объяснив его тем, что он еще слишком молод и ему надо дорасти до триумфа.

Столкнувшись с таким пренебрежением к себе, Цезарь затаил обиду и стал искать пути для сближения с Антонием. Многих пленных он отправил в войско Антония без всякого выкупа, а союзника его Вентидия с тремя легионами пропустил за Альпы, глубокомысленно намекнув ему при этом, что не испытывает к Антонию никакой вражды. Азинию и Лепиду, двум старым соратникам его отца, командовавшим армиями за пределами Италии, он писал более откровенно, сетуя на то, что цезарианцы никак не могут договориться между собой, в то время как помпеянцы потихоньку прибирают власть к своим рукам.

Все это Цезарь проделывал пока что тайно, приготавливая почву для будущего разрыва с сенатом (Аппиан: 15; 73-74, 80-81). Одновременно он отправил доверенных людей к Цицерону и предложил ему на пару с ним домогаться консульства в ближайшие выборы. Чтобы усыпить подозрительность этого прожженного политика, состарившегося в интригах, он заверял его, что, получив власть, предоставит все нити управления Цицерону, поскольку мечтает лишь о славе и громком имени. Эти посулы соблазнили и разожгли Цицерона, и он, старик, дал провести себя мальчишке - из врага превратился вдруг в первого друга Цезаря, просил за него народ и старался расположить в его пользу сенаторов (Плутарх: «Цицерон»; 45-46). Этим он, правда, ничего не добился - в сенате его подняли на смех, а Цезарю отказали в консульстве, так как он не достиг положенного по закону возраста.

Тут как раз пришли тревожные известия из Галлии - Лепид, которому сенат вместе с Децимом Брутом поручил вести войну против Антония, перешел на сторону последнего с семью своими легионами, многими другими частями и ценным снаряжением. Антоний присоединил к себе также три легиона Вентидия и вновь превратился в грозного противника. Сенат вызвал два легиона из Африки и послал за поддержкой к Кассию и Бруту.

Цезаря тоже призвали выступить против Антония, но он вместо этого стал подстрекать своих солдат к недовольству. Он указал им на то, что пока в сенате господствуют родственники убийц Цезаря, земельные наделы ветеранов-цезарианцев могут быть отобраны в любой момент. Только он, Цезарь и наследник Цезаря, может гарантировать их безопасность, а для этого они должны требовать для него консульской власти. Войско дружно приветствовало Цезаря и тотчас отправило центурионов с требованием консульской власти для него. Когда же сенаторы снова отказали в этом дерзком и прямо незаконном требовании, Цезарь поднял свои войска, перешел Рубикон и повел на Рим восемь легионов.

Когда в Рим пришло известие о приближении Цезаря, возникли страшная паника и смятение; все в беспорядке стали разбегаться в разные стороны. Сенат был в безмерном ужасе, так как три африканских легиона, на которые у него была последняя надежда, немедленно по

прибытии в Рим перешли на сторону Цезаря. Город был окружен солдатами. Ожидали репрессий, но Цезарь пока никого не тронул, он только захватил казну и выплатил каждому легионеру по 2500 драхм. Затем он провел выборы и был избран консулом вместе со своим ставленником Квинтом Педием (Аппиан: 15; 82, 84- 89, 92, 94).

Немедленно вслед за тем он возбудил против убийц Цезаря уголовное преследование за умерщвление без суда первого из должностных лиц в государстве. Все они были осуждены заочно и приговорены к смерти, причем судьи подавали голоса, подчиняясь угрозам и принуждению под личным наблюдением Цезаря (Плутарх: «Брут»; 27).

После этого он стал подумывать о примирении с Антонием. Поступили известия, что Брут и Кассий собрали двадцать легионов и множество других вспомогательных отрядов. Перед лицом такой грозной опасности все цезарианцы должны были объединиться и действовать сообща. Поэтому враждебные постановления против Антония и Лепида были отменены сенатом, и сам Цезарь в письме поздравил их с этим. Антоний и Лепид тотчас дружески ответили ему. К этому времени на их сторону перешли все заальпийские полководцы: Азиний с двумя легионами, Планк с тремя, а потом перебежали и все десять легионов Децима Брута. Сам Децим Брут пытался скрыться, но был схвачен и обезглавлен (Аппиан: 15; 96-97).

Когда покончено было с междоусобными войнами среди цезарианцев и все европейские провинции признали их власть, Цезарь, Антоний и Лепид сошлись вместе вблизи города Мутины на небольшом и плоском островке, находящемся на реке Лавинии; каждый из них имел при себе по пяти легионов. Расположив их друг против друга, они направились каждый в сопровождении трехсот человек к мосту через реку. Здесь они оставили стоять на местах своих сопровождающих, двинулись к середине островка на обозримое со всех сторон место и все трое сели, причем Цезарь в силу своего звания занял место посередине. В продолжении двух дней с утра до вечера совещаясь между собою, они постановили следующее. Цезарь должен сложить с себя консульское звание, а Вентидий на остающуюся часть года принять его; учредить новую магистратуру, равную по значению консульской должности (триумвират), для приведения в порядок государства после гражданских войн; эту должность предоставить Лепиду, Антонию и Цезарю в течение пяти лет. Тотчас же они должны были назначить ежегодно сменяющихся городских магистратов на ближайшие пять лет. Управление провинциями должно было быть поделено так, что Антоний получал всю Галлию, Лепид - Испанию, Цезарь - Африку, Сардинию и Сицилию. Вопрос о восточных провинциях был отложен до окончания войны с Кассием и Брутом.

Решено было далее, что Антоний и Цезарь поведут с ними войну, тогда как Лепид должен стать консулом на следующий год и оставаться в Риме для ведения дел в нем. Из войск Лепида три легиона должны были остаться у него для охраны Рима, а остальные семь - разделены между Цезарем и Антонием так, чтобы каждый из них мог повести в поход по 20 легионов. Они должны были уже теперь обнадежить войско наградами за победу, причем помимо других подарков предоставить им 18 италийских городов для поселения; эти города, отличающиеся богатством, плодородием почвы и красотой зданий, они намерены были вместе с землей и домами разделить между войском, как если бы эти города были завоеваны ими в неприятельской стране. Решено было также расправиться со своими личными врагами, чтобы они не мешали им в осуществлении их планов и во время ведения ими дальнего похода. Все эти постановления были записаны, и Цезарь как консул прочитал их войскам все, за исключением лишь проскрипционных списков.

Списки имен лиц, предназначавшихся к смерти, триумвиры составили наедине, подозревая при этом всех влиятельных людей и занося в список личных врагов. При этом они жертвовали друг другу своими родственниками и друзьями. Один за другим вносились в список кто по вражде, кто из-за простой обиды, кто из-за дружбы с врагами или вражды к друзьям, а кто по причине выдающегося богатства. Дело в том, что триумвиры нуждались в значительных денежных средствах для ведения войны, так как самые богатые провинции находились пока под властью помпеянцев. Сами же триумвиры в разоренной войнами и налогами Европе, особенно в Италии, терпели нужду в деньгах. Вот почему они налагали тягчайшие поборы на все слои населения. Некоторые подверглись проскрипции из-за своих красивых загородных домов и вилл. Всего было приговорено к смерти и конфискации имущества 300 сенаторов и 2000

всадников. Большинство из обреченных на смерть триумвиры намерены были подвергнуть публичной проскрипции после своего вступления в Рим. Но 17 человек из числа наиболее влиятельных, в том числе Цицерона, решено было устранить ранее остальных, подослав к ним убийц немедленно.

Договорившись обо всем, триумвиры вступили в Рим. Каждого сопровождал один легион и преторианская когорта. Окружив народное собрание войсками, триумвиры провели через него все свои решения, придав им таким образом видимость закона. Ночью во многих местах города были выставлены проскрипционные списки с именами лиц, подлежащих уничтожению. Головы всех казненных выставлялись на форуме. За каждую голову платили 250 000 драхм, а рабам - в 10 000 (им также давались свобода и римское гражданство). Все обязаны были предоставлять свои дома для обыска, причем скрывшие осужденного также подлежали казни. За донос назначена была особая плата.

Впрочем, надежды триумвиров на то, что за счет имущества проскрипированных они покроют военные издержки, не оправдались. Все боялись покупать его, опасаясь и на себя навлечь такую же кару. Если что-то и покупалось, то лишь за ничтожную плату. Чтобы собрать недостающие деньги, триумвиры обложили особой податью 400 наиболее состоятельных женщин, а также всех, владеющих состоянием более чем в 100 000 сестерций.

В начале 42 г. до Р.Х. Цезарь отправился на юг Италии. Он дал обещание жителям Регия и Гиппония, что их города будут исключены из списка городов, назначенных его солдатам в награду за победу. Цезарь боялся, как бы те не пристали к Сексту Помпею, который, обладая огромным флотом, захватил в это время Сицилию и вел против триумвиров упорную борьбу. Затем Цезарь отправился в Брундизий и отплыл с войском в Эпидамн. Тут он вынужден был остановиться из-за болезни. Антоний один повел армию к Филиппам, где стояли со своими легионами Брут и Кассий. Цезарь прибыл позже, еще не оправившись от недуга, - его несли на носилках перед рядами войск.

Обе стороны имели по 19 легионов тяжеловооруженных, но конницы у Кассия и Брута было больше. В дополнение к этому их флот господствовал на море, и они имели в изобилии всякие припасы, в то время как Антоний и Цезарь испытывали большие лишения. Поэтому Антоний торопился с битвой и первым напал на врагов. Он разгромил Кассия, но Брут обратил в бегство легионы Цезаря и захватил лагерь. Сам Цезарь в этой битве не участвовал: он уехал накануне. Позже в своих воспоминаниях Цезарь писал, что одному из его друзей приснился дурной сон, и поэтому он остерегался этого дня.

Разбитый Кассий покончил с собой, а Брут, возглавив оба войска, стал готовиться ко второй битве, которая должна была решить исход всей войны. Он считал, что затягивание военных действий вызовет голод в войске противника, и поэтому некоторое время не выводил свои легионы за лагерные укрепления. Но воины требовали решительной битвы, и против своей воли Брут дал на нее согласие (Аппиан; 16; 2, 3, 5-7, 11, 15, 31, 34, 86, 106, 108, ПО, 125).

Когда началась битва, тот фланг, что находился под прямым начальством Брута, взял верх над легионами Антония и обратил в бегство левое крыло врага. Но другой фланг начальники, чтобы предотвратить окружение, растягивали все больше и больше, а так как численное превосходство было теперь на стороне Цезаря и Антония, боевая линия истончилась в середине и потеряла силу, так что не смогла выдержать натиск врага и побежала. Легионы Цезаря прорвали вражеский строй и немедленно ударили в тыл Бруту, после чего его войско обратилось в бегство. Сам Брут укрылся в ближайший лес. Этой же ночью он простился с друзьями и, бросившись на меч, покончил с собой. Перед смертью Брут сказал, что умирает спокойный: он доволен тем, как прошла его жизнь, и упрекает судьбу лишь за жестокость к его отечеству, ибо оно в этот день навсегда потеряло свободу (Плутарх: «Брут»; 49, 52). И это была правда: будущий государственный строй римлян определился именно после битвы при Филиппах и после нее они уже никогда не возвращались к демократии (Аппиан: 16; 138).

Отпраздновав победу, Цезарь отправился в Италию, чтобы раздать воинам земли и распределить их по колониям; он выбрал себе это дело, так как был нездоров. Антоний двинулся в восточные провинции для сбора обещанных воинам денег. Солдаты, отслужившие положенный срок, были отпущены. Цезарь и Антоний поделили между собой одиннадцать легионов, которые были набраны из бывших воинов Кассия и Брута.

На обратном пути болезнь Цезаря усилилась, приняв особенно опасный характер в Брундизии: распространилась даже молва, что он умер. Выздоровев, Цезарь вступил в Рим, а Лепида отправил в Африку, которая следовала ему по новому разделу. Как и было обещано, Цезарь наделил ветеранов землей. Он дал им и много сверх обещанного, заимствовав для этого деньги у храмов. Это подняло еще более его престиж в глазах войска. Но у местного населения, которое без всякого повода стонялось со своих земель и лишалось домов, такая политика вызывала жгучую ненависть к триумвирам и в особенности к Цезарю.

Сторонники Антония тоже были недовольны, обвиняя Цезаря в том, что он пользуется отсутствием соправителя и переманивает на свою сторону его легионы, дабы в дальнейшем прибрать всю власть к своим рукам. Ведь получалось так, что войну с Брутом и Кассием фактически выиграл Антоний, а вся благодарность войска достается Цезарю. Во главе противников Цезаря встали Луций Антоний, брат триумвира, бывший в 41 г. до Р.Х. консулом, и жена Антония, Фульвия. Согнанных с земель италиков Луций обнадежил и обещал им свою поддержку. Ветеранам Антония он внушал, что Цезарь мечтает о единовластии и ведет дело к диктатуре.

Все симпатии италиков были на стороне Луция, и тому удалось собрать семнадцать легионов, в то время как Цезарь поначалу имел всего четыре. Он оставил Рим и пошел навстречу своему полководцу Сальвидиену, который вел ему из Галлии шесть легионов. Луций беспрепятственно вошел в столицу и к великой радости народа объявил власть триумвиров низложенной; он обещал, что Антоний сложит с себя власть добровольно, а Цезаря и Лепида принудят к этому силой.

Но когда в Италию вошел Сальвидиен, а в войске Луция произошло замешательство (прошел слух, что Антоний не доволен братом, так как вовсе не собирался ссориться с Цезарем), положение резко изменилось. Луций отступил от Рима и укрепился в Перузии, а Цезарь со своими полководцами начал осаду. Продовольствия в городе было немного, и когда Цезарь пресек его подвоз со стороны, в Перузии начался сильнейший голод. Все же Луций упорно защищался всю зиму. Несколько раз осажденные пытались вырваться из кольца осады, но неизменно терпели поражение, так как Цезарь велел обнести город рвом и частоколом, а затем построить стену и на ней воздвигнуть полторы тысячи деревянных башен; стена была снабжена частыми зубцами и другими приспособлениями, рассчитанными на два фронта - против осажденных и против тех, кто подошел бы извне. Весной 40 г. до Р.Х. Луций вынужден был просить пощады. Цезарь обошелся милостиво с солдатами и самим Луцием, но перузианцев подверг примерно наказанию. Всех сенаторов он велел казнить, а город хотел отдать на разграбление. Ночью, однако, здесь вспыхнул пожар, и Перузия выгорела дотла.

Хотя внешне Цезарь продолжал делить власть со своими соправителями, поражение Луция превратило его в единодержавного правителя Италии и всех западных провинций: многие сторонники Антония, а также его полководцы со своими легионами бежали из страны. Галлию и Испанию Цезарь присоединил к себе. Одиннадцать легионов Антония, расположенных здесь, перешли на его сторону.

Обеспокоенный всем этим Антоний отправился из Египта в Италию. Когда ему не позволили высадиться в Брундизии, он заключил союз с Помпеем и начал против Цезаря неприятельские действия. Сам Антоний осадил Брундизий и занял на Италийском берегу Сипунт и Авзонии, а Помпей захватил Сардинию, причем два стоящих здесь легиона сдались ему без боя. Цезарь имел к этому времени в своем распоряжении 40 легионов, но далеко не был уверен в том, что все они сохранят ему верность, если дело дойдет до решительного сражения с Антонием. К тому же он не располагал ни одним кораблем, не располагал и возможностью построить флот, так что опасался, как бы его противники, владевшие 500 кораблей, не блокировали разоренной войной Италии и не вызвали там голода.

Все эти причины, а также то обстоятельство, что и войско и сами полководцы были утомлены бесконечными войнами, заставили обе стороны искать мира. При содействии друзей Антоний и Цезарь встретились в Брундизии и заключили между собой новый договор. Все римское государство они поделили на три части, так что Цезарю достались все провинции, западнее иллирийского города Скодра, а Антонию - все, находящиеся на востоке от него. Африка осталась за Лепидом. Цезарю предназначена была война с Помпеем, а Антонию - с

парфянами. Поскольку Фульвия, жена Антония, недавно умерла, договорились, что Антоний женится на Октавии, сестре Цезаря. После этого оба триумвира отправились в Рим и отпраздновали там свадьбу.

Между тем Рим страдал от голода, так как купцов с востока удерживал страх перед Помпеем и Сицилией, а с запада - то обстоятельство, что Сардиния и Корсика были также в руках Помпея; из Африки хлеб не приходил, так как те же враги господствовали на обоих морских берегах. Цены на все продукты в Риме поднялись, и так как причину бедствия видели во вражде между вождями, то их бранили и требовали примирения с Помпеем. Но Цезарь на это не соглашался и готовился к войне. Чтобы собрать средства на нее, он издал закон всем владеющим рабами выплатить за каждого из них в казну по двенадцать с половиной драхм, а также обложил податью лиц, вступающих во владение наследством. Приказ этот был встречен взрывом негодования в народе. В Риме собралась огромная толпа возмущенных; когда же Цезарь вышел к ней, чтобы обратиться с речью, в него полетели камни. Антоний поспешил было ему на помощь, но тоже был встречен градом камней. Тогда он вызвал значительный отряд и солдаты разогнали толпу, многих при этом перебив и поранив. Трупы несчастных Цезарь велел бросить в Тибр. Так прекращена была эта смута, но голод продолжал нарастать и к зиме достиг наивысшей силы.

Цезарь принужден был уступить. Весной 39 г. до Р.Х. он согласился начать мирные переговоры с Помпеем. Помпей с флотом прибыл к Дикеархию. С рассветом вбили посреди моря на небольшом расстоянии колья, настлали на эти колья доски и устроили таким образом два настила. На один из них вошли Цезарь с Антонием, на другой - Помпей с Либоном (он был посредником при переговорах). Переговоры оказались нелегкими. На Сицилию к этому времени бежали многие из проскрибированных. Помпей требовал, чтобы к изгнанию были присуждены лишь убийцы Цезаря, а остальным была дарована амнистия и возвращено их имущество. Цезарь и Антоний согласились с трудом на возвращение им четвертой части имущества. После этого заключен был мир. Помпей обещал не препятствовать торговле, но сохранил под своей властью Сицилию, Сардинию, Корсику и Пелопоннес на тех же основаниях, на каких триумвиры владели своими провинциями. Его ветеранам обещаны были такие же награды, как и ветеранам триумвиров. Все бежавшие к нему из Италии рабы получили свободу, но тех, что бежали после заключения договора, он должен был вернуть их хозяевам. Свои чрезвычайные полномочия триумвиры продлевали еще на четыре года, а затем должны были возвратить управление народу.

Этот договор Цезарь заключил с большой неохотой под давлением обстоятельств. Продемонстрировав свое миролюбие, он вместе с тем продолжал тайно враждовать с Помпеем. Пелопоннес, который следовал тому по договору, он соглашался передать не иначе, как по выплате греками всех наложенных на них податей. Возмущенный этим Помпей вновь начал разбой на море, голод в Италии возобновился, но Цезарь всецело возлагал вину за это на коварного Помпея, а также на нерадивость римлян, которые вместо того, чтобы оружием завоевать себе моря, предпочли получать подачки из рук врагов. И действительно, ему удалось переломить в свою сторону общественное мнение: римляне громко говорили, что мир не принес с собой облегчения, а только посадил им на шею четвертого тирана. В это время Менодор, которому Помпей сначала доверил управление Корсикой и Сардинией, а потом стал подозревать без всякого основания в измене, поспешил перейти на сторону Цезаря вместе со своим флотом, обоими островами и тремя легионами пехоты. Цезарь принял его, и мир оказался окончательно разорван.

Поскольку Помпея нельзя было победить иначе как на море, Цезарь приказал строить корабли в Риме и в Равенне. В 38 г. до Р.Х., когда все было готово, он переправился из Тарента в Регий. Помпей ждал его у Мессены всего с 40 кораблями (нападение произошло неожиданно, и главные силы еще не успели к нему подойти). Цезарь, однако, не решился завязывать сражение в узком проливе. К тому же он поджидал флот Менодора. От Регия он поплыл на север вдоль берегов пролива. Между тем Помпей, успевший собрать большую часть своих кораблей, настиг флот Цезаря у Схиллея и прижал его к скалистому неприступному берегу. Корабли стали наталкиваться друг на друга, налетать на скалы и наполняться водой. Ночь и подход кораблей Менодора не позволили Помпею довершить разгром, но и без того положение

флота Цезаря было отчаянное.

Сам он соскочил с корабля на прибрежные скалы, принимал выплывавших из моря и провожал их на ближайшую гору. Спасшиеся провели ночь на голом скалистом берегу, без пищи и слуг, испытав все лишения. Цезарь, находившийся в таком же положении, обходил их, убеждая потерпеть до зари. Все его рабы разбежались, и у него поначалу даже не было палатки, где бы он мог отдохнуть. На другой день разразилась сильнейшая буря. Помпей успел укрыться со своими кораблями в Мессене, а флот Цезаря был почти полностью уничтожен непогодой (Аппиан: 17; 3, 12, 19, 22, 24, 30-34, 47-52, 56, 65-69, 71-72, 77, 80, 84-90).

Среди этих несчастий произошло радостное для Цезаря событие - после многих неудач, он наконец нашел себе спутницу жизни. В юности он был помолвлен с дочерью Публия Сервилия Исаврика. Однако после первого примирения с Антонием, когда их войны потребовали, чтобы оба полководца вступили в родственную связь, Цезарь взял в жены Клавдию, падчерицу Антония, дочь Фульвии от Публия Клодия, хотя она едва достигла брачного возраста. Поссорившись со своей тещей Фульвией, Цезарь, не тронув жены, отпустил ее девственницей. Вскоре он женился на Скрибонии, которая уже была замужем за двумя консулами и от одного имела детей; но и с нею он развелся в самый день рождения дочери Юлии, как он сам писал, «устав от ее дурного нрава». Теперь же Цезарь увлекся Ливией Друзиллой, женой Тиберия Нерона. Он отнял ее беременной у мужа, женился на ней, и любил ее, как никого, почитая до самой смерти (Светоний: «Август»; 62).

В следующем году война с Помпеем продолжалась. В крайности Цезарь вынужден был обратиться за помощью к Антонию. В начале весны 37 г. до Р.Х. Антоний приплыл для переговоров в Тарент. Поначалу отношения между соправителями были натянутые: Цезарь жаловался, что Антоний задержал свою помощь на такой долгий срок. Антоний послал вперед себя жену, и Октавия сумела смягчить брата. Триумвиры встретились вполне дружелюбно. Цезарь один без телохранителей переплыл в лодке реку Тарент и провел в доме Антония ночь. На следующий день такое же доверие выказал со своей стороны Антоний. Договорились, что Антоний даст Цезарю 120 боевых кораблей для войны с Помпеем, а Цезарь уступит ему 20 000 легионеров для похода против парфян. Свою чрезвычайную власть они продлили еще на пять лет и не старались придать этому решению даже той видимости законности, о которой заботились в первый раз (Аппиан: 17; 93-95).

Отложив начало войны еще на год, Цезарь занялся подготовкой своего флота. Взамен погибших кораблей были отстроены новые. Убыль в экипажах была восполнена за счет 20 000 отпущенных на волю рабов. При Байях Цезарь велел устроить гавань, соединив с морем Лукринское и Авернское озера, и здесь в течение всей зимы тренировал свои войска (Светоний: «Август»; 16).

Наконец, летом 36 г. до Р.Х. Цезарь во второй раз выступил против Помпея. Сам он вел флот из Дикеархии, Лепид с 170 кораблями и 12 легионами направился из Африки к Лилибею, а Тавр с флотом Антония шел из Тарента. По всеобщему мнению, отразить этот тройной удар Помпею было не под силу. Однако вновь, как и два года назад, сильная буря смешала все планы Цезаря. Тавр, правда, успел вернуться в Тарент при первых ее признаках, а Лепид, потеряв много кораблей, все же добрался до Сицилии, но флот самого Цезаря понес такие потери и повреждения, что ему пришлось потратить целый месяц на ремонт кораблей. Цезарь с твердостью воспринял эту новую неудачу. Хотя приближались осень и конец навигации, он решил завершить войну с Помпеем в этом году. Свой флот под командованием Агриппы он отправил к Милам, а сам с кораблями Тавра поплыл к Тавромению.

Агриппа в Милах встретил флот Помпея и атаковал его. После Упорного боя помпеянцы, потеряв 30 своих кораблей и потопив 5 неприятельских, отступили на более мелкое место, куда корабли Агриппы не могли за ними следовать. Цезарь тем временем высадил три легиона под Тавромением. Он был уверен, что Помпей все еще находится под Милами, но тот, оставив там часть кораблей, чтобы вводить в заблуждение Агриппу, внезапно явился под Тавромением и стал теснить врага. Цезарь велел войску ожидать его в укрепленном лагере, а сам с флотом вышел против Помпея. Битва продолжалась целый день и закончилась полным разгромом Цезаря. Большая часть его кораблей была потоплена или сожжена. Другие бежали к берегам Италии.

Сам Цезарь добрался до Абальского залива (Аппиан: 17; 98-99, 105, 107, 109-112). Военачальники Помпея, Демохар и Аполлофан, преследовали его, и он с трудом ускользнул от них на единственном корабле (Светоний: «Август»; 16). Цезарь сошел на берег с одним только оруженосцем - без друзей, телохранителей и рабов. Здесь его, ослабевшего телом и духом, нашли разведчики Мессалы (ему поручил Цезарь в свое отсутствие италийские легионы). Ободрившись, Цезарь стал деятельно собирать корабли и готовить к переправе новые легионы (Аппиан: 17; 112). В эти дни его жизнь не раз подвергалась опасности. Рассказывают, что один раз он шел пешком мимо Локров в Регий и увидел биремы Помпея, двигавшиеся вдоль берега; приняв их за свои, он спустился к морю и едва не попал в плен. А когда после этого он спасался бегством по узким тропинкам, то раб его спутника Эмилия Павла попытался его убить, воспользовавшись удобным случаем, чтобы отомстить за Павла-отца, казненного во время проскрипций (Светоний: «Август»; 16).

Те войска, которые он оставил под Тавромением, вынуждены были выйти из лагеря из-за недостатка продовольствия. С тяжелыми боями, постоянно теснимые помпеянцами, они через безводную местность добрались до Мил и соединились с Агриппой. К этому времени Агриппа овладел Тиндаридой, местечком, изобиловавшим съестными припасами и удобно расположенном для ведения войны на море.

Цезарь переправил в Тиндариду свои войска. Всех сил в Сицилии у него было 21 легион тяжеловооруженных, 20 000 всадников и 5000 легковооруженных. Уже глубокой осенью во время сильных дождей он соединился с войском Лепида, и они оба расположились лагерем близ Мессены. Их отряды рассыпались по всей Сицилии, подвергая ее грабежам и опустошению.

Помпей не решался начать сухопутное сражение. Гордясь своим флотом, он послал к Цезарю вызов и предложил решить исход войны морской битвой. Цезарь согласился, хотя прежде ему не везло ни в одном его морском предприятии. Был назначен день, к которому обе стороны снарядили по 300 кораблей. Цезарианским флотом командовал Агриппа, наиболее талантливый из всех полководцев Цезаря. Цезарь поверил в его удачу и не ошибся. На виду у двух сухопутных армий вблизи Навлоха развернулось грандиозное морское сражение, протекавшее с большим ожесточением. Исход его долго казался неясным, но в конце концов Агриппа прижал помпеянский флот к берегу и полностью уничтожил. Успели спастись только 17 кораблей. Помпей укрылся в Мессену, бросив свою сухопутную армию. В тот же день она сдалась Цезарю. Когда весть о поражении достигла Лилибея, его гарнизон также капитулировал. Помпей бежал из Сицилии. Восемь легионов, оставленные им в Мессене, перешли на сторону Лепида.

Располагая теперь 22 легионами, Лепид стал строить планы, каким образом он может сохранить Сицилию для себя, не отдавая ее Цезарю. Он послал приказ во все города, в которых уже стояли его гарнизоны, не впускать к себе ни Цезаря, ни его полководцев. Таким образом, только что закончив одну войну, Цезарь оказался перед угрозой новой.

Впрочем, скоро выяснилось, что Лепид не рассчитал своих сил. Даже его собственные солдаты не одобряли его распри с Цезарем. Что же касается недавних помпеянцев, только что перешедших на его сторону, то их такой оборот дела устраивал еще меньше, ведь в случае поражения Лепида они уже никак не могли рассчитывать на снисхождение со стороны Цезаря. Зная о настроениях солдат, Цезарь с незначительной охраной вдруг явился в лагерь Лепида. Он обратился к солдатам и сказал, что не желает войны. Те приветствовали его как императора, а помпеянцы тотчас перешли на его сторону. Узнав в чем дело, Лепид напал на Цезаря. В завязавшейся схватке некоторые спутники его были убиты, самого Цезаря ударили копьем, но не пробили панциря. Он поспешно отступил за укрепления.

Однако дерзкий его поступок не прошел без последствий. Воины Лепида стали перебегать к Цезарю, сначала по одиночке, потом группами, и наконец целыми легионами. Цезарь принимал всех. Когда его спросили, что делать с Лепидом, он велел сохранить ему жизнь. Он лишил Лепида всех полномочий и отпустил в Рим, где тот жил до смерти как частный человек. Африка и Сицилия были присоединены к владениям Цезаря. Так счастливо закончилась эта война, самая тяжелая из всех, какие пришлось вести Цезарю.

Возвратившись в Рим, Цезарь обратился к делам государства. Он простил все недоимки

по налогам и откупам, чем вызвал всеобщую радость и ликование. Но это был только первый шаг. Цезарь понимал, что много надо сделать для того, чтобы вернуть разоренной до последних пределов стране былое процветание. Италия была наводнена шайками беглых рабов, мародеров и отщепенцев всякого рода. Наглость грабителей не знала пределов. Цезарь повел против них настоящую войну и предал всех пойманных массовому истреблению. Не прошло и года, как снова повсюду установились мир и безопасность, и Цезарь заслужил общее изумление столь быстрым и неожиданным восстановлением порядка. Он вернул многие права в государственном управлении ежегодным должностным лицам, согласно отцовским законам, сжег документы, относящиеся ко времени смут, и обещал вполне восстановить государственный строй после возвращения Антония из парфянского похода. Сам Цезарь стал готовиться к походу против иллирийцев, которые своими набегами опустошали берега Италии (Аппиан: 17; 113-126, 129, 132). Он двинулся в Иллирию в 35 г. до Р.Х. Многие племена на побережье подчинились ему без боя. С другими ему пришлось вести упорную борьбу. К 33 г. завоевание Иллирии было завершено (Аппиан: 9; 16-28).

Тем временем постепенно назревала война с Антонием. Тот жил в Александрии и, охваченный любовью к египетской царице Клеопатре, совершенно потерял голову. Мало того, что он наносил оскорбление своей жене и сестре Цезаря, открыто сожительствуя с другой женщиной, он вызвал к себе волну ненависти со стороны римлян еще и тем, что поделил восточные провинции Римской державы между своими детьми от нее. Своего старшего сына Александра он провозгласил царем Армении, Мидии и Парфии, а младшего, Птолемея, - царем Финикии, Сирии и Киликии. Донося об этом сенату и часто выступая перед народом, Цезарь ожесточил римлян против Антония. Не оставаясь в долгу, Антоний посылал своих людей с ответными обвинениями. Важнейшие из них были таковы. Во-первых, отняв у Помпея Сицилию, Цезарь не выделил части острова ему, Антонию. Во-вторых, он не вернул суда, которые занял у Антония для войны с Помпеем. В-третьих, лишил власти Лепида и сам распорядился его войском, его провинцией и назначенными ему доходами. И, наконец, чуть ли не все земли в Италии он поделил между своими воинами, солдатам же Антония не оставил ничего. Оправдываясь, Цезарь заявлял, что Лепида он отрешил от власти за наглые бесчинства, что военною добычею готов поделиться с Антонием, если и тот поделится с ним своим завоеванием - Арменией, и что на Италию у солдат Антония никаких притязаний быть не может: ведь в их распоряжении Мидия и Парфия, земли, которые они присоединили к Римской державе, отважно сражаясь под начальством своего императора.

Получив этот ответ, Антоний в 32 г. до Р.Х. послал в Рим своих людей с приказанием выдворить Октавию из своего дома и стал готовиться к войне. Узнав о стремительности и размере вражеских приготовлений, Цезарь был в тревоге. Он опасался, как бы не пришлось начать военные действия в то же лето; между тем ему еще многого не доставало для войны, в добавок повсюду звучал ропот, вызванный высокими налогами. Свободнорожденные должны были внести в казну четверть своих доходов, а вольноотпущенники - восьмую долю всего имущества, и каждый гневно зывал к Цезарю, вся Италия волновалась. Поэтому величайшей ошибкой Антония считали промедление: он дал Цезарю время приготовиться, а волнениям - улечься, ибо пока шли взыскания, люди негодовали, но, заплатив, успокоились.

Когда Цезарь счел свои приготовления достаточными, было постановлено начать войну против Клеопатры и лишить Антония полномочий, которые он уступил и передал женщине. У Антония было не менее 500 боевых кораблей, 100 000 пехоты и 12 000 конницы. У Цезаря было 250 судов, 80 000 пехотинцев и 12 000 конницы. Зная о своем двойном преимуществе на море, Антоний предполагал решить войну морским сражением. Хотя ему и указывали на то, что для такого большого количества кораблей нельзя собрать достаточного количества гребцов и потому они будут медленны и неповоротливы, Антоний в угоду Клеопатре не изменил своего мнения. Между тем флот Цезаря был оснащен безупречно.

В сентябре 31 г. до Р.Х. оба флота встретились в Греции у мыса Актя. Сам Цезарь распорядился на правом фланге, а левый поручил Агриппе. Как многие и предвидели, суда Антония оказались никуда не годными. Из-за недостатка гребцов они не могли набрать разгона, от которого, главным образом, и зависит сила тарана. Корабли Цезаря легко избегали ударов, обходили врага с борта и нападали с тыла. Тем не менее исход битвы еще далеко не был решен,

когда 60 египетских кораблей, руководимые Клеопатрой, вдруг разом обратились в бегство. Едва Антоний увидел это, он, словно обезумев, бросил сражение и кинулся догонять Клеопатру. Флот его еще продолжал сражаться некоторое время, но к вечеру прекратил сопротивление. Цезарь захватил более трехсот боевых кораблей. Через неделю сдалось и все сухопутное войско - 19 легионов и массы конницы.

После этого Цезарь поплыл в Афины, примирился с греками и разделил остатки сделанных для войны хлебных запасов между городами, которые терпели жесточайшую нужду - ограбленные, лишенные всех своих денег, скота и рабов (Плутарх: «Антоний»; 54- 57, 60-62, 65, 66, 68). Зимой Цезарь хотел провести на Самосе, но тут пришли тревожные вести из Рима, что отборные отряды, отосланные им после победы в Брундизий, взбунтовались и требуют наград и отставки, - он тотчас пустился обратно в Италию. Дважды в пути его застигали бури - один раз между оконечностями Пелопоннеса и Этолии, другой раз против Керавнийских гор, в обеих бурях часть его либурнийских галер погибла, а на корабле, где плыл он сам, были сломаны снасти и поломан руль. В Брундизии он задержался только на двадцать семь дней, пока не устроил все по желанию солдат, а затем вернулся в Грецию (Светоний: «Август»; 17).

Весной 30 г. до Р.Х. Цезарь двинулся в Египет через Сирию, а его полководцы - через Африку. Пелусий сдался римлянам без боя. Цезарь подошел к Александрии, и здесь возле Конского ристалища конница Антония имела с ним удачное сражение. Но эта незначительная победа не могла уже изменить судьбы Антония. Остатки его флота перешли на сторону Цезаря, за ними последовала конница, только пехота вступила в бой, но потерпела поражение.

Покинутый всеми Антоний покончил с собой, заколовшись мечом. Когда Цезарю сообщили об этом, он ушел в глубину палатки и заплакал, горюя о человеке, который был его свойственником, соправителем и товарищем во многих делах и битвах. Потом, достав письма, он кликнул друзей и принялся им читать, чтобы они убедились, как дружелюбно и справедливо писал он и с какой грубостью, с каким высокомерием всегда отвечал Антоний. Затем он велел захватить Клеопатру и зорко следить за тем, чтобы она не покончила с собой. Всех александрийцев он помиловал ради славы их города. Но Антулла, старшего сына Антония от Фульвии, Цезарь велел обезглавить. Позже был умерщвлен и сын Клеопатры Цезарион, которого она родила от старшего Цезаря. Саму Клеопатру Цезарь хотел провести по Риму во время триумфа как пленницу, но она, не смотря на строгий надзор, отравилась (Плутарх: «Антоний»; 74, 76, 78, 80, 81, 86).

Цезарь обратил Египет в провинцию; а чтобы та была плодороднее и больше давала хлеба столице, он заставил солдат расчистить заплывшие от давности илом каналы, по которым разливается Нил. Возвратившись в 29 г. до Р.Х. в Рим, он справил тройной триумф: далматский, актийский и александрийский в течение трех дней подряд.

По возвращении Цезарь подверг чистке сенат, который давно уже разросся и превратился в беспорядочную толпу - в нем было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти старшего Цезаря по знакомству или за взятку. Просмотрев сенатские списки, Цезарь многих вычеркнул и вернул сенат к прежней численности (600 человек) и прежнему блеску. Говорят, что при этом он сидел на председательском месте в панцире под одеждой и при оружии, а вокруг стояли десять самых сильных его друзей из сената. Каждого сенатора подпускали к нему поодиночке и обыскав. Некоторых он усостыдил, так что они добровольно отреклись от звания. Он распорядился отныне созывать сенат лишь два раза в месяц, а при себе завел совет, с которым обсуждал дела перед тем, как предоставить их полному сенату.

В 27 г. до Р.Х., по предложению Мунация Планка, сенат предложил Цезарю именоваться Августом, как спасителю отечества. Это имя он принял с благодарностью и носил до самой смерти. Тогда же устроен был раздел провинций между ним и сенатом. Август взял на себя те из них, которые были значительны и управлять которыми годичными наместниками было трудно и небезопасно. В дальнейшем он, впрочем, посещал и те и другие и, объехав всю державу, не был, кажется, только в Африке и Сардинии.

В 26 г. до Р.Х. Август вел войну против кантабрийцев в Испании, закончившуюся их покорением. Поход этот едва не стоил ему жизни. Он вообще отличался слабым здоровьем и недомоганиями, которые повторялись у него каждый год в определенное время: около своего

дня рождения он обычно чувствовал расслабленность, ранней весной страдал от расширения предсердия, а при южном ветре - от насморка. По возвращении же из Испании его донимала болезнь печени. Августа лечили горячими припарками, но без всякого результата. Наконец, к 23 г. до Р.Х. болезнь приняла такой опасный характер, что Август стал готовиться к смерти. Тогда он подумал о восстановлении республики и отказался от консульской власти, которой пользовался непрерывно с 31 г. до Р.Х. Он даже вызвал к себе сенаторов и должностных лиц и передал им книги государственных дел. Вскоре врач Антоний Муза стал лечить его необычным и сомнительным способом: холодными припарками. Против ожидания, средство помогло, и Август совершенно оправился. Тогда сенаторы на свои деньги поставили Антонию статую возле изваяния Эскулапа. А в Италии весть о выздоровлении Августа была встречена с таким ликованием, что многие города день, когда он впервые их посетил, сделали началом нового года. Выздоровев, Август отказался от мысли о восстановлении республики. Он считал, что опасно отдавать вновь государство в руки многих правителей.

Он остался во главе страны, хотя официально его особое положение не было ничем закреплено. После болезни он семнадцать лет отказывался от консульства, приняв на себя лишь пожизненную власть народного трибуна и проконсула. Говорят, что, когда народ в 22 г. до Р.Х. предложил ему диктаторскую власть, он спустил с плеч тогу и, обнажив грудь, умолял его от этого избавиться. Сам себя он именовал принцепсом (то есть первым в списке сенаторов). Имени же «государь» он всегда страшился как оскорбления и позора. Ни внешностью, ни образом жизни он старался не выделяться среди других. Когда он бывал консулом, то обычно передвигался пешком, когда не был консулом - в закрытых носилках. К общим утренним приветствиям он допускал и простой народ и принимал от него прошения с необычайной ласковостью. Сенаторов в дни заседаний он приветствовал только в курии на их местах, к каждому обращаясь по имени, без напоминания; даже уходя и прощаясь, он не заставлял их вставать с места. Со многими он был знаком домами и не переставал бывать на семейных праздниках. За вольные и строптивые речи от него никто не пострадал. Присутствуя на выборах должностных лиц, он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю. Он и сам подавал голос в своей трибе, как простой гражданин. Выступая свидетелем в суде, он терпел допросы и возражения с редким спокойствием. Жил он сначала близ форума в доме, принадлежавшем когда-то оратору Кальву, а потом - на Палатине, в доме Гортензия; но и этот дом был скромный, не примечательный ни размером, ни убранством, - даже портики были короткие, с колонами из альбанского камня, а в комнатах не было ни мрамора, ни штучных полов. Больше сорока лет он спал в одной и той же спальне зимой и летом, и зиму всегда проводил в Риме. Работал он в особой комнате наверху. Если он бывал болен или хотел отдохнуть, то перебирался на виллу к кому-нибудь из вольноотпущенников или в дом своего друга Мецената. Отдыхать он ездил или в Кампанию или в какой-нибудь городок недалеко от Рима, а в старости полюбил бывать на Капри. Больших и роскошных домов он не терпел, статуй и картин не покупал, но зато собирал старинные доспехи и огромные кости доисторических животных. Столы и ложа, которыми он обычно пользовался, едва ли могли Удовлетворить даже простого обывателя. Постель же у него была низкая и жесткая. Одежду он носил только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочкой или внучками. Званные обеды, которые Август устраивал для своих друзей, отличались больше радушием, чем изысканностью. Обычно подавали три блюда, самое большее - шесть. Сам он ел очень мало и непряхливо. Любил грубый хлеб, мелкую рыбешку, влажный сыр и зеленые фиги. Вина же вообще пил очень мало.

По мере возможностей Август старался и сограждан своих вернуть к нормам древней римской морали. С этой целью в 18 г. до Р.Х. он пересмотрел старые законы и ввел некоторые новые: например, о роскоши, о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для всех сословий. Строгость этих законов вызвала много нареканий, и в дальнейшем Августу пришлось их смягчить. В том же году во второй раз пересмотрели список сенаторов, но на этот раз сенаторы сами выбирали друг друга. Лабеон подал голос за жившего в ссылке Марка Лепида, а на вопрос Августа, неужели не нашлось никого достойнее, ответил: «У каждого свое мнение». Говорят, что эта дерзость сошла ему с рук.

Свою дочь Юлию Август выдал за боевого соратника Агриппу. Не имея наследников

мужского пола, он в 17 г. до Р.Х. усыновил своих внуков от Агриппы - Гая и Луция. Их он с детства приблизил к государственным делам и посылал в провинции и в войска как назначенных консулов. Пишут, что он был строгим воспитателем. Дочь и внучек он даже обучил прясть шерсть; он запрещал им все, чего нельзя было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник. Внуков он сам обучал чтению и письму и другим начальным знаниям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк. Когда он обедал, они всегда сидели при нем на нижнем ложе, а когда он путешествовал, они ехали впереди в повозке или скакали по сторонам. Свое последнее, тринадцатое, консульство (во 2 г. до Р.Х.), Август специально испросил для того, чтобы в этой высшей должности вывести к народу своих приемных сыновей Гая и Луция в день совершеннолетия каждого. Но несмотря на все это ни в детях, ни во внуках ему не было удачи. Обоих Юлий, дочь и внучку, запятнанных всеми пороками, ему пришлось сослать (во 2 г. до Р.Х.) Гая и Луция он потерял одного за другим через восемнадцать месяцев - Гай скончался в Ликий, Луций - в Массилии. Он усыновил на форуме перед собранием курий своего третьего внука Агриппу и пасынка Тиберия - но от Агриппы за его низкий и жестокий нрав он вскоре отрекся и сослал его в Соррент. Смерть близких была ему не так тяжела, как их позор. Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома и всегда в точности узнавал, какого тот возраста, роста и вида. Только пять лет спустя он перевел ее с острова на материк и немного смягчил условия ссылки; но о том, чтобы совсем ее простить, не могло быть и речи.

Между тем известно, что сам Август в молодости был очень падок до женщин и имел связь со многими матронами. Даже в старости он был равнодушен к сладострастным утехам и был, как говорят, большим любителем молоденьких девушек, которых ему отовсюду добывала сама жена.

Избранный после смерти Лепида, в 12 г. до Р.Х., великим понтификом Август велел собрать и сжечь все лжепророческие книги, в большом количестве ходившие в народе. Календарь, введенный Цезарем, но затем по небрежению пришедший в расстройство и беспорядок, он восстановил в прежнем виде; при этом преобразовании он назвал августом месяц своего первого консульства и самых славных побед (получилось так, что именно в августе он потом и скончался).

О красоте и величии Рима Август заботился постоянно. В 7 г. до Р.Х. он разделил весь город на округа и кварталы. Для охраны от пожаров он расставил посты и ввел ночную стражу для предотвращения наводнений, расширил и очистил русло Тибра. Все дороги к столице он велел отремонтировать и вымостить. Священные постройки, рухнувшие от ветхости, Август восстановил и украсил богатыми приношениями. Он выстроил очень много общественных зданий; из них важнейший - форум с храмом Марса Мстителя. Многие здания он построил под чужим именем, от лица своих внуков, жены и сестры. Видным гражданам он настойчиво советовал украшать город по мере возможностей каждого, воздвигая новые памятники или восстанавливая или улучшая старые. Он по праву гордился сделанным и говорил, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным.

Военным делом Август занимался много и упорно, постепенно перестраивая армию и добиваясь строгой дисциплины. Так, например, после гражданских войн он ни разу не называл солдат «соратниками», а только «воинами», ибо находил это слишком льстивым для военных порядков. Проверки и учения он проводил постоянно и строго взыскивал за малейшие упущения. Всем воинам, где бы они ни служили, он назначил единое жалование и награды, определив для каждого чины и сроки службы и пособие при отставке, чтобы после отставки ни возраст, ни бедность не побуждали их к мятежам. Чтобы средства для жалования и наград всегда были наготове, он учредил военную казну и обеспечил ее за счет новых налогов.

В награду за свои труды Августу, третьему из всех римлян, во 2 г. до Р.Х. было пожаловано народом и сенатом почетное имя отца отечества, причем первыми это сделали плебеи и только потом - сенаторы.

Несмотря на слабое здоровье, Август дожил до глубокой старости и умер достаточно неожиданно. В 14 г. он провожал своего пасынка и соправителя Тиберия в Иллирик. По дороге у него начал болеть желудок. Но он все же доехал до Неаполя. Здесь болезнь его Усилилась, и

на обратном пути в Ноне он слег. Перед смертью он велел причесать себя и поправить отвисшую челюсть. А когда вошли Друзья, он спросил их, как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

Коль хорошо сыграли мы,
похлопайте
И проводите добрым нас
напутствием.

Ливии, которая держала его голову на коленях, он сказал: «Ливия, помни, как жили мы вместе! Живи и прощай!» С этими словами он испустил дух. И в смерти, как и во всем остальном, он был счастлив, так как умер легко, словно уснул (Светоний: «Август»; 7, 18, 20-22, 25-30, 34-35, 47, 49, 52-54, 56, 58-59, 63-65, 69, 71-74, 76, 81, 97-99).

АВИТ

Римский император в 455-456 гг. Умер 456 г.

Авит происходил из богатой галльской семьи. Более тридцати лет он провел на римской государственной службе. Сидоний пишет, что он выдвинулся, выполняя ответственные дипломатические поручения полководца Аэция, а потом был возведен в звание преторианского префекта Галлии. Затем, удалившись от всех дел, он некоторое время проживал на своей вилле в окрестностях Клермона. Император Максим назначил Авита главным начальником кавалерии и пехоты в Галлии. В короткий срок ему удалось прекратить опустошительные набеги варваров. Для того, чтобы заручиться поддержкой вестготского короля Теодориха, он в мае 455 г. отправился в Тулузу. Здесь его застигло известие о смерти Максима и об опустошении Рима вандалами. Авит загорелся желанием захватить престол. Теодорих согласился помогать ему в этом предприятии, и 10 июля в Арлеате на собрании представителей семи галльских провинций Авит был провозглашен императором. Однако ни римский сенат, ни сами римляне не одобрили этого выбора. Уступая их настоятельным просьбам, император поселился не в Равенне, а в Риме, но от этого их ненависть и презрение к нему не уменьшились. Часть сенаторов вступила в тайные переговоры с полководцем Рецимером, свевом по происхождению, на которого Авит возложил оборону Италии. В 456 г. Рецимер поднял восстание. После непродолжительного и безуспешного сопротивления Авит отрекся от власти. Рецимер разрешил ему стать епископом в Плаценции, но сенат потребовал смерти низложенного императора (Гиббон: 36). Авит попытался укрыться в Галлии, однако по дороге умер от моровой язвы (Евагрий: 2; 7).

АВРЕЛИАН, Луций Домиций

Римский император в 270-275 гг. Род. в 214 г. Умер 275 г.

Аврелиан происходил из провинции Мезии. Отец его, по свидетельству Виктора Аврелия, был колоном в поместье сенатора Аврелия (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 35). Мать же его была жрицей храма непобедимого Солнца. С раннего детства Аврелиан проявлял исключительные природные дарования. Обладая выдающейся силой, он, не пропуская ни одного дня, даже праздничного, упражнялся в метании копья, пускании стрел и во всем прочем, что относится к военному делу. Он имел привлекательную внешность, отличался мужественной красотой, был довольно высокого роста и обладал очень большой физической силой. В молодости он служил в Иллирике и постоянно участвовал в боях с сарматами и готами. Говорят, что в разных схватках им было перебито больше девятистот врагов и что он заслужил среди товарищей прозвище «рубачи».

При Валериане он командовал шестым Галльским легионом и нанес под Могонциаком сильное поражение франкам. К своим подчиненным он всегда был безмерно строг и жестокими казнями внушал воинам такой страх, что при нем не допускалось никаких нарушений дисциплины. Император Валериан, отдавая должное заслугам Аврелиана, писал о его

строгости: «Это строгость чрезмерная, переходящая всякие границы, тяжкая и уже не соответствующая нашему времени». Тем не менее он очень ценил Аврелиана, поручал ему ответственные дела и обещал консульство. В дальнейшем Аврелиан был одним из ближайших полководцев императора Клавдия, который доверил ему фракийские войска и войну против эрулов.

После смерти Клавдия и его брата Квинтилла Аврелиан весной 270 г. добился единоличной верховной власти и был провозглашен императором всеми легионами. Новый правитель принял государство в очень тяжелом положении: страна находилась во власти тиранов - в Галлии и на Востоке уже много лет правили самопровозглашенные императоры, полчища варваров грабили Фракию и Македонию, проникли в Италию и угрожали самому Риму, отчего в столице происходили сильные возмущения и мятежи. Необходимо было действовать твердо и стремительно. Летом Аврелиан нанес поражение вандалам, а затем сразу обратился против алеманов и разгромил их под Медиоланом. Но в следующем году римляне потерпели тяжелое положение под Плаценией (Вописк: «Аврелиан»; 4, 6-8, 11, 16-18). Германцы неожиданно напали ночью на легионы, которые были утомлены длинным переходом и не успели выстроиться в боевой порядок. После страшной резни ценой огромных потерь Аврелиану удалось отразить нападение (Гибон: 11). Сразу после этого в Далмации поднял восстание Септимий, а готы ворвались во Фракию и Иллирию. Только после победы, которую Аврелиан одержал на реке Тициане над объединенными силами германцев, опасность с этой стороны на некоторое время миновала.

Окончив войну с варварами, Аврелиан устремился в Рим, преисполненный гнева и охваченный жаждой мщения, которого требовала серьезность мятежей. Всех зачинщиков беспорядков он казнил без всякой пощады. Были убиты даже некоторые из родовитых сенаторов на основании легковесных обвинений, которые более мягкий государь мог бы оставить без внимания. Добившись этими жестокими мерами того, что в столице его стали бояться так же, как и в армии, Аврелиан приступил к укреплению Рима. За долгие десятилетия, которые Италия прожила в мире, старые крепостные стены пришли в негодность. Император приказал возводить новые, более мощные и соответствующие увеличившимся размерам города (Вописк: «Аврелиан»; 21-22). Он первый среди римлян надел на голову диадему, украшенную золотом и драгоценными камнями, что до того казалось совершенно чуждым римским обычаям (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 35).

Осенью 271 г. Аврелиан начал большой восточный поход. Во Фракии и Иллирике он нанес новые поражения готам, затем разбил готского вождя Каннаба. Но несмотря на этот успех он ликвидировал провинцию Дакию за Дунаем, образованную Траяном, ибо после разорения Мезии и Иллирии отчаялся вернуть ее обратно. Он вывел римлян из городов и полей дакийских, расселил их в центре Мезии и назвал это место Дакией (Евтропий: 9; 15). В начале 272 г. Аврелиан через Византий прошел в Вифинию и занял ее без боя. Отсюда он двинулся против пальмирской царицы Зенобии, которая после смерти своего мужа Одената (провозгласившего себя императором еще при Галлиене), управляла восточными провинциями империи. Под Эмесой произошел крупный бой с Зенобией и ее союзником Забой. Одно время исход сражения был неясен. Конница римлян обратилась в бегство, но пехота выстояла и в конце концов пальмирцы были разбиты. В Эмесе Аврелиан с большим торжеством посетил храм Эль-Габала и затем объявил, что именно благодаря поддержке этого божества он одержал свои победы. Поэтому он и здесь заложил храмы, сделав необыкновенные приношения, и в Риме позже соорудил храм Солнцу. Весной 272 г. он направился в Пальмиру, чтобы завоевать этот город. В пути он много перенес от сирийских партизан, которые не раз нападали на его войско, а во время осады подвергся большой опасности, даже был ранен стрелой. Пальмирцы защищались с большим упорством: на головы римлян обрушены были тучи стрел и копий. Сам Аврелиан писал в Рим, что нет такого места на стене, где бы не стояли по две или три баллисты. Метательные орудия выбрасывали даже огонь. Но ничего не могло уже спасти осажденных: Пальмира была взята, а сама царица оказалась в плену.

Осенью 272 г. Аврелиан победителем вернулся в Европу и разбил карпов. По его уходу в 273 г. сирийцы подняли большое восстание, вновь отложились от Рима и вручили власть некоему Ахиллу, родственнику Зенобии. Аврелиан во второй раз взял Пальмиру и на этот раз

подверг ее полному разрушению. Тогда же некий Фирм овладел Египтом. Аврелиан немедленно двинулся против него и нанес ему поражение. Александрийцев он покарал за измену тем, что разрушил Брухион. Покончив с делами на востоке, Аврелиан двинулся на Тетрика, правившего отпавшей Галлией (Вописк: «Аврелиан»; 22, 25-26, 28, 30-32). Здесь он легко одержал победу вследствие предательства самого вождя. Дело в том, что Тетрик, неоднократно подвергавшийся нападениям со стороны солдат, в письме просил защиты у Аврелиана, и, когда тот прибыл, выстроил для вида против него строй и сдался ему, как бы в ходе сражения. Ряды его солдат, - что естественно при отсутствии вождя, - были смяты и рассеяны; сам он после блестящего двухгодичного правления был проведен в триумфальном шествии, но потом получил наместничество в Лукании. Тем временем в самом Риме были разгромлены поднявшие восстание ремесленники-монетчики (Виктор: «О Цезарях»; 35). Таким образом за четыре года был положен конец многолетней смуте: империя восстановлена в прежних пределах, а варвары побеждены и отброшены за ее границы.

В 275 г. Аврелиан во главе большой армии двинулся в новый восточный поход - на этот раз против персов. Но в пути, в местечке Кенофурии, между Гераклеей и Византием, он был убит из-за козней своего письмоводителя Мнестея. Этого Мнестея император подозревал в каких-то преступлениях. Зная это, письмоводитель составил список лиц, якобы подозреваемых императором, в который наряду с именами тех, на кого Аврелиан действительно гневался, включил также имена тех, о ком тот не думал ничего дурного. Мнестей добавил к ним и свое имя, чтобы проявляемое им беспокойство вызвало больше доверия. Он прочитал список отдельным лицам, имена которых в нем значились, добавляя, что Аврелиан решил всех их убить и что они, если настоящие мужчины, должны позаботиться о собственной жизни. Страх овладел теми, кто заслужил кару, а скорбь - теми, кто не имел вины, так как Аврелиан, казалось, не чувствовал признательности за все оказанные ему благодеяния. Внезапно они напали на государя и умертвили его (Вописк: «Аврелиан»; 33, 35-36).

АГАСИКЛ

Легендарный спартанский царь из рода Эврипонтидов в конце VII - начале VI в. до Р.Х. (Павсаний: 3; 7; 5-7).

АГЕСИЛАЙ I

Легендарный царь Лаконики (IX в. до Р.Х.) из рода Агидов. При Агесилае были приняты законы Ликурга (Павсаний: 3; 2).

АГЕСИЛАЙ II

Царь лакедемонян (398-361 гг. до Р.Х.) из рода Эврипонтидов. Род. ок. 444 г. до Р.Х. Умер ок. 360 г. до Р.Х.

Царь Архидам II, правивший лакедемонянами с большой славой, оставил после себя сына по имени Агис от своей первой жены Лампидо, женщины замечательной и достойной, и второго, младшего - Агесилая от Эвополии. Так как власть царя по закону должна была перейти Агису, а Агесилаю предстояло жить как обыкновенному гражданину, он получил обычное спартанское воспитание, очень строгое и полное трудов, но зато приучающее юношей к повиновению. Детей же, которых ожидала царская власть, закон освобождал от подобных обязанностей.

Когда Агесилай находился в так называемых агелах вместе с другими мальчиками его возлюбленным был Лисандр, пленившийся, прежде всего, его природной скромностью и сдержанностью, ибо, блистая среди юношей пылким усердием, желая быть первым во всем, обладая крепостью тела и живостью нрава, которую ничем нельзя было сдержать, Агесилай отличался в то же время таким послушанием и кротостью, что все приказания выполнял не за страх, а за совесть: его более огорчали упреки, чем трудная работа. Красота его в юные годы

делала незаметным телесный порок - хромоту. К тому же он переносил ее легко и жизнерадостно, всегда первым смеялся над своим недостатком и этим как бы исправлял его. От этого еще более заметным делалось его честолюбие, так как он никогда не выставлял свою хромоту в качестве предлога, чтобы отказаться от какого-либо дела или работы.

Есть сведения, что Агесилай был небольшого роста и с виду ничем не замечателен, но живость и жизнерадостность при любых обстоятельствах, веселый нрав, привлекательные черты и приятный голос до самой старости привлекали к нему людей.

После смерти Агиса II возник спор из-за царской власти между его сыном Леонтихидом и Агесилаем. Агесилай обвинил Леонтихида в том, что тот незаконнорожденный. В самом деле, всем было хорошо известно, что вскоре после своего прибытия в Спарту, во время землетрясения, Алквад в страхе выбежал из спальни Тимеи, жены Агиса, и этому позору было множество свидетелей. А Леонтихид родился как раз через десять месяцев после этого. Сам Агис никогда не считал Леонтихида сыном. На это Леонтихид возражал, что Агис, в присутствии многих свидетелей перед смертью отрекся от своих заблуждений и назвал его сыном. Дело таким образом становилось не совсем ясным. К тому же прорицатель Диониер вспомнил одно древнее прорицание:

Спарта! Одумайся ныне! Хотя
ты с душою надменной
Поступью твердой идешь, но
власть возрастишь ты хромую.
Много придется тебе неожиданных
бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны
губительной волны.

Это пророчество прозрачно намекало на хромоту Агесилая, но Лисандр, бывший в то время в зените своего могущества, возразил, что пророчество это говорит скорее в пользу Агесилая, чем Леонтихида. «Ибо, - сказал он, - божеству безразлично, если царствует кто-либо хромающий на ногу, но если царем будет незаконнорожденный и, следовательно, не потомок Геракла, то это и будет „хромым пареньем“».

При таких обстоятельствах Агесилай и был провозглашен царем; он тотчас вступил во владение имуществом Агида, лишив этого права Леонтихида, как незаконнорожденного. Однако, видя, что родственники Леонтихида с материнской стороны, люди вполне порядочные, сильно нуждаются, Агесилай отдал им половину имущества; так, вместо зависти и недоброжелательства, он стяжал себе славу и расположение граждан. Такую же предусмотрительность и дальновидность Агесилай проявил в государственных делах. В то время самой большой силой в государстве были эфоры и геронты; первые из них находились у власти только один год, вторые же сохраняли свое достоинство пожизненно и имели полномочия, ограничивающие власть царей. Поэтому цари с давних времен жили с ними в раздорах, передавая эту вражду от отца к сыну. Но Агесилай избрал другой путь. Вместо того чтобы ссориться с ними и делать их своими врагами, он всячески угождал им, не предпринимая ничего без их совета, а будучи призванным, всегда торопился явиться как можно скорее. Всякий раз, когда эфоры подходили в то время, как он, сидя на царском троне, решал дела, он поднимался им навстречу, каждому вновь избранному геронту он всегда посылал в качестве почетного дара теплый дар и быка. Этими поступками он хотел показать, что почитает их и тем возвышает их достоинство, в действительности же незаметно для окружающих все более укреплял собственное могущество и увеличивал значение царской власти благодаря всеобщему расположению, которым он пользовался (Плутарх: «Агесилай»; 1-3).

Едва успел Агесилай вступить на царствование, как из Финикии прибыл какой-то сиракузец Герод и сообщил, что видел там финикийские триеры: одни приплывали из других мест, другие экипировались на месте, третьи еще только строились. Всего их, как он слышал, должно было собраться триста. Этот флот снаряжался царем и сатрапом Тиссаферном для похода неизвестно куда. Лакедемоняне были очень обеспокоены этим, созвали союзников и

стали думать, что им делать. Лисандр, считая, что греки будут значительно превосходить персов на суше и на море, убедил Агесилая взять на себя поход в Азию при условии, что ему будут даны тридцать человек спартиатов, до двух тысяч неодамодов и до шести тысяч союзнических контингентов. Когда Агесилай сделал заявление о предпринимаемом им походе, лакедемоняне дали ему все, что он просил, да еще на шесть месяцев хлеба и зерна. Совершив жертвоприношения, Агесилай отправился в путь. Перед плаванием в Азию, он решил отправиться в Авлиду и принести жертву на том месте, где Агамемнон совершил жертвоприношение перед отплытием в Трою. Но когда он туда прибыл, беотархи, узнав о его намерениях, послали всадников с запрещением продолжать жертвоприношение; всадники эти сбросили с алтаря части лежащих на нем жертвенных животных. Агесилай пришел в страшный гнев и, призывая в свидетели богов, сел на корабль и отплыл (в 396 г. до Р.Х.). Он прибыл в Гераст, собрал там как можно больше войска и двинулся на Эфес (Ксенофонт: 3; 4; 1-2).

Сначала Тиссаферн, боясь Агесилая, заключил с ним договор, по которому персидский царь обещал предоставить греческим городам в Азии свободу и право жить по собственным законам. Однако позже, решив, что у него уже достаточно сил, он начал войну. Агесилай охотно принял вызов, так как возлагал большие надежды на свой поход. При этом он сделал вид, что собирается выступить в Карию. Когда же там собрались воинские силы варваров, он неожиданно вторгся в Фригию. Здесь он завоевал много городов и захватил большие богатства.

Когда подошло время для возобновления военных действий, Агесилай повел войско в Лидию и прибыл на равнину у Сард (в 395 г. до Р.Х.). Тиссаферн напал со своей конницей на воинов противника, которые разбрелись по равнине с целью грабежа, и многих из них уничтожил. Но Агесилай немедленно нанес ответный удар: поставив легкую пехоту между всадниками, он приказал воинам выступить на противника, не теряя ни минуты, а сам следом повел тяжелую пехоту. Варвары были обращены в бегство, и греки, устремившись в погоню, многих убили и захватили вражеский лагерь. Узнав о поражении своей армии, Артаксеркс II велел отрубить Тиссаферну голову, а затем сразу обратился к Агесилаю с просьбой прекратить войну и отплыть домой, предлагая ему за это деньги, но тот ответил, что вопрос о мире может решить только одна Спарта. Пока же Агесилай повел свои войска во Фригию, взяв у царского посла Тиффраста тридцать талантов на путевые расходы (Плутарх: «Агесилай»; 9-10).

Тиффраст, ничуть не веря миролюбивым заверениям Агесилая, считал несомненным, что лаконец надеется одержать окончательную победу над царем. Не видя другой возможности выпроводить эллинов прочь из Азии, он решил возбудить войну внутри самой Эллады. Итак, он отправил в Грецию родосца Тимократа, дав ему с собой 50 талантов, и поручил ему подкупить виднейших политических деятелей в греческих государствах. Тимократ побывал в Фивах, Коринфе и Аргосе и раздал деньги виднейшим демагогам. Принявшие взятку всячески старались опорочить лакедемонян в глазах своих сограждан. Это не потребовало большого труда, так как грубая гегемония лакедемонян вызывала возмущение во всей Элладе. Вскоре не без происков фиванцев началась война между опунтскими локрами и фокейцами. Когда фокейцы одержали победу, фиванцы вступили в войну на защиту локров. Фокейцы обратились за помощью к лакедемонянам. Лакедемоняне давно уже гневались на фиванцев и немедленно отправили против них две армии - во главе с Лисандром и царем Павсанием. Афиняне решили помогать фиванцам. Таким образом, через десять лет после окончания Пелопонесской войны началась новая всеэллинская война и началась неудачно для спартанцев - войско Лисандра потерпело поражение, и сам он погиб. Армия же Павсания с позором отступила из Беотии (Ксенофонт: 3; 5).

Тем временем в 394 г. до Р.Х. Агесилай отправился походом в земли сатрапа Фарнабаза и дошел до самой Пафлагонии. Здесь он привлек на свою сторону Пафлагонского царя Котия. Потом он возвратился во Фригию и предал ее опустошению. За два года командования Агесилая слух о нем распространился по всей Азии. При этом особенно прославлялись его рассудительность, простота и умеренность. Среди многих тысяч воинов трудно было найти такого, у которого постель была бы проще и дешевле, чем у Агесилая. К жажде и голоду он был настолько безразличен, как если бы один лишь он был создан, чтобы переносить любые перемены погоды, но самым приятным зрелищем для греков, населяющих Азию, было видеть, как полководцы и наместники, обычно невыносимо гордые, изнеженные богатством и

роскошью, с трепетом угождают человеку в простом поношенном плаще и беспрекословно меняют свое поведение, выслушав от него лишь одно по-лаконски немногословное замечание.

В то время Азия сильно волновалась и склонна была к отпадению от персов. Агесилай навел порядок в азиатских городах и придал им надлежащее государственное устройство, не прибегая к казням и изгнаниям граждан. Затем он решил двинуться дальше, чтобы, удалив войну от греческого моря, заставить царя сразиться за его собственную жизнь и сокровища Суз и Экботан и таким образом лишить его возможности возбуждать войну среди греков, сидя спокойно на своем троне и подкупая своекорыстных искателей народной благосклонности. Однако в это время к нему прибыл спартаец Эпикидид с известием, что Спарте угрожает опасная война в самой Греции и что эфоры призывают его прийти на помощь согражданам. Едва успела прийти к нему скитала, как Агесилай отказался от блестящих успехов, от могущества и заманчивых надежд и, оставив незавершенным дело, тотчас же отплыл. Он оставил своих союзников в глубокой печали по нему.

Пройдя через Фермопилы, Агесилай двинулся по Фокиде, дружественно к нему расположенной. Но лишь только он вступил в Беотию и встал лагерем у Херонеи, пришло известие, что персидский флот под командованием Фарнабаза и афинянина Конона разгромил лаконский флот у Книда. Чтобы не внушать воинам робости и отчаянья в то время, как они готовились к борьбе, он приказал людям, приплывшим с моря, говорить противоположное действительности - что битва была выиграна спартацами. Он сам появился с венком на голове, принес жертвы богам за хорошее известие и отослал друзьям части жертвенных животных.

Отсюда он выступил дальше и, оказавшись при Коронее лицом к лицу с противником, выстроил войско в боевой порядок, поручив орхоменцам левое крыло и став во главе правого. У неприятеля на правом фланге стояли фиванцы, на левом - агривяне. Битва была чрезвычайно ожесточенной, так как лакедемоняне и фиванцы уже давно горели ненавистью друг к другу. Первое столкновение не вызвало, правда, упорной и длительной борьбы: фиванцы обратили в бегство орхоменцев, а Агесилай - агривян. Однако и те и другие, узнав, что их левое крыло опрокинуто и отступает, повернули назад. Агесилай мог бы обеспечить себе верную победу, если бы он не ударил фиванцам в лоб, а дал им пройти мимо и бросился бы на них сзади. Однако из-за ожесточения и честолюбия он сшибся с противником грудь с грудью, желая опрокинуть его своим натиском. Враги приняли удар с не меньшей отвагой, и вспыхнуло горячее сражение по всей боевой линии, особенно напряженное в том месте, где стоял Агесилай, окруженный пятидесятью спартацами, боевой пыл которых послужил на этот раз спасением для царя. Ибо они сражались, защищая его, с величайшей храбростью и, хотя и не смогли уберечь царя от ран, однако, когда его панцирь был уже пробит во многих местах мечами и копьями, вынесли его с большим трудом, сплотившись тесно вокруг него. Многих врагов они положили на месте, но и сами потеряли многих. Когда выяснилось, что одолеть фиванцев прямым ударом слишком трудно, спартацы принуждены были принять план, отвергнутый ими в начале сражения. Они расступились перед фиванцами и дали им пройти между своими, а когда те, увидев, что прорыв уже совершился, нарушили строй, спартацы погнались за ними и, поравнявшись, напали с флангов. Но и тогда им не удалось обратить врагов в бегство: фиванцы отошли к Геликону, причем эта битва преисполнила их сомнением, так как им удалось остаться непобежденными, несмотря на то, что они были одни без союзников.

По возвращении в Спарту, Агесилай сразу же завоевал симпатии граждан и всеобщее удивление своими привычками и образом жизни. Ибо, в отличие от большинства полководцев, он не вернулся с чужбины другим человеком, преобразившимся под воздействием чужеземных нравов, недовольным всем отечественным, ссорящимся со своими согражданами; наоборот, он вел себя так, как если бы никогда не переходил на другую сторону Эвроты, уважал и любил родные обычаи, не изменил ничего ни в пище, ни в купаниях, ни в образе жизни своей жены, ни в украшении своего оружия, ни в домашнем хозяйстве. Даже двери собственного дома, которые были настолько древними, что, казалось, были поставлены еще Аристодемом, он сохранил в прежнем состоянии (Плутарх: «Агесилай»; 11-20).

Война тем временем продолжалась. В 390 г. до Р.Х. лакедемоняне узнали, что весь скот коринфских жителей находится в их владении и согнан в Пирей, а многие также кормятся из

запасов, имеющихся в самом городе; поэтому они снова отправились походом на Коринф под предводительством Агесилая. Защитники Пирея не стали думать о защите, но все устремились в святилище Геры. Агесилай вступил в крепость и овладел всеми припасами (Ксенофонт; 4; 4-5). Когда Агесилай находился еще около Коринфа и наблюдал, как его воины уводят пленных и уносят добычу, к нему прибыли послы из Фив с предложением дружественного союза. Агесилай, всегда ненавидевший этот город, нашел этот случай подходящим, чтобы выразить свое презрение к фиванцам, и сделал вид, что не видит и не слышит послов. Но еще не успели фиванцы уйти, как к царю прибыли гонцы с известием, что целая мора спартанцев изрублена коринфскими наемниками во главе с афинянином Ификратом. Такое большое несчастье уже давно не постигало лакедемонян: они потеряли многих славных воинов, причем гоплиты оказались побеждены легкой пехотой, и лакедемоняне - наемниками. Агесилай тотчас поспешил на выручку, но, когда узнал, что дело уже свершилось, быстро вернулся к Пирею и уже сам предложил явиться беотийским послам. А фиванцы, платя ему той же монетой, теперь ни словом не упомянули о мире, а лишь попросили пропустить их в Коринф (Плутарх: «Агесилай»; 22).

Между тем, после того как Конон и Фарнабаз с помощью царского флота завоевали владычество на море и стали опустошать берега Лаконики, а афиняне на деньги, полученные от Фарнабаза, вновь укрепили свой город, лакедемоняне решили заключить мир с царем. Они послали Анталкида к Тирибазу с тем, чтобы позорнейшим, несправедливейшим образом передать царю греков, населяющих Азию, из-за которых и начата была вся война (Плутарх: «Агесилай»; 23). Договор, заключенный между Артаксерксом II и Анталкидом, гласил: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов - Клазомены и Кипр. Всем же прочим городам, большим и малым, - должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир, объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами».

Этот мир несколько ронял престиж Спарты в глазах азиатских греков (что, в сущности, было не так уж важно), но во всем остальном был ей на руку, так как подрывал могущество ее главных врагов - фиванцев и аргосцев. Ведь на основании этого договора первые должны были отказаться от гегемонии над Беотией, а вторые - над Коринфом и предоставить автономию всем подчиненным городам. Как и следовало ожидать, фиванцы возражали против условий мира и хотели принести клятву от всех беотийцев, но Агесилай отказался принять такую присягу и потребовал, чтобы фиванцы присягнули на точном основании царской грамоты, - что всякий город - большой и малый - станет с этих пор автономным. Не дожидаясь возвращения послов, он стал демонстративно готовиться к походу на Фивы. Однако, прежде чем он двинулся в Беотию, приехали представители фиванцев и заявили, что они согласны на автономию всех городов. Тогда лакедемоняне вернулись на родину, а фиванцы были принуждены присоединиться к общей присяге и предоставить автономию беотийским городам (386 г. до Р.Х.). В целом после Анталкидова мира Спарта сохранила гегемонию над Элладой и даже несколько усилила свои позиции, поскольку взяла на себя роль блюстителя присланных царем мирных условий и добывала автономию греческим городам (Ксенофонт: 5; 1; 29-36).

Унизив таким образом Фивы, Агесилай не успокоился на этом. В 382 г. до Р.Х. лакедемонский отряд под командованием Фебида был отправлен в Халкидику для того, чтобы вести войну против олинфян. В это время в Фивах шла борьба между демократической партией Исмения и олигархами, возглавляемыми Леонтиадом. И вот, когда Фебид проходил мимо города со своим войском, Леонтиад убедил его внезапно захватить Кадмею (фиванский акрополь). Фебид послушался и напал во время Фесмофорий на ничего не подозревающих фиванцев и завладел твердыней. Исмений был схвачен, отправлен в Лакедемон и через некоторое время казнен. Демократы, и в их числе Пелопид, бежали. Эпаминонд остался в городе: его не тронули, так как вследствие его научных занятий враги не считали его способным к политической деятельности (Плутарх: «Пелопид»; 5).

Когда весть о захвате Кадмеи лакедемонянами распространилась по Элладе, все греки были охвачены негодованием; возмущались и сами спартанцы, особенно противники Агесилая.

В гневе они спрашивали Фебида, по чьему приказанию он так поступил, и всеобщие подозрения были обращены на Агесилая. Но Агесилай без колебаний открыто выступил на защиту Фебида, говоря, что важно выяснить только, принес ли этот поступок какую-нибудь пользу. «Ибо все, что приносит пользу Лакедемону, - говорил он, - вполне допустимо совершать на свой страх и риск, даже без чьего-либо приказания». Он не только спас жизнь Фебиду, но и убедил государство взять ответственность за это преступление, разместить в Кадмее караульный отряд и предоставить фиванские дела и государственное устройство на произвол Архия и Леонтиада, с помощью которых Фебид вошел в город и захватил крепость. Вот почему у всех явилась мысль, что Фебид был только исполнителем, а зачинщик всего дела - Агесилай. Дальнейшие события с несомненностью подтвердили эти подозрения.

В 379 г. до Р.Х. изгнанники-демократы тайно возвратились в Фивы и убили Архия и Леонтиада. После этого фиванцы восстали и изгнали из города спартанский караульный отряд. В Фивах было восстановлено демократическое правление. Агесилай обвинил фиванцев в том, что они убили своих полемархов (хотя те были ими лишь на словах, а на деле правили как настоящие тираны), и склонил лакедемонян объявить Фивам войну. В поход был отправлен второй царь - Клеомброт I, который вернулся, не совершив ничего достойного.

До этого времени фиванцы вели войну с лакедемонянами в одиночку, даже часть беотийцев выступала против них. Но вскоре на сторону Фив встали Афины, и причиной тому была авантюра Сфодрия. Сфодрий был оставлен Клеомбротом в качестве гармоста в Феспиях. Это был человек, не лишенный смелости и честолюбия, но более преисполненный пустых надежд, чем благоразумия. Он желал стяжать славу и, считая, что Фебид благодаря своему дерзкому поступку стал знаменит, пришел к выводу, что приобретет имя еще более громкое, если неожиданным нападением захватит Пирей и этим отрежет афинян от моря. Передают также, что это была затея беотархов с Мелоном и Пелопидом во главе. Они подослали к Сфодрию людей, прикинувшихся друзьями лакедемонян, которые и побудили Сфодрия взяться за дело. Этот поступок по своей несправедливости и противозаконности был подобен поступку Фебида, но в исполнении его не было ни той же смелости, ни того же успеха. День застал лакедемонян на Фриаской равнине, в результате чего замысел их раскрылся. Афиняне отправили послов в Спарту, чтобы обвинить Сфодрия. Но еще прежде сами спартанцы привлекли Сфодрия к суду по обвинению, грозившему смертной казнью.

У Сфодрия был сын Клеоним, еще совсем юный и красивой наружности, к которому пылал страстью сын Агесилая Архидам. Незадолго до суда Архидам приступил к отцу с просьбой поддержать Сфодрия. Агесилай, хотя и порицал очень сильно поступок Сфодрия, не оставил просьбы сына без ответа. Он вообще очень любил своих детей. О нем даже рассказывали одну забавную историю, не вязавшуюся с его суровым обликом: будто бы он дома играл со своими детьми, когда они были еще маленькими, и ездил вместе с ними на палочке, а когда один из друзей увидел Агесилая за этим занятием, Агесилай попросил не говорить об этом никому, пока тот сам не станет отцом.

Итак, благодаря поддержке Агесилая, Сфодрий был оправдан, и возмущенные афиняне объявили лакедемонянам войну (Плутарх: «Агесилай»; 23-25).

В 378 г. до Р.Х. Агесилай во главе войска лакедемонян вторгся в Беотию и предал окрестности Фив опустошению. После он отступил, оставив в Феспиях Фебида. В том же году Фебид потерпел поражение и сам пал в бою. В следующем году Агесилай повторил свое вторжение и вновь предал страну систематическому опустошению. Фиванцы оказались в очень тяжелом положении вследствие недостатка хлеба; уже два года они не могли снимать с полей жатвы. Возможно, действуя Агесилай против них прежним способом, он мог бы преуспеть в военных действиях, но в 376 г. до Р.Х. он тяжело и надолго заболел. На пути из Фив, в то время как его войско находилось в Мегарах, он шел однажды из храма Афродиты. Вдруг у него лопнула какая-то жила, и кровь потекла из тела в здоровую, не хроющую ногу. Голень необычайно раздулась и причиняла Агесилаю невыносимую боль. Тогда какой-то сиракузский врач вскрыл ему жилу около лодыжки. Кровь брызнула и, не переставая, текла целые сутки. Никакими средствами не удавалось остановить кровотечение, пока Агесилай не впал в беспамятство; тогда кровотечение само собой прекратилось. После этого Агесилай был отвезен в Лакедемон, где долго пролежал больным, не будучи в состоянии выступить в поход

(Ксенофонт: 5; 4; 34-58). Тем временем, в 375 г. до Р.Х., фиванцы взяли Феспии, а затем разбили близ Тегиры в открытом бою две спартанские моры, причем погибли оба спартанских полемарха (Плутарх: «Пелопид»; 16-17). После этого они легко покорили Беотию и восстановили свою гегемонию. Еще прежде афиняне разбили лаконский флот в проливе между Накосом и Пиросом. Из 83 лаконских триер афинский наварх Храбрый захватил 49, а 24 потопил (Плутарх: «Фокион»; 6). В 373 г. до Р.Х. другой спартанский наварх Мнасипп потерпел тяжелое поражение на Керкире и сам пал в бою. Но в том же году фиванцы взяли и разрушили Платеи. Это до крайности возмутило афинян, имевших с платейцами очень давнюю дружбу, и охладило их рвение. В самом деле, пока афиняне вели войну со Спартой, фиванцы потихоньку прибрали к рукам всю Беотию и приступили к завоеванию Фокиды. Могущество фиванцев стремительно возрастало и теперь уже внушало опасение самим афинянам. Итак, обе стороны стали искать путей к примирению.

В 371 г. до Р.Х. в Лакедемон съехались посольства из всех концов Эллады для обсуждения условий договора. В числе фиванских послов был Эпаминонд - муж знаменитый своей образованностью и познаниями в философии, но тогда еще не проявивший себя как полководец. Видя, что все прочие пресмыкаются перед Агесилаем, он один решился выступить с откровенной речью, в которой говорил не только об интересах фиванцев, но и об общем благе всей Греции. Он указал, что война увеличивает могущество Спарты, отчего все остальные терпят ущерб, что мир должен быть основан на началах всеобщего равенства и справедливости, что он будет прочным лишь в том случае, если все будут между собой равны. Агесилай, замечая, что Эпаминонд пользуется вниманием присутствующих греков, задал ему вопрос: «Считаешь ли ты правильным с точки зрения всеобщего равенства и справедливости, чтобы беотийские города пользовались независимостью?» Эпаминонд, не задумываясь и не смущаясь, ответил Агесилаю тоже вопросом: не считает ли тот справедливым, чтобы и жители Лаконики получили независимость (Плутарх: «Агесилай»; 27-28).

Затем был заключен мир, по которому стороны обязались вывести из союзных городов гармостов, распустить сухопутные и морские силы и предоставить автономию всем городам. На верность этим условиям мира поклялись все участники конгресса. Фиванцы были занесены в список государств, давших клятву, но на следующий день Эпаминонд вернулся и потребовал, чтобы в списке поклявшихся слово «фиванцы» было заменено словом «беотийцы» (Ксенофонт: 6; 3; 18-19). «Мы позволим беотийским городам приносить клятву каждому от своего имени лишь тогда, когда и вы позволите вашим перизкам приносить клятву от каждого отдельного города», - сказал он (Павсаний: 9; 13; 2). Тогда Агесилай в страшном гневе вскочил с места и потребовал, чтобы Эпаминонд заявил определенно, готов ли он предоставить независимость Беотии. Эпаминонд в свою очередь опять спросил, предоставят ли спартанцы независимость жителям Лаконики (Плутарх: «Агесилай»; 28). Агесилай был возмущен и сказал, что не будет ничего исправлять в документе, на верность которому они уже поклялись и под которым уже подписались. Если же они не хотят участвовать в мирном соглашении, то он может их, если угодно, вычеркнуть. Таким образом, все прочие заключили между собой мир и только между лакедемонянами и фиванцами оставались враждебные отношения, и фиванцы удалились с конгресса в весьма мрачном настроении (Ксенофонт: 6; 3; 19-20).

В это время второй царь - Клеомброт I стоял с войском в Фокиде. Эфоры тотчас отправили ему приказ выступить против фиванцев. Очевидно, спартанцы предполагали, что теперь, когда фиванцы лишились союзников, самое время окончательно покончить с ними. Но на деле случилось обратное - через двадцать дней после окончания конгресса в битве при Левктрах войско Клеомброта потерпело полное поражение от фиванцев, которыми командовал Эпаминонд. Погиб сам царь и с ним тысяча лакедемонян - цвет спартанской молодежи. Никогда, за всю свою историю, Спарта еще не терпела такого жестокого поражения (Плутарх: «Агесилай»; 28).

Первым следствием левктрской катастрофы был всеэллинский конгресс в Афинах, происшедший в том же году. По-видимому, на нем подтверждены были условия Анталкидова мира 386 г. до Р.Х. и решения предыдущего конгресса в Спарте, но по существу он определил новое положение вещей. Если на предыдущих конгрессах лакедемоняне приносили клятву за своих союзников (считая их на деле и по форме своими подданными), то теперь каждому

городу на Пелопоннесе была предоставлена возможность приносить клятву за себя. Это означало окончательный распад пелопонесского союза и конец гегемонии Спарты на полуострове. Мантинейцы, воспользовавшись предоставленной им полной автономией, сошлись на общее собрание и постановили сделать Мантинию одним городом, как это и было раньше, до превращения ее спартанцами в четыре деревни, и обнести ее стеной (Ксенофонт: 6; 5; 1-4). Эпаминонд, прибыв в Аркадию, склонил аркадцев не останавливаться на этом и произвести полное объединение (синойкизм) всех аркадских общин в единый союз и единое государство. Когда решение по этому вопросу было принято, была основана новая столица Аркадии - Мегалополь, куда были переселены - отчасти добровольно, а отчасти по принуждению - жители всех аркадских городов (Павсаний: 8; 27-28).

Лакедемоняне с огромным беспокойством наблюдали, как непосредственно у них под боком при содействии фиванцев возникает новое сильное государство. Сразу же после того, как мантинейцы приступили к строительству стен, они отправили к ним послом Агесилая.

Но когда Агесилай прибыл в Мантинию, члены правительства отказались созвать для него народное собрание и предложили царю передать свою просьбу им. Когда Агесилай завел разговор о постройке стены, мантинейцы отвечали, что остановить постройку невозможно, так как соответствующее постановление уже принято народным собранием. Агесилай в гневе удалился (Ксенофонт: 6; 5; 4-5).

В 370 г. до Р.Х. после создания Аркадского союза и основания Мегалополя лакедемоняне вступились за аркадских изгнанников (противников союза) и объявили аркадянам войну. Агесилай с войском и изгнанниками вторгся в Тегейскую область, считая тегейцев виновниками мятежа и изгнания. Он опустошил страну и осаждал городскую крепость, наведя таким образом страх на аркадян. Аркадяне в ответ заключили союз с аргивянами и элейцами, а в Фивы послали предложение о союзе. Беотийское войско тотчас выступило в поход, присоединив к себе союзных локров и фокейцев. Все это войско двинулось в Пелопоннес под предводительством беотархов Эпаминонда и Пелопида. Остальные беотархи добровольно уступили им командование над войском, зная военный гений и доблесть этих мужей (Диодор: 15; 59; 62). Когда беотийцы прибыли в Аркадию, был уже конец декабря 370 г. До Р.Х. На соединение с ними двинулись всенародным ополчением аркадяне, элейцы, аргивяне и все прочие союзники. Собралось не менее 70 000 человек. Начальники войска, собравшись на совещание, Решили идти на саму Спарту и предать опустошению всю Лаконику. Разделив войско на четыре части, союзники проникли в страну различными путями. Беотийцы подступили к Селласию и склонили его жителей к отложению от спартанцев. Аргивяне вступили в Лаконику из Тегейской области, разбив гарнизон, охранявший горные проходы. Так же успешно действовали наступавшие отдельными колонами аркадяне и элейцы. После того, как все войско собралось в Селласии, оно двинулось на Спарту, предавая всю страну разорению и сожжению (Диодор: 15; 62-64).

К этому времени доряне занимали Лакедемон уже в продолжении шестисот лет, и еще ни разу враг не отваживался вступить в их страну: беотийцы были первыми врагами, которых спартанцы увидели на своей земле и которые теперь опустошали ее, дойдя до самого Эвроты и города. Дело в том, что Агесилай не разрешил спартанцам сразиться с таким, как говорит Феопомп, «валом и потоком войны», но занял центр города и самые важные пункты, терпеливо снося угрозы и похвалы фиванцев, которые выкликали его имя, призывая его как подстрекателя войны и виновника всех несчастий сразиться за свою страну. Но не менее заботил Агесилая царивший в городе переполох, вопли и беспорядочные метания пожилых людей, негодовавших по поводу случившегося, и женщин, которые не могли оставаться спокойными и совершенно обезумели от крика неприятелей и вида костров. Тяжелым ударом для его славы было и то, что, приняв город самым сильным и могущественным в Греции, он теперь видел, как сила этого города пошатнулась.

Когда Агесилай заметил, что враги намереваются перейти Эврот и силой ворваться в город, он оставил все другие позиции и выстроил лакедемонян перед центральными возвышенными частями города. Как раз в это время Эврот из-за обилия снегов в горах выступил из берегов и разлился шире обыкновенного, но переправу вброд не столько затрудняла быстрота течения, сколько ледяной холод воды. Как ни старался Эпаминонд из

честолюбия завязать сражение в самом городе, он не смог выманить Агесилая или вызвать его на бой, а потому снялся с лагеря, отошел от города и стал опустошать страну.

В Лакедемонии между тем около двухсот граждан, которые уже давно составили заговор, захватили Иссорий, сильно укрепленный и неприступный пункт, где находилось святилище Артемиды. Лакедемоняне хотели тотчас кинуться на них, но Агесилай, опасаясь мятежа, приказал остальным соблюдать спокойствие, сам же, одетый в плащ, в сопровождении одного лишь раба, приблизился к заговорщикам, говоря, что они не поняли его приказа: он посылал их не сюда и не всех вместе, а одних туда (он указал на другое место), других в иные кварталы города. Те же, услышав его, обрадовались, что их замысел не раскрыт, и, разделившись, разошлись по тем местам, которые он указал. Агесилай немедленно послал за другими воинами и занял с ними Иссорий. Ночью он приказал арестовать и убить около пятнадцати человек из числа заговорщиков. Вскоре был раскрыт другой, еще более значительный заговор спартанцев, которые собирались тайно в одном городе, подготавливая переворот. Но при величайшем беспорядке было одинаково опасно как привлечь их к суду, так и оставить заговор без внимания. Поэтому Агесилай, посоветовавшись с эфорами, приказал убить их без суда, хотя прежде ни один спартанец не подвергался смертной казни без судебного разбирательства. Из периеков и илотов, которые были включены в состав войска, многие перебежали из города к врагу. Так как это вызывало упадок духа в войске, Агесилай предписал своим служителям обходить каждое утро постели воинов в лагере, забирать оружие перебежчиков и прятать его. Благодаря этому число перебежчиков оставалось неизвестным.

Одни писатели говорят, что фиванцы отступили из Лаконики из-за начавшихся холодов, а также из-за того, что аркадяне стали в беспорядке уходить и разбегаться; другие - что они и так провели там целых три месяца и успели опустошить большую часть страны. Но все утверждают единогласно, что спасением своим Спарта была обязана Агесилаю, который на этот раз отрешился от присущих ему по природе качеств - честолюбия и упрямства и действовал с большой осторожностью. Тем не менее после этого падения он не мог поднять мощь и славу своего города на прежнюю высоту. Хотя Эпаминонд не взял Спарты, он нанес лакедемонянам невосполнимое поражение - восстановил независимость Мессении, находившейся триста лет под их полным владычеством. Когда Мессена была вновь основана Эпаминондом и прежние ее граждане стали стекаться туда со всех сторон, лакедемоняне не были в состоянии помешать этому и не отважились выступить с оружием, но негодовали и гневались на Агесилая за то, что в его царствование лишились страны, не уступавшей Лаконики по размерам и превосходившей плодородием другие области Греции (Плутарх: «Агесилай»; 31-34). Сам Агесилай отказался впредь от командования в походах из-за своего преклонного возраста, предоставив военные дела сыну Архидаму. Когда в 366 г. до Р.Х. все воюющие стороны заключили между собой мир, Агесилай не принял этого мира от фиванцев, так как не хотел признавать независимость Мессении. Правда, в скором времени и бывшие союзники, которых прежде объединяла только ненависть к лакедемонянам, перессорились между собой. Афиняне первыми отступились от фиванцев и заключили союз со Спартой (еще в 369 г. до Р.Х.). Затем беотийцы поссорились с ахейцами и аркадцами, в 364 г. до Р.Х. началась война между аркадцами и элейцами, а в 363 г. до Р.Х. мантинейцы порвали союз с тегейцами и вновь обратились за помощью к лакедемонянам. Аркадский союз распался. Фиванцы приняли сторону тегейцев, и в 362 г. до Р.Х. Эпаминонд выступил в поход с войском, состоявшим из беотийцев, эвбейцев и фессалийцев. В Пелопоннесе его союзниками были аргивяне, мессеняне, а в самой Аркадии - тегейцы и мегалопольцы. Союзниками Спарты были элейцы, ахейцы и афиняне. Прибыв в Тегею, Эпаминонд стал выжидать ответных действий противника. Тем временем Агесилай со всем войском лакедемонян поспешил в Аркадию и стал лагерем близ Мантинеи. Получив это известие, Эпаминонд повел войско прямо на Спарту, надеясь захватить город в отсутствие его защитников. Если бы какой-то критянин не прибыл к Агесилаю и не сообщил ему о приближении войска, Эпаминонд взял бы город. Но Агесилай, узнавший о замыслах врага, успел вернуться в Спарту прежде прихода фиванцев (Ксенофонт: 7; 1-5).

Агесилай с всевозможным тщанием позаботился об охране города. Детей старшего возраста и стариков он расставил на крышах домов, приказав им поражать врагов сверху; сам же выстроил под своей командой воинов цветущего возраста и распределил их по проходам и

теснинам, ведущим к городу; он преградил все те места, через которые можно было подойти к городу, и спокойно ждал наступления врага (Диодор: 15; 83). Немного позже фиванцы перешли Эврот и напали на город. Агесилай отбивался не по возрасту решительно и ожесточенно, так как видел, что спасение теперь уже не в осмотрительной обороне, но в беззаветной отваге (Плутарх: «Агесилай»; 34). Эпаминонд вел нападение в одно и то же время в разных местах, по очереди угрожая всем отрядам, и всюду терпел поражение вследствие неудобства своей позиции (Диодор: 15; 83). Между тем он стал опасаться, что мантинейцы придут на помощь Лакедемону. Не желая воевать одновременно с двумя врагами, Эпаминонд отправился с величайшей быстротой назад в тегейскую область (Ксенофонт: 7; 5).

Несколько дней спустя произошла битва при Мантинее. Эпаминонд вновь разгромил своих врагов, но сам пал в бою. После этой битвы и смерти Эпаминонда греки заключили между собой мир. Агесилай хотел исключить из мирного договора мессенцев, не признавая в них граждан самостоятельного государства. Так как все остальные греки стояли за включение мессенцев в число участников мирного договора, лакедемоняне отказались участвовать в мире и одни продолжали войну. Вынужденные вербовать большое количество наемников, они вскоре стали отчаянно нуждаться в деньгах, и Агесилай, не зная, как еще помочь отечеству и где еще сыскать средства для войны, в 361 г. до Р.Х. передал власть сыну Архидаму, а сам с отрядом наемников поступил на службу к египетскому фараону Таху. В это время ему было уже более восьмидесяти лет. Тем более удивительна энергия, проявленная им в этом последнем походе.

Когда Агесилай прибыл в Египет, его судно встречали важнейшие полководцы и сановники царя, чтобы засвидетельствовать свое почтение. И остальные египтяне, много наслышанные об Агесилае, ожидали его с нетерпением, чтобы посмотреть на него. Когда же вместо блеска и пышного оружия они увидели лежащего на траве у моря старого человека маленького роста и простой наружности, одетого в дешевый грубый плащ, они принялись шутить и насмехаться над ним. Еще более удивились они его странным вкусам, когда из привезенных и принесенных даров гостеприимства он принял только пшеничную муку, телят и гусей, отказавшись от изысканных напитков, печений и благовоний, а в ответ на настойчивые просьбы принять эти дары, предложил раздать их илотам.

По прибытии он соединился с Тахом, который был занят приготовлениями к походу. Однако Агесилай был назначен не главнокомандующим, как он рассчитывал, а лишь предводителем наемников; флотом командовал афинянин Храбрый, а всем войском - сам Тах. Это было первым, что огорчило Агесилая, но, кроме того, и во всем прочем он вынужден был с досадой переносить чванство и тщеславие египтянина. Он сопровождал Таха в морском походе в Финикию, беспрекословно ему подчиняясь - вопреки своему достоинству и праву, пока, наконец, обстоятельства не сложились более благоприятно. Дело в том, что Нектанебид, двоюродный брат Таха, отпал от него и был провозглашен египтянами царем. Агесилай со всеми наемниками перешел на его сторону. Когда наемники покинули его, Тах бежал, но вскоре против Нектанебида восстал новый претендент на престол. Он также послал Агесилаю предложение о переходе на свою сторону. Узнав об этом, Нектанебид перестал доверять Агесилаю и вопреки его уговорам не дал сражения, а отступил в хорошо укрепленную крепость. Враги окружили крепость рвами и валами и приступили к осаде. Когда ров почти окружил город и осталось лишь небольшое свободное пространство, где можно было развернуться с незначительным числом воинов, Агесилай вывел наемников из крепости и после недолгого боя обратил осаждавших в бегство.

После этого Нектанебид укрепил и упрочил свою власть, а Агесилай с деньгами, которые получил на службе, и частью наемников решил отплыть в Спарту. Нектанебид отпустил его с большими почестями и сверх оговоренной платы дал в подарок двести тридцать талантов.

Но Агесилаю не пришлось увидеть родину. По дороге он умер в возрасте 84 лет (в 360 г. до Р.Х.). Спартанцы залили его тело в расплавленный воск и доставили в Лакедемон (Плутарх: «Агесилай»; 36-40).

АГЕСИПОЛИД I

Царь из рода АГИДОВ, правивший в 395-380 гг. до Р.Х. в Лакедемонне. Сын Павсания.

Согласно Плутарху, Агесиполид стал царем в очень молодом возрасте (его отец Павсаний был изгнан) и по характеру был кроток и мягок. В государственных делах он принимал очень небольшое участие, предоставив их своему соправителю Агесилаю II. Вопреки многовековой вражде, существовавшей между обоими царскими домами, Агесилай и Агесиполид прекрасно ладили друг с другом. Они ходили к одной и той же фидитии и питались за одним столом. Зная, что Агесиполид, так же как и он сам, очень расположен к любовным делам, Агесилай всегда заводил с ним разговоры о прекрасных мальчиках. Он склонял юношу к любовным утехам и сам помогал ему в его увлечениях (Плутарх: «Агесилай»; 20).

В 389 г. лакедемоняне объявили поход на Аргос, а командование поручили Агесиполиду. Благодаря своей неожиданности вторжение принесло большой вред аргивянам (Ксенофонт: 4; 7).

В 385 г. до Р.Х., уже после окончания коринфской войны, лакедемоняне отправили послов к мантинейцам с приказанием снести городские стены. Так как мантинейцы ответили отказом, лакедемоняне снарядили войско, во главе которого поставили Агесиполида. Прежде всего, царь ограбил и разорил землю врага. Когда мантинейцы и после этого не срыли городских стен, он приказал рыть ров вокруг города и строить стену. Затем лакедемоняне запрудили и отвели реку Офис, протекавшую сквозь город. Задержанная плотиной река разлилась, причем уровень воды поднялся выше фундаментов домов и городской стены. После этого, когда нижние ряды кирпичей размякли и не могли больше выдерживать верхние, стена начала давать трещины, а потом покосилась. Мантинейцы увидели, что им не совладать с силой воды, и согласились срыть часть стены. Но лакедемоняне уже не захотели заключать мир на этих условиях и потребовали, чтобы мантинейцы уничтожили городское устройство и образовали отдельные деревни. Мантинейцы вынуждены были согласиться и на это. Демократы были изгнаны, жители разделены на четыре деревни и приняли аристократическое правление (Ксенофонт: 5; 1).

В 382 г. до Р.Х. лакедемоняне, обеспокоенные ростом могущества Олинфа, отправили в Халкидику большое войско под командованием Телевтия. В следующем году оно потерпело под стенами Олинфа тяжелое поражение. Телевтий пал в бою. Услышав о происшедшем, лакедемоняне по зрелому размышлению решили, что нужно послать сильное войско, чтобы сломить высокомерие победителей и чтобы все затраченные усилия не оказались напрасными. Приняв такое решение, они послали военачальником Агесиполида.

В 380 г. до Р.Х. Агесиполид прибыл в Халкидику и расположился лагерем под Олинфом. Навстречу ему никто не выходил, поэтому он предал опустошению все, что осталось нетронутым в олинфской области. Из союзных городов ему удалось взять приступом Торону. В это время (дело происходило в середине лета) его схватила жестокая лихорадка. Ему непреодолимо захотелось на тенистые берега чудных холодных ключей, которые он видел незадолго перед этим в храме Диониса в Афите. Еще живой он был доставлен туда, но на седьмой день от начала болезни скончался за оградой храма (Ксенофонт: 5; 3).

АГЕСИПОЛИД II

*Царь из рода Агидов, правивший в Лакедемонии в 371-370 гг. до Р.Х.
Сын Клеомброта I (Павсаний: 3; 6).*

АГЕСИПОЛИД III

Царь из рода Агидов, правивший в Лакедемонии 219-215 гг. до Р.Х. Сын Агесиполида.

После того как пришла весть о смерти царя Клеомена III в Египте, эфоры поставили царем Агесиполида, находившегося еще в детском возрасте. В опекуны царя выбран был Клеомен, сын Клеомброта и брат Агесиполида (Полибий: 3;35).

АГИД

См. Агис.

АГИДЫ

Царский род, правивший в Лаконике в XI-II вв. до Р.Х.

Основан Еврисфеном, сыном Аристодема.

АГИС I

Легендарный царь из рода Агидов, правивший в Лаконике в XI в. до Р.Х. Сын Еврисфена.

Агис лишил равноправия илотов и повелел им платить подать Спарте. Таким образом, все остальные племена подчинились спартанцам, кроме элейцев, владевших Гелосом. Элейцы были покорены после восстания. Их город взяли силой во время войны, а жителей осудили на рабство с определенной оговоркой, что владельцу раба не дозволяется ни отпускать его на свободу, ни продавать за пределы страны. Эта война получила название войны против илотов. Можно сказать, что Агис и его помощники были теми, кто ввел институт илотов. Лакедемоняне считали илотов чем-то вроде государственных рабов, назначив им определенное местожительство и особые работы (Страбон: 8; 5; 4).

АГИС II

Царь из рода Эврипонтидов, правивший в Лаконике в 427-398 гг. до Р.Х. Сын Архидама II.

Царствование Агиса пришлось на Пелопоннесскую войну. В 425 г. до Р.Х. пелопоннесцы во главе с Агисом вторглись в Аттику, когда хлеб на полях еще не созрел. Разбив лагерь, они принялись опустошать землю. Тем временем афиняне отправили эскадру в Сицилию. По пути полководец Демосфен высадился в Мессении, занял и укрепил древний Пилос. Когда пелопоннесцы, стоявшие в Аттике, узнали о занятии Пилоса, они поспешили возвратиться домой. Агис и лакедемоняне усмотрели в пилосских событиях непосредственную угрозу для своей страны. В то же время большая часть их войска страдала в Аттике от недостатка съестных припасов (Фукидид: 4; 2; 6). Опасения Агиса оказались ненапрасными. В том же году лакедемоняне потерпели под Пилосом тяжелое поражение, а в 421 г. до Р.Х. вынуждены были заключить с афинянами мир. Впрочем, взаимные интриги продолжались и после этого.

Особенно опасным для лакедемонян было тесное сближение между Афинами и Аргосом. В 419 г. до Р.Х. аргосцы одержали победу над Эпидавром. Лакедемоняне увидели, что их эпидаврийские союзники в тяжелом положении, а остальные пелопоннесские города либо уже отпали от них, либо ненадежны. Они решили тогда, что если не предпринять предупредительных мер, то события будут развиваться в опасном для них направлении. Поэтому в середине следующего лета лакедемоняне выступили походом на Аргос во главе с Агисом, со всем своим войском и илотами. В походе приняли также участие аркадцы, а другие союзники из-за Истма собрались во Флиунте.

Аргосцы, получив известие о приготовлениях лакедемонян, выступили им навстречу в Аркадию. Они желали сразиться с лакедемонянами до их соединения. Но Агис ночью поднял свое войско и незаметно подошел к Флиунту. Аргосцы бросились преследовать врага, но совершенно неожиданно для себя оказались окруженными со всех сторон у Неми. Обе армии уже развернулись и были готовы к битве, когда один из аргосских стратегов Фрасил подошел к Агису и стал уговаривать его не давать сражение. Аргосцы, говорил он, готовы уладить взаимные претензии на приемлемых для обеих сторон условиях и удовлетворить возможные жалобы лакедемонян и впредь желают жить с ними в мире.

Агис принял его предложение своей властью, не обсуждая с большинством военачальников отдельных отрядов. Он сообщил о своем решении только одному высшему лакедемонскому должностному лицу и заключил с аргосцами перемирие на четыре месяца, в течение которых те должны были выполнить соглашение. После этого царь тотчас же увел свое войско. Лакедемоняне и союзники подчинились приказу, но между собой резко порицали царя.

По их мнению, была упущена прекрасная возможность дать бой врагу. Ведь враг был со всех сторон окружен, и все-таки им пришлось уйти, не совершив ничего достойного столь великой силы. Войско отправилось в обратный путь и, проклиная Агиса, разошлось по домам. Прибыв в Лаконику, лакедемоняне стали резко упрекать Агиса за то, что тот не завоевал Аргоса. Когда же пришла весть, что аргосцы нарушили перемирие и вместе с афинянами взяли аркадский Орхомен, лакедемоняне вознегодовали еще более: в гневе, вопреки своему обычаю, они решили было срыть дом Агиса и наложить на него штраф в 100 000 драхм. Но Агис начал упрашивать их не делать этого. Он обещал загладить свою вину в следующем походе, в противном случае, говорил он, пусть с ним поступят, как им угодно. Лакедемоняне отказались от наложения штрафа и разрушения дома царя, но приняли по этому случаю постановление, какого еще никогда не было у них: они приставили к царю 10 спартиатов советниками, без их согласия он не имел права выступать с войском из города.

Тем временем лакедемоняне получили от своих друзей из Тегей известие: если они не окажут немедленной помощи городу (мантинейцы, аргосцы и афиняне двинулись сюда от Орхомена), то Тегея перейдет на сторону Аргоса. Агис с необычайной поспешностью со всем своим войском и илотами выступил в Аркадию. Оба войска встретились в тегейской области и на следующий день выстроились в боевом порядке, чтобы дать сражение на равнине у подножия холма. Когда началась битва, аргосцы и мантинейцы разбили левый фланг лакедемонян. Однако на других участках фронта, и особенно в центре, где стоял Агис с 300 телохранителей, лакедемоняне обратили аргосцев в бегство, а затем обрушились на афинян. Афинянам грозила верная смерть, но тут Агис узнал о пагубном положении на левом фланге и повернул против мантинейцев всю свою армию. Мантинейцы обратились в бегство, тем временем отступили и афиняне. Эта победа сразу подняла дух лакедемонян, приунывших от поражений. А в Аргосе победили сторонники мира со Спартой, и в том же году мир был заключен. В Аргосе был установлен олигархический строй. Но уже в следующем, 417 г. до Р.Х. в Аргосе произошел демократический переворот. Лакедемоняне вместе с Агисом ходили походом на город, но не смогли им овладеть (Фукидид: 5; 54, 57- 60, 63, 65, 71, 72, 83).

В 415 г. до Р.Х., с высадкой афинян в Сицилии, Пелопоннесская война вспыхнула с новой силой. В немалой степени способствовал этому Алквиад. Привлеченный к суду в Афинах, он бежал в Спарту, был радушно принят Агисом и оказал ему своими советами неоценимые услуги. Именно Алквиад убедил лакедемонян отправить в Сицилию отряд во главе с Гилиппом, чтобы сломить силы афинян. В то же время он посоветовал Агису обнести стенами Декелею в Аттике, и это было страшнее всего для Афин: никакой другой удар не мог обессилить столь же непоправимо. Вместе с тем Алквиад совратил Тимею, жену Агиса, который был с войском за пределом Лакедемона, и та забеременела от него и даже не скрывала этого; она родила мальчика и дала ему имя Леонтихида, но у себя, в кругу подруг и служанок, шепотом называла младенца Алквиадом - так велика была ее любовь. Многие рассказывали Агису об этом бесчинстве, но надежнейшим свидетельством оказалось для него само время рождения; однажды ночью, испуганный землетрясением, Агис выбежал из опочивальни супруги и с тех пор не спал с ней целых десять месяцев, а Леонтихид появился на свет как раз после этого срока, и Агис отказался признать его своим сыном. По этой причине Леонтихид лишился впоследствии права на престол (Плутарх: «Алквиад»; 23).

Но, как бы то ни было, Агис пользовался советами Алквиада. В самом начале весны 413 г. до Р.Х. он во главе большого войска пелопоннесцев вторгся в Аттику. Сначала пелопоннесцы опустошили равнину и окрестности, а затем стали укреплять Декелею. Из этого укрепления они опустошали равнину и наиболее плодородные части страны. Эти набеги наносили огромный вред афинянам: материальный ущерб и потери в людях глубоко подрывали мощь афинской державы. Прежние вторжения были непродолжительными и не препятствовали жителям в промежутке между ними убирать урожай. Теперь же, когда неприятель прочно укрепился в Аттике, набеги производились непрерывно. Лично руководивший военными действиями Агис действовал весьма энергично. Более 20 000 рабов бежали из Афин в Декелею, весь мелкий скот и вьючные животные афинян со временем были перебиты (Фукидид: 7; 19-27). В довершение несчастья афиняне узнали о полной гибели своей сицилийской армии. Это был такой удар, от которого они уже не смогли оправиться. Но чтобы окончательно сломить афинян, надо было

победить их на море.

Поэтому тотчас в начале зимы, по окончании кампании 413 года, Агис выступил из Декелеи с воинским отрядом и стал собирать с союзников деньги на постройку флота. Многих фессалийцев он также принудил выплатить денежную контрибуцию. Всем союзным народам было приказано строить корабли. Многие союзники афинян, тяготясь их тяжелой властью, вступили теперь в переговоры с Агисом, желая передаться на сторону лакедемонян. Первыми к нему прибыли эвбейцы. Потом завязались переговоры с хиосцами и лесбийцами. Вместе с ними прибыл и посол от Тиссаферна, сатрапа персидского царя в приморских провинциях Азии. Тиссаферн старался привлечь на свою сторону пелопоннесцев и обещал им поставки продовольствия.

В 411 г. до Р.Х. в Афинах произошел олигархический переворот. Тогда Агис выступил из Декелеи и подошел к самым стенам Афин. Царь ожидал, что в условиях смуты афиняне ослабили оборону и он сумеет легко захватить Длинные стены. Но афиняне выступили из города и дали Агису отпор. Царь понял, что заблуждался, и вернулся в Декелею (Фукидид: 8; 3, 5, 45, 71).

Следующие семь лет шла упорная борьба в Ионии, закончившаяся страшным разгромом афинского флота в Эгоспотамах. После этого все союзники отпали от Афин. Не имея ни денег, ни флота, афиняне заперлись в своем городе. Между тем на помощь Агису в Аттику прибыл второй царь - Павсаний с большим войском, а также весь лаконский флот с Лисандром во главе. Оказавшиеся в полной блокаде афиняне должны были капитулировать.

Дальнейшие десять лет были временем наивысшего могущества Спарты, но не временем мира. Лакедемоняне стремились подчинить своей гегемонии всю Элладу, и, прежде всего, у них началась война с элейцами. В 402 г. до Р.Х. Агис в силу каких-то предсказаний был послан государством принести жертву Зевсу Олимпийскому. Но элейцы воспрепятствовали совершить молебствие с дарованием победы на войне, указывая ему на древнее постановление, согласно которому греки не могут обращаться к оракулу, идя на войну с греками же. Таким образом, Агису пришлось вернуться, не совершив жертвоприношения. Гневаясь на это, эфоры и энклесия постановили дать хороший урок элейцам. Отправив послов в Элиду, они сказали, что лакедемонское правительство считает справедливым, чтобы они даровали автономию подчиненным городам. Когда же элейцы ответили, что они этого не сделают, так как добыли эти города как военную добычу, эфоры объявили сбор войска. Агис во главе армии вторгся через Ахаю в Элею близ Ларисы. Через самое короткое время, после того как войско вторглось во вражескую страну (в 401 г. до Р.Х.) и стало вырубать деревья, произошло землетрясение. Агис счел это божественным предзнаменованием, удалился из страны и распустил войско. В том же году эфоры объявили новый поход на Элиду. Сопровождали Агиса в этом походе афиняне и все союзники, кроме беотийцев и коринфян. Едва войско вошло в Элиду, как его поддержали все отпавшие от элейцев города. Агис вступил в Олимпию и здесь совершил жертвоприношение Зевсу. На этот раз ему никто не осмелился препятствовать. Совершив жертвоприношение, он отправился к Элее, сжигая и вырубая все вокруг себя, и захватил в этой области очень много скота и рабов. Подойдя к городу, он разрушил предместья и гимназии, отличавшиеся своей красотой. Самого же города он не взял, хотя тот и не был укреплен. Полагали, что он, скорее, не хотел, чем не мог его взять. В следующем году был заключен мир. Элейцы вынуждены были признать автономию всех городов Элиды.

После этого Агис прибыл в Дельфы и принес в жертву десятину добычи. На пути из Дельф, в Герее, Агис, бывший уже глубоким стариком, занемог и был перенесен еще живым в Лакедемон (Ксенофонт: 3; 2; 22-31) В этот момент Леонтихид, которого Агис в течение всей своей жизни не признавал за сына, стал умолять его сжалиться над ним. Под влиянием просьб юноши и своих друзей Агис, в присутствии многих свидетелей, провозгласил Леонтихида сыном и наследником. Он просил присутствующих объявить об этом лакедемонянам. Но власть все равно досталась брату Агиса, Агесилаю (Плутарх: «Лисандр»; 22).

АГИС III

Царь из рода Эврипонтидов, правивший в Лаконике в 338-330 гг. до Р.Х. Сын Архидама

III.

В начале восточного похода македонцев персы не теряли надежды остановить нашествие, подняв войну в тылу у врагов в самой Элладе. Особые надежды, и не без основания, они возлагали на лакедемонян. В 332 г. до Р.Х. Агис, уже после победы Александра Македонского при Иссе, плывал на Сиорн. Здесь он встретился с полководцем Дария Автофрадом и получил от него 30 талантов серебром и 10 триер (Арриан: 2; 13). Агису удалось на персидские деньги собрать 8 000 греческих наемников, которые, убежав из Киликии, после битвы при Иссе, возвращались по домам. С этими силами царь решил начать войну против Антипатра, которого Александр оставил управлять Македонией (Курций Руф: 4; 1).

В 330 г. до Р.Х. в Элладу пришла весть о разгроме Дария III при Гавгамелах. В то же время стало известно о восстании во Фракии. Антипатр со всем войском двинулся из Македонии во Фракию. Лакедемоняне сочли, что пришел их час готовиться к войне и обратились к эллинам с призывом единодушно отстаивать свободу. Большинство пелопоннесцев и еще кое-кто согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников. В зависимости от возможностей каждый город выставил в качестве солдат цвет своей молодежи: всего пехоты было не менее 20 000, а конницы около 2000. Во главе стояли лакедемоняне; они выступили всем народом на эту войну; командование принадлежало Агису.

Антипатр, узнав об этом сборе эллинов, кое-как закончил войну во Фракии и со всем войском отправился в Пелопоннес. Вместе с союзниками под его началом было не меньше 40 000 человек (Диодор: 17; 62-63). Произошло большое сражение при Мегалополе, в котором особо отличились лакедемоняне. Агис выделялся среди спартанцев не только внешним видом и оружием, но и храбростью. На него нападали со всех сторон, издали и вблизи, но он, обращая свое оружие к врагу, держался долго, пока не был ранен копьем в бедро. Воины положили его на щит и вынесли в лагерь. Сражение после этого не прекращалось и продолжалось довольно долго. Наконец строй лакедемонян начал слабеть, и под нажимом врага все открыто побежали. Агис, увидев, что его люди бегут, приказал спустить себя на землю и приготовился к бою. Никто из врагов не решался сблизиться с ним. Македонцы издали бросали копья, и одно из них вонзилось Агису в грудь. Когда его вытащили из раны, Агис, быстро слабея, потерял сознание и вскоре скончался. В этом сражении пало более 5000 пелопоннесцев, причем большую часть их составляли лакедемоняне. Обессиленные этим поражением, они послали просить у Александра мира (Курций Руф: 6; 1).

АГИС IV

Царь из рода Эврипонтидов, правивший в Лаконике в 244-241 гг. до Р.Х. Род ок. 262 г. до Р.Х. Умер 241 г. до Р.Х. Сын Эвдамида II.

Благородством и возвышенностью духа Агис намного превосходил своего соправителя из рода Агидов - Леонида II. С детства он воспитывался в роскоши своей матерью Агесистратой и бабкою Ар-хидамией, самыми состоятельными в Лакедемоне женщинами. Но еще не достигнув 20 лет, он объявил войну удовольствиям, сорвал с себя украшения, решительно отверг какую бы то ни было расточительность, гордился своим потрепанным плащом, мечтал о лаконских обедах, купаниях и вообще о спартанском образе жизни и говорил, что ему ни к чему была бы и царская власть, если бы не надежда возродить с ее помощью старинные законы и обычаи.

С этой целью он стал испытывать настроения спартанцев. Молодежь, вопреки ожиданиям Агиса, быстро откликнулась на его слова и с увлечением посвятила себя доблести, ради свободы переменяя весь образ своей жизни, точно одежду. Но пожилые люди, которых порча богатства коснулась гораздо глубже, бранили Агиса.

Впрочем, и среди пожилых некоторые одобряли и поощряли честолюбие Агиса и горячее других - Лисандр, пользовавшийся у граждан высочайшим уважением, а также дядя царя, Агесилай. Последний был умелым оратором, но человеком развращенным и сребролюбивым. Он принял участие в начинаниях Агиса, лишь страшась множества кредиторов, от которых надеялся избавиться с помощью государственного переворота. Склонив на свою сторону дядю, Агис тут же стал пытаться с его помощью привлечь и мать, пользовавшуюся, благодаря множеству зависимых людей, должников и друзей, огромным влиянием в городе и нередко

вершившую государственные дела. Мать и бабушка зажглись честолюбивыми мечтами юноши и согласились пожертвовать своим богатством ради чести и славы Спарты.

Чуть ли не все богатство Лаконики находилось тогда в руках женщин, и это сильно осложняло и затрудняло задачу Агиса. Женщины воспротивились его намерениям и обратились к Леониду с просьбой, чтобы тот по праву старшего остановил Агиса и помешал его начинаниям.

Тем не менее хлопотами Агиса Лисандр был избран в эфоры (в 243 г. до Р.Х.), и через него царь немедленно предложил старейшинам ретру, главные разделы которой были таковы: долги должникам прощаются, земля делится заново между 4500 спартанцами и 15 000 периеками. Число спартанцев должно было пополниться за счет периеков и чужестранцев, получивших достойное воспитание. Законы Ликурга восстанавливаются в полной мере.

Так как мнения геронтов разделились, Лисандр созвал собрание и вместе с Агесилаем стал убеждать сограждан поддержать его закон. Под конец с кратким словом выступил Агис и объявил, что делает огромный вклад в основание нового строя - первым отдает во всеобщее пользование свое имущество, заключающееся в обширных полях и пастбищах, а также в шестистах талантах звонкой монетой. Так же точно, прибавил он, поступают его мать и бабка, а равно друзья и родичи - богатейшие люди Спарты.

Народ приветствовал Агиса, но богачи заклинали Леонида не оставить их в беде, умоляли о помощи геронтов, которым принадлежало право предварительного решения - и, наконец, добились своего: ретра была отвергнута большинством в один голос. Тогда Лисандр, который еще оставался эфором, привлек Леонида к суду на основании одного древнего закона, запрещавшего Гераклиду приживать детей с иностранкой и грозившего ему смертью, если он покинет Спарту, чтоб поселиться в другой стране. (Леонид имел двух детей от какой-то азиатской женщины.) Вместе с тем Лисандр уговорил Леонидова зятя Клеомброта, который тоже был царской крови, заявить притязания на власть. Леонид был жестоко напуган и, с мольбой об убежище, укрылся в храме Афины Меднодомной. Он получил вызов в суд, но не вышел из храма, и тогда спартанцы передали царство его зятю Клеомброту.

Когда год миновал, вновь вступившие в должность эфоры разрешили Леониду покинуть его убежище, а Лисандра приговорили к суду. Однако Агис и Клеомброт в сопровождении друзей двинулись на площадь, согнали эфоров с их кресел и назначили новых, в числе которых был и Агесилай. Затем они вооружили многих молодых людей и освободили заключенных, приведя в трепет противников, которые ждали обильного кровопролития. Но цари никого не тронули, напротив, когда Леонид тайно бежал в Тегею, а Агесилай послал вдогонку убийц, которые должны были расправиться с ним по пути, Агис, узнав об этом, отправил других, верных ему людей, те окружили Леонида кольцом и благополучно доставили его в Тегею.

После переворота дело стало быстро продвигаться вперед. Все долговые расписки снесли на площадь, сложили в одну кучу и подожгли. Все ждали после этого передела земли, но Агесилай стал всеми силами тормозить принятие соответствующего закона. Он ни в коей мере не хотел лишиться своих полей и, избавившись от долгов, старался теперь сохранить свое богатство. К тому же Агису пришлось надолго уйти из Лакедемона - он отправился с войском на помощь ахейцам, воевавшим с этолийцами.

Тем временем Агесилай своими злоупотреблениями вызвал всеобщую ненависть, и врагам Агиса не стоило больших трудов вновь вернуть на царствование Леонида II (241 г. до Р.Х.). Агесилай бежал, а Агис укрылся в храме Афины Меднодомной.

Сначала Леонид пытался выманить Агиса из храма, но тот не верил ему. Тогда Леонид стал действовать коварством. Он вступил в сговор с друзьями Агиса, Амфаретом и Дамохаретом, которые навещали его в храме. Те уговорили царя пойти в баню, а на обратном пути схватили его и доставили в тюрьму. Немедленно появился Леонид с большим отрядом наемников и окружил здание, а эфоры вошли к Агису и, пригласив геронтов, потребовали, чтобы тот оправдался в своих поступках. Агис ответил, что нисколько не раскаивается в своих замыслах. Эфоры вынесли ему смертный приговор и немедленно препроводили царя в Дехаду (помещение, где совершается казнь). Многие уже знали, что Агис в тюрьме, у дверей стояли слуги; появились мать и бабка Агиса, они громко кричали, требуя, чтобы царя спартанцев выслушал и судил народ. Вот почему эфоры и поспешили завершить начатое, опасаясь, как бы

ночью, если соберется толпа побольше, царя не вырвали у них из рук.

После казни Агиса, Амфарет вышел к дверям, и Агесистрата, по давнему знакомству и дружбе, бросилась к нему с мольбою. Тот поднял ее с земли и заверил, что с Агисом ничего не случилось. Если она захочет, добавил он, то и сама может пройти к сыну. Агесистрата просила, чтобы вместе с ней впустили и мать, и Амфарет ответил, что ничего против не имеет. Пропустивши обеих и приказав снова запереть дверь тюрьмы, он первую предал палачу Архидамию, уже глубокою старуху, когда же ее умертвили, позвал внутрь Агесистрату. Она вошла - и увидела сына на полу и висящую в петле мать. Сама с помощью прислужников она вынула Архидамию из петли, уложила ее рядом с Агисом, а потом, упавши на тело сына и поцеловав мертвое лицо, промолвила: «Ах, сынок, твоя чрезмерная совестливость, твоя мягкость и твое человеколюбие погубили и тебя, и нас вместе с тобою!» Амфарет со злобой сказал ей: «Если ты разделяла мысли сына, то разделишь и его жребий!» И Агесистрата, поднимаясь навстречу петле, откликнулась: «Только бы это было на пользу Спарте!» (Плутарх «Агис»).

АДМЕТ

Царь из рода Пирридов, правивший молосами (Эпир) в V в. до Р.Х.

Адмет однажды обратился с какой-то просьбой к афинянам, но получил презрительный отказ от Фемистокла, который тогда был на высоте могущества в государстве. С тех пор Адмет был озлоблен против него, и ясно было, что он отомстит ему, если Фемистокл попадется ему в руки. Однако, когда Фемистокл, изгнанный из Эллады, всеми гонимый и преследуемый по пятам, явился с мольбой к Адмету, тот все-таки взял его под свою защиту и помог перебраться в Македонию (Плутарх: «Фемистокл»).

АДРИАН, Элий

Римский император в 117-138 гг. Родоначальник династии Антонинов. Род. 24 янв. 76 г. Умер 10 июля 138 г.

Род Адриана был связан в более отдаленные времена с Пиценом, а в более близкие - с Испанией. Сам он в книге о своей жизни упоминал о том, что его предки, происходившие из Адрии, поселились во времена Сципионов в испанском городе Италике. Отцом Адриана был Элий Адриан, по прозвищу Африканец, двоюродный брат императора Траяна. Лишившись отца на десятом году жизни, Адриан поступил под опеку своего двоюродного дяди - Ульпия Траяна. В детстве он так усиленно изучал греческую литературу и имел к ней такое пристрастие, что некоторые называли его гречонком.

В 91 г. Адриан вернулся в родной город и сейчас же поступил на военную службу, увлекаясь в то же время охотой в такой степени, что это вызвало нарекания. Увезенный поэтому из Италика Траяном, который относился к нему как к сыну, он был спустя немного времени децемвиром для решений судебных дел, а вскоре сделался трибуном второго легиона. После этого, уже в последние годы правления Домициана, он был переведен в Нижнюю Мезию. Когда Траян в 97 г. был усыновлен Нервой, Адриан, посланный для принесения поздравлений от имени войска, был переведен в Верхнюю Германию. Отсюда он поспешил к Траяну, чтобы первым возвестить ему о кончине Нервы в начале 98 г. Сервиан, муж его сестры (который возбудил против него неудовольствие Траяна сообщениями о его тратах и долгах), долго задерживал его и умышленно сломал его повозку с целью заставить его опоздать. Однако Адриан, совершая путь пешком, все-таки опередил ординарца, посланного самим Сервианом. Благодаря этому, а также при содействии близкого друга императора Суры, Адриан в полной мере заслужил дружбу Траяна и получил в жены его племянницу.

В 101 г. Адриан занимал должность квестора. Оглашая в это время в сенате обращение императора, он вызвал смех своим неправильным произношением. Тогда он принялся за изучение латинского языка и дошел до высшего совершенства и красноречия. После квестуры он ведал хранением сенатских протоколов и, став близким Траяну человеком, сопровождал его

во время Дакийской войны; в это время, по его словам, он пристрастился к вину, приспособившись к нравам Траяна, и за это был богато вознагражден им. В 105 г. он был назначен народным трибуном. Во время второго похода на даков в 106 г. Траян поставил его во главе первого легиона Минервы и взял его с собой, тогда он и прославился многими блестящими подвигами. Поэтому, получив в подарок от императора алмазный перстень, который сам Траян получил от Нервы, Адриан окрылился надеждой, что будет наследником. Он был сделан претором в 107 г., когда получил от Траяна на устройство игр два миллиона сестерциев. Затем был отправлен в качестве легата в Нижнюю Паннонию; там он укротил сарматов, поддержал военную дисциплину, обуздал прокураторов, сильно превысивших свою власть. За это Адриан в 108 г. был сделан консулом. Находясь в этой должности, он узнал от Суры, что будет усыновлен Траяном; с тех пор друзья Траяна перестали презирать его и выказывать пренебрежение. После смерти Суры он стал еще ближе к Траяну, главным образом благодаря речам, которые составлял вместо императора. Он пользовался и расположением его жены Плотины, стараниями которой он во время парфянского похода был назначен легатом и консулом на 118 г. Молва утверждала, что он подкупил вольноотпущенников Траяна, что он ухаживал за его любимцами и часто вступал с ними в связь, в то время как он стал своим человеком при дворе. В 117 г. он, будучи в то время легатом Сирии, получил письмо о своем усыновлении, а сразу вслед за тем известие о кончине Траяна. Было распространено мнение, что Траян хотел оставить своим преемником Нератия Приска, а не Адриана. Имеется также сообщение о том, что Адриан был признан усыновленным уже после смерти Траяна интригами Плотины, причем вместо Траяна слабым голосом говорило подставное лицо.

Достигнув власти, Адриан объявил, что будет действовать согласно заветам первого Августа, который завещал своим преемникам не стремиться к расширению империи, а лишь охранять уже завоеванное. Все свои усилия он направил к тому, чтобы установить мир по всему кругу земель. Ведь не только отпали парфяне и армяне, но производили нападение мавры, шли войной сарматы, нельзя было удержать под римской властью британцев, был охвачен мятежами Египет, наконец проявили непокорный дух Ливия и Палестина. Поэтому все земли за Евфратом и Тигром, завоеванные Траяном, он тотчас покинул и провозгласил их свободными. Беспорядки же в Иудее и Мавритании он распорядился подавить вооруженной рукой. Вслед за тем он выехал из Антиохии, чтобы встретить останки Траяна, и прибыл с ними в Рим.

В письме к сенаторам он просил извинения за то, что не дал сенату высказать суждение по поводу перехода к нему императорской власти, - потому что спешно был провозглашен воинами, так как государство не могло оставаться без императора. Поднесенное ему сенатом имя отца отечества Адриан отложил на более поздние времена. Похоронив Траяна, он отправился в Мезию против сарматов и роксоланов и успешно заключил с ними мир. Возвратившись в Рим, он обратился к текущим делам, в частности занялся устройством казенной почты, нужда в которой давно назрела. Он простил недоимки частным должникам и провинциям, долговые расписки велел сжечь на форуме. Пособия, введенные Нервой на воспитание детей бедняков, он удвоил, многим сенаторам выдал крупные денежные суммы и вообще поднял значение и престиж сенаторского звания на огромную высоту. В Риме он часто присутствовал при исполнении преторами и консулами их служебных обязанностей, принимал участие в пирах друзей, посещал больных по два и по три раза в день, в том числе некоторых всадников и вольноотпущенников, утешал их, поддерживал своими советами, всегда приглашал на свои пиры. В сущности, он во всем поступал как частный человек. Своей теще он оказывал исключительный почет.

Отправившись после этого в Галлию, он облегчил положение всех общин, даровав им разные льготы. Оттуда он перешел в Германию и сделал смотр легионам. При посещении лагерей, он питался на глазах у всех обычной солдатской пищей. Подобно Августу, которому он старался во всем подражать, Адриан с большой тщательностью вникал в армейские дела. Он точно определил служебные обязанности и расходы, строго спрашивал с провинившихся и щедро награждал достойных. Таким образом ему удалось восстановить воинскую дисциплину, пошатнувшуюся при прежних принцепсах. В своих поездках он носил самую простую одежду, встречался и общался с людьми самыми незнатными и держал себя с ними просто без всякой кичливости. Затем он поехал в Британию, где провел много полезных улучшений, в том числе

распорядился построить стену на протяжении восьмидесяти миль, чтобы она отделяла владения римлян от варваров. На обратном пути он заехал в свою родную Испанию и провел здесь зиму. В Тарраконе его едва не убил какой-то сумасшедший раб, бросившийся на него с мечом. Адриан сумел его обезоружить и передал подбежавшим слугам. Потом он по очереди посетил и многие другие провинции. Пожалуй, ни один император не объехал столько земель с такой быстротой. Вторая поездка его была в Ахайю и Сицилию, третья - в Африку. Потом он поехал в Азию, в Кападокии встретился с парфянским царем Осдромом, вернул ему дочь, захваченную в плен Траяном, и вообще постарался заручиться его дружбой. Повсюду он разбираал жалобы на прокураторов и наместников и сурово карал их, если обвинения оказывались справедливы. По пути в Египет он посетил Аравию, а затем совершил плавание вверх по Нилу.

В жизни Адриан бывал всяким: и строгим, и веселым, и приветливым, и грозным, и необузданным, и осмотрительным, и скупым, и щедрым, и простодушным, и притворщиком, и жестоким, и милостивым. С женой он не ладил и поэтому имел много связей на стороне с замужними женщинами и юношами. Из последних более всего он любил Антиною, и когда тот погиб во время путешествия по Египту, император оплакал его словно женщина. К друзьям он был очень щедр, но со многими из них впоследствии рассорился, так как охотно слушал наговоры. Некоторых он даже разорил или довел до самоубийства. В науках, в поэзии, литературе он был очень сведущ, прекрасно рисовал, играл на цитре и пел. После него осталось множество стихов о предметах его страсти. Но столь же прекрасно владел он и оружием, причем самым разным. К холоду и жаре он был привычен настолько, что никогда не покрывал головы. Он отличался замечательными ораторскими способностями и необыкновенной памятью. Многих людей он называл по именам без помощи номенклаторов, хотя слышал их имена только раз, а книги, однажды прочитанные, затем свободно цитировал по памяти. Некоторые даже сообщают, что он мог одновременно писать, диктовать и разговаривать с друзьями. Вся государственную отчетность он знал досконально. В его правление бывали голод, эпидемии, землетрясения; во всех этих несчастьях он проявлял заботливость и многим городам, опустошенным этими бедствиями, пришел на помощь.

Под конец жизни Адриан стал страдать от болезней и тогда задумался о своем преемнике. Между тем характер его под влиянием немочей стал гораздо хуже. Многих своих друзей, которых прежде очень отличал, он заподозрил в претензиях на власть и подверг опале либо умертвил. Наконец в 136 г. он усыновил Элия Вера, но тот умер два года спустя. Тогда, незадолго до смерти, он объявил сыном Аррия Антонина, который и наследовал ему (Спартиан: «Адриан»; 1- 7, 9- 15, 17, 20-21, 23-24).

АЕРОП I

Легендарный царь, правивший в Македонии в VII в. до Р.Х. Сын Филиппа I (Геродот: 8; 137-139). Царь Македонии в 396-393 гг. до Р.Х.

Аероп, сын Арравея, происходил из рода князей Линкистиды (Дройзен: 1; 1; 2). Согласно Диодору, он был опекуном малолетнего царя Ореста, но убил его и сам захватил власть (Диодор: 14; 39-40). После его смерти власть захватил Аминта II.

АКРОТАТ

Царь из рода Агидов, правивший в Лаконике в 265-262 гг. до Р.Х. Сын Арея I.

Последние годы правления Агидов прошли под знаком борьбы между старшей и младшей ветвями этого рода. Отец Акротата Арей I получил власть в обход дяди своего Клеонима. Клеоним затаил в своей душе обиду на всех сограждан. Кроме того, он уже в старости женился на Хилониде, дочери Леонтихида, женщине красивой и царского рода. Но она влюбилась в цветущего юношу Акротата, так что любившему ее Клеониму этот брак принес только горе и позор, ибо ни для кого из спартанцев не осталось тайной, как презирает его жена. И вот, когда к прежним обидам присоединились эти домашние неприятности, Клеоним, разгневанный и удрученный, привел в Спарту Пирра с 20-тысячным войском (в 272 г. до Р.Х.).

В эти годы Спарта жила лишь воспоминаниями былой славы. Сил не хватало ни для завоевательных, ни для оборонительных войн. К тому же царь Арей с лучшими воинами находился на Крите, и прекрасному войску Пирра противостояла лишь горстка бойцов. Было решено провести вдоль вражеского лагеря ров, а справа и слева от него расставить колесницы, врытые в землю до ступиц, чтобы они прочно стояли на месте и не давали пройти слонам Пирра.

Утром Пирр со своими гоплитами ударил на спартанцев, которые оборонялись, выставив щиты, и пытался преодолеть ров, непроходимый потому, что рыхлая почва на краю его осыпалась под ногами воинов, не давая им твердо ступить. Сын Пирра Птолемей с двумя тысячами галатов и отборными воинами из хаонов двинулся вдоль рва, стараясь прорваться через ряд колесниц. Галатам удалось вырвать колеса из земли и стащить колесницы в реку. Акротат, заметив опасность, с тремя сотнями воинов бегом пересек город, обошел Птолемя, скрывшись от него за склонами холмов, и, напав с тыла, заставил врагов повернуться и разделить свои силы. Солдаты Птолемя толкали друг друга, падали в ров, меж колесниц и, наконец, были отброшены, понеся большой урон. На подвиг Акротата смотрело множество стариков и женщин, и когда залитый кровью, гордый победой и всеми восхваляемый он возвращался через город, то казался спартанкам еще прекраснее, и они завидовали любви Хилониды. А некоторые старики, следуя за ним, кричали: «Ступай, Акротат, взойди на ложе Хилониды, чтобы подарить Спарте достойных потомков!»

На следующий день вернулся Арей с войском, и Пирр отступил от Спарты, так и не добившись успеха (Плутарх: «Пирр»; 26-29).

Приняв власть после гибели отца, Акротат в 262 г. до Р.Х. был разбит тираном Аристомедом в сражении при Мегалополе и погиб, оставив жену беременной (Плутарх: «Агис»; 3).

АЛЕКСАНДР

Византийский император Македонской династии, правивший в 912-913 гг. Сын Василия I. Умер 6 июня 913 г.

Александр царствовал с Константином, сыном своего старшего брата Льва, один год и двадцать два дня. По словам своего жизнеописателя, у него и раньше только и было дела, что, пользуясь небрежением брата, жить в неге и заниматься охотой. Исполнению царских обязанностей он предпочитал беспутство и роскошь, а уж воцарившись единолично, и вовсе не совершил ничего доблестного и достойного упоминания. Он низложил с большим поруганием почтенного патриарха Евфимия и вновь возвел низложенного братом Николая.

О смерти его рассказывается следующее. Однажды он пошел поиграть в мяч и вернулся весь в крови, текшей из носа и детородного члена (Продолжатель Феофана: 6, 2; 1-2, 7). Страдая от гниения и болезни, он призвал к себе Николая, передал ему опеку над малолетним Константином и вскоре умер («Псамафийская хроника»; 21).

АЛЕКСАНДР I

Царь Македонии, правивший в 495-450 гг. до Р.Х. Сын Аминты II.

Геродот рассказывает о следующем подвиге молодого Александра, бывшего тогда еще царевичем и наследником Аминты. После покорения фракийских пеонов полководец Дария Мегабаз отправил в Македонию послов - семь персов, наиболее важных после него людей в войске. Их отправили послами к Аминте с требованием земли и воды царю Дарию.

Аминта обещал дать то и другое и пригласил послов на угощение. Он устроил роскошный пир и любезно угощал персов. Послы безудержно бражничали и когда напились сверх всякой меры, то принялись хватать сидящих рядом македонских женщин за груди, а некоторые пытались даже целовать их.

При виде этого Аминта, хотя и возмущался, но все же старался сохранить спокойствие, так как сильно боялся персов. Александр же не смог смолчать и с негодованием сказал Аминте:

«Отец! В твои годы тебе лучше отдохнуть и больше не пить».

Когда Аминта ушел, Александр сказал послам, что женщины всецело в их распоряжении. Надо только отпустить их совершить омовение, а потом по желанию можно спать со всеми или только с некоторыми из них. Персы согласились, и Александр отослал македонок в женский покой. Вместо них он велел переодеть в женские одежды столько же безбородых юношей и, дав им кинжалы, ввел в покой. Когда персы стали хватать юношей, те перебили их.

Чтобы замять это дело, Александр подкупил перса Бубара, главу персидских должностных лиц, посланных на поиски пропавших послов, отдав ему огромную сумму денег и свою сестру Гигею (Геродот: 5; 18-21).

В дальнейшем, когда Ксеркс готовился вторгнуться в Элладу, эллинское войско прибыло в Темпейскую долину и встало на защиту пути между горами Олимпом и Оссой, ведущему из Нижней Македонии в Фессалию. Но, по совету Александра, эллины отступили, так и не дав сражения (Геродот: 7; 173).

После вторжения персов, Александр был вынужден признать полную власть Ксеркса и вместе со своей армией участвовать в походе на Элладу. Во время Саламинской битвы македонская армия стояла гарнизонами в Беотии. Уже после отступления Ксеркса оставшийся вместо него главнокомандующим Мардоний отправил Александра вести переговоры с афинянами. Мардоний знал, что Александр был гостеприимцем афинян и имел почетное звание благодетеля города (Геродот: 8; 136).

Прибыв в Афины, Александр к официальным речам присоединил свои уговоры и, пугая афинян могуществом Ксеркса, советовал им стать его союзниками. Однако миссия его не увенчалась успехом, афиняне остались верны союзу с лакедемонянами и в следующем году сражались вместе с ними в битве при Платеях.

В ночь перед решительным сражением Александр прискакал к афинской страже и сообщил о намерении Мардония дать завтра генеральное сражение (Геродот: 9; 44-45).

Ксеркс даровал Александру власть над всей областью между горами Олимпом и Гемом, но Александр увеличил свои владения не в меньшей степени благодаря своей доблести, чем щедрости персов (Юстин: 7; 4).

АЛЕКСАНДР II

Царь Македонии в 370-369 гг. до Р.Х. Сын Аминты III.

В 369 г. до Р.Х. Александр начал войну с братом Птолемеем. Оба они посылали в Фивы за Пелопидом, чтобы тот примирил их, рассудил и оказал поддержку тому, кого сочтет обиженной стороной. Пелопид уладил раздоры, вернул изгнанников и, взяв в заложники Филиппа, брата царя, вернулся в Фивы. Но некоторое время спустя Птолемея убил Александра и сам захватил власть (Плутарх: «Пелопид»; 26-27). По свидетельству Юстина, Александр пал жертвой козней своей матери Евридики, которую Аминта III некогда пощадил ради своих детей от нее (Юстин: 7; 4).

АЛЕКСАНДР III МАКЕДОНСКИЙ

Царь Македонии в 336-323 гг. до Р.Х. Сын Филиппа II и эпирской царевны Олимпиады. Род. в 356 г. до Р.Х. Умер 13 июня 323 г. до Р.Х. Ж: 1) Роксана; 2) Статира.

По свидетельству Плутарха, Александр еще в отроческом возрасте проявлял редкий здравый смысл: неистовый и неудержимый в остальном, он был равнодушен к телесным наслаждениям и очень в них умерен. Честолюбия же и благородной гордости он был преисполнен не по возрасту. Дорожил он, однако, не всякой похвалой и не от каждого. Всякий раз при известии о том, что Филипп взял знаменитый город или одержал славную победу, Александр мрачнел и говорил, обращаясь к сверстникам: «Отец все забирает себе сам. Мне с вами не достанется совершить ни одного великого, блистательного дела». Уже с раннего детства он ревновал к отцовской славе и старался соперничать с ним. В связи с этим

рассказывают такую историю. Однажды Филоник привел Филиппу Букефала, предлагая его за 13 талантов. Спустились на равнину испытать лошадь - она оказалась норовистой и совершенно неукротимой: сесть на себя она не давала, не слушалась никого из спутников Филиппа и перед каждым взвивалась на дыбы. Филипп рассердился и приказал уже увести коня, потому что он совершенно дик и необъезжен, но Александр, находившийся здесь, воскликнул: «Какую лошадь теряют по своему неумению обращаться с лошадьми». Филипп заметил ему: «Ты порицаешь старших, будто сам знаешь и умеешь больше!» «Конечно, - ответил тот, - я с ней лучше справлюсь, чем кто-нибудь другой!» «А если нет, то как наказать тебя за дерзость?» - спросил Филипп. «Я заплачу цену лошади», - сказал Александр. Поднялся смех; отец с сыном точно условились насчет денег. Александр тут же подбежал к лошади, взял ее за узду и повернул к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь начинает беспокоиться при виде собственной двигавшейся перед ним тени. Немного пробежав с ним рысью, Александр вскочил на Букефала и крепко уселся верхом. Конь помчался вперед. Спутники Александра сначала замерли от страха и молчали; когда же Александр повернул прямо к ним, гордый и ликующий, все подняли радостный крик; отец же, говорят, прослезился от радости, а когда сын сошел с коня, поцеловал его в голову и сказал: «Дитя мое, поищи царства по себе; Македония для тебя тесна».

Александр упорствовал в споре, если его принуждали. Насилие его возмущало, а убеждением легко было направить его на должный путь. Филипп и сам старался скорее убеждать его, а не приказывать. Не особенно доверяя надзору и влиянию учителей, обучавших Александра, он пригласил Аристотеля, самого знаменитого философа и ученого. Под его руководством Александр изучал не только этику и науку об управлении государством, но был также приобщен к учениям сокровенным и более глубоким, которые именовались «изустными и тайными». Аристотель также привил Александру любовь к медицине. Позже Александр не раз рекомендовал в письмах своим друзьям способы лечения и образ жизни. Он вообще любил науку и был любознателен. Считая, что «Илиада» возбуждает к воинской доблести, он взял ее экземпляр, исправленный Аристотелем, и, по сообщению Окесикрита, держал его всегда под подушкой вместе с кинжалом. Аристотелем он вначале восхищался и любил его, по собственным словам, не меньше отца. Впоследствии он стал относиться к нему подозрительно; зла не делал, но в отношениях не было прежней горячей любви: они охладели друг к другу. Однако любовь к философии, врожденная и возрастающая с годами, не иссякла в его душе.

Когда Филипп отправился в поход против греков, Александру было 16 лет. Оставшись полноправным распорядителем македонских дел и государственной печати, он покорил отпавших мэдов, взял их город, выгнал варваров и поселил здесь пришельцев из разных городов, а сам город назвал Александрополем. Он лично принимал участие в битве против эллинов при Херонее и, говорят, первый бросился на «священный» отряд фиванцев. Филипп после этого особенно полюбил сына и радовался, когда македонцы называли Александра царем, а его полководцем. Однако домашние неурядицы, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, привели к тяжелому раздору, который Олимпиада, женщина с тяжелым характером, ревнивая и раздражительная, еще более обостряла, подстрекая Александра против отца. В полной мере этот раздор выявился на свадьбе Филиппа с Клеопатрой, молоденькой девушкой, в которую Филипп страстно влюбился. Ее дядя Аттал, подвыпивши, предложил македонянам помолиться о том, чтобы от Филиппа и Клеопатры родился законный наследник царства. Александр рассердился и крикнул: «А, по-твоему, болван, я незаконный?» - и швырнул в Аттала чашей. Филипп бросился на Александра с мечом, но, к счастью для обоих, споткнулся, раздраженный и пьяный, и упал. «Вот человек, - сказал Александр, - который собирается перешагнуть из Европы в Азию, а свалился, шагая от ложа к ложу!»

После этой пьяной дерзости Александр взял с собой Олимпиаду и, устроив ее в Эпире, жил сам у иллирийцев. В это время коринфянин Демарат, друг царского дома, привыкший говорить с царем откровенно, приехал к Филиппу. После первых приветствий Филипп спросил, в согласии ли живут между собой эллины. «Тебе, Филипп, как раз и пристало заботиться об Элладе, когда в твоём собственном доме такая распря по твоей вине», - заметил Демарат. Филипп одумался, послал в Иллирию и при посредничестве Демарата убедил Александра вернуться. Но вскоре между отцом и сыном произошла новая ссора из-за планов Филиппа

женить своего сына Арридея на дочери карийского сатрапа Пиксодача. Александр был встревожен этим, так как опасался, что Филипп передаст престол Арридею, и сам захотел жениться на этой девушке. Когда Филипп узнал об этом, он осыпал Александра бранью и горькими упреками, а друзей его - Неарха и Птолемея - выслал из Македонии.

Когда Филипп был убит Павсанием, то вина за это преступление пала главным образом на Олимпиаду, которая подговаривала и подстрекала юношу. Александр тем не менее разыскал участников заговора и наказал их. Он очень негодовал на Олимпиаду, жестоко расправившуюся в его отсутствие с Клеопатрой (Плутарх: «Александр»; 2-10).

Так как в войске Филиппа были представители разных народностей, то его смерть восприняли по-разному. Одни, угнетаемые несправедливым рабством, стали надеяться на получение свободы; другим надоела долгая служба, и они радовались тому, что избавились от похода в Азию; друзей царя при столь неожиданном известии охватил великий страх. Они представляли себе то Азию, вызванную на бой, то Европу, еще неукрощенную, то иллирийцев, фракийцев, дарданцев и другие варварские племена, верность которых была сомнительна; если бы все эти народы одновременно отложились от Македонии, устоять было бы невозможно (Юстин: 11; 1).

В таких обстоятельствах Александр принял власть. Ему было 20 лет от роду: великое недоброжелательство, страшная ненависть и опасность окружали его со всех сторон (Плутарх: «Александр»; 11). Прежде всего он постарался вселить бодрость в самих македонцев. Он выступил в народном собрании и своими твердыми речами сразу внушил веру в себя. Всех македонцев он освободил от государственных повинностей, кроме воинской службы, и этим поступком заслужил такое расположение со стороны всех окружающих, что стали говорить: на престоле сменился человек, но доблесть царская осталась неизменной.

На похоронах отца перед могильным холмом Александр приказал казнить всех соучастников его убийства, пощадив только Александра Линкеста. Приказал он также умертвить своего соперника по праву на власть, своего брата Карана, рожденного от мачехи (Юстин: 11; 1-2). Аттал, племянник Клеопатры, второй жены Филиппа, мог притязать на царский престол, и Александр решил покончить с ним, тем более что за несколько дней до кончины Филиппа Клеопатра родила сына. Аттал еще раньше был отправлен во главе войска вместе с Парменионом в Азию. Своей щедростью и ласковым обхождением с солдатами он приобрел в лагере большую популярность. У Александра были основания бояться, как бы этот человек не стал с помощью греков оспаривать у него власть. Поэтому, выбрав одного из друзей, Гекатея, он послал его с достаточным отрядом в Азию, поручив ему доставить Аттала живым или, в случае необходимости, убить его. Подозрения царя были очень основательны. После смерти Филиппа Аттал сначала задумал переворот и вошел с афинянами в заговор против Александра, но затем одумался, переслал Александру письмо, полученное от Демосфена, и пытался дружественными речами рассеять возводимые на него обвинения. Гекатей хитростью убил Аттала и тем самым прекратил в македонском войске всякие помыслы о восстании: Аттал был мертв, а Парменион дружественно расположен к Александру.

После этого Александр обратился к эллинским делам, поскольку они требовали неотложного решения. Афиняне, которых восстанавливал против македонцев Демосфен, обрадовались смерти Филиппа и побудили многие города выступить за свою свободу. Этолийцы постановили вернуть из Акарнании изгнанников, отправленных туда по предложению Филиппа. Амбракиоты изгнали македонский гарнизон и установили демократическое правление. Точно так же фиванцы постановили выгнать гарнизон, стоявший в Кадмее, и не предоставлять Александру гегемонии над эллинами. Что касается пелопоннесцев, то тут дела были еще хуже. Аркадяне и лакедемоняне вообще не признавали гегемонии Македонии, а аргосцы и элейцы готовы были восстать в любой момент. Едва ли можно было надеяться и на окружавшие Македонию варварские племена.

Действуя в этих трудных обстоятельствах, угрожавших его власти, Александр, вопреки ожиданиям, быстро усмирил все враждебные ему силы. Одних он привлек на свою сторону, действуя словом и убеждением; других смирил страхом; некоторых покорил и подчинил себе силой.

Фессалийцев первых убедил он вручить ему по всенародному постановлению гегемонию

над Элладой, переходившую к нему от отца. Добился этого он исключительно лестью и лаской, повсюду произнося дружественные речи и вскружив им голову широкими обещаниями. После фессалийцев он отправился на совет амфикионов в Фокиду и также убедил их с общего постановления вручить ему гегемонию над Элладой. К амбракиотам он отправил дружественное послание и убедил их, что еще немного - и они получают автономию, которую он сам с охотой собирает им дать.

Против непокорных он двинул македонское войско во всем его грозном снаряжении. После трудного перехода Александр явился в Беотию, разбил лагерь неподалеку от Кадмеи и внушил ужас жителям Фив. Афиняне, узнав о появлении царя в Беотии, перестали относиться к нему пренебрежительно. Стремительность юноши и его энергичная деятельность сильно напугала людей, враждебно к нему настроенных. Афиняне отправили к Александру послов с просьбой простить их, если они замедлили с предоставлением ему гегемонии. Александр дал ласковый ответ послам. Избавив афинский народ от великого страха, он отправил в Коринф приказ послам и членам совета встретить его; когда совет собрался, Александр произнес речь и своими разумными и кроткими словами убедил эллинов назначить его полномочным военачальником Эллады и идти с ним на персов, наказав их за вину перед греками. Получив этот почетный титул, царь с войском вернулся в Македонию и стал готовиться к походу в Азию (Диодор: 17; 3-5).

С наступлением весны 335 г. до Р. Х. Александр отправился во Фракию против трибалов и иллирийцев, так как узнал, что те восстали; кроме того, он считал, что, отправляясь в такой дальний путь от дома, не следует оставлять у себя за спиной соседей, которые до конца не усмирены. Александр собирался из Амфиполя вторгнуться в землю так называемых «независимых» фракийцев. Говорят, что, перейдя реку Несс, он на десятый день подошел к Балканам. Там, в ущелье, через которое шла дорога на гору, его встретила толпа вооруженных горцев и «независимые» фракийцы. Они захватили вершину Гема и приготовились преградить войску дальнейший путь. Сюда же они затащили множество телег, которые собирались сбросить на македонскую фалангу. Александр, узнав об этом, велел воинам падать на землю при виде телег и, закрывшись щитами, лежать, тесно прижавшись друг к другу. Он был уверен, что телеги перескочут через них, не причинив вреда. Так и случилось. Македонцы приободрились, видя, что телеги, которых они больше всего боялись, не нанесли им вреда, и с криком кинулись на фракийцев. Фаланга без труда отбросила плохо вооруженных варваров, так что они, побросав оружие, кинулись с горы кто куда.

Александр, перевалив Балканы, пошел вперед на трибалов и прибыл к реке Лигину. Сирм, царь трибалов, укрылся на одном из дунайских островов. Большая же часть трибалов сосредоточилась в тылу у македонцев. Когда Александр узнал, куда ушли трибалы, он повернул обратно и застиг их врасплох. Трибалы построились в лесу, росшем у реки. Александр, выставив вперед лучников и пращников, приказал им осыпать варваров стрелами и камнями. Как он и ожидал, оказавшись под дождем стрел, трибалы сделали вылазку. Выманив противника из леса, Александр атаковал его с фланга конницей, а с фронта ударила фаланга. Не выдержав удара, трибалы обратились в бегство.

На третий день после этой битвы Александр подошел к Дунаю и решил переправиться через него, чтобы напасть на гетов. Судов было мало. Поэтому полторы тысячи всадников и около 4000 пехотинцев переправились через реку на набитых сеном мешках. Геты, пораженные стремительностью, с которой совершилась переправа через великую реку, бежали, не дав решительного сражения. Македонцы овладели их городом. Сюда прибыли послы от фракийских и кельтских племен с заверениями дружбы. Пришли послы и от Сирама, царя трибалов. Заключив мир, Александр вернулся за Дунай и тут узнал, что иллирийское племя тавлантиев отпало от него, а во главе восстания стоят царь Главкия и изменивший ему Клит, сын Бардилея. Александр отправился в Македонию к городу Пелий, где находилось войско Клита. Но едва македонцы приступили к осаде, как появились иллирийцы с Главкией во главе. Сражаться на два фронта не было никакой возможности, и Александр начал отступление, которое проходило через теснины, занятые врагом, и было очень трудным. Тем не менее благодаря искусным маневрам македонцам без больших потерь удалось отступить за реку Эригон. Спустя три дня Александр узнал, что войско Клита и Главкия находится в полной

беспечности: караулы для охраны не расставлены, перед лагерем нет ни палисада, ни рва, словно все думают, что Александр в страхе бежал. Ночью Александр незаметно переправился через реку и ударил на неприятеля, когда тот меньше всего этого ожидал. Многие были убиты в постели, а другие погибли при беспорядочном и паническом отступлении.

В это время некоторые из фиванских изгнанников вернулись в Фивы: кое-кто в городе подстрекал их к восстанию. Из кадмейского гарнизона они вызвали Аминту и Тимолая и убили их за стенами Кадмеи, когда те не подозревали ничего худого. Явившись в народное собрание, изгнанники убеждали фиванцев отпасть от Александра, прельщая их свободой и избавлением от македонского ига. Так как они утверждали, что Александр умер в Иллирии, то речи их показались толпе особенно убедительными. Молва о смерти Александра разрасталась и шла с разных сторон; прошло действительно немало времени, как от него не приходило никаких известий. И как это обычно бывает в таких случаях, люди, не разузнав, как обстоит все на самом деле, выдавали желаемое за действительное.

Когда Александр узнал о событиях в Фивах, он отнесся к ним очень серьезно. Александр уже давно держал в подозрении Афины и считал, что дерзкое предприятие фиванцев может увенчаться успехом, если к ним примкнут лакедемоняне, другие пелопоннесцы и этолийцы. Пройдя через Эордею и Элимиотиду, он перевалил через горы Стимфеи и Паравии и на седьмой день прибыл в Пелину в Фессалии. Выступив оттуда, он на шестой день вторгся в Беотию; фиванцы узнали о том, что Александр прошел через Фермопилы, когда он со всем войском был уже в Онхесте. На следующий день они увидели македонское войско под стенами Фив (Арриан: 1; 1- 7).

Сначала Александр не предпринимал никаких действий, давая фиванцам время одуматься и посоветоваться; он предполагал также, что один город не осмелится выступить в одиночку против такой армии. И если бы фиванцы, уступая обстоятельствам, отправили к македонцам посольство, прося мира и согласия, то Александр охотно пошел бы на переговоры и удовлетворил бы все их просьбы. Ему хотелось покончить со смутами в Элладе и целиком заняться войной с персами. Теперь же, видя, что фиванцы ни во что его не ставят, он решил сравнять город с землей и таким страшным делом отвратить от попыток к отпадению всех, кто собирался на это отважиться. Выстроив войско в боевом порядке, он приказал объявить: кто из фиванцев пожелает, тот может явиться к нему и стать причастным к миру, установленному для всей Эллады. Фиванцы по своей гордости также ответили объявлением: с какой-то башни они провозгласили, что каждый, кто желает с помощью персидского царя и фиванцев освободить эллинов и уничтожить тирана Эллады, пусть приходит к ним. Александра это чрезвычайно оскорбило; вне себя от гнева он решил страшно наказать фиванцев (Щиодор: 17; 10).

Когда начался бой, фиванцы опрокинули отряд Пердики и лучников, но при этом сами растянули и потеряли строй. Видя это, Александр бросил на них выстроенную фалангу, которая и оттеснила их за ворота. Фиванцы бежали в таком ужасе, что, теснимые в город через ворота, они не успели эти ворота закрыть. Вместе с ними ворвались те македонцы, которые бежали сразу за ними. Навстречу победителям выступил македонский гарнизон из Кадмеи. Какое-то время отряды фиванцев еще держались у храма Амфиона. Когда же македонцы стали нажимать на них со всех сторон, а Александр появлялся то тут, то там, фиванцы обратились в бегство. И тогда началось беспорядочное истребление уже не защищавшихся фиванцев, причем жестокость проявляли не столько македонцы, сколько фокейцы и беотийцы; одних из фиванцев застигали в домах, некоторые пытались сопротивляться, другие молили о пощаде, припав к жертвенникам, но жалости не было ни к женщинам, ни к детям.

Это бедствие, постигшее Фивы, потрясло остальных эллинов не меньше, чем самих участников этого дела: величие взятого города, стремительность покорения, неожиданное поражение и неожиданная победа - все их потрясло. Но еще более поразила жестокость, с которой Александр расправился с побежденными. Александр поручил распорядиться судьбой Фивсоюзникам, принимавшим участие в этом деле; те решили поставить в Кадмее гарнизон, город же срыть до основания, а землю, кроме священной, разделить между союзниками; детей, женщин и фиванцев, оставшихся в живых, кроме жрецов, жриц, друзей Филиппа и Александра и македонских проксенов, продать в рабство. Рассказывают, что Александр, из уважения к Пиндару, сохранил дом поэта и спас его потомков. Сверх того союзники постановили

восстановить Орхомен и Платеи и обнести их стенами (Арриан: 1; 8-10).

Покончив с делами в Элладе, Александр вернулся в Македонию. Зимние месяцы он посвятил улаживанию своих собственных дел, поскольку предполагал, что отсутствие его продлится долго (в действительности же он вообще больше не вернулся на родину). Все свое наследственное состояние, которым он владел в Македонии и в Европе, Александр разделил между друзьями (Юстин: 11; 5) Когда почти все царские доходы были розданы и расписаны, Пердикка спросил: «Что ты оставишь себе самому, царь?» «Надежды», - ответил Александр (Плутарх: «Александр»; 15).

С наступлением весны 334 г. до Р.Х. Александр отправился к Геллеспонту, поручив управление Македонией и эллинами Антипатру; он вел с собою пеших, легковооруженных и лучников немного больше 30 000 и всадников свыше 5000. На 20-й день после отправления из дому он прибыл в Сеет, оттуда на 160 триерах войско переправилось в Абидос. Александр первым во всеоружии вступил на азиатскую землю и совершил паломничество в Трою, где принес жертву Афине (Арриан: 1: 11).

От Геллеспонта македонцы начали наступление в глубь Азии. К этому времени военачальники Дария собрали большое войско и выстроили его у переправы через Граник: приходилось сражаться как бы в воротах Азии, чтобы войти в нее и овладеть ею. Большинство испугалось глубокой реки и обрывистого крутого берега, на который надо было выходить, сражаясь. Парменион ввиду позднего часа не советовал рисковать, но Александр ответил, что если он испугается Граника, то ему стыдно будет перед Геллеспонтом, через который он переправился без задержки, и с 13 конными отрядами бросился в поток. Он направился прямо на вражеские стрелы к обрывистым берегам, которые охранялись конными и пешими воинами. Поток уносил и заливал его солдат, и казалось, что их ведет безумец, а не разумный и осмотрительный вождь. Все же упорно продолжая переправу и с великим трудом одолев мокрый и скользкий от грязи подъем, Александр сразу же вынужден был вступить в сражение при полном беспорядке в своем войске; противники схватились один на один, пока Александру удалось кое-как перестроить своих переправившихся воинов. Враги наседали с криком; конница бросилась на конницу; сражались копьями, и, когда копья сломались, стали рубиться мечами. Многие пробились к Александру (он был приметен своим щитом и шлемом с гребнем, по обе стороны которого торчало по перу изумительной величины и белизны); дротик попал сквозь просвет в панцире, но не поранил Александра. Двое персидских полководцев, Ресак и Скифридат, вместе устремились на него; он увернулся от Скифридата, а на Реса-ка, закованного в латы, бросился сам. Копье у него сломалось, он выхватил кинжал. Полководцы схватились врукопашную; Скифридат подскакал сбоку и, стремительно приподнявшись, ударил Александра персидским мечом. Шлем едва выдержал удар, гребень с одним пером отлетел, и лезвие меча коснулось волос Александра. Скифридат замахнулся вновь, но его опередил Черный Клиг, пронзив копьем насквозь. Под мечом Александра пал и Ресак.

В опасном и трудном положении находилась конница, когда переправилась македонская фаланга и начала стягиваться пехота. Ее удара персы не выдержали. Неприятель сопротивлялся слабо и недолго; все, кроме греческих наемников, обратились в бегство. Последние выстроились возле какого-то храма и хотели сдаться Александру под честное слово. Но тот, движимый скорее гневом, чем рассудком, первым напал на них. Именно на этом месте оказалось больше всего раненых и убитых, потому что здесь македонцам пришлось схватиться с мужественными воинами, потерявшими всякую надежду. Варвары тем временем успели бежать. Их почти не преследовали (Плутарх: «Александр»; 16).

От Граника Александр двинулся на Сарды. В 70 стадиях от города его встретил Мифрен, фрурарх кремля, и важнейшие люди города: они сдали ему Сарды, а Мифрен вручил кремль и сокровища, там находившиеся. Александр оставался в Сардах столько, сколько требовали лидийские дела, и оттуда отправился в Эфес. Наемники, стоявшие в Эфесе, бежали. Вступив в город, Александр восстановил здесь демократию, а подати, шедшие раньше царю, велел уплачивать Артемиде. Алкимаха, сына Агафокла, Александр послал к тем эолийским городам и тем ионийцам, которые еще находились под властью персов. Он приказал всюду уничтожать олигархию и восстанавливать демократическое правление, разрешать всем жить на их землях и отменить подати, которые платились варварам.

Сам он из Эфеса пошел к Ми-лету. Внешний город, покинутый гарнизоном, он взял сходу и расположился там лагерем, а к стенам внутреннего города велел подвести машины. Через короткое время часть стен оказалась разрушена, а другая сильно разбита, и Александр повел свое войско на приступ через развалины и проломы. Под натиском македонцев, напиравших со всех сторон, милетяне и наемники, которым поручена была оборона крепости, обратились в бегство. Но большинство из них оказалось перебито, так как Милет был блокирован с суши и моря. Оставшимся в живых 300 наемникам-эллинам Александр предложил вступить в свое войско, а милетянам даровал свободу.

Покончив с этими делами, он пошел в Карию, так как ему сообщили, что в Галикарнассе собралась немалая сила варваров и чужеземцев. Александр велел засыпать ров перед городом, а к стенам придвинуть башни и осадные машины. Все попытки осажденных уничтожить их были отбиты с немалым для них уроном. Родосец Мемнон, руководивший обороной, вскоре понял, что при сложившемся положении вещей не сможет долго выдерживать осаду: часть стены уже обрушилась, часть пошатнулась; много воинов погибло при вылазках. Учтя все это, Мемнон велел поджечь город и, оставив в акрополе самый лучший отряд со всем снаряжением, велел перевезти остальных на Кос. Когда Александр узнал о происшедшем, то велел сравнять город с землей, а засевших в крепости оставить пока без внимания - большого значения это уже не имело. Правительницей Карики он поставил Аду, дочь Гекатомна.

Зимние месяцы Александр потратил на покорение Ликии и Пам-филии, желая завладеть побережьем и лишить базы вражеский флот. Заняв после двухмесячной осады Килену, он повел войско в Гордий, который считался столицей древней Фригии. Здесь он поднялся в кремль, где находился дворец родоначальника фригийских царей Гордия и его сына Мидаса. Ему очень хотелось осмотреть повозку Гордия и узел на ярме этой повозки. Говорили, что тому, кто развяжет узел на ярме, предсказано владеть Азией. Узел был связан из лыка дикой вишни, и в нем не было видно ни конца ни начала. Александр не мог разгадать загадку узла, оставить же узел не развязанным он не хотел, чтобы это не вызвало волнения и толков в народе. Одни рассказывают, что он разрубил узел мечом. Аристокбул же пишет, что он просто вынул загозду из дышла, после чего легко снял ярмо, не развязывая узла. Во всяком случае, все присутствовавшие при этом остались в убеждении, что пророчество сбывается на Александре.

На следующий день он выступил в Анкиру, город Галатии. Тут к нему пришло посольство от паф-лагонцев с заявлением, что народ их сдается Александру, вступает с ним в переговоры, но просит не - входить в их землю с войском. Александр распорядился, чтобы пафла-гонцы были подчинены Калату, сатрапу Фригии; сам же устремился в Каппадокию и взял всю землю по ту сторону реки Галиса и еще большое пространство за ней. Отсюда он двинулся к Киликийским воротам (Арриан: 2; 3-4). Он знал, что Киликия защищена непрерывной крутой и обрывистой цепью гор, которая начинается у моря и, как бы описав дугой залив, снова возвращается другим своим концом к морю. Через эту горную цепь в том месте, где море наиболее вдавалось в берега, вели три узких и крутых прохода. Войти в Киликию можно было лишь по одному из них. Арсам, сатрап Киликии, вместо того, чтобы сосредоточить все свои войска в проходах, был занят тем, что опустошал свою страну огнем и мечом. Он хотел оставить македонцам лишь голую и бесплодную землю. Когда Александр с легкими частями вступил в проход, персидская стража бежала, бросив свои посты. Овладев таким образом самым узким местом прохода, которое называлось «воротами», Александр, как говорят, сам удивился своему счастью: он признался, что мог быть завален камнями, если бы нашлось, кому сбрасывать их на идущее внизу войско. Дорога едва давала возможность идти по ней четверем воинам в ряд; гора нависала над дорогой, не только узкой, но и обрывистой, а также часто пересекаемой потоками, текущими с гор (Курций Руф: 3; 4). На следующий день на заре Александр прошел со всем войском через ворота и вторгся в Киликию. Там ему сообщили, что Арсам, думавший раньше сохранить для персов Таре, теперь, узнав о переходе Александра через «ворота», собирается оставить город; тарсяне же боятся, что он прежде его разграбит. Услышав об этом, Александр устремился к Тарсу с конницей и самыми быстрыми отрядами легковооруженных. Арсам, узнав о его стремительном приближении, поспешно бежал из Тарса к Дарию, не успев нанести городу никакого ущерба (Арриан: 2; 4).

Радость македонцев была омрачена болезнью Александра. По словам одних, болезнь эта

случилась от усталости, по словам других, от того, что царь выкупался в ледяной воде Кидна. Из врачей никто не отважился оказать ему помощь, считая, что перед этой болезнью они бессильны, и боясь, в случае неудачи, обвинений со стороны македонцев. Акарнанец Филипп тоже видел опасность положения Александра, но он надеялся на его дружелюбное отношение к себе и считал преступным избегать опасности, если в опасности царь. Филипп решил рискнуть, не останавливаясь в лечении перед самыми крайними средствами. Он приготовил лекарство и убедил Александра стерпеть и выпить его, если он хочет поскорее выздороветь. В это время Парменион прислал из лагеря письмо, в котором настоятельно советовал остерегаться Филиппа, потому что Дарий будто бы подкупил его щедрыми подарками и обещанием выдать за него свою дочь, только бы он погубил Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из друзей, положил под подушку. В назначенный час вошел вместе с друзьями Филипп с чашей лекарства в руках. Александр передал ему письмо, а сам взял лекарство. Он пил, а Филипп в это время читал письмо Пармениона. Сразу стало ясно, что Филипп спокоен за свое лекарство. Письмо не испугало его; он только посоветовал Александру слушаться его и в дальнейшем: если он будет слушаться, то выздоровеет. Лекарство сначала подействовало очень сильно: Александр потерял голос; органы чувств почти перестали действовать, наступил обморок. Вскоре, однако, он оправился и почувствовал прилив сил и только тогда вышел показаться македонцам: вид его рассеял их уныние (Плутарх: «Александр»; 19). После этого он послал Пармениона к другим «воротам», которые находились на границе Киликии и Ассирии, велел заранее захватить проход и охранять его. Сам он с основными силами двинулся следом (Арриан: 2; 5). Парменион занял самую узкую часть дороги, а затем захватил Исс, также покинутый варварами. Продвинувшись оттуда, он вытеснил отряды, оборонявшие внутренние горные районы, и овладел дорогой. Александр продвинул армию к Иссе. Здесь надо было решать, идти ли дальше или ждать свежие силы из Македонии. Парменион высказал мнение, что другого более удобного места для сражения не найти: ведь силы обоих царей будут равны, узкий проход не сможет вместить большого количества людей, а македонцам надо избегать равнин и открытых полей, где их могут окружить и перебить в бою на два фронта. Его разумные доводы были приняты, и Александр решил дожидаться врага среди горных равнин.

Дарий тем временем уже был в Ассирии, в нескольких переходах от македонской армии. Греческие наемники усиленно уговаривали его вернуться на просторные равнины Месопотамии, где персы могли вполне использовать свою конницу, но царь отверг их предложения и вступил в горную Киликию. Он занял Исс вскоре после того, как македонцы покинули его, и таким образом оказался в тылу у Александра. Когда Александру сообщили об этом, он сначала отказывался верить в такую удачу, а затем сказал, что Дарий теперь у него в руках (Курций Руф: 3; 7-8).

Македонцы ночью выступили навстречу персам. На рассвете войско вышло из горных теснин, и Александр развернул его широким фронтом. С одной стороны была гора, с другой - море. Горы были заняты персами, и это внушало Александру опасения за судьбу правого фланга. Он расположил здесь два полка - Кена и Пердикки. На левом крыле стояли полки Аминты, Птолемея и Мелеагра. Общее командование левым флангом было поручено Пармениону. Александр приказал ему не отходить от моря, чтобы всей армии не попасть в окружение варваров, которые рассчитывали благодаря своей численности обойти македонцев. Сам он расположился на правом фланге во главе фессалийской и македонской конницы. Пелопонесскую конницу он отправил на левый фланг к Пармениону. Лучники и легкая пехота заняли позиции перед фронтом войска.

Дарий построил свою армию на другом берегу Пинара. Против македонской фаланги он поставил 30 000 эллинских наемников, а по обоим их сторонам 60 000 кардаков (это были тоже гоплиты). Остальное множество легковооруженных и гоплитов бесполезно глубоким строем стояло за эллинами-наемниками и кардаками. Всего у царя было около 600 000 человек. Большую часть своей конницы Дарий расположил на правом крыле против Пармениона, так как здесь предполагал нанести решающий удар. Сам Дарий находился в середине всего строя.

Поняв, какая опасность угрожает Пармениону, Александр отослал ему всю фессалийскую конницу со своего фланга. Бой начался с того, что легкая пехота македонцев атаковала персов, засевших на горе, и легко отогнала их, заставив снизу бежать наверх. Затем македонцы

перешли в наступление по всему фронту, в то время как персы ожидали их, стоя на своем берегу. Оказавшись на расстоянии полета стрелы, воины, окружавшие Александра, и сам Александр первыми бросились к реке, чтобы своим стремительным напором напугать персов и схватиться поскорее врукопашную. Случилось так, как и предполагал Александр. Как только дело дошло до рукопашной, левое крыло персидского войска обратилось в бегство; Александр и его воины одержали здесь блестящую победу.

Но из-за стремительного движения по пересеченной местности македонская фаланга разорвалась в нескольких местах - и эллинские наемники Дария бросились на македонцев как раз там, где видели, что строй наиболее разорван.

Завязалась жаркая схватка: наемники старались столкнуть македонцев в реку и вырвать победу для своих уже бегущих соратников.

В это время полки правого фланга, видя, что персы, стоявшие против них, уже бегут, повернули на наемников в помощь своим тесным товарищам. Атакованные с фланга и фронта наемники были таким образом опрокинуты и перебиты. Пока происходили эти события, персидская конница, выступившая против Пармениона, переправилась через реку и накинута на отряды фессалийцев. Тут завязалась жаркая конная схватка, но персы дрогнули, как только узнали, что отряд наемников перебит, а Дарий бежал. В самом деле, царь бежал одним из первых, едва только увидел, что левое крыло дрогнуло перед Александром. Вслед за ним бежали вельможи, а потом бегство стало бесповоротным и всеобщим. Масса народа сталкивалась на узких дорогах, в страхе и беспорядке давя друг друга. Число убитых доходило до 100 000, причем всадников пало не меньше 10 000 (Арриан: 2; 8- 11).

Победители ворвались в лагерь Дария и разграбили его. По персидскому обычаю здесь было множество женщин. Захвачены были мать и жена Дария, его малютка сын и две дочери (Курций Руф: 3; 11). Александр нисколько не изменил их прежнего образа жизни и не лишил их прежних почестей; денег на себя они получили больше, чем при Дарий. Самая же великая и воистину царственная милость для благородных и целомудренных женщин, ставших пленницами, заключалась в том, что они не слышали оскорблений в свой адрес, а жили словно бы не в лагере врага, а в девичьем тереме. А между тем рассказывают, что жена Дария была первой красавицей из всех цариц, а дочери ни в чем не уступали ей. И вот когда они оказались в полной его власти, Александр даже не дотронулся до них. Он вообще был равнодушен к женщинам и не знал до брака ни одной из них, кроме Барсины, вдовы Мемнона, которая попала в плен уже позже, под Дамаском.

С этого времени простота Александра стала подвергаться все большим испытаниям. Несмотря на то, что царский обоз остался в Дамаске, в лагере под Иссой македонцы захватили огромные богатства. Когда Александр после боя пошел мыться в походную баню Дария, то увидел множество кувшинов, кружек, ванн, флаконов для духов, все из золота, тонкой работы. Из бани он перешел в палатку, поражающую высотой и размерами, с изумительными ложами, столами и посудой. Тогда Александр сказал, взглянув на друзей: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать».

Впрочем, зараза роскоши долго не приставала к нему. Александр был чрезвычайно умерен в еде. Известны его слова, сказанные царице Карий. Та ежедневно посылала ему множество изысканных кушаний и пирожных и, наконец, отправила своих поваров и хлебников, считавшихся самыми искусными. Александр сказал, что ему ничего этого не нужно, у него есть лучшие повара, которых дал ему его воспитатель Леоннат: для завтрака - ночной поход, а для обеда - скудный завтрак.

И к выпивке он был менее склонен, чем это казалось. Он долго оставался за столом, но больше говорил, чем пил, и, потягивая из чаши, всегда заводил долгую беседу, если у него было время. Ни вино, ни сон, ни забава, ни жена, ни зрелища не могли отвлечь его от дел, как это бывало с другими военачальниками. Об этом свидетельствует сама жизнь его, очень короткая и полная всяких дел. На досуге он, встав, прежде всего, приносил жертву ботам, а затем завтракал сидя. День он проводил на охоте, за распоряжениями по войску, судебными делами или за чтением. В дороге, если не надо было спешить, он учился стрелять из лука или тому, как вскакивать или ссаживаться с колесницы на ходу. В качестве забавы он, судя по дворцовому дневнику, часто охотился на лисиц и птиц. Остановившись где-нибудь, он, собираясь мыться и

умашаться, обычно спрашивал тех, кто распоряжался хлебниками и поварами, готово ли у них все к обеду. Обедать он начинал поздно, уже в сумерках, и с удивительным вниманием и заботой относился к тому, чтобы за его столом всех угощали одинаково и никого не обошли. За вином засиживались долго, как было уже сказано, из любви к остроумным разговорам. Вообще в общезжитии он был самым приятным из царей во всех отношениях. Впоследствии, однако, он сделался противен своим самомнением; в нем появилось слишком много солдатского, он стал хвастлив, льстецы вертели им как хотели, но эти пороки развились в нем не сразу. После попойки Александр принимал ванну и спал часто до полудня, иногда целый день. Был он умерен и в лакомых кушаньях: когда ему приносили очень редкие заморские плоды или редких рыб, он рассылал их всем друзьям, так что у него самого часто ничего не оставалось. Обед, однако, у него был всегда великолепен, и расходы на него увеличивались по мере его успехов и дошли, наконец, до 10 000 драхм. Это стало обычным, и столько же полагалось тратить тем, кто принимал Александра (Плутарх: «Александр»; 21-23).

После битвы при Иссе Александр послал к Дамаску Пармени-она, так как ему донесли, что здесь находится обоз царской армии. Но пути он получил письмо правителя Дамаска, который предавал в его руки все царские сокровища и укрывшихся царских сановников, а также жен и детей полководцев Дария, отосланных сюда незадолго до битвы. Парменион поспешил вперед и, благодаря предательству, легко овладел Дамаском. В руки македонцев попало только чеканной золотой монеты на 2600 талантов. В плен было взято 30 000 пленных. В числе их оказалось множество знатных женщин и детей персидских полководцев (Курций Руф: 3; 13).

Тем временем Дарий, достигнув Вавилона и собрав тех, кто уцелел в битве при Иссе, не пал духом, хотя его и постигло великое несчастье. Он написал Александру, прося его отпустить пленных за большой выкуп. Он добавил, что если Александр пожелает стать ему другом, то он уступит ему всю Азию до Галиса. Александр собрал друзей, но скрыл от них подлинное письмо и показал своим советникам другое, которое более соответствовало его собственным намерениям. Послы ушли ни с чем. Обе стороны готовились к продолжению войны. Дарий вооружил тех, кто при отступлении бросил оружие, набрал новые полки, велел прибыть из глубин Азии армиям, которые он, стремительно собравшись в поход, оставил на месте. Вскоре у него собралось 800 000 пехотинцев и 20 000 всадников. Было еще много колесниц с серпами (Диодор: 17; 39).

В начале 332 г. до Р.Х. Александр овладел без боя всей Келесирией и пошел в Финикию. Выступив из Марафа, он взял Библ, заключивший с ним союз, и Сидон: сидоня-не сами призвали его, так как ненавидели персов и Дария. Оттуда он отправился к Тиру. В дороге его встретили тирские послы, отправленные к нему всем городом сказать, что тирийцы сделают все, что им прикажет Александр. Он поблагодарил город и послов и попросил их, вернувшись, передать тирийцам, что хочет войти в город и принести жертву Гераклу.

Когда послы сообщили об этом в Тир, то горожане решили, что они сделают все, что прикажет Александр, но не пустят в город никого из персов или македонян; это решение показалось им самым правильным, поскольку исход войны еще не был известен. Узнав ответ тирийцев, Александр в гневе отослал обратно послов и, собрав «Друзей» и предводителей войска, сказал им: «Друзья и союзники, нам опасно предпринимать поход в Египет (на море ведь господствуют персы) и преследовать Дария, оставив за собой этот город, на который нельзя положиться, а Египет и Кипр в руках персов. Это опасно вообще, а особенно для положения дел в Элладе. Если персы опять завладеют побережьем, а мы в это время будем идти с нашим войском на Вавилон и на Дария, то они, располагая еще большими силами, перенесут войну в Элладу. Если же мы сметем Тир, то вся Финикия будет наша, и к нам, разумеется, перейдет финикийский флот, а он у персов самый большой и сильный. Кипр при таких обстоятельствах легко присоединится к нам или будет взят запросто при первом же появлении нашего флота. Располагая на море македонскими и финикийскими кораблями и присоединив Кипр, мы прочно утвердим наше морское господство, и тогда поход в Египет не представит для нас труда. А когда мы покорим Египет, то ни в Элладе, ни дома не останется больше ничего, что могло бы внушать подозрение, и тогда мы пойдем на Вавилон, совершенно успокоившись насчет наших домашних дел. А уважать нас станут еще больше, после того как мыотрежем

персов от моря и еще отберем от них земли по эту сторону Евфрата».

Эта речь легко убедила всех в необходимости напасть на Тир, хотя осада его представлялась трудным делом. Город был расположен на острове, укреплен со всех сторон высокими стенами; к тому же на море господствовали персы, и у самих тирийцев было много судов. Из-за этого нельзя было штурмовать город с кораблей. Осмотрев укрепления тирийцев, Александр решил соединить насыпью материк с городом. Морское дно в проливе между ними было вязким, а около материка - илистым и мелким; около города, где было всего глубже, глубина достигала самое большее 3 оргий (около 5,5 м). Берег изобиловал камнями и лесом, который накладывали поверх камней. Вбивать колья в ил было нетрудно, и македонцы с жаром взялись за дело, тем более что Александр сам присутствовал при работах: показывал, что надо делать, воодушевлял людей словом, а тех, кто работал с особенным усердием, - и деньгами. Пока устраивали насыпь у материка, дело продвигалось легко. Когда же они дошли до более глубокого места, то пришлось им плохо, так как их стали поражать со стен. К тому же финикийские триеры подплывали теперь к самой насыпи и обстреливали работавших. Для их защиты Александр велел соорудить две деревянные башни. Но тирийцы пустили на насыпь горящий брандер. Пожар уничтожил башни, а высадившиеся с челноков воины переломали все машины, повыдержали все колья и, как смогли, испортили насыпь.

Александр велел опять укреплять дамбу и строить новые башни, а сам отправился в Сидон собирать триеры, потому что господство тирийцев на море делало осаду Тира безнадежной. В Сидоне уже собралось 25 кораблей, посланных из разных мест. К ним прибавилось еще 80, которые дали сидоняне. А короткое время спустя в Сидон прибыли и кипрские цари с 120 кораблями: они знали уже о поражении Дария при Иссе и были перепуганы тем обстоятельством, что вся Финикия находится во власти Александра (Арриан: 2; 13, 15, 16-20).

Когда флот был готов, Александр привел его к Тиру. Киприотам он велел блокировать гавань, обращенную в сторону Сидона, а финикийцам - ту, что была обращена к Египту. Из Кипра и со всей Финикии собралось к нему множество машиностроителей, которые собрали много машин. Одни из этих машин стояли на насыпи, другие - на судах для перевозки лошадей. Когда все было готово, Александр подвел машины к стенам по сделанной насыпи; корабли же с машинами стали на якорь у стен с разных сторон, пытаясь их пробить. Однако оказалось, что корабли не могут подходить вплотную к стенам - этому мешают камни, во множестве сброшенные в море. Александр решил вытащить их из воды. Дело это было трудное, потому что приходилось действовать с судов, но, несмотря на противодействие тирийцев, македонцы с помощью машин извлекли все камни из моря и расчистили подходы к самым стенам. Тирийцы, оказавшись в безвыходном положении, попытались прорвать блокаду киприотов, но были разбиты и вернулись в гавань.

Теперь македонцы смогли подвести машины к самым стенам. Однако машины, стоявшие на насыпи, не нанесли стене никаких значительных повреждений: так она была крепка. Тогда суда с машинами подвели к той части стены, которая была обращена к Египту. Она оказалась менее прочной, и на значительном протяжении ее расшатали таранами. Часть стены обломилась и рухнула. Три дня спустя, выждав безветренную погоду, Александр подвел корабли к пролому. На берег перебросили мостки и по ним устремились в пролом на стену. После того как часть стены была захвачена, Александр прямо по ней устремился к царскому дворцу.

Финикийцы, стоявшие со своими судами у гавани, обращенной к Египту, ворвались в нее, разнеся цепи, которыми она была заперта, и нанесли тяжелые повреждения тирийским кораблям. Киприоты вошли в другую гавань со стороны Сидона, которая не была заперта цепями, и сразу овладели в этом месте городом. Многие тирийцы, видя, что стена захвачена, отступили к Агенорию. Александр ударил на них с щитоносцами, опрокинул и перебил. После этого началась страшная бойня. Македонцы, измученные длительной осадой, зверствовали: было перебито около 8000 человек. Всех укрывшихся в храме Геракла Александр помиловал, остальных продали в рабство. Таких оказалось около 30 000 человек (Арриан: 2; 20-24). Две тысячи юношей, также оказавшихся в плену, Александр велел повесить (Диодор: 17; 46).

Когда Александр был еще занят осадой Тира, к нему пришли послы от Дария с такими предложениями: Дарий дает Александру 10 000 талантов выкупа за мать, жену и детей; вся

земля за Евфратом вплоть До Эллинского моря будет принадлежать Александру; Александр женится на дочери Дария и будет пребывать с ним в мире и союзе. Послы предложили все это на собрании диадохов. Рассказывают, будто Парменион сказал Александру, что если бы он был Александром, то с радостью прекратил бы войну На этих условиях и не подвергал бы себя в дальнейшем опасностям. Александр ответил, что он так бы и поступил, если бы он был Парменионом, но так как он Александр, то ответил Дарию следующим образом: он не нуждается в деньгах Дария и не примет вместо всей страны только часть ее: и деньги, и вся страна принадлежат ему. Если он пожелает жениться на дочери Дария, то женится и без согласия Дария. Он велит Дарию явиться к нему, если тот хочет доброго к себе отношения. Дарий, выслушав все это, отказался от переговоров с Александром и стал вновь готовиться к войне.

Александр решил идти походом на Египет. Вся Палестина признала уже его власть, кроме города Газы, которым управлял евнух по имени Бат. Газа отстояла от моря на 20 стадий. Дорога к ней шла зыбучими песками, а морское дно у города было илистое и вязкое. Это был большой город, последний на пути из Финикии в Египет, в начале пустыни, располагался на высоком валу, который был обведен еще крепкой стеной. Александр, подойдя к Газе, остановился лагерем к югу от города в том месте, где стена казалась ему наиболее доступной, и велел собирать машины. Строители машин говорили, что взять стену приступом нельзя из-за высоты вала, но Александр считал, что взять ее тем необходимее, чем это труднее. Он решил насыпать напротив города свой вал, чтобы с этой насыпи, равной по высоте валу Газы, подвести машины к стенам. Когда решили, что вал поднят на достаточную высоту, стали готовиться к штурму. Неприятель, видя это, сделал вылазку. В бою Александр был ранен стрелой из катапульты, которая насквозь пробила щит и панцирь. Тем временем прибыли машины. Их втащили на вал и с их помощью расшатали значительную часть стен; кроме того, во многих местах были прорыты подземные ходы. Стена, оседая в провалы, рухнула во многих местах. Но и после этого горожане отбили три штурма. В четвертый раз Александр повел македонцев сам, хотя еще и не оправился от раны. На этот раз штурм был успешным. Македонцы ворвались внутрь. Горожане, хотя их дело было безнадежно, бились до последнего. Оставшихся женщин и детей Александр продал в рабство (Арриан: 2; 25-27).

Завершив завоевание Сирии, Александр отправил добычу Олимпиаде, Клеопатре и друзьям. Вместе с тем ему пришло на память одно детское желание. Когда однажды его воспитатель Леонид совершал жертвоприношение, маленький Александр подбежал к нему и, схватив пригоршню благовоний, бросил их в огонь. «Когда, Александр, ты завоеешь страну, обильную ароматами, - заметил ему Леонид, - тогда ты будешь так щедро их жечь. А пока то, что есть, расходуй бережливо». Теперь же, вспомнив об этом случае, Александр послал Леониду 500 талантов ладана и 100 смирны. А в письме написал ему: «Мы послали тебе ладана и смирны в изобилии: перестань скарעדничать с богами». Рассказывают также, что Александру преподнесли ящичек изумительной работы, принадлежавший раньше Дарию. Друзья советовали хранить здесь самую большую драгоценность. Александр сказал, что положит сюда «Илиаду» Гомера (Плутарх: «Александр»; 25-26).

В начале 331 г. до Р.Х. Александр пошел на Египет и, выступив из Газы, на седьмой день прибыл в египетский город Пелусий. У Маза-ка, перса, которого Дарий поставил сатрапом Египта, не было персидского войска, и он, узнав об исходе сражения при Иссе, беспрепятственно впустил Александра в страну и ее города. Александр ввел в Пелусий гарнизон, кораблям велел подняться по реке до Мемфиса, а сам отправился к Гелиополю. Земли, через которые проходила его дорога, добровольно покорялись ему. Из Гелиополя Александр прибыл в Мемфис, где принес жертвы разным богам, а оттуда поплыл вниз по Нилу к морю. Местность против острова Фарос в устье Нила показалась чрезвычайно подходящей для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Его охватило горячее желание осуществить эту мысль, и он сам разметил знаками, где устроить агору, где каким богам поставить храмы и по каким местам вести кругом стены. За этим занятием Александра застало известие о полной победе македонцев на море. Все острова признали их власть над собой, а персидский военачальник Фарнабаз был схвачен на Хиосе с остатками своего флота.

Из вновь основанного города, который получил название Александрии, Александр решил отправиться в храм Аммона в Ливию, чтобы спросить оракул у бога. Сначала путь шел вблизи моря, а потом в глубь материка через сыпучие пески среди безводной пустыни. Область, где находился храм, представляла собой небольшой оазис, сплошь засаженный плодовыми деревьями, маслинами и финиковыми пальмами. Александр пришел в восторг от этого места (Арриан: 3; 1-4). В храме пророк приветствовал Александра от имени бога как от имени отца. Александр спросил, не скрылся ли от него кто-нибудь из убийц его отца. Пророк приказал ему не кощунствовать: отец у него не смертный человек. Александр изменил свой вопрос и осведомился, всех ли убийц Филиппа он наказал. Затем он спросил, дано ли ему будет стать владыкой всех людей. Когда бог изрек, что это ему будет дано и что Филипп вполне отомщен, Александр принес богу великолепные дары. Некоторые рассказывают, что пророк, желая из любезности обратиться к нему по-гречески «сын мой», спутался в буквах и сказал «сын Зевса». Александр обрадовался этой ошибке; так и пошла молва, что он сын Зевса, так как бог так назвал его. Вообще, он держался с варварами гордо, как человек, совершенно уверенный в своем божественном происхождении; перед греками он выступал в качестве бога осторожно и редко. Из многих слов и шуток Александра видно, что сам он не был одурманен мыслью о своей божественности и не допускал ее; она была для него средством для порабощения других (Плутарх: «Александр»; 27- 28). Но и бесследно для Александра это пророчество не прошло. С тех пор увеличилось его высокомерие, возросла надменность и исчезла та обходительность, которую он приобрел ранее от изучения греческой мудрости и от македонского воспитания (Юстин: 11; 11).

С первыми признаками весны Александр вышел из Мемфиса в Финикию. Прибыв в Тир, он уже застал там свой флот. Здесь он опять принес жертву Гераклу и устроил празднество с гимнастическими и мусическими состязаниями. Из Тира он отправился в Дамаск, а оттуда в Месопотамию. К его приходу через Евфрат уже было переброшено два моста. Мазей, которому Дарий поручил охрану реки, оставив ему 3000 всадников и много пехоты, все время держал реку под охраной, поэтому македонцы не могли довести мост до противоположного берега, опасаясь, как бы воины Мазея не начали разрушать его. Мазей, однако, услышав о приближении Александра, бежал со всем войском. Сразу после этого мосты на тот берег были переброшены, и Александр перешел по ним со своим войском.

Оттуда он двинулся через Месопотамию, но не пошел прямо на Вавилон, а избрал другую дорогу, двигаясь по которой войско могло в изобилии достать все. Тут была и трава для лошадей, и съестные припасы для солдат; к тому же и зной здесь был не таким жгучим. В пути стало известно, что Дарий с новой армией уже покинул Вавилон и стоит за рекой Тигр. Войска у персов было гораздо больше, чем под Иссом - и услышав об этом, Александр поспешно двинулся к Тигру. Придя к реке, он не застал ни Дария, ни охраны, которую оставил Дарий. Александр переправился через реку с трудом, вследствие стремительного течения, но никто не препятствовал переправе. Снявшись с берегов Тигра, Александр пошел через Ассирию вдоль реки. На четвертый день после переправы разведка сообщила ему, что на равнине видны неприятельские всадники. Это были передовые ряды персидской армии.

От пленных узнали, что основу войска Дария составляют в основном отряды из восточных сатрапий - инды, бактрийцы, согдиане, саки и другие окраинные племена. Говорили, что в персидском войске насчитывается до 1 000 000 пехоты, до 40 000 всадников, 15 слонов и 200 серпоносных колесниц (Ар-риан: 3; 6-8). На эти серпоносные колесницы Дарий возлагал особые надежды и сделал их ударной силой своего войска. На конце дышла такой колесницы торчали копыя с железными наконечниками, с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со спиц колес торчало помногу острых ножей, другие были прикреплены к ободьям колес и направлены остриями вниз, чтобы подсекать все, что только попадет на пути скачущих коней (Кур-ций Руф: 4; 9).

Сблизившись друг с другом, обе армии стояли четыре дня, не вступая в сражение. В это время умерла Статира, жена Дария. Александр устроил ей роскошные похороны, на которые не пожалел расходов (Плутарх: «Александр»; 30). На пятый день македонцы стали сблизаться с персами. Когда до противника оставалось стадий 30, Александр остановил своих. Посовещавшись с друзьями и стратегами, он решил начать сражение на рассвете. Объехав поле,

он обратился к начальникам с краткой речью, в которой сказал, что сражаться они будут не за Финикию или Египет, как раньше, а за всю Азию. После этого Александр ушел в свою палатку. Парменион зашел к нему и стал уговаривать напасть на персов ночью. Однако Александр отвечал, что ему стыдно красть победу: на этот раз ему надлежит победить открыто, без хитростей.

Войско у Дария было построено таким образом: на флангах находилась конница. На левом, в основном, бактрийская, а на правом - сакская. В центре стояла пехота, основу которой составляли персы. Здесь же находился сам Дарий. Перед строем пехоты стояли слоны, а на флангах, перед конницей, серпоносные колесницы. По обе стороны от Дария и персидской пехоты стояли греческие наемники. Их выставили против македонской фаланги, как единственных солдат, которые могли этой фаланге противостоять. У Александра расположение войск было такое: на правом фланге находился он сам вместе с конницей гетай-ров (друзей). Этой конницей командовал Филота, сын Пармениона. В центре, как обычно, стояла фаланга. На левом фланге также находилась конница, основу которой составляли фессалийцы под командованием Филиппа, сына Менелая. Всем левым крылом командовал Парменион.

Так была построена первая линия Александрова войска. За ней он поставил другую линию так, чтобы иметь два фронта. Начальникам стоявших сзади отрядов было приказано: в том случае, если они увидят, что персидское войско окружает македонцев, повернуть в полный оборот и принять варваров. Легкую пехоту Александр расположил впереди первой линии по всему фронту. Она была выставлена специально против колесниц с косами. Кроме того, впереди и правее основного построения стояла легкая кавалерия под командованием Менида. Мениду было приказано в случае, если вражеская конница начнет объезжать правый фланг, повернуть и напасть на них сбоку. Всего у Александра было конницы около 7000, а пехоты около 40 000 человек.

Утром, когда началась битва и войска стали сходитьсь, сражение развернулось прежде всего на правом фланге. Александр вместе с ге-тайрами стал обходить левый фланг Дария. Дарий испугался, как бы македонцы не вышли на пересеченную местность, где его колесницы окажутся бесполезными, и приказал сакам атаковать македонскую конницу. Начался упорный бой. Варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами саки и их лошади были защищены броней. Несмотря на это, македонцы выдерживали натиск за натиском и, нападая отрядами, расстроили ряды врагов.

В это время против фаланги были пущены серпоносные колесницы. Но, прежде чем персы достигли ее, им пришлось иметь дело с легкой пехотой, основу которой составляли агриане. Они встретили колесницы градом дротиков, многих возниц перебили, других стащили на землю. Но все же многим колесницам удалось пронестись сквозь ряды: солдаты, как им было приказано, расступились перед несущимися колесницами и пропустили их. Большинство колесниц не причинило вреда (Арриан: 3; 8-13).

Тем временем левое крыло, находившееся под командой Пармениона, дрогнуло и начало отступать под натиском бактрийской конницы, неистово обрушившейся на македонцев (Плутарх: «Александр»; 32). Линия была прорвана: через образовавшийся прорыв часть индов и персидской конницы пробилась к обозу македонцев. Здесь завязалась горячая схватка. Персы храбро нападали на людей, в большинстве своем невооруженных и не ожидавших нападения. Пленные варвары присоединились к персам и вместе с ними напали на македонцев (Арриан: 3; 14). Парменион, теснимый с обоеих сторон, послал к Александру сказать, что лагерь и весь обоз пропадут, если он тотчас же не пришлет сильной поддержки с передней линии. Получив это известие, Александр ответил, что Парменион, видно, потерял голову и забыл, что победители получают себе все имущество врагов; побежденным же придется думать не о деньгах и рабах, а о том, как, сражаясь, пасть со славой и без укора (Плутарх: «Александр»; 32). В течение некоторого времени на правом фланге шло упорное сражение и успех склонялся то на ту, то на другую сторону, но когда плотная македонская фаланга, оцетинившись сариссами, бросилась на персов, те не выдержали и обратились в бегство (Арриан: 3; 14). Александр погнал побежденных к центру, где находился Дарий; он увидел его издали - за выстроенным в глубину царским отрядом. Красивый, рослый мужчина, тот стоял на высокой колеснице, которую охраняло множество знатных всадников: они окружали ее в несколько рядов и приготовились

встретить неприятеля. Вид Александра был страшен, он направил бегущих на тех, кто еще твердо держался на месте; большая часть в ужасе бросилась врассыпную. Лучших и благороднейших убивали на глазах царя; падая друг на друга, они задержали преследование. Дарий, на глазах которого происходил весь этот ужас, был не в состоянии повернуть колесницу и ускакать. Тогда он бросил все, вскочил, как говорят, на недавно ожеребившуюся кобылу, и бежал. Впрочем, вряд ли удалось бы ему тогда убежать, если бы к Александру не явились опять всадники от Пармениона звать на помощь (Плутарх: «Александр»; 33).

На правом крыле у персов еще не знали о бегстве Дария, и всадники, объехав вокруг левого Александрова крыла, теснили воинов Пармениона. Однако, как только предводители отрядов, стоявших за первой линией, узнали о случившемся, они, как и было им приказано, зашли в тыл персам, многих перебили, остальных обратили в бегство (Арриан: 3; 14). Пармениона позже обвиняли в том, что в этом сражении он вел себя нерадиво и вяло: может быть, старость лишила его отваги, а может быть, по словам Каллисфена, самовластие Александра его тяготило, а высокомерие царя вызывало зависть. Александр был раздосадован тем, что вынужден прекратить преследование, но не показал солдатам своих истинных чувств и приказал трубить сбор (Плутарх: «Александр»; 33). С конницей гетайров он вскачь помчался к правому флангу варваров и напал на бегущую вражескую конницу. Начался бой, самый жаркий во всей битве. Варвары, построены в глубину отрядами, повернулись и напали на воинов Александра. Много гетайров было здесь ранено и убито, но, в конце концов, Александр одолел. Персы обратились в неудержимое бегство. Александр готов был напасть на правое крыло неприятеля, но фессалийская конница сражалась так блистательно, что Александру нечего было тут делать. Он повернул и устремился опять преследовать Дария. Погоня продолжалась до захода солнца.

Перейдя реку Лик, Александр остановился лагерем, чтобы дать немного отдохнуть людям и лошадям. На другой день он прибыл в Арбелы и захватил здесь деньги и все имущество Дария. Самого царя в Арбелах уже не было. Он сразу с поля битвы умчался в Мидию, держа путь к армянским горам. С ним бежала и бактрийская конница, царские родственники и около двух тысяч наемников-чужеземцев. В Мидию Дарий направился потому, что, по его расчетам, Александр после сражения должен был направиться в Вавилон и Сузы, поскольку Вавилония и Сузиана считались самыми богатыми сатрапиями в персидской державе и являлись, конечно, желанной наградой за невзгоды и трудности войны.

И Дарий не ошибся. В начале 330 г. до Р.Х. Александр из Арбел повернул в Вавилон. Поход проходил сначала степью, а потом по богатой и хорошо возделанной равнине в междуречье Тигра и Евфрата. Вавилон был в то время одним из крупнейших и богатейших городов Азии. Прекрасно укрепленный и в избытке снабженный всем необходимым, он мог стать серьезным препятствием на пути македонцев, но сатрап Мазей сдал город, кремль и казну без боя.

Александр пробыл в Вавилоне более месяца, давая отдых утомленному войску и готовясь к новому трудному походу. Затем он отправился в Сузы. Уже по дороге он встретил сына царского сатрапа и узнал, что тот передает ему город и всю царскую казну - более 50 000 талантов серебром, а также все царское имущество (Арриан: 3; 15-16).

Оставив в Сузах мать Дария, Александр переправился через Тигр и двинулся в землю уксиев. Эта область находилась по соседству с Сузами и вторгалась в переднюю Персеиду, оставляя узкий проход между собой и Сузианой (Курций Руф: 5; 3). Горные уксины не были покорены персами и прислали сказать Александру, что они пропустят его с войском в Персеиду только в том случае, если получат от него плату, какую они получали за проход от персидского царя. Александр отослал их, велел идти к теснинам: там он обещал дать им установленную плату (Арриан: 3; 17). Знакомые с местностью люди указали Александру скрытый путь по глухим тропам в стороне от города уксиев и сказали, что если он пошлет небольшой отряд легковооруженных, то они проскользнут над головами врагов. Совет понравился царю, и он отправил в горы 8000-й отряд под командой Тавро-на. Сам царь приступил к городу уксиев и начал его осаду. Местность была неровная, заваленная скалами и камнями; воинам приходилось сражаться и с врагами, и с условиями местности, но они все же продвигались, так как царь находился в первых рядах и увлекал их своим примером. Наконец показался Тав-рон

со своим отрядом над укреплениями города. При виде его дух неприятеля поколебался. Уксии начали переговоры. Александр, помня их дерзость, сначала отвечал им сурово, но потом, после просьбы матери Дария, смягчился, наложил на уксиев дань и позволил им жить в их стране.

Разделив свои силы с Пармени-оном, Александр приказал ему идти степью, а сам с отрядом легковооруженных захватил горный хребет, непрерывные отроги которого уходили в глубь Персеиды. Опустошив всю эту область, он на третий день вступил в Персеиду, а на пятый - в теснины, называемые Сузскими воротами, которые занимал сатрап Персеиды Ариобарзан с 25-ю тысячами пехотинцев. Проход представлял собой узкую дорогу, окруженную с обеих сторон гладкими отвесными скалами. На их вершинах варвары были недосыгаемы для стрел. Как только македонцы вступили в ущелье, враги стали скатывать с высоты огромные камни, которые, натываясь на другие, катились дальше с еще большей силой и давили не только отдельных людей, но и целые отряды. Тем не менее македонцы двигались вперед, пока не дошли до стены, которой Ариобарзан перегородил ущелье. Здесь Александр вынужден был повернуть обратно, так как увидел, что штурмом стену взять невозможно.

Расположившись лагерем на открытом месте, царь стал совещаться о том, что делать дальше. Люди, знавшие местность, говорили Александру, что в Персеиду легко попасть через Мидию, но совесть не позволяла Александру оставить без погребения убитых воинов. Он призвал к себе недавно взятых пленников, среди которых был один, знавший персидский и греческий языки. Пленник сказал, что царь напрасно ведет войско в Персеиду по горным хребтам; есть лесные тропинки, едва доступные людям, где все закрыто зеленью, и сплетающиеся деревья делают лес непроходимым. Александр немедленно ухватился за эту возможность зайти Ариобарзану в тыл (Курций Руф: 5; 3-4). Он оставил в лагере полки Кратера и Мелеагра и велел им штурмовать стену, как только они узнают, что Александр уже обошел кругом и подходит к персидскому лагерю (об этом должен был известить сигнал трубы). Сам он с полками Пердикки и легковооруженными ночью осторожно вышел из лагеря и двинулся в горы (Арриан: 3; 18). Путь его был чрезвычайно тяжел. Помимо труднопроходимых скал и откосов, воинам приходилось преодолевать снежные заносы; перебравшись через перевал, воины оказались среди болот и непроходимых лесов (Курций Руф: 5; 4). Тем не менее, оставив позади все трудности, македонцы внезапно напали на сторожевые посты персов и перебили их. На заре Александр совершенно неожиданно напал на вражеский лагерь. Одновременно с его переходом через ров трубы подали знак войску Кратера, и тот повел людей на штурм стены. Персы попали между двух линий противника и обратились в бегство, не вступив даже в бой. Отовсюду, однако, путь им был прегражден: с одной стороны нажимал Александр, с другой наседали солдаты Кратера. Большинство варваров было перебито, другие погибли, срываясь в паническом страхе с крутых обрывов. Сам Ариобарзан с немногими всадниками бежал в горы (Арриан: 3; 18).

Рассеяв врага, македонцы двинулись к Персеполю. В пути Александру было доставлено письмо хранителя царской казны Тирида-та. Тот писал, что жители, оставшиеся в городе, услышав о приближении македонцев, хотят разграбить сокровищницу; пусть же он поторопится ее захватить. Александр оставил пешие войска и с одними всадниками поспешил к Персеполю, который успел захватить раньше, чем охрана расхитила казну. Он уже завоевал и частью принял на сдачу много городов с обильными царскими богатствами, но сокровища этого города намного превосходили все остальное. Сюда варвары свезли богатства со всей Азии, золото и серебро лежало в сокровищницах горами. Общая сумма добычи достигала 120 000 талантов (Курций Руф: 5; б), если перевести золото в цену серебра. Желая взять часть этих денег с собой для военных нужд, а другую поместить для сохранности в Сузах, Александр потребовал из Вавилона, Месопотамии, а также Суз караван мулов и, кроме того, 3 000 вьючных верблюдов. Весь город кроме царского дворца был отдан на разграбление воинам. А был этот город самым богатым из существующих под солнцем, и в домах частных лиц с давних пор было полным-полно всякого добра. Македонцы, врываясь, убивали всех мужчин и расхищали имущество, которого имелось очень много (Диодор: 17; 70-71). Дворец вскоре разделил судьбу персидской столицы. Рассказывают, что, собираясь выступить против Дария, Александр как-то вместе с друзьями пировал и забавлялся. На пирушку к своим возлюбленным пришли и женщины, пившие вместе с остальными. Самой известной была Таис, родом из Аттики. В разгар веселья

она воскликнула, что всего сладостнее для нее было бы поджечь дом Ксеркса, сжегшего некогда Афины, самой подложить под него огонь, чтобы по всему миру пошла об этом молва и чтобы говорили, что женщина сильнее отомстила персам за Элладу, чем знаменитые военачальники Александра. В ответ поднялся крик. Сотрапезники стали уговаривать и подгонять друг друга. Царь, увлеченный общим порывом, вскочил с венком на голове и с факелом в руках пошел впереди. Спутники его веселой толпой окружили дворец (Плутарх: «Александр»; 38). Александр первым бросил факел, затем это сделали и другие, и вскоре дворец со всеми постройками был охвачен огромным пламенем (Диодор: 17; 72).

Александр провел в Персеполе четыре месяца, обладая теперь сказочными богатствами. Он осыпал подарками своих друзей. По природе своей он был очень щедр, и когда дела его пошли все лучше и лучше, он стал раздавать еще больше. Вел он при этом себя с такой приветливостью, которая делала подарок по-настоящему приятным. Однако, когда он увидел, что его сподвижники утопают в наслаждениях и образ жизни их становится просто противным (у теосца Гаг-нона, например, сапоги были подбиты серебряными гвоздями; Лео-нату караваном верблюдов привозили для гимнастики песок из Египта; Филота заказал себе охотничьих тенет на 100 стадиев длины; миррой натирались теперь в бане больше, чем раньше оливковым маслом, и держали при себе постельничных и массажистов), он стал ласково и разумно упрекать их. Сам он, упражняясь и побуждая к этому других, подвергал себя ради доблести постоянной опасности. Друзья же его, получив богатства и высокие звания, хотели жить в роскоши и безделье. Их тяготили странствия и походы. Постепенно они дошли до того, что стали злословить на царя. Тогда он относился к этому еще спокойно, говоря, что это царский удел: слушать брань за оказанные милости (Плутарх: «Александр»; 38-41).

В начале 329 г. до Р.Х. Александр выступил из Персеполя с намерением нанести окончательное поражение Дарию Дарий тем временем собирал войско в Бактриане и глубинных сатрапиях. Но Александр не дал собраться ему с силами. Стремительность продвижения македонцев превзошла все мыслимые возможности (Диодор: 17; 73). Выйдя из Персеполя, Александр через две недели овладел уже всей Мидией и вступил в ее столицу Экбатаны. Здесь он узнал, что у Дария фактически нет боеспособного войска и единственное свое спасение тот видит в бегстве. Пробыв в Экбата-нах ровно столько, сколько требовали от него дела по налаживанию управления страной, Александр вновь устремился в погоню, - на этот раз через земли Парфии. В пути до него дошли известия, что армия Дария разбежалась, а сам Дарий оказался в полной власти бактрийского сатрапа Бесса, который держит царя на положении пленника. Услышав об этом, Александр заторопился еще больше. Через несколько дней изнурительной погони македонская конница настигла варваров. Все они обратились в бегство, даже не начав сражения. Бесс и его единомышленники старались увезти с собой в повозке Дария, но, когда Александр уже совсем настиг их, нанесли Дарию множество ран, бросили его, а сами бежали. Дарий умер раньше, чем его увидел Александр (Арриан: 3; 19-21).

Бесс же ускользнул от Александра вместе с Набарзаном и многими другими и добрался до Бактрии. Здесь он стал призывать народ к защите своей свободы. При этом Бесс указывал, что сама их земля во многом будет им помощницей: она недоступна, и населения в ней достаточно, чтобы приобрести независимость. Он заявил, что будет предводителем на войне, уговорил народ и объявил себя царем; набрал солдат, заготовил много оружия и ревностно занялся тем, что насущно требовалось в данный момент.

Между тем Александр видел, что македонцы рвутся домой, считая, что со смертью Дария война закончена. Собрав их всех и воодушевив подходящей речью, он уговорил их продолжать поход. Воинов из союзных греческих городов Александр созвал отдельно, поблагодарил за то, что они сделали, и отпустил, подарив каждому всаднику по одному таланту и каждому пехотинцу по 10 мин. Кроме того, он выплатил причитающееся им жалование, добавив к нему плату за все время, какое они пробудут на возвратном пути домой. Тем же, кто предпочел остаться вместе с царем, он выдал каждому по три таланта. Так богато одарил он воинов потому, что, преследуя Дария, захватил много денег.

Устроив таким образом свои дела, Александр отправился в Гирканию и завладел всеми городами этой страны вплоть до Каспийского моря. Вслед за Гирканией македонцам покорились и смежные с ней племена. Многие из военачальников, бежавших к Дарию, сами

сдались ему. Милостиво обойдясь с ними, он прославился своим великодушием. Вскоре эллинские наемники, служившие в войске Дария, - а их было около полутора тысяч и они отличались своим мужеством - пришли к Александру с повинной, получили прощение и были зачислены в его полки с тем же жалованием (Диодор: 17; 74- 76).

Из Гиркании Александр пошел в Задракарты, самый большой город Гиркании, где находился царский дворец. Проведя там 15 дней, он двинулся дальше и вторгся в Парфию, а оттуда к границам Арии. В Сузию, столицу Арии, к нему явился Сатибарзан, сатрап этой страны. Александр оставил ему его сатрапию, но послал с ним небольшой отряд македонцев (Арриан: 3; 25).

Именно в это время Александр стал исподволь вводить у себя персидские обычаи. Сначала он завел во дворце жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, затем сделал своими телохранителями виднейших персов (Диодор: 17; 77). Еще находясь в Парфии, он как-то на досуге впервые надел варварскую одежду. Может быть, он хотел только приобщиться к местным нравам - принятие того, к чему люди привыкли и с чем сроднились, весьма способствует их умиротворению, - может быть, он незаметно пытался внушить македонцам мысль о том, что ему, как и персидскому царю, подобает кланяться в ноги, и постепенно приучал их мириться с переменой в образе жизни. Однако он, не приняв целиком персидского облика: не надел ни штанов, ни верхней одежды с рукавами, ни тиары, но устроил себе что-то среднее между персидской и македонской одеждой: она была скромнее первой и пышнее второй. Он надевал ее сначала только дома, принимая варваров и друзей, а затем стал появляться в таком виде на людях и на больших приемах. Македонцев огорчало это зрелище, но, чтя доблесть царя, они рассуждали так: ему следует иногда уступать в том, что доставляет ему удовольствие и служит его славе (Плутарх: «Александр»; 45). Видя это, Александр стал действовать более смело. По примеру Дария он окружил себя наложницами; их было не меньше, чем дней в году, и они отличались красотой, так как были выбраны из всех азиатских женщин. Каждый вечер они становились вокруг царского ложа, чтобы он мог выбрать ту, которая проведет с ним ночь (Диодор: 17; 77). А чтобы не показалось, будто только он один опустился до порочной жизни тех, кто был побежден его армией, Александр позволил также и своим воинам брать в жены тех пленных женщин, с которыми они были в связи, полагая, что у солдат будет меньше желания вернуться на родину, если в лагере они почувствуют некоторое подобие домашнего очага и семейной обстановки (Юс-тин: 12; 4).

Чем дальше, тем более Александр усваивал местный образ жизни; коренных же обитателей приучал к обычаям македонским. Он считал, что во время его длительного отсутствия все устроится лучше без насилия, путем дружественного общения и взаимного приспособления. Потому он отобрал 30 000 мальчиков и велел учить их греческой грамоте и приучать пользоваться македонским вооружением; к ним приставили много учителей (Плутарх: «Александр»; 47).

Занимаясь всем этим, Александр не терял из вида Бесса, который вызывал у него все большую тревогу. Приходили известия, что Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом, и говорит, что он царь Азии. К нему собрались персы, бежавшие в Бакт-рию, много бактрийцев, и он поджидает прихода союзников-скифов. Александр, имея при себе уже все свое войско, пошел на Бактрию.

Уже по дороге он получил известие, что сатрап ариев Сатибарзан перебил отряд македонцев, вооружил ариев и собрал их в городе Артакоане. Узнав о продвижении Александра, он решил идти со своим войском к Бессу, чтобы вместе с ним напасть на македонцев где придется. Получив такое известие, Александр не пошел в Бактрию, а с частью войска поспешно двинулся на Сатибарзана и ариев (Арриан: 3; 25). Когда царь приблизился к нему, Сатибарзан испугался и его большой армии, и прославленного мужества македонцев. Поэтому, взяв с собой 2000 всадников, он поспешил к Бессу, чтобы побудить его скорее оказать ему помощь, а остальным велел бежать на высокую гору, где было много непроходимых мест и удобных убежищ. Приказ этот был выполнен, но Александр, с присущей ему решительностью, энергично повел осаду беглецов и принудил их сдаться. Затем в течение 30 дней он овладел всеми городами в Арии и отправился в Дрангиану. Там он поселился во дворце Дрангены и дал отдых войску.

Подавив это восстание, Александр вскоре столкнулся с опасностью более грозной, так как исходила она не от покоренного врага, а непосредственно от самих македонцев. Некто Лимн, один из друзей царя, за что-то упрекал его и, увлеченный гневом, решил составить против него заговор. Когда заговор раскрылся, обнаружилось, что Филота знал о нем и не донес царю. Александр поручил судить его македонцам (Диодор: 17; 78-79). Положение Филоты давно внушало зависть и ненависть, и теперь на него возвели бесконечное количество клеветы. Его схватили и стали допрашивать (Плутарх: «Александр»; 49). То ли не выдержав пыток, то ли от угрызений совести (это так и осталось неизвестным) Филота признался, что стоял во главе заговорщиков. После того как он и все его сообщники были казнены, Александр распорядился убить также Пармениона. Долгие годы тот оставался первым другом Александра и вторым после него человеком в армии. Его не было тогда при дворе, так как он остался управлять Мидией. Александр послал на драматерах людей, которые опередили весть о казни Филоты и тайком убили его отца в Экботанах. Убийство Пармениона было воспринято неоднозначно. Если солдаты, находившиеся в Дрангиане и присутствовавшие при суде Филоты, отнеслись к нему как к должному, то воины мидийских гарнизонов сильно негодовали на царя. Александр велел вскрывать их письма, направленные в Македонию. Всех, кто дурно отзывался о царских намерениях, он решил соединять в один отряд под названием «отряд беспорядочных», так как боялся, чтобы они своим ропотом и речами не развратили остальное войско (Диодор: 17; 80).

Уладив все эти дела, Александр возобновил поход на Бактрию. Выступив из Дрангианы, он покорил по пути племена аримаспов и гад-росов. В начале 328 г. до Р.Х. он вступил в предгорья Гиндукуша, заселенные парапамисадами. Тут он узнал, что Сатибарзан вернулся в Ариану, после чего арии опять восстали. Александр послал против них перса Артабаза и одного из диадо-хов - Эригия, а сам продолжал поход, который отличался большой сложностью. Земля парапамисадов была расположена в высокогорных районах, климат ее был чрезвычайно суров. Глубокие снега покрывали всю землю, а жестокие морозы доводили людей до изнеможения. Войско, заведенное в эту пустынную местность без следов человеческой культуры, претерпело все, что только можно претерпеть: голод, холод, утомление и отчаянье. Многие погибли от непривычно холодного снега, многие отморозили ноги, другие ослепли от нестерпимого блеска снегов. Утомленные походом воины ложились на снег, не в силах продолжать путь. Александр пешком обходил войско, поднимал лежавших и поддерживал тех, кому трудно было идти. Он не щадил сил, появляясь то в первых рядах, то в центре, то в арьергарде. Наконец, прибыли в места менее дикие, и войско оправилось, получив в изобилии продовольствие; в устроенный тут лагерь пришли и воины, отставшие в пути.

Оттуда войско отправилось к Гиндукушу и перевалило через него за 17 дней. У подножия высокой скалы по ту сторону гор было выбрано место для основания города. Семь тысяч старейших македонцев и, кроме того, воины, уже негодные для военной службы, получили позволение поселиться в новом городе, названном Александрией Кавказской.

Миновав горы, Александр вступил в пределы Бактрии. Страна эта славилась своими плодородными оазисами, где размещались богатые города и многочисленное население. Но большую часть Бактрии занимали бесплодные пески, и земля здесь была совершенно безлюдной. У Бесса было 8000 вооруженных бактрийцев. Пока они думали, что из-за жаркого климата македонцы скорее направятся в Индию, они покорно подчинялись ему. Узнав же о приближении Александра, они покинули Бесса и разбежались по своим селам. Тот, переправившись через Амударью с кучкой друзей, оставшихся ему верными, сжег свои лодки, чтобы их не использовали враги, и стал собирать новое войско в Согдиане.

Александр устремился вслед за врагом и двинулся в путь через пустыни Бактрии. Вскоре стала ощущаться острая нехватка воды. Жар летнего солнца раскалял пески, и они пылали, словно непрерывный пожар, опалая все вокруг. Изнурительная жажда привела к тому, что Дух воинов начал падать. Александр был озабочен столькими бедствиями, но понимал, что только его мужество может вдохнуть новые силы в воинов. Как-то раз двое солдат, посланных вперед выбрать место для лагеря, вернулись, неся в кожаных мехах воду. Они несли ее сыновьям, находившимся, как они знали, в этой части войска и жестоко страдавшим от жажды. Когда они повстречались с царем, один из них, открыв мех, наполнил водой сосуд, который у него был, и

протянул его царю. Тот, взяв его, спросил, кому они несут воду, и, узнав, что своим сыновьям, вернул им полный кубок, к которому не притронулся, и сказал: "Я не в силах выпить все один и не могу разделить между всеми такую малость. Берите и отдайте вашим детям то, что вы для них принесли (Курций Руф: 7; 3-5).

Прибыв в Драпсак, Александр дал войску отдохнуть и повел его на Аорн и Бактры, самые большие города в бактрийской земле. Взял он их сходу. После этого он принял власть над остальными бакт-рийцами, которые сдались почти без сопротивления. Из Бактр он двинулся к Амударье. Александр собирался приступить к переправе, но увидел, что переправиться через эту реку нигде невозможно: шириной она была, по крайней мере, шесть стадий и очень глубокой, с песчаным дном и таким сильным течением, что оно легко выворачивало колья, которые забивали в дно. Положение особенно затруднялось недостатком леса.

Александр велел собирать шкуры, из которых были сделаны палатки, набить их самой сухой травой и зашить так тщательно, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Эти набитые и зашитые меха оказались вполне пригодными для переправы, и за пять дней войско переправилось с ними на тот берег (Арриан: 3; 29).

Переправившись в Согдиану, Александр спешно направился туда, где, по его сведениям, находился Бесс с войском. Но главные военачальники Бесса - Спи-тамен и Дитаферн, уже сговорились и схватили Бесса. Вскоре они привели его, скованного и в ошейнике, к Александру. Царь почтил их дарами, а Бесса передал для казни брату Дария (Диодор: 17; 83).

Поскольку во время перехода через горы и пустыню македонцы потеряли много лошадей, Александр пополнил конницу местными лошадьми и пошел в Маракан-ды - столицу Согдианы. Оттуда он двинулся к Сырдарье. Неподалеку от этой реки македонцы, ушедшие за фуражом, были убиты согдийцами, которые затем бежали на гору, недоступную и отвесную со всех сторон. Их было около 30 000. Александр напал на них с самыми легкими на ходу воинами. В завязавшемся ожесточенном бою было много раненых. Самому Александру насквозь пробили бедро, стрела отколола часть кости. Тем не менее гора была взята. Из 30 000 уцелело не более 8000 человек (Арриан: 3; 30).

На берегах Сырдарьи Александр решил основать город, назвав его своим именем. Место это показалось ему подходящим, так как сулило будущему городу процветание от торговли и было превосходно защищено от возможного нападения саков. За то, что город станет большим, ручалось и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени (Ар-риан: 4; 1).

Но выполнение этого замысла отсрочилось из-за известия о начавшемся восстании согдийцев, увлекших за собой и бактрийцев. Подняли восстание 7000 всадников, которым Александр велел явиться к себе. Между тем Спитамен распространил слух, что македонцы собираются перебить их и тем самым лишит Согдиану ее защитников. Всадников поддерживало все население. Александр, встревоженный размахом восстания, отправил к согдийцам Спитамена, надеясь, что тот поможет привести их к покорности. Оказавшись среди своих, Спитамен встал во главе восстания. Узнав об измене перебежчиков, Александр немедленно обратился против них. От разведчиков он узнал, что все население сбежалось в семь городов, самыми крупными из которых был Кирополь, а македонский гарнизон в Маракандах осажден Спитаменом (Курций Руф: 7; 6). Первый город - Газу - Александр взял сходу и велел перебить здесь всех мужчин. Та же участь постигла два других города. Защитники четвертого и пятого разбежались, не дожидаясь македонцев, но конница настигла их и почти поголовно истребила. Взяв, таким образом, за два дня пять городов, Александр подошел к Ки-рополю. Город был хорошо укреплен, и занять его сходу было нелегко, но македонцы ворвались внутрь по руслу пересохшей реки. Завязалась жестокая схватка на улицах. Сам Александр был тяжело поражен камнями в шею и голову. Около 8000 согдийцев погибли в сражении, остальные сдались. Их примеру последовали и защитники седьмого города. Против Спитамена к Мараканде Александр отправил полководцев, а сам занялся строительством Александрии Эсхаты (Арриан: 4; 2-3). Вернувшись к берегам Сырдарьи, Александр велел обнести стенами все пространство, занятое лагерем. Стены имели в длину 60 стадиев. Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на 17-й день после

возведения укреплений были отстроены городские дома. В новом городе поселили пленников, которых Александр выкупил у своих воинов (Курций Руф: 7; 6).

Саки, жившие на противоположном берегу Сырдарьи, были встревожены постройкой города на границе их владений. Отряды их постоянно находились против города и вызывали македонцев на бой. В Азии саки имели репутацию непобедимых воинов, перед которыми в свое время отступил даже Кир. В конце концов, это вызвало раздражение Александра, и он решил переправиться через Сырдарью и разбить саков. Чтобы обеспечить переправу, он велел пускать в саков стрелы из машин. Саки испугались стрел, летящих на такое большое расстояние через реку, и отошли немного от берега. Александр, видя их смещение, начал переправу. Первыми на противоположный берег переправились лучники и пращники, они стрелами и камнями некоторое время удерживали саков на расстоянии, пока не переправилась пехота, а за нею конница. Расположив между рядами всадников легкую пехоту, Александр начал наступление. Когда противники сблизались, саки оказались не в состоянии противостоять македонской коннице, построенной глубокими рядами и постоянно подкрепляемой своими лучниками и пращниками. Потеряв около тысячи человек, они обратились в позорное бегство.

Началось стремительное преследование врага. Воины замучились от сильной жажды, и самому Александру приходилось пить воду, какая была, отчего у него началось сильное расстройство. Нет сомнения, что, если бы он не заболел, всех саков перебили бы во время бегства (Арриан: 4; 4).

Этот поход привел к усмирению значительной части Азии. Ее население верило в непобедимость саков; их поражение заставило признать, что никакое племя не сможет сопротивляться оружию македонцев (Курций Руф: 7; 9). В скором времени к Александру явились послы от царя саков с извинениями за то, что произошло. Александр встретил послов любезно, но мир так и не был заключен. Александр предполагал продолжить поход, так некстати прерванный, но известия из Согдианы смешали все его планы. Отряд, посланный Александром на помощь македонцам, осажденным в Мараканде, попал в засаду, устроенную Спитаменом, и был почти поголовно истреблен. Погибло не менее 2000 пехотинцев и 300 всадников. Когда Александру донесли об этом поражении, горькая судьба воинов очень его опечалила, и он решил стремительно идти на Спитамена и его варваров. Преодолев за три дня 1500 стадий, Александр на рассвете четвертого дня явился под Маракандой. Спитамен со своим войском не стал его ждать, а бежал из города. Александр преследовал его по пятам, но все же не смог настигнуть. Похоронив павших воинов, Александр повернул обратно и опустошил всю страну вплоть до пустыни, где Зеравшан теряется в песках (Арриан: 4; 5-6).

Покончив с согдийскими делами, Александр переправился через Амударью и основал по берегам шесть крепостей (Курций Руф: 7; 10). Вскоре пришло известие, что множество согдиан собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого он им поставил. Приходилось в третий раз покорять эту землю. Александр вновь переправился через Амударью и разделил свое войско на пять частей. С пятым отрядом он пошел через всю страну к Маракандам и заставил жителей покориться ему. Тем временем Спитамен явился под стенами Бактры и опустошил ее окрестности, но потом был несколько раз разбит полководцами Александра, хотя сам всякий раз благополучно ускользал от них. Но дело его было обречено на неудачу, поскольку македонские гарнизоны стояли во всех укрепленных местах, а македонские конные отряды преследовали его день и ночь. В конце концов, разбитый и покинутый всеми, Спитамен бежал в землю саков. Однако когда саки узнали, что Александр опять готов вслед за ними вторгнуться в их владения, они отрезали Спитамену голову и послали ее Александру, чтобы этим поступком отвратить его от своего намерения.

Итак, вся равнинная Согдиана была окончательно подчинена, но в горах оставалось еще несколько укрепленных мест, где согдийцы чувствовали себя в безопасности. Особенно славилась неприступностью так называемая Согдийская Скала, где укрылось несколько тысяч воинов с большим запасом продовольствия. Говорили, что на эту скалу бежала с дочерьми жена бактрийца Оксирта, отпавшего от Александра во время последнего восстания. Когда Александр подошел к Скале, то увидел отвесные, недоступные для штурма стены. Он вступил в переговоры с осажденными, предлагая им сдаться, но те посоветовали ему сначала поискать крылатых людей, которые могли бы взлететь на эту гору и только потом угрожать им. Тогда

Александр отобрал 300 воинов, привыкших во время осад карабкаться по скалам, и пообещал им огромную награду, если они смогут взобраться на скалу. Воины вооружились костылями для крепления палаток и с их помощью поднялись на вершину. Когда на рассвете варвары увидели у себя над головой македонский отряд, они были так поражены, что сдались без боя. В плен было взято много женщин и детей, в том числе жена Оксиарта со своей дочерью Роксаной. Ее удивительная красота произвела на Александра большое впечатление. Ради дочери он простил Оксиарта и принял его очень приветливо. В благодарность Оксиарт отправился к одному из местных князей Хориену, укрывшемуся на одной из горных вершин вместе со многими воинами, и уговорил его признать власть Александра (Арриан: 4; 16-21).

Вслед за этим Александр отправился в Мараканды. Тут на пиру после жертвоприношения Диоскурам произошло событие, о котором Александр затем горько сожалел всю свою жизнь. Повздорив со своим старым другом Клитом, он в порыве страшного гнева убил его ударом копья. Оба к моменту ссоры были уже сильно пьяны. Тем не менее, увидев бездыханное тело Клита, Александр пришел в такой ужас, что хотел заколоть себя тем же копьем. Друзья сумели обезоружить его. Три дня Александр провел на своем ложе, тяжело раскаиваясь в преступлении. Он не хотел принимать пищи, собирался уморить себя голодом. Друзья ходили за ним как за ребенком и, наконец, уговорами и просьбами заставили его поесть.

Несмотря на то, что причину несчастья искали в действии вина и в гневе Диониса, многие понимали, что дело гораздо серьезнее. Александр был уже не тот - прежняя простота общения с ним стала невозможна. Царь приходил в ярость от любого сказанного поперек слова. Он стал настолько чувствителен к лести, что сквозь пальцы смотрел на то, как льстецы отдают ему на пиру земные поклоны, словно богу. Говорили, что он собирается ввести этот обычай в свой этикет, но старые его друзья, воевавшие еще под началом Филиппа, встретили это новшество с таким негодованием, что Александр не решился настаивать. Однако именно на этой почве произошел разрыв между Александром и философом Калисфеном, с которым прежде он был очень дружен. Рассказывают, что однажды на пиру Александр, отпив из золотой чаши, пустил ее в круговую, начав с тех, с кем он сговорился относительно поклонов. Первый из получивших чашу отпил из нее, встал и земно поклонился Александру, который поцеловал его. Так чаша обошла всех. Когда черед дошел до Калисфена, тот не стал кланяться и, отпив, подошел к Александру. Тот не захотел его целовать, а Калисфен громко заметил: «Я потерял только один поцелуй!» Произошло это уже в Бактрах, куда Александр прибыл после убийства Клита и где готовился к индийскому походу. В это время был раскрыт еще один заговор против его жизни, участниками которого были царские пажи. Александр велел схватить всех, и после пыток они раскрыли весь свой замысел. Искали тех, кто мог направить юношей на дерзкое предприятие и, прежде всего, арестовали Калисфена. По одним известиям его казнили вместе с заговорщиками, по другим - вели за войском в цепях и он скончался спустя несколько месяцев (Арриан: 4; 8-14).

Весной 327 г. до Р.Х. Александр пошел из Бактрии на индов. Переправившись за 10 дней через Гиндукуш, войско опять оказалось в земле парапамисадов, но повернуло отсюда на восток к верховьям Инда. На берегах Кабула его встретили Таксил и некоторые другие тамошние князья. Все они добровольно признали власть Александра и обещали впредь быть его союзниками. Александр отправил часть своих полков к Инду с приказом покорять окрестные племена и готовить переправу через реку.

Сам он обратился против аспа-сиев, не признавших его власть, взял несколько крепостей, а затем разбил их в решительном сражении. Одних пленных взято здесь было более 40 000 человек. Кроме того, захватили несколько десятков тысяч голов скота. Покончив с аспа-сиями, Александр обратился против асакенов и подступил к их столице - Массагам. Город был хорошо укреплен, а число его защитников очень велико. С помощью таранов македонцам удалось разбить стены в нескольких местах. Асакены храбро сражались, пока с ними был их вождь, но когда тот скончался, пораженный стрелой, они решились на переговоры и сдались. Ночью всех их перебили по приказу Александра, который обвинил ас-сакенов в нарушении условий договора. После этого были взяты Оры. Жители третьего города - Бази-ра - бежали на неприступную гору Аорн (Арриан: 4; 22-27).

Гора эта имела в окружности 100 стадиев, а в высоту - 16. Ее южную часть была защищена Индом, а остальные стороны окружали пропасти и отвесные обрывы. Александр

осмотрел эти неприступные места и отказался от мысли взять Аорн приступом. Располагая большим количеством людей, он велел завалить пропасть и сделать насыпь у подножия горы. Подойдя к ней вплотную, он повел энергичную осаду, непрерывно в течение 7 дней и стольких же ночей бросая людей на приступ. Сначала инды, занимавшие позиции на высотах, выходили победителями; нападавшие теряли много людей убитыми. Когда же насыпь была закончена, на нее поставили катапульты, метавшие стрелы, и прочие машины. Стало ясно, что царь не намерен снимать осаду. Видя это, инды перепугались. Александр, проницательно догадываясь о том, что произойдет, отозвал стражу, охранявшую проход, и открыл путь желавшим уйти со скалы. Ночью варвары оставили гору (Диодор: 17; 85).

От Аорна Александр отправился к мосту через Инд, который уже давно построили ему Гефистион и Пердикка (Арриан: 4; 30), и далее - к Таксилам, большому и богатому городу, самому крупному между Индом и Джелумом (Гидаспом).

Таксил, князь города, и тамошние инды приняли его дружелюбно. Пробыв здесь некоторое время, македонцы выступили затем к Дже-луму. Александру донесли, что по ту сторону реки со всем своим войском стоит царь Пор, решивший не пускать его через реку или напасть на него во время переправы.

Александр расположился лагерем на берегу Джелума. Пор явился на противоположном берегу со всем войском и отрядом слонов. Против того места, где он увидел лагерь Александра, он стал сам, чтобы охранять переправу, а по другим местам, где легко было пройти через реку, разослал сторожевые отряды, каждый под командой особого начальника. Пор рассчитывал, что таким образом не позволит македонцам переправиться (Арриан: 5; 8-9).

Александр велел ежедневно поднимать в лагере великий грохот и шум, приучая индов не обращать на него внимания. В одну бурную и безлунную ночь, взяв с собою часть пехоты и отборных всадников, он прошел далеко вперед и переправился на небольшой остров. Тут полил проливной дождь; над лагерем разразилась страшная гроза, Александр видел, как молнии поражали людей и те умирали, но все равно снялся с островка и переправился на противоположный берег. Течение Джелума стало стремительным, вода от ливня поднялась и образовала большую промоину, куда и устремилась значительной своей частью. Солдаты едва-едва добрались до середины этого места: было скользко, а вода все время их захлестывала. Переправившись, Александр с конницей опередил пехоту на 20 стадиев. Если на него нападет конное войско, полагал он, то перевес будет целиком на его стороне; если же неприятель двинет на него пехоту, то его пехотинцы успеют подойти к нему. Осуществилось первое. На него бросилась тысяча всадников и 60 колесниц, но колесницы были захвачены (они все застряли в грязи после дождя), а всадники отброшены с уроном. Пор, сообразив, что Александр переправился через реку, пошел навстречу со всем войском, оставив только охрану, которая должна была помешать переправиться остальным македонцам (Плутарх: «Александр»; 60).

Под командой Пора было больше 50 000 пехоты, около 3000 конницы, больше тысячи колесниц и 130 слонов. Всадников он расположил на флангах, а слонов, в их грозном воинственном уборе, - с фронта, на равных промежутках друг от друга. Между животными он разместил пехотинцев, которым было приказано защищать слонов с боков. Вся расстановка в целом напоминала укрепленный город: слоны стояли как башни, солдаты между ними играли роль простенков. Александр, рассмотрев вражескую диспозицию, расставил свое войско в соответствии с ней (Диодор: 17; 87). Он понял, что ему нельзя атаковать в лоб, где стояли слоны. Большую часть своей конницы он расположил на левом фланге. Кена с остальной конницей он отправил на правый фланг. Фаланге был дан приказ вмешаться в сражение только тогда, когда его конница (сам он остался на левом фланге) одержит верх над конницей врага. Битва началась стремительной атакой македонской конницы. На обоих флангах она одержала победу над конницей индов, а затем, развернувшись, ударила с флангов на построение пехоты. В ту же минуту фаланга пошла на слонов, кидая дротики в их воинов и поражая самих животных, которых они обступали со всех сторон. Это сражение не было похоже ни на одно прежнее. Слоны врывались в ряды пехоты, поворачивались - и в этом месте густого строя македонцев как не бывало (Арриан: 5; 16-17). Одни гибли под их ногами, растоптанные вместе с оружием, других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю, многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух. Македонцы мужественно противостояли

им; перебив сариссами воинов, стоявших между животными, они уравновесили боевые силы. Слоны были засыпаны тучей дротиков. Животные, покрытые ранами, обезумели от боли, и инды, ходившие за ними, не могли уже их удержать: повернув, они неудержимо понеслись на своих, топча и давя их ногами (Диодор: 17; 88). Тем временем македонская конница обошла индов и ударила им в тыл. Конница Пора была в этом сражении почти полностью перебита. Избивали и пехоту, наседая на нее со всех сторон. Когда же всадники Александра раздвинулись, образовав проход, все обратились в бегство. В сражении полегло не менее 20 000 пехотинцев-индов, все 3000 их всадников. Были изрублены все колесницы, перебита треть слонов, остальные 80 достались победителям. Среди убитых были и два сына Пора и многие из его командиров. Сам Пор доблестно сражался на огромном слоне и, только совершенно обессилев от ран, сдался в плен. Александр отнесся к нему с величайшим почтением и в знак уважения к его мужеству вернул ему его царство в качестве сатрапии (Арриан: 5; 17-19). На том месте, где произошло сражение, Александр основал два города: один назвал Ни-кеей, потому что здесь победил индов, а другой Букефалами, в память о своем коне Букефале, павшем здесь.

После этой блестящей победы Александру покорились все земли между Джелумом и Чинабом. Здесь было 37 городов, население самого маленького из них превышало 5000 человек, а во многих жило больше 10 000. Править всеми этими землями Александр поручил Пору. Затем он переправился через Чинаб (Анесин). Тамошние народы также большей частью признали его власть без боя (Арриан: 5; 19-20). Путь войска пролегал теперь через обширные леса с огромными и тенистыми деревьями большой высоты (Курций Руф: 9; 1). Переправившись через Рави, Александр узнал, что здесь обитает воинственный народ кафеев, который готовится к войне с ним. Их твердыней был город Сангалы. Кафеи считались самыми отважными и искусными воинами в этой части Индии. Когда Александр узнал все это, он стремительно пошел на Сангалы. Кафеи расположились на обрывистом холме перед городом, окружив свой лагерь тройным рядом телег. Александр увидел, что конница тут ничего не сделает, спешился и повел своих пехотинцев на штурм. После упорного боя, продолжавшегося целый день, македонцы прорвали все три ряда телег и загнали кафеев в город. Александр велел собирать осадные машины и подводить их к стенам. Но машины не понадобились: македонцы устроили подкоп под стену и ворвались внутрь. При штурме погибли 7000 индов и 70 000 сдались в плен. Город по приказу Александра разрушили до основания (Арриан: 5; 22-24).

Александру рассказали, что за последней, пятой рекой Пенджаба - Сатледжем (Гифасом) - лежит богатая страна, ее населяют люди, которые умеют хорошо обрабатывать землю и храбро воевать. Эти рассказы еще больше подстрекнули Александра в его желании идти дальше, но македонцы пали духом. В лагере стали собираться сходки. Те, кто был посмирнее, только оплакивали свою участь, но другие твердо заявляли, что не пойдут дальше за Александром. Когда Александр узнал об этом, то, не дожидаясь, пока волнение среди солдат усилится и они вовсе упадут духом, он созвал военачальников и стал делиться с ними своими планами. Но все его красноречие не произвело на них никакого впечатления. Говорили, что войско устало и что нет такой силы, которая может увлечь его в новый поход, что необходимо, наконец, сделать остановку и не требовать от людей больше того, что они уже совершили. Раздосадованный Александр распустил собрание. На следующий день он, полный гнева, созвал опять тех же военачальников и сказал, что он сам пойдет вперед, но никогда не заставит македонцев против воли следовать за ним; у него будут люди, которые пойдут за царем добровольно. Те же, кто желает, пусть уходят домой и пусть сообщат домашним, что они оставили своего царя, окруженного врагами. После этих слов он пошел к себе в палатку и в этот день и еще два не принимал никого, даже из диадохов, выжидая, не изменится ли настроение у македонцев и союзников. В лагере, однако, стояла полная тишина. Гнев Александра, очевидно, только раздосадовал солдат, но не изменил их настроения. Тем не менее Александр совершил жертвоприношение перед переправой через Сат-леджен, но жертвы оказались неблагоприятными. Тогда он собрал старейших из диадохов наиболее преданных ему людей, и так как все указывали ему на необходимость вернуться, он велел объявить войску, что решено повернуть обратно.

Солдаты стали кричать так, как кричит беспорядочная ликующая толпа, многие плакали. Александр разделил войско на отряды, приказал им соорудить 12 алтарей высотой в самую

высокую башню: благодарность богам за дарованные победы и память о понесенных трудах. Когда алтари были сооружены, он принес на них положенные жертвы. Страну до Сатледжена он отдал Пору, а сам повернул обратно к Джелуму (Арриан: 5; 25-29).

На берегу Джелума для Александра приготовили много тридцати-тисельных судов, а также кораблей, удобных для перевозки лошадей и для переправы войска по реке, и он решил плыть вниз по Джелуму до Аравийского моря. Гребцов и матросов на эти суда набрали из финикийян, киприотов, карийцев и египтян, которые сопровождали войско.

Собрав диадохов и индийских послов, пришедших к нему, Александр назначил царем завоеванных индийских земель Пора: под его власть отходили семь индийских племен и более 2000 городов, принадлежавших этим племенам. Свое войско он разделил таким образом: щитоносцев, лучников, агриан и агему всадников он посадил с собой на суда. Кратер повел по правому берегу Джелума вниз часть конницы и пехоты; по другому берегу шел Гефестион во главе большей и лучшей части войска. Вместе с ним следовали и слоны, которых было теперь более 200. Флотом Александра командовал Нearch, и было в нем более 2000 кораблей.

Александр узнал, что в низовьях Джелума обитает воинственное племя малов, которое намерено оказать ему сопротивление. Он спешно отправился вниз по реке, надеясь напасть на малов прежде, чем они успеют подготовиться к войне. Между рекой и городами малов лежала безводная пустыня. С конницей и легкой пехотой Александр за сутки пересек пустыню и напал на врага. Малы не ожидали такой стремительности; они не успели объединиться и защищались порознь, каждый город сам по себе. Несмотря на отчаянное сопротивление, македонцы в короткое время взяли все их крепости. Войско малов, собравшееся на берегах Рави (Гидраста), македонцы обратили в бегство прежде, чем началось правильное сражение. Остатки войск укрылись в ближайшем городе. Македонцы сходу ворвались за городские стены, но остановились перед внутренними укреплениями. Александру показалось, что солдаты, несшие лестницы, не торопятся. Он выхватил у одного из солдат лестницу, сам приставил ее к стене и полез, прикрываясь щитом. Он первый взобрался на стену и начал бой с малами. Щитоносцы в великом страхе за своего царя, спеша и толкаясь, полезли по одной лестнице и сломали ее.

Александр оказался один на стене, выделяясь среди всех своим роскошным вооружением и безумной отвагой. Град стрел и дротиков тут же обрушился на него. Он понял, что, оставаясь здесь, непременно будет убит. И тогда Александр прыгнул внутрь крепости. Оказавшись один против многих малов, он убил несколько человек мечом, в том числе вождя индов. Двоих он поразил камнями. Варвары не решались уже подходить к нему, а окружив его со всех сторон, метали в него оружием, какое у кого оказалось в руках. В это время царские телохранители Певкест, Абрея и Леоннат, единственные, которым удалось взойти на стену до того, как лестница сломалась, спрыгнули вниз и стали на защиту царя. Тут одна из стрел пробила панцирь Александра и вонзилась в грудь над соском. Из раны прыснула кровь и стал выходить воздух. Александр потерял сознание и упал на свой щит. Тем временем македонцы в бессильной ярости метались вокруг стены, не зная, как прийти на помощь своему царю. Несколько человек взобралось на стену, становясь на плечи друг к другу, некоторые - вбивая в стену колья. Вокруг лежащего царя завязалась жестокая сеча. Наконец удалось сломать засов в воротах, македонцы хлынули в крепость и в короткое время перебили здесь всех, включая женщин и детей. Когда Александра принесли в палатку, почти не было надежды, что он останется в живых. Косский врач Критодем провел операцию по извлечению стрелы. Она прошла успешно, но Александр потерял столько крови, что едва не умер.

Несколько дней все войско находилось в величайшем смятении. Каждый воин спрашивал себя, что случится с ним и со всей армией, если Александр умрет. Многие оплакивали свою судьбу, не надеясь, что останутся живы. Узнав об этом, Александр велел нести себя к Чи набу, где располагался весь его флот, и на седьмой день после операции показался войску верхом на коне. Ликованию македонцев не было пределов. От криков содрогнулись все окрестные леса и берега. Солдаты подходили к царю, со всех сторон касались его рук, обнимали колени, трогали одежду, некоторые только смотрели, стоя неподалеку, и уходили, благословляя его. Его осыпали лентами и цветами. Сюда же явились послы от малов и другого племени - оксид-раков. И те и другие изъявили Александру полную покорность и согласились принять назначенного им сатрапа.

Устроив все дела, Александр продолжил плавание и у слияния Чинаба с Индом заложил город - Александрию Опиану. Племена и народы по Инду покорились Александру почти без сопротивления. Между тем это были самые богатые и многочисленные области из всех, которые были захвачены в Индии. Таким образом, он опустил до Патал, где Инд разделяется на два рукава. Здесь он сделал остановку, велел войску строить верфи, ремонтировать и закладывать корабли. А сам на быстроходных кораблях спустился до места впадения Инда в Аравийское море.

На македонцев, впервые увидевших великий Индийский океан, вид его произвел большое впечатление. Вернувшись в Паталы, Александр велел Гефестиону укреплять гавань и строить новые верфи. Он решил оставить в Паталах гарнизон и большую часть флота. Пока шли эти работы, Александр спустился к океану по второму рукаву. При этом он достиг большого лимана, который образует при своем впадении река. Александр велел строить здесь город и еще одну верфь. Часть воинов он отправил на запад вдоль побережья - разведать путь, по которому предстояло идти.

Между тем наступило неудобное для плавания время - подули сильные противные ветры, при которых рискованно было выходить в море. Александр оставил флот под командованием Неарха в Паталах, велел ему дожидаться подходящего времени, а сам с остальными воинами начал тяжелый поход на запад вдоль берегов Аравийского моря. Путь Александра лежал через дикие и бесплодные земли, местное население никогда еще не знало над собой власти царей, и его предстояло покорить. Стремительно двигаясь вперед, македонцы напали на оритов и подвергли их владения разорению. Соседи оритов - гадросы - заняли узкий горный проход, соединявший их страны, но разбежались, узнав о приближении Александра. Ориты согласились после этого принять сатрапа от завоевателя. Александр оставил в Орах Леонната, приказав ему строить город и дожидаться Неарха. Сам он с большей частью войска вступил в Гидросию. Страна эта представляла собой настоящую пустыню. Все страдания, которые перенесло македонское войско в Азии, померкли перед тяготами этого последнего перехода. Жгучий зной и полное отсутствие воды погубило многих людей и еще больше животных, которые падали, увязая в раскаленном песке. Дороги как таковой не было. Солдаты шли по неуплотненному песку, проваливаясь в него как в рыхлый снег. Длинные переходы очень утомляли войско, но потребность в воде гнала и гнала вперед. Когда кончился хлеб, солдаты стали резать лошадей и мулов. Александр знал, что происходит, но считал, что в данных обстоятельствах лучше притвориться незнающим, чем дать разрешение на то, что ему известно. Из-за нехватки животных невозмож -но стало везти больных и ослабевших. Поход совершался с великой быстротой, и этих несчастных просто бросили в песках на произвол судьбы. Говорили, что никогда еще ни ассирийскому, ни персидскому войску не удалось пройти этой дорогой. Александр был первым, кто провел по ней большую армию, но и он не раз был на волосок от гибели. Однажды проводники заявили, что они не узнают дороги, так как следы ее сдуты и уничтожены ветром. Александр сообразил, что надо держаться влево. С небольшим конным отрядом он поехал вперед. Большинство всадников отстало. Только с пятью спутниками царь выехал к морю. Раскапывая на берегу песок, он наткнулся на чистую пресную воду. Семь дней затем войско шло вдоль моря, добывая воду на берегу. Тут проводники узнали дорогу и повели войско в глубь страны.

Через два месяца после выхода из Ор, Александр прибыл в Пуру, столицу Гадросии и здесь дал войску отдых. В Пуре македонцев поджидали большие запасы продовольствия, привезенные из Арианы, Парфии и Гиркании. Сюда же вскоре прибыл Неарх, благополучно совершивший свое плавание по морю. Отсюда отдохнувшее войско через Карманию двинулось в Персию. По дороге царь принимал сатрапов и жалобы на них. Многих сатрапов тут же казнили по приказу Александра. На их место он поставил новых македонцев из своего окружения (Арриан: 6).

Остановившись в Сузах, Александр отпраздновал свадьбы - свою и своих друзей. Он уже был женат на Роксане, а теперь взял в жены еще и старшую из дочерей Дария - Барсину - и младшую дочь Оха - Парисатиду. Гефестиона он женил на Дрипетиде, дочери Дария, сестре своей жены: он хотел, чтобы дети Гефестиона и его были двоюродными. Точно также переженил он около 80 человек диадохов на дочерях знатнейших персов и мидян. Браки

совершены были по персидскому обычаю. Этот поступок Александра сочли одним из доказательств его простого и дружественного обращения с диадохами. Приданное всем дал Александр. Были и другие македонцы, женившиеся на азиатских женщинах. Александр велел составить их поименный список (оказалось их больше 10 000 тысяч), и все они получили от него свадебные подарки.

После этого Александр решил, что пришло время уплатить солдатские долги. Он велел составить списки, кто сколько должен, чтобы выдать соответствующие суммы. В лагере были поставлены столы, и на них положены деньги; ведающим раздачей он приказал уплачивать долги каждому, кто предъявит долговое обязательство, не записывая имен. Это понравилось солдатам даже больше, чем избавление от долгов. Говорят, что войску в этот раз было пожаловано около 20 000 талантов.

Пришли к нему сатрапы из новых городов и завоеванных земель, с ними прибыло около 30 000 юношей, вошедших в тот возраст, который Александр называл возрастом «потомков». У них было македонское вооружение, и обучены они были македонским военным приемам. Македонцев, говорят, раздосадовало их прибытие: они решили, что Александр принимает всяческие меры к тому, чтобы не так уж нуждаться в македонцах. Великой печалью было для них видеть на Александре мидийскую одежду; заключение браков по персидскому закону пришлось многим не по душе; огорчало их и то, что конные азиаты были зачислены по лохам в конницу гетайров. Всем дали вместо варварских метательных камней македонские копья. Все это, по мнению македонцев, свидетельствовало о том, что Александр склоняется в душе к варварам, а македонские обычаи и сами македонцы у него в пренебрежении.

Из Суз Александр спустился по Евфрату до Персидского залива, а затем поднялся по Тигру в Опиду. Здесь он собрал македонцев и заявил, что увольняет солдат, негодных к военной службе по старости или по увечью; он отошлет их на родину и даст каждому с собой столько, что дома земляки будут им завидовать, а другие македонцы загорятся желанием взять на себя их труды и опасности. Александр рассчитывал, что македонцы обрадуются его словам. Они же обиделись на эту речь царя. Во всем войске вообще было много недовольных: македонцев раздражала и персидская одежда Александра, и варварские обычаи, и новые любимцы. Солдаты не выдержали и закричали - пусть он уволит их всех и воюет вместе со своим отцом. Это был насмешливый намек на божество Аммона. Александр стал в то время уже раздражительным и, привыкнув к варварской угодливости, относился к македонцам не с прежним благодушием. Он соскочил с трибуны, приказал схватить явных смутьянов и сам рукой указал щитоносцам, кого надо взять. Взяли человек 13. Александр приказал их казнить (Арриан: 7; 1-8). Затем, поднявшись вновь на трибуну, он обратился к воинам с гневной речью, проклиная их неблагодарность, и под конец велел убираться всем, кому не стыдно бросить его одного, а он останется здесь под охраной побежденных варваров. И в самом деле, Александр тут же прогнал своих телохранителей и передал их должность персам, поставив их копьеносцами и жезлоносцами. Видя, что свита царя состоит из персов, что они удалены и оскорблены, македонцы притихли и, одумавшись, поняли, что они от ревности и гнева почти что обезумели. Образумившись, без оружия, в одних хитонах пошли они к царской палатке с плачем и криком. Александр не допустил их к себе, хотя и смягчился. Македонцы не уходили: 2 дня и 2 ночи терпеливо стояли они так, плакали и называли его владыкой. На третий день Александр вышел к ним, видя их печаль и унижение, заплакал и горевал долго (Плутарх: «Александр»; 71). Помирившись с солдатами, Александр уволил со службы 11 000 ветеранов. Во главе них он поставил Кратера, которому приказано было управлять Македонией вместо Антипатра, а Антипатра Александр вызвал к себе с пополнением из новобранцев (Юс-тин: 12; 12).

Из Опиды в 326 г. до Р.Х. войско отправилось в Экбатаны. Здесь начались шумные празднества, которые были прерваны внезапной смертью Гефестиона. Александр так любил его, что просто обезумел от горя. Он приказал сейчас же в знак траура остричь гривы всем лошадям и мулам, сломать зубцы у городских башен и распять врача Главка (хотя тот был не виноват - Гефестион умер именно потому, что не выполнял указаний врача). Предался он и другим безумствам. Так, например, он истратил на похороны друга 10 000 талантов, но и это считал за пустяк и собирался фракийскую гору Афон превратить в статую Гефестиона

(Плутарх: «Александр»; 72).

Немного утешившись, Александр совершил поход на косеев и совершенно истребил это племя. Затем он отправился в Вавилон (Арриан: 7; 15). Здесь он застал флот Неарха, поднявшийся из Персидского залива вверх по Евфрату. Александр велел строить еще корабли и нанимать корабельщиков. У Вавилона была вырыта гавань, где могла пристать тысяча военных кораблей. Сюда же начали сходить войска из всех сатрапий - Александр начал подготовку к новому походу (Арриан: 7; 19). Планы были столь же грандиозны, как и прежде: покорив арабов, Александр предполагал переправиться в Африку, пройти все просторы Нумидии, захватить Карфаген, переправиться в Испанию, выйти мимо Альп к побережью Италии и возвратиться в Эпир (Курций Руф: 10; 1).

Но когда все было готово и объявлен уже день начала похода, Александр внезапно заболел лихорадкой. Сначала он не обратил на нее внимания и продолжал отдавать распоряжения, но болезнь все усиливалась, пока, наконец, не свалила его окончательно. Когда войско узнало, что надежды на выздоровление нет, то солдаты, полные печали и любви к царю, потребовали, чтобы их впустили к Александру. Он лежал уже без голоса, но пожал руку каждому из проходивших мимо солдат, с трудом приподымая голову и приветствуя их глазами. Диадохи, собравшиеся у ложа умирающего, спросили, кому он оставляет свое царство. Он ответил: «наилучшему» (Арриан: 7; 25-26). Незадолго до смерти Александр снял с руки перстень и отдал его Пердикке. Скончался он в 28-й день месяца даисия в 324 г. до Р.Х., процарствовав 12 лет и 8 месяцев. Ни у кого первоначально не было подозрений в отравлении царя. Но спустя шесть лет Олимпиада получила донос; многих казнила и велела выбросить из могилы останки Июлая, царского виночерпия. Мысль об отравлении принадлежала якобы Антипатру, а осуществлена была его сыном Кассандром.

Роксана была беременна, а потому македонцы окружили ее почетом. Она относилась ревниво к Статире; обманом, с помощью подложного письма, заманила ее к себе и, когда та прибыла вместе с сестрой, убила обеих, а трупы велела бросить в колодец и засыпать. Сделано это было с ведома и с помощью Пердикки (Плутарх: «Александр»; 76- 77).

Похороны Александра состоялись только через семь дней после смерти, так как уже на другой день разгорелась жестокая распря из-за власти между его друзьями. Впоследствии Птолемей перевез его прах в Египет (Курций Руф: 10; 10).

АЛЕКСАНДР IV

Царь Македонии в 317-311 гг. до Р.Х. Сын Александра III Македонского и Роксаны. Род. в 323 г. до Р.Х. Умер 311 г. до Р.Х.

Согласно Юстину, к моменту смерти Александра III в 324 г. до Р.Х. Роксана, его жена, была на девятом месяце беременности. Многие диадохи, и прежде всего Пердик-ка, предлагали дожидаться родов Роксаны и, если родится мальчик, передать ему власть над царством отца. Но под нажимом солдат-пехотинцев диадохи вынуждены были отдать власть брату Александра III - слабоумному Арридею, который стал править под именем Филиппа III (Юстин: 13; 2-3).

Когда Александр родился, между диадохами уже шла война, и никто не хотел признавать его прав на престол, хотя и пытались воспользоваться им как знаменем в борьбе за власть. Так Пердикка брал его с собой в поход против Птолемея (Павсаний: 1; 6; 3).

В 317 г. до Р.Х. Олимпиада, мать Александра III, захватила власть в Македонии, велела убить Арридея и сделала царем своего внука, собираясь, впрочем, управлять от его имени. Но и Олимпиада правила недолго. Ибо она, поступая не как разумная правительница, а как мстительная женщина, казнила всех первых людей в государстве, одного за другим, и этим превратила расположение к себе в ненависть. Поэтому, услышав о приходе Кассандра, она, не доверяя македонцам, вместе со своей невесткой Роксаной и внуком Александром удалилась в город Пидну. Кассандр тотчас поспешил к Пидне и осадил этот город (в 316 г. до Р.Х.). Страдая от голода и вражеских нападений, утомленная долгой осадой, Олимпиада сдалась победителям, выговорив себе жизнь. Но Кассандр отдал решение ее судьбы на суд македонцев, постаравшись прежде ожесточить их сердца. Олимпиада была приговорена к смерти и казнена. После этого Кассандр взял себе в жены Фессалонику, сестру Александра III, а Александра IV с его матерью

Роксаной отправил в амфиполитанскую крепость для содержания под стражей (Юстин: 14; 5-6). Наблюдать за ними он поручил одному из вернейших своих людей Главкию. Мальчиков-пажей у Александра он велел отнять и обращаться с ним не как с царем, а как с простым македонянином (Диодор: 19).

В 311 г. до Р.Х. Кассандр, опасаясь подросткового Александра, которому македонцы могли вернуть власть из уважения к его отцу, приказал тайно отравить его и Роксану. Тела их забросали землей, чтобы совершение погребального обряда не вызвало подозрения в том, что они убиты (Юстин: 15; 2). Так бесславно кончил свои дни сын Александра Великого, и вместе с ним пресекался род Темеидов, правивший Македонией с глубокой древности.

АЛЕКСАНДР V

Царь Македонии в 294 г. до Р.Х. Сын Кассандра и Фессалоники. Ж.: Лисандра, дочь египетского царя Птолемея I.

Едва получив власть, Александр был изгнан из Македонии своим братом Антипатром (который тогда же убил его мать Фессалонику). Александр, не желая мириться с этим, отправил послов к Деметрию с просьбой о помощи и одновременно призвал Пирра. Деметрий, занятый другими делами, замешкался, а Пирр тотчас явился и потребовал в награду за союз Стим-фею и Паравею, подвластные македонцам, а также Амбракию, Акарнанию и Амфилохию, принадлежащие покоренным ими народам. Когда Александр согласился, Пирр захватил эти области, оставив в них свои гарнизоны, а остальные владения отобрал у Антипатра и отдал Александру. Деметрий прибыл, когда дела Александра были улажены и тот в нем уже не нуждался. Он лишь испугал Александра, а пробыв несколько дней вместе, оба прониклись взаимным недоверием и стали строить друг другу козни. Деметрию I представился удобный случай: он умертвил Александра, и был провозглашен царем Македонии (Плутарх: «Пирр»; 6).

АЛЕКСАНДР I БАЛАСА

Царь Сирии в 150-145 гг. до Р.Х.

По свидетельству Флавия, сирийский царь Деметрий I Сотер своей надменностью и заносчивостью восстановил против себя всех сирийцев (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 2; 1). Собственные вельможи и окрестные цари составили против него заговор. Они подучили некоего Баласа, молодого человека самого низкого происхождения, чтобы тот оружием добивался сирийского престола, якобы принадлежавшего его отцу. Они дали ему имя Александр и объявили, что он сын царя Антиоха IV (Юстин: 35; 1). Чтобы заручиться поддержкой римлян, бывший казначей Антиоха Гераклид, давно уже проживавший в Италии, явился в сенат в сопровождении Александра и дочери Антиоха Лаодики. Поставленный перед сенаторами, юный Александр сначала произнес несколько приветственных слов, а потом просил римлян вспомнить о дружественном союзе с ними отца его Антиоха, но больше всего просил о том, чтобы римляне помогли ему добыть царство или, по крайней мере, согласились бы на возвращение его в Сирию и не препятствовали бы, друзьям, если они того пожелают, посадить его на царский престол. Сенат вынес постановление в том духе, каком они просили. Опираясь на сенатское определение, Гераклид немедленно приступил к набору наемников и привлекал к своему делу именитых граждан (Полибий: 32; 18).

В 153 г. до Р.Х. Александр высадился в Сирии и занял Птолемаиду благодаря измене находившихся в ней воинов. Сирийцы с большим сочувствием восприняли его появление. Собрав огромное войско из наемников и присоединившихся к нему сирийских солдат, Александр пошел на Деметрия и победил его в упорном сражении (150 г. до Р.Х.). Сам Деметрий пал в бою (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 2; 14).

Овладев Сирийским царством, Александр отправил к египетскому царю Птолемею VI Филомет-ру письмо, в котором просил руки его дочери. Птолемей ответил ему, что охотно принимает его предложение. После этого он приехал со своей дочерью Клеопатрой в Птолемаиду, встретился там с Александром и выдал за него свою дочь (Флавий: «Иудейские

древности»; 13; 4; 1). Так удачно поначалу складывалась судьба Александра. Но неожиданно выпавшее на его долю богатство и присвоенное им чужое достоинство как бы держали его пленником во дворце. В праздности, среди толп развратниц, он сам впал в разврат (Юстин: 35; 2).

Прослышав об этом, а также о том, что Александр уже не пользуется в Сирии прежней популярностью, против него начал войну Деметрий, сын свергнутого и убитого Деметрия (147 г. до Р.Х.). Чтобы помочь зятю, в Сирию явился с флотом и сухопутным войском Птолемей. Поначалу между союзниками были прекрасные отношения, но когда царь добрался до Птолемаи-ды, он едва не погиб от козней злоумышленников. Виною всему был Аммоний. Едва происки его обнаружили, Птолемей потребовал у Александра, чтобы тот наказал Аммония. Александр стал его защищать, и Птолемей понял, что сам зять злоумышлял против него.

Возвратившись в Египет, Птолемей стал упрекать себя за то, что выдал дочь свою за Александра, равно как за то, что вступил с ним в союз против Деметрия. Поэтому он разорвал с ним все родственные узы и отнял у него свою дочь. Затем он немедленно послал к Деметрию для переговоров и заключил с ним дружественный союз.

Из-за того же Аммония Александра постиг другой удар: анти-охийцы, давно уже ненавидевшие этого вельможу, восстали против царя и изгнали его из города. Александр отправился в Киликию, а антиохийцы приняли Птолемя и провозгласили его царем Сирии.

Тем временем Александр собрал в Киликии большое войско и двинулся в Сирию, предавая все огню и мечу. Птолемей и Деметрий выступили против него (145 г. до Р.Х.). В последовавшем затем сражении Александр потерпел поражение. Он бежал в Аравию к набатейскому царю Забдилу. Но там его казнили, а голову выслали Птолею (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 4; 5-8).

АЛЕКСАНДР II ЗАБИНА

Царь Сирии в 126-123 гг. до Р.Х.

Когда в 129 г. до Р.Х. сирийский царь Деметрий II стал собирать войска для похода на Египет, египетский царь Птолемей VII подослал некоего молодого человека, египтянина, сына купца Протарха, с тем, чтобы тот оружием добивался царской власти над Сирией. Была сочинена басня, будто этот молодой человек был принят Антиохом VII в царскую семью. Сирийцы готовы были признать любого царя, лишь бы не страдать от высокомерных выходок Деметрия. Молодого египтянина назвали Александром и послали из Египта ему на помощь громадное войско. Как раз в это время в Сирию привезли в серебряном гробу останки убитого Антиоха. На это событие горячо откликнулись все города, а также сам Александр.

Этим Александр снискал к себе большую народную любовь, так как все думали, что он проливал не притворные, а искренние слезы. В 126 г. до Р.Х. Александр вступил в бой с Деметрием и победил его. Оставленный всеми Деметрий бежал в Тир и был там убит. Но и Александр, захватив Сирийское царство и чрезмерно возгордившись своими успехами, стал надменным и заносчивым и даже к самому Птолею, которому был обязан своим царством, стал относиться пренебрежительно. Поэтому Птолемей решил во что бы то ни стало лишить Александра его царства. С этой целью Птолемей послал на подмогу Антиоху Гриппу, сыну Деметрия II, огромное войско и стал оказывать ему всяческую поддержку. Эти старания не оказались тщетными. Ибо когда все увидели, что Грипп получает поддержку войсками из Египта, от Александра стали мало-помалу отпадать подданные. Наконец в 123 г. до Р.Х. между царями произошел бой. Александр был побежден в этом бою и бежал в Антиохию. Здесь, нуждаясь в деньгах и не имея возможности выплатить жалование солдатам, он приказал забрать из храма Зевса изображение Победы, сделанное из чистого золота. Он даже пустил по поводу этого святотатства шутку, сказав: «Эту победу Зевс дал мне взаймы». Спустя несколько дней Александр приказал тайно вынести из храма золотую статую самого Зевса огромного веса. Он был изобличен в святотатстве и бежал от собравшейся толпы. Застигнутый бурей необычайной силы и покинутый своими, Александр был схвачен разбойниками, привезен ими к Гриппу и убит (Юстин: 39; 1-2).

АЛЕКСАНДР I

Царь молоссов из рода Пирридов, правивший в Эпире в 342-331 гг. до Р.Х. Сын Неоптолема II. Брат Олимпиады. Ж.: Клеопатра, дочь македонского царя Филиппа II.

После того как Олимпиада стала женою Филиппа II, царя Македонии, Филипп сделал Александра (юношу очень красивой наружности) своим любовником. В 342 г. до Р.Х., после смерти Арриба, Филипп посадил Александра на царство в Эпире, хотя править должен был Эакид, сын Арриба (Юстин: 8; 6).

В 331 г. до Р.Х. Александр отправился в Италию по приглашению жителей Тарента, просивших у него помощи против бруттиев. Он столь ревностно ринулся в этот поход, надеясь совершить в Италии, Африке и Сицилии не меньшие подвиги, чем Александр (сын его сестры Олимпиады) - в Азии и Персии. Когда он прибыл в Италию, то сначала воевал с апулийцами, пока не заключил дружественный союз с их царем. Потом он затеял войну с бруттиями и луканами (Юстин: 12; 2). В Лукани он захватил тарентийское поселение Гераклею, луканскую Потенцию, Сипонт апулийцев, Кенсенцию бруттиев и Терину, а потом и другие города мессапийцев и луканцев; он отправил в Эпир заложниками триста знатных семейств, и в окрестностях города Пандосии, господствующего над пределами луканцев и бруттиев, занял три отстоящих друг от друга холма, чтобы, делая оттуда набеги во все концы владений неприятеля. При нем было около двух сотен луканских изгнанников, которых он считал преданными себе, но которые, как большинство в их племени, изменяли, как только изменяла удача.

Когда от беспрестанных дождей все окрестные поля оказались залиты водой, три части войска, отрезанные друг от друга, лишились возможности оказывать взаимную помощь, и два оставшихся без царя отряда были разбиты внезапным нападением врага; покончив с ними, враги окружили и самого царя. И тут луканские изгнанники послали к своим гонцам с посулом выдать царя живым или мертвым, если им клятвенно пообещают возвращение на родину. Однако царь с отборными воинами отважился на дерзкий подвиг и, прорвавшись в гущу врагов, в рукопашной схватке убил вождя луканцев. Стягивая своих воинов, рассеявшихся в бегстве, он приблизился к берегу реки, пустил коня в самую стремнину, но, когда он уже выбирался на мелкое место, луканский изгнанник издали поразил его дротиком.

Река принесла бездыханное тело с торчащим в нем дротиком к вражеской стоянке; там тело зверски изуродовали, разрубили надвое и часть отправили в Кенсенцию, часть оставили у себя на поругание. Впоследствии все же останки его были преданы огню и прах отправлен в Эпир (Ливий: 8; 24).

АЛЕКСАНДР II

Царь молоссов из рода Пирридов, правивший в Эпире в 272-255 гг. до Р.Х. Сын Пирра I и Ланассы, дочери Агафокла Сиракузского. Ж.: Олимпиада.

После гибели Пирра под Аргосом Александр должен был согласиться на мир с македонским царем Антигоном II. Позже он в союзе с этолийцами завоевал Акарнанию. Этолянам досталась ее восточная часть, Александру - западная (Павсаний: 10; 16; 6). Во время Хремонидовой войны, когда Антигон II Гонат занят был войной в Греции, Александр, желая отомстить за смерть своего отца, начал опустошение македонской области. Когда же Антигон возвратился из Греции и выступил против Александра, солдаты Антигона перешли на сторону врага и тот вместе с войском потерял Македонское царство (в 264 г. до Р.Х.). Сын Антигона Деметрий в отсутствии отца вновь набрал войско и не только забрал обратно потерянную Македонию, но даже отобрал Эпирское царство у Александра. Александр бежал в Акарнанию, однако вскоре был восстановлен на царстве как по желанию самих эпиротов, так и с помощью союзников (Юстин: 26; 2-3).

АЛЕКСАНДР СЕВЕР, Марк Аврелий

Римский император из рода Северов, правивший в 222-235 гг. Род. в 206 г. Умер 235 г.

Гессий Бассиан Алексиан, получивший позже имя Александра Севера, принадлежал по отцу к сирийскому роду Гессиев Марцианов, а со стороны матери находился в родстве с римским императорским домом Северов. Бабка его, Юлия Меса, была родной сестрой Юлии Домны, жены императоров Септимия Севера и Каракаллы, сам он приходился двоюродным братом императору Гелиогабалу (их матери, Юлия Созмия и Юлия Мамяя, были родными сестрами). Впрочем, широко распространено было мнение, что своих сыновей сестры прижили от связи с императором Каракаллой, а их официальные отцы только покрыли женитьбой их грех.

В 221 г. Юлия Меса убедила Гелиогабала усыновить Алексиана, объявив его Цезарем и соправителем. При этом ему присвоено было имя Марка Аврелия и Александра. Тогда же, вместе со своим приемным отцом, Александр получил консульство. Гелиогабал пожелал обучать его своим любимым занятиям - плясать, водить хороводы и принимать участие в исполнении жреческих обязанностей. Но мать отвращала Александра от занятий, постыдных и неприличных для государя; она тайно приглашала учителей всяких наук, занимала его изучением разумных предметов, приучала к палестрам и физическим упражнениям и давала ему эллинское и римское воспитание. Гелиогабал очень сердился на это и раскаивался в том, что сделал Александра сыном и соправителем. Всех его учителей он прогнал из императорского дворца, а некоторых даже казнил. Но чем более он впадал в распущенность, тем более благосклонно относились к Александру сенат и преторианцы. Они хранили и оберегали его, видя, что Гелиогабал всячески против него злоумышляет. Когда же император пожелал лишить своего приемного сына почестей Цезаря, воины открыто возмутились. Испуганный Гелиогабал сам привез Александра в преторианский лагерь, чтобы успокоить их, но уже не смог пресечь мятежа: и он сам, и его мать были убиты, а Александр провозглашен императором (Геродиан: 5; 7, 8).

Верховная власть досталась ему поначалу лишь по виду и названию, так как реально страной правили его мать и бабка. Чтобы пресечь всякие возмущения, они постарались заручиться поддержкой сената, избрав из его числа своими советниками шестнадцать наиболее достойных мужей.

По своей природе Александр обладал нравом тихим и мягким. За все годы его правления он не вынес ни одного несправедливого приговора, казни же без суда вообще прекратились (Геродиан: 6; 1). Он установил очень большое число разумных законов о правах народа и императорского казначейства. К ворами он был беспощаден, называя их единственными врагами государства (Лампридий: «Александр Север»; 16, 28). Если же и были в это время какие-то злоупотребления, то вина за них целиком лежит на Юлии Мамее, так как Александр всегда и во всем был послушен воле матери (Геродиан: 6; 1). Одевался он в белую незолоченую одежду, обыкновенные дорожные плащи и тоги, носил грубошерстные хламиды и туники без пурпура, подражая Септимию Северу. Брюки у него были белые, а не алые. Приветствия он принимал только по имени, словно был одним из сенаторов, лести не терпел и не любил. И был столь выдержанным, что никого не прогонял от себя, со всеми обращался ласково и приветливо, посещал своих заболевших друзей, даже тех, кто занимал невысокое общественное положение. Он хотел, чтобы все высказывали ему свободно, что они думают, выслушивал то, что говорилось, и сам, подобно древним трибунам и консулам, часто выступал на сходках. В греческом красноречии он, правда, был более силен, чем в латинском. Говорят, что он писал неплохие стихи, имел музыкальные способности и был силен в астрологии. Он изумительно рисовал, замечательно пел, но никогда не делал этого в чьем-либо присутствии. В детстве он прилично играл на лире, на флейте, на органе и на трубе, но, став императором, перестал заниматься этим. Борцом он был превосходным, также отличался и в военном деле. День свой он обычно начинал со священнодействий в своем помещении для лавров, где у него стояли изображения и обожествленных государей (но только самых лучших и избранных), и некоторых особенно праведных людей, таких как Аполлоний, Христос, Авраам, Александр Македонский или Орфей, а равно и изображения предков. Затем он либо катался, либо ловил

рыбу, либо гулял, либо охотился. После он занимался государственными делами, которые, как правило, не отнимали у него много времени, так как все они предварительно рассматривались его друзьями, а он утверждал или не утверждал их решение. Но в случае надобности он еще до рассвета начинал заниматься делами и сидел до позднего часа; при этом он никогда не скучал, никогда не сидел мрачным или разгневанным, но всегда сохранял одинаковое выражение лица и был весел при всяких обстоятельствах. Он отличался необыкновенной проницательностью, так что никто не мог обмануть его; если же кто-нибудь хотел ловко обойти его, того он сразу разгадывал и наказывал.

После государственных дел, военных или гражданских, он с наибольшим усердием занимался чтением: по-гречески он читал книги Платона, в особенности «О государстве», из латинских авторов больше всех ценил Цицерона, иногда он читал и речи, и поэтов, причем любил Серена и Горация. Вергилия он называл Платоном поэтов, и изображение его вместе с изображением Цицерона имел в своем втором помещении для лавров, где находились также изображения Ахилла и других великих мужей. После чтения он занимался борьбой или игрой в мяч, или бегом, или более легкими упражнениями, а затем, умастившись, купался в водоеме. С утра он обычно съедал много хлеба с молоком и яиц, запивая их вином, смешанным с медом. На завтрак часто подавали тетрафармакон - блюдо, состоящее из фазаньего мяса, свиного вымени, ветчины и теста. После полудня он занимался писанием заключений и чтением писем. Писцы прочитывали ему заготовки ответов, а Александр собственноручно приписывал то, что считал нужным. После писем он принимал всех друзей вместе и со всеми одинаково беседовал; никогда и ни с кем он не виделся наедине, кроме своего префекта. Пирыв его отличались умеренностью, на них приглашались ученые люди, время проходило не в пьянстве, а в просвещенной беседе. В разговорах и шутках Александр был очень мил и любезен. Он не любил больших парадных пиров, на которых, по его словам, чувствовал себя так, словно он в театре или в цирке. Так как он до минимума сократил число слуг, а также распродал почти всю лишнюю посуду и утварь, то случалось, что император занимал все это у друзей. Пирыв его, как правило, не сопровождалось зрелищами, к которым Александр вообще был равнодушен. Единственным его пристрастием было разведение птиц. Он устроил птичники для павлинов, фазанов, кур, уток и куропаток; одних голубей у него было, говорят, до двадцати тысяч.

Все военные экспедиции Александра были продуманны до мелочей. Солдаты его никогда не испытывали недостатка ни в провианте, ни в оружии, ни в снаряжении. Поэтому везде, где они проходили, сохранялся порядок, не было ни грабежей, ни убийств. Император обедал и завтракал в открытых палатках, причем ел солдатскую пищу на виду у всех и ко всеобщему удовольствию. Он лично обходил все солдатские палатки, чтобы знать, как живут солдаты. Больные и раненые находились под его пристальным вниманием. Но к нарушителям дисциплины он был строг и даже суров. Особенно жестоко он карал мародеров (Лампридий: «Александр Север»; 4, 18, 20, 25, 21, 29-31, 33-34, 40, 41, 44, 50-52). Воевать Александру пришлось прежде всего с персами, которые как раз тогда вновь стали владыками Азии, покорив парфян. Война эта была неудачна для римлян. Сам Александр, остановившись в Антиохии, выслал против персидского царя Ардашира две армии, но одна была измотана тяжелыми боями в гористой Мидии и отступила с огромными потерями, а другая была окружена в Парфии и полностью уничтожена. Следующие два года Александр провел в Антиохии, укрепляя восточную границу. Однако персы, которые и сами понесли большие потери в последней войне, так и не решились вторгнуться в римские пределы. Зато в 234 г. пришло известие о нападении из-за Рейна и Дуная германцев, опустошавших Иллирик и Галлию. Собрав войска, Александр двинулся в Галлию. Но и здесь, вместо того чтобы немедленно начать войну, он завел с варварами переговоры, предлагая им деньги в обмен на мир. В это время большой отряд воинов-новобранцев провозгласил императором своего военачальника Максимиана. Когда Александр узнал об этом, он, по свидетельству Геродиана, выбежал из палатки и обратился с речью к своим воинам, обвиняя молодежь и Максимиана в неблагодарности. Бывшие при нем воины поклялись защищать его от узурпатора. Но когда на другой день войско Максимиана приблизилось к императорской стоянке, настроение легионов изменилось. Солдаты бранили друзей Александра, а также его мать за неумеренную жадность. Между двумя армиями завязались переговоры, и в конце концов все перешло на сторону Максимиана. Видя всеобщую

измену, Александр ушел в палатку, обнял мать, и они вдвоем стали ожидать решения своей судьбы. Вскоре Максимин отправил трибуна и нескольких центурионов, которые, ворвавшись в палатку, убили самого Александра, его мать и всех его друзей (Геродиан: 6; 5-9).

АЛЕКСЕЙ I КОМНИН

Византийский император в 1081 - 1118 гг. Род. ок. 1057 г. Умер 15 авг. 1118 г.

Алексей происходил из богатого и знатного рода Комнинов. По отцу он доводился племянником императору Исааку I, а через мать был связан с влиятельным семейством Далассинов. Детство и юность его пришлись на время кризиса и упадка империи: мятежи и перевороты следовали один за другим, враги со всех сторон теснили ромеев, нанося им сокрушительные поражения, так что у людей доблестных было много возможностей проявить и показать себя. По свидетельству всех историков, слава удачливого полководца пришла к Алексею удивительно рано. Еще не дождавшись совершеннолетия, он упросил мать отпустить его вместе со старшим братом на войну и показал такие примеры доблести, что скоро заставил говорить о себе всех (Вриенний: 1; 6). Случилось так, что старший брат его, Исаак Комнин, назначенный в 1073 г. старшим стратигом в походе против турок, был разбит и попал в плен. Враги подступили к лагерю ромеев, но Алексей собрал вокруг себя оставшихся воинов и целый день успешно отбивался от них. Ночью солдаты бежали, бросив своего юного полководца. Алексей после этого с большим трудом и со многими приключениями добрался до столицы. Это был первый и единственный раз в его жизни, когда он участвовал в походе в качестве младшего стратига, находившегося в подчинении у старшего полководца. Скоро он вернулся и повел войну как стратиг-автократор.

Положение в Азии тогда было очень тяжелым. Турки овладели большей частью земель. В то же время поднял мятеж франк Русель, управлявший отрядом наемников; Император Михаил VII объявил Алексея стратопедархом и поручил ему в 1074 г. выступить против Руселя. Комнин отправился в поход, не получив от императора ни денег, ни военной поддержки, ни достаточно войска. Поэтому он долгое время избегал решительной битвы, изматывая врага стремительными набегами и засадами. Потом он вступил в переговоры с турецким эмиром Тутахом, уговорив его за большую сумму денег захватить Руселя. Турок исполнил его просьбу и передал ему мятежника. (Алексею стоило затем больших трудов собрать обещанные деньги.) Чтобы лишить франков всякой надежды на возвращение их полководца, он сделал вид, что ослепляет Руселя. После этого мятежники потеряли надежду на успех и сдали Комнину все свои крепости (Вриенний: 2; 3- 6,19-24).

В 1077 г. престол захватил Никифор III Вотаниат. Против него, собрав все македонские и фракийские войска, двинулся Никифор Вриенний. Вотаниат возвел Алексея в сан Доместика западных схожи поручил ему войну с мятежниками. Несмотря на высокое звание, у Алексея было очень мало своих войск: он имел отряд норманнских наемников и фалангу «бессмертных». Все надежды ему пришлось возложить на вспомогательные отряды турок. В начале 1078 г. две армии встретились у города Каловария во Фракии. Битва началась неудачно для Алексея: мятежники ударили на «бессмертных» и заставили их отступить. В то же время союзные Никифору печенеги обратили в бегство турок. Но победители не спешили преследовать императорские войска, и это позволило Алексею вырвать победу. Он вновь собрал своих солдат. Как раз в это время подошел еще один отряд турок, посланный Вотаниатом. Поднявшись на холм, турки увидели, что солдаты Вриенния наступают в полном беспорядке, нарушив строй. Один отряд турки оставили в засаде, а двумя другими напали на мятежников. После короткого боя они сделали вид, что отступают, заманили врага в засаду и таким образом одержали полную победу. Сам Вриенний попал в плен. Едва Алексей успел сообщить в столицу о своем успехе, как получил приказ двинуться против другого мятежника - дуки Диррахия Никифора Василага, который присоединил к себе все иллирийские и болгарские войска, занял Фессалонику и провозгласил себя императором. Сильно уступая врагу численностью своей армии, Алексей прибег к следующей хитрости: ночью он тихо вывел своих солдат из лагеря, оставив палатки и горящие костры. Мятежники ворвались в лагерь, рассыпались без всякого порядка и бросились его грабить. Тогда Комнину внезапно напал на них

и легко одержал победу. Василаки попал в плен. Алексей возвратился в столицу и был возведен в сан севаста.

В 1079 г. в Азии поднял мятеж Никифор Мелиссин. В следующие годы из-за его измены турки овладели всеми азийскими, фригийскими и галатскими городами. Наконец, они заняли Никею и вышли к берегам Босфора (Вриенний: 4; 1-2, 4-5, 7-12, 14, 16, 19, 22-23, 26, 28, 31).

В этих обстоятельствах, когда императорская власть ослабла, а самому существованию державы ромеев, казалось, приходит конец, братья Комнины решили совершить переворот. Причиной тому, по словам Анны Комнины, стали происки вольноотпущенников императора Борила и Германа, имевших при Никифоре III огромное влияние на государственные дела. Они видели, что расположение Вотаниата к Комнинам растет с каждым днем, и потому постоянно измышляли способы опорочить и погубить их. После долгих размышлений братья пришли к выводу, что опасность близка, и потому у них есть лишь одна надежда на спасение - восстание. Как раз в это время Алексею была поручена война против турок, захвативших Кизик. Воспользовавшись этим предлогом, он стал стягивать отовсюду войска. Когда же все было готово, Комнины в феврале 1081 г. бежали из столицы в фракийскую деревню Схизы, неподалеку от Афиры, и здесь расположились лагерем. Комнинов сразу же поддержали многие знатные роды и полководцы. Оставалось решить, кто из двух братьев получит верховную власть. Исаак был старше, но у Алексея оказалось намного больше сторонников. Имя его давало успех всему предприятию, поэтому Исаак сам одел на ногу брата пурпурную сандалию, и с одобрения всего войска Алексей был провозглашен императором.

Теперь предстояло захватить столицу. Это представлялось Комнинам нелегким делом. Поэтому Алексей решил лестью и обещаниями привлечь на свою сторону кого-нибудь из городской стражи и с их помощью захватить Константинополь. Он отправил человека к предводителю немецких наемников, и тот после долгих переговоров согласился пропустить мятежников внутрь укреплений. Ночью 1 апреля воины Комнина вступили в столицу через открытые немцами Харисийские ворота. Преданный со всех сторон Никифор сначала предлагал Алексею стать его соправителем, но потом должен был отречься от престола и отдать всю власть в руки нового императора (Комнина: 2; 4, 6-7, 9-10).

Взяв на себя управление Ромейским государством, Алексей сразу окунулся в гущу дел. Он видел, что империя находится в состоянии агонии: восточные земли подверглись опустошительным набегам турок. Не лучше обстояли дела на западе, где вождь сицилийских норманнов герцог Роберт Гвискар усиленно вооружался и готовился к переправе в Диррахий. Печенеги уже много лет хозяйничали на севере в придунайских землях. Предстояла целая череда тяжелых войн, между тем, когда император приступил к сбору войск, он нашел в столице не более трехсот солдат. А чтобы набрать наемников и вызвать союзников из других стран, в казне не было денег.

Алексей обратился прежде всего к восточным делам. Он объявил набор в армию, посадил на суда легковооруженных воинов и приказал им по ночам плавать вдоль азиатского берега, скрытно высаживаться в тех случаях, когда число турок ненамного превышает их собственное, нападать на них, а затем сразу возвращаться обратно. Воины делали это в течение нескольких дней, и варвары мало-помалу стали отступать из приморских областей в глубь страны. Узнав об этом, император приказал посланным им войскам захватить городки и поместья, которые раньше занимали турки, и из них нападать на турецкие отряды. Вскоре варвары отступили еще дальше, и ромейская конница уже смело преследовала врага, совершая днем и ночью набеги на их земли. Таким образом, положение варваров ухудшилось, а затухавшая было искра могущества Ромейской державы вновь стала разгораться. Комнин далеко отогнал турок не только от Боспора и приморских областей; он вытеснил их из Вифинии, из предместий Никомедии и вынудил султана настойчиво просить о мире. Алексей с радостью принял эти просьбы, ибо к нему со всех сторон поступали сообщения о неудержимом натиске Роберта. Вот почему весной 1081 г. он заключил с турками мир.

После этого в августе Алексей выступил против норманнов. Целиком сосредоточившись на военных делах, он поручил матери распорядиться всем остальным. Он вообще чрезвычайно любил мать и ни в чем не отступал от ее воли (Комнина: 3; 1, 6-7, 9, 11). Так как силы его не составляли даже малой доли войск Роберта, Алексей призвал на помощь союзных турок. Он

вызвал к себе также флот венецианцев, пообещав им деньги и торговые льготы. В октябре неподалеку от Диррахия произошло сражение. Поначалу успех был на стороне ромеев. Варяжский отряд Намбита стал теснить воинов Роберта и загнал их в море. Однако он двигался слишком быстро и далеко оторвался от остального строя. Жена Роберта Гаита остановила бегущих и вновь повела их в атаку. Варяги, утомленные преследованием, были перебиты. После этого Роберт бросил в бой тяжелую конницу. Ромеи не выдержали и обратились в бегство. В этом сражении пало много известных воинов и родственников императора. Сам Алексей был окружен врагами и пробился сквозь них с огромным трудом (Комнина: 4; 2, 6-7). В начале 1082 г. норманнам сдался Диррахий.

Необходимо было создавать новую армию. Алексей стал отовсюду созывать союзников, а матери и брату поручил достать денег. Последние, не найдя другого выхода, отправили для переплавки на императорский монетный двор все имевшиеся у них золотые и серебряные вещи. Так как этого оказалось недостаточно, Исаак забрал из храмов часть драгоценной церковной утвари и, несмотря на сильное сопротивление священников, велел ее тоже пустить в переплавку. Таким образом были собраны необходимые средства. Сам Алексей упорно занимался обучением новобранцев. Между тем Роберт был отвлечен войной в Италии. Он покинул Иллирию, оставив вместо себя сына Боэмунда. В мае 1082 г. Алексей потерпел от него поражение под Яниной, а осенью того же года был разбит в третий раз. Весной 1083 г. норманны захватили Эпир и осадили Лариссу. Осенью Алексей с новым войском подошел на выручку осажденным. Зная по опыту как искусны в бою норманны, он решил на этот раз действовать хитростью. Части войск он приказал вступить в бой с врагами, а затем обратить тыл и сделать вид, что стремительно отступают. Сам он вместе с самыми доблестными воинами укрылся в засаде. На рассвете Боэмунд атаковал фаланги ромеев и начал упорно преследовать бегущих. Увидев, что тот удалился на значительное расстояние, император сел на коня, приказал то же самое сделать своим воинам и подъехал к лагерю норманнов. Войдя туда, он многих перебил и захватил большую добычу. Затем он отправил конницу в погоню за Боэмундом. Не вступая в рукопашную битву, искусные стрелки перебили стрелами рыцарских коней и таким образом нанесли их коннице большой урон. Боэмунду пришлось снять осаду с Лариссы, а Алексей победителем вернулся в Константинополь (Комнина: 5; 1- 2, 4-5-7). Осенью того же года ромеи подступили к взятой норманнами Кастории, стали упорно осаждать ее и вынудили норманнов просить свободного пропуска к морю. Многие графы перешли на службу к Алексею. Боэмунду ничего не оставалось как отплыть в Италию с известием о поражении. Осенью 1084 г. Роберт собрал флот и во второй раз высадился в Иллирии. Война развернулась на суше и на море. Сначала Роберт одержал победу вблизи острова Корфу над объединенным флотом ромеев и венецианцев, но потом неподалеку от Бутринто потерпел поражение. Летом 1085 г. он заболел лихорадкой и умер, а Алексей легко овладел Диррахием и победой завершил тяжелую войну.

Однако вражеские нашествия, по словам Анны Комнины, подобно морским волнам следовали одно за другим. Не успел Алексей отразить норманнов, как пришло известие о том, что множество печенегов перешли Дунай и разбили домостика Запада Бакуриани (Комнина: 6; 1, 5-6,14). Летом 1087 г. Алексей выступил против кочевников к Андрианополю, а оттуда направился к Силистрии. Неподалеку от этого города произошло решительное сражение, продолжавшееся с утра до вечера. К концу дня на выручку своим подоспело 36 000 печенегов. Ромеи, не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, повернули назад. В невообразимой сумятице, когда одни бежали, а другие преследовали, варвары окружили императора, но он пробился сквозь их строй, поразив множество врагов. Печенеги, однако, не смогли воспользоваться своей победой: они подверглись нападению половцев и должны были просить у императора мира. Мир был дан, но едва половцы ушли из их пределов, печенеги возобновили войну и взяли Филипполь. После первого поражения император избегал открытого боя, война приняла затяжной характер. Ромеи устраивали засады, нападали на врага при каждом удобном случае и не давали ему овладеть крепостями. Но под натиском кочевников военные действия постепенно переместилась из Болгарии к Андрианополю, а весной 1090 г. печенеги подступили к Хариополю. Одновременно возобновилась война с турками, овладевшими в это время многими прибрежными городами в Азии. Кольцо врагов сжималось

вокруг столицы, и приходилось напрягать все силы для того, чтобы разорвать его. Вблизи Русия Алексей вступил в бой с печенегами, но те опять наголову разбили его войско. Алексей, не теряя присутствия духа, отступил, собрал разбежавшихся воинов, на другой день вновь вступил в битву и на этот раз одержал победу. Но она лишь на короткое время задержала нашествие. Император отошел к Цурулу, печенеги шли за ним по пятам и осадили его в этой крепости. Не имея достаточно сил, чтобы в открытую сразиться с таким множеством варваров, он придумал следующую хитрость: забрав у жителей города их повозки, велел снять с них колеса и привязать те к зубцам стен. Ромеям он велел сначала начать бой, но потом расступиться и ложным отступлением завлечь печенегов к стенам. План его был с успехом выполнен, и как только враги приблизились к стенам, император велел рубить веревки и пускать на них колеса. Благодаря покатости местности колеса с силой врезались в неприятельский строй. Ромеи с обеих сторон напали на смешавшихся печенегов, опрокинули их и нанесли сильное поражение. Кочевники отступили к Булгарофигу, а Алексей с триумфом возвратился в столицу (Комнина: 7; 2-3, 6-7, 9-11).

Но он не мог позволить себе ни Минуты отдыха. Даже не вымывшись в бане и не стряхнув пыль войны, он стал собирать новобранцев и готовить их к обороне столицы. Зимой 1091 г. печенеги подошли к Хировакхам. Алексей сам отправился в эту крепость и заперся там с небольшим гарнизоном. Заметив однажды, что большой отряд кочевников отправился на поиски провианта, он стал уговаривать воинов напасть на оставшихся. Сначала те отказывались, но император сумел их убедить. Ромеи сделали вылазку, одних перебили, других взяли в плен. Затем Алексей приказал своим солдатам переодеться в костюмы убитых врагов, поднять их знамена и стал поджидать тех, которые отправились в набег. Когда те возвратились и без страха приблизились к лагерю, ромеи вдруг ударили на них и многих перебили.

Однако никакие поражения не могли обуздать беспредельной дерзости захватчиков. Бесчисленное множество их рассеялось по всему Западу. То там, то здесь они занимали городки и грабили селения под самыми стенами столицы. Весной Алексей подступил к Эносу. Вскоре пришло известие о приближении огромной печенежской армии. Когда она подошла к городу, императора охватили отчаяние и страх - так велики были силы врагов и так незначительны по сравнению с ними силы ромеев. Но спустя четыре дня с другой стороны явились 40 000 половцев. Алексей призвал к себе половецких ханов, преподнес им богатые дары и предложил вместе сразиться с печенегами. Те согласились, и 29 апреля состоялась решительная битва. По данному сигналу ромеи и половцы разом обрушились на вражеский строй и сошлись в рукопашной схватке. Началась жестокая резня. К вечеру большая часть печенегов, включая женщин и детей, была перебита. По словам Анны Комни-ны, случилось нечто необычайное: в один день был истреблен целый народ, в течение многих лет наводивший ужас на всех своих соседей. Множество врагов было взято в плен, но, поскольку их число намного превосходило численность ромеев, на последних напал сильный страх, и ночью большая часть пленников была убита. Сделано это было вопреки воле императора, и он потом сильно негодовал на своих солдат за эту жестокость (Комнина: 8; 1-6).

С отражением печенежской угрозы Комнин стал править в более спокойной обстановке. Страна медленно выходила из кризиса. В последующие годы Алексей много сил и внимания отдал восстановлению городов, возрождению ремесел и укреплению армии. Поскольку старое фемное ополчение совершенно изжило себя, император сделал основной упор на отряды наемников, а также на ополчение проиаров (подобно рыцарям Западной Европы они получали земельные наделы на условиях военной службы). Таким образом он создал большое и боеспособное войско. В скором времени ему пришлось испытать его во многих сражениях (Дашков: «Алексей Комнин»). В конце 1096 г. в Константинополь начали прибывать первые отряды рыцарей, участников крестового похода. Алексей принимал их и с каждого брал клятву верности. Он надеялся, что с помощью крестоносцев ему удастся отвоевать у турок азиатские владения империи. Вместе с тем огромное скопление рыцарей вблизи столицы заставляло его постоянно быть настороже. Несколько раз между ромеями и крестоносцами вспыхивали ожесточенные схватки. Но в конце концов Алексей благополучно переправил всех пришельцев на азиатский берег (Комнина: 10; 8-9). В июне 1097 г. объединенная армия ромеев и крестоносцев взяла Ни-кею. В соответствии с договором, город этот был передан Алексею.

Затем также захвачены были Сарды, Смирна, Эфес, Филадельфия и весь южный берег Черного моря. Во все это время отношения с крестоносцами оставались неприязненными. Когда рыцари после взятия Антиохии были осаждены в ней турецким войском и, терпя большие лишения, молили императора о помощи, он не оказал им никакой поддержки. В 1104 г. ромеи напали на Лаодику, занятую их старым врагом норманнским герцогом Боэмундом, сыном Роберта Гвискара (Комнина: 11; 2, 5-6, 11). Не имея возможности в Азии противостоять силам Алексея, Боэмунд отплыл в Италию, набрал там войска и в октябре 1107 г. высадился в Иллирии. Диррахий вновь был осажден норманнами (Комнина: 12; 9). Весной сам Алексей прибыл в Иллирию, чтобы наблюдать за военными действиями. Теперь Боэмунду на себе пришлось испытать возросшую силу ромейского государства. Все его войско было осаждено в лагере и блокировано с моря флотом. Припасы и фураж доставлялись с большим трудом. Испытав несколько поражений, герцог в сентябре 1108 г. вынужден был заключить с императором мир. Боэмунд признал вассалом императора себя самого и своего племянника Танкреда, владевшего Антиохией (Комнина: 13; 8, 12). В последние годы Алексей много воевал с турками, безуспешно пытавшимися вернуть себе свою столицу. В 1113 г. ромеи во главе с императором одержали победу над вражеской армией неподалеку от Никеи (Комнина: 14; 2, 5). В 1116 г. Алексей разорил окрестности новой султанской столицы - Икония. На обратном пути турки без успеха атаковали на марше ромейское войско, но не добились никакого успеха. Султан должен был заключить мир. Через полтора года после этой последней победы Алексея постигла тяжелая болезнь сердца, от которой он и скончался (Комнина: 15; 5-6, 11).

АЛЕКСЕЙ II КОМНИН

Византийский император, правивший в 1180-1183 гг. Сын Мануила I. Род. в 1169 г. Умер 1183 г.

Алексей начал царствовать, еще не вполне достигнув юношеского возраста и нуждаясь в мамках и няньках. Поэтому дела ромеев пошли дурно и не так как должно. Сам государь по незрелости своего возраста и по недостатку благоразумия не обращал никакого внимания на свои обязанности, занятый единственно пустыми удовольствиями. Он забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время с молодыми товарищами в играх и развивая в себе самые дурные привычки. А те, которые по отцу были ему друзьями или находились в каком-нибудь родстве с ним, занятые другими делами, нисколько не заботились о том, чтобы дать ему возможно лучшее воспитание и образование, и не обращали никакого внимания на расстройство общественных дел.

Одни из них были влюблены в императрицу Марию, мать Алексея, и очень явно ухаживали за ней, добиваясь взаимной любви от нее. Другие, люди жадные до денег, обкрадывали казну и без всякой бережливости тратили назначенные на расходы суммы. А иные, имея виды на царство, все помыслы направили к этой своей цели. Из-за отсутствия бдительного и строго наставника все пришло в беспорядок, заботы об общественных делах были оставлены, советы прекратились. Протосеваст Алексей Комнин, который по отцу был племянником императора Мануила, совершенно обольстил мать императора-отрока, часто проводил с нею время и усилился больше других. Громко говорили о том, что он, согласившись с императрицей, рассчитывает свергнуть Алексея и сам сделаться обладателем как его царства, так и родительницы.

В 1182 г. о своем намерении защитить права Алексея объявил его двоюродный дядя Андроник. В столице, где все ненавидели протосе-васта Алексея, Андроника ждали, по словам Хониата, как светильника во мраке и как лучезарную звезду. Знать и войска перешли на его сторону. Протосеваста свергли и ослепили. Андроник въехал в столицу как освободитель. Чтобы отстранить от власти императрицу, он короновал Алексея самодержавным государем, а затем добился суда над Марией и ее казни. Сам он после этого был провозглашен толпой своих приверженцев императором и соправителем Алексея. Спустя несколько дней после коронации убийцы напали ночью на Алексея и удавили его тетивой от лука. Голову его отрубили и принесли к Андронику, а тело бросили в море (Хониат: 3; 1, 3-4, 11, 16-18).

АЛЕКСЕЙ III АНГЕЛ

Византийский император в 1195- 1203 гг.

Алексей принадлежал к богатому и влиятельному роду Ангелов. В 1183 г. вместе с братьями и отцом он участвовал в заговоре против Андроника Комнина, а потом, спасаясь от гнева императора, долгое время скитался по Палестине между исмаилетянами (Хониат: 6; 3; 7). После того как младший брат Алексея Исаак против всякого ожидания сделался императором, Алексей приложил много сил, стараясь отнять у него престол. Наконец в 1195 г., во время похода против болгар, удача улыбнулась ему. Прибыв в Кипселлы, Исаак отправился на охоту. В это время сообщники схватили Алексея, будто бы насильно принесли в царскую палатку и провозгласили императором. К ним сразу же присоединились все войско, вся придворная челядь Исаака и весь его совет. Узнав об этом, Исаак попытался бежать, но был схвачен и ослеплен (Хониат: 5; 3; 8).

Получив власть, Алексей, по свидетельству Хониата, без всякого соображения и порядка начал раздавать деньги, которые Исаак вез на войну. Когда все деньги вышли, он стал дарить просителям поместья, угодья и разные общественные сборы. Когда же и этого не осталось, то в ход пошли различные почетные должности. При этом он поступал не так, чтобы поднять того или другого из людей знатных или повысить их на ближайшую или соответствующую степень, но всякого возвышал сразу же на самую высшую и самую главную степень. Затем император распустил войска по домам, не обращая никакого внимания на грабительство болгар. Народ, синклит и патриарх отнеслись к перевороту спокойно (Хониат: 6; 1; 1-2).

Новый государь имел любезный и добродушный характер. Всякому был открыт к нему свободный доступ. Он никого не отталкивал, не выкалывал глаз, не отсекал рук и ног и никого за все время своего правления не обрек на смерть (Хониат: 6; 3; 10). Несмотря на эти достоинства, он оказался правителем слабым и никуда не годным. Все думали, что тотчас после коронации и приведения дел в порядок император возьмется за оружие, отправится в поход и немедленно устранил не только все текущие затруднения, но и исправит ошибки своего брата. Однако все вышло наоборот. Как бы достигнув уже верха своих желаний и получив то, к чему издавна направлялись все его желания, он предался полнейшей праздности. Бросив управление общественными делами, он только то и делал, что рядился в золото, выслушивал всякие доклады и удовлетворял просьбы своих прежних сообщников. Он беспощадно обоими руками сорил деньгами, так что в короткий срок все они рассеялись по карманам людей, многих из которых император даже не знал.

Между тем войны и мятежи потрясли империю ромеев, от недавнего величия которой не осталось и следа. Не прошло и трех месяцев после воцарения Алексея, как пришла весть о появлении самозванца (уже третьего по счету), выдававшего себя за императора Алексея II, казненного Андроником Комнином. Он захватил множество городов, взволновал всю Азию, но был вскоре умерщвлен неизвестным убийцей. Фракия и Македония были страшно опустошены болгарами и половцами, а турки теснили ромеев в Азии и взяли Дадивр. Западный император Генрих VI, сын Фридриха Барбароссы, потребовал у Алексея ежегодной дани, а иначе грозил вторжением в Эпир и Иллирию. Чтобы выплатить затребованную им сумму, Алексей ограбил все гробницы прежних императоров (Хониат 6; 1; 3, 5- 7). Но все это были лишь легкие затруднения по сравнению с тем, что пришлось претерпеть Алексею в конце своего царствования. В 1202 г. его племянник, тоже Алексей, сын низложенного и ослепленного Исаака, сумел бежать из Константинополя. В Венеции он попросил защиты у вождей четвертого крестового похода, которые как раз собирались отплыть в Египет. Крестоносцы сделали вид, что их тронула судьба свергнутого Исаака, и летом 1203 г. их корабли явились под стенами Константинополя. Флот ромеев в годы правления Ангелов пришел в полный упадок и к этому времени практически уже не существовал. Крестоносцы разбили цепь, преграждавшую вход в бухту Золотой Рог, и подвели свои корабли почти к самым городским укреплениям. Затем, встретив от византийцев только незначительное сопротивление, они высадились у Козьмо-Демьянского монастыря и Устроили здесь лагерь.

Алексей III едва ли ни с первого дня осады затаил в душе мысль о бегстве и, всецело поглощенный ею, вовсе не надевал вооружения и не показывался неприятелю; но сложа руки

сидел и смотрел на то, что делалось. Его близкие сановники и родственники с горстью конницы и небольшим отрядом пехоты появились однажды из-за стен, как бы показывая, что город еще не совсем пуст, но этим и ограничились. Лишь иногда происходили конные сшибки. В середине июля крестоносцы сделали решительное нападение - ненадолго овладели частью стены и подожгли прилегающие к ней городские здания. Только тогда император надел доспехи и собрал вокруг себя небольшой отряд. Но, едва выйдя за стены, он тут же с позором отступил, придав своей попыткой сопротивления еще более надменности и дерзости неприятелю. Возвратившись во дворец, он начал тотчас же готовиться к побегу и той же ночью тайно покинул столицу, взяв с собой казну и дочь Ирину. На лодке он переправился в Девельт и стал ждать, какой оборот примут дальнейшие события (Хониат: 6; 3; 8, 10).

После бегства Алексея народ в своем крайне стеснительном положении вновь возвел на трон слепого Исаака II. Узнав об этом, Алексей бежал в Андрианополь, попытался собрать против брата войска, но был изгнан вождем крестоносцев маркизом Бонифацием Монферратским. Тогда он укрылся в Лариссе (Хониат: 7; 3). Весной 1204 г. крестоносцы взяли Константинополь и после этого легко захватили большую часть европейских владений империи. Маркиз Бонифаций женился на вдове Исаака Марии и был провозглашен владельцем Фессалоники. Алексей явился к нему, отрекся от императорского достоинства и поселился в Ал-мире (Хониат: 9; 9). Вскоре, однако, он был уличен маркизом в том, что пытался произвести возмущение против захватчиков, и сослан в Монферран. Получив через несколько лет свободу, Алексей выдал свою дочь Евдокию за владельца Коринфа Льва Згура. Некоторое время он жил при дочери, но, узнав, что зять собирается его схватить, бежал в Эпир к двоюродному брату Михаилу. Отсюда, узнав, что другой его зять Феодор Ласка-рис провозгласил себя в Никее императором ромеев, он пробрался в Азию к туркам и встретил самый дружественный прием у султана. Заручившись его поддержкой, Алексей попробовал отобрать престол у Феодора. Султан стал слать к Ласкарису письма и требовать, чтобы тот передал власть тестю. Феодор отвечал отказом. В ход пошло тогда оружие: султан с войском явился возле Антиохии-на-Менандре, подвел к стенам тараны и стал делать приступы. Внезапно явился император и напал на осаждавших. Султан пал в жестоком бою, а Алексей оказался в плену у своего зятя. Тот обошелся с ним очень мягко - снял знаки царской власти и приказал жить в монастыре Иакинфа. Здесь спустя несколько лет Алексей умер (Акрополит: 9, 10).

АЛЕКСЕЙ IV АНГЕЛ

Византийский император в 1203- 1204 гг. Сын Исаака II. Род. ок. 1183 г. Умер 1204 г.

После низложения и ослепления отца Алексей, хотя и жил в Константинополе на положении пленника, пользовался большой свободой. Исаак между тем не терял надежды снова вернуть себе власть. Не раз он тайком посылал письма своей дочери Ирине, которая была женой короля Филиппа Швабского. Но так как дело освобождения не двигалось с места, он в 1202 г. отправил к ней сына. Алексей решился бежать вместе с одним пизанцем, капитаном большого купеческого корабля. С его помощью он благополучно добрался до Афиры. Тем временем исчезновение его было вскоре замечено, и император велел немедленно обыскать все корабли. Посланные заглядывали повсюду, но не могли узнать Алексея: он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой и таким образом скрылся от сыщиков. Приплыв в Сицилию, он уведомил сестру о своем бегстве и был принят ею с распростертыми объятиями. Мария стала неотступно просить Филиппа, чтобы он помог ее отцу и брату. Король действительно много хлопотал об их судьбе и нашел Алексею могущественных покровителей.

В это время в Венеции строились корабли для участников четвертого крестового похода. Алексей, имея на руках грамоты Филиппа и римского папы, обратился к крестоносцам за поддержкой. Рассмотрев внимательно все дело, вожди крестоносцев согласились взять под защиту низложенного Исаака, но запросили за это немалую цену. Алексей ничего не мог им дать немедленно, но заранее согласился на все их условия, в том числе на такие, каких никогда не мог исполнить. Он обещал рыцарям огромную сумму денег и помощь в их предприятии войсками и кораблями. Он обещал также принять латинскую веру и все папские привилегии.

Когда обе стороны пришли к соглашению, флот отправился в путь. Крестоносцы захватили на далматском побережье Задару и начали осаду Диррахия, жители которого вскоре провозгласили Алексея императором. Оттуда святое воинство добралось до Кор-фы, овладело ей и тогда уже подошло к Константинополю. Враги явились под стенами столицы так неожиданно, что в городе их почти никто не ждал (Хониат: 6; 3; 8-10). Вскоре после начала осады, в июле 1203 г., узурпатор Алексей III тайно бежал из города. Тогда византийцы в своем крайне стеснительном положении вновь обратили взоры на слепого Исаака и возвели его во второй раз на трон. Исаак немедленно отправил вестников к сыну, извещая о бегстве брата. Но крестоносцы не отпустили от себя Алексея, пока Исаак не согласился выполнить данные тем обещания. После этого в августе Алексей был коронован и сел в качестве соправителя с отцом на царский трон. Вожди крестоносцев были приглашены во дворец. Здесь их осыпали всяческими похвалами, назвали благодетелями и спасителями. Все сокровища, какие еще нашлись в казне, и все, что успели отобрать у императрицы, жены Алексея III, и ее близких, императоры без счета отдали крестоносцам. Это, однако, показалось им каплей в море. Тогда Исаак велел взять из храмов священные сосуды, оклады икон и священную утварь и все это перелить в слитки серебра и золота. Когда и этого оказалось недостаточно, Алексей обошел города Фракии и обобрал их начисто. После возвращения в Константинополь между ним и отцом начались раздоры, так как Алексей целиком предался партии, ослепившей его отца, и старался теперь отеснить старика от власти. В сопровождении большого числа спутников он являлся в палатки к крестоносцам, пьянствовал там и целые дни проигрывал с ними в кости. Товарищи его забав снимали с него золотую корону и надевали на себя, а на него нахлобучивали косматую шерстяную шапку.

Тем временем крестоносцы, в ожидании, когда им выплатят условленную сумму, стали нападать на богатые загородные дома и церкви, предавая их огню и разграблению. Народ стал подступать к императорам и требовал начать с латинянами войну. Но те не обращали на это никакого внимания. Горожане, возмущенные бесчинствами пришельцев, стали готовить восстание. 25 января 1204 г., когда стало известно, что Исаак лежит при смерти, в Софии собралась огромная толпа народу, явился сенат и архиереи для общего рассуждения об избрании императора. В конце концов помазали на царствие молодого человека Николая Канавоса. Когда Алексей узнал об этом, он прибег к помощи возглавлявшего поход маркиза Бонифация Монферратского и рассудил, что необходимо ввести во дворец рыцарское войско. Об этом намерении Алексей сообщил прото-вестиарию Дуке Мурзуфлу, который пользовался до того полным доверием императора. Но в глубине души Дука мечтал о верховной власти и решил воспользоваться вверенной тайной в своих интересах. С помощью одного евнуха он склонил к измене дворцовую стражу. Когда все было готово для переворота, он глубокой ночью 28 января поспешно вошел в спальню к государю и объявил, что родственники его, соединившись с отрядом секироносных варваров, рвутся в дверь и хотят убить его за дружбу с латинянами. Алексей пришел в ужас и стал с мольбой просить у Дуки совета, так как не знал, что ему делать. Дука схватил его за руку и отвел в секретную комнату дворца. Там императора схватили, заковали в кандалы и бросили в самую ужасную тюрьму. Дука после этого возложил на себя царские отличия. Дважды он потом пытался отравить Алексея и наконец приказал его задушить (Хониат: 7; 1, 3-4).

АЛЕКСЕЙ V ДУКА МУРЗУФЛ

Византийский император в 1204 г. Умер 1205 г.

Алексей Дука до своего возвышения носил титул протовестиария и был одним из ближайших людей Алексея IV. Императором он стал в тревожное и драматичное время: под стенами Константинополя стояло войско крестоносцев, а внутри города бушевала смута. Византийцы хотели изгнать обоих своих государей, Исаака и Алексея, возведенных на престол при поддержке крестоносцев. Встревоженный этим император Алексей рассудил за лучшее ввести во дворец отряд из рыцарей. На переговоры с ними он отправил своего протовестиария. Между тем Алексей Дука сам тайно мечтал о власти. Увидев, что судьба дает ему возможность осуществить свое давнее желание, он немедленно воспользовался этим - склонил на свою сторону дворцовую стражу и глубокой ночью 28 января низложил последнего Ангела,

заклучил его в тюрьму, а потом велел задушить (Хониат: 7; 4).

Провозглашенный императором, Дука решил начать открытую войну с крестоносцами. Он был, по словам Хониата, человек хитрый и весьма самонадеянный, полагающий всю правительственную мудрость в скрытности и рассчитывающий при помощи ее к общему изумлению вдруг явиться благодетелем отечества. Он нашел сокровищницу совершенно пустой и потому обложил тяжелыми Податями всех кесарей и севастократов, занимавших при Ангелах высшие правительственные должности. Раздобыв таким образом деньги, он собственным примером воодушевил войско. Много раз, опоясавшись мечом, он то отражал неприятельские нападения, то сам храбро и неожиданно нападал на крестоносцев. Этим он очень нравился горожанам. Однажды он выступил против Балдуина Фландрского и завязал с ним бой, но ро-меи вскоре оробели, бросились в бегство, так что, оставшись один, император едва не погиб.

Впрочем, все эти стычки не принесли столице избавления. 9 апреля 1204 г. крестоносцы в первый раз подвели свой флот к стенам, однако градом камней и выстрелами защитники заставили их отступить. 12 апреля штурм повторился, а к полудню крестоносцы овладели стеной. Не встречая после этого никакого сопротивления, рыцари рассыпались по городу и обратили свой меч против людей всякого возраста и пола. Полные презрения к ромеям, они не заботились более о сохранении между собой военного порядка, но разбрелись отдельными беспорядочными толпами. В это время император появлялся то там, то здесь на разных улицах города, старался вооружить и соединить в стройное ополчение скитавшийся там народ; но ни убеждениями, ни укорами он никого не мог заставить взяться за оружие: каждый спасался как мог. Видя, что все усилия безуспешны, и опасаясь самому попасть в плен, Дука бросился в Большой дворец, посадил с собой в шлюпку дочь императора Алексея III Евдокию, в которую был влюблен (до этого он развелся с двумя законными женами), и оставил город (Хониат: 8; 1-3).

Из столицы он отправился в Лариссу, где жил тогда отец его возлюбленной. Алексей III принял Дуку с притворной лаской, велел изготовить для него и для дочери баню, но в то время, когда Дука находился в бане, его схватили и ослепили (Акрополит: 5). Спустя немного времени Дука попался крестоносцам, был отвезен ими в Константинополь и подвергся там суду за то, что лишил жизни своего государя. Судьи приговорили его к смерти - возвели на высокую Таврскую колонну и сбросили оттуда вниз (Хониат: 9; 9).

АЛКАМЕН

Спартанский царь из рода Агидов, правивший в VIII в. до Р.Х. Сын Телекла.

При Алкамене лакедемоняне Разрушили приморский город Гелос, которым владели ахейцы, и победили в бою аргосцев, помогавших жителям Гелоса (Павсаний: 3; 2; 3-7).

АЛКЕТ

Македонский царь, правивший в VI в. до Р.Х. Сын Аеропа (Геродот: 8; 139).

АЛКЕТ I

Царь молоссов из рода Пирридов, правивший в Эпире в 361 г. до Р.Х. Сын Тариппа (Плутарх: «Пирр», I).

АЛКЕТ II

Царь молоссов из рода Пирридов, правивший в Эпире в 313-307 гг. до Р.Х. Сын Арриба.

Алкет был изгнан из страны своим отцом и стал царем после смерти Эакида. Он ненавидел Кассандра. Поэтому, едва прошла весть о его воцарении, Ликион, полководец

Кассандра, выступил на эпиротов из Акарнании. В первом сражении он потерпел поражение, но потом в новой битве разбил эпиротов и взял Эвримины. После этого Алкет был вынужден заключить союз с Кассандром. Править ему пришлось недолго. В том же году эпироты, не вынеся его жестокости, убили Алкета и двух его младших сыновей. На его место призвали 12-летнего Пирра I (Диодор: 19-20).

АМИНТА I

Македонский царь, правивший в конце VI в. до Р.Х. Сын Алкета.

В конце царствования Аминты прибыли персидские послы с требованием земли и воды. Аминта обещал им то и другое и пригласил послов на угощение. На этом пиру послы были убиты, но Геродот возлагает ответственность за это деяние на молодого царевича Александра (Геродот: 5; 17-20).

АМИНТА II

Македонский царь в 393-392 гг. до Р.Х. Сын Филиппа, внук Александра I.

Аминта захватил власть после Аеропа II. Но вскоре его убил эли-мейский князь Дерда и передал трон сыну Аеропы Павсанию (Дройзен: 1; 1; 2).

АМИНТА III

Царь Македонии в 392-370 гг. до Р.Х. Сын Аридея, внук Аминты и правнук Александра I. Ж.: 1) Евридика; 2) Ар-хилая; 3) Гигея. Умер 370 г.

Аминта сделался царем, убив захватившего престол Павсания.

Согласно Диодору, он был вытеснен из своей страны вторгшимися в нее иллирийцами. Аминта отказался от престола и подарил олинфянам пограничную область (Диодор: 15; 19). Однако олинфяне, не удовлетворившись этим, попытались освободить все эллинские города из-под власти македонцев. После того как их призывавшие соседи, олинфяне выступили походом в глубь Македонии и взяли Пеллу (Ксенофонт: 5; 2; 13). Но Аминта был замечателен своей энергией и обладал всеми достоинствами полководца. Теснимый с двух сторон, он, прежде всего, начал тяжелую войну с иллирийцами (Юстин: 7; 4). В ходе войны он сформировал собственную сильную армию и вступил в союз с лакедемонянами, которые с тревогой наблюдали за возрастающим могуществом олинфян. Вскоре при содействии лакедемонян и фессалийцев ему удалось победить олинфян и вернуть потерянные области (Диодор: 15; 19).

В старости Аминта мог погибнуть от коварных козней своей жены Евридики, которая договорилась со своим зятем о том, что выйдет за него замуж, убив мужа, и передаст ему царство. Однако дочь донесла и о прелюбодеянии своей матери, и о ее преступном замысле. Избавившись от стольких опасностей, Аминта скончался в глубокой старости (Юстин: 7; 4).

АМОРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

Византийская династия, правившая в 820-867 гг.

АНАКСАНДР

Спартанский царь из рода Лгидои, правивший в VII в. до Р.Х. Сын Эврикрата I.

В царствование Анаксандра мессеняне восстали против лакедемонян и начали Вторую Мессенскую войну (в 685 г. до Р.Х.). В следующем году Анаксандр командовал спартанским войском в битве у Могилы кабана. Лакедемоняне потерпели тяжелое поражение и позорно

бежали с поля боя. Вождь мессенян Аристомен после этого стал настолько дерзок, что сам напал на лаконские Феры и ограбил их. Когда же Анаксандр попытался остановить его, лакедемоняне опять были разбиты. Тогда Анаксандр стал действовать хитрее и подкупил мессен-ского союзника аркадского царя Аристократа II. В 682 г. до Р.Х. благодаря предательству Аристократа лакедемоняне окружили мессенян и разгромили их. После этого поражения мессеняне укрепились на горе Гире и в течение 11 лет выдерживали осаду лакедемонян. Только в 668 г. до Р.Х. лакедемоняне в бурную штормовую ночь, наконец, сумели овладеть Гирой. Большая часть мессенян вынуждена была вновь покориться их власти, остальные навсегда покинули родину (Павсаний: 4; 15-21).

АНАКСАНДРИД

Спартанский царь из рода Агидов, правивший в 566-520 гг. до Р.Х. Сын Леонта.

Анаксандрид сумел победить тайгетов, с которыми начал войну еще его дед. Супругой его была Дочь его брата. Хотя царь любил ее, но детей у них не было. Ввиду этого обстоятельства эфоры призвали Анаксандрида к себе и сказали: «Если ты сам не заботишься о своем потомстве, то мы не допустим, чтобы угас род Еврисфена. Так как твоя супруга не рождает, то отпусти ее и возьми себе другую. Если ты это сделаешь, то спартанцы будут тебе за это признательны». Анаксандрид же ответил, что не сделает ни того ни другого: не подобает им советовать и уговаривать его отвергнуть неповинную супругу и ввести в дом другую. Он не намерен подчиняться им.

После этого эфоры и геронты держали совет и затем предложили Анаксандриду следующее: «Мы понимаем твою привязанность к теперешней супруге. А ты сделай в угоду нам, по крайней мере, вот что (иначе спартанцам придется принять против тебя другие меры). Мы не требуем, чтобы ты отпустил твою теперешнюю супругу. Ты можешь, как и прежде, любить ее и оставить все супружеские права, но должен взять вторую жену, которая родит тебе детей». Анаксандрид на такое предложение согласился. После этого у него были две жены, и он вел два хозяйства, совершенно вразрез со спартанскими обычаями.

Спустя немного времени вторая жена родила царю Клеомена. Но случилось так, что и первая жена, ранее бывшая бездетной, как раз теперь забеременела (так удивительно совпали эти события). Когда же выяснилось, что она действительно ожидает ребенка, то родственники второй жены, узнав об этом, подняли шум и с негодованием стали говорить, что она просто хвастается и хочет подбросить другого ребенка. Когда же настало время ей родить, эфоры уселись около роженицы, так как не доверяли ей, и стали наблюдать. Она же родила Дориея, а вскоре затем - Леонида и сразу же после него - Клеомброта. Некоторые передают даже, что Клеомброт и Леонид были близнецами. Напротив, родительница Клеомена, вторая жена царя, больше уже не рожала (Геродот: 5; 39-41).

АНАКСИДАМ

Легендарный спартанский царь из рода Эврипонтидов, правивший в VII в. до Р.Х. Сын Завкидама.

При Анаксидаме мессеняне должны были покинуть Пелопоннес, вторично потерпев поражение в войне со спартанцами (Павсаний: 3; 7).

АНАСТАСИЙ I ДИКОР

Византийский император в 491 - 518 гг. Род. в 430 г. Умер 9 июля 518 г.

Анастасий был родом из Дир-рахия в Иллирике (Евагрий: 3; 29). Он был широко образован, славился разумом, добропорядочным поведением и пользовался благосклонностью императрицы Ариадны (Дашков: «Анастасий Дикор»). Муж Ариадны, император Зинон, умер в 491 г., не оставив по себе ни одного сына, а только брата Лонгина, человека безумного, жестокого и невоздержанного. Лонгин надеялся завладеть престолом, но Ариадна, сенат и все

войско провозгласили императором Анастасия, состоявшего в это время в должности силенциария (так называли служителей, на обязанности которых лежало поддержание порядка во дворце) (Феофан: 483). Патриарх Евфимий воспротивился было этому избранию, называя Анастасия еретиком из-за его склонности к учению монофизитов. Но Ариадна и сенат принудили Евфимия к согласию. Впрочем, он не иначе допустил это, как с условием, что Анастасий предоставит письменное обещание принять за символ веры определения Халкидонского собора, что тот и сделал (Федор: 2; 6). После этого Евфимий венчал Анастасия на царство, и тот взял себе в супружество Ариадну. Исаврийская знать, поддерживавшая Лонгина, не сразу признала свое поражение и не уставала строить козни против нового императора В 493 г. Анастасий изгнал из Константинополя всех исавров за многие учиненные ими беспорядки. Исавры восстали и дошли уже до Фригии, когда Анастасий послал против мятежников полководца Иоанна Скифа. Иоанн одержал над исаврами полную победу, но те, опираясь на крепости и горные твердыни Тавра, вели войну еще три года. В 496 г. Иоанн Скиф после долгой осады захватил и казнил их вождей. Множество исаврийцев было переселено во Фракию. Патриарха Евфимия, которого Анастасий подозревал в соумышлении со своими врагами, епископы низложили и отлучили от церкви. Перед этим Анастасий силой отобрал у него свое письменное вероисповедание. На место Евфимия в патриархи возвели Македония. Впрочем, с ним отношения у императора тоже не сложились (Феофан: 483, 485, 487, 488).

Евагрий пишет, что Анастасий, как человек, расположенный к миру, решительно не хотел никаких нововведений, особенно в положении церквей, и всеми мерами заботился о том, чтобы церкви не были возмущаемы. Решения Халкидонского собора при нем не были ни явно признаваемы, ни вовсе отвергаемы - и каждый из предстоятелей распорядился так, как ему заблагорассудится. Однако, несмотря на это, все время его правления прошло в религиозных смутах, причем православное духовенство не переставало нападать на еретические взгляды императора. Анастасий не оставался в долгу (Евагрий: 3; 30). В 511 г. певчие в дворцовом храме Архангела стали петь трисвятую песнь, вставив в нее вопреки обычаю слова «распятый за нас», как это принято было у монофизитов Антиохии. Православные напали на них, и была между ними жестокая распря. Анастасий за это разгневался на патриарха, осыпая его явно и всенародно самыми непотребными оскорблениями при посредстве отщепенцев-монахов. Возмущенный своемыслием императора, патриарх в свою очередь обвинил его в потворствовании манихеям, после чего между Анастасием и Македонием произошел полный разрыв. Столичная чернь в большинстве своем стояла на стороне православной церкви и не шумно выражала свою ненависть к императору-еретику. Накал борьбы дошел до того, что Анастасий в страхе запер двери дворца и держал наготове корабли для бегства. В 512 г. он подговорил двух негодяев обвинить Македония в мужеложстве и еретичестве. На основании этих обвинений патриарха силою вывели из его дома, многие священники, его сторонники, были посажены в темницу. Не смея учинить над Македонием следствие, Анастасий сослал его без суда, а патриархом назначил Тимофея (Феофан: 499, 503, 504). В 512 г. из тех же слов «распятый за нас» в Константинополе произошло величайшее возмущение, как будто этим прибавлением совсем отвергалась христианская вера. Много людей было перебито, много домов сожжено. Испуганный разгулом черни, Анастасий вышел на конское ристалище без короны и послал глашатаев объявить народу, что он готов сложить с себя верховную власть. Видя это, народ тотчас затих, стал просить Анастасия надеть корону и обещал успокоиться (Евагрий: 3; 44). В следующем году религиозная война выплеснулась за пределы столицы. Граф федератов Виталиан объявил себя защитником православия и со множеством гуннов и болгар занял всю Фракию, Скифию и Мезию, дошел до Константинополя и начал его осаду. В 514 г. Анастасию пришлось принять все требования восставших: он согласился созвать новый Вселенский Собор и на нем разобрать все разномыслия в толковании догматов веры, а также вернуть престолы свергнутым православным епископам. Но едва Виталиан отступил, Анастасий отрекся от своих обещаний. Весь народ и сенат громко упрекали императора за клятвопреступление, но он бесстыдно отвечал им, что существует закон, позволяющий императору в случае нужды нарушать клятву и обманывать (Феофан: 506). Против мятежников была двинута армия, однако Виталиан одержал в бою полную победу и во второй раз подошел к столице. В 515 г. Анастасий опять запросил мира. Но, заключив перемирие, он сам же его

вероломно нарушил и внезапно напал на флот Виталиана. В этой морской битве мятежники были разбиты, а их предводитель скрылся (Евагрий: 3; 43).

Вскоре после этой победы в июле 518 г. Анастасий умер ночью во время страшной грозы, что дало повод православным летописцам утверждать, что император был убит молнией (Феофан: 510).

АНАСТАСИЙ II

Византийский император в 713- 716 гг. Умер 719 г.

Анастасий, прозывавшийся прежде Артемием, был грамматиком и первым секретарем императора Филиппика. После того как Филиппик был низложен и ослеплен по приказу патрикия Георгия и патрикия Федора, народ собрался к храму Божьего Слова и провозгласил Артемия императором. Во время коронации он сменил свое имя и стал отныне называться Анастасием. Вскоре Георгий и Федор были ослеплены и сосланы в Фессалонику.

После этого император обратился к внешним делам. От посла Даниила он узнал, что арабы собрали много войск, конницы и кораблей для нападения на Константинополь. Предвидя, что столице предстоит выдержать длительную осаду, Анастасий приказал каждому жителю заготовить припасов на три года. Всем, кому это было не по карману, он предписал покинуть город. Анастасий заботливо обновил крепостные стены, а также приготовил военные машины и снабдил Константинополь всем, что требуется для отражения вражеского нападения (Никифор: 713).

В 715 г. Анастасий получил известие, что арабы перевели свой флот в Финикию и ведут заготовку кипарисовых деревьев. Тогда он посадил на легкие суда воинов Опсикиева легиона, поставил над ними логофета геникона Иоанна и приказал напасть на арабские верфи, сжечь нарубленные деревья и все приготовления мусульман. Но когда Иоанн добрался до Родоса, солдаты восстали и убили его. Захватив корабли, они возвратились к Константинополю и пристали в Анд-рамитии. Здесь мятежники нашли некоего Феодосия, человека неизвестного и ничтожного, и провозгласили его императором. Когда Анастасий узнал о мятеже, он оставил начальниками в столице своих домашних людей, снарядил флот и удалился в Никею. Восставшие между тем заняли Хрисополис и отсюда стали нападать на городской флот, стоявший у пристани св. Маманта. Стычки и сражения продолжались в продолжении шести месяцев. Все это время дела Анастасия шли в целом благополучно. Но после того, как городской флот удалился к Неорийской пристани, Феодосий сумел переправиться во Фракию и подступил к городским укреплениям. Изменники открыли перед ним Влахерн-ские ворота, и он ночью вступил в столицу. Узнав об этом, Анастасий отчаялся в спасении, переделся в монашеское платье и отдался в руки Феодосию. Тот не сделал ему никакого вреда, только сослал в Фессалоники (Феофан: 707).

Последовавшая затем смена императоров и бурные события, связанные с осадой Константинополя арабским флотом, отвлекли внимание от судьбы низложенного Анастасия. Но он сам напомнил о себе. В 719 г. Анастасий попытался снова овладеть престолом. Он написал своим друзьям, призвал болгар и выступил против правившего тогда Льва III. Однако интриги его вскоре раскрылись. Всех замешанных в заговоре Лев казнил. Сам Анастасий был схвачен у Гераклея фракийской и обезглавлен (Никифор: 718).

АНГЕЛЫ

Византийская императорская династия, правившая в 1185-1204 гг. Андроник

АНДРОНИК I КОМНИН

Византийский император, правивший в 1183-1185 гг. Род. ок. 1120 г. Умер 1185 г.

Андроник был сыном севасток-ратора Исаака, младшего брата императора Иоанна II, и приходился двоюродным братом Мануилу I. В 1143 г., во время охоты, он был захвачен

турками и провел у них в плену долгое время. Мануил, только что получивший престол, не торопился его выкупать (Хониат: 2; 1; 1). Возвратившись наконец в Константинополь, Андроник повел себя независимо и вольно. Он был искусный воин, имел острый язык, был богат и всеми почитаем. Его вседневная свобода в речах, его сила, которой он превосходил многих, его прекрасная наружность, достойная императорского сана, и его неукротимый характер делали из него опасного соперника. Кроме того, он был страстный и горячий любовник, по которому сходили с ума многие знатные женщины. Евдокия, одна из племянниц императора, лишившись мужа, жила с Андроником в преступной связи и делала это не тайно, а явно, у всех на виду. Когда Андроника упрекали за эту связь, он, шутя, говорил, что подданные любят подражать своему государю и что люди одной крови всегда бывают похожи один на другого. Этим он намекал на Мануила, который жил с дочерью своего родного брата (в то время как Андроник - только двоюродного). Подобные шутки бесили родственников Евдокии. Естественно поэтому, что против Андроника затевали и строили множество козней и тайно и явно, но он, по словам Хониата, благодаря своему мужеству и уму уничтожал их, как нити паутины, и рассеивал, как детские забавы на песке. Не раз случалось, что враги нападали на него силою, но он обращал их в бегство.

Наконец, он навлек на себя гнев самого императора. Андроника, управлявшего Враницовой и Белградом, обвинили в том, что он тайно соединился с сербами и условился с их вождем лишить Мануила власти. В оковах его препроводили в Константинополь и заключили в одной из башен Большого дворца, где он провел довольно долгое время, не переставая искать путей для бегства. Вскоре он убедился, что башню охраняют очень строго и скрытно покинуть ее нет никакой возможности. Однако, осмотрев внимательно свою темницу, он обнаружил старинный подземный ход, заваленный на большей части своей длины. Руками он прочистил отверстие для выхода и входа. Чтобы лаза не было видно, он заставил его какими-то домашними вещами и спрятался в нем. Когда настал час обеда, стражники отворили двери тюрьмы, но нигде не нашли узника. Об этом объявили всем сановникам и вельможам. Всюду начались розыски, в провинции были разосланы грамоты, объявлявшие о бегстве Андроника. Схватили между тем и его жену, как соучастницу в побеге, и посадили в ту же башню, где прежде сидел он. Ночью Андроник выбрался из подземелья через проделанный проход и встретился с женой. Сначала она приняла его за демона и сильно испугалась, но, когда он обнял ее и заплакал, она его узнала. Таким образом они достаточно долго прожили вместе в темнице (вследствие супружеских связей она сделалась беременной и родила потом сына Иоанна). Поскольку стражи теперь не так бдительно охраняли темницу, Андроник в конце концов сумел из нее бежать. Но когда он прибыл в Мелангии, один солдат узнал его, и Андроник опять был схвачен. На этот раз его заключили в темнице в двойных железных кандалах и учинили строгий надзор (Хониат: 2; 3; 1-2).

Но и из этого заключения Андроник тоже сумел бежать. Он притворился больным, и ему назначили в услужение молодого наемного слугу из иностранцев, плохо говорившего по-гречески. Этому слуге Андроник поручил унести потихоньку ключи от дверей башни в то время, когда стража, порядочно подвыпив, уснет после обеда, и с этих ключей сделать из воска точные слепки. Невольник исполнил приказание и передал слепки сыну Андроника, Мануилу. Мануил сделал из меди такие же ключи и переслал их отцу в амфоре с вином вместе с льняной веревкой, клубком ниток и тонкими шнурками. Ночью Андроник отпер все замки и с веревкой в руках вышел из темницы. Остаток ночи и два следующих дня он провел в густой и высокой траве, которой поросли некоторые места дворцового двора. Когда искавшие его угомонились, Андроник устроил из палок лестницу и, спустившись со стены между двумя башнями, сел в лодку, ожидавшую его по уговору. Едва они отплыли от берега, их задержала вуколеонская стража. Однако удивительная изобретательность спасла Андроника и на этот раз. Сменив греческий язык на варварский, он изобразил из себя беглого раба, которого хозяин везет после наказания. Его сообщник подкупил стражу дарами, и был ею отпущен. Добравшись наконец до берега, Андроник смог избавиться от кандалов. Домашние снабдили его лошадью и подорожными документами. Из столицы он отправился во Фракию. Конечной же целью его была Русь, где Андроник надеялся получить убежище и защиту. Ему удалось благополучно проехать большую часть пути, но в Болгарии его опознали и заключили под стражу. Зная, что

Андроника разыскивает император и надеясь на большую награду, несколько болгар повезли его обратно в Константинополь. Чтобы обмануть своих стражников, Андроник притворился, что страдает поносом. Он часто сходил с лошади, отходил от спутников и готовился к отправлению естественной нужды. Много раз он проделывал это днем и ночью и наконец обманул своих стражей. Однажды, поднявшись в темноте, он воткнул в землю палку, на которую опирался в дороге, как человек больной, надел на нее хламиду, положил сверху шляпу и таким образом сделал нечто похожее на человека, присевшего для отправления естественной нужды. Предоставив стражам наблюдать за этим чучелом, он тайком пробрался в росший неподалеку лес и бросился бежать. Наконец он добрался до Галицко-го князя Ярослава Осмомысла, был принят им с распростертыми объятиями и прожил у него довольно долго. Он так сумел привязать его к себе, что вместе с ним охотился, заседал в совете, жил в одном с ним доме и вместе обедал. В 1165 г. Мануил, считая длительное отсутствие двоюродного брата опасным для себя, вызвал его в Константинополь и примирился с ним. В том же году он сопровождал императора при осаде Зевгмина и соорудил удивительную метательную машину такой силы, что камни, запускаемые из нее, сокрушали стену.

В 1166 г. Мануил назначил Андроника правителем Киликии и отправил в Таре. Здесь он часто вступал в битвы с Торусом, владельцем Армении, но потерпел от него несколько поражений. Вскоре, однако, он отвлечен был от ратных подвигов новым романом: Андроник влюбился в антиохийскую Княжну Филиппу, сестру второй жены императора Мануила. Прибыв в Антиохию, он с увлечением отдался роскоши, доходил до безумия в нарядах, с торжеством ходил по городу в сопровождении свиты телохранителей, вооруженных серебряными луками. Этим он старался пленить ту, которая его пленила, и тотчас успел очаровать ее, завлечь в любовную связь и возбудить в ней страсть еще сильнее той, которой страдал сам. Она склонилась на брачное ложе, забыла дом и отечество и последовала за своим любовником в изгнание. Андроник узнал, что император Мануил гневается на него, и счел за лучшее перебраться из Антиохии в Иерусалим. Здесь он вступил в связь с Феодорой, вдовой иерусалимского короля Балдуина и родной племянницей императора Мануила. Рассерженный император отправил правителям Сирии приказ схватить Андроника и лишить его зрения. Но грамота эта попала к Феодоре, которая предупредила своего любовника об опасности. Вместе они бежали из Иерусалима и после долгих странствий добрался до Салтуха, султана Колонии (в Каппадокии). Здесь он поселился с Феодорой и двумя прижитыми от нее детьми - Алексеем и Ириной. Мануил много раз пытался заполучить Андроника, но все его попытки были безуспешны (Хониат: 2; 4; 2-5). Наконец, в 1177 г. при помощи Никифора Палеолога, владевшего Трапезундом, императору удалось захватить Феодору. Тогда Андроник, увлекаемый страстной любовью к ней и детям, отправил к Мануилу послов и просил прощения за все свои поступки. Мануил разрешил ему вернуться. Перед тем как явиться к императору, Андроник надел на шею тяжелую цепь, спускавшуюся до самых пят, и скрыл ее до времени под одеждой. Допущенный к трону, он тотчас растянулся на полу во всю длину своего огромного роста и со слезами на глазах пламенно и трогательно попросил прощения.

Мануил, изумленный этим зрелищем, прослезился и приказал поднять его. Но Андроник встал не прежде, чем Исаак Ангел протащил его за цепь по ступеням престола. Вследствие этого Андроник был прощен, принят блистательным образом и удостоился великолепного угощения. Потом его переправили в Эней, с тем чтобы он поселился там и отдохнул от бродячей жизни.

В 1180 г. Мануил умер. Власть после него наследовал малолетний сын Алексей II. Но в действительности делами распоряжалась его мать императрица Мария, которая стала править на пару со своим любовником протосевастом Алексеем Комнином. В делах сразу начались беспорядки, казна расхищалась. Громко говорили о том, что Алексей, согласившись с императрицей, рассчитывает свергнуть юного императора и сам сделаться обладателем царства.

Андроник, узнав о смерти Мануила, стал раздумывать над тем, как овладеть императорской властью. Прежде всего он ополчился на протосеваста Алексея Комнина, стал рассылать повсюду письма, возмущаясь его поведением и негодуя на его связь с императрицей. Так как Алексею все завидовали, то многие соглашались с Андроником и склонялись на его сторону. Вскоре он объявил о своем намерении защищать права маленького Алексея, покинул

Эней и двинулся в столицу. При этом известии взоры всех недовольных (а их было большинство) обратились к Андронику. Его прибытия, по словам Хониата, ждали как светильника во мраке и как лучезарной звезды.

Вельможи через тайные письма заверяли его, что никто не будет ему противодействовать, что никто не будет противиться даже его тени, но все примут его с распростертыми объятиями. Особенно же одобряла его и побуждала идти к своей цели Мария, сестра императора Алексея II по отцу, ненавидевшая мачеху и ее любовника. Склонив на свою сторону тех из своих родственников, в которых была уверена, она составила заговор против протосеваста. Но заговор был раскрыт, а все участники его оказались в темнице. Сама Мария с мужем кесарем успела бежать в Софию и объявила, что ищет убежища от мачехи, которая питает к ней непримиримую вражду, и от ее любовника. Сам патриарх и весь народ немедленно прониклись к ней сочувствием. Ее сторону приняли даже иноземцы-наемники. В столице вспыхнуло восстание.

Узнав о начавшейся войне, Андроник начал поход на Константинополь. Никея, где находился Иоанн Дука, не приняла его. Иоанн Комнин, управлявший фра-кисийцами, тоже сохранил верность протосевасту. Но никомедий-цы передались на сторону Андроника. Около крепости Херакса с ним вступил в бой Андроник Ангел, но был совершенно разбит и, боясь наказания, перешел на сторону мятежников. Протосеваст отправил к победителю послов и уговаривал прекратить войну. Он предлагал ему возвратиться в Эней и все споры решить миром. Андроник гневно отвечал, что готов уйти, но пусть прежде протосеваст будет свергнут со своего места и даст отчет в своих незаконных делах, пусть мать императора удалится в уединение и пострижется, а император станет править по отеческому завещанию и не будет стеснен правителями. Эта демагогия имела огромный успех. Прославленный полководец Андроник Контосте-фан первый изменил протосевасту и перешел вместе со всем своим флотом на сторону Андроника Комнина. Весть об этой измене совершенно сокрушила дух императрицы и ее любовника. Их враги целыми толпами бежали через пролив к Андронику и, по словам Хониата, упивались медоточивостью его речей, удивлялись его росту, величественной красоте и почтенной старости и принимали все, что он вещал им, как полевая трава принимает дождь. Лишь немногие с первого взгляда сумели разглядеть в нем волка, покрывшегося овечьей шкурой.

Вскоре германские наемники заключили протосеваста под стражу в его покоях. Затем его отправили к Андронику и ослепили. Так как придворные дела устроились по желанию Андроника, он сам сел на корабль и в апреле 1183 г. переехал в столицу. Явившись перед юным императором, он отдал ему глубокий поклон, обнял его ноги и зарыдал. Императрице он лишь холодно поклонился. Затем Андроник стал по своему усмотрению распоряжаться общественными делами, а императору предоставил тешиться псовой охотой и проводить время в других забавах. На высшие должности он поставил или собственных сыновей, или людей ему верных, а многих из прежней знати сместил и заключил в темницу. Сделано это было так, что они сами не знали никакой, явно возводимой на них, вины. На самом деле одни пострадали за то, что имели знатное происхождение, другие - за красивую наружность, третьи - за какие-то прежние мелкие оскорбления, нанесенные некогда Андронику. Подверглись гонениям не только заведомые противники Андроника, но и многие из усерднейших его слуг. С теми, кому вчера подносил он лучший кусок хлеба, кого поил благовонным вином и включал в кружок своих приближенных, сегодня он поступал злейшим образом. Не раз случалось и так, что один и тот же человек был в один и тот же день награжден и казнен. Прежде, пока он не достиг власти, никто не мог заподозрить Андроника в отравительстве, но потом оказалось, что он большой мастер растворять смертельные чаши. Прежде других отравлена была кесариса Мария, дочь Мануила, которая раньше всех и больше всех желала возвращения Андроника в отечество. Вслед за своей супругой скончался и муж ее кесарь.

Императору Алексею Андроник предложил короноваться самодержцем, и сам, на виду у многих тысяч людей, принес его на своих плечах на амвон Софии. Казалось, он любил его больше отца и был его правою рукой. Но этой коронацией он расчищал путь к трону для самого себя. Желая удалить прежде всего мать императора, он не переставал обвинять ее и наконец принудил патриарха изгнать Марию из дворца. После этого Андроник Ангел, Андроник

Контостефан и 16 их сыновей, все в расцвете лет, дромо-логофет Каматир и многие другие составили заговор против Андроника. Узнав об этом, он велел схватить Ангела, но тот счастливо спасся вместе со своими сыновьями. Зато Контостефан, четыре его сына и Каматир были заключены в темницу и ослеплены, равно как и все те, о ком удалось узнать. Одних Андроник заключил в тюрьму, других осудил на изгнание. Расправившись таким образом со своими врагами, он учредил суд над императрицей. Ее обвинили в сношении с врагами государства и в том, что она побуждала к войне против Андроника венгерского короля, низложили, заключили в монастыре св. Диомида и подвергли там многим лишениям и унижениям. Но так как она медлила умирать, Андроник собрал против Марии второй суд и на этот раз приговорил к смерти: императрица была задушена в тюрьме.

Когда все враги Андроника были уничтожены, ничего не мешало больше осуществлению его тайных планов. В сентябре 1183 г. толпа приверженцев провозгласила его императором. Столичная чернь встретила эту весть с ликованием, а маленький Алексей, услышав во дворце радостные крики, пришел уговаривать дядю царствовать вместе с собой. Андроник поначалу жеманился и шутил, но несколько жарких приверженцев схватили его и посадили на златотканое ложе, другие облачили его в царские одежды. На следующий день он был коронован, а спустя всего несколько дней убийцы напали ночью на Алексея и удавили его тетивой от лука. Голову мальчика принесли Андронику, а тело бросили в море (Хониат: 3; 1-6, 10-11, 13-14, 16, 18).

После этого злодеяния Андроник вступил в брак с женой убитого, тринадцатилетней принцессой Агнессой, которая хотя и была повенчана с Алексеем, однако по малолетству еще не жила с ним (Хониат: 4; 1; 1). Многим этот брак казался непристойным, но Андроник не обратил на это внимание. Сладострастие, как и в юности, он был предан до неистовства, и чтобы укрепить свои детородные члены, прибегал к различным мазям и снадобьям. Негу и роскошь он тоже любил, подобно Сардана-палу (Хониат: 4; 2; 2). Свое правление новому императору пришлось начать с подавления мятежей. Исаак Ангел, Феодор Кантакузин и многие другие его враги бежали в Никею. Собрав войска, Андроник долго осаждал город и ничего не мог поделаться против мужества осажденных. Камнеметные машины и тараны, которые он строил, защитники сжигали и разламывали. Андроник приказал привезти из столицы мать Ангела, Евфросию-нюю, и ставил ее вместо прикрытия перед машинами, а иной раз сажал на таран и в таком виде придвигал орудие к стене. Эти выдумки не принесли ему, впрочем, никакой пользы: выйдя ночью, ни-кейцы сожгли все осадные орудия, а Евфросию доставили в город. Только после гибели Кантакузина дух защитников упал, и они сдались, выговорив почетные условия. Ангела Андроник простил и отослал в Константинополь, а сам пошел на Прусу. Здесь война оказалась такой же ожесточенной, как в Никее. Однако, после того как осаждавшие разбили машинами стену, этот город также покорился Андронику. Многие жители были перебиты и казнены (Хониат: 4; 1; 2-4). Царствование Андроника вообще было отмечено казнями и жестокими репрессиями, в особенности в последние месяцы его правления. Тогда, не разбирая вины, он велел умертвить всех заключенных в темницах, а затем обратил свой гнев на их родственников. Было составлено несколько проскрипционных списков, в которые судьи по приказу императора занесли всех подозрительных с указанием казни для них назначенной (Хониат: 4; 2; 2, 7-8). Ближайшие приспешники императора должны были опасаться за свою судьбу ничуть не меньше его врагов. Так Андроник велел побить камнями Константина Макродука и Андроника Дуку после того, как Исаак Комнин, за которого они поручились, изменил императору и захватил Кипр. Зятя своего, Алексея Комнина, он ослепил, заподозрив во властолюбивых замыслах. Та же судьба постигла его любимца Константина Трипсиха (Хониат: 4; 1; 6, 10-11). Но при Андронике было сделано и немало хорошего. По свидетельству Хониата, он обуздал хищничество вельмож, стеснил руки, жадные до чужого, строго карал произвол сборщиков податей, был доступен для всех, кто приходил жаловаться на самоуправство и насилия. Кроме того, он потратил огромные суммы на то, чтобы восстановить старый водопровод и снабдить город здоровой водой.

Однако все эти достоинства не спасли Андроника от гнева сограждан. Возмущение против него вспыхнуло неожиданно в сентябре 1185 г. Все началось с того, что попытались схватить и предать смерти старого врага Андроника Исаака Ангела. Ангел бежал в храм святой

Софии и попросил защиты у народа. Огромная толпа, сбежавшаяся к храму, провозгласила его императором. В это время Андроника не было в городе. Когда же он приехал, то застал столицу в сильнейшем возбуждении. Поначалу он был полон воодушевления: собирал стражников, хотел вступить в бой с толпой и сам сквозь щели башни пускал стрелы в мятежников. Убедившись вскоре, что обуздать возмущение уже невозможно, он вступил с осаждавшими в переговоры и объявил, что отречется от власти в пользу сына Мануила. Но народ от этих слов еще более ожесточился. Чернь разломала ворота и ворвалась во дворец. Увидев, что все потеряно, Андроник скинул пурпурные сапоги и обратился в бегство. На царской триере он отплыл в Милудийский дворец, взял там двух женщин - жену Агнессу и любовницу Мараптику, которую он страстно и до безумия любил, и велел плыть в Азию. Исаак между тем занял дворец и послал вслед за Андроником погоню. Низложенного императора захватили в Хиле, одели ошейник и в таком виде отправили к Исааку. Ангел выдал его на поругание толпе. Чернь неистово надругалась над своим прежним повелителем: несчастному вырвали все волосы, выбили зубы, отрубили правую руку и вновь бросили в тюрьму. Спустя несколько дней Андронику выкололи левый глаз, посадили на паршивого верблюда и возили по городу. Потом на ипподроме его повесили за ноги между двух столбов. Какие-то подонки обнажили Андроника и терзали его детородный член. Один латинянин вогнал ему в задние части ятаган, другой - вонзил меч в горло. Наконец, после множества мучений император с трудом испустил дух (Хониат: 4; 2; 3, 5, 10-12).

АНДРОНИК II ПАЛЕОЛОГ

Византийский император в 1272- 1328 гг. Сын Михаила VIII. Род. ок. 1260 г. Умер 13 февр. 1332 г.

Андроник начал свое самостоятельное правление в 1282 г. с умиротворения церкви и приведения в порядок церковных дел, запутанных его отцом. Всех противников унии, подвергшихся гонениям при Михаиле, он вернул из ссылки. Патриарх Иоанн Векк, более всего радевший о соединении церквей, сам оставил престол и затворился в обители Парахранта. Другой заботой императора стали внешние войны и внутренние смуты, потрясавшие страну во все время его правления. Первые признаки кризиса и ослабления государства, заметные при Михаиле лишь немногим внимательным наблюдателям, при его сыне стали очевидны для всех. Главной бедой империи стал быстрый и полный развал ромейской армии. Сам Андроник был виновен в этом больше других. Еще в первые годы его самостоятельного правления советники уговорили императора сократить издержки на флот, так как миновала угроза со стороны Карла и со стороны Италии. Совет этот был принят и оказался губительным: в скором времени ромеи были не в состоянии защититься не только от венецианцев и генуэзцев, но и от пиратов, которые чрезвычайно усилились и сделались грозой всех островов и прибрежных городов. С другой стороны, после мятежа, поднятого в Азии Филанфропином и поддержанным его войском, Андроник стал очень подозрительно относиться к ромейской армии. По словам Григоры, одни римские вожди находились под несправедливым подозрением, другие встречали в императоре одну холодность. Гораздо охотнее он пользовался услугами наемников. Но, сделав выбор в пользу иноземцев, он только показал свою недалекость. Собственная национальная армия вскоре перестала существовать, а наемники превратились в настоящее бедствие для государства - складывалось впечатление, что вместо того, чтобы держать врагов на границах, император пригласил их внутрь страны. Сначала для войны против турок Андроник нанял 10 000 алан. Чтобы их снарядить и вооружить, он обложил тяжелыми податями всю страну. Но, едва дело дошло до битвы, аланы обратились в бегство, а затем своими набегами и разбоями превратили Азию в настоящую пустыню (Григора: 6; 1, 3, 8, 10). Турки между тем вышли к морю и укрепились на его берегах. В 1303 г. император нанял 2000 каталонцев во главе с Рожером де Флор. Едва этот знаменитый кондотьер прибыл в Константинополь, Андроник выдал за него свою племянницу Марию и возвел его в достоинство великого дукса, а потом кесаря. Денежные издержки на одежду, подарки и годовое содержание каталонцев были до того огромны, что государственная казна в короткое время опустела. Явившись в Азию, весь этот сброд стал угнетать ромеев ничуть не хуже турок.

Правда, в сражении при Филадельфии Роже нанес туркам жестокое поражение и изгнал их за старые границы империи, но скоро пришло известие, что наемники бесчинствуют в отвоеванных городах. Андроник знал об этом, но ничего не мог поделать: его собственные полки возбуждали смех своей малочисленностью. Ограбив всю Азию, Рожер переправился во Фракию. В 1305 г. он был убит по приказу Михаила, сына Андроника. Но его смерть положила начало гораздо большим бедствиям. Каталонцы перерезали всех ромеев в Каллиуполе и, укрепив стены, превратили его в свое убежище. Отсюда они стали делать набеги на Фракию, опустошая ее днем и ночью. Армия Михаила была наголову разбита ими под Апрами. Наконец, когда все окрестные земли были разорены, каталонцы переправились в Грецию, захватили Афины и Фивы и поселились там. После их ухода страну стали разорять турки, которые, переправляясь через Босфор, грабили и захватывали то, что еще осталось целым. Михаил, вступив с ними в сражение неподалеку от Геллеспонта, опять потерпел поражение. Вообще, хотя Михаил и был никуда не годным полководцем, он всегда оставался примерным сыном, и под его защитой Андроник, человек любезный и кроткий, мог спокойно отдаваться ученым занятиям в Константинополе (Григора: 7; 1, 3-4, 7, 13). Гораздо хуже пошли его дела, когда в 1320 г. Михаил скоропостижно скончался. После него остался сын, тоже Андроник, непутевый молодой человек, которого дед поначалу безмерно баловал, а потом, когда его пороки стали совершенно нестерпимы, попытался заключить в темницу. В 1321 г.

Андроник Младший бежал во Фракию и поднял там мятеж. Так как он обещал свободу от налогов всем фракийским городам, в короткое время под его знамена стеклась огромная армия. (Потеряв надежду победить турок, император откупался от них ежегодной данью, для уплаты ее ему приходилось постоянно увеличивать поборы с населения, в конце концов они сделались совершенно нестерпимыми.) Когда Андроник Младший явился с этим войском под стенами столицы, император, понимая, что городская чернь не останется в покое и взбунтуется, если увидит перед городскими воротами мятежников, пошел на значительные уступки. Договорились, что Андроник Младший будет самодержавно управлять Фракией и Македонией. За стариком остались столица с округой, острова и право принимать зарубежных послов. Так как из-за отпадения северных территорий поступления в казну сократились, Андронику для изыскания средств пришлось продать украшения древних императоров. В 1325 г. Андроник Младший во второй раз подступил к столице с фракийским войском, принудил деда объявить его соправителем и венчать на царствие (Григора: 8; 6, 10, 11, 14).

В 1328 г. началась третья гражданская война. Близ Мавропотама фракийцы разбили столичные войска, после чего и простой народ, и синклитики, и даже близкие Андроника II перешли на сторону победителя. Стража открыла перед ним ворота столицы. Глубокой ночью старик-император вдруг услышал шум и крики, вскочил с постели и стал звать на помощь, но никто не пришел к нему. Поняв, что его предали, он как за последнюю надежду ухватился за икону Божьей Матери. Андроник готовился к самому худшему, но внук, войдя в покои, обнял и поцеловал деда. Старику были оставлены знаки царского достоинства, разрешено было оставаться в покоях, но от участия в делах он был отстранен совершенно. От печали Андроник потерял прежнюю бодрость тела и сперва стал худо видеть одним глазом, а через некоторое время ослеп и на второй. Слуги и рабы донимали его островами и бесстыдными ругательствами, так что он сделался игрушкой для всех. В 1328 г. Андроник III тяжело заболел и все ожидали его смерти. Старика заставили отречься от царской власти и постричься в монахи. Умер он через четыре года в бедности и крайней нужде (Григора: 9; 1, 5-8, 10, 14).

АНДРОНИК III ПАЛЕОЛОГ

Византийский император, правивший в 1325 -1341 гг. Сын Михаила IX. Род. в 1297 г. Умер 15 июня 1341 г.

По свидетельству Григоры, император Андроник II так горячо любил своего внука Андроника и так восхищался им, что всех первородных и непервородных сыновей, дочерей и внуков ставил после него и, если бы представился случай, не затруднился бы променять их всех на него одного. Любил он его так и за его душевные качества, и за его красивую наружность, и, может быть, за одно с ним имя. По всем этим причинам дед воспитывал его по-царски при себе

и постоянно, днем и ночью, любовался и восхищался им. Между тем Андроник, войдя в юношеский возраст, попал под влияние разнузданных молодых людей, неудержимо ищущих удовольствий. Они стали приучать его к прогулкам, театрам и псовой охоте, а потом и к ночным похождениям. Все это требовало больших денег, которых не легко было достать, потому что дед отпускал Андронику дневное содержание очень умеренно. Чтобы иметь возможность кутить и удивлять других роскошью, Андроник вошел в сношения с генуэзцами, живущими в Га-лате, и много занимал у них. С ранней юности он стал нетерпеливо ожидать, когда же верховная власть наконец окажется в его руках. Не желая быть в детском подчинении у деда-императора и выполнять чужую волю подобно дитяти, он искал царской самостоятельности и довольства, чтобы иметь достаточно для себя и одаривать других. Некоторое время дед не замечал пороков внука, но один случай раскрыл ему глаза. Андроник имел сильную страсть к известной гетере и, узнав, что у нее есть еще один любовник, расставил вокруг ее дома стрелков с приказом убить его. Но случилось так, что брат Андроника, Мануил, разыскивая его, заехал к этой гетере и был по ошибке убит людьми Андроника. Потрясенный этой смертью короткое время спустя умер и отец Андроника - император Михаил.

С этого времени отношения между дедом и внуком сделались очень напряженными. Андроник Старший стал подумывать о том, чтобы сделать наследником другого внука. В 1321 г. он хотел обличить Андроника Младшего перед патриархом и сенатом, а потом заключить его в темницу, но тот пришел на свидание в сопровождении вооруженных друзей. Император побоялся напасть на него и сделал вид, что примирился с внуком. Однако Андроник узнал от патриарха, что его собираются схватить, и решил бежать из столицы. Сделав вид, что отправляется на охоту, он прискакал в Адрианополь, где его уже ожидали сообщники - Сиргиан и великий domestik Иоанн Кантаку-зин с верными войсками. Мятежники провозгласили освобождение всех фракийских городов от налогов. После этого фракийцы тотчас вооружились и встали на сторону молодого Андроника. Собрав в короткий срок большую армию, он повел ее на Константинополь. Дед, застигнутый врасплох этим выступлением, завел с внуком переговоры. Под влиянием обстоятельств он вынужден был передать ему в управление Фракию и Македонию, а себе оставил столицу и острова. В 1325 г. внук во второй раз подступил к столице и вынудил Андроника II на другие уступки: старик объявил внука своим соправителем и венчал его на царствие (Григора: 8; 1, 3, 5-6, 11, 14). Однако Андроник Младший видел, что старик еще крепок и бодр, и поэтому через три года решил окончательно лишить его власти. Когда он в третий раз начал поход на столицу, все добровольно переходило на его сторону: и простой народ, и синклит, и даже близкие Андроника II. Избегая лишних жертв, Андроник не стал приступать к Фессалонике, а въехал в город в одежде частного человека. Затем, скинув ее, он неожиданно предстал перед горожанами как император. Тотчас сбежался к нему почти весь народ и все отдало ему царскую честь. Затем ему без боя передались Серры. Близ Мавропотама Андроник победил армию своего деда и подступил к Константинополю. Стража впустила победителя в столицу. Андроник II был лишен власти, хотя сохранил императорский титул.

В 1329 г. Андроник отправился в Азию, чтобы начать войну с турецким султаном Орханом, осадившим Никею. В ромейской армии большую часть солдат составляли ремесленники и торговый люд. Император дошел до Филокрина и узнал, что турецкий лагерь находится неподалеку. На следующий день эмир послал к ромейским рядам стрелков и легкую конницу. Они обстреливали императорское войско и легко ускользали от его атак. Измотав таким образом ромеев, Орхан после полудня атаковал их основными силами. Ромеи отразили их первый натиск, а потом начали постепенно отступать. Тем не менее день не выявил победителя, и с наступлением ночи турки отступили, оставив 300 всадников наблюдать за противником. Андроник поехал в Филокрины, чтобы врачевать полученную рану. Заметив это, ромеи не разобрали, в чем дело, и ударились бежать. 300 турок захватили брошенный лагерь. Не зная, как поправить дело, Андроник сам отплыл в Константинополь. Оставленная без помощи Никея пала в 1331 г., а в 1337 г. турки взяли Никомедию (Григора: 9; 1, 4-7, 9, 13). Отвлеченный войнами в Европе Андроник был уже не в состоянии противостоять им. Воспользовавшись смутами в Болгарии, он захватил приграничные крепости. Болгарский царь Александр выступил против ромеев и встретился с Андроником возле крепости Русокастра. Император отважно вступил в бой, но воины его не выдержали натиска болгар и бежали в

крепость. Здесь они оказались в крайне тяжелом и стеснительном положении. Только благодаря мягкости Александра, предложившего мир, император избежал плена (Григора: 10; 1). Вскоре после этого татары страшно опустошили Фракию и угнали с собой до 500 000 пленных. Но зато успешной для Андроника была война против Эпира - в 1337 г. Эпир был покорен. Из этого похода Андроник возвратился тяжело больным и вскоре умер. По словам Григоры, он имел приятное и располагающее к себе лицо, характер мягкий и добрый. Во всех делах он любил полагаться только на свой смысл и знания. Поэтому был скрытен и неразговорчив. Простой по характеру, он никогда не был озабочен поддержкой своего царского величия и тяготился дворцовым этикетом: не любил приемов, зрелищ и торжественных процессий. Зато обожал охоту и держал огромное количество собак и птиц. Большею частью он обходился без стражи и телохранителей, так как уверен был, что жизнь человеческая находится в руках Божьих (Григора: 11; 3, 6, 9, 11).

АНДРОНИК IV ПАЛЕОЛОГ

Византийский император, правивший в 1376 - 1379 гг. Сын Иоанна V. Род. 11 апр. 1348 г. Умер 1385 г.

До 1371 г. Андроник считался наследником престола. Но после того, как он отказался выручить отца из заключения у венецианцев, Иоанн лишил его прав на престол и передал их младшему сыну Ма-нуилу. В 1373 г. Андроник попытался поднять против отца мятеж. За это он был ослеплен на один глаз и заключен в башне Анеме. Вскоре он бежал из темницы, укрылся в Галате, а в 1376 г. с помощью турок взял Константинополь и сверг отца с престола. В 1379 г. Иоанн, освободившись из тюрьмы, изгнал сына из столицы. Спустя два года султан потребовал, чтобы Иоанн вновь объявил Андроника своим наследником, а пока дал ему в удел северные города Мраморного моря Родосто и Селибрию. В 1385 г. Андроник в третий раз восстал на отца, был разбит и вскоре умер (Дашков: «Андроник IV»).

АНТЕМИЙ, Прокопий

Римский император в 467-472 гг. Умер 11 июля 472 г.

Род Антемия выделялся среди византийской знати своим богатством и родовитостью (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 6). Одним из его предков был знаменитый узурпатор Прокопий. Его отец был комитом и патрицием, а дед с материнской стороны - регентом Феодосия II и управлял Восточной империей в годы его малолетства. Сам Антемий был женат на Евфи-мии, дочери Маркиана, и получил при этом императоре звание главного начальника армии, консула и патриция. Как полководец он прославился благодаря своим победам над гуннами на берегах Дуная. После того как в Риме скончался император Ливий Север, Рицимер, властвовавший над Италией, более года никого не возводил в императоры. Опорой его власти была мощная варварская армия. Однако, не имея флота, он был не в состоянии отразить набеги вандалов, разорвавших берега Италии. В конце концов Рицимер вынужден был просить помощи у византийского императора Льва. Лев не отказал ему в поддержке, но потребовал, чтобы Рим принял из его рук нового императора. Рицимер должен был согласиться на это условие, и Лев провозгласил императором Антемия. Римский сенат, народ и варварские союзники одобрили этот выбор. Чтобы связать себя с местной знатью более тесными узами, Антемий выдал свою дочь за Рицимера. Но вскоре между двумя правителями начались раздоры. Рицимер удалился в Медиолан, а император продолжать править в Риме. В 472 г. вражда переросла в междоусобную войну. Рицимер во главе варварской армии подступил к Риму и начал его осаду. С согласия Льва он провозгласил императором сенатора Олибрия (Гиббон: 36). В столице вскоре начался такой голод, что солдаты императора принуждены были питаться кожами (Феофан: 464). Через пять месяцев варвары ворвались в Рим и подвергли его третьему за это столетие разгрому. Антемий был схвачен и убит по приказу своего зятя (Скржинская: 570).

АНТИГОН I ЦИКЛОП

Царь Азии в 306-301 гг. до Р.Х. Родоначальник младшей ветви Македонских царей. Род. в 384 г. до Р.Х. Умер 301 г. до Р.Х. Ж.: Стратоника.

Антигон проявил себя блистательным воином еще в юности, когда участвовал в походах Филиппа II. При осаде Перинфа в 341 г. до Р.Х. стрела из катапульты попала ему в глаз; он не позволил ее вытащить и не оставил сражения, пока не оттеснил врага и не запер его в городе. Так, подобно своему царю, он стал одноглазым (Плутарх: «Александр»; 70). Талантливым полководцем он показал себя гораздо позже.

Когда Александр завоевал в 334 г. до Р.Х. Лидию, он оставил здесь Антигона. После битвы при Иссе часть персидской армии пыталась проникнуть сюда, но была рассеяна Антигоном (Курций Руф: 4; 1, 34-35). Затем он водил македонцев в Ликаонию, но вообще во время восточного похода Антигон не был на виду (Курций Руф: 4; 5; 13). Плутарх упоминает его лишь раз при следующих неблагоприятных обстоятельствах. В Сузах, уже по возвращении из Индии, Александр велел заплатить из собственных средств долги своих воинов. Тогда Антигон обманом занес себя в число должников: он привел какого-то человека, который сказал, будто одолжил ему денег. Деньги ему выплатили, но потом он был уличен в обмане, и Александр в гневе прогнал его из дворцовой среды и отнял у него командование войском. Антигон тяжело переживал свое бесчестие; ясно было, что он в печали и отчаянии покончит с собой. Царь испугался этого, смирил свой гнев и велел ему оставить деньги себе (Плутарх: «Александр»; 70).

Когда после смерти Александра диадохи стали делить его державу, Антигону была вручена власть над Ликией, Памфилией и Великой Фригией (Курций Руф: 10; 10; 2). Некоторое время после этого Антипатр и Пердикка выжидали, усиленно вербуя себе сторонников. Антигон по зрелым размышлениям больше склонялся на сторону Антипатра. Опасаясь его, Пердикка решился на убийство, но Антигон объявил, что намерен оправдаться в возводимых на него обвинениях. Ночью он сел на корабль и отплыл в Македонию. Явившись к Антипатру, который воевал в это время с этолийцами, он рассказал ему обо всех планах Пердикки и в том числе о намерении его жениться на Клеопатре, сестре Александра. (Таким образом, Пердикка хотел добиться в глазах македонцев права на наследование Александру.) Встревоженный Антипатр заключил мир с этолийцами и сосредоточил все силы на войне с Пердиккой. Было решено, что Антипатр останется в Европе, а Кратер поведет войска в Азию (Диодор: 18; 23, 25).

В последовавшей затем войне Антигон в союзе с Кратером, Антипатром и Птолемеем боролся против Пердикки, на стороне которого был Эвмен. Сам Пердикка с большим войском двинулся в Египет, а Эвмену поручил противостоять в Азии Кратеру и Антигону. Его поход окончился полным крахом: Пердикка был убит. Зато Эвмен в удачном сражении разгромил Кратера, одного из самых прославленных полководцев Александра. После того как македонцы узнали о смерти Кратера, они объявили Эвмена врагом государства и поручили вести с ним войну Антигону (Юстин: 13; 6; 8). Антигон получил в управление Сузиану и был провозглашен главным военачальником царского войска. Прибыв в Кападокию, он встретил Евмена при Оркиниях. Несмотря на то, что Антигон имел пехоты в два раза меньше, чем Эвмен, ему удалось одержать победу, главным образом из-за измены подкупленного Антигоном Аполлонидом. В разгар битвы Аполлонид перешел на сторону Антигона со всею конницей. После этого Эвмен сначала хотел бежать в Армению, но потом почел за лучшее укрыться в Норах (322 г. до Р.Х.). Присоединив к себе войска Эвмена, Антигон приобрел такую силу, что мог уже при желании стать серьезным противником Антипатра и Птолемея (Диодор: 18; 39-41).

Осада Нор тянулась долго. За это время Антигон предпринял поход против брата Пердикки Алкета и его неарха Аттала, которые, имея много войска, оставались самыми важными полководцами после смерти Пердикки. Из Кападокии Антигон переправился в Писидию, где находился Алкет. Двигаясь ускоренным маршем, войско за 7 дней прошло 2500 стадий и прибыло к Критскому городу. Алкет никак не ждал его, и поэтому Антигон занял высоты и труднодоступные места. Алкет, развернув фалангу с конницей, повел нападение на эти высоты. Последовало жестокое сражение. Сам Антигон во главе 600 всадников разбил подходившие резервы и ударил в тыл вражеской коннице. Алкет с большим трудом пробился из окружения. После этого Антигон двинул на врага свою фалангу и слонов. У него было 40

000 пехоты и 7000 конницы, в то время, как Алкет имел всего 16 000 пехотинцев и 900 всадников. Поэтому в сражении Антигон одержал полную победу, взяв в плен многих знатных военачальников. Разбитый Алкет укрылся в Термисе. Всех пленных Антигон распределил по своему войску, поступив с ними весьма снисходительно, и тем умножил свои силы. Затем Антигон подступил к Термису и стал требовать, чтобы ему выдали его врага. Когда Алкета попытались схватить, тот закололся. Антигон отправился во Фригию и здесь узнал о смерти Антипатра и о том, что верховная власть и регентство перешли Полисперхонту (Диодор: 18; 44-46).

Вскоре пришла весть (в 319 г. до Р.Х.) о всеобщем смятении, которое вызвала распря Полисперхонта с Кассандром, сыном Антипатра. Забыв о своих прежних скромных надеждах, Антигон начал думать о владычестве над Азией. Он уже имел под своим началом 60 000 пехоты, 10 000 конницы и 50 слонов. Взвесив свои силы, Антигон решил не покоряться Полисперхонту, а наоборот - поддержать его врагов. Своим друзьям он обещал богатые сатрапии и тем склонил их на свою сторону. Он отправил также историка Иеронима в осажденные Норы к Эвмену, предлагая тому забыть ради успеха в будущих предприятиях былые обиды и разногласия и заключить союз. Эвмен для вида согласился и, воспользовавшись удобным случаем, бежал из Нор. Вскоре он вступил в переговоры с Олимпиадой и персидским сатрапом Певкестом. От них он получил деньги и собрал большое войско (Плутарх: «Евмен»; 8-18).

Но и Антигон не терял времени. Он вступил в Лидию и изгнал из нее тамошнего сатрапа Клита. Частью городов он овладел путем переговоров, другими завладел силой. Кассандра, который обратился к нему за помощью, он охотно снабдил войском и деньгами. В ту пору всем уже стало ясно, что Антигон помышляет о захвате власти. Полисперхонт выслал против него Клита с флотом. В первом морском сражении у Византия флот Антигона и Кассандра потерпел неудачу, но затем Антигон, посадив в перевозные суда достаточное число пращников и стрелков, направил их на европейский берег. Они внезапно напали на солдат Клита, сошедших на берег, и обратили их в бегство. На рассвете Никанор, неарх Кассандра, напал на корабли Клита в море, некоторые потопил, у некоторых обломал весла. После недолгого сопротивления все корабли Клита сдались. Сам он бежал на берег, пытался пробраться в Македонию, но по дороге был убит (318 г. до Р.Х.).

От моря Антигон вновь двинулся в глубь Азии на покорение глубинных сатрапий. Большинство сатрапов сохранило верность царям и поддержало Эвмена, которому Полисперхонт и Олимпиада вверили верховное командование над азиатской армией. Лишь Селевк, сатрап Вавилонии, и Пифон, уже изгнанный другими сатрапами из Мидии и Парфии, оказали поддержку Антигону. Перезимовав в Месопотамии, Антигон переправился через Тигр и вошел без боя в Сузы. Здешним сатрапом он сделал Селевка и велел ему вести осаду крепости. Сам он, преследуя Эвмена, добрался до реки Копрот, притока Тигра, и начал переправу. Когда переправилось уже более 7000 человек, вдруг внезапно явился Эвмен и напал на них. Быстро сломив сопротивление солдат Антигона, он частью прогнал их обратно за реку, а более 4000 захватил в плен. Антигон видел этот разгром, но ничем не мог помочь своим из-за недостатка судов. Отказавшись от переправы, он пошел к городу Ва-даке. Поскольку стоял изнурительный зной, войско стало быстро изнемогать. Тогда Антигон решил не преследовать больше Эвмена, а идти в Мидию на Экбатаны.

В Мидию вели две дороги: одна длинная, но хорошая, через горы, другая трудная и узкая, пролежавшая через землю косеев. Она была заметно короче и проходила по более прохладным местам. Антигон выбрал вторую и послал впереди себя пелтастов во главе с Неархом. Сам он с фалангой шел следом, а арьергардом командовал Пифон. Переход был очень тяжелым. Особенно много людей в стычках с кос-сеями потерял Неарх. В теснинах косеи сбрасывали на головы солдат камни и расстреливали их из луков. Солдаты начали роптать на Антигона. Но через девять дней войско вышло в Мидию. Ласками и быстрой доставкой всего необходимого Антигон сумел пресечь мятеж в войске. Пифону он велел собрать по всей Мидии скот и конницу. Вскоре тот доставил ему 2000 всадников и еще 1000 лошадей.

Внезапное появление Антигона в Мидии вызвало растерянность в рядах его врагов. Эвмен предлагал идти на Антигона с тем, чтобы дать ему битву, но многие сатрапы считали, что надо,

напротив, сосредоточить силы на защите верхних сатрапий. Чтобы погасить раздор, Эвмен разделил войско. Наименее боеспособных он оставил с сатрапами, а с остальными отправился в Персию. Здесь армия царей остановилась на отдых.

Антигон повел войско из Мидии в Персию. Две армии сошлись в неудобном месте, где из-за теснин нельзя было дать правильного сражения, и поэтому разошлись без боя, проведя только четыре дня в легких стычках. На пятый день Антигон двинулся к Габиенам. Город этот был удобен для зимовки из-за обилия припасов, а также из-за того, что его защищали реки и болота. Эвмен распустил слух через перебежчиков, что намерен ночью напасть на Антигона, а сам с войском поспешил к Габиенам другой дорогой.

Когда Антигон понял, что его провели, он немедленно бросился в погоню за Эвменом с одной конницей, а главные силы поручил вести Пифону. Вскоре он настиг Эвмена и напал на задние ряды его армии. Эвмен развернул строй и стал готовиться к битве. Он имел 35 000 пехоты, 6000 конницы и 114 слонов. В центре он поставил фалангу, перед ней - 45 слонов и пелтастов, на флангах - конницу и слонов. Лучшая конница и большая часть слонов находились на правом фланге. Антигон тоже поставил лучшую часть конницы на левом фланге и поручил здесь командование Пифону. На правом фланге тысячей, так называемых, доброхотов предводительствовал сын Антигона Деметрий, который в этом бою должен был первый раз командовать. Здесь же находился сам Антигон с 300 отборными всадниками и лучшими слонами. Левое крыло должно было принять на себя главный удар Эвмена и, сдерживая его, отступать, а правое - прорвать строй врага. Когда сражение началось, Пифон, обойдя правый фланг, ударил в бок неприятелю. Эвмен перевел часть конницы с левого фланга и вместе со слонами ударил на Пифона. Пифон отступил к самым горам. Между тем фаланги сошлись и долго бились друг с другом. Ударную силу со стороны Эвмена составляли аргирас-пиды. Они сражались с таким жаром и упорством, что вскоре стали теснить солдат Антигона и прогнали их до самых подошв гор. Тем временем Антигон на своем фланге пробился сквозь ряды неприятеля и обратил его в бегство. Эвмен, узнав об этом, остановил фалангу. Таким образом, солдаты Антигона хотя и отступили, но не были разбиты и опять построились для боя. Тем временем наступила ночь. Эвмен хотел продолжить битву, но воины стали кричать, что надобно идти к обозу, который остался далеко позади, и Эвмену пришлось подчиниться. Антигон потерял в бою 3700 человек. Эвмен - около 600.

Утром, похоронив мертвых, Антигон приказал отступить. Эвмен не погнался следом, так как войско было очень утомлено. Похоронив павших, он продолжил путь к Габиенам и встал здесь на зимовку. Армии зимовали на расстоянии шести дней пути друг от друга. Не осилив Эвмена в открытом бою, Антигон хотел попытать счастья по-другому. Он велел солдатам тихо сняться с лагеря и скрытно двигаться к лагерю Эвмена. При этом он распустил слух, что собирается совершить вторжение в Армению. Но поскольку стояла сильная стужа, солдатам пришлось жечь костры, и огонь выдал продвижение армии к Габиенам. Эвмен успел стянуть из деревень своих воинов и укрепить лагерь.

На этот раз обе армии расположились друг от друга на расстоянии 40 стадий и стали готовиться к решающей битве. Антигон поручил левое крыло Пифону, а правое - сыну Деметрию. Сам он расположился здесь же с конницей. В центре стояла фаланга, а перед ней - слоны с легковооруженными. Всего у него было 22 000 пехоты, 9 000 конницы и 65 слонов. Эвмен стал на левом фланге против Антигона. Здесь же он поставил лучших сатрапов с отборной конницей. Перед строем располагалось 60 слонов с легковооруженными. В пехотной фаланге Эвмен расположил впереди щитоносцев, за ними - аргираспидов, а далее - чужеземцев, вооруженных на македонский манер. На правом фланге находилась посредственная конница во главе с Филиппом. Ему было приказано после начала сражения отступать и сделать вид бегства. Всего у Эвмена было 36 700 пехоты, 6000 конницы и 114 слонов.

Когда началось сражение, Антигон послал индийскую конницу напасть на Эвменов обоз. Поскольку сражавшиеся подняли облако пыли, этот маневр никто не заметил, и мидийцы легко овладели обозом, расположенным в 5 стадиях от места битвы. Едва началась битва, Певкест, сатрап Персии, отступил со всей своей конницей, увлекши за собой еще до 1500 человек других, но с остальными Эвмен вступил в жестокий бой против конницы Антигона. Видя, наконец, что здесь его побивают, Эвмен с остатками конницы переместился на другое крыло, к

Филиппу. Другой исход имело сражение фаланг. Неудержимая атака аргираспидов снесла фалангу Антигона. Потеряв до 5000 человек, та отступила. Эвмен хотел довершить победу разгромом конницы, стал призывать к себе Певкеста, но тот, отойдя на большое расстояние, так и не явился. Поэтому аргираспиды, построившись в каре, отступили.

Вечером Эвмен собрал совет. Сатрапы предлагали отступить в верхние провинции. Эвмен советовал оставаться на месте и продолжать сражение, поскольку фаланга врага разбита, а конной решительной битвы так и не было. Македонцы, однако, возразили, что не будут слушаться ни тех ни других, потому что неприятель завладел их обозом, пленил их жен и детей, и они не намерены ничего предпринимать до тех пор, пока не вернут свои семьи (Диодор: 18). И действительно, воины Эвмена, удрученные пленением своих семей и потерей имущества, вскоре обратились к Антигону с просьбой вернуть обоз. Взамен Антигон потребовал выдать ему Эвмена. Распад и разложение среди македонской армии были уже так велики, что большинство солдат согласилось выдать своего полководца, только что одержавшего победу, в обмен на свои пожитки (Плутарх: «Евмен»; 8-18). Но и аргираспидам их предательство не принесло большой пользы. Антигон, прежде всего, велел схватить Антигена, их вождя, положить его в гроб и сжечь заживо. Также он велел казнить некоторых других своих недругов. Самого Эвмена он велел казнить по прежнему приговору, которое македонское войско вынесло после смерти Кратера. Кости его он приказал собрать в сосуд и отослал домашним. Иероним-историк, друг Эвмена, после этого сделался другом Антигона.

Покончив, таким образом, с самым упорным и энергичным из своих врагов, Антигон отступил в Мидию и стал на зимовку неподалеку от Экбатан (316 г. до Р.Х.). Здесь он узнал, что Пифон уговорами и убеждениями переманивает на свою сторону его воинов. Антигон сделал вид, что не верит доносам на Пифона, и ругал тех, кто пытался на него донести. Вместе с тем он распространил слух, будто хочет оставить его с большим войском для защиты верхних сатрапий. После этого он вызвал Пифона к себе (тот зимовал отдельно в дальних местах Мидии). Пифон, которому сообщили о дружбе к нему Антигона, приехал. Антигон велел его схватить и отдал на суд своим друзьям, которые приговорили его к смертной казни. Сатрапом Мидии Антигон назначил мидянина Орон-товата. При нем он оставил полководцем Иппострата с 3500 наемников. Сам же со всем войском пошел к Экбатанам, взял там 3000 талантов серебра и двинулся на Персию.

В Персеполе его встречали с царскими почестями. Собрав друзей, он совещался тут о сатрапиях. Многие прежние сатрапы, поддержавшие, как уже говорилось, Эвмена, лишились своих владений. Певкеста Антигон лишил власти, несмотря на сильную любовь к нему персов. На его место он поставил Асклепиодара. Из Персепо-ля Антигон повернул к Сузам. Хранитель царской казны Ксенофил, которому Селевк велел во всем слушаться Антигона, допустил его в крепость. Антигон взял множество ценных вещей на 15 000 талантов. Кроме того, по всей Мидии ему собрали еще до 10 000.

В 314 г. до Р.Х. Антигон вступил с войском в Вавилон. Селевк почтил его царскими дарами и задал пир для всего войска. Впрочем, дружеские отношения между ними продолжались недолго. Антигон потребовал от Селевка отчет в доходах с вавилонской земли. Селевк отказался дать такой отчет и, опасаясь за свою жизнь, бежал в Египет к Птолемею. Антигон сначала радовался, что ему не пришлось убивать друга. Но халдеи предсказали ему, что Селевк завладеет всей Азией, а Антигон в борьбе с ним лишится жизни. Антигон послал погоню, но та не смогла настичь беглецов. Вообще, Антигон ни во что не ставил предсказателей, но это пророчество запало ему в душу, поскольку именно эти халдеи предсказали в свое время смерть Александру.

Селевку удалось скрыться. Прибыв в Египет, он возбудил всех ди-адохов соединиться против Антигона. Когда Антигон вступил в Верхнюю Сирию, к нему пришли послы от Птолемея, Кассандра и Лисимаха и стали требовать, чтобы Антигон отдал Кападокию и Ликию Кассандру, Фригию при Геллеспонте - Лисимаху, Сирию - Птолемею, а Вавилонию - Селевку; сокровища также он должен был разделить между всеми. В противном случае ему грозили войной. Антигон сурово отвечал, что уже готов к войне с Птолемеем, и послы ушли ни с чем.

От угроз полководцы перешли к делу (Диодор:, 19). Чтобы казалось, будто он начинает справедливую войну против бывших своих друзей, Антигон распространил слух, что Хочет

отомстить за смерть Олимпиады, убитой Кассандром, и освободить из заключения сына своего царя Александра и его мать. Едва Птолемей и Кассандр узнали об этом, они заключили союз с Лисимахом и Селевком и начали ревностно готовиться к войне на море (Юстин: 15; 1). К этому времени Антигон вступил уже в преклонный возраст, стал грузен и непомерно тяжел. Поэтому он все чаще поручал ведение войны полководцам и сыну Деметрию, которого нежно и горячо любил.

Закончив все приготовления, Антигон двинулся в Финикию. Поскольку враги его господствовали на море, он решил для начала обзавестись флотом. Приступив к осаде Тира, он призвал к себе финикийцев и сирийцев, велел им собирать корабли и готовить хлеб для войска. На рубку леса в горах Ливана он отправил 8000 человек. Пристанями своими он назначил Триполи, Библ и Сидон. Четвертая была в Киликии, куда лес свозили с Тавра. Родосцы также позволили строить у себя корабли из привезенного леса. Сам Антигон, оставив часть войска под Тиром, с боем взял Иоппию и Газу. Находившихся там воинов Птолемея он распределил по своему войску. Затем, собрав уже построенные корабли, осадил Тир с моря, пресек подвоз хлеба и стоял под городом год и три месяца. Наконец, он заключил с гарнизоном договор, выпустил солдат Птолемея с их пожитками и ввел в Тир свой гарнизон. В то же время к Антигону пришли 60 кораблей, собранных с Геллеспонта и Родоса, и еще 80 привел Диоскорид, племянник Антигона, сын его брата Птолемея. Кроме того, у Антигона уже было 120 кораблей, построенных в Финикии.

В 312 г. до Р.Х. Кассандр направил свое войско в Карию. Антигон поручил сыну Деметрию Финикию, сам же двинулся к Геллеспонту. Овладев Азией, он стал готовиться теперь к переправе в Европу для завоевания Македонии и Эллады. Вперед Антигон послал войско во главе с полководцем Птолемеем, который изгнал македонский гарнизон из Халкидики и провозгласил здесь свободу греческих городов. Переправившись затем в Беотию, он выбил македонцев из Кад-меи, заключил дружественный союз с афинянами и выгнал кассандровы гарнизоны из Фокиды.

Но как раз в то время, когда Антигон вел успешную войну на западе, Деметрий потерпел поражение от Птолемея под Газой. Развивая наступление, Птолемей захватил Сидон и Тир. Селевк же, взяв у Птолемея 1000 солдат, двинулся на Вавилон. В короткое время Месопотамия и все дальние восточные сатрапии отпали от Антигона и в конце концов были завоеваны Селевком.

Антигон вывел армию из Фригии, где находился все это время, переправился через Тавр и соединился с сыном. Из всех его многочисленных владений он сохранил только Малую Азию и Северную Сирию, однако не потерял надежды все-таки победить своих врагов. И действительно, как только Птолемей узнал, что не юный Деметрий, а уже сам Антигон готовится сразиться с ним, он решил не испытывать судьбу и велел отступить из Сирии, разоряя захваченные города. Антигон в короткий срок восстановил свою власть в Сирии и Финикии.

После этого в боевых действиях наступила передышка. В 311 г. до Р.Х. Кассандр, Птолемей и Лисимах помирились с Антигоном на следующих условиях: Кассандр будет главным полководцем в Европе, до совершеннолетия Александра IV, сына Александра Македонского, каждый из полководцев сохранит за собой завоеванные земли, и Лисимах будет править Фракией, Птолемей - Египтом и Африкой, Антигон - Азией, Кассандр - Македонией, а греки должны жить на своих правах. Никто не собирался исполнять этих условий, и первый подал пример Кассандр, который в том же году велел убить Александра IV и его мать Роксану.

В 310 г. до Р.Х. Птолемей обвинил Антигона в том, что, вопреки договору, он не возвращает грекам вольности и держит в городах свои гарнизоны. Поскольку Антигон не обратил на это внимания, Птолемей объявил ему войну. В Киликию он отправил войско во главе с Леонидом, но Деметрий нанес ему поражение и возвратил все отпавшие города. В 309 г. до Р.Х. сам Птолемей из Египта прибыл с флотом к Фасилиде и взял этот город. Отсюда он переправился в Ликию, овладел Ксанфом, затем приступил к Кавну и принял его сдачу (Диодор: 20).

В следующие годы главным театром войны стала Эллада. В 307 г. до Р.Х. Деметрий с большим флотом переправился из Эфеса в Афины и с переменным успехом, но в целом благополучно повел войну против Кассандра. В 306 г. до Р.Х. он прибыл с флотом на Кипр и

победил в морской битве Менелая, сатрапа Птолемея, а затем и самого Птолемея, выступившего против него (Павсаний: 1; 6).

Эта блестящая череда успехов внушила современникам надежду, что именно Антигону суждено стать приемником Александра и объединить под своей властью всю его державу. Тогда и народ впервые провозгласил Антигона и Деметрия царями. Отца друга увенчали диадемой немедленно, а сыну Антигон отправил венец вместе с посланием, в котором называл Деметрия царем. В ответ Египет поднес царский титул Птолемею, а дух соперничества заставил последовать этому примеру и остальных преемников Александра (Плутарх: «Деметрий»; 18-19).

Воодушевленный подвигами Деметрия на Кипре, Антигон без промедления выступил против Птолемея. Он вызвал к себе из Греции Деметрия, предполагая начать поход на Египет. С ним было 80 000 пехоты, 8000 конницы и 83 слона. Флот он поручил Деметрию, который имел 150 триер и еще 100 транспортных судов с припасами и оружием. Деметрий отплыл из Газы и несколько дней шел при тихой погоде, но потом был застигнут свирепым штормом. Множество кораблей потонуло, другие вернулись к Газе, и лишь с небольшой частью судов Деметрий добрался до Касия. Пристать здесь было невозможно. Волнение продолжалось, а припасы и пресная вода совсем вышли. Вскоре подошел Антигон с войском, и армия, продолжая путь, пришла на берег Нила. Люди Птолемея, плывая вдоль берега, предлагали перебежчикам награду, рядовому - две мины, а офицеру - талант. Много солдат Антигона переходило к неприятелю. Деметрий попробовал высадить войска в одном из рукавов Нила, но нашел здесь сильные отряды египтян и катапульты, которые не позволили ему приблизиться. Попытались высадиться в другом рукаве, но также безрезультатно. Деметрий вернулся к великой досаде Антигона, так как тот не мог ничего поделаться, будучи отрезан полноводной рекой. Вскоре в огромной армии стал ощущаться голод. Собрав совет, Антигон выслушал мнения полководцев. Все советовали возвратиться в Сирию. Так и пришлось поступить (Диодор: 20).

Деметрий опять отправился в Элладу. Кассандр и прочие вожди враждебной партии увидели, что Антигон будет одерживать победы над каждым из них поодиночке, пока они ведут войну каждый в отдельности и не хотят помочь друг другу, как будто победа является частным делом каждого, а не их общим делом. Обменявшись письмами, они назначили место, время и условие встречи и общими силами стали готовиться к войне. Так как Кассандр не мог принять в ней участия вследствие того, что был занят войной с соседями, он послал на помощь союзникам Ли-симаха с огромным войском. К ним троим в последний момент присоединился Селевк, только что вернувшийся из похода в Индию (Юс-тин: 15; 2; 4).

Антигону было уже без малого восемьдесят лет, но он готовился к войне с таким честолюбием и рвением, какого трудно было ожидать в его годы. Между тем представляется вероятным, что, если бы Антигон пошел хоть на малые уступки и несколько умалил свое непомерное властолюбие, он до конца держал бы главенство среди царей и передал бы его сыну. Однако, суровый и спесивый от природы, столь же резкий в речах, как и в поступках, он раздражал и восстанавливал против себя многих молодых и могущественных соперников. И в тот раз он хвастливо говорил о своих врагах, что без труда разгонит их сборище, как одним единственным камнем или криком вспугивают птиц, слетевшихся клевать зерно. У Антигона было собрано свыше 70 000 пехоты, 10 000 конницы и 75 слонов. У неприятелей было на 500 клинков больше конницы, 400 слонов и 120 боевых колесниц; пехоты, правда, всего 64 тысячи. Когда оба войска сошлись при Ипсе (302 г. до Р.Х.), настроение Антигона изменилось, надежды его поколебались, но намерения остались неизменны. Прежде в битвах он бывал всегда самоуверен и неприступно горд, говорил громко и надменно, а нередко отпускал язвительные остроты даже во время рукопашной, выказывая этим твердость духа и презрение к врагу. Теперь, напротив, его видели молчаливым и задумчивым, он представил Деметрия воинам и назвал его своим преемником. Когда пехота уже выстроилась к бою, Антигон, выходя из палатки, споткнулся, упал ничком и сильно расшибся. Поднявшись на ноги, он простер руки к небесам и просил у богов либо победы, либо внезапной и безболезненной смерти до поражения. Завязался бой, и Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком

увлекся преследованием и неуместное это честолюбие сгубило победу, ибо и сам Деметрий, возвратившись, уже не смог соединиться с пехотой - путь ему успели загородить вражеские слоны, и фаланга осталась без прикрытия, что, разумеется, не укрылось от взора Селевка, который, однако, не напал на пехотинцев, а только теснил их, грозя нападением и как бы призывая перейти на его сторону. Так оно и вышло: значительная часть фаланги сдалась, остальные пустились бежать. Теперь враги тучей устремились на Антигона, и кто-то из приближенных воскликнул: «Царь, они метят в тебя!» «Какая же еще может быть у них цель? - возразил Антигон. - Но Деметрий подоспеет на выручку». Эту надежду он сохранял до конца и все озирался, ища глазами сына, пока не пал, пронзенный сразу несколькими пущенными в него копьями. Все слуги и друзья тут же бросили мертвого.

После битвы цари-победители расчленили всю державу Антигона, словно некое огромное тело, и присоединили новые сатрапии к своим прежним владениям. Лисимах получил Малую Азию, а Селевк - Сирию (Плутарх: «Деметрий»; 28-29).

АНТИГОН II ГОНАТ

Царь Македонии в 278-239 гг. до Р.Х. Сын Деметрия I. Род. в 318 г. до Р.Х. Умер 239 г. до Р.Х. Ж.: 1) дочь сирийского царя Селевка I Филадельфа; 2) Демо.

В 290 г. до Р.Х. Деметрий, отправившись походом во Фракию, оставил наблюдать за Грецией Антигона. Не успел он удалиться, как беотийцы отложились от Македонии. Антигон разбил их в открытом бою, а затем осадил Фивы (Плутарх: «Деметрий»; 39). В 288 г. до Р.Х. Деметрий потерпел поражение во время похода в Азию Лисимах немедленно вторгся в Македонию, в решительном сражении победил Антигона и завладел страной (Павсаний: 1; 8; 2). Антигон был очень привязан к отцу - Узнав, что тот попал в плен к Селевку, он был в страшном горе, облачился в траурные одежды и писал всем царям и самому Селевку, моля о помощи и милосердии и предлагая, если только он согласится освободить Деметрия, в заложники самого себя и все остатки своего достоинства. Когда же Деметрий умер в плену (в 283 г. до Р.Х.), он так убивался и обливался слезами, что вызвал искреннюю скорбь у окружающих (Плутарх: «Деметрий»; 51, 53).

Антигону пришлось испытать немало превратностей, прежде чем он сумел вернуть себе свое царство. После смерти Лисимаха и Селевка Антигон в 280 г. до Р.Х. выступил против другого претендента на Македонию - Птолемея II, но был разбит им. В следующем году Птолемей погиб, сражаясь с галатами, и Антигон вернулся в Македонию. Против него выступило новое войско галатов. Как и прежде, они отправили к царю посольство, чтобы предложить ему мир за выкуп Антигон с царственной щедростью пригласил послов на невероятно пышный пир. Но галаты, изумленные видом громадного количества золота и серебра и подстрекаемые надеждой на большую Добычу, возвратились к своим в более враждебном настроении, чем пришли к Антигону. Царь велел показать галатским послам слонов, чтобы испугать их непривычным для варваров видом этих животных, а также корабли с посаженными на них солдатами. Но послы, дивясь всему этому, заметили также, что лагерь македонцев не укреплен ни рвом, ни валом и что враги оставили всякую заботу о военной защите. Их рассказы разожгли еще более страсти к добыче в сердцах этого жадного племени. Собравшись, галаты с общего согласия сделали ночью набег на царский лагерь у Лисимахии. Антигон, предвидя такую беду, еще накануне отдал приказ, чтобы солдаты, захватив с собой все имущество, укрылись тайком в ближайшем лесу. Галаты, видя, что все брошено и нигде нет не только защитников, но и сторожей, подумали, будто враги не бежали, а пустились на какую-то хитрость. Поэтому они долгое время опасались войти в лагерные ворота. В конце концов они заняли лагерь. Забрав с собой то, что им удалось найти, они повернули к берегу и принялись грабить корабли. В то время как они предавались грабежу, македонцы внезапно напали на них и перебили (277 г. до Р.Х.). Избиение галатов было столь ужасно, что слух об этой победе не только доставил Антигону мир с галатами, но и избавил его от свирепости соседей (Юстин: 24, 1; 25, 1-2). Он нанял 9000 галатов и с ними выступил против Антипатра, племянника Кассандра, который объявил себя македонским царем. Летом того же 277 г. все Македонское царство уже перешло под его власть. С сирийским царем Антиохом I он тогда же заключил мир, вернул ему

Карию и взял себе в жены его сестру Филу. Он с тем большей легкостью отказался от азиатских владений, что собственные домашние дела требовали от него всей энергии и самых сосредоточенных усилий. Вследствие нашествия галатов и анархии в Македонии всюду господствовало опустошение, смятение, разорение; необходимо было укрепить границы, восстановить порядок внутри, вновь заселить опустевшие области; пришлось как бы вновь создавать царство (Дройзен: 3; 1; 3).

Войны с соседями мешали Антигону сосредоточиться на всех этих делах. В 274 г. до Р.Х. вернулся из Италии Пирр и немедленно пошел на Македонию. Напав в узком ущелье на Антигона, он поверг в смятение все его войско. Только многочисленный отряд галатов в тылу у Антигона упорно сопротивлялся, и в завязавшемся жестоком бою большинство их было перебито. После этого пехотная фаланга перешла на сторону Пирра (Плутарх: «Пирр»; 26). Антигон с небольшим отрядом всадников удалился в Фессалию. Набрав галатских наемников, он вскоре вновь начал войну, но был разбит наголову сыном Пирра Птолемеем. После поражения он бежал с семьей спутниками, не имея уже надежды на возвращение своего царства, а ища потаенного убежища для спасения жизни. Тем временем неугомонный Пирр замыслил захватить всю Грецию и Азию и прежде всего выступил против спартанцев (Юстин: 25; 4). Но война в Лаконике затянулась, и Антигон подчинил опять своей власти македонские города, а потом направился в Пелопоннес: он знал, что Пирр, если ему удастся покорить Лаконику и большинство пелопонесских областей, пойдет не в Эпир, но опять в Македонию, для продолжения войны. Когда Антигон собирался вести свое войско из Аргоса в Лаконскую область, сам Пирр явился к Аргосу (Павсаний: 1; 13; 6).

Антигон успел занять высоты над равниной близ Навплии. Пирр послал к нему вестника с предложением спуститься на равнину и сразиться за власть. Антигон отвечал, что на войне для него важнее удобный момент, чем сила оружия, и что если Пирру не терпится умереть, то для него открыто множество путей к смерти. Ночью доброжелатели открыли Пирру ворота Аргоса, но захватить его незаметно не удалось. Завязался ночной бой; аргосцы обратились за помощью к Антигону, и он отправил в город войско под командованием сына Алкионея. Днем бой продолжался. Вскоре пришла весть о смерти Пирра (Плутарх: «Пирр»; 31-34).

После гибели Пирра, не только в Македонии, но также в Азии и Греции вспыхнули новые крупные войны. Жители Пелопоннеса вследствие предательства перешли под власть Антигона. Одни города были опечалены смертью Пирра, другие ей радовались - в зависимости от того, надеялись ли они на помощь Пирра или боялись его. Теперь одни вступили в союз с Антигоном, а другие вследствие взаимной ненависти подняли оружие друг против друга. (Это была так называемая Хремонидова война 267-262 гг. до Р.Х.) Антигон был вынужден одновременно вести войну с египтянами и со спартанцами. Нахлынул еще и новый враг - восставшие галатские наемники. Оставив небольшой отряд в якобы укрепленном лагере для защиты от прочих врагов, он с главными своими силами пошел против галатов к Мегарам и предал их почти полному истреблению (в 265 г. до Р.Х.). Узнав об исходе этой битвы, египтяне и спартанцы, уклоняясь от встречи с победоносным вражеским войском, отступили в более безопасные области. Антигон, узнав об их отступлении и стремясь использовать еще не остывший после недавней победы пыл своих солдат, выступил против афинян (Юстин: 26; 1-2). Афиняне в течение очень долгого времени оказывали сильное сопротивление. Наконец Антигон заключил мир на том условии, что введет к ним гарнизон и поместит его в Мусею. В дальнейшем он сам добровольно вывел этот гарнизон (Павсаний: 3; 6; 3). Над египтянами Антигон одержал решительную победу в битве при Косе (Дройзен: 3; 1; 3). Но в то время как Антигон был занят этой войной, эпирский царь Александр, желая отомстить за смерть отца своего Пирра, начал опустошение Македонии. Когда же Антигон возвратился из Греции и выступил против Александра, то солдаты Антигона перешли на сторону врага, а вместе с войском он потерял и македонское царство. Сын его Деметрий, еще подросток, в отсутствие отца вновь набрал войско и не только добыл обратно потерянную Македонию, но даже отобрал Эпирское царство у Александра (в 264 г. до Р.Х.) (Юстин: 26; 2).

Это была последняя превратность судьбы, испытанная Антигоном. С этого времени Македония окончательно закрепилась за ним и его потомками. Кроме того, хотя и с немалым трудом, Антигону удалось сохранить гегемонию над Элладой (Плутарх: «Арат»; 16-17).

АНТИГОН III ДОСОН

Царь Македонии в 229-221 гг. до Р.Х. Род в 263 г. до Р.Х. Умер 220 г. до Р.Х. Ж.: Хризеида, вдова Деметрия II.

После смерти Деметрия II остался малолетний сын Филипп. Опасаясь беспорядков, первые вельможи Македонии призвали Антигона, двоюродного брата умершего, женили его на матери Филиппа и сначала назначили опекуном государя и полководцем, а затем, убедившись в кротости и умеренности его нрава, видя пользу, которую его труды приносят государству, провозгласили царем. Этого Антигона прозвали До-соном («собирающимся дать») за то, что он щедро давал обещания, но скупое их выполнял (Плутарх: «Эмилий Павел» ; 18).

Антигону пришлось воевать с этолианами, которых он победил в сражении и большей частью перебил. Однако после этого, чтобы не допустить соединения этолийцев с ахейцами, он уступил им юг Фессалии. У Египта он отнял в Малой Азии Карию (228 г. до Р.Х.) (Дройзен: 3; 3; 1). Некоторое время спустя произошло сильное восстание, и Антигон был осажден в царском дворце. Не смутившись этим, он вышел без телохранителей к народу и, бросив в толпу диадему и пурпурный плащ, потребовал, чтобы народ передал их другому - или такому, который не станет ничего приказывать им, или такому, которому они сами умеют повиноваться. Он же до сих пор от этой ненавистной царской власти испытывает не удовольствие, а одни только труды и опасности. Затем он напомнил о своих благодеяниях: о том, как он покорил отложившихся союзников, усмирил дарданов и фес-салийцев, обрадовавшихся смерти царя Деметрия, как он не только защитил достоинство македонцев, но и вознес его еще выше. Если они всем этим недовольны, он слагает власть и отказывается от своего сана, так как, очевидно, они ищут себе царя, над которым сами будут властвовать. Когда народ, пораженный стыдом, постановил, чтобы Антигон снова взял власть, он до тех пор отказывался, пока зачинщики мятежа не были выданы ему для казни (Юстин: 28; 3).

В 225 г. до Р.Х. глава Ахейского союза Арат пригласил Антигона в Пелопоннес, где ахейцы вели безуспешную войну против спартанского царя Клеомена III. Антигон уже давно с тревогой наблюдал за быстрым возвышением лакедемонян: ведь одолев ахейцев, они стали бы хозяевами на Пелопоннесе, а объединившись потом с этолийцами, могли склонить против Македонии всю Элладу. Поэтому Антигон охотно выступил в поход и в 223 г. до Р.Х. явился с войсками к Коринфу. Клеомен в ожидании македонцев занял удобную позицию вблизи Коринфа, но восстание ар-госцев заставило его отступить в глубь Пелопоннеса. Антигон беспрепятственно занял Акрокоринф и, не теряя времени, явился в Аргос, а оттуда отправился походом в Аркадию. Он выгнал гарнизоны из тех укреплений, которые были недавно заложены Клеоменом, и явился в Эгий на собрание ахейцев. Здесь он дал отчет в собственных действиях, высказался о мерах относительно будущего и вслед за тем был выбран вождем всех союзников. Некоторое время после этого он оставался на зимовке в окрестностях Сикиона и Коринфа, а с наступлением весны (в 222 г. до Р.Х.) повел войско дальше. На третий день пути он прибыл к городу тегейцев, куда навстречу ему вышли также ахейцы. Антиох расположил войска вокруг города и начал осаду. Македонцы во всех отноше-ниях ревностно вели дело, особенно подкопы, так что тегейцы быстро потеряли надежду на спасение и сдались. Обеспечив за собой этот город, Антигон немедленно двинулся в Лаконику. Когда он приблизился к Клеомену, стоявшему на границе своей земли, то старался тревожить его и дал несколько легких схваток. Узнав, однако, от своих соглядатаев, что на помощь Клеомену идет войско из Орхомен, Антигон тотчас снялся со стоянки и поспешно отступил. Он взял приступом Орхомен, а затем начал осаду города мантинейцев, расположившись кругом лагерем. Так как македонцы навели ужас и на мантинейцев, то Антигон скоро покорил и этот город. После этого на его сторону перешли Герейя и Телфусея.

Летом 221 г. до Р.Х. Антигон, собрав до 30 000 солдат, предпринял новый поход в Лаконику. Клеомен с 20-ю тысячами поджидал его у Селласии. По прибытии к этому городу Антигон увидел, что местность укреплена самой природой, а Клеомен заблаговременно занял удобные для обороны пункты. Расположившись неподалеку станом, Антигон провел несколько дней в изучении свойств местности. Главные силы лакедемонян расположены были на

вершинах двух холмов - Эве и Олимпе. Они были ключом ко всей позиции, и именно против них Антигон направил свой главный удар. Сравнительно легко его солдаты захватили Эву, которую оборонял Эвклид, брат Клеомена.

В то же самое время конница ахейцев стала теснить лакедемонян на равнине. Оказавшись перед угрозой окружения, Клеомен вынужден был скрыть укрепления на Олимпе и вывести своих воинов прямо против неприятеля. Начался упорный бой тяжеловооруженных воинов. Антигон, имевший значительный численный перевес, выстроил своих воинов двойной фалангой, и это дало македонцам желанную победу.

С первого набега овладев Спартой, Антигон поступил со спартанцами великодушно и человеколюбиво во всех отношениях: восстановил у них исконное государственное устройство и через несколько дней двинулся с войском из города, потому что получил известие о вторжении иллирийцев в Македонию и о разорении страны. Поспешив в Македонию, он захватил врагов еще в своих пределах, дал им правильное сражение и одержал победу. Во время битвы, однако, он так надрывался в громких криках, что у него пошла горлом кровь (царь был болен чахоткой) и он умер (Полибий: 2; 51- 54, 65-70).

АНТИОХ

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов, правивший в VIII в. до Р.Х. Сын Финты.

В правление Антиоха и его брата Андроклея взаимная ненависть лакедемонян и мессенян достигла высшей точки. Поводом к войне послужил следующий случай: спартанец Эвафн ограбил мессенянина Полихара и убил его сына. Полихар пытался найти на него управу у лаконских властей, но, не получив удовлетворения, сделался кровавым разбойником и убивал всех лакедемонян, которые только попадались ему в руки. Тогда лакедемоняне послали в Мессению посольство, требуя его выдачи.

Мессенские цари ответили послам, что, посоветовавшись с народом, сообщат в Спарту о принятом решении. Когда послы ушли, они собрали народное собрание граждан. Мнения резко разделились. Андрокл предлагал выдать Полихара, как совершившего поступки безбожные и исключительно ужасные. Антиох во всем ему возражал. В конце концов сторонники Андрокла и Антиоха так разгорячились, что взялись за оружие. Битва продолжалась недолго: сторонники Антиоха по численности намного превосходили своих противников. Они убили Андрокла и наиболее авторитетных из лиц, окружавших его. Антиох, оставшись один царем, послал в Спарту ответ, что он предлагает передать дело или третьей стороне, или собранию амфикионов. Лакедемоняне не приняли этого предложения и стали готовиться к войне. Но Антиоху не пришлось увидеть ее начала, поскольку шесть месяцев спустя, в 763 г. до Р.Х., он умер (Павсаний: 4; 4-5).

АНТИОХ I СОТЕР

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 280-261 гг. до Р.Х. Сын Селевка I. Род. в 324 г. до Р.Х. Умер 261 г. до Р.Х. Ж.: 1) Низа (?); 2) Стратоника, дочь македонского царя Деметрия I.

По свидетельству многих авторов, Селевк был очень привязан к своему сыну. Уже будучи стариком, он женился на дочери Деметрия Стратонике. Но случилось так, что Антиох влюбился в мачеху и, не зная, как бороться со своей страстью, тяжело заболел. Когда Селевку донесли о причине болезни сына, он немедленно развелся с женой и выдал ее за Антиоха. Отправляясь в 282 г. до Р.Х. на войну против Лиси-маха, Селевк сделал сына царем всех внутренних областей своей державы (Плутарх: «Деметрий»; 38).

В 281 г. до Р.Х. Селевка коварно убил Птолемей II Керавн, сделавшийся затем царем Македонии. Антиох воевал с убийцей, но без успеха (Юстин: 24; 1). Летом 280 г. до Р.Х. союзный с Птолемеем ви-финский царь Никомед напал врасплох на Антиоха и уничтожил его войско. В 278 г. до Р.Х. Антиох снарядил против него новую армию. Некоторое время флоты обоих царей стояли друг против друга, но так и не решились начать сражение. Вслед за тем

сирийский флот потерпел поражение от нового македонского царя Антигона II (Дройзен: 3; 1; 3). В 277 г. до Р.Х. галаты, разбитые Антигоном II у Ли-симахии, вторглись в Азию (Аппиан: 11; 65). Они навели ужас на весь край в пределах Тавра. Ввиду этого Антиоху было уже не до того, чтобы оспаривать завоевания своего отца в Европе. Он признал независимость Вифинии, отказался от своих притязаний на Гераклею и Македонию. На этих условиях был заключен мир, и Антиох выдал за Антигона свою сестру Филу.

Освободившись от внешних войн, царь мог сосредоточиться на борьбе с галатами. Их войско значительно превосходило силы сирийцев, так как имело много тяжеловооруженных, многочисленную конницу и около сотни сер-поносных колесниц. Антиох пал духом при виде этой мощи и хотел вступить в переговоры. Однако Фе-одот из Родоса ободрил его и начертал план битвы, по которому 16 слонов, приведенных царем, должны были решить дело. План вполне удался: не видав никогда слонов, неприятельские лошади перепугались, обратились в неистовое бегство и произвели совершенный беспорядок в своих рядах. Поражение варваров было полное. Почти все из тех, кто не был убит, попали в плен, лишь немногие спаслись, укрывшись в горах. Окружавшие царя македонцы затянули победную песнь и приветствовали своего царя восторженными криками. Антиох со слезами на глазах сказал: «Не стыдно ли, что нашим спасением мы обязаны этим шестнадцати животным?» На победном памятнике он велел вырезать лишь одно изображение слона. Последствием великой победы, одержанной Антиохом, было, кажется, то, что галаты, считавшие весь полуостров как бы своей собственностью, были оттеснены во внутренние области (Дройзен: 3; 1; 3).

Около 274 г. до Р.Х. Антиох, по внушению правителя Киренаики Мага, хотел начать войну против египетского царя Птолемея II Филадельфа. В то время, когда он собирался в поход, Птолемей отправил ко всем народам, над которыми правил Антиох, своих людей. Те подняли возмущение и таким образом удержали Антиоха от войны (Павсаний: 1; 7; 3). Однако Антиох овладел Дамаском (Дройзен: 3; 1; 3). Позже Страбон упоминает о неудачной войне Антиоха с Евменом, царем Пергама. Войска Сотера были разбиты около Сард (Страбон: 13; 4; 2).

АНТИОХ II ТЕОС

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 261-247 гг. до Р.Х. Сын Антиоха I Сотера. Род. в 286 г. до Р.Х. Умер 246 г. до Р.Х. Ж.: 1) Лаодика; 2) Береника, дочь египетского царя Птолемея II.

По свидетельству Филарха, Антиох II был беспутным пьяницей, он редко находился в трезвом состоянии и все свои дела решал во хмелю. Все управление он поручил своим любовникам, братьям Ари-сту и Фемисону. Тот же историк сообщает о походе Антиоха против фракийских галатов и об осаде им Византия (Дройзен: 3; 2; 1). Свое прозвище («бог») Антиох получил от жителей Милета за то, что уничтожил у них тиранию. Первым браком он был женат на Лаодике, но развелся с нею, чтобы жениться на Беренике, сестре египетского царя Птолемея III. В отместку Лаодика отравила царя (Аппиан: 11; 65). Подосланные убийцы умертвили сына Береники. Сама она укрылась в крепости Дафны, но приверженцы прежней царицы захватили крепость и убили Беренику.

В последние годы правления Антиоха начался распад державы Селевкидов. Около 250 г. до Р.Х. от нее отделилась Бактрия, где стал править Дадот, а в 247 г. - Парфия, царем которой стал Арсиак (Дройзен: 3; 2; 1).

АНТИОХ III ВЕЛИКИЙ

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 223 - 187 гг. до Р.Х. Сын Селевка II Калинника.

Антиох был младшим сыном Селевка II, прозванного Калинником. После смерти отца, когда царскую власть по праву старшинства наследовал его брат Селевк III, он сначала переселился в верхние области и жил там. Потом, когда Селевк с войском переправился через

Тавр и был предательски убит, Антиох сам принял на себя царскую власть, управление землями по эту сторону Тавра доверил Ахею, а верхние области царства передал Молону и брату его Александру: Молон был сатрапом Мидии, а брат его - Персии.

Оба эти правителя с презрением отнеслись к юному царю и задумали отложиться от него и захватить верхние сатрапии. С другой стороны Антиоху угрожала опасность от Гермия. Этот кариец достиг исключительной власти при Селевке III. Когда тот отправился походом к Тавру, то доверил Гермию управление государством. Жестокий от природы Гермий хотел любой ценой сохранить за собой приобретенную власть и с этой целью старательно раздувал пламя войны. Антиох и сам мечтал о военных подвигах. Но прежде, чем отправиться в поход, он женился на Лаодике, дочери Понтийского царя Митридата, и провозгласил ее царицей. Тем временем Молон подготовил население своей сатрапии к упорнейшему сопротивлению Антиоху. Молон уже давно был грозным владыкой благодаря обширности и богатству своих владений.

Теперь же, собрав большое войско, он двинулся походом на Селевкию и встал лагерем неподалеку от нее на левом берегу Тигра в Кте-сифоне. Гермий отправил против него большое войско во главе с Ксенойтом, но Молон разгромил его, переправился через Тигр и вступил в Селевкию. После этого он легко овладел Вавилоном и Сузами. Вся Месопотамия до Дур перешла под его власть.

Узнав об этом, Антиох в 221 г. до Р.Х. отправился навстречу мятежникам. Войско провело зиму в Антиохии, а весной переправилось через Тигр, чтобы отрезать Моло-ну отступление обратно в Мидию, но Молон еще прежде перешел на левый берег Тигра и вторгся в горную Аполлониатиду. Тут и настигла его армия царя. Когда началась битва, часть мятежников немедленно бежала от Молона и перешла на сторону Антиоха. Остальные были окружены царским войском и сдались. Молон покончил с собой. Попеняв пленных за неверность, Антиох в общем обошелся с ними мягко и отправился в Селевкию восстанавливать порядок. Во всем он поступал здраво и снисходительно. Гермий, напротив, обрушил на побежденных жестокие кары, чем вызвал всеобщую ненависть. Мидия и Персия вновь перешли под контроль царя. Антиох решил развить свой успех и покорил атропатидов, живущих подле Мидии. Победы придали Антиоху уверенности в себе, и он стал тяготиться опекой Гермия, поскольку тот по могуществу стоял выше самого царя. Друзья Антиоха подготовили заговор, и Гермий был умерщвлен.

Избавившись от одной опасности, Антиох тут же столкнулся с другой. Пришло известие, что Ахей, которого оставили владыкой в Малой Азии, возложил на себя царский венец и собирает войска для того, чтобы вторгнуться в Сирию. Но само войско возмутилось против этого, так что Ахей должен был возвратиться в Лидию.

С наступлением весны 219 г. до Р.Х. Антиох стянул войска в Апамею и стал готовиться к войне с Египтом. Ближайшей целью войны было присоединение Койлесирии и возвращение Селевкии, занятой за 20 лет до этого Птолемеем III Эвергетом в отместку за смерть его сестры Береники. Селевкия, расположенная на берегу моря и окруженная со всех сторон скалами и глубокими обрывами, представляла собой несокрушимый оплот против неприятеля. Обладая ею, египтяне постоянно угрожали столице Селевкидов - Антиохии. Захватив сходу предместья, армия Антиоха подступила к самым стенам города, который после этого сдался, не дожидаясь штурма. Царь ласково обошелся с селевкиянами, возвратив им самоуправление и имущество. В то же время Антиох получил приглашение от правителя Койлесирии Теодота идти скорее к нему: он обещал передать ему страну без сопротивления. Царь отложил поход против Ахея и немедленно выступил на Койлесирию. Теодот без боя сдал ему главные крепости - Тир и Птолемаиду вместе с находившимися в них военными средствами. Но другие города продолжали оказывать сопротивление, и это задержало продвижение Антиоха. Тем временем египтяне поспешно готовились к войне.

Весной 218 г. до Р.Х. Антиох стянул свою армию к Бериту, предполагая идти войной на самый Египет. Полководец Птолемея Николай ждал его в узком горном проходе в горах Ливана, но исход сражения оказался для него неудачным. Солдаты Антиоха, наступая вдоль самых горных круч, овладели сначала господствующими над местностью высотами и потом ударили с них во фланг египтянам. Воины Николая бежали к Сидону. Антиох обошел эту

крепость стороной, перевалил через горный сребет и сходу взял Атабирий. Жители Аравии присоединились к нему добровольно. Затем после непродолжительной осады ему сдались Гадары и Раббатитаманы.

Весной 217 г. до Р.Х. Антиох собрал 62 000 пехотинцев, 6 000 конницы, 102 слона и стал готовиться к решительному сражению Тем временем и Птолемей с большим войском подошел к Рафии (это был первый город Сирии со стороны Египта). Спустя несколько дней военачальники построили войска для битвы. Начало ей положили слоны. Птолемеи слоны большей частью страшались сражения, поскольку ливийские слоны вообще не выносили запаха и рева индийских. В беспорядке они стали отступать и смяли ряды своих же воинов. Конница и пехота Антиоха стали теснить ряды египтян. Левое крыло армии Птолемея дрогнуло и стало отступать. Но на правом фланге египетская конница одержала верх над сирийской. Ее бегство повлекло за собой отступление всего левого фланга Антиоха. Сам Антиох ничего об этом не знал, так как, одержав победу на своем крыле, увлекся преследованием бегущих. Тем временем Птолемей ободрил стоявших в центре воинов и увлек их в атаку. Отборные сирийские отряды некоторое время выдерживали натиск, но потом отступили. Таким образом, победа осталась за Птолемеем. К утру Антиох стянул уцелевшие войска и отступил к Газе. Ему пришлось срочно очистить Койлесирию, и вся она вновь перешла под власть египтян. Прибыв в Антиохию, Антиох отправил послов к Птолемею и заключил с ним мир (Полибий: 5; 40-86).

Птолемей возвратился в Александрию к своим беспутным утехам и кутежам, а Антиох приступил к войне с Ахеем, откладываемой уже много лет Он вступил в Лидию и осадил Сарды. Сражения возле них продолжались два года, наконец, воины Антиоха ворвались в город (Полибий: 7; 15-18). Ахей укрылся в акрополе. Спустя короткое время он попытался бежать, но был схвачен и казнен (Полибий: 8; 22).

Приняв власть в западных сатрапиях, Антиох решил подчинить также и восточные. Вообще говоря, обстоятельства требовали этого еще задолго до того, как он сделался царем, так как многолетние смуты в Селевкидском государстве вконец расшатали центральную власть. Восточные сатрапы превратились в независимых царей, и теперь, чтобы утвердиться в пределах своей державы, Антиох должен был повторить поход Александра. В 209 г. до Р.Х. из Мидии через безводную пустыню войска Антиоха вступили в Парфию, где правил Арса-кес. Дав отдохнуть войску в Гека-томпиле, Антиох пошел дальше в Гирканию. На горных перевалах ему пришлось сражаться с засевшими здесь варварами, но те не выдержали правильного боя и бежали. Затем, после короткой, но упорной осады, Антиох взял Сиринок - главную крепость Гиркании.

Из Гиркании он переправился в Арию и разбил правителя Бактрии Эфидема. Антиох доблестно сражался наравне со всеми. Лошадь под ним была убита, а сам он был ранен в рот и лишился нескольких зубов. Эфидем, потерявший большую часть своего войска, заперся в Бактрах (Полибий: 10; 27-31, 49). Отсюда он завязал переговоры с Антиохом, и дело было закончено миром. Антиох признал за владыкой Бактрии царский титул и согласился выдать одну из своих дочерей за его сына Деметрия.

Из Бактрии Антиох переправился в Индию и возобновил дружественный союз с царем Софагасе-ном. На обратном пути он прошел через Дрангену в Карманию и тут остановился на зимовку (в 206 г. до Р.Х.). Так завершился поход Антиоха в верхнюю Азию, когда он подчинил своей власти не только сатрапии верхних областей, но также приморские города и владык земель по эту сторону Тавра, вообще упрочил свою власть отвагою и настойчивостью, внушившими страх всем его поданным. И в самом деле, благодаря этому походу народы не только Азии, но и Европы признали в нем человека, достойного царской власти (Полибий: 11; 34). Но если в юности Антиох казался человеком широких замыслов, отважным, настойчивым в осуществлении задуманных планов, то с возрастом он стал хуже и не оправдал надежд, возлагаемых на него другими (Полибий: 14; 37).

Впрочем, успех сопутствовал Антиоху еще в течение десяти лет. Счастье изменило ему лишь после того, как он дерзнул выступить против Рима. В 203 г. до Р.Х. он возобновил войну в Сирии против Египта. В битве при истоках Иордана в 198 г. до Р.Х. Антиох разгромил египетскую армию под командованием этолийца Скопаса и затем овладел всей Сирией и Иудеей (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 3;3).

Зиму Антиох провел в Анти-охии, причем зима прошла у него не менее напряженно, чем лето: он собрал всю боевую мощь своего царства, подготовил к войне неисчислимые силы, как сухопутные, так и морские, и с наступлением весны 197 г. до Р.Х. выслал вперед себя сухим путем сыновей, а сам двинулся во главе флота из ста крытых и двухсот более легких судов. Целью его похода на этот раз были прибрежные города Киликии, Ликии и Карики, находившиеся под властью Птолемея. В короткое время Антиох без труда овладел всем киликийским побережьем и остановился на зимовку в Эфесе. В 196 г. до Р.Х. он разослал войска для осады Смирны и Лампсака, а сам переправился на европейский берег Геллеспонта у херсонесского города Мадита. Сест и все остальные херсонесские города сдались царю без боя. Оттуда Антиох со всеми своими морскими и сухопутными силами двинулся к Лисимахии. Он нашел ее обезлюдевшей и почти целиком лежащей в развалинах - за несколько лет до этого ее захватили, разграбили и подожгли фракийцы. Антиохом овладело желание возродить этот знаменитый и удобно расположенный город. Итак, он взялся за все сразу: начал восстанавливать дома и стены, выкупать из рабства лисимахийцев, приглашать и собирать других, рассеявшихся по Геллеспонту и Херсонесу, а также набирать новых поселенцев, привлекая их надеждой на всяческие блага и вообще всеми способами увеличивая население города. Вместе с тем, дабы избавить людей от страха перед фракийцами, царь с половиною сухопутных сил выступил для опустошения ближайших областей Фракии (Ливий: 33; 19, 20, 38).

За этими делами застали Анти-оха римские послы. Вначале частные свидания между царем и римлянами отличались простотой и радушием; но отношения изменились, когда вслед за тем состоялось общее решающее совещание. Дело в том, что послы потребовали от Антиоха, чтобы он очистил все азиатские города, раньше подвластные египетскому царю Птолемею, а теперь им завоеванные; с особенной настойчивостью они требовали очищения азиатских городов, ранее принадлежавших Филиппу Македонскому. Смешно, в самом деле, говорили послы, что Антиох явился после войны, которую вели римляне против Филиппа, и присвоил себе плоды победы. В заключение они сказали, что не понимают, с какими целями царь совершил переправу в Европу во главе столь многочисленных морских и сухопутных сил. Сообразительному человеку остается единственная догадка, что царь собирается напасть на римлян.

Антиох возразил, что, во-первых, ему неизвестно, на чем основываются притязания римлян на города Азии, ибо ему кажется, что римляне имеют на них меньше прав, нежели всякий другой народ. Во-вторых, он просил римлян не вмешиваться вовсе в дела Азии, как он нисколько не занимается делами Италии. В Европу он переправился с военными силами затем, чтобы возвратить себе обладание Херсонесом и городами Фракийского побережья; ибо господство над этими странами приличествует ему более, чем кому-либо иному. Первоначально власть здесь принадлежала Лисимаху, потом все царство Лисимаха по праву войны сделалось достоянием Селевка. В последующие времена, когда предки Антиоха были отвлечены другими делами, владения эти отторгнул и присвоил себе сначала Птолемей, потом Филипп, и теперь он не ищет завоевания, пользуясь невзгодами Филиппа, а только восстанавливает прежнее владение, опираясь на свое право (Полибий: 18; 50).

Таким образом, обе стороны не достигли соглашения и расстались недовольные друг другом. Весной 195 г. до Р.Х. Антиох отправился в Эфес. Здесь догнал его Ганибал, бежавший из своего родного Карфагена. Антиох в это время находился в тягостном сомнении и никак не мог решить - начинать ему войну с Римом или нет. Прибытие Ганибала сыграло немалую роль в принятии им окончательного решения (Ливий: 33; 41, 49).

Антиох прежде собирался напасть на Грецию и оттуда уже открыть боевые действия против римлян. Когда он познакомил с этими планами Ганибала, тот отвечал, что Греция, давно истерзанная, является легкой добычей для его завоевательных планов. Но Антиох никогда не сломит сил римлян в Греции, так как у них будет в изобилии местное продовольствие и достаточное снабжение. Поэтому Ганибал советовал Антиоху захватить какую-либо часть Италии и, двигаясь оттуда, воевать с римлянами так, чтобы их положение и внутри страны и вне ее стало более шатким. «Я имею опыт войны с Италией, - сказал он, - и с десятью тысячами людей могу захватить в ней удобные места и послать в Карфаген к друзьям с поручением

поднять народ». Антиох с удовольствием выслушал эти слова, считая, что приобрести себе помощь для войны в лице Карфагена - дело большое (Аппиан: 11; 6, 7).

В начале 193 г. до Р.Х. Антиох прибыл в Эфес. Своего сына Антиоха он отправил в Сирию стеречь окраины государства, чтобы никто не напал с тыла, воспользовавшись его отсутствием, а сам с наступлением весны двинул все сухопутные силы против писидийцев, живущих вокруг Сиды (Ливий: 35; 13). В это время в Азию явилось римское посольство, которое царь принимал в Эфесе. Переговоры шли в прежнем ключе: обе стороны говорили о своем дружелюбии, но при этом ясно давали понять, что не потерпят усиления друг друга. Римляне часто виделись с Ганибалом и много разговаривали с ним. Они действовали так, желая, чтобы Ганибал стал подозрительным для царя. И действительно, Антиох, узнав об этом, стал относиться к Ганибалу подозрительно и с этого времени перестал так искренне верить ему. Тогда же к Антиоху прибыли послы этолийцев, во главе которых стоял Тоас. В предыдущей войне, которую римляне вели против македонского царя Филиппа V, этолийцы воевали на стороне римлян. Но очень скоро они поняли, что, освободившись от македонцев, Эллада только поменяла старых господ на новых. После многих пререканий и столкновений с римлянами, этолийцы сделались их первыми врагами и теперь планомерно раздували пламя войны, стараясь привлечь к союзу обеих царей - Антиоха и Филиппа. Послы объявили Антиоха полномочным военачальником этолийцев и пригласили в Грецию. Они не позволяли ему ждать войска, возвращавшиеся из Центральной Азии, но, превознося силы этолийцев, заявляли, что и лакедемоняне, и Филипп Македонский, полный гнева на римлян, будут их союзниками. Они торопили его с переходом, и Антиох очень легкомысленно воспылал решимостью, и даже полученное им известие о смерти сына в Сирии не приостановило его стремительности (Аппиан: 11; 9, 12).

Осенью 192 г. до Р.Х. Антиох выступил в поход, имея сорок крытых кораблей и шестьдесят беспалубных. За ним следовало двести грузовых кораблей со всякого рода припасами и прочим снаряжением для войны. Благополучно переправившись через море, Антиох высадился во Фтиотиде, где в Птелее его встретила многочисленная толпа магнессийцев из Деметриады, недавно отпавшей от союза с Римом. С Антиохом было 10 000 пехоты, 500 всадников и шесть слонов.

Посоветовавшись с этолийцами, Антиох, прежде всего, обратил свои силы против Халкиды. Понуждаемые его угрозами, халкидяне открыли перед ним ворота. После сдачи главного города, прочие города Эвбеи не осмелились оказать царю в повиновении, и еще до начала зимы весь остров покорился Антиоху. В одном из сражений сирийцы разгромили римский отряд в 500 человек, и это послужило поводом со стороны Рима для объявления войны (Ливий: 35; 43, 50).

После первых побед царь стал совещаться о том, куда теперь ему обратиться. Ганибал вновь заговорил об экспедиции в Италию, но это предложение не прошло. После того как беотийцы добровольно примкнули к Антиоху, решено было выступить в Фессалию. Сам Антиох отправился к Ларисе, а союзникам было приказано собираться у Фер. Ферейцы поначалу хотели сохранить верность Риму, но после начала осады быстро пришли в уныние и сдались. Их примеру последовали жители Скотусы и некоторых других окрестных городов. Вслед за тем наступила очередь Ларисы, но едва Антиох начал ее осаду, явился римский отряд во главе с Аппием Клавдием. Не зная о численности римского войска (которое на самом деле было очень небольшим), царь поспешно отступил к Деметриаде, а союзников распустил по домам.

Из Деметриады Антиох уехал в Халкиду и там влюбился в халкид-скую девушку, дочь Клеоптолема. Сначала он слал к ее отцу сватов, а потом и сам стал являться к нему, надоедая открытыми домогательствами, при том, что отец не хотел связываться с человеком неизмеримо высшего звания. Добившись, в конце концов, своего, Антиох отпраздновал свадьбу, словно в мирное время. На остаток зимы царь забыл о своих великих замыслах: и о войне с Римом, и об освобождении Греции. Не заботясь более ни о чем, он проводил время в попойках и утехах, сопутствующих вину, а также во сне, настигавшем его скорей от усталости, нежели от пресыщения. Та же изнеженность охватила и всех царских военачальников, стоявших на зимних квартирах повсюду, но главным образом в Беотии. В конце концов, в праздность впали

и войны: никто из них не брал в руки оружие, не выходил на заставы или в караулы и вообще не делал ничего, что предписывают воинские обязанности и долг.

Когда пришла весна, Антиох вторгся в Акарнанию и, действуя то хитростью, то угрозами, легко подчинил своей власти все племя, но не смог овладеть Левкадой - главным городом страны. Услышав о приближении римского флота, царь опять поспешно отошел к Халкиде. Римляне возвратили себе Фарсал, Скотусу и Феры, пленив при этом до трех тысяч сирийцев. Увидев, как оборачиваются события, Антиох рассердился на этолийцев за то, что те пустыми обещаниями вовлекли его в авантюрную войну. К Ганибалу же он опять вернул свое расположение. Но было уже поздно прибегать к советам карфагенского полководца - надо было готовиться к решительной битве с римлянами. Антиох стал отовсюду стягивать в Ламию войска. Своих солдат у него было около 10 000; союзников же явилось намного меньше, чем ожидали.

С этими силами Антиох выступил к Фермопилам. Узкий проход между горами (единственное место, где можно было пройти) он велел перегородить двойным валом и рвом, а где нужно - еще и стеной. Этолийцам он велел занять вершины соседних гор и стеречь тропу, по которой некогда персы зашли в тыл воинам Леонида. Когда началось сражение, римляне, наступая плотным строем, оттеснили сирийцев к самым укреплениям, но здесь принуждены были остановиться. Расположившаяся на валах сирийская фаланга поражала сверху легионеров своими длинными копьями, и не было никакой возможности сбросить ее оттуда. Консул Ацилий уже готов был начать отступление, но тут на холме, который господствовал над сирийским лагерем, внезапно появились римляне, возглавляемые легатом Марком Катонем. Этот отряд еще до начала сражения Ацилий послал в обход позиций Антиоха. На рассвете Катон внезапно напал на спавших этолийцев, сбросил их с горы и большую часть перебил. При виде римлян в своем тылу, сирийцы в страхе побросали оружие и обратились в бегство (Ливий: 36; 8-12, 14-16, 18). Антиох, раненный камнем в лицо, с выбитыми зубами, страдая от нестерпимой боли, тоже обратился в бегство. Ни один отряд не попытался сдержать натиск римлян. Хотя для бегства не было никаких возможностей - ни дорог, ни троп, хотя глубокие болота и острые камни ждали тех, кто упадет или сорвется, все густым потоком хлынули через теснины и, страшась ударов вражеского меча, сами губили друг друга (Плутарх: «Катон»; 14). Римляне упорно преследовали врага, перебив и взяв пленными около 10 000 человек.

Антиох добрался до Халкиды, имея при себе не более 500 воинов.

Из Халкиды он немедленно отплыл на Теос, а оттуда в Эфес.

Переправившись через Геллеспонт, Антиох считал, что благополучно избежал опасности. Эту уверенность поддерживала в нем и большая часть его друзей. Но Ганибал, лучше знавший упорство римлян и их обычай вести войну до полного разгрома противника, твердил, что царю надо ждать римлян в Азии и готовиться к продолжению войны, которая только теперь и началась. Встревоженный Антиох приказал собирать боевые корабли, а сам переправился вновь на Херсонес, чтобы укрепить там гарнизон (Ливий: 36; 18-21, 41). Он привел Сест и Абидос в боевую готовность, а Лисимахию превратил базу для припасов и снаряжения. Сюда свезли в большом количестве оружие и запасы хлеба (Ап-пиан: 11; 21).

К весне 190 г. до Р.Х. Антиох собрал новую большую армию и выступил по направлению к Лерга-му, так как тамошний царь Эвмен II оказал римлянам большие услуги и вообще показал себя заклятым врагом Антиоха. Наибольший страх в новом царском войске наводили 4000 галльских наемников. Опустошив окрестности города, царь переправился в богатые адрамиттейские земли, где его воины тоже захватили богатую добычу. Сам Адрамиттей устоял, но несколько небольших городов были взяты сирийцами. Возвратившись после этого похода в Сарды, царь решил отправиться к Колофону, подступил к городу и начал осадные работы. Но тут пришло известие о разгроме сирийского флота у Мионнеса (Ливий: 37; 18-21, 26).

Новость эта сильно поразила Антиоха. Будучи от природы человеком легкомысленным, с быстро меняющимся настроением, он совсем пал духом, считая, что против него действует злой рок. Поэтому он не только отступил от Колофона, но и приказал своим войскам покинуть Херсонес. Сирийцы ушли из Лисимахии прежде, чем успели встретиться лицом к лицу с неприятелем. Огромные запасы хлеба, оружия, деньги, машины - все было брошено там и в полной неприкосновенности досталось римлянам. Антиох не обратил никакого внимания и на

жителей Лисимахии, сбегавшихся к нему с женами и детьми и с плачем заклинавших его не бросать их. Царь думал в этот момент только о том, как не допустить переправы римлян через Геллеспонт. Но, добравшись до Абидоса, он, словно пораженный божеством, и здесь ничего не сделал и поспешил уйти в глубь страны, не оставив на переправе никакой охраны.

Едва консул Сципион узнал об отступлении Антиоха, он стремительно занял Лисимахию, а затем так же спешно перешел через Геллеспонт. Он успел оказаться в Азии, раньше, чем это стало известно Антиоху (Аппиан: 11; 28-29). Но как только царь услышал о переправе неприятеля в Азию, он пришел в крайнее смущение, упал духом и решил отправить посольство к Сципиону для переговоров о мире. Выбрал он для этого византийца Гераклида, которому и поручил объявить римлянам, что уступает им города Лампсак, Смирну и Александрию, из-за которых и начата была война, равно и все другие города в Эолиде и Ионии, какие в настоящей войне держали сторону римлян, если римлянам желательно получить их. К этому Антиох добавил, что согласен покрыть половину военных расходов римлян (Полибий: 21; 13). Сципион отвечал на это предложение так: если Антиох нуждается в мире, то он должен отказаться не только от ионийских и этолийских городов, но и от всей области по эту сторону Тавра; кроме того, он должен оплатить все расходы по этой войне, происшедшей из-за него (Аппиан: 11; 29). Таких условий Антиох, разумеется, не мог принять. Всякое упоминание о мире было оставлено, и царь всецело сосредоточился на подготовке к войне (Ливий: 37; 36).

Решительная битва между противниками произошла в том же году неподалеку от города Магнезии. Еще ночью, перед рассветом, военачальники вывели свои войска и расположили их следующим образом. У Сципиона левое крыло занимали 10 000 римских тяжеловооруженных, у самой реки Фригий. За ними шли другие 10 000 италийцев; все они стояли в три ряда в глубину. Рядом с италийцами стояло войско пергамского царя Эвмена и 3000 легковооруженных ахейцев. Так было выстроено левое крыло; на правом же стояли всадники: римские, италийские и Эвмена - всего тоже не более 3000. К ним были присоединены в большом количестве легковооруженные и стрелки. Всего римлян было около 30 000 (четыре легиона). Что касается слонов, то консул, по совету легата Гнея Домиция, поставил их в тылу. У Антиоха все войско состояло из 70 000 человек; из них самая сильная часть была фаланга - 16 000 человек. Он поставил ее в центре, разделив на десять частей, причем по бокам каждого отряда размещались слоны. Вид фаланги представлял подобие стены, а слоны - башен. Что касается конницы, то Антиох разместил ее на флангах. Ударной силой здесь была тяжелая галльская конница и македонская гвардия. Но было много и легкой кавалерии, набранной из разных народов. Все свои надежды Антиох возлагал именно на конницу, которую он густыми рядами поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, поставил скученно, глубокими рядами и на небольшом пространстве. У него было большое количество легкой пехоты: пращников и лучников. Колесницы с косами были поставлены между двумя войсками, чтобы начать бой по фронту. После первого же столкновения им было приказано уходить назад. Сам Антиох командовал конницей на правом фланге, на левом фланге находился его сын Селевк, а над фалангой начальствовал Филипп.

День битвы, в которой суждено было решиться судьбе Азии, выдался тусклый и туманный. Боевой порядок пропадал из поля зрения, и это послужило одной из причин поражения Антиоха. Битву, как и предполагалось, начала атака серпоносных колесниц на левый фланг римского строя, которым начальствовал пергамский царь Эвмен. Собрав вокруг себя всех пращников, стрелков и других легковооруженных, какие у него были, он приказал им налетать на колесницы и поражать коней вместо возниц. Расстроив и обратив в бегство колесницы, Эвмен повел в атаку конницу и с первого натиска опрокинул конницу врага, находившуюся против него.

На правом фланге дела римлян складывались не так удачно. Антиох рассеял стоящие против него когорты и начал преследовать бегущих. Таким образом, сирийская фаланга лишилась прикрытия с обоих флангов. Как уже говорилось, строй ее был очень незначительно вытянут в длину, и поэтому римляне, перейдя в наступление, легко окружили ее со всех сторон. Кружась вокруг сирийцев, нападавшие осыпали их дротиками и стрелами, причем каждый их удар достигал цели из-за большой скученности врага. Некоторое время фаланга, ошестинившаяся со всех сторон копьями, отражала атаки наступающих, но, наконец, слоны,

зажатые между пехотой и приведенные в ярость от множества ран, стали разворачиваться и нарушили строй. После этого отступление сирийцев превратилось в нестройное бегство. Между тем Антиох, преследуя бегущих, дошел до римского лагеря. Здесь свежие части римлян, оставленные для охраны укреплений, встали на его пути и остановили наступление сирийцев. Антиох повернул назад, полный гордости, так как не знал, что происходит на другом фланге, и считал, что одержал победу. Но, когда он увидел равнину, полную трупами его воинов, коней и слонов, увидел, что его лагерь уже взят штурмом, он осознал свое поражение и бежал без оглядки. Еще до полуночи Антиох прибыл в Сарды. Из Сард он дальше отправился в Апамею, а оттуда - в Сирию. Считается, что в битве при Магнесии царь потерял убитыми и пленными до 50 000 человек (Аппиан: 11; 31-36).

Из Сирии Антиох отправил к консулу лидийского сатрапа Зевк* сида для ведения мирных переговоров. Сципион отвечал, что требования римлян остались неизменными: они требуют, чтобы царь уступил их союзникам земли по эту сторону Тавра и выплатил 15 000 талантов контрибуции. Кроме того, Антиох должен был выдать своих советников, и в первую очередь Га-нибала. Все эти условия были приняты (Ливий: 37; 45).

В 187 г. до Р.Х. Антиох, обремененный тяжелой контрибуцией, взял с собой вооруженный отряд и ночью напал на храм Бела. Когда о грабеже стало известно, его со всем отрядом убили сбежавшиеся жители (Юстин: 32; 2).

АНТИОХ IV ЭПИФАН

Царь Сирии в 175-164 гг. до Р.Х. Сын Антиоха III.

После поражения в войне с римлянами Антиох III отправил своего младшего сына Антиоха заложником в Рим. Позже Селевк IV освободил Антиоха из Рима, отправив вместо него заложником своего сына. Когда Антиох находился еще в Греции, Селевк был убит по тайному умыслу неким Гелио-дором из числа придворных. Этого Гелиодора, хотевшего захватить власть, изгнали пергамские цари Эвмен и Аттал. Они возвели на престол Антиоха, желая быть его друзьями. Так Антиох получил власть над Сирией и прозвище «Эпифан» («со славой явленный»), потому что в глазах подданных он был законным государем той власти, которая была отнята у него чужими. Установив дружбу и союз с Эвменом, он твердо правил Сирией и племенами, лежащими около нее (Аппиан: 11; 45).

За свой образ жизни Антиох приобрел также и второе прозвище Эпимана (Безумного). И действительно, своей любовью ко всякого рода проделкам и чудачествам он приводил людей рассудительных в недоумение; одни видели в нем человека простодушного, другие - безумца. Иногда без ведома придворных он скрывался из дворца и бродил по городу на виду у всех в сопровождении одного-двух товарищей. Еще чаще можно было видеть его у серебряных и золотых дел мастеров: он болтал с резчиками и иными рабочими и расспрашивал их об их мастерстве. Потом он заводил знакомства и разговоры с первым встречным из простонародья и бражничал с беднейшими из чужеземцев. Бывало, прослышав, что где-нибудь собрались молодые люди на пирушку, он без всякого предупреждения являлся к ним в шумном обществе с чашей в руке и с музыкой; собравшиеся в смущении от такой неожиданности поднимались с мест и убегали. Нередко случалось, что он снимал с себя царское одеяние и в тоге соискателя на должность эдила или народного трибуна обходил рынок, пожимал руки одним, обнимал других, убеждая подавать голоса за него. По избрании на должность он, согласно обычаю римлян, садился в кресло из слоновой кости, выслушивал споры, какие происходили на рынке, и решал дела с большим вниманием и усердием.

Мыться Антиох ходил в народные бани, когда они бывали переполнены простонародьем, и всегда носил с собой кувшины с драгоценнейшими маслами. Однажды в бане кто-то сказал ему: «Хорошо вам, цари, что вы умащаете себя такими ароматными маслами». Антиох промолчал, но в другой раз подошел к тому человеку и велел вылить ему на голову наибольший кувшин превосходнейшего масла. Все купальщики при виде этого кинулись туда же, чтобы натереть себя маслом, но, смеясь, падали на скользком полу. Скользил и смеялся сам царь.

В щедрости своей Антиох также не знал меры. Часто при случайных встречах с людьми, которых раньше никогда не видел, он неожиданно предлагал подарки. А в жертвенных

приношениях городам или в способах чествования богов он превосходил всех царей (Полибий: 26; 1). Мегалополитанцам в Аркадии он пообещал окружить их город стеной и на большую ее часть дал денег; в Тегее решил построить великолепный мраморный театр; в Кизике в пританее - общественное здание, где на государственный счет кормятся удостоенные такой чести, - он обставил один стол золотой посудой. О его щедрости к богам свидетельствует храм Зевса Олимпийского в Афинах, хоть и не достроенный, но считающийся единственным на земле достойным этого бога; и Делос он разукрасил замечательными алтарями и множеством изваяний, и в Антиохии возвел великолепный храм Зевса Капитолийского, не только с наборным вызолоченным потолком, но и со стенами, сплошь обитыми золочеными листами. Он обещал и многое другое во многих местах и не выполнил своих обещаний только из-за краткости царствования. Также и пышностью зрелищ всякого рода он превзошел всех прежних царей; иные устраивались по греческим обычаям и со множеством греческих искусников, но гладиаторские битвы стал он устраивать по римскому образцу и добился того, что это зрелище стало обычным и приятным (Ливий: 41; 20).

В 170 г. до Р.Х. Антиох узнал, что египетский царь Птолемей VI вынашивает планы начать с ним войну из-за Келесирии (Полибий: 27; 19). Тогда Антиох сам решил предпринять поход на Египет и, прежде всего, вторгся в подвластную египтянам Иудею. Приверженцы Антиоха открыли перед ним ворота Иерусалима. Перебив здесь множество своих противников и награбив значительное количество денег, царь пошел дальше (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 5; 3). Птолемея Антиох одолел в морском сражении возле Пелусия, затем спешно навел мост через Нил и переправился по нему со всем войском (Ливий: 44; 19). В Александрии после этого произошло восстание. Птолемей VI бежал, а царство принял его брат Птолемей VII (Павсаний: 1; 9; 2). Антиох объявил себя защитником интересов старшего брата и при посредстве родосцев помирился с ним (Полибий: 28; 23). Оставив тщетные попытки одолеть стены Александрии, сирийцы покорили весь Египет. В Мемфисе Антиох посадил царем Птолемея Старшего и затем ушел с войском в Сирию. Пелусий он, однако, оставил за собой, и таким образом мог вторгнуться в Египет в любой момент (169 г. до Р.Х.).

Братья немедленно завязали между собой переговоры и вскоре заключили мир. Старший Птолемей вновь водворился в Александрии, а к Антиоху отправил посольство с изъявлением благодарности за возвращение отцовского царства и мольбою блюсти этот дар. Если до этого Антиох оправдывал свои действия сначала тем, что вынужден защищаться, а потом тем, что отстаивает интересы законного царя, то теперь он отбросил всякое притворство и показал, к чему стремился на самом деле. Он отправил флот к Кипру, а сам пошел на Египет и к весне 168 г. до Р.Х. был с войском в Келесирии. Египетским послам он отвечал, что флот и войско отведет не иначе, как в обмен на Кипр, Пелусий и земли вокруг Пелусийского устья Нила.

Вслед за тем он во второй раз вторгся в Египет и был принят жителями Мемфиса, а также прочими египтянами, одними добровольно, а другими из страха. В четырех милях от Александрии он переправился через Нил и тут встретил римское посольство, возглавляемое Гаем Попилием. Антиох приветствовал послов и протянул было руку Попилию, которого хорошо знал еще со времен своего заложничества в Риме, но тот руки ему не подал, а вручил дощечки с сенатским постановлением (Ливий: 45; 11-12). Постановление гласило: «Антиох не должен воевать с Птолемеями». Когда царь прочел приказ и сказал, что подумает, Попилий жезлом очертил вокруг него круг и сказал: «Думай здесь» (Аппиан: 11; 66). Опешив от такого насилия, Антиох замешкался было с ответом, но ненадолго, и сказал: «Что сочли за благо в сенате, то я и сделаю». Лишь после этого Попилий подал ему руку как союзнику и другу. Таким образом, страна была спасена от неминуемого порабощения. Антиох же в назначенный день покинул пределы Египта и Кипра (Ливий: 45; 12). Но он сохранил за собой Келесирию и Иудею.

На обратном пути Антиох опять подступил к Иерусалиму и обманом овладел городом, выдав свой приход за совершенно мирный. Но на этот раз он не пощадил ни тех, кто его впустил за стены, ни самого города. Храм он ограбил совершенно, не оставив даже священной утвари, равным образом опустошил и тайную сокровищницу. Затем он разграбил город, причем часть жителей перебил, других же вместе с женами и детьми взял в плен, так что более 10 000 человек стали рабами. Лучшие здания города он предал пламени и, срыв городские стены,

укрепил находившийся в нижней части города холм. Наконец, поставив на месте, где происходили жертвоприношения, алтарь, Антиох заклал на нем свинью, то есть совершил с точки зрения иудеев ужасное святотатство.

Вместе с тем он принудил их отказаться от почитания своего Бога и навязал им его собственных богов, которым иудеи должны были в каждом городе и в каждом селении посвящать рощи и воздвигать алтари; на последних, по его приказанию, они обязаны были ежедневно приносить в жертву свиней. При этом царь запретил также иудеям совершать обряд обрезания над мальчиками и грозил наказанием всякому, кто решился бы ослушаться этого запрещения (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 5; 4). Иудеи ответили на эти притеснения мощным восстанием, во главе которого поначалу стал священник Маттафия, а затем его сыновья Симон и Иуда Маккавей (в 167 г. до Р.Х.). В нескольких сражениях они разгромили полководцев Антиоха, а затем захватили Иерусалим (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 6- 7).

Антиох между тем устроил в 165 г. до Р.Х. в Дафне великолепное празднество, на котором с безумной роскошью ублажал множество гостей. Распорядителем на празднестве был сам царь, державший себя униженно и непристойно. Во время торжественной процессии он скакал на плохой лошади вдоль колонн, одних подгонял, других сдерживал. Во время пира он сам стоял у входа, пропуская гостей и рассаживая их по местам, а потом ходил от одного стола к другому, присаживаясь то к одним, то к другим, принимал здравницы и перекидывался шутками. Когда же пиршество подходило к концу, скоморохи внесли царя, закутанного с головы до ног, и положили на землю. При звуках музыки он вскочил нагишом и стал отплясывать смешные и непристойные танцы (Полибий: 31; 4).

Истратив на все это огромные деньги, Антиох стал стягивать войска для похода на Иудею, но тут оказалось, что у него нет денег на жалование воинам. Поручив пока ведение войны своим полководцам, царь отправился в Персию собирать подати. В Элимаиде он узнал про богатый храм, полный всевозможных жертвенных даров, и решил ограбить его. Но жители города не испугались ни его нападения, ни его осады, а напротив, оказали упорное сопротивление. Сделав вылазку, они даже нанесли сирийцам серьезное поражение и вынудили Антиоха отступить к Вавилону. Здесь царь впал в сильнейшее умственное расстройство, а затем и в тяжелую болезнь. Короткое время спустя Антиох скончался (в 163 г. до Р.Х.) (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 9; 1).

АНТИОХ V ЕВПАТОР

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 163-162 гг. до Р.Х. Сын Антиоха IV.

Антиоху было девять лет, когда внезапно умер его отец. Воспитателем и опекуном при нем остался Лисий, хотя сам Антиох перед смертью доверил управление царством другому своему другу, Филиппу (Аппиан: 11; 46-47).

Собрав стотысячное войско, Лисий вместе с Антиохом выступил против Иудеи, отложившейся незадолго до смерти Антиоха IV. Иудейский полководец Иуда Маккавей встретил царские войска в ущелье Веозахарии, но после упорного боя вынужден был отступить к Иерусалиму. Антиох начал осаду города. Вскоре пришло известие, что упомянутый выше Филипп собирает войска в Персии. Чтобы не получить на руки вторую войну, царь и Лисий сочли за лучшее помириться с иудеями, вступив в переговоры с Маккавеем. Осажденным предложили мир с предоставлением права жить по собственным законам. Иудеи отнеслись к этому предложению сочувственно, и мир был заключен. Потом Антиох вступил в храм, но, увидя его сильно укрепленным, нарушил свою клятву и приказал разрушить его стены до основания. После этого он вернулся в Антиохию, выступил против Филиппа, разбил его и казнил (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 9; 4-6).

Но вскоре после этого из Рима бежал двоюродный брат Антиоха Деметрий, сын Селевка IV. Он легко овладел тремя главными сирийскими городами и провозгласил себя царем. Затем он окружил себя наемным войском и вошел в столицу, причем все приняли его весьма охотно и добровольно сдались ему. Войска схватили царя Антиоха и Лисия и доставили к нему. По приказу Деметрия они были немедленно подвергнуты смертной казни (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 10; 1).

АНТИОХ VI ЭПИФАН

Царь Сирии в 141-140 гг. до Р.Х. Сын Александра Балсы и Клеопатры Теи, дочери Птолемея VI Филометра.

После того как Александр Бал-са погиб в борьбе с Деметрием II, маленький Антиох укрывался в Аравии. Один из прежних полководцев Александра, Диодот, прозванный Трифоном, привез его в Сирию и провозгласил царем (в 145 г. до Р.Х.). Сирийцы, ненавидевшие Деметрия, стали стекаться под знамена Антиоха, и вскоре все войско перешло на его сторону. Разбитый в сражении Деметрий бежал в Вавилонию и там попал в плен к парфянам (в 140 г. до Р.Х.). Лишь только Трифон узнал о судьбе Деметрия, он стал злоумышлять против Антиоха, решив убить его и самому овладеть царством (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 5-6). Трифон подкупил врачей, которые объявили народу, будто мальчик страдает каменной болезнью, стали делать операцию и зарезали его (Ливий: 55). Трифон же был провозглашен царем.

АНТИОХ VII СИДЕТ

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 138 - 129 гг. до Р.Х. Сын Деметрия I

Когда брат Антиоха, Деметрий II, попал в плен к парфянам и власть в Сирии захватил Трифон, Антиох находился на Родосе (Аппиан: 11; 68). Он отправился на родину и долго без успеха скитался по стране, так как ни один город не принимал его к себе из страха перед Трифоном. Узнав об этом, Клеопатра, жена его брата, находившаяся в Селевкии, предложила Антиоху жениться на ней и таким образом получить Сирийское царство.

Прибыв в Селевкию и видя, что его положение со дня на день упрочняется, Антиох начал войну с Трифоном, победил его и прогнал из Верхней Сирии в Финикию. Он преследовал его до пределов последней и осадил в Доре. Отсюда Трифон бежал в Апамену и был там захвачен в плен во время осады и убит (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 7; 1, 2).

Антиох все время помнил, что его отца ненавидели за высокомерие, а брата презирали за бездеятельность. Чтобы не впасть в те же пороки, он с большим упорством стал добиваться присоединения тех государств, которые отпали в начале правления Деметрия (Юстин: 36; 1). В 132 г. до Р.Х. он вторгся в мятежную Иудею. Опустошив и разграбив всю страну, Антиох запер первосвященника Гиркана в Иерусалиме. Город был обнесен мощными укреплениями и считался неприступным, но царь так стеснил его защитников осадой, что падение его казалось неминуемым. Между тем наступил праздник кущей, и Антиох послал первосвященнику драгоценные жертвенные дары, а войску устроил угощение. Это уважение Антиоха к обычаям иудеев произвело на осажденных большое впечатление. Гиркан завязал с царем переговоры об условиях сдачи. Антиох потребовал выдать все оружие, возобновить выплату дани, дать заложников, уплатить 500 талантов серебра и срыть укрепления. Когда все условия были приняты, Антиох удалился от Иерусалима (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 8; 2, 3).

Потом, услышав, что парфяне готовятся к войне против него, Антиох решил предупредить их и сам начал военные действия. Он повел на парфян войско, закаленное в частых войнах с соседями. В этом войске всяких предметов роскоши было не меньше, чем военного снаряжения, ибо 80 000 вооруженных сопровождали 200 000 всякого рода обозных служителей, среди которых было очень много поваров, хлебопеков, актеров. Золота и серебра имелось столько, что даже рядовые солдаты подбивали свою обувь золотыми гвоздями. По мере того как Антиох шел вперед, к нему навстречу выходили восточные цари и переходили на его сторону со своими царствами из-за ненависти к парфянам и из-за их высокомерия. Скоро начались и военные столкновения. Победив в трех сражениях, Антиох занял Вавилон (130 г. до Р.Х.) и стал именоваться Великим. Тогда царь Фараат послал в Сирию брата Антиоха, Деметрия II, который уже более десяти лет находился в парфянском плену, чтобы тот захватил царскую власть и этим отвлек Антиоха от Парфии.

Вследствие многочисленности своего войска Антиох разместил его по разным городам.

Это обстоятельство и стало причиной его гибели. Когда города увидели, что их отягощают повинностями на войско, и испытали на себе насилия со стороны солдат, они перешли на сторону парфянов. В заранее условленный день жители городов напали на расквартированные отряды, и притом напали одновременно, чтобы эти отряды не могли прийти друг другу на помощь. Когда об этом донесли Антиоху, он выступил с тем отрядом, который зимовал вместе с ним, чтобы подать помощь гарнизонам, расквартированным поблизости. Во время пути он столкнулся с парфянским царем. Сам Антиох сражался храбрее, чем его войско, но был покинут своими и пал (129 г. до Р.Х.). Фараат почтил его царственными похоронами (Юстин: 38; 10).

АНТИОХ VIII ГРИП

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 125-96 гг. до Р.Х. Род.141 г. до Р.Х. Умер 96 г. до Р.Х. Сын Деметрия II и Клеопатры Теи.

Свое прозвище Антиох получил из-за огромного носа. Юность его прошла в Афинах, куда он был отослан матерью для получения образования (Аппиан: 11; 68). После того как отец Антиоха погиб в борьбе с Александром II Забиной, он вместе с матерью Клеопатрой Теей и братом Селевком укрылся в Птолемаиде (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 9; 3). Селевк, который тотчас же после своего отца надел на себя царскую диадему, был убит матерью, устроившей против него заговор (Аппиан: 11; 69). Клеопатра возвела на престол Антиоха, но так, что он был царем только по имени, а вся власть принадлежала матери. Антиох начал войну против Александра, но победы смог добиться лишь тогда, когда египетский царь Птолемей VII послал ему в помощь войска. Вместе с тем он дал ему в жены свою дочь Трифену, чтобы побудить народ оказать помощь своему племяннику не только в силу военного союза, но и в силу родственных связей. Эти старания не остались тщетны. Когда все увидели, что Антиох получает поддержку войсками из Египта, от Александра стали мало-помалу отпадать его подданные. Наконец между ними произошел бой. В 123 г. до Р.Х. Александр был разбит и вскоре погиб.

После того как Антиох вернул себе отцовское царство и избавился от внешних врагов, против него стала строить козни его мать, которая считала, что победа ее сына умалила ее достоинство. Однажды, когда Антиох возвратился с воинского учения, она поднесла ему кубок с ядом. Но Антиох, предупрежденный о коварных замыслах Клеопатры, якобы из уважения к ней стал убеждать ее выпить этот кубок. Она отказалась это сделать, но он стал настаивать. Наконец, вызвав доносчика на очную ставку, он обвинил ее в покушении на отравление и сказал, что она может только одним способом защитить себя от обвинения, а именно - выпить то, что она поднесла сыну. Так царица погибла от яда, приготовленного ею для другого (121 г. до Р.Х.). Таким образом в государстве восстановилось спокойствие. В течение семи лет Антиох и сам жил спокойно и государству своему дал покой. Но затем появился другой претендент на царскую власть, брат Антиоха - Антиох IX Кизикен, рожденный от той же матери, но зачатый ею от дяди Грипа Антиоха VII. Грип попытался избавиться от соперника посредством яда, но этим только побудил Кизикена немедленно начать с братом вооруженную борьбу за власть. Последствия ее были самыми губительными для Сирийского царства.

Сначала Грипу сопутствовал успех, и он, разбив брата в сражении, начал осаду Антиохии, в которой находилась жена Кизикена Клеопатра. После взятия Антиохии, Трифена, жена Грипа, приказала умертвить Клеопатру, несмотря на то, что та была ее родной сестрой. Убийцы, окружив Клеопатру в храме, не могли ее оттащить от статуи богини и принуждены были отрубить ей обе руки, после чего Клеопатра скончалась.

Но немного спустя, в 113 г. до Р.Х., произошло еще одно сражение. На этот раз Кизикен одержал победу и, захватив в плен Трифену, велел принести ее в жертву манам своей жены. Он удержал за собой Келесирию и Финикию, а Грипу досталась остальная Сирия (Юстин: 39; 1-3).

Пользуясь бессилием сирийских царей, иудейские первосвященники постепенно прибирали к рукам окрестные земли. Когда они осадили Самарию, Антиох попробовал вторгнуться в пределы Иудеи с шеститысячным войском, но попал в засаду и, потеряв большую часть своих солдат, отступил. Первосвященник Гиркан взял Самарию и разрушил ее до

основания (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 10; 2, 3).

В 96 г. до Р.Х. Антиох был убит неким Гераклеоном (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 13; 4).

АНТИОХ IX КИЗИКЕН

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший совместно со своим братом Антиохом VIII в 115-95 гг. до Р.Х. Сын Антиоха VII Сидета и Клеопатры Теи.

Свое прозвище Антиох получил от города Кизика, куда он был отправлен на воспитание матерью (Аппиан: 11; 68). Вскоре после того, как его мать погибла, Антиох стал оспаривать права своего старшего брата Антиоха Грива, захватившего престол. Грив хотел избавиться от соперника с помощью яда, но этим только побудил Кизикена немедленно начать с ним вооруженную борьбу. Союзника Кизикен нашел в лице египетской царицы Клеопатры III, которая выдала за него замуж свою дочь Клеопатру IV. В качестве приданого Клеопатра принесла Кизикену египетские войска, расположенные на Кипре. Сравнившись силами с братом, Кизикен завязал с ним сражение, но был побежден и бежал. Грив захватил Антиохию и пленил Клеопатру. Вскоре та была убита по приказу Трифены, жены Грива. Затем, в 113 г. до Р.Х., произошло еще одно сражение, в котором Кизикен одержал победу и захватил в плен Трифену, жену брата. Антиох велел принести ее в жертву манам своей жены. После этой победы к нему перешли Келесирия и Финикия, где он и стал править. Союз его с египетской царицей сохранился и в дальнейшем; чтобы скрепить его еще более, Клеопатра выдала за Антиоха другую свою дочь Селену (Юстин: 39; 2-3, 4).

Пользуясь раздорами в семье Селевкидов, иудейские первосвященники постепенно прибрали к рукам окрестные земли. Когда Антиох попытался помочь осажденной иудеями Самарии, он потерпел поражение (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 10; 2).

В 95 г. до Р.Х., через год после смерти своего брата, Антиох был разбит сыном последнего Селевком V, попал в плен и был казнен (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 13; 4).

АНТИОХ X БЛАГОЧЕСТИВЫЙ

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 95 - 83 гг. до Р.Х. Сын Антиоха IX и Клеопатры IV.

Антиох пошел войной на своего двоюродного брата Селевка V, победил его и сам сделался царем Сирии. Он также одержал победу над Антиохом, братом Селевка (Флавий: «Иудейские древности»; 13;

13; 4). Потом против него стал злоумышлять его родственник Селевк, но его спасла гетера, влюбленная в него за его красоту. Сирийцы считали, что Антиох спасся благодаря своему благочестию, и поэтому дали ему прозвище «Благочестивого». Возможно также, что это прозвище он получил в насмешку, так как женился на своей мачехе Селене. При Антиохе Сирийскому царству был нанесен новый сокрушительный удар: армянский царь Тигран захватил все земли по Евфрату и Киликию (Аппиан: 11; 48, 69).

В последующие годы Антиоху пришлось вести войну со своими двоюродными братьями Филиппом и Деметрием Эвкером. Он оказывал им геройское сопротивление, но затем погиб в битве с парфянами, оказывая поддержку самийской царице Лаодике (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 13; 4).

АНТИОХ XI ФИЛАДЕЛЬФ

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 94 г. до Р.Х. Сын Антиоха VIII Грива.

После смерти своего брата Селевка V, Антиох пошел войной на Антиоха X Благочестивого, но был побежден и погиб со всем войском (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 13; 4).

АНТИОХ XII ДИОНИС

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 87 - 84 гг. до Р.Х. Сын Антиоха VIII Грыпа.

В 87 г. до Р.Х. Антиох захватил Дамаск и провозгласил себя царем.

Три года спустя он двинулся походом против арабов. Сперва арабский царь Арет отступил, но затем внезапно вновь появился с десятью тысячами всадников. Выступив навстречу, Антиох вступил с ними в ожесточенный бой и погиб, оказывая помощь части войска, находившейся в опасности. После смерти царя бежали и его солдаты, а Арет захватил Дамаск и всю Келесирию (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 15; 1).

АНТИОХ XIII АЗИАТСКИЙ

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 69 - 64 гг. до Р.Х. Сын Антиоха X и Селены (Клеопатры V).

Антиох воспитывался в Азии и поэтому получил свое прозвище. В то время как римский полководец Лукулл преследовал понтийского царя Митридата, бежавшего к Тиг-рану, Антиох сумел проникнуть в Сирию, и сирийцы охотно приняли его царем. В дальнейшем Лукулл не отказывал Антиоху в праве владеть наследственным царством. Но сменивший его Помпей изгнал Антиоха из Сирийского царства, хотя тот и не совершал никакого проступка против римлян. Помпей сказал, что раз Селевкиды были изгнаны Тиграном, то Сирией по праву должны править римляне, победители Тиграна. Таким образом, Сирия была превращена в римскую провинцию (Аппиан: 11; 49, 70).

АНТИПАТР I

Царь Македонии в 294 г. до Р.Х. (Правил совместно с братом Александром V). Сын Кассандра.. Ж.: Эвридика, дочь Лисимаха.

Получив власть над своей частью Македонии, Антиох убил мать Фессалонику, хотя та и вымаливала у него жизнь и заклинала грудью, его выкормившей. Поводом к матереубийству послужило то, что после смерти Кассандра, при разделе царства между братьями, Фессалоника, как казалось, была более благосклонна к Александру. Преступление Антипатра показалось всем тем более тяжким, что не было никаких признаков вероломства со стороны матери (Юс-тин: 16; 1).

Вслед за тем Антипатр изгнал Александра и на короткое время объединил под своей властью всю страну, В управлении ему помогал Лйсимах, на дочери которого Антипатр был женат. Однако ненависть со стороны македонцев к матереубийце была так велика, что они толь'ко дожидались случая изменить ему. Александр призвал на помощь Пирра. Тот тотчас явился, захватил большую часть Македонии, отобрал у Антипатра его владения и вернул их Александру (Плутарх: «Пирр»; 6).

В 291 г. до Р.Х. Лисимах заключил мир с Деметрием и уступил ему ту часть Македонии, которая еще оставалась за Антипатром. После этого отношения Между тестем и зятем испортились. Антипатр обвинял Лисимаха в том, что вследствие его коварства он потерял македонский престол. Наконец, он стал строить против тестя козни, и в 288 г. до Р.Х. Лисимах вынужден был его казнить, а свою дочь Эв-ридику (жену Антипатра) заключить в тюрьму (Юстин: 16; 1-2).

АНТИПАТР II

Царь Македонии в 279 г. до Р.Х.

Антипатр был сыном Филиппа, младшего брата Кассандра. Он был провозглашен царем Македонии после смешения Мелеагра, но в том же году был свергнут Сосфеном (Дройзен: 3; 1; 3).

АНТОНИН ПИЙ, Тит Аврелий Фульвий Бойоний

Римский император из рода Антонинов, правивший в 138-161 гг. Род. 19 сент. 86 г. Умер 7 марта 161 г.

Антонин принадлежал к богатому и знатному роду Аврелиев, происходившему из города Немауз Трансальпийской Галлии. Предки его и со стороны отца, и со стороны матери были люди известные в Риме, не раз назначавшиеся на самые высокие должности. Отец был консулом, а дед - дважды консулом и префектом Рима. Детство Антонина прошло неподалеку от столицы на вилле его деда Лории. С ранней юности он был очень богат, так как наследовал состояния и двоюродных братьев, и отчима. Кроме того, многие родственники, в награду за его благоговейную любовь, делали Антонина своим наследником. Он выделялся своей наружностью, славился добрым нравом, отличался благородством и милосердием, имел спокойное выражение лица, обладал необыкновенными дарованиями, блестящим красноречием, превосходно знал литературу, был трезв, прилежно занимался возделыванием полей, был мягким, щедрым, не посягал на чужое, - при всем этом у него было большое чувство меры и отсутствие всякого тщеславия. Прозвище свое «Благочестивый» он получил в награду от сената за то, что всегда проявлял милосердие и не совершил за всю жизнь ни одного жестокого поступка.

В должности квестора он проявил щедрость, пышно справил свое приорство, а консулом в первый раз стал в 120 г. Позже Адриан включил его в состав четырех консуларов, которым поручено было управлять Италией. В бытность частным человеком он жил большей частью вне города, но повсюду пользовался известностью. Наблюдая за Антонином в течение многих лет, Адриан в конце концов решил усыновить его и передать ему по завещанию свою власть. Он сделал это незадолго до смерти, в 138 г., объявив Антонина своим сотоварищем в проконсульской власти и трибунских полномочиях. После этого Антонин ничуть не изменил своего прежнего образа жизни, а когда жена стала упрекать его за то, что он проявил мало щедрости к своим, он сказал ей: «Глупая, после того как нас призвали к управлению империей, мы потеряли и то, что имели раньше». И действительно, в ознаменование своего усыновления он раздал народу и воинам огромные суммы, истратив на это почти все свое состояние.

К Адриану, пока тот был жив, Антонин относился с глубоким почтением, а после смерти, несмотря на противодействие сената, добился его обожествления. Для себя он отклонил все почести, кроме прозвания Пия. Высоту императорской власти он соединил с величайшей любезностью. Подчиненными ему народами он управлял с отеческой заботливостью, опекая всех и все, словно это была его собственность. Во время его правления все провинции процветали.

Образ жизни Антонина не вызывал нареканий; он был бережливым, но без скупости. Сделавшись принцепсом, он не внес никаких изменений в обиход своей частной жизни. Лишние предметы роскоши из императорского дворца и поместья он продал и жил в своих собственных усадьбах попеременно, сообразуясь с временем года. В отличие от своего предшественника он не предпринимал никаких поездок по провинциям и даже в Италии, кажется, не бывал нигде далее своих поместий в Кампании. Тем не менее он пользовался большим авторитетом, как у подданных, так и у соседних государей. Войны он вел только оборонительные и любил мир в такой степени, что часто повторял слова Сципиона, говорившего, что лучше сохранить жизнь одному гражданину, чем убить тысячу врагов.

Антонин любил искусства и науки, но особенно наслаждался рыбной ловлей и охотой, прогулками и беседой с друзьями. Почувствовав на семидесятом году приближение смерти, он перепоручил государство своему пасынку Марку Аврелию, после чего скончался в своем имении в Лории. Жизнь его была настолько беспорочна, а правление таким мягким, что Антонина сравнивали с Нумой Помпилием, легендарным царем-праведником (Капитолин: «Антонин Пий»; 1-2, 4, 7, 9, 12).

Македонский царь, правивший в VII в. до Р.Х. Внук Пердикки I (Геродот: 8; 139).

АРЕЙ I

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 309-265 гг. до Р.Х. Сын Лкротата, внук Клеомена II.

Дед Арея, Клеомен II, царствовал 61 год. У него было двое сыновей: Акротат и Клеоним. Ак-ротат умер раньше отца. После смерти Клеомена, в спор из-за царской власти вступили Арей и его дядя Клеоним. Геронты постановили, что в силу наследственных прав царская власть должна принадлежать Арею. Клеоним, отстраненный от царской власти, проникся великим гневом, и эфоры не смогли смягчить его души и примирить со Спартой ни дарами, ни тем, что они поставили его во главе войска (Павсаний: 3; 6; 2).

В 280 г. до Р.Х. в Греции началась война между наследниками диадохов - Птолемеем II Керавном, Антиохом I Сотером и Антигоном II Гонатом. Почти все греческие государства под предводительством спартанцев сочли эти обстоятельства благоприятными для попытки вновь вернуть свободу: они обменялись посольствами, заключили при их посредничестве союзные договоры. Прежде всего, эллины начали войну с союзниками Антигона Гоната - этолианами. Поводом к нападению они выставили то обстоятельство, что это-ляне силой захватили земли, расположенные вокруг Кирры, которые с общего согласия всей Греции были посвящены Аполлону.

Полководцем для этой войны избрали Арея, который, объединив все войска, стал грабить города и опустошать посеы, находившиеся в этой области. Этолийцы внезапно напали на врагов в то время, когда те рассеялись для грабежа, и перебили до 9000 человек. Позже спартанцы вновь затеяли войну, но уже не смогли собрать такого ополчения союзников. Многие города отказали им в помощи, опасаясь возрождения спартанского могущества (Юстин: 2; 4; 1).

А через восемь лет спартанцам пришлось думать уже о собственном спасении, так как Клеоним пригласил в Лакедемон эпирского царя Пирра (272 г. до Р.Х.). Когда началась война с эпиротами, Арея не было в Спарте, так как он отправился на Крит, чтобы оказать гортинцам помощь в войне. Но он вернулся с 2000 войска в самый критический момент. Спартанцы готовились к решительной битве, однако Пирр отвлечен был аргос-ской войной и попытался овладеть Арголидой. Арей поспешил вслед за ним с тысячьо критян и спартанцев и принял участие в том ночном сражении на улицах Аргоса, в котором неугомонный эпирский царь сложил свою голову (Плутарх: «Пирр», 27-28, 32).

В 267 г. до Р.Х. началась так называемая Хремонидова война, в которой египтяне вместе с лакедемонянами боролись против македонского царя Антигона II Гоната. В 265 году Антигон осадил Афины. Лакедемоняне, не взирая на опасность, старались оказать афинянам помощь, но Арей отвел назад свое войско под предлогом того, что у него вышло все продовольствие (Павсаний: 3; 6; 3). В том же году он погиб в битве под Коринфом (Плутарх: «Апис»; 3).

АРЕЙ II

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 262-254 гг. до Р.Х. Сын Акротата.

Арей родился уже после гибели своего отца. Опекун над ним взял Леонид, сын Клеонима, а когда Арей, не войдя в возраст, умер, царствование перешло к Леониду II (Плутарх: «Агис»; 3).

АРИСТОДЕМ

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов, правивший в 733-727 гг. до Р.Х.

В 738 г. до Р.Х., в разгар Первой Мессенской войны, мессеняне и их царь Эвфай решили отправить в Дельфы феора и воспросить бога о том, как им превозмочь судьбу и одолеть лакедемонян. Феор вернулся и сообщил следующий оракул:

Взявши деву чистую, Эпита крови
Жребий вам ее укажет, - в жертву ночью
Демонам ее подземным принесите.
Если ж жертва не совершится, кто другой пусть
Даст для жертвы добровольно дочь свою.

Согласно этому божьему указанию, тотчас все девушки, которые были из рода Эпитидов, были призваны вынуть жребий. Этот жребий Достался дочери Линиска, но Эпе-бол, истолкователь божьих вещаний, отвел его, так как она была его приемной дочерью.

Тогда Аристодем, принадлежавший к тому же роду Эпитидов, добровольно предложил в жертву свою дочь. Но и здесь встретилось препятствие. Один из мессенцев был влюблен в дочь Аристодема и уже собирался взять ее себе в жены. Чтобы спасти свою невесту, он стал во всеуслышанье говорить, что уже имел сношение с девушкой и что она беременна от него. Услышав это, Аристодем в гневе убил свою дочь, затем вскрыл ей чрево и тут узнал, что она не имеет плода. Мессеняне устремились на жениха девушки с тем, чтобы убить его, но Эвфай стал убеждать сограждан, что раз девушка умерла, этим исполнено божье слово, и что то, что совершил Аристодем, для них совершенно достаточно. Мессеняне, послушавшись убеждений царя, закрыли собрание и обратились к праздничным жертвоприношениям.

Через пять лет Эвфай погиб в сражении. Так как у него не было детей, то он предоставил народу выбрать наследника своей власти. Претендентами на царство выступали Аристодем, Клеонис и Дамис, но избран и объявлен царем был Аристодем. Став правителем, он неизменно старался угождать народу во всем, что было разумно; он оказывал почет знатым, особенно Клеонису и Дамису, ухаживал за союзниками, посылая дары влиятельным лицам из арка-дян, равно и в Аргос и в Сикион. Во время правления Аристодема война приняла характер разбойничьих нападений небольшими отрядами и взаимных набегов во время уборки полей.

На пятом году царствования Аристодема, в 729 г. до Р.Х., обе стороны, истомленные длительной войной и расходами, пришли к мысли окончить дело решительной битвой, заранее известив о ней. Поэтому к обоим явились союзники. Лакедемоняне, действовавшие под началом обоих царей, построились такой глубокой и плотной фалангой, какой никогда не бывало раньше. Аристодем, напротив, вытянул фалангу как можно шире, чтобы не быть обойденным врагом. В тылу его боевой строй опирался на гору Итому. Большую часть его войска составляли легковооруженные отряды. Особенно много в них было горных арка-дян, которые за неимением доспехов накинули на себя волчьи и медвежьи шкуры. Каждый из них имел при себе много дротиков.

Все они сидели в засаде на горе Итоме, там, где они, как предполагалось, менее всего будут заметны. Тяжеловооруженные из мессенян и союзников выдержали первый натиск лакедемонян и в дальнейшем с успехом отражали их атаки. Казалось, что битва будет затяжной и безрезультатной, но тут легковооруженные воины мессенян бегом бросились на лакедемонян и, обойдя их фалангу, стали поражать их дротиками с фланга. Пытаясь отразить это внезапное, нападение, лакедемоняне расстроили свои ряды. Гоплиты довершили разгром. Лакедемоняне обратились в бегство, и потери их при этом были очень велики.

Впрочем, несмотря на это поражение, лакедемоняне продолжали осаждать Итому. Процарствовав шесть лет и несколько месяцев, Аристодем внезапно покончил с собой на могиле своей дочери. Мессенян настолько поразила его смерть, что они в отчаянье готовы были заключить мир, и только ненависть к спартамцам не допустила их это сделать. Собрав народное собрание, они не стали выбирать себе нового царя, но назначили Дамиса полководцем с неограниченной властью (Павсаний: 4; 13).

АРИСТОДЕМ

Спартанский царь из рода Гераклидов, правивший в начале XI в. до Р.Х. Сын Аристомаха.

Геродот сообщает, что именно Аристодем привел дорийцев в земли Лаконики. Спустя немного времени супруга Аристодема по имени Аргея родила двоих близнецов. Она, по

преданию, была дочерью Автесиона, сына Тисамена, последнего ахейского царя в Лаконике. После того как Аристомед увидел детей своими глазами, он занемог и скончался (Геродот: 6; 52).

АРИСТОМАХ

Мифический царь Дориды из рода Гераклидов, правивший в XII в. до Р.Х. Сын Клеодая.

В последней четверти XII в. до Р.Х. дорийцы под руководством Аристомаха совершили поход на Пелопоннес, где царствовал Тиса-мен, сын Ореста. В сражении пело-поннесцы победили, и Аристомех погиб от руки Тисамена (Аполло-дор: 2; 8; 2).

АРИСТОН

Царь лакедемонян из рода Эврипон-тидов, правивший в 550-515 гг. до Р.Х. Сын Агасикла.

Хотя Аристон и был женат дважды, потомства у него не было. Не считая себя виноватым в этом, царь взял себе третью супругу. Вступил он в этот третий брак вот каким образом. У Аристона был среди спартанцев друг по имени Агет, с которым он был особенно близок. У этого человека имелась супруга, далеко превосходившая красотой всех спартанских женщин.

Как оказалось, Аристон распалился страстью к этой женщине и придумал такую хитрость. Он обещал своему другу, супругу этой женщины, подарить из своего имущества все, что тот пожелает. То же самое он попросил и у Агета. Тот согласился, вовсе не опасаясь за свою жену, так как видел, что Аристон уже женат. Потом друзья скрепили этот договор клятвой. Аристон подарил Агету одну из своих драгоценностей по его выбору, а потом, выбирая взамен равный дар у него, потребовал себе его жену. Агет сказал в ответ, что жена - это единственное, что он не может отдать. Однако, в конце концов, попавшись на коварную хитрость и связанный клятвой, был вынужден уступить ее Аристону.

Аристон вступил в третий брак, отпустив свою вторую жену. Спустя немного времени (не прошло еще и десяти месяцев) эта женщина родила ему сына. Во время заседания в совете эфоров кто-то из слуг принес царю весть о рождении сына. Аристон знал время, когда привел супругу в свой дом. Прикинув на пальцах число прошедших месяцев, он воскликнул с клятвой: «Это не мой сын!» Эфоры услышали эти слова, но не обратили тогда на них никакого внимания. Между тем младенец подрос, и Аристон раскаялся в своих словах: теперь ведь он был совершенно уверен, что это его сын. Аристон дал младенцу имя Демарат, потому что весь спартанский народ, почитавший Аристона больше всех своих прежних царей, желал ему сына.

Через некоторое время Аристон скончался, и Демарат вступил на престол. Однако судьбе было угодно, чтобы прежние слова Аристона стали известны, и из-за них Демарат лишился престола (Геродот: 6; 61-64).

АРКАДИЙ, Флавий

Византийский император в 383- 408 гг. Сын Феодосия I. Род. в 377 г. Умер 1 мая 408 г.

После смерти Феодосия I в январе 395 г. Римская империя была поделена между его сыновьями. Границей служила линия, проведенная от пределов Кирены в Ливии до Эпидамна, расположенного у самого Ионийского залива (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 1). Аркадию досталась восточная ее часть. Он правил в Дакии, Македонии, Греции, Фракии, Малой Азии, Сирии и Египте (Гиббон: 29). Впрочем, верховная власть принадлежала ему только по имени. Всю жизнь болезненный и слабый, Аркадий находился под влиянием близких к нему лиц. Пишут, что он отличался малым ростом и сухощавым телом, был слаб физически, а вялость его души обличалась речью и свойствами глаз, которые у него сонливо и болезненно закрывались (Филосторгий: 11; 3). Поначалу управление сосредоточилось в руках префекта Востока галла Руфина. Он приобрел такое влияние, что все дела решались его волей (Евнапий: 63, 64). Однако этот всемогущий полководец был вскоре обойден коварством главного придворного евнуха Евтропия. Руфин, собираясь еще более усилить свое могущество,

предполагал выдать за императора свою дочь. Но Евтропий разрушил все его планы и устроил брак императора с красавицей Евдоксией, дочерью состоявшего на римской службе франкского военачальника Бото (Гиббон: 29) Тогда Руфин вступил в тайные сношения с готами, которые со времен Феодосия поселились во Фракии на правах федератов империи (Дашков: «Аркадий»). Готы, не получавшие после смерти Феодосия обычных подарков, сместили поставленных римлянами вождей и избрали королем воинственного Алариха из рода Балтов. Он убедил готов, что лучше собственными силами добыть себе царство, чем всю жизнь подчиняться чужим царям (Иордан: 146- 147). Осенью 395 г. готы подступили к Константинополю, но не могли взять этой мощной крепости. Руфин, отправившись в их лагерь, уговорил Алариха увести свое войско на запад (Скржинская: 427). Это было последнее деяние всесильного префекта. В ноябре 395 г. в Константинополь вернулись легионы, участвовавшие в походе Феодосия против Евгения. Их возглавлял гот Гайна. Он ненавидел Руфина и не скрывал своего намерения разделаться с ним (Гиббон: 29). И вот когда Руфин выехал встречать прибывшие войска, легионеры набросились на него и изрубили у самых ног Аркадия (Филосторгий: 11; 3).

Смерть временщика не избавила империю от внешних и внутренних смут. Вместо того чтобы вторгнуться в западные провинции, готы, ведомые Аларихом, в 396 г. повернули в Македонию и Фессалию, проникли через Фермопилы в Грецию, разрушили Афины, сожгли Коринф, опустошили Пелопоннес. Устрашенный этим грозным походом, Аркадий в 398 г. пожаловал Алариху звание магистра армии Ил-лирика. Таким образом, готы снова, как при Феодосий, стали частью римских войск и могли получать, кроме жалованья, оружие и содержание, подобно всем римским солдатам (Скржинская: 427). Былое влияние Руфина перешло к Евтропию, который первым из евнухов удостоился должности консула и звания патрикия (Созомен: 8; 7). По свидетельству всех историков, он был гораздо хуже своего предшественника, так как отличался ненасытной алчностью. Евнапий пишет, что Евтропий господствовал при дворе и, как могучий змей, обвинившись вокруг него, все сжимал и стеснял для своей пользы (Евнапий: 67, 67, 69). В конце концов он потерял всякое чувство меры и, пользуясь своим влиянием на императора, стал проявлять замашки настоящего деспота. Но и он пал в 399 г., после того как жестоко оскорбил императрицу, пригрозив ей за что-то изгнанием из дворца. Рыдая, Евдоксия явилась к мужу, держа в руках двух дочерей. Узнав в чем дело. Аркадий вспылал, лишил Евтропия всех почестей и сослал на Кипр. Позже он был осужден и обезглавлен (Филосторгий: 11; 6). В то время как совершался этот внутренний переворот, в Азии поднял мятеж Гайна. Напутанный размахом его выступления, Аркадий встретился вблизи Халкедона с гордым готом и принял все его условия. Гайна получил титул главного военачальника римских армий и наполнил Константинополь верными себе войсками, которые вели себя здесь с дерзостью захватчиков. Наглость варваров наконец истощила терпение жителей столицы, в особенности после того, как Гайна потребовал открыть для своих соплеменников ари-анские церкви. В июле 400 г. в столице вспыхнуло восстание, и после нескольких дней боев готы были выбиты из города. Гайна попытался переправиться обратно в Азию, но при Геллеспонте потерпел еще одно сокрушительное поражение от другого варвара Фравитта. С немногими спутниками Гайна бежал за Дунай и здесь был убит гуннами. После этих бурных событий Аркадий попал под сильное влияние императрицы Евдоксии. Повидимому, он действительно сильно любил ее, так как не пережил ее ранней смерти и умер вскоре после нее, на тридцать первом году жизни и на тринадцатом году самостоятельного правления (Гиббон: 32).

АРРИБ

Царь Эпира из рода Пирридов, правивший в 361-342 гг. до Р.Х. Сын Алкета I. Ж.: Трояда, дочь эпирского царя Неоптолема II.

По свидетельству Юстина, именно Арриб устроил брак своей племянницы Олимпиады с Филиппом II Македонским (Юстин: 7; 6).

АРРИДЕЙ

См. *Филипп III Арридей*.

АРХЕЛАЙ

Царь Египта в 56 г. до Р.Х.

Помпей поставил Архелая жрецом в Команах. Когда в 57 г. до Р.Х. проконсулом в Сирии стал Авл Габиний, Архелай тоже приехал туда, в надежде принять участие в приготовлениях к Парфянской войне. Но так как сенат не разрешил ему это, то Архелай оставил это намерение. Случилось, что как раз в это время египтяне изгнали Птолемея XII, отца Клеопатры, а его дочь, старшая сестра Клеопатры, владела царством. Так как для нее подыскивали мужа царского происхождения, то Архелай предложил ее посредникам себя, утверждая, что он сын понтийского царя Мит-ридата Евпатора. Его предложение было принято, но царствовать ему пришлось всего шесть месяцев: при восстановлении Птолемея на престоле Габиний убил его в какой-то стычке (Страбон: 12; 3; 34).

АРХЕЛАЙ

Царь лакедемонян из рода Л гидов, правивший в IX в. до Р.Х. Сын Агесилая I.

При Архелаете лакедемоняне подчинили себе силой оружия один из соседних городов, Эгин, и обратили его жителей в рабство, подозревая, что эгиняне сочувствуют ар-кадянам.

АРХЕЛАЙ

Царь Македонии в 413-399 гг. до Р.Х. Сын Пердикки II.

Архелай, по свидетельству Платона, был рожден Пердиккой II в незаконном браке. Захватив власть, он убил своего младшего семилетнего брата, сына Клеопатры (Дрой-зен: 1; 1; 2). Архелай построил многие крепости и укрепления, существовавшие и после. По восшествии на престол, он велел проложить прямые дороги и провел различные преобразования для улучшения военного дела. При этом для подготовки войска и военного снаряжения этот царь сделал больше, чем все предшествовавшие ему цари (Фукидид: 2; 100). Диодор пишет, что Архелай был случайно ранен на охоте своим любовником Кратером и умер. Престол наследовал его сын Орест, который был еще ребенком (Диодор: 14; 39).

АРХИДАМ I

Легендарный спартанский царь из рода Эврипонтидов, правивший во второй половине VII в до Р.Х. Сын Анаксидама (Павсаний: 3; 7).

АРХИДАМ II

Царь лакедемонян из рода Эврипонтидов, правивший в 469-427 гг. до Р.Х. Сын Зевксидама, внук Леонтихида.

В четвертый год царствования Архидама произошло сильнейшее из всех сохранившихся в народной памяти землетрясений. Оно было такой силы, что земля лакедемонян во многих местах обрушилась в разверзшиеся пропасти, а некоторые из вершин Тайгета откололись. Весь город спартанцев был обращен в развалины, все дома, за исключением пяти, были разрушены. Архидам, тотчас поняв, какая опасность угрожает государству, и видя, что граждане только тем и заняты, что стараются вынести из жилищ наиболее пригодное имущество, велел протрубить сигнал, как будто бы наступал неприятель, дабы все, ни мало не медля, собрались вокруг него с оружием в руках. Только это одно и спасло Спарту при тогдашних обстоятельствах: отовсюду с полей сбежались илоты с намерением захватить врасплох тех из спартанцев, которым удалось спастись. Застав же их вооруженными и построенными в боевой порядок, они разбежались по

городам, начали открытую войну и переманили на свою сторону немалое число перизков. Одновременно с ними на спартанцев напали и мес-сенцы (Плутарх: «Кимон», 6), которые захватили Ифому и начали со спартанцами Третью Мессенс-кую войну (465-456 гг. до Р.Х.).

Так как война с мессенянами в Ифоме затянулась, лакедемоняне призвали на помощь союзников, в том числе афинян. Афиняне прибыли со значительным отрядом под предводительством Кимона. Призвали же их лакедемоняне главным образом потому, что афиняне считались особенно искусными в осадном деле. Но так как осада затянулась надолго, то лакедемоняне заявили, что помощь афинян им больше не нужна. Афиняне, однако, поняли, что их официально отсылают под столь благовидным предлогом, а в действительности им просто не доверяют. Они были возмущены и решили не терпеть более подобного обращения со стороны лакедемонян. По возвращении афиняне тотчас же разорвали союз, заключенный ими для борьбы против персов, и вступили в союз с врагами лакедемонян - аргосцами (Фукидид: 1;

В дальнейшем отношения между афинянами и лакедемонянами становились год от года хуже, пока, наконец, в 431 г. до Р.Х. не началась Пелопонесская война. Еще за год до этого, когда лакедемоняне вместе с союзниками обсуждали вопрос о том, начинать войну или нет, Архидам, признаваемый всеми за благоразумного и рассудительного человека, предупреждал граждан, что война предстоит тяжелая и многолетняя, такая, что достанется в наследство и их детям (Фукидид: 1; 79).

Приняв во внимание советы Архидама, лакедемоняне не торопились начинать войну, но нападение фиванцев на Платеи в 431 г. до Р.Х. сделало войну неизбежной. Сразу же после платейских событий лакедемоняне решили совершить вторжение в Аттику, и вступили туда в разгар лета, в пору созревания хлебов. Разбив лагерь, они, прежде всего, стали опустошать Элевсин и Фриасийскую равнину. Затем они достигли Ахарнского круга, разбили лагерь и долгое время опустошали отсюда страну. Архидам все время был в боевой готовности, ожидая, что афиняне не выдержат вида разоряемой родины и начнут сражение. Но Перикл не допустил этого, и пелопоннесцы ушли, так и не сразившись с афинянами. На следующий год Архидам вновь вторгся в Аттику, но пелопоннесцы на этот раз покинули ее быстрее из страха перед чумой, которая свирепствовала в Афинах.

В 429 г. Архидам не совершил нового вторжения в Аттику, но выступил походом на Платею. После безуспешной попытки взять город сходу он велел возвести вокруг него стену и начать правильную осаду (Фукидид: 2; 10, 12, 13, 18-20, 47, 71-77). Летом 428 г. до Р.Х. Архидам в третий раз привел пело-поннесцев в Аттику для опустошения полей и затем благополучно вернулся в Лаконику. Это был последний поход, в котором участвовал старый царь. Как он и предполагал, войну пришлось завершать его сыну и приемнику Агису II (Фукидид: 3; 1).

АРХИДАМ Ш

Царь лакедемонян из рода Эврипон-тидов, правивший в 360-338 гг. до Р.Х. Сын Агесилая II.

В 371 г. до Р.Х., после известия о поражении при Левктрах и гибели царя Клеомброта I, эфоры объявили сбор в поход и приказали отправиться в Беотию двоим оставшимся морам. Поскольку Агеси-лай II еще не оправился от своей болезни, народ назначил начальником над войском Архидама. Архидам поспешил навстречу разбитым морам лакедемонян и встретил их в Мегасфенах, в Мегариде, уже после того, как оставшиеся в живых полемархи заключили перемирие с фиванцами. Архидам распустил союзников, а с гражданским ополчением вернулся на родину (Ксенофонт: 6; 4; 18, 26).

В 368 г. до Р.Х., когда фиванцы вторглись на Пелопоннес, лакедемоняне, возглавляемые Архидамом, выступили против них. Они вторглись в Аркадию, взяли приступом Карии, а потом приступили к Паррасии. Тем временем ар-кадяне и агривяне пытались отрезать им путь на Лаконику. Архидам ударил на врага, опрокинул его и многих перебил при отступлении. Из лакедемонян в этой битве не погибло ни одного человека. Передают, что, когда спартанцы услышали эту весть, они все залились слезами радости, включая Агесилая, геронтов и эфоров (Ксенофонт: 7; 1; 28-32).

В 362 г. до Р.Х., когда Эпаминонд осаждал Спарту, Архидам особенно отличился при защите родного города. Командуя отрядом в 100 человек, он с необычайным мужеством и ловкостью быстро перебежал по тесным улочкам в наиболее опасные места и всюду оказывал врагу сопротивление (Плутарх: «Агесилай», 34).

В 338 г. до Р.Х. Архидам отправился в Италию на помощь тарен-тийцам и погиб в войне с луканца-ми (Диодор: 16; 64).

АРХИДАМ IV

Царь лакедемонян из рода Эврипонтидов, правивший в 305 - 275 гг. до Р.Х. Сын Эвдамида I.

В 295 г. до Р.Х. Деметрий I Поли-оркет разбил Архидама при Ман-тинее, а затем второй раз перед самой Спартой (Плутарх: «Деметрий», 35).

АРХИДАМ V

Царь лакедемонян из рода Эврипонтидов, правивший в 228-227 гг. до Р.Х. Сын Эвдамида II.

В 241 г. до Р.Х., после казни Агиса IV, Архидам бежал из Спарты и таким образом спас свою жизнь.

В 228 г. до Р.Х. Клеомен III, надеясь, что могущество эфоров уменьшится, если царская власть вернет себе прежнюю полноту и равновесие, пригласил Архидама из Мессены в Спарту. Но враги Аги-са, проведавшие об этом, стали опасаться, как бы Архидам, вернувшись, не потребовал с них ответа за прошлое. Они дружелюбно приняли его, но сразу же умертвили - быть может, против воли Клеомена, а может быть, и по его тайному согласию (Плутарх: «Клеомен», 5). Со смертью Архидама пресекался род Эврипонтидов.

АТТАЛ I СОТЕР

Царь Пергама в 241 - 197 гг. до Р.Х. из рода Атталидов. Род. в 269 г. до Р.Х. Умер 197 г. до Р.Х.

Аттал первым из Атталидов официально был провозглашен царем после победы в большом сражении над галатами (Страбон: 13; 4; 2). Затем Аттал воспользовался жестокой междоусобной войной, которую вели в Сирии Селевк II и его брат Антиох Гиеракс. В 230 г. до Р.Х. он напал на Антиоха и одержал победу над его войском. Спустя два года он подчинил своей власти близлежащие земли Азии (Юстин: 27; 3). В 218 г. до Р.Х. Аттал покорил города Эолиды: Кумы, Смирну и Фокею. Теос и Колофон перешли под его власть добровольно. Вслед за тем он присоединил Мисию и Карс (Полибий: 5; 77-78).

После начала Первой Македонской войны Аттал сделался союзником римлян. В 211 г. до Р.Х. те взяли Эгину и передали ее это-лийцам. Этолийцы продали остров Атталу, чтобы привлечь его войска в Элладу. Царь действительно переправился на Эгину в 209 г. до р. Х. (Ливий: 27; 33). Перезимовав здесь, он опустошил Лемнос, а потом высадился в Локриде возле Никеи. Когда город сдался, Аттал осадил Опунт. Тут внезапно явилось македонское войско, и пергамцы едва успели бежать на своих кораблях. Аттал услышал, что вифинский царь Прусий вторгся в его владения и, бросив римлян, переправился обратно в Азию (Ливий: 28; 5-7).

В 202 г. до Р.Х. сам Филипп явился в Азию и некоторое время безуспешно осаждал Пергам. Когда он хотел отплыть на Самос, Аттал с союзными ему родосцами настиг его флот в хиосском проливе и дал македонянам очень удачное сражение. Правда, увлекшись преследованием, он сам чуть не попал в плен. Корабль его захватили, а сам он едва успел с него бежать (Полибий: 16; 2- 7).

Вслед за тем пергамцы высадились на Эгине, и царь завел отсюда переговоры с римлянами и этолийцами, стараясь привлечь их к союзу против македонцев. В 200 г. до Р.Х., после начала Второй Македонской войны, Аттал соединил свой флот с римским и захватил

Андрос. Затем, после упорной осады, взял Орей (Ливий: 31; 46). В 198 г. он осаждал вместе с римлянами Коринф (Ливий: 32; 23), а в следующем году проконсул Фламиний взял его с собой в Беотию, дабы он своими речами убедил фиванцев отступить от Филиппа и заключить союз с Римом. Однако царь был уже слишком стар и дряхл, чтобы произносить речи. Во время выступления с ним случился удар. Больным его перевезли в Пергам, и здесь он скончался на семьдесят втором году жизни. Подданными он правил с высшей справедливостью, союзникам выказывал редкостную верность, был кроток с женой и детьми, а с друзьями нежен и щедр (Ливий: 33; 2, 21).

АТТАЛ II ФИЛАДЕЛЬФ

Царь Пергама из рода Атталидов, правивший в 160-139 гг. до Р.Х. Сын Аттала I Сотера. Род. в 220 г. до Р.Х. Умер 138 г. до Р.Х.

В 192 г. до Р.Х. Аттал приезжал в Рим в качестве посла своего брата Эвмена II (Ливий: 35; 23).

В 190 г. до Р.Х. Аттал успешно руководил обороной родного Пергама, осажденного войсками Антиоха, а несколькими месяцами позже отличился в битве при Маг-несии (Ливий: 37; 18, 43).

В следующем году Аттал присоединился к войску консула Гнея Манлия, выступившего против га-латов (Ливий: 38; 12, 23).

В дальнейшем Аттал разделял все труды и заботы брата и был в каждом деле ему достойным помощником. Однако, когда в 172 г. до Р.Х. распространилась молва о том, что Эвмен убит в Дельфах, Аттал, ни мало не медля, женился на его вдове. Позже стало известно, что Эвмен только ранен и находится на лечении в Эгине. Тогда Аттал вернул жену вместе с престолом выжившему после покушения брату. Родившийся после этого эпизода сын (первый за 16 лет брака) был не сразу признан Эвменом как законный наследник (Плутарх: «О братской любви»).

Во время Третьей Македонской войны Аттал вместе со своим отрядом постоянно находился при римском войске. Он участвовал в сражении при Сикирии и в трудном горном походе Красса в Македонию. Даже после того, как отношения римлян с Эвменом испортились и его заподозрили в сношениях с Персеем, Аттал не только оставался рядом с консулом, но и неизменно являл ему искреннюю свою преданность и замечательное усердие (Ливий: 44; 13).

Когда, после победы римлян над Персеем в 167 г. до Р.Х., Аттал приехал в Италию во главе пергамского посольства, ему был оказан благосклонный и почетный прием. Многие сенаторы негодовали на Эвмена за его двуличие и прямо предлагали Атталу поддержку, если он пожелает получить для себя Пергамское царство. Хотя и не без колебания, он отказался (Ливий: 45; 19).

Впрочем, Атталу не пришлось долго ждать. Прошло несколько лет, и после смерти брата он законным путем получил то, чего желал. Эвмен завещал власть своему сыну, а Аттала назначил его опекуном и правителем царства (Страбон: 13; 4; 2). Сделавшись царем, Аттал, прежде всего, должен был воевать с вифинским царем Прусием II. Рассердившись за что-то на Аттала, Прусий в 156 г. до Р.Х. напал на его владения (Аппиан: 13; 3) и опустошил их до самой столицы. Вифинцы разграбили великолепный храм Асклепия, затем осадили Элею, но взять ее не смогли. Зато на обратном пути они разграбили храм Артемиды в Гиеракоме (Полибий: 32; 27). Римский сенат отправил в Пруссию строгий приказ прекратить войну и возместить Атталу понесенные убытки. Только тогда Прусий, почувствовав страх, повиновался (154 г. до Р.Х.) (Аппиан: 13; 3).

Всего Аттал процарствовал 21 год и во всем имел славу благородного и великого правителя. Он до конца остался верен союзу с Римом и уже стариком, подобно своему отцу, сражался на стороне римлян против Лже-Филиппа (Страбон: 13; 4; 2).

АТТАЛ III ФИЛОМЕТР

Царь Пергама из рода Атталидов, правивший в 138 -133 гг. до Р.Х. Сын Эвмена II. Род. в 171 г. до Р.Х. Умер 133 г. до Р.Х.

Аттал, получив от отца своего Эвмена и дяди по отцу Аттала богатейшее царство, запятнал свое правление убийствами друзей и казнями родичей, ложно обвиняя их в том, будто они злодейски убили его мать-старуху и невесту Берени-ку. Проявив такую безумную и преступную жестокость, он оделся в рубище, отпустил бороду, отрастил волосы наподобие находящихся под судом, не появлялся в обществе, не показывался народу, не устраивал дома у себя веселых пиров, проявляя все признаки безумия, вообще вел себя так, что казалось, будто его карают маны убитых им людей. Затем, перестав заниматься делами правления, он стал вскапывать грядки, высевать на них семена разных растений, ядовитые вперемежку с неядовитыми, и все это, напоенное ядовитым соком, посылал своим друзьям как особый дар. Оставив это дело, он занялся ремеслом медников, забавлялся лепкой из воска форм, литьем и чеканкой меди. Потом он решил построить надгробный памятник своей матери; занятый этим делом, он получил солнечный удар и на седьмой день умер. В завещании он назначил своим наследником римский народ (Юстин: 36; 4). Римляне же превратили страну в провинцию, назвав ее Азией, одноименно с материком (Страбон: 13; 4; 2).

АТТАЛИДЫ

Царская династия, правившая в Пергамене в 283- 133 гг. до Р.Х.

БАЛЬБИН, Децим Целий Кальвин

Римский император в июне-июле 238 г. Род. ок. 178 г. Умер 238 г.

Бальбин принадлежал к очень знатному и богатому роду. До того как стать императором/он дважды был консулом и управлял многими провинциями, в том числе Азией, Африкой, Вифинией, Галатией, Понтом, Фракиями и Гал-лиями. Несколько раз ему приходилось командовать войсками, но в делах военных он отличался менее, чем в гражданских; однако своей добротой, полной безупречностью и порядочностью он снискал себе огромную любовь. Роста он был высокого и обладал видной внешностью. Он славился также своим красноречием и был хорошим поэтом. При всех достоинствах Бальбин отличался чрезмерной склонностью к наслаждениям: был жаден до вина, еды и утех Венеры, любил изящные одежды. Впрочем, у него не было недостатка в качествах, делавших его желанным в глазах народа. Был он любезен и сенату. В 238 г., когда погибли ставленники сената императоры Гор-диан I и Гордиан II, сенат избрал Бальбина императором вместе с другим сенатором - Максимом. По требованию народа им был дан в соправители еще и малолетний Гордиан III.

Максиму была поручена война с низложенным Максимином, а Бальбин должен был оставаться в столице и вести внутренние дела. Предполагалось, что поставленная задача соответствует характеру каждого, ведь Максим был строг, непреклонен и ни в чем не проявлял щедрости, в то время как Бальбин, напротив, был милостив, добр и в изобилии владел всякими средствами. Однако все вышло наоборот: внешняя война, которой боялись больше всего, окончилась вдруг, без всякого кровопролития, в то время как Бальбину пришлось с большой опасностью для жизни укрощать жестокую смуту в самом Риме. Дело в том, что после ухода Максима на войну, в Риме оставалась часть преторианских когорт. Вскоре между преторианцами и народом возникли такие раздоры, что дело дошло до внутренней войны. Большая часть Рима была сожжена, храмы осквернены, все улицы залиты кровью, поскольку Бальбин, человек очень мягкий, не мог прекратить раздоров. Он вышел к народу, протягивая руку каждому в отдельности, и его чуть было не ударили камнем, а некоторые говорят даже, что его ударили палкой. Ему не удалось бы прекратить беспорядки, если бы он не вывел к народу одетого в пурпур малолетнего Гордиана, посадив его на шею очень высокого человека.

Вскоре Максим возвратился в Рим, и императоры некоторое время правили вместе. По свидетельству Капитолина, они очень разумно вели дела, издавали справедливые законы,

терпеливо выслушивали тяжбы и внесли порядок в военное устройство. Но им не удалось избавиться от ненависти, которую питали к ним солдаты. Во время Капитолийских состязаний воины внезапно напали на Пала-тинский дворец, убили обоих императоров, а всю власть передали Гордиану (Капитолии: «Максим и Бальбин»; 7, 9, 14).

ВАЛЕНТ, Флавий

Римский император в 364-378 гг. Брат Валентиниана I. Род. в 328 г. Умер 28 марта 378 г.

Валента объявил Августом его старший брат Валентиниан вскоре после своего избрания. Весной 364 г. в Константинополе он облачил его в пурпур, возложил на голову диадему и поручил управлять восточными провинциями, в то время как сам взял себе западные. Весной Валент двинулся в Сирию. Когда он был уже далеко от Константинополя, там провозгласил себя императором Прокопий, дальний родственник императоров Констанция и Юлиана. Эта весть настолько поразила Валента, что он потерял голову и помышлял уже сбросить императорские одежды как тяжелую обузу; и, конечно, он бы это сделал, если бы не помешали его приближенные и не отговорили его от позорного шага. К тому же мятеж этот, сначала стремительно разросшийся до огромных размеров, в начале 365 г. так же быстро утих без большого кровопролития. Когда оба войска встретились во Фракии, легионы Прокопия внезапно перешли на сторону Валента. Сам Прокопий был выдан Валенту своими сторонниками и казнен. Гибелью вождя были предупреждены ужасы войны. Но тут началось свирепое преследование причастных к делу, и в отношении многих гораздо более жестокое, чем того требовали их заблуждения или поступки. Палачи, орудия пыток, кровавые допросы начали свое шествие, не различая ни возраста, ни сана. Среди людей всякого положения и всех слоев общества правили ужасный суд, и все проклинали несчастную победу, более тяжкую, чем любая истребительная война. Император, более склонный причинять вред и охотно внимавший всяким обвинениям, принимал преступные доносы, и различного рода казни доставляли ему дикую радость. И не было никакого предела этим ужасным бедствиям, пока сам император и его близкие не пресытились деньгами и кровью (Марцеллин: 26; 4, 6-9).

В 367 г. Валент двинулся против готов, которые были союзниками Прокопия. Три следующих года он провел на Дунае, имел с готами много стычек, по большей части незначительных, и наконец заключил мир (Марцеллин: 27; 5). В 371 г., готовясь отражать наступление персов, Валент прибыл в Антиохию. Здесь он чуть не пал жертвой заговора, который готовил против него нотариус Феодор. Началось следствие, вылившееся по обычаю в бесконечную череду пыток и казней. Вследствие жестокости своего нрава Валент не принимал во внимание прежних заслуг со злобой и натиском обрушивался на виновных и невиновных; под сомнением была еще сама виновность, а император уже не имел сомнения относительно кары, так что некоторые раньше узнавали о своем осуждении, чем о том, что на них пало подозрение. Эта упорная предвзятость усиливалась корыстолюбием как его собственным, так и придворных. Когда следствие было закончено, император изрек надо всеми привлеченными к делу безо всяких оговорок смертный приговор. Затем было собрано множество рукописей и книг, и все это предали огню в присутствии судей. Их принесли из различных домов как запрещенные писания, желая этим как бы смягчить впечатление от убийств, хотя это были в основном книги по свободным наукам или же по праву (Марцеллин: 29; 1).

В 375 г. на востоке явились первые признаки будущих великих потрясений. Под ударами несметных полчищ гуннов готы отступили к Дунаю и отправили посольство к Валенту со смиренной просьбой принять их в римское подданство.

Валент разрешил им поселиться во Фракии. Но вскоре, возмущенные притеснением римских военачальников, готы восстали и начали опустошать Фракию. Валент, оставив все дела на Востоке, в 378 г. прибыл в Константинополь, а затем сразу отправился к Андрианополю. Племянник Грациан, правивший после смерти Валентиниана в западной части империи, спешил к нему на помощь с большим войском, но Валент не захотел делиться с ним славой и, уверенный в своем успехе, решил биться с готами в одиночку. Когда началось сражение, готская конница внезапно обрушилась с крутых гор и в стремительном натиске

опрокинула кавалерию римлян. Пехота оказалась таким образом без прикрытия, но тем не менее еще долгое время сдерживала напор варваров. Наконец строй был прорван, и римляне обратились в беспорядочное бегство. Валент, оставшийся почти без свиты, бежал с поля боя. Говорят, он был ранен стрелой и, покинутый всеми, испустил дух. Но по другой версии, евнухи отнесли раненого императора в деревянную хижину и скрыли на втором этаже. Пока ему делали перевязку, готы окружили дом, обложили его камышом и сожгли вместе с людьми. Марцеллин пишет, что Валент был верен и надежен в дружбе, сурово поддерживал дисциплину, добросовестно охранял и берег вверенные ему провинции. Однако он был мало образован, очень корыстолюбив, груб в обращении, раздражителен, охотно выслушивал доносы и не отличал правды от лжи. От природы он был ленив и нерешителен (Марцеллин: 31; 3-5, 11-14). Церковные историки добавляют, что Валент чрезвычайно сильно был предан арианству. Одни говорят, что к этому его склонила жена Домника, а другие - что он был под большим влиянием крестившего его Евдоксия. Как бы то ни было, он воздвиг суровые гонения на православную церковь (Феофан: 360). Всех, кто не хотел признавать арианского епископа Эвзоя, управлявшего антиохийской церковью, Валент изгнал из храмов, подверг различным мучениям и казням. Ходили слухи, что многих православных он велел утопить в ближайшей реке Оронте (Сократ: 4; 2).

ВАЛЕНТИНИАН I, Флавий

Римский император в 364-375 гг. Род. в 321 г. Умер 17 ноября 375 г.

Отец Валентиниана, Грациан, происходил из средних слоев и родился близ Кибал в Паннонии. Он имел прозвище «Канатный», потому что, когда он нес однажды охотничью сеть, сплетенную из каната, пять солдат не могли ее у него отнять. За такую силу он был принят на военную службу и дослужился до должности префекта претория (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 45).

Валентиниан был провозглашен Августом совершенно неожиданно и без всяких исканий с его стороны. После смерти императора Иовиана армия переместилась в Никею, а высшие гражданские чины вместе с военными командирами стали искать на царство человека, проверенного в делах и достойного. После того как отвергли несколько кандидатов, был предложен Валентиниан, командовавший тогда второй схолой ску-тариев. Он остался в Анкире и, согласно приказу, должен был выступить следом за остальной армией. И так как это предложение не встретило возражений и было одобрено всеми, то снаряжено было посольство к новому императору с просьбой побыстрее приехать в Никею.

Валентиниан прибыл на этот призыв через десять дней после кончины Иовиана в самом конце февраля 364 г. В день принятия власти под угрозой смертной казни было запрещено показываться на публике всем людям более высокого положения, а также таким, относительно которых существовало подозрение, что они питают высокие замыслы. Все войска были собраны в одном месте, Валентиниан вышел на плац, вступил на высокий трибунал и при всеобщем и единодушном сочувствии всех присутствующих был объявлен правителем государства как человек, достойный этого своими завидными качествами. Тотчас его облекли в императорское одеяние, возложили на него корону, и он был провозглашен Августом при громких криках одобрения. Он готовился произнести заранее обдуманную речь и уже освобождал руку, чтобы свободнее говорить, но тут начался страшный шум: кричали центурии и манипулы, и все солдаты всех когорт настойчиво требовали, чтобы немедленно был провозглашен и другой император. В грозных криках всего войска видно было страшное возбуждение, и приходилось бояться дерзкой распушенности солдат. Валентиниан больше других опасался этого; но в счастливый момент поднял он правую руку для речи с силой государя, исполненного уверенности в себе, и, смело оборвав кое-кого за мятежный дух и упорство, произнес свою заранее обдуманную речь, и никто уже больше не прерывал его. Он пообещал назначить себе соправителя, но отказался назвать его немедленно. Окончив речь, впечатление от которой усилил неожиданно властный тон, император вызвал всеобщее к себе сочувствие. Осеняемый орлами и знаменами, окруженный с почетом отрядами всех частей и ставший уже грозным. Валентиниан был отведен во дворец.

На следующий день войско двинулось дальше. Прибыв в конце марта в Константинополь, Валентиниан первым делом избрал себе соправителя. Обдумав различные обстоятельства и сознавая, что государственные дела огромной важности, и притом неотложные, превосходят его силы, он решил далее не откладывать это. И вот 28 марта он вывел своего младшего брата Валента в предместье Гебдом и при всеобщем одобрении провозгласил его Августом. Облачив его в императорские одежды и повязав диадему на его голове, он привез его во дворец в одной колеснице с собой как законного соправителя, но в действительности во всем подчинявшегося ему. В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рецию одновременно грабили алеманы; сарматы и квады - обе Паннонии; пикты, саксы и скотты терзали непрерывными бедствиями Британию; мавры сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойничьи шайки готов. Царь персидский налагал свою руку на армян и прилагал все усилия к тому, чтобы опять подчинить эту страну своей власти.

В этой крайности императоры отправились через Фракию в Нэсс. Там они разделили между собой полководцев и легионы. Столицей для Валентиниана был назначен Медиолан, а для Валента - Константинополь (Марцеллин: 26; 1-2, 4-5). По свидетельству Аврелия Виктора, Валентиниан был приятен лицом, обладал живым умом, величавостью и изысканной речью. Он был сдержан в словах, строг и внушителен, прекрасно рисовал, обладал хорошей памятью, изобретал новые виды оружия, умел лепить из глины или из воска всякие изображения, мудро использовал время, место, свою речь (Виктор: «О жизни о нравах римских императоров»; 45). В отношении провинциалов он проявлял большую внимательность и повсюду облегчал бремя податей, своевременно воздвигал укрепления на границах государства и чрезвычайно строго держал военную дисциплину. И дома и вне его он проявлял строгое целомудрие, не будучи нисколько заражен язвой безнравственности и разврата. Поэтому он мог удерживать распущенность двора в строгих границах, и ему тем легче было это, что он не потворствовал своей родне. В войне, как наступательной, так и оборонительной, он проявлял большую умелость и осторожность. Славу его правления составляет сдержанность, с которой он относился к религиозным спорам; никого он не обеспокоил, не издавал повелений почитать то или другое и не заставлял строгими запрещениями своих подданных склоняться перед тем, во что верил сам. Эти вопросы он оставил в том положении, в котором их застал. Если бы эти достоинства не заслонялись недостатками, из него мог бы выйти хороший правитель (Марцеллин: 30; 9). Но главным пороком Валенти-ниана была его жестокость. Хотя в начале своего правления, желая ослабить мнение о своей суровости, он сдерживал иногда свои дикие порывы, стараясь подчинить страсти разуму, этот его недостаток подчас прорывался на гибель многим, и вспыльчивость его характера ухудшала дело (Марцеллин: 27; 6-7). Никогда не случалось, чтобы он удовлетворился мягким взысканием, и такую имел склонность причинять страдания, что никого не спас от смертной казни подписанием мягкого приговора. С годами он вообще перестал скрывать свою свирепость. Точно так же все сильнее и сильнее росло у этого государя корыстолюбие, которое выходило за всякие границы. Он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых, знатных и принижал храбрых, чтобы казалось, что он один возвышается над другими добрыми качествами (Марцеллин: 30; 8). В 367 г., после тяжелой болезни, которая едва не закончилась его смертью, Валентиниан провозгласил Августом своего сына Грациана. Вслед за тем он отправился в поход против алеманов, переправился через Рейн и возле Соли-циний дал им битву. Германцы не выдержали дружного натиска римлян и бежали с большим уроном (Марцеллин: 27; 10). Все течение Рейна от начала Реции и до океанского пролива он укрепил большими плотинами. Были восстановлены и обновлены крепости, а по всему пространству Галлии сооружены сторожевые башни (Марцеллин: 28; 2). В 374 г. он заключил мир с алеманским царем Макрианом, а весной следующего года выступил против сарматов. Переправившись через Дунай, он подверг опустошению земли квадов, перебив без различия пола и возраста всех, кто не успел укрыться. Осенью он отвел войска в Сабарии, и сюда к нему прибыли послы от квадов с мирными предложениями. Во время аудиенции с ними Валентиниан страшно вспылел и разволновался и вдруг потерял дыхание и голос и страшно побагровел лицом; из горла внезапно хлынула кровь. Его отнесли в постель, и в тот же день он скончался (Марцеллин: 30; 3, 5). Императором после

его смерти, наряду с Грацианом, легионы провозгласили маленького Валентиниана, сына от второй его жены Юстины. Сократ рассказывает, что эта Юстина была поначалу подружкой императрицы Северы. Часто они вдвоем мылись в бане, и Севера рассказывала мужу об удивительной красоте Юстины. Разгоревшись желанием, Валентиниан, наконец, женился на ней, но не отпустил от себя и Северы. Таким образом, он некоторое время официально имел двух жен (Сократ: 4; 31).

ВАЛЕНТИНИАН II, Флавию Плацид

Римский император в 375-392 гг. Сын Валентиниана I. Род. 2 июля 371 г. Умер 15 мая 392 г.

Сразу после внезапной кончины Валентиниана I военачальники послали в Тревир за его маленьким сыном, и через шесть дней Валентиниан с соблюдением всех формальностей был провозглашен императором и торжественно наречен Августом. В ту пору предполагали, что его старший брат Грациан будет недоволен, так как без его разрешения был поставлен другой государь. Но впоследствии исчезли всякие опасения: братья жили в полном согласии, и Грациан, как человек благожелательный и рассудительный, нежно любил своего брата и прилагал все заботы для его воспитания (Марцеллин: 30; 10). Как известно, в 383 г. Грациан был убит восставшим против него Максимом; Валентиниану пришлось разделить с узурпатором свои владения на западе империи. За ним остались Италия, Африка и Западная Иллирия, но все земли по ту сторону Альп отошли к Максиму. В 387 г. Максим внезапно вторгся в Италию. Валентиниан вместе с матерью Юстиной бежал в Фес-салоники и отдался под защиту восточного императора Феодосия. Феодосий тогда же собрал большую армию, выступил против узурпатора и разгромил его. Он вернул трон Валентиниану, а потом провел еще три года в Италии, приводя в порядок дела. Вскоре после его отбытия на Восток умерла Юстина. Маленький император, которому не исполнилось еще десяти лет, оказался в полной власти полководца Арбогаста, который сосредоточил в своих руках все нити военного и гражданского управления и достиг большого могущества (Гиббон: 27). Он был человеком выдающимся и держал себя свободно даже с императором и не давал делать то, что, по его мнению, было неправильно и бесполезно.

Валентиниан переносил это с трудом и часто возражал ему, но ничего не добивался, ибо Арбогаст пользовался любовью всех воинов. Наконец Валентиниан не выдержал своего подчиненного положения. Однажды, увидев, что Арбогаст приближается к императорскому трону, Валентиниан гневно взглянул на него и протянул документ, которым отрешал его от должности. Тот, прочтя документ, сказал: «Не ты дал мне власть и не ты можешь ее отнять». С этими словами он порвал документ, швырнул его на пол и повернулся, чтобы уйти (Зосим: 4; 53). Тогда, горя гневом, Валентиниан попытался выхватить меч у стоявшего рядом копьемосца, но тот помешал ему. Когда мальчика стали спрашивать о том, что он хотел сделать, Валентиниан отвечал: «Я хотел умертвить себя, потому что, будучи императором, не могу сделать ничего по своему желанию». Арбогаст в то время не стал больше ни о чем расспрашивать его, но после, в Виене Гальской, увидев, что император после обеда в полдень в уединенном месте дворца забавляется с шутами вздуванием в реке пузырей, послал к нему нескольких телохранителей, которые, пользуясь отсутствием слуг, ушедших тогда обедать, зверски удушили несчастного. Затем они надели ему на шею платье в виде петли и повесили его, как будто бы он удавился по собственной воле (Филос-торгий: 11; 1).

ВАЛЕНТИНИАН III, Флавий Плацидий

Римский император в 425-455 гг. Сын Констанция III и Галлы Плацидии. Род. 24 июля 419 г. Умер 16 марта 455 г.

Отец Валентиниана умер вскоре после его рождения. Затем он вместе с матерью и сестрой был выслан из Равенны дядей Гонорием и провел первые годы в Константинополе во дворце Феодосия II. После смерти Гонория Феодосий помог Валентиниану и его матери утвердиться у

власти в западной части империи. В Фессало-никах Валентиниана облекли в одежду Цезаря. Ему шел тогда шестой год. После того как узурпатор Иоанн был убит, Валентиниан вместе с матерью Галлой Плацидной вступил в Равенну. Затем был захвачен Рим, и здесь Валентиниана торжественно облекли в императорское одеяние (Олимпиодор: 40, 41). Реальная власть сосредоточилась в руках Галлы Плацидии, которая и правила Западной империей до самой своей смерти. С умыслом или по недомыслию она вырастила и воспитала сына в распушенной неге и роскоши, и поэтому он с детства предавался всяким порокам. Он по большей части общался со знахарями и с теми, кто гадают по звездам; он безумно предавался любовным связям с чужими женами, введя незаконный образ жизни, хотя его жена Евдоксия (дочь Феодосия II) была исключительной красавицей. Поэтому он не только не вернул державе что-либо из того, что было раньше отторгнуто, но и потерял Ливию. Произошло это, по свидетельству Прокопия, следующим образом. Было два римских полководца, Аэций и Бонифаций, оба исключительной доблести. По опытности в военном деле они не уступали никому из своих современников. Одного из них, Бонифация, Плацидия назначила главнокомандующим всеми военными силами в Ливии. Это пришлось не по душе Аэцию. Когда Бонифаций оказался уже далеко, Аэций оклеветал его перед Плацидией, говоря, что тот хочет незаконно захватить власть над Ливией, отняв у нее и у императора эту область. В то же время он написал Бонифацию, что мать императора злоумышляет против него и хочет его погубить. Таким образом, он обманул их обоих. Когда Плацидия захотела отозвать Бонифация из Африки, тот отказался повиноваться ее приказу и вступил в переговоры с королем вандалов Гизерихом, приглашая его переселиться из Испании (где вандалов притесняли готы) в богатую Африку. В 429 г. вандалы переправились через Гибралтарский пролив и после десятилетней войны овладели всей провинцией (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 3).

В последующие годы римский и варварский мир был встревожен нашествием гуннов. Разорив и опустошив в 40-х гг. V в. владения Феодосия II, Атила в следующем десятилетии обрушил свои орды на Западную империю. Раздоры в семействе Валентиниана дали ему повод для начала войны. Сестра императора Гонория по воле ее брата содержалась в заточении в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата (Иордан: 224). Атила отправил к Валентиниану посланников, требуя, чтобы Гонории не было оказано никакого притеснения, потому что она сговорена за него; он грозился отомстить за нее, если она не получит престола. Посланникам отвечали, что Гонория не может быть выдана за Аттилу, ибо она уже выдана замуж за другого, что престол ей не следует, потому что верховная власть у римлян принадлежит мужскому, а не женскому полу. Но владыка гуннов продолжал требовать Гонорию. Он утверждал, что она помолвлена за него (в доказательство чего приводил присланный ей перстень), и утверждал, что Валентиниан должен уступить ему половину своей державы, ибо Гонория наследовала после отца власть, отнятую у нее алчностью брата (Приск: 12, 13). Получив категорический отказ, Атила в 451 г. начал войну с империей. Перед этим он пытался рассорить федератов (прежде всего вестготов) с Валентинианом, но грозная опасность заставила тех сплотиться против общего врага. Римскому полководцу Аэцию удалось собрать под свои знамена кроме вестготов также вспомогательные отряды франков, аланов, бургундов и саксов. В жестокой и страшно кровопролитной битве на Каталаунских полях гунны потерпели поражение. В 452 г. Атила повторил свое нашествие. На этот раз единства между императором и федератами не было. Гунны вторглись в Италию, взяли и разрушили до основания Аквилею, опустошили Медиолан и двинулись на Рим. По дороге Аттилу встретило посольство от императора с мирными предложениями (Иордан: 186, 191-223). Атилла благосклонно выслушал послов и согласился увести свои войска из Италии. Гиббон пишет, что мир был куплен ценой огромного выкупа. Но по всему видно, что это был не мир, а только отсрочка. В следующем году Атила собирался повторить свое вторжение, однако внезапная смерть, постигшая его в 453 г. во время свадьбы, положила конец завоеваниям гуннов (Гиббон: 35).

Валентиниан ненадолго пережил своего врага. Прокопий пишет, что среди римских сенаторов был некто Максим, у которого была жена, очень скромная и отличавшаяся исключительной красотой. Валентиниан охватило желание вступить с нею в связь. Так как выполнить это с ее согласия оказалось для него невозможным, он задумал нечестивое дело и

привел его в исполнение. Пригласив Максима во дворец, он начал играть с ним в шахматы. Проигравший должен был уплатить в виде штрафа назначенную сумму золота. Император выиграл, и, получив в качестве залога перстень, послал его в дом Максима, повелев сказать его жене, что муж приказывает ей как можно скорее явиться во дворец приветствовать императрицу Евдоксию. Та, увидев перстень, села в носилки и прибыла во дворец. Те, кому император поручил выполнение своего дела, внесли ее в помещение, находившееся очень далеко от женской половины. Здесь Валентиниан подверг ее насилию. Максим был чрезвычайно огорчен этим происшествием и тотчас же принялся замышлять нечто против императора. Видя, что Аэций возымел исключительную силу после своей победы над Аттилой, он решил прежде всего устранить его. Так как все евнухи, окружавшие императора, были расположены к Максиму, он при их посредстве убедил императора, что Аэций готовит государственный переворот (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 4). Завидуя славе и доблести этого полководца, Валентиниан приказал своему еврею Гераклиону убить его (Феофан: 446). После этого Максиму удалось ввести в число телохранителей Валентиниана двух слуг Аэция. Однажды, когда император развлекался на Марсовом поле зрелищем военных игр, они внезапно бросились на него с обнаженными мечами и закололи на виду многочисленной свиты. Вместе с ним был убит Гераклион (Гиббон: 45).

ВАЛЕРИАН, Публий Лициний

Римский император в 253-259 гг. Род. ок. 193 г. Умер после 260 г.

Валериан происходил из знатной италийской семьи. Первое консульство он получил еще при Мак-симине, а в 251 г. был избран цензором. Однако он упросил императора Деция освободить его от этой должности (Поллион: «Двое Валерианов»; 5-6). После смерти Эмилиана Валериан был провозглашен императором легионами, расквартированными в Реции и Норике. Тогда же в Риме провозгласили Цезарем его сына Галлиена (Евтропий: 9; 7). По свидетельству Аврелия Виктора, Валериан был человек неумный и бездеятельный; как по своему интеллекту, так и по поведению он совершенно не подходил для исполнения каких-либо общественных должностей (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 32). Его правление было для римского государства несчастливым, губительным и бесполезным. Оно все прошло в бесконечных смутах и войнах с варварами. Германцы в своих набегах доходили уже до Равенны (Евтропий: 9; 7). В 257 г. Валериан начал войну с персами. В 259 г. он потерпел поражение под Эдессой. Персы окружили римский лагерь и терпеливо ожидали, когда постоянно усиливающийся голод и моровая язва обеспечат им победу. Легионы стали роптать и винить Валериана в своих страданиях; наконец они решительно потребовали немедленной капитуляции. Валериан отправился в персидский лагерь, чтобы лично предложить персидскому царю Шапуру выкуп, но был взят там в плен, а войско его сложило оружие (Гибон: 10). В дальнейшем Шапур подверг Валериана многим позорным унижениям. Так, до самого конца его дней, Шапур, садясь на коня, всегда ставил ногу на его голову, заставляя его сгибать перед ним спину (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 32). Когда же Валериан лишился жизни, варвары содрали с него кожу, окрасили ее в красный цвет и повесили в храме, словно памятник своей победы (Лактанций: 5).

ВАСИЛИЙ I

Византийский император в 866 - 886 гг. Основатель Македонской династии. Умер 29 авг. 886 г.

Василий происходил из Македонии. Так как труд на земле приносил ему малые и ничтожные доходы, он отправился в Константинополь на поиски своего счастья. В столице он поступил на службу к некоему Феофилу, родственнику кесаря Варды и императора Михаила Ш. Этот Феофил был человеком кичливым и имел страсть собирать вокруг себя доблестных, красивых и рослых мужей, отличавшихся мужеством и телесной силой. Василий очень приглянулся ему из-за своей красоты, рассудительности и расторопности; он приблизил его к

себе и часто пользовался его услугами. После этого счастье уже не покидало Василия. Однажды Феофил был на пиру у кесаря Варды вместе с какими-то знатными болгарами. Среди этих болгар находился один отменный борец, которого до этого не смог одолеть ни один соперник. Когда разговор о нем зашел за столом, Феофил объявил, что у него есть слуга, способный побороться с этим знаменитым болгаринном. Он позвал Василия, велел приготовить все для поединка и на виду у всех гостей велел ему бороться с богатырем. Василий, набросившись на противника, легко поднял его над столом и отшвырнул словно легкую охапку сена. Этим подвигом он всех поверг в изумление, так что слава о нем стала распространяться по всему городу. Другой случай позволил ему возвыситься еще больше. Во время охоты от императора Михаила сбежал конь, которого никак не могли поймать. Только Василий сумел догнать его и со своего коня ловко перепрыгнул на спину царского- Михаилу понравилась ловкость Василия, соединенная с мужеством. Он тут же забрал его у Феофила, зачислил в царские страторы, через короткое время произвел в простраторы и, наконец, сделал своим главным спальничим. Отмечая Василия все больше, он пожаловал его в патрикии и женил на своей прежней любовнице Евдокии Ингерине. Влияние и могущество Василия после этого росло с каждым годом, но особенно возвысился он после того, как в апреле 866 г. убил по приказу Михаила кесаря Варду. Вскоре император усыновил его, возвел в магистры, а в мае того же года провозгласил своим соправителем. Но, сделав по легкомыслию этот роковой шаг, Михаил сейчас же пожалел о нем. Под влиянием клеветников он стал удаляться от Василия и однажды объявил даже о своем намерении сделать соправителем своего нового любимца Василикиана. Обеспокоенный Василий 23 сентября 867 г. приказал царским воинам, охранявшим вход в палаты, зарезать Михаила и сам стал самодержавным императором.

Как и следовало ожидать, он принял государственные дела в полном расстройстве. Сообщают, что когда он вместе с несколькими сенаторами отворил казнохранилище, то из огромных денежных груд, бывших там всего за десять лет до этого, не нашел ничего, кроме трех кентинариев золота и девяти мешочков милисиариев. Он потребовал расходную книгу, увидел, что деньги ушли на подарки недостойным любимцам Михаила, и велел каждому из них вернуть в царскую сокровищницу половину полученного. Таким образом он собрал триста кентинариев, которые и принялся употреблять на срочные нужды.

Василий сместил многих прежних чиновников и судей, обвиненных во взяточничестве, и постарался определить на их место людей достойных. Он и сам часто покидал дворец и восседал на Ге-никоне, с великим тщанием и непременным усердием рассматривая дела тех, кто обижен был чиновниками и сборщиками налогов. Строгой взыскательностью и законными наказаниями он вскоре отбил у обидчиков охоту к злоупотреблениям и совершенно искоренил этот вид преступлений: явившись однажды в суд, он не нашел ни одного жалобщика. Тогда Василий заплакал от радости и возблагодарил Бога. Во многих гражданских законах он обнаружил неясности и путаницу. Сколько было возможно, он их исправил, устаревшие законы устранил, а имеющие силу очистил и объединил по главам в едином своде.

После того как были улажены внутренние дела, он повысил войску жалование, пополнил новобранцами воинские списки, стал упражнять солдат и обучать их искусству боя (Продолжатель Феофана: 5; 1, 7, 9, 12-13, 16-18, 25, 27-28, 30-31, 33, 36). Впрочем, его первый азиатский поход в 868 г. против павликиан Тефрики и их правителя Хресохира окончился тяжелым поражением, а сам Василий едва не угодил в плен (Дашков: "Василий Македонянин"). В 873 г. Василий выступил на Мелитину и достиг берегов Евфрата. Увидев, что из-за высокого уровня воды переправиться через него невозможно, он велел строить мост и ревностно трудился вместе со всеми воинами. Он не гнушался и самой изнурительной работы, причем грузы, которые легко носил император, с трудом переносили три воина. Переправившись таким образом, он разбил арабов, которые бросились ему навстречу, но приступить к городу не решился из-за его мощных укреплений. Зато ромеи взяли с первого приступа Запетры, разорили Самосату и захватили большой полон. В 876 г. у арабов были отобраны Лул и Мелитина. Однако в то же время в Сицилии ромеи терпели неудачи - в 878 г. арабы овладели Сиракузами (Продолжатель Феофана: 39-40, 46, 69, 102). О смерти Василия рассказывают по-разному. По одной из версий, в августе 886 г. он отправился на охоту в окрестности Апамеи и Мели-тиады. Здесь охотники напали на стадо оленей. Василий, обогнав всех, стал преследовать вожака -

крупного и сильного самца. Почувствовав вскоре, что охотник один, тот оборотился, бросился на императора, поддел рогом за пояс, сорвал с седла и понес. Один из фарганов с трудом догнал оленя и перерубил пояс мечом, освободив таким образом Василия. Но, придя в себя, император велел арестовать своего освободителя. Он сказал: «Не для того он поднял меч, чтобы спасти меня, а для того, чтобы убить». У императора мучительно болели внутренности, затем началось кровотечение из области желудка, и через девять дней Василий умер («Псамафийская хроника»; 1).

ВАСИЛИЙ II БУЛГАРОКТОН

Византийский император Македонской династии, правивший в 960-1025 гг. Сын Романа II. Род. в 958 г. Умер 15 дек. 1025 г.

Василий был провозглашен императором уже в двухлетнем возрасте, но допущен к управлению только в 976 г. после смерти Иоанна Цимисхия. Его соправителем был младший брат Константин. Приняв власть над Ромейской державой, Василий не пожелал делить с кем-либо посторонним свои заботы или пользоваться чужими советами. Однако и положиться на самого себя он тоже поначалу не мог, так как у него не было опыта ни в командовании войском, ни в государственном управлении. Поэтому он приблизил к себе своего родича паракимомена Василия, отличавшегося большим умом, и учился у него искусству править. Но став старше и набравшись опыта во всех делах, он лишил его власти и сослал. Отныне он сам принимал все решения, сам распоряжался войском и гражданскими делами, управляя не по писаным законам, а по неписаным установлениям своей необыкновенно одаренной от природы души.

Царствование его было заполнено изнурительными войнами и жестокими мятежами. Уже в 976 г. в Малой Азии поднял восстание Вар-да Склир, захвативший в короткое время все азиатские фемы. Узнав, что все тяжеловооруженные воины стеклись к Склиру, император и его приближенные решили сперва, что погибли, но затем, собравшись с духом, рассудили иначе и вооружили против Склира опального Варду Фоку, племянника покойного императора Никифора II, вверили ему оставшиеся силы и послали против мятежников. В 978 г. Склир был побежден и бежал к арабам. Победитель Фока поначалу удостоился немалых почестей и стал одним из ближайших к императору лиц, но потом ему стали оказывать все меньше и меньше внимания, и он, поняв, что ему грозит новая опала, в 987 г. провозгласил себя императором и поднял против Василия мятеж. Решительное сражение с Фокой произошло в апреле 988 г. у Авидоса. Заметив Василия, Фока со всей силой устремился к нему, но внезапно сошел с коня, лег на землю и умер. Ходил слух, что подкупленной императором виночерпий отравил его перед боем. Возглавивший мятежников Варда Склир в том же году примирился с императором.

Под влиянием всех этих событий натура Василия сильно изменилась. В юности он склонен был к распущенности и изнеженности, без стеснения бражничал, часто предавался любовным утехам и увлекался дружескими пирушками. Но тяжелые испытания и жестокие удары судьбы заставили его, по словам Пселла, на всех парусах пуститься прочь от изнеженной жизни и со временем совершенно изменить свой характер. С годами он сделался человеком утрюмым, грубым, вспыльчивым и чуждым всякой роскоши. Он отказался от украшений, не носил уже ни ожерелий на шее, ни тиары на голове, снял лишние перстни, сбросил пестро украшенные одежды и был озабочен только тем, как привести в гармонию дела своей державы. Перекрыв все каналы, через которые утекали поступавшие деньги, он увеличил свою казну до двухсот тысяч талантов. Он досконально изучил военное дело и поэтому безошибочно назначал на все посты знающих и умелых помощников. Походы против варваров он совершал совсем не так, как это в было в обычае у большинства императоров, которые выступали в середине весны, а в конце лета уже возвращались. Он выносил зимнюю стужу и летний зной, томясь жаждой, не сразу бросался к источнику и был воистину тверд, как камень, и стоек ко всем телесным лишениям. Открытых сражений он не любил и побеждал больше коварством, чем доблестью (Пселл: «Василий Второй»; 3-5, 8, 15-16, 19, 22-23, 27, 29, 31-34). В течение двадцати лет Василий вел упорную войну с болгарами, совершая почти каждый год походы за Дунай. Уже в первые годы войны ромеи взяли и разграбили Плиску, Пре-славу, Видин. В 1014 г. болгары были разбиты в кровопролитном сражении у Стримона (15 000 пленных Василий велел

ослепить). В 1018 г. сдалась болгарская столица Охрида, а в следующем году ромеи овладели последним болгарским городом - Сирмием. Вновь, как и несколько веков назад, Дунай сделался северной границей империи. Столь же успешны были войны против других врагов - в Азии, Закавказье и Италии. В конце 1025 г. Василий задумал большую экспедицию в Сицилию, но внезапно захворал и умер (Дашков: «Василий Булгароктон»).

ВЕСПАСИАН, Тит Флавий

Римский император в 69-79 гг. Родоначальник династии Флавиев. Род. 17 ноя. 9 г. Умер 24 июня 79 г.

Веспасиан происходил из незнатного рода Флавиев. Дед его был центурионом или даже простым солдатом в армии Помпея. Выйдя в отставку, он нажил состояние сбором денег на распродажах. Тем же занимался и отец его, который был сборщиком налогов в Азии. Дело это принесло ему не только богатство, но и славу - многие города воздвигли статуи в его честь с надписью: «Справедливому сборщику». Род его матери был гораздо более известным, и прозвище свое Веспасиан получил от деда с материнской стороны Веспасия Поллиона, трижды войскового трибуна и начальника лагеря.

Будущий император родился в земле сабинов, недалеко от Реате, а детство провел в имении своей бабки близ Козы в Эрутрии. Службу свою он начал еще при Тиберии войсковым трибуном во Фракии и проходил ее быстро и успешно: после квестуры ему были даны в управление Крит и Кирена, затем он избирался эдилом, а в 39 г. получил претуру. Будучи эдилом, он, говорят, плохо заботился об очистке улиц, так что рассерженный Гай Калигула однажды велел солдатам навалить ему грязи за пазуху senatorской тоги. Возможно, урок этот пошел на пользу, так как в бытность претором Веспасиан не упускал ни одного случая угодить Калигуле: в честь его германской «победы» он предложил устроить игры вне очереди, а после казни Лепида и Гетулика потребовал бросить их тела без погребения. Калигула удостоил его приглашением к обеду, а Веспасиан произнес перед сенатом благодарственную речь. Тем временем он женился на Флавии Домицилле, от которой имел всех своих детей. Когда же жена умерла, Веспасиан снова взял к себе свою бывшую наложницу, вольноотпущенницу Цениду, и она жила с ним как законная жена, даже когда он стал уже императором.

Боевую славу Веспасиан приобрел в правление Клавдия. Сначала он служил легатом легиона в Германии, а потом, в 43 г., был переведен в Британию, где участвовал в тридцати с лишком боях с неприятелем, покорил два сильных племени, более двадцати городов и остров Уайт. За это он получил триумфальные украшения, понтификат и авгурство, а в 51 г. - консульство. Затем, опасаясь Агриппины, жены Клавдия, которая преследовала его за дружбу с Нарциссом, он удалился от дел и десять лет прожил на покое, не занимаясь никакими общественными делами. В 61 г., уже при Нероне, он получил в управление Африку, которой, по одним сведениям, управлял честно и с большим достоинством, а по другим - напротив, очень дурно. Во всяком случае, вернулся он из провинции, ничуть не разбогатев, потерял доверие заимодавцев и вынужден был все свои имения заложить старшему брату, а для поддержания своего положения заняться торговлей мулами. За это в народе его называли «ослятником». Нерон поначалу обласкал Веспасиана и взял его с собой в поездку по Греции. Но после того, как Веспасиан заснул во время выступления императора, его постигла жестокая немилость: Нерон запретил ему не только сопровождать себя, но и приветствовать. Веспасиан удалился на покой в маленький городок, где жил в неизвестности и страхе за свою жизнь, пока вдруг не получил неожиданно провинцию и войско: в 66 г. Нерон поручил ему подавить восстание в Иудее. Война здесь приняла необычайно широкий размах, и для победы требовалось большое войско и сильный полководец, которому можно было бы доверить такое дело без опасения; и Веспасиан оказался избран как человек испытанного усердия и немало не опасный по скромности своего рода и имени. И вот, получив вдобавок к местным войскам еще два легиона, он отправился в Иудею (Светоний: «Веспасиан»; 1-5).

В Антиохии Веспасиан принял под свое командование армию и стянул отовсюду вспомогательные войска. Свой поход он начал в 67 г., понимая, что ему предстоит изнурительное и опасное предприятие. Иудеи не рисковали биться с легионами в открытом

поле, но укрылись за стенами городов и защищались с чрезвычайным упорством. Прежде всего из Птолемаиды римляне вторглись в Галилею и после тяжелой осады взяли Иотапату, большой и хорошо укрепленный город на побережье. Все его население было предано поголовному истреблению. Яффу захватили сходу, а Тивериада сдалась без боя. Жители Тарихеи пробовали оказать сопротивление, однако город их был взят с первого приступа. Веспасиан поначалу обещал пленным жизнь и свободу, но потом передумал. Всех пришлых иудеев он отправил в Ти-верeadу, около тысячи было казнено и еще до сорока тысяч продано в рабство (Флавий: «Иудейская война»; 3; 2, 7, 9, 10). Расположенная неподалеку Гамала оборонялась с отчаянным упорством. Захватив в конце концов город, римляне перебили в нем даже грудных детей. После этого вся Галилея признала римское господство (Флавий: «Иудейская война»; 4; 1, 6).

Этот поход принес Веспасиану громкую славу и популярность в армии. Действительно, в первых же сражениях он показал исключительную отвагу, так что при осаде Иотапаты сам был ранен камнем в колено, а в щит его вонзилось несколько стрел (Светоний: «Веспасиан»; 4). На марше Веспасиан обычно сам шел впереди войска, умел выбрать место для лагеря, днем и ночью помышлял о победе над врагами, а если надо, разил их могучей рукой, ел, что придется, одеждой и привычками почти не отличался от рядового солдата, - словом, если бы не алчность, его можно было бы счесть за римского полководца древних времен (Тацит: «История»; 2; 5).

Между тем в 68 г. получены были известия о волнениях в Галлии и о том, что Виндекс с туземными предводителями отпал от Нерона. Эти известия побудили Веспасиана поспешить с окончанием войны, ибо он уже прозревал будущие междоусобицы и опасное положение всего государства и думал, что в состоянии будет освободить Италию от ужасов, если раньше водворит мир на Востоке. Весной он двинулся вдоль Иордана и разбил лагерь под Иерихоном. Отсюда он разослал отряды в разные стороны и покорил все окрестные города и селения. Он готов был уже приступить к осаде Иерусалима, когда узнал о самоубийстве Нерона. Тогда Веспасиан сменил свою тактику и отсрочил выступление, дожидаясь, какой оборот примут события. Томимый положением всего государства, ожидающий потрясений римской державы, он с меньшим вниманием относился уже к войне с иудеями и, страшно озабоченный судьбой своего собственного отечества, считал нападение на чужих несвоевременным. Между тем гражданская война в Италии разгоралась. Объявленный императором Гальба был открыто умерщвлен на римском форуме, и вместо него провозглашен императором Отон, который в свою очередь воевал с Вителлием и, разбитый им, сам лишил себя жизни. В апреле 69 г. императором стал Вителлий.

Веспасиан последовательно признал всех троих и при каждом перевороте приводил свои легионы к присяге на верность новому принцепсу. Хотя он умел повиноваться так же, как и повелевать, все же известия о бесчинствах вителлианцев в Риме привели его в негодование. Вителлия он от души презирал и считал недостойным престола. Будучи проникнут самыми мучительными мыслями, он чувствовал тягость своего положения как покорителя чужих земель, в то время как его собственное отечество погибало. Но как не побуждал его гнев к мщению, мысль о его удаленности от Рима, а также о мощи германских легионов, на которые опирался Вителлий, удерживала его. Между тем военачальники и солдаты на своих товарищеских сходках открыто совещались о перемене правления, и все громче раздавалось требование провозгласить Веспасиана императором (Флавий: «Иудейская война»; 4; 8-10).

Первыми присягнули Веспасиану 1 июля 69 г. Александрийские легионы. Едва весть об этом дошла до Иудеи, как солдаты, сбегавшиеся к шатру Веспасиана, радостно приветствовали его как императора. Тут же на сходке ему присвоили титулы Цезаря, Августа и все прочие звания, полагающиеся принцепсу. Сам Веспасиан в этих новых и необычных обстоятельствах оставался таким же, как прежде - без малейшей важности, без всякой спеси. Он обратился к войску с несколькими словами, по-солдатски простыми и суровыми. В ответ со всех сторон раздались громкие крики ликования и преданности. Радостный подъем охватил также легионы, стоявшие в Сирии. Командовавший ими Лициний Муциан тотчас привел их к присяге Веспасиану. Еще до июльских ид присягу принесла вся Сирия. К восстанию примкнули Сохем со своим царством и находившимися под его властью немалыми боевыми силами, а также Антиох - самый крупный из местных, подчиненных Риму царьков. Все приморские провинции, вплоть до границ Азии и Ахайи, и все внутренние, вплоть до Понта и Армении, присягнули на

верность новому императору.

Подготовку к войне Веспасиан начал с того, что набрал рекрутов и призвал в армию ветеранов; наиболее зажиточным городам поручили создать у себя мастерские по производству оружия, в Антиохии начали чеканить золотую и серебряную монету. Эти меры спешно проводились на местах особыми доверенными лицами. Веспасиан показывался всюду, всех подбадривал, хвалил людей честных и деятельных, растерянных и слабых наставлял собственным примером, лишь изредка прибегая к наказаниям. Он роздал должности префектов и прокураторов и назначил новых членов сената, в большинстве своем людей выдающихся, вскоре занявших высокое положение в государстве. Что до денежного подарка солдатам, то на первой же сходке было объявлено, что он будет весьма умеренным, и Веспасиан обещал войскам за участие в гражданской войне не больше, чем другие платили им за службу в мирное время: он был непримиримым противником бессмысленной щедрости по отношению к солдатам, и поэтому армия у него всегда была лучше, чем у других. К парфянам и в Армению были посланы легаты, и были приняты меры к тому, чтобы после ухода легионов на гражданскую войну границы не оказались незащищенными. Тит, сын Веспасиана, остался в Иудее, сам он решил отправиться в Египет, - было решено, что для победы над Вителлием хватит лишь части войск и такого командующего, как Муциан, а также славы, окружавшей имя Веспасиана (Тацит: «История»; 2; 79-82).

Итак, Муциан двинулся в Италию, а Веспасиан отплыл в Египет. Он считал делом первостепенной важности обеспечить за собой эту провинцию, так как, во-первых, он таким образом брал под свой контроль подвоз хлеба в Рим, а во-вторых, оставлял себе место для отступления в случае поражения. Титу было поручено окончание Иудейской войны (Флавий: «Иудейская война»; 4; 10).

Веспасиан провел в Александрии конец зимы и всю весну 70 г. Тем временем Муциан взял Рим. Вителлий был убит, сенат, все провинции и легионы присягнули на верность Веспасиану.

Возвратившись летом 70 г. в Италию, Веспасиан прежде всего навел порядок в армии, так как солдаты дошли до совершенной распущенности: одни - возгордившись победой, другие - озлобленные бесчестьем. Многих солдат Вителлия Веспасиан уволил и наказал, но победителям тоже ничего не спускал сверх положенного, и даже законные награды им выплатил не сразу. Он не упускал ни одного случая навести порядок. Один молодой человек явился благодарить его за высокое назначение, благоухая ароматами, - он презрительно отвернулся и мрачно сказал ему: «Уж лучше бы ты вонял чесноком!» - а приказ о назначении отобрал.

Столица после последней гражданской войны была обезображена пожарами и развалинами. Капитолийский холм, где располагались древнейшие храмы Рима, выгорел дотла. Веспасиан позволил каждому желающему занимать и застраивать пустые участки, если этого не делали владельцы. Приступив к восстановлению Капитолия, он первый своими руками начал расчищать обломки и выносить их на собственной спине. Высшие сословия поредели от бесконечных казней и пришли в упадок от давнего пренебрежения. Чтобы их очистить и пополнить, он в 73-74 гг., будучи цензором, произвел смотр сенату и всадничеству, удалил негодных и включил в списки самых достойных из италиков и провинциалов.

После того как Тит взял Иерусалим и завершил Иудейскую войну, в 71 г. был отпразднован триумф. За годы правления Веспасиана Ахажия, Ликия, Родос, Византий, Самос вновь потеряли свободу, а горная Киликия и Коммагена, ранее находившиеся под властью царей, были обращены в провинции.

С первых дней правления и до самой смерти Веспасиан был доступен и снисходителен. Свое былое низкое состояние он никогда не скрывал и часто даже выставлял напоказ. К наружному блеску он никогда не стремился, и даже в день триумфа, измученный медленным и утомительным шествием, не удержался, чтоб не сказать:

«Поделом мне, старику: как дурак захотел триумфа, словно предки мои его заслужили или сам я мог о нем мечтать!» Трибунскую власть и имя отца отечества он принял лишь много лет спустя, хотя консулом за время своего правления был восемь раз, а цензором - один. Он был первым из принцепсов, кто снял охрану у дверей своего дворца, а обыскивать приветствующих

его по утрам он перестал еще во время междоусобной войны. Находясь у власти, вставал он всегда рано, еще до света, и прочитывал письма и доклады от всех чиновников; затем впускал друзей и принимал приветствия, а сам в это время одевался и обувался. Покончив с текущими делами, он совершал прогулку и отдыхал с какой-нибудь из наложниц: после смерти Цениды у него их было много. Из спальни он шел в баню, а потом к столу: в это время, говорят, был он всего мягче и добрее, и домашние старались этим пользоваться, если имели какие-нибудь просьбы. За обедом, как всегда и везде, был он добродушен и часто отпускал шутки: он был большой насмешник, но слишком склонный к шутовству и пошлости, доходившей даже до непристойности. Тем не менее некоторые его шутки были очень остроумны. Говорят, одна женщина клялась, что умирает от любви к нему, и добилась его внимания: он провел с ней ночь и подарил ей 400 000 сестерциев, а на вопрос управителя, по какой статье занести эти деньги, сказал: «За чрезвычайную любовь к Веспасиану».

Вольности друзей, колкости стряпчих, строптивость философов мало его беспокоили. Обиды и вражды он никогда не помнил и не мстил за них. Никогда подозрение или страх не толкали его на расправу. Ни разу не оказалось, что казнен невинный - разве что в его отсутствие, без его ведома или даже против его воли. Никакая смерть его не радовала, и даже над заслуженной казнью случалось ему сетовать и плакать. Единственное, в чем его упрекали справедливо, это сребролюбие. Мало того, что он взыскал недоимки, прощенные Гальбою, наложил новые тяжелые подати, увеличил и подчас даже удвоил дань с провинций, - он открыто занимался такими делами, каких стыдился бы и частный человек. Он скупал вещи только затем, чтобы потом распродавать их с выгодой; он без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным без разбору. Даже нужники он обложил налогом, и когда Тит упрекал отца за это, взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. «Нет», - ответил Тит. «А ведь это деньги с мочи», - сказал Веспасиан. Впрочем, многие думают, что жаден он был не от природы, а из-за крайней скудости государственной и императорской казны: в этом он сам признался, когда в самом начале правления заявил, что ему нужно сорок миллиардов сестерциев, чтобы государство стало на ноги (Светоний: «Веспасиан»; 8-9, 12-16, 21-24). В самом деле, при Веспасиане в Риме было начато и закончено восстановление Капитолия, храма Мира, памятников Клавдия, Форуна и много другого; начато было строительство Колизея. По всей Италии были обновлены города, прочно укреплены дороги, а на Фламиниевой для создания менее крутого перевала скрыты горы. Все это было выполнено в короткий срок и без отягощения земледельцев, что доказывает скорее его мудрость, чем жадность (Виктор: «О Цезарях»; 9).

Умер он так же просто и спокойно, как жил. В девятое консульство он, находясь в Кампании, почувствовал легкие приступы лихорадки. Он отправился в реатинские поместья, где обычно проводил лето. Здесь недомогания усилились. Тем не менее он продолжал, как всегда, заниматься государственными делами и, лежа в постели, даже принимал послов. Когда ему стал отказывать желудок, Веспасиан почувствовал приближение смерти и пошутил: «Увы, кажется, я становлюсь богом». Он попытался встать, говоря, что император должен умереть стоя, и скончался на руках поддерживающих его (Светоний: «Веспасиан»; 25).

ВИТЕЛЛИН, Авл

Римский император в апр. - дек. 69 г. Род. 7 сент. 12 г. Умер 21 дек. 69 г.

Вителлий происходил, как можно судить по противоречивым свидетельствам о нем, из древнего всаднического рода. Дед его был управителем имений Августа, а отец, Луций Вителлий, достиг высших должностей: был трижды консулом и один раз цензором, но более прославился своей невероятной лъстивостью. Сенат почтил его погребением на государственный счет и статуей.

Детство и раннюю юность Вителлий провел на Капри, среди любимчиков императора Тиберия, и на всю жизнь сохранил позорное прозвище Спинтрия; думали даже, что именно красота его лица была причиной и началом возвышения его отца. В последующие годы, по-прежнему запятанный всеми пороками, он достиг важного положения при дворе. Близок он был и к Гаю Калигуле - за любовь к скачкам, и к Клавдию - за любовь к игре, а более всего к

Нерону - отчасти за то же самое, отчасти же за особую услугу: распоряжаясь на Нероновых играх, он увидел, что Нерон очень хочет выступить в состязании кифаредов, но не решается уступить общим просьбам и готов уйти из театра; тогда он остановил его, словно по неотступному требованию народа, и этим дал возможность его уговорить. Снискав таким образом милость трех правителей, он был удостоен и почетных должностей, и высших жреческих санов: при Клавдии в 47 г. получил консульство, а при Нероне в 61 г. был назначен проконсулом в Африке и попечителем общественных построек. Но на этих местах и дела его, и молва о нем были разные: провинцией он управлял с редкой добросовестностью, а на столичной должности, по рассказам, похищал из храмов приношения или подменял их, ставя вместо золота и серебра олово и желтую медь. Женат он был сначала на Петронии, дочери консуляра, которая развелась с ним, забрав с собой и их сына. Потом он женился на Галерии Фундане, имел от нее сына и дочь.

В конце 68 г. Гальба назначил Вителлин управлять Нижней Германией. При этом он заметил, что меньше всего приходится бояться тех, кто помышляет только о еде, и что, может быть, богатство провинции насытит его безмерную глотку. Известно, что даже на дорогу у Вителлия не оказалось денег: он жил в такой нужде, что для жены и детей, оставленных в Риме, снял какой-то чердак, а весь свой дом отдал в наем; на путевые расходы он должен был заложить жемчужину из серьги матери. Кредиторы преследовали его до самых границ Италии, и он лишь с большим трудом отделался от них. Но в Германии его ждал совсем другой прием. Тамошним легионам он сразу пришелся по душе, так как был сыном троекратного консула, человеком в расцвете лет и сил, любезным и щедрым. По дороге Вителлий целовался при встречах даже с простыми солдатами, на постоянных дворах и в харчевнях был на диво любезен и с попутчиками, и с погонщиками, а по утрам даже расспрашивал каждого, завтракал ли тот, и рыгал, чтобы показать, что сам он уже позавтракал (Светоний: «Вителлий»; 1-7).

Явившись в декабре в зимние лагеря нижегерманских легионов, Вителлий стал внимательно разбираться в положении, которое здесь создалось: вернул многим прежние должности, сделал наказания менее унижительными, смягчил взыскания. Движимый в большинстве случаев желанием добиться популярности, но иногда и из чувства справедливости, он беспристрастно распределил воинские должности, которые его предшественники производили за деньги или по грязным соображениям. Перед людьми строгими и суровыми он заискивал, а среди своих друзей слыл человеком славным и добродушным, потому что безрассудно и не считая раздавал и свои, и чужие деньги (Тацит: «История»; 1; 52).

В начале января 69 г. верхнегерманские легионы, давно уже волновавшиеся против Гальбы, отказались приносить ему присягу и на сходке решили провозгласить императором Вителлия. В ту же ночь какой-то знаменосец добрался до Вителлия в Агриппинову колонию и сообщил ему о случившемся. У того как раз было много гостей. Весть быстро разнеслась по всему войску. Утром начальник одного из легионов Фабий Валент прискакал во главе большого отряда к Вителлию и приветствовал его как императора. До тех пор Вителлий решительно отвергал эту честь, страшась громадности императорской власти, но тут, как рассказывают, он вышел к солдатам сразу после полуденной трапезы, отяжелевший от еды и вина, и согласился принять имя Германика, титул же Цезаря отклонил и на этот раз (Плутарх: «Гальба»; 22).

Вскоре пришло известие, что Гальба убит в Риме, а его место занял Отон. Провинции и войска должны были выбирать между двумя провозглашенными императорами. К Вителлию присоединились легионы, расположенные в Реции и Британии. Галлия признала его власть из страха, а Испания принуждена была к этому наместником Клувием Руфом. После этого Вителлий, располагавший теперь несметными силами и богатствами, поручил войну двум своим легатам: Фабию Валенту и Цецине, а сам проводил все время в праздности, роскоши и пирах (Тацит: «История»; 1; 60-62, 76). В апреле Отон был разбит в битве при Бед-риаке и покончил с собой. Тогда Вителлий двинулся в Рим. Всех сторонников Отона он простил, и даже полководцам сохранил определенные им должности. Сам он никого не преследовал, но и войску не препятствовал обогащаться по своему желанию. Рассыпавшись по Италии, его солдаты грабили кого хотели, словно находились в завоеванной стране. Это не могло прибавить Вителлию популярности. Да и в дальнейшем - чем ближе его узнавали, тем большим

проникались к нему презрением.

Главным пороком нового императора была отвратительная, ненасытная страсть к еде. Дороги, ведущие от обоих морей, дрожали под грохотом повозок, доставлявших все, что могло еще возбудить его аппетит. В городах устраивались пиры, своим великолепием разорявшие магистратов и истощавшие городские запасы продовольствия. Армия, двигавшаяся к Риму, теряла силы в распутстве и наслаждениях и все больше забывала воинскую дисциплину. Следом за Вителлием шли 160 000 разнузданных и наглых солдат, еще больше войсковой прислуги и обозных рабов, выделявшихся своей развращенностью даже среди невольников, и свита, состоявшая из огромного количества официальных лиц и знакомых императора. Со всех сторон сбегались шуты, лицедеи, возницы, которых он встречал с радостью, многих приводившей в недоумение. Вся эта масса войск опустошала не только колонии и муниципии, но даже усадьбы земледельцев; нивы, уже колосившиеся новым урожаем, они вытаптывали, как будто шли по земле врага (Тацит: «История»; 2; 56, 57, 60, 62, 69, 71, 87).

Еще более пышно отпраздновал он свое вступление в Рим. Пирьы стали устраиваться по три, а то и по четыре раза в день, и Вителлий на каждом из них наедался до отвала. Его хватало и на завтрак, и на обед и на ужин, так как он каждый раз принимал рвотное. В один день он напрашивался на угощение в разное время к разным друзьям, и каждому такое угощение обходилось не меньше чем в 400 000. Самым знаменитым был пир, устроенный в честь его прибытия братом: говорят, на нем было подано отборных рыб 2000 и птиц 7000. Но сам Вителлий затмил и этот пир, учредив такой величины блюдо, что только на серебро было потрачено миллион сестерциев. Здесь были смешаны печень рыбы скар, фазаньи и павлиньи мозги, языки фламинго, молоки мурен, за которыми он рассылал корабли и ко* рабелщиков от Парфии до Испанского пролива. Он не знал в чревоугодии ни меры, ни времени, ни приличия - даже при жертвоприношении, даже в дороге не мог он удержаться: тут же у алтаря хватал он и поедал чуть ли не на огне куски мяса и лепешек.

Правил он исключительно по прихоти и воле самых негодных актеров и возниц, особенно же отпущенника Азиатика. Впрочем, в своих привязанностях он был непостоянен и склонялся на сторону то одного, то другого. В делах не было никакого порядка, а сплошь и рядом царили произвол и взяточничество. Всех, кто подавал прошения о вознаграждении после смерти Гальбы, он велел разыскать и казнить. С тем же упорством он преследовал откупщиков, заимодавцев и менял, которые когда-либо взыскивали с него долг: вряд ли хоть кого-то из своих бывших кредиторов Вителлий оставил в живых. Одного из них, особенно злостно его преследовавшего, он велел заколоть немедленно у себя на глазах, случайно столкнувшись с ним на улице.

На восьмом месяце такого правления против Вителлия возмутились войска в Мезии и Паннонии, а потом и за морем, в Иудее и Сирии: частью заочно, частью лично они присягнули Веспасиану, под началом которого находились легионы в Иудее. Чтобы сохранить верность остального народа, Вителлий не желал уже ни своих, ни государственных средств. Объявляя в Риме воинский набор, он обещал добровольцам после победы не только отставку, но даже награды, какие лишь ветераны получали за полный выслуженный срок. Враги наступали по суше и по морю; Вителлий отправил против них с моря своего брата с флотом, новобранцами и отрядом гладиаторов, а по суше - полководцев и войска, победившие при Бетриаке (Светоний: «Вителлий»; 12-15). Сам он продолжал предаваться роскоши и развлечениям, даже не помышляя о том, чтобы обеспечить себя оружием, закалять армию, обратиться к солдатам с речью, показаться народу. Укрывшись в тени своих садов, Вителлий не заботился ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем. Вялый, неподвижный, сидел он в Арицийской роще, когда пришла весть о переходе равенского флота на сторону Веспасиана. Через некоторое время ему доложили о том, что Цецина, один из ближайших его соратников, пытался передаться к врагу со своими легионами, но солдаты схватили его и заковали в цепи. Однако после этого они все же потерпели тяжелое поражение под Кремоной. Вителлий выслал против Веспасиана своего второго легата - Фабия Валента; солдаты шли воевать неохотно и вскоре многие перешли на сторону флавианцев, а сам Валент попал в плен. После этого дела Вителлия стали идти все хуже и хуже. Ему изменили испанские легионы, отпала Галлия, а за ней и Британия. Только поле этого, понуждаемый солдатами, он наконец приехал в армию,

которая находилась в Умбрии. Но невежественный в военном деле, неспособный что-либо предвидеть и рассчитать, он не умел ни построить войско, ни собрать нужные сведения о противнике. Он обо всем спрашивал совета у окружающих, при каждом новом известии ужасался, дрожал, а потом напивался. Наконец лагерная жизнь ему надоела и он уехал в Рим. Ничего, кроме позора, эта поездка ему не принесла.

Война тем временем приближалась к Риму. 18 декабря 69 г. Вителлий узнал, что оставленный в Нар-нии легион вместе с приданными ему когортами изменил своему долгу и сдался врагу. Тогда в страхе он решил сложить с себя власть, облачился в черные одежды, окружил себя плачущими родными, клиентами и рабами и спустился на форум. Он объявил, что в интересах мира и государства отказывается от власти и просит сжалиться над ним и его невинными детьми. Затем он стал протягивать своего ребенка окружающей толпе, обращался то к одному, то к другому, то ко всем вместе. Рыдания душили его. Отсюда он двинулся к храму Согласия с намерением там сложить с себя знаки верховной власти. Но толпа и солдаты, потрясенные этим невиданным зрелищем, преградили ему дорогу, умоляя не спешить со своим решением, и Вителлий после некоторого колебания вернулся во дворец. Он даже снова воспрянул духом, хотя всем уже было очевидно, что его положение безнадежно.

Спустя три дня флавианцы вступили в Рим, и на улицах города развернулось ожесточенное сражение. Оставшиеся верными императору солдаты заперлись в преторианском лагере и здесь не без славы все до последнего человека пали в бою. Самого Вителлия схватили во дворце, когда он, покинутый всеми, пытался спрятаться в постыдном месте. Со скрученными за спиной руками, в разодранной одежде его повели по городу, подвергая ругательствам и оскорблениям. Подталкиваемый со всех сторон остриями мечей и копий, Вителлий вынужден был высоко поднимать голову; удары и плевки попадали ему прямо в лицо, и он видел, как валятся с пьедесталов его статуи. Глумившемуся над ним трибуну он сказал: «Ведь я был твоим императором», - то были единственные достойные слова, которые пришлось от него услышать. Произнеся их, он тут же упал, покрытый бесчисленными ранами, и чернь надругалась над мертвым так же подло, как она пресмыкалась перед живым (Тацит: «История»; 3; 36, 43, 44, 56, 67, 68, 82, 84, 85).

ГАЛЕРИЙ, Гай Валерий Максимиан

Римский император в 305-311 гг. Род. в 250 г. Умер 311 г.

Галерий родился в Дакии, на берегу Дуная, недалеко от Сарди-ки (Евтропий: 9; 22). Родители его были сельскими жителями, и сам он в детстве пас скот (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40). В 293 г. император Диоклетиан усыновил его и провозгласил своим соправителем с титулом Цезаря. При этом Галерий вынужден был развестись со своей прежней женой и женился на Валерии, дочери Диоклетиана (Евтропий: 9; 22). В управление ему была отдана Иллирия и все побережье до Понтийского пролива. Но когда Диоклетиан отправился воевать в Африку, Галерию было поручено управлять также восточными провинциями, а вместе с тем дана на руки и тяжелая война против персидского царя Нарсеса (Виктор: «О Цезарях»; 39). Первое свое сражение в 296 г. он провел между Каллини-ком и Каррами неудачно, проиграв более по неосторожности, чем по малодушию, ибо вступил в сражение с небольшим войском против многочисленного противника. И вот, разбитый, направился он к Диоклетиану. Рассказывают, что последний встретил его так нелюбезно, что Галерий несколько миль бежал в императорском одеянии за колесницей Диоклетиана. Но вскоре, собрав войска в Иллирии и Мезии, Галерий двинулся в Великую Армению и на этот раз воевал с большим успехом (Евтропий: 9; 24, 25). В 298 г. ему удалось заманить персов в подстроенную им засаду, и так как те двигались толпою, не соблюдая порядка, то пришли от внезапного нападения в сильное замешательство и были легко побеждены (Лактанций: 9). Прогнав Нарсеса, Галерий захватил его лагерь, взял в плен его жен, сестер и детей, а самого царя преследовал до пустынных пределов его царства (Евтропий: 9; 25).

В дальнейшем влияние Галерия неуклонно возрастало, особенно в последние годы правления Диоклетиана. Именно Галерий, по мнению христианских писателей, уговорил своего

тестя начать гонения на христиан (Евсевий: «Церковная история»; 8; доп.). Разные писатели по-разному изображают характер и образ его жизни. По свидетельству Аврелия Виктора, Галерий был хотя и грубоват, но справедлив и заслуживал похвалы, он имел прекрасную фигуру и был отличный и удачливый воин (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40). Евтропий находил, что он муж похвальных нравов и подлинно велик в военном деле (Евтропий: 10; 2). Совсем другими глазами смотрели на Галерия историки-христиане. Лактанций отмечал, что в нем заметна была зверская свирепость, неведомая римлянам. Столь же ужасна была его внешность: он отличался огромным ростом и чрезмерной толщиной. Самые забавы его носили на себе печать изуверства - Галерий выкармливал медведей такой же величины, как он сам, приказывал приводить их к себе в покои и смеялся от души, видя, как они раздирают предаваемых им людей. Провинции свои он разорил непомерными поборами, а будучи судьей, отвергал всякого рода легкие наказания - ссылку, темницы, рудники. По его мнению, все провинности достойны были сожжения на костре, распятия на кресте или растерзания дикими зверями. Чтобы истребить всякое понятие о законности, он перебил и изгнал из своих владений всех адвокатов и юристов, так что судьи его не знали другого закона, кроме необузданного своеволия (Лактанций: 14, 21, 22). К тому же, по словам Феофана, Галерий отличался таким Женолюбием, что придворные старались скрывать от него своих жен (Феофан: 297).

В 305 г. императоры Диоклетиан и Максимиан добровольно отказались от власти. Августами стали Констанций Хлор на западе и Галерий на востоке. Цезарями были назначены Флавий Север и Мак-симин Даза, племянник Галерия. Так как Констанций добровольно отказался от Италии и Африки, в руках Галерия сосредоточилась власть над большей частью империи (Евтропий: 10; 1). Но обстоятельства и недостаток твердости помешали ему править государством так же самодержавно, как это умел делать Диоклетиан. Прежде всего, в 306 г., после смерти Констанция, легионы в Британии провозгласили императором его сына Константина. Галерий вынужден был признать его Цезарем, так как знал о великой любви к нему воинов. Однако Августом на западе он провозгласил не Константина, а Флавия Севера. Италия также вскоре отпала от Галерия, после того как он попытался обложить итальянцев налогами и ослабить влияние преторианцев. В ответ римляне провозгласили императором Максенция, сына Максимилиана.

На этот раз Галерий не собирался уступать без борьбы. Он отправил в Италию Севера с большим войском, но тот был оставлен солдатами и вскоре лишился жизни. Тогда в 307 г. Галерий сам двинулся на Рим. Подступив к столице, он сообразил, что взять такой большой город ему не под силу. К тому же некоторые из его легионов перешли на сторону Максенция, и Галерий поспешно отвел войска обратно в свои провинции. Вместо Севера он объявил Августом своего старого друга Лициния. Потом, чтобы успокоить племянника, он даровал титул Августа также Максимилиану. Максенция и Константина он велел именовать сыновьями Августов, но вскоре принужден был и за ними признать имя Августов. Таким образом, империя оказалась разделена между пятью императорами (Лактанций: 25-27, 32).

В последние годы жизни Галерий был поражен тяжелой болезнью. Сначала на тайных членах его появился нарыв, затем в глубине образовалась фистулообразная язва, от которой началось неисцелимое разъедание всех внутренних органов. Внутри кишки несметные черви, и невыносимый смрад шел от тела. Еще до болезни Галерий стал от обжорства грузным и ожиревшим. По словам Евсевия, невыносимым и страшным зрелищем была эта разлагающаяся масса жира (Евсевий: «Церковная история»; 8; 16). Эта ужасная болезнь мучила Галерия целый год. Наконец, изможденный страданиями, он обратился к Христу и среди новых мучений обещал восстановить разрушенную церковь в Никомедии. Тогда в 311 г. обнародован был указ, вновь разрешавший христианам открыто исповедовать свою религию. Вскоре после этого Галерий скончался (Лактанций: 33, 34).

ГАЛЛ, Гай Вибий Требониан

Римский император в 251-253 гг. Род в 206 г. Умер 253 г.

Галл происходил с острова Ме-нинг, расположенного у берегов Ливии (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 31). До принятия власти он был сенатором в Перузии, в 245 г.

получил консульство, а в 250-м - наместничество в Мезии. После смерти Деция в июне 251 г. он был провозглашен императором вместе с Гостилианом, а сын его Волуциан получил титул Цезаря (Виктор: «О Цезарях»; 30). Первой заботой нового императора было освобождение иллирийских провинций от невыносимого угнетения со стороны победоносных готов. Он согласился оставить в их руках плоды их победы - громадную добычу и пленников, в изобилии снабдил их лагерь всем, что могло смягчить их раздражение или способствовать их скорейшему отступлению; он даже обещал им ежегодно выплачивать большую сумму денег с тем условием, чтобы они впредь никогда не опустошали римскую территорию своими набегами (Гибон: 10). Во время эпидемии чумы Галл заслужил любовь народа тем, что заботливо и усердно хоронил всех, даже самых скромных граждан. Пока он пребывал в Риме, Эмилий Эмилиан подкупил солдат и захватил власть. Галл вместе с сыном выступил против него, чтобы дать отпор, но при Интерамне оба они были убиты своими солдатами, рассчитывавшими получить большие награды от Эмилиана (Виктор: «О Цезарях»; 30-31).

ГАЛЛИЕН, Публий Лициний Валериан Эгнаций

Римский император в 253-268 гг. Род. в 218 г. Умер 268 г. Сын и соправитель императора Валериана.

В 253 г. Галлиен был объявлен соправителем своего отца, а в следующем году Валериан отправил его на рейнско-дунайскую границу. Здесь он в течение нескольких лет более или менее успешно отражал набеги германцев (Виктор: «О Цезарях»; 33). Впрочем, говорят, что большую часть времени он проводил за вином и в трактирах, окружив себя сводниками, мимами и блудницами, и губил в нескончаемых излишествах хорошие задатки, данные ему от природы. Только доведенный до крайности он становился стремительным, храбрым, энергичным и жестоким (Поллион: «Тридцать тиранов»; 9).

В 259 г. Галлиен разгромил алеманов, продвинувшихся почти до самого Медиолана. Между тем пришла весть о поражении римлян под Эдессой и о пленении Валериана. Сразу несколько полководцев в разных частях империи провозгласили себя императорами, и Галлиену пришлось вести с ними упорную борьбу. Из Галлии он спустился в Иллирик и разбил при Мурсии правителя Паннонии Ингенуя, которого тамошние легионы объявили Августом (Виктор: «О Цезарях»; 33). Пишут, что убив его, Галлиен стал ужаснейшим образом свирепствовать против всех мезийцев, как воинов, так и граждан. Он не оставил никого, кто не испытал бы на себе его жестокости, и был так суров и дик, что в некоторых городах перебил всех мужчины. Многие мезийцы бежали к легату Иллирика Регаллиану и провозгласили его императором. Но в 260 г. Галлиен победил и Регаллиана (Поллион: «Тридцать тиранов»; 9-10).

Когда все эти дела разрешились сверх ожидания благоприятно, Галлиен, по свойственному людям обыкновению, стал слишком беспечен от удач и поручил все управление государством воле судьбы (Виктор: «О Цезарях»; 33). Он погряз в роскоши и пороках, не занимаясь ничем, кроме забав и кутежей. Передают, что он был славен и как оратор, и как поэт и отличался во всех искусствах, но эти качества не сделали из него хорошего императора. По свидетельству Поллиона, он имел обыкновение устраивать спальни из роз и строил укрепления из фруктов, столы всегда покрывал золотыми скатертями, а волосы посыпал золотым порошком. Известия о мятежах, опустошительных набегах варваров, эпидемиях и стихийных бедствиях он воспринимал с легкомысленными шутками (Поллион: «Двое Галлиенов»; 4, 11, 16-17).

Пользуясь слабостью императора, на Западе устремился к захвату власти Постум, стоявший во главе варваров в Галлии. В 259 г. он провозгласил себя императором и вскоре завоевал всю Галлию, а потом покорил Британию и Испанию (Виктор: «О Цезарях»; 33). Галлиен со своими полководцами Авреолом и Клавдием начал против Постума войну, которая велась с большим упорством. Постум получил много вспомогательных отрядов от кельтов и франков. После многочисленных сражений, имевших различный исход, победа оказалась на стороне Постума, и он правил Галлией до самой смерти в течение десяти лет.

Среди стольких бедствий, причиненных войной, в 262 г. произошло еще страшное землетрясение. Земля тряслась в Риме и Ливии, но еще большим это несчастье было в городах

Азии. Во многих местах образовались расщелины и провалилось много зданий. Некоторые города оказались затоплены морями. Вслед за тем вновь усилилась моровая язва, опустошившая весь римский мир. Только в столице в один день погибало от болезни до пяти тысяч человек. Распад империи между тем продолжался. Были потеряны все земли за Дунаем, а в 264 г. Оденат провозгласил себя императором на Востоке (Поллион: «Двое Галлиенов»; 4-5, 7, 10). Полчища франков, разграбив Галлию, овладели Испанией, разорив и почти разрушив город Таррако-ну, и, получив своевременно корабли, достигли даже Африки. Готы в 267-268 гг. свободно проникли во Фракию и заняли Македонию, Ахею и ближние земли Азии (Виктор: «О Цезарях»; 33). С большим трудом они были побеждены сначала Венерианом, а потом афинянами и отступили в Иллирик. Гал-лиен, обеспокоенный, наконец, общественными бедствиями, встретился здесь с варварами и многих перебил (Поллион: «Двое Галлиенов»; 13). Но от продолжения войны его отвлекла измена Авреола, который открыто перешел на сторону Постума. В 268 г. Галлиен разбил мятежников и загнал их в Медиолан. Оказавшись в такой крайности, Авреол решился на следующую хитрость: он составил список имен командиров и военных трибунов Галлиена, будто бы присужденных им к казни, и с величайшими предосторожностями тайно сбросил этот список со стены города; случайно тот был подобран лицами, в нем упомянутыми, и внушил им страх и подозрение по поводу назначенной им казни. По этой причине среди полководцев Галлиена возник заговор.

Глубокой ночью, под предлогом будто бы начавшейся вылазки неприятеля, император был вызван из своей палатки. Как это обычно бывает в суете и тревоге, он остался безо всякой охраны и был пронзен копьем - чьим именно, осталось из-за темноты неизвестным. Когда Галлиен после обильной потери крови из глубокой раны понял, что к нему приближается смерть, он отправил знаки своей власти Клавдию, который в звании трибуна держал вспомогательный отряд у Тицина (Виктор: «О Цезарях»; 33).

ГАЛЬБА, Сервий Сульпиций

Римский император в 68-69 гг. Род. 24 дек. 3 г. до Р.Х. Умер 15 янв. 69 г.

Гальба происходил из славного и богатого патрицианского рода Сульпициев. В детстве он был усыновлен своей мачехой Ливией и прожил почти всю жизнь, прозываясь Луцием Ливием. При Тиберии он стал избираться на почетные должности: назначался претором, в 31 г. получил наместничество в Аквитании, а в 33 г. - консульство. Гай Калигула отправил его легатом в Верхнюю Германию. Став во главе легионом, он показал себя суровым и требовательным полководцем (Светоний: «Гальба»; 4, 6). Над хаттами, прорвавшимися в 41 г. почти до самой Галлии, он одержал решительную победу (Дион: 60; 8). Принцепса, посетившего его лагерь, Гальба порадовал хорошей выучкой войск, а еще более тем, что после учений пробежал за его колесницей целых 20 миль. При известии об убийстве Калигулы многие советовали Гальбе воспользоваться случаем и захватить власть, но он предпочел остаться в стороне. Этим он снискал великое расположение Клавдия, был принят в круг его друзей и достиг такого почета, что из-за его внезапной и тяжелой болезни был отсрочен даже поход в Британию. В 45 г. он получил без жребия проконсульство на два года в Африке, чтобы навести порядок в этой провинции, беспокойной из-за внутренних раздоров и из-за восстаний варваров; и он навел порядок с усердной строгостью и справедливостью даже в мелочах. За свои заслуги в Африке и Германии он получил триумфальные украшения и был избран жрецом в три коллегии сразу. И с этих пор почти до середины правления Нерона жил он большей частью в покое и даже на прогулки выезжал не иначе, как имея при себе миллион золотом в соседней повозке. Наконец в 61 г. он получил назначение в Тарраконскую Испанию. Этой провинцией он управлял восемь лет, но непостоянно и по-разному. Поначалу он был суров и крут и не знал даже меры в наказании за проступки. Так одному меняле за обман при обмене денег он велел отрубить руки и гвоздями прибить их к столу; опекуна, который извел ядом сироту, чтобы получить после него наследство, он приказал распять на кресте, а когда тот стал взывать к законам, заверяя, что он - римский гражданин, Гальба, словно облегчая ему наказание, велел перенести его на другой крест, выше других и беленый. Но постепенно он впал в бездеятельность и праздность (Светоний: «Гальба»; 6-9).

Так обстояли дела, когда в 68 г. поднял восстание против Нерона претор Галлии Юний Виндекс. Сообщают, что еще до открытого выступления к Гальбе пришло письмо от Виндекса; он не дал никакого ответа, однако ж и не донес в Рим. Но после того, как Виндекс начал открытую войну, он снова написал Гальбе, призывая его принять верховное начальство и придать еще более силы восстанию, - возглавить Галлию, которая уже имеет 100 000 вооруженных воинов и может выставить еще больше. Гальба созвал друзей на совет. Иные из них считали, что надо ждать, пока не выяснится, чем ответит Рим на этот переворот. Но Тит Виний, начальник пре-торской когорты, недолго думая, вскричал: «Какие еще тут совещания, Гальба! Ведь размышляя, сохранить ли нам верность Нерону, мы уже ему не верны! А если Нерон нам отныне враг, нельзя упускать дружбу Виндекса. Или же в противном случае следует немедленно выступить против него с обвинениями и военной силой за то, что он хочет избавить римлян от тирании Нерона и дать им в правители тебя».

После этого Гальба особым указом назначил день, в который обещал освободить значительную часть узников; молва и слухи об этом распространились заранее и собрали громадную толпу людей, жаждавших переворота. Не успел Гальба появиться на возвышении, как все в один голос провозгласили его императором. Гальба в тот раз императорского звания не принял; произнес обвинения против Нерона и оплакавши самых сильных и знаменитых из числа его жертв, он согласился послужить отечеству, именуясь, однако ж, не Цезарем и не императором, а полководцем римского сената и народа. Многие наместники отпадали от Нерона, и почти все принимали сторону Гальбы, но Вергиний, начальник германских легионов в Галлии, объявил, что он и сам не примет верховного владычества и не позволит получить его никому помимо воли и выбора сената. Он выступил против Виндекса и разгромил его в упорном сражении. Потеряв 20 000 человек, Виндекс покончил с собой.

Обеспокоенный этим, Гальба вернулся в Испанию и стал ждать, чем все кончится. В июне пришло известие, что Нерон покончил с собой, а сенат провозгласил Гальбу императором (Плутарх: «Гальба»; 4-7). Тогда Гальба сложил звание легата, принял имя Цезаря и выступил в путь, одетый в военный плащ с кинжалом, висящим на груди (Светоний: «Гальба»; 11). В Галлии к нему присоединился Вергиний, который, согласно своему обещанию, получив сенатское постановление, немедленно признал Гальбу императором и привел к присяге на верность ему свои легионы.

Таким образом, все поначалу благоприятствовало Гальбе. В Риме его ожидали с нетерпением. Когда префект преторианцев Нимфидий Сабин попытался провозгласить себя императором, его немедленно убили. Прояви Гальба в этот момент милосердие, он, возможно, смог бы упрочить свою власть, но он вместо этого велел перебить без суда друзей Сабина. Это беззаконие насторожило всех. Пошли слухи о его суровости, жестокости и скупости; своими поступками Гальба подтвердил и приумножил эти слухи. Одним из первых его распоряжений было разыскать и вернуть все ценные вещи, подаренные Нероном своим любимцам. Поскольку вещи эти уже успели не раз сменить владельцев, расплачиваться за безумные траты прежнего принцепса пришлось людям совершенно посторонним и ни в чем не виноватым. Розыскам не было конца, и они захватывали все более широкий круг лиц, так что о Гальбе повсеместно стали говорить с презрением.

К тому же вскоре оказалось, что он слепо доверяет своим советникам - друзьям и вольноотпущенникам - и все делает по их указке. А те, все как на подбор, оказались людьми алчными и жестокими (Плутарх: «Гальба»; 10, 14- 16). Гальба позволял им за взятку или по прихоти делать все, что угодно, - облагать налогом и освобождать от налога, казнить невинных и миловать виновных (Светоний: «Гальба»; 15). Так Виний за огромную взятку сохранил жизнь Ти-геллину, одному из самых ненавистных приспешников Нерона (Плутарх: «Гальба»; 17).

Даже внешность и привычки Гальбы вредили ему в глазах черни и солдат. Он был невысокого роста и совершенно лысый, нос имел крючковатый, а руки и ноги - до того искалеченные подагрой, что он не мог ни носить подолгу башмаки, ни читать, ни просто держать книгу. На правом боку у него был мясистый нарост, так отвисший, что его с трудом сдерживала повязка. В молодости Гальба был женат, но после ранней кончины жены никогда больше не пытался связать себя узами брака, хотя многие женщины (и в их числе даже Агриппина, мать Нерона) искали его благосклонности. Похоть он испытывал больше к

мужчинам, притом к взрослым и крепким. Много лет его наложником и сожителем был вольноотпущенник Икел, которого после прихода к власти он осыпал безмерными почестями и богатством.

Прошло всего несколько месяцев правления Гальбы, а он уже посеял семена недовольства во всех сословиях. Но наиболее опасной была для него ненависть солдат и преторианцев. Многие из них приняли участие в восстание против Нерона, соблазненные щедрыми посулами своих начальников. Но за их измену Гальба им ничего не заплатил. При нем не было ни раздач, ни подарков. Когда же принцепсу сообщили о том, что солдаты недовольны и озлоблены его скупостью, он отвечал, что привык набирать, а не покупать воинов. Этим он восстановил против себя легионы во всех провинциях.

Однако громче всех роптали войска в Верхней Германии (Светоний: «Гальба»; 16, 21-22). В январские календы 69 г. они открыто восстали и провозгласили императором префекта Нижней Германии Вителлия. Когда Гальба узнал о перевороте, он объявил соратникам, что нельзя более медлить с назначением преемника. Эта мысль давно уже обсуждалась в близком ему кругу, поскольку только таким образом надеялись упрочить положение принцепса. Гальба знал, что немногие из его друзей стоят за Долабеллу, а все остальные за Марка Отона. Но сам он не одобрял ни того ни другого. Другьям он сказал, что общее благо ставит выше собственных интересов и хочет назвать сыном не того, кто будет всех приятнее ему самому, но того, кто принесет больше всего пользы Риму. Считают, что Отон, который при захвате власти оказал ему огромные услуги, он отверг из-за того, что тот был известный мот и распутник, имевший долгов на пятьдесят миллионов. Итак, не слушая ни чьих советов, Гальба послал за Пизоном, молодым человеком, от природы одаренным всеми нравственными достоинствами, но особенно славившимся чистотой и суровостью жизни, и усыновил его. Затем он отправился в лагерь преторианцев и объявил Пизона своим преемником. Более всех эта новость поразила Отона. Увидев крушение всех своих надежд, он из горячего приверженца Гальбы обратился в его злейшего врага. Однако, обдумав свое положение, он решил, что, действуя быстро и решительно, он может еще и теперь добиться своей цели. В тот же день он вступил в переговоры с преторианцами и за четыре дня успел подготовить заговор против Гальбы.

В назначенный для выступления день Гальба приносил на Палати-не жертву в присутствии друзей. Услышав, что жертвы очень неблагоприятны для принцепса, Отон вышел из храма. Преторианцы доставили его в лагерь, и здесь он был провозглашен императором. О случившемся немедленно сообщили Гальбе на Палатин. Некоторое время он колебался, не зная, что предпринять. Из города приходили самые противоречивые слухи. Одни говорили, что мятеж разрастается и что все столичные войска поддержали Отона, другие доносили, что, напротив, войска сохранили верность Гальбе. Потом вдруг сообщили, что Отон убит в лагере преторианцев. Один из телохранителей принцепса даже показал ему окровавленный меч, которым он якобы зарезал Отона (Плутарх: «Гальба»; 21-25). Все это была ложь. На самом деле легион морской пехоты без промедления присоединился к преторианцам, точно так же, как иллирийский легион. Только германские отряды готовы были выступить на стороне Гальбы, но и они не успели ничего сделать (Тацит: «История»; 1; 31). Но Гальба поверил благоприятным для него известиям, он сел на носилки и сквозь несметные толпы народа отправился на форум. Только тут стало известно достоверно, что дело принцепса проиграно и что столичный гарнизон целиком на стороне нового императора (Плутарх: «Гальба»; 26). В это время мятежная конница ворвалась на форум. Народ бросился врассыпную, а преторианцы кинулись к носилкам принцепса. Носильщики вырвали их из рук, и Гальба вывалился на землю. Говорят, что окруженный со всех сторон врагами, он сам подставил им горло со словами: «Убейте меня, если это нужно для государства». На него обрушилось множество ударов - достоверно не известно, кто нанес ему смертельную рану. Даже после того, как он был мертв, солдаты продолжали рубить и колоть обезображенное тело (Тацит: «История»; 41). Какой-то солдат отрубил у трупа голову и, держа пальцами за челюсть (ведь волос на голове у Гальбы не было), преподнес ее Отону. Отон отдал ее обозникам и харчевникам, и они, потешаясь, долго носили ее на пике по лагерю (Светоний: «Гальба»; 20).

Римский император в 218-222 и Под. в 204 г. Умер 11 марта 222 г.

Антонин Гелиогабал по отцу принадлежал к сирийскому аристократическому роду Вариев и от рождения именовался Бассианом Варием Авитом. Его прадед, дед и отец были жрецами финикийского солнечного бога Эль-Габала, покровителя Эмеса. С материнской же стороны Бассиан состоял в родстве с императорской фамилией: его бабка, Юлия Меса, была родной сестрой Юлии Домны, супруги императоров Септимия Севера и Каракаллы. Но, возможно, его связь с родом Северов была еще ближе и непосредственнее: мать будущего императора, Юлия Со-эмия, в юности состояла в любовной связи с Каракаллой, и говорили, что сын ее родился именно от младшего Севера, а не от законного супруга (Лампридии: «Антонин Гелиогабал»; 1).

В 217 г., после убийства Каракаллы, император Макрин велел Месе возвратиться на родину и поселиться в своих имениях. С этого же времени Бассиану, как старшему в роде Вариев, было вверено отправление культа Эль-Габала. Он находился в цветущем возрасте и считался красивейшим из всех юношей своего времени. Когда Бассиан священнодействовал и плясал у алтарей под звуки флейт и свирелей, на него собирались смотреть толпы народа. Среди зевак были и воины, поскольку под Эмесом располагался лагерь Третьего Галльского легиона. Некоторые солдаты были клиентами Месы и находились под ее покровительством. В то время азиатские легионы уже стали тяготиться властью Макрина и с сожалением вспоминали Каракаллу, всегда пользовавшегося горячей любовью воинов. Слух о том, что Бассиан - сын Каракаллы, разошелся по всему войску. Поговаривали также, что у Месы груды денег и что она охотно отдаст их все солдатам, если те помогут вернуть власть ее семейству. Много толкуя между собой об этих предметах, легионеры наконец согласились провозгласить Бассиана императором. Однажды ночью клиенты Месы впустили ее в лагерь вместе с дочерьми и внуками, а сбжавшиеся воины сейчас же облачили Бассиана в пурпурный плащ и провозгласили его Антониной.

Когда об этом сообщили Мак-рину в Антиохию, он выслал против Галльского легиона войска, но те немедленно перешли на сторону Антонина. Тогда сам Макрин двинулся в Финикию и 8 июня 218 г. встретился на ее границах с мятежниками. Началось упорное сражение, однако еще прежде, чем определился победитель, Макрин бежал. Легионы его перешли на сторону Антонина, а сам он вскоре был убит (Геродиан: 5; 3-4).

Сенат утвердил выбор воинов, и в 219 г., покончив со всеми делами на Востоке, Меса привезла внука в Рим. Народ приветствовал нового императора с величайшим воодушевлением, возлагая на него все свои лучшие надежды. Однако уже вскоре его поведение вызвало всеобщее недоумение, а потом и возмущение. С первого же дня Гелиогабал явно показал, что намерен, как и прежде, отдаваться служению своему богу. На Палатинском холме вблизи дворца для Эль-Габала был построен храм, который отныне должен был стать главной святыней Рима. Сюда перенесли и лепное изображение Матери богов, и огонь Весты, и Палладий, и священные щиты, словом - все, что глубоко чтят римляне. Гелиогабал добивался, чтобы в столице почитался только один его бог. Он говорил, что сюда надо перенести и религиозные обряды иудеев, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Эль-Габала держало в своих руках все тайны культов. Всех остальных богов он называл служителями своего бога: его спальниками и рабами (Лампридии: «Антонин Гелиогабал»; 3, 7). Вместе с тем император стал предаваться всяким неистовствам: он с упоением плясал около статуи бога, не признавал римские одежды, облачаясь по своему обыкновению в пышные варварские наряды, украшал себя золочеными пурпурными тканями, ожерельями и браслетами, а также румянился и красил глаза. Каждое утро он закалывал и возлагал на алтари гекатомбы быков и огромное число мелкого скота, нагромождая различные благовония и изливая перед алтарями много амфор очень старого превосходного вина. Затем он пускался в бурный танец под звуки кимвалов и тимпанов, вместе с ним плясали женщины, его соплеменницы, а всадники и сенат стояли кругом как зрители (Геродиан: 5; 5, 8). Не гнушался он и человеческими жертвами, зажав в честь Эль-Габала нескольких знатных и красивых мальчиков. Многих он принуждал участвовать в своих оргиях, возбуждавших в римлянах чувство омерзения и негодования: специальные рассыльные разыскивали для императора в общественные бани людей с

большими половыми органами и приводили их к нему во дворец для того, чтобы он мог насладиться связью с ними. Своих любовников, людей самого низкого звания, он делал потом консулами, префектами, наместниками и военачальниками. Префектом претория при нем был плясун Эвтихи-ан, префектом охраны - возница Кордий, префектом снабжения - цирюльник Клавдий.

Все, что до него делали тайно, Гелиогабал стал совершать открыто, на глазах у многих людей. Любовникам он оказывал прилюдно интимные знаки внимания: так, своего любимчика Гиерокла он при встрече всегда целовал в пах. Сам он, говорят, не имел такой полости тела, которая не служила бы для похоти, и гордился тем, что к бесчисленным видам разврата прежних императоров сумел добавить несколько новых. Иногда он появлялся на пирах обнаженный в колеснице, влекомой голыми блудницами, которых он погонял бичом. А пиры его часто устраивались таким образом, что после каждой смены блюд полагалось совокупляться с женщинами. В бане он обычно тоже мылся с женщинами и сам натирал их мазью для удаления волос (Лампридий: «Антонин Гелиогабал»; 5, 6, 10-12, 29-31, 33). В 221 г. он объявил своей женой девушку-весталку, хотя ей по священным законам положено было до конца жизни хранить девство. Это была уже его вторая жена, и с ней он поступил так же, как и с первой - отослал от себя через короткое время для того, чтобы жениться на третьей (Геродиан: 5; 6). Однако и с ней брак его не был долгим. В конце концов Гелиогабал вышел замуж как женщина за своего любовника Зотика, пользовавшегося во все время его правления огромным влиянием.

Роскошь и мотовство императора доходили до таких пределов, что он ни разу в жизни не одел дважды одну и ту же одежду и даже одни и те же драгоценности. А некоторые утверждают, что он ни разу не помылся дважды в одной и той же бане, приказывая после мытья ломать их и строить новые. Испражнялся он только в золотые сосуды, купался исключительно в водоемах, заполненных душистыми мазями или эссенцией шафрана, а для согревания своих апартаментов распорядился жечь индийские благовония без угольев. Роскошью пиров Гелиогабал превзошел даже Вителлия. Не раз горох у него подавали с золотыми шариками, бобы - с янтарем, рис - с белым жемчугом, а рыб вместо перца посыпали жемчугом и трюфелями. Собак он приказывал кормить гусиными печенками, а в ясли лошадям сыпать анамейский виноград (Лампридий: «Антонин Гелиогабал»; 10, 29-33).

Видя все это и подозревая, что воинам не нравится подобная жизнь государя, Меса убедила Гелиогабала объявить Цезарем и соправителем Алексиана, другого ее внука от второй дочери Мамеи. В 221 г. Гелиогабал усыновил своего двоюродного брата под именем Александра. Вскоре он, правда, раскаялся в этом, потому что вся знать и воины обратили свои мысли к Александру и стали возлагать лучшие надежды на этого мальчика, прекрасно и разумно воспитывавшегося. Гелиогабал попробовал было отобрать у Александра титул Цезаря. Но, узнав об этом, воины возмутились, и Гелиогабал, объятый страхом, взял Александра в свои носилки и отправился с ним в преторианский лагерь. Он, очевидно, хотел примириться с войском, однако, увидев с каким воодушевлением легионеры приветствуют его соправителя, опять вспылал. Он распорядился схватить тех, кто особенно пылко приветствовал Александра, и наказать их как зачинщиков мятежа. Возмущенные этим приказом воины набросились на императора, умертвили его и его мать. Тела их они позволили тащить и бесчестить каждому желающему; после того их долго таскали по всему городу, а потом, изуродованные, бросили в сточные воды, текущие в Тибр. Императором был провозглашен Александр (Геродиан: 5; 7, 8).

ГЕРАКЛИДЫ

Мифические потомки Геракла, к которым возводили свое происхождение несколько исторических царских родов архаической и классической Греции.

ГЕТА, Луций Септимий

Римский император из династии Северов, правивший в 211-212 гг. Сын Септимия Севера

и Юлии Домны. Брат и соправитель Каракаллы. Род. 29 мая 189 г. Умер 26 февр. 212 г.

Гета был красивым юношей с крутым нравом, но не бессовестный; он был скуп, занимался выяснением значения слов, любил поесть и питал страсть к вину с разными приправами. В своих занятиях литературой он выказал себя приверженцем древних писателей и всегда хранил в памяти изречения своего отца. Несмотря на легкое заикание, голос у него был певучий. Он питал страсть к щегольской одежде - в такой степени, что отец смеялся над ним; все, что он получал в подарок от родителей, он употреблял на наряды и никому ничего не давал. Брат всегда относился к нему с ненавистью, и Гета был убит вскоре после кончины Септимия Севера (Спарти-ан: «Антонин Гета»; 4-5).

ГИЛЛ

Мифический царь Дориды из рода Гераклидов, правивший в последней четверти XIII в. до Р.Х. Сын Геракла.

После того как Геракл умер, его сыновья, спасаясь от Эврис-фея, пришли в Афины и, сев у алтаря Милосердия, стали просить о заступничестве. Афиняне не выдали их Эврисфею, вступили с ним в войну и одержали победу. Гилл догнал и убил Эврисфея.

Вслед за тем Гераклиды пришли в Пелопоннес и захватили все города. Когда прошел уже год после их возвращения, чума поразила весь Пелопоннес, и оракул возвестил, что причиной чумы явились Гераклиды: они пришли раньше положенного времени. По этой причине Гераклиды оставили Пелопоннес и вернулись в Аттику (Аполлодор: 2; 8; 1-2). Здесь Гилл, в соответствии с заветом отца, женился на Иоле и стал размышлять, как вернуть Гераклидов на родину. Как раз в это время царь дорийцев Эгилий, чувствуя приближение смерти, послал за Гиллом и усыновил его. Так он отблагодарил Геракла за его услугу. Гилл и его потомки стали преемниками власти Эгилия (Страбон: 9; 4; 10). Позже Гилл прибыл в Дельфы и спросил оракул, каким образом Гераклиды могут вернуться на свою родину. Бог ответил им; после третьего плода. Гилл подумал, что третий плод означает трехлетие, и, переждав столько времени, возвратился с войском (Аполлодор: 2; 8; 2). Навстречу дорийцам выступило объединенное войско пелопоннесцев. Достигнув Истма, оба войска встали друг против друга, и Гилл сделал такое предложение: «Нет нужды одному войску вступать с другим в решительное сражение, но следует, выбрав самого доблестного воина из пелопонесского войска, выставить его на единоборство со мною, Гиллом, на определенных условиях». Пелопоннесцы согласились и под клятвой заключили следующий договор: если Гилл одолеет пелопонесского вожда, тогда Гераклиды должны вернуться на родину отцов, если же он будет побежден, то Гераклиды уйдут назад и уведут свое войско и затем сто лет не будут делать новых попыток возвращения в Пелопоннес. И вот из всего союзного войска был избран доброволец, аркадский царь Эхем, сын Аэрона, внук Кефея. Он умертвил Гилла в единоборстве (Геродот: 9; 26).

ГЛАВК

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов, правивший в X в. до Р.Х. Сын Эпита.

Согласно Павсанию, Главк старался править страной, во всем подражая отцу. Благочестием же он намного его превзошел (Павсаний: 4; 3; 3-5).

ГЛИЦЕРИЙ

Римский император в 473-474 гг.

Глицерий был провозглашен императором в марте 473 г. полководцем Гундобадом. По словам Иордана, он получил власть скорее путем захвата, чем избрания. Однако византийский император Лев не признал Глицерия и отправил в Италию своего ставленника Юлия Непота. В июне 474 г. Непот сверг Глицерия, но сохранил ему жизнь и поставил епископом в Римском порту (Иордан: 240). Около 480 г. Глицерий стал епископом в Салоне в Далмации и подослал убийц к Непоту (в это время он тоже был свергнут с престола). Возможно, в дальнейшем

Глицерий стал архиепископом Медио-ланским (Гиббон: 36).

ГОНОРИЙ, Флавий

Римский император в 393-423 гг. Сын Феодосия I. Род. 9 сент. 383 г. Умер 15 авг. 423 г.

Гонорий, точно так же, как и его брат, византийский император Аркадий, был человек ничтожный, болезненный и безвольный. С самого начала своего самостоятельного правления в 395 г. и до смерти он всегда находился под чужим влиянием. Между тем эпоха его царствования была в римской истории одной из самых бурных и изобиловала трагическими поворотами. После смерти Феодосия Гонорий получил в свое управление Италию, Африку, Галлию, Испанию, Британию, а также придунай-ские провинции Норик, Паннонию и Далмацию (Гиббон: 29). Впрочем, верховная власть принадлежала ему только по имени, так как всеми делами распоряжался Стилихон, вандал по происхождению (Евнапий: 63). Умиравший Феодосий оставил его опекуном над своими малолетними сыновьями (Олимпиодор: 2). В 398 г. Стилихон женил Гонория на своей дочери Марии, которая, по свидетельству античных историков, пробыв в замужестве десять лет, так и умерла девственницей (Гиббон: 29).

Впоследствии Стилихона обвиняли в покушении на императорскую власть, но даже враги отдавали должное его энергии и воинскому искусству. Благодаря ему империя некоторое время с успехом отбивала нападения варваров. Главными врагами римлян оставались готы, проживавшие в Иллирии на правах федератов. В ноябре 401 г. их король Аларих взял Аквилею, а зимой 402 г. вторгся в Италию и подошел к незащищенному Медиолану (Скржинская: 427). Гонорий в страхе бежал из своей резиденции и, преследуемый готской кавалерией, укрылся в Асте. Аларих приступил к этой крепости и повел энергичную осаду. Положение императора казалось безнадежным, но тут явился Стилихон и 6 апреля возле Поллентии нанес готам поражение. Аларих отступил к Вероне, где летом 403 г. был разбит во второй раз. После этого он заключил со Стилихоном мир и ушел из Италии обратно в Иллирик (Гиббон: 30). В 404 г. Гонорий отпраздновал в Риме триумф, но он уже не вернулся в Медиолан, а поселился в укрепленной Равенне, которая с этого времени сделалась столицей Западной Римской империи.

Между тем в 406 г. в Италию вторглась новая армия варваров, возглавляемая Радагайсом. Главную ее силу составляли вандалы, свевы и бургунды. Они осадили Флоренцию, но были здесь окружены и разбиты Стилихоном. Для отражения этого нашествия ему пришлось отовсюду стянуть в Италию легионы. Дальние провинции оказались без защиты и вскоре были потеряны для империи. В последний день 406 г. сотни тысяч свевов, вандалов, аланов и бургундов переправились через замерзший Рейн и вторглись в Галлию. Множество городов было взято и разграблено ими. В следующие два года варвары сделались хозяевами всей этой обширной и богатой страны от Пиреней и Альп до самого океана (Гиббон: 30). Вслед за тем восстали британские войска. Поставив и свергнув у себя нескольких императоров, они в 407 г. провозгласили Августом Константина. Константин отправил послов к Гонорию и, сославшись на то, что солдаты заставили его против воли принять власть, попросил прощения и предложил соучастие в императорской власти. Гонорий вследствие возникших затруднений согласился на соправительство. После этого Константин переправился в Бононию. Остановившись там, он привлек на свою сторону всех галльских и аквитанских солдат и подчинил себе все области Галлии вплоть до Альп (Олимпиодор: 12). В короткий срок он подчинил себе и Испанию (Гиббон: 30). Правда, страна эта находилась под его властью не более двух лет. В 409 г. армии вандалов, аланов и свевов прорвались за Пиренеи и подвергли богатые испанские провинции жесточайшему разгрому (Гиббон: 31).

Равеннский двор ни чем не мог помочь испанцам, так как сама Италия была в это время наводнена полчищами варваров. Новому вторжению готов предшествовала опала Стилихона. Пользуясь длительными отлучками могущественного временщика, его враги (среди которых важную роль играл Олимпий) сумели подорвать к нему доверие императора. Гонорию внушили, будто Стилихон намеревается убить его для того, чтобы провозгласить императором своего сына Евхерия. Летом 408 г. Гонорий отправился в Павию и произнес перед легионами заученную речь против Стилихона. По данному сигналу легионеры убили всех преданных Стилихону командиров, в том числе двух префектов претория. Известия об этих событиях

произвели мятеж в италийской армии. Едва избежав смерти, Стилихон бежал в Равенну под защиту зятя, но Олимпий приказал схватить его и казнить. Вслед за тем был казнен его сын, а император развелся с его дочерью Ферманцией, на которой женился совсем недавно. Со смертью Стилихона прервались переговоры с готами о выплате им дани (Гиббон: 30). Узнав о казни Стилихона и не получив обещанной платы, Аларих осенью 408 г. вновь вторгся в Италию (Олимпиодор: 3). В конце года готы подступили к Риму и, осадив его, расположили войска по Тибру, так что римляне не могли ввозить в город никаких припасов. По прошествии значительного времени от начала осады в городе усилился голод и начались повальные болезни, и многие рабы - в особенности варвары - стали перебегать к Алари-ху. Получив много даров, он, наконец, снял осаду при условии, что император заключит с ним мир. Готы отступили к Аримину и здесь завязали переговоры с Гонорием через префекта Италии Иовия. Аларих требовал денег, продовольствия и достоинства римского военачальника. Гонорий согласился дать денег, поставить провиант, но в достоинстве военачальника Алариху отказал. Тогда король стал просить земель для поселения. Получив отказ и в этих требованиях, Аларих в 409 г. во второй раз осадил Рим. Захватив порт, он заставил римлян избрать императором префекта города Аттала. После этого Аттал провозгласил Алариха предводителем обоих родов войск, и готы двинулись на Равенну. Гонорий, узнав об этом, писал Атталу, что он с удовольствием принимает его в соправители. Но Аттал не хотел разделения власти и предлагал Гонорию отречься от престола и поселиться на каком-нибудь острове в качестве частного человека. Гонорий отказался, и Аларих начал осаду Равенны. Между тем Гераклион, управлявший Африкой, запретил купеческим кораблям отплывать в Италию. Вскоре в Италии стал ощущаться недостаток продовольствия. В Риме же открылся настоящий голод. Вместо хлеба стали употреблять каштаны. Отмечены были даже случаи людоедства. Наконец Аларих понял, что хлопочет о деле, превышающем его возможности, и завязал с Гонорием переговоры о низложении Аттала. Аттал публично сложил с себя знаки императорской власти, а Гонорий обещал не помнить на него зла. Но Аттал, не доверяясь его слову, остался при Аларихе. Аларих подступил к Равенне и вновь стал вести переговоры с Гонорием. В это время некто Сар, родом варвар, неожиданно напал на готов и перебил некоторых из них. Разгневанный и испуганный этим Аларих в 410 г. в третий раз осадил Рим и на этот раз взял его изменою. Он дал повеление расхищать имущество римлян и грабить все дома. Не тронули только тех, кто укрылся в соборе святого Петра (Созомен: 9; 6-9). Разграбив весь город и истребив большинство римлян, варвары двинулись дальше. Говорят, что в это время в Равенне один из евнухов, вероятнее всего, смотритель его птичника, сообщил императору Гонорию, что Рим погиб; в ответ император громко воскликнул: «Да ведь я только что кормил его из своих рук!» Дело в том, что у него был огромный петух, по имени Рим; евнух уточнил, что город Рим погиб от руки Алариха; успокоившись, император сказал: «А я-то, дружище, подумал, что это погиб мой петух!» Столь велико, говорят, было безрассудство этого императора. Охваченный страхом, он держал наготове суда, намереваясь бежать в Ливию или в Константинополь. Но в тот момент, когда, казалось, все для него уже было потеряно, дела его вдруг самым неожиданным образом стали поправляться (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 2).

Аларих умер в самый год своего триумфа, прожив после римского разгрома всего несколько месяцев. Новый готский король Атаульф приостановил военные действия и вступил в переговоры с императорским правительством о заключении договора, основанного на взаимной дружбе и союзе. Гонорий, не имевший других возможностей для удаления готов из Италии, охотно пошел навстречу его желаниям. Атаульф в 412 г. получил звание римского военачальника и повел свою армию в Галлию. Готы быстро взяли Нарбонну, Тулузу, Бордо и расселились вокруг них в качестве федератов империи (Гиббон: 31). Вместе с тем нашлась наконец замена Стилихону. Энергичный полководец Констанций разгромил в 411 г. под Арелатом тирана Константина (Обрадованный Гонорий поспешил доверить ему власть. В 417 г. он выдал за Констанция свою сестру Галлу Платидию, а в 421 г. провозгласил Констанция Августом и своим соправителем (Олимпиодор: 16, 34)). Немного позже Атаульф разбил двух других узурпаторов - Иовина и Себастиана - и прислал их головы Гонорию. В 414 г. готы перешли Пиренеи. Аланы были разгромлены, а вандалы оттеснены в горы Галиции. Новый король готов Валия формально восстановил в испанских провинциях власть императора. Но

реально все заальпийские земли были навсегда потеряны для империи: в Испании и Южной Галлии расселились готы; немного позже бургунды и франки были признаны федератами и получили в галльских провинциях обширные земли для постоянного поселения; Британия также сохранила свою независимость, и тамошнее население самостоятельно вступило в борьбу с англами и саксами (Гиббон: 31). Гонорий едва ли отдавал себе отчет в том, что происходит. Его публичное проявление чувств к собственной сестре Галле Плацидии, оставшейся вдовой после смерти ее мужа Констанция (в 421 г.), частые поцелуи в уста внушили многим постыдные подозрения. Но затем жаркая любовь брата и сестры сменилась жестокой ненавистью. В конце концов Плацидия уехала вместе с детьми в Константинополь. Вскоре после этого Гонорий заболел водянкой и скончался (Олимпиодор: 40, 41).

ГОРДИАН I, Марк Антоний

Римский император в апреле-мае 238 г. Род. в 159 г. Умер 238 г.

По отцу Гордиан принадлежал к роду Мециев Маруллов, ведущему свое происхождение от Гракхов, а род его матери восходил к императору Траяну. Его дед и прадед были консулами, равно как и его тесть, отцы тестя и тещи и два деда последних. Он и сам был дважды консулом, владел очень большим состоянием и пользовался громадным влиянием. В Риме ему принадлежал дом Помпея, а в провинциях он имел столько земель, сколько не имел никто из частных лиц. В молодости Гордиан увлекался поэзией и опубликовал пять ученых поэм, навеянных сочинениями Цицерона и в подражание ему, а также большую эпическую поэму «Антонианиду» в 30-ти книгах об императорах Антонине Пие и Марке Аврелии, в которой описал их войны, а также деяния общественной и частной жизни. Должность квестора он исполнял с большим блеском, а будучи эдилом дал римскому народу за свой счет двенадцать зрелищ, то есть по одному зрелищу в месяц, причем выпускал иногда по пятьсот пар гладиаторов. После исполнения судебных обязанностей в качестве претора он стал консулом - в первый раз на пару с Антониной Каракаллой, а во второй - в 222 г. вместе с императором Александром Севером. Наконец сенат назначил его проконсулом Африки.

Гордиан отличался таким уравновешенным нравом, что его нельзя было упрекнуть ни в одном поступке, который был бы вызван горячностью, нескромностью или неумеренностью. Он был воздержан в употреблении вина, очень умерен в еде, носил щегольскую одежду и питал большую страсть к купанию. Добрые нравы, однако, не принесли ему никакой пользы. При таком почтенном образе жизни, постоянно читавший Платона, Аристотеля, Туллия, Вергилия и других древних писателей, он закончил свою жизнь не так, как заслуживал. Ведь он достиг уже почтенного возраста и должен был думать о покое, когда волею судьбы был втянут в самую гущу политических событий.

Случилось так, что один счетный чиновник проявлял по отношению к африканцам редкую жестокость: у очень многих он конфисковал имущество, многих убивал, распоряжался всем, постоянно превышая полномочия прокуратора. Африканцы, не будучи в состоянии терпеть дальше столь невыносимые обиды, сначала убили самого счетного чиновника, а потом решили провозгласить императором Гордиана, так как он был самым достойным из консуляров, оказавшихся поблизости (Капито-лин: «Трое Гордианов»; 2-8). Всей толпой восставшие подошли к дому проконсула в Тистре и ворвались к нему в комнату. Гордиан как раз отдыхал в своей кровати. Они же, окружив его со всех сторон, набросили на него пурпурный плащ и обратились к нему с почетом, как к Августу. Гордиан, ошеломленный необычностью происходящего, бросился с кровати на землю и сначала умолял пощадить его и сохранять преданность императору Максимино. Но вскоре вокруг дома Гордиана собрался весь город. Все кричали, величая его Августом. Наконец он уступил. Вместе с ним был провозглашен императором его сын, тоже Гордиан. Когда они вдвоем прибыли в Карфаген, Африка и Ливия немедленно отложились от Максимиана. Гордиан отправил официальные послания римскому народу и сенату с извещением о своем избрании. В столице сразу же началось восстание против императора, сенат провозгласил Гордианов - отца и сына - Августами, а Максимиана объявил врагом. Это решение поддержали почти все провинции (Ге-родиян: 7; 5-7).

Но торжество нового императора было недолгим. Нумидийцы, соседи карфагенян и

ливийцев, отказались его признавать. Одни из немногих они сохранили верность Максимино, так как их наместник Капеллиан был личным врагом Гордиана. Собрав большую силу, он двинулся на Карфаген. Гордиан выслал против него своего сына со спешно набранным войском. В последовавшем затем сражении Капеллиан одержал полную победу. Младший Гордиан был убит, и вместе с ним пали многие его сторонники. Когда об этом стало известно старшему Гордиану, он решил, что дело его безнадежно проиграно, и покончил с собой, удавившись в петле (Капитолин: «Трое Гордианов»; 15-16).

ГОРДИАН II, Марк Антоний

Римский император в апреле-мае 238 г. Род. в 191 г. Умер 238 г. Сын Гордиана I.

Младший Гордиан выделялся помимо своего знатного происхождения образованностью и красотой. Он был обладателем огромной по тем временам библиотеки, насчитывавшей 62 000 книг. Службу свою он начал при Гелиогабале, при Александре исполнял должность претора, а сразу вслед за тем получил и консульство. При Максими-не он был отправлен легатом в Африку к отцу-проконсулу.

Говорят, он был склонен к некоторым излишествам: имел пристрастие к вину и был страстно привязан к женщинам. У него были 22 заведомые наложницы, и от каждой из них он оставил по трое-четверо детей. Из-за чрезмерного сластолюбия его называли Приамом или даже Приапом. Жизнь он проводил в удовольствиях - садах, банях и прелестнейших рощах. Отличаясь от достойных людей своим образом жизни, он, однако, не уступал им в храбрости, считался всегда одним из славнейших граждан и был готов подать совет в государственных делах. Одевался он очень изысканно. Его любили рабы и все свои домашние.

В апреле 238 г. Гордиан был провозглашен карфагенянами и ливийцами императором и соправителем своего отца. Уже в следующем месяце ему пришлось воевать с наместником Нумидии Капеллианом (Капитолии: «Трое Гордианов»; 17- 21). Во время столкновения численное превосходство было на стороне карфагенян, но они не имели боевого порядка, не были обучены военным делам и были лишены оружия и военных орудий. Каждый прихватил из дома либо маленький меч, либо топор, либо дротики, употребляемые на псовой охоте; нарезав оказавшиеся под руками шкуры и расцилив бревна на куски случайных форм, каждый, как мог, изготовил прикрытия для тела. Нумидийцы же были известны как меткие копьёметатели и великолепные наездники. Они с большой легкостью повернули массу карфагенян, которые, не выдержав их напора, побросали все и обратились в бегство. Тесня и топча друг друга, карфагеняне в большей степени были погублены своими, нежели врагами. Здесь погибли и Гордиан, и все сопровождавшие его; из-за массы трупов не смогли найти даже его тело (Геродиан: 7; 9).

ГОРДИАН III, Марк Антоний

Римский император в 238-244 гг. Род. 20 янв. 225 г. Умер 11 февр. 244 г.

Гордиан III был внуком Гордиана I, Родился он, как утверждают многие, от его дочери, а по мнению некоторых - от его сына, Гордиана II (Капитолии: «Трое Гордианов»; 22). По свидетельству Геродиана, когда в июне 238 г., после смерти двух первых Гордианов, сенат избрал императорами Максима и Бальбина, это вызвало сильное возмущение в Риме. Толпы народа преградили избранникам путь на Капитолий. Все кричали, чтобы император был провозглашен из рода Гордиана и чтобы титул императорской власти остался у этого дома и имени. Максим и Бальбин сначала попытались пробиться силой, но были встречены градом камней. Тут, к счастью, кто-то вспомнил, что у дочери Гордиана I есть маленький ребенок, носящий то же имя, что и дед. Немедленно послали за ним несколько человек. Те нашли его дома играющим, подняли на плечи и понесли сквозь толпу, объявляя громко, что это внук Гордиана. Народ стал славословить его и забрасывать листьями. Когда же сенат объявил ребенка Цезарем, так как он по возрасту не мог управлять делами, народ перестал гневаться и позволил государям вступить в императорский дворец (Геродиан: 7; 10). Спустя месяц с

небольшим оба соправителя Гордиана были убиты восставшими солдатами. Бросив их трупы на дорогу, легионеры подняли на руки Гордиана и провозгласили его императором (Геродиан: 8; 8).

В дальнейшем Гордиан правил спокойно и пользовался великой любовью народа и воинов. Он был жизнерадостным, красивым, обходительным молодым человеком - всем он нравился, в жизни был приятен и отличался образованностью. В 241 г. он женился на Фурии Сабинии, дочери Мизитея, ученойшего человека, которого назначил префектом. С этого времени все нити управления сосредоточились в руках тестя, и это благотворно сказалось на всех сферах государственной жизни. Был положен конец своеволию евнухов, имевших до этого большое влияние на юного императора. В 242 г. Гордиан с большим войском двинулся на Восток. Сначала он явился в Мезию, страдавшую от набегов готов, сарматов и аланов. Отбросив врагов, римляне переправились в Сирию. Здесь военные действия также шли успешно: персы оставили Антиохию, Карры, Назибис и отступили в свои пределы.

Но вскоре счастье покинуло Гордиана. В 243 г. внезапно скончался Мизитей. Смерть его была большой потерей для императора, так как не стало человека, мудро пекущегося о благополучии войска. Префектом был назначен Филипп Аравитянин, человек жестокий и коварный, мечтавший к тому же об императорской власти. Он немедленно стал интриговать против Гордиана и, пользуясь его неопытностью, вскоре преуспел во всех своих замыслах. Прежде всего, корабли, доставлявшие хлеб, были направлены в другие страны, а затем воины были отведены в такие места, где нельзя было достать провизии. Этим он сразу восстановил против Гордиана воинов, так как те не понимали, что молодой человек был коварно обманут Филиппом. Не ограничиваясь этим, Филипп пустил слух среди воинов, что Гордиан слишком юн и не может управлять империей, что лучше править тому, кто умеет управлять воинами и государством. В конце концов он достиг того, что все стали требовать, чтобы Филипп разделил императорскую власть с Гордианом. Сначала друзья Гордиана оказывали сильное сопротивление, но затем ввиду того, что голод одолевал воинов, власть была вверена Филиппу. Воины требовали, чтобы Филипп был императором на равных правах с Гордианом и был как бы его опекуном.

Приняв на себя императорскую власть, Филипп стал держать себя по отношению к Гордиану очень высокомерно. Наконец наступил такой момент, когда Гордиан не мог больше выносить его наглости и решил обратиться за поддержкой к войску. Он поднялся на трибуну и стал жаловаться начальникам и воинам на своего соправителя. Но это не принесло никакого результата. Наконец, видя, что его ставят ниже Филиппа, Гордиан стал просить, чтобы, по крайней мере, власть была разделена между ними на началах равенства, но не добился и этого. Потом он просил, чтобы его считали Цезарем или даже префектом у Филиппа, но и в этом ему было отказано. Последняя его просьба заключалась в том, чтобы Филипп взял его в полководцы и оставил ему жизнь. На это Филипп почти дал согласие - сам он хранил молчание, действуя через других и давая им знаки и указания. Но, оставшись наедине и подумав о том, что вследствие любви народа и сената к Гордиану может случиться так, что когда-нибудь расположение воинов вновь вернется к Гордиану и ему будет возвращена власть, Филипп, воспользовавшись тем, что сильный гнев воинов против Гордиана, вызванный голодом, еще не остыл, приказал увести его, несмотря на его крики, и убить (Капитолии: «Трое Гордианов»; 22-23, 26, 28-31).

ГОСТИЛИАН, Гай Валент Мессий Квинт

Римский император в 251-252 гг. Умер 255 г. Сын Деция.

Гостилиан был избран в императоры сенатом после смерти Деция, но вскоре умер от чумы. Соправителем его был Галл (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 30).

ГРАЦИАН, Флавий

Римский император в 367-383 гг. Сын Валентиниана I. Род. 18 апр. 359 г. Умер 25

августа 383 г.

Грациан родился в Сирмии. В 367 г., когда он был еще отроком, отец провозгласил его своим соправителем с титулом Августа. Грациан был образованным человеком, слагал стихи, красиво говорил, умел разбираться в правилах риторики (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 47). Марцеллин также пишет, что юный Грациан обладал симпатичной внешностью и прекрасными качествами ума. Из него со временем мог бы выйти хороший император, но ближайшие к нему люди затумили его неустойчивые еще качества дурными деяниями (Марцеллин: 27; 6). Они направили его к пустым занятиям императора Коммода. Грациан впадал в нечеловеческий восторг, когда ему удавалось перебить стрелами большое количество зверей (Марцеллин: 31; 10). Днем и ночью император был занят ничем другим, как метанием копья, считая за величайшее удовольствие и за божественное искусство, если попадал в цель. Он был очень умерен в пище и в отношении сна, преодолевал в себе пристрастие к вину и плотским наслаждениям и был бы полон всякой добродетели, если бы направил свой ум к познанию искусства управления государством; но он чуждался этого не только по своей нелюбви к этому знанию, но и уклоняясь от практики. Он пренебрегал военным делом и предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги. Грациан настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал в народе в варварском одеянии, чем вызвал к себе ненависть среди солдат (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 47). Тем не менее он не лишен был доблести и вскоре после смерти отца, умершего в 375 г., одержал очень важную большую победу над алеманами, вторгшимися в Галлию (Марцеллин: 31; 10). В 379 г., после гибели дяди Валента, когда готы и аланы овладели Фракией и Дакией, Грациан провозгласил в Сирмии императором полководца Феодосия (Феофан: 370). Сам он спешил на запад, чтобы отразить нашествие вандалов. Через некоторое время, услышав, что Феодосий тяжело болен, Грациан выступил против готов и заключил с ними мир, но не силой оружия, а посылкой даров и продовольствия (Иордан: 141). В 383 г. британские легионы провозгласили императором Магна Максима. Галльская армия из ненависти к Грациану немедленно поддержала мятежников. Грациан бежал из Париж в Лион, но здесь был захвачен полководцем Максима Андро-гафием и убит (Гиббон: 27). Андро-гафий спрятался в императорской дорожной колеснице, а проводникам приказал объявить, будто едет супруга императора. Грациан, как человек недавно женившийся, еще молодой и страстно любивший свою жену, поспешил увидеть ее и таким образом попал в руки своих врагов (Созомен; 7; 13).

ДЕМАРАТ

Царь лакедемонян из рода Эврипонтидов, правивший в 515-491 гг. до Р.Х. Сын Аристона.

По свидетельству всех античных авторов между Демаратом и его соправителем Клеоменом I не прекращалась жестокая вражда. Это было причиной нескольких крупных неудач Спарты. Сначала Демарат отвел войско от Элевсина, чем оказал большую услугу афинским демократам. Затем, воспользовавшись тем, что Клеомен отправился на Эгину, чтобы наказать там сторонников персов, Демарат принялся клеветать на Клеомена и не дал тому захватить заложников.

Тогда Клеомен вступил в союз с Левтихидом, сыном Менара, внуком Агиса (из того же рода, что и Демарат). Клеомен пообещал, что возведет его на престол вместо Демарата. И вот, по наущению Клеомена, Левтихид под клятвой обвинил Демарата, утверждая, что тот - не сын Аристона и поэтому незаконно царствует над спартанцами. Принеся клятву, Левтихид напомнил слова, вырвавшиеся у Аристона, когда слуга сообщил царю весть о рождении сына. Тогда царь, сочтя по пальцам месяцы со дня женитьбы, поклялся, что это не его сын. Свидетелями Левтихид вызвал тех эфоров, которые заседали тогда в совете вместе с Аристоном и слышали его слова.

У спартанцев из-за этого возникли разногласия, и, наконец, было решено спросить оракул в Дельфах: Аристов ли сын Демарат. Когда по наущению Клеомена дело это перенесли на решение пифии, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, сына Аристофана, весьма влиятельного человека в Дельфах. А этот Кобон убедил Периappa,

предсказательницу, дать ответ, угодный Клеоме-ну. Так пифия на вопрос послов изрекла решение: Демарат - не сын Аристона.

Таким образом, был низложен Демарат. Вскоре после этого он был избран на другую начальственную должность. На празднике гимнопедий Демарат был среди зрителей. Левтихид, ставший вместо него царем в 491 г. до Р.Х., послал слугу издевательски спросить Демарата, как ему нравится новая должность после царского сана. Демарат, больно задетый этим вопросом, сказал в ответ, что он, Демарат, уже изведal на опыте обе должности, а Левтихид еще нет. Вскоре после этого он покинул Элладу, отправился в Персию и был с великим почетом принят Дарием (Геродот: 6; 65-67).

Десять лет спустя, когда Ксеркс собрался идти походом завоевывать Элладу, Демарат сопровождал его. Как и следовало ожидать, Ксеркс не раз обращался к Демарату с вопросами о лакедемонянах и поначалу не верил Демарату, когда тот рассказывал об их удивительной доблести. Но, после жестокого боя у Фермопил, Ксеркс изменил свое мнение и стал просить у Демарата совета о том, как легче всего победить этот народ. Демарат советовал Ксерксу захватить остров Киферу у берегов Лаконики и постоянно угрожать оттуда вторжением. Пока же лакедемоняне будут заняты войной в своей стране, персы легко завоюют всю Элладу (Геродот: 7; 234, 237, 239).

Ксеркс, как известно, не принял совет Демарата и в том же году был разбит в Саламинской битве объединенными силами всей Эллады.

ДЕМЕТРИЙ I Полиоркет

Царь Азии в 306-301 гг. до Р.Х. Царь Македонии в 294-287 гг. до Р.Х. Сын Антигона I Циклопа. Род. в 337 г. до Р.Х. Умер 283 г. до Р.Х.

Ж.: 1) Филадельфия, дочь Антипатра; 2) Эвридика, вдова Офелы; 3) Деидамия, дочь эпирского Царя Эакиды; 4) иллирийка; 5) Птолемиада, дочь египетского царя Птолемея I; 6) Ламия.

Большинство писателей сообщают, что Деметрий был сыном Антигона I от Стратоники, дочери Коррага, но некоторые пишут, что Деметрий приходился Антигону не сыном, а племянником, и что отец его умер, а мать сразу же после этого вышла замуж за Антигона, и поэтому все считали Деметрия его сыном. Роста он был высокого, хотя и пониже Антигона, а лицом до того красив, что все только дивились и ни один из ваятелей или живописцев не мог достигнуть полного сходства, ибо черты его были разом и прекрасны, и внушительны, и грозны, юношеская отвага сочеталась в них с какой-то невообразимой героической силой и царским величием. И нравом он был примерно таков же, внушая людям одновременно и ужас, и горячую привязанность к себе. В часы досуга, за вином, среди наслаждений и повседневных занятий он был приятнейшим из собеседников и самым изнеженным из царей, но в делах проявлял настойчивость и упорство как никто. Поэтому из богов он больше всех старался походить на Диониса, великого воителя, но вместе с тем и несравненного искусника обращать войну в мир со всеми его радостями и удовольствиями.

Деметрий горячо любил отца, а мать уважал и всегда заботился о ней. В те времена, когда убийства отцов, детей, матерей и жен было обычным явлением среди царей, искренняя любовь между Антигоном и Деметрием являла собой едва ли не исключение.

Деметрию пришлось впервые командовать войсками, когда ему исполнилось 22 года, причем он сразу получил в противники одного из лучших полководцев Александра - Птолемея, сатрапа Египта. Случилось это в 312 г. до Р.Х. Сам Антигон находился во Фригии и, получив известие, что Птолемей переправился с Кипра в Сирию и грабит страну, а города либо склоняет к измене, либо захватывает силой, выслал против него сына (Плутарх: «Деметрий»). Деметрий отовсюду стянул войска в Газу, ожидая неприятеля. Друзья советовали ему не вступать в сражение, но он не послушался. На левом фланге, где он и сам собирался находиться, он поставил 200 человек отборной конницы, 500 тарен-тийцев с копьями и 30 слонов, в промежутках между которыми находилась легкая пехота. В центре располагалась фаланга, численностью в 11 000 человек (но македонцев было всего 2 000) На правом фланге была поставлена остальная конница численностью 1500 человек. Перед фалангой наступали 13 слонов и легкая пехота. Птолемей и Селевк, зная о планах Деметрия, постарались укрепить свое

правое крыло. Они сами собирались здесь биться с 3000 лучшей конницы. Против слонов они приготовили специальных солдат с железными рогатинами, связанными цепями. Здесь же находилось много легкой пехоты для борьбы со слонами.

Когда началось сражение, то основные события развернулись на левом фланге Деметрия. Бой здесь был очень ожесточенным, причем полководцы бились ничуть не щадя себя, наравне со всеми. Слоны сначала внесли смятение в ряды Птолемея, но, дойдя до рогаток, они остановились. Почти все индийцы были перебиты пелтастами Птолемея. Слоны, таким образом, остались без вожаков. После этого конница Деметрия обратилась в бегство. Сам Деметрий умолял своих стоять на месте, но они не слушались его. Восстановив какой было можно порядок, Деметрий отступил с конницей к Газе. Пехота отступала следом. Конники бросились в Газу за своими пожитками. От множества людей и скота в воротах началась давка. Закрывать их было невозможно, так что подоспевшие воины Птолемея сумели ворваться в город и захватить его. Деметрий, не заходя в Газу, всю ночь отступал на север и к утру добрался до Азота. В этом сражении пало много его друзей, всего же он потерял 8000 пленными и 5000 убитыми (Диодор: 18). Враги захватили и палатку Деметрия, и его казну, и всех слуг. Впрочем, и добро, и слуг, так же как и попавших в плен друзей Деметрия, Птолемей ему вернул, доброжелательно объяснив, что предметом их борьбы должны быть лишь слава и власть. Неудачу, постигшую его в самом начале пути, Деметрий перенес не как мальчишка, но как опытный полководец, хорошо знакомый с переменчивостью воинского счастья, - он набирал войска, готовил оружие, предупреждал восстания в городах и учил новобранцев. Отца он просил не отзывать его от войска, а дать ему возможность еще раз сразиться с врагом. Антигон согласился, и вскоре Деметрию удалось разбить одного из полководцев Птолемея, Килла. Эта победа заставила его поверить в собственные силы, хотя с самим Птолемеем ему в этот раз не пришлось скрестить оружие.

Зато в том же году Деметрий повел войско на Вавилон, который недавно был захвачен Селевком. Селевка в городе не было (он воевал далеко на востоке близ индийских земель), и в его отсутствие Деметрий захватил одну из Вавилонских цитаделей и ввел сюда свой гарнизон. Впрочем, почти сразу же он должен был покинуть Месопотамию, так как пришла весть, что Птолемей осадил Гали-карнасс. Земли эти так и остались за Селевком.

В 307 г. до Р.Х. в войну против Антигона вступил Кассандр, и тут Антигоном и Деметрием овладело горячее желание освободить всю Грецию. Прежде всего решено было плыть в Афины, где правил посаженный Кассандром Деметрий Фалерский, а в Мунихии стоял сторожевой македонский отряд. С самого начала Деметрию сопутствовала удача. Когда его флот, состоявший из 250 судов, появился вблизи Пирея, защитники приняли его за корабли Птолемея и стали готовиться к встрече. Позднее начальники обнаружили свою ошибку, но Деметрий уже вошел в незапертую гавань. Он подвел свой корабль к берегу, где собралось множество афинян, и во всеуслышание объявил, что послан отцом, дабы в добрый час освободить афинян, изгнать сторожевой отряд и вернуть гражданам их законы и старинное государственное устройство.

После этих слов большая часть воинов тут же сложила щиты к ногам и с громкими рукоплесканиями стала приглашать Деметрия сойти на берег, называя его благодетелем и спасителем. Деметрий Фалерский, в течение десяти лет правивший в Афинах при поддержке македонцев, добровольно сложил с себя полномочия и уехал в Фивы, а македонцы заперлись в Мунихии. Деметрий велел обвести Мунихию валом и рвом, а сам морем двинулся на Мегары. По дороге он узнал, что в Патрах живет знаменитая красавица Кратесипо-лида, которая готова встретиться с ним. Бросив войско, Деметрий отправился на свидание, но едва не попал в плен - враги узнали о планах Деметрия и напали на его палатку. Сам он успел бежать.

Когда Мегары были взяты, Деметрий изгнал караульный отряд Кассандра и вернул городу свободу. Отсюда он возвратился к Мунихию, подвел машины и стал осаждать его с суши и моря. Два дня без перерыва шла осада. Деметрий то и дело менял людей. Наконец он ворвался в крепость, пленил гарнизон и начальника, а саму крепость разрушил. Лишь после этого он вошел в Афины, созвал народное собрание и восстановил старинное государственное устройство. Так, после четырнадцати лет олигархии, афиняне вновь обрели демократическое правление и, желая воздать по заслугам своему освободителю, осыпали его неумеренными

почестями.

Находясь в Афинах и отдыхая от трудов, Деметрий женился на Эв-ридике, вдове Офельта, властителя Кирены. Она вела свой род от древнего Мильтиада, и брак этот афиняне расценили как особую милость и честь для своего города. Однако Деметрий был так скор на заключение браков, что жил в супружестве со многими женщинами сразу. Наибольшим уважением среди них пользовалась Филадельфия - дочь Антипатра и вдова Кратера. Она была старше его, и Деметрий женился на ней еще совсем юным, послушавшись уговоров отца, но без всякой охоты. Оказывая Филе внешнее уважение и как бы признавая ее официальной женой, Деметрий открыто и не таясь жил с несколькими гетерами и свободными женщинами, и никому из тогдашних царей сластолюбие не приносило столь скверной славы, как ему.

Проведя в Греции год, Деметрий должен был покинуть ее ради продолжения войны с Птолемеем. Антигон призывал его со всем флотом начать войну за остров Кипр. Из Аттики Деметрий поплыл в Карию. По пути он уговаривал родосцев начать войну с Птолемеем, но те предпочли мир. Это положило начало вражде между ними. Взяв в Киликии суда и войско, Деметрий отправился на Кипр с 15 тысячами пехоты, 400 конниками и 110 кораблями. Сперва он расположился близ Карпастии, отвел корабли в безопасное место, укрепил стан рвом и валом. Затем завоевал Уранию и Карпастию, оставил стражу для охраны судов и пошел на Саламин. Здесь находился брат Птолемея Менелай с главными силами. Он вышел навстречу Деметрию с 12 тысячами пехоты и 800 конницы, но потерпел поражение. Деметрий преследовал его до самого города, перебил 1000 и захватил в плен 3000 человек. Затем он выписал из Азии ремесленников с железом, лесом и другими потребными вещами и велел строить осадную башню. С помощью таранов его солдаты разбили часть стены Саламина, но ночью осажденные сделали вылазку, обложили башню хворостом и подожгли. Осада продолжалась. Тем временем Птолемей с флотом прибыл к кипрскому городу Пафосу, а оттуда приплыл к Китию. С ним было 140 кораблей и 12 000 пехоты. Менелай имел еще 60 своих кораблей. Деметрий оставил часть войска для осады, остальных посадил на корабли, вышел в море и стал ожидать сражения, стараясь не допустить соединения двух флотов. Ему было известно, что Менелай получил от брата приказ в самый разгар сражения напасть на Деметрия с тыла и расстроить его боевой порядок. Против этих 60 кораблей Деметрий поставил только 10, ибо этого оказалось достаточно, чтобы замкнуть узкий выход из гавани. Пехоту и конницу он расставил на всех далеко выступающих в море мысах, а сам со 108 судами двинулся против Птолемея. На левом фланге он расположил свою ударную силу - 30 афинских триер под командой Мидия, в центре расположил мелкие суда, а правый флаг поручил Пластию, верховному кормчему всего флота.

На рассвете Деметрий поднял на своем корабле позолоченный щит, что послужило сигналом к началу сражения. Заиграли трубы, воины закричали, и корабли стали сходитьсь. Деметрий на своем корабле сражался наравне со всеми. Яростным ударом он сломил сопротивление противника, после упорного боя разбил правое крыло Птолемея и обратил его в бегство. Сам Птолемей между тем разбил левое крыло Деметрия, но тут весь его флот стал отступать, и Птолемей уплыл в Китий, имея при себе всего восемь кораблей. Деметрий поручил погоню Неону и Бу-риху, а сам вернулся к стану. Тем временем Менелай неарх Менетий с трудом пробился из гавани, но было уже поздно. 70 египетских кораблей сдались Деметрию вместе с моряками и солдатами, остальные были потоплены. Что же касается стоявших на якоре грузовых кораблей с несметными толпами рабов, женщин и приближенных Птолемея, с оружием, деньгами и осадными машинами, то Деметрий захватил все эти корабли до последнего. Среди добычи, доставленной в лагерь, оказалась знаменитая гетера Ламия. Разница в годах между ней и Деметрием была очень велика, и все же своими чарами и обаянием Ламия совершенно вскружила голову победителю.

После морского сражения недолго сопротивлялся и Менелай, он сдал Деметрию и Саламин, и флот, и сухопутное войско. Эту прекрасную победу Деметрий украсил еще более своей добротой и человеколюбием, с почестями предав погребению тела убитых врагов, отпустив на волю пленных и подарив афинянам из добычи 1200 полных доспехов. Тогда впервые народ провозгласил Антигона и Деметрия царями. Отца друга увенчали диадемой немедленно, как только получили известие о победе, а сыну Антигон отправил венец с

посланием, в котором называл Деметрия царем.

Воодушевленный подвигами Деметрия на Кипре, Антигон без промедления выступил против Птолемея, приняв на себя командование сухопутными войсками, меж тем как Деметрий плыл рядом во главе большого флота (Плутарх: «Деметрий»; 2-10, 14-19). Птолемей выставил против врагов войско у Пелусия, а со стороны реки защищался триерами (Павсаний: 1; 6). Таким образом, сухопутное войско столкнулось с многочисленными препятствиями, а страшная буря и огромные валы чуть было не выбросили флот Деметрия на дикий, лишенный гаваней берег; он потерял немалую часть своих судов, так что поход этот закончился ничем (Плутарх: «Деметрий»; 19).

Не имея уже никакой надежды захватить Египет, Антигон в 305 г. до Р.Х. послал Деметрия с флотом и большим войском к Родосу в надежде, что ему удастся завладеть островом, который мог стать опорным пунктом в войне против Египта (Павсаний: 1; 6). Возможно, Антигон хотел также придумать дело для сына и тем пробудить его дух, расслабленный и усыпленный наслаждениями, поскольку во время египетского похода Деметрий безраздельно предавался удовольствиям, любовным утехам с Ламией и пьянству. Ведь именно готовя боевую силу, а не используя ее в деле, Деметрий обнаруживал, сколько можно судить, лучшие стороны своего военного дарования. Он хогел, чтобы все необходимое было под рукою в изобилии; он был ненасытен в строительстве огромных кораблей и осадных машин и находил немалое удовольствие в наблюдении за этими работами. Способный и вдумчивый, он не обращал природной изобретательности на бесполезные забавы, как многие из царей, которые играли на флейте, занимались живописью или ремеслом чеканщика. В Деметрий даже занятия ремеслом были поистине царскими, замыслы его отличались широким размахом, а творения, кроме изощренной изобретательности, обнаруживали высоту и благородство мысли, так что казались достойными не только ума или могущества, но и рук царя. Эти труды своими гигантскими размерами пугали даже друзей, а красотой тешили даже врагов. Враги дивились и восхищались, глядя на корабли с шестнадцатью или пятнадцатью рядами весел, проплывавшие мимо берегов, а грандиозные осадные башни, которые Деметрий называл «Погу-бительницами городов», так и приковывали взоры осажденных.

Начав войну с родосцами, Деметрий подвел к стенам их города самую большую из «Погубительниц», построенную по его плану. В основании эта башня имела около 20 метров, а в высоту достигала 30-ти. Изнутри она разделялась на ярусы со множеством помещений, а с лицевой, обращенной к неприятелю грани на каждом ярусе открывались бойницы, сквозь которые летели всевозможные метательные снаряды: башня была полна воинов любого рода и выучки. На ходу она не шаталась и не раскачивалась, а ровно и непоколебимо стояла на своей опоре, продвигаясь вперед с оглушительным скрипом и грохотом, вселяя ужас в сердца врагов, но взорам их неся невольную радость.

Тем не менее родосцы ожесточенно сопротивлялись. Деметрий, хотя успехи его были ничтожны, поначалу упорно продолжал осаду, но потом, тяготясь уже этим безнадежным делом, стал искать лишь благовидного предлога, чтобы заключить мир. Тут появились афиняне (в 304 г. до Р.Х.) и примирили враждующих на условиях, что родосцы будут союзниками Антигона и Деметрия во всех случаях, кроме войны с Птолемеем. Кассандр осадил Афины, и город позвал Деметрия на выручку. Выйдя в море с тремястами судов и большим пешим войском, Деметрий не только изгнал Кассандра из Аттики, но и преследовал его до самых Фермопил, нанес там ему еще одно поражение и занял Гераклею, добровольно к нему присоединившуюся. На обратном пути Деметрий объявил свободу всем грекам, обитавшим к югу от Фермопильского прохода. Прежде всего Деметрий высадился в Беотии у Авлиды. Фиванцы, устрешенные его войском, изменили Кассандру и приняли сторону Деметрия.

В Аттике Деметрий захватил Филу и Панакт, где стояли сторожевые отряды Кассандра, и передал их афинянам. А те, хотя уже и прежде излили на него все мыслимые и немыслимые почести, еще раз показали себя неисчерпаемо изобретательными льстецами, отведя Деметрию для жилья внутреннюю часть Парфенона. Поселившись здесь, Деметрий стал день за днем осквернять Акрополь столь гнусными насилиями над горожанками и свободными мальчиками, что чище всего это место казалось, когда он распутничал с Хрисидой, Ламией, Демо и Антикирой, всесветно известными потаскухами.

Затем Деметрий отправился в Пелопоннес; никто из противников не смел оказать ему сопротивления, но все бежали, бросая города, и он присоединил к себе так называемый Скалистый берег и всю Аркадию, кроме Мантинеи, а Сикион, Аргос и Коринф очистил от сторожевых отрядов, подкупив солдат и начальников взяткой в 100 талантов. В Акрокоринфе, впрочем, несмотря на объявленную вольность, он оставил свой гарнизон. Что касается Сикиона, то, перестроив этот город, он переименовал его в Деметриаду. В Аргосе Деметрий взял на себя распорядительство на играх и, справляя праздник вместе с греками, женился на Деидами, дочери царя молоссов Эакида и сестре Пирра.

На Истме состоялся всеобщий совет, и при громадном стечении народа Деметрий был провозглашен вождем Эллады, как прежде Филипп и Александр. Деметрий, однако, считал обоих гораздо ниже себя по могуществу. И в самом деле, Филиппу и Александру приходилось действовать с постоянной оглядкой на «друзей» и собрание македонцев, а Деметрий позволял себе такие сумасбродства, каких бы им никогда не простили современники. Так изменились люди за какие-то полстолетия! Среди многочисленных злоупотреблений и беззаконий, которые тогда творились, более всего, как сообщают, уязвил афинян приказ безотлагательно раздобыть 250 талантов, ибо Деметрий распорядился передать все деньги - а взимались они с неумолимой суровостью - Ламии и другим гетерам на мыло, румяна и притирания. Больше убытков граждан тяготил позор, а молва была горше самого дела. Пока Деметрий был всесилен, афиняне покорно сносили подобные оскорбления, но они все припомнили, как только счастье изменило ему.

В 301 г. до Р.Х. все цари заключили союз против Антигона и сплотили свои силы воедино. Деметрий покинул Грецию и соединился с отцом. Обе армии встретились при Ипсе. Когда завязался бой, Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком увлекся преследованием. Это неуместное честолюбие погубило победу, ибо, возвратившись, Деметрий уже не смог соединиться с пехотой - путь ему тем временем загородили вражеские слоны. Фаланга Антигона обратилась в бегство, а сам Антигон был убит.

После битвы цари-победители расчленили всю державу Антигона и Деметрия, словно некое огромное тело, и, поделивши части между собой, присоединили новые провинции к своим прежним владениям. Деметрий с пятью тысячами пехоты и четырьмя тысячами конницы почти без остановки бежал до Эфеса, а оттуда без промедления двинулся дальше и приплыл в Грецию, возлагая последние свои упования на афинян. У них оставались и суда Деметрия, и его деньги, и супруга Деидамия, и он полагал, что в эту годину бедствий нет для него надежнее прибежища, чем расположение и любовь афинян. Вот почему, когда подле Кик-ладских островов его встретили афинские послы с просьбой не приближаться к их городу, ибо народ постановил никого из царей не принимать и не впускать, Деида-мию же со всеми возможными почестями проводить в Мегары, - Деметрий был вне себя от гнева, хотя до сих пор переносил свое несчастье с полным спокойствием и, невзирая на столь крутую перемену обстоятельств, ни в чем не уронил и не унижил себя. Но обмануться в афинянах, узнать вопреки всем ожиданиям, что их любовь на самом деле пустое притворство, было для Деметрия непереносимой мукой.

Деметрий чувствовал себя жестоко и несправедливо оскорбленным, но отомстить за обиду был не в состоянии и только отправил к афинянам посланцев со сдержанными укорами и требованием вернуть ему его суда, среди которых было одно с тринадцатью рядами гребцов. Получив корабли, он поплыл к Истму и там убедился, что дела идут из рук вон плохо, - города, один за другим изгоняли его сторожевые отряды, и все переходили на сторону врагов. Деметрий направился к Херсонесу, в Греции же оставил Пирра. Разоряя земли Лисимаха, Деметрий вместе с тем обогащал и удерживая от распада собственное войско, которое мало-помалу вновь становилось грозной силой. Другие цари не оказывали Лисимаху никакой помощи, считая, что тот несколько не лучше Деметрия - разве что более опасен, так как более могущественен.

Немного спустя Селевк прислал сватов, прося руки Стратони-ки, дочери Деметрия и Филы. Для Деметрия свойство с Селевком оказалось неожиданным счастьем. Он посадил дочь на корабль и со всем флотом поплыл прямо в Сирию, однако по пути вынужден был сделать несколько остановок и, между прочим, пристал к берегу Киликии, которую цари после битвы с Антигоном отдали во владение Плистарху, брату Кассандра Сочтя высадку Деметрия

вражеским набегом и желая принести жалобу на Селевка, который готов примириться с общим неприятелем без ведома и согласия остальных царей, Плистарх отправился к Кассандру.

Узнав об этом, Деметрий двинулся в глубь страны, к Киндам. Там он обнаружил в сокровищнице нетронутые 1200 талантов, забрал деньги, успел погрузить их на корабли и поспешно вышел в море. В ту пору приехала и Фила, супруга Деметрия, и подле Родоса они встретились с Селевком. Эта встреча от начала до конца была поистине царской, свободной от коварства и взаимных подозрений. Сперва Селевк давал пир Деметрию в своем шатре посреди лагеря, потом Деметрий принимал Селевка на огромном судне с тринадцатью рядами весел. Были тут и совещания, и досужие дружеские беседы, и увеселения, тянувшиеся иной раз целый день; наконец, забрав Стра-тонику, Селевк торжественно отбыл в Антиохию.

Деметрий завладел Киликией и отправил к Кассандру его сестру, а свою супругу Филу, чтобы очиститься от обвинений Плистарха. В это время из Греции приплыла Де-идамия, но вскоре она заболела и умерла, а так как Деметрий, заботами Селевка, заключил дружеский союз и с Птолемеем (в 299 г. до Р.Х.), то было условлено, что он женится на дочери Птолемея Птоле-маиде. До сих пор Селевк держал себя благородно, но когда затем он попросил, чтобы Деметрий за деньги уступил ему Киликию, и, получив отказ, в ярости стал требовать возврата Сидона и Тира, его уже нельзя было назвать, иначе как обидчиком и насильником, ибо, подчинив своей власти все земли от пределов Индии до Сирийского моря, он выказал себя бесконечно мелочным и жадным до власти.

Деметрий, однако, не дал себя запугать. Объяснив, что не только Ипс, но и еще тысяча подобных поражений не заставят его заплатить за такого зятя, как Селевк, он усилил караульные отряды в обоих городах, а сам, получив известие, что Лахар воспользовался смутой в Афинах и установил тиранию (в 297 г. до Р.Х.), загорелся надеждой без труда захватить город, внезапно появившись под его стенами.

С большим флотом он благополучно пересек море, но когда плыл вдоль берега Аттики, попал в бурю и лишился почти всех судов и значительной части войска. Сам Деметрий избег гибели и начал войну с афинянами. Но война эта оказалась безуспешной, а потому, отправив своих людей собирать новый флот, Деметрий ушел в Пелопоннес и осадил Мессену. Во время одной из схваток он едва не погиб - стрела от катапульты попала ему в лицо, пробила щеку и вошла в рот. Оправившись от раны, Деметрий привел к покорности несколько изменивших ему городов, а сам снова вторгся в Аттику, занял Элевсин и Браврон и стал опустошать страну. В городе начался голод, к которому вскоре прибавилась острая нужда во всем самом необходимом. Птолемей послал на помощь афинянам полтораста судов, и те бросили якорь у Эгины. Но и передышка, которую доставила осажденным эта подмога, оказалась непродолжительной, ибо к Деметрию также явилось множество кораблей из Пелопоннеса и с Кипра, общим числом около трехсот, и моряки Птолемея поспешно удалились, а тиран Лахар бежал, бросив город на произвол судьбы (в 295 г. до Р.Х.).

Тут афиняне, которые сами ранее постановили казнить любого, кто хоть словом упомянет о мире с Деметрием, немедленно отворили ближайшие к противнику ворота и отправили послов, не ожидая, правда, для себя ничего хорошего, но не в силах дальше терпеть нужду.

Вступив в город, Деметрий приказал всем собраться в театре, окружил сцену вооруженными солдатами, а вокруг логия расставил собственных телохранителей. Затем он спустился верхними проходами, по примеру трагических актеров, и этим вконец напугал афинян, но первыми же словами своей речи освободил и избавил их от страха. Он воздержался и от резкого тона, и от суровых слов, но после недолгих и дружеских укоров, объявил им о прощении, подарил 100 000 медимов хлеба и назначил должностных лиц, более всего угодных народу. Оратор Де-моквид внес предложение передать Деметрию Пирей и Мунихию. Тут же был принят соответствующий закон, а Деметрий, по собственному почину, разместил караульный отряд еще и на Мусее, чтобы афиняне, снова взбунтовавшись, не смогли доставить ему новых хлопот и огорчений.

Завладев Афинами, Деметрий тут же устремил свои мысли и взгляды к Лакедемону. Он разбицаря Архидаму IV, который встретил его при Мантинее, и вторгся в Лаконику. Выиграл он и второе сражение перед самою Спартой, истребив 200 человек и взяв в плен 500, и, казалось, уже держал в своих руках город, еще никогда не бывший под властью неприятеля: Но

тут пришли сообщения о том, что Лисимах отнял у него города в Азии, а Птолемей занял весь Кипр, кроме одного лишь Салами-на, а Саламин осаждает, заперев там детей и мать Деметрия. Эти злые и грозные вести заставили Деметрия уйти из Лакедемона, но сразу вслед за тем у него появились новые надежды и совершенно новые далеко идущие замыслы.

После смерти Кассандра македонцами правил старший из его сыновей Филипп IV, но вскоре умер и он, а двое оставшихся вступили между собой в борьбу. Младший, Александр V, послал за помощью к Пирру в Эпир и к Деметрию в Пелопоннес. Первым подросел Пирр, но в награду за помощь захватил значительную часть Македонии, и это близкое соседство пугало Александра. Когда же, получив письмо, явился с войском Деметрий, юноша, хорошо знавший его славу, испугался еще больше. Он выступил навстречу ему к Дию, горячо и любезно приветствовал своего защитника, но объявил, что обстоятельства больше не требуют его присутствия. Между ними сразу возникли взаимные подозрения. Когда Деметрий пошел к молодому царю на пир, кто-то донес, что после пира за вином Александр замышляет его убить. Деметрий нисколько не растерялся, но, запоздав на короткое время, отдал приказ начальникам держать войско в боевой готовности, а своим провожатым и слугам - которых было гораздо больше, чем у Александра, - велел войти вместе с ним в мужские покои и не выходить, пока он сам не встанет из-за стола. Александр испугался и не посмел исполнить задуманного. Деметрий, сославшись на то, что худо себя чувствует и не склонен пить, быстро ушел, а на другой день стал собираться в путь. Александру он сказал, будто получил новые важные известия, и просил извинить его за то, что побыл так недолго. Александр был рад, что Деметрий покидает страну без злобы, по доброй воле, и провожал его до Фессалоник. Когда же они очутились в Лариссе, между ними снова начались взаимные любезности и приглашения, причем каждый готовил другому гибель. Это именно и отдало Александра во власть Деметрия: он не успел осуществить свой коварный замысел, но сам первый сделался жертвой коварства. Деметрий позвал его на пир, и он пришел. В разгар угощения Деметрий встал; заметив это, Александр в испуге двинулся к выходу. В дверях стояли телохранители Деметрия. Бросив им всего два слова: «Бей следующего!» - Деметрий выскользнул наружу. Александр же был зарублен стражею, а вместе с ним были зарублены и друзья, которые кинулись ему на помощь. Как сообщают, один из македонцев, умирая, сказал, что Деметрий опередил их только лишь на день.

Наутро Деметрий послал в лагерь к македонцам гонца с сообщением, что хочет говорить с ними и оправдаться в своих действиях. Это успокоило и ободрило македонцев, страшившихся силы Деметрия. Они решили принять его дружески, и, когда он прибыл, долгих речей не потребовалось.

Матереубийцу Антипатра они ненавидели, где искать нового государя не знали и потому провозгласили царем Деметрия и немедля повели его в Македонию. Перемена эта была принята не без удовольствия и в самой Македонии, где постоянно помнили о злодеяниях, которые совершил Кассандр против умершего Александра, а если сохранилась еще какая-то память о старшем Антипатре и его справедливости, то и она была на пользу Деметрию, супругу Филы, родившей ему сына и наследника, который в то время был уже взрослым юношей и участвовал в походе под начальством отца.

После Македонии Деметрий захватил и Фессалию. Владея к этому времени большей частью Пелопоннеса, а по эту сторону Ист-ма - Мегарами и Афинами, он двинулся походом на беотийцев (в 293 г. до Р.Х.). Те сначала заключили с ним дружественный договор на умеренных условиях, но затем в Фивы явился спартанец Клеоним с войском. Беотийцы воспрянули духом и расторгли союз с Деметрием, к чему их всячески склонял и феспиец Писид, один из самых знаменитых и влиятельных в то время людей. Тогда Деметрий придвинул к стенам Фив осадные машины и осадил город. Перепуганный Клеоним тайно бежал, а беотийцы в ужасе сдались на милость победителя. По общему суждению Деметрий обошелся с ними не слишком строго: он расставил в городах сторожевые отряды, взыскал большой денежный штраф и назначил правителем историка Иеронима. Однако больше всего вызвал восхищение его поступок с Писидом, которому он не причинил ни малейшего вреда, но, на против, дружески с ним беседовал и сделал полемархом в Феспиях.

Спустя немного времени (в 291 г. до Р.Х.) Лисимах оказался в плену у Дромихета.

Деметрий немедленно выступил в поход, рассчитывая захватить Фракию, лишившуюся защитников, но не успел он удалиться, как беотийцы снова отложились от него, а вслед за тем пришло известие, что Лисимах уже на свободе. В гневе Деметрий повернул назад и, узнав, что сын его Антигон уже разбил беотицев в открытом бою, опять осадил Фивы.

Так как Пирр между тем опустошал Фессалию и появился у самых Фермопил, Деметрий разместил в Фессалии 10 000 пехотинцев и 1000 всадников и вновь усилил натиск на Фивы. Он приказал подвести так называемую «Погубительницу городов», но из-за громадного веса и размеров ее тянули с таким трудом и так медленно, что за два месяца она прошла не больше двух стадиев. Беотийцы оборонялись с решимостью и мужеством, и Деметрий нередко заставлял своих воинов сражаться и подвергать себя опасности не столько по необходимости, сколько из упорства. Не желая, однако, чтобы думали, будто он не щадит лишь чужой крови, Деметрий и сам бился в первых рядах и получил опасную и мучительную рану - стрела из катапульты пробила ему шею. Тем не менее он не отступил от начатого и взял Фивы во второй раз. Жители были в величайшем смятении, ожидая самой свирепой расправы, но Деметрий, казнив 13 зачинщиков и изгнав нескольких человек, остальных простил.

Вслед за тем (в 289 г. до Р. Х.) Деметрий выступил против этолийцев, опустошил их страну и, оставив там Пантавха во главе значительного отряда, сам двинулся на Пирра. Пирр в свою очередь выступил против Деметрия, но противники разминулись, и Деметрий принялся разорять Эпир, а Пирр напал на Пантавха и разгромил его в упорном сражении. С тех пор имя Пирра пользовалось в Македонии громкою славой, и многие говорили, что среди всех царей лишь в нем одном виден образ Александровой отваги, остальные же - и в первую очередь Деметрий - словно на сцене перед зрителями пытаются подражать лишь величию и надменности умершего государя.

И верно, Деметрий во многом походил на трагического актера. Он не только покрывал голову кавси-ей с великолепной двойной перевязью, не только носил алую с золотой каймою одежду, но и обувался в башмаки из чистого пурпура, расшитые золотом. И не один только внешний облик царя оскорблял македонцев, не привычных ни к чему подобному; их тяготил и его разнузданный уклад жизни, и, главным образом, его неприветливость и недоступность. Он либо вовсе отказывал в приеме, либо, если уж принимал просителей, говорил с ними сурово и резко.

С Пирром Деметрий заключил договор, стремясь положить конец непрерывным стычкам и схваткам, отвлекавшим его от главного и основного замысла. Замыслил же он не что иное, как восстановить в прежних пределах державу своего отца. Приготовления Деметрия нимало не уступали величию его намерений и упований. Он собрал уже 90 000 пехоты, без малого 12 000 конницы и намеревался спустить на воду флот из 500 кораблей, которые строил одновременно в Пирее, Коринфе, Халки-де и близ Пеллы. Каждую из верфей Деметрий посещал сам, давал наставления и советы, работал вместе с плотниками, и все дивились не только числу будущих судов, но и их размерам - ведь никому еще не доводилось видеть корабли с пятнадцатью и шестнадцатью рядами весел.

Видя, что против Азии вскоре выступит такая сила, которой после Александра не располагал еще никто, для борьбы с Деметрием объединились трое царей - Селевк, Птолемей и Лисимах. Все вместе они отправили посольство к Пирру, убеждая его ударить на Македонию и считать недействительным заключенный с Деметрием договор, по которому Деметрий присвоил себе право нападать, на кого сам пожелает и выберет. Пирр согласился, и вокруг Деметрия, который еще не завершил последних своих приготовлений, разом вспыхнуло пламя войны. У берегов Греции появился с большим флотом Птолемей и склонил города к измене, а в Македонию, грабя и разоряя страну, вторглись из Фракии Лисимах, а из сопредельных областей Пирр. Деметрий оставил в Греции сына, сам же, обороняя Македонию, двинулся сперва на Лисимаха (в 288 г. до Р. Х.), но тут пришла весть, что Пирр взял город Берою. Слух об этом быстро разнесся среди македонцев, и сразу же всякий порядок в войске исчез, повсюду зазвучали жалобы, рыдания, гневные речи и проклятия Деметрию; солдаты не хотели оставаться под его начальством и кричали, что разойдутся по домам, но в действительности собирались уйти к Лисимаху.

Тогда Деметрий решил держаться как можно дальше от Лисимаха и повернул против

Пирра, рассудив, что Лисимах - соплеменник его подданным и многим хорошо известен еще по временам Александра, но Пирра, пришельца и чужеземца, македонцы никогда не предпочтут Деметрию. Однако он жестоко просчитался. Когда Деметрий разбил лагерь неподалеку от Пирра, его македонцы, уже давно восхищавшиеся воинской доблестью Пирра и с молоком матери впитавшие убеждение, что самый храбрый воин всех более достоин царства, узнали вдобавок, как милостиво и мягко обходится Пирр с пленными, и, одержимые желанием во что бы то ни стало избавиться от Деметрия, стали уходить. Сперва они уходили тайком и порознь, но затем весь лагерь охватили волнение и тревога, и, в конце концов, несколько человек, набравшись храбрости, явились к Деметрию и посоветовали ему бежать и впредь заботиться о своем спасении самому, ибо македонцы не желают больше воевать ради его страсти к роскоши и наслаждениям. По сравнению с грубыми, злобными криками, которые неслись отовсюду, эти слова показались Деметрию образцом сдержанности и справедливости. Он вошел в шатер и переоделся, сменив свой знаменитый роскошный плащ на темный и обыкновенный, а затем неприметно ускользнул. Сразу чуть ли не все войско бросилось грабить царскую палатку, начались драки, но тут появился Пирр, первым же своим приказом возвратил тишину и завладел лагерем. Вся Македония была поделена между ним и Лисимахом. Лишившись власти, Деметрий бежал в Кассандрию. Фила была безутешна, она выпила яд и умерла, а Деметрий уехал в Грецию и стал созывать всех тамошних военачальников и приверженцев. Фи-ванцам он даровал их прежнее государственное устройство, а против афинян, которые вторично отложились от него, начал военные действия и подверг их город жестокой осаде. Потом, вняв советам философа Кратера, Деметрий оставил афинян в покое, собрал все суда, какие были в его распоряжении, и, погрузив на них 11 000 пехотинцев и конницу, отплыл в Азию, чтобы отнять у Лисимаха Карию и Лидию (в 287 г. до Р.Х.).

В Милете его встретила сестра Филы Эвридика с Птолемаидой, своей дочерью от Птолемея, которая давно уже была помолвлена за Деметрия хлопотами Селевка. Теперь Деметрий принял девушку из рук матери и женился на ней. Сразу же после свадьбы он двинулся против азийских городов и многие взял силой, а многие присоединились к нему добровольно. Занял он и Сарды. Иные из Лисимаховых наместников перешли на сторону Деметрия, предоставив в его распоряжение казну и солдат. Но когда появился с войском Агафокл, сын Лисимаха, Деметрий ушел во Фригию, чтобы затем - в случае, если бы удалось добраться до Армении, - возмутить Мидию и утвердиться во внутренних провинциях Азии, где легче было найти укрытие и прибежище. Агафокл, однако, следовал за ним по пятам. Хотя Деметрий в нескольких стычках одержал верх, положение его было трудным, ибо враг не давал ему собирать продовольствие и корм для лошадей, а воины уже начали догадываться, что их уведут в Армению и Мидию. Голод усилился. Потом к голоду присоединился мор - как это бывает всегда, когда нужда заставляет употреблять в пищу все, что ни попало. Потеряв в общем не менее восьми тысяч, Деметрий повел уцелевших назад.

Он спустился в Тарс и хотел оставить в неприкосновенности страну, находившуюся тогда под властью Селевка, чтобы не дать ему ни малейшего повода к враждебным действиям. Но это оказалось невозможным, потому что воины были в последней крайности, а перевалы через Тавр закрыл Агафокл. Тогда Деметрий написал Селевку письмо с пространными жалобами на свою судьбу и горячей мольбой смилостивиться над родичем, потерпевшим такие беды, какие даже у врагов не могут не вызвать сострадания. Селевк, и в самом деле, был растроган и уже отправил приказ выдать солдатам Деметрия продовольствие в полном достатке, но потом передумал и с большим войском выступил в Киликию. Деметрий, пораженный и испуганный этой внезапной переменой, отступил в дикую, неприступную местность среди гор Тавра, а Селевк закрыл перевалы, ведущие в Сирию, так что Деметрий, обложенный точно дикий зверь на охоте, вынужден был начать военные действия и принялся разорять набегами страну. Он неизменно выходил победителем из столкновений с войсками Селевка, обратил в бегство даже пущенные против него серпокосные колесницы и овладел перевалом на пути в Сирию, выбив оттуда вражеских воинов.

После этого к Деметрию вернулось его мужество, а в трудном положении оказался Селевк. Но на свое несчастье перед решительным сражением Деметрий захворал, и болезнь не только тяжело изнурила его тело, но и расстроила все его планы, ибо часть воинов ушла к

неприятелю, а многие просто разбежались. Насилу оправившись после сорока дней недуга, Деметрий собрал остатки своих людей и двинулся в Киликию. Селевк, как он и предполагал, двинулся за ним. Ночью Деметрий повернул в противоположную сторону и пошел к вражескому лагерю. Селевк крепко спал, ни о чем не подозревая. В конце концов, перебежчики все же предупредили его об опасности, и Селевк встретил Деметрия во всеоружии. На рассвете началась битва. Деметрий на своем фланге сумел привести врага в замешательство и потеснить его. Но на другом фланге воины перешли на сторону Селевка и приветствовали его как царя. Деметрий оставил поле боя и бежал по направлению к Аманским воротам. С несколькими друзьями и ничтожной горсткой слуг он укрылся в чаще леса, рассчитывая тайком пробраться к морю. Однако на перевалах уже пылали вражеские костры и, отказавшись от своего замысла, Деметрий отправил к Селевку гонца с известием, что готов предать себя в его руки.

Под сильной стражей он был доставлен в Херсонес Сирийский, который отныне должен был стать местом его постоянного пребывания (285 г. до Р.Х.). Селевк прислал Деметрию многочисленную челядь для услуг, с безукоризненной щедростью назначил ему ежедневное содержание и разрешил охотиться в царских заповедниках, гулять и заниматься телесными упражнениями в царских садах. Никто из друзей, которые бежали с ним вместе и теперь хотели навестить пленника, не встречал отказа.

Вначале Деметрий переносил свою участь спокойно, приучался не замечать тягот неволи, много двигался - охотился, бегал, гулял, но постепенно занятия эти ему опротивели, он обленился и большую часть времени стал проводить за вином и игрою в кости. На третьем году своего заключения Деметрий заболел от праздности, обжорства и пьянства и скончался в возрасте 54 лет (в 283 г. до Р.Х.) (Плутарх: «Деметрий»; 19-25, 27-52).

ДЕМЕТРИЙ II ЭТОЛИЙСКИЙ

Царь Македонии в 239-229 гг. до Р.Х. Сын Антигона II Гоната. Род. в 269 г. до Р.Х. Умер 229 г. до Р.Х.

Ж.: 1) Стратоника, дочь сирийского царя Антиоха I; 2) Фтия, дочь эпирского царя Александра; 3) Хризеида.

Вдова эпирского царя Александра II Олимпиада выдала за Деметрия свою дочь Фтию, чтобы по праву родства получить от него помощь против этолийцев (Юстин: 28; 1). Деметрий действительно опустошил Этолию, но не вернул Олимпиаде захваченной этолийцами Акарнании (Страбон: 10; 2; 4). Об этой войне сохранились лишь смутные воспоминания. Известно, что в 234 г. до Р.Х. Деметрий вторгся в Беотию, заставил тамошних жителей отречься от союза с этолийцами, а затем разрушил Плев-рон. В последний год его правления македонцы потерпели тяжелое поражение от дарданцев. Вероятно, царь был в числе павших (Дройзен: 3; 3; 1).

ДЕМЕТРИЙ I СОТЕР

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 162-150 гг. до Р.Х. Сын Селевка IV.

В 175 г. до Р.Х. отец отправил Деметрия заложником в Рим вместо своего брата Антиоха, который, вернувшись в Сирию, сделался царем. Двенадцать лет Деметрий прожил в Риме (Аппиан; 11; 45).

В 163 г. до Р.Х., узнав, что Анти-ох скончался и власть в Сирии получил его двоюродный брат, девятилетний Антиох Евпатр, Деметрий обратился в сенат с просьбой отпустить его на родину. В самом деле, говорил он, теперь, когда дядя его умер, он не знает, за кого является заложником. Но сенаторы не дали ему просимого разрешения. Хотя они и не говорили этого открыто, но держались того мнения, что Сирийское государство меньше доставит им хлопот под властью ребенка, чем под властью Деметрия.

Тогда Деметрий решил бежать из Италии. Он выехал из Рима якобы на охоту, а сам тайком вместе со своими товарищами по бегству сел в Остии на корабль (Юстин: 34; 3). В Сирии он был встречен очень благожелательно, легко овладел тремя главными сирийскими

городами и провозгласил себя царем: Затем он окружил себя наемным войском и вошел в Антиохию, причем все приняли его весьма охотно и добровольно сдались ему. Войска схватили малолетнего Антиоха и его опекуна Лисия и живыми доставили к новому царю. Деметрий приказал немедленно их казнить (Флавий: «Иудейские древности»: 12; 10; 1). Вслед за тем Деметрий разбил Тимарха, сатрапа Вавилонии, восставшего против него, и за это получил от вавилонян прозвище Сотер («Спаситель») (Аппиан: 11; 47).

Полагая, что мир опасен для его непрочной еще власти, Деметрий решил увеличить свои владения и умножить свои богатства путем войн с соседями. Враждебно относясь к Ариарту, царю Кападокии, за то, что тот отверг брак с его сестрой, Деметрий принял к себе его брата Ороферна, законно свергнутого с престола Ариартом. Деметрий рад был благовидному предлогу к войне с Ариартом (Юстин: 35; 1). Он вторгся в Кападокию, сверг Ариарта и вместо него за 1000 талантов возвел на престол Олоферна. Но римляне решили, что Ариарт и Олоферн, как братья, должны царствовать вместе (157 г. до Р.Х.) (Аппиан: 11; 47). Точно так же путем интриг Деметрий старался прибрать к рукам египетский Кипр (155 г. до Р.Х.) (Полибий: 33; 5).

Но, пытаясь овладеть чужими странами, Деметрий, в конце концов, выпустил из рук свою собственную. Войско было восстановлено против царя из-за его заносчивости и надменности. Не замечая этого, Деметрий замкнулся в своем дворце с четырьмя башнями, который он сам воздвиг неподалеку от Антиохии. Он никого не допускал к себе и вообще относился крайне легкомысленно к своим обязанностям правителя, постоянно пренебрегая ими (Флавий "Иудейские древности"; 13; 2; 1) Зато он без всякой меры предавался пьянству и бывал пьян чуть ли не целыми днями (Полибий: 33; 19).

Враги Деметрия не замедлили воспользоваться его промахами. Они подучили некоего Баласа, молодого человека самого низкого происхождения, чтобы тот с оружием добивался сирийского престола, якобы принадлежавшего его отцу. Они дали Баласу имя Александра и объявили, что он сын царя Антиоха. Все до такой степени ненавидели Деметрия, что его сопернику предоставили с общего согласия не только царские полномочия, но и признали его якобы благородное происхождение (Юстин: 35; 1). Александр высадился в Сирии и легко занял Птолемаиду благодаря измене находившихся в ней воинов.

Узнав об этом, Деметрий стал собирать войска и поспешил помириться с иудеями, с которыми до этого в продолжение всего правления вел ожесточенную войну. Но ни то ни другое не принесло ему успеха. Александр собрал огромное войско из наемных и присоединившихся к нему сирийских солдат и пошел походом на Деметрия. Когда произошла битва, левое крыло Деметрия обратило врагов в бегство и, преследуя их, принялось грабить лагерь. Между тем правое крыло, на котором находился сам Деметрий, потерпело поражение. Все бросились бежать; Деметрий же, сражаясь геройски, перебил не малое количество противников, но во время погони за остальными въехал на коне в глубокую трясиину, из которой уже не был в состоянии выбраться. Его лошадь пала. Когда неприятели увидели, что с ним случилось, они вернулись и, окружив Деметрия, забросали его дротиками. Хотя он пеший геройски отбивался от них, однако, в конце концов, был так изранен, что пал, не будучи уже в силах сопротивляться (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 2; 4).

ДЕМЕТРИЙ И НИКАТОР

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 145-141, 129-126 гг. до Р.Х. Сын Деметрия I.

В 150 г. до Р.Х. Деметрий I, начиная войну с самозванцем Александром Баласом, поручил своих двоих сыновей заботам проксена Книдия. Он снабдил их большим количеством золота с тем, чтобы сыновья его избежали опасностей войны, а если судьба обратится против него самого, могли бы отомстить за отца. В последовавшей затем войне Деметрий лишился сначала престола, а потом и жизни. После этого его сыновья некоторое время жили на Крите в Книде. Узнав, что Александр, захвативший престол, впал в разврат и больше не пользуется прежней поддержкой в войске, Деметрий, отбросив свою лень и нерадивость, решился начать войну с самозванцем (Юстин: 35; 2).

В 147 г. до Р.Х. Деметрий отплыл с Крита в Киликию во главе множества наемников, которыми снабдил его критянин Ласфен. Война обещала быть тяжелой, поскольку к

Александр прибыл из Египта его тесть Птолемей VI. Но к счастью для Деметрия, союзники вскоре поссорились и стали злейшими врагами. Птолемей разорвал союз с Александром и отнял у него свою дочь. После этого он немедленно послал к Деметрию для переговоров о заключении с ним дружественного союза, причем обещал ему выдать за него дочь и вернуть ему отцовское царство. Деметрий очень обрадовался этому предложению, немедленно заключил с египетским царем союз и женился на его дочери Клеопатре. Поддержка Птолемея решила исход войны в пользу Деметрия. Но когда тесть и зять вошли в Антиохию, горожане поначалу не хотели и слышать о Деметрии, а провозгласили царем самого Птолемея. Птолемей созвал антиохийцев на народное собрание и стал уговаривать их принять к себе Деметрия. Только после долгих пререканий они согласились, чтобы Деметрий был над ними царем. В 145 г. до Р.Х. Александр с большим войском двинулся из Киликии на Антиохию. Птолемей и Деметрий вышли ему навстречу. Александр потерпел поражение, бежал в Аравию и был там убит. В той же битве Птолемей получил смертельные раны, от которых скончался несколько дней спустя.

Не успел Деметрий вступить на царство, как начал гнусно избивать войско Птолемея. Поэтому египтяне бежали от его злодеяний в Александрию, а Деметрий завладел всеми слонами Птолемея. Вслед за тем, уверившись в прочности мира, Деметрий распустил свое войско и сократил при этом вознаграждение ему. Он выплатил жалованье полностью лишь иноземным наемникам, которые явились вместе с ним с Крита. Этим он навлек на себя ненависть со стороны сирийских солдат (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 4; 7-9).

Не обращая внимания на возраставшее против него недовольство, Деметрий предался порокам, свойственным юности, и впал в бездеятельность. За отвращение к труду его стали презирать так же глубоко, как раньше ненавидели его отца за надменность. Между тем парфяне, когда-то подвластные Селевкидам, вторглись в Месопотамию и завладели ею (Юстин: 36; 1). Потом и антиохийцы, раздобыв оружие, внезапно восстали против Деметрия и осадили его во дворце Видя себя окруженным со всех сторон, Деметрий собрал всех наемников, а также трехтысячный иудейский отряд, присланный ему первосвященником Ионафом, и сразился с антиохийцами. Поначалу те одержали над ним победу. Тогда Деметрий распорядился поджечь ближайšie к дворцу здания, а так как дома стояли близко друг к другу и большинство их были деревянные, то пламя вскоре распространилось по всему городу и уничтожило его дотла. Не в силах держаться и совладеть с огнем, антиохийцы обратились в бегство. Большинство из них бросило бой и поспешило к своим домам спасать семьи. Когда царь заметил, что нападавшие рассеялись, он напал на них через другие улицы и перебил при этом такое множество жителей, что тем самым принудил их побросать все оружие и сдаться ему. Затем Деметрий простил им их дерзкую попытку и тем самым положил конец смуте.

Но, едва покончив с этой войной, Деметрий получил на руки другую. Один из прежних военачальников Александра Баласа, Диодот, прозванный Трифоном, привез из Аравии в Сирию малолетнего Антиоха, сына Александра и Клеопатры, и провозгласил его царем. А так как на его сторону перешло все войско, которое покинуло Деметрия из-за невыплаты денег, то Трифон объявил войну Деметрию, сошелся с ним на поле брани, разбил его и захватил всех его слонов и саму Антиохию. Потерпев такое поражение, Деметрий отступил в Киликию. Отсюда он переправился в Месопотамию, намереваясь овладеть ею и Вавилоном и, подчинив себе верхние сатрапии, овладеть уже отсюда всем царством. Дело в том, что жившие там греки и македонцы постоянно отправляли к нему посольства с обещанием передаться ему, если только он явится к ним, и в союзе с ним идти на парфянского царя Арсака. Уповая на это, Деметрий двинулся к ним в расчете сначала подчинить парфян и создать войско, а потом начать войну с Трифоном и изгнать его из Сирии. Жители страны приняли его радушно, и он, собрав войско, начал борьбу с Арсаком (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 5; 3, 4, 11).

Деметрию оказали помощь и персы, и эллины, и бактрийцы, и он в ряде сражений разбил парфян. Однако, в конце концов, он был обманут ими. Парфяне притворились, будто хотят заключить с ним мир. Деметрий выехал на переговоры и был захвачен ими (в 140 г. до Р.Х.). После этого парфяне возили его по городам, которые в свое время перешли на его сторону, чтобы поиздеваться над их приверженностью к нему. Затем они отправили Деметрия в Гирканию и обращались с ним там не очень сурово, но в соответствии с его прежним

положением. Царем в Сирии стал Антиох VI (Юстин: 36; 1).

Двенадцать лет Деметрий провел в плену в Гиркании, где с ним обращались хорошо. Он даже женился на царской дочери Родогуне. Однако Деметрий тяготился положением пленника и задумал тайный побег в свое царство. Советником и спутником Деметрия был его друг Калимандр. Первый побег не удался - парфяне догнали царя и отправили его обратно в Гирканию под более строгий надзор. Спустя некоторое время, когда у Деметрия было уже несколько детей, ему стали больше доверять, и он в сопровождении того же Калимандра снова сделал попытку к бегству. Но и она оказалась неудачной. На этот раз Деметрия поймали у самых границ царства и во второй раз возвратили к жене в Гирканию.

Только в 129 г. до Р.Х., когда брат Деметрия Антиох VII нанес парфянам несколько тяжелых поражений, царь Фараат решил отпустить Деметрия на родину, с тем чтобы он, по возвращении, начал войну в Сирии и отвлек на себя силы Антиоха. Но вскоре Антиох был разгромлен и погиб. Тогда Фараат стал жалеть, что отпустил Деметрия. Он отправил в погоню за ним конные отряды, но они настигли Деметрия уже в его царстве (Юстин: 38; 9-10).

Поскольку Антиох VII погиб (о чем все сирийцы очень жалели), Деметрий без труда утвердился у власти и сразу стал готовиться к войне с Египтом. Как раз в это время у египетского царя Птолемея VII шли большие распри со своими поданными. Его жена и теща Деметрия Клеопатра Вторая бежала в Сирию, прихватив с собой всю царскую казну. Она обещала Деметрию Египетское царство в том случае, если он сумеет одолеть ее мужа. Но пока Деметрий старался захватить чужое, он потерял свое собственное - от него отпала Сирия. Раньше всех, по обыкновению, восстали жители Антиохии, возмущенные высокомерием царя, которое, благодаря длительному общению Деметрия с парфянами, стало невыносимым. Вскоре примеру Антиохии последовали и другие города. В свою очередь Птолемей VII отправил в Сирию войско, поставив во главе него некоего молодого человека, с тем чтобы тот оружием добивался царской власти над Сирией. Была сочинена басня, будто этот молодой человек путем усыновления был принят царем Антиохом в царскую семью. Сирийцы готовы были принять любого царя, лишь бы не страдать от высокомерных выходок Деметрия. Молодого египтянина назвали Александром (Юстин: 39; 1).

Когда Александр вступил в бой с Деметрием, последний потерпел поражение и бежал к своей жене Клеопатре Тее в Птолемаиду, но так как жена не приняла его к себе, то он отсюда направился к Тиру (в 125 г. до Р.Х.), чтобы найти убежище в храме. Здесь он был схвачен и погиб в страшных мучениях от рук ненавидевших его врагов (Флавий: 13; 9; 3).

ДЕМЕТРИЙ III ЭВКЕР

Царь Дамаска из рода Селевкидов, правивший в 95-88 гг. до Р.Х. Сын Антиоха VIII Гипа.

Когда погибли отец Деметрия и его брат Селевк V, царь Египта Птолемей VIII Лафур провозгласил Деметрия царем Дамаска. А после того, как в битве с парфянами погиб сирийский царь Антиох X, Деметрий вместе со своим братом Филиппом разделил власть над страной (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 13; 4). В это время у иудеев была большая распря с их царем Яннаем. Воставшие призвали к себе Деметрия на помощь. Он явился к ним с 6000-м войском и сейчас же собрал вокруг себя около 20 000 иудеев. В последовавшем затем сражении Деметрий одержал полную победу. Яннаем бежал в горы, и сейчас же, из жалости к его переменчивой судьбе, под его знамена собралось 6000 иудеев. Испугавшись, что весь народ перейдет теперь на сторону царя, Деметрий отступил.

Он пошел войной на своего брата Филиппа и осадил его в Верее. Но осажденные призвали на помощь арабов и парфянского царя Митридата Синака. Парфяне осадили Деметрия в его окопах и принудили сдаться. В плену Деметрию оказывались всяческие почести, но вскоре он впал в болезнь и умер (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 14; 1-3).

ДЕЦИЙ, Гай Мессий Квинт

Римский император в 249-251 гг. Род. в 195 г. Умер 251 г.

Деций родился в Паннонии, в городе Сирмий (Виктор: «О Цезарях»; 29). Пройдя все ступени военной карьеры, он был в 249 г. отправлен императором Филиппом в Мезию с поручением успокоить волнующиеся легионы. Но солдаты провозгласили императором самого Деция (Гибон: 10). Он выступил против Филиппа и разгромил его под Вероной. Филипп был убит, а Деций овладел верховной властью (Виктор: «О Цезарях»; 29). По свидетельству Виктора, он обладал разнообразными знаниями и многими добродетелями, в мирных условиях был мягок и общителен, в военных - очень энергичен. В 250 г. Деций вместе со своим сыном-соправителем выступил в Мезию, чтобы отразить вторжение полчищ готов (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 29). Это было первое масштабное столкновение римлян с этим беспокойным народом. Деций заставил готов снять осаду с Никополя, но затем, когда римляне захотели преследовать врага, готы внезапно развернулись и напали на них. Деций в беспорядке отступил за Балканы, а готы овладели другим крупным городом - Филипполем (Иордан: 102-103). В Македонии они объявили императором Люция Приска, а когда Деций с великой поспешностью выступил против него, власть в Риме захватил Юлий Валент. В то же самое время в Сирии провозгласил себя императором Иотапи-ан. Но все они вскоре были убиты (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 29). Воспользовавшись задержкой готов под Филипполем, Деций сумел собраться с силами. В следующем году он напал на них под Абриттом. В самом начале сражения его сын, юноша, подававший большие надежды и уже допущенный к соучастию в императорской власти, был убит стрелой на глазах отца. Деций, не теряя присутствия духа, объявил, что потеря одного солдата не имеет значения для республики (Иордан: 103). После этого началась упорная и яростная битва. Сначала готы отступили под натиском римлян. Но когда бой переместился на болото, римляне оказались не в состоянии противостать им. Они были окружены и разбиты. Сам Деций утонул в болоте вместе с конем, и даже труп его не был найден (Гибон: 10).

ДИДИЙ ЮЛИАН, Сальвий

Римский император в марте - июне 193 г. Род. 30 янв. 133 г. Умер 1 июня 193 г.

Дидий Юлиан происходил из знатного медиоланского рода. Среди его предков были и консулы, и префекты Рима. Воспитывался он у Домиции Луциллы, матери императора Марка Аврелия, которая покровительствовала ему и дальше. По ее ходатайству, он получил квестуру раньше установленного возраста. Затем Марк Аврелий выдвинул его в эдилы и преторы. После преторства он командовал в Германии двадцать вторым легионом, а затем долго и безупречно управлял Бельгией. С помощью наскоро собранной армии ему удалось победить вторгшихся в римские пределы хавков. За это около 175 г. Дидий был удостоен консульства. В дальнейшем он управлял Далмацией и нижней Германией, занимался государственными выдачами в Италии и вновь управлял провинциями: Вифинией и Африкой. Будучи во второй раз консулом и проконсулом в Африке, он сменил в этих должностях Пертинакса. Поэтому тот всегда называл Дидия Юлиана своим преемником (Спартиан: «Дидий Юлиан»; 1-2).

После того как преторианцы 28 марта 193 г. убили Пертинакса, они поначалу утрастились своей отваги и, зная, что народная масса будет негодовать по поводу свершившегося, возвратились бегом в лагерь. Они заперли ворота и входы и поставили на стенах и башнях стражу, чтобы защищаться, если толпа их атакует. И действительно, римляне очень горевали о смерти императора, так как Пертинакс был государем кротким и справедливым. Но никто не встал во главе недовольных: сенаторы при первой весте о перевороте в страхе разъехались по своим имениям. Через два дня волнения в столице улеглись, и солдаты воспрянули духом. По-прежнему не открывая ворот, они выслали на стены самых громкоголосых из своей среды, и те объявили, что преторианская гвардия облечет властью и провозгласит императором того, кто выplatит за это наибольшую сумму денег. Первым на это предложение откликнулся тесть Пертинакса Сульпици-ан, бывший в то время префектом Рима. Он явился под стены лагеря и завязал с мятежниками переговоры (Геродиан: 2; 5-6). Прошел даже слух, что Сульпициан провозглашен императором и сенат готовится утвердить решение войска. Дидий Юлиан отправился со своим зятем в курию, но нашел ее запертой. В дверях ему встретились два трибуна, которые стали убеждать его занять свободное место принцепса.

Дидий Юлиан отвечал, что император уже объявлен, но трибуны, не слушая возражений, привели его к лагерю. Увидев, что торг еще не закончен, Дидий тоже пожелал принять в нем участие. Поначалу на него не обращали внимания, так как воины внимательно слушали Сульпициана, но он написал на таблицах, что обещает восстановить память об убитом недавно императоре Коммо-де, чью кончину преторианцы продолжали еще оплакивать (Спартиан: «Дидий Юлиан»; 2). Тогда солдаты спустили Дидию лестницу и подняли его на стену. Он обратился к мятежникам с речью и обещал каждому по 25 000 сестерциев. Окрыленные такими обещаниями, воины провозгласили Дидия Юлиана императором (Геродиан: 2; 6). Впрочем, сам он согласился принять все титулы и почести только из рук сената, и сенат в тот же день утвердил решение преторианцев: провозгласил Дидия Августом, отцом отечества, наделил его трибунскими полномочиями и проконсульскими правами. В тот же день он занял Палатинский дворец. Ненависть, которую народ питал к убийцам Пертинакса, всецело перешла на нового императора. Хотя Дидий совсем не был причастен к заговору, его считали главным его вдохновителем. Едва он появлялся на улице или на зрелищах, толпа осыпала его невероятной бранью и угрозами. Летели в него и камни, и если бы солдаты силой оружия не охраняли своего ставленника, он был бы убит уже на другой день по принятии власти. Все это Дидий переносил спокойно и во время своего правления действовал очень мягко. Однако этим он несколько не смягчил сердца римлян. Все воспрянуло духом, когда узнали о волнениях в провинциях: сирийские легионы провозгласили императором Нигера, а иллирийские - Севера. Восстание иллирийцев особенно встревожило Дидия. Он знал, что там расквартированы самые боеспособные части. К тому же имя Пертинакса было очень популярно в Иллирии и среди воинов, и среди колонистов. Дидий приказал вывести преторианцев в поле укреплять башни, но воины были ленивы, испорчены городской роскошью, совершенно не желали заниматься военными упражнениями, - так, что каждый из них за плату нанимал себе заместителя для выполнения предписанной ему работы. Таким образом, у Дидия Юлиана не оказалось войска, способного противостоять Северу (Спартиан: «Дидий Юлиан»; 3-5). Не встретив никакого сопротивления, Север перевалил через Альпы и вторгся в Италию. Жители повсюду выходили приветствовать его, а равеннский флот перешел на его сторону. Не зная, что ему делать, Дидий собрал сенат и предложил для достижения мира сделать Севера соучастником власти, провозгласив его императором и дав ему равные с собой полномочия. Сенат одобрил это, но жители, видя, что Дидий робеет и находится в отчаянии, стали переходить на сторону Севера (Геродиан: 2; 12). Зная о ненависти и презрении, которые внушал к себе Дидий, Север решил, что ему выгоднее оставаться врагом императора, чем делаться его соправителем. Поэтому он отверг предложения сената. Дидий созвал сенаторов и спросил их мнения о том, что теперь надлежит делать, но не получил никакого определенного ответа. Тогда он по собственному почину предложил стать своим соправителем Клавдию Помпею, так как тот был зятем Марка Аврелия и долго командовал войсками. Но Помпей отказался, ссылаясь на свою старость. Тем временем на сторону Севера перешли воины из Умбрии. После этого стража и телохранители бросили императора. Дидий оказался покинут всеми и остался в Палатинском дворце лишь со своим зятем Репентином (Спартиан: «Дидий Юлиан»; 8). Когда враги были уже у самых стен города, сенаторы собрались на заседание и договорились провозгласить Севера единственным императором, а Дидия казнить (Геродиан: 2; 12). В Палатинский дворец отправили трибуна с отрядом, и Дидий был убит каким-то рядовым воином. Перед смертью он униженно просил о пощаде и тщетно взывал к покровительству Цезаря, то есть Севера. Всего он пробыл у власти два месяца и пять дней. Главной бедой его было то, что он, недостойно овладев престолом, так и не научился быть императором и постоянно заискивал перед теми, кем должен был повелевать. В результате и враги и собственные сторонники прониклись к нему презрением и не было никого, кто бы пожалел о его жалком конце (Спартиан: «Дидий Юлиан»; 8-9).

ДИОКЛЕТИАН, Гай Аврелий Валерий

Римский император в 293-305 гг. Род. в 245 г. Умер 3 дек. 313 г.

Диоклетиан был родом из Далмации и имел происхождение настолько не знатное, что многие считали его сыном простого писца, а другие утверждали, что он был

вольнотпущенником сенатора Ануллиана (Евтропий: 9; 19). По имени своей матери и своего родного города Диоклеи он до принятия власти назывался Диоклом, и только получив власть над римским миром, переделал свое греческое имя на римский лад (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 39). По свидетельству Вопис-ка, Диоклетиан всегда был преисполнен высоких замыслов; иногда, однако, лицо его принимало несколько жестокое выражение, но благоразумием и исключительной твердостью он подавлял движения своего беспокойного сердца. Говорят, еще в юности ему было предсказано, что он станет императором после того, как убьет кабана, поэтому в душе Диоклетиана всегда жила жажда императорской власти. На охоте, когда предоставлялась возможность, он всегда убивал кабанов, но императорская власть, минуя его, каждый раз доставалась его соратникам. Поэтому Диоклетиан сказал однажды друзьям: «Кабанов всегда убиваю я, а лакомым куском пользуются другие». Вместе с Каром он отправился в персидский поход, будучи начальником дворцовых войск. После смерти Кара императором стал его сын Нумериан. Однако некоторое время спустя он был злодейски умерщвлен префектом претория Апром. Когда весть об этом преступлении распространилась по войску, солдаты подняли на трибуну Диоклетиана и провозгласили его императором. Но видно, что единодушия среди легионеров не было: загадочная смерть Нумериана многих приводила в смущение. Тогда Диоклетиан поклялся, что никакого отношения к убийству императора не имеет, извлек меч и, указав на Апра, поразил его со словами: «Вот виновник убийства Нумериана!» Своим друзьям Диоклетиан сказал: «Наконец-то я убил назначенного роком кабана!» (Вописк: «Кар, Карин и Нумериан»; 13, 15).

Всем остальным дано было прощение, и почти все его враги были оставлены на своих должностях, в том числе Аристокл, новый префект претория; ни у кого не было отнято ни имущества, ни славы, ни достоинства (Виктор: «О Цезарях»; 39). На западе между тем был провозглашен императором старший сын Кара, Карин. В 285 г. Диоклетиан победил его в большом сражении у Марги. У Карина было больше войска, но оно оставило его. Таким образом Диоклетиан получил всю власть (Евтропий: 9; 20).

Начало его правления было смутным и тяжелым. Вся империя была охвачена войнами и мятежами. В Галлии после отъезда Карина некие Элиан и Аманд, набрав шайку разбойников среди поселян, которых местные жители называли багаудами, опустошили много полей и пытались захватить многие города. Диоклетиан сейчас же направил туда с неограниченной военной властью своего друга Мак-симиана Геркулия, человека хоть малообразованного, но зато хорошего и умного воина. Отправившись в Галлию, тот частью рассеял врагов, частью захватил в плен и в скором времени всех усмирил. В этой войне отличился отвагой менапиец Караузий. Его поставили во главе флота, набиравшегося для отражения германцев, разбойничавших на море. Зазнавшись от такого своего положения, он в 286 г. захватил Британию и провозгласил себя императором. В то же время на восточные провинции напали персы, в Африке подняли восстание киренцы во главе с Юлианом, а в Египте присвоил себе знаки власти некто по имени Ахилл (Виктор: «О Цезарях»; 39).

В этой крайности Диоклетиан в 286 г. возвел Максимиана Геркулия в сан Августа, даровав ему равные с собой права, а спустя некоторое время, в 293 г., сделал Цезарями двух других полководцев - Констанция и Галерия. Чтобы они еще более сблизились между собой, Констанций взял в жены Феодору, падчерицу Геркулия, Галерий же женился на дочери Диоклетиана Валерии, поэтому оба были вынуждены развестись со своими прежними женами (Евтропий: 9; 22). Все четверо происходили из Иллирика и были малообразованными людьми, зато хорошо знали нищету сельской жизни и военной службы и были достойными государственными деятелями. Согласие этих людей лучше всего доказало, что прирожденных качеств и опыта военной деятельности, какой они получили под руководством Аврелиана и Проба, пожалуй, достаточно для доблестного управления. На Диоклетиана они смотрели с уважением, как на отца или даже как на великого бога. Но так как тягость войны давила все больше, они как бы разделили власть; все Галльские земли, лежащие за Альпами, были поручены Констанцию, Африка и Италия - Геркулию, побережье Иллирии вплоть до Понтийского пролива - Галерию; все остальное удержал в своих руках Диоклетиан (Виктор: «О Цезарях»; 39).

Разделив легионы, соправители начали упорную войну с врагами, со всех сторон

наседавшими на империю. Констанций в Галлии нанес сокрушительное поражение лингонам и алеманам, а в 296 г. его полководцы вновь овладели Британией. В 297-298 гг. Геркулий закончил войну в Африке, сам Диоклетиан осадил Ахилла в Александрии, взял ее 8 месяцев спустя, а Ахилла убил. Одержав победу, он поступил сурово: весь Египет опустошил проскрипциями и убийствами, однако через это многое изменил и мудро устроил в его управлении. Не столь удачно, но в общем успешно закончил войну с персами Галерий.

Диоклетиан был хитрым, но проницательным человеком и отличался острым умом, и своей суровостью он пытался подавить чужую злобу. Он был весьма рачительным государем и первым в Риме ввел царские обычаи вместо прежней римской свободы (Евтропий: 9; 21-26). Он первый стал надевать одежды, сотканые из золота, и пожелал даже для своей обуви употреблять шелк, пурпур и драгоценные камни. Однако это было не самым значительным из его нововведений. Он первый из всех, если не считать Калигулы и Домициана, позволил открыто называть себя господином, поклоняться себе и обращаться к себе, как к богу (Виктор: «О Цезарях»; 39). Даже от сенаторов император требовал, чтобы они поклонялись ему, а не приветствовали по прежнему обряду (Феофан: 293).

Налоги при нем достигали таких размеров, что землепашцы принуждены были бежать из своих домов, и поля обращались в леса. Везде рыскали сборщики податей, овладевавшие остатками имений. Цены на продукты питания поднялись до непосильных размеров. К тому же Диоклетиан отличался безграничной страстью к строительству, ложившейся немалой тяжестью на провинции. В одном месте строились базилики, цирк, монетный двор, в другом - арсенал или дворцы для жены и дочери (Лактанций: 5, 7). Столица Рим и другие города, особенно Карфаген, Медиолан и Ни-комедия, были украшены новыми замечательными постройками (Виктор: «О Цезарях»; 39).

Конец царствования Диоклетиана был ознаменован невиданными гонениями на христиан, набравшими к этому времени большую силу. Впрочем, по свидетельству Лактанция, главным врагом христиан был Галерий, а Диоклетиан долго противился его внушениям. Он не находил причины проливать столько человеческой крови и нарушать спокойствие империи. Он говорил, что довольно и того, если слуги его дома и воины будут держаться древней религии. Но в конце концов он уступил, и в 303 г. с его ведома и согласия была разрушена христианская церковь в Никомедии. Это событие послужило сигналом к открытию гонений по всей империи. На другой день был обнародован указ, в котором объявлялись лишенными чести все те, которые исповедовали христианскую религию; всякому было велено возводить на них обвинения и предавать их мукам, какого бы звания и состояния они не были (Лактанций: 9, 11-13). Христианские божественные книги было велено сжигать, а священников и всех христиан насильно заставлять приносить жертвы идолам (Феофан: 295). Гонения никого не щадили. Чиновники непрерывно заседали в храмах и наблюдали за тем, как народ приносит жертвы. Даже жену свою Приску и дочь Валерию Диоклетиан принудил публично принести жертвы. Всякий, кто отказывался от жертвоприношения, рисковал своим имуществом и жизнью. Темницы были наполнены несчастными, вся вина которых заключалась в том, что они исповедовали христианство (Лактанций: 15). Процарствовав двадцать лет, Диоклетиан стал ощущать тяжесть власти. Тогда он уговорил Геркулия уйти в частную жизнь, а дела государственные передать более молодым. Геркулий последовал его примеру неохотно. Однако оба они в один день, 1 мая 305 г., сменили знаки императорского достоинства на частную жизнь: Диоклетиан - в Никомедии, Геркулий - в Ме-диолане. После этого Диоклетиан поселился в Салоне, Геркулий - в Лукании (Евтропий: 27). Последние годы своей жизни Диоклетиан провел в счастье и покое в своем имении на берегу моря. Когда же в империи вновь разгорелась междоусобная война и Геркулий с Галерием стали звать Диоклетиана вернуться к власти, он, по словам Аврелия Виктора, точно отстраняясь от какой-то чумы, ответил им: «О, если бы вы могли посмотреть на выращенные моими руками в Салоне овощи, вы бы сказали, что этого никогда не следовало бы делать!» Но наследники все никак не хотели оставить старика в покое. В 313 г. Константин и Лициний послали Диоклетиану приглашение на свадебный пир. Он отказался, извиняясь, что из-за старости не имеет сил участвовать в празднестве. Императоры, однако, не приняли его извинений и послали другое письмо с угрозами. Подозревая, что ему готовится позорная насильственная смерть, Диоклетиан, как

говорят, принял яд (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 39).

ДОМИЦИАН, Тит Флавий

Римский император из рода Флавиев, правивший в 81-96 гг. Сын Веспасиана. Род. 24 окт. 51 г. Умер 18 сент. 96 г.

Детство и раннюю молодость Домициан провел в нищете и пороке: в доме их не было ни одного серебряного сосуда, а бывший претор Клодий Поллион хранил и изредка показывал собственноручную записку Домициана, где тот обещал провести с ним ночь. Некоторые утверждали, что его любовником был и Нерва, будущий его преемник.

Незадолго до падения Вителлия в декабре 69 г. Домициан вместе со своим дядей Сабинном и отрядом верных ему войск укрылся на Капитолии (Светоний: «Домициан»; 1), Когда вителлианцы ворвались на холм, он спрятался у сторожа храма. Вскоре один из вольноотпущенников сумел ловко вывести его оттуда: закутавшись в полотняный плащ, Домициан смешался с толпой жрецов и, никем не признанный, добрался до Велабра, где его приютил клиент отца Корнелий Прим (Тацит: «История»; 3; 74). Только после победы он вышел к людям и был провозглашен Цезарем. Он принял должность городского претора с консульской властью и поселился во дворце, однако не спешил взять на себя заботы, сопряженные с этим званием, и походил на сына принцепса лишь своими постыдными и развратными похождениями (Тацит: «История»; 4; 2). У многих он отбивал жен, а на Домиции Ле-пиде женился в 70 г., хоть та и была уже замужем. За один день он раздал 20 должностей, так что Веспасиан даже говаривал, что удивительно, как это сын и ему не приискал преемника.

За все это он получил выговор и совет, получше помнить о своем возрасте и положении. Когда в Рим вернулись Веспасиан и Тит, Домициан притворился человеком скромным и необыкновенно полюбил поэзию, которой до того совсем не занимался, а после с презрением забросил. После смерти отца в 79 г. он долго колебался, не подкупить ли ему войско, и все время правления брата строил против него козни явно и тайно. Во время тяжелой болезни Тита в 81 г., он велел всем покинуть его, а когда тот умер, не оказал ему никаких почестей, кроме обожествления, и часто задевал его в своих речах и эдиктах.

В первое время своего правления Домициан каждый день запирался один на несколько часов, как бы для дел, но занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем. Но все же правление его не было лишено некоторого блеска, особенно в первые годы. Он устраивал многочисленные и разнообразные зрелища, раздавал деньги и устраивал пиры для народа. Множество великолепных построек он восстановил после пожара 80 г., в том числе и Капитолий, сгоревший во второй раз. Другие памятники были выстроены им и по собственному почину (Светоний: «Домициан»; 1-5). В 83 г. Домициан совершил поход против хат-тов. Хотя решительного сражения не произошло, поход был успешен: к Риму были присоединены «Декуматские поля» - большой клин германских земель между Рейном и Дунаем (Дион: 67; 7).

В том же году он развелся со своей женой Домицией, изблотив ее в любовной связи с актером Парисом, но потом вновь взял ее к себе, а Париса казнил. Вообще, он отличался безмерным сладострастием. Говорили, будто он сам выщипывает волосы у своих наложниц и возится с самыми непотребными проститутками. Свою племянницу Юлию, дочь Тита, он обольстил еще при его жизни и потом любил ее пылко и не таясь, и даже стал виновником ее смерти, заставив вытравить плод, который она от него понесла.

В начале правления всякое кровопролитие было ему ненавистно. В нем не было никаких признаков алчности или скупости - напротив, ему не раз приходилось проявлять бескорыстие и даже великодушие. Однако этому милосердию и бескорыстию он оставался верен недолго. При этом жестокость он обнаружил раньше, чем алчность. В 84 г. он обрушил первые репрессии против сенаторов и многих отправил на смерть, в том числе нескольких консуляров. Некоторые были казнены по обвинению в подготовке мятежа, а другие по самым пустяковым предлогам. С годами его свирепость и коварство все возрастали. Истошив казну издержками на постройки, зрелища, повышенное жалование солдатам, он бросился обогащаться любыми средствами, захватывал состояния и с большой суровостью взыскивал налоги, особенно подать с иудеев. Властолюбие его также увеличивалось год от года: с 85 г. он принял пожизненное цензорство, с

86-го ввел обращение «господин и бог» и повелел так называть его в письменных и устных обращениях; консулом же за свою жизнь он был семнадцать раз, как никто до него.

Снискав под конец жизни всеобщую ненависть, он погиб от заговора ближайших друзей и вольноотпущенников, о котором знала и его жена. Убил его Стефан, управляющий императрицы Домициллы. Притворившись, будто у него болит левая рука, он несколько дней ходил, обматывая ее в шерстяной платок, а к назначенному сроку спрятал в ней кинжал. Обещав раскрыть заговор, он был допущен к императору; пока тот в недоумении читал его записку, он нанес ему удар в пах. Другие участники заговора, ворвавшись в спальню, добились Домициана семью ударами. Народ остался равнодушен к его смерти, сенат встретил ее с ликованием, а солдаты с негодованием (Светоний: «Домициан»; 3, 9-14, 17,22,23).

ДОРИСС

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в X в. до Р.Х. Сын Лаботы (Павспний: 2; 3).

ДОТАД

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов. Сын Истмия (Павспний; 4; 3; 3-5).

ЕВГЕНИЙ, Флавий

Римский император в 392-394 гг. Умер 394 г.

Евгений сначала был грамматиком и преподавал римскую словесность, а потом, покинув школу, поступил в придворную военную службу и сделался царским секретарем. Уважаемый более прочих за свое красноречие, он не мог выдержать своего счастья, но, склонив на свою сторону военачальника Арбогаста, человека со свирепым и жестоким характером, решился захватить верховную власть. После того как маленький император Валентиниан II был умерщвлен по приказу Арбогаста, Евгения провозгласили императором (Сократ: 6; 25). Некоторые историки утверждают, что Евгений был язычником (Филосторгий: 11; 2). Во всяком случае, император предоставил почти полную свободу действий очень влиятельному римскому сенатору Флавиану, хотя тот был явным приверженцем язычества. Флавиан восстановил культы не только римских, но и иноземных богов, а Евгений вернул римским язычникам все то имущество храмов, которое было отобрано у них прежними императорами (Федорова: 95).

Благополучие Евгения всецело зависело от того, как отнесется к перевороту восточный император Феодосий. После гибели Валентиниана, Феодосий с почетом принял послов Евгения, но дал им двусмысленный и неопределенный ответ. Не нарушая явно мира, он начал собирать войска и в 394 г. вторгся в пределы Западной империи. Евгений и Арбогаст поджидали его в Галлии, в предгорьях Альп, у реки Фригиды. В первый день сражения воины Евгения потеснили отряды варваров, которых было великое множество в армии Феодосия. Но на другой день, когда сражение возобновилось, Феодосий одержал полную победу. Пишут, что Евгений, умоляя о пощаде, бросился к ногам Феодосия, но тут же, на его глазах, был обезглавлен солдатами (Сократ: 6; 25).

ЕВРИСФЕН

Легендарный царь Лаконики из рода Гераклидов, правивший в XI в. до Р.Х. Родоначальник царского рода Агидов. Сын Аристодема. Брат-близнец Прокла.

По свидетельству Геродота, вскоре после рождения сыновей-близнецов, Еврисфена и Прокла, Аристодем умер. Когда мальчики подросли, лакедемоняне их обоих провозгласили царями. Но, хотя они и были братьями, они всю жизнь враждовали между собой, и эта их вражда продолжалась в их потомстве (Геродот: 6; 52).

Согласно Эфору, братья разделили Лаконику на шесть частей и основали города. Спарту

Геракли-ды сделали своей столицей, в остальные части они послали царей, разрешив им, в силу редкой населенности страны, принимать к себе всех желающих иностранцев. Соседние племена находились в подчинении у спартанцев, но имели равноправие как в отношении прав гражданства, так и в смысле занятия государственных должностей. Назывались они илотами (Страбон: 8; 5; 4).

ЗАВКСИДАМ

Легендарный спартанский царь из рода Эврипонтидов, правивший в конце VIII - начале VII в. до Р.Х. Сын Архидама, внук Феопомпа (Павсаний: 3; 7).

ЗИНОН

Византийский император в 474 - 491 гг. Умер 9 апр. 491 г.

Изначальное имя Зинона было Тарасикодисса Русумвладеста. Он происходил из племени исавров (Кандид: 1). Около 447 г., в канун войны с гуннами, он привел в Константинополь сильный отряд федератов (Дашков: «Зинон»). Император Лев Макелла стал возвышать Тарасикодиссу, так как хотел опереться на исавров в борьбе с всемогущей германской знатью, получившей огромное влияние при Константинопольском дворе. Лев переименовал Тарасикодиссу в Зинона и выдал за него свою дочь Ариадну, после того как Зинон овдовел (Кандид: 1). В 464 г. он назначил его военачальником малоазийских войск, затем - комитом эскуви-тов, в 469 г. - консулом, а в 470 - начальником фракийских войск (Дашков: «Зинон»). Он хотел передать ему после себя и императорскую власть, но так как подданные были настроены против Зинона, Лев, умирая, провозгласил императором внука, сына Зинонова, Льва II. После смерти деда Лев с согласия сената немедленно венчал отца на царство. Таким образом ловкий исавр все-таки достиг императорского трона (Кандид: 1).

По свидетельству Малха, Зинон был человек способный к войне. Он не имел от природы той жестокости и того неутолимого гнева, которые отличали Льва, был честолюбив, действовал только из-за славы, больше напоказ, чем для пользы. Он не был опытен в делах, не имел тех познаний, при которых можно твердо управлять государством. До корысти он был не так падок, как Лев, однако ж и он не был лишен этой страсти. Но хуже всего было то, что фаворит императора, Себастьян, разделил его власть и управлял им как вздумается. Себастьян всем торговал, как на рынке, и не позволял, чтобы при императорском дворе что-нибудь делалось не за деньги. Ни одно дело не проводилось без взятки (Малх: 4). Сам Зинон предавался неистовым удовольствиям и царствовал беззаконно (Феофан: 466). С самого начала он предался сластолюбию и так сросся с этим пороком, что считал недостойным своего звания совершать пороки скрытно и без свидетелей, а предавался им явно на глазах у всех. (Евагрий: 3; 1).

Между тем царствование Зинона оказалось трудным, полным смут и мятежей. В начале 475 г. в Гераклее Фракийской Василиск, брат Верины, тещи Зинона, опираясь на Верину и кого-то из сенаторов, восстал против Зинона. Убоявшись, тот бежал 9 января из Константинополя с женой Ариадной и множеством денег в одну сильную сирийскую крепость, называвшуюся Вара. Отсюда он перебрался в Тесседу, ибо полководцы Илл и Трокунд, приверженцы Василиска, начали осаждать его. Между тем Василиск провозгласил себя на Поле императором, а вскоре вслед за тем восстал на православие и особым эдиктом отверг решения Халкидонского собора (Феофан: 467). После этого шага он быстро утратил популярность. К тому же между узурпатором и его сестрой начались распри. Верина надеялась выйти замуж за магистра Патрикия и произвести его на царство. Но Василиск убил Патрикия. Тогда Верина стала деньгами помогать Зинону снова получить себе власть (Кандид: 1, 2). После того, как Василиск процарствовал год и восемь месяцев, практически все, особенно же дворцовые воины, возненавидели его из-за страшной скупости (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 7). Полководцы Илл и Трокунд, державшие в осаде Зинона, примирились с ним. Взяв Зинона, они отправились к Константинополю (Феофан: 469). Василиск выслал навстречу своего племянника Армата с приказанием действовать и бороться против Зинона. Когда противники

расположились лагерем вблизи друг друга, Армат передал Зинову свое войско с условием, чтобы Зион провозгласил его совсем маленького сына Василиска кесарем, а в случае своей смерти оставил бы его преемником престола (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 7). В августе 476 г. Зион вступил в Константинополь и был принят народом и сенатом. Покинутый всеми Василиск бежал в церковь, положил свой венец на божественный жертвенник и укрылся с женой в кре-стильнице. Зион приказал взять Василиска, дав обещание, что не обезглавит его. Однако спустя некоторое время он заточил его в Кукузе в Каппадокии в башне с женою и детьми и приказал умерить голодом. Василиска, сына Армата, он провозгласил кесарем. Выполнив, таким образом, свою клятву, он велел умертвить Армата на лестнице во дворце, когда тот шел на Ипподром, а сына его, кесаря, велел посвятить в чтецы (Феофан: 469).

Спустя немного времени, в 479 г., против Зиона восстал Мар-киан, сын римского императора Антемия, женатый на младшей дочери Льва Макелла, Леонтии. Около императорского дворца произошла сильная схватка. И хотя многие пали как с той, так и с другой стороны, Маркиан обратил в бегство своих противников и мог бы овладеть дворцом, если бы не упустил удобного случая, отложив дело на завтра. На другой день он был выдан сообщниками. Его насильно постригли вместе с женой и сослали в Тарс Киликийский (Евагрий: 3; 26). Поскольку все интриги шли от Верины, Илл в 480 г. посоветовал Зинову удалить тещу из столицы. Под каким-то предлогом Зион изгнал ее в Халкидон, а потом в крепость Папурий. Ариадна просила возвратить мать из ссылки и сказала императору: «Либо Иллу оставаться во дворце, либо мне». Зион отвечал: «Разумеется, тебе. Делай с Иллою что пожелаешь!» Ариадна подслала убить его схолярия Спаникия. Когда Илл восходил, по лестнице Ипподрома, Спаникий занес уже меч, но мечник магистра, подскочивши, принял удар на себя. Зион приказал казнить убийцу, уверяя, что он ничего не знал о замышлявшемся покушении. Илл сделал вид, что поверил ему, и просил позволения удалиться на Восток, где был сделан главным военачальником. Прибыв в Панурию, Илл освободил Верину и велел ей венчать на царствие патрикия Леонтия, родом сирийца, его старого друга. Вскоре после этого Верина умерла, но искры мятежа, брошенные ею, разгорелись с огромной силой: восстали сирийские легионы и федераты, к сирийцам присоединилось население Египта. В 484 г. Леонтий вступил в Антиохию. Зион отправил против мятежников армию во главе с Иоанном Скифом. Ему удалось одержать победу над Иллою и Леонтием и запереть их в Панурии. После четырехлетней осады в 488 г. они были наконец захвачены и казнены (Феофан: 472, 473, 476, 480). Приблизительно в то же время готы, поселившиеся во Фракии еще во времена Феодосия Великого, с оружием в руках восстали против римлян под начальством Теодори-ха, патриция, получившего в Византии звание консула. Но Зион, умевший хорошо пользоваться обстоятельствами, убедил в 488 г. Теодориха отправиться в Италию и, вступив в войну с правившим там Одо-акром, добыть себе и готам власть над Западной империей (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 5; 1).

Страдавший эпилепсией Зион умер в 491 г. во время припадка. Сохранилось предание, что бесчувственного императора выдали за покойника и похоронили по приказу Ариадны, хотя и слышали его крики (Дашков: «Зион»).

ИОАНН

Римский император в 423-425 гг.

Иоанн был первым секретарем при императоре Гонории. После его смерти он захватил власть (Сократ: 7; 23). Прокопий пишет, что это был человек кроткого нрава, одаренный разумом, но в то же время способный к решительным действиям. Недолгое время своего правления он провел в благоразумной умеренности, не слушал доносчиков, никого не умертвил по произволу и ни у кого не отобрал имущества (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 3). Византийский император Феодосий не признал его власти, но провозгласил императором малолетнего Валентини-ана III и отправил против Иоанна войска во главе с Ардавурием. Поначалу поход его был неудачным - сильный ветер разметал ви-зантчийский флот. Ардавурий оказался в плену и был заключен в Равенне. Впрочем, Иоанн, помышляя о мире, обошелся с ним очень милостиво, и Ардавурий пользовался внутри города полной свободой. Вскоре ему

удалось возбудить против Иоанна его военачальников. Тем временем сын Ардавурия, Ас-пар, двигавшийся с сухопутной армией, захватил Аквилею (Фило-сторгий: 12; 14). Затем он провел большой отряд через болото, лежащее вокруг Равенны, и внезапно оказался перед столицей (Сократ: 7; 23). Ардавурий, подготовивший измену, впустил сына в город и захватил Иоанна (Филосторгий: 12; 14).

Таким образом, Валентиниан получил Иоанна живым. Он велел отправить его на ипподром Акви-леи, отрубить одну руку и провести перед народом, посаженным на осла. После того как Иоанн испытал множество оскорблений от мимов, его казнили (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 3).

ИОАНН I ЦИМИСХИЙ

Византийский император в 969- 976 гг. Род. ок. 925 г. Умер 1 янв. 976 г.

Иоанн происходил из знатного армянского рода Куркуасов. По словам Льва Диакона, он был муж горячего нрава и, несмотря на то, что был очень маленького роста, выказал себя невероятно смелым и пылким в бою (Лев Диакон: 4; 3). Он был очень подвижен: в прыжках, игре в мяч, метании копья и стрельбе из лука он превосходил всех своих сверстников. Он так метко направлял дротик в цель, что тот пролетал через отверстие размером с кольцо. Недостатком его была привычка сверх меры напиваться на пирах. Пишут также, что он был жаден до телесных наслаждений (Лев Диакон: 6; 3). При Романе Втором Иоанн выдвинулся как способный военачальник. Позже он сыграл видную роль в провозглашении императором Никифора Фоки. За эти заслуги Никифор в 963 г. почтил Цимисхия званием магистра и сделал домашником Востока (Лев Диакон: 3; 6). В 965 г. он дал ему достоинство дуки, но затем, заподозрив в измене, лишил своего благоволения и всех должностей и сослал в Халкидон (Лев Диакон: 4; 3).

Императрица Феофано уговорила мужа вернуть Иоанна из изгнания. Приехав в столицу, Цимисхий предстал перед императором и, получив позволение бывать во дворце каждый день, удалился. Будучи человеком горячим, смелым и удивительно склонным к дерзким предприятиям, он нашел средство проникать в покои Августы через подготовленные ею тайные входы, чтобы вести с ней переговоры о свержении императора Никифора с престола. Для этого он послал к ней сильных и опытных в ратных делах мужей, которых она укрывала у себя в темной камерке. Когда все было готово, ночью 10 декабря 969 г. Иоанн с немногими спутниками приплыл в лодке к Вуко-леону. По веревке, спущенной их сообщниками, они забрались во дворец, затем обнажили мечи, ворвались в спальню императора (Феофано оставила ее открытой) и убили его. Когда все было кончено, Иоанн прошел в дворцовый зал, называемый Хрисотрикли-ном, надел на ноги пурпурную обувь, сел на трон и стал размышлять, что ему делать дальше. Телохранители Никифора услышали о покушении, бросились на помощь своему господину и изо всех сил старались проломить железные ворота. Иоанн приказал вынести им голову убитого. Тогда они в один голос провозгласили Иоанна императором (Лев Диакон: 5; 6-7, 9).

Через семь дней после переворота, укрепив свою власть, Иоанн хотел венчаться на царство, но патриарх Полиевкт объявил, что не позволит ему войти в храм до тех пор, пока он не удалит из дворца Феофано и не отменит введенные императором Никифором законы, направленные против церкви (законы эти сильно ущемляли власть патриарха и запрещали ему назначать епископов без согласия императора). Иоанн согласился: он сослал императрицу на остров Принкип и вернул синоду грамоту Никифора. Только тогда Полиевкт допустил Иоанна в Софию и венчал его.

Подобно своему предшественнику, новый император провел в походах и битвах большую часть царствования. Прежде всего он обратился к болгарским делам. Русскому князю Святославу, которого Никифор призвал в Болгарию, Иоанн велел удалиться обратно к Черному морю. Но Святослав отвечал, что не уйдет до тех пор, пока император не заплатит ему выкуп за все захваченные им в Болгарии города (Лев Диакон: 6; 3). Поскольку это условие не могло быть принято, император послал против Святослава магистра Варду Склира. Русские вторглись во Фракию, опустошили ее всю огнем и грабежами и разбили свой лагерь неподалеку от

Аркадиополя. Однако в большой битве с Вардой они были разбиты и отступили (Скилица). Одновременно с нашествием русских императору пришлось отражать другую угрозу - в Азии поднял мятеж племянник убитого Никифора Варда Фока. Весной 970 г. Иоанн двинул против мятежников Варду Склира. Фока бежал, но вскоре его захватили и постригли в монахи. После этого Иоанн женился на дочери Константина VII Феодоре, которая не особенно выделялась красотой и стройностью, но зато была отмечена всеми добродетелями (Лев Диакон: 7; /, 3, 6, 8-9).

Весной 971 г. Иоанн выступил в поход против Святослава. Узнав, что горные проходы через Балканы никем не охраняются, ромеи ускоренным маршем прошли через них и вторглись в Болгарию. Русские, застигнутые врасплох, выстроились в боевой порядок перед болгарской столицей Преславой. Начался упорный бой, и ни одна сторона не могла взять верх. Только после того, как император бросил на левое крыло русских отряд тяжелой кавалерии (их называли «бессмертными»), враги не выдержали натиска и бежали под защиту города. На другой день ромеи ворвались в Преславу и захватили огромную добычу: в руки к ним попала вся царская казна, а среди пленников оказался болгарский царь Борис. Оставшиеся в живых русы были оттеснены к царскому дворцу и здесь перебиты. Тем временем сам Святослав с главными силами находился у Доростола. Не медля ни дня, император двинулся на него и через неделю уже подступил к этому городу.

Русские, плотно сомкнув щиты и копья, ожидали противника перед Доростолом. Иоанн построил свои войска, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и повел фалангу в бой. Завязалась яростная битва. В первых схватках обе стороны сражались с одинаковым успехом, так что до самого вечера нельзя было определить победителя. Но, когда солнце стало клониться к закату, император бросил против русов всю конницу. Враги обратились в бегство и были оттеснены за стены (Лев Диакон: 8; 2, 4-10). На следующий день Иоанн приказал копать ров, насыпать вал и всячески укреплять лагерь. В последующие дни русские постоянно совершали вылазки, то и дело происходили жаркие схватки. Наконец, угнетаемый голодом и потерями, Святослав 21 июля вывел своих воинов на решительную битву. Натиск русов был такой силы, что ромеи стали поспешно отступать. Император, видя отход своего войска, созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врага. В это время разразился ураган. Ветер дул в сторону русов, неся на них дождь и пыль. Это было на руку ромеям. Русские не выдержали натиска конной фаланги и обратились в бегство. Потеряв в сражении множество воинов, Святослав на другой день послал просить мира. Иоанн с радостью согласился и позволил оставшимся в живых уйти без всяких препятствий из Доростола. Таким образом, он, сверх всякого ожидания, всего за четыре месяца разгромил огромную армию русов и покорил большую часть Болгарии (Лев Диакон: 9; 1, 3, 8, 10-12).

Летом 972 г. Иоанн двинулся в Сирию против арабов. Переправившись через Евфрат, ромеи взяли Эдмет, Миефаркиму и стали наступать на Багдад, но трудности пути и недостаток воды заставили их отказаться от похода. Император повернул обратно в столицу. В 975 г. Иоанн совершил новый поход, на этот раз в Палестину и Сирию. Ромеи штурмом взяли Апамею. Дамаск сдался Цимисхию без боя. Он перевалил через Ливан, занял сильную крепость Ворзо, потом проник в Финикию, где овладел Бейрутом. На обратном пути Иоанн выразил свое неудовольствие проедру Василию, и тот, опасаясь опалы, замыслил устранить императора. Иоанну подали отравленный напиток. На следующий день члены его одеревенели, всем телом овладела слабость. Цимисхий поспешил вернуться в столицу. Он прибыл сюда уже обессиленный, с затрудненным, прерывистым дыханием, и умер 11 января (Лев Диакон: 10; 1, 4, 11).

ИОАНН II КОМНИН

Византийский император, правивший в 1118-1143 гг. Сын Алексея I. Род. 13 сент. 1087 г. " 7 апр. 1143 г.

Алексей Комнин любил Иоанна больше остальных детей и поэтому решил оставить его наследником царства и еще при своей жизни разрешил ему носить пурпурные сапоги и

именоваться императором. Напротив, мать и императрица Ирина отдавала свою любовь дочери Анне, непрестанно клеветала на Иоанна перед своим мужем и требовала, чтобы Алексею наследовал ее зять, Никифор Вриенний (муж Анны). Алексей то возражал жене, то показывал вид, что уступает ей, и, таким образом, медлил с провозглашением наследника. Видя это, Иоанн решил действовать самостоятельно. Понимая, что отец его лежит при смерти, а мать собирается провозгласить императором Никифора, он тайком вошел в спальню к отцу и тихо снял с его руки перстень с изображением печати. После этого он во главе своих сообщников поскакал во дворец и утвердился там, несмотря на протесты матери. Не прошло и года, как родные устроили против Иоанна заговор, и все взяли сторону Вриенния. Во главе стояла Анна. Иоанн наверняка был бы убит, если бы сам Вриенний не расстроил их замыслов. Когда заговор раскрылся, Иоанн никого не казнил смертью или увечьем, но всех наказал лишением имущества. Спустя некоторое время и само имущество было им возвращено.

После этого, видя, что турки ни во что не ставят договор, заключенный его отцом, Иоанн начал с ними войну. В первый свой поход он овладел Лаодикой и окружил ее стенами. Затем направился против Созополя, города хорошо укрепленного и расположенного в труднодоступной местности.

Чтобы захватить его, император придумал следующую хитрость: бросившись на приступ, а потом обратившись в притворное отступление, ромеи заманили большой отряд турок в горные теснины и здесь окружили их. После этого осажденные поневоле сдались императору.

В 1122 г. Иоанн выступил к Дунаю против печенегов (Хониат: 1; 1, 4). Он разослал посольства к различным вождям, искусно расстроил их единство, многих привлек на свою сторону, а с приходом весны выступил против остальных. В открытом бою ромеи одержали победу. Остатки разбитых печенегов укрылись в своем лагере под защитой повозок. Обстреливая из-за них ромеев, они наносили им большой урон. Иоанн бросил на врага своих телохранителей-варягов, которые, изрубив секирами повозки, сумели ворваться в лагерь. Многие из тех, кто спаслись бегством, затем сами сдались Иоанну, поселились в пределах империи и были зачислены в войско (Киннам: 1; 3).

В 1124 г. Иоанн победил сербов. В 1128 г. венгры, нарушив прежде заключенный дружественный договор, перешли Дунай, опустошили Враницову, разрушили ее стены, а также разграбили Сердику. Так как это несчастье случилось неожиданно, то император благоразумно ограничил свои действия обороной - прибыл в Филипполь и изгнал из него венгров. В короткий срок он собрал войско, устроил суда и ввел их в Дунай. Переправив армию на противоположный берег, он рассеял венгерские полки, овладел Франгохорием - этой плодородной землей венгров, простиравшейся между Савой и Дунаем, - взял их крепости Зевгмин и Храм. После этого он заключил мир (Хониат: 1; 5).

Уладив дела на западе, Иоанн обратился к востоку. В 1133 г. он отправился в Азию, отобрал у турок Кастамон и Гангры. В 1135 г. он двинулся в Киликию, овладел Тар-сом, осадил Анаварз и после осады принял его сдачу. В 1137 г. войско ромеев выступило против Антиохийского княжества крестоносцев. Антиохийцы сперва были неустрашимы, но, увидев, что император собирается на приступ, покорились. Раймонд, князь антиохийский, сам вышел к Иоанну и признал его своим сеньором. По условиям мира, император поставил в Антиохии своего префекта. Затем вместе с антиохийским войском Иоанн вторгся в Верхнюю Сирию, взял Пизу и Сесер (Киннам: 1; 5). В 1139 г. он вторгся в Каппадокию, где войско ромеев перенесло много трудностей из-за сильных холодов и суровых ветров. Во время этого похода его юный сын Мануил без ведома отца вступил в неравный бой с турками, которых ромеи с трудом одолели. Иоанн при всех похвалил юношу за отвагу, но потом, отведя в палатку, выпорол за безрассудство и нарушение приказа. Осаду Неокесарии пришлось оставить (Хониат: 1; 9).

В 1143 г., находясь под Аназар-вом, император выехал на охоту. Встретив огромного кабана, он ударил его копьем, но при этом поранился своей отравленной стрелой. Поначалу рана показалась Иоанну пустячной, но потом появилась опухоль, начались острые боли. Вскоре положение его сделалось безнадежным. Чувствуя приближение смерти, Иоанн созвал придворных и объявил, что оставляет престол младшему сыну Ма-нуилу (Киннам: 1; 10).

ИОАНН III ДУКА ВАТАЦ

Никейский император в 1221/1222- 1254 гг. Род. ок. 1192 г. Умер 3 ноя. 1254 г.

Иоанн, женатый на Ирине, дочери Феодора I, после смерти императора унаследовал никейский престол. По свидетельству всех историков, он был отмечен многими достоинствами: был кроток, отличался человеколюбием и бережливостью (Акрополит: 52). Ум соединялся в нем с благородством и твердостью характера; он прекрасно вел и устраивал дела правления, ничего не делал не обдумав и не оставлял ничего недоделанного. На все у него была своя мера, свое правило и свое время. В короткое время Дука увеличил внутреннее благосостояние ромейской империи и в соответствующей мере ее военную силу (Григора: 2; 1). Через два года после своего воцарения ему пришлось выдержать войну против войск крестоносцев, которыми предводительствовали братья покойного императора севастократы Алексей и Исаак Ласкарисы. Сражение произошло в пределах Пиманина, и Иоанн одержал решительную победу. В то время как значительная часть ромеев была почти разбита, он сам с горстью воинов выиграл все дело - потрясая копьем, бросился на врагов и показал такую отвагу в битве, какой еще не бывало прежде. Эта победа чрезвычайно содействовала возрастанию могущества ромеев и, напротив, унижению и упадку крестоносцев. Более знатные между ними попали в плен. Ласкарисы также были схвачены и ослеплены. Развивая успех, Иоанн осадил занятые крестоносцами ромейские укрепления в Азии и забрал их одно за другим тем легко, потому что ни с какой стороны им не могли оказать помощи (Акрополит: 18). По словам Григория, он далеко распространил ромейскую империю, показал себя умным, распорядительным кормчим государственного корабля. Снарядив немалое число галер, он отправил их к Эгейским островам и завоевал их все: Лесбос, Хиос, Самос, Икарию, Кос. Отправившись затем к Родосу, он взял и его. Когда императорский флот получил такую силу на море, а силы крестоносцев мало-помалу истощались и ослабевали, Иоанн начал вести войны в Европе. Он переправился через Геллеспонт, напал на Херсонес Фракийский и выбил рыцарские гарнизоны из соседних городов - взял Сест, Кардионы, Каллиуполь - одни приступом, другие - с их собственного согласия (Григора: 2; 3). Наконец, латинский император уступил ему крепость Пиги и отказался от всех своих владений в Азии, кроме окрестностей Константинополя и Никомедии.

С болгарским царем император в 1235 г. заключил союз и сосватал его дочь за своего сына Феодора. Затем, соединив свои войска, болгары и ромеи стали грозить самому Константинополю. Император Балдуин, обессиленный битвами с болгарями и ромеями, отправился к французскому королю и собрал большое войско, чтобы выступить против Иоанна. С этими силами в 1240 г. он взял Цурул. Ромейский флот был разбит итальянцами. Но это были последние успехи латинян. С начала 40-х гг. они окончательно перешли к обороне, вновь потеряли Цурул и Визию.

Тогда же Иоанн начал постепенно соединять под своей властью ромейские земли. В 1242 г. он двинулся против императора Иоанна Ангела, овладел Рентином и подступил к стенам Фессалоники. Так как у него не было осадных машин, Дука начал производить набегі отдельными отрядами и опустошать окрестности. Ангел был принужден отказаться от императорского титула, принял из рук Дуки титул деспота и поклялся быть его вассалом. Спустя четыре года заговорщики свергли деспота Димитрия и впустили в город императорские войска. Таким образом Фессалоника вошла в состав империи. В 1252 г. был разбит и признал себя вассалом эпирский деспот Михаил. У болгар были отобраны Серры, Мелиника и некоторые другие города (Акрополит: 23, 31, 37, 40, 43-45, 47-48).

Одновременно с военной мощью империи росло и ее экономическое могущество. Все время правления Иоанна его подданные наслаждались миром с турками, которые были отвлечены нашествием монголов. Государь старался обеспечивать все нужды двора за счет собственных ферм, виноградников и пашен и поэтому не имел нужды налагать корыстолюбивую руку на людей простых. В короткое время благосостояние ромеев стало цветущим: закрома у всех переполнились плодами, хлева - скотом и домашней птицей. Из-за того, что в соседних землях свирепствовал голод, все это продавалось с большой прибылью

туркам. Для поощрения ремесел Иоанн запретил подданным покупать одежду из иноземных тканей и приказал довольствоваться только тем, что произведено руками самих ромеев.

Современники находили у Дуки только один недостаток - слабость к женскому полу. После смерти своей супруги Ирины Иоанн женился на Анне, сестре сицилийского короля Манфреда, очень молоденькой девушке. Вместе с ней приехала в Никею в качестве ее воспитательницы женщина по имени Маркесина, отличавшаяся особенной красотой лица и силой взгляда, который, по словам Григоры, можно было сравнить с сетью. Своими любезностями, кокетством и изяществом манер она мало-помалу обратила на себя внимание императора и внушила ему такую любовь, что он уже стал явно предпочитать ее императрице Анне. Впоследствии его страсть к Марке сине дошла до такого неприличия, что он позволил ей носить знаки царского достоинства (Григора: 2; 6-7).

Незадолго до смерти Иоанн был поражен апоплексическим ударом, лишился речи и движения. Потом такие припадки стали случаться с ним постоянно. К прочим проявлениям болезни добавилась страшная худоба. В начале ноября 1254 г. Иоанн скончался в Нимфее (Акрополит: 50).

ИОАНН IV ЛАСКАРИС

Никеийский император в 1258-1261 гг. Сын Феодора II. Род. в 1250 г. Умер ок. 1305 г.

Иоанну было восемь лет, когда умер его отец. Великий коноставл Михаил Палеолог хитростью и подкупом добился того, что был назначен регентом при малолетнем государе (Пахимер: 1; 22). В 1259 г. он был провозглашен императором и соправителем Иоанна, а через два года приказал заключить его в крепость и ослепить (Григора: 4; 1, 4).

ИОАНН V ПАЛЕОЛОГ

Византийский император, правивший в 1341-1376 и 1379-1391 гг. Сын Андроника III. Род. в 1332 г. Умер 16 февр. 1391 г.

В год смерти отца Иоанну шел только девятый год. До двадцати лет правление его было номинально. Вместо него, оспаривая власть друг у друга, распоряжались делами мать, Анна Савойская, и регент, Иоанн Кантакузин (с 1347 г. его тесть и соправитель Иоанн VI). В 1352 г. Иоанн поднял против тестя восстание, попытался захватить Адрианополь, но потерпел поражение и бежал на Тенедос. В 1354 г. с двумя тысячами наемников Иоанн внезапно возвратился в Константинополь. Народ поддержал его, а Кантакузин, во избежание кровопролития, принужден был отречься от престола и постричься в монахи (Гиббон: 63). За следующие 36 лет своего самостоятельного царствования Иоанн ничем не проявил себя. По свидетельству Дуки, император был весьма легкомысленным человеком и не интересовался ничем, кроме хорошеньких и красивых женщин. Между тем турки прочно утвердились в Европе. В 1359 г. они в первый раз приступили к Константинополю, но не смогли его взять, зато в 1361 г. овладели Дидимоти-кой, а в 1362 г. - Адрианополем. В 1365 г. султан Мурад сделал Адрианополь своей второй столицей (Дашков: «Иоанн V»).

В этой крайности Иоанн в 1369 г. решил отправиться в Рим и молить папу о поддержке. Он был первым императором ромеев, который посетил западные страны. В Ватикане он был подвергнут предварительному испытанию и в присутствии четырех кардиналов признал в качестве истинного католика верховенство папы и двойное исхождение Святого Духа. Допущенный наконец к первосвященнику, он сначала поцеловал у него ногу, потом - руку и наконец - уста. Но все эти унижения оказались напрасны - никто из западных королей, несмотря на призывы папы, не проявил интереса к судьбе Константинополя (по сути, это было все, что осталось от империи ромеев). В довершении несчастий на обратном пути Иоанна задержали венецианцы. В первый раз проезжая через Венецию, он занял у тамошних банкиров много денег за огромные проценты. Теперь кредиторы не отпускали его и требовали уплаты по счетам. Старший сын Иоанна, Андроник, исполнявший в Константинополе обязанности регента, отнесся к несчастью отца с полным равнодушием. Только вмешательство младшего

сына, Ману-ила, который продал все, что имел, спасло Иоанна от долговой тюрьмы (Гиббон: 66).

Возвратившись домой, разгневанный император отстранил Андроника от престола и сделал своим наследником Мануила. В 1376 г. Андроник с помощью генуэзцев и турок сверг отца с престола и заключил его в темницу вместе с братом Мануилом. Три года спустя узники сумели бежать, получили помощь у султана и осадили Константинополь. Несмотря на то, что империи уже фактически не существовало, борьба двух партий протекала с большим ожесточением: целый месяц на улицах города шли бои, а штурм Влахернского дворца растянулся на неделю. Наконец, Иоанн изгнал сына из столицы и вновь утвердился на престоле (Дашков: «Андроник Четвертый»).

ИОАНН VI КАНТАКУЗИН

Византийский император, правивший с 1341 - 1354 гг. Род. ок. 1295 г. Умер 15 июля 1383

2.

Иоанн, наделенный от природы глубоким умом и разнообразными способностями, принадлежал к очень известному и богатому роду Кантакузинов. В молодости он был большим приятелем Андроника III Младшего и оказал ему большую поддержку деньгами, войсками и советами в войне с дедом Андроником II. Он был затем участником всех его войн и развлечений, и во многом благодаря Иоанну царствование Андроника III не было лишено некоторого блеска. После смерти Андроника в 1341 г. престол перешел к его восьмилетнему сыну Иоанну, регентом которого стал Кантакузин. Но не успел Иоанн вступить в свои полномочия, как ему пришлось защищаться от нападок старого врага, Алексея Апокавка, занимавшего должность дуки флота. Настроив против Кантакузина императрицу-мать Анну Савойскую, патриарха Иоанна и синклитиков, Апокавок стал нападать на регента, оспаривать его права и втайне готовить переворот. Однажды ночью его сторонники ворвались в дома знати, поддерживавшей Кантакузина, разгромили и разграбили их. Многие друзья регента и его мать оказались в тюрьме, а его собственные имущества конфискованы в казну. Впрочем, сам он избежал опасности и укрылся в своем родном городе Дидимотике. Здесь 26 октября 1341 г. сторонники провозгласили Кантакузина императором. Но даже совершая это мятежное деяние, Кантакузин старался проявить свою преданность царствующему дому: приказал провозглашать имена Иоанна Палеолога и Анны Савойской прежде своего имени и имени своей супруги.

В начавшейся затем войне Кантакузин первое время терпел неудачи. Собрав войска, он подступил к Константинополю, но иноземцы-наемники изменили ему, а солдаты разбежались. Он отошел к Фессалонике, потерпел здесь новое поражение и в 1342 г. с остатками армии укрылся в Сербии. Король Стефан Душан сперва оказал Кантакузину радушное гостеприимство, однако потом стал склоняться на сторону его врагов. Весной 1343 г. Иоанн во второй раз безуспешно пытался овладеть Фессалоникой. Разбитый, он бежал в Сербию. В это время болгары осадили Дидимотику, где заперлась жена Иоанна императрица Ирина с остатками своих сторонников (Гиббон: 63). Казалось, что все дело Кантакузина и его Партии погибло, но тут на помощь ему пришел турецкий эмир Умур. С большим флотом и армией наемников он отразил натиск болгар, а затем поддержал наступление кантакузинистов. Уже осенью Иоанн овладел многими фракийскими городами и замками. Клету 1345 г. в руках Анны Савойской и ее партии остались только Константинополь, Фессалоника и полуостров Галлиополи. В июне того же года погиб Алексей Апокавок. Но и Кантакузин потерял поддержку турок - его друг Умур, отвлеченный войной в Азии, покинул его. Иоанн нашел другого союзника - турецкого эмира Ор-хана, и в 1346 г. выдал за него свою дочь Феодору (Дашков: «Иоанн Кантакузин»). Одержав с помощью турок новые победы, Кантакузин в начале 1347 г. подступил к Константинополю. Итальянец Фаччи-олати, новый дука флота, был подкуплен Иоанном. 3 февраля он приказал открыть Золотые ворота и впустил кантакузинистов в столицу. Анна Савойская, уступая настоятельным просьбам друзей, согласилась заключить мир. По его условиям, Иоанн Палеолог сохранил за собой престол, но на десять ближайших лет должен был уступить верховную власть Кантакузину. Анна согласилась также на брак своего сына с дочерью его соправителя. На императорском троне стали восседать сразу два

императора и три императрицы. Обе стороны обещали забыть все взаимные обиды.

Коронация и свадьба были отпразднованы с единодушной радостью и пышностью, но и радость и пышность были обманчивы. Во время последних смут государственные сокровища были расхищены. Для того, чтобы сводить концы с концами, Анна была вынуждена продать не только столовое серебро и дворцовую мебель, но даже драгоценные камни из императорской короны. На свадебном пиру кушанья подавались в оловянной и глиняной посуде, а недостающие камни в короне были заменены цветными стеклышками. Положение страны было ничуть не лучше - она была ослаблена и разорена. В дополнение к прежним несчастьям в 1348 г. в империи, как и во всей Европе, началась эпидемия чумы, от которой умерла треть населения. Насколько ничтожны были тогда силы государства, показали события следующего года. В 1349 г. генуэзцы, владевшие со времен первого Палеолога колонией Галата вблизи Константинополя, потребовали у императора передать им для строительства новых укреплений возвышенность за северной стеной Константинополя. Иоанн отказал. Тогда генуэзцы силой захватили спорные земли, окружили их укреплениями, а затем сожгли в гавани византийские галеры. Это было началом войны. Кантакузин обложил виднейших граждан чрезвычайной податью и на эти деньги распорядился построить девять новых галер. Но в первом же бою ромеи в панике бежали со своих кораблей, и генуэзцы захватили их без всякого труда. Бессильный что-либо сделать, император призвал на помощь венецианцев и передал им все торговые привилегии, которыми пользовались до того генуэзцы. В последовавшей затем морской битве генуэзцы нанесли венецианскому флоту поражение. Через три месяца Кантакузин должен был заключить с победителями мир, признав все их захваты и торговые привилегии.

Между тем Иоанн Палеолог только до поры был послушен власти регента. В 1352 г. он восстал против Кантакузина, попытался захватить Адрианополь, а потом бежал в Дидимотику. Кантакузин выступил против него с турецким войском (Гиббон: 63). На уплату жалованья новым наемникам ушли все средства казны, церковная утварь и даже деньги, пожалованные московским князем Симеоном Гордым на ремонт Софийского собора. Теснимый на суше и на море, Палеолог бежал на остров Тенедос под защиту латинян. Сделав свое дело, турки захватили на европейском берегу Геллеспонта крепость Цим-пе, в 1354 г. они заняли Каллиополь. Кантакузин вел с эмиром переговоры о возвращении фракийских городов, но не успел довести их до конца (Дашков: «Иоанн Кантакузин»). В ноябре 1354 г. Иоанн Палеолог на двух галерах генуэзца Франческа Гаттилузи с отрядом в 2000 человек вошел в константинопольскую гавань. Когда это маленькое войско вступило в ворота, в столице началось восстание. Кантакузин, по его собственному признанию, еще мог успешно обороняться, но не захотел проливать кровь, добровольно отрекся от власти и постригся в монахи под именем Иоасафа. Вся его остальная жизнь после этого была посвящена благочестивым занятиям и ученым трудам. Он оставил после себя несколько богословских сочинений и «Историю», в которой описал собственные деяния (Гиббон: 63).

ИОАНН VII ПАЛЕОЛОГ

Византийский император, правивший в 1390 г. Сын Андроника IV. Род. ок. 1370 г. Умер 1408 г.

После того как в 1373 г. отец Иоанна Андроник попытался поднять мятеж против своего отца Иоанна V, император приказал ослепить преступника вместе с маленьким внуком. Но это сделали не полностью - так же как и Андроник, Иоанн VII сохранил зрение, хотя видел плохо, косил и часто моргал. В 1381 г. ему была дана во владение Силимврия. В апреле 1390 г. Иоанн при поддержке султана Ба-язида захватил Константинополь, сверг своего деда и короновался. Его правление продолжалось всего несколько месяцев: младший сын Иоанна V Мануил подрос на вырчку отцу и выбил узурпатора из столицы. В 1398 г. Иоанн вновь поднял восстание, на этот раз против Мануила. Но в виду турецкой угрозы Палеологи объединились. Мануил отправился в Европу искать поддержки против турок, а Иоанн в 1402 г. выдержал в столице осаду турецких войск. К счастью для ромеев, Баязед был отвлечен нашествием Тимура и поспешно ушел в Азию. После возвращения Мануила в 1403 г. из-за границы Иоанн получил

во владение остров Лемнос и Фессалонику (Дашков: «Иоанн Седьмой»).

ИОАНН VIII ПАЛЕОЛОГ

Византийский император, правивший в 1421 - 1448 гг. Сын Мануила II. Род в 1392 г. Умер 31 окт. 1448 г.

При Иоанне в 1428-1432 практически вся Морея возвратилась под власть ромеев. Только четыре города: Аргос, Навплий, Кротон и Модона остались под управлением венецианцев. Но гораздо более известности Иоанн приобрел тем, что его усилиями и стараниями был доведен до конца процесс соединения западной и восточных церквей. Император понимал, что без унии с католиками империя не получит помощи с запада и будет неминуемо завоевана турками, чьи владения после договора 1424 г. придвинулись к самым предместьям Константинополя. Отложив все дела, он в 1437 г., вместе с патриархом и представительной делегацией православных архиереев отправился в Италию и более двух лет безвыездно провел там, сначала в Ферраре, а потом на Вселенском соборе во Флоренции. Не раз на этих заседаниях обе стороны заходили в тупик в своих спорах и готовы были разъехаться. Но император категорически запретил своим епископам покидать собор до принятия компромиссного решения. В конце концов православные делегаты вынуждены были уступить неизбежной необходимости - они согласились со своими оппонентами почти по всем принципиальным вопросам. Подписанная 5 июля 1439 г. уния была если не полной, то значительной победой католиков. Но ожидаемого облегчения эта уступка не принесла. Другие православные церкви, и в первую очередь русская, отказались признать унию. В самой империи уния породила раскол и смуту. Между тем 30-тысячная армия крестоносцев, выступившая в поход по призыву папы, потерпела в 1444 г. под Варной сокрушительное поражение от турок. Через четыре года пришло известие о завоевании турками Сербии. Совершенно очевидно было, что следующая на очереди - ромейская держава. Но Иоанн не дождался порабощения своей родины - он умер вскоре после того, как узнал об исходе битвы на Косовом поле (Дашков: «Иоанн Восьмой»).

ИОВИАН, Флавий

Римский император в 363-364 гг. Род. ок. 331 г. Умер 17 февр. 364 г.

Иовиан, сын известного коми-та Варрониана, во время восточного похода императора Юлиана был командиром доместиков. После того как Юлиан был смертельно ранен и скончался в своей палатке, командиры легионов собрались, чтобы выбрать нового императора. Пока между ними шли споры, несколько горячих голов провозгласили Августом Иовиана и облекли его в императорские одежды. Тотчас после его избрания возобновилось трудное отступление римского войска. Персы упорно преследовали его, наседали со всех сторон и постоянно атаковали. На конец, прижатые к Тигру, римляне оказались в очень тяжелом положении: солдаты были утомлены непрерывными боями, а провиант подошел к концу. В этой крайности Иовиан, опасаясь, как бы в его отсутствие не появились другие претенденты на верховную власть, согласился на тяжелые условия мира, предложенные персидским царем Шапуром II: царь пропускал римское войско в Сирию, а император уступает в качестве выкупа пять римских областей за Тигром.

Добравшись после этого до Антиохии, Иовиан поспешно отправился дальше. В Анкире он вступил в консульство, но по прибытии в Дадастану внезапно скончался. По поводу его кончины возникло много сомнений. Рассказывали, что его убил ядовитый запах, оставшийся после побелки комнаты, или, по-другому, что он погиб от угара. Другие считали, что он умер от несварения желудка. Иовиан получил невысокое образование. Характер имел доброжелательный. В пище он допускал излишества, имел склонность к вину и любовным утехам (Марцеллин: 25; 5-7, 10).

ИРАКЛЕЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

Императорская династия, правившая в Византии в 610-711 гг. Основана Ираклием I.

ИРАКЛИЙ I

Византийский император в 610- 641 гг. Основатель Ираклейской династии. Род. в 575 г. Умер 11 февр. 641 г.

Ираклий, родом каппадокийский армянин, был сыном известного полководца Ираклия, экзарха Африки. Никифор пишет, что в 610 г. глубокое недовольство императором Фокой охватило всю империю. Тогда правители Ливии, братья Ираклий старший и Георгий, договорились снарядить каждый свою армию и послать их в столицу под командами своих сыновей. Они условились, что императорская власть будет принадлежать тому из их сыновей, который прибудет в Константинополь первым и сумеет овладеть престолом. Ираклия младшего они послали морем, собрав большой флот с командами из афров и маврусиев, Никиту же, сына Григория, отправили сушей с многочисленным конным войском. Ираклий, сопровождаемый счастливым жребием, опередил Никиту и благополучно прибыл к Константинополю. В это время Крисп, эпарх города и зять императора, был враждебно настроен по отношению к Фоке. Поэтому он во всем содействовал Ираклию. Переворот совершился быстро и легко: Фока был изменой захвачен в своем дворце, приведен на корабль Ираклия и немедленно обезглавлен.

Толпа народа и патриарх Сергей приняли своего избавителя с наилучшими чувствами. И хотя Ираклий объявил, что прибыл в столицу вовсе не ради императорского престола, а для того, чтобы отомстить за незаконное поведение Фоки, он, по воле сената и с одобрения народа, был 5 октября провозглашен императором (Никифор: 610). Впрочем, ему досталось тяжелое и незавидное наследство. Феофан говорит, что Ираклий, взойдя на престол, нашел совершенный упадок в римском управлении: Европу опустошали авары, Азию всю заняли персы. Множество народу было пленено, а римское войско истреблено в сражениях. Глядя на это, Ираклий был в недоумении и не знал, что ему делать. Наибольшую угрозу для римлян представляло персидское нашествие. В 610 г. персы взяли Ала-мею, Эдессу и дошли до Антиохии.

В 611 году Антиохия пала, а в следующем враги овладели Мелитиной (Феофан: 602-604). В 613 г. сам Ираклий потерпел поражение у стен Антиохии, отступил в Киликию, разбил там отряды неприятеля, но персы получили подкрепление, и войска императора в ужасе бежали от них (Дашков: «Ираклий Первый»). В 614 г. Палестина добровольно покорилась шаху. После короткой осады персы взяли Иерусалим и устроили здесь трехдневную резню. Более 17 000 человек погибло. Персы захватили в плен патриарха Захарию и увезли древо Животворящего Креста (Себеос: 32). В 616 г. персидский полководец Ша-хин захватил и поработил весь Египет, многих увел в неволю, других умертвил беспощадным образом. Вследствие истощения Египет перестал снабжать хлебом столицу, и в Константинополе случился сильный голод. К тому же началась эпидемия. Угнетаемый всеми этими бедствиями, Ираклий велел грузить на корабли казну, собираясь плыть в Ливию, но народ, узнав об этом, воспротивился бегству императора. Патриарх призвал его в храм и связал клятвами, убеждая, насколько возможно, чтобы он не покидал столицы. Уступая им, Ираклий остался в городе, хотя и с большой неохотой. В 617 г. аварский каган коварно зазвал императора в Силимбрию, якобы для переговоров о мире, а сам намеревался захватить его, Ираклий узнал об этом, переделся в бедную одежду и в великом страхе бежал в Константинополь. Авары преследовали его по пятам и разграбили императорский лагерь (Никифор: 613, 619). Одновременно в Испании короли готов отнимали у римлян одно владение за другим. В начале 20-х гг. в их руках остались только Балерские острова (Дашков: «Ираклий Первый»).

Испытывая неполадки и затруднения в делах общественных, Ираклий не сумел хорошо наладить и домашние: в мае 612 г. после родов умерла императрица Евдокия. Спустя четыре месяца Ираклий соединился браком со своей племянницей Мартиной, хотя знал, что дело, которое он делает, неправильно и запрещено римскими законами. У старшего сына, который родился от этого брака, шея была так поставлена, что он не мог оборачиваться, а младший от рождения был лишен слуха и оставался глухонемым.

Ираклий был приведен в замешательство многочисленными бедами: нашествиями персов, аваров, голодом и эпидемиями. Но спасительное решение вскоре было найдено - в 621 г.

император объявил о своем намерении лично возглавить борьбу против персов (Никифор: 613, 619, 622). Весь синклит одобрил этот план (Себеос: 36). Из-за недостатка средств Ираклий занял деньги у хозяев богатых домов, взял также паникадила и другие церковные сосуды великой церкви и перевел в крупные и мелкие деньги (Феофан: 613). Своих детей он поручил патриарху, а бразды правления передал патрикию Бону (Никифор: 622). В апреле 622 г. Ираклий перебрался из Константинополя в Пилы, расположенные южнее Никомедии, чтобы продолжать путь на кораблях. К набранному в провинциях войску, он присоединил новобранцев, начал упражнять их и приучать к военным действиям. Воинам он поклялся, что будет с ними в трудах и сражениях и разделит с ними все опасности, как с собственными детьми. Весь 622 г. он был занят формированием и тренировкой армии. Лаской и строгостью Ираклий в конце концов добился того, что из множества разобщенных воинов, в которых он нашел поначалу только робость, беспорядок и неустройство, собралось как бы единое и крепкое тело (Феофан: 613). Осенью римляне вступили в Каппадокию, зиму провели в Понте, а в апреле 623 г. вместо того, чтобы идти на персидскую столицу Ктесифон, как этого ожидал Хосров, Ираклий со своим войском повернул на север, в кавказские владения персов - через Армению, вторгся в персидскую провинцию Антропатену, взял Карин (Эрзерум), Двин, Нахичеван и Гандзак (Гянджду). Отсюда он отступил в Албанию и захватил ее столицу Партав (Себеос: 36). Весной 624 г. персы заняли теснины, ведущие из Албании в Персию. Но Ираклий избрал более длинный путь через долины. Шах выслал навстречу императору еще две армии Шахраба-раза и Шахина (Феофан: 615). Шах-рабараз преградил путь римлянам, а Шахин разбил лагерь у них в тылу. Ираклий, не дав им соединиться, напал сначала на Шахина, разбил его у местечка Тигранакерт и стал отступать из Албании в Армению (Себеос: 36). Шахрабараз присоединил остатки войск Шахина и бросился за ним в погоню (Феофан: 615). Римляне вновь отошли к Нахичеваню, а затем в Апахунию к берегам озера Ван. Шахрабараз с шеститысячным отрядом устроил императору засаду в городе Арчем, собираясь напасть на римлян ночью, но Ираклий, узнав об этом, стремительно нагрянул на персов сам, окружил город с трех сторон, велел поджечь его и истребил вместе со всем гарнизоном. Уцелел лишь один Шахрабараз, который бежал к главным силам на плохом коне (Себеос: 36). Зимой римляне провели в Армении к северу от озера Ван, а весной 625 г. Ираклий через Тавр вторгся в Сирию к верховьям Тигра и городу Аминда. Шахрабараз шел за ним по пятам, чиня всякие препоны. Тогда Ираклий резко сменил направление и стал отступать к Понту. Персы, вообразив, что римляне бегут от робости, преследовали их в полном беспорядке (Феофан: 616). Заманив таким образом врагов на удобную позицию, император внезапно развернулся, бросился на них, когда они меньше всего этого ожидали, и нанес новое поражение. Зимой римляне провели в своих владениях в Понте (Себеос: 36).

В начале 626 г. Шахрабараз, оставив пока Ираклия, подступил к Константинополю и занял азиатский берег Боспора. Авары и славяне, нарушив перемирие, напали на столицу с фракийской стороны, сожгли все предместья и подвели к стенам башни с осадными машинами. Но все попытки кагана овладеть городом кончились неудачей. Патрикий Бона нанес в проливе сильное поражение славянскому флоту, после чего варвары сняли осаду. Тем временем Ираклий, отправив часть войск во главе со своим братом Федором на помощь столице, с остальными легионами начал поход в Лазик. По дороге в Трапезунде Мартина родила императору третьего сына. У Тбилиси Ираклий встретился с хазарским каганом, сосватал за него свою дочь и заключил с хазарами дружественный союз. Несколько месяцев две армии совместно осаждали Тбилиси, но так и не смогли его взять (Никифор: 626, 627). Затем, отобрав 40 000 храбрых воинов, каган поручил их Ираклию, а сам возвратился в степь. Осенью 627 г. римляне от столицы Лазика стремительно двинулись в глубь Персии. По дороге хазары, не выдержав трудностей пути, покинули своих союзников, но это не остановило Ираклия. Он предавал огню города и села, а пленных персов убивал. Персидское войско, возглавляемое Рахзадом, двигалось следом. У развалин древней Ниневии Ираклий развернулся и стал поджидать врага (Феофан: 618). Приблизившись, Рахзад построил свою армию и стал вызывать противника на единоборство. Ираклий сам вышел против варвара. Тот пустил стрелу и задел верхнюю губу императора. Затем послал другую и ранил его в лодыжку. Он готовился пустить третью, но тут один из копыеносцев Ираклия отсек ему плечо. Когда Рахзад упал, Ираклий

поразил его копьем и сразу же отрубил голову. Римское войско, воодушевленное смелостью императора, напало на персов, нанесло им сильное поражение и, преследуя, перебило многих из них (Никифор: 627). Ираклий находился в самой гуще битвы, конь под ним был убит, а сам он получил множество ударов мечами в лицо, но забрало из жил защитило его, и Удары остались без последствий (Феофан: 618).

В начале января 628 г. римляне Подступили к персидской столице Ктесифону, захватили и разграбили все шахские дворцы в окрестностях города (Себеос: 37). Был взят Дастагерд - резиденция Хосрова, в которой, кроме прочей добычи, найдены были 300 римских знамен, захваченные персами в разное время. Шах тайком бежал из своего дворца за девять дней до прибытия Ираклия. Ираклий двинулся дальше, но узнав, что мосты через канал Нахраван разрушены и приблизиться к Ктесифону нельзя, повернул свою армию и стал отступать к Гандзаку. По дороге император узнал о перевороте, совершенном персидскими военачальниками - шах Хосров и сорок его сыновей были убиты. Власть захватил Кавад (Феофан: 618). Не в силах более продолжать войну, озабоченный внутренними смутами в своем государстве, он заключил мир по всей воле Ираклия: персы вернули римлянам Египет и все завоеванные земли, а также великую святыню - Животворящий Крест (Никифор: 628). В мае Ираклий возвратился в столицу и был с великой радостью принят народом. Беспрецедентная по своему напряжению война завершилась полной победой.

В начале 630 г. Ираклий с Животворящим Крестом прибыл в Палестину. Водворение святыни в Иерусалиме осталось в памяти потомков как бы высшей точкой его успехов. Разгромив и отбросив всех варваров, Ираклий мог, кажется, наслаждаться теперь долгим миром. Но в действительности он получил лишь небольшую передышку. Прошло совсем не много времени, и новый, гораздо более опасный враг, явился на восточных границах империи. Удар был нанесен оттуда, откуда его совсем не ждали - из пустынь Аравии.

Летом 634 г. арабы взяли Газу и всю страну вокруг нее. Федор, брат Ираклия, сразился с ними, был побежден и бежал в Эдессу. Летом 636 г. халиф Омар разбил 40-тысячное римское войско на берегу Йар-мука, левого притока Иордана, захватил всю Финикию и двинулся против Иерусалима. Сил противостоять натиску захватчиков не было (Феофан: 619, 620, 624-626), Арабы перешли Иордан и разбили лагерь в Иерихоне. Все окрестные жители, объятые страхом, покорились им. В ту же ночь жители Иерусалима, спасая Крест Господень и всю церковную утварь, на кораблях морем отправили все это в Константинополь, после чего тоже покорились Омару. Арабы разделили свое войско на три отряда Один они отправили против Египта, другой - на север в Сирию, третий - против персидского царства (Себеос: 40).

При первом известии о вражеском вторжении, Ираклий с женой и сыном Ираклием выехал в Восточные области. Но очень скоро, когда очевидны стали все размеры трагедии, он покинул войско. Погруженный в меланхолию, император жил во дворце Иерия и не показывался в Константинополе (Никифор: 635). Бездействие его в эту тяжелую минуту, в особенности после его успехов в предыдущей войне, вызывало изумление и современников, и потомков. Неудовольствие знати вылилось в крупный заговор, в котором замешаны были сын и племянник Ираклия. Всем виновным император велел отрезать носы и правые руки (Себеос: 39). Летом 638 г. он наконец превозмог себя и переправился в столицу по мосту, наведенному через пролив из многих кораблей. Тем временем арабы овладели Антиохией. В 639 г. пала Эдесса и покорилась вся Месопотамия Стратиг Иоанн, посланный против арабов в Египет, погиб вместе со всем войском. Захватчики овладели Египтом до самой Александрии.

Последние два года своей жизни Ираклий провел, запершись в своем дворце. Незадолго до смерти он короновал кесарем Ираклия, третьего сына Мартины. Прошло некоторое время и на него напала тяжелая болезнь - водянка. Поняв, что недуг неизлечим, Ираклий составил завещание: согласно его воле, Ираклий-младший и Константин, сын императора от первого брака, получили равную власть, а Мартина должна была ими почитаться как мать (Никифор: 635, 638).

ИРАКЛИЙ II

Византийский император Ираклийской династии, правивший в 638-641 гг. Род. в 626 г.

Сын Ираклия I.

Ираклий был провозглашен кесарем в 632 г., августом - в 638. По смерти отца он считался соправителем старшего брата Константина III, хотя не имел реальной власти (Дашков: «Ираклеон»), После того как Константин скоропостижно скончался в мае 641 г., Ираклий сделался единовластным императором. Свою мать Мартину он привлек к управлению, а многих вельмож, которых он считал друзьями и пособниками брата, наказал побоями и изгнанием. Однако власть Мартины и ее сына продолжалась совсем не долго. Войска, возглавляемые Валентином, взбунтовались против них, захватили Халкидон и объявили, что берут под защиту детей умершего Константина. Все же, Ираклий II удержал за собой столицу. Дабы рассеять всяческие подозрения, он часто выводил к народу племянников, а старшего из них, своего тезку Ираклия, обнимал как родное дитя. Патриарх Пирр поклялся на Животворящем Кресте, что ни через него, ни через кого другого детям Константина не будет ущерба. Чтобы еще более склонить общественное мнение на свою сторону, Ираклий хотел плыть в Халкидон и уговорами склонять мятежников к миру, но Валентин не допустил его на свой берег Босфора. После этого все в Константинополе поверили патриарху и императору, а Валентина стали ругать.

Вскоре, однако, пришло время собирать виноград, и горожане узнали, что войска, стоящие на стороне Валентина, портят их виноградники и не дают им переправляться через пролив. Тогда византийцы пришли к патриарху с требованием возвести на престол сына Константина. Об угрозах толпы стало известно императору. Он тотчас взял племянника, вступил с ним в храм и вместе с патриархом увенчал его короной под именем Константа. После этого Мартина и Ираклий II заключили мир с Валентином, который получил титул комита эскувитов (Никифор: 640), На короткое время наступил мир, но взаимные козни продолжались. Осенью того же года враги императора и его матери обнародовали письмо, в котором Мартина якобы давала распоряжение отравить Константа (Дашков: «Ираклеон»). Этой интригой Ираклий был окончательно погублен: сенат лишил его власти. Зимой Ираклию отрезали нос, а Мартине - язык. Обоих сослали на остров Родос (Феофан: 633). Себеос пишет, что они были убиты по приказу Валентина (Себеос: 42).

ИРИНА

Византийская императрица Исаврийской династии, правившая в 797- 802 гг. Жена с 17 дек 769 г. Льва IV Хазара. Род ок. 752 г. Умер 9 авг. 803 г.

Местом рождения Ирины были Афины. За необыкновенную красоту император Константин V выбрал ее в жены своему сыну Льву. После смерти свекра и восшествия на престол Льва IV, Ирина стала почти открыто покровительствовать иконопочитателям. Ее царственный супруг некоторое время закрывал на это глаза, но, когда летом 780 г. в спальне императрицы обнаружены были две иконы, он пришел в такой гнев, что прогнал ее из дворца. Но в том же году он умер, и Ирина сделалась регентшей при своем десятилетнем сыне Константине VI, а фактически - полновластной правительницей империи (Дашков: «Ирина»). Через сорок дней после смерти Льва некоторые из первых чиновников составили совет, чтобы сделать императором кесаря Никифора, его брата. Это намерение было открыто. Ирина велела схватить всех заговорщиков, высечь, остричь и сослать в заточение в разные страны. Шурьев же своих, кесарей и светлейших, постригла в священство и приказала служить им перед войском в день Рождества Христова. В 781 г. восстал сицилийский стра-тиг Елпидий, объявивший себя императором, но он был вскоре побежден и бежал в Африку.

Утвердившись у власти, Ирина исподволь стала вести дело к тому, чтобы восстановить почитание икон. В 784 г. патриарх-иконоборец Павел постригся в схиму и умер (Перед смертью он горько жаловался на свою слабость и на то, что под нажимом императора принужден был показывать себя врагом икон). После смерти Павла все уже стали смело восставать на иконоборцев. В патриархи, по воле императрицы, был положен Тарасий, который немедленно стал хлопотать о созыве Вселенского собора. Летом 786 г. в Константинополь съехались многие епископы, они собрались в храме святых Апостолов, начали читать святыя писания и сравнивать сомнительные места, между тем как императрица оставалась зрительницей в пределе оглашенных. Внезапно в разгар заседания солдаты ворвались в храм и, угрожая

мечами, заставили епископов разойтись. Не послушались они и императрицу, которая пыталась их успокоить. В следующем году Ирина притворилась, будто хочет защищать восточные пределы от нападения арабов. Войско и свита выступили в поход и дошли до Малагинов. В это время Ирина ввела в столицу фракийские части. Вышедшим она отправила приказ возвратить казне оружие, так как она больше не имеет в них нужды. Воинам ничего не оставалось, как выполнить ее волю. Затем они были разосланы с семьями каждый в свой город, а Ирина сформировала новое войско, поставила во главе преданных себе начальников и в мае разослала приглашения на собор, назначив местом его проведения Никею. Седьмой Вселенский собор открылся в сентябре 787 г. Он не прибавил ничего нового и сохранил в неприкосновенности решения предыдущих соборов, но отверг иконоборческую ересь.

Следующие годы Ирина провела в упорной борьбе за власть со своим сыном. В 790 г. она попыталась отстранить его от престола и заставила войска присягнуть в том, что, пока она жива, они не позволят сыну царствовать. Однако Армянский легион отказался принести такую присягу. Опасаясь буйства солдат, Ирина в конце концов отпустила к ним Константина, который и был провозглашен единовластным императором. Константин изгнал всех ее евнухов, а саму императрицу с полным обеспечением заключил в ее дворце Елефериа, ей же построенном, в котором она сумела утаить большую часть казны. С помощью этих денег Ирина начала сложную интригу против сына. В 796 г. император с катерью отправились в Прузию к теплым водам. Тут Константин узнал о рождении сына Льва, оставил Ирину на водах вместе со всей свитой и чиновниками, а сам на быстром корабле возвратился в город. Пользуясь этим случаем, Ирина переговорила с начальниками легионов, склонила их дарами и обещаниями к низложению ее сына и признанию ее единодержавной правительницей империи; иных она улестила сама, других - через своих приближенных, и всех привела на свою сторону. Преданный всеми, Константин был низложен в 797 г. и ослеплен.

С возвращением Ирины, дела правления сосредоточились в руках двух ее евнухов - Ставрикия и Аэция, которые враждовали и плели множество интриг против друг друга и всех возможных претендентов на власть. В 800 г. Ирина велела ослепить всех братьев своего покойного мужа. Наконец, в 801 г., после смерти Ставрикия, Аэций забрал всю власть и приобрел огромную силу. Но, несмотря на всю свою изворотливость, он просмотрел сложившийся против него заговор. В 802 г. логофет Никифор низложил Ирину, сослал ее на остров Принкипо, затем перевел на Лесбос и велел содержать под жестокой стражей. Не пережив своего падения, императрица очень скоро умерла (Феофан: 773, 774, 776-780, 782, 783, 789, 791, 792, 795).

ИСААК I КОМНИН

Византийский император в 1057 - 1059 гг. Род ок. 1007 г. Умер 31 мая 1060 (или 1061) г.

Исаак принадлежал к знатному и богатому роду Комнинов. Он был сыном известного при Василии II полководца Мануила Комнина, и сам считался одним из первых военачальников своего времени. Императорская власть перешла в его руки при следующих обстоятельствах. В пасхальные дни 1057 г. самые видные и отборные из полководцев пришли на прием к правившему тогда Михаилу VI в надежде получить от него по обычаю праздничные награды. Однако император, поставив их перед собой, сначала грубо выругал всех, а потом осыпал особой бранью Кевка-мена, стратига Антиохии. От такой неожиданности все застыли на месте, ибо ждали милостей, а получили оскорбления. Это был первый удар, нанесенный воинам, он и послужил причиной их заговора. Впрочем, сначала у них даже мысли не было посягать на царскую власть, и они сделали вторую попытку расположить к себе императора. Но когда они, по образному выражению Пселла, просили у него сена, он давал им только солому, а если они возражали, отказывал и в ней и в конце концов прогнал и отослал их всех от себя, так ничего и не дав.

Раздраженные, военачальники готовы были тут же схватить императора и лишить его престола, но Исаак удержал их, сказав, что сперва все дело нужно тщательно обдумать. После этого они замыслили заговор и стали искать человека, который мог бы возглавить войско и управлять государством. Исаак всем уступал корону, утверждая, что любой из них достоин

власти, тем не менее предпочтение отдали ему - ведь Комнин выделялся среди них не только родом, но и царской внешностью, благородством нрава, твердостью души и одним видом своим умел внушать уважение окружающим. В июне в Гунарии он был провозглашен императором. Не успели военачальники устроить заговора, как уже собралось у них большое войско, к которому присоединилось множество знатных людей, готовых оказать им поддержку. Когда же разнесся слух, что у них утвердился доблестный военачальник и что он поддержан самыми могущественными родами, все устремились к мятежникам. Военское сословие и прежде хотело забрать власть над Ромейской державой и служить императору-воину, но желания свои военные держали в тайне и только лелеяли эти мечты в сердцах, ибо не было у них на примете никого, достойного престола. Видя, однако, что Исаак, которого они и не надеялись узреть в царском обличье, встал во главе мятежа, они отбросили всякие сомнения и явились к Комнину.

Хотя Исаак впервые оказался во главе такого заговора, он принял за дело вполне разумно. Прежде всего он приступил к взысканию государственных податей, причем делал это не беспорядочно и не наобум, но учредил специальные ведомства, назначил строгих сборщиков и все по отдельности заносил в списки. Всех собравшихся к нему людей он разбил поотрядно, каждому назначил определенное жалование, снабдил необходимым для похода снаряжением. Когда все было готово, войско в полном порядке начало поход к столице.

Так как весь восток поддержал Исаака, Михаил собрал свое войско в западных фемах. В августе неподалеку от Никеи произошло решающее сражение. Сначала левый фланг императорских войск опрокинул правый фланг мятежников. Комнин готов был уже отступать в Никею, но положение исправил Кекавмен, который, командуя левым флангом, перешел в наступление и ворвался в лагерь противника. Узнав о поражении, Михаил хотел предложить Исааку титул кесаря и объявить его своим наследником. Комнин уже дал на это согласие, но тут пришло известие о возмущении в столице и об отречении императора. После этого ничего уже не препятствовало Исааку утвердиться у власти. Он торжественно въехал в столицу и венчался на царствие.

Утвердившись на престоле, Комнин как человек дела немедленно принял за государственные дела. Еще прежде он замечал много недостатков в делах правления, да их и трудно было не заметить, так как все, кто после смерти Василия II брали в руки власть над страной, так или иначе вели ее к гибели. Однако вместо того, чтобы медленно и постепенно исправлять положение, Исаак пожелал одним махом все переменить и наладить. Прежние императоры расточали царские сокровища на свои прихоти, а поступления в казну употребляли не на нужды войска, а на благодеяния частным лицам и на торжества. Исаак же сразу принялся отменять все распоряжения своих предшественников, многое поломал и порушил, а многое вовсе уничтожил. Этим он возбудил к себе ненависть народа и большей части военных людей, которых он лишил состояния. Идя дальше по этому пути, он отнял у храмов почти всю их собственность, передал ее в казну, а им самим определил только самое необходимое. Патриарха Михаила, который позволил себе свободно и дерзко с ним разговаривать, император изгнал из города и сослал на острова, где тот и закончил жизнь. Таким образом, в короткий срок Комнин нажил множество врагов, и недолгое правление его завершилось так же неожиданно, как началось. В декабре 1059 г., вскоре после успешного похода на печенегов, император простудился на охоте и заболел лихорадкой. Положение его было настолько тяжелым, что со дня на день ожидали его смерти. Исаак пожелал постричься, а приемником своим объявил боевого соратника Константина Дуку (Пселл: «Исаак Первый»; 3-8, 14, 35, 40, 44, 58-60, 65, 74, 81, 90). Но только успел Дука принять власть, как здоровье Исаака пошло на поправку и вскоре он совершенно излечился. Комнин попытался было вернуть себе власть, но, увидев, что окружен одними недоброжелателями, отказался от этой мысли и ушел в Студийский монастырь (Дашков: «Исаак Комнин»).

ИСААК II АНГЕЛ

Византийский император, правивший в 1185-1195 и 1203-1204 гг. Род. ок. 1056 г. Умер янв. 1204 г.

Исаак принадлежал к знатному и богатому роду Ангелов. В 1183 г. вместе с отцом и

братьями он принимал участие в заговоре против Андроника Комнина (Хониат: 3; 17), скрывался от него в Никее, но после примирился с императором (Хониат: 4; 1; 3). На византийский престол Исаак был вознесен удивительным стечением обстоятельств. В сентябре 1185 г. начальник охраны императора Андроника Стефан Агиохристофорит решил схватить Ангела, заключить его в темницу и предать смерти. Однако Исаак, обнажив меч, напал на него и убил. Потом он во весь опор поскакал к Святой Софии и укрылся в храме. Проезжая через площадь, он громким голосом объявил всем, что этим мечом он зарубил Агиохристофорита. Городская чернь стала тотчас тысячами стекаться к церкви. Большинство пришло просто поглядеть на то, как будут расправляться с несчастным. Но родственник его, Иоанн Дука, и его сын Исаак смогли направить настроение толпы в другое русло. Они убедили народ остаться с ними и помочь в крайней опасности. А так как не оказалось решительно никого, кто мог бы остановить горожан, то собравшиеся склонились на эти просьбы. Толпы народа продолжали стекаться к Софии. Были разбиты темницы и выпущены все заключенные. Возбуждаясь все более, толпа провозгласила Исаака императором. Один из служителей снял венец Константина Великого и возложил на его голову Исаака. Исаак между тем не соглашался на это венчание - но не потому, что он не любил власть, а потому, что считал это дело трудным и едва достижимым. Он боялся гнева Андроника и не хотел раздражать его. Узнав о провозглашении Ангела, Андроник пытался бежать, но был схвачен и казнен (Хониат: 4; 2; 10-12). Без всякого труда со своей стороны получив царскую власть, Исаак поначалу показал себя государем в высшей степени правосудным. Все томившиеся в ссылке, все кого Андроник лишил имущества или изувечил, были надлежащим образом удовлетворены. Исаак не только вернул им остатки их имущества, но и восполнил понесенные потери за государственный счет. Он объявил, что никто отныне не будет подвергаться смертной казни или увечью, хотя бы и оказался виновным. Впрочем, вскоре император изменил образ действий противоположный данному слову и едва не сравнился в жестокости с Андроником (Хониат: 5; 1; 1-4). Был он чрезмерно раздражителен и казнил многих не только по какому-нибудь ничтожному и случайному поводу, но иногда и просто по одному подозрению (Хониат: 5; 3; 2). Но правда и то, что враги постоянно злоумышляли на него, а все его царствование прошло в нескончаемых мятежах и войнах. В 1186 г. император стал собирать средства для своей свадьбы и многими поборами чрезвычайно вооружил против себя болгар, которые вскоре восстали против него. Это восстание стало началом всех бедствий для империи. Сперва ро-меям сопутствовал успех. Исаак выступил против мятежников, выбил их из горных теснин и вторгся внутрь страны. Вожди восстания, Петр и Асень, бежали за Дунай. Император имел возможность захватить всю страну и расставить гарнизоны в городах, но он не сделал ничего, а только разграбил всю землю и ушел в Константинополь. Асень между тем соединился с половцами и возвратился в Болгарию. Теперь он уже не довольствовался тем, что сохранил независимость своей страны, но решил сделать как можно больше вреда ромеям и напал на их землю. Исаак отправил навстречу врагу Алексея Врана. Но добравшись до Андрианопо-ля, тот провозгласил себя императором. Городское войско потерпело от Врана поражение в открытом бою и должно было укрыться за стенами. На этом успех мятежников кончился. Одолеть городских укреплений они не смогли, поскольку все византийцы стойко отражали их нападения. Вскоре кесарь Кондрат, изготовив войска и собрав наемников, во второй раз выступил против Врана, разгромил его армию, а самого выбил из седла и убил. Преследование побежденных сопровождалось страшным кровопролитием. Впрочем, Исаак даровал вскоре всем мятежникам полное прощение и разрешил им возвратиться в столицу (Хониат: 5; 1; 1, 5-9).

Следующее вторжение в Болгарию оказалось еще менее успешным, чем первое: потратив три месяца на осаду Ловицы, Исаак так и не смог ее взять и двинулся в Азию против некоего Феодора, провозгласившего себя императором в Филадельфии. Город он так и не взял, но вынудил самозванца отречься от императорского звания. Тут начался третий крестовый поход, во время которого Фридрих Барбаросса вел себя с ромеями как с врагами, а Ричард Львиное Сердце завладел Кипром (Хониат: 5; 2; 1-3, 8). Смуты и неурядицы множились с каждым годом. В Азии один за другим стали появляться самозванцы, выдававшие себя за императора Алексея II (убитого Андроником). Каждый раз они собирали под свои знамена большие армии и овладевали значительными территориями. Было много и других мятежей, которые разгорались

то тут, то там и подавлялись с большим трудом. Причиной их отчасти была слабость Исаака: он был крепко убежден, что Бог, давший ему власть, должен один его охранять. С другой стороны, многих, возбуждал пример самого Ангела, достигшего власти без всякого усилия.

В 1190 г. во время похода на болгар, ромеи были заперты в узком горном ущелье и потерпели сокрушительно поражение. Бесчисленное множество солдат было перебито. Сам император спасся только потому, что вся знать сплотилась вокруг него и провела сквозь вражеские ряды. В 1191 г., пока Исаак вел войну против сербов и разбил их жупана при Мораве, его двоюродный брат Константин, отправленный против болгар, провозгласил себя императором. Он был схвачен и ослеплен, но после его выступления сопротивление ромеев настолько ослабло, что болгары без страха доходили в своих набегах до Андрианополя.

В своей жизни Исаак любил великолепие и пиры. Каждый пир его, по словам Хониата, представлял собой горы хлеба, царство зверей, море рыбы и океан вина. Он принимал через день освежительные ванны, натирался благовонными помадами, прыскался духами, увешивался множеством самых разных одежд и завивался. Нарядившись таким образом подобно влюбленному в свою красоту павлину и никогда не позволяя себе два раза надеть одно и то же платье, он каждый день являлся из своих палат как жених из спальни. Любя забавы и услаждаясь песнями, император наполнил дворец шутами и карликами, отворил двери всякого рода комедиантам, скоморохам и песенникам. За всем этим следовало бесчинное пьянство, наглое сладострастие и все другое, что так быстро разрушает организм здорового и благоустроенного государства. Постоянно разъезжая по местам, отличающимся красотой видов или прелестью климатов, он бывал в столице только наездами. Более всего он был занят сооружением громадных зданий. В обоих дворцах (Влахернском и Большом) он построил великолепные бани и жилые помещения, воздвиг в Пропонтиде роскошные дома и велел насыпать в море искусственные островки. Он постоянно увеличивал тяжесть налогов, употребляя деньги на излишества своей беспутной жизни, и публично продавал на откуп должности, торгуя ими как рыночный торгаш овощами. Что касается храмов, церквей и молитвенных домов, то щедростью к ним он превзошел всех государей. Он также был знаменит своей заботой о странниках, болящих и нищих: построил гостиницу, больницу и приют для немощных, не пожалев при этом никаких издержек. Когда пожар истребил часть города, он раздал погорельцам много денег, стараясь облегчить их потери. Он много помогал вдовам и бесприданницам. Вообще, он очень любил оказывать милости и без удержу тратил казенные доходы на пособия нищим.

Весной 1195 г. Исаак в очередной раз выступил против болгар. Но в то время как взоры его были устремлены на ненавистных мятежников, он не разглядел опасности в непосредственной близости от себя. Будучи подозрительным к чужим, он безмерно доверял своим. Так, постоянно слыша, что старший брат его Алексей питает злые умыслы на его жизнь и царскую власть, он решительно отвергал эти речи как вздор. И вот, прибыв в Кипселлы, он отправился на охоту. В это время при поддержке всех его придворных и всего войска Алексей был провозглашен императором. Узнав об этом, Исаак попробовал бежать. Но в Стагире его схватили и выкололи глаза в Варнской обители. После этого его перевезли в темницу близ Диплокио-на. Там в течение восьми лет он принужден был влачить грубую жизнь бедного поселянина и доживать свои дни как простолюдин, питаясь умеренным количеством хлеба и вина (Хониат: 5; 3; 1-4, 6-8). Но незадолго до смерти судьба еще раз вознесла Исаака на императорский трон. В 1203 г. после бегства Алексея III из осажденного крестоносцами Константинополя, народ в своем крайнем стеснительном положении вновь обратил взоры на Исаака, томившегося в заключении внутри дворца. Его провозгласили императором и, взяв за руку, возвели на трон. Немедленно он послал вестников к сыну Алексею и уведомление к вождем крестоносцев о бегстве своего брата. Но крестоносцы не прежде отпустили от себя Алексея, чем Исаак согласился выполнить данные им обещания. После этого Алексей сел в качестве соправителя на трон вместе с отцом. Между ними вскоре начались раздоры, так как Алексей всеми силами старался оттеснить старика от власти. Хониат пишет, что последние месяцы своей жизни Исаак постоянно занимался оракулами и предвещаниями.

Несколько нечестивых монахов, падких до царских угощений, совершенно овладели его рассудком: они сулили ему всемирное царство и даже возвращение зрения. При подобных

речах император таял от удовольствия и восторгался этой пошлой речью лизоблюдов (Хониат: 7; 1, 3).

ИСАВРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

Императорская династия, правившая в Византии в 717-802 гг.

ИСТМИЙ

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов, правивший в X в. до Р.Х Сын Главка (Павсаний: 4; 3; 3-5).

КАЛИГУЛА, Гай Цезарь Клавдий

Римский император из рода Юлиев-Клавдиев, правивший в 37-41 гг. Род. 31 авг. 12 г. Умер 24 янв. 41 г.

Гай Цезарь, прозванный Калигулой, приходился Тиберию внучатым племянником. Дед его, Друз, был младшим братом императора, а отец - знаменитый и чрезвычайно любимый римлянами Германик - был усыновлен Тиберием по приказу Августа. В детстве Гай постоянно проживал вместе с родителями в военных лагерях. Прозвищем своим «Калигула» («Сапожок») он обязан был шутке легионеров, потому что подрастал среди воинов, в одежде рядового солдата.

Страшные удары, постигшие позже семейство Германика, миновали Гая стороной. Вместе с отцом он совершил в 19 г. поездку в Сирию. Воротившись оттуда после смерти отца, он жил сначала у матери, Агриппины, потом у Ливии, своей прабабки; когда та умерла в 29 г., он, еще отроком, произнес над телом похвальную речь с ростральной трибуны. Затем он перешел жить к своей бабке Антонии. Девятнадцати лет, в 31 г., он был вызван Тиберием на Капри: тогда он в один и тот же день надел тогу совершеннолетнего и впервые сбрил бороду, но без всяких торжеств, какими сопровождалось совершеннолетия его братьев. К этому моменту старший его брат Нерон уже был убит, а мать и другой брат находились в заточении. На Капри многие хитростью или силой пытались выманить у него выражение недовольства, но он ни разу не поддался искушению: казалось, он вовсе забыл о судьбе своих ближних, словно с ними ничего не случилось. А все, что приходилось терпеть ему самому, он сносил с таким невероятным притворством, что по справедливости о нем было сказано: «не было на свете лучшего раба и худшего государя». Однако уже тогда не мог он обуздать свою природную свирепость и порочность. Он с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене. Тиберий это охотно допускал, надеясь укротить его лютый нрав. Проницательный старик видел его насквозь и не раз предсказывал, что Гай живет на погибель и себе, и всем и что в нем он вскармливает ехидну для римского народа и Фаэтона для всего земного круга.

Немного позже Гай женился на Юнии Клавдилле, дочери Марка Силана, одного из знатнейших римлян. Затем он был назначен авгуром на место своего брата Друза, но еще до посвящения введен в сан понтифика. Это было важным знаком признания его родственных чувств и душевных задатков: дом Тиберия уже лишен был всякой иной опоры, и Гай все больше получал надежду на наследство. Чтобы еще крепче утвердиться в ней, он, после того как Юния умерла в родах, вступил в связь с Эннией Невией, женой Макрона, стоявшего во главе преторианских когорт; ей он обещал, что женится на ней, когда достигнет власти, и дал в этом клятву и расписку. Через нее он вкрался в доверие к Макрону и тогда, как полагают, извел Тиберия отравой. Умиравший еще дышал, когда Гай велел снять у него перстень; казалось, что Тиберий сопротивлялся. Тогда Гай приказал накрыть его подушкой и своими руками стиснул ему горло; вольноотпущенника, который вскрикнул при виде этого злодеяния, он тут же отправил на крест. Так он достиг власти во исполнение лучших надежд римского народа. Он

был самым желанным правителем и для большинства провинций, и для войска, где многие помнили его еще младенцем, и для всей римской толпы, которая любила Германика и жалела его почти погубленный род. Поэтому, когда он выступил из Мизена, то, несмотря на то, что он был в трауре и сопровождал тело Тиберия, народ по пути встречал его огромными ликующими толпами, с алтарями, с жертвами, с зажженными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя его «светиком», и «голубчиком», и «куколкой», и «дитятком». А когда он вступил в Рим, ему тотчас была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы, вопреки завещанию Тиберия, который назначил ему сонаследником своего несовершеннолетнего внука Калигула и сам делал все возможное, чтобы возбудить к себе любовь в людях. Тиберия он с горькими слезами почтил похвальной речью перед собранием и торжественно похоронил. Тотчас затем он отправился на Пандатерию и Понтийские острова, спеша собрать прах матери и братьев, приблизился к их останкам благоговейно, положил их в урны собственными руками и с великой пышностью доставил в Рим. В память их он установил ежегодные поминальные обряды. После этого в сенатском постановлении он сразу назначил бабке своей Антонии все почести, какие воздавались когда-то Ливии, вдове Августа; дядю своего, Клавдия, взял себе в товарищи по консульству; своего троюродного брата Тиберия Гемелла (родного внука Тиберия) в день его совершеннолетия усыновил и поставил главою юношества. Он помиловал осужденных и сосланных по всем обвинениям, оставшихся от прошлых времен. Должностным лицам он разрешил свободно править суд и даже сделал попытку восстановить народные собрания. Он облегчил налоги и многим пострадавшим от пожара возместил их убытки. Дважды устраивал он всенародные раздачи по триста сестерциев каждому римлянину. Устраивал он много раз и всевозможные зрелища на потеху всему народу. В первый же год Гай завершил строительство храма Августа, который Тиберий начал было строить, но так и не закончил, несмотря на то, что правил двадцать с лишним лет. При Гае же начали строить водопровод из области Тибура.

Но сделанное им добро ни в коей мере не могло перевесить тяжкий груз злодеяний и сумасбродств, которыми отмечены были остальные годы его самовластья.

Бабку Антонию, воспитавшую его, он вдруг невзлюбил, начал третировать и многими обидами и унижениями (а по мнению некоторых - и ядом) свел в могилу. После смерти он не воздал ей никаких почестей и из обеденного покоя любовался на ее погребальный костер.

Троюродного брата и приемного сына Тиберия он неожиданно казнил в 38 г., обвинив его в том, что от него пахнет лекарством и что он принял противоядие перед тем, как явиться на его пир (Светоний: «Калигула»; 9-16, 21, 23). Префекта преторианцев Макрона, доставившего ему власть, он принудил покончить жизнь самоубийством (Дион: 59; 10), а его жену и свою любовницу Эннию велел казнить. Точно так же он довел до самоубийства тестя Силана за то, что тот не захотел плыть вместе с ним в бурную погоду в Пандатерию за останками его матери. Дядю Клавдия он оставил в живых лишь на потеху себе.

Со всеми своими сестрами он жил в преступной связи, и на всех званых обедах они попеременно возлежали на ложе ниже его, а законная жена - выше его. Говорят, одну из них, Друзиллу, он лишил девственности еще подростком, и бабушка Антония, у которой они росли, однажды застгла их вместе. Потом ее выдали за Луция Кассия Лонгина, сенатора консульского звания, но Гай отнял ее у мужа, открыто держал как законную жену и даже назначил ее во время болезни наследницей своего имущества и власти. Когда в 38 г. она умерла, он установил такой траур, что смертным преступлением считалось смеяться, купаться, обедать с родителями, женой или детьми. А сам он, не в силах вынести горя, внезапно ночью исчез из Рима, пересек Кампанию, достиг Сиракуз и с такою же стремительностью вернулся, с отросшими бородой и волосами. С этих пор все свои клятвы о самых важных предметах, даже в собрании перед народом и перед войсками, он произносил только именем божественной Друзиллы. Остальных двух сестер он любил не так страстно и почитал не так сильно: не раз он даже отдавал их на потеху своим любимчикам, а потом лицемерно осудил за разврат и, обвинив в намерении убить его, сослал на Понтийские острова.

О браках его трудно сказать, что в них было непристойнее: заключение, расторжение или пребывание в браке. Ливию Орестиллу, вышедшую замуж за Гая Пизона, он сам явился поздравить, но тут же приказал отнять ее у мужа и через несколько дней отпустил, а два года

спустя отправил в ссылку, заподозрив, что она за это время опять сошлась с мужем. Лоллию Павлину, жену Гая Меммия, кон-сулярия и военачальника, он вызвал из провинции, прослышав, что ее бабушка была когда-то красавицей, тотчас развел с мужем и взял в жены, а спустя немного времени отпустил, запретив ей впредь сближаться с кем бы то ни было. С последней своей женой, Цезонни-ей, он сошелся в 39 г. Хотя она не отличалась ни красотой, ни молодостью и уже родила от другого мужа трех дочерей, он любил ее жарче всего и дольше всего за ее сладострастие и расточительность. Иногда он даже показывал ее голой своим друзьям. Именем же супруги он удостоил ее не раньше, чем она от него родила, и в один и тот же день объявил себя мужем и отцом ее ребенка.

Многочисленные связи его были также вызывающе бесстыдны, поскольку ни одной именитой женщины он не оставил в покое. Обычно он приглашал их с мужьями к обеду и, когда они проходили мимо его ложа, осматривал их пристально и не спеша, как работороговец. Потом он при первом желании выходил из обеденной комнаты и вызывал к себе ту, которая больше всего ему понравилась, а вернувшись, еще со следами наслаждений на лице, громко хвалил или бранил ее, перечисляя в подробностях, что хорошего или плохого нашел он в ее теле.

Его государственные деяния были смесью нелепых чудачеств и злого фарса. Он словно задался целью смешать с грязью все, чем привыкли гордиться римляне, высмеять предания и обычаи, утрируя их до невероятной степени. Начать с того, что он присвоил множество прозвищ: его величали и «благочестивым», и «сыном лагеря», и «отцом войска», и «Цезарем благим и величайшим». Не довольствуясь этим, он объявил, что решил обожествить себя еще при жизни, не дожидаясь суда потомства, и распорядился привести из Греции изображения богов, прославленные и почитанием и искусством, в их числе даже Зевса Олимпийского, - чтобы снять с них головы и заменить своими. Палатинский дворец он продолжил до самого форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в его прихожую и часто стоял там между статуями близнецов, принимая божеские почести от посетителей. Своему божеству он посвятил особый храм, где находилось его изваяние в полный рост. Он назначил жрецов, а должность главного жреца заставил отправлять по очереди самых богатых граждан.

Войной и военными делами он занялся один только раз в 39 г. совершенно неожиданно для всех. Гай ехал в Меванию посмотреть на источник и рошу Клитумна. Тут ему напомнили, что пора пополнить окружавший его отряд батавских телохранителей. Тогда ему и пришло в голову предпринять поход в Германию; без промедления, созвав отовсюду легионы и вспомогательные войска, произведя с великой строгостью новый повсеместный набор, заготовив столько припасов, сколько никогда не видывали, он отправился в путь. Двигался он то стремительно и быстро, так что преторианским когортам иногда приходилось вопреки обычаю выучить знамена на мулов, чтобы догнать его, то вдруг медленно и лениво, когда носилки его несли восемь человек, а народ из окрестных городов должен был разметать перед ним дорогу и обрызгивать пыль. Прибыв в лагерь, он захотел показать себя полководцем деятельным и строгим: легатов, которые с запозданием привели вспомогательные войска, уволил с бесчестьем, старших центурионов, из которых многим оставались считанные дни до отставки, лишил звания под предлогом их дряхлости и бессилия, а остальных выбранил за жадность и сократил вдвое выслуженное ими жалованье. Однако за весь этот поход он не совершил ничего: только когда под его защиту бежал с маленьким отрядом Амений, сын британского короля Кинобеллина, изгнанный отцом, он отправил в Рим пышное донесение, будто ему покорился весь остров, и велел гонцам не слезать с колесницы, пока не придут прямо на форум, к дверям курии, чтобы только в храме Марса, перед лицом всего сената передать его консулам. А потом, так как воевать было не с кем, он приказал нескольким германцам из своей охраны переправиться через Рейн, скрыться там и после дневного завтрака отчаянным шумом возвестить о приближении неприятеля. Все было исполнено: тогда он с ближайшими спутниками и отрядом преторианских всадников бросился в соседний лес, обрубил с деревьев ветки и, украсив стволы наподобие трофеев, возвратился при свете факелов. Тех, кто не пошел за ним, он разбрал за трусость и малодушие, а спутников и участников победы награбил венками. В другой раз он велел забрать нескольких мальчиков-заложников из школы и тайно послать их вперед, а сам внезапно, оставив званный пир, с конницей бросился за

ними и в цепях привел назад. Участникам этой погони он предложил занять место за столом, не снимая доспехов, и даже произнес, ободряя их, известный стих Вергилия:

Будьте тверды и храните себя
для грядущих успехов.

В то же время он гневным эдиктом заочно порицал сенат и народ за то, что они наслаждаются несвоевременными пирами, цирком, театром и отдыхом на прекрасных виллах, когда Цезарь сражается среди стольких опасностей. Наконец, словно собираясь закончить войну, он выстроил войско на морском берегу, и между тем, когда никто не знал и не догадывался, что он думает делать, вдруг приказал всем собирать раковины в шлемы и складки одежды - это, говорил он, добыча Океана, которую он шлет Капитолию и Палатину. В память победы он воздвиг высокую башню. Воинам он пообещал в подарок по сотне денариев каждому и, словно это было беспредельной щедростью, воскликнул: «Ступайте же теперь счастливые, ступайте же богатые!» После этого он обратился к заботам о триумфе. Не довольствуясь варварскими пленниками и перебежчиками, он отобрал из жителей Галлии самых высоких и, как он говорил, пригодных для триумфа. Триремы, на которых он выходил в океан, было приказано почти все доставить в Рим сухим путем. Но, прежде чем покинуть провинцию, он задумал казнить каждого десятого из тех легионов, которые бунтовали после смерти Августа, за то, что они держали в осаде когда-то его самого, младенцем, и отца его Германика. Но увидев, что солдаты готовятся дать отпор, он бежал со сходом в Рим. Возвращаясь, он осыпал сенат угрозами якобы за то, что ему было отказано в триумфе, а посланцам сената, вышедшем его встречать, ответил громовым голосом: «Я приду, да приду, и со мною - вот кто» - и похлопал по рукояти меча, висевшего на поясе. Таким образом, отменив или отсрочив свой триумф, он с овацией вступил в столицу в самый день своего рождения.

То же мрачное шутовство видно во множестве его поступков. Через залив между Байями и Путе-оланским молотом, шириной в три тысячи шестьсот шагов, он велел перекинуть мост. Для этого он собрал отовсюду грузовые суда (чем вызвал даже голод, так как не осталось кораблей для подвозки хлеба), выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги. По этому мосту он два дня разъезжал взад и вперед со свитой преторианцев. По мнению многих, Гай выдумал этот мост в подражание Ксерксу, который вызвал такой восторг, перегородив много более узкий Геллеспонт. Сенаторов, занимавших самые высокие должности и облаченных в тоги, он заставлял бежать за своей колесницей по несколько миль, а за обедом стоять у его ложа, подпоясавшись полотном, словно рабы. На театральных представлениях он раздал даровые пропуска раньше времени, чтобы чернь заняла места всадников, и потом потешался, наблюдая за их ссорами. На гладиаторских играх он вдруг вместо обычной пышности выводил изнуренных зверей и убогих дряхлых гладиаторов. Когда вздорожал скот, которым откармливали диких зверей для зрелищ, он велел бросить им на растерзание-преступников; обходя для этого тюрьмы, он не смотрел, кто в чем виноват, а прямо приказывал, стоя в дверях, забирать всех «от лысого до лысого». Многих знатных людей он казнил самым жестоким образом только за то, что они не клялись его гением, обвиняя их в «оскорблении величества». За одним сенатором, который не хотел присутствовать на казни сына и отговаривался нездоровьем, он послал носилки. Он отправил солдат по островам, чтобы они перебили всех изгнанников, сказав, что завидует жизни, которую они ведут - безмятежной и довольной малым, «настоящей жизни философов». Одного сенатора, который уехал лечиться и все никак не возвращался в Рим, несмотря на частые напоминания, Гай приказал убить, заявив, что если не помогает чемерица, то необходимо кровопускание. Он объявил, что те, кто во всеуслышанье объявили его сонаследником своего имущества и все еще продолжают жить, просто издеваются над ним, и многих приказал отравить. Он часто сетовал на то, что правление его скоро сотрется из памяти, так как не было отмечено ничем величественным - ни разгромом войск, ни голодом, ни чумой, ни пожаром, ни, хотя бы, землетрясением. Впрочем, как выяснилось, об этом он сокрушался напрасно. Одежда и обувь его часто поражали своей нелепостью. Он то и дело выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда - в шелках и женских покрывалах, обутый

то в сандалии или котурны, то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли. Много раз он появлялся с позолоченной бородой, держа в руке молнию или трезубец. Триумфальное одеяние он носил постоянно даже до своего похода. В роскоши он превзошел своими тратами самых безудержных расточителей. Он выдумал неслыханные омовения, диковинные яства и пиры - купался в благовонных маслах, горячих и холодных, пил драгоценные жемчужины, растворенные в уксусе. При этом он приговаривал: «Нужно жить или скромником, или цезарем!» Он велел выстроить либурнские галеры в десять рядов весел, с жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоями, даже с виноградниками и плодовыми садами всякого рода: пируя в них среди бела дня, он под музыку и пение плавал вдоль побережья Кампании. Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, думая лишь о том, чтобы построить то, что построить, казалось, невозможно. Таким образом, меньше чем в год он промотал колоссальное наследство Тиберия - два миллиарда семьсот миллионов сестерциев (а по некоторым сведениям, даже большее). Тогда он обратился к самым преступным способам, не брезгуя никакими злодеяниями для того, чтобы присвоить себе чужие деньги. Он объявлял незаконными завещания, заставлял покупать за баснословные цены всю утварь, оставшуюся после больших зрелищ, заседа в суде присуждал к конфискации имущества всех, без оглядки на их вину (говорили, что однажды он одним приговором осудил сорок человек по самым разным обвинениям, а потом похвалялся перед Цезонией, проснувшейся после дневного сна, сколько он дела переделал, пока она отдыхала). Налоги он собирал новые и небывалые: так он обложил пошлиной все съестные товары, продававшиеся в городе, носильщики платили одну восьмую дневного заработка, проститутки - цену одного сношения. Не останавливался он и перед прямым грабежом. Рассказывали, что однажды он играл в кости с друзьями и проигрался. Тогда он вышел из дворца, увидел двух проходивших мимо всадников, велел схватить их и лишить имущества, а затем вернулся и продолжил игру.

Из искусств Гай больше всего занимался красноречием, и действительно достиг в нем больших успехов. Он легко находил слова, и мысли, и нужную выразительность, а голос его доносился до самых задних рядов. Однако с особенной страстью занимался он искусствами другого рода, самыми разнообразными. Он сражался боевым оружием как гладиатор, выступал возницей в повсюду выстроенных цирках, а пением и пляской он так наслаждался, что даже на всенародных зрелищах не мог удержаться, чтобы не подпевать трагическому актеру и не вторить у всех на глазах движениям плясуна. Своего коня Быстроногого он так любил, что построил ему конюшню из мрамора и ясли из слоновой кости; говорят, что, если бы его не убили, непременно сделал бы своего коня консулом.

Среди этих безумств и разбоев многие готовы были покончить с принцепсом, но успех выпал на долю Кассия Херея, трибуна преторианской когорты. Известно было, что Гай постоянно потешался над ним, то называя неженкой и бабнем, то назначая ему как пароль слова «Приап» или «Венера», то предлагая в благодарность за что-то руку для поцелуя, сложив и двигая ее непристойным образом. Заговорщики напали на Гая в то время, когда он в сопровождении нескольких сенаторов шел по узкому проходу по направлению к театру. Первый удар сделал Хорея, пробив ему затылок, затем остальные нанесли ему более тридцати ран. Зарубили и жену его Цезонию, а дочери разбили голову о стену. Труп принцепса был кое-как наполовину сожжен и закопан в саду (позже его погребли более достойно вернувшиеся из изгнания сестры). Власть была передана дяде Калигулы Клавдию (Светоний: «Калигула»; 19, 22-31, 35-36, 38-41, 43-49, 52-59).

КАР, Марк Аврелий

Римский император в 282-283 гг. Род. ок. 222 г. Умер 283 г.

Кар был родом из Нарбонской Галлии (Евтропий: 9; 18). Он прошел все ступени гражданских и военных должностей. Император Проб назначил его префектом претория, и на этом посту он приобрел такую любовь воинов, что после убийства Проба казался единственным, достойным императорской власти. Приняв ее, Кар решил продолжать поход против персов, начатый его предшественником. Своих детей Карина и Нумериана он объявил

Цезарями, причем Карину поручил охранять Галлию, а Нумериана взял с собой на Восток. По пути Кар нанес поражение сарматам, а начав войну с персами, легко овладел Месопотамией и самим Ктесифоном. Здесь во время грозы в его палатку ударила молния и убила его (Вопписк: «Кар, Карин и Нумериан»; 5, 7, 8).

КАРАКАЛЛА, Марк Аврелий Север Антонин Бассиан

Римский император из династии Северов, правивший в 211-217 гг. Сын Септимия Севера. Род. в 174 г. Умер 8 апр. 217 г.

В детстве Юлий Бассиан, прозванный впоследствии Антонином и Каракаллой, отличался мягким характером, был остроумен, приветлив с родителями, приятен друзьям; все эти качества послужили ему на пользу, привлекая к нему общую любовь. Он не обнаруживал тупости в занятиях наукой, не был склонен скрывать свое расположение, не скупился на щедрые подарки, охотно оказывал милость, но все это было при жизни родителей. Если ему когда-либо приходилось видеть осужденных, отдаваемых на растерзание диким зверям, он плакал или отворачивался; это вызывало особенное расположение к нему народа. Будучи семилетним мальчиком, он услышал, что товарища его по детским играм жестоко высекли за то, что тот исповедовал иудейскую религию, и он долгое время не мог смотреть ни на своего отца, ни на отца этого мальчика, так как считал их виновниками порки. Подарки, которые он в праздники получал от родителей, он по собственному побуждению раздавал клиентам и своим учителям. Выйдя из детского возраста, он, то ли под влиянием советов отца, то ли по врожденной хитрости, а может быть, потому, что считал нужным походить на Александра Великого, царя Македонского, стал более замкнутым, более важным, даже лицо его стало более угрюмым, так что знавшие его мальчиком не верили, что это тот же человек. Александр Великий и его деяния все время были у него на устах. Он часто восхвалял также Тиберия и Суллу. Он был более высокомерен, чем отец; брата своего Гету он презирал за то, что тот держал себя очень просто (Спар-тиан: «Антонин Каракал»; 1-2). В 196 г. отец провозгласил Бассиана Цезарем и тогда дал ему имя Марка Аврелия Антонина, которого он считал величайшим из императоров (Спартиан: «Север»; 10). По свидетельству Геродиана, оба сына Септимия Севера были испорчены роскошью и столичным образом жизни, чрезмерной страстью к зрелищам, приверженностью к конным состязаниям и танцам. Братья ссорились между собой сначала из ребяческого самолюбия, из-за перепелиных боев и петушиных сражений или из-за драк между другими мальчиками. Их увлечения зрелищами или музыкой всегда приводили к ссорам; им никогда не нравилось что-нибудь одно, но все приятное одному, другому было ненавистно. С обеих сторон их подзадоривали льстецы и слуги, угождавшие их детским прихотям и сталкивавшие братьев между собой. Отец, зная об этом, пытался сблизить и образумить сыновей, но все его усилия были тщетны. Чтобы приучить сыновей к власти, он брал их с собой в походы: и в Парфянский, и в Британский. Антонина он рано женил на дочери префекта претория Плавтиана, рассчитывая, что в результате брака тот образумится. Но не слишком довольный браком и женившийся более по принуждению, чем по своей воле, Антонин враждебно относился к молодой женщине: не делил с ней ни ложа, ни трапезы, чувствовал к ней отвращение и часто грозил убить ее, как только станет единственным обладателем власти. Говорят, что он даже не скрывал своего намерения занять престол любой ценой. В Британии, когда Сеп-тимий Север окончательно слег в постель, сраженный тяжелым недугом, Антонин стал усиленно заискивать перед солдатами, а на брата клеветал самым недостойным образом. Тяжело больной, медлящий умереть отец казался ему тягостным и обременительным. Он уговаривал врачей и прислужников как-нибудь повредить старику во время лечения, чтобы скорее от него избавиться. Врачи отказались исполнить этот бесчеловечный приказ. Поэтому, когда Септимий в 211 г. все-таки умер, Антонин первым делом велел перебить всех домочадцев и врачей, которые не послушались его указаний, а потом воспитателей, которые обучали его и его брата, так как они надоели ему, настоятельно упрашивая жить в согласии. Наедине он богатыми дарами и обещаниями угождал военачальникам для того, чтобы те убедили войско провозгласить его одного императором; против брата же он придумывал всякие козни. Воины, однако, оказывали обоим братьям одинаковое почтение и преданность. Тогда Антонин

заключил договор с британцами, даровал им мир и взял залогов верности. Затем он поспешил к брату и мачехе. Когда все они оказались вместе, то и Юлия Домна, и высокопоставленные лица пытались примирить братьев. Антонин, поскольку все противодействовали ему в его желаниях, больше по необходимости, чем по доброй воле склонился к дружбе и согласию, скорее показному, нежели истинному. Оба брата таким образом начали управлять империей, имея равную власть. Они пожелали уйти из Британии и поспешили в Рим, везя с собой останки отца (Геродиан: 3; 10, 15). Всю дорогу они ссорились и даже не садились за один стол - слишком сильно было подозрение, что другой первым, сам ли, или подговорив слуг, успеет тайком отравить каким-нибудь губительным ядом еду или питье брата. Тем более они торопились: каждый думал, что опасность уменьшится, как только они окажутся в Риме и разделят дворец пополам; в этом обширном и многолюдном жилище, которое превосходило размерами целый город, каждый мог жить сам по себе, как ему вздумается. Действительно, по их приказу были наглухо забиты все проходы между двумя частями дворца, причем каждый выставил свою стражу. По возвращении в столицу они сходились вместе лишь для того, чтобы иногда показаться на публике. Но после торжественных похорон Септимия Севера они начали враждовать уже в открытую и с ненавистью строили друг другу козни. Каждый делал все, что мог, лишь бы как-нибудь освободиться от брата и получить в свои руки всю власть. Соответственно с этим разделились мнения всех тех, кто снискал себе какое-нибудь положение и почет в государстве. Большинство склонялось к Гете, потому что он производил впечатление порядочного человека: проявлял скромность и мягкость по отношению к лицам, к нему обращавшимся, занимался обычно более серьезными делами. Антонин же во всем выказывал жестокость и раздражительность. И поскольку он во всем проявлял буйный нрав и больше угрожал, чем убеждал, то и друзьями его становились скорее от страха, чем от доброго к нему расположения.

Провраждовав так некоторое время, братья совсем было собрались разделить между собой империю для того, чтобы не злоумышлять друг против друга, оставаясь все время вместе. Решили, что Гете должна отойти восточная часть державы со столицей в Антиохии или Александрии, а Антонину - западная с центром в Риме. Но когда об этом соглашении сообщили Юлии Домне, она своими слезами и уговорами убедила их отказаться от столь пагубной затеи. Этим она, возможно, уберегла римлян от новой гражданской войны, но обрекла на смерть родного сына. Перепробовав все виды коварств, Антонин потерял терпение и решил действовать открыто - мечом и убийством. 26 февраля 212 г. он внезапно напал на Гету в спальне Юлии Домны и заколол его. Осуществив убийство, он выскочил из спальни мачехи и с громким криком бросился вон из дворца. Воинам дворцовой стражи он велел без промедления проводить его в преторианский лагерь, где под охраной у него будто бы есть еще надежда спастись: оставаться здесь во дворце - значит, идти на верную гибель. Не зная, что произошло внутри дворца, те поверили и, так как он бежал без оглядки, все выбежали вслед за ним. Оказавшись в лагере, он вбежал в храм, где преклоняются перед войсковыми значками и статуями, и, бросившись на землю, стал давать благодарственные обеты и приносить жертвы за спасение. Когда об этом сообщили воинам, все они, пораженные, сбегались к нему. Антонин выступил перед ними, но не стал прямо рассказывать, что собственно произошло, а кричал только, что избежал опасности и козней заклятого врага, что в тяжелой борьбе еле-еле осилил врагов, что под угрозой были они оба, и в его лице милостивая судьба сохранила хотя бы одного государя. Тут же он пообещал за свое спасение и единовластие выдать каждому воину по 2500 аттических драхм, а также в полтора раза увеличить получаемое ими довольствие. Закончив речь, он велел преторианцам разойтись и сразу получить эти деньги из храмов и казнохранилищ. Таким образом в один день было безжалостно расточено все то, что Север восемнадцать лет копил и сохранял, причиняя несчастья другим. Услыхав о таких суммах и сообразив, что произошло, воины объявили Антонина единственным императором, а Гету провозгласили врагом. Проведя ночь в лагерном храме, набравшись смелости и приручив армию своими раздачами, Антонин отправился в сенат со всем войском, вооруженным более, чем это в обычае при сопровождении государя (Геродиан: 4; 1, 3-5). Воинов он поставил посередине двойным рядом между сиденьями сенаторов и после этого произнес свою речь. Он жаловался на козни брата, речь его была путанной и нескладной; во всем он обвинял брата, а

себя оправдывал. Все это сенат слушал без всякого удовольствия (Спартиан: «Антонин Каракала»; 2). Он говорил это, срываясь на крик, полный гнева, бросая сумрачные взгляды на друзей брата; оставив почти всех дрожащими и бледными, он поспешил во дворец.

В скором времени были убиты все близкие и друзья брата, а также и те, кто жил во дворце на его половине; слуг перебили всех; возраст, хоть бы и младенческий, во внимание не принимался. Откровенно глумясь, трупы убитых сносили вместе, складывали на телеги и вывозили за город, где, сложив их в кучу, сжигали, а то и просто бросали как придется. Вообще погибал всякий, кого Гета хоть немного знал. Уничтожали атлетов, возниц, исполнителей всякого рода музыкальных произведений - словом, всех, кто услаждал его зрение и слух. Сенаторов, породовитее или побогаче, убивали по малейшему поводу или вовсе без повода - достаточно было для этого объявить их приверженцами Геты. Были перебиты все, кто происходил из императорского рода. Так была убита дочь Марка Аврелия, уже старуха (Геродиан: 4; 5-6). Умертвили Помпеяна, сына дочери Марка и Помпеяна. До этого он был два раза консулом и полководцем во время самых важных войн. Казнили Гельвия Пертинакса, сына императора Пертинакса, которого так чтит Септимий Север (Спартиан: «Антонин Каракалл»; 3-4). Умерщвлен был и двоюродный брат самого Антонина, также носивший фамилию Севера, и некоторые другие. Из сенаторов погибли все представители патрицианских родов. Антонин засылал своих людей и в провинции, чтобы истреблять тамошних правителей и наместников как друзей брата. Каждая ночь несла с собой убийства самых разных людей. Весталок он заживо зарыл в землю за то, что они якобы не соблюдают девственность. Рассказывают, что однажды император был на скачках, и случилось так, что народ чуть посмеялся над возницей, к которому он был особенно расположен; приняв это за оскорбление, он велел воинам броситься на зрителя, вывести и перебить всех, кто дурно говорил о его любимце. Поскольку невозможно было отделить виноватых от невиновных, воины беспощадно отводили и убивали первых попавшихся (Геродиан: 4; 6).

Свое прозвище Антонин получил от названия спускающегося до пят галльского плаща с капюшоном, который он и сам любил носить, и в большом количестве раздавал народу. В дальнейшем такие каракаллы назывались антонинов-скими. Мачеху свою Юлию Домну, которая была очень красива, он взял себе в жены. Говорят, что она сама, для того чтобы соблазнить его, словно случайно, обнажила перед ним большую часть своего тела. Антонин сказал: «Я пожелал бы, если бы это было дозволено». На это она ответила: «Если угодно, то и дозволено». Когда он услышал это, его необузданная страсть усилилась. Вопреки всем законам он справил свадьбу, прибавив к братоубийству еще и кровосмесительство.

После этих событий он весной 213 г. отправился в Галлию. Прибыв туда, он немедленно убил нарбон-ского проконсула. Приведя в смятение всех начальствовавших в Галлии лиц, он навлек на себя ненависть как тиран. Совершив много несправедливостей, он заболел тяжелой болезнью. По отношению к тем, кто за ним ухаживал, он проявил необыкновенную жестокость. Затем, по пути на Восток, он остановился в Дакии (Спартиан: «Антонин Каракалл»; 5, 9, 10). Здесь, чтобы упражнять свое тело, он много занимался ездой на колесницах и избиением разных зверей с близкого расстояния, гораздо меньше внимания уделял он суду, где, впрочем, проявлял способность скоро разобраться в существе дела и метко отвечать на речи других. Всех тамошних германцев он расположил к себе и вступил с ними в дружбу; кое-кого из них брал к себе в отряды и в личную свою охрану. Часто, сняв с себя римский плащ, он менял его на германскую одежду. Он накладывал себе светлые волосы и зачесывал их по-германски. Варвары радовались, глядя на все это, и любили его чрезвычайно. Римские воины тоже не могли нарадоваться на него, особенно благодаря тем прибавкам к жалованию, на которые он не скупился, а еще и потому, что он вел себя совсем как воин: первым брался за работу, если нужно было копать рвы, навести мост через реку или насыпать вал, и вообще первым брался за всякое дело, требующее рук и телесного усилия. У него был простой стол; случалось, что для еды и питья он пользовался деревянной посудой. Хлеб ему подавали своего изготовления: он собственноручно молот зерно - ровно столько, сколько нужно было на него одного, замешивал тесто и, испекши на углях, ел. От всего дорогостоящего он воздерживался; пользовался только самым дешевым, тем, что доступно и беднейшему воину. Он старался создать у воинов впечатление, что ему очень приятно, когда его называют не государем, а боевым товарищем. В

походах он чаще всего шел пешком, редко садился в повозку или на коня; свое оружие носил сам. Случалось, он на своих плечах нес значки легиона, огромные, да еще щедро украшенные золотом, так что самые сильные воины едва могли нести их. Благодаря этим и другим подобным поступкам в нем полюбили воина; его выносливость вызывала восхищение, да и как было не восхищаться, видя, что такое маленькое тело приучено к столь тяжелым трудам.

Когда он управился с лагерями на Дунае и перешел во Фракию, что по соседству с Македонией, он сразу стал отождествлять себя с Александром, всячески освежал память о нем и велел во всех городах поставить его изображения и статуи. Чудачества его доходили до того, что он стал одеваться как македонец: носил на голове белую широкополую шляпу, а на ноги надевал сапожки. Отобрав юношей И отправившись с ними в поход, он стал называть их македонской фалангой, а их начальникам роздал имена полководцев Александра. Из Фракии он переправился в Азию, пробыл некоторое время в Антиохии, а потом прибыл в Александрию. Александрийцы приняли Антонина очень торжественно и с большой радостью. Никто из них не знал о тайной ненависти, которую тот давно уже питал к их городу. Дело в том, что императору доносили о насмешках, которыми его осыпали горожане. Решив примерно наказать их, Антонин велел самым цветущим юношам собраться за городом якобы для военного смотра, окружил их войсками и предал поголовному истреблению. Смертоубийство было такое, что кровь потоками текла по равнине, а огромная дельта Нила и все побережье близ города было окрашено кровью. Поступив таким образом с городом, он вернулся в Антиохию для того, чтобы начать войну с парфянами.

Чтобы лучше скрыть свои замыслы, он посватался к дочери парфянского царя. Получив согласие на брак, он беспрепятственно вступил в Месопотамию как будущий зять, а затем внезапно напал на тех, кто вышел его приветствовать. Перебив множество людей и разграбив все встречные города и селения, римляне с большой добычей возвратились в Сирию. За этот позорный набег Антонин получил от сената прозвание «Парфянский» (Геродиан: 4; 7-11).

Зиму Антонин провел в Эдесе, а весной 217 г. прибыл в город Карры ради того, чтобы принести жертву богу Луну. В то время как он по дороге отошел для отправления естественных надобностей, его убил центурион Марциалий. Известно, что сам Марциалий был подвигнут на это деяние префектом претория Макрином, который и был провозглашен императором после Антонина (Спартиан: «Антонин Каракал/Г»; 6-7).

КАРИН, Марк Аврелий

Римский император в 283-285 гг. Умер 285 г. Сын Кара.

Сделавшись императором, Кар провозгласил Цезарями своих сыновей, Карина и Нумериана, а отправляясь в персидский поход, оставил Карина управлять Галлией, Италией, Иллириком и Африкой. По свидетельству Вописка, Карин был человеком, пользующимся дурной славой в большей степени, чем кто-либо другой, - прелюбодей, часто развращавший молодежь, да и сам дурно пользовавшийся свойствами своего пола. Он запятнал себя неслыханными пороками и покрыл невероятным позором. Лучших друзей он сослал, а всех самых скверных людей выделял и держал при себе. Дворец он наполнил мимами, блудницами, пантомимами, певцами и сводниками (Вописк: «Кар, Карин и Нумериан»; 16-18). Одних он казнил за то, что те не хвалили его красоты; других за то, что не изъявляли того удивления, какого ему хотелось, когда он, еще бив отроком, декламировал; некоторые погибли за то, что рассмеялись когда-то в его присутствии (Евнапий: 4). Узнав о том, что отец его убит молнией, а брат умерщвлен Апсом и что Августом провозглашен Диоклетиан, Карин поспешил в Иллирик. Здесь он разбил Сабина Юлиана, который тоже стремился захватить власть, и столкнулся с Диоклетианом вблизи Марга. В этой битве он добился успеха, но в то время, когда преследовал бегущих, был убит своими же солдатами. Дело в том, что он, не в силах совладать со своим сластолюбием, отнимал у солдат их жен. Он и был убит оскорбленными мужьями (Виктор «О Цезарях»; 39). Его зарубили при непосредственном участии трибуна, жену которого он обесчестил (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 38).

КАССАНДР

Правитель и царь Македонии в 316- 297 гг. до Р.Х. Сын Антипатра. Род в 355 г. до Р.Х. Умер 297 г. до Р.Х. Ж Фессалоника, дочь Филиппа II.

Кассандр был сыном Антипатра, правившего Македонией и Элладой во время восточного похода Александра. Александр не раз получал письма от своей матери Олимпиады с жалобами на Антипатра, но оставался к ним глух. Только возвратившись в Вавилон, он отправил в Македонию Кратера, а Антипатру велел ехать в Азию Неизвестно, хотел ли он наказать его или просто не желал далее продлевать его власть, но и в том и в другом случае Антипатр имел основания опасаться за свою жизнь. Все уже знали, каким нетерпеливым вернулся Александр из Индии к сатрапам, преступившим закон, он относился чрезвычайно сурово, а многих казнил, едва только получал доказательства их вины.

Антипатр не торопился с отъездом и прежде себя отправил Кассандра. Явившись в Азию, Кассандр словно попал в другой мир. Он был воспитан в эллинских обычаях и, увидев каких-то персов, упавших ниц перед Александром, насмешливо расхохотался. Александр вскипел и, вцепившись ему обеими руками в волосы, ударил головой о стену. С этого времени он относился к нему крайне недоброжелательно. Когда Кассандр собирался возражать обвинителям Антипатра, Александр оборвал его. «Что ты говоришь, - воскликнул он, - люди прошли такую даль, чтобы наклеветать? Они никем не обижены?» Кассандр возразил, что это как раз и свидетельствует о клевете: они ушли подальше от улик. Александр засмеялся: «Все это софизмы Аристотелевых учеников; выучились говорить и за и против об одном и том же! Заплачете, если окажется, что хоть малейшую обиду причинили вы этим людям». Вообще, он внушил Кассандру такой неистребимый ужас перед собой, что долгое время спустя, став уже царем Македонии и властелином Эллады. Кассандр, прогуливаясь однажды по Дельфам и разглядывая статуи, затрясся всем телом, увидев статую Александра; волосы у него встали дыбом, он едва пришел в себя, так у него кружилась голова от страха (Плутарх: «Александр»; 74).

После внезапной кончины Александра многие думали, что он был умерщвлен ядом, который дал ему брат Кассандра Иолай (царский виночерпий). И правда, от Александра в последний год его жизни часто слышали, что Антипатр претендует на царское достоинство, что он, гордясь своей победой над спартанцами, считает себя по силе выше обычного военачальника и что все, получаемое от царя, приписывает себе. Думали также, что Кратер был послан в Македонию с тайным приказом убить Антипатра и что Антипатр остался живым лишь потому, что нанес опережающий удар (Курций Руф: 10; 10). Как бы то ни было, вслух об этом никто не говорил, и после смерти Александра Кассандр был поставлен во главе царских телохранителей (Юстин: 13; 4).

В 319 г. до Р.Х. Антипатр умер. Перед смертью он передал свои полномочия Полисперхонту, а Кассандра сделал только хилархом (тысяченачальником). Кассандр, недовольный этим распоряжением, не собирался покоряться Полисперхонту. Вместе с друзьями он отправился в деревню и по дороге стал говорить с ними о Македонском царстве. Каждого он вызывал к себе поодиночке и склонял на свою сторону. Вместе с тем он тайно отправил послов к Птолемею и возобновил с ним дружественный союз. Равным образом послал он и к другим полководцам и знатым македонцам, приглашая их в союзники. Все это делалось скрытно, а для видимости он занимался постоянной охотой. Усыпив подозрительность Полисперхонта, Кассандр тайно уехал из Македонии, переправился через Геллеспонт и приехал к Антигону, прося его о помощи. Антигон охотно согласился ему помочь, делая вид, что идет на это из дружбы к Антипатру, а сам радовался, что среди его врагов начались распри. Он дал Кассандру 35 кораблей и 6000 войска.

С этими силами Кассандр явился под Афинами. Никанор, македонский военачальник в Мунихии, сдал ему Пирей и Мунихию. Услышав об этом, Полисперхонт, в войске которого был царь - слабоумный Филипп III, - срочно двинулся из Фокиды в Аттику, имея 24 000 пехоты, 1000 всадников и 60 слонов. С этими силами он приступил к осаде Кассандра, но вскоре выяснилось, что съестных припасов недостаточно. Полисперхонт оставил часть армии под Афинами с сыном Александром, а сам двинулся в Пелопоннес. Тем временем Кассандр,

действуя на море, овладел Эгиной, осадил Саламин и почти что взял его, но, узнав, что к Афинам идет новая подмога от Полисперхонта, вернулся в Пирей. Его положение постепенно улучшалось. Полисперхонт попытался взять Мегалополь и потерпел под этим городом серьезную неудачу. После этого многие города перешли на сторону Кассандра. Тогда и афиняне на собрании решили вступить в переговоры с ним. Договорились, что Мунихий останется за Кассандром до тех пор, пока не окончится его война с царями. Число граждан было ограничено теми, кто имеет состояние не менее 10 мин. Во главе государства должен был стоять попечитель из афинян, но назначаемый Кассандром. Кассандр определил на этот пост Деметрия Фалерского.

От Афин Кассандр двинулся на Македонию. Встречные города заключали с ним союз, поскольку были недовольны Полисперхонтом, между тем как Кассандр показал себя человеком справедливым и тщательно относящимся к делу (Диодор: 18). Тем временем в самой Македонии ширилась распря. Полисперхонт сблизился с матерью Александра, Олимпиадой, которая жила в Эпире вместе с вдовой Александра Македонского, Роксаной, и его малолетним сыном Александром IV. С помощью Полисперхонта Олимпиада захватила власть и велела казнить царя Филиппа и его жену Эвридику. Затем начались казни прежних друзей Кассандра. Всего перебили до ста человек. Этой бесчеловечной лютостью Олимпиада вскоре вызвала раздражение всех македонцев. Многие вспоминали пророческие слова Ан-типатра, который, умирая, заклинал македонцев ни в коем случае не допускать женщин до власти.

Кассандр осаждал Тегею, когда узнал, что Олимпиада захватила власть. Заключив с тегейцами мир, он поспешил в Македонию. Этолийцы, желая угодить Олимпиаде, заняли проходы при Пилах. Но Кассандр переправился в Фессалию по морю и сумел первым захватить горные проходы в Македонию. Олимпиада выслала ему навстречу полководца Аристоноя. Сама же с Александром, Роксаной и дочерью Фессалоники переехала в Пидну. С ней было великое множество людей, но по большей части бесполезных для войны. Однако припасов в городе оказалось довольно. Кассандр, приступив к Пидне, обвел ее палисадом и валом от моря до моря.

Олимпиаде оставалось надеяться лишь на Полисперхонта. Но Кассандр отправил против последнего Калла, который, став в Перребеи, неподалеку от Полисперхонтова стана, подкупил большую часть его войска. Многие солдаты перебежали к нему, а у Полисперхонта осталась лишь малая часть.

Лишившись всякой надежды на помощь, осажденные в Пидне вскоре стали испытывать величайшие лишения. Слонов кормили деревянными опилками, а скот и лошадей порезали на мясо. Когда голод сделался нестерпимым, стали есть даже людей. Мертвых не успевали зарывать и выкидывали за стены. С наступлением весны многие воины договорились между собой просить у Олимпиады отставки. Олимпиада вынуждена была отпустить их из города. Кассандр принял всех очень приветливо и распустил по городам. После этого многие македонцы перешли на его сторону. Только Аристоной, державший Амфиполь, и Моним, оборонявший Пеллу, остались верны Олимпиаде. Олимпиада хотела бежать на триере, но переметчики дали знать об этом Кассандру, и тот, подъехав, захватил судно.

Не видя более надежды на спасение, Олимпиада послала к Кассандру нарочного с мирными предложениями. Сдалась она не прежде, чем выговорила себе жизнь. После этого Моним сдал Пеллу. Аристоной не хотел сдавать Амфиполь, но вынужден был уступить, подчиняясь приказу Олимпиады. Он сдал крепость, выговорив себе жизнь, но Кассандр, зная о большом уважении, которое питали к нему македонцы, велел его умертвить.

Судьбу Олимпиады должен был решить суд македонцев. Олимпиада надеялась, что ей, как жене Филиппа II и матери Александра, сохранят жизнь. Но Кассандр, созвав народное собрание, поручил родственникам казненных ею явиться на него в траурных одеждах. Возмущенные злодеяниями Олимпиады, македонцы забыли о прежнем ее величии и осудили ее на смерть. После казни Олимпиады Кассандр взял себе в жены Фессалонику, ее дочь, а Роксану и Александра IV велел заключить в Амфипольскую крепость под очень строгий надзор (316 г. до РХ).

Потом, набрав македонцев, Кассандр опять двинулся походом в Грецию. Полисперхонт, узнав о судьбе Олимпиады, с немногими солдатами отступил в Этолию. Кассандр, пройдя через

Фессалию, нашел Фермопилы, охраняемые этолийским войском. С трудом выбив этолийцев, он пришел в Беотию и, собрав отовсюду оставшихся фиванцев, решил вновь заселить Фивы, разрушенные до основания Александром Македонским. Из Беотии Кассандр подступил к Истму, который укрепил Александр, сын Полисперхонта. Кассандр вернулся в Мегары, погрузил воинов на корабли, а слонов на плоты и переправился в Эпи-давр. Отсюда он подступил к Аргосу и принудил его перейти на свою сторону. Точно так же угрозами привлек он все мессенские города, кроме самой Мессены. Гермону он взял по договору и, оставив 2000 войска, возвратился в Македонию. В последующие годы Кассандр методично укреплял свое могущество, совершая походы в сопредельные с Македонией земли.

В 311 г. до Р.Х. диадохи заключили мир на условиях, что Кассандр будет главным полководцем в Европе до совершеннолетия Александра IV, а все полководцы останутся правителями в своих провинциях. Никто не собирался исполнять этих условий, но первый подал пример Кассандр. Опасаясь Александра, который стал приходить в отроческий возраст, и зная, что македонцы негодуют на его заключение, он велел Главкию, начальнику стражи, отравить царя и Роксану и спрятать их тела (Диодор: 19). Но и после этого не принял официально царского титула, хотя в письмах и беседах все прочие величали его царем (Плутарх: «Деметрий»; 18).

Долгое время, пока война шла в Азии, Кассандр с успехом сохранял свою власть над Македонией и Грецией. Но в 307 г. до Р.Х. война с Антигоном вспыхнула с новой силой, переместившись к тому же в Элладу. На этот раз Кассандру суждено было испытать жестокие поражения. Деметрий, сын Антигона, явился с огромным флотом к Афинам и сходу овладел Пиреем. Ставленник Кассандра Деметрий Фалерский, в течение десяти лет управлявший городом, бежал, и афиняне приветствовали Деметрия как своего освободителя. Развивая успех, Деметрий захватил Мунихий и Мегары. Но затем он был отвлечен войной с Птолемеем и родосцами (Диодор: 20).

Узнав, что Деметрий занят орадой Родоса, Кассандр явился в Аттике и осадил Афины. В 304 г. до Р.Х. Деметрий вернулся в Элладу и не только прогнал Кассандра из Аттики, но преследовал его до самых Фермопил, нанес там еще одно поражение и занял Гераклею. После этой победы 6000 македонцев перебежали на сторону Деметрия, а Кассандр в течение двух лет не смел появляться в Элладе (Плутарх: «Деметрий»; 25). В 302 г. до Р.Х., после новой неудачной попытки помириться с Антигоном, Кассандр встретился с Лисимахом, и они отправили послов к Птолемею и Селевку, призывая их объединить силы против Антигона. После этого Кассандр с частью войск отправился в Фессалию против Деметрия, а Лисимах с его войском переправился из Европы в Азию. Вскоре после этого Антигон пал в битве при Ипсе, а держава его перестала существовать (Диодор: 20). Кассандр ненадолго пережил своего врага. К концу жизни он весь распух от водянки, и в его теле при жизни завелись черви (Павсаний: 9; 7; 3).

КВИНТИЛЯ, Марк Аврелий Клавдий

Римский император в 270 г.

Квинтиля был братом императора Клавдия и после его скоропостижной кончины был провозглашен императором. Но так как он выказал себя требовательным и строгим по отношению к воинам и обещал стать настоящим государем, то был убит солдатами на семнадцатый день своего правления (Поллион: «Клавдий»; 13).

КЕЙС

Легендарный царь Аргоса из рода Гераклидов, правивший в XI в. до Р.Х. Сын Темена.

Кейс захватил власть, убив своего отца Темена. Вскоре права царской власти были в Аргосе настолько ограничены, что потомки Кейса фактически сохранили только имя царей (Павсаний: 2; 19; 1-2).

КЛАВДИЙ I, Тиберий Друз Нерон Цезарь Германик

Римский император из рода Юлиев-Клавдиев, правивший в 41-54 гг. Род. 1 авг. 10 г. до Р.Х. V 13 окт. 54 г.

Клавдий приходился родным племянником Тиберию и дядей Гаю Калигуле. Отец его, Друз Германик, был известным полководцем, воевавшим как с иллирийцами, так и с германцами, а мать, Антония Младшая, была дочерью триумвира Марка Антония и племянницей Августа.

В течении всего детства и юности Клавдий страдал долгими и затяжными болезнями, от которых так ослабел умом и телом, что в совершенных годах считался неспособным ни к каким общественным или частным делам. Даже после того, как он вышел из-под опеки, он еще долго оставался в чужой власти и под присмотром дядьки. Правда, в благородных науках он с юных лет обнаруживал незаурядное усердие и не раз даже издавал свои опыты в той или иной области; но и этим не мог он ни добиться уважения, ни внушить надежды на лучшее свое будущее. Бабка его, Ливия, всегда относилась к нему с глубочайшим презрением, разговаривала с ним очень редко и даже замечания ему делала или в коротких и резких записках, или через рабов. Собственная мать, Антония, называла его уродом среди людей, которого природа начала и не кончила, и, желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: «глупей моего Клавдия». Август прямо выражал сомнения в его умственной полноценности и долго колебался: допустить ли ему Клавдия к прохождению должностей или сразу махнуть на него рукой. Наконец, он отстранил его от всех должностей, кроме авгурства.

Тиберий оставил это решение в силе и, даровав племяннику знаки консульского достоинства, не допускал его до исполнения никакой должности. Клавдий, удалившись от всяких дел, укрывался то в садах, то в загородном доме и имел славу игрока и пьяницы. Только в 37 г., в правление Гая Калигулы, своего племянника, когда тот по приходе к власти всяческими заискиваниями старался приобрести добрую славу, он был допущен к высоким должностям и два месяца разделял с ним консульство. Назначено было ему и второе консульство через три года. Но и это не избавило его от оскорблений, причем Калигула первый дал тому пример, всячески потешаясь над Клавдием на своих пирах. Под конец он и вовсе разорил дядю, заставив купить за восемь миллионов должность жреца при своем культе, а когда Клавдий не смог расплатиться с долгами, пустил его имущество с торгов.

Из своего жалкого положения Клавдий вдруг поистине удивительным образом достиг императорской власти. Случилось так, что заговорщики, готовясь напасть на Калигулу, оттеснили от него толпу, будто император желал остаться один. Клавдий был вытолкнут вместе с остальными и скрылся в комнату, называемую Гермесовой; оттуда при первом слухе об убийстве он в испуге бросился в соседнюю солнечную галерею и спрятался за занавесью у дверей. Какой-то солдат, пробежавший мимо, увидел его ноги, захотел проверить, кто там прячется, узнал его, вытащил, когда тот в страхе припал к его ногам, приветствовал его как императора и отвел к своим товарищам, которые попусту буйствовали, не зная, что делать дальше. Они посадили Клавдия на носилки и сами, так как носильщики разбежались, отнесли его к себе в лагерь. Клавдий дрожал от ужаса, а встречная толпа его жалела, словно его тащили на казнь. Ночь он провел за лагерным валом, окруженный стражей, успокоившись за свою жизнь, но тревожась за будущее. Дело в том, что консулы, сенат и городские когорты заняли форум и Капитолий в твердом намерении провозгласить всеобщую свободу. Его также приглашали через народных трибунов в курию для участия в совете, а он отвечал, что его удерживают силой и принуждением. Однако сенат, утомленный разногласиями противоречивых мнений, медлил с выполнением своих замыслов. Толпа же, требовала единого властителя и уже называла его имя. Тогда на вооруженной сходке Клавдий принял присягу от воинов и обещал каждому по 15 000 сестерциев - он был первым среди цезарей, кто купил за деньги преданность войска. Утвердившись у власти, он велел казнить Херею и Лупа, главных участников заговора против Калигулы - как для примера, так и за то, что они, мечтая о восстановлении республики, собирались убить самого Клавдия.

В своем возвышении Клавдий держался скромно, как простой гражданин. Имя

императора он отклонил, непомерные почести отверг. По всем вопросам он советовался с сенатом, в присутствии должностных лиц участвовал в работе судов простого советника. Вообще, суды он любил и правил их с величайшим усердием, хотя то ли по недомыслию, то ли по природной мягкости часто выносил приговоры опрометчивые и даже нелепые. Здания он строил не в большом количестве, но значительные и необходимые. Главнейшие из них - водопровод, начатый Гаем Калигулой, и водосток из Фуцинского озера. По водопроводу Клавдий провел воду из обильных и свежих источников, а по новым каменным аркам - из реки Апиена, и распределил, ее по множеству пышно украшенных водоемов. При нем же была построена гавань в Остии: сооружены молы и волноломы, а также построен высокий маяк по образцу Фаросского.

Поход он совершил только один, да и тот незначительный. Сенат даровал ему триумфальные украшения, но он посчитал их почестью, недостойной императорского величия, и стал искать почетного повода для настоящего триумфа. Остановил свой выбор он на Британии, на которую после Юлия Цезаря никто не посягал. В 43 г. Клавдий поплыл туда из Остии, но из-за бурных северо-западных ветров два раза едва не утонул. Совершив переправу, он за несколько дней подчинил себе часть острова без единого боя или кровопролития, через несколько месяцев после отъезда возвратился в Рим и с великой пышностью отпраздновал триумф.

Таковы были деяния Клавдия, которые, после жестокостей Тиберия и безумств Калигулы, снискали ему заслуженную любовь и привязанность народа. Впрочем, по большей части, все это направлялось не им, а волею его жены и вольноотпущенников, и он почти всегда и во всем вел себя так, как им было угодно или выгодно. Он до такой степени был у них в подчинении, что держал себя не как правитель, а как слуга: ради выгоды, желая, прихоти любого из них он щедро раздавал и должности, и военачальства, и прощения, и наказания, обычно даже сам ничего не зная и не ведая о том. Даже Аппия Силана, своего тестя, даже двух Юлий, своих племянниц, дочь Друза и дочь Германика, он предал смерти, не доказав обвинения и не выслушав оправдания, по одним наветам жены своей Мессалины, а вслед за ними - Гнея Помпея, мужа старшей своей дочери. Тридцать пять сенаторов и более трехсот римских всадников были казнены им с редким безразличием. При этом он был так рассеян, что многих приговоренных к казни и уже умерщвленных он на следующий день звал на совет или на игру в кости.

Глупость Клавдия засвидетельствована многими анекдотами, но все же далеко не очевидна. Еще Август становился в тупик перед вопросом: в здравом уме Клавдий или нет, так как явное тупоумие постоянно соседствовало в нем со столь же несомненным здравым смыслом. В дальнейшем сохранялась та же неопределенность. Многие речи принцепса в сенате доказывают, что он обладал и здравостью суждений, и широкой образованностью. Греческим языком он владел так же свободно, как латинским. Не чужд он был и литературным занятиям: оставив после себя и сочинения по истории (римскую историю в сорока трех книгах на латинском языке, продолжавшую труд Ливия, а также историю этрусков в двадцати книгах и историю карфагенян в восьми книгах на греческом языке), и мемуары, и ученое сочинение «В защиту Цицерона». Но вместе с тем в словах и поступках он часто обнаруживал такую необдуманность, что казалось, он не знает и не понимает, кто он, с кем, где и когда говорит.

Женат Клавдий был несколько раз, и все его браки оказались неудачны. Первой женой его была Плавтия Ургуланилла. Он развелся с ней из-за наглого разврата и подозрения в убийстве. Второй женой стала Элия Петина, которую он тоже отверг из-за мелких ссор. После них в 39 г. он женился на Валерии Мессалине (Светоний: «Клавдий»; 1-10, 12-15, 17, 20, 25, 27, 29, 39-42). Эта третья его жена своей невероятной развращенностью превзошла всех своих современниц. По свидетельству Аврелия Виктора, она совершала прелюбодеяния повсюду и как бы по праву, отчего погибли вместе со своими семьями многие, отвергавшие ее из страха или по убеждению, так как она, используя свое женское искусство, обвиняла в совершении насилий тех, над кем сама хотела его совершить. От этого еще пуще распаяясь, она принуждала предаваться вместе с ней распутству знатных матрон и девиц, мужей же их заставляла присутствовать при этом. Если кто уклонялся от участия в ее оргиях, против него и его семейства возводились ложные обвинения и их преследовали (Виктор: «О Цезарях»; 4). Все это она проделывала совершенно

открыто, на глазах у всего города, и Клавдий был единственным, кто ни о чем не знал. Наконец Мессалина преисполнилась такой дерзости, что, не таясь ни от кого, сыграла свадьбу со своим любовником Силием. Тогда вольноотпущенники Клавдия, Каллист и Нарцисс, вершившие от его имени всеми делами, стали опасаться за свою судьбу: как бы Силий, бывший праправнуком Августа и получивший такую власть, не совершил государственный переворот и сам не сделался прин-цепсом. Они рискнули донести Клавдию о происках его жены и изобразили дело так, что жизнь его подвергается серьезной опасности. Клавдий от этого внезапного известия впал в такую растерянность, что не мог ни на что решиться, и Нарцисс своей властью довел дело до конца. По его настоянию, сначала был казнен Силий, а потом умерщвлена Мессалина. Клавдию сообщили о ее смерти, умолчав о том, была ли она добровольной или насильственной. И он, не спросив об этом, потребовал чашу с вином и далее продолжал пировать как ни в чем не бывало. Да и в последующие дни он не выказал ни малейших признаков радости, ненависти, гнева, печали или какого-либо иного движения души (Тацит: «Анналы»; 11; 26-38).

В день смерти жены Клавдий поклялся перед воинами, что отныне он пребудет безбрачным, так как все его супружества были несчастливими; если же он не устоит, то пусть они заколют его своими руками. И все же он не мог удержаться от помыслов о новом браке - то с Петиной, которую он сам когда-то прогнал, то с Лолли-ей Павлиной, которая была замужем за Калигулой. В конце концов он был обольщен лукавой Агриппиной, дочерью его брата Германика, пользовавшейся своим правом на поцелуй и родственные ласки; он нашел людей, которые на ближайшем заседании предложили сенату обязать Клавдия жениться на Агриппине, якобы для высшего блага государства, и дозволить подобные браки для всех, хотя до той поры они считались кровосмесительными. И чуть ли не через день он справил свадьбу (Светоний: «Клавдий»; 26).

Новый брак Клавдия явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала управлять женщина, которая вершила делами Римской державы из-за разнузданного своеволия, как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке (Тацит: «Анналы»; 12; 7). Все усилия Агриппина сосредоточила на том, чтобы устроить судьбу своего сына от первого брака, Луция Домиция. Дочь Клавдия, Октавия, была уже помолвлена с Луцием Силаном. Но Агриппина, обвинив его в кровосмесительной связи с сестрой, добилась его опалы, а потом довела до самоубийства. Октавию она предназначила в жены своему сыну, и вскоре после свадьбы с Агриппиной, в 49 г., Клавдий дал на это согласие. В следующем году он усыновил Луция под именем Тиберия Клавдия Нерона, а потом назначил его своим наследником (Светоний: «Клавдий»; 27, 29). Когда все это было сделано, Агриппина, опасаясь, как бы Клавдий по какой-нибудь причине не изменил своего решения, решила умертвить мужа. Она разыскала поднаторевшую в отравлениях искусницу Локусту, и та составила для нее необходимый яд. Дал же его Клавдию евнух Галот, в обязанности которого входило приносить и отведывать предназначенные для Клавдия кушанья. Яд был примешан к изысканному грибному блюду. Клавдий отравился, но после обильного поноса ему полегчало. Тогда врач Ксенофонт, как бы для того, чтобы вызвать рвоту, ввел в горло Клавдия смазанное быстродействующим ядом перо. Агриппина несколько дней скрывала смерть мужа и тем временем подготовила все для принятия власти Нероном (Тацит: «Анналы»; 12; 66-69).

КЛАВДИЙ II, Марк Аврелий Валерий

Римский император в 268-270 гг. Род. ок. 214 г. Умер 270 г.

Клавдий происходил из незнатного иллирийского рода (впрочем, было распространено мнение, что он один из побочных сыновей Гор-диана II). Военную службу Клавдий начал при Деции, а Валериан сначала сделал его военным трибуном, а потом отдал под его начало все войска, расположенные в Иллирике и сопредельных провинциях. В дальнейшем Клавдий был одним из ближайших полководцев императора Галлиена, вел войны против готов. Перед смертью Гал-лиен послал ему знаки императорской власти. И легионеры, и сенат признали последнюю волю Галлиена без всяких колебаний, так как твердость и благородство Клавдия были известны всем. По свидетельству Поллиона, он был замечателен строгостью нравов и исключительной целомудренностью, имел высокий рост и огненный взгляд. Кулаки у него

были такие крепкие, что он одним ударом мог выбить все зубы даже у лошадей и мулов. Став императором, Клавдий прежде всего довел до конца войну с Авреолом: тот был убит в Медиолане своими солдатами, которые* после этого перешли на сторону Клавдия. Затем он обратился к отражению внешней опасности. В это время полчища готов и их союзников продолжали опустошать Ме-зию, Македонию, Фессалию и Грецию. Война с ними на суше и на море стала главным делом Клавдия. Он упорно преследовал врагов, которые после каждого поражения вновь собирались в другом месте. Римляне одержали победы у Марцианополя, Византия, Фесса-лоники. Наконец, готы были окончательно разбиты при Наиссе. Вскоре после своей победы Клавдий заразился чумой и умер, оплакиваемый всеми (Поллион: «Клавдий»; 6, 9, 13-15, 18).

КЛЕОДАЙ

Мифический царь Дориды из рода Гераклидов, правивший в конце XIII - начале XII в. до Р.Х. Сын Гилла.

КЛЕОМБРОТ I

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 380-371 гг. до Р.Х. Сын Павсания.

В 379 и 375 гг. до Р.Х. Клеомброт дважды вел войну против Фив, но возвращался, не сделав ничего замечательного. В 371 г. до Р.Х. он вновь получил предписание вторгнуться в Беотию со стороны Фокиды, если только фиванцы не склонны предоставить беотийским городам автономию. Узнав, что фиванцы не только отказались выполнять это требование, но даже не распускают войска и стоят, выстроившись, против него, Клеомброт повел свою армию в Беотию. Он не вторгся через ущелье из Фокиды, где ожидало его стоящее наготове фиванское войско, а прошел по гористой дороге, ведущей мимо Фис-бы, и неожиданно вышел к Крев-сии, завладел этой крепостью и захватил 12 фиванских триер. После этого он двинулся в глубь материка и расположился лагерем близ Левктр. Фиванский лагерь находился против лакедемонского на холме на небольшом расстоянии; у фиванцев не было никаких союзников, кроме беотийцев. Тут друзья Клеомброта стали обращаться к нему с такими заявлениями: «Клеомброт, если ты не сразишься теперь с фиванцами, можно опасаться, что ты подвергнешься самой суровой каре со стороны государства». Противники царя говорили друг другу; «Теперь Клеомброт покажет, справедлива ли молва, что он доброжелатель фиванцев». Услышав это, Клеомброт пришел в ярость и решил вступить в бой (Ксенофонт: 6; 4; 1-5).

Войском фиванцев командовал Эпаминонд. Убедив своих товарищей-беотархов не уклоняться от решительной битвы, Эпаминонд построил свое войско косым фронтом. На одном фланге он поставил лучших своих солдат (в том числе «Священный отряд» из 300 отборных фиванцев, которыми руководил друг Эпа-минонда Пелопид). Более слабых воинов он выставил на противоположной стороне войска и приказал им избегать сражения и отступать при наступлении врага. Он решил, что судьбу боя решит то крыло, на котором были построены отборные воины (Диодор: 15; 55).

Когда началась битва, Эпаминонд вытянул свое левое крыло по косой линии, чтобы как можно больше оторвать от остальных греков правое крыло и напасть на Клеомброта, разом нанеся ему сокрушительный удар с фланга. Царь разгадал его замысел и начал перестраивать свой боевой порядок, развертывая и загибая правое крыло в намерении превосходящими силами окружить и запереть Эпа-минонда. Но в этот момент триста воинов Пелопида рванулись вперед, на бегу сплывая ряды, и прежде чем Клеомброт успел растянуть крыло или, вернувшись в первоначальное положение, сомкнуть строй, напали на спартанцев, еще находившихся в движении и приведенных в замешательства собственным перемещением (Плутарх: «Пелопид»; 23). Главный удар фиванцев пришелся как раз на то место фаланги лакедемонян, где находился Клеомброт и охранявший его отряд, сплошь состоявший из спартиатов. В последовавшем затем жестоком бою многие из них погибли, и одним из первых пал сам Клеомброт. Но лакедемоняне еще некоторое время удерживали строй, и только после

гибели полемарха Диона, царских сотрапезников, конюших и спутников полемарха войско, не выдержав натиска массы врагов, стало отступать сначала на левом фланге, а потом и по всему строю. Однако, несмотря на страшный урон и поражение, лакедемоняне не обратились в бегство, а лишь отступили за ров в лагерь. В бою пало более 1000 человек, и 400 из них были спартиаты. Никогда за всю свою историю Спарта не испытывала более жестокого поражения (Ксенофонт: 6; 4; 6-15).

КЛЕОМБРОТ II

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 243-241 гг. до Р.Х. Зять Леонида II.

Клеомброт был женат на Хи-лониде, дочери Леонида II. Когда царь Агис IV из рода Эврипonti-дов начал проводить в Спарте свои реформы, Леонид был главным его противником. Эфор Лисандр привлек Леонида к суду и уговорил Клеомброта, который тоже был из рода Агидов, заявить о своих притязаниях на престол. Леонид укрылся в храме Афины Меднодомной вместе с Хилонидой, оставившей Клеомброта. Он получил вызов в суд, но не вышел из храма, и тогда спартанцы передали царство Клеомброту.

Во время своего короткого правления Клеомброт поддержал все начинания Агиса, благодаря чему тот провел отмену долгов. Но в 241 г. до Р.Х. Леонид вернулся на царствование, и Клеомброту пришлось искать убежище в святилище Посейдона Его, конечно, ждала верная смерть, но Хилонида своими мольбами смягчила сердце отца, и тот отправил зятя в изгнание (Плутарх: «Агис»; 11, 16-17).

КЛЕОМЕН I

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 520-491 гг. до Р.Х. Сын Анаксандрида.

Клеомен, по рассказам, был несколько слабоумен и имел склонность к помешательству. До-рией, его младший брат от второй жены Анаксандрида, напротив, всегда первенствовал среди сверстников и прекрасно понимал, что по доблести престол должен принадлежать ему. Поэтому после возведения на трон Клеомена он разгневался, отправился с колонистами на Сицилию, был здесь убит карфагенянами.

Клеомен же, став царем, спросил оракул и в ответ получил изречение, что завоюет Аргос. Тогда он начал войну с агривянами и на кораблях переправился в Тирин-фскую землю к Навплию. При вести о его высадке аргосцы выступили с войском к морю. Они расположились станом близ Тиринфа на небольшом расстоянии от врага. Открытого сражения аргосцы не боялись, опасаясь только, как бы их коварно не застали врасплох. Ибо об этом предупреждало одно из изречений оракула. Чтобы избежать этого, аргосцы решили подражать действиям глашатая врагов. Когда глашатай спартанцев что-нибудь объявлял лакедемонянам, то и глашатай аргосцев повторял его слова.

Клеомен заметил, что аргосцы делают все, что объявляет его глашатай, и приказал воинам по знаку глашатая к завтраку взяться за оружие и идти в атаку на аргосцев. Так лакедемоняне и поступили. Когда аргосцы по знаку глашатая приступили к завтраку, лакедемоняне напали на них и многих перебили. Многих аргосцев, нашедших убежище в святилище Аргоса, царь велел сжечь вместе с рощей и храмом. Когда роща уже загорелась, Клеомен спросил одного из перебежчиков: какому богу она посвящена. Тот сказал, что это роща Аргоса. Услышав такой ответ, Клеомен с глубоким вздохом сказал: «О прорицатель Аполлон! Сколь жестоко ты обманул меня твоим изречением, что я завоюю Аргос! Я полагаю, что пророчество это теперь исполнилось». После этого Клеомен прекратил войну и возвратился в Спарту. Враги привлекли его к суду, утверждая, что царь дал себя подкупить и по-тому-де не взял Аргоса, который можно было захватить. В свою защиту Клеомен объявил: после взятия святилища Аргоса он решил, что предсказание бога сбылось. Его речь показалась спартанцам убедительной, и он был оправдан значительным большинством голосов (Геродот: 6; 73-83).

В 510 г. до Р.Х. обстоятельства заставили Клеомена вмешаться в афинские события. Клисфен, вождь демократической партии в Афинах, не видя возможности свергнуть тиранию

Писистратидов своими силами, прибег для этого к хитроумному способу. Во время пребывания в Дельфах он подкупил пифию, чтобы она всякий раз, как спартанцы будут вопрошать оракул, по частному ли делу или от имени государства, извещала им волю божества - освободить Афины. Получая постоянно одно и то же изречение, лакедемоняне, наконец, отправили войско сначала с Анхимолием, а потом и с самим Клеоменом изгнать Писистратидов из Афин, хотя и находились с ними в самой тесной дружбе. Ведь они считали веление божества важнее долга к смертным. Прибыв в Аттику, Клеомен, прежде всего, обратил в бегство фессалийцев, союзников Писистратидов, а потом стал осаждать тиранов, запершихся в крепости. Через несколько дней Писистратиды сдали крепость и покинули Аттику. Таким образом, Клеомен способствовал установлению демократии в Афинах (Геродот: 5; 74- 77).

В 499 г. до Р.Х., после начала Ионийского восстания, Аристагор, вдохновитель выступления против персов, прибыл в Спарту, чтобы найти здесь поддержку. Но когда Клеомен узнал, что от побережья до царской столицы надо добираться три месяца, он сказал: «Друг из Милета! Покинь Спарту до захода солнца! Ты хочешь завести лакедемонян в землю на расстоянии трехмесячного пути от моря: это совершенно неприемлемое условие для них». Таким образом, спартанцы не помогли ионянам.

Вскоре после этого, в 491 г. до Р.Х., Клеомен окончательно рассорился со своим соправителем Демаратом. Когда Клеомен отплыл на Эгину, чтобы наказать там сторонников персов, Демарат принялся клеветать на Клеомена. Тогда Клеомен вступил в сговор с Левтихидом, которого пообещал сделать царем. Левтихид обвинил Демарата в том, что он не сын царя Аристона. Спор перенесли в Дельфы, и благодаря проискам Клеомена пифия подтвердила, что Демарат не сын Аристона. Когда обнаружили его козни, Клеомен в страхе перед спартанцами бежал в Фессалию. По прибытии оттуда в Аркадию он поднял там мятеж, возбудив аркадцев против Спарты. Узнав об этих происках Клеомена лакедемоняне устремились и возвратили его в Спарту, где он стал, как и прежде, царем. Тотчас по возвращении его поразил недуг, именно безумие (впрочем, Клеомен уже и раньше был не в своем уме): так первому встречному в Спарте царь тыкал своей палкой в лицо. За такие безумные поступки родственники наложили на Клеомена ножные колодки. Уже связанный, Клеомен увидел, что остался наедине со стражем, и потребовал нож. Страж сначала не хотел давать нож, но царь стал грозить, что заставит его потом поплатиться за непослушание, и тот в страхе от угроз (это был илот) дал ему нож. Схватив это железное орудие, царь принялся увечить свое тело, начиная от голеней. Он изрезал мясо на теле на полосы: от голеней и от ляжек до бедер и паха. Дойдя до живота, Клеомен и его изрезал на полосы и таким образом скончался (Геродот: 6; 74-75). Так как он умер, не оставив мужского потомства, после него на престол вступил его младший брат Леонид I (Геродот: 7; 205).

КЛЕОМЕН II

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 370-309 гг. до Р.Х. Сын Клеомброта I.

КЛЕОМЕН III

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 235-221 гг. до Р.Х. Род. ок. 260 г. до Р.Х. Умер 219 г. до Р.Х. Сын Леонида II.

После казни Агиса IV, Леонид II увел его жену Агиаду из дома убитого вместе с новорожденным ребенком и выдал ее за своего сына Клеомена. Правда, Клеомену не пришла еще пора жениться, однако отдать ее другому Леонид не хотел: она должна была унаследовать благосостояние своего отца Гилиппа, по красоте же не знала себе равных среди гречанок, обладая, вдобавок, нравом кротким и добрым. Как передают, она молила избавить ее от этого насильственного брака, но все напрасно. Соединившись с Клеоменом, она сохранила ненависть к Леониду, но женой была замечательной, горячо привязанной к молодому мужу, который с первого же дня страстно ее полюбил и даже относился с сочувствием к ее полным нежности воспоминаниям об Агисе, нередко расспрашивал обо всем происшедшем и внимательно слушал

рассказы Агиады о намерениях и образе мыслей ее первого супруга.

Клеомен был и честолюбив, и благороден, и не менее Агиса силен по натуре, воздержанности и простоте, но мягкости и крайней осторожности Агиса в нем не было - напротив, в душе его как бы сидело острое, подавлявшее волю, и он неудержимо рвался к цели, которая однажды представилась ему прекрасной.

Тогдашнее положение города ничуть не радовало: горожане вконец изнежились от праздности и забав, царь ко всему относился с полным равнодушием - лишь бы никто не мешал ему жить в богатстве и роскоши, государственные же дела были в пренебрежении, ибо каждый думал лишь о собственной выгоде. О скромности и регулярных упражнениях молодежи, о выдержке и равенстве - обо всем этом теперь, после гибели Агиса, небезопасно было даже вспоминать.

Когда после смерти Леонида Клеомен вступил на царство, он убедился, что государство вконец обессилено, - богачи, поглощенные заботой о собственных удовольствиях и наживе, пренебрегали общественными делами, а народ, страдая от нужды, неохотно шел на войну, и даже не обременял себя воспитанием детей, а сам он царствовал только по названию, поскольку власть целиком принадлежит эфорам. Клеомен немедленно проникся решимостью все это переменить. Он считал, что переворот легче произвести во время войны, чем в мирную пору, а потому столкнул Спарту с ахейцами, поведение которых неоднократно давало повод для жалоб и упреков. Арат, наиболее сильный и деятельный человек среди ахейцев, с самого начала думал соединить всех пелопоннесцев в один союз, поскольку полагал, что только тогда Пелопоннес станет неприступным для врагов извне. Почти все города уже были в числе союзников, оставался только Лакедемон, Элида, да часть аркадян, находившихся в зависимости от Спарты, и сразу после смерти Леонида Арат принялся тревожить аркадян, разоряя главным образом земли, пограничные с ахейскими - он хотел поглядеть, как ответят на это лакедемоняне, и вместе с тем выказать пренебрежение к молодому и неискушенному в войне Клеомену. Арат, однако, сильно ошибся в этом юноше. В 227 г. до Р.Х. Клеомен разбил ахейцев при Ликее. В ответ Арат взял Мантинию. Лакедемоняне пали духом и стали требовать, чтобы Клеомен прекратил войну. Но он все же отправился в поход и нанес ахейцам новое поражение у Мегалополя.

После этой победы Клеомен возгордился уже не на шутку и, в твердой уверенности, что легко одолеет ахейцев, если поведет войну по собственному усмотрению, стал убеждать своего отчима Ме-гистоней, что пора избавиться от эфоров, сделать могущество граждан общим достоянием и с помощью равенства возродить Спарту, вернуть ей верховное владычество над Грецией. Мегистоней согласился с ним, и царь склонил на свою сторону еще двух или трех друзей. Затем, отправившись в новый поход в Аркадию, Клеомен оставил войско под Мантинией, а сам с наемниками двинулся к Спарте. Вперед себя он послал трех мофа-ков - товарищей детства, и они, внезапно напав на эфоров в трапезной, убили четверых из них.

Наутро Клеомен объявил имена восьмидесяти граждан, которым надлежало покинуть Спарту, и распорядился убрать все кресла эфоров, кроме одного, где намерен был сидеть, занимаясь делами, он сам. Затем он созвал собрание и постарался оправдать перед народом свои действия. При этом Клеомен ссылаясь на древние законы Ликурга, в которых ничего не говорилось об эфорах, обещал совершить передел земли и пополнить число граждан за счет иноземцев, чтобы усилить войско. После этой речи Клеомен первым делом отдал свое состояние в общее пользование; вслед за царем то же самое сделал его отчим Мегистоней и каждый из друзей, а затем остальные граждане. Земля была переделана заново. Клеомен отвел наделы и каждому изгнаннику, пообещав вернуть всех до последнего, когда в государстве восстановится спокойствие. Пополнив число граждан самыми достойными из перизков, он создал четырехтысячный отряд тяжелой пехоты, научил этих воинов биться вместо копья сариссой, держа ее обеими руками.

Затем он обратился к воспитанию, и в скором времени мальчики и юноши усвоили надлежащий порядок телесных упражнений и общих трапез, причем насилие оказалось потребным лишь в немногих случаях, большинство же быстро и охотно свыклось с простым, истинно лаконским образом жизни. Затем, чтобы избежать обвинения в «единовластии», Клеомен отдал второй престол своему брату Эвклиду.

Клеомен старался быть во всем наставником для своих подданных. Он одевался очень просто, начисто лишен был чванства и высокомерия. Со всеми, кто имел к нему дело, он разговаривал мягко и приветливо. За обедом он был приятным собеседником, а шутки его отличались мягкостью и точностью. Обаяние Клеомена в немалой степени способствовало его политическим успехам. Первыми, кто обратился к нему за помощью, стали в 226 г. до Р.Х. мантинейцы. Ночью они незаметно открыли ему ворота и, прогнав с его помощью ахейский караульный отряд, отдались под власть Спарты. Клеомен вернул им их прежние законы и государственное устройство.

В 225 г. до Р.Х. Клеомен вторгся в самую Ахайю и разбил ахейцев под Гекатомбеей. Ахейцы были настолько удручены неудачами, что готовы были признать над собой главенство Спарты. К несчастью, Клеомен заболел и не смог прибыть на союзное собрание в Лерну. И тогда дело эллинского объединения погублено было Аратом. В самом деле, Арат не мог примириться с тем, что в деле, которому он посвятил всю свою жизнь, все лавры заберет себе молодой Клеомен. Поэтому он решился на шаг в высшей мере сомнительный и двусмысленный: чтобы смирить спартанцев, он решил пригласить на помощь македонцев, от власти которых он прежде освободил Пелопоннес. Он завязал переговоры с Антигоном III Досоном, и когда ахейцы снова сошлись на собрание, готовые, как уже говорилось, признать Клеомена главою нового союза, Арат стал требовать у Клеомена 300 заложников. Клеомен, оскорбленный недоверием, прервал переговоры и отправил к ахейцам вестника с объявлением войны. Короткое время спустя он захватил Пеллену, Фенест и Пантелию, а в следующем году овладел Аргосом. Случилось это во время Немейских игр, когда в Аргосе собралось множество народа. Лакедемоняне ночью подступили к городским стенам и захватили Аспиду - неприступную позицию на круче над самым театром. Ахейцы пришли в такой ужас, что никто не подумал о защите, - напротив, граждане беспрекословно приняли спартанский отряд, выдали 20 заложников и стали союзниками лакедемонян, предоставив верховное главенство Клеомену.

Эта удача немало прибавила к славе и силе Клеомена. Все дивились его проворству и глубокой проницательности, и те, кто прежде посмеивался над ним, теперь были твердо убеждены, что спартанцы ему одному обязаны переменою, которая с ними свершилась. Ведь до него они влачили жалкое существование и совершенно не способны были защитить себя.

Сразу после взятия Аргоса к Клеомену присоединились Клеоны и Флиун, а жители Коринфа едва не схватили Арата, чтобы выдать его лакедемонянам. Арату удалось бежать, а Клеомен в 223 г. до Р.Х. вступил в Коринф, заняв по пути Трезену, Эпидавр и Гермению. Но в Акрокоринфе оставался ахейский гарнизон. Не надеясь более удержать эту важную крепость за собой, Арат убедил союзников впустить внутрь македонский караульный отряд.

Антигон III давно уже с беспокойством смотрел, как возрастает могущество лакедемонян, и не заставил себя долго ждать. С большим войском он явился в Греции. Клеомен хотел встретить македонцев на склоне Ония, где позиция не позволяла врагу использовать фалангу. Антигон оказался в очень затруднительном положении, но, к счастью, для него в тылу у Клеомена восстали аргосцы (недовольные тем, что Клеомен не отменил долгов). Клеомен встревожился, так как враги, овладев Аргосом, могли отрезать ему путь назад, а сами беспрепятственно вторгнуться в Лаконику, и увел свое войско от Коринфа. Антигон немедленно вступил в Коринф и поставил здесь караульный отряд.

Клеомен подступил к Аргосу и почти уже взял город, но, завидев войско Антигона, которое также спешило к городу, вынужден был очистить Арголиду. После того как македонцы вступили в Пелопоннес, большая часть союзников оставила лакедемонян.

К довершению несчастий, царю сообщили о смерти его супруги, которую он горячо и страстно любил. Тревожное положение дел не позволило Клеомену отдалиться своей скорби. Антигон овладел Аркадией и готовился вторгнуться в пределы Лаконики. Клеомен объявил, что освободит всех илотов, которые внесут за себя пять мин выкупа. Таких набралось 6000 человек. На собранные таким образом 500 талантов Клеомен вооружил 2000 гоплитов и в 222 г. до Р.Х. внезапно напал на Мегалополь. Жители его бежали в Мессению. Клеомен предлагал гражданам вернуть их город обратно при условии, что они выйдут из ахейского союза. Но мегалопольцы в этот трудный момент сохранили верность ахейцам и ответили отказом. Когда об этом донесли Клеомену, он в ярости велел разрушить все, что возможно, и отступил обратно

в Спарту. Зимой он напал на Арголиду и разорил ее, несмотря на то, что сам Антигон находился в Аргосе.

Но несмотря на все эти дерзкие предприятия, общий ход войны был неудачен для Клеомена. Лишившись всех союзников, он начал испытывать жестокую нужду в деньгах, так что едва уже способен был платить жалованье наемникам и давать содержание гражданам. В этих обстоятельствах он все надежды должен был возложить на удачу в бою и принужден был решиться на генеральное сражение (Плутарх: «Клеомен»; 1-27). Не без основания предполагая, что Антигон вторгнется в Лаконику у Се-лассии, он расположил здесь все свое войско. Осмотрев позицию, Клеомен постарался по возможности укрепить ее. Дорога на Спарту шла между двух холмов Эвои и Олимпа. Клеомен велел оградить оба холма рвами и валами. На Эвое выстроены были периеки и союзники. Начальником над ними был второй царь Эвклид. Сам Клеомен с лакедемонянами и наемниками занял Олимп. На равнине вдоль реки Ойунта по обе стороны дороги он поставил конницу с небольшим отрядом наемников. Начав наступление по всему фронту, Антигон сравнительно быстро овладел Евоей. Вслед за тем ахейская конница стала теснить конницу лакедемонян на равнине. Клеомен оказался перед угрозой окружения и вынужден был скрыть передовые укрепления и повести свое войско прямо против неприятеля. Антигон, имевший значительный численный перевес, выстроил своих воинов в двойную фалангу. Благодаря этому македонцы оказались победителями в жестоком бою (Полибий: 2; 65-69). Передают, что наемников погибло очень много, а спартанцы пали почти все - из 6000 уцелело лишь 200 человек.

Добравшись до города Спарты, Клеомен дал совет гражданам, которые вышли ему навстречу, открыть ворота Антигону. Затем он пошел к себе домой. Когда молодая рабыня, с которой он жил после смерти жены, подошла и хотела за ним поухаживать, он отказался от воды. Не снимая панциря, он некоторое время размышлял о том, что делать дальше, а затем вместе с друзьями отправился в Гифий. Там они сели на корабли, заранее приготовленные на этот случай, и вышли в море.

Из Киферы Клеомен отправился на Эгилию, а оттуда приплыл в Африку. Царские посланцы доставили его в Александрию. При первом свидании Птолемей III встретил его любезно, но сдержанно, как всякого другого; когда же он дал убедительные доказательства своего ума, обнаружил себя человеком рассудительным, способным в повседневном общении соединить спартанскую простоту с благородной учтивостью, когда он, ни в чем не роняя высокого своего достоинства, не склоняясь перед судьбой, очень скоро стал внушать большее доверие к себе, чем угодливо поддакивающие льстецы, Птолемей от души раскаялся, что бросил его в беде и отдал в жертву Антигону, стяжавшему своей победой и громкую славу, и грозное могущество. Почестями и лаской стараясь ободрить Клеомена, Птолемей обещал снабдить его деньгами и судами и отправить в Грецию, где он смог бы вернуть себе царство. Он назначил Клеомену и содержание по 24 таланта в год. Однако царь с друзьями жил очень просто и воздержанно и основную часть этих денег тратил на щедрую помощь тем, кто бежал из Греции в Египет.

Но старый Птолемей умер, не успев исполнить своего обещания и послать Клеомена в Грецию. Новое царствование началось с беспробудного пьянства, разврата и владычества женщин, так что о Клеомене забыли. Сам молодой Птолемей IV был до такой степени испорчен распутством и вином, что в часы величайшей трезвости и особенно серьезного расположения духа справлял таинства и с там-паном в руке обходил дворец, собирая подаяния для богини, а делами первостепенной важности заправляла царская любовница Агафоклея и ее мать Энанта, содержательница притона. Вначале, впрочем, казалось, что какая-то нужда в Клеомене есть: боясь своего брата Мага, который благодаря матери пользовался сильной поддержкой войска, и замышляя его убить, Птолемей хотел опереться на Клеомена и пригласил его на свои тайные совещания. Все остальные убеждали царя исполнить свой замысел, и только Клеомен отговаривал его, сказав, что скорее, если бы только это было возможно, следовало бы возрастить для царя побольше братьев - ради надежности и прочности власти. Сосибий, самый влиятельный из друзей царя, возразил, что, пока Маг жив, им нельзя полагаться на наемников, но Клеомен уверял, что об этом тревожиться нечего; ведь среди наемных солдат больше трех тысяч - пелопоннесцы, которые ему вполне преданы, и, стоит ему только кивнуть, немедленно

явятся с оружием в руках. Эти слова создали тогда и твердую веру в доброжелательство Клеомена, и высокое мнение об его силе, но впоследствии, когда Птолемей, сознавая свою беспомощность, сделался еще трусливее, придворные стали взирать на Клеомена со страхом, вспоминая о его влиянии среди наемников, и часто можно было услышать, что это, дескать, лев, поселившийся среди овец.

Клеомен уже отказался от надежды получить суда и войско. Но вскоре он узнал, что Антигон умер, что ахейцы начали войну с этолийцами и что обстоятельства требуют его возвращения, ибо весь Пелопоннес охвачен волнениями и раздором. Антигон стал просить отправить его одного с друзьями, но никто не откликнулся на его просьбы. Царь вообще не принял его и не выслушал - отдавал все свое время женщинам, попойкам и празднествам, а Сосибий, ведавший и распоряжавшийся всем, считал, что Клеомен, если его удерживать против воли, будет в своей строптивости опасен, но не решался и отпустить этого человека, такого дерзкого и предприимчивого, в особенности, после того, как он собственными глазами видел все язвы египетского царства.

Сосибий внушил царю, что Клеомен хочет поднять в Александрии мятеж наемников, и Птолемей распорядился, не лишая Клеомена прежнего содержания, поместить его в просторном доме и никуда оттуда не выпускать.

Будущее стало внушать Клеомену опасения. Прекрасно зная характер Птолемея, он стал бояться за свою жизнь. Обсудив с друзьями сложившееся положение, Клеомен решил бежать, с тем чтобы поднять в Александрии восстание. Выждав, когда Птолемей уехал в Каноб, спартанцы распустили молву между стражниками, будто царь даст им вскоре свободу. По этому случаю Клеомен послал им мяса и вина. Ничего не подозревая, стражники наслаждались яствами и вином, а когда они опьянели, Клеомен в сопровождении друзей и слуг вышел из заключения. Призывая к восстанию, спартанцы стали бродить по улицам города, но никто не захотел присоединиться к ним, и все бежали в страхе. Мятежники бросились к крепости, намереваясь открыть тюрьму и взбунтовать заключенных, но часовые успели надежно закрыть и загородить все входы. Потерпев неудачу и в этой попытке, Клеомен сказал: «Что удивительного, если мужчинами, которые бегут от свободы, правят женщины?», и призвал всех умереть, не посрамивши своего царя и былых подвигов. После этого все спартанцы, начиная с царя, пронзили себя мечами (Плутарх: «Клеомен»; 34-38).

КЛЕОПАТРА VII

Египетская царица из рода Птолемеев, правившая в 44-30 гг. до Р.Х. Дочь Птолемея XII Род. ок 69 г. до Р.Х. Умер 30 г. до Р.Х.

После смерти Птолемея XII остались двое сыновей и две дочери. Старшей была Клеопатра. Александрийцы провозгласили царями старшего из мальчиков, Птолемея XIII, и Клеопатру; однако сторонники мальчика подняли восстание и изгнали Клеопатру. Вместе с сестрой Арсиной она отплыла в Сирию (Страбон: 17; 1; 11). Когда Цезарь в 48 г. до Р.Х. прибыл в Александрию, он тайно вызвал Клеопатру из изгнания.

Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его (Плутарх: «Цезарь»; 48). Едва услышав ее голос, он мгновенно был покорен ею, и если прежде он намеревался быть судьей над Клеопатрой, то теперь стал ее защитником. Ибо она была прекраснейшей из женщин и находилась тогда в самом расцвете красоты. У нее был чудеснейший голос, и благодаря своему обаянию она умела разговаривать со всяким. Видеть и слышать ее было великое наслаждение, поэтому она и могла покорить любого: и человека хладнокровного, и немолодого (Дион: 42; 34-36). Позже между Цезарем и Птолемеем началась война, в которой Птолемей погиб. Во все время войны Клеопатра сохраняла верность Цезарю и находилась в его ставке. Одержав победу, Цезарь возвел Клеопатру на престол, а в соправители ей дал младшего брата Птолемея XIV («Александрийская война»; 33). То ли из политического расчета, то ли

действительно попав под обаяние его личности, Клеопатра сделалась любовницей Цезаря. Пишут, что уже закончив все свои дела, Цезарь отправился с Клеопатрой в путешествие вверх по Нилу и готов был проплыть весь Египет, если бы войско не отказалось за ним следовать; позже он пригласил ее в Рим и отпустил с великими почестями и богатыми дарами, признал родившегося у нее сына своим и дал ему свое имя (Светоний: «Юлий»; 52). Вообще же Клеопатра была так развратна, что, по некоторым сведениям, часто проституировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи (Виктор: «О знаменитых людях»; 86).

В разгоревшейся после смерти Цезаря гражданской войне Клеопатра из сочувствия к Цезарю помогала Долабелле и послала к нему на помощь четыре своих легиона. Разгромив Деллабелу, Кассий хотел идти войной на Египет, но был отвлечен войной с триумвирами (Аппиан: 16; 61, 63).

В 41 г. до Р.Х., уже после победы над Кассием и Брутом, Антоний, один из триумвиров, приехал в Киликию и отправил гонца к Клеопатре с приказом явиться к нему и дать ответ на обвинения, которые против нее возводились; говорили, что во время войны царица много помогала Кассию и деньгами, и иными средствами.

Клеопатра приготовила щедрые дары, взяла с собой много денег, роскошные наряды и украшения, - какие и подобало везти с собою владычице несметных богатств и благоденствующего царства, - но главные надежды возлагала на себя самое, свою прелесть и свои чары.

Прибыв в Азию, она поплыла вверх по Кидну на ладье с вызолоченной кормою, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, свист свирели и бряцание кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны ложа стояли мальчики в костюмах эротов с опахалами. Подобным же образом самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам.

Антоний послал Клеопатре приглашение к обеду. Царица просила его самого прийти к ней. Желая сразу же показать ей свою обходительность и доброжелательство, Антоний исполнил ее волю. Пышность убранства, которую он там увидел, поразила его до глубины души. На другой день Антоний принимал Клеопатру и приложил все усилия к тому, чтобы превзойти ее роскошью и изысканностью, но был побежден и в том и в другом. Угадавши в Антонии по его шуткам грубого и пошлого содафо-на, Клеопатра и сама заговорила в подобном же тоне - смело и без всяких стеснений. Ибо красота этой женщины была не той, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами - эфиопами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами и другими. Говорят, что она изучила и многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский (Плутарх: «Антоний»; 25-28).

Антоний тотчас влюбился в Клеопатру до такой степени, что потерял интерес ко всему остальному. Чего бы не требовала Клеопатра, все выполнялось неукоснительно. Так, сестру Клеопатры Ар-синою, находившуюся просительницей в Милете, в храме Артемиды, он велел убить по первой просьбе царицы (Аппиан: 17; 9).

Из Азии Клеопатра увезла Антония к себе в Александрию и продержала там всю зиму. Потом Антоний на долгое время уехал по делам, вел войны и даже женился на сестре Августа Октавии. Но память о Клеопатре неизменно влекла его к этой женщине. Наконец, будучи в 37 г. до Р.Х. в Сирии, Антоний не выдержал. Он вызвал царицу в Антиохию и женился на ней. К ее владениям он прибавил Финикию, Келесирию, Кипр, значительную часть Киликии, а кроме того, рождающую бальзам область Иудеи и ту половину Набатейской Аравии, что обращена к Внешнему морю. Александру, своему сыну от Клеопатры, он назначил Армению, Мидию и

Парфию (Плутарх: «Антоний»; 36, 54).

По свидетельству Флавия, Клеопатра вполне воспользовалась своей властью. Провожая Антония в поход в Армению, она не стеснялась грабить храмы и гробницы и не было такого священного места, которого она не лишила бы его украшений, не было алтаря, с которого она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбие. Ничего не удовлетворяло эту падкую до роскоши и корыстолюбивую женщину. Проводив Антония до Евфрата, Клеопатра на обратном пути заехала в Иудею. Здесь она остановилась у царя Ирода и достаточно долго прожила у него. То ли побуждаемая коварными замыслами, а может быть, охваченная чувством искренней любви, Клеопатра пыталась интимно сблизиться с Иродом. Но последний и раньше не был расположен к Клеопатре, а теперь стал еще более ненавидеть ее за такое бесстыдство. Одно время он даже всерьез думал убить ее, но потом, опасаясь Антония, отказался от этой мысли. Так и не добившись взаимности, Клеопатра уехала в Египет (Флавий: «Иудейские древности»; 15; 4; 1-2).

В 32 г. до Р.Х. Антоний развелся с Октавией и стал готовиться к войне с Августом. Клеопатра настояла на том, чтобы исход войны был решен в морском сражении, и отдала Антонию весь египетский флот. Но в решительной битве у мыса Актий в Греции египетские корабли, возглавляемые Клеопатрой, первыми обратились в бегство. Увидев это, Антоний потерял голову, бросил сражающихся за него людей и бежал вслед за Клеопатрой. Клеопатра приняла его на корабль и три дня не показывалась Антонию на глаза; наконец женщины из свиты царицы свели их для разговора, а потом убедили разделить стол и постель.

Таким образом Антоний потерял в битве при Актии весь свой флот, а легионы его сдались Августу. Август двинулся на Египет. Клеопатра задумала переправить оставшиеся у нее корабли в Красное море, нагрузить их сокровищами и с войсками выйти в Аравийский залив, чтобы, спасшись от рабства и войны, искать нового отечества в дальних краях. Но первые же суда сожгли на суше, во время перевозки, петрейские арабы, а потом Антоний отговорил ее от этой затеи. Вдвоем они предались пирам и развлечениям, а вместе с ними много дней подряд вся Александрия пьянствовала, гуляла и веселилась. Сложился кружок друзей, который называли «союзом смертников», так как все они готовы были покончить с собой, лишь бы не даваться живыми в руки Августа. Увлечшись этой мыслью, Клеопатра собирала всевозможные смертоносные зелья и, желая узнать, насколько безболезненно каждое из них, испытывала на преступниках, содержащихся под стражей в ожидании казни. Затем она стала делать опыты с ядовитыми животными и этим тоже занималась изо дня в день и, наконец, пришла к выводу, что только укусы аспиды вызывает наиболее легкую и безболезненную смерть подобную сну.

Когда в 30 г. до Р.Х. римляне вступили в Египет, Клеопатра велела перенести свои сокровища в царскую усыпальницу близ храма Иси-ды. Там же было приготовлено много горючего материала. Антоний дал сражение под Александрией, однако большая часть войска изменила ему. Узнав об этом, Клеопатра укрылась в усыпальнице, Антонию же велела передать, что покончила с собой. Он поверил и, не видя больше путей для борьбы, попытался заколоться. Рана оказалась неглубокой, он долго мучился и уже умирающий услышал, что Клеопатра жива и прячется в усыпальнице. Он велел отнести себя к ней и тут в ее объятиях испустил дух.

Сама царица долго колебалась, как ей поступить. Она уже готова была умереть, но не теряла надежды и на примирение с римлянами, коль скоро Антония больше нет. Посланцы Августа завели с ней переговоры, отвлекли ее внимание и неожиданно захватили. Август велел после этого тщательно следить за царицей, а немногими днями позже сам навестил ее и старался ободрить. Но Клеопатре сообщили, что ее, как пленницу, должны будут провести по Риму во время триумфа Августа. Узнав это, она больше не колебалась и твердо решила покончить с собой. Говорят, что перед смертью она искупалась и облачилась в лучшие одежды. Во время завтрака ей принесли корзину со смоквами. Под ягодами в ней скрывался аспид. Клеопатра обнажила руку и приложила к ней змею.

Когда римляне почуяли неладное и ворвались в комнату царицы, она уже лежала мертвая на своем ложе. Обе ее служанки умерли вместе с ней. Так умерла Клеопатра, последняя царица Египта. Ей было 39 лет; двадцать два из них она занимала царский престол. Август велел похоронить Клеопатру в ее гробнице и дал деньги на то, чтобы ее достроить. Египет был

обращен в провинцию и присоединен к Риму (Плутарх: «Антоний»; 66, 67, 69, 71, 76, 77-79, 83, 85-87).

КОММОД, Луций Аврелий Антонин

Римский император из династии Антонинов, правивший в 180-192 гг. Сын Марка Аврелия. Род. 31 авг. 161 г. Умер 31 дек. 192 г.

Император Марк Аврелий, который был одним из самых ученых людей своего времени, с детства постарался преподать Коммоду свои нравственные правила и правила великих и выдающихся мужей. Его учили и литературе, и риторике, и философии, но никакой пользы эти занятия ему не принесли из-за дурных задатков, которые рано проявились у Коммода. Едва ли не с самого детства он отличался постыдным поведением, был бесчестен, жесток, развратен. Искуснее всего он был в тех занятиях, которые не соответствовали положению императора: лепил чаши, танцевал, пел, свистел, наконец, проявлял способности превосходного шута и гладиатора. Признаки жестокости обнаружил он на двенадцатом году жизни. Однажды, когда его мыли в слишком теплой воде, он велел бросить банщика в печь. Тогда дядька его, которому приказано было это сделать, сжег в печи баранью шкуру, дабы зловонным запахом гари доказать, что наказание приведено в исполнение.

В 175 г., в дни восстания Авидия Кассия, Коммод сопровождал отца в его поездке в Египет и Сирию. После этого, в 176 г., он был провозглашен императором, а в следующем году, в нарушение закона о возрасте, получил первое консульство. Уже тогда благодаря мягкости отца он устраивал в Па-латинском дворце попойки и кутежи, собирал у себя женщин, отличавшихся красивой наружностью, как каких-нибудь рабынь-проституток, и, издеваясь над стыдливостью, устраил у себя лупанарий. Он завел у себя также упряжку коней для колесницы и, нарядившись возницей, правил колесницами и пировал с гладиаторами. Стараясь смягчить его нрав, Марк Аврелий взял сына на войну с германцами. Но вскоре император заразился чумой и умер, оставив Коммода своим наследником. Тогда Коммод немедленно прекратил войну, которую отец его почти что закончил; требования одних врагов он принял, дружбу других купил деньгами и поспешил после этого в Рим (Лампридий: «Коммод Антонин»-; 1-3).

Народ в столице встречал его с радостью и ликованием, ведь помимо молодости он имел привлекательную наружность. Взор у него был ласковым и огненным, волосы от природы белокурыми и вьющимися, так что, когда он шел, освещенный солнцем, то многим казался почти что божеством.

В течение некоторого времени Коммод оказывал всяческий почет отцовским друзьям и во всех делах пользовался их советами. Но потом он поставил во главе преторианцев Перенниса, родом италийца, который, злоупотребляя возрастом юноши, совершенно развратил его и отвалил от подобающих государю забот (Геродиан: 1; 7-8). Охотно поддавшись его влиянию, Коммод стал безумствовать во дворце на пирах и в банях вместе с тремястами наложниц, которых он набрал из матрон и блудниц по признаку красоты, а также с тремястами взрослых развратников, которых он собрал из простого народа и из знати, насильно и за деньги, причем дело также решала красота. Он сражался на арене среди своих спальников как гладиатор, пользуясь тупыми рапирами, а иногда и отточенными мечами. Иногда он приказывал осквернять у себя на глазах даже своих наложниц. Он дошел до такого позора, что сам отдавался молодым людям, и все без исключения части тела, даже уста, были осквернены сношениями с людьми обоего пола. У него были любимцы, именами которых служили названия срамных частей мужского и женского тела; им он особенно охотно раздавал свои поцелуи. Он держал также у себя одного человека, у которого был необыкновенных размеров мужской орган; этого человека он называл своим ослом и очень дорожил им. Коммод сделал его богатым и поставил во главе жрецов сельского Геркулеса. В бане он мылся по семи и восьми раз в день и в бане же принимал пищу. Даже шутки его были под стать необузданному характеру. Часто в дорогие кушанья он подмешивал человеческий кал и таким образом смеялся над гостями. Префекту претории Юлиану он приказал плясать голым с измазанным лицом перед своими наложницами и бить в кимвалы (Лампридий: «Коммод Антонин»; 5, 10, 11). Между тем, позволив Коммоду заниматься удовольствиями и попойками, Переннис

постепенно приобрел такую силу, что все управление государством оказалось у него в руках. Влияние свое он всецело использовал в корыстных целях и первым делом начал клеветать на самых достойных из друзей и сподвижников Марка Аврелия. Успеху его козней много способствовал и заговор против императора, раскрытый как раз в это время (Геродиан: 1; 8). Во главе заговорщиков стояла сестра прин-цепса Луцилла, а убить Коммоду должен был близкий к нему человек, Клавдий Помпеян. Но войдя к Коммоду с обнаженным мечом и имея возможность действовать, он выкрикнул: «Этот кинжал посылает тебе сенат». Этим он только выдал существование замысла, но не выполнил дела, так как был в ту же минуту обезоружен (Лампридий: «Коммод Антонин»; 4). Это покушение стало первой и главной причиной ненависти юноши к сенату; сказанное ранило его душу, и он стал считать всех сенаторов врагами, постоянно помня о речи напавшего на него. Коммод беспощадно казнил всех, кто состоял в заговоре, а также и многих попавших под подозрение (Геродиан: 1; 8).

Луциллу он сначала отправил на Капри, а потом велел умертвить. Впрочем, Переннис ненадолго пережил своих врагов. Вскоре он был обвинен в подготовке покушения на жизнь императора и казнен вместе со своим сыном. С кончиной обоих вскрылись многочисленные злоупотребления, творимые ими якобы волей императора. Коммод отменил многие распоряжения своего прежнего фаворита и даже объявил о своем намерении лично заняться государственными делами. Но в таком настроении он пробыл не более месяца, а потом все пошло по-старому. Место Перенниса занял вольноотпущенник Клеандр (Лампридий: «Коммод Антонин»; 4, 6). Он достиг такой чести и могущества, что ему были доверены личная охрана, заведование опочивальней государя и командование войсками (Геродиан: I; 12). Произволу этого временщика не было никаких границ. По его усмотрению даже вольноотпущенников выбирали в сенат и причисляли к патрициям. Тогда впервые в один год было двадцать пять консулов, и все провинции были проданы. Клеандр продавал за деньги все: возвращенных из изгнания удостаивал почетных должностей, отменял решение суда. Все, кто пытался раскрыть Коммоду глаза на злоупотребления Клеандра, немедленно подвергались опале. Коммод велел казнить даже мужа своей сестры Бирра, причем вместе с ним было умерщвлено много других лиц, защищавших его. Среди жертв оказался также префект претория Эбуниан. Вместо него Клеандр сам стал префектом (Лампридий: «Коммод Антонин»; 6). Но и этого само-властца в конце концов постигла расплата. В 189 г. Клеандр скупил в огромном количестве хлеб и держал его под замком, чем вызвал голод в столице. Коммод тем временем настолько отошел от дел государства, что ничего об этом не знал. Когда же толпа народа двинулась к его дворцу, чтобы принести жалобу на Клеандра, на нее были пушены войска. В результате на улицах города разыгралось настоящее сражение между разъяренной чернью и всадниками. Только тогда Коммоду осмелились донести о происходящем, и он распорядился немедленно казнить Клеандра. Когда голову ненавистного вольноотпущенника показали римлянам, волнения улеглись сами собой (Геродиан: 1; 12-13). Тогда же были убиты и другие придворные вольноотпущенники, ставленники Клеандра. Между прочим выяснилось и то, что Клеандр вступал в связь с наложницами Коммоды и имел от них детей, которые после его гибели были убиты вместе со своими матерями (Лампридий: «Коммод Антонин»; 7). Испытав столь великие опасности, Коммод стал относиться с недоверием ко всем, беспощадно убивая и легко веря всем наветам. В поведении своем он вскоре откинул всякий стыд и раскрыл перед римлянами всю безмерную пропасть своей разнузданности. Прежде всего, он велел именовать себя не Коммодом, но Геркулесом, сняв римское и императорское одеяние, натягивал на себя львиную шкуру и носил в руках дубину. Этой дубиной он убил несколько человек, одних в припадке гнева, других - просто в шутку (Лампридий: «Коммод Антонин»; 9). Иногда он надевал пурпурную златотканую одежду, так что стал смешным, подражая одновременно своим внешним видом и расточительству женщин, и силе героев. Изменил он и названия месяцев года, отменив древние и назвав все месяцы своими собственными названиями (Геродиан: 1; 13-14). Август стал именоваться коммодом, сентябрь - геркулесом, октябрь - непобедимым, ноябрь - преодолевающим, декабрь - амазонским. Амазонским он был назван в честь любимой наложницы императора Марции, портретом которой в виде амазонки он любовался (Лампридий: «Коммод Антонин»; 11). Он поставил и свои статуи по всему городу и даже против здания сената статую с натянутым луком - он хотел, чтобы и его изображение грозило

ужасом. Эту статую сенат после его смерти убрал и воздвиг изображение свободы. Не сдерживая себя, он опустился наконец до того, что стал обнаженным участвовать в публичных зрелищах, как простой гладиатор. Он даже пожелал переселиться из дворца в казарму гладиаторов и себя именовал уже не Геркулесом, но именем одного знаменитого, незадолго до этого скончавшегося гладиатора. Он велел отрубить голову величайшей статуи, почитаемой римлянами как изображение солнца, и поместил на ее место свою голову, подписав на основании вместо обычных императорских прозваний «победивший тысячу гладиаторов» (Геродиан: 1; 15). В самом деле, он Победил или убил столько ретиа-риев, что количество гладиаторских пальмовых ветвей доходило у него до тысячи (Лампридий: «Коммод Антонин»; 12). Впрочем, это было и не удивительно, так как все поддавались ему, думая о нем как о государе, а не как о гладиаторе (Геродиан: 1; 15). Часто он убивал своих противников под видом оборонительной битвы, в то время как у него самого было оружие, снабженное свинцовым острием. После того как он уже многих заколол таким образом, некий гладиатор по имени Сцева, полагаясь на свою смелость, физическую силу и выучку, отпугнул его от таких упражнений: он отбросил меч, признав его бесполезным и сказав, что достаточно для двоих того оружия, которым был вооружен сам Ком-мод. А тот испугался, как бы он не выхватил у него в бою кинжал - что бывает, - и отпустил Сцеву. С тех пор он стал опасаться и других борцов и обратил свою ярость против диких зверей (Виктор: «О Цезарях»; 18). Он устраивал грандиозные зрелища, дав обещание собственной рукой убить всех зверей. Молва об этом распространилась, и со всей Италии и из соседних провинций съезжались люди, чтобы посмотреть на то, чего они раньше не видали и о чем не слыхали. Толковали о меткости его руки и о том, что он бросал копьё и пускал стрелу, не зная промахов. При нем были обучавшие его чрезвычайно опытные в стрельбе из лука парфяне и лучшие метатели копья мавританцы - их всех он превосходил ловкостью. Когда же наступили дни зрелищ, амфитеатр наполнился; для Коммода была устроена ограда в виде кольца, чтобы он не подвергался опасности, сражаясь со зверями лицом к лицу; бросая копьё сверху, из безопасного места, он выказывал больше меткости, нежели мужества. Он поражал оленей и газелей и других рогатых животных, какие еще есть, кроме быков, бегая вместе с ними и преследуя их, опережая их бег и убивая их ловкими ударами; львов же и леопардов и других благородных зверей он, обегая вокруг, убивал копьем сверху. И никто не увидел ни второго дротика, ни другой раны, кроме смертоносной; как только животное выскакивало, он наносил удар в лоб или в сердце и ни разу его дротик не попадал в другую часть тела. Отовсюду для него привозили животных, и, убивая, он показал римлянам всех животных, дотоле неизвестных, из Индии и Эфиопии, из южных и северных земель. Все поражались меткости его руки. Как-то, взяв стрелы, наконечники которых имели вид полумесяца, он стал выпускать их в мавританских страусов, мчавшихся благодаря быстроте ног и изгибу крыльев с необыкновенной скоростью. Он обезглавливал их, перерезая верхнюю часть шеи; даже лишённые голов из-за стремительности стрел, они продолжали бежать вокруг, будто с ними ничего не случилось. Когда однажды леопард в своем чрезвычайно быстром беге настиг выпустившего его человека и готовился укусить его, Коммод, опередив его своим дротиком, зверя убил, а человека спас. В другой раз из подземелий была одновременно выпущена сотня львов, и он убил их всех таким же количеством дротиков - трупы их лежали долго, так что все спокойно пересчитали их и не увидели ни одного лишнего дротика (Геродиан: 1; 15). При избиении зверей он проявлял необыкновенную силу, пронзая пикой насквозь слона, прокалывая рогатиной рог дикой нумидийской козы и убивая с первого удара много тысяч громадных зверей.

Но если во всем этом он был достаточно силен, то в остальном оказывался слаб и немощен. У него была большая опухоль в паху, и римский народ замечал этот его недостаток сквозь шелковые одежды. Лень и небрежность его доходили до того, что на многих прошениях он писал одно и то же, а почти все его письма ограничивались единственной фразой: «Будь здоров». Все же остальные государственные дела делались другими с великими злоупотреблениями (Лампридий: «Коммод Антонин»; 13).

Погиб Коммод в 192 г. в результате заговора, который составили против него ближайшие к нему люди. Говорят, что поссорившись со своей любовницей Марцией, он составил список тех, кого хотел казнить той же ночью. Кроме Марции и еще нескольких известных людей, в

него внесены были Лет, префект претория, и Эклект, императорский спальник. Но случилось так, что Филокоммод, маленький мальчик, с которым император любил возиться и спать, играя, вытащил этот список из кабинета Коммода. Таким образом, он попал в руки Марции, а она показала его Лету и Эклектору. Хотя эта история и кажется не очень правдоподобной, она вполне вероятна; во всяком случае несомненно, что именно эти трое задумали умертвить принцепса и осуществили свой замысел. Когда Коммод после бани пришел к Марции, она напоила его отравленным вином. Сначала яд подействовал усыпляюще, но потом у Коммода началась сильная рвота (Геродиан: 1; 17). Заговорщики испугались, что после этого сила яда окажется недостаточной и император догадается о покушении. Тогда они подослали к нему вольноотпущенника Нарцисса, мастера натираний. Как бы занимаясь своим искусством, тот надавил Коммоду локтем на горло и таким образом задушил его (Виктор: 40 Цезарях"; 17). И сенат, и народ восприняли весть о смерти Коммода с величайшим ликованием. Было даже принято постановление бросить его труп в Тибр. Но новый император Пертинакс не разрешил такого кощунства, и тело Коммода погребли в усыпальнице Адриана (Лампридий: «Коммод Антонин»; 17).

КОМНИНЫ

Византийская императорская династия, правившая в 1057-1059 и 1081 - 1185 гг.

КОНСТАНТ I, Флавий Юлий

Римский император в 337-350 гг. Сын Константина I. Род. в 320 г. Умер 350 г.

В 333 г. Константин был провозглашен Цезарем, а после смерти отца в 337 г. стал Августом и получил в управление Иллирик, Италию, Африку, Далмацию, Фракию, Македонию и Ахайю (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 41). В 340 г., после победы над братом Константином II, Константин присоединил к своим владениям также Галлию, Британию и Испанию. По характеру он был очень необуздан и неосторожен, поддавался дурному влиянию своих слуг, был крайне жаден и пренебрегал воинами. За деньги он брал себе в заложники красивых мальчиков и ухаживал за ними, так как установлено, что он был предан пороку такого рода (Виктор: «О Цезарях»; 41). У него были слабые руки и больные суставы. В войске и среди провинциалов Константин не имел никакой популярности. И вот, когда он по своей страсти к охоте блуждал по лесам и ущельям, некоторые его военачальники, по замыслу Хрестия, Марцеллина, а также Магнеция, сговорились убить его. Когда они назначили день для свершения задуманного, Марцеллин созвал много гостей на пир будто бы в день рождения сына. Дождавшись поздней ночи, Магнеций вышел как бы по естественной нужде, но при этом надел на себя императорское одеяние. Заметив это, Константин попытался бежать, но около ближайшего к Пиринейам городка, называвшегося Еленой, был убит Гаизоном, посланным за ним в погоню с отборными солдатами (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 41).

КОНСТАНТ II

Византийский император Ираклейской династии, правивший в 641-668 гг. Сын Константина III. Род. 8 ноября 631 г. Умер 15 июля (или сентября) 668 г.

Констант (до восшествия на престол его звали Ираклием), был провозглашен императором дядей Ираклием II. Этому предшествовали бурные события: волнения в столице и мятеж в армии, поднятый Валентином Аршакуни. Вскоре после этого Ираклий II был низложен, и Константин, которому едва исполнилось десять лет, сделался единовластным императором (Феофан: 633). Первое время Валентин имел большое влияние на дела правления. Мечтая об императорской власти, он задумал обмануть синклит - потребовал звания венценосца и позволения занимать должность полководца с венцом на голове. На жителей столицы он наложил тяжелые повинности - велел содержать сначала 3000 своих воинов, а потом прибавил к ним многих других. Недовольные византийцы сошлись однажды в Софии и

жаловались на Валентина патриарху Антонию. Валентин послал воинов разогнать собравшихся. Солдаты ворвались в храм, стали избивать народ, нанесли побои самому патриарху. Едва весть об этом бесчинстве облетела столицу, горожане восстали, ворвались в дом Валентина и отрубили ему голову. Только после этого Констант вполне утвердился на царстве (Себеос: 42). В годы его правления было много войн с арабами. Хотя наступление мусульман замедлилось, они продолжали наносить империи чувствительные удары. В 642 г. пала Александрия, захватчики окончательно овладели Египтом и Киренаикой. В 649 г. арабский флот напал на Кипр и опустошил многие острова. В 652 г. патриций Пасагнатес передал арабам Армению, а в 654 г. арабы захватили Родос. В следующем году арабский флот выступил против Константинополя. Констант со своими кораблями встретил его у берегов Финикии, но в сражении римляне были побеждены. Констант едва избежал гибели и спасся бегством, переодевшись в простое платье. Впрочем, из-за возникшей в халифате междоусобицы поход на Константинополь так и не состоялся, и в 659 г. император заключил с халифом Моавией мир. Успешнее Констант вел войны со славянами, завоевавшими в предшествующую эпоху большую часть Балканского полуострова. В 658 г. он вторгся в Македонию, а затем подчинил своей власти славянские племена, расселившиеся в Греции в районе Коринфа.

Отношения с собственными подданными у Константа портились год от года. Византийцы не прощали ему необузданности и жестокости (Феофан: 633, 640, 643, 646, 649). Правление Константа было отмечено столь многочисленными казнями знатных людей, что, по словам Себеоса, в государстве не осталось ни одного мужа совета (Себеос: 45). Всеобщую ненависть Констант навлек на себя защитой монофелитства и гонениями на православное духовенство: в 652 г. Констант велел захватить и после многих издевательств сослать в Херсонес папу римского Мартина, а Максиму Исповеднику, глубокому старику, велел отрезать язык и правую руку. Многих православных он казнил мучениями, изгнаниями и лишением имений. В 663 г. император распорядился убить собственного брата Феодосия (перед этим он велел посвятить его в диаконы). Наконец, не в силах сносить сильную неприязнь, которой награждали его византийцы, Констант весной 663 г. навсегда покинул Константинополь и переселился в Сиракузы. В последующем он хотел перенести столицу в Рим и часто покушался увезти туда императрицу и трех сыновей, но Андрей, спальничий, и Федор, начальник колоний, воспрепятствовали его намерению. Констант провел в Сиракузах шесть лет и был убит в 668 г. в бане. По словам Феофана, некто Андрей, прислуживавший ему во время мытья, ударил императора шайкой по голове в ту минуту, когда тот намылил голову. Оглушенный Констант упал в воду и захлебнулся (Феофан: 651, 653, 660).

КОНСТАНТИН I ВЕЛИКИЙ, Гай Флавий Валерий

Римский император в 307-337 г. Сын Констанция I Хлора. Род. 27 февр. 272 г. Умер 22 мая 337 г.

Точное место рождения Константина неизвестно. Вероятно, он происходил из города Нэсса в Дакии. Матерью его была простая женщина по имени Елена, как гласит предание, - дочь содержателя гостиницы. Ему было около двадцати лет, когда его отец был возведен в звание Цезаря императором Диоклетианом, но при этом принужден был развестись с его матерью и жениться на Феодоре, падчерице второго Августа - Макси-миана Геркулия. Вместо того чтобы последовать за отцом на запад, Константин остался на службе у Диоклетиана (Гиббон: 14). По свидетельству Феофана, он с юности выказывал необыкновенный разум, телесные силы и большие способности к наукам. Во всех африканских войнах Диоклетиана и персидских Галерия он отличался своим мужеством (Феофан: 288, 293). Мало-помалу его возвысили до почетного звания трибуна первого разряда.

После отречения Диоклетиана в 305 г. Константин оказался в Нико-медии на положении почетного пленника (Гиббон: 14). Галерий боялся отпускать его от себя, так как знал что в случае смерти Констанция, Константин легко сможет склонить на свою сторону галльские и британские легионы. Часто он строил козни против молодого человека, но не решался предпринять чего-нибудь явно, дабы не навлечь на себя гнев граждан и ненависть воинов. Однажды император как бы в шутку и для испытания силы и ловкости Константина втолкнул

его в клетку со львом. Но Константин одолел хищника. Между тем в 306 г. тяжело больной Констанций отправил письмо Галерию и просил прислать к нему сына, которого он хотел видеть перед кончиной. Так как Галерий не имел больше приличного предлога препятствовать отъезду Константина, он с большой неохотой дал на это согласие. Впрочем, он намеревался задержать его по дороге и поэтому повелел, чтобы он отправился в путь утром. Однако Константин в тот же вечер умчался из Никомедии, искалечив по пути всех государственных лошадей на многочисленных дорожных постах. Когда Галерий узнал об этом, он пришел в ярость, но уже не мог ничего поделать. С невероятной быстротой Константин добрался до Британии и застал отца при смерти. Тот успел только представить его воинам и передать власть из рук в руки (Лактанций: 24).

Галерий вынужден был признать свершившееся и даровал Константину титул Цезаря. В завязавшейся затем междоусобной войне Константин поначалу не участвовал, но явно был на стороне врагов Галерия. В 307 г. он женился на дочери Максимиана Фаусте и принял из рук тестя звание Августа, которое Галерий после своего поражения вынужден был за ним признать. Константин взялся за оружие только в 312г., когда ему объявил войну правивший в Италии Максенций. Но коль скоро война началась, он действовал стремительно и решительно. Пока Максенций собирал силы, армия Константина уже перевалила через Альпы и вторглась в Италию. Под Туринном Константин нанес своему врагу первое поражение, после чего вся Северная Италия признала его власть. Под Вероной была разбита вторая армия. Решительное сражение произошло у Красных Скал в девяти милях от столицы. После упорного боя воины Максенция обратились в бегство, а сам он при переправе через Тибр упал в воду и утонул. Вступив в Рим, Константин велел казнить двух сыновей свергнутого императора и позаботился о совершенном истреблении его рода. Но когда некоторые римляне потребовали казни всех приверженцев Максенция, Константин решительно воспротивился такой жестокости и объявил всеобщую амнистию (Гиббон: 14). Справедливость была одним из главных достоинств Константина. По свидетельству Аврелия Виктора, он всем врагам своим оставил почет и имущество и принял их в число друзей. Легионы преторианцев и их вспомогательные отряды, более пригодные для смут, чем для защиты города, он совершенно распустил и вместе с тем отменил их особое вооружение и военную одежду (Виктор: «О Цезарях»; 40, 41).

Пробыв недолгое время в Риме, Константин отправился в Медио-лан и здесь выдал за Лициния свою сестру Констанцию. Кроме того, оба императора издали эдикт окончательно положивший конец гонениям на христиан. В нем, в частности, говорилось: «Руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит... Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без каких бы то ни было помех...» (Евсевий: «Церковная история»; 10; 5). Даровав свободу вероисповедания своим поданным, сам Константин еще несколько лет жил в двоеверии. Он все более деятельно поддерживал христиан и продолжал приносить жертвы старым богам; давал большие деньги на восстановление христианских церквей и не менее щедро поддерживал языческие храмы; превозносил Христа и благоволил к Аполлону. Но в последующие годы почитатели старины и древнего римского духа с болью и гневом убедились, что император постепенно склоняется к новой религии. Он отказался участвовать в публичном молебство-вании в честь Юпитера Капитолийского (Гиббон: 20) и запретил ставить свои изображения в храмах, а потом и вовсе перестал посещать их. Епископы и проповедники нового учения приглашались к императорскому столу и назначались воспитателями его детей. В чертогах дворца Константин устроил род церкви, где молился вместе со всем своим двором. Евсевий пишет, что император проводил целые ночи без сна за изучением Священного писания и сочинением проповедей. Затем, собрав слушателей, он вставал с поникшим лицом и тихим голосом, весьма благоговейно, толковал им божественное учение. Если потом слушатели оглашали его одобрительными криками, то он давал им знак возводить очи к небу и своим удивлением, своими благоговейными похвалами чувствовать одного Бога. Разделяя речи на части, он то обличал заблуждения многобожия, то говорил о единовластующем Божестве и вслед за тем рассуждал о всеобщем и частном промысле. Даже на золотых монетах он повелел изображать себя со взорами, обращенными вверх, в виде

молящегося (Евсевий: «Жизнь Константина»; 4; 15-17, 29). В походах Константин возил за собой сделанную наподобие церкви палатку. Позже каждый легион стал иметь такую походную церковь и получил священников и диаконов (Созомен: 1; 8).

Между тем прошло совсем не много времени и прежнему единодушию императоров пришел конец. После смерти всех остальных Августов римский мир оказался поделен между Константином и Лицинием, и соперничество между ними было неминуемо. Начало вражде, как можно предположить, положил Лициний. Вскоре после победы Константин возвел в Цезари своего полководца Бассиана и выдал за него замуж свою сестру Анастасию. Но короткое время спустя оказалось, что Бассиан замешан в заговоре против Константина. Следствие показало, что нити заговора тянулись на восток к Лицинию. Рассерженный Константин в 314 г. начал против него войну. Первое сражение произошло в Паннонии у города Цибалиса. Упорный бой продолжался с утра до позднего вечера. Наконец Константину удалось на правом фланге потеснить легионы Лициния. Тот отступил в свой лагерь, а ночью поспешно бежал на другой берег Сабы и разрушил за собой мосты. Вторая битва развернулась во Фракии и была еще более упорной, чем первая. Лициний опять отступил - на этот раз в Македонию. Потери его были столь велики, что он вынужден был просить мира. Константин согласился на прекращение войны, однако отобрал у своего соперника Паннонию, Далмацию, Дакию, Македонию и Грецию. Некоторое время спустя оба Августа договорились о провозглашении трех новых Цезарей. Ими стали сыновья Константина - Крисп и Константин II, а также Лициний II, сын Лициния.

Соперники понимали, что заключенный мир - только отсрочка, и напряженно готовились к новой войне. В 324 г. борьба возобновилась. Лициний стянул все свои силы к Адрианополю. Константин переправил свои легионы через Гебр и атаковал неприятеля. Потеряв до тридцати тысяч только убитыми, Лициний отступил в Византий. Вскоре после этого Крисп, сын Константина, разгромил в Геллеспонте флот Лициния. Лициний переправился в Халкедон на мало-азийское побережье и здесь в короткий срок собрал новую армию. Она была разбита неподалеку от Никомедии. После этого продолжение войны стало бессмысленным. Через свою жену Лициний обратился к Константину с просьбой о мире. Он отрекся от власти и был сослан в Фессалоники. Через год его казнили, обвинив в изменнической переписке с варварами. Римская империя вновь объединилась под властью одного императора (Гиббон: 14).

Боевые действия против Лициния имели еще одно важное последствие. Проведя достаточно много времени под Византием, Константин не раз имел возможность оценить и как воин, и как государственный человек бесподобное положение этого города, а также то, как хорошо он оберегаем самой природой от неприятельских нападений и вместе с тем открыт для торговых сношений. Именно здесь император решил основать свою главную резиденцию, Новый Рим, которую предполагал сделать второй столицей империи. Строительство началось, видимо, в 325 г., а пять лет спустя город был уже освящен (Гиббон: 17). Распространив прежний Византий, Константин обнес его огромными стенами. Так как для населения огромного города прежних жителей было недостаточно, то в разных местах по предместьям император повелел строить большие дома и отдавал их во владение знаменитым людям, вызывая их частью из Рима, а частью из других мест. Он украсил город ипподромом, водохранилищами, портиками и другими зданиями. Наконец он учредил здесь сенат и представил ему те же права, какие имел римский (Созомен: 2; 3). Стремительное возникновение большого и прекрасного города можно было бы считать одним из великих деяний Константина, если бы не известна была цена, заплаченная за это. Для исполнения своей прихоти император обобрал и ограбил всю империю. Только на сооружение городских стен, крытых колоннад и водопроводов было израсходовано 60 000 фунтов золота. Для того, чтобы собрать необходимые средства, Константин обложил тяжелейшими налогами всех своих подданных. Даже сенаторы обязаны были уплачивать определенную подать. Но Константин добился своего - созданный им город (после его смерти он получил название Константинополя) быстро развился, расцвел и в короткий срок затмил старую столицу (Федорова: 78).

Последние четырнадцать лет правления Константина прошли в относительно покое, и он имел больше досуга заняться государственными и религиозными делами. Церковные распри особенно занимали его. Все восточные христиане разделились в то время на сторонников

православия и на последователей арианского учения. Сначала Константин не вмешивался в споры прелатов, а только призывал их прекратить губительные для христианства раздоры (Гиббон: 21). Но увидев, по словам Созомена, что споры громче голоса примиряющего, Константин решил созвать Вселенский собор и всем представителям церкви предписал в 325 г. явиться к определенному Дню в Никею. Так как Константину угодно было участвовать в совете епископов, то все они были призваны во дворец. В своей речи император сказал, что желал бы видеть всех епископов единомышленными и согласными во мнениях, ибо считал возмущения в Божьей церкви самым тягостным злом. Вслед за тем священники начали рассуждать о догмате. Константин спокойно и незлобиво выслушивал слова той и другой стороны и присоединился к тем, которые говорили хорошо. Арианское учение было объявлено еретическим (Созомен: 1; 17, 19, 20). По свидетельству Феодори-та, всех бывших во дворце епископов Константин призвал затем к себе на угощение. Заметив, что у некоторых исторгнуто по правому глазу, и узнав, что эти страдания они претерпели за твердость в вере, он прикасался губами к их язвам с полной верой, что извлечет отсюда благословение для своей любви (Феодорит: 1; 11).

Сочинители церковных историй заполнили страницы своих книг восхвалениями в честь Константина, но писавшие тогда же языческие историки не были так ослеплены. Они отметили, что в последние годы правления императора стали проявляться несвойственные ему раньше нетерпимость, деспотизм и жестокость. По словам Евтропия, благоприятный исход всех его начинаний сильно повредил душе Константина: он начал преследовать своих родственников и друзей, карая и казня их без видимой причины. Таким образом, если в начальное время своего правления он мог бы быть уподоблен лучшим правителям, то в последующем - скорее посредственным (Евтропий: 10; 6-7). Безграничное честолюбие всегда было одной из главных его страстей. Добившись наконец своей заветной цели и став владыкой мира, Константин окружил себя азиатской пышностью и опозорил свою старость безумным и неслыханным мотовством. Он одевался и вел себя как восточный деспот: носил крашенные фальшивые волосы, длинные, пестрые шелковые одеяния, украшал себя множеством драгоценных камней, ожерелий и браслетов. Если прежде Константин не терпел клеветников и доносчиков, то теперь стал настолько подозрительным, что в особом эдикте поощрил их обещанием наград и отличий. Старший сын Крисп, отмеченный многими достоинствами и очень популярный в народе, вскоре стал вызывать в императоре чувство опасения, которое переросло в тайную ненависть. В 326 г. Константин велел схватить Криспа и после скорого суда казнить. Сразу вслед за тем он приказал умертвить и племянника Лициния. Многие приписывали гибель Криспа коварству его мачехи Фаусты, которая будто бы обвинила пасынка в покушении на ее честь и целомудрие. Не известно раскаялся ли позже Константин в своем проступке или же раскрыл козни жены, но он покарал ее так же сурово, как и сына: по одной версии, императрица задохнулась в бане, специально растопленной до такой степени, что в ней невозможно было дышать, а по другой - Константин сам столкнул ее в ванну с кипятком (Гиббон: 18). Филос-торгий, впрочем, отмечает, что император расправился с женой после того, как обнаружил ее прелюбодеяние с одним из всадников (Филосторгий: 2; 4).

Незадолго до смерти Константин провел удачную войну против готов и сарматов. В начале 337 г. больной император отправился в Еленополис пользоваться ваннами. Но почувствовав себя хуже, он велел перевести себя в Никомедию и здесь на смертном одре крестился (Созомен: 1; 34). Перед смертью, собрав епископов, он признался, что мечтал принять крещение в водах Иордана, но по воле Божьей принимает его здесь (Евсевий: «Жизнь Константина»; 4; 62). По словам Гиббона, влияние этого императора как на свое, так и на последующее время было огромно и многогранно. Он начал проводить новую политику, построил новую столицу и поддержал новую религию. Он вновь поднял величие римского имени и внушил страх соседям. Современники называли его восстановителем государства, а многие даже считали, что он, вслед за Ромулом, основал его во второй раз (Гиббон: 18).

КОНСТАНТИН II, Флавий Клавдий

Римский император в 337-340 гг. Сын Константина I. Род. в 314 г. Умер 340 г.

Константин получил титул Цезаря вскоре после своего рождения в 317 г. После смерти отца в 337 г. он принял титул Августа и разделил власть с двумя младшими братьями. Константину отошли земли за Альпами: Галлия, Испания и Британия, а также новая столица - Константинополь. Спустя три года он затеял войну с младшим братом Константом: по-разбойничьи, неосторожно и притом позорно, во хмелю, вторгся в Италию и был зарублен. Тело его было сброшено в реку Альса, недалеко от Аквилеи. Земли его были присоединены к владениям Константа (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 41).

КОНСТАНТИН III

Византийский император Ираклейс-кой династии, правивший в 612-641 гг. Род. 3 мая 612 г. Умер 25 мая 641 г. Сын Ираклия I.

Мать Константина, Евдокия, умерла вскоре после родов. На девятом месяце мальчик был провозглашен соправителем отца (Дашков: «Константин Третий»). Женатый потом вторично на своей племяннице Мартине, Ираклий имел от нее сына Ираклия. Умирая в 641 г., он объявил обоим сыновей своими наследниками с равной властью. При этом братья должны были почитать Мартину как мать и императрицу. Но после кончины Ираклия в 641 г. его распоряжения ни в ком не встретили сочувствия. Фактически императором стал один Константин, которому отдали весь почет и реальную власть. Ираклий II стал соправителем только по имени, а Мартина вовсе не получила доли во власти. Никакой любви между наследниками не было. Константин начал свое правление с того, что отобрал у мачехи деньги, которые покойный император завещал ей перед смертью. Заболев вскоре хронической болезнью, он ослабел и переселился в Халкидон. В общей сложности он правил 103 дня, а затем скончался, завещав власть сыну Константу (Никифор: 640). Скоротечная болезнь и ранняя смерть императора у многих вызывала подозрение.

Феофан прямо пишет, что Константин был отравлен Мартиной (Феофан: 632).

КОНСТАНТИН IV ПОГОНАТ

Византийский император Ирак-лейской династии, правивший в 654 - 685 гг. Сын Константа II. Род. в 652 г. Умер 10 июля 685 г.

После того как отец Константина Констант II был в 668 г. убит в Сиракузах, сицилийцы провозгласили императором некоего Мизизия, армянина, так как тот отличался благовидностью и величавостью. Константин, узнав о кончине отца, с большим флотом прибыл в Сицилию, схватил Мизизия и убил его вместе с убийцей своего отца. Затем, устроив все дела на западе, он возвратился в Константинополь и начал царствовать вместе со своими братьями Тиберием и Ираклием (Феофан: 660). В следующие годы он имел тяжелую, но в общем удачную войну с арабами. В 670 г. арабы захватили на малоазийском побережье Кизик, а в 672 г. - Смирну. Летом 674 г. арабский флот подступил к Константинополю. Константин выставил большой флот, и между противниками вплоть до поздней осени ежедневно происходили многочисленные морские сражения и схватки. Зимой арабский флот переправился в Кизик, а с приходом весны подступил снова и таким образом вел войну в течение семи лет. Однако арабы так и не достигли цели и, понеся значительные потери в битвах с римскими огненосными кораблями, должны были возвратиться домой. Вблизи Силейского моря их флот был захвачен сильной бурей, так что почти все корабли погибли. После этого был заключен мир с халифатом на тридцать лет.

Война во Фракии кончилась не так удачно. В 680 г. Константин, узнав, что племя болгар поселилось за Дунаем на Огле и совершает набеги на селения, прилегающие к Дунаю, был очень обеспокоен. Он приказал собирать войска во Фракии и, снарядив флот, отправился сам против них по суше и по морю. Пешее войско он поставил близ Огла на берегу Дуная, флот стал неподалеку. Болгары, увидев войско, собранное в полном боевом порядке, потеряли надежду на спасение и скрылись в укрепленном месте. Но вскоре император, страдая от подагры, был вынужден отплыть с пятью кораблями и со всей свитой в Месемврию, чтобы, по

обыкновенно, принять ванны. Он оставил стратегов и войско, приказав им вызывать болгар на бой и выманивать их из укрепления. Но конница, распустив слух, что император бежал, охваченная страхом, сама обратилась в бегство. Болгары, увидев это, начали преследовать римлян. Многих они погубили мечом, а многих ранили. Добравшись до Дуная и переправившись через него, болгары дошли до Варны. Здесь они увидели, что местность хорошо укреплена - сзади Дунаем, спереди и боков ущельями и Понтийским морем. Покорив живущих там славян, болгары поселились среди них. Отсюда они стали нападать на крепости и города римлян, так что Константин согласился в конце концов выплачивать им дань.

После этого Константин не вел войн и прилагал все усилия для прекращения церковных распрей. В ноябре 680 г. он собрал в Константинополе Шестой Вселенский собор, который утвердил догматы, установленные пятью предыдущими соборами, осудил монофелитов и принял учение о двух волях и двух силах (Никифор: 673). Незадолго до смерти, в 681 г., Константин сверг с престола братьев, приказал отрезать им носы и в дальнейшем царствовал один со своим сыном Юстинианом (Феофан: 673).

КОНСТАНТИН V КОПРОНИМ

Византийский император Исаврийской династии, правивший в 720-775 гг. Сын Льва III Исавра. Род. в июле 718 г. Умер 14 сент. 775 г.

Жизнь и деяния Константина Копронима, самого сурового из императоров-иконоборцев, были описаны православными историками исключительно в мрачных и неприглядных тонах. Уже в то время, когда патриарх Герман крестил будущего наследника престола, случилось, по словам Феофана, страшно зловонное предзнаменование: он испражнился в самой святой купели, и Герман пророчески предрек, что христианство и церковь постигнет через него великое несчастье. Сделавшись взрослым, Константин, по словам того же Феофана, любил забавляться музыкой, пиршествами и пляской. Был он не равнодушен и к красивым юношам. Впрочем, даже враги императора признавали, что в годы его правления в столице было удивительное изобилие дешевых продуктов (Феофан: 711, 759).

После смерти отца Константин смог утвердиться на троне лишь после упорной борьбы со своим зятем Артавасдом. Этот Артавасд, женатый на сестре Константина Анне, был стратигом опсикийско-го войска. Едва он узнал в 742 г. о кончине тестя Льва Исавра, как сразу взял клятву с подчиненных ему войск: стоять за него и не признавать императором никого другого. В это время римская армия находилась во Фригии и готовилась к походу на арабов. Константин позвал Артавасда к себе в лагерь на военный совет. Артавасд отправился в надежде, что сможет легко захватить своего врага, но Константин был настороже. Он послал навстречу зятю патрикия Висира, и когда узнал, что тот убит, бежал в Анатолийскую область. Тамашнее население благожелательно приняло его и обещало поддерживать до самой смерти. Фракисийское войско также взяло сторону Константина.

Между тем Артавасд овладел столицей. Магистр Феофан провозгласил его императором, а византийцев уверил, что Константин умер. Артавасд послал за своим сыном Никифором, бывшим тогда стратигом во Фракии, и поручил ему охрану Константинополя. Сам он, едва вступив в город, восстановил почитание икон и стал готовиться к отражению нападения. Весной следующего года, собираясь в поход, он назначил младшего сына Никиту стратигом войска Армениаков, а старшего, Никифо-ра, венчал на царство. Константин провел зиму в Амории, собирая и стягивая из азиатских фем верные ему войска. В мае 743 г. он встретился с узурпатором у Сард, вступил с ним в бой и полностью обратил его в бегство. Подчиненные ему войска он привел в покорность, а все их снаряжение присвоил себе. Артавасд бежал в Кизик, а оттуда переправился в Константинополь. Константин не преследовал его, а обратился против Никиты, взял штурмом Модрину, укрепленное место, в котором тот укрылся со своим войском, многих перебил, а самого Никиту обратил в бегство. Только после этого он переправился во фракийские области и подошел к стенам Константинополя. Из-за того, что прекратился подвоз продовольствия, в столице начался сильный голод. Многие византийцы погибли, другие были вынуждены выбрасываться наружу через стены. Те, кто мог, убегали, подкупив с помощью даров городскую стражу. Константин благосклонно принимал всех беглецов и окружал их

всяческой заботой. Положение осажденных становилось день ото дня все хуже. Никита еще раз попытался помочь отцу: собрав новое войско, он подступил к азиатскому берегу Босфора и взял Хрисополь. Константин обратился против него, разгромил во второй раз, преследовал до Никомедии и захватил в плен (Никифор: 741- 743). Наконец, 2 ноября в сумерках, приступив к воротам столицы с сухопутной стороны, Константин внезапно овладел городом (Феофан: 735). Артавасд с сыновьями бежал в Вифинию, в Пузанскую крепость, но вскоре был захвачен. Император велел с позором влечь их связанных во время конских состязаний, а потом ослепить (Никифор: 743). Чтобы уменьшить мощь Опсикия (фема эта находилась в непосредственной близости от столицы), Константин выделил из нее две независимые фемы: Ву-келларии и Оптиматы.

В следующие годы Константин начал упорную войну с арабами. В 745 г. он отобрал у них Северную Сирию, в 746 г. разгромил арабский флот у берегов Крита. В начале 750-х гг. военные действия перекинулись уже в Месопотамию и Южную Армению. Император захватил и разрушил старые римские города Феодосиополь, Малатию, Само-сату, а жителей их переселил в глубь империи на пустующие земли (Дашков: «Константин Копро-ним»). Так он расселил множество сирийцев и армян во Фракии, построил для них города, щедро одарил и всегда приходил на помощь, когда она требовалась. Болгары, увидев построение этих городов, потребовали от Константина уплаты денег. Так как дань не была уплачена, они в 754 г. двинулись войной на Фракию и дошли до Длинных стен Константинополя. Император, бросившись в бой, отважным ударом обратил их в бегство, упорно преследовал и многих перебил. Затем, собрав многочисленные силы, он повел с болгарями упорную борьбу на суше и на воде. С 500 кораблями Константин вошел в Дунай, выжег болгарские земли и захватил множество пленных. У крепости Маркелл он имел еще одну битву, вновь обратил врагов в бегство и нанес им большой урон. Вследствие всех этих поражений болгары ослабли и прислали послов для переговоров о мире. Девять лет спустя началась новая большая война. Болгары убили своих правителей и поставили вождем хана Телеца, мужа, по словам Никифора, спесивого и выказывавшего юношескую дерзость. Собрав и вооружив боеспособных воинов, он в 763 г. храбро напал на ближайшие римские города и крепости. Константин, увидев его отвагу и бесстрашие, послал через море к Дунаю флот из 800 судов, заполненный конным войском. Сам он повел другое войско к городу Анхиа-лу и под его стенами нанес поражение Телецу и его армии, многих перебил, других взял в плен и велел казнить в Константинополе. Устрашенные болгары убили Телеца и стали просить у императора мира. Константин подступил к Балканам и тут для вида примирился с ними (Никифор: 756, 764). Однако, когда враги, усыпленные этим, сняли охрану с горных проходов, он внезапно разорвал мир и вторгся в пределы их страны (Феофан: 756). В результате этого нашествия вся Болгария была сожжена и разграблена римлянами, так что многие селения оказались совершенно истребленными. В следующие годы опустошительные походы неоднократно повторялись (Никифор: 765).

Также суров и непреклонен был Константин в вопросах веры. Подобно отцу, он всю жизнь боролся с почитанием икон и мощей, но внес в эту религиозную распрю столько рвения и неуступчивости, что был назван «Новым Юлианом». В 754 г. он собрал в Константинополе церковный собор, который объявил еретиками всех «древо- и костепоклонников» (Дашков: «Константин Копроним»). Почитатели икон, и более всего монахи, подверглись после этого прямым гонениям. Тех из них, которые хранили свой обет и противостояли иконоборческому учению, Константин предавал различным пыткам и издевательствам: одним беспощадно выжигали или выщипывали бороды, другим разбивали головы иконами, некоторым выкалывали глаза или обрубали им руки и члены тела. Как бы при возродившемся во второй раз язычестве изобретали по отношению к христианам всяческие злодеяния, с помощью которых стремились обесчестить и погубить всех приверженных запрещенному учению. Многих, исполнявших государственные или военные должности, обвиняли в поклонении иконам и, как бы уличенных в жертвоприношении, убивали и во множестве высылали за границы империи (Никифор: 765). Часть монастырей Константин отдал под жилища воинам, а другие приказал срыть до основания. Монахов же принуждал насильно вступать в брак (Феофан: 759, 762). В 764 г. по доносам клеветников Константин велел казнить многих знатных вельмож, которых обвинил в заговоре против него. Тогда же подан был донос на патриарха

Константина; его с позором свели с амвона, посадили на осла и со многими издевательствами возили по городу. Наконец, император велел отрубить ему голову, а труп бросить в Пелагиевы рвы (Никифор: 766).

Церковная политика Константина привела к окончательной потере Рима, в особенности после того, как в 751 г. лангобарды взяли Равенну, а папа Стефан II помазал на царство франкского короля Пипина Короткого и отдался под его защиту. Император сохранил свою власть лишь над южной оконечностью Апеннинского полуострова: в Апулии, Калаврии и на Сицилии (Дашков: «Константин Копроним»). Впрочем, потери в далекой Италии он компенсировал приобретениями в Азии и на Балканах. В 775 г. Константин выступил в очередной поход на болгар, но вдруг заболел: на ноге у него образовался карбункул, вызывавший жестокие мучения; к этому присоединилась жестокая горячка, и император скончался на корабле вблизи крепости Стронгиле (Феофан: 767).

КОНСТАНТИН VI

Византийский император Исаврийской династии, правивший в 776-797 гг. Сын Льва IV. Род. 14 янв. 771 г. Умер после 797 г.

Константин лишился отца, когда был еще очень мал. Управление империей с 780 г. сосредоточилось в руках его матери, властолюбивой императрицы Ирины. Пробыв регентшей десять лет, она и дальше не хотела расставаться со своим величием. Между тем Константину в 790 г. исполнилось двадцать лет, он был крепок, ко всему способен, но видел себя отстраненным от всякой власти и с горечью смотрел, как всем распоряжается евнух Ставрикий, первый фаворит его матери, в то время как к нему никто не смеет приблизиться. Посоветовавшись с приближенными, он решился схватить мать, сослать ее в Сицилию и самому овладеть властью. Ставрикий, разведав об этом заговоре, возбудил гнев Ирины против сына. Она велела схватить всех его людей, высечь, остричь и сослать в дальние части Сицилии. Сына своего она била, много бранила и несколько дней не выпускала из-под замка. От всех легионов она потребовала присяги в том, что, пока она жива, они не позволят сыну царствовать. Но когда заставили присягать Ирине Армянский легион, воины отвечали: мы не будем ставить имени Ирины впереди Константина, но Константина, как и прежде, поставим впереди Ирины. Императрица послала оруженосца Алексея разоружить их, но он принял сторону недовольных. Легионеры низложили своих начальников и провозгласили Алексея командиром. Узнав об этом, воины остальных легионов прогнали своих командиров и тоже выступили в поддержку Константина. Собравшись на Атрое легионы общим мнением положили признать Константина императором. Ирина, испугавшись буйства солдат, отпустила к ним сына: волею войска он был утвержден единовластным правителем, а мать его отстранили от управления. Константин назначил Алексея своим военачальником, Ставрикия же велел высечь, остричь и сослать в Армению. Ирина на некоторое время была заключена в своем дворце, но уже в 791 г. Константин позволил ей вернуться, вновь провозгласил ее императрицей и разделил с ней почести, как было прежде, а пат-рикия Алексея низложил и постриг. В июле того же года император выступил против болгар, но, по юношеской пылкости, слишком поспешно вступил в сражение и потерпел поражение. Как беглец он возвратился в столицу, потеряв многих людей, и не только простых воинов, но и видных полководцев. Болгары овладели обозом, деньгами, конями, шатрами и всей императорской прислугой. В виду этого, легионы, собравшиеся в городе, провозгласили императором дядю Константина, кесаря Ники-фора. Чтобы не допустить переворота, Константин велел изувечить своих дядей: Никифора ослепили, а Христофору, Никите, Анфиму и Евдокиму отрезали языки. Тогда же ослепили Алексея. Армянский легион, узнав об ослеплении Алексея, взбунтовался. Константин выслал против него войско из прочих легионов, но не смог победить его. С обеих сторон было много убитых. В мае император во второй раз выступил против Армениака и при помощи предательства разгромил наконец непокорный легион. Тысячу воинов он велел заклеить и разослать в дальние гарнизоны по островам.

В 795 г. Константин, по внушению матери, которая, желая властвовать, стремилась сделать для всех ненавистным своего сына, принудил свою жену Марию вступить в монастырь

и постричься. Вскоре он венчал на царство свою любовницу Феодоту, дочь спаль-ничего, и незаконно обручился с ней вопреки воле патриарха. Престиж императора сильно пострадал от этого брака, между тем Ирина продолжала плести интриги. Уже в 796 г. подарками и обещаниями ей удалось склонить на свою сторону чиновников и начальников легионов. В марте 797 г. Константин отправился против арабов, имея при себе Ставрикия и прочих клеветов императрицы, участвовавших в заговоре. Ставрикий, видя мужество войска и самого императора, боялся, как бы те не одержали победы (тогда они бы не преуспели в своем злоумышлении), и поэтому, подарив стражу, заставил ее солгать, будто арабы бежали. Император, огорченный этой неудачей, возвратился в столицу. 17 июня, когда он ехал во дворец с ипподрома, начальники легионов вышли, чтобы схватить его. Узнав об этом, Константин в своей ладье переправился в Пилас и хотел бежать в восточные провинции. Но его спутники, бывшие в сговоре с императрицей, 15 августа схватили его во время молитвы и привезли к Ирине. Константина заключили в порфировой зале и в тот же день по воле его матери безжалостно выкололи ему глаза, так что он едва не умер (Феофан: 782, 784, 785, 789). Последующие годы Константин прожил в строгом заключении в одном из дворцов. Из всех близких с ним осталась одна Феодота. Кажется, он не дожил до переворота 802 г. и низложения Ирины. С его смертью пресеклась Исаврийс-кая династия (Дашков: «Константин Шестой»).

КОНСТАНТИН VII ПОРФИРОГЕНЕТ

Византийский император Македонской династии, правивший в 908-959 гг. Сын Льва VI. Род. в мае 905 г. Умер ноябрь 959 г.

Судьба Константина с самого начала складывалась непросто. Уже его появление на свет обернулось громким скандалом. Мать будущего императора - Зоя Карвонопси-на - была четвертой и потому невенчанной женой уже далеко немолодого Льва VI. И по церковным, и по мирским нормам брак его родителей считался недействительным, а само его рождение - незаконным. Льву пришлось приложить огромные усилия для того, чтобы обеспечить престол за своим наследником. Однако он умер слишком рано, и Константин оказался на много лет отстранен от реальной власти: сначала своим дядей Александром, потом матерью и, наконец, тестем Романом Лакапином. Долгие годы своего вынужденного досуга Константин посвятил глубокому самообразованию - к сорока годам, когда власть наконец очутилась в его руках, он был одним из самых образованных людей тогдашней Европы и, несомненно, самым ученым императором за всю историю существования Ромейской державы.

В декабре 944 г. сыновья Романа I, Стефан и Константин, свергли своего отца и сослали его на остров Прот. Они, очевидно, предполагали сами захватить власть, но византийцы, собравшись у дворца, не успокаивались до тех пор, пока самодержцем не был провозглашен Константин VII (Дашков: «Константин Порфирогенет»). Через сорок дней сыновей Романа сослали на острова и постригли в монахи.

Приступив к самостоятельному правлению, Константин постарался искоренить поборы и злоупотребления, которым подвергались жители при его тесте. По словам своего жизнеописателя, он пекся о подданных, словно орел, собравший под крылом своим выводок. Он разведал и разузнал обо всех узниках, содержащихся в тюрьмах города и фем, и освободил их от оков. В разных местах он велел строить больницы и приюты для стариков. На все должности он определил людей дельных и честных и внимательно следил за всеми их делами. Он старался лично вникать во все государственные вопросы и сделал много усовершенствований в управление государством. Отовсюду слали ему письма стратеги, царские чиновники и должностные лица. Кроме того, приходили послания от соседних правителей и государей. Константин читал их, сразу схватывал смысл и определял, как поступать. Он проглядывал письма с быстротой птицы и при этом еще принимал послов, отправлял послания чиновникам, отменял опрометчиво сделанные нововведения. Он был одновременно советчиком, радетелем, стратигом и воином. С особенным тщанием заботился он о процветании наук и искусств. Он и сам был великим знатоком многих ремесел. По словам своего жизнеописателя, он наставлял и каменотесов, и плотников, и среброделов, и железоделов; при строительстве кораблей он распоряжался, из каких бревен делать запоры и стыки и

как подгонять их одно к другому, а живописное искусство знал так хорошо, что вызывал восхищение многих, занимающихся им.

Успех сопутствовал при нем ромеям во всех внешних предприятиях: мятежники в Лонгивардии и Калаврии были побеждены, арабам были нанесены поражения в Африке, на островах и в Азии (Продолжатель Феофана: 6; 5; 2, 10, 14- 15, 17-19, 22, 24, 30-32). Подобно своему тестю Роману, Константин был счастлив во всем - не повезло ему только в детях. По свидетельству Скилицы, Роман, сын Константина, решил устранить его с ведома своей жены Феофано. Когда Константин захотел принять слабительное лекарство, ему приготовили напиток, содержащий яд.

Но Константин поскользнулся и пролил большую его часть, остальное же выпил. При столь малом количестве яд не убил его немедленно, но император стал плохо себя чувствовать, занемог и умер в ноябре 959 г. (Скилица).

КОНСТАНТИН VIII

Византийский император Македонской династии, правивший в 963-1028 гг. Сын Романа II. Род. в 960 г. Умер ноябрь 1028 г.

Константин был провозглашен императором в трехлетнем возрасте, но реальную власть получил только в 1025 г., на семидесятом году жизни, после смерти старшего брата Василия II. Он был не слишком властолюбив и при сильном теле был труслив душой. Человек вспыльчивый, он легко предавался гневу, верил любым наговорам, особенно если подозревал, что кто-то покушается на царскую власть, и карал за это сурово: злоумышленников он не подвергал опале, не изгонял и не заключал под стражу, а немедленно выжигал им глаза железом. Такое наказание он определял всем за проступки тяжелые и легкие, независимо от того, действительно человек виновен или только дал пищу для слухов, - ведь император не заботился, чтобы наказание соответствовало прегрешению, а хотел лишь избавиться себя от беспокойства. При такой вспыльчивости он, впрочем, не лишен был и сострадательности, гнев его быстро проходил, и он горестно раскаивался в содеянном. Благодетельствовать подданных он умел лучше любого другого императора, однако в милостях не соблюдал справедливого равенства и близким своим оказывал благодеяние без всяких границ, раздавал им золото, как песок, а в отношении людей от него далеких проявлял эту добродетель в меньшей степени. Окружение его составляли большей частью те, кого он еще в детстве велел лишить детородных членов и взял к себе в качестве доверенных и домашних слуг. Приняв на себя всю полноту власти, Константин, неспособный истощать себя заботами, поручил дела людям ученым, а на себя взял только прием послов и некоторые другие обязанности полегче, при этом восседал с царственным видом и, пускаясь в словопрения, поражал всех слушателей доводами и доказательствами. С науками он был не очень знаком и лишь слегка, по-ученически, причастен к эллинской образованности. Но человек по природе способный и приятный, он владел бойким и изящным слогом, и прекрасными речами помогал появляться на свет мыслям, рожденным в его душе. По словам Пселла, он имел мягкий, беспечный нрав и душу, падкую на всякие удовольствия. Найдя казну полную денег, он дал волю своим наклонностям и предался наслаждениям. Он был большой любитель бань и охоты, а кроме того, раб желудка и любовных желаний. Игрой в кости и шашки он увлекался настолько, что во время игры не обращал внимания на ожидавших его послов и отказывался разбирать самые неотложные дела. Почувствовав приближение смерти, Константин стал искать наследника. Еще в юные годы он женился на женщине из благородного и почтенного рода. Она умерла, родив ему трех дочерей. Среднюю из них, Зою, он поспешил отдать в жены за епарха города Романа Аргира и завещал ему императорскую власть (Пселл: «Константин Восьмой»; 1-4, 6-7, 9-10).

КОНСТАНТИН IX МОНОМАХ

Византийский император в 1042- 1055 гг. Род. ок. 1042 г. Умер янв. 1055 г.

Константин принадлежал к древнему роду Мономахов. Занимая благодаря родовитости

высокое положение, обладая большим богатством и отличаясь красотой, он был для многих весьма почтенных семей завидным женихом. После того как первая жена его умерла, он женился второй раз на племяннице Романа III. Благодаря такому родству он вознесся над другими, но высших должностей так и не получил. Императрица Зоя полюбила его и непрестанно хотела видеть и слышать. А он, ублажая ее разными способами и искусно делая то, что доставляло ей удовольствие, покорил ее окончательно и снискал царские милости. Поэтому он казался вероятным претендентом на престол, и Михаил FV, воцарившийся после Романа, относился к нему с подозрением. На первых порах он, не проявляя своей ревности, был благожелателен, но позднее, придумав какие-то обвинения и выискав лжесвидетелей, изгнал Константина из столицы на Лесбос. Ненависть к Константину получил в наследство и его племянник Михаил V.

Однако в 1042 г. все переменялось: Зоя и ее сестра Феодора стали правительницами империи. Ни одна из них по складу ума не годилась для императорской власти; они не умели ни распоряжаться, ни принимать твердых решений, а к царским заботам примешивали большей частью женские пустяки. Для благородного и разумного правления и попечения о государстве нужно было немедленно найти мужа доблестного и испытанного в делах. Из людей, ее окружавших, Зоя никого не сочла достойным своей руки и мечтала об одном лишь Константине. Она открылась свите и домочадцам, а когда увидела, что все они, как один, стоят за этого мужа, сообщила свою волю и высшему совету. Син-клитики тоже сочли, что это решение от Бога, и Константин был вызван из ссылки. 11 июня 1042 г. он торжественно венчался с 64-летней Зоей и после этого был провозглашен императором. Первое время после свадьбы он оказывал супруге всяческое внимание, но потом вызвал с Лесбоса свою прежнюю любовницу, Марию Склирену, с которой жил во время ссылки. Поначалу ей предоставили скромное убежище и немногочисленную свиту, но потом совершенно открыто ввели во внутренние царские палаты и стали именовать госпожой. В то время как почти все были уязвлены унижением императрицы, сама Зоя ни в чем не переменялась и была, казалось, довольна случившимся. Император в равной мере делил время между той и другой. Вероятно, Константин предполагал в дальнейшем сделать Марию императрицей, но надеждам его не дано было исполниться - Склирена умерла около 1045 г. Так как Зоя была слишком стара для общения с мужем, император завел себе вскоре другую возлюбленную - заложницу из Алании. По свидетельству Псела, Константин вообще был помешан на любовных делах, он не умел удовлетворять страсть простым общением, но постоянно приходил в волнение при первых утехах ложа. Новый государь поначалу понравился и народу, и знати, так как обладал истинным даром завоевывать сердца подданных. Он умел найти подход к каждому и при этом не морочил людей, не разыгрывал перед ними комедий, но искренне старался доставить им приятное и таким образом привлечь к себе. Он ни перед кем не был кичливым и грозным, не разговаривал выспренно и заносчиво, не мстил прежним своим недоброжелателям. Но те, кто ожидал, что с переходом власти в мужские руки положение империи укрепитя, сильно просчитались. Сделавшись государем, Константин стал вершить дела без надлежащей твердости и осмотрительности. Он сразу же принялся опустошать казну и подчистил ее до последней монеты. Чины он раздавал без всякого смысла: их получали те, кто приставал к императору с просьбами или вызывал его смех уместно сказанным словом. В конце концов, он причислил к синклиту чуть не весь рыночный сброд. Считая свою власть отдыхом от трудов, он передал другим попечение о казне, право суда и заботы о войске, лишь малую толику дел взял на себя и своим законным жребием счел жизнь, полную удовольствий и радостей. Если же кто являлся к нему, выставляя напоказ озабоченную душу, то такого человека Константин считал дурным. Поэтому в разговорах с императором люди приспособлялись к особенностям его нрава, и если кто-нибудь приходил к нему с чем-нибудь серьезным, то дела сразу не выкладывал, но предварял его какими-нибудь шутками или же перемежал одно другим и как бы заставлял больного проглотить горькое лекарство, примешивая к нему сладости. С годами окружающим приходилось все чаще прибегать к этому средству, так как царствование Константина оказалось бурным, и все было заполнено войнами и мятежами.

Первым поднял против него восстание Георгий Маниак, командовавший войсками в Италии. Он высадился с войском под Диррахи-ем, но в начале 1043 г. погиб в бою вблизи

Фессалоники. Не успели подавить этот мятеж, как под Константинополь явилось бесчисленное множество русских кораблей. Морские силы ромеев были в это время невелики, а огненосные суда разбросаны по прибрежным водам. Кое-как собрав остатки прежнего флота, Константин отважился на битву - русский флот был частью сожжен, частью потоплен, лишь немногие смогли бежать. Затем, в 1047 г., в Македонии провозгласил себя императором Лев Торник. С многочисленным войском он вскоре подступил к Константинополю, однако не смог его взять. Армия его рассеялась, а сам он был взят в плен и ослеплен. Вскоре после этого, в конце 40-х гг., первые удары по восточным границам империи нанесли турки. Тогда же придунайские земли стали опустошать печенеги. Освободились от ромейской зависимости сербские княжества. Всем, даже самым восторженным поклонникам Константина, стало очевидно, что могущество ромеев быстро клонится к упадку.

За несколько лет до смерти у императора развилась болезнь суставов, так что руки совершенно ослабли, а ноги не могли ходить и разламывались от невыносимой боли. Вконец испортился и расстроился также его желудок, и все тело Константина медленно угасало и разлагалось. Он скончался на тринадцатом году правления, оставив государство в тревожном и неустойчивом состоянии: казна была пуста, финансы расстроены, армия находилась в небрежении, между тем как враги со всех сторон начали штурмовать границы империи (Пселл: «Константин Девятый»; 5, 10, 14, 21, 29, 31, 33, 47, 53, 54, 59, 69, 81, 84, 90, 93, 95, 104, 106, 118, 123, 151).

КОНСТАНТИН ХДУКА

Византийский император, правивший в 1059-1067 гг. Род. ок. 1006 г. Умер 23 мая 1067 г.

Род Дук, к которому принадлежал Константин, претендовал на родство с знаменитыми Дуками, прославившимися своими подвигами при первых императорах Македонской династии. Во всяком случае, он был достаточно богат и известен. Однако Константин, по свидетельству Пселла, большую часть времени проводил в деревне, занимаясь отцовскими именьями, одевался небрежно, жил просто и решительно презирал высокие чины и титулы. Он был одним из соратников Исаака Комнина, принимал самое деятельное участие в его мятеже, а после его отречения в ноябре 1059 г. получил из его рук верховную власть (Пселл: «Исаак Первый»; 87-89). Приняв бразды правления, Константин тотчас начал истреблять любостыжательность и вводить, по словам Вриенния, уверенность и справедливость. Так как весьма многие вдалились в неправосудие, он обратил свое внимание на судопроизводство и, не взирая на лица, стал для обидчиков судьей строгим и грозным (Вриенний: 1; 5). Видя, в каком бедственном положении находится держава и как опустошена ее казна, он начал умеренно распоряжаться государственными средствами. Однако Константин не смог соблюсти в этом мере и был скорее скуп, чем бережлив. В особенности урезали при нем расходы на содержание войска, что нанесло огромный вред ромейской державе. Когда Дука надел на голову царский венец, то обещал Богу никого не обрекать на пытки и казни. Он умел подавлять свой гнев, ничего не делал впопыхах, но всегда поступал, повинувшись рассудку, так что ни одной души не загубил даже за самые тяжкие преступления (Пселл: «Константин Десятый»; 3-4, 17-19).

КОНСТАНТИН XI ПАЛЕОЛОГ ДРАГАШ

Византийский император, правивший в 1449-1453 гг. Сын Мануила II. Род. 8 февр. 1405 г. Умер 29 мая 1453 г.

До своего вступления на престол Константин снискал себе уважение ромеев как храбрый деспот Морей. Он не блистал образованием, предпочитая книгам воинские упражнения, был вспыльчив, но обладал здравым рассудком и даром убеждать слушателей. Ему присущи были также такие качества, как честность и благородство души. Когда умер Иоанн VIII, Константин находился в Мистре. Его младший брат Дмитрий первым прибыл в Константинополь в надежде, что престол достанется ему, но его никто не поддержал. Сам Константин был провозглашен императором в начале января в Мистре. В марте он прибыл в столицу и принял

власть. Следующие годы император занимался тем же, чем три его предшественника: готовил город к обороне на случай осады, искал помощи от турок на западе и старался примирить церковные смуты, вызванные унией с католиками. Во всем этом он преуспел только отчасти, но большего в его положении трудно было ожидать (Дашков: «Константин Драгаш»).

Султан Мехмед, поклявшийся взять Константинополь, тоже тщательно готовился к осаде, прекрасно понимая, что ему придется иметь дело с первоклассной крепостью, от которой уже не раз отступали с потерями армии завоевателей. Особое внимание он уделил артиллерии. Осенью 1452 г. турки вторглись в Пелопоннес и начали военные действия против деспотов, братьев императора, с тем чтобы они не пришли на помощь Константинополю (Сфрандизи: 3; 3). В марте 1453 г. турки взяли Месемврию, Ахелон и другие укрепления на Понте. Силимврия была осаждена. Ромеи не могли выйти из города. Но с моря они на своих кораблях опустошали турецкий берег и многих взяли в плен. В начале марта турки раскинули палатки у стен столицы, а в апреле город был осажден (Дука: 37-38).

В виду скудости средств многие укрепления столицы обветшали. Так, со стороны суши город был защищен двумя стенами: одной большой, надежной, и другой - поменьше. С внешней стороны укреплений проходил ров. Но стена со стороны залива была не очень крепкой. Император решил обороняться, построив защитников на наружной стене. Сильная убыль населения давала себя знать самым пагубным образом. Так как город занимал большое пространство и люди были расставлены по всем стенам, солдат для отражения штурмов не хватало.

Первая половина апреля прошла в незначительных схватках. Затем турки подвезли две огромные бомбарды, метавшие тяжелые каменные ядра, превышавшие весом 2 таланта. Одну установили против дворца, другую - против ворот Романа. Кроме них султан имел много других пушек поменьше (Халкондил: 8). 22 апреля через Га-латский холм турки протасили сушей свои корабли в обход преграждавшей залив цепи и пустили их внутрь гавани. Затем был построен плавучий мост; на нем расставили артиллерию, и таким образом кольцо осады сомкнулось. В течение сорока дней осаждавшие день и ночь усиленно били по стенам и причиняли защитникам сильное беспокойство всякого рода боевыми машинами, стрельбой и нападениями. Разрушив в некоторых местах стены при помощи метательных орудий и пушек, турки приступили к самим укреплениям и стали заваливать рвы. Ночью ромеи расчищали рвы, а обрушившиеся башни укрепляли бревнами и корзинами с землей. 18 мая, разрушив до основания башню близ ворот святого Романа, враги подтащили туда осадную машину и поставили ее поверх рва. После этого начался, по словам Сфрандизи, губительный и ужасный бой. Отразив все атаки, осажденные ночью расчистили рвы, восстановили башню, а осадную машину сожгли. Турки начали делать подкоп, но 23 мая защитники подвели под него мину и взорвали (Сфрандизи: 3; 3). 28 мая с наступлением вечера султан начал общий штурм и не давал ромеям покоя всю ночь. Сам Константин отражал натиск за упавшими стенами близ ворот святого Романа (Дука: 39). Но турки проникли в город в другом месте - через Керкопорту - маленькую калитку в стене, которую оставили открытой после одной из вылазок (Дашков: «Константин Драгаш»). Поднявшись наконец на стену, они рассеяли защитников и, покинув внешние укрепления, через ворота внутренней стены ворвались в город (Сфрандизи: 3; 5). После этого войско, окружавшее императора, обратилось в бегство. Константин был покинут всеми. Один из турок ударил его мечом по лицу и ранил, а другой нанес сзади смертельный удар. Турки не узнали императора и, умертвив его, оставили лежать как простого воина (Дука: 39). Уже после того, как к вечеру последние защитники сложили оружие, тело императора нашли под грудой трупов по царским сапогам. Султан приказал выставить голову Константина на ипподроме, а тело похоронить с царскими почестями (Сфрандизи: 3; 9). Это был последний император ромеев. С его смертью империя перестала существовать.

КОНСТАНЦИЙ I ХЛОР, Марк Флавий Валерий

Римский император в 305-306 гг. Род. ок. 250 г. Умер 25 июля 306 г.

Говорят, что Констанций по матери приходился внуком императору Клавдию. В 293 г. Диоклетиан провозгласил его своим соправителем с титулом цезаря. При этом он велел

Констанцию развестись со своей первой женой, Еленой (от которой тот уже имел сына Константина), и жениться на Феодоре, падчерице другого своего соправителя, Максимиана Геркулия. От нее Констанций имел шестерых детей. В дальнейшем Констанцию была поручена война в Галлии, опустошаемой германцами. Пишут, что однажды он в один день испытал все превратности судьбы. Поначалу, при внезапном набеге алеманов, он принужден был бежать в город лингонов. Поскольку ворота были уже закрыты, его пришлось втягивать на стену при помощи веревки. Но не прошло и пяти часов, как с подходом войска он уничтожил множество, врагов, (Евтропий: 9; 22, 23).

В 305 г., после того как Диоклетиан и Максимиан отказались от власти, Констанций, вместе с другим цезарем - Галерием, получил титул августа. Они поделили между собой римский мир таким образом, что Констанцию достались Галлия, Италия и Африка. Но Констанций, удовлетворившись титулом августа, совсем отказался от управления Италией и Африкой. По словам Евтропия, он был мужем великим и доброжелательности величайшей, усердствовал в обогащении провинциалов и частных лиц, не стремясь к такому же увеличению государственной казны, и говорил, что лучше общественное богатство держать у частных лиц, чем хранить его в одном сундуке. Жил он столь скромно, что в праздничные дни, когда желал устроить пир для своих многочисленных друзей, брал займы у частных лиц серебряную посуду для украшения своего стола. В Галлии его почитали наравне с богами. Умер он в Британии, в Эбораке (Евтропий: 10; 1).

КОНСТАНЦИЙ II, Флавий Юлий

Римский император в 337-361 гг. Сын Константина I. Род. 7 авг. 317 г. Evth 3 ноября 361 г.

В 324 г. Констанций был провозглашен цезарем. После смерти отца в 337 г. он принял титул августа и получил в управление Азию, а также весь Восток, начиная с Пропонтиды (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 41). Ему же поручена была война с персами, которую он вел в течение многих лет, но без особых успехов. Персидские войска захватывали его города, осаждали его крепости, и все его битвы против царя Шапура II заканчивались неудачно, кроме, пожалуй, одной, у Сингары в 348 г., где Констанций упустил явную победу из-за недисциплинированности своих солдат (Евтропий: 10; 10). В 350 г. Констанций был отвлечен от внешней войны смутами в самой империи. Стало известно, что брат его Констант убит заговорщиками и императором в Италии провозглашен Магненций. Тогда же бесчестно захватил власть в Верхней Мезии Ветранион, командовавший пехотой в Иллирике.

Ветраниона Констанций победил без кровопролития, исключительно силой своего красноречия. Около города Сердики, где сошлись обе армии, была устроена сходка наподобие судилища, и Констанций обратился с речью к вражеским солдатам (Виктор: «О Цезарях»; 41-42). Под влиянием его слов те немедленно перешли на сторону законного императора. Констанций лишил Ветраниона власти, но из уважения к его старости не только сохранил ему жизнь, но предоставил ему спокойно дожить в полном довольствии (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 41). Война с Магненцием оказалась, напротив, на редкость кровопролитной. В 351 г. Констанций разгромил его в тяжелом сражении у Мурсы на реке Драве. В этой битве погибло с обеих сторон огромное количество римлян - более 50 000 (Евтропий: 10; 12). После этого Магненций отступил в Италию. У Лугдуна в 353 г. он оказался в безвыходном положении и покончил жизнь самоубийством.

Вновь Римская империя объединилась под властью одного государя. По свидетельству Аврелия Виктора, Констанций был воздержан в отношении вина, пищи и сна, вынослив в трудах, искусен в стрельбе из лука и очень увлекался красноречием, но не мог достигнуть в нем успеха из-за тупоумия и потому завидовал другим. Он очень благоволил к придворным евнухам и женщинам; довольствуясь ими, он не запятнал себя ничем противоестественным или недозволенным. И из жен, которых у него было очень много, он больше всех любил Евсевию (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 42). Во всем он умел сохранить величие своего сана. Всякое искание популярности претило его гордости (Марцеллин: 21; 16).

Констанций с детства был христианином и с большим увлечением отдавался богословским спорам, но своим вмешательством в церковные дела произвел больше смут, чем мира. Время его правления стало эпохой господства арианской ереси и гонений на православное духовенство (Гиббон: 21). По свидетельству Аммиана Мар-целлина, христианскую религию, которая отличается цельностью и простотой, он сочетал с бабьим суеверием. Погружаясь в толкования вместо простого восприятия ее, он возбудил множество споров (Марцеллин: 21; 16).

В 355 г. Констанций назначил своим соправителем двоюродного брата Юлиана и поручил ему тяжелую войну в Галлии против германцев. Сам он в 358 г. выступил против сарматов. Весной, когда Дунай находился еще в разливе, римляне переправились на вражеский берег. Сарматы, не ожидавшие такой стремительности, бежали из своих селений. Прибывшие им на помощь квады потерпели поражение. Затем были разбиты лимиган-ты (Марцеллин: 17; 12-13). В 359 г. пришло известие о вторжении в восточные провинции империи персидской армии. Констанций отправился в Константинополь, чтобы быть ближе к театру военных действий (Марцеллин: 19; 11). В 360 г. он узнал, что германские легионы провозгласили цезаря Юлиана августом. Констанций оказался в затруднении, так как не мог решить, против кого ему прежде начать войну. После долгих колебаний он продолжил персидский поход и через Армению вступил в Месопотамию. Римляне осадили Безабду, но, несмотря на все усилия, так и не смогли ее взять. Осенью они отступили в Антиохию (Марцеллин: 20; 9, 11). Констанций по-прежнему находился в тревоге и растерянности. Только осенью 361 г., после того как персы ушли из римских пределов, он решился начать войну против Юлиана. Из Антиохии император переехал в Тарс и тут почувствовал легкую лихорадку. Он продолжал путь, но в Мобускре-нах болезнь одолела его окончательно. Жар был так велик, что нельзя было коснуться его тела. Лекарства не действовали; чувствуя себя при последнем издыхании, Констанций оплакал свой конец и назначил Юлиана преемником своей власти (Марцеллин: 21; 6, 13, 15).

КОНСТАНЦИЙ III, Флавий

Римский император в 421 г. Умер 421 г.

Констанций был родом иллириец из дакийского города Наиса. Во времена Феодосия Великого он совершил много походов (Олимпи-одор: 39). При Гонории он имел репутацию мужа сильного в военном искусстве и прославленного во многих битвах (Иордан: 164). После казни варвара Стилихона, многие годы заправлявшего всеми делами империи, Констанцию была поручена война с тиранами и вестготами. По словам Орозия, государство сразу почувствовало, какое благо, наконец, обрело оно в лице римского вождя и какую опасность до сих пор переживало, подчиняясь столь долгое время полководцам - варварам (Орозий: 7; 42). В 411 г. Констанций выступил против тирана Константина, овладевшего всей Галлией, и осадил его в Ар-лате. На помощь осажденным явился полководец Эдовах с армией из алеманов и франков. Констанций заблаговременно укрыл свою конницу и вступил в бой с варварами. В разгар сражения его конница ударила в тыл неприятеля. Разбитый Эдовах бежал. Узнав об этом, тиран Константин сложил с себя знаки императорского достоинства и сдался Констанцию. Его отослали в Италию и по пути убили (Со-замен; 9; 13-15). Вслед за тем Констанций выступил против другого узурпатора - стратига Геронтия и вынудил его лишиться себя жизни. Покончив таким образом со всеми смутами и укрепив власть императора Гонория, Констанций вернулся в Италию и занял при дворе самое выдающееся место. Олимпиодор пишет, что, когда Констанций выступал в процессиях, он имел вид угрюмый и мрачный. Пучеглазый, с толстым затылком и плоской головой, он ехал, навалившись всем телом на шею своей верховой лошади, и смотрел искоса то в одну, то в другую сторону, так что всем казалось, что у него вид достойный тирана. На пирах он, напротив, был приятен и вежлив и часто состязался с мимами, игравшими перед столом.

В 417 г., во время второго консульства, Констанций женился на Галле Плацидии, сестре императора. Она упорно не соглашалась идти за него и возбудила против Констанция всех своих слуг. Тем не менее в день своего вступления в консульство Гонорий насильно взял ее за руку и вручил Констанцию. В 421 г. Гонорий провозгласил Констанция соправителем и даровал ему титул августа. Вскоре после этого Констанций заболел. Императорская власть ему

опротивела, потому что, скованный этикетом, он не мог больше по своей воле, как прежде, уходить, куда хотелось, и возвращаться, когда хотелось; ему, императору, нельзя было забавляться тем, чем он привык забавляться. Процарствовав семь месяцев, он скончался от болезни легких. До своего брака с Плацидией он был щедр, но потом впал в сребролюбие, и после его смерти в Равенну со всех сторон стекались жалобы от тех людей, которых он обидел, отобрав у них деньги (Олимпиодор: 16, 23, 34, 39).

КРЕСФОНТ

Легендарный царь Мессении из рода Гераклидов, правивший в XI в. до Р.Х. Сын Аристомаха.

После дорийского завоевания Пелопоннеса, Кресфону по жребию досталась Мессения. По словам Эфора, он разделил ее на пять областей, а Стениклар, расположенный в центре всей страны, сделал своей столицей. В остальные полисы - Пилос, Рион, Месопу и Гиамитис - Кресфонт послал царей, уравнивая всех мессенцев в правах с дорийцами. Но так как эти меры вызвали недовольство завоевателей, Кресфонт вскоре отменил свое решение, объявив городом только один Стениклар и собрав туда всех дорийцев (Страбон: 8; 4; 5).

Кресфонт был женат на Мериопе, дочери Кипсела, царствовавшего тогда в Аркадии, от которой он имел нескольких детей. Самым младшим из них был Эпит. В целом правление Кресфонта отвечало интересам простого народа. Поэтому люди, обладавшие богатствами, восстали против него и убили самого Кресфонта, а также всех его сыновей. В живых остался только Эпит (Павсаний: 4; 3; 3-4).

ЛАБОТА

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в X в. до Р.Х. Сын Эхестрата.

При Лаботе лакедемоняне в первый раз решили поднять оружие против аргосцев за то, что те постоянно захватывали земли Кину-рии. Ни с той ни с другой стороны в этой войне не было сделано ничего достойного воспоминания (Павсаний: 2; 3).

ЛАСКАРИСЫ

Никейская императорская династия, правившая в 1206-1261 гг.

ЛЕВ I МАКЕЛЛА

Византийский император в 457- 474 гг. Род. ок. 400 г. Умер 18 янв. 474 г.

Лев родился в Дакии (Кандид: 1). По слухам, в молодости он был мясником, и в столице будто бы долгое время показывали желающим лавочку, в которой он торговал мясом вместе со своей женой Вериной (Дашков: «Лев Макелла»). Позже он начальствовал над отрядами войска и правил Силимбриею (Кандид: 1). Когда умер император Маркиан, полководцы Аспар и Ардавурий (отец и сын) возвели Льва, служившего у них куратором, на византийский престол. Они надеялись, что будут за него управлять империей, но просчитались (Феофан: 461). В 463 г. между ними произошел разлад. Вследствие этой ссоры Лев призвал исаврийских федератов и приблизил к себе их полководца Тарасикодиссу Русум-владеста, которому он дал имя Зинона и за которого выдал свою дочь Ариадну. Ардавурий из-за несогласий с императором вздумал подчинить себе исавров. Но козни его раскрылись, и Лев приказал убить Аспара и его сыновей. Зинон был назначен полководцем Востока. Так как подданные были настроены против Зинона, Лев, умирая, провозгласил императором своего внука, сына Зинонова Льва II (Кандид: 1). По словам Малха, Лев был счастливейшим из царей. Он был грозен как подвластным, так и тем варварам, до которых доходил слух о нем. Однако он отличался жадностью: у многих подданных похитил имения и разорил народ налогами (Малх: 3).

ЛЕВ II

Византийский император в 473 - 474 гг. Сын Зинона. Род. ок. 467 г. Умер 474 г.

В 473 г. император Лев (провозгласил Льва, своего внука от дочери Ариадны, императором и соправителем (Кандид: 1). После смерти деда в начале 474 г. Лев, по внушению бабки Верины и матери Ариадны, присутствуя на конном ристалище, уступил царский венец своему отцу Зинону, сделался его соправителем, но правил только девять месяцев и умер от болезни (Феофан: 466).

ЛЕВ III ИСАВР

Византийский император в 717 - 741 гг. Родоначальник Исаврийской династии. Умер 18 февр. 741 г.

Лев был родом из Исаврии. Императором Юстинианом II, в первое его правление, он был переселен вместе с родителями в Месем-врию во Фракии. По прошествии нескольких лет, когда Юстиниан наступал с болгарами на Константинополь, Лев вышел ему навстречу и преподнес в дар 500 овец. Юстиниан тотчас назначил его оруженосцем и держал при себе как близкого друга. Но какие-то завистники оклеветали Льва, сказав, что он домогается престола. После расследования дела доносчики были посрамлены, однако молва об этом не умолкала. Юстиниан, если и не хотел явно чем-нибудь причинить вред Льву, все же затаил против него злобу и отослал с деньгами на Кавказ, поручив поднять аланов против племени абас-гов (абхазцев). Лев прибыл в Лази-ку, деньги оставил на хранении в Фасисе и, взяв с собой немного местных жителей, отправился через Кавказские горы в Аланию (аланы тогда жили в долинах Кубани и Терека). Тем временем Юстиниан, желая погубить Льва, велел забрать деньги из Фасиса.

Алань встретили посланца императора со всяческими почестями, послушались его речей, напали на Абасгию и захватили ее. Вскоре открылось, что денег у Льва нет. Но и тогда алань ничего ему не сделали и продолжали оказывать Льву почет. Через какое-то время римляне сделали набег на Лазик. После их отступления в горах задержался отряд в 200 человек. Лев, услышав об этом, в мае месяце перешел через снега Кавказа на круглых лыжах и разыскал римлян. Они встретили его с большой радостью, потому что отчаялись пробиться на родину: путь к морю им закрывала крепость Сидерон, находившаяся под властью арабов. Но когда во главе отряда стал Лев, ему с помощью своих друзей-армян удалось хитростью захватить эту крепость и разрушить ее до основания. Вслед за тем он спустился к морю в землю апсильцев, которые приняли его с почестями и помогли переправиться через море. Лев вернулся на родину, пробыв на Кавказе несколько лет, видимо, уже после смерти Юстиниана. Анастасий II сделал его стра-тигом анатолийского войска. После низложения Анастасия Лев не захотел признать его преемника Феодосия и находился во вражде с ним, одновременно воюя с арабами (Феофан: 709).

Пролцарствовав один год, Феодосий отрекся от престола. Тогда военные и государственные правители стали избирать кандидата на престол, и был выдвинут Лев. Он с торжеством вступил в Константинополь через Золотые ворота и в Софии увенчал себя императорским венцом (Никифор: 716). Своего единомышленника и сотоварища Артавазда, армянского полководца, он сделал зятем, выдав за него свою дочь Анну, и произвел в первые сановники двора (Феофан: 709).

Едва приняв власть, Лев должен был начать борьбу против арабского нашествия. В 717 г. арабы взяли Пергам, вышли к Абидос-скому проливу и переправились во Фракию. Завоевав там много городов, они подошли к Константинополю, окружили его рвом, валом и в течение 13 месяцев осаждали столицу империи с помощью разных машин. 1 сентября к городу подступил огромный арабский флот. Большая часть его благополучно миновала пролив, но 20 отставших тяжело нагруженных судов Лев сжег с помощью своих огне-носных кораблей. Арабы встали у Сосфенийской пристани во Фракийском Боспоре. Так как римляне упорно защищались, им пришлось зимовать во вражеской земле. Между тем, всю зиму стояли морозы, и в течение ста

дней земли не было видно из-за массы выпавшего на нее снега. От голода и лишений у осаждавших умерло множество людей, коней и верблюдов. Весной 718 г. из Египта прибыл второй флот с оружием и хлебом, а затем из Африки третий с многочисленными припасами (Никифор: 717). Однако, опасаясь огненосных кораблей римлян, арабы не решились входить в Бос-пор. Лев, узнав, что они скрываются в заливе, велел поставить на римские корабли огнебросатель-ные сифоны и двинул их против захватчиков. В ходе разыгравшейся битвы большая часть арабского флота была потоплена и римляне овладели огромной добычей. После этого голод среди осаждавших достиг такой силы, что они порезали на мясо всех своих лошадей, ослов, верблюдов и ели всякую падаль. От этого начались среди них заразные болезни и сильный мор. Летом 718 г. халиф с огромным уроном отвел свои войска от Константинополя. Незадолго до смерти в 740 г. Лев имел с арабами еще одну большую битву у местечка Акроинон в Малой Азии, закончившуюся также блистательной победой. Тем самым продвижению арабов на запад был положен конец (Феофан: 709, 710, 731).

Таким образом, в начале VIII в. арабскому могуществу был нанесен сокрушительный удар. Начиная с правления Льва Исавра империя вновь начала усиливаться. В немалой мере этому способствовали проводимые им реформы. На смену наемным войскам постепенно приходит крестьянское ополчение, формируемое по территориальному принципу. Это так называемое фемное войско, возникшее еще при Юстиниане II, получило при Льве дальнейшее развитие: по его указу была образована Фракисийс-кая фема в Азии, а также две фемы в Европе - Фракия и Македония. Но важнейшим событием правления Льва стало возникновение иконоборческого движения (Дашков: «Лев Исавр»). Проводником и главным поборником этой ереси был сам император. Летом 726 г. морские глубины между островами Фирой и Фирасией в Критском море стали выбрасывать огонь, а вместе с огнем и огромное количество гигантских камней. В конце концов из этих камней образовался остров, присоединившийся к острову Иеры. Говорят, что, услышав об этом, император воспринял происходящее как знак Божьего гнева и счел, что его вызвало уклонение христианской церкви в идолопоклонничество (Никифор: 726). Толкуя таким образом события в свою пользу, Лев, по словам Феофана, «воздвигнул самую бесстыдную войну против святых и достойных икон». Византийцы, оскорбленные новым учением, убили некоторых людей императора, которые снимали икону Господу с медных ворот Софии. Многие за свою ревность к иконам были наказаны усечением членов, плетью, изгнаниями и лишениями имений. Церковные училища были закрыты. Жители Эллады и Кикладских островов, не приняв иконоборчества, восстали против Льва и провозгласили императором некоего Козьму. В апреле 727 г. флот мятежников подошел к Константинополю, но был побежден. Их корабли были сожжены или потоплены. Захваченного в плен Козьму император велел обезглавить. Вскоре после этого Лев восстал также и против почитания святых мощей, а всех бывших до него императоров и архиереев объявил идолопоклонниками (Феофан: 718). Духовенство, а в особенности монахи, отнеслись к иконоборчеству очень враждебно. В 730 г. император собрал столичных жителей, призвал патриарха Германа и стал принуждать его подписать послание об уничтожении икон. Но патриарх отказался и снял с себя священство, сказав: «Без Вселенского собора я не могу дать предписание о вере». Из столицы он уехал в родительский дом и здесь жил до самой смерти. На его место Лев возвел клирика Софии Анастасия. С годами сопротивление почитателей икон становилось все более упорным, а борьба против них принимала все более ожесточенный характер. Лев так и не увидел ее конца: страдая тяжелой водянкой, он умер в июне 741 г. (Никифор: 730, 741).

ЛЕВ IV ХАЗАР

Византийский император Исаврийской династии, правивший в 751-780 гг. Сын Константина V. Род. 25 янв. 750 г. Умер 8 сент. 780 г.

В короткое царствование Льва гонения на иконы почти прекратились. По словам Феофана, император на короткое время показал себя благочестивым и любителем Богородицы и монахов. Лишь незадолго до смерти он обнаружил свою «злую душу» и возобновил преследование иконопочетателей. Вскоре после этого карбункулы покрыли его голову, он впал

в жестокую горячку и умер (Феофан: 768, 772).

ЛЕВ V АРМЯНИН

Византийский император в 813- 820 гг. Умер 25 дек. 820 г.

Отечеством Льва была Армения. Достигнув юношеского возраста, он поселился в селении Пидра в феме Анатолик. Там он возмужал и обрел славу храбреца. Стратиг Вардан, который при императоре Никифоре I правил пятью восточными фемами, включил Льва в число своих ближайших слуг, поскольку он был страшен видом, огромен ростом и изыскан речью. Но когда Вардан в 803 г. провозгласил себя императором, Лев покинул своего хозяина и перебежал на сторону Никифора. В награду он получил должность начальника федератов и два дворца в столице: царский дом Зинона и Дагисфей. В дальнейшем Никифор доверил ему войну против арабов. Лев вел ее в общем успешно, но однажды из-за его беспечности враги захватили город Евхаит и похитили все деньги, которые были присланы из казны для выплаты жалованья воинам. За эту вину Никифор приказал бить Льва по спине и груди и наказал вечной ссылкой. Когда же императором стал Михаил I Рангаве, он вернул Льва в столицу, пожаловал званием патрикия и назначил стра-тигом Анатолика. В войне с болгарами Лев был одним из ближайших советников императора, и именно он уговорил его дать несчастную для ромеев битву у Версиникии в июне 813 г. После того как ромеи были разбиты, Михаил отправился в Константинополь, а Льву поручил вести наблюдение за врагами. Воспользовавшись удобным случаем, Лев стал подстрекать солдат к мятежу и всячески поносить императора. Он очень скоро преуспел в своем начинании: воины возмутились и 11 июля 813 г. провозгласили его императором. Едва об этом стало известно в столице, Михаил добровольно сложил с себя власть и постригся в монахи. Лев прибыл в Константинополь, всенародно венчался на царство, а потом опять выступил против болгар, опустошавших окрестности столицы и захвативших Андрианополь. Осенью он наконец победил их под Месем-врией и в следующем году заключил тридцатилетний мир.

Заложив столь успешное начало своего царствования, Лев принялся за государственные дела: он сам упражнял воинов и во многих местах Фракии и Македонии собственными стараниями возвел от основания разрушенные города. На все должности, и военные и гражданские, он расставил людей умных и толковых. Так как сам он был выше сребролюбия, то из всех предпочитал людей неподкупных и отличал их по доблести, а не богатству. Он хотел прослыть любителем правосудия и многие судебные дела рассматривал самолично. Однако из-за свойственной ему жестокости, он был судья суровый и вовсе не милосердный. Он не делал различий между преступлениями малыми и большими, но для всех, кто бы в чем не был уличен, существовал у него один приговор: усечение самых главных членов, которые вывешивались потом на всеобщее обозрение. Такими делами он вскоре вселил к себе ненависть и огромное отвращение. К тому же он, как оказалось, был поборником иконоборческой ереси и, едва придя к власти, начал новое гонение на иконы. Патриарха Никифора он заставил в 815 г. удалиться в изгнание, а на его место возвел своего ставленника Фе-одота. Многие тогда были недовольны императором.

Среди тех, кто громче всех порицал и хулил его, оказался Михаил Травл, его старый товарищ еще по службе у Вардана. Когда об этом донесли императору, Лев велел схватить Михаила и, по рассмотрении дела, приговорил его к сожжению живьем. Травла уже повели к печи, но потом, из-за того, что был канун Рождества Христова, отложили казнь до окончания праздника. Воспользовавшись этой отсрочкой, Михаил велел передать через исповедника своим сообщникам, что, если они не избавят его от смерти, он всех их выдаст императору. Те сошлись вместе и решили, не откладывая дела, убить Льва. После этого заговорщики спрятали под одеждой кинжалы и вместе со всеми прошли во дворцовую церковь. Когда началась вечерняя праздничная служба, Лев встал рядом с певчими и подпевал им. В это время заговорщики бросились на него, но из-за темноты и тесноты сначала промахнулись, приняв за Льва предводителя клира. Император успел скрыться в алтаре, схватил цепь от кадила (по другим свидетельствам - крест) и пытался защищаться. Но заговорщиков было много, и, нападая со всех сторон, они нанесли Льву множество ран. Наконец, они убили его и отрубили

голову (Продолжатель Феофана: 1; 1, 3-4, 6, 9, 13- 16, 19, 21).

ЛЕВ VI ФИЛОСОФ

Византийский император Македонской династии, правивший в 870-912 гг. Сын Василия I. Род. 19 сент. 866 г. Умер 11 мая 912 г.

Официальным отцом Льва считался Василий I. Однако многое давало повод подозревать, что Евдокия Ингерина, мать Льва, родила его от своего любовника, императора Михаила III. Может быть, поэтому Василий всю жизнь относился к Льву очень сдержанно (Дашков: «Лев Философ»). Пользуясь подозрительностью императора, некто Сантаварин, даже попытался оговорить перед ним Льва. Сантаварин донес, что тот скрывает в башмаке кинжал и замышляет отцеубийство. В самом деле, однажды на охоте Василий сделал вид, что ищет кинжал. Сын, ничего не подозревая, достал свой и протянул отцу. Увидев, что слова доносчика справедливы, император приказал схватить Льва и заключить под стражу. В гневе он едва не ослепил сына и не лишил его прав на престол. Но, смягченный просьбами советников, в конце концов выпустил из темницы (Продолжатель Феофана: 5; 100-101). Около 882 г. Василий женил сына на Феофане, девушке красивой и очень благочестивой. Сам Лев позже признавался, что женился на ней не по своей воле, а из страха перед отцом, и испытывал по этому поводу большое огорчение («Псамафийская хроника»; 7). По свидетельству всех источников, набожность Феофано не знала границ: вся ее жизнь была служением Богу. Постель ее была покрыта златоткаными коврами, и она ради близких по вечерам делала вид, что ложится на нее. Но как только наступала ночь, она слезала с постели и ложилась на соломенный матрац и власяницы, разостланные на полу. Время от времени она вставала, простирала руки к небу, воздавая хвалу Господу и прося о спасении души («Житие Феофано»). Как видно из дальнейшего, Льву для семейной жизни нужна была совсем другая женщина. Вскоре после свадьбы он приблизил к себе Зою, дочь одного из придворных, Стилиана Заутцы. Когда об этой связи стало известно Феофане, она пожаловалась свекру. Василий, возмущенный не меньше ее, обошелся с сыном как обычно круто. Сам Лев вспоминал позже: «Придя к блаженному моему отцу, она возвела на меня клевету, будто я общаюсь с Зоей, дочерью Заутцы. Не внимая моим оправданиям и просьбам, он тотчас же выдрал меня за волосы и, бросив на землю, избивал и топтал ногами, пока я не стал обливаться кровью. Зою же против воли приказал выдать замуж» («Псамафийская хроника»; 7).

Свое правление новый император начал с перезахоронения останков Михаила III - его извлекли из усыпальницы и торжественно перенесли в храм Святых Апостолов. Затем император низложил поставленного отцом патриарха Фотия и возвел на патриарший престол своего брата Стефана. Труднее было разрушить семейные оковы, наложенные на него отцом: Льву пришлось жить с нелюбимой женой еще десять лет. В ноябре 895 (или 896) г. Феофано умерла и была причислена к лику святых (Продолжатель Феофана: 6; 1; 1-2, 12). Немного спустя скончался и Федор Гуцуниат, муж Зои Заутца. Был слух, что именно она была виновата в смерти императрицы и своего супруга. Духовенство было очень настроено против Зои, но император, несмотря ни на что, вознамерился жениться на ней («Псамафийская хроника»; 7-8). В 898 г. Лев обвенчался с Зоей и короновал ее. Благословивший ее дворцовый священник Синап был смещен. Процарствовал всего год и восемь месяцев, новая императрица скончалась. В 900 г. Лев женился в третий раз - на Евдокии из фемы Опсикий. В 901 г. она родила ему мальчика, но вскоре и она сама и ребенок умерли. Император взял себе четвертую жену - Зою Карбоноп-сину и жил с ней невенчанной, так как законы - и церковные, и гражданские - воспрещали четвертый брак. В мае 905 г. Зоя родила императору долгожданного наследника - Константина. Патриарх Николай после долгих проволочек согласился крестить его только в январе 906 г. В апреле того же года придворный священник Фома против воли патриарха наконец обвенчал императора с его женой. За этот грех Николай запретил Льву вступать в церковь, отчего ему пришлось отныне слушать службу не в самом храме, а в митатории и входить в Софию с боковой стороны (Продолжатель Феофана: 6; 1; 13, 17, 20, 23). Император, хотя и со многими слезами, покорно сносил наказание вплоть до Рождества, так как в этот день патриарх обещал снять с него эпитимию. Но незадолго до праздника патриарху донесли, что у

императора все готово к сведению его с престола, и дело отложено только до того дня, когда Лев будет вновь допущен в храм. Ввиду этого Николай собрал наиболее влиятельных митрополитов и уговорился с ними не признавать четвертого брака Льва. В день Рождества Христова 25 декабря 906 г. император пришел к Софии вместе со всем синклитом, ожидая, что будет впущен внутрь храма, но патриарх встретил его у дверей и велел как обычно идти в митаторий. Лев залился слезами, вошел в храм с боковой стороны, и во время всей службы до молящихся доносились его горестные рыдания. Многие плакали и горевали вместе с ним. Выражая таким образом внешне свою покорность, Лев в тайне продолжал злоумышлять на патриарха. 1 февраля 907 г. он пригласил Николая к себе на пир и долго просил признать четвертый брак, а поскольку убедить не смог, то прямо с пира велел посадить его в маленькое суденышко и сослать в Галакрин. По низложению Николая в патриархи был возведен настоятель Псамафийско-го монастыря Евфимий. Соборный новый патриархом церковный собор признал наконец брак Льва с Зоей законным («Псамафийская хроника»; 12-13). В 911 г. Лев короновал сына, а вскоре после этого, постигнутый тяжелой желудочной болезнью, скончался, передав царство своему брату Александру (Продолжатель Феофана: 6; 1; 29, 32).

ЛЕВ

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в первой пол. VI в. до Р.Х. Сын Эврикрата II.

Лев продолжал войну с тайге-тами, начатую его отцом (Павсаний: 3; 3).

ЛЕВТИХИД

Спартанский царь из рода Эврипонтидов, правивший в 491-469 гг. до Р.Х.

Сын Мемнара, внук Агесилая, правнук Иппократида, праправнук Леонтихида, сына Анаксипа, внука Архидама, правнука Анаксандрида, прапраправнука Феопомпа.

Левтихид принадлежал к боковой ветви Эврипонтидов. Все его предки вплоть до Феопомпа царями не являлись. И сам он стал царем лишь благодаря Клеомену I. Клеомен находился в непримиримой вражде с Эврипонтидом Демаратом и потому вступил в союз с Левтихидом и пообещал возвести его на престол вместо Демарата. Левтихид же стал заклятым врагом своего родича Демарата из-за того, что был обручен с дочерью Хилона, а Демарат хитростью расстроил этот брак и сам взял девушку в жены. И вот, по наущению Клеомена, Левтихид под клятвой обвинил Демарата, утверждая, что тот не сын царя Аристона и поэтому незаконно царствует над спартамцами. Как и ожидал Клеомен, Демарат был низложен, а царем на его место избрали Левтихида (Геродот: 6; 65-67).

Действуя теперь совместно, оба царя отплыли на Эгину, чтобы взять там заложников. Ведь эгинцы согласились признать власть Дария. Цари выбрали десять эгинцев, самых богатых и знатных, увели их в плен и отдали в качестве заложников афинянам. Вскоре после этого Клеомен сошел с ума и умер, а эгинцы отправили вестников в Спарту принести жалобу на Левтихида по делу о заложниках, содержавшихся в Афинах. Лакедемоняне назначили суд, и суд постановил, что Левтихид причинил эгинцам великую несправедливость и за это следует его выдать им на Эгину, вместо заложников, задержанных в Афинах. Когда эгинцы собирались уже увести Левтихида, Феасид, сын Леопрепея, уважаемый в Спарте человек, сказал им: «Что вы задумали делать, эгинцы? Спартанского царя увести, которого вам выдали его сограждане? Если ныне спартамцы в своем гневе даже и внесли такое решение, то берегитесь, как бы потом, если вы это сделаете, они не погубили вашу страну». Выслушав эти слова, эгинцы отказались от своего намерения увести с собой царя. Однако они договорились, что Левтихид отправится в Афины и вернет им заложников. Левтихид действительно поехал в Афины и требовал вернуть заложников. Афиняне же, не желая выдавать их, выставляли разные оговорки. Царю так и пришлось возвратиться домой ни с чем (Геродот: 6; 85-86).

В 479 г. до Р.Х., уже после Сала-минской битвы, эллины отправили свой флот к Делосу, а начальствовать над ним поручили Левтихиду. Левтихид собирался плыть к Геллеспонту, чтобы

разрушить мосты через него и помешать возвращению персов в Азию, когда к нему явились самосские изгнанники и стали убеждать царя, что ионийцы, едва увидев эллинский флот, сразу же поднимут восстание против персов. Так как самосские гости очень настойчиво излагали свою просьбу, Левтихид поверил в их искренность и согласился принять самосцев в эллинский союз. От слов он перешел к делу: самосцы тотчас же принесли клятву верности и отплыли на родину. Левтихид подождал еще день и после выпадения счастливых знамений, велел флоту плыть с Делоса на Самос. Персы, узнав о приближении эллинов, погрузились на корабли и отплыли к материку под защиту сухопутного войска в Микале. Численность этого войска, которым командовал Тигран, составляла 60 000 человек. Начальники флота решили вытащить на берег корабли и там построить укрепления для защиты кораблей и собственной безопасности.

Левтихид находился в нерешительности, так как не знал, что можно предпринять в подобных обстоятельствах. Наконец решено было плыть к Микале. Но, подойдя к стану персов, эллины не заметили в море ни одного корабля, зато увидели корабли на берегу за укрепленным валом, а вдоль побережья - огромное войско, выстроенное в боевой порядок.

Не смущаясь этим, эллины также высадились на берег и изготовились к битве. Оба войска двинулись друг против друга и афиняне первыми напали на персов. Пока у тех защищало прикрытие из плетенных щитов, персы храбро сражались и не уступали неприятелю. Когда же афиняне прорвали плетеные укрепления и всей массой обрушились на персов, тогда сражение приняло другой оборот. Персы бежали в укрепление. Эллины, преследуя их по пятам, также ворвались за вал. После взятия укреплений варвары уже не думали о сопротивлении и все, кроме персов, обратились в бегство. Персы же продолжали сражаться маленькими отрядами, но тут появились лакедемоняне, которые опоздали из-за того, что вынуждены были наступать через ущелья и горы, и довершили победу.

Прикончив большую часть варваров в сражении или во время преследования, эллины затем предали огню все их корабли и укрепление. Затем они отплыли на Самос, а оттуда к Геллеспонту. Прибыв в Абидос, эллины нашли мосты, которые они считали целыми, уже разрушенными. Тогда Левтихид и пелопоннесцы решили отплыть назад в Элладу. Афиняне же переправились из Абидоса в Херсонес и преступили к осаде Сеста (Геродот: 9; 90-92).

Уже гораздо позже этих событий Левтихид предводительствовал лакедемонянами во время их похода в Фессалию. Он легко мог покорить всю страну, но позволил подкупить себя большими деньгами. Левтихида застали на месте преступления: он сидел в своем собственном стане на мешке полном золота. Привлеченный к суду, царь бежал из Спарты, и его дом был разрушен. Бежал же он в Тегею и там скончался.

У Левтихида был сын Зевкси-дам, но умер еще при жизни отца, оставив сына Архидама II, который и принял власть над страной (Геродот: 6; 71-72).

ЛЕОНИД I

Спартанский царь из рода Агидов, правивший в 491-480 гг. до Р.Х. Род. в 508 г. до Р.Х. Умер 480 г. до Р.Х. Сын Анаксандрида.

Леонид был младшим братом Клеомена I и вступил на престол после того, как Клеомен сошел с ума и умер, не оставив мужского потомства (Геродот: 7; 205).

За первые десять лет своего царствования Леонид не сделал ничего замечательного, но зато навеки обессмертил себя последним в своей жизни сражением при Фермопилах.

Согласно Геродоту, Ксеркс вторгся в Элладу в 480 г. до Р.Х., когда у эллинов шли Олимпийские игры, а у спартанцев был канун Карнеи. Оба праздника обязывали к священному перемирию, и это было одной из причин того, что в Фермопильском проходе персов встретил лишь небольшой отряд. Спартанцы выслали навстречу огромной армии Ксеркса Леонида с отрядом в 300 спартанцев, притом таких, у кого уже были дети. По пути к Леониду присоединились 1000 тегейцев и мантинейцев, 120 человек из Орхомен в Аркадии и 1000 остальных аркадцев. Из Коринфа было 400 человек, из Флиунта - 200 и из Микен - 80. Эти люди прибыли из Пелопоннеса. Из Беотии явились 700 феспийцев и 400 фиванцев. Кроме того, спартанцы вызвали на помощь опунтских локров со всем их ополчением и 1000 фокийцев.

Когда это небольшое войско прибыло к Фермопильскому проходу, на воинов напал страх, и многие стали думать об отступлении. Пелопоннесцы предлагали отступить на полуостров и охранять Истм. Фокийцы и локры пришли в негодование от такого решения, и поэтому Леонид приказал оставаться на месте, а в города послал вестников с просьбой о помощи, так как у них было слишком мало войск, чтобы отразить нападение персидских полчищ.

Четыре дня Ксеркс не начинал сражения, надеясь, что спартанцы обратятся в бегство. Наконец, на пятый день, царь в ярости послал против них мидян и кассиев с приказанием взять их живыми и привести перед его очи. Мидяне стремительно бросились на эллинов. При каждом натиске много мидян падало, на место павших становились другие, но мидяне не отступали, несмотря на тяжелый урон. Можно сказать, что тогда всем, а в особенности самому царю, стало ясно, что людей у персов много, а мужей среди них мало. Схватка эта длилась целый день.

Получив суровый отпор, мидяне вынуждены были отступить. На смену им пришли персы во главе с Гидарном (царь называл их «бессмертными»). Они думали легко покончить с врагами. Но, когда дело дошло до рукопашной, персы не добились большего успеха, чем мидяне. Им приходилось сражаться в тесноте более короткими копьями, чем у эллинов. При этом персам не помогала их численный перевес. Эллины же мужественно бились с врагами и показали свою доблесть в военном деле перед неумелым врагом. Время от времени они делали поворот, и тогда все разом для вида обращались в бегство. При виде этого варвары с боевым кличем и криком начинали их теснить. Эллины же, настигаемые врагом, поворачивались лицом к противнику и поражали несметное число персов. При этом, впрочем, погибали и некоторые из греков. Персам также пришлось отступить.

Царь, как рассказывают, наблюдал за ходом сражения и в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона. Так они бились в этот день. Но и последующий день не принес варварам удачи. Персы нападали беспрерывно в расчете на то, что немногочисленные эллины вскоре все будут изранены и не смогут уже сопротивляться. Эллины же стояли в боевом строю по племенам и родам оружия, и все сражались, сменяя друг друга, кроме фокийцев. Фокийцы же были отосланы на гору охранять горную тропу, ведущую в обход позиций эллинов. Персы, увидев, что дело идет не лучше вчерашнего, вновь отступили.

Царь не знал, что делать дальше. Тогда явился к нему некий Ели-альт, малиец. Надеясь на великую награду, он указал персам тропу, ведущую через гору в Фермопилы. Ксеркс принял предложение Епиальта и, чрезвычайно обрадовавшись, тотчас послал Гидарна с его отрядом. Переправившись через Асоп, персы шли целую ночь. Справа возвышались этейские горы, а слева - трахинские. Уже занялась утренняя заря, когда персы достигли вершины горы. Именно на этом месте стояла на страже 1000 фокийских гоплитов для защиты своей земли и охраны тропы.

Несмотря на эту охрану, персы взобрались на гору незаметно, так как вся она густо поросла дубовым лесом. Только по шуршанию листьев фокийцы догадались о приближении большого отряда и бросились к оружию. В этот момент и показались варвары на вершине. С изумлением они увидели перед собой людей, надевающих доспехи. Но когда Гидарн узнал от Эпиальта, что это не лакедемоняне, а фокийцы, он построил воинов в боевой порядок. А фокийцы под градом стрел тотчас бежали, пропустив врага в тыл лакедемонянам.

Еще ночью к Леониду прибыл перебежчик с сообщением об обходном маневре. Тогда эллины стали держать совет, и их мнения разделились. Одни были за то, чтобы не отступать от своего поста, другие же возражали. После этого войско разделилось: часть его ушла и рассеялась, причем каждый вернулся в свой город; другие, и с ними Леонид, решили оставаться.

Рассказывают также, будто сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели. Ему же самому и его спартанцам не подобает, считал он, покидать место, на защиту которого их послали.

Только одни фокийцы и фиванцы остались с лакедемонянами. Между тем Ксеркс начал наступление, а спартанцы во главе с Леонидом выступили ему навстречу из теснины в то место, где проход расширялся. В этой схватке варвары погибали тысячами. Причем большая часть была раздавлена своими же. Эллины знали о грозившей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому они проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами

отчаянно и с безумной отвагой.

Большинство спартанцев, сломав копья, принялись поражать персов мечами. В этой схватке пал сам Леонид после доблестного сопротивления, и вместе с ним пало много других знатных спартанцев. За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка, пока, наконец, отважные эллины не вырвали его из рук врагов. Битва продолжалась до тех пор, пока не подошли персы, ведомые Гидарном. Заметив их, спартанцы отступили в теснину и все оставшиеся в живых, - кроме фиванцев, которые поспешили сдаться, - заняли позицию на холме. Холм этот находился у входа в проход. Здесь спартанцы защищались мечами, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел.

После этого Ксеркс пошел между мертвыми телами осматривать поле битвы. Увидев тело Леонида, он повелел отрубить его голову и посадить на кол. Слуги исполнили приказание царя (Геродот: 7; 201- 207, 210-213, 215, 217-220, 222-225, 233, 238).

ЛЕОНИД II

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 254-243, 241-235 гг. до Р.Х. Сын Клеонима, внук Клеомена II.

Леонид принадлежал к младшей ветви Агидов и, подобно своему отцу, не имел надежды на царскую власть. После того как в расцвете сил погиб в 262 г. до Р.Х. царь Акро-тат, Леонид стал опекуном его сына. Когда же, не войдя в возраст, ребенок умер, царство неожиданно перешло к Леониду, плохо ладившему с согражданами. Хотя общий упадок и испорченность сказались на всех без изъятия спартанцах, в Леониде измена отеческим взглядам видна была особенно ясно, потому что он много времени провел при дворах сатрапов, служил Селевку, а теперь, не зная ни стыда, ни меры, проявлял азиатскую надменность и в пользовании царской властью, призванной повиноваться закону, и в своем отношении к делам греков.

Когда соправитель Леонида из рода Эврипontiдов Агис IV задумал свои реформы (он хотел, чтобы земля из частных рук вновь вернулась государству и была бы поделена между всеми спартанцами), Леонид хотел помочь богатым, но из страха перед народом открыто ничего не предпринимал, втайне же стремился принести делу вред и окончательно его расстроить, клеветая на Агиса властям, будто молодой царь сулит беднякам имущество богатых в виде платы за тираническую власть и что раздачею земли и отменой долгов готовится скорее купить для себя многочисленных телохранителей, чем приобрести граждан для Спарты.

Когда вопрос о переделе земли и отмене долгов был поставлен в народном собрании, Леонид не выдержал и открыто обрушился на Агиса, который передал в общее пользование все свое имущество. Леонид рассудил, что и сам будет вынужден последовать примеру молодого царя и его друзей, но равной благодарности от сограждан не получит, ибо все отдадут свое добро одинаково, а честь целиком достанется тому, кто выступил первым.

С помощью геронтов Леониду удалось провалить закон. В ответ эфор Лисандр, один из друзей Агиса, привлек Леонида к суду на основании одного древнего закона, запрещавшего Гераклиду приживать людей с чужестранкой и грозившего ему смертью, если он покидает Спарту, чтобы поселиться в другой стране. Лисандр представил двух свидетелей в том, что царь прижил двоих детей с женщиной азиатского происхождения, которую выдал за него какой-то начальник конницы у Селевка, но впоследствии жена прониклась к нему неприязнью и отвращением, и он, вопреки собственному желанию, вернулся домой, где и завладел престолом, поскольку других наследников не оказалось. Вместе с тем Лисандр уговорил зятя царя, Клеомброта, который был тоже царской крови, заявить притязания на власть. Леонид был жестоко напуган и, с мольбой об убежище, укрылся в храме Афины Меднодомной; вместе с ним была его дочь, оставившая Клеомброта. Леонид получил вызов в суд, но не вышел из храма, и тогда спартанцы передали царство Клеомброту.

В следующем году, когда назначены были новые эфоры, Леонид бежал в Тегею. Люди Агиса сопровождали его, чтобы никто не мог напасть на низложенного царя и убить его (известно было, что Аге-сила, дядя Агиса, послал вслед Леониду убийц).

Впрочем, Леонид недолго находился в изгнании. Уже в следующем году злоупотребления Агесилая вызвали всеобщую ненависть к нему, и врагам преобразований удалось вновь вернуть

Леонида на царствование.

Леонид изгнал Клеомброта, отстранил от должности прежних эфоров и назначил новых. Агиса он выманил из храма и посадил в тюрьму. В тот же день, после короткого суда, он был приговорен к смерти и казнен. Затем казнили его мать и бабу (Плутарх: «Агис»; 1, 3, 7, 10, 11, 12, 16, 18, 19).

ЛЕОНТИЙ

Византийский император в 695 - 698 гг. Умер 705 г.

Леонтий происходил из Исаврийской области и был стратигом анатолийского войска (Никифор-695). В 685 г. Юстиниан посылал его в Армению, где Леонтий, удачно выступив против арабов, вновь покорил Ивирию, Албанию, Вулканию и Мидию (Феофан: 678). Но потом Юстиниан за какую-то провинность заключил Леонтия в темницу и в течение трех лет держал в заточении. В 695 г. император неожиданно освободил Леонтия и назначил его стратигом Эллады, приказав, однако, в тот же день отправиться из Константинополя. Среди ночи изгнанника пришли проводить его друзья - Павел, настоятель монастыря Каллистрата, и Григорий, игумен монастыря Флора. Леонтий, увидев их, сказал: «Напрасно вы предвещали мне царствование, потому что ныне я ухожу отсюда, и мне остается горький конец жизни». Он собирался уже идти садиться на корабль, но монахи преградили ему путь и с помощью многих доводов убедили, что пророчество их должно непременно сбыться, если только он не будет медлить и прямо сейчас овладеет верховной властью. Убежденный в конце концов ими, Леонтий привел некоторых из своих оруженосцев и отправился втихомолку к претории. Он объявил, что пришел император. Эпарх претория открыл ворота и был сразу же связан, а Леонтий, очутившись внутри, освободил всех заключенных и вооружил их. Сторонникам своим он велел разбежаться по всему городу и скликать всех христиан к храму Софии. Вследствие этого множество народа в смятении поспешило собраться у крещальни церкви. Сторонники Леонтия принудили патриарха Каллиника выйти из дома и обратиться к горожанам с поощрительной речью. После этого толпа стала бранить Юстиниана и провозглашать Леонтия императором. С наступлением дня все Устремились на ипподром, куда привели и связанного Юстиниана. Народ требовал казнить низложенного императора, но Леонтий, щадя его и из-за любви к его отцу Константину, ограничился тем, что велел отрезать ему нос и язык, а затем выслал в Крым. Новому императору пришлось вскоре столкнуться с большой опасностью. В 697 г. арабы взяли Карфаген и овладели всей Африкой. Леонтий отправил против них римский флот под командой патрикия Иоанна. Сначала Иоанн имел успех и выбил арабов из Карфагена, но потом потерпел поражение и отступил к Криту. Здесь его войско подняло мятеж и провозгласило императором Апсимара, архонта Кури-киотской армии. Апсимар с флотом подступил к Константинополю и некоторое время спустя, подкупив стражу на стене Влахерн, захватил город. Леонтию он приказал отрезать нос и заточил его в Делматский монастырь, а сам взошел на престол под именем Тиберия III (Никифор: 695, 697, 698).

Семь лет Леонтий пробыл в заключении. В 705 г. в его судьбе произошла последняя перемена: Юстиниан II вновь взошел на трон. Горя жаждой мщения, он велел доставить Леонтия и с позором влачить его по городу вместе с низложенным Тиберием. Во время конских ристалищ он сидел, попирая их шеи ногами. Наконец, утолив свою ненависть, он приказал обезглавить обоих на Собачьем рынке (Феофан: 695).

ЛИВИИ СЕВЕР

Римский император в 461-465 гг.

Севера провозгласил императором всесильный полководец Рицимер. Никакой реальной власти он не имел и никакой памяти о своем правлении не оставил. Умер он, как можно заключить, не своей смертью, а был умерщвлен по воле Рицимера (Гиббон: 36).

ЛИКУРГ

Царь лакедемонян в 220-212 гг. до Р.Х.

После смерти Клеомена III в Египте эфоры избрали Ликурга царем вместе с Агесиполидом III. Несмотря на то, что живы были многие представители рода Эврипonti-дов, все они были обойдены, и царем назначили Ликурга, из предков которого ни один не носил этого звания. Но он дал всем эфорам по таланту и был объявлен потомком Геракла (Полибий: 3; 35-36).

ЛИСИМАХ

Правитель и царь Фракии в 324- 281 гг. до Р.Х. Царь Македонии в 285- 281 гг. до Р.Х. Род. в 361 г. до Р.Х. Умер 281 г. до Р.Х.

Ж.: 1) Мекрида, одриска; 2) Никея, дочь Антипатра; 3) Амастрида; 4) Арсиноя, дочь египетского царя Птолемея I.

Лисимах происходил из знатной македонской семьи, но был более прославлен своим подвигами, чем знатностью (Юстин: 15; 3). Арриан упоминает его среди телохранителей Александра (Арриан: 6; 28). Курций Руф сообщает, что однажды, охотясь в Сирии на львов, он в одиночку убил зверя исключительной величины, который успел разорвать ему левое плечо до кости (Курций Руф: 8; Г). Рассказывали также, что как-то раз в гневе Александр велел заключить Лисимаха в одном помещении со львом, но он оказался победителем зверя; после этого Александр стал всегда оказывать ему уважение и почет наравне с лучшими из македонцев (Павсаний: 1; 9).

После смерти Александра Лисимах получил в управление Фракию с прилегающими к ней пон-тийскими областями (Курций Руф: 10; 10). Но далеко не вся Фракия была подвластна ему. Вокруг его владений жило много независимых племен, с которыми он вел постоянные войны. Уже в 323 г. до Р.Х. он воевал с царем Сеуфом, но, несмотря на кровопролитное сражение, исход войны остался неясен (Диодор: 18).

Долгое время Лисимах не участвовал в войнах диадохов. Только в 315 г. до Р.Х. он примкнул к союзу против Антигона, захватившего к этому времени всю Азию. Впрочем, восстание фракийцев, начавшееся в 313 г. до Р.Х. в его землях, не позволило ему проявить себя в войне с Антигоном. Сначала калантыне выгнали от себя македонский гарнизон. Точно так же поступили ис-трыне. Они заключили союз с фракийцами и скифами. Лисимах подступил к Одису и вскоре взял его. Потом он покорил истриан и двинулся против Каллантия. Фракийцев он привел в страх и уговорил перейти на свою сторону, а скифов разгромил и прогнал прочь. После того как македонцы осадили Каллантий, Антигон отправил на помощь городу своего полководца Павсания. Лисимах пошел ему навстречу. При переправе через Эм он встретил фракийского царя Се-уфа, союзника Антигона, вступил с ним в бой и заставил очистить переправу. Вслед за тем Лисимах напал на Павсания. Сам Павсаний пал в бою, а войско его частью разбежалось, частью перешло на сторону Лисимаха (Диодор: 19).

В 306 г. до Р.Х., услышав, что Антигон присвоил себе царский титул, Лисимах тоже стал именовать себя царем (Юстин: 15; 2).

Только 302 г. до Р.Х., имея под началом кроме своей армии еще и армию Кассандра, Лисимах переправился в Азию, взял сходу Си-гей и отправил часть войска на завоевание Ионии и Элиды, Сам он во Фригии при Геллеспонтe захватил Синаду, а его полководцы взяли Эфес и Колофон. Явившись затем в Лидию, Лисимах занял Сарды. Антигон выступил было против него, но был отвлечен наступлением Селевка. Вскоре произошла битва при Ипсе, в которой Антигон нашел свой конец. Держава его была поделена между победителями (Диодор: 20).

По смерти Антигона, Лисимах присоединил к своим владениям Малую Азию и с этого времени стал играть более заметную роль в политических событиях того времени. В 291 г. до Р.Х. он вступил в войну с ближайшими из своих соседей, одрисами, а затем пошел войной на Дромихета и на гетов. Но так как он столкнулся с людьми опытными в военном деле и, кроме того, во много раз превосходящими его численностью, то попал в крайне опасное положение и в конце концов оказался в плену (Павсаний: 1; 9). Дромихет, Царь гетов, принял Лисимаха с исключительным радушием. Указав затем царю на свою бедность и бедность своего племени,

он посоветовал ему впредь не воевать с такими племенами, но вступать с ними в дружеские отношения (Страбон: 7; 3). Ничего не получив во Фракии, Лисимах вместе с тем упустил свою удачу и в Македонии. От своего зятя Антипатра, сына Кассандра, он получил некоторые македонские области, но для того, чтобы удержать их, надо было вести войну с македонским царем Деметрием Полиоркетом, сыном Антигона. Занятый войной во Фракии, Лисимах отдал македонские земли без боя по мирному договору (Юстин: 16; 1).

Но когда Деметрий, располагая силами всего Македонского государства, решил отобрать у Лисимаха Азию, Птолемей, Селевк и Лисимах, поняв из опыта предшествующей войны, какая великая сила заключается в согласии, снова заключили между собой союз, объединили свои военные силы и перенесли войну в Европу. К ним в качестве сотоварища и военного союзника присоединился царь Эпира Пирр, который надеялся на то, что Деметрий так же легко потеряет Македонию, как он ею овладел. И эта надежда не оказалась тщетной: Пирр уничтожил войско Деметрия, самого его заставил бежать и занял Македонское царство (в 288 г. до Р.Х.). Пока все это происходило, Лисимах убил своего зятя Антипатра, который обвинял тестя в том, что вследствие его коварства он потерял македонский престол. Свою дочь Эвридику, которая поддерживала эти обвинения, Лисимах заключил в темницу (Юстин: 16; 2).

В 285 г. до Р.Х., после поражения Деметрия в Сирии, Лисимах, избавленный от постоянной заботы и тревоги, двинулся, наконец, на Пирра, который стоял лагерем под Эдессой. Сперва он напал на обозы, подвозившие продовольствие, захватил их и этим вызвал в войске Пирра голод, затем письмами и речами побудил знатнейших македонцев к измене, пристыдив их за то, что они поставили над собой господином чужеземца, чьи предки всегда были рабами македонцев, а друзей и ближайших соратников Александра изгнали из Македонии. Когда многие склонились к уговорам Лисимаха, Пирр, испугавшись, ушел с войсками эпиротов и союзников, потеряв Македонию так же легко, как прежде приобрел. Лисимах стал македонским царем, сохранив за собой Фракию и Малую Азию (Плутарх: «Пирр»; 12). Таким образом, он, казалось, достиг вершины могущества и положил начало великому царству. Однако обычно с людьми происходит много несчастий из-за любви, и в судьбе Лисимаха любовь сыграла роковую роль. Когда он достиг уже преклонного возраста и боги благословили его многочисленным потомством, да и у Агафокла, его сына, были уже дети от Лисандры, Лисимах женился на Арсиное, сестре Лисандры. Говорят, что эта Арсиноя, боясь за себя и за своих детей, как бы после смерти Лисимаха им всем не оказаться во власти Агафокла, составила заговор на его жизнь. Другие же писали, будто Арсиноя влюбилась в Агафокла, но, не достигнув своей цели, задумала убить его, а затем поссорила отца и сына (Павсаний: 1; 10). Спустя некоторое время Лисимах возненавидел Агафокла, несмотря на то, что ранее уже назначил его своим наследником и что Агафокл не раз успешно вел для него войну. Забыв обо всем этом, Лисимах велел его отравить (Юстин: 17; 1). Когда совершилось это невероятное преступление, Лисандра бежала в Вавилон к Селевку, взяв с собой детей и братьев. За ней последовал и Александр - сын Лисимаха, но от другой жены, из племени одрисов. Они вдвоем стали умолять Селевка начать войну с Лисимахом (Павсаний: 1; 10). Тем временем Лисимах, совершенно попавший под власть Арсинои, подверг казни своих ближайших сподвижников - первых лиц в государстве - за то, что они жалели убитого юношу. Поэтому и те, которые избежали казни, и те, которые командовали войсками, один за другим начали переходить на сторону Селевка и побуждать его начать войну с Лисимахом, к чему Селевк и без того был склонен (Юстин: 17; 1). Одновременно с этим и Филетр, которому были доверены все сокровища Лисимаха, глубоко потрясенный кончиной Агафокла и относясь подозрительно к действиям Арсинои, захватил Пергам и перешел во власть Селевка (Павсаний: 1; 10).

Итак, побуждаемый со всех сторон, Селевк в 282 г. до Р.Х. начал войну. Это была последняя схватка соратников Александра. Их как бы сохранила судьба, чтобы на их примере явить свою превратность. Лисимаху было 74 года от роду, Селевку - 77. Но и в этом возрасте оба они были молоды душой и оба горели ненасытной жадной властью. Ведь они вдвоем владели всем миром, но им казалось, что они замкнуты в тесные границы и измеряли остатки своей жизни не числом своих лет, а пределами своих государств.

В этой войне (282-281 гг. до Р.Х.) Лисимах, который еще ранее потерял вследствие разных причин пятнадцать своих детей, не без славы окончил свою жизнь и завершил своей гибелью

гибель своей семьи (Юстин: 17; 1-2). После того как он был наголову разбит и погиб, Александр, упомянутый выше сын Лисимаха от одриссианки, с трудом умолил Лисандра отдать ему труп Лисимаха и впоследствии, отвезя его в Херсонес, похоронил там (Павсаний: 1; 10).

ЛИЦИНИЙ, Валерий Лициниан

Римский император в 308-324 гг. Род. ок. 265 г. Умер 325 г.

Лициний происходил из Дакии и был с давних пор знаком с императором Галерием, особенно со времени войны против персидского царя Нарсеса. Уже тогда Лициний понравился Галерию за энергичные дела и поступки (Евтропий: 10; 4). В 307 г. Галерий сделал Лициния своим соправителем с титулом цезаря, оставил его для охраны Иллирика и Фракии, а сам двинулся в поход на Италию против Мак-сенция. По возвращении в 308 г. он провозгласил его августом и отдал под его власть Рецию и Паннонию (Виктор: «О Цезарях»; 40). После смерти Галерия в 311 г. едва не началась война между Лицинием и Максимином, правившим в Сирии и Египте. Войска обоих претендентов встретились в Вифинии, но императоры сумели договориться о разделе власти: Лицинию отошли европейские провинции Галерия, а Максиминому - азиатские. В 313 г. Лициний отправился в Медиолан и женился на Констанции, сестре императора Константина I. Макси-мин считал это время удобным для начала войны и переправился с большим войском в Европу. Лициний поспешил обратно в свои провинции, однако из-за внезапности нападения сумел собрать лишь небольшую армию. Тем не менее сражение неподалеку от Геллеспонта кончилось для него успешно. Лициний преследовал бегущих в Азии, осадил Максимиана в Тарсе и вскоре узнал о его смерти. Все восточные провинции после этого признали его власть (Лактанций: 36, 45, 49).

По свидетельству Виктора, своей алчностью до денег Лициний превзошел всех; он был крайне властолюбив, был очень суров и раздражителен, враждебно относился к наукам, которые по своему безмерному невежеству называл ядом и чумой для общества. Как человек, родившийся и воспитанный в деревне, он благоволил земледельцам и вообще сельским жителям, а стоя на страже военного дела, строжайше придерживался старинной дисциплины (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 41). О бережливости он заботился совсем по-деревенски, а к врагам своим был безмерно жесток. Во все время его правления не было пределов пыткам и казням (Виктор: «О Цезарях»; 41).

После гибели всех остальных императоров Лициний и Константин остались единственными владыками римского мира. Несмотря на близкое свойство, война между ними началась почти сразу после смерти Максимиана и продолжалась десять лет. В 314 г. Константин победил Лициния у Цибала и отобрал у него Далмацию, Мезию и Македонию (Евтропий: 10; 5). В 324 г. война возобновилась. Разбитый во Фракии Лициний отступил к Халкедону (Виктор: «О Цезарях»; 41). Константин преследовал его и в Малой Азии. В конце концов Лициний был побежден в морском и сухопутном сражении у Никомедии и сдался (Евтропий: 10; 6). Через свою жену он передал Константину свое царское облачение и отрекся от власти. После этого он был сослан в Фес-салоники, а спустя немного времени Константин велел задушить его (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 41).

ЛУЦИЙ ВЕР, Цезарь Аврелий Август

Римский император из рода Антонинов, правивший в 161 -169 гг. Соправитель Марка Аврелия. Род. в 15 дек. 130 г. Умер февр. 169 г.

Луций Вер принадлежал к этрусскому роду Цейониев Коммодов, из которого вышли несколько консулов. Все его предки относились к высшей знати, а отец был усыновлен императором Адрианом и назначен в наследники его власти, но умер раньше своего соправителя. Однако и после этого маленький Луций остался в императорской семье. Чтобы обеспечить за ним власть на будущее, Адриан незадолго до смерти велел своему преемнику и соправителю Антонину Пию усыновить Луция, так же как и Марка Аврелия.

Обучался он поначалу в доме Тиберея и был очень любим учителями, несмотря на то что

не отличался способностями к наукам. Зато он любил удовольствия, веселье и был очень склонен ко всякого рода пристойным забавам, играм и шуткам. После усыновления в 138 г. он был переведен в семью Аврелиев и воспитывался там, имея перед глазами пример Марка Аврелия. Любил он охоту, борьбу в палестре и всякого рода упражнения, принятые у молодежи. Доступ к высоким должностям был открыт ему с ранней юности. В 153 г. он получил квестуру, в 154-м первое консульство, а в 161-м - второе. Но большого влечения к делам он не имел никогда. Гораздо более он увлекался цирковыми играми и гладиаторскими боями.

После смерти в 161 г. Антонина Пия Марк Аврелий допустил Луция к императорской власти, предоставил ему трибунские полномочия и наделил консульским достоинством; он сделал его своим соправителем, хотя сенат вручил власть ему одному. С этих пор Луций стал величаться Вером и Августом, тогда как до этого времени именовался Коммодом. В делах управления Луций повиновался Марку как легат проконсулу или как наместник императору. На первых парах Марк обращался к воинам с речью от имени их обоих, и Вер, помня о совместном управлении, держал себя с достоинством и считался с примером Марка. Вообще, несмотря на свою страсть к излишествам и наслаждениям, он был человек очень простодушный и этим сглаживал многие свои недостатки. Однако, отправившись в 163 г. в Сирию, чтобы возглавить кампанию против парфян, он опозорил себя не только невоздержанным образом жизни, но и скандальными любовными похождениями (он даже сбрил бороду по требованию своей любовницы). Прибыв в Антиохию, он предался роскошному образу жизни, пока его полководцы с большим трудом отбивали нашествие вражеской армии. Зимой он проводил в Лаодикее, лето - в Дафне. В то время как наместник Кападокии Северин пал вместе со своими легионами, а сирийцы замыслили отложиться от Рима и весь Восток подвергнулся опустошениям, он охотился в Апулии или катался по морю с музыкой и пением у Коринфа и Афин и задерживался в каждом известном своими удовольствиями приморском городе Азии. Возвратившись три года спустя в Рим, он дал полную волю своей распущенности. У себя в доме он устроил настоящий кабак, куда ходил даже после пиров у Марка, причем его обслуживали там всякого рода мерзкие люди. Рассказывают также, что он ночи напролет играл в кости, усвоив себе этот порок в Сирии, и дошел до того, что шатался ночью по кабакам и лупанарам, закрыв голову обыкновенным капюшоном, какой носят в дороге, и пировал с разными проходимцами, затевал драки, скрывая от собутыльников, кто он такой, и часто возвращался домой избитый, с синяками на лице. В трактирах он бросал крупные монеты, чтобы разбить ими чаши. Во время своих пиров он часто устраивал гладиаторские бои, затягивал такие пиры на всю ночь и засыпал на пиршественном ложе, так что его поднимали вместе с носилками и переносили в спальню. Марк Аврелий знал о нем все, но делал вид, что ни о чем не подозревает, стыдясь упрекать брата. Не желая отправлять Луция одного на Маркоманнскую войну или оставлять его без надзора в Риме, Марк Аврелий в 167 г. взял его с собой в поход. Все заботы Марк принял на себя, а Луций проводил время на охоте и пирах. После освобождения Паннонии императоры отправились в Рим, но неподалеку от Альтина Луций внезапно умер от апоплексического удара. Упорно ходили слухи о его отравлении, однако никаких явных доказательств этому представлено не было ни тогда, ни позже (Капитолии: «Вер»; 1-4, 6-7, 9).

МАВРИКИЙ, Флавий Тиберий

Византийский император в 582- 602 гг. Род. в 539 г. Умер ноябрь 602 г.

Маврикий считал своим отечеством кападокийский город Аравис. Покинув родину, он прибыл в Константинополь, где начал службу простым столичным нотарием. При Юстине II он получил должности комита эскувитов и комита федератов, а в 577 г. был провозглашен магистром Востока, и ему поручили ответственную войну против персов (Дашков: «Маврикий»). По свидетельству Евагрия, это был муж благородный и предусмотрительный, всегда и во всем тщательный и постоянный. И в образе жизни, и в нравах он был тверд и разборчив, избегал изнеженности и чревоугодия (Евагрий: 5; 19). Менандр добавляет, что свойства высокого духа он соединял с кротостью, не был ни горд, ни высокомерен (Менандр:

58).

В 578 г. Маврикий двинулся в глубь Персии. Несмотря на сильную горячку, он продолжал нести все военные тяготы. Вторгшись в Арзанену и не найдя противника, римляне заняли Афумон - так называлось одно из самых сильных укреплений, - другие укрепления они разрушили и перебили в персидском государстве огромное количество людей. Из Арзанены Маврикий прошел к берегам Тигра и подчинил своей власти крепость Сингарон. В следующем году он опять вступил в персидские владения и разорил оба берега Тигра. На этот раз римляне опустошили все плодородные и наиболее цветущие области Персии, избивая людей и уничтожая посеы. Летом 580 г. Маврикий опять проник в персидские владения через пустыни Аравии. Но, когда он уже вышел к берегам Евфрата, стало известно, что персидская армия разоряет римские провинции у Каллиника. Маврикий быстрым маршем повел свои легионы на врага и нанес ему поражение. В июне 581 г. персидский полководец Тамхосро с большой армией подступил к Константине, и здесь произошла крупная битва между персами и римлянами, в которой Маврикий одержал полную победу (Симо-катта: 3; 15-17). Император Тиберий II осыпал Маврикия наградами, отдал ему в жены свою дочь Констанцию и, умирая в августе 582 г., завещал ему власть над империей (Симакатта: 1; 1). Во все время своего правления Маврикий пришлось вести упорные войны с внешними врагами. Кроме персидской войны, которую ему удалось с успехом завершить в 591 г. (Симокатта: 5; 2-3), много сил отнимала война с аварами и славянами. В 584 г. славяне подступили к Константинополю, прорвались даже за «Длинные стены» и на глазах у всех произвели страшную резню в предместьях. С большим трудом полководцу Коментиолу удалось отогнать их и нанести славянам поражение (Симокатта: 1; 7). В следующие годы ожесточенная война продолжалась с попеременным успехом. В 599 г. авары, разбив Коментиола, подступили к Константинополю, но остановлены были открывшейся в их войске эпидемией. В один день умерло семь сыновей кагана. Сенат просил императора отправить к варвару посольство в Дризиперу, которое смягчило бы его ласковыми словами. Каган неохотно принял дары, но согласился на мир. Заговорили о выкупе пленных (их было 12 000). Авары просили по золотому за каждую душу. Маврикий не согласился дать такой суммы. Каган просил половину за душу; и этого император дать не согласился; не хотел даже выкупить их за четыре кера-тии; и каган, разгневанный, всех убил и возвратился в свои пределы. Из-за этого возникла великая ненависть к Маврикийю. Войско отправило к императору депутатов, обвиняя Коментиола в прямом предательстве, так как он вывел солдат, не готовых к бою, и даже не предупредил их, что ведет на битву - из-за этого и случилось поражение. Но Маврикий не принял обвинений против полководца и отпустил депутатов без успеха. Среди воинов упорно держался слух, что император поручил Коментиолу предать их неприятелю, дабы покарать их за непослушание. Через это, по словам Феофана, в армии началось злоумышление против Маврикия.

Опасные признаки недовольства усиливались с каждым днем. Из-за засухи в столице стали ощущаться перебои с хлебом. Начался даже голод. Когда осенью 601 г. император совершал вместе с народом молебствие и босиком шел в Карпионах, вдруг некоторые из черни возмутились и стали кидать в Маврикия камнями, так что он едва спасся и с сыном своим Феодосией закончил молитву в Влахер-нах. В следующем году взбунтовались фракийские легионы. Стояла уже стужа, но Маврикий приказал войску переправиться через Дунай и провести зиму в земле славян, а съестные припасы заготовить себе там же, чтобы он не имел нужды присылать им общественное продовольствие. Когда Петр, брат императора, призвал к себе военачальников и объявил им указ Маврикия, те сказали, что войско не примет этого; и действительно, узнав о воле императора, оно тотчас возмутилось. Собравшись, мятежные толпы провозгласили главнокомандующим сотника Фоку.

В это время горожане прислали просьбы к Феодосию, сыну Маврикия, чтобы он над ними царствовал или возвел на престол своего тестя Германа. Маврикий, узнав об этом, высек Феодосия розгами, а Германа хотел захватить и казнить, но народ не допустил исполнения его воли. В столице началось восстание. Маврикий в глухую полночь сбросил с себя царскую одежду, оделся в простую, сел на легкий корабль и бежал с женою и детьми. Чернь же всю ночь постыднейшими ругательствами ругалась на императора. На море между тем поднялась великая буря. Маврикий, совершенно разбитый подагрой, был задержан в Халкидоне, на другой

стороне пролива. Тем временем Фока вступил в столицу и принял императорскую власть. Спустя несколько дней он отдал приказ казнить своего предшественника вместе со всеми его сыновьями. Императорскую фамилию вывели на мол Евтропия в Халкидоне. Сперва на глазах у Маврикия отрубили головы пятерым его сыновьям, чтобы растерзать его сердце. Но Маврикий с философским равнодушием взирал на их несчастье и часто провозглашал: «Праведен ты, Господи, и праведен суд Твой!» Нянюшка украла было самого младшего из сыновей, еще младенца, и на его место представила собственного своего ребенка, но Маврикий разоблачил ее обман (Феофан: 592-594), объявив, что несправедливо сокрытием этого сына оскорблять святость смерти других детей. Затем он и сам был обезглавлен. Трупы их были брошены в море (Симокатта: 8; 11), а головы выставлены на Грибунальной площади и стояли там до тех пор, пока не сгнили. Петр, брат императора, и многие другие были убиты. Только о старшем сыне Маврикия, Феодосий, шла молва, что он спасся и нашел убежище в Персии (Феофан: 595).

Важным нововведением Маврикия было объявление греческого языка официальным языком империи (до этого им считался латинский) (Дашков: «Маврикий»).

МАЙОРИАН

Римский император в 457-461 гг. Умер 7 авг. 461 г.

Дед Майориана с материнской стороны был одним из полководцев Феодосия Великого, а его отец заведовал в Галлии государственными доходами. Сам Майориан с ранней юности посвятил себя военной службе. Много лет он сражался под командованием Аэция. В конце концов его воинская слава возбудила зависть в жене Аэция, которая принудила его выйти в отставку. Но после смерти Аэция Майориан, благодаря своей дружбе с Рицимером, занял еще более блестящее положение. В 456 г. Рицимер сверг императора Авита и, получив от сената титул патриция римлян, сделался фактическим правителем Италии. В феврале 457 г. он возвел Майориана в звание начальника конницы, а в апреле провозгласил его императором (Гиббон: 36). По свидетельству Прокопия, Майориан превосходил своими достоинствами всех императоров римлян, правивших на Западе (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 7). Приняв имя Августа, он прежде всего простил населению все недоимки за прежние годы и постарался уменьшить произвол чиновников, собиравших налоги, так как знал, что их злоупотребления стало тягчайшим злом для всех подданных. Императорскую власть в провинциях, превратившуюся в чистую фикцию, он укрепил и сделал более действенной. Так он одержал победу над королем готов Теодорихом и заставил население Испании и большей части Галлии считаться со своей волей (Гиббон: 36). Приск пишет, что Майориан заключил союз с готами, занимавшими Галлию, и присоединил окрестные народы частью силой оружия, частью силой убеждения (Приск: 21). Вслед за тем он стал готовиться к войне с вандалами, чтобы отомстить им за жестокое разграбление Рима. К этому времени римляне уже не имели своего флота, и Майориану пришлось затратить не мало усилий, чтобы вновь приучить их к морским походам. В Апеннинах была начата заготовка корабельного леса, а по всей империи объявлен сбор пожертвований. В короткий срок в карфагенской гавани в Испании было собрано триста кораблей. Но этой армаде так и не суждено было увидеть берегов Африки. Вандальский король Гизе-рих внезапно напал на римский флот, частью захватил, частью сжег много кораблей. Источники говорят, что успех вандалов стал возможен благодаря предательству римских полководцев. Очень вероятно, что Майориан был предан самим Рицимером, увидевшим угрозу в возросшем могуществе императора. В августе 461 г. близ Тор-тоны в варварских легионах вспыхнул мятеж, поддержанный Рицимером. Майориан вынужден был отречься от престола. Через пять дней после этого он скончался - по одним сведениям от дизентерии, по другим - от рук палача (Гиббон: 36).

МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ

Византийская императорская династия, правившая в 867-1056 гг.

МАКЕДОНСКИЕ ЦАРИ

Династия, правившая в Македонии в VIII-II вв. до Р.Х.

Основана Пердиккой I, происходившим по преданию из рода Гераклидов (он был потомком аргосского царя Темена).

МАКРИН, Марк Опилий

Римский император в 217-218 гг. род. в 164 г. Умер 218 г.

О жизни Макрина до того, как он стал императором, известно очень мало. Кажется несомненным, что он был самого низкого происхождения и родился в Африке, в мавританском городе Кесарии. Одни пишут, что он был вольноотпущенником, человеком из дома терпимости, исполнявшим рабские обязанности в императорском доме. Потом он якобы стал вести мелкие судебные дела, выступал с речами, обучал в школе, а при Северах был записан в всадники и наконец стал адвокатом императорского казначейства. По другой версии, Макрин был сначала рабом-гладиатором и, получив освобождение, направился в Африку; сначала был охотником, потом нотариусом, а затем адвокатом императорского казначейства. Как бы то ни было, он достиг самого высокого положения и в 212 г. был назначен префектом претория (Капитолин: «Опилий Макрин»; 4). По свидетельству Геродиана, Макрин был чрезвычайно опытен в судебных делах и особенно сведущ в законах. Но Каракалла то и дело публично насмеялся над ним, говоря, что он не воин и ни на что не годен. Он говорил также, что префект претория лишен мужественности и страдает женской слабостью. Макрин тяжело переживал свой позор, однако посягнул на жизнь Императора не прежде, чем почувствовал угрозу для своей собственной. Случилось так, что Материи-ан, которому Каракалла доверил все дела в Риме, написал императору в Эдессу и настоятельно советовал избавиться от Макрина. Он мотивировал это тем, что маги указали ему на угрозу, исходящую от префекта претория. Письмо Материи-ана по недосмотру Каракаллы попало в руки Макрина вместе со связкой других писем. Прочитав его, Макрин решил нанести опережающий удар и для исполнения своего замысла привлек некоего Марциалия, у которого незадолго до этого по приказу императора был казнен брат. И вот во время перехода из Эдессы в Карры, когда Каракалла отошел по нужде в сторону от своих телохранителей, Марциалий поразил его ножом под ключицу и убил на месте. Германцы-телохранители набросились на убийцу и умертвили его. Когда о случившемся узнало войско, все сбежались к Каррам, и сам Макрин первым стоял над трупом и рыдал, будто пораженный горем. Воины оказались в растерянности и недоумении, как им быть дальше. Два дня они оставались без государя и раздумывали, кого провозгласить правителем, а уже известно было, что на них идет парфянский царь Артабан с большим и сильным войском. В конце концов они остановили свой выбор на Макрине, так как их сильно подговаривали к этому трибуны. Во всяком случае, Макрин стал императором не столько по расположению и доверию к нему войска, сколько под влиянием необходимости и момента. Сразу вслед за тем началась тяжелая битва с парфянами. Два дня противники сражались с чрезвычайным упорством и доблестью. На третий день парфяне, имевшие значительное превосходство в коннице, попытались окружить римлян, но Макрин приказал растянуть фалангу в ширину и тем помешал им осуществить свое намерение. К вечеру погибло столько людей и животных, что все поле было покрыто горами трупов. Между армиями образовался непроходимый вал из мертвых тел, поэтому, не имея возможности идти друг на друга, враги разошлись по своим лагерям. Тем же вечером Артабан узнал, что Каракалла уже нет в живых, и согласился заключить мир. Месопотамия осталась за римлянами (Геродиан: 4; 12-15).

Макрин отвел легионы в Анти-охию и отправил письмо в сенат с извещением о своем избрании. Сенаторы, против ожидания, охотно утвердили волю войска, конечно, не из расположения к Макрину, а из ненависти к Каракалле. Ошибкой со стороны Макрина было то, что он не распустил войска и не поспешил сразу в Рим, где бы его наверняка приняли благожелательно. Но он остался в лагерях и вел роскошный образ жизни, появляясь перед солдатами разукрашенным большим количеством золота и драгоценностями. Это в конце

концов стало раздражать легионеров. Они все громче роптали на то, что после тяжелой войны вынуждены жить в лагерях, терпя всякие лишения, в то время как их полководец проводит жизнь в неге и роскоши. Макрин еще больше усилил их нерасположение, стараясь суровыми мерами восстановить воинскую дисциплину.

Весной 218 г. распространилось известие, что финикийские легионы провозгласили императором юного Гелиогабала, которого его бабка Юлия Меса объявила сыном Каракаллы. Макрин сначала отнесся к своему противнику с пренебрежением. Сам он остался в лагере, а в Финикию отправил префекта лагеря Юлиана. Но солдаты убили его и перешли на сторону Гелиогабала. Встревоженный этой вестью, Макрин собрал все имеющиеся у него войска и уже сам выступил навстречу мятежникам. Войска встретились на границе Финикии и Сирии. Сейчас же многие из солдат Макрина перебежали на сторону врага. В битве, происшедшей 8 июня неподалеку от Антиохии, Макрин потерпел полное поражение. Еще до окончания сражения он тайком бежал из императорской палатки, переодевшись в простую дорожную одежду и покрыв голову. Тяжело больной и изнуренный ездой, он добрался до Халке-дона в Вифинии. Здесь сторонники Гелиогабала настигли его и обезглавили. Вместе с ним был убит и его сын (Геродиан: 5; 2, 4).

МАКСЕНЦИЙ, Марк Аврелий Валерий

Римский император в 306-312 гг. Сын Максимилиана. Род. ок. 280 г. Умер 28 окт. 312 г.

Максенций был зятем Галерия, но не получил своей доли во власти, так как император откровенно недолюбливал его. всю жизнь прожив вдали от Рима, Галерий предполагал отдать Италию, словно второстепенную провинцию, под управление Флавию Северу. Его, а не Максенция, он провозгласил соправителем, сначала с титулом Цезаря, а потом и Августа. Желанию его не суждено было осуществиться. В 306 г. преторианцы при поддержке римлян восстали против Галерия и провозгласили императором Максенция. Галерий не сразу признал права зятя В 307 г. он отправил против него Севера с большим войском, но тот был покинут солдатами и вскоре лишился жизни. Второй поход на Рим Галерий возглавил лично и тоже не добился успеха. Поневоле он принужден был согласиться со сложившимся положением.

Победив тестя, Максенций в том же году едва не пострадал от происков собственного отца Максимилиана Этот властолюбивый старик пытался устроить заговор против сына, но воины не поддержали его. Таким образом, благодаря поддержке римлян Максенций удержался у власти и в течение пяти лет управлял Италией и Африкой (Лак-танций: 26-28, 32). Но прошло совсем не много времени, и римляне убедились, что посадили себе на шею настоящего тирана. По натуре Максенций был дик и бесчеловечен и становился еще хуже, отдаваясь своим страстям (Виктор: «О Цезарях»; 40). Сначала, желая понравиться народу, он приказал прекратить гонения на христиан и, изображая себя благочестивым, принял вид правителя доступного и более кроткого, чем предыдущие. На деле он оказался не таким, каким про него думали. В каких только нечестивых делах он себя не обнаружил: он разлучал законных супругов, издевался над женщинами позорнейшим образом и отсылал их обратно к мужьям. И обижал он не простых, неизвестных женщин, но преимущественно жен сенаторов Невозможно перечислить, сколько сенаторов он казнил, чтобы завладеть их имуществом; очень многие были уничтожены по разным вымышленным предлогам. Преступления свои он увенчал обращением к магии; причем для своих чаро-действ он то разрезал чрева беременных женщин, то рылся во внутренностях новорожденных (Евсевий: «Церковная история»; 8; 14).

При том, что он был труслив и не воинственен (Виктор: «О Цезарях»; 40), именно Максенций первый объявил войну правившему в Галлии Константину, обвиняя его в убийстве своего отца. В 312г. Константин вступил в Италию и начал наступление на столицу. Сам Максенций оставался в Риме и предполагал вести войну через своих полководцев. Но когда неподалеку от стен города началось решительное сражение, народное возмущение заставило его присоединиться к войску. Максенций прибыл к своим легионам, когда сражение было в самом разгаре (Лактанций: 44). Спустя некоторое время солдаты его побежали. На мосту через Тибр началась давка. В суматохе конь императора оступился, и Максенций упал в речную пучину. Тело его под тяжестью панциря немедленно пошло на дно и было затянута илом, так

что групп потом едва смогли отыскать (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40). Известие о смерти Максенция было воспринято и народом и сенатом с невероятным ликованием: настолько невыносимым для всех было его угнетение (Виктор: «О Цезарях»; 40).

МАКСИМ I, Марк Клодий Пупиен

Римский император в июне-июле 238 г. Род. ок. 164 г. Умер 238 г.

Максим принадлежал к очень простому и незнатному роду. Его отец, по одним сведениям, был кузнец, а по другим - тележный мастер. Все свое детство он провел в доме дяди Пинария. Позже ему удалось получить образование благодаря некой Песценнии Марцел-лине, которая приняла его к себе и воспитывала как сына. Впрочем, у грамматика и ритора он занимался недолго, зато всегда вырабатывал в себе воинскую доблесть и суровость. Он был военным трибуном, командовал многими воинскими подразделениями, а потом исполнял должность претора, был последовательно проконсулом Ви-финии, Греции и Нарбоны. Посланный в качестве легата, он разбил в Иллирике сарматов, а переведенный оттуда на Рейн довольно успешно вел дело против германцев. После этого он заслужил одобрение как самый благоразумный, способный и строгий префект Рима. Говорят, что он был очень жаден до еды, но очень умерен в употреблении вина и чрезвычайно редко прибегал к утехам Венеры. В своей домашней и общественной жизни он всегда отличался суровостью, так что даже заслужил прозвание угрюмого. Выражение его лица было серьезное и брюзгливое; ростом он был высок, телом - очень здоров, нрав имел надменный, но был справедлив и никогда не был до конца жестоким и немилостивым. Сенат его любил, а народ боялся, так как всем известны были его требовательность и строгость.

В мае 238 г., когда низложенный сенатом Максимин с большим войском приближался к Италии, а оба сенатских императора - Гордиан I и Гордиан II погибли в Африке, сенат решил передать императорскую власть Максиму, дав ему в соправители Бальбина, причем все признавали, что в то время в сенате не было человека более подходящего, кому подобало бы принять звание государя. Но когда решение это было объявлено народу, многие из страха перед Максимом стали возмущаться и успокоились не прежде, чем сенат объявил Цезарем и соправителем при двух своих ставленниках еще и юного Гордиана III, внука недавно погибшего Гордиана I.

Немедленно по принятии власти Максим с большим войском выступил против Максимиана, который успел уже переправиться через Альпы. Он шел навстречу врагу, испытывая сильнейший страх, и часто говорил, что ему предстоит борьба не с человеком, а с циклопом. Пока Максимин осаждал Аквилею, Максим находился в Равенне. К счастью для него, Максимин был вскоре убит своими собственными солдатами, а голова его доставлена в Равенну. Приняв под свое начало воинов убитого императора, Максим вернулся с ними в Рим.

Капитолии пишет, что оба императора успели показать себя разумными государями: они издавали превосходные законы, терпеливо выслушивали тяжбы, внесли порядок во все то, что относится к военному делу. Но этим они не могли заслужить любви воинов. Многие из них с горечью вспоминали о смерти избранного ими Максимиана и, видя, что ими распоряжаются ставленники сената, все больше проникались ненавистью к ним (Капитолин: «Максим и Бальбин»; 5-8, 11, 13). И вот, когда в городе происходили Капитолийские состязания и все были заняты празднествами и зрелищами, солдаты внезапно обнаружили свой образ мысли, который до тех пор скрывали, и, не сдерживая своего гнева, под влиянием неразумного порыва, все как один бросились во дворец и ворвались к старикам-государям. Схватив их обоих, они сорвали с них всю одежду и нагих выволокли из дворца с бранью и издевательствами. Тут их подвергли всяким телесным мукам: избивали до полусмерти, вырвали им бороды и брови. Наконец, совершенно изувечив обоих, они бросили их трупы на проезжей дороге, а Цезаря Гордиана подняли на плечи и провозгласили Августом и императором (так как в это время не нашлось никого другого) (Геродиан: 8; 8).

МАКСИМ II, Петроний

Римский император в марте-мае 455 г.: Умер 12 июня 455 г.

Максим принадлежал к богатому и благородному роду Анциев. В юности он получил хорошее образование, был отмечен многими достоинствами как в частной, так и в государственной жизни. При Валентиниане III он три раза занимал должность преторианского префекта Италии, дважды возводился в звание консула и наконец был пожалован достоинством патриция (Гиббон: 36). Но за все свои заслуги он удостоился от императора черной неблагодарности. Прокопий пишет, что Валентиниан прельстился женой Максима, женщиной скромной и красивой. Не имея надежды добиться от нее взаимности, он хитростью заманил ее во дворец и изнасиловал. Максим, жестоко оскорбленный этой подлой выходкой, использовал все свое влияние на то, чтобы покарать императора. 16 марта 455 г. Валентиниан был убит. После этого Максим сам захватил власть и принудил императрицу Ездоксию выйти за него замуж (первая жена его умерла) (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 4). Но день его восшествия на престол, по свидетельству Сидония, был последним днем его благополучия. Дворец оказался ему тюрьмой, а после того, как он провел бессонную ночь, он стал сожалеть о том, что достиг исполнения своих желаний. И действительно, царствование его оказалось коротким и несчастливым (Гиббон: 36). Как-то, находясь с Евдоксией на ложе, он признался, что убил Валентиниана из-за любви к ней. Евдоксия пожелала отомстить за его преступление. Как только наступил день, она отправила в Карфаген послание, умоляя вандалского короля Гизериха напасть на Рим и покарать ее мужа. Гизерих откликнулся на ее желание и с сильным флотом отплыл в Италию (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 4-5). Максим даже не пытался отразить нашествие варваров. Когда вандалы высадились в устье Тибра, он попытался спастись бегством. Но едва император показался на улице, чернь напала на него и побила камнями (Гиббон: 36). Труп его был разрублен на части, которые римляне разделили между собой (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 5).

МАКСИМИАН ГЕРКУЛИЙ, Марк Аврелий Валерий

Римский император в 286-305, 307-308 гг. Род. ок. 250 г. Умер 310 г.

Геркулий происходил из сельской местности в Паннонии. Он родился недалеко от Сирмия в семье поденщика. По свидетельству Аврелия Виктора, Геркулий был необузданного нрава, отличался сластолюбием и тупоумием (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 50). Евтропий же называет его мужем жестоким, склонным к свирепости и коварству, недружелюбным и совершенно нерасположенным к добру (Евтропий: 10; 4). Даже лицо его будто бы выражало свирепость (Евтропий: 9; 27). Но, так или иначе, он был хорошим и умным воином. В 285 г. император Диоклетиан поручил Геркулию, который был его старым другом, войну в Галлии против разбойников-багаудов. К этому времени багауды сделались настоящим бедствием для римлян: они опустошили много полей и даже пытались штурмовать города. Наделенный неограниченными полномочиями, Геркулий повел против разбойников упорную войну: частью рассеял врагов, частью захватил в плен и в скором времени всех усмирил. В 286 г. Диоклетиан сделал Геркулия своим соправителем с титулом Августа. Во власть ему были отданы Африка и Италия (Виктор: «О Цезарях»; 49). В 297-298 г. он подавил восстание в Киренаике.

В 305 г. Диоклетиан уговорил Геркулия уйти в частную жизнь, а дела государственные передать более молодым - Констанцию и Галерии, бывшим до этого Цезарями. Геркулий последовал его совету с большой неохотой и в один день с Диоклетианом сложил с себя в Медиолане знаки императорского достоинства (Евтропий: 9; 23, 27). Он поселился в Лукании, но, как показали дальнейшие события, только ждал повода для того, чтобы вновь вернуть себе власть. В 306 г. преторианцы в Риме, учинив бунт, избрали императором Максенция, сына Геркулия. Узнав об этом, Геркулий поспешил в Рим. Он убеждал в своих письмах и Диоклетиана принять обратно оставленную власть, но тот только посмеялся над этим (Евтропий: 10; 2). Вместе отец и сын повели войну против Флавия Севера, соправителя Галерия. В 307 г. Максимиан захватил Севера, отступившего в Равенну, в плен и принудил к самоубийству (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40). Он не сомневался, что

Галерий, узнав о гибели своего сотоварища, явится сам с войском в Италию. А так как он не имел сил противиться ему, то отправился в Галлию и склонил на свою сторону правившего там Константина, сына Констанция Хлора. Для скрепления союза он выдал за него свою дочь Фаусту. После неудачного вторжения Галерия в Италию и его бегства, Максимиан вернулся обратно в Рим и стал править вместе с Максенцием. Но могущество Максенция было более значительно. Престарелый император с сожалением видел, что власть его разделена, и позавидовал славе своего сына настолько, что вознамерился прогнать его и воспринять по-прежнему всю власть. Он собрал однажды войско и народ, как будто желая поговорить с ними о беспорядках государства, и, долго разглагольствуя, вдруг наложил руки на сына и, назвав его виновником всех бедствий, сорвал с него багряницу. Максенций бросился с трибуны вниз и был принят в объятия воинов. Те ответили на выходку Максимилиана гневным ропотом, и, таким образом, не удовлетворившись малым, Геркулий лишился всего (Лактанций: 27-28). Он уехал в Галлию, притворившись, будто бы изгнан своим сыном, дабы таким образом склонить к себе Константина (Евтропий: 10; 3). Из Галлии он отправился на восток, к Геркулию и Диоклетиану, но и здесь никто не хотел поддерживать его притязания. Максимиану пришлось второй раз отречься от власти и присутствовать на церемонии провозглашения Цезарем Лициния. Тогда Максимиан задумал лишить престола своего зятя. Ждать удобного момента ему пришлось недолго. В 310 г. в Галлию вторглись франки. Геркулий коварно уговорил Константина разделить свою армию и идти на врага только с одной ее частью, уверяя, что не нужно больших сил для победы над варварами. Константин последовал совету тестя и выступил в поход с небольшой частью войска. По прошествии нескольких дней Максимиан вдруг снова облачился в багряницу, овладел сокровищами зятя, стал во множестве расточать их на подкуп войска, а против Константина выдвинул тысячи ложных обвинений. Когда слух об этом дошел до самого Константина, он поспешно возвратился обратно. Максимиан не имел времени изготавиться. Большинство воинов сразу покинуло его. С оставшимися он пытался укрыться в Массилии, но был выдан жителями.

Несмотря на столь явное злодейство, Константин не подверг тестя никакой каре, но стал относиться к нему с большой подозрительностью: он ожидал новых преступлений и не ошибся. Максимиан принялся уговаривать дочь Фаусту, чтобы та погубила мужа, обещая найти ей другого, гораздо более достойного. Когда она сделала вид, что склоняется на его просьбы, Геркулий велел ей оставить дверь императорской спальни незапертой и уменьшить перед ней стражу. Фауста на словах обещала все это сделать, но дала знать о замыслах отца Константину. Тогда Константин решил устроить все так, чтобы поймать тестя при явном совершении преступления. На свое место в постель он велел положить осужденного на смерть евнуха. Ночью Максимиан прокрался в императорскую спальню и умертвил его. С окровавленным кинжалом он выбежал к воинам и объявил о своем преступлении. Но среди его торжества внезапно явился живой Константин и уличил его в вероломстве и убийстве. На этот раз о помиловании не могло быть речи. Максимиану самому предложили выбрать род своей смерти. Он предпочел повеситься-и ему петлей сломали шею (Лактанций: 29, 30).

МАКСИМИН ДАЗА, Галерий Валерий

Римский император в 309-313 гг.

Максимин был сыном сестры императора Галерия и носил до получения власти свое настоящее имя - Даза (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40).

В юности он был пастухом, потом воином, потом телохранителем, потом лагерным досмотрщиком, и, наконец, в 305 г. Галерий усыновил его, провозгласил своим соправителем с титулом Цезаря и дал в управление Сирию и Египет (Лак-танций: 19). Аврелий Виктор пишет, что Максимин был робок и из-за преклонного возраста не справлялся с работой (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40). По свидетельству же Ев-севия, он вовсе не в состоянии был нести бремя высшей власти, не по заслугам полученной, - ему не хватало благоразумия и государственного ума; все дела он вел глупо и неумело (Евсевий: «Церковная история»; 9; 10). Но несмотря на это, Максимин ревниво следил за успехами своих соперников и не желал уступать им ни в чем. По избрании Лициния императором, Галерию много труда

стоило успокоить Максимиана, который, пренебрегая именем Цезаря, не хотел занимать третьего места. В конце концов Галерий возвел его в Августы. После смерти дяди в 311 г. Максимиан немедленно выступил против Лициния, но, встретившись в Вифинии, они договорились о разделе власти (Лактанций: 32, 36).

О характере Максимиана языческие историки пишут очень скупо, а христианские описывают его самыми черными красками. Виктор сообщает, что Максимиан был спокойного нрава, почитал умнейших людей и литераторов, но был жаден до вина (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40). Евсевий Памфил был не так снисходителен к его порокам. По его словам, страсть Максимиана к пьянству и вину дошла до такой степени, что на пиршествах он допивался до потери сознания и отдавал в пьяном виде приказания, в которых на следующий день, протрезвев, сам раскаивался. Он не мог миновать ни одного города, чтобы не обесчестить женщин и не похитить девиц (Евсевий: «Церковная история»; 8; 14). Лактанций добавляет, что по приказу Максимиана евнухи рыскали повсюду и если находили где красивую девушку или замужнюю женщину, то ни отцы, ни мужья не имели уже над ней власти. Он дошел до такой крайности, что без его позволения никто не смел жениться, и каждый должен был предоставлять ему права пользования первой ночью. Наконец, не зная иного закона кроме своей воли, он не пощадил даже и жены своего предшественника и благодетеля, которую он называл своей матерью. По смерти Галерия, Валерия, его вдова, удалилась во владения Максимиана, но он стал преследовать ее своими приставаниями и угрозами. Когда же она ему отказала, он в гневе лишил ее имущества, рабов, всего достояния и подверг тяжелой ссылке. Возобновил он и гонения на христиан, приостановленные Галерием.

После того как Лициний объявил о своем намерении взять в жены сестру Константина, Максимиан стал искать дружбы правившего в Италии Максенция. Но им не удалось соединиться для совместной борьбы. В 312 г. Максенций был разбит Константином и погиб. Лициний отправился в Медиолан на свою свадьбу. Максимиан считал это время удобным для начала войны. Из Сирии он вторгся в Вифинию, оттуда переправился в Европу, овладел Византием и Гераклеей. Однако в последовавшем затем сражении победу одержали легионы Лициния. Сам Максимиан бежал с поля боя в одежде раба и едва успел переплыть море. Лишь в Капа-докии, с трудом собрав остатки войска, он облекся вновь в императорские одежды. Но Лициний преследовал его и в Азии. Максимиан укрылся в Тарсе и решил покончить жизнь самоубийством. После роскошного пира он принял яд. Но из-за обилия съеденной пищи яд не оказал ожидаемого действия, а только превратил его желудок в сплошную язву. С этого времени у Максимиана началась смертельная болезнь (Лактанций: 36, 38, 39, 43, 45, 47, 49). Он не мог принимать пищи и метался в жестоких мучениях, изнемогая от голода. Тело его в короткое время все стаяло, словно в невидимом огне, осталась лишь кожа и сухие кости. Наконец он умер от истощения (Евсевий: «Церковная история»; 9; 10).

МАКСИМИАН ФРАКИЕЦ, Гай Юлий Вер

Римский император в 235-238 гг. Род. ок. 172 г. Умер 10 мая 238 г.

Максимиан был родом из фракийского поселка, на границе с варварами; варварами же были его родители: отец происходил из страны готов, а мать из племени аланов. В раннем детстве он был пастухом, а также главарем молодежи, устраивал засады против разбойников и охранял своих от их нападений. Военную службу он начал в коннице при Септимии Севере. Он выделялся своим огромным ростом (почти 2,4 м), а также отличался доблестью, мужественной красотой, неукротимым нравом, был суров и высокомерен, презрителен в обращении, но часто проявлял справедливость. Причиной его известности послужило следующее событие. В день рождения своего младшего сына, Геты, Север устроил военные игры. Во время состязаний Максимиан победил одного за другим шестнадцать противников. Затем император, желая испытать его выносливость в беге, приказал Максимиану сопровождать его и пустил коня вскачь. Проехав достаточно большое расстояние (причем Максимиан не отставал от него ни на шаг), Север предложил ему снова принять участие в состязаниях. Максимиан вступил в борьбу и победил без передышки еще семерых самых сильных противников. Император наградил его золотой шейной гривной и взял в свою личную охрану. С этого времени он стал знаменитым

среди воинов. Север всегда любил и выделял его. Под его покровительством Максимин сделал первые шаги в своей карьере. При Каракал-ле он в течение долгого времени нес службу центуриона. В правление Макрина, которого он сильно ненавидел за то, что тот убил сына его императора, он ушел с военной службы и приобрел себе земельные владения во Фракии. Когда Макрин был убит, Максимин пришел к Гелиогабалу и вновь попросился на службу. Но при этом грязном и недостойном человеке он не мог иметь никакого значения. Хотя ему и было дано звание трибуна, он большей частью находился в разъездах по своим делам и лечил мнимые болезни. Став императором, Александр Север сразу назначил Максимиана трибуном четвертого легиона. Несмотря на преклонный возраст, тот сохранил всю свою силу. Говорят, что он вызывал на борьбу и валил на землю по пятнадцати человек, а груженую телегу мог притянуть к себе одной рукой.

Отправившись в 235 г. на войну против германцев, император назначил Максимиана префектом новобранцев и отдал ему под начало всех рекрутов (Капитолин: «Двое Максиминов»; 1-7). Исполняя со всей тщательностью все ему порученное, он приобрел в полной мере расположение воинов, так как не только обучал их тому, что следовало делать, но и сам во всех делах показывал им пример. Кроме того, он привлекал их к себе подарками и разными отличиями. Вследствие этого юноши замыслили свергнуть Александра и провозгласить Августом и императором Максимиана. И вот, собравшись вооруженными на равнину, как будто для обычных упражнений, они возложили на вышедшего и ставшего перед ними Максимиана царскую порфиру и провозгласили его императором. Неизвестно, был ли он в неведении относительно происходящего или тайно сам подготовил это заранее. Сначала он отказывался и сбрасывал с себя порфиру, но, когда его обступили с кинжалами и грозили убить, он принял почесть. Сразу вслед за тем мятежники двинулись на лагерь Александра Севера. Все легионы перешли на сторону Максимиана, и Александр был убит вместе со своей матерью (Геродиан: 6; 8-9).

Сделавшись императором, Максимиан действовал всегда очень хитро, и не только управлял своими воинами в силу своей доблести, но и внушал им величайшую любовь к себе путем раздачи наград. Но обладая такими достоинствами, он в то же время был так жесток, что одни называли его Циклопом, иные - Скироном, а многие - Тифоном. Одних он распинал на кресте, других заключал в гела только что убитых животных, иных бросал на растерзание диким зверям и засекал розгами - и все это, не обращая внимания на положение человека: казалось, он хотел, чтобы везде царила военная дисциплина. Он был убежден в том, что власть нельзя удержать иначе, как жестокостью. Вместе с тем он опасался, как бы вследствие его низкого, варварского происхождения его не стала презирать знать. Для того, чтобы скрыть прошлое, он уничтожил всех, кто знал о его роде, даже некоторых друзей, которые из жалости к его бедности многое ему дарили. Он не терпел около себя ни одного знатного человека (Капитолин: «Двое Максиминов»; 8-9). Вслед за тем Максимиан отстранил всех, кто сопровождал Александра в качестве советников, избранных сенатом. Всю прислугу прежнего императора он также изгнал из дворца (Геродиан: 7; 1). Еще одно обстоятельство увеличило его жестокость: был раскрыт истинный или мнимый заговор некоего консуляра Магна, который предполагал убить императора после того, как он переправится на германский берег Рейна. Но едва Максимиану стало известно об этом замысле, он велел схватить и перебить всех подозреваемых. Всего без суда, без обвинения, без доносов, без защиты было казнено около четырех тысяч человек. Поспешность, с которой все было сделано, привела к тому, что погибло много невинных. Да и вообще подозревали, что никакого заговора не было, просто император таким образом расправился со своими врагами (Капитолин: «Двое Максиминов»; 10).

Совершив все это, Максимиан бесстрашно переправился через Рейн вместе со всем войском и начал жестоко опустошать неприятельскую землю. Никто не осмелился оказать ему сопротивления. Германцы отступили в чащи своих лесов, но Максимиан упорно преследовал их, оттеснил к болотам и здесь навязал сражение. Римляне медлили с нападением, тогда он сам отважно начал битву и первым верхом на коне въехал в болото. Солдаты, видя, как их государь разит врагов, несмотря на то, что конь его по самое брюхо погрузился в воду, воспрянули духом и кинулись следом. С обеих сторон в этой битве, более походившей на морское сражение, пало столько людей, что все топи заполнились трупами, а вода стала красной от крови.

Германцы были преданы почти поголовному истреблению, а римляне, хотя и понесли огромные потери, остались победителями.

С наступлением зимы Максимин отвел войско в Паннонию и расположился в Сирмии. В Рим он так и не поехал, но готовился к войне с сарматами. Однако внутренние дела отвлекли его от этого похода. К 238 г. возмущение против Максимиана охватило всю империю, поскольку народ был не в силах более сносить его неукротимую жестокость и столь же безмерную жадность. Император легко обращал свой слух к клевете, не Щадя ни возраста, ни достоинства человека. Достаточно было самого мелочного и низкого наговора, чтобы самые достойные люди подверглись жесточайшим репрессиям. Многие из них были лишены имущества, изгнаны или казнены. Разорив и уничтожив много славных фамилий, император перешел к общественному имуществу: он ограбил все города и храмы, до которых только мог добраться, и присвоил себе их имущество под предлогом военных нужд. Все, что только возможно: статуи богов, почетные дары героям, убранство общественных мест или украшения - переплавлялось в монету. Это возбуждало массы к ненависти и мятежу.

Начало выступлению положила Африка. Тамашние жители убили наместника, который именем Максимиана разорял и грабил страну, и провозгласили императором консуляра Гордиана. Едва об этом стало известно в Риме, ненависть к Максимиану, прежде скрываемая, проявилась со всей очевидностью. Все статуи и изображения императора были опрокинуты, а его сторонники перебиты. Сенат немедленно признал Гордиана и его сына Августами, а Максимиана объявил врагом. Во все провинции были разосланы посольства с извещением о перевороте, и большая часть их присоединилась к возмущению. Когда Максимиану сообщили о совершившемся, он стал мрачен и сильно озабочен, но притворился, что относится к этому с презрением. В первый и во второй день он спокойно находился у себя, советуясь с друзьями о том, что следует делать. На третий день он выдал воинам много денег и объявил поход на Рим. Но, поскольку война началась внезапно и ничего не было для нее готово, император двигался медленно, собирая отовсюду провиант и подтягивая резервы. Тем временем стало известно, что Гордиан разбит в Африке сторонниками императора и покончил с собой. В этой крайности сенаторы большинством голосов избрали из своей среды императорами Максима и Бальбина (Геродиан: 7; 2-5, 7-10).

Заслышав о приближении императорского войска, жители в страхе разбежались, разоряя свои земли. Воины ночевали в покинутых городах. Уже тогда они стали испытывать нужду в продовольствии. Тем не менее им удалось без помех переправиться через Альпы и спуститься в Италию, где на их пути встала Аквилея. Жители ее с великой поспешностью приготовили свой город к осаде: восстановили стены, башни и укрепления, которыми не пользовались уже много лет. Провианта и оружия у них тоже оказалось в изобилии (Геродиан: 8; 1-2). Таким образом, неожиданно для себя император натолкнулся на упорное сопротивление. Решительный штурм не принес ему успеха. Ак-вилейцы защищались от воинов серой, огнем и другими подобного рода средствами: многие воины получили тяжелые ожоги или лишились зрения, сожжены были и осадные машины. Думая, что война затягивается вследствие бездеятельности его сторонников, Максимин казнил своих военачальников. Этим он возбудил против себя сильный гнев со стороны воинов. К этому присоединился еще недостаток в продовольствии, так как сенат отправил письма во все провинции и ко всем стражам гаваней, чтобы никакое продовольствие не попадало в руки Максимиана. Кроме того, он разослал по всем городам бывших преторов и квесторов для устройства охраны во всех местах и защиты от Максимиана. Наконец, осаждавший сам стал испытывать бедствия, какие обычно испытывает осажденный. Среди всего этого приходили известия о том, что весь мир объединился в ненависти к Максимиану (Капитолии: «Двое Максими-нов»; 22, 23). Воины его находились в отчаянном положении: они терпели сильную нужду буквально во всем и постепенно впадали в уныние. Наконец, часть легионеров, лагерь которых находился у Аль-банской горы, сговорилась между собой убить Максимиана, чтобы избавиться от длительной и бесконечной осады и больше не опустошать Италию ради всеми осужденного и ненавистного тирана. Собравшись с духом, они в полдень приблизились к императорской палатке. Максимин вышел, чтобы поговорить с ними, но они, не дав ему даже раскрыть рта, тут же на месте убили и его самого, и его сына. Затем перебиты были все его полководцы и друзья, а трупы их брошены без погребения.

Головы Максимиана и его сына были отправлены в Рим (Геродиан: 8; 5). Известие о кончине ненавистного правителя вызвало великое ликование. По свидетельству Капитолина, трудно даже выразить, сколь велико было веселье, когда через всю Италию несли в Рим голову Максимиана и все выбегали навстречу, чтобы принять участие в общей радости (Капитолин: «Двое Максимианов»; 24).

МАНУИЛ I КОМНИН

Византийский император, правивший в 1143 - 1180 гг. Сын Иоанна II. Род. ок. 1118 г. Умер 24 сент. 1180 г.

Детство и юность Мануила прошли в военных походах, в которых он участвовал вместе со своим отцом. Он был самым младшим из четырех сыновей императора и едва Ли мог рассчитывать на трон. Но случилось так, что два его старших брата умерли от горячки, а следующий за ними - Исаак - страдал позорной трусостью и пугался всякого шума. Мануил же, напротив, был воином смелым, в опасностях неустрашимым, а в битвах решительным. Лицо его было приятно и привлекательно. Поэтому никто не удивился, что, умирая под Аназарвом, Иоанн, минуя Исаака, передал престол младшему сыну (Хониат: 2; 1; 1-2).

По свидетельству Хониата, император был человеком добродушным, имел душу простую и сердце бесхитростное. Он легко отдавался в руки евнухов, находившихся при женских покоях, и безотказно выполнял все их просьбы. Когда время вызывало его на труд, он с необыкновенным терпением выносил лишения, терпел холод и выдерживал зной. Когда же он был свободен от войны, то любил пожить в свое удовольствие. Он был красноречив и не чуждался богословских занятий (Хониат: 2; 7; 3, 5). Ум он имел очень острый. Киннам пишет, что в разговорах с государем он часто предлагал ему много труднейших аристотелевых вопросов и видел, что он решает их легко и естественно. Равным образом, многое, что в сочинениях Аристотеля оставалось нераскрытым, он объяснял с удивительной простотой (Киннам: 6; 13). В первые годы своего правления Мануил казался морем щедрости, бездною милости, был доступен и приветлив. Но с возрастом он стал сам управлять делами, а с подчиненными обращался не как с людьми свободными, а как с наемными рабами. Поток благотворительности он с годами сильно сократил и сделал это прежде всего потому, что возросли расходы на военные нужды. Его царствование было заполнено бесчисленными походами: со времен Юстиниана Великого, империя не вела такого количества завоевательных войн. Уже вскоре после его воцарения султан Масут разорил восточные области империи. Мануил выступил против него, разбил турок, опустошавших Фракисию, и прогнал их до самой Никонии. Затем император был отвлечен западными делами.

В 1147 г. во второй раз через земли империи прошли крестоносцы. Отношения между ними и ромеями были еще более враждебными, чем во времена Алексея I. Мануил и сам старался вредить рыцарям и подданным велел наносить им всевозможное зло (Хониат: 2; 1; 3-5). Тогда же началась война с сицилийским королем Рожером. Норманны захватили Корфу, разграбили Коринф и Фивы, опустошили Эвбею. Мануил, собрав флот почти из тысячи судов и бесчисленное множество войск, хотел обрушиться на захватчиков (Хониат: 2; 2; 1). Но достигнув Филиппополя, он услышал, что половцы перешли Дунай и грабят все, что встречается им на пути. Мануил повернул войска к Дунаю, туда же повелел плыть своему флоту. Половцы уже успели уйти с богатой добычей из пределов империи, но ромеи настигли их за Дунаем и одержали блистательную победу (Киннам: 3; 1). Вслед за тем Мануил, как и собирался, прибыл на Корфу и после упорной осады овладел тамошней крепостью. Со всем войском он переправился в Авлон и отсюда назначил поход в Сицилию. Обилие войск давало надежду на успех экспедиции, однако ромейский флот был остановлен сильными ветрами и страшной бурей. В глубоком мраке суда рассеялись в разные стороны. Тогда Мануил отказался на время от экспедиции в Сицилию и решил с небольшой частью войска начать войну против сербов. Он предполагал, что те не осмелятся выступить против него. Но сербы, получив помощь от венгров, бились мужественно, и победа досталась ромеям не бескровно. Сам император сразился с архижупаном Вакхином и взял его в плен. Когда здесь был достигнут успех, Мануил пошел против венгров, вторгся в их пределы, взял много пленных, захватил богатую добычу и с

триумфом возвратился в Константинополь. Тем временем в 1154 г. в Южной Италии высадился Михаил Палеолог. Он захватил Бари и в короткий срок покорил почти всю Апулию и Калабрию. Но вскоре он умер. Другие полководцы, принявшие командование после его смерти, стали терпеть одну неудачу за другой. Попытка ромеев в 1157 г. овладеть Брундизием закончилась полным крахом. Поскольку огромные издержки опустошали казну, Мануил счел за лучшее заключить с норманнами мир (Хониат: 2; 2; 5-8). Таким образом, хотя война в Италии напомнила европейским народам о былом могуществе и величии ромеев, она не принесла империи никакой пользы. По заключении мира с Роджером, Мануил объявил поход против Венгрии, но и здесь вскоре был заключен мир.

В 1158 г. император отправился на Восток. Наведя ужас на владетеля Киликийской Армении Торуса, Мануил подступил к Антиохии (Хониат: 2; 3; 1). Чтобы отвести от себя опасность, князь Ренальд вышел навстречу императору босиком, с обнаженной головой и веревкой на шее. Мануил был тронут его видом и простил все прегрешения (Киннам: 4; 18). Союз с крестоносцами вскоре был скреплен браком: в 1161 г. Мануил женился на дочери прежнего антиох-ского князя, юной и прекрасной принцессе Марии (Хониат: 2; 3; 5).

Затем возобновилась венгерская война. Мануил двинулся к Зевгми-ну. Венгры, выстроившись на высоком берегу Дуная, пытались воспрепятствовать переправе ромеев, но стрелки и тяжелая пехота выбили их из прибрежных мест. Император осадил Зевгмин и, чтобы возбудить в подчиненных ревность, первый подъехал к воротам и вонзил в них копье. Огромными камнями, пускаемыми с камней, ромеи разрушили стену и, ворвавшись внутрь, овладели городом (Хониат: 2; 4; 3). В июле 1167 г. Андроник Кондостефан наголову разгромил венгров в большом сражении под Землином. По мирному договору к империи отошли все спорные территории в Хорватии и Далмации со многими богатыми городами. Потом был усмирен сербский жупан Стефан Нееман. Мануил мог гордиться - такого могущества ромейское государство не знало уже много веков. Но так же, как во времена Юстиниана, внешнеполитические успехи были достигнуты путем чрезмерного напряжения внутренних сил (Хониат: 2; 5; 1-3). Ромеи, по свидетельству Хониата, осыпали Мануила насмешками за то, что он самолюбиво питал несбыточные желания, простирая взоры на края земли, делал то, на что могла отважиться только горячая голова. Он и в самом деле далеко выходил за границы, установленные прежними государями, и без всякой пользы тратил деньги, которые собирал, изнуряя подданных необыкновенными податями и поборами. Он не только разорил провинции, но и расстроил армию, так как очень скупно отпускал деньги на воинов (Хониат: 2; 7; 2, 4). Военные неудачи, которые стали преследовать императора в последние годы его правления, еще больше надломили силы государства.

В 1168 г. неумеренное славлюбие побудило Мануила в союзе с Иерусалимским королем Амальри-хом начать войну против Египта. Но осада Дамьетты окончилась ничем, и ромеи отступили, побросав все свои осадные машины (Хониат: 2; 5; 4). В 1176 г. Мануил начал грандиозный поход против турок. Отстроив крепости Доривлею и Сув-лей, он приказал войску двигаться прямо на Иконий. Путь его лежал через Иврицкие теснины. Это была продолговатая долина, идущая между высокими горами. Предполагая продвигаться такой опасной дорогой, Мануил заранее не позаботился о том, чтобы очистить этот проход для войска. Когда его армия углубилась в долину, а некоторые отряды уже прошли ее, турки, спустившись с вершин, большой массой напали на походную колонну ромеев, разорвали ее во многих местах и устроили страшную резню. Император бросился на врагов с немногими бывшими при нем воинами, а всем прочим предоставил спасать себя, кто как может. Покрытый многими ранами, в полумертвых доспехах, с щитом, в который вонзилось около 30 стрел, он один пробился сквозь строй врагов и вышел из теснины. Случайно встретившийся ка-тафракт довел Мануила до лагеря Лапарды, который со своими полками успел пройти через ущелье до нападения турок. Хониат пишет, что, добравшись наконец до своих, император зачерпнул из реки воды и выпил несколько глотков. Заметив, что вода смешивается с кровью убитых, он заплакал и сказал, что, по несчастью, отведал христианской крови. Один из бывших поблизости ромеев воскликнул в ответ: «Не теперь только и не в первый раз, а давно и часто, и до опьянения, и без примеси ты пьешь чашу христианской крови, обирая и ощипывая подданных, как обирают поле или ощипывают виноградную лозу». Мануил снес эту хулу так равнодушно, как будто ничего не

слышал и как будто не был оскорблен. Когда наступила ночь, он задумал бежать, бросив войско. Но едва он высказал свой замысел ближайшим полководцам, те пришли в ужас, особенно Кондостефан. Император остался, хотя понимал всю беспомощность своего положения. Действительно, турки окружили лагерь и могли довершить разгром ромеев, но султан, тронутый несчастьем Мануила, предложил мир на условиях разрушения Дорилеи и Сув-лея. Подписав мирный договор и добравшись до своих владений, Мануил разрушил Сувлей, а Дорилею оставил целой. Когда султан отправил посольство напомнить об условиях мира, император ответил, что он мало обращает внимания на слова, сказанные по необходимости, и не хочет слышать о разрушении Дорилеи. Тогда турки возобновили войну и стали ужасно опустошать азиатские земли до самого моря. Наконец Мануил напал на них при переправе через Менандр и нанес тяжелое поражение (Хониат: 2; 6; 1- 7).

К концу жизни император охладил к политике и увлекся вместо нее астрологией (Дашков: «Мануил Комнин»). Перед смертью он постригся в монахи (Хониат: 2; 7; 7).

МАНУИЛ II ПАЛЕОЛОГ

Византийский император в 1371 - 1425 гг. Сын Иоанна V Род. 27 июля 1350 г. Умер 21 июля 1425 г.

Мануил был младшим сыном Иоанна V. Отец объявил его своим наследником и короновал на царство после того, как Мануил выручил его из венецианского заключения. При этом он лишил престола своего старшего сына Андроника за его вероломство и нежелание помочь ему в беде. В 1376 г. Андроник совершил переворот, захватил власть, а брата вместе с отцом заточил в башне Анеме. Три года они провели в заключении. Затем судьба вновь переменилась - Иоанн и Мануил бежали, начали войну с узурпатором и вернули себе Константинополь (Дашков: «Иоанн Пятый»). В 1390 г. Мануил выбил из столицы сына Андроника, Иоанна VII, владевшего Си-лимврией. Затем в течение восьми лет он вел с ним упорную борьбу и помирился только перед лицом турецкой угрозы (Дашков: «Иоанн Седьмой»). В 1392 г. турки захватили Македонию, в 1394 г. пала Фесса-лоника, а вскоре султан Баязид подступил к Константинополю. Почти восемь лет с незначительными перерывами длилась осада ромейской столицы. Большую часть припасов доставляли в город по морю, но этого было недостаточно. Жители страдали от голода, на отопление разбирали дома, однако Константинополь держался (Дашков: «Мануил Второй»). Мануил обратился с просьбой о помощи к королю Франции. Его жалобное посольство возбудило сильное сострадание и принесло некоторую поддержку. Начальство над отправленными вспомогательными войсками было вверено маршалу Брусико. Он отплыл с четырьмя военными кораблями и высадил у Константинополя 600 рыцарей и 1600 стрелков. Благодаря его прибытию блокада была снята и с суши, и с моря. Эскадры Баязи-да отступили, несколько крепостей в Европе и Азии были взяты приступом императором и маршалом, которые сражались рядом друг с другом с одинаковым мужеством. Но турки вскоре возвратились в более значительном числе, и по прошествии целого года Брусико решил покинуть страну, которая уже не была в состоянии ни уплачивать его солдатам жалованье, ни снабжать их съестными припасами. Маршал предложил Мануилу посетить Европу, для того чтобы лично просить о помощи людьми и деньгами, и посоветовал ему положить конец всем внутренним раздорам. Мануил действительно заключил мир с Иоанном VII и, отправляясь в декабре 1399 г. за границу, оставил его регентом государства (Гиббон: 64).

Отплыв на кораблях Брусико из осажденной столицы, Мануил посетил по пути Венецию, Падую, Флоренцию, Милан и в начале июня 1400 г. прибыл в Париж. Двор Карла VI дал обнищавшему монарху некогда великой державы ренту в 30 000 серебряных монет ежегодно и обеспечил роскошный прием. Затем император пересек Ла-Манш и посетил английского короля Генриха IV, который тоже принял его очень радушно. Но в силу внутренних причин ни тот ни другой монарх не могли ничем помочь императору ромеев. Осыпанный подарками и почестями, но не получив никакой реальной поддержки, Мануил через Германию и Италию возвратился в 1403 г. в Грецию. В пути он узнал о страшном поражении, которое Баязид понес в битве при Анкире от монгольского войска Тимура. Непосредственная угроза для столицы

после этого миновала - император мог вздохнуть спокойно. Летом 1403 г. он переехал в Константинополь. Вскоре ромеи вернули Фессалонику. В последующие годы они существенно увеличили свои владения в Греции. В 1416 г. была восстановлена стена, преграждавшая перешеек Истм. Но передышка была очень недолгой. В 1411 г. турки в очередной раз осадили Константинополь, однако отступили, ничего не сделав. Осада 1422 г., предпринятая султаном Мурадом, была гораздо серьезней. Турки впервые применили артиллерию. В августе они предприняли штурм ворот святого Романа, но были отбиты с большим уроном и, бросив все свои орудия, бежали. Восстание в Азии отвлекло султана от европейских дел. Мануил, которого разбил паралич, лежал тогда при смерти во Влахерн-ском дворце. Затем император Оправился, но теперь уже не он, полупарализованный старик, определял политику двора ромеев, а его сын Иоанн VIII. В 1423 г. султан напал на Грецию и разрушил возведенную на Истме стену. В том же году Фессалоника была продана венецианцам, так как все равно не было сил оборонять ее. Наконец в 1424 г. был подписан мир. Император согласился на территориальные уступки и на уплату ежегодной дани. После этого старший Палеолог полностью отошел от дел, перепоручив их сыну (Дашков: «Мануил Второй»).

МАРК АВРЕЛИЙ, Анний Вер Антонин

Римский император из династии Антонинов, правивший в 161-180 гг. Род. 26 апр 121 г. Умер 17 марта 180 г.

Марк Аврелий принадлежал к древнему италийскому роду Анниев Веров, претендовавшему на происхождение от царя Нумы Помпилия, однако включенному в число патрицианских лишь при Веспасиане. Дед его был дважды консулом и префектом Рима, а отец умер в должности претора. Марк был усыновлен и воспитан своим дедом Аннием Вером. Уже с раннего детства он отличался серьезностью. Выйдя из того возраста, который требует заботы нянек, он был поручен выдающимся наставникам. Еще мальчиком он увлекся философией, а когда ему пошел двенадцатый год, он стал одеваться как философ и соблюдать правила воздержания: занимался в греческом плаще, спал на земле, и мать с трудом могла уговорить его ложиться на кровать, покрытую шкурами. Наставником его в стоической философии стал Аполлоний Халкедонский. Рвение Марка к философским занятиям было так велико, что, уже принятый в императорский дворец, он все же ходил учиться на дом к Аполлонию. Философию перипатетиков изучал он у Юния Рустика, которого и потом очень уважал: с Рустиком он всегда советовался и по государственным, и по частным делам. Изучал он также право, риторику и грамматику и положил на эти занятия столько труда, что даже расстроил свое здоровье. Позже он больше внимания уделял спорту, любил кулачный бой, борьбу, бег, ловлю птиц, но особенную склонность имел к игре в мяч и охоте.

Император Адриан, приходившийся ему дальним родственником, покровительствовал Марку с самого детства. На восьмом году он записал его в коллегию саллиев. Будучи жрецом-саллием, Марк выучил все священные песни, на праздниках был первым запевалой, выступающим и руководителем. На пятнадцатом году Адриан помолвил его с дочерью Луция Цейония Коммода. Когда умер Луций Цезарь, Адриан стал искать наследника императорской власти; он очень хотел сделать Марка преемником, но оставил эту мысль из-за его молодости. Император усыновил Антонина Пия, однако с тем условием, чтобы сам Пий усыновил Марка и Луция Вера. Таким образом, он как бы загодя готовил Марка в преемники самому Антонину. Говорят, что Марк принял усыновление с большой неохотой, а домашним жаловался, что вынужден сменить счастливую жизнь философа на тягостное существование наследника принцепса. Тогда он впервые вместо Анния стал называться Аврелием. Адриан сразу наметил своего приемного внука в квесторы, хотя Марк и не достиг еще положенного возраста.

Когда Антонин Пий в 138 г. сделался императором, он расстроил помолвку Марка Аврелия с Цейонией и женил его на своей дочери Фаустине. Затем он пожаловал его наименованием Цезаря и назначил консулом на 140 г. Несмотря на его сопротивление, император окружил Марка подобающей ему роскошью, велел поселиться во дворце Тиберия и принял в 145 г. в коллегию жрецов. Когда же у Марка Аврелия родилась дочь, Антонин вручил ему трибунские полномочия и проконсульскую власть вне Рима. Марк достиг такого влияния,

что Антонин никогда никого не продвигал без согласия приемного сына. В течение двадцати трех лет, которые Марк Аврелий провел в доме императора, он выказывал к нему такое почтение и послушание, что между ними не было ни одной размолвки. Умирая в 161 г., Антонин Пий без колебания объявил Марка своим преемником.

Приняв власть, Марк Аврелий немедленно назначил своим соправителем Луция Вера с титулами Августа и Цезаря, и с этого времени они совместно управляли государством. Тогда впервые Римская империя стала иметь двух Августов. Правление их было отмечено тяжелыми войнами с внешними врагами, эпидемиями и стихийными бедствиями. С востока напали парфяне, на западе начали восстание британцы, Германии и Реции грозили каты. Против парфян Марк в 162 г. отправил Вера, против катов и британцев - своих легатов, сам он остался в Риме, так как городские дела требовали присутствия императора: наводнение произвело сильные разрушения и породило в столице голод. Эти бедствия Марк Аврелий сумел облегчить благодаря своему личному присутствию.

Делами он занимался помногу и очень вдумчиво, сделав в государственном механизме много полезных улучшений. Тем временем парфяне были побеждены, но, возвращаясь из Месопотамии, римляне занесли в Италию чуму. Зараза быстро распространилась и свирепствовала с такой силой, что трупы вывозили из города на телегах. Тогда Марк Аврелий установил очень строгие правила насчет погребений, запретив хоронить в черте города. Многих бедняков он похоронил за государственный счет. А между тем началась новая, еще более опасная война.

В 166 г. все племена от Иллири-ка до Галлии объединились против римской державы; это были мар-команы, квады, вандалы, сарматы, свевы и многие другие. В 168 г. Марк Аврелий сам должен был возглавить поход против них (Капитолин: «Марк Антонин»; 1-9, 13-14, 16, 22). С великим трудом и лишениями, проведя три года в Ка-рунтских горах (Евтропий: 8; 13), он закончил войну доблестно и удачно, и притом в такое время, когда тяжкая моровая язва погубила много тысяч и среди народа, и среди воинов. Таким образом он освободил Паннонию от рабства и, по возвращении в Рим, справил в 172 г. триумф. Истошив на эту войну всю свою казну, он даже не подумал требовать от провинций каких-нибудь чрезвычайных поборов. Вместо этого он устроил на форуме Траяна торги принадлежащих императору предметов роскоши: он продал золотые и хрустальные бокалы, императорские сосуды, шелковую золоченую одежду жены, даже драгоценные камни, которые он нашел в большом количестве в потайной сокровищнице Адриана. Эта распродажа длилась два месяца и принесла столько золота, что он мог успешно продолжить борьбу с наркоманами и сарматами на их собственной земле, добиться многих побед и достойно наградить воинов. Он уже хотел образовать за Дунаем новые провинции, Марко-манию и Сарматию, но в 175 г. вспыхнул мятеж в Египте, где Авдий Кассий провозгласил себя императором. Марк Аврелий поспешил на юг. Хотя еще прежде его приезда мятеж угас сам собой и Кассий был убит, он добрался до Александрии, во всем разобрался, очень милостиво обошелся с воинами Кассия и самими египтянами. Родственников Кассия он также запретил преследовать. Объехав по пути восточные провинции и заехав в Афины, он возвратился в Рим, а в 178 г. отправился в Виндо-бонны, откуда опять выступил в поход против маркоманов и сарматов. На этой войне он два года спустя нашел свою смерть, заразившись чумой. Незадолго до своей кончины он призвал своих друзей и беседовал с ними, смеясь над бренностью человеческих дел и выражая презрение к смерти. Вообще, на протяжении всей своей жизни он отличался таким спокойствием духа, что выражение его лица никогда не менялось ни от горя, ни от радости. Кончину свою он принял так же спокойно и мужественно, ибо не только по роду занятий, но и по духу был истинным философом (Капитолии: «Марк Антонин»; 17, 25, 26-28).

Успех ему сопутствовал во всем, только в браке и детях был он несчастлив, но и эти невзгоды он воспринимал со стоическим спокойствием. О недостойном поведении его супруги было известно всем его друзьям. Говорили, что, проживая в Кампании, она садилась на живописном берегу, чтобы выбрать для себя из числа моряков, которые обычно ходили голые, наиболее подходящих для разврата (Виктор: «О Цезарях»; 16). Императору не раз ставили в вину, что он знал по именам любовников своей жены, но не только не наказывал их, а напротив, выдвигал на высокие должности. Многие говорили, что и Коммода она зачала вовсе

не от мужа, а от какого-то гладиатора, ибо не возможно было поверить, что у такого достойного отца может родиться такой порочный и непотребный сын. Другой его сын умер еще в детстве после того, как ему удалили опухоль под ухом. Марк Аврелий горевал о нем только пять дней, а затем вновь обратился к государственным делам (Капитолии: «Марк Антонин»; 19, 21, 29).

МАРКИАН, Флавий

Византийский император в 450- 457 гг. Род. ок. 390 г. Умер 25 янв. 457 г.

Маркиан был сыном одного воина и родом фракиец. В молодости он вступил в армию и большую часть своей жизни провел в походах (Евагрий: 2; 1). Во время персидской войны 420-422 гг. он служил простым воином в армии гота Ардавурия. Потом, в 443 г., участвовал в походе Аспара в Африку, попал в плен к вандалам, но был отпущен самим королем Ги-зерихом, который, как гласит предание, первый предсказал Маркиану, что он будет императором. И действительно, когда умер Феодосий II, его сестра Пульхерия, пока никто не знал о смерти императора, послала за Маркианом и, когда он явился к ней, сказала: «Так как император скончался, то я избираю тебя из всего сената, как достойнейшего прочих. Дай мне слово, что ты уважишь девство мое, которое обещала я Богу, и я провозглашу тебя императором». Маркиан обещал, и Пульхерия, призвав патриарха и сенат, объявила его римским императором (Феофан: 443). С Пульхерией он вступил в брак, но не познал ее как женщину (Евагрий: 2; 1).

Маркиан был человеком умным, но малообразованным. Обладая суровым нравом, он постарался обуздать своеволие евнухов, в частности, запретил продажу должностей. В делах веры он придерживался строго православия и в 451 г. велел собраться в Халкидоне Вселенскому собору, который осудил ересь монофизитов (Дашков: «Маркиан»). Феофан пишет, что во время торжественных молений император ходил на поле пешком. Увидев это, патриарх не велел носить себя в носилках, но тоже ходил пешком на крестных ходах (Феофан: 449). Во внешних отношениях Маркиан положил конец позорной зависимости империи от гуннов. Когда в 450 г. Атила послал требовать у него дани, Маркиан отвечал, что не обязан давать то, что обещано было его предшественником. Если же Атила будет грозить ему войной, он выведет силу, которая не уступит его силе. Атила некоторое время колебался, с кем ему прежде начать войну, - с Римом или Константинополем. Наконец решил сначала напасть на Западную империю. Смерть помешала ему отомстить Маркиану (Приск: 12).

МЕЛЕАГР

Царь Македонии в 279 г. Сын египетского царя Птолемея I Сотера

Мелеагр стал македонским царем в мае 279 г. после гибели своего старшего брата Птолемея II, однако по неспособности был свергнут через два месяца племянником Кассандра Антипатром (Дройзен: 3; 1; 3).

МИХАИЛ I РАНГАВЕ

Византийский император в 811 - 813 гг. Умер 844 г.

Куропалат Михаил Рангаве был женат на Прокопии, дочери императора Никифора I. В октябре 811 г. он захватил власть, низложив больного сына Никифора, императора Ставракия. По словам Феофана, Михаил был добр, но не искусен в управлении и рабски предан Феоктисту и другим военачальникам. Как человек великодушный и не сребролюбивый, он утешил и наградил всех обиженных Никифором, подарками привлек к себе сенат и войска. Он обогатил всех патрициев, сенаторов, архиереев, иереев, монахов, военных и нищих как в столице, так и в провинциях, так что сокровища, собранные Никифором, были растрочены в несколько дней.

На долю Михаила выпала тяжелая война с болгарами, начатая его тестем. В 812 г. болгары взяли Ме-семврию, подошли к стенам Константинополя, но были отбиты. В феврале 813 г. Михаил вернул Ме-семврию и стал искать решительной битвы с врагом, хотя многие отговаривали его от этого. 22 июня 813 г. он встретился с болгарским ханом Крумом под

Версиниками, неподалеку от Андрианополя, и потерпел от него жестокое поражение, причем римляне обратились в бегство еще прежде, чем болгары успели на них напасть. Проклина трусость воинов, Михаил вернулся в Константинополь. Во главе армии он оставил своего полководца Льва Армянина. Узнав вскоре, что Лев провозгласил себя императором, Михаил немедленно сложил с себя власть и постригся в монахи (Феофан: 803-805).

МИХАИЛ II ТРАВЛ

Византийский император, основатель Аморийской династии, правивший в 820-829 гг. Умер 2 окт. 829 г.

Происхождение Михаила было самое низкое и скромное. Он родился в Амории, городе Нижней Фригии, и с детства оказался при-частен к ереси афинган (Продолжатель Феофана: 2; 3). Вместе с Львом Армянином он начал свою службу у стратига Анатолика Вардана, который отметил его и выдвинул в число полководцев. Но когда Вардан в 803 г. возмутился против Никифора I и провозгласил себя императором, Михаил покинул его и перебежал к Никифору. За это он получил в награду должность ко-мискорта и дворец Кариан. В дальнейшем он был одним из главных участников переворота, организованного Львом Армянином, получил от него звание патрикия и должность начальника федератов. Но и против Льва он начал вскоре плести интриги и поносил его при каждом удобном случае. За это Лев велел заключить его в тюрьму и, разобрав дело, приговорил к смерти. Казнь отсрочили из-за празднования Рождества, а тем временем соумышленники Михаила, боясь, как бы он не выдал их (он сам грозил разгласить их имена, если они не попытаются его спасти), напали в церкви на императора Льва и убили его. Так Михаил спасся от смерти, получил свободу, а вместе с ней императорскую власть (Продолжатель Феофана: 1; 1, 3, 12, 21, 24, 25).

Его освободили из-под стражи и, не сняв с ног кандалы (не могли найти ключей, которые для безопасности Лев хранил при себе), усадили на трон, и все находившиеся во дворце преклонили колена и провозгласили его самодержцем. В середине дня, когда молва о случившемся уже распространилась повсюду и едва удалось разбить молотом цепи, Михаил отправился в Софию и был коронован патриархом.

Всю свою жизнь он был человеком невежественным, и таким же остался после принятия власти. По свидетельству своего жизнеописателя, он мог очень здраво судить о достоинствах мулов и лошадей, мог определять плодovitость овец и коров и какой детеныш от какой матки родился. Истинные же науки он презирал и не принимал близко к сердцу. Низложенный при Льве патриарх Никифор писал к Михаилу и просил возродить иконопочитание. Император отвечал ему: «Не вводить новшества в догматы веры пришел я и не разрушать... установленное. Пусть каждый поступает по своей воле и желанию...» Однако постепенно он отступился от своих первоначальных намерений и чем дольше владел царской властью, тем с большей жестокостью раздувал пламя вражды против православия. Одних проповедников иконопочитания он изгнал из города, других заключил в тюрьму.

Впрочем, внимание императора было вскоре отвлечено от богословских распрей. В начале 821 г. все восточные фемы империи оказались охвачены мощным восстанием под предводительством Фомы Славянина, объявившего себя императором. Многие города со всеми жителями сдались ему. Только две фемы - Опсикия и Армени-ак - сохранили верность Михаилу. Из Азии Фома переправился во Фракию и в декабре 821 г. подступил к Константинополю. Но так как осада развивалась вопреки его планам и сопротивление оказалось упорнее, чем он ожидал, то с наступлением морозов Фома должен был отвести свои войска. Воспользовавшись передышкой, Михаил успел стянуть отовсюду вспомогательные отряды и весной 822 г. встретил мятежников во всеоружии. Фома потерпел поражение и на суше, и на море, но не снял осады. Только весной 823 г. он был окончательно разбит болгарским ханом Омуртагом. Михаил преследовал отступавших и осадил Фому в Андрианополе. Понуждаемые голодом, жители наконец выдали мятежника императору. Михаил велел отрубить ему руки и ноги, посадить на осла и выставить на всеобщее обозрение.

Между тем, воспользовавшись гражданской войной в империи, арабы захватили Крит и

начали совершать опустошительные набеги на Сицилию. Расправившись с Фомой, Михаил начал против них войну, но до своей смерти так и не смог достичь успеха. Умер он на девятом году правления от болезни почек (Продолжатель Феофана: 2; 2-4, 8, 10-11, 13-15, 18-19, 21, 28).

МИХАИЛ III ПЬЯНИЦА

Византийский император Аморийской династии, правивший в 842-867 гг. Сын Феофила. Род. ок. 839 г. Умер 24 сент. 867 г.

Михаил наследовал императорскую власть через три года после того, как был произведен на свет своей матерью Феодорой. Всеми делами стали заправлять его опекуны и радетели, которых, умирая, назначил Феофил. Это были евнух Феоктист, брат августы пат-рикий Варда и магистр Мануил, приходившийся Феодоре дядей по отцовской линии. В марте 843 г. созванный по их инициативе и при поддержке императрицы церковный собор низложил патриарха Иоанна Грамматика и восстановил иконопочитание. В 856 г. Варда велел убить Феоктиста, а Феодору вынудил удалиться в монастырь, и с этого времени управление государством сосредоточилось в его руках. В 862 г. император пожаловал ему титул кесаря.

Сам Михаил всегда избегал серьезных занятий и целыми днями занимался пирушками, пьянками, любовным беспутством, срамными рассказами, а также возницами, лошаадьми, колесницами и происходящим от них безумством и сумасбродством. Как никто другой он увлекался конными ристаниями и даже сам не отказывался от управления колесницей, становясь для всех, по словам своего жизнеописателя, зрелищем, игрушкой и посмешищем. Вступив во владение казной, он растратил и растранижил на пустяки многие богатства, накопленные его родителями. Был он кумом всех своих товарищей по цирку и после каждых крестин дарил по 50, 40, самое меньшее 30 литр золота. Своему любимому собутыльнику, Имерию Грилу, испускавшему из брюха ветры такой силы, что гасил ими пламя свечи, он за это необыкновенное искусство пожаловал однажды 100 литр золота. Под стать этому Грилу была и вся компания императора: все сатиры и разнузданные сквернословы. Часто, облачившись в монашеские одежды, они самым непристойным образом исполняли священные обряды, причем Грила именовали патриархом, а одиннадцать остальных - митрополитами самых значительных и сиятельных престолов. Издеваясь над непорочным таинством, они наполняли золоченые сосуды перцем и горчицей и причащали всех желающих. Даже тогда, когда император по виду брался за серьезные дела, все выходило у него дурно и нелепо. В походах он участвовал несколько раз и всегда терпел неудачи. В 859 г. ромейское войско осадило Самосату. Но в то время, когда военачальники собрались к причастию, арабы вдруг со всех сторон выступили из города. При их виде все ромейское войско обратилось в бегство. Михаил едва успел сесть на коня и с трудом спасся, бросив все шатры и имущество. Еще более позорно закончился его второй поход в 861 г. - разбитый арабами в долине Келарий, он скрылся, переодевшись в простое платье, и только таким образом избежал плена.

Увлеченный пирами и шутовскими проделками, Михаил по легкомыслию выпустил из рук императорскую власть. В апреле 866 г., после того как по его приказу убили кесаря Варду, он усыновил одного из своих собутыльников, па-ракимомена Василия, пожаловав ему сан магистра. В мае того же года он объявил его августом и своим соправителем. Вскоре он, правда, раскаялся в своем выборе и захотел объявить императором другого своего любимца, гребца Василикина. Но было уже поздно - Василий не в шутку, а всерьез прибрал к своим рукам всю власть. Узнав, что Михаил думает покуситься на его величие, он составил против него заговор. 24 сентября 867 г., в третьем часу ночи, заговорщики ворвались в спальню Михаила и зарезали его. С его смертью пресеклась Аморийская династия (Продолжатель Феофана: 4; 1, 20- 21, 23-24, 26, 38, 41, 44).

МИХАИЛ IV ПАФЛАГОН

Византийский император в 1034 - 1041 гг. Род. в 1005 г. Умер 10 дек. 1041 г.

Михаил, родом из Пафлагонии, был человеком самого простого и низкого

происхождения. Своим необыкновенным возвышением он обязан был старшему брату, внуху Иоанну Орфанотрофу, занимавшему при императоре Романе III видное положение. По словам Пселла, Михаил был прекрасно сложен, с лицом совершенной красоты и сверкающими глазами. Вскоре после того, как брат привел его во дворец и сделал одним из слуг Романа, императрица Зоя воспылала к нему сильнейшей страстью. Намеками она дала понять Орфанотрофу о своем чувстве, а тот уже позаботился об остальном. Михаил вдруг стал отвечать императрице взаимностью, сначала не очень смело, а затем все более откровенно, и повел себя как настоящий влюбленный: внезапно обнимал и целовал императрицу, гладил ее руки и шею. На самом деле он не испытывал никакого влечения к престарелой государыне, а только зарился на царское достоинство, ради которого был готов на все. Начав с поцелуев, они дошли до сожительства, и многие заставляли их, покоящимися на одном ложе. Страсть Зои была настолько велика, что она стала всерьез задумываться над тем, как возвести Михаила на императорский трон.

Ее не останавливали даже симптомы тяжелой болезни, которые все чаще стали проявляться у Михаила. С детства он страдал тяжелым недугом: время от времени его мозг постигало расстройство, при этом он ни с того ни с сего неожиданно возбуждался, вращал глазами, падал на землю, бился головой и долгое время сотрясался в конвульсиях, затем снова приходил в себя и постепенно возвращался в нормальное состояние. Не смущаясь этим, Зоя привела с помощью Иоанна в исполнение свой замысел - в апреле 1034 г. Роман скончался при загадочных обстоятельствах, и императорский престол оказался свободен (Пселл: «Роман Третий»; 18-20, 22, 26).

Роман еще не был погребен, когда Зоя послала за Михаилом, одела его в шитое золотом платье, водрузила на голову царский венец, усадила на трон, сама в том же обличье уселась рядом с ним и приказала всем находившимся во дворце совершать преклонение и славословить обоих. После провозглашения императором-самодержцем Михаил некоторое время разыгрывал доброе расположение и благоволение к императрице, а затем совершенно изменился и заплатил ей злом за оказанные милости и благоволение. Он не только лишил жену законных сношений и отстранил от обычных выходов, но еще и запер на женской половине и разрешил к ней доступ не иначе, как с позволения начальника стражи. Впрочем, по общему свидетельству, если отвлечься от преступления, совершенного им ради получения власти, во всем остальном его можно было бы причислить к наиболее достойным императорам. Хотя он был совершенно непричастен к эллинской науке, однако воспитал свой нрав лучше, чем иные постигшие ее философы: он властвовал над своими страстями, взгляд его был грозный, а душа всегда готова к отпору. Он совсем недолго находил забаву в своем царском положении, вскоре постиг величие власти, распознал многообразие забот и то, какие трудности уготовляет истинному императору попечение о делах. Он сразу весь переменялся и, превратившись из мальчика в мужа, доблестно и мужественно принялся управлять государством. Он не был подавлен величием власти и не стал изменять установленных порядков, напротив, казалось, будто он издавна готовил себя к этой участи и уже в день воцарения производил впечатление человека, от века правящего государством. Если бы не братцы, с которыми его связала злая судьба, с ним не мог бы поспорить ни один из прославленных императоров.

К несчастью, недуг его усиливался с каждым годом. Припадки случались все чаще. Поэтому он почти не устраивал выходов и очень неохотно появлялся на людях, а если имел намерение принимать послов или исполнять иные из императорских обязанностей, то те, кому поручено было следить и наблюдать за ним, с двух сторон навешивали пурпурные ткани и, едва лишь замечали, как он закатывает глаза, начинает трясти головой или проявляет иные признаки болезни, сразу же удаляли всех присутствующих, затыгивали занавес и принимались хлопотать вокруг лежащего. В дальнейшем к падучей прибавилась водянка, тело его заметно распухло, и было видно, как он страдает. Малейшее движение было для Михаила мучительно, и даже одежда причиняла ему боль.

В перерывах между приступами, будучи в твердом уме, император неутомимо пекся о государстве и не только обеспечивал благоденствие городам внутри границ империи, но и отражал натиск соседних народов. Поэтому никто из соседей не обнаруживал своей враждебности. Зато много забот доставило ему болгарское восстание, которое поднял в 1040 г.

Петр Делян, выдававший себя за внука последнего царя Самуила. Решившись лично возглавить поход, Михаил, хотя никогда не был военным, все тщательным образом приготовил, отобрал самых лучших воинов, наиболее опытных военачальников и с ними выступил против мятежников. Раздоры в среде болгар облегчили его задачу, и он добился полного успеха, вновь подчинив Болгарию ромеям. Этот поход стоил ему многих сил. Он перенес все его трудности с удивительным мужеством, но по возвращении был совершенно сражен болезнью. Незадолго до смерти Михаила перенесли в основанный им Космидин монастырь. Он постригся и короткое время спустя умер (Пселл: «Михаил Четвертый»; 2, 6-10, 16, 18-19, 31, 40-41, 43, 49, 51-52, 54).

МИХАИЛ V КАЛАФАТ

Византийский император в 1041 - 1042 гг.

По отцовской линии Михаил принадлежал к совершенно незначительному роду: его отец Стефан конопатил корабли и обмазывал их смолой перед спуском на воду. Однако по матери он приходился племянником императору Михаилу IV, и это определило его судьбу. Когда стало очевидно, что император болен смертельным недугом, его братья-евнухи, обеспокоенные, как бы с его кончиной власть не выскользнула из их рук, уговорили Михаила даровать племяннику титул кесаря. Точно так же они убедили императрицу Зою усыновить его и признать своим наследником. Впрочем, вознесшись так высоко, Михаил поначалу вовсе не имел того значения, на которое мог рассчитывать. Его дядя-император никогда не обращался с ним, как с кесарем, не оказывал ему никакого предпочтения, не воздавал даже положенных почестей и только что не лишал его титула. По натуре своей кесарь Михаил был очень скрытен и до поры до времени искусно прятал под маской благомыслия свой дурной нрав. Ни к кому из благодетелей он не испытывал благодарности, а только ждал возможности ополчиться на весь свой род (Пселл: «Михаил Четвертый»; 23- 24, 26, 28).

Став императором, Михаил вполне показал свое истинное лицо. По словам Пселла, в жизни этот государь был существом пестрым, с душой многообразной и непостоянной, его речь была не в ладах с сердцем, на уме он всегда имел одно, а на устах другое. Ко многим, ему ненавистным, он обращался с дружественными речами и клялся торжественно, что сердечно любит их и наслаждается их обществом. Часто вечером сажал он за свой стол и пил из одного кубка с теми, кого уже наутро собирался подвергнуть жестоким наказаниям. Понятие родства, более того - сама кровная близость казались ему детскими игрушками, и его ничуть не тронуло бы, если бы всех его родственников накрыло одной волной. Если ему не везло, он вел себя и разговаривал по-рабски малодушно и проявлял всю изменчивость натуры, но стоило удаче хоть на миг ему улыбнуться, как он немедленно прекращал лицедейство, сбрасывал притворную маску, переполнялся ненавистью и одни из своих злых замыслов приводил в исполнение тотчас, другие приберегал на будущее. Был он изменчив, находился во власти гнева, и любой пустяк вызывал в нем припадки раздражения и злобы. Первым делом он отстранил от дел и сослал дядю Иоанна Орфанот-рофа, наиболее способного к управлению, и возвысил другого дядю - Константина. А затем принялся искоренять весь свой род. Всех своих родственников - а в большинстве случаев были это бородатые мужи во цвете лет и отцы семейств, занимавшие высшие должности, - он велел лишить детородных членов и в таком виде, полумертвых, оставил доживать свои дни. Императрицу, свою приемную мать, он возненавидел еще раньше, когда получил императорскую власть, а за то, что некогда называл ее госпожой, готов был сейчас откусить себе язык и выплюнуть его изо рта. Сначала он отталкивал и отдалял ее от себя, перестал делиться с нею своими планами, не позволял ей брать даже малой толики из царских сокровищ, всячески унижал и, можно сказать, выставлял ее на посмешище. Он держал ее в осаде, как врага, окружил позорной стражей, расположил к себе ее служанок, выведывал обо всем, что делается на женской половине, и не считался с договорами, которые с ней заключил. Но и этого ему показалось мало, и он обрек ее на худшее из зол: решил изгнать из дворца. Выдумав всякие небылицы, он объявил свою приемную мать отравительницей, представил лжесвидетелей и стал допытываться о том, о чем она понятия не имела, привлек ее к ответу и наказал, как тяжкую преступницу: немедленно посадил на корабль и сослал на остров Принкип. Но и там он продолжал ее преследовать и успокоился только тогда, когда посланные

им люди насильно ее постригли в монахи.

Едва повсюду распространился слух о новых бедах императрицы, столица, по свидетельству всех историков, явила собой зрелище всеобщей скорби. Не только мастеровой люд, но даже союзники и иностранцы-наемники не могли обуздать своего гнева, и все готовы были пожертвовать жизнью ради императрицы. Что же до рыночного люда, то он распоясался и пришел в возбуждение, готовый отплатить насильнику насилем. Весь народ поднялся против тирана. Сначала они по группам и поотрядно построились к битве, а потом, на третий день, целым войском ринулись к дворцу, чтобы спалить его. Между тем в столицу доставили императрицу. Но когда ее вывели на верхнюю площадку ипподрома и показали народу, думая смирить его, тот взбунтовался еще больше. Вечером 20 апреля 1042 г. толпа доставила в Софию младшую сестру Зою, Феодору, и провозгласила ее императрицей. Патриарх Алексей Студит немедленно короновал ее. О случившемся донесли Михаилу, и он, опасаясь, как бы неожиданно нагрянувшая толпа не схватила его в самом дворце, бежал вместе с дядей Константином в Студийский монастырь. Феодора, приняв власть, отправила следом отряд стражников. Обоих беглецов оттащили от алтаря и при всем народе ослепили, а затем сослали на острова (Пселл: «Михаил Пятый»; 6, 9, 14-17, 21, 23, 25-26, 32, 37-38, 42, 50).

МИХАИЛ VI СТРАТИОТИК

Византийский император в 1056- 1057 гг. Умер 1059 г.

При Константине Мономахе Михаил занимал должность логофета стратиотской казны. На престол его выдвинула группа столичных чиновников во главе с Львом Параспондиллом. Умиравшая императрица Феодора утвердила их выбор. Михаил стал императором уже в очень преклонном возрасте (Дашков: «Михаил Стратиотик»). Приняв власть, Михаил стал щедро раздавать чины и награды. О происходящем стало известно воинам, и самые отборные из них в пасхальные дни 1057 г. прибыли в Константинополь, в надежде добиться таких же, а то и больших милостей. Однако император обошелся с ними совсем не так, как они ожидали: прежде всего он выругал их всем скопом, а затем вывел на середину их предводителя Исаака Комнина, и следующего за ним, Кевкамена, и осыпал его бранью за то, что тот чуть было не потерял Антиохию. Товарищи, которые ждали милостей, а получили оскорбления, пытались вступить за них, но Михаил заставил их замолчать и всем отказал в своем благоволении. Эта сцена взбудоражила души военачальников и внушила мятежные помыслы. Вскоре они составили заговор, а корону уговорились отдать Комнину, который выделялся среди них не только родом, но и царской внешностью.

Прошло совсем не много времени, и заговорщики во главе огромного войска, стянутого из восточных фем, подступили к столице. Михаил собрал против них армию в западных фемах. В августе недалеко от Никеи императорские войска потерпели от мятежников тяжелое поражение. Михаил принужден был вступить с Исааком в переговоры: предложил ему усыновление и титул кесаря. Исаак поначалу согласился. Однако возмущение перекинулось уже в столицу. Часть синклитиков вместе с патриархом провозгласили Исаака императором, а Михаила обвинили во всевозможных грехах (Пселл: «Михаил Шестой»; 2-3, 9, 13, 29, 32, 36). Когда митрополиты пришли к Михаилу и стали уговаривать его отречься, он, после некоторого колебания, скинул пурпурные туфли и, приняв схиму, поселился в своем доме как частное лицо (Дашков: «Михаил Стратиотик»).

МИХАИЛ VII ДУКА ПАРАПИНАК

Византийский император в 1067- 1078 гг. Сын Константина X. Род. в 1050 г. Умер ок. 1090 г.

В год смерти отца Михаилу едва исполнилось семнадцать лет. По свидетельству Пселла, этот государь обладал прекрасными душевными качествами, но был бездеятелен и совершенно не способен к самостоятельному правлению. Провозглашенный императором, он добровольно уступил всю власть сначала матери, императрице Евдокии, а потом отчиму, Роману Диогену

(Пселл: «Роман Четвертый»; 2). Робок он был настолько, что даже слуг, пойманных за воровством, отпускал без всяких укоров, а при каждом крепком слове или просто одном упоминании любовных утех лицо его покрывалось румянцем. Постоянно погруженный в изучение наук, он уже в юности имел вид человека пожилого, замкнутого и сосредоточенного в себе (Пселл: «Михаил Седьмой»; 2-3, 5-6). В августе 1071 г., после низложения Романа Диогена, Михаил был провозглашен императором, но по настоянию людей, его хорошо знавших (Михаила Пселла и дяди Иоанна Дуки), должен был опять разделить власть с матерью. Поначалу это понравилось Михаилу, но вскоре мать и сын оказались в ссоре, так как приближенные стали подстрекать ее к единовластию, а его вооружать против матери (Вриенний: 1; 18). В октябре того же года Михаил удалился от матери и отдался под защиту дворцовых стражников. Они провозгласили его единоподдержавным правителем, а императрицу принудили постричься в монастырь. Власть поначалу перешла к дяде императора, кесарю Иоанну (Пселл: «Роман Четвертый»; 28-29). Тот, видя, что племянник его неспособен заниматься государственными делами, приобщил к Михаилу евнуха Никифора, которого лгтивно называли Никифорицей. Но, воспользовавшись легкомыслием императора, Никифор совершенно привязал его к себе и убедил не обращать внимания на дядю. Таким образом, кесарь должен был поневоле уступить влияние своему ставленнику (Вриенний: 2; 1).

Между тем, из-за бездеятельности государя дела шли все хуже и хуже: враги ни во что не ставили ромеев, нападали и опустошали империю со всех сторон; мятежи происходили чуть ли не каждый год и подавлялись с большим трудом. Наконец, в октябре 1077 г. восстал видный полководец Никифор Вота-ниат, которого император незадолго до этого сделал главнокомандующим восточных войск. Как скоро в столице разнеслась весть о приближении Вотаниата, тотчас, по словам Вриенния, все - как члены синклита, так и духовенство, - начали придумывать способ низложить императора и поставить на его место Никифора. 25 марта 1078 г. заговорщики отворили бывшие в городе тюрьмы, вооружили своих слуг и домашних и пригрозили сжечь дома тех, кто не примет участия в их замыслах. Выдвинувшийся незадолго до этого энергичный полководец Алексей Комнин (будущий император) уговаривал Михаила послать на восставших свою гвардию, уверяя, что те не выдержат правильного боя, но Михаил сказал: «У меня давно была мысль отказаться от престола, поэтому я с радостью приму то, чего желал». Вскоре он постригся и облекся в монашеские одежды. Патриарх причислил его к клиру и, спустя некоторое время, сделал митрополитом Эфесским (Вриенний: 3; 15, 18-20, 24).

МИХАИЛ VIII ПАЛЕОЛОГ

Никейский император в 1259-1261 гг. Византийский император в 1261-1282 гг. Род. ок. 1224 г. Умер 11 дек. 1282 г.

Михаил происходил из знатного и богатого рода Палеологов. Его бабка была дочерью императора Алексея Ангела и, женившись на ней, его дед Палеолог получил титул деспота, а его отец, Андроник Палеолог, стал великим domestikом при Иоанне III. Сам Михаил был человек знаменитый и уважаемый всеми (Григора: 3; 4). С юности он мечтал о престоле, обладание которым, по слухам, было обещано ему многими пророчествами. В силу разных обстоятельств об этом предсказании стало известно многим людям и в том числе императорам из правившей династии Ласкарисов. В 1252 г. Иоанн III заставил Палеолога торжественно поклясться перед патриархом в том, что он не замышляет никакой неверности и не будет искать престола под его потомками (Акрополит: 50). После этого Михаил продолжал пользоваться милостями двора, но взаимное недоверие осталось. В 1256 г. он прослышал, что Феодор II, сменивший к этому времени на престоле Иоанна, отдал приказ схватить его. Не колеблясь ни минуты, Михаил бросил все и бежал к туркам. Он застал иконийского султана сильно озабоченным войной с монголами. Так как у него было много ромейских пленных, султан составил из них особый полк и отдал его под команду Михаилу (Григора: 3; 2). В бою этот полк добился успеха (Акрополит: 65), но общий исход битвы был все равно неудачен для турок. Тем временем Феодор отправил к Палеологу благожелательное письмо, уверяя, что произошло недоразумение, и предложил ему вернуться. Михаил возвратился, был обласкан императором и получил сан великого коноставла. Однако его во второй раз принудили принести страшные

клятвы, что он останется неизменно верен императору, что никогда не выйдет из границ повиновения и не станет домогаться верховной власти (Григора: 3; 2). Михаил все это послушно обещал, но спустя совсем немного времени его схватили, заковали в кандалы и бросили в темницу по обвинению в колдовстве. Вскоре Феодор разобрал его дело, не нашел никакой вины и вернул ему свои милости. Так Палеолог трижды избежал страшной опасности.

В 1258 г. Феодор II умер. После себя он оставил трех дочерей и маленького Иоанна IV, которому шел только девятый год (Лакхимер: 1; 10, 12-13). Регентами при сыне он сделал протовестария Георгия Музалона и патриарха Арсения. Верховную власть над империей до совершеннолетия Иоанна он вручил Музалону. Но уже через три дня после похорон во время панихиды в Сосандрском монастыре заговорщики убили регента и двух его братьев (Акрополит: 75). После этого попечение об императоре решено было передать Палеологу как великому коноставлю. Не малое участие в этом выгодном выборе принимал и он сам, так как очень хорошо умел расположить любого в свою пользу (Пахимер: 1; 22). По словам Григоры, Михаил отличался приятной наружностью, ловким обращением, веселым характером и ко всему этому - щедростью. Это возбуждало к нему большую любовь, и он легко привлек к себе войско, простой народ и синклитиков (Григора: 3; 4). Очаровав всех, Михаил стал постепенно прибирать к рукам верховную власть. Вскоре члены совета попросили императора пожаловать Палеологу титул великого дукса с правом заботиться об общественных делах. В новой должности он получил доступ к императорской казне и с этого времени мог усилить действенность своего обаяния. Многих лиц благородного происхождения он, придумывая благовидные предлоги, вознаграждал царскими деньгами, но для себя демонстративно не брал ничего. Когда приехал патриарх, он обворожил его своей угодливостью, а архиереев, его спутников, расположил к себе подарками. В конце концов все были так увлечены хитростью его замыслов и льстивостью его нрава, что рассуждая о государственной власти, подавали мнения в его пользу, несмотря на то, что сам он ничего не говорил. И чиновники и архиереи согласились, что опекуну государства нельзя равняться с другими сановниками. Было решено, что отныне Палеолог будет именоваться деспотом и отцом императора. Он принял и то и другое и отныне мог уже без сомнения и смело раздавать дары и привлекать нужных людей на свою сторону. Своего брата он сделал великим домашником, на многие важные посты расставил своих людей, а тех, кто был ему опасен, под разными предлогами удалил из столицы. Наконец, подкупив и обольстив всех, он стал домогаться императорской власти (Лакхимер: 1; 23, 25-28).

Как раз в это время, очень кстати, началась война с эпирским деспотом Михаилом и его союзниками. В сражении у Пелагонии брат Михаила, великий домашник Иоанн, наголову поразил врагов и захватил в плен князя Ахайи (Григора: 3; 5). Чтобы купить себе свободу, тот должен был передать ро-меям несколько важных крепостей на Пелопоннесе (Пахимер: 1; 31). И вот, когда дела шли таким образом, несколько вельмож, знатных родом и личными заслугами, находясь в лагере у Магнесии, посадили Михаила на шит и провозгласили императором. Патриарх Арсений, проживавший тогда в Ни-кее, был поражен этой вестью в самое сердце. В страхе за малолетнего Иоанна он сначала хотел подвергнуть отлучению как провозглашенного императора, так и провозгласивших, но сдержал себя и рассудил, что лучше связать их клятвами: и сам Палеолог, и его сторонники обещали не замышлять на жизнь дитяти и не посягать на его царские права. Только оговорив такие условия, патриарх венчал в начале 1259 г. Михаила на царство, но не навсегда, а только до совершеннолетия законного наследника. После этого Михаил должен был добровольно уступить трон одному Иоанну. В этом смысле снова были принесены страшные клятвы (Григора: 4; 1). Сделавшись императором, Михаил назначил воинам постоянный продовольственный паек, который выдавался им даже на детей. Этим он возбудил в солдатах готовность с рвением служить ему. Народу он услужил тем, что отворил тюрьмы, снял с должников казенные недоимки, а бедным дал обильные средства для жизни. Всеми силами стараясь угодить черни, он опустошал казну обеими руками и в короткий срок расточил ее всю. Но своему маленькому соправителю Михаил с этого времени стал оказывать гораздо меньше внимания. Он отправил Иоанна проводить жизнь в детских забавах, а сам постоянно являлся перед народом, ласкал его обещаниями и кидал в толпу золото (Пахимер: 2; 5, 9).

Однако для того, чтобы окончательно закрепить престол за собой и своим потомством,

Михаил должен был совершить нечто такое, что своим блеском заслонило бы деяния прежних государей. Латинской империи в предыдущие годы были нанесены тяжелые удары, но Константинополь все еще оставался в руках крестоносцев. На овладении им Палеолог сосредоточил все усилия. В 1260 г. он переправился во Фракию, имея в виду попытать воинского счастья в самих предместьях столицы. Обставив укрепления камнеметными машинами и употребив много усилий, он все же не смог взять города. Но император укрепил крепости, лежащие перед Константинополем, и оставил в них воинов. Он приказал им делать частые набеги и вылазки против латинян, чтобы не позволять им даже выглядывать за стены. Это довело латинян до такой крайности, что они по недостатку в дровах употребили на топливо множество прекрасных зданий (Григора: 4; 1). В следующем году император дал немного воинов Стратигопулу Алексею и послал его на запад, а так как дорога шла неподалеку от Константинополя, поручил заодно сделать нападение на этот город и напугать его жителей. Но случилось так, что все войско и флот крестоносцев находились в это время в походе против жителей острова Дафнусия. В городе оставались только женщины и дети, да сам император Балдуин с небольшим отрядом. Воины Алексея легко овладели стенами, открыли ворота и впустили остальных. Таким образом, против всякого ожидания, Константинополь был возвращен ромеям. Император тогда жил в Метеории и ничего не знал о происшедшем. Его сестра Ирина первая принесла ему весть о необыкновенном событии - она вбежала в спальню Михаила и разбудила его словами: «Государь! Ты овладел Константинополем!» (Акрополит: 85-86).

В августе 1261 г. Михаил торжественно въехал в столицу и занял дворец, находившийся у самого ипподрома, потому что Влахерн-ский дворец был давно заброшен и покрыт копотью и пылью. Сама столица представляла картину полного разрушения. Первым делом, сильно озаботившим императора, было очистить город от обломков и развалин и возратить ему по возможности его прежнюю красоту - возобновить еще не совсем разрушенные храмы и наполнить лишенные обитателей дома (Григора: 4; 2). В последующие годы Ромейская империя продолжала усиливаться: у итальянцев были отобраны острова Накос, Парос, Кос и Кариест; у Ахейского князя - Лаконика со Спартой; у болгар - Филиппополь, Месемврия и Анхи-ал (Пахимер: 3; 15, 18). Но увлекшись европейскими делами, император оставил совершенно без внимания азиатские границы. Почувствовав это, турки вскоре возобновили свои опустошительные набеги. Незадолго до смерти Михаил посетил восточные пределы своего государства и был потрясен запустением и разорением многих городов, находившихся в годы его юности в самом цветущем состоянии (Григора: 5; 4).

Между тем после овладения столицей мысль императора совершенно остановилась на единодержавии. Маленький Иоанн даже формально был устранен от управления. Его лишили знаков царской власти (Пахимер: 2; 23), а когда Михаил второй раз короновался в храме святой Софии, Иоанн не был даже упомянут (Пахимер: 3; 6). Наконец Палеолог велел ослепить его и заключить в крепость. Всех его сестер он выдал замуж за незнатных людей и, таким образом, обеспечил себя отовсюду и упрочил за собой преемство верховной власти. Хотя со стороны Палеолога это было явное вероломство, никто не выступил в поддержку маленького Ласкариса, кроме патриарха. По словам Григоры, Арсений, услышав об ослеплении Иоанна, вскочил с места и, бросаясь из комнаты в комнату, жалобно вопил, беспощадно бил себя в грудь и призывал все кары на голову клятвopеступника. Когда же он увидел, что нет никаких средств к отмщению, он подверг Михаила церковному отлучению. Император поначалу долго и безропотно сносил наказание, принял на себя вид покорности и ожидал разрешения епитимьи. Но так как его надежды не сбылись, он решил отомстить патриарху следующим образом: собрал собор архиереев и приказал им рассмотреть некоторые возводимые на Арсения обвинения. Сделав все по указке Палеолога, собор в 1265 г. низложил патриарха, хотя обвинения против него были смешны и нелепы. Многие священники и монахи не признали его низложения, из-за чего в церкви произошел раскол и начались смуты. С годами они еще более усилились. Новый патриарх Герман не захотел вернуть императора к церковному общению и добровольно покинул святительский престол. Его место в 1266 г. занял Иосиф. Он наконец разрешил Палеолога от грехов клятвopеступления и жестокости (Григора: 4; 4, 8). Но вскоре между патриархом и императором возникли новые неразрешимые противоречия.

Последний латинский император Балдуин передал права на Константинопольский престол королю Апулии Карлу Анжу. Анжуйцы стали энергично готовить новый крестовый поход. Михаил приложил все старания, чтобы помешать им: поправил ветхие стены города, заручился поддержкой Испании и Венеции. В 1274 г. он отправил послов к папе и предложил соединение церквей. Папа охотно отозвался на это желание, но патриарх Иосиф не принял соединения и отказался от патриаршества. Взволновалось все православное духовенство, немало было и знатных людей, которые крепко держались старых убеждений. Михаил сначала пытался заманить и завлечь умы вкрадчивыми словами и ласками. Но после стал употреблять различные наказания: лишение состояния, ссылки, тюрьмы, ослепление, плети, отсечение рук. В патриархи он возвел Иоанна Векка, с большим рвением взявшегося за хлопоты о соединении с католиками.

Умер Михаил в декабре 1282 г. во время похода во Фракию. Собирая войска, он вдруг почувствовал сильнейшую боль в сердце и вскоре скончался. Его сын Андроник, тайно гнушавшийся отступничеством отца от православия, не только не почтил его царскими похоронами, но не удостоил его даже того почета, который предоставляется ремесленнику или воину. По свидетельству Григоры, несколько человек ночью отнесли тело императора подальше и зарыли словно отлученного от церкви еретика (Григора: 5; 1-2, 7).

МИХАИЛ IX ПАЛЕОЛОГ

Византийский император в 1295 - 1320 гг. Сын Андроника II. Род. в 1277 г. Умер 12 окт. 1320 г.

В годы правления Андроника II Михаилу было поручено ведение войн против внутренних и внешних врагов. Впрочем, во всех сражениях он терпел неизменные поражения, хотя был отважным воином. Трудно сказать, что было тому виной - его неумение командовать или плачевное состояние ромейской армии. В 1305 г. по приказу Михаила во время переговоров аланы убили кондотьера восставших каталонских наемников кесаря Роже-ра де Флор. После этого каталонцы соединились с турками, укрепились в Каллиуполе и стали делать набеги на Фракию, опустошая ее днем и ночью. Поскольку дерзость их со временем стала совершенно нестерпима, Михаил, взяв все фракийские и македонские полки, добавил к ним туркопулов (крещеных турок) и подошел к Апрам. Но едва был дан сигнал к сражению туркопулы покинули поле битвы. Такая неожиданность отняла у ромеев всю отвагу. Михаил, увидев, что ряды его войска смешались, со слезами обратился к солдатам, умоляя их стоять крепко. Но те мало заботились о его словах и бросились бежать без оглядки. Большая часть пехоты была тогда беспощадна изрублена и потоптана врагами. Михаил с немногими сохранившими твердость бросился в бой. Множество стрел сыпались на него, конь под ним пал, и он, без сомнения, погиб бы, если бы кто-то не отдал ему своего коня. На нем он спасся и добрался до ближайшей крепости. После ухода каталонцев в 1308 г. Фракию стали опустошать турки. Михаил собрал войска, призвал крестьян и попытался взять вражескую крепость на европейском берегу Геллеспонта. Ромеи были уверены в успехе, так как числом намного превосходили врагов. Однако едва показалась турецкая конница, весь деревенский сброд обратился в бегство. Потом понемногу начали разбегаться и другие. Когда же Михаил попытался привести войска в порядок, не оказалось решительно никого, кто бы мог послушать его. В отчаянии он сам, в горе и слезах, обратился в бегство. Турки захватили в плен многих знатных ромеев, императорскую казну и палатку (Григора: 7; 4, 8).

НЕОПТОЛЕМ II

Царь молоссов (Эпир) из рода Пирридов, правивший в 361 г. до Р.Х. Сын Алкета I. Отец Александра I и Олимпиады, матери Александра Македонского.

НЕОПТОЛЕМ III

Эпирский царь из рода Пирридов, правивший в 302-295 гг. до Р.Х. Сын Александра I.

Неоптолем сделался царем вместо изгнанного Пирра. Когда в 296 г. до Р.Х. Пирр возвратился с египетским войском и многие эпироты приветствовали его, Неоптолем вынужден был принять его и разделить с ним власть. Каждый из царей готовился устранить своего соперника, но Пирру это удалось сделать раньше. Заручившись поддержкой знатнейших эпиротов, он пригласил Неоптолема на пир и убил (Плутарх: «Пирр»; 4-5).

НЕПОТ, Юлий

Римский император в 474-475 гг. Умер 480 г.

Непот владел Далмацией, доставшейся ему по наследству от его дяди, патриция Марцеллина. Женат он был на одной из племянниц византийской императрицы Верины. Благодаря этим родственным связям Непот в июне 474 г. при поддержке византийских войск сверг римского императора Глицерия и сам занял его место (Гиббон: 36). Магистром армии Непот поставил Ореста. Этот Орест, приняв командование над войском, в августе 475 г. выступил из Рима против вестготов, но, достигнув Равенны, провозгласил императором своего сына Ромула. Когда Непот узнал об этом, он бежал в Далмацию и там, сложив с себя власть, стал частным человеком (Иордан: 241). В 480 г. он был умерщвлен в Солоне по приказу епископа Глицерия, своего предшественника на троне (Гиббон: 36).

НЕРВА, Марк Кокцей

Римский император в 96-98 гг. Род. 8 ноя. 30 г. Умер 27 янв. 98 г.

Нерва происходил из senatorского рода Кокцеев умбрийского города Нарния. В последний год правления Домициана он скрывался от его гнева в Галлии (Виктор: «О Цезарях»; 12). После убийства Домициана он был провозглашен императором благодаря стараниям Петрония Секунда, префекта претория, и Парфения, убийцы Домициана (Евтропий: 8; 1). Говорят, что, едва Нерва изъявил перед сенатом свое согласие на принятие власти, распространился слух, будто Домициан жив и скоро поправится. Сначала Нерва так перепугался, что потерял дар речи, изменился в лице и едва остался жив, но потом ободрился и обратился к привычным удовольствиям жизни. Он простил все недоимки податей и приказал воспитывать на общественный счет девочек и мальчиков, рожденных в Италии от бедных родителей. Он не допускал ссор, был весьма образован и любил общество. Когда легионеры стали требовать расправы над убийцами Домициана, он вновь перепугался, так что не мог удержать рвоты и испражнений, но все же сильно сопротивлялся их произволу. Однако солдаты, не обращая внимания на принципса, перебили убийц. Поняв после этого, что ему нужна поддержка более молодого правителя, Нерва усыновил Ульпия Траяна и даровал ему равные с собой права. Умер он три месяца спустя от нервного припадка: порицая какого-то Регула, в припадке гнева он вдруг покрылся потом. Когда он несколько остыл, тело его потряс озноб и появились признаки горячки, через некоторое время он скончался шестидесяти трех лет от роду (Виктор: «О жизни и нравах императоров»; 12).

НЕРОН, Тиберий Клавдий

Римский император из рода Юлиев-Клавдиев, правивший в 54-68 гг. Род. 15 дек. 37 г. Умер 7 июня 68 г.

Нерон, или Луций, как его звали в детстве, принадлежал к древнему патрицианскому роду Домициев Агенобарбов. Отец его, Гней Домиций Агенобарб, был человек буйный и порочный. При Тиберий он обвинялся и в оскорблении величества, разврате и кровосмешении со своей сестрой Лепидой, но смена правителей его спасла. Он скончался в 39 г. от водянки. Его мать, Агриппина, женщина вероломная и жестокая, известна была тем, что открыто находилась в сожительстве с братом своим Гаем Калигулой, а потом была им сослана за разврат. Говорят, что Агенобарб, в ответ на поздравления друзей по случаю рождения сына, отвечал, что от него

и Агриппины ничего не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества. Слова его оказались пророческими.

Трех месяцев Луций потерял отца, мать его вскоре была сослана, а на их имущество наложил руку Калигула, так что первые его годы прошли в нищете и нужде в доме тетки Лепиды. Но когда Клавдий принял власть, ему не только возвращено было отцовское имущество, но и добавлено наследство его отчима, Пассиена Криспа. Благодаря влиянию и могуществу матери, возвращенной из ссылки и восстановленной в правах, он достиг видного и высокого положения. В 49 г. Агриппина стала женой Клавдия, а в 50 г. тот усыновил Луция под именем Тиберия Клавдия Нерона, хотя у него был и собственный сын, Британик, лишь ненамного моложе пасынка. Воспитателем Нерона был назначен известный философ Анней Сенека. В 53 г. Нерон женился на дочери Клавдия, Октавии, а год спустя, после смерти Клавдия (отравленного Агриппиной), он был объявлен в завещании его наследником. Ему было шестнадцать лет, когда он принял власть. Начал он с того, что постарался показать свои родственные чувства. Клавдия он "почтил великолепным погребением, похвальной речью и обожествлением. Памяти отца своего, До-миция, он воздал величайшие почести. Матери он доверил все свои общественные и частные дела. Он объявил, что будет править по предначертаниям Августа, и не пропускал ни единого случая показать свою щедрость, милость и мягкость. Обременительные подати он отменил или умерил. Народу он раздал по четыреста сестерциев на человека, обедневшим сенаторам назначил ежегодное пособие. Он позволял народу смотреть на его военные упражнения, часто декламировал при всех и даже произносил стихи как дома, так и в театре, что неизменно вызывало общее ликование (Светоний: «Нерон»; 5-10).

Однако, подобно своему дяде Калигуле, Нерон очень быстро показал истинное свое лицо. Влюбившись в 55 г. в вольноотпущенницу по имени Акте и избрав своими наперсниками блестящих молодых людей Марка Отона и Клавдия Сенециона, Нерон стал понемногу выходить из-под опеки матери. Поскольку известно было, что к жене своей Октавии Нерон всегда испытывал неодолимое отвращение, никого не удивила эта связь принцепса с блестящей гетерой. Но Агриппина, едва до нее дошли слухи об Акте, накинулась на Нерона со всем женским неистовством. И чем яростнее она осыпала его упреками, не желая выжидать, когда он одумается или пресытится, тем сильнее распалась в нем страсть; наконец он вышел из повиновения матери и доверился руководству Сенеки (Тацит: «Анналы»; 13; 12- 13). Таким образом, Агриппина навсегда лишилась расположения сына, хотя при более благоразумном поведении могла бы еще долгое время руководить им. В ее горячности видели не столько гнев матери, сколько ревность влюбленной женщины, покинутой своим любовником. Ходили упорные слухи, что Агриппина, стараясь усилить свою власть над сыном, склонила его к плотской связи с собой и, разъезжая в носилках вместе с матерью, Нерон предавался противоестественной похоти, о чем свидетельствовали пятна на одежде (Светоний: «Нерон»; 28).

Вне себя от ярости, Агриппина сказала однажды, что Британик, ее пасынок, уже вырос, что он кровный сын Клавдия и достоин того, чтобы унаследовать отцовскую власть. Она угрожала отправиться вместе с Британиком в преторианский лагерь и добиться того, чтобы власть перешла в более достойные руки. Встревоженный этими словами Нерон стал размышлять о неукротимом характере брата и о том, что тот имеет немало сторонников. В конце концов он решил устранить его с помощью яда (Тацит: «Анналы»; 13; 14-15). Яд получил он от той же Лукусты, которую обвиняли в отравлении Клавдия. Но первая попытка окончилась неудачей: отравка оказалась слабее, чем думали, и Британика только прослабило. Тогда Нерон вызвал Лукусту к себе и стал избивать ее собственными руками, крича, что она насмехается над ним и дала ему не яд, а лекарство. Та оправдывалась, что сделала дозу меньше, желая отвести подозрение в убийстве. Нерон заставил ее тут же, в спальне у себя, сварить новый яд и поднести отраву обедавшему за столом Британику. С первого же глотка тот упал мертвым; Нерон, солгав сотрапезникам, будто это обычный припадок падучей, на следующий же день, в проливной дождь, похоронил его торопливо и без почестей.

Таково было первое преступление Нерона. После этого наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость стали постепенно и незаметно проявляться в его манерах. Поначалу

казалось, что пороки эти не от природы, а от возраста, и что они пройдут вместе с юностью. Как только смеркалось, он надевал накладные волосы или войлочную шапку и шел слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Забавы его были не безобидны: людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал их в сточные канавы; в кабаки он вламывался и грабил, а во дворце устроил рынок и, захваченную добычу продавал по частям, а выручку пропивал. Не раз в таких потасовках ему могли выбить глаз, а то и вовсе прикончить; один сенатор избил его чуть не до смерти за то, что он приставал к его жене. С этих пор он выходил в поздний час не иначе, как в сопровождении войсковых трибунов, неприметно державшихся в стороне (Светоний: «Нерон»; 26, 33).

В 58 г. Нерон увлекся Поппеей, женой своего друга Отона. По свидетельству Тацита, она имела все, кроме чистой души. Поппея была знатна, красива и богата, но с ранней юности поставила все эти достоинства на службу своему любострастию и своему тщеславию. Едва познакомившись с Нероном, она сделала вид, что покорена его красотой и не в силах противиться нахлынувшей на нее страсти. Прин-цепс вскоре попал в ее сети и сделался ее любовником. Под влиянием этой женщины семена пороков стали быстро прорастать в его душе (Тацит: «Анналы»; 13; 45-46).

Именно Поппея толкнула Нерона в 59 г. на убийство матери, так как не надеялась при жизни Агриппины добиться его развода с Октавией и бракосочетания с нею самой. Решив умертвить мать, Нерон начал совещаться с приближенными о том, как это осуществить: посредством яда, оружием или как-либо иначе. Сначала остановились на яде (Тацит: «Анналы»; 14; 1, 3). Три раза Нерон пытался отравить Агриппину, пока не понял, что та заранее принимает противоядие. Тогда он устроил над ее постелью штучный потолок, чтобы машиной высвободить его из пазов и обрушить на спящую, но соучастникам не удалось сохранить замысел в тайне (Светоний: «Нерон»; 34). Наконец вольноотпущенник Ани-кет предложил хитроумный план. Он заявил, что может устроить на корабле особое приспособление, чтобы, выйдя в море, тот распался на части и потопил ни о чем не подозревающую Агриппину. Этот ловко придуманный план был одобрен. Нерон отправился в Байи и пригласил сюда мать на праздник Квинкватров. Там он ласковым обращением расстроил ее страхи и подозрения, а напоследок крепко обнял и долго глядел ей в глаза. Однако не успел еще корабль отойти на достаточное расстояние от берега, как по данному знаку обрушилась отягченная свинцом кровля каюты. Но Агриппину и сопровождавшую ее Ацероннию защитили высокие стенки ложа, выдержавшие тяжесть рухнувшей кровли. Корабль уцелел, так что обе женщины не были сброшены в море внезапным толчком, а соскользнули в него. Ацеронния погибла, но Агриппина, сначала вплавь, а потом на одной из встречных рыбацких лодок добралась до своей виллы. У нее не осталось ни малейших сомнений в том, что ее собирались убить, но она сочла нужным это скрыть. К сыну Агриппина отправила вольноотпущенника Агерина с известием о своем спасении. Нерон был не на шутку напуган таким оборотом дела. Он объявил, что мать надо умертвить прежде, чем она успеет обвинить его в покушении. Присланного ею Агерина он велел задержать, подбросить ему под ноги меч и объявить, будто тот пытался убить принцепса. Аникет в окружении воинов отправился на виллу Агриппины. Говорят, что Агриппина, увидев его, пыталась сначала умолить о пощаде, но, заметив, как центурионы обнажают мечи, подставила им живот и воскликнула: «Поражай в чрево!» Ее прикончили, нанеся ей множество ран (Тацит: «Анналы»; 14; 3-8). По некоторым известиям, Нерон приехал осматривать обнаженный труп матери, внимательно оглядел и подверг разбору все ее члены, некоторые похвалил, другие побранил и пришел от этого занятия в такое возбуждение, что потребовал вина и тут же, возле ее тела, начал пьянствовать.

Окончательно избавившись от опеки, Нерон решил осуществить свою давнюю мечту. Еще в детские годы вместе с другими науками изучал он и музыку. Придя к власти, он тотчас пригласил к себе лучшего в то время кифареда Терппа и много дней подряд слушал его после обеда до поздней ночи. Теперь же он и сам начал постепенно упражняться в этом искусстве. Он не упускал ни одного из средств, каким обычно пользуются мастера для сохранения и укрепления голоса: лежал на спине со свинцовым листом на груди, очищал желудок промываниями и рвотой, воздерживался от плодов и других вредных для голоса кушаний. И хотя голос у него был слабый и сиплый, все же, радуясь своим успехам, он пожелал выступить

на сцене (Светоний: «Нерон»; 20, 34). Впервые публично он выступил на специально организованных им ювеналиях перед тщательно подобранной публикой, которая наградила его льстивыми и восторженными аплодисментами.

В 62 г. умер префект преторианцев Бурр, один из ближайших наставников Нерона (ходили упорные слухи, что Нерон под видом лекарства послал ему яд), а вслед за тем последовало быстрое охлаждение принцепса к Сенеке. Сенеку обвиняли в том, что он чрезмерно богат, что, будучи автором многих речей Нерона, он присваивает себе славу его красноречия, что он осуждает новые увлечения Нерона - скачки и пение, и за глаза насмехается над его голосом. Впрочем, одного последнего обвинения достаточно было для того, чтобы Сенека из первого друга превратился в злейшего врага: нападок на свой голос Нерон не прощал никому. Ближайшим человеком при Нероне становится новый префект преторианцев Тигеллин. По его наущениям Нерон без всякого суда приговорил к смерти и казнил двух знатных сенаторов, Плавта и Суллу, так как опасался их популярности в войске. Сенат задним числом одобрил эти убийства. Получив сенатские постановления и увидев, что все его преступления принимаются как выдающиеся деяния, Нерон изгнал Октавию, объявив, что она бесплодна, и тотчас же сочетался браком с Поппе-ей. Но и добившись своего, Поппея не перестала преследовать прежнюю соперницу: она побудила одного из слуг Октавии обвинить госпожу в прелюбодейной связи с рабом. Началось следствие, которое хоть и велось со многими злоупотреблениями, не смогло доказать этой наглой клеветы. Нерон ограничился пока тем, что сослал Октавию в Кампанию. Тем временем Аникет, убийца Агриппины, снова поспешил оказать Нерону грязную услугу и стал повсюду распространять слухи о том, что Октавия была его любовницей. Основываясь на этой, им же самим пушенной сплетне, Нерон обвинил Октавию в том, что она, задумав переворот, соблазнила префекта его флота и даже была беременна от него (при этом забыли, что совсем недавно обвиняли ее в бесплодии). Несчастную заточили на острове Пандатерии, а спустя несколько дней объявили, что она должна умереть. Поскольку сама она никак не хотела покончить с собой, ей насильно вскрыли вены на руках и ногах. Поппея даже этим не была удовлетворена: в ознаменование своего торжества она велела отрезать голову Октавии и привести ее в Рим (Тацит: «Анналы»; 14; 15, 51-52, 57, 60, 62).

Между тем Нерон со дня на день проникался все более страстным желанием выступить на сцене общедоступного театра; до сих пор он пел лишь у себя во дворце или в своих садах на ювеналиях, к которым относился с пренебрежением, считая их слишком замкнутыми для такого голоса, каким он, по его мнению, обладал. Однако, не решившись начать сразу с Рима, он избрал Неаполь, представлявшийся ему как бы греческим городом (Тацит: «Анналы»; 15; 33). В день его выступления в 64 г. театр дрогнул от неожиданного землетрясения, но Нерон не остановился, пока не кончил начатую песнь. После этого он часто выступал в Неаполе и пел по несколько дней. Потом дал себе короткий отдых для восстановления голоса, но и тут не выдержал одиночества, из бани явился в театр, устроил пир посреди оркестры и по-гречески объявил толпе народа, что когда он промочит горло, то уже споет что-нибудь во весь голос. Ему понравилось мерное рукоплескание александрийцев, которые во множестве приехали в Неаполь, и он вызвал из Александрии еще больше гостей; не довольствуясь и ими, он сам отобрал юношей всаднического сословия и пять с лишним тысяч дюжих молодцов из простонародья, разделил их на отряды и велел выучиться рукоплесканиям всякого рода - и «жужжанию», и «желобкам», и «кирпичикам», а потом вторить ему во время пения. Главари их зарабатывали по 400 000 сестерциев.

После этого принцепс возвратился в Рим и предался самому необузданному разврату. И сам он, и его приближенные давали в этот год множество пиров, на которых забывались всякие приличия. Пиршества Нерона затягивались с полудня до полуночи; время от времени он освежался в купальнях, пировал и при народе, на искусственном пруду или в Большом цирке, где прислуживали голые гетеры и танцовщицы со всего Рима. Когда он проплывал по Тибру в Остию или по заливу в Байи, по берегам устраивались харчевни, где было все готово для бражничества и разврата и где одетые шинкарками матроны отовсюду зазывали его причалить.

Мало того, что жил он и со свободными мальчиками, и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию. Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и факелом, с

великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член оставался неоскверненным. В завершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив свою похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору; за этого Дорифора он вышел замуж, как за него - Спор, и при этом кричал и вопил, как насилюемая девушка. Наблюдая за этим, римляне в ужасе ожидали возмездия со стороны богов, и действительно, в тот самый год в столице разразился невиданный по силе со времен галльского нашествия пожар, уничтоживший большую часть города и погубивший бесчисленное множество людей. Впрочем, и в этой беде обвиняли принцепса. Говорили, что ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, поэтому он и велел поджечь Рим, притом настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать. Шесть дней и шесть ночей свирепствовало бедствие, а народ искал убежище в каменных памятниках и склепах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома древних полководцев, еще украшенные вражеской добычей, горели храмы богов, возведенные и освященные в годы царей, горело все достойное и памятное, что сохранилось от древних времен. На этот пожар Нерон смотрел с Меценатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел «Крушение Трои» (Светоний: «Нерон»; 20, 27-29, 37-39). Идя навстречу изгнанному пожаром и оставшемуся без крова народу, Нерон открыл для него Марсово поле, все дома Агриппины, а также свои собственные сады и, кроме того, велел срочно возвести строения, чтобы разместить в них толпы обездоленных погорельцев. Из Остии и ближайших муниципиев было доставлено продовольствие, а цена за зерно снижена до трех сестерциев (Тацит: «Анналы»; 15; 39).

Страшное бедствие позволило осуществить мечту Нерона - отстроить Рим заново. В постройках, как и во всем прочем, он не знал меры. От Палатина до самого Эск-вилаина он велел выстроить дворец, назвав его сначала Проходным, а потом, после пожара и восстановления, - Золотым. О размерах и убранстве его достаточно сказать, что приходящая в нем была такой высоты, что в ней стояла колоссальная статуя императора ростом в сто двадцать футов, площадь его была такова, что тройной портик по сторонам был в милю длиной; внутри был пруд, подобный морю, окруженный строениями, подобными городам, а затем - поля, пестреющие пастбищами, лесами и виноградниками, и на них - множество домашней скотины и диких зверей. В остальных покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами; в обеденных палатах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; главная палата была круглая и днем и ночью безостановочно вращалась вслед небосводу; в банях текли соленые и серные воды. И когда такой дворец был закончен и освящен, Нерон только и сказал ему в похвалу, что теперь, наконец, он будет жить по-человечески. Кроме этой грандиозной постройки по его указке начали строить купальню от Мизена до Авернского озера, крытую и с портиками по сторонам, в которую он хотел отвести все Байские горячие источники; начат был и канал от Аверна до самой Ос-тии, чтобы можно было туда ездить на судах, но не по морю; длиной он должен был быть в сто шестьдесят миль, а шириной такой, чтобы могли разойтись две квинкверемы. Для производства этих работ он приказал всех ссыльных отовсюду везти в Италию, и даже уголовных преступников велел приговаривать только к этим работам (Светоний: «Нерон»; 31).

Вся не отошедшая к дворцу территория города в дальнейшем застраивалась не так скученно и беспорядочно, как после сожжения Рима галлами, а с точно отмеренными кварталами и широкими улицами между ними, причем была ограничена высота зданий, дворы не застраивались, а перед фасадами доходных домов возводились скрывающие их портики. Эти портики Нерон обещал соорудить за свой счет, а участки для построек предоставил владельцам расчищенными. Кроме того, он определил им денежные награды за завершение строительства особняков и доходных домов в установленные им самим сроки. Для свалки мусора он предоставил болота близ Остии, повелев, чтобы суда, подвозившие по Тибру зерно, уходили обратно, погрузив мусор; самые здания он приказал возводить без применения бревен, сплошь из габийского или альбанского туфа, ибо этот камень огнеупорен; было запрещено сооружать

дома с общими стенами, но всякому зданию надлежало быть наглухо отгороженным от соседнего. Все эти меры, принятые для общей пользы, послужили вместе с тем и к украшению города. Чтобы пресечь позорящую его молву, что пожар был устроен по его приказу, Нерон приискал виновных и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем, по их указаниям, и великое множество прочих. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных насмерть поджигали в огне с наступлением темноты ради ночного освещения.

В 65 г. был раскрыт большой заговор, во главе которого стоял Гай Пизон. В заговор были втянуты многие сенаторы, всадники, воины и даже женщины, как из ненависти к Нерону, так и из расположения к Пизону (Тацит: «Анналы»; 15; 43- 44, 48). Заговорщиков заключили в оковы из тройных цепей; одни добровольно признавались в преступлении, другие даже вменяли его себе в заслугу - по их словам, только смертью можно было помочь человеку, запятнанному всеми пороками. Дети осужденных были изгнаны из Рима и убиты ядом или голодом. После этого Нерон казнил уже без меры и без разбора кого угодно и за что угодно (Светоний: «Нерон»; 36-37). По площадям, домам, селениям и ближайшим муниципиям рыскали пехотинцы и всадники. Отсюда непрерывным потоком гнали они толпы закованных в цепи и приводили их ко входу в сады. И когда задержанные входили туда и подвергались допросу, им вменялись в преступление то радость, обнаруженная когда-то при виде того или иного из заговорщиков, то случайный разговор, то уличные встречи, то совместное присутствие на пиршествах или на представлении. Воспользовавшись случаем, Нерон послал приказ покончить с собой всем своим врагам, которых прежде не решался тронуть и которые лишь слегка касались или даже вообще не были замешаны в заговор. Так он вынудил к самоубийству Сенеку и консула Вестина и еще очень многих невинных (Тацит: «Анналы»; 15; 58, 63, 69).

Вслед за тем были отпразднованы вторые пятилетние игры, учрежденные Нероном. Здесь Нерон впервые выступил в театре перед римлянами. Сначала он продекламировал свои поэтические произведения (Тацит: «Анналы»; 16; 4), но все закричали, что хотят услышать его божественный голос. Принцепс отвечал, что желающих он постарается удовлетворить в своих садах, но когда к просьбам толпы присоединились стоявшие в это время на страже солдаты, то он с готовностью заявил, что выступит хоть сейчас. И тут же он приказал занести свое имя в список кифаре-дов-сопостязателей, бросил в урну свой жребий вместе с другими, дождался своей очереди и вышел. Встав на сцене и произнеся вступительные слова, он объявил, что будет петь «Ниобу», и пел ее до десятого часа. Продолжение состязаний и выдачу наград он отложил до следующего года, чтобы иметь случай выступить еще несколько раз; но и это ожидание показалось ему долгим, и он не переставал вновь и вновь показываться зрителям. Пел он в трагедии, выступая в масках героев и богов и даже героинь и богинь (Светоний: «Нерон»; 21). Вскоре после этого он убил жену Поппею, ударив ее ногой больную и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она встретила его упреками (Светоний: «Нерон»; 35).

В 66 г. Нерон велел казнить Антонию, дочь Клавдия, которая после смерти Поппеи отказалась выйти за него замуж, обвинив ее в подготовке переворота. Пасынка своего, Руфрия Криспина, сына Поппеи, он велел его рабам утопить в море во время рыбной ловли, так как слышал, что мальчик, играя, называл себя полководцем и императором. Затем он женился на Статилии Мессалине, муж которой, Аттик Вестин, был незадолго до этого казнен.

Тогда же все греческие города, в которых бывали музыкальные состязания, постановили послать ему венки кифаредов. Он принял венки с великой радостью, а послов, прибывших с ними, допустил к себе прежде всех и даже пригласил на дружеский обед. За обедом некоторые из них упростили его спеть и наградили шумными рукоплесканиями. Тогда он заявил, что только греки умеют его слушать и только они достойны его стараний. Без промедления он собрался ехать в Грецию и пустился в путь. Тотчас по переезде он выступил в Кассиопе с пением перед алтарем Юпитера, а потом объехал одно за другим все состязания. Для этого он велел в один год совместить праздники самых разных сроков, хотя бы их пришлось повторять, и даже в Олимпии, вопреки обычаю, устроил музыкальные игры.

Когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были заперты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках. Трудно поверить, как робел и трепетал он, выступая, как ревновал своих соперников, как страшился судей. Соперников он обхаживал, заискивал перед ними, злословил о них потихоньку, порой осыпал их бранью при встрече, словно равных себе, а тех, кто был искуснее его, старался даже подкупить. К судьям он перед выступлением обращался с величайшим почтением, уверяя, что он сделал все, что нужно, однако всякий исход есть дело случая, и они, люди премудрые и ученые, должны эти случайности во внимание не принимать. Судьи просили его мужаться, и он отступал, успокоенный, но все-таки в тревоге: молчание и сдержанность некоторых из них казались ему проявлением недовольства и недоброжелательства, и он заявлял, что эти судьи ему подозрительны. При соревновании он тщательно соблюдал все порядки: не смел откашляться, пот со лба вытирал руками, а когда в какой-то трагедии выронил и быстро подхватил свой жезл, то в страхе трепетал, что за это его исключат из состязания, и успокоился лишь тогда, когда второй актер ему поклялся, что никто этого не заметил за рукоплесканиями и кликами народа. Победителем он объявлял себя сам, поэтому всякий раз он участвовал и в состязании глашатаев. А чтобы от прежних победителей нигде не осталось ни следа, ни памяти, все их статуи и изображения он приказывал опрокидывать, тащить крюками и сбрасывать в отхожие места. Выступал он много раз и возницею, в Олимпии он правил даже упряжкой в десять лошадей. Правда, здесь он был выброшен из колесницы; его вновь туда посадили, но продолжать скачку он уже не мог и сошел с арены, однако, несмотря на это, получил венок. Отправляясь в обратный путь в 67 г., он подарил всей провинции свободу, а судьям - римское гражданство и немалую денежную награду: об этой милости он объявил в день Истмийских игр с середины стадиона.

Из Греции он вернулся в 68 г. в Неаполь, где выступил когда-то в первый раз, и въехал в город на белых конях через пролом в стене, по обычаю победителей в играх. Таким же образом вступил он и в Акции, и в Альбан, и в Рим. В Рим он въезжал на той колеснице, на которой справлял триумф Август, в пурпурной одежде, в расшитом золотыми звездами плаще, с олимпийским венком на голове и пифийским - в правой руке; впереди несли остальные венки с надписями, где, над кем и в каких трагедиях или песнопениях он одержал победу, позади, как в овадии, шли его хлопальщики, крича, что они служат Августу и солдатами идут в его триумфе. Он прошел через Большой цирк, для чего снес арку, через Велабр, форум, Пала-тин и храм Аполлона; на всем его пути люди приносили жертвы, кропили дорогу шафраном, подносили ему ленты, певчих птиц и сладкие яства. Священные венки он повесил в своих опочивальнях возле ложа, и там же поставил свои статуи в облачении кифареда. Но и после этого он не оставил своего усердия и старания: ради сохранения голоса он даже к солдатам всегда обращался лишь заочно через глашатая; занимался ли он делами или отдыхал, при нем всегда находился учитель произношения, напоминавший ему, что надо беречь горло и дышать через платок. И многих он объявлял своими друзьями или врагами, смотря по тому, охотно или скупно они ему рукоплескали.

Между тем правлению его приходил конец. Высадившись в Неаполе, он узнал о восстании галльских легионов во главе с Виндексом. Отнесся он к этому спокойно и беспечно: могло даже показаться, что он радовался случаю разграбить богатейшие провинции по праву войны. Но, когда к восстанию присоединились испанские легионы во главе с Гальбой, Нерон пал ниц и в душевном изнеможении долго лежал как мертвый, не говоря ни слова, а когда опомнился, то, разодрав платье, колотя себя по голове, громко кричал, что все уже кончено. Успокоившись затем немного, он сместил обоих консулов и один занял их место. Но и здесь Нерон остался верен себе - готовясь к галльскому походу, он прежде всего позаботился собрать телеги для перевозки театральной утвари, а наложниц, сопровождавших его, приказал остричь по-мужски и вооружить секирами и щитами, как амазонок. Потом он объявил воинский набор по городским трибам, но никто годный к службе не явился; тогда он потребовал от хозяев известное число рабов и отобрал из челяди каждого только самых лучших. Всем сословиям он приказал пожертвовать часть своего состояния, а съемщикам частных ломов и комнат -

немедленно принести годовую плату за жилье в императорскую казну. Всем этим он возбудил еще большее негодование к себе.

В разгар его приготовлений пришло известие, что и остальные легионы - и на востоке, и на западе, - отложились и готовы выступить против Рима. В ужасе он стал готовиться к бегству и упрашивал преторианцев последовать за ним, но те отказались. До вечера он колебался между различными планами: то хотел отдаться в руки Галь-бы, то обратиться с мольбой к народу, то ехать в Египет. Дальнейшие размышления он отложил на следующий день. Но среди ночи, проснувшись, он увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями и, ни от кого не получив ответа, сам пошел по их покоем. Все двери были заперты, никто не отвечал; он вернулся в спальню - оттуда уже разбежались и слуги. Нерон, как был босой, в одной тунике, накинув темный плащ, закутав голову и прикрыв лицо платком, вскочил на коня; с ним было лишь четверо спутников, среди них - Спор. Впятером они пробрались в усадьбу вольноотпущенника Фаона между Соляной и Номентанс-кой дорогами. Плащ принцепса был изорван о терновник; когда он захотел пить, ему пришлось утолять жажду из какой-то лужи. Фаон укрыл его в жалкой каморке, где лежала тощая подстилка, прикрытая старым плащом. Когда Нерон захотел есть, ему предложили грубый хлеб, когда же он обратился за советом, эти последние, еще оставшиеся ему верными друзья, предложили ему покончить с собой и тем избежать позора. Он велел снять с себя мерку и по ней вырыть у него на глазах могилу, собрать куски мрамора, какие найдутся для надгробья, принести воды для обмывания трупа и дров для костра. При каждом приказании он всхлипывал и все время повторял: «Какой великий артист погибает!» Пока он медлил, пришло известие, что сенат объявил его врагом и разыскивает, чтобы казнить по обычаю предков. В ужасе он схватил два кинжала, взятые с собой, попробовал острие каждого, потом опять спрятал, оправдываясь тем, что роковой час еще не наступил. Только когда сообщили, что к вилле приближаются всадники, он вонзил себе в горло меч. Он еще дышал, когда ворвался центурион, который, зажав платком его рану, сделал вид, что хочет ему помочь. Нерон только и мог ответить: «Поздно! Вот она, верность!» - и с этими словами испустил дух. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть (Светоний: «Нерон»; 22- 25, 35, 40, 42-45, 47-49).

НИКАНДР

Легендарный спартанский царь из рода Эврипонтидов, правивший в VIII в. до Р.Х. Сын Харилая.

Никандр воевал с Аргосом, как и его отец, и причинил аргосцам большие опустошения (Павсаний: 3; 7).

НИКИФОР I ГЕНИК

Византийский император, правивший в 802-811 гг. Род. ок. 760 г. Умер 26 июля 811 г.

Патрикий Никифор, родом пи-сидиец, был при императрице Ирине логофетом геникона. В 802 г. он при содействии начальника военных корпусов Никиты и других придворных чиновников низложил императрицу. Переворот, которым он руководил, был дерзко задуман и столь же смело осуществлен. Заговорщики явились к медным воротам и обманули некоторых военачальников следующей выдумкой: они уверили их, что посланы самой императрицей провозгласить Никифора императором, потому что Аэций, ее евнух, принуждает Ирину сделать императором своего брата Леона. Военачальники поверили этой лжи и объявили Никифора императором. После этого заговорщики подступили к дворцу, а по всему городу разослали рабов объявить о восшествии на престол нового государя. Вокруг дворца Елевферия, где находилась Ирина, расставили стражу. Утром ее заключили под стражу в Большом дворце. Тем временем Никифор был коронован. Через несколько дней низложенную императрицу сослали на остров Принкипо в обитель, которую она сама устроила. Так как престиж Ирины к этому времени пал очень низко, войска и фемы отнеслись спокойно к ее свержению. Восстала только фема Арме-ниак, стратиг которой, Вардан, объявил себя императором и подошел к столице. Но

до военных действий не дошло. Осознав свою слабость, Вардан вступил с Никифором в переговоры, запросил пощады и постригся в монахи. В следующем году император велел ослепить его. Таким образом, он утвердился у власти.

Все государство вскоре почувствовало тяжелую руку нового самодержца. От предыдущего правительства Дела перешли к Никифору в большом неустройстве: казна была пуста, финансы расстроены, армия снабжалась плохо, разбитые при Константине V арабы и болгары вновь грозили землям империи. Требовалось много времени и усилий для того, чтобы все поправить и привести в надлежащий порядок. Никифор приказал уничтожить все налоговые льготы и обложил народ многочисленными и чрезвычайно обременительными поборами. По словам Феофана, он приказал платить подати с лошадей, со стад, с плодов, налагал пени, брал пошлины с кораблей и умышлял другие бесчисленные угнетения. Корыстолюбие его не знало границ (Феофан: 795, 802, 803). Никифор заставил платить налоги и монастыри, и землевладельческую знать (Дашков: «Никифор Ге-ник»). Не ограничиваясь этим, он поучал рабов клеветать на своих господ и сначала будто бы не верил доносам, а потом принимал все наветы и конфисковывал у виновных имения. Вследствие всех этих непопулярных мер Никифор должен был опасаться переворотов. И действительно, ощущая к себе всеобщую ненависть, он, по свидетельству того же Феофана, часто притворно плакал в своей опочивальне: слезы у него всегда были наготове, как обыкновенно бывает у людей худых, но притворно добрых (Феофан: 796).

В области военного устройства Никифор шел по следам своих предшественников - императоров Исаурийской династии, то есть развивал фемы и укреплял армию за счет отрядов народного ополчения.

Внутренние области Греции, заселенные в предыдущую эпоху славянами и фактически независимые от Константинополя, были постепенно включены в общую структуру государства: здесь были образованы фемы Диррахий, Пелопоннес и Фессалоника. Чтобы разбавить славянский элемент, Никифор начал массовое переселение на Балканский полуостров жителей Малой Азии (Дашков: «Никифор Геник»). Каждый легион должен был образовать в славянской земле свое христианское поселение. Впрочем, плоды этой дальновидной политики сказались уже позже, когда византийская армия вновь окрепла и смогла вести победоносные войны. Сам Никифор не имел успеха в военных походах (Феофан: 802). В 806 г. арабы разрушили многие укрепления, выстроенные императором в Азии. В 807 г. арабский флот опустошил Кипр и Родос, появился у берегов Сицилии (Дашков: «Никифор Геник»). В 809 г. болгары взяли Сердику. Никифор двинулся против них, но не смог сделать ничего достойного из-за бунта в войске. Никифор выступил перед солдатами и страшными клятвами поклялся в любви к ним, но когда легионы вернулись в столицу, многих зачинщиков казнил, других изгнал. В 811 г. Никифор во второй раз отправился против болгар. Сначала ему сопутствовала удача. Римляне углубились в болгарские пределы, взяли и сожгли их столицу Плиску. Но затем войско было заперто в Вырбишской теснине. Ночью болгары сделали набег на лагерь, убили в шатре Никифора и всех его вельмож, были перебиты многие военачальники и множество воинов. Череп Никифора хан Крум велел отделать золотом и превратил в чашу (Феофан: 801, 803).

НИКИФОР II ФОКА

Византийский император, правивший в 963-969 гг. Род. в 912 г. Умер 11 дек. 969 г.

Никифор происходил из могущественного и знатного рода Фок, давшего империи нескольких крупных военачальников. Сам он с юности участвовал во многих сражениях, был стратигом Анатолика, а в 954 г. Константин VII сделал его домашником схол (Продолжатель Феофана: 6; 5; 41). Всю жизнь Фока вел аскетический образ жизни, носил власяницу и не употреблял мяса. Никогда не становился он рабом наслаждений, и никто не мог сказать о нем, что видел его хотя бы в юности, предающимся разврату (Лев Диакон: 5; 2). За долгие годы службы Никифор приобрел репутацию человека несокрушимой силы, деятельного и опытного в военном деле. Роман II назначил его стратигом-автократором для ведения войны против Крита. Уже более ста лет этот остров находился в руках арабских пиратов, и все попытки прежних государей вернуть его под контроль ромеев были отбиты с огромным уроном. Летом

960 г. Никифор собрал войска в Азии и прибыл к Криту с большим числом огненос-ных судов. Арабы не препятствовали высадке ромеев, а поджидали их неподалеку от своего главного города Хандака. Никифор велел воинам сомкнуть щиты и так двинулся прямо на варваров. Завязался упорный бой. Арабы не смогли устоять против натиска ромейских копий, ряды их расстроились, и они обратились в бегство. Победители преследовали отступавших до самых городских укреплений. Осмотрев затем крепость и убедившись, что взять ее будет непросто, Никифор приказал возвести стену на всем протяжении от южного берега до противоположного и запер таким образом в городе главную армию критян. От местных жителей он узнал, что в другом месте острова арабы собирают еще одно войско для того, чтобы напасть на него с тыла. Оставив часть сил для поддержания осады, Никифор с остальными тихо снялся с лагеря и выступил против арабского войска. Враги, не ожидавшие для себя ничего ужасного, разбили лагерь на каком-то холме. Ночью ро-меи окружили эту возвышенность, внезапно напали на спящих и истребили их всех до последнего человека. Всем убитым Фока велел отрубить головы. Часть этих голов он приказал насадить на копья вокруг Хандака, а другие бросать камнеметами через стену. По словам Льва Диакона, когда осажденные увидели строй копий, усыпанный головами, и убедились, что эти головы, равно как и те, которые летели по направлению к их городу, принадлежали их соотечественникам и родственникам, их охватили ужас и безумие. Отныне им неоткуда было ждать спасения и приходилось рассчитывать только на свои силы (Лев Диакон: 1; 3, 5, 7-9).

Весной 961 г. ромеев подвинули к стене стенобитное орудие и одновременно повели подкоп под фундамент. Так как стена была сложена из песчаника, она сравнительно легко поддавалась их усилиям и вскоре рухнула. После этого уже ничто не могло сдерживать натиска солдат Никифора - они ворвались в пролом и подвергли город жестокому разгрому. Хандак был разграблен, а все его население обращено в рабство. Затем Никифор велел разрушить стены, а неподалеку на холме возвести крепость Теменос, в которой разместил ромейский гарнизон. Огромную добычу он погрузил на 300 кораблей и с триумфом возвратился в Константинополь.

Вскоре Роман вновь вручил Никифору власть над Азией. Он выступил против давнего врага ромеев эмира Саифа-ад-Дауда и в короткое время овладел многими его городами. Возвращаясь из похода, Фока узнал о внезапной кончине Романа. После смерти императора власть перешла к его малолетним сыновьям Василию и Константину, которые находились еще на попечении кормилиц и их матери Феофано. Но в действительности все управление сосредоточилось в руках паракимомена Иосифа Вринги. Прибыв в апреле 963 г. в Константинополь, Никифор при поддержке патриарха Полиевкта был провозглашен автократом-стратигом Азии. Перед патриархом и всем синклитом Фока принес клятву, что не отвергнет власть малолетних государей и не будет замышлять ничего нечестного против их правления (Лев Диакон: 2; 7-10, 12). Впрочем, судя по всему, Никифор не собирался исполнять этого обещания. Он уже давно мечтал о верховной власти. Кроме того, он был распален страстью к императрице Феофано, с которой как раз тогда вступил в связь (Скилица).

В конце апреля Никифор отправился к своему войску в Каппадо-кию. Тем временем Иосиф Врин-га, справедливо подозревавший Фоку в недоброжелательстве и коварстве, а также в намерении произвести государственный переворот, отправил к стратигу Анатоли-ка Иоанну Цимисхию секретное письмо с предложением принять армию под свое командование. Чтобы воодушевить Цимисхия, Врин-га обещал впоследствии возвести его на самое высокое место в государстве. Но Цимисхий, несколько не соблазненный этими посулами, отнес письмо к Никифору, и таким образом вся интрига Вринги была раскрыта. Цимисхий советовал Никифору немедленно принять императорскую власть. Но тот, по словам Льва Диакона, еще сомневался (или делал вид, что колеблется). Тогда Иоанн собрал всех предводителей войска. Они, обнажив мечи, окружили шатер Ники-фора и провозгласили его императором. Все воины единогласно поддержали их выбор, и Фока облекся в императорские одежды. Иоанна он почтил достоинством магистра и назначил вместо себя domestikом Востока. Затем он разослал по всей ромейской державе указы и распоряжения и назначил стра-тигов. Патриарху и синклиту он отправил послание с требованием принять его как самодержца. В свою очередь он обещал заботиться о сыновьях Романа и воспитывать их до зрелого возраста. Когда войска приблизились к столице, Иосиф укрылся в Софии, а потом отправился в ссылку. Верхом на

белом коне Никифор въехал в столицу через Золотые ворота, и патриарх Полиевкт увенчал его в Софии императорской короной. Вслед за тем Никифор спокойно и уверенно овладел делами правления (Лев Диакон: 3; 1-4, 6-8). 20 сентября, отбросив всякое притворство, он женился на императрице Феофано. Многим этот брак показался неприличным. К тому же вскоре по столице распространился слух, что Никифор был восприемником одного из сыновей Феофано и находился с ней в духовном родстве. Патриарх потребовал, чтобы Никифор развелся с женой, и запретил ему доступ к причастию. Императору с трудом удалось замять скандал. Протоиерей Великого дворца Сти-лиан объявил, что Никифор не был восприемником ни одного из сыновей Романа. Хотя многие знали, что это ложь, Полиевкт смягчился и признал заключенный брак законным (Скилица).

Большую часть своего правления новый император провел в походах. Арабы терпели от него одно сокрушительное поражение за другим. Летом 964 г. Никифор осадил Тарс, но взять его не смог. Ро-меи захватили несколько близлежащих городов, в том числе Мопсуэ-стию (Лев Диакон: 3; 10-11). Зимой войско провело в Каппадокии, а весной 965 г. вновь подступило к Тарсу. Император приказал окружить город сильной охраной, в надежде, что голод заставит жителей рано или поздно сдаться. И действительно, спустя несколько месяцев, изнуряемые жестокой нуждой, арабы запросили пощады. Никифор разрешил им покинуть город, взяв с собой только свою одежду. Весной 966 г. он вторгся в Сирию, захватил несколько городов и некоторое время осаждал Антиохию (Лев Диакон: 4; 1, 4, 9). Занятый делами на востоке, он не мог уделять достаточное внимание западной границе. Правда, после смерти Симеона болгары заметно ослабли, но значительные опустошения империи причиняли набеги венгров. В 967 г., объезжая фракийские города, Никифор писал болгарскому царю Петру и требовал, чтобы тот воспрепятствовал венграм переправляться через Дунай и опустошать владения ромеев. Но Петр не подчинился и под разными предложениями уклонялся от исполнения этого. Тогда Никифор отправил пат-рикия Калокира к русскому князю Святославу, приказав ему обещаниями склонить русских к нападению на болгар. Святослав быстро собрал своих воинов, напал на Болгарию, разорил многие города и села болгар, захватил обильную добычу и возвратился к себе. В следующем году он опять напал на болгар и совершил то же, что и в первый раз (Скилица). Между тем в 968 г. император вновь подступил к Антиохии, затем прошел дальше в Финикию и взял город Арку. На обратном пути он велел построить неподалеку от Антиохии крепость и оставил в ней 2000 воинов (Лев Диакон: 4; 10). Весной 969 г. этот отряд наконец овладел Антиохией. Это было последнее славное деяние в царствование Никифора. Вскоре он был свергнут, причем переворот совершили те, кто раньше помог ему добиться власти: Иоанн Цимисхий и Феофано. Цимисхия император незадолго до этого сместил с поста доместика и отправил в ссылку в Халкедон. Феофано уговорила мужа вернуть его из изгнания и затем вступила с Цимисхием в заговор. Убить императора представлялось нелегким делом - дворец при нем был обращен в настоящую крепость и проникнуть туда обычным путем было невозможно. Только заручившись помощью Феофано, Цимисхий решился на переворот. Он послал к императрице под разными предложениями двух сильных солдат, которых она укрывала в своих покоях. Глубокой ночью 10 декабря лодка с заговорщиками подошла к дворцу со стороны Вуколеона. Солдаты, укрывшиеся в покоях Феофано, одного за другим втянули их на веревках во дворец. Императрица, уходя из спальни мужа, оставила дверь незапертой. Заговорщики ворвались в спальню Никифора, стали бить его и пинать ногами, а один из них нанес сильный удар мечом по голове. Обливавшегося кровью императора подтащили к Иоанну. Тот, схватив несчастного за бороду, безжалостно терзал ее, а остальные били его рукоятками мечей по щекам и выкрошили ему все зубы. Наконец, пресытившись мучениями, Иоанн толкнул Никифора ногой в грудь, взмахнул мечом и рассек ему надвое череп. После этого отрубили голову, а труп вышвырнули на улицу. Целый день он валялся на снегу под открытым небом. Вечером останки Фоки уложили в наскоро сколоченный ящик, отнесли в храм Святых Апостолов и там похоронили (Лев Диакон: 5; 4, 6, 7, 9).

НИКИФОР III ВОТАНИАТ

Византийский император в 1078- 1081 гг. Род. ок. 1001. Умер ок. 1081 г.

Никифор Вотаниат, по словам Вриения, «один из мужественнейших мужей Востока», стал императором уже в очень преклонном возрасте. В начале 1077 г. Михаил VII сделал его главнокомандующим восточных войск, а в октябре Вотаниат открыто объявил о начале восстания и приказал собирать рассеянные по Азии войска. Из Фригии он двинулся в Вифинию, но имел очень мало сил. Только после того, как его открыто поддержала Никея, мятеж стал разрастаться и вскоре охватил всю Азию. В столице тоже произошло возмущение, Михаил добровольно оставил трон и постригся в монахи. Овладев властью, Никифор, хотя был уже стар, женился на красавице императрице Марине. Он всячески старался привлечь к себе благорасположение граждан и щедро расточал дары. Вскоре расходы стали далеко превышать доходы, и появился недостаток в деньгах (Вриений: 3; 15-16, 18, 24-25).

Все короткое царствование Никифора прошло в мятежах и войнах. Сначала на западе восстали Никифор Вриений и Никифор Василиаки, в конце 1080 г. в Азии поднял мятеж Никифор Мелиссин. Престарелый император не участвовал в походах. Успешную борьбу против врагов вел молодой полководец Алексей Комнин (Вриений: 4). До поры до времени Вотаниату удавалось удерживать власть. Но когда в феврале 1081 г. мятеж против императора поднял сам Комнин, Никифору нечего было ему противопоставить. После того, как мятежники вступили в столицу, патриарх посоветовал Вотаниату отказаться от власти и не начинать междоусобной войны (Комнина: 2; 12). Уступив настойчивым просьбам, низложенный государь постригся в монахи. Комнина пишет, что когда друзья спросили его, как переносит он перемену своего положения, Никифор ответил: «Одно меня тяготит - воздержание от мяса, а остальное, ничуть не заботит» (Комнина: 3; 1).

НУМЕРИАН, Марк Аврелий

Римский император в 283-285 гг. Умер 285 г. Сын Кара.

Сделавшись императором в 282 г., Кар провозгласил своих сыновей, Карина и Нумериана, Цезарями. Нумериан сопровождал отца в персидском походе. Он обладал прекрасными нравственными качествами и действительно был достоин императорской власти. Говорят, что он был даже отмечен печатью таланта - был хорошим оратором и поэтом. После смерти отца у него начали болеть глаза. На обратном пути из Персии его несли в носилках, и в это время он был убит приверженцами своего тестя Апра, который пытался захватить императорскую власть. В течение многих дней спрашивали о здоровье императора, и Апра на сходке говорил, что его нельзя видеть, потому что он укрывает свои больные глаза от ветра и солнца. Однако благодаря запаху от трупа это дело раскрылось. Тогда все бросились на Апра, чья интрига не могла уже оставаться тайной, заключили его под стражу, а императором был провозглашен Диоклетиан (Вописк: «Кар, Карин и Нумериан»; 11-13).

ОЛИБРИЙ, Аниций

Римский император в июле-октябре 472 г. Умер 23 окт. 472 г.

Олибрий, константинопольский сенатор и консуляр, был женат на младшей дочери Валентианиана III, Плицидии, и через это мог претендовать на римский престол. Благодаря родственным связям к нему относился с расположением вандальский король Гизе-рих (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3; 6). Поддержке этого варвара Олибрий во многом и был обязан своим успехом. После того как Рицимер начал войну против императора Антемия, Олибрий прибыл в Италию и был провозглашен императором в лагере Рицимера (Гиббон: 36). Но правил он совсем недолго и умер во время эпидемии чумы (Федорова: Эпилог).

ОРЕСТ

Македонский царь, правивший в 399-396 гг. до Р.Х. Сын Архелая.

Отец Ореста умер, когда тот был еще ребенком. Опекун Ореста, Аероп, убил его и сам стал царем (Диодор: 14; 39).

ОТОН, Марк Сальвий

Римский император в янв. - апр 69 г. Род. 28 апр. 32 г. Умер 16 апр. 69 г.

Род Сальвиев, к которому принадлежал Отон, происходил из этрусского города Ферентина. Предки будущего императора были большей частью люди незначительные, и только отец его, Луций Отон, консул 34 г., благодаря особой милости Клавдия возвысился и сделался знатным человеком. С ранней молодости Марк Отон был такой мот и наглец, что не раз бывал сечен отцом; говорили, что он бродил по улицам ночами и всякого прохожего, который был слаб или пьян, хватал и подбрасывал на растянутом плаще. После смерти отца он подольстился к одной сильной при дворе вольноотпущеннице и даже притворился влюбленным в нее, хотя она и была уже дряхлой старухой. Через нее он вкрался в доверие к Нерону и легко стал первым из его друзей из-за сходства нравов, а по некоторым слухам - и из-за развратной с ним близости. Он был соучастником всех тайных замыслов императора (Светоний: «Отон»; 1-3). Когда Нерон влюбился в Пoppею, супругу Криспина, он подослал к ней Отона. Тот соблазнил ее надеждами на благосклонность принцепса, совратил и заставил развестись с мужем. Затем он сам женился на ней, чтобы таким образом покрывать любовную связь Нерона (Плутарх: «Гальба»; 19). Интрижка эта, говорят, едва не стоила ему жизни. Неизвестно - то ли он сам влюбился в Пoppею, то ли был запутан этой хитрой женщиной, но только он очень неохотно отдал Нерону свою добычу. Пишут, что он даже не хотел пускать Нерона к себе в дом, оставив его стоять перед дверьми, с мольбами и угрозами требуя доверенного другу сокровища. Такой выходки Нерон уже не мог ему простить и, разведя Отона с женой, в 58 г. сослал его под видом наместничества в далекую Луизитанию. Здесь Отон провел десять лет, управляя своей провинцией с редким благоразумием и умеренностью (Светоний: «Отон»; 3).

Едва испанские легионы в июне 68 г. провозгласили Гальбу императором, Отон первым из наместников присоединился к нему, привез все золотые и серебряные чаши, какие у него были, чтобы новый государь перечеканил их в монету. И во всем остальном Отон хранил верность Гальбе и на деле доказал, что никому не уступит в опытности и умении управлять. Много дней подряд, на протяжении всего пути, он ехал с императором в одной повозке. В том же совместном путешествии он сумел снискать привязанность Виния, главного советника Гальбы, любезным обхождением и подарками, а главное, тем, что в любых обстоятельствах первенство неизменно уступал ему. Таким образом, с помощью самого Виния он прочно занимал второе место после него, обладая в то же время одним важным преимуществом: он ни у кого не вызывал зависти или злобы, потому что помогал безвозмездно каждому, кто просил о помощи, и со всеми бывал приветлив и благожелателен. Больше всего внимания проявлял он к солдатам и многим доставил начальнические должности, то обращаясь с просьбами к самому императору, то к Винию или к вольноотпущенникам Икелу и Ази-атику, которые пользовались при дворе огромной силой. Всякий раз, как Отон принимал у себя Гальбу, он подкупал караульную когорту, выдавая солдатам по золотому, и, делая вид, будто чествует государя, на самом деле обманывал его и склонял войско на свою сторону. Когда Гальба стал раздумывать, кого избрать в преемники, многие желали, чтобы он усыновил Отона, а сам Отон, кажется, почти не сомневался, что так оно и будет, поскольку и Виний был на его стороне. Однако Гальба остановил свой выбор на молодом Пизоне. Дая Отону его решение стало полной неожиданностью, и он воспринял крушение своих надежд с горечью и гневом. Это заметили все окружающие, и враги Гальбы поспешили разжечь его обиду еще больше, говоря, что принцепс отплатил ему за услуги черной неблагодарностью (Плутарх: «Гальба»; 20-21, 23). Впрочем, кроме обиды Отону толкали на измену и огромные долги: он откровенно говорил, что если не станет императором, то ему все равно, погибнуть ли от врага в сражении или от кредиторов на форуме. Приняв решение, Отон больше не колебался и немедленно приступил к исполнению своего замысла. Очень кстати как раз накануне он предоставил одному императорскому рабу место управляющего и получил за услугу миллион сестерциев. Эти деньги стали началом всего дела (Светоний: «Отон»; 5). Через своего вольноотпущенника Ономаста Отон узнал, что два преторианца - Прокул и Ветурий - вслух возмущались Гальбой и даже угрожали ему. Он велел Ономасту привести недовольных к себе, засыпал подарками и обещаниями, а также дал денег,

чтобы они могли и других переманить на свою сторону. О заговоре знали немногие, остальные колебались, и заговорщики разными способами воздействовали на них. Мятежные настроения как чума перекинулись из преторианского лагеря в легионы и вспомогательные войска. Незадолго до этого германская армия провозгласила императором Вителлия. Слухи о германских событиях взбудоражили весь столичный гарнизон. Все были уже настолько готовы к перевороту, что не хватало только вождя, а когда он появился, дело оставалось за малым. Этим объясняется стремительность происшедшей перемены: от усыновления Пизона до мятежа прошло всего пять дней!

15 января 69 г. все было готово. Утром Отон отправился в храм Аполлона, где Гальба совершал жертвоприношение. Немного времени спустя вольноотпущенник Ономаст громко объявил, что Отона ждут архитектор и подрядчики; эти слова были условленным сигналом, означавшим, что солдаты собрались и все готово для осуществления заговора. Поддерживаемый вольноотпущенником, Отон вышел из храма и отправился к позолоченному верстовому столбу у храма Сатурна. Собравшиеся там двадцать три преторианца приветствовали его как императора, поспешно усадили в носилки - хотя он дрожал от страха, видя, как мало народа его приветствует, - обнажили мечи и, окружив носилки, понесли их. По дороге к ним присоединилось примерно еще столько же солдат, - одни из сочувствия к задуманному делу, другие из любопытства, некоторые с радостными криками, остальные молча, рассчитывая, что по ходу дела станет ясно, как вести себя дальше (Тацит: «История»; 1; 25- 27). Начальник караула так растерялся, что впустил Отона в лагерь, а там уж никто ему не оказал сопротивления, ибо те, кто не принимал участия в деле, были по одному, по двое окружены заговорщиками и, сперва повинувшись угрозам, а потом и убеждениям, последовали примеру товарищей (Плутарх: «Гальба»; 25). С возвышения Отон обратился к солдатам с краткой речью и, сказав в заключение, что теперь у них у всех одна судьба, приказал открыть арсенал. Вооружившись, отряды мятежников рассыпались по городу. Вскоре конные преторианцы окружили на форуме носилки с Гальбой. В одно мгновения старый принцепс был зарублен, с ним вместе нашел свою кончину и Виний, а немного погодя был убит Пизон. Под торжествующие крики народа Отон прошествовал в сенат, где также был встречен с ликованием. Ему присвоили полномочия трибуна, звание Августа и все знаки почета, подобающие принцепсу.

Приняв власть, Отон, против общего ожидания, не предался ни утехам, ни праздности. Отказавшись от любовных походов и скрыв на время свое распутство, он всеми силами старался укрепить императорскую власть (Тацит: «История»; 1; 38, 47, 71). Он областал Мариа Цельса, одного из самых верных сподвижников Гальбы, наградил его за верность и сделал своим полководцем. Он подтвердил права всех, кому обещали консульство Нерон и Гальба. Всем сенаторам, которые при Нероне отправились в изгнание, а при Гальбе вернулись, он возвратил имущество. Эти первые шаги ободрили самых видных граждан, сперва дрожавших от ужаса. Черни Отон доставил огромную радость, казнив Тигелина, одного из самых мрачных и распутных сподвижников Нерона. В свое время Гальба много повредил себе, сохранив ему жизнь. Но наибольшей заслугой Отона считают то, что он сумел унять и успокоить солдат, не допустил ни грабежей, ни убийств. Можно только удивляться, как этот изнеженный и далекий от военных дел человек сумел подчинить своей воле войска, добился от них не просто послушания, но верности и любви и заставил тех, кто шутя предал сначала Нерона, а потом и Гальбу, биться за него с величайшей доблестью и отвагой.

Одних восхищала благодатная перемена, происшедшая в Отоне, но другие видели в его поведении лишь притворство и говорили, что принцепс благоразумно скрыл свои пороки на время войны с Ви-теллием. То, что война эта была неизбежной, видели все (Плутарх: «Отон»; 1-4). Вителлия признали императором Германия, Галлия, Британия и Испания. На верность Отону присягнули Иллирия, Греция и все восточные провинции (Сирия, Иудея, Египет), а также Африка (Тацит: «История»; 1; 76).

Правда, победа в этой войне больше зависела от мощи легионов, чем от богатства провинций. Вителлин имел под рукой более боеспособную армию: он опирался прежде всего на закаленные в битвах верхнегерманские легионы, в то время как Отон собрал части,

расквартированные в Риме и Италии - солдаты, служившие здесь, были развращены праздностью, частыми подачками и заискиванием командиров. Но на подходе были четыре иллирийских легиона, и в их числе знаменитый четырнадцатый, отличившийся во многих битвах и имевший славу сильнейшего в римской державе. Вообще, иллирийская армия располагала огромным количеством людей и оружия, и, дожидись Отон ее подхода, он имел бы очень хорошие шансы на победу. Наконец, он мог рассчитывать на семь иудейских и сирийских легионов, также представлявших грозную силу. Флот был на его стороне, что позволяло бесперебойно подвозить припасы и продовольствие. Таким образом, Вителлий был заинтересован в скорейшем решительном сражении, в то время как в интересах Отона было бы затягивать войну, постепенно наращивая свои силы и отнимая у противника продовольствие. Именно так советовали поступать ему все его полководцы, но он не послушался их совета и настоял на том, чтобы было дано решительное сражение (Тацит: «История»; 2; 11-12). Никаких видимых причин для спешки не было, и считается, что император искал скорейшего завершения войны только по внутренним побуждениям. По-видимому, Отон не мог долго терпеть неопределенности положения, не мог, по изнеженности своей, переносить непривычные для него мысли об опасности и, истомленный заботами, зажмурившись, словно перед прыжком с обрыва, поторопился отдать исход всего дела на волю случая (Плутарх: «Отон»; 9). Сам он ни в одном сражении не участвовал, оставаясь в Брикселле. В войне, которая развернулась в Северной Италии, полководцы Отона победили в трех первых незначительных сражениях, но в последней большой и беспорядочной битве при Бетриаке были разбиты (Светоний: «Отон»; 9).

Как всегда бывает в подобных обстоятельствах, до Отона сперва дошли только неясные и неопределенные слухи, и лишь потом появились раненные и рассказали о битве с большою достоверностью. Узнав о поражении, Отон объявил, что намерен покончить с собой. И если никого не может удивить, что друзья не давали императору отчаиваться и убеждали его не падать духом, то чувства, высказанные воинами, превзошли все ожидания. Ни один из них не бежал, ни один не переметнулся к победителям, ни один, видя отчаянное положение своего императора, не думал тем не менее о собственной безопасности, но все дружно пришли к дверям Отона и стали вызывать его, а когда он показался на пороге, с криками, с горячей мольбой ловили его руки, падали к его ногам, плакали, просили не бросать их на произвол судьбы и не выдавать неприятелю, но располагать душами их и телами до последнего дыхания. Но ничего не сломило решимости Отона. Обведя всех спокойным и светлым взглядом, он сказал, что сегодня он испытал счастье большее, чем в день принятия власти, так как убедился, что его любят как в счастье, так и в несчастье. И хотя победа противника ненадежна и с подходом иллирийских легионов все еще может перемениться, он твердо решил прекратить гражданскую распрю и не допустить, чтобы из-за него погиб хотя бы один римлянин.

Все попытки отговорить его Отон решительно отклонил. Бывших при нем сенаторов он отпустил, а все оставшиеся деньги раздал слугам и рабам, обратившись к каждому с напутственным словом и поблагодарив за службу (Плутарх: «Отон»; 15-17). Потом он выпил холодной воды, чтобы утолить жажду, достал два кинжала, попробовал их острие, спрятал под подушку, затворил двери и забылся глубоким сном. Только на рассвете он проснулся и тогда одним ударом поразил себя пониже левого соска. На первый же его стон сбежались люди, и на их глазах он испустил дух (Светоний: «Отон»; 11). Горе солдат, узнавших о кончине Отона, было безмерно. В полном вооружении они провожали прах своего императора, и те, кому удалось подставить плечи под погребальное ложе, почитали это честью для себя, а остальные припадали к трупу, целуя рану или лоя мертвые руки Отона. А несколько человек, поднеся факелы к костру, покончили с собой, хотя, сколько было известно, никаких особых милостей от умершего не получили, а с другой стороны, и особого гнева победителя не страшились. Но, по-видимому, никто из тиранов или царей во все времена не был одержим такой иступленной страстью властвовать, как иступленно желали эти люди повиноваться Отону. Даже после его смерти не покинуло их это желание, но осталось неколебимо, превратившись в жесточайшую ненависть к Вителлию (Плутарх: «Отон»; 17).

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 409-395 гг. до Р.Х. Умер 385 г. до Р.Х. Сын Плистоанакта.

Из-за малолетства Павсаний почти не принимал участия в Пелопонесской войне. В 404 г. до Р.Х. он, собрав всех лакедемонян и пелопоннессцев, пришел в Аттику на помощь ко второму царю Агису II и наварху Лисандру. В том же году Афины капитулировали. Одним из условий мира было то, что афиняне признают гегемонию лакедемонян, вступают с ними в союз и возвращаются к отеческим законам. Для составления этих законов были избраны тридцать правителей. Но вместо того, чтобы заниматься законотворчеством, они захватили власть в городе и, опираясь на ла-конский гарнизон, присланный им Лисандром, развязали невиданный террор против демократов и простых граждан. Более тысячи афинян пали жертвой их личной вражды, другие были казнены ради денег.

Множество афинян бежало в Пирей, другие нашли убежище в Мегарах и Фивах. Однако не все готовы были сносить беззаконие. Они объединились вокруг Фрасибула.

В 403 г., когда количество сподвижников Фрасибула достигло тысячи человек, он захватил с ними Пирей. Потерпевшие поражение тираны бежали в Элевсин, а на их место были выбраны десять новых правителей, по одному от каждой филы. Но положение после этого изменилось мало. Олигархи продолжали владеть Афинами, а демократы занимали Пирей. В этих условиях были отправлены послы в Лакедемон. Тридцать послали своих из Элевсина, а десять - из города. И те и другие просили прислать помощь, заявляя, что афинский народ отложился от лакедемонян. Лисандр исходатайствовал для афинян ссуду в 100 талантов и добился того, что он был послан гармос-том в Афины во главе сухопутных войск, а его брат Либий - наварх-ом. Прибыв в Аттику, лакедемоняне блокировали Пирей и с суши, и с моря. Засевшие здесь демократы вскоре оказались в самом затруднительном положении, а городское войско, видя поддержку Лисандра, вновь воспрянуло духом.

Вследствие такого блестящего положения дел царь Павсаний стал завидовать Лисандру: он боялся, что тот, добившись успеха, прославится и сделает Афины своим владением. Поэтому он склонил на свою сторону трех эфоров и снарядил экспедицию в Афины. За ним последовали все союзники, кроме беотийцев и коринфян. Явившись в Аттику, Павсаний занял правый фланг около Пирея, Лисандр же с наемниками занял левый. Для виду Павсаний говорил, что помогает Лисандру. На самом же деле он завязал сношения с осажденными демократами и стал предлагать свое посредничество в примирении с остальными гражданами. Павсанию удалось также расколоть и находившихся в городе афинян на две партии, одна из которых также не видела смысла в продолжении гражданской войны и готова была помириться при посредничестве лакедемонян.

После этого эфоры поручили Павсанию изыскать наилучшие средства для примирения враждующих партий. Ему действительно удалось привести противников к соглашению на следующих условиях: 1) обе партии отныне не враждуют между собой; 2) каждый получает свое прежнее имущество; 3) те из владеющих городом, кто боится народного мщения, могут переселиться в Элевсин (Ксенофонт: 2; 3-4). Разрешив таким образом дела, Павсаний нанес сильнейший удар по честолюбию и престижу Лисандра, политическая карьера которого с этого времени пошла на закат. Не все лакедемоняне, впрочем, радовались такому исходу дела. Многие справедливо полагали, что с окончанием гражданских распрей Афины вскоре возродятся как великая держава, и тогда лакедемонянам вновь придется вести с ними войну. По возвращении в Спарту Павсаний был привлечен к суду, но он легко оправдался благодаря заступничеству эфоров (Павсаний: 3; 5).

Недовольство самовластием лакедемонян между тем было всеобщим. И не только побежденные Афины тяготились им, но и Фивы с Коринфом, бывшие верные союзники Спарты, после окончания Пелопонесской войны начали все чаще заявлять о своем особом мнении по многим вопросам. Долго копившееся раздражение, наконец, переросло в войну, которая началась в 395 г. до Р.Х. и быстро превратилась во всеэллинскую. Едва стало известно о вторжении фиванцев в Фокиду, Лисандр уговорил эфоров объявить поход против Фив и сам отправился во главе войска. Спустя некоторое время был отправлен с войском и Павсаний. Пройдя кружным путем, он собирался вторгнуться в Беотию через Киферон. Лисандр же с

большим войском вступил через Фокиду. И взял Орхомен и Лебидию. Он направил Павсанию письмо с предложением выступить из Платей и соединиться с ним у Гелиарта. Письмо это попало в руки фиванцев, и они оказались под Гелиартом раньше Павсания. Лисандр решил сначала подождать Павсания, но время шло, а царь не являлся. Тогда он в одиночку напал на город. Дав сигнал к наступлению, он с передовым отрядом приблизился к самым стенам.

Тут фиванцы сделали вылазку, и Лисандр был убит вместе с тысячью своих солдат.

Павсаний узнал о поражении по пути из Платей в Феспии и поспешил к Гелиарту. Он хотел заключить перемирие и просить о выдаче тел, но между спартанцами старшего возраста поднялся ропот; они пришли к царю и с негодованием заметили, что вернуть тело Лисандра надо не посредством перемирия, но силой оружия, сражаясь вокруг павшего. Так говорили старики, но Павсаний, видя, что одолеть фиванцев и подоспевших им на помощь афинян трудно и что тело Лисандра лежит у самой стены и, стало быть, без перемирия его не легко будет взять даже в случае победы, послал к фиванцам вестника, заключил перемирие и отступил (Плутарх: «Лисандр»; 28-29). Лакедемоняне уходили в унынии, а фиванцы провожали их крайне заносчиво, и если кто-нибудь сворачивал хоть на шаг, ступая на чью-нибудь землю, заставляли его ударами снова вступать на дорогу (Ксенофонт: 3; 5). Все это до крайности озлобило лакедемонян, и они обвинили Павсания в нерешительности и трусости и предали суду. Обвинение грозило Павсанию смертью, и он не явился на суд, а бежал в Тегею и жил там до конца своих дней, обретя убежище на священном участке, принадлежащем Афине (Плутарх: «Лисандр»; 30).

ПАВСАНИЙ

Царь Македонии в 393-392 гг. до Р.Х. Сын Аеропа II.

Согласно Диодору, Павсаний был убит Аминтой III, который и захватил власть после него (Диодор: 14; 88).

ПАЛЕОЛОГИ

Византийская императорская династия, правившая в 1259-1453 гг.

ПЕЛОП

Царь Спарты в 211 - 207 гг. до Р.Х. Сын Ликурга II.

Малолетний Пелоп царствовал лишь номинально под опекой тирана Маханида. Был свергнут тираном Набисом.

ПЕРДИККА I

Легендарный родоначальник династии Македонских царей, правивший в VIII в. до Р.Х.

Согласно Геродоту, Пердикка вел свое происхождение от аргосского царя Темена. Пердикка и два его старших брата, Гаван и Аероп, бежали из Аргоса в Верхнюю Македонию, в город Лебею. Младший из братьев - Пердикка - завладел горой Бермий и отсюда покорил остальную Македонию (Геродот: 8; 137-139).

Расширение Македонии шло примерно следующим образом. Пердикка и его потомки прежде всего изгнали из Пиерии пиеров (фракийское племя), которые впоследствии поселились за Стри-моном у подошвы Пангея и других местах. Из области под названием Боттией они также изгнали ее жителей, боттиев (по преданию, это были выходцы с Крита). В Пэонии македонцы овладели узкой полосой земли вниз по течению Аксия до Пеллы и моря. За Аксием до Стри-мона они постепенно захватили страну под названием Мигдония, откуда выгнали эдонов (все это были фракийцы). Затем они изгнали также эордов из Эордии. При этом большая часть эордов погибла. Из Алмонии были вытеснены алмоны. Все эти области получили в совокупности название Македонии (Фукидид: 2; 99).

ПЕРДИККА II

Царь Македонии в 450-413 гг. до Р.Х. Сын Александра I Ж.: 1) Сим-маха, 2) Клеопатра, вдова его двоюродного брата Арридея. Умер 413 г.

По свидетельству Фукидида, Пердикка был сначала другом и союзником афинян, но потом поссорился с ними из-за того, что они заключили союз с его врагами - старшим братом Филиппом, которого он отстранил от престола, и элимейским князем Дердой. По ходу Пелопоннесской войны Пердикка неоднократно мирился с афинянами, но потом вновь вступал с ними в войну. Впрочем, следуя своим интересам, он был не очень верен и лакедемонянам (Фукидид: 1; 56-62).

ПЕРДИККА III

Царь Македонии в 365-359 гг. до Р.Х. Сын Аминты III.

Пердикка взойшел на престол, убив сводного брата Птолемея Первого. Погиб в войне с иллирийцами (Диодор: 16; 32).

ПЕРСЕЙ

Царь Македонии в 179-168 гг. до Р.Х. Сын Филиппа V. Род. в 213 г. до Р.Х. Умер 166 г. до Р.Х.

В 189 г. до Р.Х. Филипп отправил Персея с войском вернуть Доло-пию и Амфилохию, незадолго до этого захваченные этолийцами. Персей начал было осаду Амфилохского Аргоса, но, услышав о приближении этолийцев, тотчас снял осаду и отступил в Македонию (Ливий: 38; 5, 7).

В последующие годы между Персеем и его младшим братом Деметрием началась упорная борьба за престол. Хотя Деметрий и был пятью годами моложе Персея, претензии его на власть казались основательными: он был рожден от знатной матери, его любили в Македонии и отмечали в Риме. Македоняне говорили: "Хотя возрастом Деметрий моложе Персея, он рожден Филиппом от законной супруги, тогда как его старший брат - от наложницы. У Персея нет с Филиппом даже внешнего сходства, а Деметрий как нельзя более похож на отца*" (Ливий: 39; 53). К несчастью для Деметрия, дружба с римлянами сильно вредила ему в глазах отца. Заметив недовольство Филиппа, Персей стал ежедневно чернить отсутствующего Деметрия и сделал его сначала ненавистным отцу, а затем и подозрительным. В конце концов Персей выдумал, будто Деметрий организовал против него, заговор. Для доказательства этого он подослал доносчиков, подучил свидетелей и совершил сам то преступление, в котором обвинял брата, а именно, толкнул отца на сыноубийство, которое повергло в глубокое горе весь двор.

Устранив соперника, Персей стал вести себя по отношению к отцу не только менее почтительно, но даже нахально и держал себя не как наследник престола, а как царь. Филипп был этим оскорблен и с каждым днем все горше оплакивал смерть Деметрия. Потом, заподозрив, что он стал жертвой козней, он приказал подвергнуть пыткам доносчиков и свидетелей. Узнав о коварном обмане Персея, Филипп терзался мыслью о его преступлении не меньше, чем о смерти неповинного Деметрия, и непременно отомстил бы Персею, если бы ему не помешала смерть. Филипп оставил после себя много военного снаряжения, подготовленного для войны против римлян, которым впоследствии воспользовался Персей (Юстин: 32; 2-3).

Заняв престол, Персей прежде всего постарался возобновить дружественные отношения с римлянами. Когда ему это удалось, он стал располагать в свою пользу эллинов, для чего вызвал в Македонию всех, кто бежал от долгов или был приговорен к изгнанию по суду. В самой Македонии он простил долги государственным должникам и выпустил на свободу содержащихся в тюрьме государственных преступников. Эти мероприятия подняли дух многих эллинов и авторитет самого Персея. К тому же в обыденной жизни Персей проявлял

царственное величие. Красиво сложенный, он был силен и ловок, черты лица его отличались строгостью и достоинством, украшавшими его молодость. Наконец, в противоположность отцу, он не предавался разврату и пьянству (Полибий: 25; 3).

В 175 г. до Р.Х. Персей выступил против долопов и полностью подчинил их своей власти. Затем, перейдя через Этейские горы, он направился в Дельфы. При этом он не только старался расположить к себе государства, через которые собирался идти, но рассылал письма и послов, прося позабыть эллинов о прежних распрях с его отцом и предлагая всем народам дружбу. Везде его предложения были выслушаны благосклонно, только ахейцы и афиняне ответили отказом (Ливий: 41; 22).

Римляне с тревогой следили за возрастающей популярностью Персея. Им доносили также о том, что Македония заполнена оружием и всякого рода воинскими припасами, что Персей, вопреки запрету, ведет войны с соседями и постоянно наращивает могущество своей армии. Становилось очевидным, что новая Македонская война не за горами. Но все-таки окончательное решение об объявлении войны римляне приняли только в 172 г. до Р.Х., после того как в сенате с гневными обвинениями против македонского царя выступил старый римский союзник пергамс-кий царь Эвмен II.

Военные действия начались в 171 г. до Р.Х. Консул Лициний переправлял легионы на Балканский полуостров и рассылал послов к союзникам, а Персей собрал во дворце своих друзей и стал советоваться с ними: уступить римлянам или начать с ними войну. Большинство стояло за войну, поскольку очевидно было, что все выставляемые римлянами обвинения есть только предлог, а цель их остается уже многие годы одной и той же: сломить окончательно Македонию и покончить с ней как с великой державой. После того как все высказали свое мнение, ждали решения царя. Оно совпало с общим. «Да помогут нам боги, - сказал Персей, - если таково ваше мнение, будем воевать». Разослав во все стороны приказы военачальникам, он стянул всю армию к небольшому македонскому городку Китию. Общая численность армии достигала 43 000 человек, и почти половину ее составляли фалангисты. С тех пор, как Александр выступил на завоевание Азии, ни один македонский царь не имел такой мощной и хорошо подготовленной армии.

От Кития Персей отправился прежде всего к Азору, Пифею и До-лихе. Все три эти города, поколебавшись немного, сдались на милость победителя. Персей обошелся с ними благосклонно и двинулся в Перре-бию. Первые города сдались ему без боя, но Киретии и Милы пришлось брать приступом. Элатии и Гонна были захвачены сходу, так как горожане не ждали нападения. Достигнув Сикурии, расположенной у подножия Оссы, царь решил дожидаться неприятеля здесь.

Когда явился консул с двумя легионами и отрядами союзников, решено было атаковать его. Вскоре произошло сражение, в котором римлянам было нанесено чувствительное поражение. С первого натиска македонская конница обратила в бегство греческих союзников и, преследуя их, перебила и пленила до трех тысяч человек. Фаланга тоже готова была пойти в атаку, чтобы довершить разгром противника, но в последнюю минуту Персей передумал и вернул своих в лагерь. Ночью консул отвел войско за Пеней и таким образом оказался вне опасности (Ливий: 42; 14, 50, 51, 53, 54, 59, 60).

Когда после победы македонцев собрался совет у Персея, кое-кто из друзей внушил царю мысль о необходимости отправить посольство к римскому консулу с предложением уплатить римлянам ту же дань, какую раньше обязался заплатить отец его после поражения, и очистить те же местности. Если римляне примут эти условия, говорили советники, то исход войны будет почетным для царя, после того как он остался победителем в открытом сражении, и римляне, научившись на опыте ценить мужество македонцев, будут впредь осмотрительнее предъявлять им несправедливые или тягостные требования. Если же римляне, досадуя на поражение, не согласятся на мир, то божество покарает их праведным гневом своим, а ему умеренность доставит пособников в богах и людях. Большинство друзей разделило это мнение, к нему присоединился и Персей; посему тотчас к римлянам были отправлены послы. Как скоро они прибыли к Лицинию, консул созвал военный совет, и когда послы объяснили возложенное на них поручение, римляне отпустили их и стали совещаться между собой. Единогласно решено было дать ответ возможно более суровый; послам было предъявлено требование полной

покорности: Персей должен был покориться сам и предоставить сенату полную власть устроить Македонию по своему усмотрению. Когда ответ этот доложили царю, то некоторые из друзей в гневе советовали Персею не прибегать больше к посольствам и прекратить дальнейшие переговоры с римлянами. Однако Персей еще много раз обращался к Лицинию через послов с предложением все большей и большей суммы денег. Ничего он этим не достиг и только подвергся укоризнам большинства друзей за то, что, будучи победителем, поступает как побежденный (Полибий: 27; 8). Успехи Персея снискали ему большую популярность в Элладе. Многие города и народы сочувственно относились к его борьбе. К тому же римляне на этот раз показали себя с очень худой стороны, повсеместно занимаясь грабежами и насилиями. Если бы Персей решился уделить от своих денег часть свободным государствам, а часть самим царям и правителям, - уделить даже не щедро, хотя при его богатстве и это последнее было возможно, но лишь в скромных размерах, - то все эллинские народы и, по крайней мере, многие цари, если не все, были бы привлечены на его сторону. Но он предпочел совершенно иной путь, и поэтому только очень немногие из эллинов поддались искушению начать военные действия (Полибий: 28; 9). Эпироты первыми перешли на сторону македонцев. Еще важнее для Персея было заручиться поддержкой иллирийцев, так как лишь через их земли римляне могли вторгнуться в Македонию. В 169 г. до Р.Х. царь выступил походом в Иллирию и после упорной осады взял Уска-ну. Находившийся здесь римский гарнизон сдался. Многие иллирийские крепости, и в их числе хорошо укрепленный Драудак, передались царю без боя, но Озною Персей смог захватить лишь после правильной осады.

Вернувшись после удачной экспедиции, Персей выступил в Акар-нанию против Страта. Стояла зима, на перевалах лежал глубокий снег, но македонцы, хотя и с большим трудом, все же добрались до города. Местная знать обещала передать Страт в руки Персея, однако легат Попий с тысячью римлян вошел в город раньше, после чего настроение горожан резко переменялось. А так как осаждать такую сильную крепость до начала лета не было никакой возможности, Персею пришлось отступить обратно в свою страну (Ливий: 43; 18, 19, 21, 22).

С наступлением весны консул Квинт Марций внезапно вторгся в Македонию через горные проходы мимо Аскуридского озера. Персею сообщили об этом, когда он был в купальне в Дие. Рассказывают, что в испуге царь выскочил из ванной и бросился вон, крича: «Разбит без битвы!» И тотчас пошли чередой трусливые решения и приказания; так с перепугу он отправил двух своих друзей: одного в Пеллу - бросить в море хранившуюся в Факе казну, другого в Фессалонику - сжечь корабли. Полководцев, защищавших горные проходы, он отозвал к себе, открыв, таким образом, свободный путь для врага. После этого царь прихватил в Дие золоченые статуи, чтобы те не достались врагу, и погнал местное население в Пидну. Если действия консула до той поры могли выглядеть безрассудными, ибо зашел он туда, откуда выйти не смог бы, решишь неприятель ему воспрепятствовать, то теперь благодаря Персею такая опрометчивость обернулась отвагой. И действительно: римляне могли выйти отсюда лишь двумя путями - через Темпейскую долину в Фессалию или, минуя Дий, в Македонию, однако и тут и там стояли царские отряды. И если бы царь не дрогнул при первых же признаках опасности и стойко защищался бы, то оба пути были бы отрезаны. Но страх ослепил его, и Персей бежал в Пидну.

Когда вскоре стало известно, что римляне, испытывая большой недостаток в продовольствии, отошли к Филе, Персей возвратился в Дий. Оправившись, наконец, от страха, он более всего желал теперь, чтобы остались без последствий его распоряжения, отданные в испуге. К счастью, корабли еще не успели сжечь, казну же в Факе, как и было приказано, побросали в море. Но промах этот легко исправили - ныряльщики достали почти все. Персей так стыдился своего страха, что велел тайно умертвить сперва ныряльщиков, а потом и своих друзей, Андроника и Никия, чтобы не оставить свидетелей столь безумного приказания (Ливий: 44; 4, 6, 10).

Вообще, с этого времени заметно стало, что Персей сильно переменялся и сделался жестоким и равнодушным ко всем окружающим. В его суждениях не осталось ничего ни здравого, ни разумного, пронизательность и смелость также покинули его. Зато всем заметны стали его трусость, быстрая переменчивость в решениях и ужасающая скарелность.

Именно жадность царя погубила окончательно Македонское царство. Как уже говорилось,

македонцам важен был союз с иллирийцами. И вот Гентий, царь иллирийского племени лабеатов, заключил с Персеем союз за триста талантов. Получив небольшую часть этих денег, Гентий напал на подчиненную римлянам Иллирию и заключил в оковы римских послов. Узнав об этом, Персей не отправил ему остальных денег, считая, что Гентий уже и сам по себе сделался врагом римлян. В то же время Персей послал к галлам, жившим за Истром, и предложил им союз, а также стал испытывать пергамского царя Эвмена, предлагая ему деньги, если тот перейдет на его сторону или прекратит войну миром. Перейти на его сторону Эвмен отказался, а за посредничество при заключении мира запросил тысячу пятьсот талантов Персей, смущенный этой суммой, стал говорить о том, что выплатит деньги лишь после заключения мира. В результате переговоры так и не увенчались успехом (Аппиан: 9; 16, 18). И с галлами у него ничего не получилось по той же причине. Договор с ними был такой: по прибытии каждый конный получает десять золотых, пеший - пять, а вождь - тысячу. Персей привез только дары военачальникам, а золота лишь самую малость, чтобы раздать немногим. Он думал завлечь толпу пустыми посулами, но галлы отказались вступать в Македонию, не получив обещанного. Поскольку Персей изворачивался и тянул время, отказываясь платить согласно уговору, они так и ушли, ничего не сделав (Ливий: 44; 26).

В 168 г. до Р.Х. римское войско возглавил консул Эмилий Павел. К этому времени обе армии уже долгое время стояли друг против друга, не вступая в сражение. Персей расположил свой лагерь на берегу моря у подножия Олимпа, в местности совершенно неприступной, а к тому же еще и укрепленной им отовсюду валами и частоколами, и чувствовал себя в полной безопасности, рассчитывая, что время и расходы истощат силы Эмилия.

Несколько дней Эмилий пребывал в бездействии, изучая окружающую местность. Наконец он узнал, что остается еще один неохраняемый проход в Македонию - через Перребию, близ Пифия и Петры. Он немедленно послал туда большой отряд, который успешно преодолел кручи и вышел в тыл македонцам. Утром перебежчик сообщил Персею, что римляне его обходят. Персей выслал им навстречу десятитысячный отряд, но тот был разбит.

После этой неудачи Персей, объятый ужасом, разом лишился всякой надежды и поспешно двинулся назад. И все же он видел себя перед необходимостью сделать выбор: либо остановиться у Пидны и попытаться счастья в бою, либо разделить свои силы и ждать неприятеля у стен нескольких городов одновременно. Но численное превосходство по-прежнему было на его стороне. И вот, разбив лагерь, он стал готовиться к сражению. Рядом была и равнина, что благоприятствовало передвижениям фаланги, и тянущиеся непрерывной чередой холмы, за которыми легковооруженные пехотинцы могли укрыться или совершить неожиданный для врага поворот.

Консул вслед за македонцами также подошел к Пидне и построил укрепленный лагерь. На другой день, уже под вечер, сражение началось с того, что фракийцы Персея напали на римский обоз с сеном. Завязался бой. С обеих сторон стали подходить значительные подкрепления, и сражение закипело. Первый удар фаланги был страшен. Пелигны, пытавшиеся атаковать ее в лоб, понесли жестокие потери. Одни пытались мечами отбиться от сарисс, или пригнать их к земле щитами, или отогнать в сторону, схватив голыми руками. Но ни щиты, ни панцири не могли защитить от ударов сарисс. Таким образом, первые ряды бойцов были истреблены, а стоящие за ними подались назад и отступили к горе Олокр. Здесь местность была неровной, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши. Заметив это, консул поспешно подъехал в передние ряды и, разъединив когорты, приказал своим вклиниться в пустые промежутки неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги, а против отдельных ее частей (Плутарх: «Эмилий Павел»; 15-20). Одновременно Эмилий бросил конницу союзников и слонов на правый фланг македонцев. Отсюда и началось отступление армии Персея. Вслед за тем поддался и левый фланг под натиском латинов, а посередине фаланга рассыпалась под ударом римских когорт. Главная причина поражения была очевидна - битва рассредоточилась: сражались повсюду, но порознь, и фаланга распалась. Ее неодолимая сила заключалась в плотном и ощетиненном копьями строе, а если нападать тут и там, вынуждая воинов поворачивать свои копья - длинные и тяжелые, а потому малоподвижные, - то в ней начинается замешательство, и если фалангу сильно тревожить с боков или с тыла, то все разваливается. Персей бежал одним из первых. Прямо от Пидны он со священным отрядом

конников устремился в Пеллу. За ним последовал Котис и конница одрисов. Вообще, конница успела ускользнуть, отделившись минимальными потерями. Но фаланга, прижатая к морю, была истреблена почти поголовно. Двадцать тысяч было убито, еще пять тысяч взято в плен. Здесь пал цвет македонской молодежи, и вместе с ней навсегда умерла слава Македонии (Ливий: 44; 41).

Тем временем Персей поспешно отходил к Пелле. Поначалу его сопровождали вся конница и двор. Но когда всадников настигли пехотинцы и стали осыпать их бранью, обвиняя в трусости и измене, стаскивать с коней и избивать, царь испугался, свернул с дороги и, желая остаться незамеченным, снял багряницу и положил ее перед собой на седло, а диадему взял в руки. В конце концов, он даже сошел с коня и повел его в поводу - чтобы легче было беседовать с друзьями. Но, пользуясь темнотой, те один за другим разбежались, страшась не римлян, а крутого нрава Персея: ожесточенный несчастьем, он только искал, на кого бы свалить вину за поражение. Прибыв ночью в Пеллу, он встретился с казначеями Эвктом и Эв-леем, и те своими укорами, сожалениями, а также несвоевременно откровенными советами до того разозлили царя, что он выхватил короткий меч и заколол их обоих. Из друзей с ним осталось только трое, а из всего войска - лишь отряд критян. С ними Персей добрался до Амфиполя, а затем до Галепса и отплыл на Самофракию. Здесь он укрылся в храме, как молящийся об убежище. Вскоре к Самофракии подошел римский флот под командованием Гнея Октавия. Не нарушая неприкосновенности убежища, римляне постарались перекрыть все выходы, чтобы царь не смог от них ускользнуть. Тем не менее Персей сумел тайно уговорить одного критянина, взять его на борт вместе с семьей и со всеми сокровищами. Критянин принял на борт корабля деньги и бежал, бросив Персея. Вслед за тем также коварно обманул Персея его бывший возлюбленный Ион. Царь поручил ему своих сыновей, а он передал их в руки Октавия. Сломленный столькими несчастьями, Персей вступил в переговоры с Октавием и сдался ему.

Когда пленника доставили к консулу, Эмилий отнесся к нему благожелательно и с большим сочувствием. Но ближе познакомившись с низложенным царем и узнав, что он за человек, консул не скрывал уже своего презрения. Персей просил, чтобы его избавили от унижительного участия в триумфальной процессии. На это Эмилий ответил: «В чем же дело? Это и прежде зависело от него, да и теперь ни от кого иного не зависит - стоит ему только пожелать!» Персей сделал вид, что не понимает намека, и малодушно предпочел позор добровольному уходу из жизни.

Последние годы Персея прошли в тяжелом заключении в римской тюрьме. Стражники почему-то невзлюбили царя и обращались с ним очень сурово. Не находя способа досадить узнику, они не давали ему спать. Стоило ему забыться хотя бы на миг, как его тотчас будили и с помощью всевозможных хитростей и выдумок заставляли бодрствовать, пока, изнуренный вконец, он не испустил дух. Умерли и двое его детей. Третий, Александр, выучился латинскому языку и грамоте и служил писцом у должностных лиц, считаясь прекрасным знатоком своего дела. Таков был конец Македонского царского дома (164 г. до Р.Х.) (Плутарх: «Эмилий Павел»; 23, 26, 34, 37).

ПЕРТИНАКС, Публий Гельвий

Римский император в янв. - марте 193 г. Род. 1 авг. 126 г. Умер 28 марта 193 г.

Отцом Пертинакса был вольноотпущенник Гельвий Сукцесс, который, как передают, дал сыну имя Пертинакса («Упорного») в ознаменование того, что сам он непрерывно и упорно занимался торговлей шерстью. Пертинакс родился в Апеннине, в имении матери. Выучившись грамоте и счету, мальчик был отдан на обучение греческому грамматике, а затем Сульпицию Алоллонарию, после которого Пертинакс сам стал преподавать грамматiku. Но так как это занятие не давало ему достаточного заработка, он при содействии консуляра Лоллиана Авита, который был патроном его отца, стал помогать должности центуриона. Затем в правление императора Антонина Пия он отправился в Сирию в качестве начальника когорты. Выслужившись благодаря своему рвению во время Парфянской войны 162-166 гг., он был переведен в Британию, где и пробыл долгое время. После этого он командовал конным отрядом в Мезии. Затем он ведал распределением продовольствия по Эмилиевой дороге и командовал

германским флотом. Из Германии он был переброшен в Дакию с жалованием в 200 000 сестерциев, но по чьим-то проискам вызвал подозрение у императора Марка Аврелия и был отстранен. Позже, однако, он опять был принят на службу при содействии зятя Марка Клавдия Помпеяна в качестве его будущего помощника по командованию воинскими частями. Заслужив одобрение в этой должности, он был зачислен в сенат. Затем, после новых его успехов, была раскрыта интрига, которая плелась против него, а император Марк Аврелий, чтобы вознаградить Пертинакса за нанесенную обиду, дал ему звание большого претора и поставил во главе первого легиона. Тотчас же вслед за этим Пертинакс отстоял от врагов Ретийские области и Но-рик. За проявленное здесь выдающееся рвение он, благодаря стараниям императора Марка, был назначен в консулы. После подавления волнений 175 г., вызванных Кассием, Пертинакс из Сирии отправился для охраны Дуная, получил в управление обе Мезии, а вскоре затем - Дакию. Позже он был назначен управлять Сирией.

До этого времени Пертинакс действовал бескорыстно, но после смерти Марка Аврелия в 180 г. он пристрастился к деньгам и по истечении своих полномочий вернулся в Рим очень богатым человеком. Тогда он впервые вступил в сенат, который до тех пор еще не разу не посещал. Но вскоре он навлек на себя неудовольствие всесильного временщика Перенниса, который заправлял всеми делами при молодом Коммод. Пертинакс получил повеление удалиться в свое имение и три года прожил в Лигурии. Когда Переннис был казнен, Коммод вернул Пертинаксу свое расположение и отправил его управлять Британией. Здесь ему пришлось подавлять мятежи солдат, которые - стоило ему только этого пожелать - и его самого готовы были провозгласить императором. Жизнь его в это время подвергалась величайшей опасности, и в конце концов он попросил Коммода отозвать его из Британии, потому что легионы были настроены по отношению к нему враждебно за то, что он отстаивает дисциплину. Из Британии он поехал проконсулом в Африку. Здесь ему также пришлось подавлять несколько мятежей. Заслужив на всех своих постах славу человека дельного и способного, Пертинакс был назначен префектом Рима. Немало потрудившись и заслужив новые похвалы от Коммода, он был выдвинут им на второе консульство (Капитолии: «Гельвий Пертинакс»; 1-4).

Казалось бы, Пертинакс достиг всего, чего только мог пожелать сын безродного вольноотпущенника, но судьба вознесла его еще выше после того, как в конце декабря 192 г. префект претория Лет и спальник Эклект составили заговор и убили Коммода. Заговорщики стали решать, кому можно передать власть, и договорились выбрать в императоры какого-нибудь воздержанного старца, чтобы и им самим спастись от преследования, и всем гражданам отдохнуть от необузданной тирании. Рассуждая между собой, Лет и Эклект нашли, что Пертинакс более других отвечает их требованиям, поскольку он воздержан, опытен в государственных делах и пользуется популярностью в войсках. Оба в сопровождении воинов немедленно отправились к нему домой. Была глубокая ночь, и Пертинакс принял их, лежа в постели. Увидев Лета, он подумал, что тот послан Коммодом казнить его. Позже он признавался, что уже давно опасался за свою жизнь, хотя и не знал за собой никакой другой вины, кроме той, что был последним из друзей Марка Аврелия, оставшимся в живых; все остальные были уже казнены Коммодом. Префекту претория не сразу удалось убедить его в том, что никакой угрозы для его жизни нет и что Коммод умер. Затем они сообщили о цели их прихода. После некоторого колебания Пертинакс согласился принять императорскую власть. Лет немедленно отправился в преторианский лагерь и объявил о смерти Коммода от апоплексического удара. Весть эта быстро распространилась по столице и была принята народом и сенатом с величайшим ликованием. Толпы народа сбегались к преторианскому лагерю для того, чтобы поддержать Пертинакса. Окруженные со всех сторон солдаты, хотя и с большой неохотой, присоединились к общим крикам и провозгласили Пертинакса императором. Но он отказался принять это звание до тех пор, пока его не утвердит сенат. Поэтому он отправился в курию как частный человек и предложил передать власть самому достойному из сенаторов, точно так же, как она была вручена Нерве после убийства Домициана. Однако сенаторы единогласно провозгласили его Августом, императором, отцом отечества и даровали ему все почести, положенные принцепсу. Принеся положенные жертвы, Пертинакс после этого вступил в Пала-тинский дворец в качестве всеми признанного императора.

Правил он скорее как ласковый начальник и отец, а не как государь. Всякому он разрешил занимать столько пустующих земель, сколько он может обработать. Возделывающим землю он даровал освобождение от всех податей на десять лет и навеки беспрепятственное владение ею. Отменив все пошлины, придуманные раньше при тирании с целью получать обильные средства, он установил прежние свободные порядки. Он был таким скромным и так любил равенство, что даже своего сына, бывшего уже в юношеском возрасте, не ввел в императорский дворец; тот остался в отеческом доме и посещал обыкновенные школы и гимназии для частных лиц, воспитывался и делал все наравне с остальными, нигде не выставляя на показ императорского тщеславия или пышности. Да и сам Пертинакс хотел оставаться в глазах других таким, каким он был раньше (Геродиан: 2; 1-5).

Все эти меры снискали Пертинаксу любовь и уважение всех достойных граждан. Но воины-преторианцы с самого начала невзлюбили нового императора и в дальнейшем повиновались ему с большой неохотой. Они с вождедением вспоминали о тех вольностях, что позволял им Коммод, покрывавший многие их беззакония, и страшились суровости Пертинакса, имевшего славу строгого военачальника (Геродиан: 2; 5). Сначала они попытались провозгласить императором сенатора Триария Матерна, а потом консула Фалькона. И в первый, и во второй раз сами претенденты, кажется, ничего не знали о намерении заговорщиков. Пертинакс простил их обоих, но казнил зачинщиков беспорядков. Этой расправой он еще больше раздражил солдат. И вот 28 марта 300 вооруженных воинов, построившись клином, ворвались в императорский дворец. Пертинакс вышел к ним и успокоил длинной и убедительной речью. Солдаты уже готовы были разойтись, но некий Таузий метнул в грудь императору копье. Тогда, молясь Юпитеру, Пертинакс закрыл голову тогой и был добит остальными. Воины насадили его голову на пику и понесли ее через весь город в лагерь.

Всего Пертинакс пробыл императором чуть больше восьмидесяти дней, и кончина его была столь же стремительна и внезапна, как само возвышение. Говорят, что такая судьба была предсказана Пертинакс-у в самый день его рождения: в час, когда будущий император появился на свет, жеребенок неведомо как забрался на крышу и, недолго там пробив, свалился на землю и околел (Капитолии: «Гельвий Пертинакс»; 1, 6, 10-11, 14).

ПИРР I

Эпирский царь из рода Пирридов, правивший в 307-302, 295-272 гг. до Р.Х. Сын Эакида. Род. а 319 г. до Р.Х. Умер 272 г. до Р.Х.

Ж.: 1) Антигона; 2) Авдолеона; 3) Биркенна; 4) Ланасса, дочь сицилийского царя Агафокла.

Пирр принадлежал к младшей ветви Пирридов. Матерью его была Фтия, дочь фессалийца Менона, который стяжал себе славу во время Ламийской войны. Во все время своего правления Эакид поддерживал Олимпиаду и враждовал с Кассандром.

Когда в 313 г. до Р.Х. восставшие молоссы изгнали Эакида и возвели на престол его брата Алкета II, а приверженцев Эакида захватили и убили, Андроклид и Ангел бежали, тайно увезя мальчика Пирра, которого уже разыскивали враги. Однако им пришлось взять с собой нескольких рабов и женщин, чтобы ухаживать за ребенком, и это настолько затруднило и замедлило бегство, что погоня уже настигала их. Тогда они передали мальчика Андроклиону, Гиппию и Неандру, юношам верным и сильным, приказав им бежать что есть духу и остановиться в македонском городе Мегары, а сами то просьбами, то силой оружия до вечера удерживали преследователей, и едва только те повернули вспять, поспешили догонять своих спутников, увозивших Пирра. Ускользнув таким образом от преследования и очутившись вне опасности, беглецы прибыли в Иллирию, к царю Главкию, и там, в доме царя, увидев его, сидевшего вместе с женой, положили ребенка на пол посреди покоя. Царь был в нерешительности. Он боялся Кассандра - врага Эакида - и потому долго молчал, размышляя. В это время Пирр сам подполз к нему и, схватившись ручонками за полы его плаща, приподнялся, дотянулся до колен Главкия, улыбнулся, а потом заплакал, словно проситель, со слезами умолявший о чем-то. Главкию это показалось изъявлением воли богов, и он тотчас поручил ребенка жене, приказав ей воспитывать его вместе с их собственными детьми. Спустя

некоторое время враги потребовали отдать им мальчика, а Кассандр даже предлагал за него 20 талантов, но царь не выдал Пирра. Более того, когда Пирру исполнилось 12 лет, Главкий с войском явился в Эпир и вернул своему воспитаннику престол. Это случилось в 307 г. до Р.Х., когда эпироты убили Алкета II.

Лицо у Пирра было царственное, но выражение его было скорее пугающее, нежели величавое. Зубы у него не отделялись друг от друга; вся верхняя челюсть состояла из одной сплошной кости, и промежутки между зубами были намечены лишь тоненькими бороздками. Верили, что Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезенки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного. И ни один человек, даже самый бедный и незнатный, не встречал у него отказа, если просил о таком лечении: Пирр брал петуха и приносил его в жертву, и такая просьба была для него самым приятным даром.

Когда Пирру исполнилось 17 лет, он, считая, что власть его достаточно крепка, отправился за пределы своей страны, чтобы взять в жены одну из дочерей Главкия, вместе с которыми он воспитывался. Тогда молоссы снова восстали, изгнали его приверженцев, разграбили имущество и призвали на царство Неоптолема III, сына Александра I, отпрыска старшей ветви Пирридов. Пирр, утратив власть и лишившись всего своего достоинства, отправился к Деметрию Полиоркету, сыну Антигона I, женатому на его сестре Деидамии. В большой битве при Ипсе (в 301 г. до Р.Х.), где сражались все цари, Пирр, в ту пору совсем еще юный, принял участие на стороне Деметрия и отличился в этом бою, обратив противника в бегство. Когда же Деметрий потерпел поражение, Пирр не покинул его, но сперва по его поручению охранял города Эллады, а после заключения перемирия был отправлен заложником к Птолемею I Лагу в Египет. Там, на охоте и в гимнасии, он сумел показать Птолемею свою силу и выносливость, но особенно старался угодить Беренике, так как видел, что она пользуется у царя наибольшим влиянием. Пирр умел войти в доверие к самым знатным людям, которые могли быть ему полезны, а к низким относился с презрением, жизнь вел умеренную и целомудренную, и потому среди многих юношей царского рода ему оказали предпочтение и отдали ему в жены Антигону, дочь Береники. После женитьбы Пирр стяжал себе еще более громкое имя, да и Антигона была ему хорошей женой, и поэтому он добился, чтобы его, снабдив деньгами, отправили с войском в Эпир отвоевать себе царство. Там многие были рады его приходу, ибо ненавидели Неоптолема за его жестокое и незаконное правление. Все же опасаясь, как бы Неоптолем не обратился за помощью к кому-нибудь из царей, Пирр прекратил военные действия и по-дружески договорился с ним о совместной власти.

С течением времени нашлись люди, которые стали тайно разжигать их взаимную неприязнь и подозрения. Неоптолем стал искать случая отравить Пирра и вовлек в заговор его виночерпия. Но заговор его открылся. Пирр имел самые точные сведения о готовящемся на него покушении и предоставил все собранные улики некоторым могущественным эпиротам. Те же призвали его уничтожить Неоптолема и взять всю власть над страной в свои руки. Пирр так и поступил. Он пригласил Неоптолема на одно из празднеств и убил (в 295 г. до Р.Х.)

С тех пор Пирр питал в душе много великих замыслов, однако больше всего надежд сулило ему вмешательство в дела соседей-македонян. Незадолго до этого Кассандр умер, а между его сыновьями - Антипатром и Александром V - началась распря. Александр обратился за помощью к Пирру. Пирр явился и потребовал в награду за союз Стимфею и Паравею, подвластные македонцам, а также Амбракию, Акарнанию и Амфилохию, принадлежавшие покоренным им народам. Когда юный Александр согласился, Пирр захватил эти области, оставил в них свои гарнизоны, а остальные владения, отобрав у Антипатра, вернул Александру.

В 294 г. до Р.Х. в Македонию приехал Деметрий I Полиоркет. Вскоре ему представился случай убить Александра. Он умертвил юношу и был провозглашен царем Македонии. Не взирая на прежнюю дружбу, Пирр и Деметрий стали готовиться к войне между собой. В 289 г. до Р.Х. цари двинулись друг на друга, но оба сбились с пути и разминулись. Деметрий вторгся в Эпир и разграбил его, а Пирр напал на македонское войско, стоявшее в Этолии. Военачальник Деметрия Пантавах вызвал Пирра на поединок. Пирр дважды ранил его и свалил с ног. Эпироты, ободренные победой своего царя, прорвали строй македонцев, бросились преследовать бегущих и многих убили, а 5000 взяли в плен.

Этот поединок и поражение, нанесенное македонцам, не столько вызвали ненависть к Пирру, сколько умножили его славу и внушили свидетелям и участникам битвы восхищение его доблестью. О нем много говорили и считали, что и внешностью своей и быстротой движений он напоминает Александра, а видя его силу и натиск в бою, все думали, будто перед ними тень Александра или его подобие, и если остальные цари доказывали свое сходство с Александром лишь пурпурным облачением, свитой, наклоном головы да высокомерным тоном, то Пирр доказал его с оружием в руках. После смерти Антигоны он женился еще не раз и всегда из расчета, желая расширить свои владения: он был женат на дочери Автолеонта, царя пэонийцев, на Биркенне, дочери Бар-диллея, царя иллирийцев, и на Ланассе, дочери Агафокла Сира-кузского, которая принесла ему в приданное Керкиру. От Антигоны у него был сын Птолемей, от Ла-наussy - Александр, а от Бирке-ны - Гелен. Всех их он с самого рождения закалял для будущих битв и воспитывал храбрыми и пылкими в бою.

После битвы в Этолии Пирр вернулся домой и некоторое время спустя заключил с Деметрием Мир. Деметрий готовил в ту пору восточный поход, мечтая о завоевании Азии, и очень желал помириться с Пирром, чтобы не иметь у себя в тылу такого беспокойного соседа. Миру, однако, не суждено было продлиться долго. В том же году Пирр развелся с Ланассой, которая ревновала мужа к другим женам-варваркам. Она удалилась на Керкиру, куда вскоре приплыл Деметрий. Он сошелся с Ланассой и поставил в городе гарнизон. Этот эпизод окончательно убедил Пирра во враждебности Деметрия, и он примкнул к союзу Лисимаха, Птолемея и Селевка, который те заключили против Деметрия.

В 288 г. до Р.Х. Лисимах вторгся в Верхнюю Македонию. Пирр выждал, когда Деметрий выступит против него, и занял Нижнюю Македонию. Деметрий повернул армию и пошел на Пирра. Но как только два войска сблизились, многие македонцы стали перебегать к Пирру. Испуганный Деметрий тайком бежал из лагеря. Пирр без боя вошел в лагерь, где македонское войско провозгласило его царем. Но вскоре появился Лисимах и, считая разгром Деметрия общей заслугой, стал требовать у Пирра раздела власти. Пирр принял его предложение, потому что сомневался в македонцах и не мог твердо на них положиться. Цари поделили между собой страну и города.

Сперва это решение послужило им на пользу и прекратило войну, но вскоре оба убедились, что раздел власти стал для них не концом вражды, а лишь источником распрей и взаимных обвинений. Пока Деметрий мог угрожать обоим, цари хранили видимость мира, но в 285 г. до Р.Х., когда Деметрий потерпел поражение в Сирии, Лисимах двинулся на Пирра, который стоял лагерем под Эдессой. Письмами и речами он побудил знатнейших македонцев к измене, пристыдив их за то, что они поставили над собой господином чужестранца, чьи предки всегда были рабами македонцев, а друзей и ближайших соратников Александра изгнали из Македонии. Когда многие склонились на уговоры Лисимаха, Пирр, испугавшись, ушел с войском эпи-ротов и союзников, потеряв Македонию так же легко, как прежде приобрел. Изгнанный в Эпир, он скоро стал тяготиться мирной жизнью и только ждал случая, чтобы ввязаться в какую-нибудь авантюру. Возможность представилась ему через пять лет.

В 282 г. до Р.Х. римляне напали на тарентийцев. У тех не было сил вести войну, но бесчестная дерзость вожаков народа не давала им сложить оружие, и тогда они задумали призвать и сделать военачальником в войне против римлян Пирра, отличного полководца и в то время самого праздного из царей. Пирр воспрянул духом, предвидя возможность великих завоеваний в Западном Средиземноморье. Разгромив Рим, он хотел овладеть всей Италией и Сицилией, и оттуда напасть на Карфаген.

Как только из Тарента прибыли грузовые суда, Пирр в 280 г. до Р.Х. погрузил на них 20 слонов, 3000 всадников, 20 000 пехотинцев, 2000 лучников и 500 пращников. После того как все было готово, он отчалил, но когда корабли вышли на середину Ионийского моря, их понес необычный для этого времени года бурный ветер. Благодаря храбрости и расторопности гребцов и кормчих кораблю Пирра удалось приблизиться к берегу. Опасаясь, что корабль будет разбит, Пирр бросился в море, а приближенные и телохранители немедленно кинулись его спасать. Однако в темноте среди огромных волн трудно было оказать ему помощь, и только на рассвете, когда ветер стих, Пирр выбрался на сушу, изможденный телом, но бодрый духом. Мессапы, на землю которых его вынесло бурей, по мере сил оказали ему помощь и подвели к

земле немногие уцелевшие корабли, на которых было несколько десятков всадников, меньше двух тысяч пехотинцев и два слона.

С этими силами Пирр отправился в Тарент. Вступив в город, он ничего не предпринимал против желания тарентийцев, пока не подошли спасшиеся корабли и не собралась большая часть его войска. К этому времени Пирр увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пирушек. Поэтому он закрыл все гимнасии и портики, где тарентийцы, прогуливаясь, вершили военные дела на словах, положил конец неуместным пирам, попойкам и шествиям и многих призвал в войско.

Когда пришло известие, что римский консул Левин с большими силами опустошил Луканию и наступает на Тарент, Пирр счел недостойным в бездействии смотреть, как приближается враг, и выступил с войском, не дождавшись прихода союзных отрядов. Свой лагерь он устроил на равнине между Пандосией и Гераклеей. Узнав, что римляне остановились неподалеку за рекой Сири-сом, Пирр верхом отправился к реке на разведку, осмотрел охрану, расположение и все устройство римского лагеря. Увидев царивший повсюду порядок, он с удивлением сказал своему приближенному Мегаклу, стоявшему рядом: «Порядок в войске у этих варваров совсем не варварский. А каковы они в деле - посмотрим». И уже опасаясь за дальнейшее, он решил дожидаться союзников, а на тот случай, если римляне попытаются перейти реку раньше, поставил стражу, чтобы помешать переправе. Но римляне начали переходить реку сразу в нескольких местах, так что греки, боясь окружения, отступили. Узнав об этом, Пирр встревожился еще больше и приказал своим военачальникам построить пехоту и держать ее в боевой готовности, а сам во главе трех тысяч всадников напал на строящихся после переправы римлян. Во время битвы красота его оружия и блеск роскошного убора делали его заметным отовсюду, и он делом доказывал, что его слава вполне соответствует его доблести, ибо, сражаясь с оружием в руках и храбро отражая натиск врагов, он не терял хладнокровия и командовал войском так, словно следил за битвой издали, поспевая на помощь всем, кого одолевал противник.

Тем временем подошла построенная фаланга, и Пирр сам повел ее на римлян. Те выдержали натиск, и завязался бой, исход которого долгое время не мог определиться: говорят, что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими. Победу грекам принесла только атака слонов. Римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе с всадниками вспять, не успевая приблизиться к врагам, а Пирр, напав во главе фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил. Иероним сообщает, что в этой битве римляне потеряли семь тысяч, а Пирр - меньше четырех тысяч. Он взял римский лагерь и привлек этой победой на свою сторону многие союзные с Римом города, опустошил обширную область и продвинулся вперед настолько, что от Рима его отделяли лишь 300 стадиев.

После битвы к Пирру пришло множество луканов и самнитов, и он смог сформировать большое войско. Однако римляне не делали никаких попыток к заключению мира и продолжали готовиться к новым сражениям. Чтобы склонить их на уступки, Пирр предложил отпустить без выкупа всех пленных и обещал римлянам помощь в завоевании Италии. Взамен он не требовал ничего, кроме дружеского союза с ним и неприкосновенности Тарента. Сенат отказался, заявив, что пока Пирр остается в Италии, римляне будут воевать с ним до полного истощения.

В следующем году Пирр встретился с римлянами близ города Аскула. Первый день был неудачным для него. Неприятель оттеснил его войско в места непроходимые для конницы, к лесистым берегам быстрой реки, откуда слоны не могли напасть на вражеский строй. Много воинов было ранено и убито в этом сражении, пока ночь не прервала его. На следующий день, задумав перенести битву на равнину и бросить в бой слонов, Пирр заранее укрепил наиболее уязвимые позиции караульными отрядами и, расставив между слонами множество метателей дротиков, стремительно двинул на врага плотно сомкнутый строй. Римляне не могли уклониться в сторону или ударить с фланга, как в предыдущем сражении, и встретили противника на равнине лицом к лицу. Стремясь скорее отбросить фалангу, пока не подошли слоны, легионеры упорно бились мечами против сарисс, но против слонов их доблесть была

бессильна. Римляне бежали в свой лагерь, потеряв 6000 человек. Пирр потерял за два дня 3500. Говорят, что он заметил какому-то человеку, радовавшемуся победе: «Если мы одержим еще одну такую победу над римлянами, то окончательно погибнем». В самом деле, в двух прошедших сражениях погибла большая часть войска, приведенного им с собой, и почти все его приближенные и полководцы; других воинов, которых можно было бы вызвать в Италию, у него уже не было, а кроме того, он видел, что пыл его местных союзников остыл, в то время как вражеский лагерь быстро наполняется людьми, и что после всех поражений римляне не пали духом, но гнев лишь приумножил их упорство.

В следующем году у Пирра появились новые надежды. Ему даже пришлось выбирать, потому что одновременно к нему обратились сицилийцы, предложившие занять Акрагант, Сиракузы и Леонтины и просившие изгнать карфагенян и освободить остров от тиранов, и вестники из Греции, сообщившие, что Лисимах убит, а унаследовавший ему Птолемей II Керавн пал в битве с галатами и теперь самое время явиться в Македонию, лишившуюся царя. Пирр сетовал на судьбу, которая в один и тот же час представила ему две возможности совершить великие дела, ибо понимал, что от одной из них необходимо отказаться, и долго колебался. Но затем, решив, что в Сицилии его ждут более славные подвиги и что оттуда недалеко до Африки, он предпочел двинуться на остров. В Таренте он поставил караульный отряд, а тарентийцам, с негодованием требовавшим, чтобы он либо вел войну с римлянами, ради которой явился, либо покинул страну и оставил им город таким, каким его принял, отвечал высокомерно, советуя спокойно ждать, пока придет их черед. Затем он отплыл в Сицилию, где все шло так, как он предполагал: города с готовностью присоединились к нему, так что на первых порах ему нигде не пришлось прибегать к военной силе, и всего с 30 000 пехоты, 2500 всадников и 20 слонами он разбил карфагенян и занял их владения. Лишь Эрик, недоступный по своему местоположению и хорошо укрепленный, он взял силой. Сообщают, что Пирр первым забрался на его стены, отражая натиск многочисленных врагов, и, нагромоздив вокруг себя горы мертвых тел, сам остался невредимым. Затем он обратился против мар-ментинцев, сильно досаждавших грекам, разбил их в сражении и разрушил многие принадлежавшие им крепости.

Карфагеняне, напуганные напором этого человека, согласны были заплатить ему деньги и прислать суда, если бы он заключил с ними союз, но Пирр, жаждавший добиться большего, ответил, что заключит мир только в том случае, если они покинут Сицилию. Гордый своей мощью и успехами, стремясь осуществить то, ради чего он приплыл в Сицилию, а более всего мечтая об Африке, Пирр стал набирать по городам гребцов, которых не хватало на многих его кораблях, и при этом действовал уже не мягко и снисходительно, а властно и жестко, прибегая к насилиям и наказаниям. Сначала он не был таким, напротив, как никто другой, привлекал к себе приветливым обхождением, всем доверял и никого не стеснял, зато позже, превратившись из вождя народа в тирана, своей суровостью стяжал себе славу человека жестокого и коварного. Как бы то ни было, но города, пусть и неохотно, выполняли его требования, пока вскоре он не стал подозревать в измене Фенона и Сострата, знатных сиракузян, которые первые уговорили его приехать в Сицилию, открыли перед ним город, едва он явился, и больше всех помогли ему в сицилийском походе. Пирр не желал ни брать их с собой, ни оставлять на острове. Сострат в страхе перешел на сторону врага, а Фенона Пирр умертвил. И тут дела царя сразу приняли иной оборот: города возненавидели его; одни из них присоединились к карфагенянам, другие же призвали мамертинцев. В ту пору, когда Пирр повсюду видел измены, заговоры и восстания, к нему прибыли письма от самнитов и тарентийцев, которые, лишившись своих земель и с трудом отстаивая от римлян свои города, просили его о помощи. Это помогло Пирру скрыть, что его отплытие означает отказ от всех замыслов и бегство, ибо на самом деле Сицилия, словно потрясаемый бурей корабль, уже не повиновалась ему, и он, ища выхода, поспешно бросился в Италию.

Когда Пирр в 275 г. до Р.Х. покинул Сицилию, варвары объединились против него: карфагеняне дали ему в самом проливе морское сражение, в котором он потерял немало кораблей, а мамертинцы, числом не менее 10 000, переправились раньше Пирра и, не осмеливаясь встретиться с ним лицом к лицу, заняли неприступные позиции. Когда Пирр на уцелевших судах прибыл в Италию, они напали на него и рассеяли все его войско. Погибли два

слона и множество воинов из тылового отряда. Пирр сам отражал натиск врага и без страха сражался с опытным и дерзким противником. Когда он был ранен мечом в голову и ненадолго вышел из боя, мамертинцы воспрянули духом. Один из них, огромного роста, в сверкающих доспехах, выбежал вперед и громким голосом стал вызывать Пирра, если тот еще жив, выйти и сразиться с ним. Пирр, раздраженный, повернулся и, пробившись сквозь ряды своих щитоносцев, пытавшихся его удержать, вышел гневный, со страшным, забрызганным кровью лицом. Опередив варвара, Пирр ударил его мечом по голове, и, благодаря силе его рук и отличной закалке стали, лезвие рассекло туловище сверху донизу, так что в один миг две половины разрубленного тела упали в разные стороны. Это удержало варваров от новых нападений: они были поражены и дивились Пирру, словно какому-то сверхъестественному существу.

Остальной путь Пирр прошел беспрепятственно и с 20 000 пехоты и 3000 всадников прибыл в Та-рент. Пополнив там войска самыми храбрыми из тарентийцев, он тотчас выступил против римлян, стоявших лагерем в Самнии. Один из консулов Маний Курий стоял лагерем возле Беневента, другой находился в Лукании. Пирр поспешил напасть на Мания прежде, чем подойдет второе войско, и потому, собрав самых сильных людей и самых свирепых слонов, ночью двинулся на лагерь врага. Но дорога была длинная, шла через густой лес, воины заблудились в темноте, и таким образом время было потеряно. На рассвете враги ясно увидели Пирра, двигавшегося по гребню холмов. Маний немедленно вышел из лагеря, напал на передовых воинов и обратил их в бегство. Однако, когда в бой вступили слоны, римляне отступили к самому лагерю. Здесь они забросали слонов из-за укреплений множеством копий и сумели повернуть их вспять. Бегство слонов через ряды фаланги внесло в ряды Пирра сильный переполох, и римлянам оставалось только закрепить победу.

Так рухнули все надежды Пирра в Италии и Сицилии; шесть лет потратил он на эти войны и хотя был побежден, но и в поражении сохранил свое мужество непоколебимым и по-прежнему считался повсюду самым опытным, сильным и отважным из современных ему царей. Однако добытое подвигами он терял ради надежд на будущее и, алчущий далекого и нового, не мог удержать достигнутого, если для этого нужно было проявить упорство. Поэтому Антигон и сравнивал Пирра с игроком в кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей.

Вернувшись в Эпир с 8000 пехотинцев и 500 всадниками, расстроив свою казну, Пирр стал искать новой войны, чтобы накормить войско. К нему присоединились некоторые из галатов, и в 274 г. до Р.Х. он напал на Македонию, где царствовал тогда Антигон II, сын Деметрия. Целью его был захват добычи, но после того, как ему удалось взять многие города и 2000 неприятельских воинов перешли на его сторону, Пирр, преисполнившись надеждами, пошел в наступление на самого Антигона и, напав на него в узком ущелье, поверг в смятение все его войско. Только многочисленный отряд галатов в тылу у Антигона упорно сопротивлялся, и в завязавшемся жестоком бою большинство их было перебито, а вожаки слонов, окруженные вместе с животными, сдались в плен. Увеличив таким образом свои силы и более полагаясь на свою удачу, чем трезво все размыслив, Пирр ударил на фалангу македонцев, которые после понесенного гала-тами поражения были полны смятения и страха. Македонцы уклонились от боя, и тогда Пирр, простерши к ним руку, стал поименно окликать всех военачальников, старших и младших, чем побудил пехоту Антигона перейти на свою сторону. Отступая, Антигон удержал за собой всего несколько прибрежных городов.

Не дождавшись, пока дела его в Македонии устроятся и положение упрочится, Пирр опять увлекся новыми надеждами и охотно отозвался на уговоры Клеонима Спартанского, который прибыл в 272 г. до Р.Х., чтобы звать его в Лакеде-мон (он хотел отобрать царскую власть у своего племянника Арея I).

Пирр явился в Грецию с 25 000 пехотинцев, 2000 всадников и 24 слонами. Уже сама многочисленность этого войска показывала, что Пирр хочет приобрести ни Спарту для Клеонима, а весь Пелопоннес для себя, но на словах он упорно отрицал это перед прибывшими к нему лакедемонскими послами.

Тем не менее спартанцы изготовились к обороне. Их было мало, но они, охваченные патриотическим порывом, готовились дорого продать свою жизнь. Целый день войско Пирра

безуспешно пыталось преодолеть ров, которым спартанцы окружили свой город. На другой день на помощь осажденным подошел полководец Антигона II Гоната Аминий с войском.

Пирру пришлось отступить. Как раз в это время в Аргосе шли распри между Аристеом и Аристиппом. И так как Аристипп считался другом Антигона, то Аристей поспешил призвать в Аргос Пирра. Пирр всегда легко переходил от одной войны к другой. Он немедленно двинулся на Аргос. Узнав, что Антигон уже занял высоты над равниной, он стал лагерем близ Навплии. В завязавшихся переговорах решено было, что оба войска отступят от города и не будут вмешиваться в аргосский конфликт. Но Пирр, вступивший в тайный сговор с Аристеом, не собирался выполнять своих обещаний.

Когда наступила ночь, Аристей открыл для него городские ворота. Пехота Пирра тихо вошла в город, но когда через ворота стали проводить слонов, поднялся шум, всполошивший жителей. Аргосцы поспешили занять Аспиду и другие укрепленные места и отправили гонцов к Антигону. Со-единившись с лакедемонянами, его солдаты напали с тыла на войско Пирра. В кромешной темноте на узких улицах Аргоса, изрезанных каналами, начался упорный бой. Когда наступило утро, Пирр увидел, что Аспида занята вооруженными врагами, и велел своим отступать. Сыну своему Гелену, оставшемуся вне города, он велел разрушить часть стены, чтобы помочь выходящим. Но гонец перепутал приказ, и юноша, взяв остальных слонов, вошел в город на помощь отцу. Пирр в это время уже отходил. В воротах началась страшная давка, которую еще усугубили вышедшие из повиновения слоны.

Пирр, оглядев бушевавшие вокруг людские волны, снял диадему, украшавшую шлем, и напал на врагов, следовавших за ним по пятам. Копье пронзило ему панцирь, и он, получив рану, устремился на того, кто нанес удар. То был аргосец, незнатный человек, сын бедной старой женщины. Она в это время, как и остальные аргивянки, с крыши дома глядела на битву и, увидев, что сын ее вступил в единоборство с Пирром, испуганная грозящей ему опасностью, сорвала с крыши черепицу и обеими руками бросила ее в Пирра. Черепица ударила его в голову ниже шлема и перебила позвонки у основания шеи. Пирр потерял сознание и свалился с лошади. Солдаты Антигона оттащили тело в преддверие какого-то дома и там отрубили голову.

Когда весть о гибели Пирра стала всем известна, войско его сложило оружие и перешло на сторону Антигона, который наследовал его власть и его царство (Плутарх: «Пирр»).

ПИРР II

Царь Эпира из рода Пирридов, правивший в 255-м начале 230-х гг. до Р.Х. Сын Александра II.

Пирр сделался царем, будучи еще ребенком. Раньше государством управляла его мать Олимпиада. В эти годы этолийцы отобрали у эпиротов Западную Акарнанию (Юстин: 28, 1),

ПИРР III

Царь Эпира из рода Пирридов, правивший после 231 г. до Р.Х. Сын Птолема.

Пирр не оставил мужского потомства, и после него власть наследовала его дочь Деидамия. Умирая, она завешала власть народу. Однако после того, как у эпиротов установилась демократия, они вскоре пришли к полной анархии и были завоеваны иллирийцами (Павсаний: 4; 35; 3).

ПИРРИДЫ

Род эпирских царей, основанный, по преданию, Неоптолемом I, сыном Ахилла.

Первые колена рода не известны, а исторические цари ведут начало с Адмета (V в. до Р.Х.).

ПЛИСТАРХ

Спартанский царь из рода Агидов, правивший в 480-458 гг. до Р.Х. Сын Леонида I.

В детстве опекуном Плистарха был его двоюродный брат Павсаний. После смерти Плистарха царем стал сын Павсания Плистоанакт (Павсаний: 3; 5).

ПЛИСТОАНАКТ

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 458-408 гг. до Р.Х. Сын Павсания, внук Клеомброта, правнук Анаксандрида.

В детстве опекуном царя был его дядя Никомед, сын Клеомброта (Фукидид: 1; 10; 7). В 446 г. до Р.Х. молодой Плистоанакт привел армию пелопоннесцев к Элевсину. Лидер Афин Перикл не решился вступить в сражение с этим войском. Но он заметил, что Плистоанакт пользуется советами главным образом Клеандрида, которого эфоры, в виду молодости Плистоанакта, назначили наблюдателем и помощником. Перикл вошел с ним в тайные переговоры, в скором времени подкупил его и уговорил увести пелопоннесцев из Аттики. Когда войско отступило и было распушено по домам, раздраженные спартанцы наложили на царя большой денежный штраф, который он не мог уплатить, и потому добровольно удалился из Спарты. Клеандрид же бежал из отечества и был приговорен к смертной казни (Плутарх: «Перикл»; 22). Плистоанакт поселился на границе Лаконики и Аркадии на горе Ликей, где, из страха перед лакедемонянами, занимал половину дома внутри священного участка Зевса. Здесь он прожил 19 лет и вернулся, как утверждали, при помощи следующей хитрости. Он и его брат Аристокл склонили жрицу в Дельфах при посещении лакедемонянами дельфийского оракула всякий раз изрекать ответ: «Лакедемоняне должны вернуть с чужбины в свою землю потомка полубога, Зевсова сына. Иначе им придется пахать землю серебряным лемехом». С течением времени жрица убедила лакедемонян возвратить царя с плясками, жертвоприношениями и торжественными обрядами, какие были установлены для первых царей при основании Лакедемона. Но и после возвращения недруги постоянно нападали на царя, как только в Лаконике случалась беда, утверждая, что причина несчастья заключается в его противозаконном возвращении из изгнания. Досадуя из-за столь тяжких обвинений, Плистоанакт усердно стремился к мирному соглашению с афинянами (шла Пелопоннесская война). В мирное время, думал царь, когда уже не будет никаких поражений и лакедемоняне вернут своих пленников, враги, наконец, оставят его в покое, тогда как во время войны всю вину за неудачи, естественно, продолжают сваливать на руководителей государства. После сражения под Амфиполем в 422 г. до Р.Х., где погибли со стороны афинян Клеон, а со стороны лакедемонян Брасид - оба главных противника мира, - начались мирные переговоры, а в следующем году был заключен мир.

В том же году Плистоанакт ходил походом на землю паррасиев, подвластных мантинейцам. Лакедемоняне разорили землю паррасиев и разрушили крепость в городе Кипселы. Затем лакедемоняне объявили паррасийцев независимыми от мантинейцев и вернулись домой (Фукидид: 5; 16, 19, 24, 33).

ПОЛИДЕКТ

Легендарный царь Лаконики из рода Эврипонтидов, правивший в IX в. до Р.Х. Сын Эвнома.

Когда Полидект умер, сын его Харилай еще не родился. Поэтому царскую власть получил брат Полидекта, законодатель Ликург (Плутарх: «Ликург»; 1).

ПОЛИДОР

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в VIII в. до Р.Х. Сын Алкамена.

При Полидоре лакедемоняне основали две колонии: одну в Италии, в Кротоне, другую - в области локров, тех, что у мыса Зефирия. При нем же разразилась Первая Мессенская война. В это время лакедемонянами командовал преимущественно Феопомп, сын Ни-кандра, царь из

другого царского рода. Когда война с Мессенией была доведена до конца, Полидор был убит Полемархом. Полидор пользовался большой популярностью в Спарте и был особенно любим народом, так как не позволял себе по отношению к кому бы то ни было ни насильственных поступков, ни грубого обращения и, совершая суд, соблюдал справедливость и проявлял снисходительность к людям (Павсаний: 3; 3).

ПРИТАНИД

Легендарный царь Лаконики из рода Эврипонтидов, правивший в X в. до Р.Х. Сын Эврипонта.

При Пританиде началась вражда между лакедемонянами и аргос-цами (Павсаний: 3; 7; 2).

ПРОБ, Марк Аврелий

Римский император в 276-282 гг. Род. 19 авг. 232 г. Умер 282 г.

Проб происходил из Паннонии, из города Сирмия (Вописк: «Проб»; 3). Отец его был поселянином-садоводом (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 37). Прослужив центурионом и весьма при этом отличившись, он получил звание трибуна и окончил жизнь в Египте. Мать его была более знатного происхождения. Наследственное имущество у Проба было скромное, родня не была высокопоставленной. Но зато и как частный человек, и как император он славился и блистал своими доблестями. В юности он уже настолько прославился своей телесной силой и отвагой в войне с готами, что по решению Валериана получил звание трибуна и командование над легионом, будучи чуть ли не безбородым мальчишкой. Столь же доблестно он служил и всем последующим императорам. При Аврелиане он участвовал в походе на Пальмиру, а свои последние подвиги совершил в Африке: освободил от мармаридов Карфаген, а затем разгромил их в Ливии.

К воинам Проб всегда был строг и справедлив: никогда не допускал бессмысленной жестокости, но и праздности не терпел. Если не было военных действий, он заставлял легионеров выполнять общественные работы. После него в Египте осталось очень много сооружений, построенных солдатами. На Ниле же он предпринял столько работ, что, в сущности, только он один и способствовал правильному поступлению хлебной подати. Во всех местах, где он служил, руками его солдат было построено множество мостов, храмов, портиков, базилик, расширены устья многих рек, осушено множество болот и на их месте заведены поля. Едва ли это сильно им нравилось. Однако после смерти Тацита все восточные легионы единодушно провозгласили Проба императором. Говорят, это случилось против его воли, и на сходке, где его облекли в пурпурный плащ, Проб будто бы сказал: «Это вам не выгодно, воины, вам со мной не будет хорошо: ведь я не могу заискивать перед вами».

Но он не считал нужным отказываться от предложенной чести и известил сенат о своем избрании. Правление его было заполнено войнами с варварами и узурпаторами. Прежде всего Проб поспешил на запад. Весной 277 г. он вступил в Галлию, опустошаемую алеманами. Здесь он дал много больших и малых сражений, взял несколько городов и отнял у германцев всю добычу. Множество врагов было перебито, а остальные оттеснены за пределы римских провинций. В 278 г. он опять отправился на восток и по пути разбил сарматов в Илли-рике, а двигаясь через Фракию, покорил некоторые племена гетов. В 279 г. он с большим трудом очистил от разбойников Исаврию и все части Памфилии, а также взял захваченные блеммийцами Копту и Птолемаиду. Одновременно его полководцы вели войну против Са-турнина, которого провозгласили императором войска, расположенные в Палестине. Возвратившись во Фракию, Проб поселил на правом берегу Дуная в римских пределах 100 000 бастарнов, вытесненных готами из Дакии, поручив им оборону границ. Этот опыт оказался удачным. Однако, когда Проб захотел сделать то же самое с гипедами, франками и вандалами, те восстали и причинили римлянам много зла, так что императору пришлось вести с ними тяжелую войну. В 281 г. он победил Прокула, который был провозглашен императором в Галлии. Только после этого Проб впервые вступил в Рим и устроил для народа грандиозные зрелища.

В 282 г. он двинулся против персов, но по пути был убит своими воинами в Иллирике. Причины его убийства были следующие: прибыв в Сирмий, он пожелал сделать родную землю плодородной и расширить ее. Для этого он поставил много тысяч воинов для осушения какого-то болота. Он готовился провести огромный ров, чтобы можно было, отведя устье его в реку Саву, осушить эту местность на пользу сармийцам. Возмущенные этим воины убили его (Вописк: «Проб»; 3, 5, 7, 9-10, 13, 15-16-20).

ПРОКЛ

Легендарный царь Лаконики, правивший в XI в. до Р.Х. Сын Аристодема. Родоначальник царского рода Звринонтидов (Геродот: 6; 52).

ПТОЛЕМЕИ

Македонская династия, управлявшая в 323-30 гг. до Р.Х. Египтом.

ПТОЛЕМЕЙ I СОТЕР

Правитель и царь Египта в 324 - 283 гг. до Р.Х. Родоначальник Птолемеев. Сын Лага. Род. в 367 г. до Р.Х. Умер 283 г. до Р.Х.

Ж.: 1) Артакама; 2) Эвредика, дочь Антипатра; 3) Вереника.

Птолемей с ранней юности был одним из ближайших друзей Александра Македонского. В свое время, когда стало известно о желании Александра жениться на дочери Пиксодора, сатрапа Карий, Филипп II в гневе изгнал из Македонии всех друзей сына, и в их числе Птолемея (Плутарх: «Александр»; 10). После смерти Филиппа Птолемей вернулся, и Александр назначил его своим телохранителем (Арриан: 3; 6). В битве при Иссе его называют уже в числе полководцев, хотя и на вторых ролях (Курций Руф: 3; 7). Во время сражения в Воротах Персеиды Птолемей руководил отрядом в 3 000 человек, захватившим персидский лагерь. Самостоятельные боевые задачи Александр стал поручать Птолемею после битвы при Гавгамелах. В Бак-трии он послал его в погоню за Бессом. По свидетельству Арриана, Птолемей проскакал за четыре дня расстояние, которое обычно преодолевают за десять дней, захватил Бесса в одном из селений и доставил к Александру (Арриан: 3; 18; 29). Доверие Александра к Птолемею возросло после раскрытия заговора пажей, о котором Птолемей узнал от Эврилоха, сына Арсея. При подавлении восстания в Согдиане Александр разделил все войско на пять частей и одной из них поручил командовать Птолемею. В число ведущих полководцев выдвинулся во время индийского похода. И в самом деле, здесь его доблесть стала особенно заметна. Уже в самом начале похода, в области аспаси-ев, Птолемей отличился в сражении с тамошним князем. Заметив предводителя индов, Птолемей, имевший гораздо меньше людей, кинулся в погоню, сначала верхом, а потом, когда подъем стал слишком крут, бегом. Когда князь увидел, что Птолемей близко, он и его воины повернулись к нему лицом. Инд ударил Птолемея в грудь длинным копьем, но панцирь выдержал удар. Птолемей пробил инду бедро насквозь, свалил его на землю и снял с него доспехи. Вокруг тела вождя завязалась горячая схватка. Македонцы взяли верх, и это решило исход сражения. Через некоторое время Александр поручил Птолемею командование над третьей своего войска, а сам ушел в горы. Птолемей, оставшись на равнине, сразился с кассиями и после жестокой битвы оттеснил их в горы. Позже, на берегу Инда. Александру пришлось брать крутую неприступную скалу, на вершине которой засело множество врагов. Отобрав легкую пехоту, Александр поручил Птолемею обойти скалу и зайти на нее в том месте, где его никто не ждал. Вместе с местными проводниками Птолемей, двигаясь по очень трудной, едва проходимой дороге, взобрался на скалу, прежде чем варвары его увидели. Укрепив позицию частоколом и рвом, он зажег на горе огромный костер. Александр увидел огонь и на следующий день повел войско к скале. Варвары отбивались, и Александр ничего не мог поделать в силу природных трудностей. Варвары, поняв, что Александр не может идти на приступ, повернули и сами напали на отряд Птолемея.

Между ними и македонцами завязалась жестокая битва; инды изо всех сил старались разнести частокол, а Птолемей - удержать за собой занятое место. Ему удалось продержаться до наступления темноты. А на Другой день, следуя той же дорогой, Александр взосел на скалу и соединился с Птолемеем. Испуганные этим, а также начавшимися осадными работами, инды бежали (Арриан: 4; 16, 24, 29).

При переправе через Гидасп Птолемей командовал той частью войска, которая отвлекла на себя внимание царя Пора и позволила Александру благополучно переправиться через реку (Курций Руф: 8; 13). Позже, в стране кафеев, при осаде Сангары Александр поручил Птолемеему охранять то место, где скорее всего ожидался прорыв врага. Птолемей велел на пути возможного отступления расставить брошенные телеги и вкопать в землю копья. Когда враги в темноте пошли на прорыв, их строй немедленно распался. Птолемей напал на них, многих перебил, а остальных загнал обратно в город (Арриан: 5; 24). Во время похода вниз по Инду и вдоль берегов океана Птолемей командовал третьей македонского войска (Арриан: 6; 5), а именно, той, которая двигалась вдоль самого моря (Курций Руф: 9; 10).

По возвращении в Сузы, Александр выдал за Птолемея Артакаму, дочь Артабаза (Арриан: 7; 4; 15).

На совещании диадохов после смерти Александра Птолемей держался того мнения, что нельзя вручать государство в слабые руки. Поэтому он выступил против всех предлагавшихся наследников Александра - его брата Арридея, сына Геракла или того ребенка, которого должна была родить Роксана. Вместо них он предлагал выбрать царя из среды самих диадохов, притом такого, кто благодаря своим высоким достоинствам ближе всего стоял к царю, кто правил областями и кому подчинялись воины. Позже, на словах признавая власть Арридея, он в душе всегда оставался верен высказанному им предложению. При последовавшем далее распределении сатрапий Птолемей получил Египет. В помощники ему дали Клеомена, назначенного в сатрапы Александром и руководившего строительством Александрии (Юстин: 13; 2, 4). Переправившись в Египет, Птолемей первым делом велел убить Клеомена, считая его сторонником Пердикки и поэтому человеком, которого нельзя считать верным и преданным (Павсаний: 1; 6). Умелым и справедливым управлением Птолемей вскоре сумел привлечь к себе египтян, так что в последовавших затем войнах они не разу ему не изменили (Юстин: 13; 6).

В 323 г. до Р.Х. Птолемей присоединил к своей сатрапии Киренаиду. В том же году его посетили посланцы Антигона и Кратера, предлагая заключить союз против Пердикки. Птолемей, и до того бывший врагом Пердикки, а теперь еще больше обеспокоенный его возросшим могуществом, согласился.

Узнав о сложившемся против него союзе, Пердикка решил выступить с основными силами против Египта, оставив в Азии войско Евмена, чтобы сдерживать Антигона и Кратера.

В следующем году в Египет с великой пышностью привезено было тело Александра. Птолемей с почтением встретил его еще в Сирии и устроил пышные похороны в Мемфисе (хотя Александр завещал похоронить себя в оазисе Амо-на). Между тем царские войска, возглавляемые Пердиккой и Филиппом III, подошли к Нилу и стали неподалеку от Пелусия. К этому времени грубые замашки Пердикки, его непомерное властолюбие и жестокость, а также совершенно открытое стремление к царской власти, стали всем известны. Многие старые друзья покинули его и бежали к Птолемеему, который был щедр, справедлив и внимателен к друзьям. Старым ветеранам он чем-то напоминал Александра. Они с великой охотой шли служить под его знамена и выполняли его приказания.

Когда Пердикка почувствовал опасность обаяния Птолемея, он постарался несколько смягчить свой нрав, а недостаток любви купить богатыми подарками и заманчивыми обещаниями. Усилив, таким образом, свою популярность, он осадил Птолемея в крепости, называемой Верблюжья Спина. Когда македонцы пошли на штурм, Птолемей, вооружившись длинным копьем, собственноручно ослепил с вала одного из слонов, а затем многих из македонцев убил и сбросил со стены вниз.

Исчерпав свои силы в бесплодных штурмах, Пердикка решил начать переправу через Нил. Но в то время, когда войско переходило вброд через широкую реку, уровень воды стал вдруг быстро повышаться. Множество македонцев утонуло, было убито неприятелем или съедено крокодилами. Погибло более 2000 человек, и это было последней каплей, переполнившей чашу

терпения македонцев. Ночью по всему македонскому стану слышались плач и причитания. В этой обстановке всеобщего озлоблени, несколько военачальников устроили заговор против Пердикки. Во главе него стоял Пифон. Приблизившись к палатке Пердикки, они вдруг напали на него и убили. После этого все войско перешло на сторону Птолемея. Лишь немногие, оставшиеся верными Пердикке, бежали в Тир. Там же находил ся его наварх Аттал с флотом.

Вслед за ним Птолемей отрядил своего полководца Никанора, который в короткий срок завоевав Сирию и Финикию, а тамошнего сатрапа Лаомедонта взял в плен (Диодор: 18; 25, 36). Согласно Флавию, как раз в это время Птолемей хитростью захватил Иерусалим Разузнав об обычаях евреев, он вступил в Иерусалим в субботу, под предлогом принесения жертвы, и легко овладел городом. Многие иудеев он переселил в Египет. Впрочем, убедившись, что они твердо хранят клятву. Птолемей стал при нимать в свою армию евреев наравне с македонцами (Флавий: 12; 1)

Не участвуя в дальнейшей войне, Птолемей до 314 г. до Р.Х. оставался союзником Антигона, который к тому времени завоевал всю Азию. Положение изменилось после того, как в Египет бежал Селевк. Птолемей принял Селевка очень благожелательно. Селевк много говорил о могуществе Антигона и о его намерении истребить всех сатрапов и прежних друзей Александра. Птолемей проникся его доводами и отправил от себя послов к Кассандру и Лисимаху, чтобы и тех поднять войной на Антигона. Когда коалиция сложилась, Птолемей, Кассандр и Лисимах отправили к Антигону своих послов, требуя, чтобы тот поделился своими завоеванными провинциями и сокровищами. В противном случае они грозили войной. Антигон сурово отвечал, что уже готов к войне с Птолемеем, и послы ушли ни с чем.

В том же году Антигон начал войну в Финикии и Сирии. Птолемей отправил своих полководцев в Пелопоннес и на Кипр. В 312 г. до Р.Х. он сам с большим войском переправился на Кипр, где лишил власти или казнил местных царей, изблщенных в связях с Антигоном. С Кипра Птолемей переправился в Карию, дошел по берегу до Киликии, разграбив страну, и вернулся на Кипр. Затем он ненадолго съездил в Египет, но, подстрекаемый Селевком, стянул отовсюду войска и выступил из Александрии к Пелусию, имея 18 000 пехоты и 4000 конницы. Антигон в это время находился с армией близ Геллеспонта, предполагая переправиться в Европу, а в Финикии оставался его сын Деметрий. Узнав о движении египтян, Деметрий также стянул отовсюду войска в Газу. Друзья советовали ему не вступать в сражение, но он не послушался. Оба войска встретились у Газы, и после упорного кровопролитного боя Птолемей одержал полную Победу над своим молодым соперником. Вся Финикия вновь отошла Египту. Только Андроник, начальник тирского гарнизона, один отказался сдать город Птолемею, но вскоре здесь начался мятеж воинов, и Андроник, схваченный своими собственными солдатами, был выдан Птолемею. Вопреки ожиданиям, Птолемей богато одарил пленника, прославляя его верность, и принял в число своих друзей (Диодор: 19; 81-85).

Вскоре пришло известие, что Антигон со всем своим войском перевалил через Тавр и соединился с сыном. Птолемей собрал полководцев и стал держать с ними совет. Большинство указывало ему на многочисленность противника, мудрость и опытность самого Антигона и не советовало сражаться в Сирии, так далеко от Египта, ставя все на карту. Птолемей согласился, велел отступать из Сирии и разорять захваченные города: Акен, Иоппию, Самарию и Газу. Антигон же в короткий срок восстановил свою власть в Сирии и Финикии.

В 309 г. до Р.Х. Птолемей предпринял еще один поход в Азию. Высадившись у Фасилиды и захватив этот город, он переправился затем в Ликию и взял Ксанф, потом приступил к Кавну и принял его сдачу. Из Минда он отправился в Грецию, высадился на Истме, овладел Сикионом и Коринфом и, оставив здесь свои гарнизоны, возвратился в Египет.

В 306 г. до Р.Х. Деметрий из Греции переправился на Кипр и осадил в Саламине Птолемея брата Менелая. Узнав об этом, Птолемей с войском также переправился на Кипр. С ним было 140 кораблей и 12 000 пехоты. Стараясь не допустить соединения двух армий, Деметрий вышел со своим флотом против Птолемея. После того как корабли вступили в бой, Птолемей одержал полную победу на своем фланге, но в это время Деметрий совершенно разгромил другой его фланг. В виду этого Птолемей не решился продолжать сражение и отступил. Он потерял в этом бою более ста своих кораблей, а сам остров Кипр перешел под

полный контроль Деметрия (Диодор: 20; 47-53). Узнав, что после этой победы Антигон и Деметрий провозгласили себя царями, египетское войско также немедленно увенчало Птолемея диадемой, чтобы он мог пользоваться у своих не меньшим авторитетом (Юстин: 15; 2).

Между тем Антигон решил предпринять поход в Египет. Он собрал огромную армию, а командование флотом поручил Деметрию. Но, как и предыдущий поход, предпринятый Пердиккой, этот окончился неудачей. Птолемей расположил на берегу многочисленные войска и катапульты, так что Деметрию не удалось нигде высадить десант. Неудаче способствовали сильный ветер и волнение на море. Антигон также, к великой своей досаде, ничем не мог помочь сыну, будучи отрезан полноводным Нилом. Ощущая сильный недостаток продовольствия, он принужден был увести свою армию (Диодор: 20).

Вместе с тем Птолемей и прочие вожди увидели, что Антигон будет одерживать победы над каждым из них поодиночке, пока они не объединятся. Обменявшись письмами, они назначили место, время и условия встречи и общими силами стали готовиться к войне. Решающая битва при Ипсе произошла в 301 г. до Р.Х. В этом сражении Антигон пал, а Деметрий спасся бегством.

Некоторое время спустя, не придя к окончательному соглашению при дележе добычи, союзники снова обратили оружие друг против друга. Селевк объединил свои силы с Деметрием, а Птолемей с Лисимахом (Юстин: 15; 2, 4). Эта новая война велась уже далеко от пределов державы Птолемея и не требовала от него того напряжения, что прежде, поэтому вторая половина его царствования прошла в относительном покое. Он умер в глубокой старости, прославленный своими великими делами. Еще до своей болезни он, вопреки праву, передал свое царство младшему из сыновей, Птолемею Филадельфу (Юстин: 16; 2). В подражание Александру Птолемей имел нескольких жен. Еще в первые годы своего правления он из политических соображений взял в жены Эвридику, дочь Антипатра. Уже имея от нее детей, он влюбился в Беренику, которую Антипатр послал вместе с Эвриди-кой в Египет. Именно ее сыну Птолемею он и передал после себя власть (Павсаний: 1; 6). Причины своего поступка он объявил народу, и поэтому народ с такой же благосклонностью принял нового царя, с какой отец передал ему власть. Среди других примеров взаимного уважения отца и сына особенно привлек народную любовь к молодому царю тот факт, что отец, всенародно передав царство сыну, нес далее службу как частный человек, в рядах царских приближенных, говоря, что быть отцом царя лучше, чем владеть самому любым царством (Юстин: 16; 2).

ПТОЛЕМЕЙ II ФИЛАДЕЛЬФ

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 283-246 гг. до Р.Х. Сын Птолемея I и Береники. Род. в 309 г. до Р.Х. Умер 246 г. до Р.Х.

Ж.: 1) Арсиноя, дочь фракийского царя Лисимаха; 2) Арсиноя, дочь Птолемея I (его родная сестра); 3) неизвестная.

Птолемей стал править страной еще при жизни отца (Юстин: 16; 2). Влюбившись в Арсиною, свою родную сестру и по отцу и по матери, он женился на ней, совершив то, что у македонцев ни в коем случае не позволялось, но что было в обычае у египтян, над которыми он властвовал. Затем он убил своего брата Аргея, будто бы посягнувшего на его жизнь. Он же перевез прах Александра из Мемфиса в Александрию. Птолемей убил и другого брата, рожденного Эвриди-кой, заметив, что тот побуждает жителей Кипра к отпадению от Египта (Павсаний: 1; 17).

В 280 г. до Р.Х., воспользовавшись тяжелым положением Сирийского царства, Птолемей отнял у Анти-оха I самые южные области Сирии, овладел даже Дамаском (Дропзен: 3; 1; 3). Брат Птолемея по матери, Мага, получивший благодаря Беренике наместничество в Кирене, в 274 г. до Р.Х. повел войско из Кирены на Египет. Птолемей, укрепив проходы, ожидал наступления киренских войск, но Мага так и не напал на него, так как вынужден был покорять отпавшие от него племена кочевых ливийцев. Птолемей хотел преследовать его, но тоже не смог этого сделать из-за начавшегося восстания наемников-галатов. Мага не успокоился на этом и втянул в войну азиатского царя Антиоха I. В 265 г. до Р.Х. Птолемей посылал к берегам Греции свой флот, чтобы действовать против македонского царя Антигона II Гоната (Павсаний:

1; 17). Но флот этот был разбит при Косе (Дройзен: 3; 1; 3). Позже Птолемей вел успешную войну с сирийским царем Антиохом II, отвоевал у него в Азии побережье Киликии и Ликийи (Дройзен: 3; 2; 1).

Дети у Птолемея родились не от сестры Арсиной, а от дочери Лисимаха. Сестра же его умерла бездетной (Павсаний: I; 17). По свидетельству Страбона, Птолемей отличался любознательностью и в силу телесной немощи постоянно искал новых развлечений и увеселений (Страбон: 17; 1; 5). Иосиф Флавий добавляет, что Птолемей основал в Александрии замечательную библиотеку, стараясь собрать в ней и перевести на греческий язык все книги, существовавшие на свете. Число книг в этом уникальном хранилище достигало будто бы полумиллиона экземпляров. Среди прочих на греческий язык была переведена и еврейская библия. Заинтересовавшись судьбой еврейского народа, Птолемей повелел освободить 100 000 пленных, выведенных его отцом из Иудеи (Флавий: «Иудейские древности»: 12; 2).

ПТОЛЕМЕЙ III ЭВЕРГЕТ

Царь Египта из рода Птоlemeидов, правивший в 246-222 гг. до Р.Х. Сын Птолемея II. Ж.: Береника, дочь киренского царя Мага.

Птолемей, женившись на дочери киренского царя, присоединил к Египту Киренаику (Дройзен: 3; 2; 2). Сестра Птолемея Береника была замужем за Антиохом II, царем Азии. После смерти мужа ее пасынок Селевк II захотел убить свою мачеху. Береника вместе с малолетним сыном бежала. Птолемей с войском поспешил на помощь сестре, но ее убили прежде его прихода. Тем не менее поход Птолемея был очень удачен. Он захватил всю Сирию и Месопотамию, и, если бы царь внезапно не был отозван в Египет, где началось восстание, он мог бы покорить все царство Селевка (246 г. до Р.Х.). Уладив домашние дела, Птолемей возобновил войну и в 243 г. до Р.Х. нанес Селевку новое поражение (Юстин: 27; 1-2). В результате этих войн Птолемей присоединил к своему царству всю Сирию (Дройзен: 3; 2; 2).

ПТОЛЕМЕЙ IV ФИЛОПАТР

Царь Египта из рода Птоlemeидов, правивший в 221-205 гг. до Р.Х. Сын Птолемея III.

Немедленно после смерти отца Птолемей погубил мать и своего брата Магаса. Потом, как будто успешно совершив некий подвиг, он предавался всевозможным излишествам, причем весь его двор стал подражать нравам царя. Даже войско пребывало в праздности, оставив занятия военным делом (Юстин: 30; 1).

Все время царствования Птолемей проводил в веселье, непристойной любви и неумеренных и непрерывных попойках. Беспечный и труднодоступный для придворных и прочих чинов Египта, он был небрежен и равнодушен по отношению к людям, ведавшим внешнегипетскими делами. Между тем предшественники его обращали на них не только не меньшее, но скорее большее внимание, нежели на управление Египтом. Потому они и угрожали царям Сирии с суши и моря, ибо владели Койлесирией и Кипром. Они зорко следили за владыками Азии, а равно за островами, ибо господствовали над важнейшими городами, областями и гаванями на всем морском побережье от Памфилии до Геллеспонта и до области Лисимахийи. Они же наблюдали за делами Фракии и Македонии, так как во власти их были города Эн, Маронея и другие, лежащие еще дальше. Таким образом, предшественники Птолемея далеко простирали свои руки и издали себя этими владениями, поэтому им нечего было бояться за власть над Египтом. Отсюда понятно, почему они обращали больше внимания на внешние владения. Как и следовало ожидать, очень скоро нашлись люди, которые стали злумышлять на жизнь и власть нынешнего царя (Полибий: 5; 34).

В 219 г. до Р.Х. царь Азии Антиох III захватил у Птолемея много городов в Койлесирии. Испуганный Птолемей посылал к Антиоху посольство за посольством, чтобы несколько задержать его и тем временем собраться с силами. Затем, набрав в Греции большое войско, Птолемей дал удачное сражение при Рафии (217 г. до Р.Х.). Он мог бы после этого отнять у Антиоха его царство, если бы его доблесть пришла на помощь его счастью. Но Птолемей,

удовлетворившись возвращением городов Койлесирии, заключил мир и с радостью ухватился за возможность вернуться к мирной жизни. Утопая в наслаждениях и роскоши, он убил свою жену Эвридику, приходившуюся ему сестрой, и пленился прелестями гетеры Агафоклеи. Забыв совершенно о величии своего сана и высокого положения, он проводил ночи в разврате, а дни в пирах. Развлечения сопровождалась сладострастной музыкой, причем царь был не только зрителем, но и устроителем этих безобразий и сам играл усладительные мелодии. Сперва это были тайные язвы и скрытые беды разлагавшегося царского двора.

Но с течением времени распущенность все росла, и дерзость гетеры уже не могла оставаться в пределах дворцовых стен. Ежедневные развратные сношения царя с братом ее Агафоклом, распутным и угодливым красавцем, сделали ее еще более наглой. К Агафоклее и Агафоклу присоединилась их мать Энанфа, забравшая в свои руки царя, совершенно обольщенного прелестями обоих детей. Не довольствуясь властью над царем, эта семейка захватила власть и над государством: они стали показываться в общественных местах, их приветствовала и сопровождала свита. Ага-фокл, постоянно находившийся при царе, правил государством, а обе женщины распоряжались раздачей должностей. И не было человека во всем царстве, который обладал бы меньшей властью, чем сам царь.

Наконец Птолемей умер, оставив после себя пятилетнего сына от своей сестры Эвридики. Смерть царя долго скрывали, а тем временем женщины расхищали царскую казну и, сойдясь с подонками общества, пытались захватить власть. Когда же весть о смерти Царя разнеслась по Александрии, Агафокл был убит сбежавшейся толпой (202 г. до Р.Х.), а женщины в отместку за Эвридику были распяты (Юстин: 30; 1-2).

ПТОЛЕМЕЙ V ЭПИФАН

Царь Египта в 205-180 гг. до Р.Х. из рода Птолемидов. Сын Птолемея IV и его сестры Эвридики.

В то время, когда Птолемей был мал, сирийский царь Антиох III пошел на него войной и присоединил к своему царству принадлежащие Египту Келесирию и Иудею. Птолемей выслал против сирийцев своего полководца Скопаса, которому удалось занять множество сирийских городов и вновь вернуть Иудею. В 198 г. до Р.Х. Антиох победил Скопаса в битве при Панин у истоков Иордана и при этом уничтожил значительную часть его войска (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 3; 3). После этого Антиох заключил дружественный союз с Птолемеем, выдал за него замуж свою дочь Клеопатру и уступил ему в виде приданного за нею Келесирию, Финикию и Иудею (Флавий: «Иудейские древности»; 12; 4; 1).

ПТОЛЕМЕЙ VI ФИЛОМЕТР

Царь Египта в 180-145 гг. до Р.Х. из рода Птоlemeидов. Сын Птолемея V и Клеопатры I, дочери Антиоха III.

Подобно своему отцу, Птолемей сделался царем в очень юном возрасте. По свидетельству Юстина, он был настолько бездеятелен и ослаблен ежедневными излишествами, что не только перестал исполнять обязанности, присущие царскому сану, но от чрезмерного ожирения лишился даже рассудка (Юстин: 34; 2). По словам же Полибия, Птолемей был человек добрый и великодушный, как ни один из предшествовавших ему царей. Но он часто терял самообладание и предавался чисто по-египетски излишествам и распутству. В таком состоянии он и навлек на себя все беды (Полибий: 39; 18).

Большим безрассудством со стороны Птолемея было затеять войну с Антиохом IV Сирийским, царем деятельным и способным (Полибий: 27; 19). Яблоком раздора уже не в первый раз послужила Келесирия. Эту землю сирийцы почитали своей после того, как в битве при Панин Антиох III наголову разбил египтян. Птолемей же считал, что Антиох несправедливо удерживает Келесирию, отданную, согласно договору, в приданное за Клеопатрой I, когда та выходила замуж за его отца (Полибий: 28; 20). В 170 г. до Р.Х. Антиох IV выступил против Птолемея. Одолев египтян в морском сражении при Пелузии, он срочно

навел мост через Нил, переправил по нему войско и пошел на Александрию (Ливий: 44; 19). Когда стало понятно, что война проиграна, александрийцы подняли восстание, изгнали Филометра, а вместо него приняли к себе младшего брата Фискона. Филометр же, захватив с собой деньги и предоставив царство неприятелю, укрылся на Самофракии. Антиох немедленно при посредничестве родос-цев помирился с ним и объявил себя защитником его интересов (Полибий: 28; 21, 23). Он осадил Александрию, но вскоре оставил тщетные попытки взять ее. Тогда, покорив остальной Египет, Антиох сделал старшего брата царем в Мемфисе, а сам ушел с войском в Сирию, чтобы напасть на того из братьев, который окажется победителем в междоусобной войне (169 г. до Р.Х.). Для Птолемея намерение Антиоха отнюдь не было тайной, и он рассудил так: пока младший брат устрешен осадой, нужно возвратиться в Александрию. И он стал слать письма: сперва к своей сестре Клеопатре II, которая находилась там же в Александрии, а потом к брату - убеждая заключить мир. Он объяснил, что Антиох стал ему подозрителен, когда, передав ему Египет, оставил в Пелузии сильный гарнизон. Стало ясно, что ключ от Египта у Антиоха в руках и при желании он сможет в любое время вернуться туда с войском, а усобица между братьями ослабит их так, что победитель уже не сможет противостоять Антиоху. Младший брат и его люди согласились с разумными доводами старшего, да и сестра помогла - советами, а еще больше мольбами. Так, с общего согласия, был установлен мир, и старший Птолемей вновь водворился в Александрии, не встретив сопротивления даже у городской толпы, истощенной осадой, а затем голодом. Менее всех такое положение вещей устраивало Антиоха. Когда Птолемей прислал к нему послов с благодарностью за возвращение отцовского царства, Антиох потребовал передать ему Кипр, Пелузий и земли вокруг Пелузийского устья Нила. Но Птолемей отказался покупать мир такой ценой. Он отправил послов в Рим молить о заступничестве. Тем временем Антиох во второй раз овладел всем Египтом и подходил уже к Александрии. По дороге ему встретились римские послы, отправленные специально для того, чтобы запретить сирийцам продолжать войну. Прочитав недвусмысленное требование сената, Антиох, скрепя сердце, подчинился и ушел вон из страны (168 г. до Р.Х.) (Ливий: 45; 11-12).

Братья решили править совместно, но уже в 163 г. до Р.Х. между ними начались распри, и Фискон изгнал Филометра. Последнему пришлось опять искать защиты у римлян. Сенат восстановил его власть, римские послы произвели раздел Египетского царства между братьями (Ливий: 46). В 162 г. Фискон ездил в Рим с жалобами на брата, просил прибавить к своим владениям (он получил Кирену) еще и Кипр. Поначалу римляне встали на его сторону. Но когда посольство прибыло в Александрию, Филометр сумел убедить их в своей правоте. Таким образом, раздел остался без изменений (Полибий: 31; 18, 27). В последующие годы препирательства и споры из-за Кипра продолжались. Наконец, в 155 г. до Р.Х. сенат постановил отдать его Фискону (Полибий: 33; 8).

В 150 г. до Р.Х. Птолемей выдал свою дочь Клеопатру замуж за сирийского царя Александра Баласу и заключил с ним дружественный союз. Три года спустя, когда против Александра выступил другой претендент на Сирийский престол, Деметрий II, Птолемей явился в Сирию с флотом и сухопутным войском, чтобы поддержать своего зятя. По повелению Александра, все города оказывали ему радушный прием. Но когда Птолемей прибыл в Птолемаиду, его, против всякого ожидания, едва не убили. Во главе злоумышленников стоял Аммоний, один из приближенных царя Александра. Птолемей написал Александру письмо с требованием наказать Аммония. Когда же тот взял Аммония под свою защиту, Птолемей понял, что зять сам злоумышлял против него.

Страшно раздосадованный Филометр вернулся в Египет, упрекая себя за то, что выдал дочь свою за Александра, равно как и за то, что вступил с ним в союз против Деметрия. Поэтому он разорвал с ним все родственные узы и отнял у него свою дочь. Затем он немедленно послал к Деметрию для переговоров о заключении с ним дружественного союза, причем обещал ему выдать за него дочь и вернуть отцовское царство. Деметрий очень обрадовался этому предложению, немедленно заключил с ним союз и вступил в брак с его дочерью. Птолемею оставалось теперь устранить последнее затруднение, а именно, уговорить антиохийцев признать Деметрия, так как анти-охийцы были не расположены к нему, помня о беззакониях его отца. И все же Птолемею удалось уладить это дело. Едва он прибыл в

Антиохию, войска провозгласили его сирийским царем. Таким образом, ему по необходимости пришлось возложить на себя две короны: азиатскую и египетскую. Однако, будучи человеком вполне порядочным, справедливым и нелю-бостязательным, да к тому же и очень прозорливым в государственных делах, Птолемей решил отказаться, чтобы не вызвать зависти к себе со стороны римлян. Поэтому он созвал антиохийское народное собрание и стал уговаривать их принять к себе Деметрия. Сам Птолемей предлагал себя в руководители и наставники Деметрию. Такими речами он убедил антиохийцев принять к себе Деметрия.

После того как Александр во главе огромного войска и с большими боевыми запасами двинулся из Киликии в Сирию, предавая область антиохийцев огню и мечу, Птолемей выступил против него со своим зятем Деметрием; союзники разбили Александра и обратили его в бегство.

В битве лошадь Птолемея, испугавшись рева слона, сбросила с себя своего всадника; враги же, увидев это, устремились на царя, нанесли ему множество ран в голову и бросили его, подвергнув смертельной опасности. Телохранители царя, однако, отбили его, но старик был в таком тяжелом положении, что в течение четырех дней не мог произнести ни слова и даже не приходил в сознание. На пятый день он очнулся и пришел в себя (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 4; 1, 5-8). Умер Птолемей во время лечения, когда врачи начали просверливать ему череп (145 г. ДО Р.Х.) (Ливий: 52).

ПТОЛЕМЕЙ VII ФИСКОН

Соправитель Птолемея VI в 170- 164 гг. до Р.Х. Царь Кирены в 163 - 145 гг. до Р.Х. Царь Египта в 145 - 116 гг. до Р.Х. Сын Птолемея V и Клеопатры Первой, дочери Антиоха III.

В 170 г. до Р.Х. Птолемей был призван на престол александрийцами, прогнавшими его старшего брата Филометра, а в следующем году он был осажден в Александрии сирийским царем Антиохом IV, который объявил, что намерен защищать интересы старшего брата. Хотя сирийцам и не удалось овладеть городом, Фискон, стесненный со всех сторон, принял мирные предложения Птолемея Филометра. Братья договорились править сообща (Ливий: 45; И-12). Но едва ли можно было рассчитывать на длительный мир между ними. В 163 г. до Р.Х. Фискон поднялся на старшего брата и изгнал его из страны. Римлянам опять пришлось вмешаться в смуту. Под их руководством царство было разделено между братьями. Филометру достался собственно Египет, а Фискону отошла Кирена (Ливий: 46).

В 162 г. до Р.Х. Фискон приплыл в Рим ради того, чтобы отменить произведенный раздел; при этом он уверял, что согласился на предъявленные к нему требования не по доброй воле, но по необходимости. Он просил сенат отделить ему Кипр, ибо и в этом случае его доля была бы гораздо меньше, чем брату. Филометр тоже прислал в Рим послов, которые показали, что только благодаря вмешательству старшего брата младший Птолемей смог получить Кирену. Не будь этого, он бы вообще остался без надела, так неприязненно и зло был настроен против него народ. Сенат все же принял сторону Фискона и отправил в Египет новое посольство для более справедливого раздела страны. При этом сенаторы, конечно, исходили из собственных интересов. Понимая огромную силу Египта, римляне боялись, как бы он, получив искусного правителя, не предъявил неумеренных притязаний. Вместе с римскими послами Фискон приплыл в Апис. Послы отправились в Александрию, но здесь, после многих разговоров со старшим Птолемеем, стали все более склоняться на его сторону. Тем временем к младшему Птолемею пришла весть о возмущении киренцев; в восстании принял участие Птолемей Симптесис, египтянин по происхождению, которому царь на время своего отъезда в Рим доверил управление государством. Из страха потерять свою законную собственность царь оставил в стороне все прочие заботы и направился к Кирене. По прибытии к так называемой Великой Стремнине Птолемей нашел теснины занятыми ливийцами вместе с киренцами. Натолкнувшись на это препятствие, он посадил на суда половину своего войска с тем, чтобы оно обошло теснины и явилось в тылу неприятеля; противник отступил, и Птолемей овладел проходом. Отсюда он в семь дней прошел пустыню. Киренцы в количестве восьми тысяч ожидали его в поле. Они знали уже характер Птолемея по его образу действий в Александрии, и находили в нем черты тирана, а не царя. Поэтому киренцы не могли по доброй воле отдать себя

во власть Фискона и ради сохранения свободы готовы были вынести всяческие труды. Узнав о приближении царя, они тотчас выступили против него, и в конце концов Птолемей был побежден. (Полибий: 31; 18, 26-27). Тем не менее киренцам все же пришлось принять к себе Фискона, а в 155 г. до Р.Х. он отсудил в римском сенате в свою пользу также Кипр (Полибий: 33; 8).

В 145 г. до Р.Х. Филометр погиб в Сирии. Тогда египетские послы явились к Фискону в Кирену и предложили царскую власть, а в жены - его сестру, царицу Клеопатру II, вдову его брата. Сама царица хотела возвести на престол своего сына Птолемея Неоса. Фискон знал, что того же желают многие влиятельные люди в государстве. Поэтому, будучи враждебно настроен против всех, Птолемей, как только прибыл в Александрию, приказал умертвить сторонников мальчика. Самого же Неоса он убил в объятиях матери в день свадьбы, когда вступил с ней в брак, и взошел на ложе своей сестры, обагренный кровью ее сына.

После этого Птолемей показал себя не менее жестоким по отношению к своим подданным, которые призвали его на царство. Иноземным солдатам было дано разрешение на убийство, и ежедневно проливалось море крови. Сестру свою он прогнал после того, как изнасиловал ее дочь, девушку, которую и взял себе в жены (в 142 г. до Р.Х.). Перепуганное население стало разбегаться во все стороны из страха смерти. Таким образом, Птолемей остался в огромном городе один со своими приближенными. Когда он увидел, что царствует не над людьми, а над пустыми зданиями, то особым эдиктом призвал иностранцев.

Лицом Птолемей был безобразен, низок ростом; большой живот делал его похожим не на человека, а на животное. Гнусность его вида увеличивала чрезмерно тонкая и прозрачная ткань его одежды, как будто он задался целью искусно выставить на показ то, что скромный человек стремится обычно тщательно прикрыть. Прибывшие отовсюду иноземцы вскоре возненавидели царя не меньше, чем сами египтяне. Тогда Птолемей стал опасаться заговора и тайно отправился в изгнание. В 132 г. до Р.Х., после того как Клеопатра II подняла против него восстание в Александрии, он бежал на Кипр. Птолемей уплыл вместе с сыном, которого он имел от сестры, и с женой, Клеопатрой III, соперницей матери. Набрав наемное войско, Птолемей начал войну против сестры. Но прежде он вызвал из Кирены своего собственного сына и убил его, чтобы жители Александрии не провозгласили этого сына царем в противовес ему. После этого народ ниспроверг статуи Птолемея и уничтожил его изображения. Птолемей убил и того сына, которого имел от сестры, а труп убитого приказал рассечь на куски, сложить в ящик и поднести матери в день ее рождения во время пира (Юстин: 38; 8, 9).

Клеопатра II, нагрузив на корабль египетские богатства, бежала в Сирию (в 129 г. до Р.Х.) и стала побуждать тамошнего царя Деметрия II, женатого на ее дочери, начать с Птолемеем войну. Узнав об этом, Птолемей отправил в Сирию большое войско во главе с Александром Забиной. Тот захватил страну, убил Деметрия и сделался царем. Но, получив все благодаря Птолемею, Александр стал пренебрежительно относиться к нему. Птолемей послал новое войско в поддержку Антиоху VIII, сыну Деметрия, и посадил его на царство (в 123 г. до Р.Х.). К этому времени он уже помирился со своей сестрой Клеопатрой II.

Так благополучно сложилась судьба этого Птолемея, который одолел всех своих врагов вне и внутри государства и умер в 116 г. до Р.Х., завещав царство своей жене Клеопатре III (Юстин: 39; 1, 2).

ПТОЛЕМЕЙ VIII НЕОС

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 145 г. до Р.Х. Сын Птолемея VI и Клеопатры II.

После смерти Птолемея VI в 145 г. до Р.Х. мать при поддержке многих знатных людей возвела на престол маленького Неоса. Однако брат умершего царя, Птолемей VII Фискон, в 144 г. сверг племянника и убил его в объятиях матери (Юстин: 38; 8).

ПТОЛЕМЕЙ IX ЛАФУР

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 116-108, 89-81 гг. до Р.Х. Сын Птолемея VII и Клеопатры III.

Умирая, Птолемей VII завещал Египет своей жене и тому из сыновей, которого она выберет в соправители (Юстин: 39; 3). Хотя Лафур был старшим из ее сыновей, Клеопатра не хотела допустить, чтобы он занял престол. Еще раньше она добилась от его отца, чтобы Лафур был послан на остров Кипр. Называют разные причины такого нерасположения Клеопатры к сыну, между прочим и ту, что младший из сыновей, Александр, как она надеялась, будет ей более других послушен. Поэтому она склоняла египтян выбрать царем Александра. Но так как население противилось ее желанию, она назначила соправителем Лафу-ра (Павсаний: 1; 9; 1). Однако, прежде, чем передать ему царство, мать отняла у Птолемея жену (и сестру) Клеопатру IV. Вместо этой горячо любимой женщины она заставила его жениться на младшей сестре, Селене, а Клеопатру выдала замуж за сирийского царя Антиоха IX Кизикена.

Однако и после этого Клеопатра тяготилась своим старшим сыном и в 108 г. до Р.Х. возмутила против него народ (Юстин: 39; 3). Она поранила тех из евнухов, кого считала наиболее преданными себе, и вывела их показать народу, как будто она сама подверглась нападению со стороны Птолемея. Александрийцы бросились убивать Птолемея, но так как он успел предупредить их, бежав на корабле, то они избрали царем прибывшего с Кипра Александра (Павсаний: 1; 9; 2). Клеопатра вновь разлучила нелюбимого сына с женой, на этот раз с Селеной (которую отдала в жены тому же Антиоху IX) и заставила отправиться в изгнание. Птолемей бежал на Кипр (Юстин: 39; 4).

В это время иудейский царь Ян-най осадил Птолемаиду. Поскольку сирийские цари поглощены были взаимной борьбой, жители послали за помощью на Кипр к Птолемею. Царь высадился в Сирии с 30-тысячным войском и заставил Ян-ная снять осаду. Но горожане из страха перед Клеопатрой отказались впустить Птолемея в свой город. Тогда он сам осадил Птолемаиду. Одновременно Птолемей двинулся против Иудеи, взял штурмом Асо-ху и увел оттуда 10 000 пленных. Затем он переправился через Иордан и сразился с Яннаем в местности Асофон. Несмотря на то, что иудеев было почти в два раза больше, они потерпели полное поражение. Египтяне захватили множество пленных женщин и детей. Птолемей приказал всех их перерезать и порубить на мелкие части, а затем бросить в котлы с кипятком, чтобы иудеи почитали его солдат за людоедов и еще больше боялись их. Когда в Птолемаиде узнали об этой победе, город сдался (Флавий: 13; 12; 3-6).

Клеопатра не могла спокойно отнестись к тому, что усиливается могущество ее сына и Птолемей как бы уже находится перед воротами в ее царство и, благодаря своей силе, нагоняет страх на весь Египет. Поэтому она немедленно выступила против него с флотом и войском. Пока царица осаждала Птолемаиду, Птолемей поспешно двинулся на Египет, рассчитывая овладеть им теперь, когда тут не было войска. Однако он потерпел полную неудачу и с уроном отошел в Келесирию. Зиму царь провел в Газе и, не надеясь больше ничего добиться, уплыл обратно на Кипр. После этого его мать овладела Птолемаидой и заключила союз с иудейским царем Яннаем (Флавий: 13; 13; 1, 2).

В 89 г. до Р.Х. Клеопатра была убита своим младшим сыном, а затем и сам Александр был изгнан из страны. Птолемей наконец смог вернуться на родину и занять престол (Юстин: 39; 5). Он начал войну с отпавшими фиванцами и, подчинив их себе на третий год после отпадения, так разорил их, что у жителей Фив не осталось даже воспоминания об их прежнем благополучии. Немного спустя после этого Птолемея постигла смерть (Павсаний: 1; 9; 3).

ПТОЛЕМЕЙ X АЛЕКСАНДР

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 108-89 гг. до Р.Х. Сын Птолемея VII и Клеопатры III.

Птолемей был любимцем своей матери, и именно его она хотела видеть своим соправителем, однако по настоянию народа в 116 г. до Р.Х. египетским царем стал Птолемей GX. В 108 г. до Р.Х. Клеопатра возмутила против него александрийцев и добила его изгнания. Царскую власть она передала Александру, надеясь, что он будет ей более послушен. Но и Александр испугался жестокости своей матери и добровольно покинул ее, предпочитая власти

спокойную частную жизнь. Потом, поддавшись на уговоры, он вновь принял царство, а когда Клеопатра и против него повела тайные интриги, он, опередив мать, убил ее. Но как только стало известно, что мать убита преступным сыном, тотчас сбежался народ, и Александр был изгнан, а Птолемей IX был призван обратно (Юстин: 39; 4-5).

ПТОЛЕМЕЙ XI СОТЕР

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 80 г. до Р.Х. Сын Птолемея IX.

Птолемей прожил большую часть жизни вдали от Египта и для того, чтобы занять трон, должен был жениться на своей мачехе и двоюродной сестре Беренике. Береника была значительно старше своего мужа, очень честолюбива и так же, как он, рвалась к единовластию. На 19-й день супружества Птолемей велел убить ее. Когда об этом преступлении стало известно в Александрии, в городе начались волнения. Разъяренная толпа ворвалась в царские покои, Птолемея выволокли из дворца и учинили над ним кровавую расправу в здании гимназия (Кравчук: 1).

ПТОЛЕМЕЙ XII АВЛЕТ

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 80-58, 56-51 гг. до Р.Х. Сын Птолемея IX.

После убийства Птолемея XI не оказалось законных наследников из рода Птолемеев. Однако у Птолемея IX имелись два побочных сына, рожденных им от наложницы. Во время переворота 80 г. оба они жили в Сирии. Александрийцы вызвали их и старшего сделали царем Египта, а младшему передали под управление Кипр (Кравчук: 1). По свидетельству Страбона, свое прозвище («Флейтист») Птолемей получил за то, что, помимо беспутного образа жизни, играл на флейте, сопровождая хором, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце. В 58 г. до Р.Х. он за свою жестокость был изгнан из Египта и бежал в Рим искать поддержки.

Тем временем александрийцы передали власть над страной старшей дочери царя Беренике. В мужья ей сначала пригласили некоего Кибисака из Сирии, который претендовал на происхождение от сирийских царей. Царица, однако, уже через немного дней велела задушить этого человека, не будучи в состоянии переносить грубость и низость его характера; вместо него явился человек, который выставлял себя сыном Митридата Евпатора; это был Архелай, жрец из Коман в Понте. Между тем Помпей, приняв Авлета, который прибыл в Рим, рекомендовал его сенату и добился не только его восстановления на престоле, но даже смерти большей части послов (числом 100), которые участвовали в посольстве против него. Сирийский проконсул Габиний, которому Птолемей посулил за помощь 10 000 талантов, с римским войском разбил захватившего власть Архелая и вернул Птолемею его державу. Восстановленный на престоле, Птолемей убил не только Архелая, но и собственную дочь. Прибавив немного дней к годам своего царствования, Птолемей скончался от болезни (Страбон: 17; 1; 11).

ПТОЛЕМЕЙ XIII

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 51-47 гг. до Р.Х. Сын Птолемея XII Род. в 61 г. до Р.Х. Умер 47 г. до Р.Х.

После смерти Птолемея XII остались двое его сыновей и две дочери. Александрийцы провозгласили царями старшего мальчика Птолемея и его сестру Клеопатру (Страбон: 17; 1; 11). Птолемей был еще очень мал и всеми делами заправлял евнух Потин (Плутарх: «Помпей»; 77). Вскоре он поднял восстание и изгнал Клеопатру, которая в 48 г. до Р.Х. вместе с сестрой отплыла в Сирию. В это время Помпей, спасаясь бегством из Палефарсала, прибыл в Пелусий. Он искал в Египте убежище; сторонники царя сначала обещали ему помощь, а потом изменнически убили его (Страбон: 17; 1; 11). Цезарь, который явился в Египет следом за Помпеем, помирил Птолемея с сестрой. Вскоре египтяне напали на римлян, и Цезарю пришлось

вести с ними трудную войну. Сначала Птолемей находился в плену у Цезаря (Плутарх: «Цезарь»; 49); причем мальчика сторожили очень строго, отбросив всякие приличия (Дион: 42; 39). Но потом он получил свободу, так как обещал немедленно заключить мир. Вместо этого Птолемей встал во главе своей армии и повел с Цезарем решительную борьбу. Когда тот соединился на берегах Нила с подошедшей ему на помощь армией Митридата, Птолемей также выступил к Нилу со всеми своими силами. Этот бой оказался для царя роковым. Римляне взяли штурмом египетский лагерь, Птолемей пытался спастись на одном корабле, но корабль этот затонул вместе с ним и множеством других беглецов («Александрийская война»; 24, 28, 31).

ПТОЛЕМЕЙ XIV

Царь Египта из рода Птолемеев, правивший в 47 - 44 гг. до Р.Х., Сын Птолемея XII. Род. в 58 г. до Р.Х. Умер 44 г. до Р.Х.

Цезарь возвел Птолемея на престол после того, как его старший брат погиб в сражении с римлянами. В отправительницы ему он назначил сестру Клеопатру («Александрийская война»; 33). Когда Птолемею исполнилось пятнадцать лет, Клеопатра велела его отравить и дальше правила страной единолично (Флавий: «Иудейские древности»; 15; 4; 1).

ПТОЛЕМЕЙ XV ЦЕЗАРИОН

Царь Египта в 44-31 гг. до Р.Х. Сын Цезаря и Клеопатры VII.

Птолемей считался соправителем матери. После разгрома Антония в 31 г. до Р.Х. Клеопатра с большим богатством отправила его на корабле в Индию, но он вернулся с половины дороги, попал в руки римлян и был казнен по приказу Августа (Плутарх: «Антоний»; 82).

ПТОЛЕМЕЙ I АЛОРИТ

Царь Македонии в 369-365 гг. до Р.Х. Сын Аминты III.

В 369 г. до Р.Х. Птолемей убил брата, Александра II, и захватил власть благодаря своей мачехе Ев-ридики (которая также была его тещей и любовницей) (Юстин: 7; 5). Едва весть об этом преступлении дошла до Фив, один из ведущих вождей тамошних демократов Пелопид выступил походом в Македонию, так как был гарантом мира между братьями. Не имея собственных воинов, Пелопид нанял в Фессалии наемников. Птолемей тайком послал этим солдатам много денег, и многие из них перебежали на его сторону- Это вынудило Пелопида заключить с Птолемеем мир (Плутарх: «Пелопид»; 27).

В 365 г. до Р.Х. сводный брат Птолемея, Пердикка, убил его и сам овладел властью (Диодор: 15; 77).

ПТОЛЕМЕЙ II КЕРАВН

Царь Македонии в 280-279 гг. до Р.Х. Сын египетского царя Птолемея I Сотера. Ж.: Арсиноя.

Птолемей Керавн был сыном первой жены Птолемея I - Эври-дики. Незадолго до смерти Птолемей Лаг объявил своим наследником и соправителем младшего сына от Береники. Опасаясь преследований со стороны своего более удачливого брата, Птолемей бежал из Египта в Македонию к Лисимаху. Прозвище свое Керавн (Молния) Птолемей получил из-за того, что быстро и внезапно решался на смелые поступки и также стремительно претворял их в жизнь. Когда Лисимах был разбит Селевком I, Птолемей перешел на службу к победителю. Селевк принял его как несчастного сына своего старого друга, покровительствовал ему и всюду водил с собой. Узнав, что Селевк хочет ехать в Македонию, чтобы царствовать там, Птолемей по пути убил его и сам поехал помогать Македонскому царству. При этом Птолемей старался добиться расположения народа, как сын своего отца, Птолемея Великого, имя которого пользовалось

всеобщим уважением, и как мститель за смерть Лисимаха. Прежде всего, он решил привлечь на свою сторону сыновей Лисимаха и стал домогаться брака с их матерью, а своей сестрой Арсиной. Детей он обещал усыновить, чтобы, когда он заступит место их отца, они не могли ничего предпринять против него из почтения к матери и названному отцу. Брата своего, египетского царя, он просил письмом о примирении, говоря, что забыл обиду за похищенное им у него отцовское царство. Он всячески льстил брату, чтобы к Антигону Гонату, сыну Деметрия, и Дндихоу I, сыну Селевка, с которыми ему предстояло воевать, не прибавился еще третий враг (Юстин: 17; 2).

Все складывалось для Птолемея удачно. Он разбил Антигона Гоната (в 280 г. до Р.Х.) и захватил власть над всей Македонией. С Антиохом I был заключен мир, а еще с одним опасным соседом - эфирским царем Пирром - Птолемей породнился, выдав за него замуж свою дочь.

Избавившись от внешней опасности, Птолемей замыслил преступление против своих родичей и начал строить козни против своей сестры Арсиной с целью лишить жизни ее сыновей, а у нее самой отнять город Кассандрию. Он сначала действовал хитростью: притворившись влюбленным, стал просить сестру выйти за него замуж. Иным путем, кроме как разыгрывая из себя друга своей сестры, он не мог подобраться к ее сыновьям, царством которых завладел. Но сестра знала, что воля Птолемея всегда направлена ко злу. Поэтому Птолемей, в виду ее недоверчивости, стал ее уверять, будто хочет управлять государством совместно с ее сыновьями и будто он не потому сражался с ними, что хотел отнять у них царство, но потому, что хотел им его вернуть как дар из своих рук. Пусть, говорил он, она пошлет к нему свидетеля клятвы, которую он готов дать; в присутствии его он поклянется перед лицом отечественных богов и свяжет себя какими только захочет клятвами. Арсиноя колебалась, не зная, как ей поступить: послать - значило быть обманутой клятвoprеступником, если не послать, то надо опасаться ярости ее жестокого брата. Поэтому, больше опасаясь за своих детей, чем за себя, и считая, что своим браком она обеспечит безопасность своим детям, Арсиноя послала к Птолемею одного из своих друзей - Диона. Птолемей привел его в святилище Зевса, древнейшую македонскую святыню, и, возложив руки на жертвенник, коснувшись великих изображений и священных седалищ богов, поклялся несслыханными и самыми страшными клятвами в том, что совершенно искренне просит сестриной руки, поименует ее царицей, никогда не оскорбит ее, взяв другую жену, и не будет иметь других детей, кроме ее сыновей. После этого Арсиноя исполнилась надежд и, перестав бояться, сама переговорила с братом. Выражение его лица и глаза, полные ласки, обещавшие верность, не менее чем клятвы привели к тому, что она согласилась на брак с братом, несмотря на протесты своего сына Птолемея, убеждавшего мать, что ее обманывают.

Свадьба была отпразднована с большой пышностью на радость всем. Птолемей собрал также и войско и возложил венец на голову своей сестры, наименовав ее царицей. Это наименование привело Арсиною в восторг, так как она снова получила то, чего лишилась после смерти своего первого мужа Лисимаха. Она даже пригласила своего мужа в свой город Кассандрию, из-за желания обладать которым Птолемей и подстроил весь этот обман. Прибыв в Кассандрию раньше своего мужа, она объявила праздничным днем день его прибытия, приказала украсить дома, храмы и все улицы, всюду разместила жертвенники и жертвы. Сыновьям же своим, отличавшимся замечательной красотой, - шестнадцатилетнему Лисимаху и Филиппу, который был на три года моложе, - приказала, надев венцы, выйти навстречу Птолемею. Чтобы скрыть коварный замысел, Птолемей обнял их с горячностью, превосходившей искреннее и истинное чувство, и долго осыпал их поцелуями. Когда же шествие подошло к воротам, Птолемей приказал занять крепость, а мальчиков убить. Когда они подбежали к матери, их умертвили на ее лоне, в то время как она покрывала их поцелуями и вопрошала, чем она заслужила такую чудовищную кару: своим браком или своими поступками после свадьбы. Она неоднократно подставляла свое тело под удары убийц, и, обняв своих сыновей, своим телом защищала их, стараясь принять на себя раны, которые предназначались ее детям. Но, ей даже не дали похоронить своих сыновей, а выволокли вон из города в разодранной одежде, с распущенными волосами. Сопровождаемая лишь двумя молодыми рабынями, она удалась в изгнание в Самофракию, тем более убитая скорбью, что ей не суждено было умереть со своими сыновьями.

Между тем галлы, которым уже стало тесно в своей земле, послали 300 000 человек искать новых мест для поселения. Одни из них напали на Грецию, другие - на Македонию, сокрушая все своим оружием. Имя галлов внушало такой ужас, что даже те цари, которые еще не подверглись их нападению, покупали у них мир за громадные деньги. Один только Птолемей бестрепетно услышал весть о приближении галлов. Он вышел им навстречу с небольшим нестройным войском, с пренебрежением отнесся к предложению дарданцев предоставить помощь в 20 000 вооруженных воинов и добавил к этому еще оскорбление: дело ведь идет о Македонии, сказал он, если македонцы одни покорили весь восток, то неужели они теперь нуждаются в дарданцах для защиты земли своих предков? Когда эти слова были переданы царю дарданцев, тот сказал, что в скором времени славное Македонское царство падет из-за дерзости незрелого юнца. Предводитель галлов Белгий, желая испытать, какое настроение у македонцев, отправил к Птолемею посольство, предлагая мир, если он захочет его купить. Птолемей же среди своих приближенных хвастался, будто галлы добиваются мира, потому что боятся с ним воевать. Так же и перед послами он бахвалился не менее нагло, чем среди своих друзей. Он заявил, что не согласен даровать галлам мир, если они не выдадут ему в качестве заложников своих старейшин и не сдадут оружие. Когда послы сообщили об этом своим, галлы смеялись и говорили, что Птолемей вскоре почувствует, кому на пользу они предложили мир. Спустя несколько дней произошло сражение (в 279 г. до Р.Х.). Македонцы были побеждены и перебиты. Птолемей, покрытый многочисленными ранами, попал в плен. Ему отрубили голову, насадили ее на копьё и для устрашения врагов пронесли перед всем строем (Юс-тин: 24; 1-5).

ПТОЛЕМЕЙ

Царь Эпира из рода Пирридон, правивший с начала 30-х гг. до 231 г. до Р.Х. Сын Александра II.

В 231 г. до Р.Х. Птолемей выступил походом против этолийцев, чтобы вернуть захваченную ими Акарнанию, но умер, сраженный внезапным недугом (Юстин: 28; 3).

РОМАН I ЛАКАПИН

Византийский император в 920- 945 гг. 115 июня 948 г.

Роман происходил из города Лакапы в феме Ликанд. В 911 г. он был назначен стратигом острова Самос, а затем друнгарием (командующим) флота (Дашков: «Роман Лакапин»). В 917 г., в разгар войны с болгарами, императрица Зоя, управлявшая государством вместо своего сына, малолетнего Константина VII, отправила Романа и Иоанна Вогу на Дунай - привести союзных печенегов. Но между Иоанном и Романом начались распри и споры, и печенеги, видя, как они враждуют и ссорятся между собой, вернулись домой. По окончании войны и возвращении в город Романа и Воги против них было возбуждено обвинение, и Роман был приговорен к лишению глаз, поскольку он по нерадению и, того более, злокозненности не переправил печенегов и поспешно отступил, не взяв на суда спасающихся бегством ромеев (которые в это время были разбиты болгарами). И он подвергся бы этому наказанию, если бы приговор не был отменен стараниями его друзей.

В это время главный спальни-чий Константин стал вести интригу, собираясь возвести на престол своего зятя Льва. Когда об этом стало известно, Федор, воспитатель императора Константина, посоветовал ему приблизить к себе Романа, как служившего ему при отце и человека преданного. Сделавшись доверенным лицом императора, Роман тотчас арестовал спальни-чего Константина. В марте 919 г. он ввел свои корабли в дворцовую гавань Вуколеон и сделался хозяином положения. Советники Зои бежали. Константин, к которому перешла теперь власть, возвел Романа в сан магистра и назначил начальником своей гвардии. В апреле Роман сосватал за Константина свою дочь Елену, а уже в мае молодых обвенчали. Сделавшись тестем императора, Роман получил титул василео-патора и огромное могущество. Полководец Лев Фока попробовал поднять против него в Азии мятеж, но войска покинули его в самом начале. Осенью того же года раскрылось, что Зоя пыталась отравить Романа. Роман велел удалить ее из

дворца, отправить в монастырь св. Евфимии и постричь. В сентябре он был возведен Константином в сан кесаря, в декабре венчался императорской короной (Продолжатель Феофана: 6; 3; 10-14, 16-17).

В 920 г. Роман объявил соправителями своих сыновей, а императора Константина фактически отстранил от власти, хотя оставил ему весь внешний почет. Следующие двадцать пять лет он правил как неограниченный монарх. В первые годы его власти продолжалась тяжелая война с болгарами. В 922 г. болгары разгромили ромейское войско и подступили к Константинополю, в 923 г. царь Симеон захватил Андрианополь. Затем болгары опустошили Фракию и Македонию, все пожгли, повырубили и вновь подступили к столице. Роман сам отправился на переговоры с Симеоном и сумел наконец заключить с ним мир. После этого только в 941 г. окрестности столицы испытали новое нашествие - на 10 000 судов явилась под Константинополь русь. Патрикий Феофан напал на нее с огненосными кораблями, множество вражеских кораблей спалил, а другие обратил в бегство. Внешние враги были отражены, а внутренние усмирены. Однако опасность подстерегала Романа с другой стороны - 16 декабря 944 г. его собственные сыновья Стефан и Константин низложили его, сослали на остров Прот и постригли в монахи (Продолжатель Феофана: 6; 4; 1, 7, 9, 13, 15, 34, 39, 51, 55).

РОМАН II

Византийский император Македонской династии, правивший в 945-963 гг. Сын Константина VII, Род. в 939 г. Умер 15 марта 963 г.

Семнадцати лет от роду, еще при жизни Константина, Роман женился на дочери харчевника, Феофано (Анастасии) (Скилица). Хотя она и была незнатного рода, но превосходила всех женщин своего времени красотой и соразмерностью телосложения (Лев Диакон: 2; 10). Самодержавную власть Роман получил в 959 г. после смерти своего отца. Он имел кроткий нрав, был приятен в общении, приветлив и добр ко всем подданным (Лев Диакон: 1; 2). Образование его было посредственное, однако, несмотря на молодость, он казался сообразительным, остроумным и очень способным к делам и управлению. К несчастью, товарищи императора, предаваясь страстям юности, развратили его, сделали малоэнергичным и бездеятельным. Все попечение о делах он доверил спаль-ничему Иосифу Вринге, сам же ничего другого не имел в мыслях, как проводить время с развратными и испорченными людишками, похотливыми женщинами, мимами и шутами (Скилица). Бывало, по целым дням он охотился или забавлялся игрой в мяч, так что даже ноги его не было во дворце. Сестер своих он прогнал и постриг в монахини (Продолжатель Феофана: 6; 6; 3-4).

Отличаясь всегда крепким здоровьем, Роман скончался внезапно, едва дожив до 24 лет. По мнению одних, он умер, изнунив свою плоть позорнейшими и сластолюбивыми поступками. Но было и другое мнение - что его отравили ядом (Скилица), принесенным из женской половины дворца (Лев Диакон: 2; 10).

РОМАН III АРГИР

Византийский император, правивший в 1028 - 1034 гг. Род. ок. 968 г. Умер 11 апр. 1034 г.

Император Константин VIII, не имевший мужского потомства, незадолго до смерти в 1028 г. решил выдать свою дочь Зою за одного из своих сенаторов и завещать ему власть. Из всех возможных претендентов он выбрал Романа Аргири, так как тот был одним из первых членов синклита, возведенным к тому же в сан епарха. И родом и достоинством Роман был самым подходящим человеком, однако он был женат, и поэтому его женитьба на императорской дочери представлялась весьма затруднительной. Зная это, Константин сделал вид, будто сурово гневается на Романа, и объявил, что собирается подвергнуть его жестокому наказанию, а его жену принудить к отречению от мирской жизни. Не разглядев тайного замысла и не поняв, что царский гнев - одно притворство, жена сразу же обрезала себе волосы и ушла в монастырь. А Роман отправился во дворец и вступил в брак с Зоей. Через несколько дней Константин умер,

оставив престол зятю (Пселл: «Константин Восьмой»; 10).

Роман, по свидетельству Пселла, был воспитан на эллинских науках и приобщен к юриспруденции, отличался изящной речью, внушительным голосом, ростом героя и истинно царской внешностью. Поверив разным пророчествам, он вообразил, что даст начало роду, из которого выйдет много императоров; при этом он, казалось, не понимал, что дочь Константина уже вышла из возраста, когда можно забеременеть (ей было уже пятьдесят лет). Но собственные желания были для Романа выше неспособности тела, поэтому он, пренебрегая главным условием, без которого невозможно зачатие, обратился за помощью к тем, кто хвастал, будто они умеют одолевать и вновь возбуждать природу, и велел умащать и притирать свое тело, предписав то же самое своей жене. Однако, поскольку надежды не оправдались, император от всего этого отказался и стал уделять жене все меньше внимания. А был он и без того характером вялый и телом расслабленный. К тому же он наложил свою руку на императорскую казну и предписал жене жить на отмеренные ей суммы. Лишенная мужниной любви и не имея возможности тратить без счета деньги, та возненавидела супруга и советчиков, которых он слушался. Прежде всего Зоя обзавелась любовником, соблазнив молодого Михаила, родом из Пафлагонии, брат которого, евнух Иоанн, находился в услужении у Романа. Начав с поцелуев, они дошли до сожительства, и многие заставляли их, покоящимися на одном ложе. Михаил при этом смущался, краснел и пугался, а Зоя даже не считала нужным сдерживаться, на глазах у всех обнимала и целовала юношу и хвасталась, что не раз уже вкушала с ним наслаждения. Очевидное для всех оставалось тайной только для императора. Между тем Зоя, охваченная страстью, составила со своим любовником и его братом заговор против мужа. Сначала они одурманили его снадобьями, а потом стали подмешивать ему в пищу черемицу. Вследствие этого Романа постигла тяжелая и необычная болезнь: все его тело подверглось гниению и порче. Лицо его распухло и приобрело землистый цвет, а дыхание стало тяжелым и прерывистым. Однако он все не умирал, а те, кто обрек его на смерть, уже не имели терпения ждать. 11 апреля 1034 г. Роман отправился в одну из бань, расположенную неподалеку от царских покоев. Войдя в купальню, он вступил в вырытый посередине бассейн. Сначала он с удовольствием окунулся и легко поплыл. Затем в воду зашли некоторые из сопровождающих его. Едва Роман по своей привычке опустил голову под воду, они сдавили ему шею и довольно долго удерживали в таком положении под водой, а потом отпустили и ушли. Когда императора вытащили и перенесли на ложе, он уже не мог говорить, а ночью расстался с жизнью (Пселл: «Роман Третий»; 2, 5- 6, 19, 24-26).

РОМАН IV ДИОГЕН

Византийский император в 1068- 1071 гг. Род. в 1039 г. Умер 4 авг. 1072 г.

Роман происходил из древнего и богатого рода Диогенов. Отец его, Константин Диоген, при Романи III был обвинен в заговоре, и не дожидаясь конца следствия, покончил с собой. Сам Роман при Константине X был дукой Сердики и получил титул вестарха. Уже после смерти этого императора он начал организовывать заговор, был предан, доставлен в столицу и судим. Вдова умершего, императрица Евдокия, пожалела Романа и вместо смерти наказала его ссылкой в Каппадокию. По свидетельству Атталиата, Роман отличался исключительной красотой и мужественностью (Дашков: «Роман Диоген»). Между тем после смерти Константина Дуки власть перешла к трем его сыновьям - Михаилу, Константину и Андронику, но фактически сосредоточилась в руках их матери Евдокии. Она была женщина искушенная и опытная, способная заниматься любыми государственными делами (Пселл: «Роман Четвертый»; 1). Однако приближенные стали в один голос побуждать ее к вступлению во второй брак. Дела империи в это время складывались из рук вон плохо. Казна была пуста, армия развалилась, со всех сторон ромеев теснили враги: Южной Италией овладели норманны, в Азии одну победу за другой одерживали турки, а вся Болгария и Фракия были опустошены печенегами (Дашков: «Роман Диоген»). Поскольку дети ее были еще малы, императрице советовали избрать в супруги какого-нибудь доблестного мужа, которому можно было бы поручить войну с варварами. Евдокия остановила свой выбор на Романи и тайком вызвала его в Константинополь. 31 декабря 1067 г. она обвенчалась с ним, а на следующий день Роман был

коронован и провозглашен императором.

Пселл пишет, что Роману случалось порой выказывать прямой характер, однако чаще он был лукавым и кичливым. Выходя за него замуж, Евдокия рассчитывала сохранить за собой власть, но Роман очень недолго изображал покорность, а затем стал открыто проявлять неудовольствие. Он желал царствовать самодержавно и полновластно распоряжаться всеми делами. В марте 1068 г. император выступил против турок и несколько месяцев провел в походе. Весной следующего года он вновь двинулся в Азию. Итог этой двухлетней войны остался неопределенным: хотя ромеи не одержали победы, но и поражения не потерпели. Поскольку турки продолжали опустошать пределы империи, ранней весной 1071 г. Роман вновь выступил против них (Пселл: «Роман Четвертый»; 5, 9-13, 17). Достигнув Каппадокии, он узнал, что султан с войском движется на него. Одни советовали императору дожидаться врага в укрепленном месте, другие, наоборот, говорили, что нужно идти ему навстречу. Роман послушался вторых. На равнине перед Манцикертом произошло решительное сражение. Турецкая конница разбила правое крыло ромеев и окружила ту часть войска, которой командовал сам император. Будучи отрезан со всех сторон, Роман обнажил меч, умертвил многих врагов, но в конце концов раненый попал в плен. При этом были взяты в плен многие другие военачальники; прочие спаслись бегством. Казалось, что государству нанесен непоправимый урон, но, против ожидания, султан воспользовался своей победой очень умеренно. Он утешил пленника, разделил с ним трапезу, освободил для него тех узников, каких он сам Назвал, и наконец отпустил его самого из плена. В обмен Роман уступил ему несколько важных городов, в том числе Манцикерт и Антиохию. Получив свободу, он отправился в столицу, ни сколько не сомневаясь, что снова беспрепятственно вступит в управление ро-меями (Вриенний: 1; 13, 17, 19). Но в пути его застала весть, что самодержавная власть отобрана у него и передана пасынку Михаилу, сыну Евдокии и Константина X. Роман, не признавший этого переворота, готов был на все, чтобы овладеть престолом. Со всех сторон стали стекаться к нему воины. Борьбу против отчима Михаил VII поручил Константину Дуке. Тот сначала разбил Романа под Амасией, потом преследовал его до крепости Тиропей. Положение побежденного казалось отчаянным, но на помощь ему пришел кетапан Антиохии Хечатур, после чего война возобновилась с новой силой. Михаил VII отдал командование в руки другого своего двоюродного брата, Андроника Дуки. В новой битве Роман опять был разбит. Он укрылся в крепости Адана. Дважды побежденный, он ободрял своих людей и вселял в них надежды (на помощь ему должны были подойти турецкие отряды), но те предали его и открыли ворота. Схватив Романа, люди Андроника поспешно постригли его и переодели в монашеское платье. Затем Андроник встретил его в своей палатке, утешил и разделил с ним трапезу (Пселл: «Роман Четвертый»; 27, 32- 34, 36, 40-42). Пленника отправили в Константинополь и по дороге ослепили, придавив щитом в каком-то чулане. Неопытный палач должен был четыре раза опускать раскаленное железо в глаза Роману. После этого несчастного сослали в монастырь на остров Прот, где он вскоре умер (Дашков: «Роман Диоген»).

РОМУЛ АВГУСТУЛ

Римский император в 475-476 гг. Умер 476 г.

Отцом Ромула был магистр италийской армии Орест. В августе 475 г. он поднял в Равенне мятеж против императора Непота, а вступив в октябре в Рим, провозгласил императором сына Ромула (Федорова: Эпилог). Римляне ласково, как ребенка, называли его уменьшительным именем Августула, так как императорский престол он занял, будучи малышом. За него мудро правил его отец Орест, человек очень большого ума. Несколько раньше римляне приняли в качестве союзников скиров, аланов и другие готские племена. И насколько за это время военное положение варваров окрепло и пришло в цветущее положение, настолько значение римских военных сил пало; под благопристойным именем союза римляне испытывали на себе жестокую тиранию со стороны этих пришлых народов: в конце концов последние пожелали, чтобы римляне поделили с ними все земли в Италии. Они потребовали от Ореста, чтобы из этих земель он дал им третью часть, и, видя, что он не идет ни на какие уступки, тотчас убили его. В их среде был некий Одоакр, один из императорских телохранителей; он согласился выполнить

для них то, на что они заявили претензию, если они поставят его во главе правления. Захватив таким образом реальную власть, он передал варварам третью часть земель и тем самым крепко привязал их к себе (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 5; 1). Вступив в Равенну, Одоакр 23 августа 476 г. низложил Ромула. Однако его молодость и красота тронули Одоакра, и он даровал ему жизнь, пожаловал 6000 солидов и выслал в Кампанию с разрешением свободно жить с родственниками (Скржинская: 591). Местом его изгнания стали Лукулланские укрепления (Иордан: 242). Одоакр и сенат известили византийского императора Зинона, что не находят нужным сохранять далее для Италии императорскую власть, так как для обеих стран довольно одного Зинона, как общего их императора. Сенат просил Зинона даровать Одоакру достоинство патрикия и оставить ему управление италийцами (Малх: 12). Зинон, хотя и не сразу, исполнил их просьбу. Таким образом, Западная Римская империя прекратила свое существование.

СЕВЕРЫ

Римская императорская династия, правившая в 193-235 гг. Основана Септимием Севером.

СЕЛЕВК I НИКАНОР

Правитель и царь Азии в 312-281 гг. до Р.Х. Родоначальник СЕЛЕВКИДОВ. Сын Антиоха. Род. ок. 358 г. до Р.Х. Умер 280 г. до Р.Х.

Ж.: 1) Апама; 2) Стратоника, дочь македонского царя Деметрия I.

В юности Селевк был одним из «друзей» Александра Македонского. По общему свидетельству, он был велик телом и могуч. Рассказывают, что однажды при жертвоприношении дикий бык вырвался из пут, и Селевк один удержал его и голыми руками поверг на землю (Аппиан: 11; 57). Тем не менее в восточном походе Александра Селевк видной роли не играл. Он упомянут Аррианом лишь при описании переправы через Гидасп (Арриан: 5; 13). По возвращении из Индии Александр женил Селевка на дочери Спитамена Бактрийца (Арриан: 7; 4). После смерти Александра Селевк решением диадохов был поставлен верховным начальником над лагерями (Юстин: 13; 4) и конницей гетайров (Аппиан: 11; 57). После смерти Пердикки в 322 г. до Р.Х. Селевк, по решению Антипатра и Птолемея, получил в управление Вавилонию.

Во время войны Антигона против Эвмена (в 317 г. до Р.Х.) Селевк и Пифон были одними из немногих сатрапов, вставших на сторону Антигона. Когда Эвмен остановился на зимовку в Каррах, в Месопотамии, он отправил к Селевку в Вавилон нарочных с приказом вооружаться против Антигона. Селевк отвечал, что он готов помогать царям в нужде, но быть под началом Эвмена никогда не согласится. Эвмен встал с войском близ Тигра в 300 стадиях от Вавилона. Отсюда он собирался идти к Сузам. Но для этого надо было переправиться через реку, поскольку на этом берегу вся трава была вытравлена. Селевк и Пифон приплыли к месту переправы на двух кораблях, построенных еще Александром, и всячески уговаривали македонцев перейти на их сторону. Когда же те отказались, Селевк велел возобновить один старый канал, засорившийся от времени. Потоки воды хлынули прямо на лагерь Эвмена и затопили все окрестные места. Эвмен, по совету одного тамошнего жителя, велел рыть канал в низком месте и отвел воду. Видя это, Селевк прислал гонцов к Эвмену с просьбой о перемирии и позволил пройти через свою сатрапию. Одновременно он послал людей к Антигону, призывая его на помощь.

Явившись, Антигон сделал Селевка сатрапом в Сузах и поручил ему осаду крепости. Пифон принял участие в походе в глубь Азии и оказал при этом Антигону немаловажные услуги. Однако, опасаясь его возросшей популярности, Антигон велел казнить Пифона. Узнав об этом, Селевк насторожился. Он уже давно заподозрил Антигона в стремлении к царской власти и теперь ожидал от него враждебных действий. Предчувствия его не обманули. В 314 г. до Р.Х. Антигон после победы над Эвменом возвратился в Вавилон. Селевк почил его царскими

дарами и дал пир всему войску. Поначалу Антигон выказывал к Селевку дружеское расположение, но потом стал требовать от него отчета в доходах, собираемых со страны. Селевк отвечал на это, что получил Вавилонию от войска в награду за свои услуги и перед Антигоном отчитываться не обязан. Ссора между ними росла день ото дня, и Селевк, размышляя о судьбе Пифона, решил не испытывать судьбу. С 50 товарищами он задумал пробраться в Египет и бежал из Вавилона.

Египетский сатрап Птолемей принял Селевка очень радушно. Селевк много говорил ему о могуществе Антигона и о его намерении истребить всех сатрапов и прежних друзей Александра. Птолемей проникся его доводами и отправил от себя послов к Кассандру и Лисимаху, чтобы и тех поднять войной на Антигона.

Когда разжигаемая им война началась, Селевк во главе египетского флота прибыл на Кипр. Вскоре он взял Керипию и Лапиф, а Манейского царя Стасиика привлек на свою сторону. Один Киттей, осажденный со всех сторон, продолжал еще некоторое время оказывать сопротивление. Но как бы то ни было, Кипр надолго превратился в опорный пункт египтян, откуда они могли постоянно угрожать Антигону.

В 312 г. до Р.Х. Птолемей и Селевк в битве под Газой разбили Антигонова сына Деметрия. После этого Птолемей остался в Финикии, а Селевк стал просить у него войска для того, чтобы идти на Вавилон. Птолемей дал ему всего 800 человек пехоты и 200 конницы. Друзья, сопровождавшие Селевка в этом походе, считали его предприятие безумием, но Селевк твердо верил в прежнюю любовь к себе вавилонян. Вступив в Месопотамию, он привлек на свою сторону поселившихся в Карах македонцев. Когда же Селевк вошел в Вавилонию, множество жителей вышло к нему навстречу и обещало поддерживать во всех начинаниях. Все, кто сохранили дружбу с Антигоном, ушли в крепость, охраняемую Дифилом. Селевк осадил ее и взял штурмом, освободив всех заключенных здесь своих прежних друзей. После этого он набрал войско и, подкупая всех своей благожелательностью и уверенностью, вскоре склонил многих бороться за его дело.

Никанор, сатрап Мидии, и Евагр, сатрап Персии, выступили против Селевка с 10 тысячами пехоты и 7 тысячами конницы. Селевк пошел им навстречу с 3 тысячами пехоты и 400 конницы. Он переправился через Тигр и, узнав, что враг находится неподалеку, скрыл воинов в ближайших болотах. Никанор подошел к Тигру и стал здесь лагерем. Ночью Селевк напал на спящих. Евагр был убит. После этого многие воины перешли на сторону Селевка. Никанор с теми немногими, которые остались ему верны, бежал, а Селевк подчинил себе Мидию и Сузиану (Диодор: 19).

Этими победами было положено начало образованию державы Селевкидов. Отрезанные от Антигона правители дальних восточных сатрапий постепенно признавали власть Селевка. Вскоре ему покорилась Бактрия. В 306 г. до Р.Х., узнав, что Антигон и Деметрий провозгласили себя царями, Селевк тоже стал надевать диадему при встречах с греками. Ведя дела с варварами, он уже и прежде именовал себя царским титулом (Плутарх: «Деметрий»; 18). Около 305 г. до Р.Х. Селевк двинулся к границам Индии, которая после смерти Александра как бы сбросила ярмо рабства со своей шеи, причем были убиты поставленные царем наместники. Восстанием руководил Чан-драгупта, который после победы провозгласил себя царем. Селевк заключил с Чандрагуптой мир (Юстин: 15; 4). Земли, лежащие возле Инда, Селевк отдал Чандрагупте, заключил с последним соглашение о взаимных браках и получил в обмен 500 слонов (Страбон: 15; 2).

Уладив дела на востоке, Селевк двинулся против Антигона. После того как он соединился с войсками Птолемея и Лисимаха в 301 г. до Р.Х. было дано сражение при Ипсе (Юстин: 15; 4). В начале сражения Деметрий с многочисленной и отборной конницей ударил на Анти-оха, сына Селевка, и обратил неприятеля в бегство. Однако он слишком увлекся преследованием и оставил фалангу без прикрытия. Это не укрылось от взора Селевка, который не напал на пехоту, а только теснил ее, грозя нападением и как бы призывая перейти на его сторону. Так оно и было: значительная часть фаланги откололась и сдалась, остальные пустились бежать. Антигон был убит.

После битвы цари-победители расчленили всю державу Антигона и Деметрия, словно некое огромное тело, и, поделив ее между собой, присоединили новые провинции к прежним

владениям (Плутарх: «Деметрий»; 29-30). Селевк по жребию получил под свою власть Сирию, прилегающую к Евфрату и до самого моря, и внутреннюю Фригию (Аппиан: 11; 55).

Но союзники, покончив с войной против общего врага, снова обратили оружие друг против друга и вторично разделились на два враждебных союза: Селевк объединил свои силы с Деметрием, Птолемей - с Лисимахом (Юстин: 15; 4). Селевк первый сделал шаг навстречу Деметрию, прислав к нему в 301 г. до Р.Х. сватов и попросив руки Стратоники, дочери Деметрия. Хотя у Селевка уже был сын от первой жены Апамы, он считал, что держава его достаточно обширна для нескольких наследников и, вместе с тем, нуждается в родственном союзе с Деметрием. Для Деметрия сватовство с Селевком оказалось истинным счастьем. Он посадил дочь на корабль и со всем флотом поплыл прямо з Сирию. Бывшие враги встретились возле Родоса и среди пиров и праздников договорились о союзе. Потом, забрав Стратонику, Селевк торжественно отплыл в Антигонию, и некоторое время тесть и зять сохраняли дружбу. Но когда Селевк попросил, чтобы Деметрий за деньги уступил ему Киликию, и получил отказ, он в ярости стал требовать возврата Сидона и Тира. В данном случае его нельзя было назвать иначе, как обидчиком и насильником, ибо, подчинив своей власти все земли от пределов Индии до Сирийского моря, он выказал себя бесконечно мелочным и жадным до власти. Деметрий, однако, не дал себя запугать, и с этого времени они опять стали врагами.

Вскоре Деметрий узнал, что Стратоника, выданная за Селевка, сделалась женой Антиоха, его сына. Случилось так, что Антиох влюбился в Стратонику, которая, несмотря на юные годы, уже родила от Селевка. Чувствуя себя несчастным, Антиох прилагал все усилия к тому, чтобы прогнать страсть, и, в конце концов, словно обезумев, принялся искать способа покончить с собой. Он представился больным и постепенно изнурял свое тело, отказываясь от пищи и необходимого ухода. Лекарь Эрасистрат без труда догадался, что царский сын влюблен, и решил узнать, в кого именно. Это было задачей далеко не простой - он постоянно оставался в спальне царевича, и всякий раз, как входил красивый юноша или красивая женщина, не спускал глаз с Антиоха и наблюдал за теми членами тела, которые по природе своей особенно живо разделяют волнения души. На любое из прочих посещений больной отвечал одинаковым безразличием, но стоило показаться Стратонике, как тут же являлись признаки влюбленности. Окончательно удостоверившись в этом, Эрасистрат однажды объявил Селевку, что болезнь юноши - страсть, и страсть непреодолимая и безнадежная. «Почему же безнадежная?» - спросил в испуге царь. «Потому, клянусь Зевсом, - отвечал Эрасистрат, - что любит он мою жену». - «Так неужели ты, Эрасистрат, не пожертвуешь своим браком ради моего сына? - воскликнул Селевк. - Ведь ты мой друг, и ты знаешь, что единственная моя опора - это он!» - «Но на такую жертву не пошел бы даже ты, родной отец», - возразил Эрасистрат. А Селевк ему ответил: «Ах, дорогой мой, если бы только кто из богов или людей обратил его страсть в эту сторону! Да ради жизни Антиоха я не пожалел бы и царства!» Эти слова Селевк произнес в крайнем волнении, обливаясь слезами, и тогда лекарь протянул ему руку и сказал, что Селевк не нуждается в услугах Эрасистрата, ибо он в одном лице и отец, и супруг, и владыка, и наилучший целитель собственного дома. После этого разговора Селевк созвал всенародное собрание и объявил свою волю поженить Антиоха и Стратонику и поставить его царем, а ее царицей над всеми внутренними областями его державы. При таких обстоятельствах был заключен брак Антиоха и Стратоники.

В 288 г. до Р.Х., когда пришло известие, что Деметрий, ставший к этому времени царем Македонии, готовит грандиозный поход для завоевания Азии, Селевк вновь объединился с Птолемеем и Лисимахом. Война была неудачна для Деметрия. Потерпев неудачу во владениях Лисимаха, Деметрий с немногими оставшимися ему верными солдатами отступил в 286 г. до Р.Х. в земли Селевка. Селевк поначалу был растроган бедственным положением Деметрия и хотел, снабдив его всем необходимым, отпустить, но потом поддался на уговоры друзей и, передумав, начал войну с Деметрием. Когда дело дошло до решительного сражения, Селевк соскочил с коня, снял шлем и с одним щитом в руке зашагал навстречу наемникам, стараясь, чтобы его узнали, и призывая всех перейти на его сторону. Все горячо его приветствовали, называли царем и обращали оружие против Деметрия. Деметрий, всеми покинутый, сдался на милость Селевка. Селевк отправил его в Хер-сонес Сирийский, прислал ему многочисленную челядь для услуг и с безукоризненной щедростью назначил ему царское содержание. Все друзья

Деметрия имели к нему свободный доступ. Таким образом Деметрий прожил три года, хотя Лисимах сулил Селевку большие деньги, если он умертвит Деметрия. Селевк, который всегда испытывал к Лисимаху отвращение, после этого случая стал считать его совершенным злодеем и варваром. Когда же Деметрий умер, Селевк искренне корил себя, что проявил чрезмерную подозрительность вместо душевной широты (Плутарх: «Деметрий»; 31-33, 38, 44, 47, 49, 50, 52).

Государственные деяния Селевка были столь же грандиозны, как и военные. По всему пространству своего огромного царства он выстроил много городов: так, в честь своего отца он выстроил 16 Анти-охий, пять Лаодикий в честь своей матери, девять городов носили его собственное имя, четыре были названы в честь его жен: три Апамеи и одна Стратоникея. Из них самыми замечательными являлись Селевкии, одна у моря, другая на реке Тигр, Лаодикея в Финикии, Антиохия под горой Ливаном и Апамея в Сирии. Другие города он назвал или по именам городов Эллады или Македонии, или по каким-либо своим деяниям, или же в честь царя Александра (Аппиан: 11; 57).

Основав Селевкию-на-Тигре, Селевк велел переселить в нее всех жителей Вавилона. Невредимыми он оставил только стены города и храм Бэха, вокруг которого позволил жить халдеям (Павсоний: 1; 16).

Под его властью было 72 сатрапии. Передав большую часть их своему сыну, Сам Селевк правил только землями между морем и Евфратом. Последнюю войну ему пришлось вести с Лисимахом из-за Фригии и Геллеспонта (Аппиан: 11; 62). Это была в то же время последняя схватка соратников Александра; их как бы сохранила судьба, чтобы на их примере явить свою превратность. Лисимаху было 74 года от роду, Селевку - 77. Но и в этом возрасте оба они были молоды душой и оба горели ненасытной жаждой власти. Ведь они вдвоем владели всем миром, но им казалось, что они замкнуты в тесные границы и измеряли остаток своей жизни не числом своих лет, а пределами своих государств.

В этой войне (282-281 гг. до Р.Х.) Лисимах не без славы закончил свою жизнь. Селевк ликовал по поводу такой важной победы, но выше победы ценил то, что теперь только он один остался из когорты соратников Александра и что он оказался победителем победителей (Юстин: 17; 1-2). Передав своему сыну власть в Азии, он поспешно двинулся в Македонию. В войске у Селевка находился тогда Птолемей, сын Птолемея I Лага и Эв-ридики. Бежав из Египта, он поступил на службу к Лисимаху, а потом перешел к Селевку (Павсаний: 1; 16). Селевк принял его как несчастного сына своего старого друга, покровительствовал ему и всюду водил его с собой. Этот Птолемей быстро и внезапно решался на смелые поступки и потому был прозван Керавном (Молнией). Неподалеку от Лисимахии он подъехал к Селевку и сзади нанес ему смертельный удар. С приставшими к нему солдатами Птолемей прибыл в Македонию и был провозглашен там царем. Филетер, правитель Пергама, за большие деньги купил у Птолемея тело Селев-ка и отправил его Антиоху (в 280 г. до Р.Х.). Антиох похоронил его в Селевкии у моря и воздвиг в честь него храм на священном участке (Аппиан: 11; 63).

СЕЛЕВК II КАЛЛИНИК

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 247-226 гг. до Р.Х. Сын Антиоха II Теоса и Лаодики.

Ж.: Лаодика.

Селевк начал свое царствование с убийства своих родичей, подстрекаемый к тому матерью своей Лаодикой. Он убил мачеху Берени-ку, сестру египетского царя Птолемея III и своего малолетнего брата, от нее рожденного. Совершив это преступление, он навлек на себя войну с Птолемеем III (Лао-дикейская война 246-241 гг. до Р.Х.) Многие города Азии поддержали египтян. Если бы Птолемей не был отозван в Египет, где началось восстание, он захватил бы все царство Селевка (246 г. до Р.Х.).

После ухода Птолемея III Селевк соорудил громадный флот для борьбы с отложившимися городами, но флот был уничтожен внезапно разразившейся бурей. Это было большое несчастье, но оно оказалось на руку Селевку, так как города, которые из ненависти к нему ранее перешли на сторону Птолемея, как бы удовлетворившись гневом богов, внезапно изменили свое

настроение, прониклись к нему жалостью в связи с кораблекрушением и снова отдались ему под власть. Вскоре Селевк продолжил войну против Птолемея уже как равный ему по силе (243 г. до Р.Х.), однако был разбит и в смятении, сопровождаемый лишь небольшой кучкой спутников, бежал в Антиохию. Отсюда он отправил письмо к своему брату Антиоху, в котором умолял его о поддержке и в награду за помощь обещал ему часть Азии, ограниченную Таврским хребтом (то есть Малую Азию) (241 г. до Р.Х.).

Этот Антиох, хотя ему было всего 14 лет, был не по возрасту жаден до власти и с преступной смелостью взрослого человека решил отнять у брата все. Поэтому он был прозван Гиеракс («Коршун»). Между тем Птолемей, когда узнал, что Антиох идет на помощь Селевку, заключил с последним мир. Но Селевку не стало от этого легче: он узнал, что Антиох, набрав войско из галльских наемников, идет на него войной («Война братьев» 239- 236 гг. до Р.Х.).

В 236 г. до Р.Х. произошло сражение при Анкире в Галатии. Антиох, благодаря храбрости галлов, оказался победителем. Но в 230 г. до Р.Х. пергамский царь Аттал напал на Антиоха и одержал победу над его войском. Все эти войны велись на погибель Азии: каждый, кто был сильнее, захватывал ее, как свою добычу. Но даже тогда, когда от державы их прадеда почти ничего не осталось, братья не смогли помириться. Оставив внешних врагов без внимания, они продолжали воевать на взаимную гибель. В конце концов Антиох был побежден и погиб во время бегства (226 г. до Р.Х.). Почти в то же самое время и Селевк, сохранивший из своего огромного царства лишь Месопотамию и Северную Сирию, погиб, упав с лошади (Юстин: 27; 1-3).

СЕЛЕВК III КЕРАВН

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 220-223 гг. до Р.Х. Сын Селевка II Калиника.

Селевк был больной, немощный и не умевший держать в повиновении войско. Его приближенные устроили против него заговор и отравили его (Аппиан: 11; 66). По свидетельству Полибия, Селевк выступил походом против пергамского царя Аттала I, переправился через Тавр с большим войском, но пал жертвой коварства галата Апатурия и Никанора (Полибий: 4; 48).

СЕЛЕВК IV ФИЛОПАТОР

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 187-175 гг. до Р.Х. Сын Антиоха III.

В 196 г. до Р.Х. Антиох поручил Селевку восстанавливать Лисима-хию, а затем даровал ему этот город (Ливий: 33; 41). В 190 г. до Р.Х. царь отправил сына в Эолиду, чтобы он удерживал прибрежные города, на которые нападали с разных сторон - от Пергама Эвмен, а от Фокеи и Эритр римляне. Тогда же Селевком была взята выданная предателями Фокея - караульные оставили открытыми одни из ворот. От страха на его сторону перешла также Кима и некоторые другие города этого побережья. Проведя зиму в Эолиде, Селевк то помогал союзникам, то разорял землю тех, кого не смог вовлечь в союз. Весной он решил вторгнуться в пределы Пергамского царства, пользуясь отсутствием Эвмена Второго. Первым делом он подступил с войском к Элее, затем, оставив попытку овладеть городом, разорил поля и двинулся на Пергам, главный город и оплот царства. Аттал, брат царя, затворился внутри стен, и началась осада. На помощь пергамцам явились ахейцы. Их предводитель Диофан внезапными вылазками и стремительными атаками навел большой страх на сирийцев и заставил Селевка уйти из пергам-ских земель.

В битве при Магнесии Селевк командовал левым флангом армии Антиоха (Ливий: 37; 8, 11, 18, 19, 41).

Приняв власть после смерти отца, Селевк высвободил своего брата Антиоха от римлян, у которых он был заложником, вместо него дав своего сына Деметрия. Когда Антиох возвращался из своего заложничества и был еще около Афин, Селевк был убит по тайному умыслу неким Гелиодором из числа придворных (Аппиан: 11; 45).

СЕЛЕВК V ЭПИФАН НИКАНОР

Царь Сирии из рода Селевкидов, правивший в 95 г. до Р.Х. Сын Антиоха VIII Грива.

В 95 г. до Р.Х. Селевк начал войну со своим дядей Антиохом IX, победил его, захватил в плен и велел казнить. Немного спустя сын последнего, Антиох, прозванный Благочестивым, прибыл в Арад, провозгласил себя царем и пошел войною на Селевка, победил его и совершенно изгнал из Сирии. Тогда Селевк бежал в Киликию и, прибыв в город Монсуесту, вновь стал требовать от жителей денег. За это чернь города рассердилась на него, подожгла его дворец и убила его вместе с приверженцами (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 13; 4).

СЕЛЕВКИДЫ

Царская династия, македонского происхождения, правившая в 306-66 гг. до Р.Х. в Азии.

СЕПТИМИЙ СЕВЕР

Римский император в 193-211 гг. Родоначальник династии Северов. Род. 11 апр. 146 г. Умер 4 февр. 211 г.

Септимий Север происходил из африканского города Лептис и принадлежал к римскому всадническому роду. Его двоюродные деды были консулами, но ни отец его, ни дед не занимали высоких должностей. Детство Септимия прошло в Африке, а в Рим он приехал, уже будучи юношей, для получения образования (Спартиан: «Север»; 1), Сначала он отдался учению, потом обратился к практике форума, но, мало этим удовлетворенный, стал браться за разные дела и искать для себя наилучшего занятия, что естественно при тяжелых обстоятельствах жизни (Виктор: «О Цезарях»; 20). Молодость его была полна безумств, а подчас и преступлений. Он был обвинен в прелюбодеянии и оправдан проконсулом Дидием Юлианом, преемником которого по императорской власти он потом стал. В должности квестора он проявил старательность, а должность военного трибуна миновал вовсе, получив сразу после квестуры в управление провинцию Бетику. В это время умер его отец, и Септимий должен был ехать в Африку для устройства семейных дел. В его отсутствие ему вместо Бетики была назначена Сардиния. Закончив здесь свое квестор-ство, он исполнял должность легата при проконсуле Африки Говорят, что однажды один летинец, простой человек из одного с ним мунципия, обнял его, как старого товарища, в то время как перед ним несли фаски. Север наказал его розгами, причем глашатай объявил решение: «Не смей, простой человек, дерзко обнимать легата римского народа».

Должность народного трибуна он получил по назначению императора Марка Аврелия и, исполняя ее, обнаружил исключительную строгость и энергию. Тогда же он женился на Марции, о которой ничего не сказал в истории своей частной жизни. Впоследствии, став императором, он поставил ей статуи. В 178 г. он был назначен в преторы также по выбору императора Марка Аврелия. После этого он был послан в Испанию, потом командовал четвертым легионом в Сирии и управлял Лугдунской провинцией в Галлии. Потеряв свою первую жену, он женился в Сирии на Юлии Домне, женщине красивой и образованной, но не проявлявшей склонности к добродетели. В Галлии его очень превозносили за строгость, внимательность и бескорыстие. Из Лугдунской провинции он был отправлен управлять Паннонией, а после этого был проконсулом в Сицилии.

Консулом Септимий стал впервые около 189 г. уже при Коммод. Вслед за тем он был поставлен во главе паннонских легионов и, командуя ими, увеличил еще более свою уже и без того громкую славу (Спартиан: «Север»; 2-4).

По свидетельству Геродиана, Септимий Север отличался силой и энергией в управлении. Он был человеком, привыкшим к суровой и грубой жизни, очень легко переносившим труды, быстрым в своих замыслах и скорым в исполнении задуманного. После того как в Риме в 193 г. были убиты сначала Коммод, а потом Пертинакс, мысли о императорской власти то и дело

приходила к нему. К тому же известно было, что Дидий Юлиан, которого провозгласили императором столичные преторианцы, не пользуется никакой поддержкой: чернь его ненавидела, а сенаторы презирали. Взвесив все за и против, Септимий начал осторожно испытывать настроение воинов. Сначала он привлекал к себе небольшими группами начальников, трибунов и видных людей в лагерях, беседовал с ними о Римской державе и говорил, что она совсем повержена и нет никого, кто бы ей управлял благородным образом и по достоинству. Он осуждал находившихся в Риме воинов за их неверность и за то, что они запятнали свою присягу императорской и родственной кровью, говорил о необходимости отомстить и покарать за убийство Пертинакса. Он знал, что все воины в Иллирике помнят о командовании Пертинакса: ведь в царствование Марка Аврелия Пертинакс воздвигнул много трофеев против германцев; назначенный военачальником и правителем Иллирика, он проявил всяческое мужество в битвах против врагов, а по отношению к подчиненным выказал благожелательность и доброту; поэтому они, чтя его память, негодовали по поводу столь жестокого и дерзкого поступка с ним. Ухватившись за этот предлог, Септимий легко вовлек их в то, чего хотел, притворяясь, будто он не так желает захватить власть и приобрести для себя могущество, как отомстить за кровь такого государя. И вот, поверив Септимию, иллирийцы предоставили себя в его распоряжение, объявили его императором и вручили ему власть. После этого он начал рассылать своих людей в соседние провинции и ко всем правителям подчиненных римлянам северных племен и, склоняя их всех большими обещаниями и надеждами, легко привлек к себе. Больше, чем кто-либо другой, он обладал способностью притворяться и внушать доверие к своей благожелательности, не скупился на клятвы, чтобы затем, если нужно было, нарушить их, прибегал ко лжи ради выгоды, и с языка его сходило то, чего не было на уме.

Собрав отовсюду воинов, он скорым маршем двинулся на Рим, нигде не задерживаясь и не давая времени для передышки. Чтобы вдохновить воинов, Септимий разделял с ними все труды, пользовался простой палаткой, ел ту же пищу и пил то же питье, какие были у всех; нигде не выставлял он напоказ и императорскую роскошь. Этим он обеспечил еще большую преданность воинов и заставил их ревностно выполнять все его приказы. Быстро пройдя Паннонию, он появился у границ Италии и, опередив молву, предстал перед тамошними жителями как уже прибывший государь раньше, чем они услышали о предстоящем его прибытии. Никто даже не подумал о том, чтобы организовать ему сопротивление, повсюду его встречали с лавровыми ветвями и принимали, раскрыв ворота. Напуганный его стремительностью, Дидий Юлиан не знал, на что ему решиться. Сначала он заставил сенат объявить Септимия Севера врагом. Но потом, узнав о его неудержимом движении к Риму, предложил провозгласить его императором и августом и сделать его соправителем. Но Септимий отверг это предложение. После этого всем стало ясно, что Дидий обречен. Покинутый всеми, он был убит в своем Дворце по решению сената (Геродиан: 2;9-12).

После убийства Дидия Юлиана сенат направил к Северу сто сенаторов в качестве послов для передачи приглашений и поздравлений. Они встретили его в Интрамурне, где он принял их приветствия вооруженный и окруженный вооруженными людьми; предварительно послы подверглись обыску. На следующий день, когда его встретила вся дворцовая челядь, он дал каждому послу по 720 золотых и отправил их вперед, разрешив желающим остаться и вернуться в Рим вместе с ним. Между тем в Риме как среди воинов, так и среди граждан царил великий страх, так как все видели, что Север с оружием в руках идет на них, а они еще недавно признали его врагом. К тому же Септимий узнал, что сирийские легионы провозгласили императором Пес-ценния Нигера. Эдикты и письма последнего народу и сенату он перехватил с помощью тех лиц, которые были посланы, и тем предотвратил объявление их народу и чтение их в курии. Прибыв в Рим, Септимий приказал преторианцам выйти к нему навстречу в одних подпанцырных одеждах, без оружия. В таком виде он вызвал их к трибуне и окружил со всех сторон своими солдатами (Спартиан: «Север»; 6). Поднявшись на трибуну, он заклеил преторианцев позором за то, что, призванные охранять особу императора, они вот уже третьего принцепса предают самым подлым и коварным образом. За эти преступления, а также за многие другие бесчинства он велел разжаловать солдат претория и изгнать их из Рима (Геродиан: 2; 13). Вступив в Рим, он, сам вооруженный и окруженный воинами, поднялся на

Капитолий. Оттуда он двинулся дальше и вступил в Палатинский дворец, причем перед ним несли отнятые у преторианцев значки, склоненные вниз, а не поднятые. Затем воины разместились по всему городу - в храмах, в портиках, в здании Палатинского дворца, словно на своих квартирах. Вступление Севера в Рим вызвало чувство страха: воины грабили жителей, ни за что не платили и грозили городу опустошением (Спартиан: «Север»; 7).

Сенат и народ принимали нового императора с пальмовыми ветвями в руках. Все в нем вызывало удивление, больше всего - присутствие ума, стойкость в трудах, соединенная с твердой уверенностью, смелость в дерзновениях. После того как народ принял его со славословием и сенат приветствовал его при вступлении в город, он, как это полагается государю, совершил жертвоприношения в храме Юпитера и прочих храмах и удалился во дворец. На следующий день, явившись в сенат, он обратился ко всем с речами, очень благожелательными и преисполненными добрых надежд, приветствуя всех вместе и в отдельности, говоря, что он приходит как каратель за убийство Пертинакса; власть его послужит основанием для введения аристократии, и без суда никто не будет казнен и не лишится имущества; он не потерпит донощиков, но доставит подвластным полнейшее благоденствие и будет во всем поступать, соревнуясь с властью Марка Аврелия и имея не только имя Пертинакса, но и его образ мыслей. Говоря так, он внушал большинству расположение и доверие к своим обещаниям. Однако некоторые из старших, знавшие его нрав, предсказывали втайне, что он - человек изворотливый и умеющий искусно братья за дела, в высшей степени способный прикинуться и притворно выказать все, что угодно, а также достигнуть того, что ему выгодно и полезно; это впоследствии и обнаружилось на деле (Геродиан: 2; 14). В то время как он находился в курии, воины, подняв мятеж, потребовали от сената по десяти тысяч сестерциев на человека - по примеру тех, которые привели в Рим Октавиана Августа и получили такую же сумму. Север хотел сначала обуздать их, но не мог этого сделать; успокоил он их только щедрой раздачей и после этого отпустил. Затем он устроил торжественные похороны изображения Пертинакса, причислив его к богам и дав ему фламينا и товарищество жрецов. Себя он приказал также называть Пертинак-сом, но впоследствии пожелал отменить это имя как дурное знамение. Потом он заплатил долги своих друзей (Спартиан: «Север»; 7).

Проведя недолгое время в Риме и сделав щедрые раздачи народу, а также устроив зрелища и наделив многими дарами воинов, он стал спешить на Восток. Септимий хотел начать войну неожиданно, пока Нигер бездействовал и роскошествовал в Антиохии, чтобы застать его неподготовленным. Он приказал воинам готовиться к выступлению и со всех сторон стягивал войска. Он снаряжал и морской флот и выслал имевшиеся в Италии триеры, наполнив их тяжеловооруженными. С величайшей быстротой у него собрались большие и разнообразные силы: он ведь знал, что ему нужны немалые средства для борьбы со всем расположенным против Европы материком. Таким образом, он энергично занимался подготовлением к войне. Одновременно он старался обеспечить свой тыл: большую тревогу Северу внушали многочисленные войска, расположенные в Британии. Британией управлял тогда Клодий Альбин - муж, родом из сенатских патрициев. Септимий опасался, что Альбин попытается подчинить себе Рим, пока сам он будет занят делами на Востоке. Поэтому Север пожелал привязать его к себе, обойдя Альбина хитростью. Север объявил его Цезарем, предупредив его надежду и стремление приобщением к власти. Он посылал Альбину дружественные письма, умоляя его предаться заботам о державе, он писал, что нужен будто бы муж благородного происхождения и именно такого цветущего возраста, так как сам он стар и мучается болезнью суставов, а дети у него еще очень малы. Поверив этому, Альбин принял почести с радостью, удовольствовавшись тем, что без битвы и опасности получил то, к чему стремился. Сделав о том же донесение сенату, Север, чтобы внушить большее доверие Альбину, приказал выбить монеты с его изображением и постановкой статуй и прочими почестями подтвердил дарованную милость. Мудро обезопасив себя всеми этими мерами со стороны Альбина и Британии, Север поспешил против Нигера (Геродиан: 2; 14-15). Узнав о приближении врага, Нигер занял Византий, а к Кизику послал своего полководца Эмили-ана, которому приказано было не Допускать переправы противника через Геллеспонт. Но Север напал на Эмилиана, разгромил его и захватил Кизик. Отсюда он вторгся в Вифинию, а потом в Галатию и

Каппадокию. Но в горах на пути в Киликию его ждали немалые трудности, так как Нигер заблаговременно перегородил стенами дорогу через Тавр. Его солдаты, стоявшие за зубцами стены, скатывали сверху камни и отважно отбивали все атаки. Воины Севера пали духом и были в отчаянии вследствие прочности и неодолимости укреплений, защищенных к тому же горой и обрывом. Но когда воины изнемогли, а их противники считали, что можно менее заботиться об охране, разразился сильнейший ливень. Бурный поток быстро размыл и прорвал укрепления ниге-рианцев. Защитники их бежали, и Север легко и беспрепятственно вступил в Киликию. Нигер двинулся навстречу. Хотя ему и удалось собрать большую армию, она сильно уступала своими качествами опытной и закаленной в боях армии Севера. Встреча противников произошла в октябре 194 г. на берегу Исского залива, на том самом месте, где некогда Александр разгромил Дария. Битва была чрезвычайно упорной. Убитых было столько, что текущие по равнине реки несли в море больше крови, чем воды. Наконец, легионы Нигера, прижатые к берегу и горам, обратились в бегство. Сам Нигер укрылся в Антиохии, но всадники Севера настигли его и обезглавили. Всех друзей побежденного императора Север велел казнить; воинам его он даровал амнистию, но многие из них не пожелали ею воспользоваться: они бежали в Парфию и в дальнейшем оставались врагами Севера. В начале 195 г. Септимий совершил удачный поход против царя Осроены Абгара, который был союзником Нигера, и захватил его царство. Хотел он также двинуться и на парфян, но дела на западе империи заставили его пока отложить эту войну.

После гибели Нигера Альбин казался Северу лишним и обременительным; к тому же он слышал, что тот слишком по-императорски упивается именем Цезаря, что многие особенно видные сенаторы в своих частных тайных письмах уговаривают его идти на Рим, пока Север занят и отсутствует. Ведь патриции предпочитали иметь его правителем, так как он был из хорошего рода и, кроме того, как говорили, у него был добрый нрав. Узнав об этом, Септимий сначала попробовал избавиться от соперника, подослав к нему убийц. Но Альбин был начеку и легко разоблачил его козни. Когда распространилось известие, что покушение не удалось, Север не стал более скрывать своей вражды: он объявил Альбина врагом и стал готовиться к походу против него. Дела на Востоке он устроил таким образом, чтобы враги сильнее почувствовали его гнев, а союзники - его заботу. Все города, разрушенные Нигером, он велел восстановить за свой счет. Тех же, кто оказал Нигеру особенно деятельную поддержку, он разорил поборами и постоями. Столицу Сирии Антиохию он словно какую-то деревню подчинил лаодикийцам. Также он поступил впоследствии и с Византием, отдав его перинфянам.

Управившись в короткий срок со всеми делами, он повел свои легионы на запад и продолжал поход, не задерживаясь ни ради праздников, ни из-за усталости, не обращая внимания ни на холод, ни на жару. Часто шел он через холодные и высокие горы среди бурь и снегов с непокрытой головой, поддерживая своим примером твердость и мужество воинов, так что они терпели усталость не только из страха или чувства долга, но подражая императору и соревнуясь с ним.

Известие о том, что Север не медлит, но вот-вот появится, привело беспечного и изнеженного Альбина в замешательство. Переправившись из Британии в лежащую напротив Галлию, он разбил там лагерь и отправил послов во все соседние провинции, требуя от правителей присылки денег и пропитания для войска. Некоторые послушались и выполнили это требование себе на гибель: ведь впоследствии они понесли за это наказание. Когда войска Севера прибыли в Галлию, начались стычки в разных местах, а последнее сражение произошло в феврале 197 г. при Лугдуне, большом и богатом городе, в котором заперся Альбин, и откуда он, не выходя сам, послал войско на битву. Сражение было очень упорным, и исход его долго оставался неясным: ведь британцы храбростью и кровожадностью ничуть не уступали иллирийцам. По сообщениям рассказывавших правдиво и беспристрастно современников, фаланга Альбина, против которой сражался сам Север со своим войском, получила большой перевес, так что Север бежал, упав с лошади, но, сбросив с себя императорский плащ, остался незамеченным. Британцы преследовали врагов и уже запели победные песни, как если бы они добились окончательного успеха, но внезапно появился полководец Севера Лет со своим свежим, еще не принимавшим участия в битве войском. Позже его обвиняли в том, что он, ожидая исхода битвы, намеренно медлил, сберегая силы своего войска, так как сам стремился к

власти; поэтому он и появился не раньше, чем прошла весть о смерти Севера. Это обвинение подтверждается следующими событиями: позднее, когда все решилось и Север освободился от забот, он богато одарил всех своих полководцев и только одного Лета казнил. Но все это случилось позднее. Тогда же, при появлении Лета с новым войском, воины Севера ободрились, посадили его на коня и облекли в императорский плащ. Между тем воины Альбина, считая, что они победили, пребывали в беспорядке; когда же на них обрушилось мощное и еще не участвовавшее в бою войско, они отступили после недолгого сопротивления. Бегство их вскоре стало всеобщим, воины Севера преследовали и убивали врагов, пока не ворвались в город. Лугдун был разграблен и сожжен. Альбина схватили и обезглавили, а голову его поднесли Северу.

Он же тотчас направил свою ярость против друзей Альбина в Риме. Послав в столицу голову Альбина, он приказал посадить ее на кол и выставить для всенародного обозрения. Объявив в письме к народу о своей победе, он под конец добавил, что голову Альбина он послал для того, чтобы враги видели, что им самим предстоит вскоре перенести. Уладив все дела в Британии и разделив эту провинцию на два наместничества, а также устроив все дела в Галлии, Север убил всех друзей Альбина, независимо от того, добровольно или вынужденно они имели с ним дело, конфисковал их имущество, а затем поспешил в Рим, ведя с собой все войско, чтобы показаться более страшным. Продолав весь путь по своему обыкновению очень быстро, он вступил в Рим, все еще полный злобы против оставшихся в живых друзей Альбина. Народ встретил его со всеми почестями и славословиями, неся лавровые ветви. Сенат тоже его приветствовал, причем было в великом страхе, ибо большинство предвидело, что Север, будучи по природе жестоким к врагам и стремящимся наносить обиды даже по незначительным поводам, не пощадит их теперь, когда он имел для этого достаточные основания. Итак, Север поднялся в храм Юпитера и, совершив положенные жертвоприношения, возвратился во дворец; для народа он устроил в честь своих побед богатые раздачи, а воинам подарил большие деньги и разрешил многое из того, что раньше им не было позволено. А именно, он увеличил им содержание, позволил носить золотые кольца и брать себе жен. Все это прежде считалось чуждым воинскому воздержанию, так как мешало готовности к войне. Устроив все это, как ему казалось, наилучшим образом, Север пришел в сенат, взошел на императорский трон и стал горько упрекать друзей Альбина, одним показывая их тайные письма, которые нашел среди его секретных бумаг, другим сгавя в вину богатые дары, посланные Альбину. Остальным он указал на другую их вину: людям с Востока - на дружбу с Нигером, а тем, кто был из другой части империи, - на знакомство с Альбином (Геродиан: 3; 2-8). Вслед за тем было убито бесчисленное количество мнимых и действительных сторонников того и другого, среди них много первых лиц в Риме: сенаторов и консуля-ров, выдающихся в провинциях происхождением и богатством, а также много знатных женщин. Имущество всех их было конфисковано и увеличило средства государственного казначейства. Одновременно было казнено много знатных испанцев и галлов. Среди казненных оказались и те, кто в свое время непочтительно отзывался об императоре, шутил или злословил в его адрес (Спартиан: «Север»; 12, 14). Справедливо полагали, что не только подозрительность и крутой нрав императора стали причиной стольких злодеяний, но и его ненасытное корыстолюбие. Ведь еще ни один государь не позволял деньгам так властвовать над собой. Насколько силой духа, долготерпением в трудах и опытнось в военном деле Север не уступал никому из самых прославленных людей, настолько велико было в нем корыстолюбие, питаемое несправедливыми убийствами под любым предлогом. Напротив, народу Север стремился угодить, постоянно устраивая за свой счет разнообразные зрелища.

Прожив достаточно времени в Риме, Север объявил своих сыновей соправителями и императорами. Стремясь снискать славу победителя не только в междоусобной войне против римских войск (в честь этого события он даже боялся праздновать триумф), но и в войне с варварами, Север предпринял поход на Восток, выставив предлогом дружбу Барсения, царя атренов, с Нигером. Прибыв на место, он пожелал пройти через Армению, но армянский царь, предупредив его, послал ему деньги, дары и заложников, умоляя о мире и обещая дружеский союз и преданность. Так как в Армении все вышло согласно намерению Севера, он сразу же двинулся в Месопотамию против атренов. Разорив много деревень и городов и опустошив

страну, он осадил сами Атры. Город находился на вершине очень высокой горы, был окружен мощной и крепкой стеной и славился своими многочисленными лучниками. Пытаясь взять город, римляне перепробовали все виды осады. Однако атрены храбро защищались и, пуская сверху стрелы и бросая камни, причиняли войску Севера немалый урон. Многие воины были не в состоянии переносить душного воздуха и палящего солнца и умирали от болезней, так что большая часть войска погибла по этой причине, а не от рук врагов. Так ничего и не добившись, Септимий отвел свои войска в Сирию.

Успешнее был его поход против Парфии (Геродиан: 3; 8-9), куда он вторгся зимой 199 г. Север заставил отступить царя Вологеза, дошел до его столицы Ктесифона и взял ее. Впрочем, и здесь на долю римлян выпало много бедствий: воины страдали от голода, скверной пищи и мучительных поносов: Из завоеванных земель была образована провинция Месопотамия, а сам император получил почетное прозвище «Парфянского». Однако от предложенного сенатом триумфа Септимий отказался, так как из-за болезни суставов не мог стоять в колеснице.

Вслед за тем Север двинулся в Иудею. Во время этого похода он утвердил много прав за жителями Палестины, но под страхом тяжелого наказания запретил обращение в иудейство и христианство. В 202 г. в Антиохии он утвердил себя и старшего сына консулами на этот год и отправился в Александрию. Порядок управления Египтом, не менявшийся со времен Цезаря, он изменил, даровав александрийцам много прав и, в частности, разрешил им иметь свой совет. Впоследствии Север всегда говорил, что это путешествие было для него приятным и благодаря поклонению Се-рапису, ознакомлению с древностями и необычности природы тех мест. Действительно, он тщательно осмотрел и Мемфис, и статую Мемнона, и пирамиды, и лабиринт.

Уладив дела на Востоке, Север вернулся в Рим и последующие годы правил в полном покое. Будучи по природе простым человеком, он и достигнув вершин власти не изменил своим привычкам. Он носил очень скромную одежду; даже туника его была только слегка окрашена пурпуром, а плечи он покрывал грубошерстной хламидой. Он был очень умерен в еде; любил овощи и воздерживался от мяса (Спартиан: «Север»; 16-17, 19). Жил он большей частью в загородных дворцах и в приморских частях Кампании, творя суд и занимаясь государственными делами. Удачливый во всем, он не имел счастья в сыновьях, так как оба они выросли разнузданными и жестокими, имея все пороки отца, но не взяв ни одного из его достоинств. К тому же они с ранней юности ненавидели друг друга и строили взаимно козни. Во многом ради сыновей, чтобы оторвать их от губительной столичной жизни, Север в 208 г., уже будучи глубоким стариком, отправился в свой последний поход в Британию. Большую часть путешествия он совершил на носилках, нигде подолгу не останавливаясь. Каледонов он разгромил в первом же походе, а потом занялся укреплением крепостей и Андрианова вала (Геродиан: 3; 10, 14). Говорят, что незадолго до кончины, окидывая мысленным взором весь пройденный им жизненный путь, он сказал: «Я был всем, и все это ни к чему». Умер он в Эбораке (Йорке), в Британии, покорив все окрестные племена, на восемнадцатом году своего правления (Спартиан: «Север»; 17-18).

СИБОТА

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов, правивший в IX в. до Р.Х., сын Дотада (Павсаний: 4; 4; I).

СОЙ

Легендарный царь Лаконики из рода Оврипонтидов, правивший в XI в. до Р.Х. Сын Прокла.

В царствование Соя спартанцы обратили илотов в рабство и присоединили к своим владениям значительную часть Аркадии. Говорят, что однажды Сой, окруженный клиторцами в неудобной для сражения и безводной местности, предложил им заключить мир и возвратить завоеванную у них землю, если они позволят ему и всему войску напиться из близлежащего источника. Мир был заключен под клятвой. Тогда он собрал свое войско и обещал отдать свой

престол тому, кто не станет пить. Но никто не смог побороть себя, все утолили жажду, только один царь, спустившись вниз, на глазах у всех лишь плеснул на себя водой в присутствии неприятелей. Он отступил, но не вернул завоеванной им земли, ссылаясь на то, что «не все пили» (Плутарх: «Ликург»; 2).

СОСФЕН

Царь Македонии в 279-278 гг. до Р X

Сосфен стал царем, сместив правившего до него Антипатра II. В это время страна опустошалась га-латами С трудом собрав войска, он добился некоторого успеха, но летом 279 г. вторая орда варваров прошла через Македонию в Грецию, сокрушая все на своем пути. В этот критический момент Сосфен умер (Дройзен: 3; 1; 3).

СТАВРАКИЙ

Византийский император в 803-811 гг. Сын Никифора I. Умер 11 янв 812 г.

Став императором, Никифор в 803 г. объявил Ставракия соправителем и стал искать ему невесту. После долгого выбора по всей империи, он нашел наконец подходящую женщину. Хотя та уже была обручена с мужем, с которым часто разделяла брачное ложе, он развел их и выдал ее за своего сына. В 811 г. во время несчастного для римлян похода в Болгарию, когда от рук врагов пал сам Никифор и с ним множество других знатных и простых людей, Ставракий был опасно ранен и едва живой вышел из сражения. Сильно страдая от раны, он добрался до Андрианополя и здесь был провозглашен императором, несмотря на то, что ни видом, ни силой, ни разумом не был годен для столь высокого достоинства. От испускания кровавой мочи он чрезмерно высох и был на носилках принесен в столицу. К тому же, по словам Феофана, он имел непреклонный характер и слишком часто осыпал ругательствами тех, кто воздвиг его на царство. В конце концов они решили свергнуть его и отдать власть его зятю, куропалату Михаилу Ранга-ве, женатому на сестре императора. До Ставракия дошли слухи о готовящемся перевороте: он отдал приказ ослепить Михаила, но было уже поздно. В ночь на 2 октября 811 г. заговорщики собрали легионы на крытом ипподроме и уговорили их провозгласить Михаила. Утром нового императора поддержали сенат и патриарх. Ставракий, услышав о своем низложении, тотчас надел монашеское платье. Из жалости Михаил сохранил ему жизнь и позволил остаться в столице, где Ставракий и умер в начале следующего года (Феофан: 800, 803, 804).

ТАРРИП

Царь молосов (Эпир), правивший в 395-361 гг. до Р.Х. Сын Адмета.

Согласно Плутарху, Тарипп просветил государство эллинскими обычаями и ученостью, впервые дал ему человеколюбивые законы и тем прославил свое имя (Плутарх: «Пирр»; 1).

ТАЦИТ, Марк Клавдий

Римский император в 275-276 гг. Род. в 200 г. Умер 276 г.

Тацит получил верховную власть, находясь уже в очень преклонном возрасте. В 273 г. он был основным консулом, а осенью 275 г. был избран сенатом в императоры на место убитого Аврелиана. Все свое имущество он немедленно передал государству, а сам продолжал носить те же туники и тоги, которые носил в бытность частным человеком. Всю жизнь он был очень бережливым, ел и пил вино очень умеренно, в бани ходил редко. Поэтому и в старости он был очень крепок и даже сохранил превосходное зрение. При этом он считался величайшим знатоком произведений искусства и питал страсть к изделиям из мрамора. Из развлечений Тацит любил охоту. Первой его заботой после принятия власти было казнить убийц Аврелиана. Вначале 276 г. он выступил против алан, которые начали опустошать побережье Киликии. Во

время этого похода он умер на шестом месяце своего правления. Одни говорят, что он был убит солдатами, другие - что умер от болезни (Вописк: «Тацит»; 4, 10-11, 13).

ТЕЛЕКЛ

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в VIII в. до Р.Х. Сын Архелая.

При Телекле лакедемоняне взяли три соседних города - Амиклы, Фарис и Геранфра, принадлежавшие тогда еще ахейцам. Из них жители Фариса и Геранфра, испугавшись нашествия дорийцев, согласились уйти из Пелопоннеса на определенных условиях. Амиклейцев же лакедемоняне не смогли изгнать так легко, потому что те оказали им упорное сопротивление. Вскоре после этой победы Телекл погиб от руки мессенцев в храме Артемиды (Павсаний: 3; 2).

ТЕМЕН

Легендарный царь Дориды и Аргоса из рода Гераклидов, правивший в конце XII - начале XI вв. до Р.Х. Сын Ариотомаха.

Темену и его братьям, Крес-фонгу и Аристодему, удалось завершить великое дело завоевания Пелопоннеса, начатое их предками за сто лет до этого. Отец Темена, Аристомах, погиб в одном из таких походов. Когда Темен и его братья возмужали, они обратились к оракулу с вопросом, как им вернуться на свою историческую родину, но бог ответил им то же, что говорил прежде их прадеду Гиллу. Тогда Темен стал жаловаться на то, что они уже поступили согласно оракулу, но потерпели поражение. На это бог ответил, что Гераклиды сами виноваты в своих бедствиях. Они не поняли предсказания. Бог говорил им не о плоде земли, а о третьем поколении людей. Выслушав все это, Темен собрал войско и стал готовить корабли в Локриде и Навпакте.

Бог повелел Гераклидам избрать себе в качестве вождя трехглазого. Вскоре сыновья Аристомаха встретили Оксила, сына Тоанта, ехавшего на одноглазом коне (второй глаз у него был выбит стрелой). Поняв смысл оракула, Гераклиды сделали его вождем войска (Апод-лотор: 2; 8; 2-3).

В новом походе, начавшемся в 1104 г. до Р.Х., Гераклидам, наконец, сопутствовала удача. Первым государством, которое они покорили, была Сикиония. Здесь воцарился сын Темена, Фальк (Павсаний: 2; 6; 4). Но главным противником Гераклидов на Пелопоннесе оставался, как и прежде, Тисамен, сын Ореста. Напав на его царство с суши и моря, дорийцы одержали, наконец, победу и вынудили Тисамена уйти вместе с его войском за пределы Арголиты. После этого сыновья Аристомаха поделили между собой полуостров. Аргос достался Темену (Аполлотор: 2; 8; 4).

Воцарившись в Аргосе, Темен явно отдавал предпочтение во время битв Деифонту, сыну Антимаха и правнуку Геракла, перед своими сыновьями и во всем обращался к нему за советом. Еще раньше он сделал его своим зятем, и из всех своих детей больше всего любил свою дочь Гирнефо. Сыновья стали подозревать, что он и царскую власть хочет передать ей и Деифонту. Поэтому против Темена был устроен заговор, и старший из сыновей вместо него получил власть (Павсаний: 2; 19; 1).

ТИБЕРИЙ 1, Клавдий Нерон

Римский император из рода Юлиев - Клавдиев, правивший в 14-37 гг. Род 16 ноября 42 г. до Р.Х. Умер 16 марта 37 г.

Тиберий, пасынок Августа, принадлежал к древнему патрицианскому роду Клавдиев. Отец его в александрийскую войну был квестором Гая Цезаря и, начальствуя над флотом, много способствовал его победе. В перузианскую войну он сражался на стороне Луция Антония и после поражения бежал сначала к Помпею в Сицилию, а потом к Антонию - в Ахайю. При заключении всеобщего мира он вернулся в Рим и здесь по требованию Августа уступил ему

свою жену, Ливию Друзиллу, которая к этому времени уже родила сына Тиберия и была беременна вторым ребенком. Вскоре после этого Клавдий скончался.

Младенчество и детство Тиберия были тяжелыми и беспокойными, так как он повсюду сопровождал родителей в их бегстве. Много раз в это время жизнь его была на волосок от смерти. Но когда мать его стала женой Августа, положение его резко переменялось. Военную службу он начал в 26 г. до Р.Х. во время кантабрийского похода, где он был войсковым трибуном, а гражданскую - в 23 г. до Р.Х., когда он в присутствии Августа в нескольких процессах защищал царя Архелая, жителей Тралл и жителей Фессалии и привлек к суду Фанния Цепиона, который с Вар-роном Муреной составил заговор против Августа, и добился его осуждения за оскорбление величества. В том же году он был избран квестором.

В 20 г. до Р.Х. Тиберий возглавлял поход римских войск на восток, вернул армянское царство Тиграну и в своем лагере, перед трибуной военачальника, возложил на него диадему. Претуру он получил в 16 г. до Р.Х. После нее около года управлял Косматой Галлией, беспокойной из-за раздоров вождей и набегов варваров, а в 15 г. до Р.Х. вел войну в Иллирии с винделиками и ретами. Консулом Тиберий впервые стал в 13 г. до Р.Х.

Первый раз он женился на Агриппине, дочери Марка Агриппы. Но хотя они жили в согласии и она уже родила ему сына Друза и была беременна во второй раз, ему было велено в 11 г. до Р.Х. дать ей развод и немедленно вступить в брак с Юлией, дочерью Августа. Дня него это было безмерной душевною мукой; к Агриппине он питал глубокую сердечную привязанность. Юлия же своим нравом была ему противна - он помнил, что еще при первом муже она искала близости с ним, и об этом даже говорили повсюду. Об Агриппине он тосковал и после развода; и когда один только раз случилось ему ее встретить, он проводил ее таким взглядом, долгим и полным слез, что были приняты меры, чтобы она больше никогда не попадалась ему на глаза. С Юлией он поначалу жил в ладу и отвечал ей любовью, но потом стал все больше от нее отстраняться; а после того, как не стало сына, который был залогом их союза, он даже спал отдельно. Сын этот родился в Аквилее и умер еще младенцем.

В 9 г. до Р.Х. Тиберий вел войну в Паннонии и покорил бревков и долматов. За этот поход ему присуждена была орация. В следующем году ему пришлось воевать в Германии. Пишут, что он захватил в плен 40 000 германцев, поселил их в Галлии возле Рейна и вступил в Рим триумфатором. В 6 г. до Р.Х. ему на пять лет была вручена трибунская власть.

Но среди этих успехов, в расцвете лет и сил, он неожиданно решил отойти от дел и удалиться как можно дальше. Быть может, его толкнуло на это отношение к жене, которую он не мог ни обвинить, ни отвергнуть, но и не мог больше терпеть; быть может - желание не возбуждать неприязни к себе в Риме и своим удалением укрепить свое влияние. Ни просьбы матери, умолявшей его остаться, ни жалобы отчима в сенате на то, что он его покидает, не поколебали его; встретив еще более решительное сопротивление, он на четыре дня отказался от пищи.

Добившись наконец позволения уехать, он тотчас отправился в Остию, оставив в Риме жену и сына, не сказав ни слова никому из провожавших и лишь с немногими поцеловавшись на прощание. Из Остии он поплыл вдоль берега Кампании. Здесь он задержался было при известии о нездоровье Августа; но так как пошли слухи, будто он ожидает, не сбудутся ли самые смелые его надежды, он пустился в море почти что в самую бурю и достиг, наконец, Родоса. Красота и здоровый воздух этого острова привлекли его еще тогда, когда он бросил здесь якорь на пути из Армении.

Здесь он стал жить как простой гражданин, довольствуясь скромным домом и немногим более просторной виллой. Без ликтора и без рассыльного он то и дело прогуливался по гимнасию и с местными греками общался почти как равный. Он был постоянным посетителем философских школ и чтений.

Во 2 г. до Р.Х. он узнал, что Юлия, жена его, осуждена за разврат и прелюбодеяние, и что Август от его имени дал ей развод. Он был рад этому известию, но все же почел своим долгом, сколько мог, заступиться перед отчим за дочь в своих неоднократных письмах. В следующем году истек срок трибунских полномочий Тиберия, и он подумал о том, чтобы возвратиться в Рим и навестить своих родственников. Однако от имени Августа ему было объявлено, чтобы он

оставил всякую заботу о тех, кого с такой охотой покинул. Теперь он уже вынужден был оставаться на Родосе против воли. Тиберий удалился в глубь острова, забросил обычные упражнения с конем и оружием, отказался от отеческой одежды, надел греческий плащ и сандалии и в таком виде прожил почти два года, с каждым годом все более презираемый и ненавидимый.

Август разрешил ему вернуться только во 2 г. при условии, что он не будет принимать никакого участия в государственных делах. Тиберий поселился в садах Мecenата, предался полному покою и занимался только частными делами. Но не прошло и трех лет, как Гай и Луций, внуки Августа, которым он предполагал передать власть, скончались. Тогда в 4 г. Август усыновил Тиберия вместе с братом умерших, Марком Агриппой, но предварительно Тиберий должен был усыновить своего племянника Германика.

С этих пор ничего не было упущено для возвышения Тиберия - в особенности после отлучения и ссылки Агриппы, когда он заведомо остался единственным наследником. Сразу после усыновления он вновь получил трибунскую власть на пять лет и ему было поручено умиротворение Германии. Три года Тиберий усмирял херусков и хавков, укреплял границы по Эльбе и боролся против Маробода. В 6 г. пришла весть об отпадении Иллирии и восстании в Паннонии и Далматии. Ему была доверена и эта война, - самая тяжелая из внешних войн римлян после Пуннической. С пятнадцатью легионами и равным количеством вспомогательных войск Тиберию пришлось воевать три года при величайших трудностях всякого рода и крайнем недостатке продовольствия. Его не раз отзывали, но он упорно продолжал войну, опасаясь, что сильный и близкий враг, встретив добровольную уступку, перейдет в нападение. И за это упорство он был щедро вознагражден: весь Иллирик, что простирается от Италии и Норика до Фракии и Македонии и от Дуная до Адриатического моря, он подчинил и привел к покорности.

Обстоятельства придали еще большее значение этой победе. Как раз около этого времени в Германии погиб Квинтилий Вар с тремя легионами, и никто не сомневался, что победители-германцы соединились бы с паннонцами, если бы перед этим не был покорен Иллирик. Поэтому Тиберию был назначен триумф и многие другие почести.

В 10 г. Тиберий вновь отправился в Германию. Он знал, что виной поражения Вара была опрометчивость и беззаботность полководца. Поэтому он проявил необычайную бдительность, готовясь к переходу через Рейн, и сам, стоя на переправе, проверял каждую повозку, нет ли в ней чего сверх положенного и необходимого. А за Рейном вел он такую жизнь, что ел, сидя на голой траве, и спал часто без палатки. Порядок в войске он поддерживал с величайшей строгостью, восстановив старые способы порицаний и наказаний. При всем этом в сражения он вступал часто и охотно и в конце концов добился успеха. Вернувшись в 12 г. в Рим, Тиберий справил свой паннонийский триумф.

В 13 г. консулы внесли закон, чтобы Тиберий совместно с Августом управлял провинциями и производил перепись. Он совершил пятилетнее жертвоприношение и отправился в Иллирик, но с дороги тотчас был вызван обратно к умирающему отцу. Августа он застал уже без сил, но еще живого, и целый день оставался с ним наедине.

Кончину Августа он держал в тайне до тех пор, пока не был умерщвлен молодой Агриппа. Его убил приставленный к нему для охраны войсковой трибун, получив об этом письменный приказ. Неизвестно, оставил ли этот приказ умирающий Август или же от его имени продиктовала Ливия с ведома или без ведома Тиберия. Сам Тиберий, когда трибун доложил ему, что приказ исполнен, заявил, что такого приказа он не давал.

Хотя он без колебания решился тотчас принять верховную власть и уже окружил себя вооруженной стражей, залогом и знаком господства, однако на словах он долго отказывался от власти, разыгрывая самую бесстыдную комедию: то он с упреком говорил умоляющим друзьям, что они и не знают, какое это чудовище - власть, то двусмысленными ответами и показной нерешительностью держал в напряженном неведении сенат, подступавший к нему с коленопреклоненными просьбами. Некоторые даже потеряли терпение: кто-то среди общего шума воскликнул: «Пусть он правит или пусть он уходит!»; кто-то в лицо ему заявил, что иные медлят делать то, что обещали, а он медлит обещать то, что уже делает. Наконец, словно против воли, с горькими жалобами на тягостное рабство, возлагаемое им на себя, он принял власть. Причиной его колебаний был страх перед опасностями, угрожавшими ему со всех сторон: в

войсках вспыхнули сразу два мятежа, в Иллирике и Германии. Оба войска предъявили много чрезвычайных требований, а германские войска не желали даже признать правителя, не ими поставленного, и всеми силами побуждали к власти начальствовавшего над ними Германика, несмотря на его решительный отказ. Именно этой опасности больше всего боялся Тиберий.

После прекращения мятежей, избавившись наконец от страха, он поначалу повел себя как примерный. Из множества высочайших почестей принял он лишь немногие и скромные. Даже имя Августа, полученное им по наследству, он употреблял только в письмах к царям и правителям. Консульство с этих пор он принимал только три раза. Угодливость была ему так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов ни для приветствия, ни по делам. Даже когда в разговоре или в пространной речи он слышал лесть, то немедленно обрывал говорящего, бранил его и тут же поправлял. Когда кто-то обратился к нему «государь», он тотчас объявил, чтобы более так его не оскорбляли. Но и непочтительность, и злословие, и оскорбительные о нем стишки он переносил терпеливо и стойко, с гордостью заявляя, что в свободном государстве должны быть свободными и мысль, и язык.

Сенаторам и должностным лицам он сохранил прежнее величие и власть. Не было такого дела, малого или большого, государственного или частного, о котором бы он не доложил сенату. И остальные дела вел он всегда обычным порядком через должностных лиц. Консулы пользовались таким почтением, что сам Тиберий неизменно вставал перед ними и всегда уступал дорогу.

Но постепенно он дал почувствовать в себе правителя. Его природная угрюмость и врожденная жестокость стали проявляться все чаще и чаще. Поначалу он действовал с оглядкой на закон и общественное мнение, но потом, преисполнившись презрением к людям, дал полную власть своим тайным порокам. В 15 г. было положено начало процессам о так называемом оскорблении величества. Этот старый закон при Августе почти не применялся. Когда же Тиберия спросили, привлекать ли к суду провинившихся по этому закону, он ответил: «Законы должны исполняться», - и их начали исполнять с крайней жестокостью. Кто-то снял голову со статуи Августа, чтобы заменить ее на другую; дело пошло в сенат и, ввиду возникших сомнений, расследовалось под пыткой. Понемногу дошло до того, что смертным преступлением стало считаться, если кто-нибудь перед статуей Августа бил раба или переодевался, если приносил монету или кольцо с изображением Августа в отхожее место или в публичный дом, если без похвалы отзывался о каком-нибудь его слове или деле. Не менее суров оказался Тиберий к близким. К обоим своим сыновьям - и к родному Друзу, и к приемному Германику - он никогда не испытывал отеческой любви. Германик внушал ему зависть и страх, так как пользовался огромной любовью народа. Поэтому он всячески старался унижить его славнейшие деяния, объявляя их бесполезными, а самые блистательные победы осуждал как пагубные для государства. В 19 г. Германик внезапно скончался в Сирии, и полагали даже, что Тиберий был виновником его гибели, отдав тайный приказ отравить сына, что и было исполнено наместником Сирии Пизоном. Не успокоившись на этом, Тиберий перенес в дальнейшем свою ненависть на всю семью Германика.

Собственный сын Друз был противен ему своими пороками, так как жил легкомысленно и распущенно. Когда он умер в 23 г. (как выяснилось позже, отравленный собственной женой и ее любовником Сеяном, префектом преторианцев), это не вызвало в Тиберий никакой скорби: чуть ли не сразу после похорон он вернулся к обычным делам, запретив продолжительный траур. Посланники из Иллиона принесли ему соболезнование немного позже других, - а он, словно горе уже было забыто, насмешливо ответил, что и он в свой черед им сочувствует: ведь они лишились лучшего своего согражданина Гектора (Светоний: «Тиберий»; 4, 6, 7-22, 24-28, 30-31, 38, 52, 58).

В 26 г. Тиберий решил поселиться вдали от Рима. Сообщают, что его изгнало из столицы властолюбие его матери Ливии, которую он не желал признавать своей соправительницей и от притязаний которой не мог избавиться, ведь сама власть досталась ему через нее: достоверно известно было, что Август подумывал передать принципат Германику, и только после многих просьб жены сдался на ее уговоры и усыновил Тиберия. Этим и попрекала постоянно Ливия сына, требуя от него благодарности (Тацит: «Анналы»; 4; 57). С тех пор Тиберий больше никогда не возвращался в Рим.

Поначалу он искал уединения в Кампании, а в 27 г. переехал на Капри - остров привлекал его прежде всего тем, что высадиться на него можно было в одном лишь небольшом месте, а с остальных сторон он был окружен высочайшими скалами и глубинами моря. Правда, народ неотступными просьбами тотчас добился его возвращения, так как произошло несчастье в Фидендах: на гладиаторских играх обрушился амфитеатр, и больше двадцати тысяч человек погибло. Тиберий переехал на материк и всем позволил приходить к нему. Удовлетворив всех просителей, он вернулся на остров и окончательно оставил все государственные дела. Более он не пополнял декурии всадников, не назначал ни префектов, ни войсковых трибунов, не сменял наместников в провинциях; Испания и Сирия несколько лет оставались без консульских легатов, Армению захватили парфяне, Мезию - дакийцы и сарматы. Галлию опустошали германцы - но он не обращал на это внимания, к великому позору и не меньшему урону для государства (Светоний: «Тиберий»; 39-41). В распоряжении Тиберия находилось двенадцать вилл с дворцами, каждая из которых имела свое название; и насколько прежде он был поглощен заботами о государстве, настолько теперь предался тайному любострастию и низменной праздности (Тацит: «Анналы»; 4; 67). Он завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата. Собранные толпами отовсюду девочки и мальчики наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть. Спальни, расположенные тут и там, он украсил картинами и статуями самого непристойного свойства и разложил в них книги Элефантиды, чтобы всякий в своих трудах имел под рукою предписанный образец. Даже в лесах и рощах он повсюду устроил Венерины местечки, где в гротах и между скал молодые люди обоего пола предо всеми изображали фавнов и нимф. Он завел также мальчиков самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми забавлялся в постели. К похоти такого рода он был склонен и от природы, и от старости. Поэтому отказанную ему по завещанию картину Паррасия, изображавшую совокупление Мелеагра и Атланты, он не только принял, но и поставил в своей спальне. Говорят, даже при жертвоприношении он однажды так распалился на прелесть мальчика, несшего кадильницу, что не смог устоять, и после обряда чуть ли не тут же отвел его в сторону и растлил, а заодно и брата его, флей-тиета; но когда они после этого стали попрекать друг друга бесчестьем, он велел перебить им колени. Измывался он и над женщинами, даже самыми знатными.

29 г. оказался роковым для многих близких Тиберия. Прежде всего скончалась Ливия, его мать, с которой он уже много лет был в ссоре. Тиберий начал удаляться от нее сразу после принятия власти, а открыто порвал после того, как она, в порыве досады на его неблагодарность, огласила некоторые древние письма Августа, где тот жаловался на жестокость и упрямство Тиберия. Он безмерно был оскорблен тем, что эти письма хранились так долго и были обращены против него так злобно. За все три года от его отъезда и до ее кончины он виделся с нею только один раз. Он и потом не посетил ее, когда она заболела, и заставил напрасно ждать себя, когда она умерла, так что тело ее было погребено лишь много дней спустя, уже разлагающееся и гниющее. Обожествление ее он запретил, а завещание объявил недействительным, со всеми же друзьями и близкими расправился очень скоро (Светоний: «Тиберий»; 43-45, 51). Вслед за тем наступила пора безграничного и беспощадного самовластия. При жизни Ливии все же существовало какое-то прибежище для преследуемых, так как Тиберий издавна привык оказывать послушание матери, да и Сеян, его злой гений и наушник, не осмеливался возвышаться над авторитетом его родительницы; теперь же оба они понесли, словно освободившись от узды, и напустились на вдову Германика Агриппину и сына ее Нерона (Тацит: «Анналы»; 5; 3). Тиберий никогда не любил ее, но поневоле скрывал свои чувства, так как народ перенес на нее и ее детей ту любовь, которую всегда питал к Германику. Сеян усиленно раздувал эту неприязнь. Он подослал к ней мнимых доброжелателей, дабы те под личиною дружбы предупредили ее, что для нее изготовлен яд и что ей следует избегать яств, предлагаемых ей у свекра. И вот, когда Агриппине пришлось возлежать за столом возле принцепса, она хмурая и молчаливая, не притронулась ни к одному кушанью. Это заметил Тиберий; случайно или, быть может, желая ее испытать, он похвалил поставленные перед ним плоды и собственноручно протянул их невестке. Это еще больше усилило подозрения Агриппины, и она, не отведав плодов, передала их рабам (Тацит: «Анналы»; 4; 54). После этого Тиберий даже не приглашал ее к столу, оскорбленный тем, что

его обвиняют в отравлении. Несколько лет Агриппина жила в опале, покинутая всеми друзьями. Наконец, возведя на нее клевету, будто она хотела искать спасения то ли у статуи Августа, то ли у войска, Тиберий сослал ее на остров Пандатерию, а когда она стала роптать, ей побоями выхлестнули глаза. Агриппина решила умереть от голода, но ей насильно раскрывали рот и вкладывали пищу. И даже когда она, упорствуя, погибла, Тиберий продолжал ее злобно преследовать: самый день ее рождения отныне велел он считать несчастливым. Двоих сыновей Агриппины - Нерона и Друза - объявили врагами отечества и умертвили голодом.

Впрочем, и Сеян не смог воспользоваться плодами своего вероломства. В 31 г., уже подозревая его в кознях против себя, Тиберий под предлогом консульства удалил Сеяна с Капри (Светоний: «Тиберий»; 53-54, 65). Потом Антония, вдова его брата Друза, донесла Тиберию, что Сеян готовит заговор, собираясь с помощью преторианцев лишить его власти (Флавий: «Иудейские древности»; 18; 6; 6). Тиберий велел схватить префекта и казнить. В ходе следствия открылись многие злодеяния Сеяна, в том числе и то, что по его приказу отравлен был Друз, сын Тиберия. После этого Тиберий стал особенно свиреп и показал свое истинное лицо. Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день. Со многими вместе осуждались дети и дети их детей. Родственникам казненных запрещено было их оплакивать. Обвинителям, а часто и свидетелям назначались любые награды. Никакому доносу не отказывали в доверии. Всякое преступление считалось уголовным, даже несколько невинных слов. Трупы казненных бросали в Тибр. Девственниц старинный обычай запрещал убивать удавкой - поэтому несовершеннолетних девочек перед казнью растлевал палач. Многих пытали и казнили на Капри, а потом сбрасывали трупы с высокой скалы в море. Тиберий даже придумал новый способ пытки: людей поили допьяна чистым вином, а затем им неожиданно перевязывали члены, и они изнывали от режущей перевязки и от задержания мочи.

Незадолго до смерти он отправился в Рим, но, завидев издали его стены, приказал повернуть обратно, так и не заехав в город. Он торопился обратно на Капри, но в Астуре занемог. Немного оправившись, он доехал до Мизена и тут слег окончательно (Светоний: «Тиберий»; 61-62, 72- 73). Когда окружающие решили, что дыхание Тиберия пресеклось и стали поздравлять Гая Цезаря, последнего оставшегося в живых сына Германика и его наследника, вдруг сообщили, что Тиберий открыл глаза, к нему возвратился голос и он просит принести ему пищи. Всех эта новость повергла в трепет, но префект преторианцев Макрон, не утративший самообладания, приказал удушить старика, набросив на него ворох одежды. Таков был конец Тиберия на семьдесят восьмом году жизни (Тацит: «Анналы»; 50).

ТИБЕРИЙ II, Флавий Константин

Византийский император в 578- 582 гг. Умер 14 авг. 582 г.

Фракиец Тиберий выдвинулся при императоре Юстине II и занимал при нем должность начальника телохранителей. В 573 г. он вел неудачную войну с аварами, потерпел от них поражение и сам едва спасся бегством. Однако благодаря покровительству императрицы Софии Тиберий не утратил расположения Юстина (Феофан: 566, 567). В 574 г. по совету Софии больной император усыновил Тиберия и объявил его соправителем с титулом кесаря. По свидетельству Евагрия, новый государь был отмечен всеми достоинствами. Он был очень высок и при этом статен. Душа его была кроткой и человеколюбивой - и уже первый взгляд располагал к нему всех (Евагрий: 5; 13). Он совершенно не заботился о личной наживе и деньгах, а видел высшее свое счастье в том, что его подданные будут процветать и наслаждаться великим богатством; общее благоденствие он считал величайшим и непохищаемым сокровищем (Симокатта: 3; 16). В сентябре 578 г., после смерти Юстина, Тиберий сделался полновластным правителем. Вскоре народ на ипподроме потребовал, чтобы император показал им Августу. Тогда Тиберий вывел на трибуну свою тайную жену Анастасию. Феофан пишет, что София была поражена, узнав, что Тиберий женат, так как рассчитывала выйти за него замуж и остаться Августой (Феофан: 571). Затаив на пасынка обиду, она пыталась лишить его престола, и в дальнейшем Тиберий вынужден был заключить Софию под надзор в один из ее дворцов (Дашков: «София»).

Правление, выпавшее на долю Тиберия, оказалось чрезвычайно тяжелым. С тех пор, как

он воссел на престол, пишет Иоанн, его со всех сторон обступили войны: прежде всего война против персов, а одновременно с ней война против всех других варварских народов, которые восстали на сильное царство ромеев и грозили ему со всех сторон. Равно и после смерти Юстина враги сильно на него налегли, в особенности славяне и авары. Тогда ему и на короткое время не было покоя от вестников и слухов, во множестве приходивших к нему со всех мест. Так что многие вельможи и некоторые из простых людей страдали за него, говоря: в тяжких испытаниях и в злые дни досталось ему царство, так как дни и ночи он подвержен заботе о том, чтобы собирать отовсюду войска и посылать их во все стороны на многочисленные войны (Иоанн: 3; 6; 25). Персидская война отвлекала на себя все силы римлян. Но постепенно дела их в Азии улучшились, особенно после того, как Тиберий направил против персов талантливого полководца Маврикия. Между тем Эллада в 578 г. испытала много бедствий от нашествий славян. Тиберий не имел возможности противиться всем неприятелям вместе. Тогда он предложил аварскому кагану Баяну неожиданно напасть на землю славян. Римляне пропустили 60 000 аваров через Иллирию и переправили их на своих судах через Дунай. Авары стали немедленно жечь селения славян и опустошать их поля. Таким образом, славяне были разбиты, а их князь Дав-рит пал в бою. Тогда же Италия почти вся была опустошена лангобардами. Римский сенат умолял Тиберия о помощи, но он вынужден был отказать им в поддержке ради спасения восточных провинций. В 579 г. авары стали требовать у императора Сирмий - последний город, который еще остался у римлян в Паннонии, на северном берегу Савы. Тиберий ответил, что скорее отдаст кагану свою дочь, чем позволит владеть этой важной крепостью. Но он не мог ничем защитить ее - после двухлетней осады город был взят Баяном (Менандр: 47, 48, 50, 58, 64, 66). В 581 г. множество славян переправилось через Дунай. Они стремительно прошли Фракию, Македонию и всю Элладу, опустошили и сожгли многие города и крепости и взяли пленных. На этот раз они не ушли за Дунай, а расселились по пустующим землям. Опустошенная трехсотлетними нашествиями и в конец обезлюдевшая Фракия стала их новой родиной, так что поселения славян доходили почти до самой столицы (Иоанн: 3; 6; 25). Тиберию пришлось признать сложившееся положение вещей. В 582 г. он выдал свою дочь Константину за Маврикия и возвел его в достоинство кесаря вместе с другим полководцем - Германом. Вскоре после этого император поел рыжих шелковичных ягод и заболел чахоткой. 13 августа он, чувствуя свой конец, пригласил во дворец патриарха, всех телохранителей и приближенных. Сам он был внесен на носилках и, будучи уже не в силах говорить, объявил через чтеца, что нарекает Маврикия императором. На следующий день Тиберий умер (Феофан: 574).

ТИБЕРИЙ III

Византийский император в 698 - 705 гг. Умер 705 г.

Настоящее имя Тиберия было Апсимар. Он был архонтом Кури-киотской армии, находившейся в области кивериотов. Вместе с войском патрикия Иоанна он участвовал в 698 г. в неудачном для римлян походе на Карфаген. Когда флот после поражения направлялся обратно, то на острове Крит архонты вместе с массой солдат подняли восстание. Они стали бранить императора Леонтия, отступились от него и под именем Тиберия провозгласили Апсимара императором. Тем временем столица была охвачена заразной болезнью. Тиберий с флотом отправился к Константинополю и пристал в Сиках. Некоторое время спустя он подкупил стражников на стене Влахерн и их архонтов и через них захватил город. Низложенному Леонтию он велел отрезать нос и заточил его в Делматский монастырь (Никифор: 698).

В 705 г. власть над империей вернул себе Юстиниан II. В день своего торжества он велел с позором влачить Тиберия и Леонтия по городу, а затем, во время конских ристалищ, сидя, попирали их шеи ногами. Наконец, вдоволь поиздевавшись, он велел обоих обезглавить на Собачьем рынке (Феофан: 698).

ТИТ, Флавий Веспасиан

Римский император из рода Флавиев, правивший в 79-81 гг. Сын Веспасиана. Род. 30 дек. 39 г. Умер 13 сент. 81 г.

Детство Тита прошло при дворе Клавдия, где он воспитывался вместе с сыном императора Бри-таником. Он обучался тем же наукам и у тех же учителей и был таким другом Британика, что, по рассказам, даже питье, от которого умер Британик, слегка пригубил прежде него и от того долго мучился тяжелой болезнью. Телесными и душевными достоинствами блистал он еще в отрочестве, а потом, с годами, все больше и больше. Его отличали замечательная красота, в которой было столько же достоинства, сколько приятности; отменная сила, которой не мешали ни маленький рост, ни слегка выдающийся живот; исключительная память и, наконец, способности едва ли не ко всем военным и мирным искусствам. Конем и оружием он владел отлично; произносил речи и сочинял стихи по-латыни и по-гречески с охотой и легкостью, даже без подготовки; был знаком с музыкой настолько, что пел и играл на кифаре искусно и красиво. Многие сообщают, что даже писать скорописью умел он так проворно, что для шутки и потехи состязался со своими писцами, а любому почерку подражал так ловко, что часто восклицал: «Какой бы вышел из меня подделыватель завещаний!»

Службу он начал войсковым трибуном в Германии и в Британии, прославив себя великой доблестью. После военной службы он стал выступать в суде, больше для доброй славы, чем для практики. В это же время он женился на Арре-цине Тертулле, а после ее смерти - на Марции Фурнилле из знатного рода, с которой развелся после рождения дочери. За должность квестора он получил начальство над легионом и в 66 г. отправился вместе с отцом в Иудею. Он покорил здесь две сильнейшие крепости - Тарихею и Гамалу. В одной схватке под ним была убита лошадь - тогда он пересел на другую, чей всадник погиб, сражаясь рядом с ним.

Когда вскоре к власти пришел Гальба, Тит был отправлен к нему с поздравлениями и повсюду привлекал к себе внимание: думали, что Гальба вызвал его, чтобы усыновить. Но при вести о новом перевороте, совершенном Отоном, он вернулся с дороги. Уезжая в 69 г. в Египет, Веспасиан оставил Тита с войском в Иудее, поручив ему самое трудное дело - штурм Иерусалима (Светоний: «Тит»; 1-5).

Иерусалим представлял собой первоклассную крепость. Построенный на четырех обрывистых холмах, он был окружен тройной стеной. Внутри располагались дворец Ирода, крепость Антония и Храм, имевшие собственные мощные укрепления, не уступающие городским. С огромным трудом римляне подвели валы к наружной стене и разбили ее таранами. Но чем дальше продвигались они внутрь города, тем отчаяннее сопротивлялись осажденные. Ни одна из форм борьбы не осталась неиспробованной. Сражение не прекращалось ни днем ни ночью. Римлянам было бы нелегко выдержать такое напряжение, но Тит постоянно вдохновлял и подбадривал их. Он разрабатывал планы, руководил работами, отражал вылазки иудеев, сам сражался в передних рядах и снискал великое уважение и любовь своих солдат. Подчиняясь его воле, все войско сражалось как один человек. Разрушив вторую стену через пять дней после первой, римляне ворвались в город, но вскоре были окружены со всех сторон иудеями. Легионеры дрогнули и стали отступать. Сам Тит в этом бою отходил в последних рядах, разя из лука нападавших и прикрывая отход. Через три дня он повторил атаку, приказав снести предварительно большой кусок стены, и на этот раз добился успеха. Оставшуюся еще не-взятой верхнюю часть города он велел обнести стеной, чтобы пресечь всякий подвоз продовольствия. Когда это было сделано, иудеи стали испытывать страшные лишения. Голод свирепствовал, выкашивая целые семьи. Огромное количество трупов валялось на улицах непогребенными, отчего над городом стоял тяжелый смрад (Флавий: «Иудейская война»; 5; 4-13). Тит же решил сосредоточить свои усилия на взятии Храма, так как, овладев этой господствовавшей над Иерусалимом крепостью, он получал ключ ко всему городу. После того как часть стены Антония рухнула вследствие подкопа, римляне смелым штурмом взяли и разрушили эту крепость. Таким образом они приблизились непосредственно к укреплениям самого Храма. После этого война стала еще ожесточеннее: иудеи заманили ложным отступлением большой отряд римлян на галереи Храма, а затем зажгли их и уничтожили таким образом большое количество нападавших. Но этим они только подсказали римлянам средство к успеху. Так как мощные камни, из которых были сложены стены Храма, не поддавались даже

таранам, Тит велел поджечь ворота. Огонь неожиданно перекинулся на галереи, и вскоре весь Храм оказался объятым пламенем. Римляне, ворвавшиеся вслед за огнем, предали всех защитников поголовно истреблению. Солдаты захватили столько сокровищ, что в Сирии цена золота упала в два раза. После разрушения Храма, Верхний город не мог уже оказать серьезного сопротивления. Через короткое время он тоже был захвачен (Флавий "Иудейская война"; 6). Поверженный Иерусалим, бывший до войны одним из богатейших и красивейших городов Азии, Тит приказал сравнять с землей, оставив только три башни, возвышавшиеся над местностью, чтобы использовать их как укрепление для римского лагеря.

Из Иудеи он отправился в Бе-рит, затем объехал все сирийские города, и всюду, куда приезжал, устраивал великолепные зрелища. Тысячи пленных иудеев были в эти дни по его приказу растерзаны на аренах дикими зверями. Только в одной Кесарии во время праздника их было перебито больше двух тысяч. Затем он отправился в Александрию, а оттуда отплыл в Италию (Флавий: «Иудейская война»; 7; I, 3, 5).

С этих пор Тит бесменно был соучастником и даже блюстителем власти. Вместе с отцом он справлял триумф, вместе был цензором, делил с ним и трибунскую власть и семикратное консульство; он принял на себя заботу почти о всех ведомствах и от имени отца сам диктовал письма, издавал эдикты, зачитывал вместо квестора речи в сенате. Он даже принял начальство над преторианцами, хотя до этого оно поручалось только всадникам. Однако в этой должности повел он себя не в меру сурово и круто. Он посылал в лагеря и театры своих людей, которые, словно от имени всех, требовали наказания подозрительных ему лиц, и тотчас с ними расправлялся. Среди них был консуляр Авл Цецина: его он сперва пригласил к обеду, а потом приказал умертвить, едва тот вышел из столовой. Правда, тут опасность была слишком близка: Тит уже перехватил собственноручно составленную Цециной речь к солдатам. Всеми этими мерами он обезопасил себя на будущее, но прежде возбудил такую ненависть, что вряд ли кто приходил к власти с такой дурной славой и с таким всеобщим недоброжелательством.

Не только жестокость подозревали в нем, но и распущенность - из-за его попок до поздней ночи с самыми беспутными друзьями; и сладострастие - из-за множества его мальчиков и евнухов и из-за пресловутой любви его к иудейской царице Беренике, на которой, говорят, он даже обещал жениться, находясь в Иудее, и которая в 75 г. переехала в Рим; и алчность - так как известно было, что в судебных делах, разбиравшихся отцом, он торговал своим заступничеством и брал взятки. Поэтому все видели в нем второго Нерона и говорили об этом во всеуслышанье.

Однако такая слава послужила ему только на пользу: она обернулась высочайшей хвалой, после того как в 79 г. он стал императором, и ни единого порока в нем не нашлось. Пир.ы его были веселыми, но не расточительными. Друзей он выбирал так, что и последующие правители в своих государственных делах не могли обходиться без них и всегда к ним обращались. Беренику он тотчас выслал из Рима, против ее и против своего желания. Самых изысканных своих любимчиков он не только перестал жаловать, но даже не желал на них смотреть, когда они выступали на всенародных зрелищах. Ничего и ни у кого он не отнял, а щедростью не уступал никому из своих предшественников. Все пожалования, сделанные его предшественниками, он подтвердил особым эдиктом. От природы он отличался редкостной добротой, и неперменным правилом его было никакого просителя не отпускать, не обнадежив; когда домашние упрекали его, что он обещает больше, чем может выполнить, он отвечал: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: «Друзья мои, я потерял день!» К простому народу он всегда был особенно внимателен. А так как на время его короткого правления выпали и извержение Везувия, и моровое поветрие необычайной силы, и разрушительный пожар в столице, он имел много случаев показать свою щедрость. После пожара он возместил погорельцам все их убытки. А всем пострадавшим в этих несчастьях он помогал и деньгами и утешениями, так что бедствия эти имели гораздо меньшие последствия, чем можно было ожидать. К врагам своим он проявил теперь столько же снисходительности, сколько прежде проявлял суровости (Све-тоний: «Тит»; 6-9). Когда однажды против него составили заговор два представителя высшего сословия, причем признавшиеся в задуманном преступлении, он,

прежде всего, обратился к ним с увещанием, потом повел их на зрелище и приказал сесть по обе стороны от себя; попросив у одного из гладиаторов меч, как бы для проверки его остроты, он дал его в руки и тому и другому, а затем сказал им: «Видите ли вы теперь, что власть дается от судьбы, и тщетны бывают попытки совершить преступление в надежде захватить ее или из страха ее потерять» (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 10). Смерть застала Тита внезапно среди всех этих забот Отпраздновав окончание строительства Колизея, он отправился в свое сабинское имение. На первой же стоянке он почувствовал горячку. Дальше его несли в носилках. Скончался он на той же вилле, что и его отец, на сорок втором году жизни, спустя два года после того, как наследовал отцу. Когда об этом стало известно, весь народ плакал о нем, как о родном (Светопий: «Тит»; 10-11).

ТРАЯН, Марк Ульпий

Римский император в 98-117 гг. Род. 18 сент. 53 г. Умер авг. 117 г.

Траян происходил из испанского города Италика и принадлежал к древнему, но малоизвестному роду. Отец его был полководцем в армии Веспасиана и Тита, а потом консулом и наместником Сирии (Евтропий: 8; 2). Сам Траян начал службу простым легионером, воевал с иудеями и парфянами (Плиний: «Панегирик»; 89). Пройдя все ступени служебной лестницы, он в 91 г. получил консульство, а в 97 г. Нерва усыновил его и даровал равные с собой права. Почти половину своего правления Траян провел в походах и войнах, расширяя пределы римского государства, которое после Августа больше защищалось, нежели нападало (Евтропий: 8; 2). С даками он воевал дважды : в 101 - 102 и 105-106 гг., первым с армией переправился через Дунай, победил их царя Децебала, а землю их превратил в провинцию. Сразу вслед за тем он обратился к восточным делам и в 106 г. захватил Nabateyское царство. Затем в 114 г. он сделал римской провинцией Армению, а парфянам нанес несколько тяжелых поражений. В 115 г. римляне завоевали Месопотамию, а в 116-м взяли парфянскую столицу Ктесифон Траян дошел до Персидского залива и здесь приказал строить флот, но смерть помешала дальнейшим завоеваниям (Виктор: «О Цезарях»; 13).

Так прославлено было рискованное оружие по всему миру. Однако воинскую славу Траян превзошел любезностью и скромностью, обращаясь со всеми как с равными себе и в Риме, и в провинциях. Чтобы поприветствовать друзей, он часто заходил к ним в гости, когда они болели или в праздничные дни. Когда друзья укоряли его, что он со всеми окружающими держится просто, он отвечал, что хочет быть таким императором, которого он сам бы хотел иметь, будучи простым подданным (Евтропий: 8; 4, 5). Вручая по обычаю префекту претория по имени Сабуран знак его власти - кинжал, он сказал: «Даю тебе это оружие для охраны меня, если я буду действовать правильно, если же нет, то против меня». Строил он много и повсюду, как в провинциях, так и в столице. В Риме он построил Суранские бани и форум, получивший его имя (Виктор: «О Цезарях»; 13). Говорят, что Траян обладал огромной физической силой и невероятной выносливостью. Он любил продираться сквозь лесные дебри, охотиться, плавать и грести. В походах он широким шагом шел впереди войска (Плиний: «Панегерик»; 10, 81). Умер Траян от поноса, возвращаясь из Парфии, у Селевкии Исаврийской на 64 году жизни (Евтропий: 8; 5).

ТРИФОН, Диодот

Царь Сирии в 140-138 гг. до Р.Х.

Диодот, прозванный Трифоном, родился в Касианах, в одном из укреплений Апамейской области, воспитан в Апамее и представлен царю и царедворцам (Страбон: 16; 2; 10). В дальнейшем Трифон стал одним из приближенных и полководцев Александра Баласы. Когда Баласа погиб в войне с Де-метрием II, Трифон отправился в Аравию к арабу Малху, которому был отдан на воспитание сын Александра Антиох, и привез мальчика в Сирию. Он провозгласил его царем и начал войну с Деметрием (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 5; 1, 3). Задумав поднять восстание, Трифон получил средства из родных Апамей, а также от

зависимых от нее городов (Страбон: 16; 2; 10). На его сторону перешло все войско. Разбитый Деметрий бежал в Вавилонию и там попал в плен к парфянам (в 140 г. до Р.Х.) (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 5; 3).

Лишь только Трифон узнал о судьбе Деметрия, он уже более не оставался верным Антиоху, но стал злоумышлять на него, решив убить его и самому овладеть царством. Некоторое время он скрывал свои намерения, так как опасался иудейского первосвященника Ионафа, который с большим войском мог прийти на помощь мальчику. Решив сначала избавиться от первосвященника, Трифон выступил в Скифополь на встречу с Ионафом. Некоторое время он вел с ним переговоры, а затем предложил распустить войско и отправиться с ним в Птолемаиду. Этот город Трифон обещал передать в руки иудеев. Ионаф, обманутый любезностью Трифона, во всем ему повиновался и поехал с ним вместе в Птолемаиду, имея при себе только тысячу человек. Заманив таким образом своего врага в ловушку, Трифон велел перебить спутников Ионафа, а самого его схватить и казнить. После этого Трифон вторгся с большим войском в Иудею. Однако как раз в это время стояла зима, выпало много снега, и дороги сделались совершенно непроходимыми. Так и не добравшись до Иерусалима, Трифон повернул назад и вернулся в Антиохию (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 6; 1-2, 5-6).

Поскольку теперь уже ему ничего не угрожало, Трифон вернулся к своему замыслу и умертвил Антиоха, а народу объявил, что царь умер во время операции. В то же самое время он послал наиболее преданных и близких друзей к войскам с обещанием выплатить огромную сумму денег, если они провозгласят его царем. Солдаты, надеясь на всякие блага, провозгласили Трифона царем. Достигнув такого положения, Трифон немедленно выказался весь, во всем своем непривлекательном свете: будучи частным человеком, он служил народу и прикидывался добрым, угождая всем желаниям толпы; достигнув же царской власти, он скинул с себя маску и явил свое настоящее лицо. Однако этим самым он лишь сыграл на руку врагам, потому что войско, ненавидевшее его, перешло на сторону жены Деметрия, Клеопатры, которая тогда заперлась с детьми в Селевкии. Царица послала к Антиоху, брату Деметрия, который скитался по стране всеми гонимый, и предложила ему жениться на ней и овладеть царством. Антиох начал войну с Трифоном, победил его и прогнал из Верхней Сирии в Финикию. Трифон укрылся сначала в Доре, потом бежал в Апамею и был там во время осады захвачен в плен и убит, успев процарствовать три года (в 138 г. до Р.Х.) (Флавий: «Иудейские древности»; 13; 7; 1-2).

ФЕОДОР I ЛАСКАРИС

Никейский император в 1206-1221/1222 гг. Род. ок. 1175 г. Умер ок. 1221 г.

Феодор принадлежал к знатному и богатому роду Ласкарисов. По словам Акрополита, он был отважен в бою, склонен к гневу и любовным наслаждениям и чрезвычайно щедр на дары (Акрополит: 18). Император Алексей III приблизил Феодора к себе и выдал за него свою дочь Анну (Хониат: 6; 3; 1). Благодаря родству с Ангелами Ласкарис смог в дальнейшем претендовать на императорский титул, который он и получил после упорной и ожесточенной борьбы. В апреле 1204 г. в Константинополь ворвались крестоносцы. Император Алексей V Дука бежал. Тогда Дука и Ласкарис, оба Феодоры, стали спорить между собой о верховной власти. Наконец клир отдал предпочтение Ласкарису, но он не возложил на себя императорского достоинства, а принял титул деспота. Выйдя вместе с патриархом из церкви, Феодор стал увещевать и поощрять собравшийся народ к сопротивлению неприятелю. Никто из толпы не отозвался на его голос, и даже секироносцы (дворцовая стража) обещали содействовать ему только за деньги. Так и не сразившись с крестоносцами, Феодор должен был спасаться бегством (Хониат: 8; 3).

Он переправился в Азию, в надежде овладеть этими местами и управлять ими вместо своего тестя Алексея III. Однако и здесь ему пришлось совершить немало подвигов, прежде чем его права на престол были признаны всеми. Когда Ласкарис прибыл к Никее и стал убеждать жителей открыть ворота и покориться ему как государю, те его не приняли. Только после усиленных упрасиваний он едва-едва склонил никейцев приютить у себя его супругу и дочерей, а сам сделал пока своей резиденцией Прусу (Акрополит: 6). Война, которую он начал

сразу вслед за этим, шла с переменным успехом. Возле Пима-нинопа он сразился с отрядом крестоносцев во главе с Петром Пла-шестом и потерпел от него поражение. Но затем, отвлеченные завоеванием Фракии, крестоносцы покинули Азию, а между бежавшими сюда полководцами ромеев начался спор о том, кто должен стать императором (Хониат: 9; 8, 13). Претендентов было много: некий Феодор овладел городом Филадельфией, а другой самозванный правитель - Савва - городом Сампсо-ном и его окрестностями. Обладателем всей Пафлагонии был Давид, брат Алексея, владевшего Трапезундом Оба они являлись внуками императора Андроника I от сына его Мануила. Впрочем, все искатели короны поначалу были одинаково слабы, поэтому успеха мог добиться самый энергичный и деятельный из них. Ласкарис взял вспомогательное войско у турецкого султана и с его помощью овладел всем Калвианом, Меандром, Филадельфией и Неокастрами, выступил против Давида Комнина, внезапно напал на него, взял в плен, а его армию рассеял. Таким образом, под власть Ласкариса отошли все земли к западу от реки Га-лис с Амастридой и Понтийской Гераклеей. Не прошло и двух лет, как он всеми был признан деспотом, а затем на собрании знатных особ и представителей церкви, состоявшемся в Никее, провозглашен императором. Коронай его увенчал в 1208 г. вновь избранный патриарх Михаил Авториан. Важнейшие области и города: Пруса, Никея, Лидия, Филомолп, Смирна и Эфес признали над собой его власть. Тесть Феодора, Алексей III, узнав о его успехах, перебрался в Азию, заручился поддержкой турецкого султана и стал искать под зятем императорского престола. Прежде чем начать с ним войну, Ласкарис собрал всех своих приверженцев и спросил, чью сторону они собираются держать. Все они хором отвечали, что отныне служат только ему. Между тем султан вместе с Алексеем в 1211 г. подступил к Антиохии-на-Менандре, придвинул к городу осадные машины и начал делать приступы. Феодор с 2000 солдат немедленно выступил на помощь осажденным. Впереди себя император послал отряд из 800 рыцарей Они произвели сильнейшее опустошение в рядах турок, но и сами почти все погибли. После этого турки легко опрокинули войско ромеев и обратили его в бегство. Когда победа, казалось, уже уплыла из его рук, Феодор схватился с султаном. Турок первый ударил его по голове тяжелой палицей и поверг на землю вместе с конем. Но император вскочил, поразил мечом лошадь султана, а затем убил и его самого. Узнав о гибели своего правителя, турки прекратили бой и заключили с Феодором мир. Алексей III оказался в плену у зятя, который обошелся с ним очень мягко - снял с него знаки царской власти и приказал жить в монастыре Иакинфа (Акрополит: 6- 7, 9-10). В последующие годы Ласкарис построил военные корабли и подчинил себе большую часть островов (Хониат: 9; 16).

После смерти первой жены император взял себе жену из Армении, но, будучи недоволен ею, отослал обратно на родину. В третий раз он женился на сестре латинского императора Генриха I. С этим императором он заключил союзный договор о разделе земель в Азии. Свою дочь он сосватал за императора Роберта, но умер во время приготовлений к свадьбе. Власть свою он завещал зятю, Иоанну Дуке, так как не имел мужского потомства (Акрополит: 9-10, 15, 18).

ФЕОДОР ИЛАСКАРИС

Никейский император в 1254 - 1257 гг. Сын Иоанна III. Род в 1221 г. Умер 16 авг. 1258 г.

Приняв власть, Феодор некоторое время вел упорную войну с болгарями. По условиям мира, прежние границы остались без изменения (Акрополит: 62). По характеру император был горяч во всех отношениях и для сановников своих был властелином тяжелым и строгим. Он не имел твердости и глубокомыслия своего отца, но отличался во всем быстротою и великодушием, а воинственностью походил на деда. Был он человек ученый, умел хорошо и красноречиво излагать свои мысли. Вскоре после восшествия на престол он впал в тяжелую болезнь, так что часто во время приступов падал на пол. Ходили слухи, что император околдован чародеями. Поэтому многих, даже знатных, людей при нем хватили и заключали в темницу, едва появлялось подозрение, что они занимаются колдовством (Пахимер: 1; 8, 12-13). Незадолго до смерти Феодор, изнуряемый недугом, превратился, по словам Акрополита, в совершенный скелет (Акрополит: 74).

ФЕОДОРА

Византийская императрица в 1028- 1030, 1042-1056 гг. Дочь Константина VIII. Умер 31 авг. 1056 г.

После смерти отца в 1028 г. Феодора была провозглашена императрицей вместе со своей старшей сестрой Зоей. Она имела характер спокойный и немного вялый, на награды и дары была очень сдержана, а к старости сделалась даже скупа. Формально она царствовала вместе с Зоей и ее мужем Романом III, но никакой властью не пользовалась. В 1030 г. Зоя распорядилась удалить Феодору из дворца, постричь ее и определить местом почетного заключения один из императорских домов. В апреле 1042 г. саму Зою низложил и постриг ее пасынок Михаил V. Тогда восставшая толпа доставила Феодору в столицу, и патриарх Алексей вновь венчал ее на царствие. Но и на этот раз ее власть продолжалась всего несколько дней. После того как Зоя получила свободу, Феодора добровольно подчинилась ей и признала ее старшинство (Пселл: «Михаил Пятый»; 34, 37, 51). Поначалу сестры решили царствовать сами. Однако ни одна из них по складу ума не годилась для самодержавной власти, они не умели ни распоряжаться, ни принимать твердых решений, а к царским заботам примешивали большей частью женские пустяки. Наконец, с согласия синклита, Зоя в третий раз вышла замуж - на этот раз за Константина Мономаха, и передала ему всю власть (Пселл: «Константин Девятый»; 2, 4-5, 21). Только после смерти сестры и ее мужа в январе 1055 г. царство наконец перешло к Феодоре. При этом все ожидали, что она вручит власть какому-нибудь благородному и способному повелевать мужу, однако вопреки всем мнениям и предположениям Феодора взяла самодержавное правление над ромеями в свои руки. Укрепляли ее в этом решении слуги и домашние, все люди опытные в делах. Поэтому императрица открыто правила государством, держала себя с мужской независимостью и не видела нужды ни в каких завесах. Она сама назначала чиновников, с высоты трона произносила твердым голосом повеления, высказывала мнения и решала тяжбы. Царствование ее, по словам Пселла, не было лишено славы и величия. Процарствовав полтора года, она была поражена тяжелым недугом: выделительные способности ее организма нарушились, в результате опорожнение происходило через ротовую полость. Почувствовав приближение смерти, Феодора объявила императором Михаила Стратиотика (Пселл: «Феодора»; 1-2, 4, 19-20).

ФЕОДОСИИ I ВЕЛИКИЙ, Флавий

Римский император в 379-395 гг. Род. И янв. 347 г. Умер 17 янв. 395 г.

Феодосий родился в северной Испании. Отец его, Гонорий, был полководцем в армии Валента и вел свой род от императора Траяна (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 48). В юности Феодосий получил хорошее общее образование, а военную науку постигал в армии отца. Под его началом он воевал против скоттов и саксов в Британии, а затем против мавров в Африке. Его мужество и способности военачальника очень рано были отмечены императором (Гиббон: 26). По свидетельству Мар-целлина, Феодосий был назначен полководцем в Мезию в то время, когда был еще безбородым юношей. В многократных стычках он разбил полчища сарматов и принудил их к миру (Марцеллин: 29; 6). Но вскоре опала и казнь Гонория, казалось, положили конец блестящей карьере его сына. Феодосий лишен был всех должностей и поселился в качестве частного лица в своем поместье в Испании (Гиббон: 26). Впрочем, опала его была недолгой. В 378 г. - восточный император Валент был разбит готами под Андрианополем и погиб. Полчища варваров рассыпались по Фракии, овладели Дакией, дошли до стен самого Константинополя (Иордан: 138). В этой крайности западный император Грациан прибыл в Сирмий, вызвал к себе Феодосия и 19 января 379 г. провозгласил его Августом и императором над всеми восточными провинциями империи (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 48).

Феодосий принял власть в очень трудное время. По свидетельству всех писателей, андрианопольское поражение повергло римлян в полное уныние. Одно имя готов приводило солдат в ужас. Нечего было и думать с такой армией давать новую битву. Следующие четыре

года были потрачены Феодосием на то, чтобы вернуть римлянам утраченный боевой дух. Местом своего пребывания новый император избрал Фессалонику. Отсюда он руководил боевыми действиями и управлял своей половиной империи (Гиббон: 26). Военное обучение вскоре принесло свои результаты, а косность и праздность были искоренены. Феодосий, вообще отличавшийся острым умом, доблестью и здравомыслием, добивался твердости как строгостью приказов, так и щедростью и лаской. И действительно, после того как воины обрели веру в себя, они стали увереннее нападать на готов и постепенно вытеснили их из пределов Фракии. Но тогда же Феодосий заболел, и состояние его было почти безнадежно. Это вновь придало готам дерзости. Часть из них отправилась грабить Фессалию, Эпир и Ахайю, другие устремились в Пан-нонию. Когда император Грациан узнал, что в связи с роковым и безнадежным недугом Феодосия готы усилили свой натиск, то он явился на восток, дал им много даров, снабдил продовольствием и заключил с ними мир (Иордан: 139-141). Тем временем Феодосий, разбитый тяжелым недугом, принял в 380 г. крещение от православного епископа Асхолия. Болезнь его стала отступать, и он совершенно излечился. Прибыв после этого в Константинополь, Феодосий показал себя горячим защитником православия. Арианскому епископу Де-мофилу он предложил или принять веру в единосущие Христа с Богом-Отцом, либо удалиться из столицы. Демофил избрал последнее. Вслед за ним Константинополь покинули многие ариане, более сорока лет владевшие здесь всеми церквями. В 381 г. Феодосий собрал в Константинополе Второй Вселенский собор, на котором арианство и другие ереси подверглись строгому осуждению, а принятый на Никейском соборе символ веры был уточнен таким образом, чтобы исключить всякое превратное его толкование (Сократ: 5; 6-8). Император своей властью утвердил это решение и издал целый ряд законов, объявлявших единственно правильной веру отцов Никейского собора. Все церкви должны были отныне передаваться православному духовенству (Созомен: 7; 9). Точно так же Феодосий, первым из императоров, подверг гонениям язычников и издал закон, повелевавший закрывать и разрушать по всей империи языческие храмы (Феодорит: 5; 21).

Между тем понемногу утихла война с варварами. В октябре 382 г. Феодосий заключил с вождем Фри-тигерном договор, по которому готы получали для поселения земли в Нижней Мезии и Фракии и поступали на службу к императору в качестве федератов (Иордан: 145). С этого времени Феодосий правил спокойно и твердо до самой своей смерти. Аврелий Виктор пишет, что он был кроток и благожелателен ко всем, особенно же к хорошим людям. Он давал изысканные и веселые пиры, однако без пышности, речь его была солидна и приятна. Он был ласковым отцом и примерным супругом. В отношении наук его образование было посредственно, но он от природы отличался проницательностью. В еде и питье он был умерен (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 48), а также отличался целомудрием и воздержанием. Однако он был гневлив и вспыльчив (Гиббон: 27). Кроме того, пишут, что он был невоздержан в тратах и предан неумеренной роскоши (Фило-сторгий: 11; I), беспечен и даже склонен к лени (Евнапий: 50).

Впрочем, от размеренной и приятной жизни Феодосия отвлекали распри в западной части империи. В 387 г. он вступился за Валентиниана II, брата Грациана, изгнанного из Италии тираном Магном Максимом. Соперники встретились в Паннонии на берегу Савы. Первый день сражения не принес никому победы, но на следующее утро Феодосий благодаря своему превосходству в коннице (она сплошь состояла из варваров - готов и алан) одержал победу. Максим был захвачен и казнен (Гиббон: 27). Следующие три года Феодосий провел в Италии, управляя отсюда всей империей. Среди многих полезных деяний, совершенных им в это время, историки пишут и об одном несомненно позорном, наложившем темное пятно на память об этом государе. В 390 г. случилось народное возмущение в Фессалониках. Феодосий, не разобрав дела, велел подвергнуть жителей города беспорядочному избиению. Всего было убито около пятнадцати тысяч горожан без различия пола и возраста. Этим злодеянием Феодосий разгневал медиоланского епископа Амвросия, который при всем народе не допустил императора в храм, так как руки его обгарены кровью невинных. Чтобы умиловить прелата, Феодосий в одежде кающегося грешника всенародно исповедовался в своих грехах. Он был первым из императоров, демонстративно склонившим голову перед авторитетом церковной власти (Созомен: 7; 25).

В том же году Феодосий возвратился в Константинополь, оставив Валентиниана управлять западной частью империи. Два года спустя Валентиниан был убит, и власть захватил ритор Евгений. В 394 г. Феодосий выступил против него во главе своей армии. Сражение произошло неподалеку от Аквилеи на берегу Фригиды. В первый день войны Евгения потеснили отряды варваров, которых было великое множество в армии Феодосия (Сократ: 5; 25). Только ночь спасла Феодосия от полного поражения. Но на другой день ему удалось обещаниями переманить на свою сторону большой отряд противника. Кроме того, в разгар сражения началась сильная буря. Ветер дул прямо в лицо войскам Евгения. Они не выдержали двойного натиска и бежали. Евгений был схвачен и обезглавлен (Гиббон: 27).

На короткое время и в последний раз вся империя объединилась в руках одного государя. Однако спустя всего четыре месяца Феодосий по пути из Рима занемог в Медиолане и умер, завещав власть двум своим сыновьям (Феофан: 386).

ФЕОДОСИЙ II, Флавий

Византийский император в 402- 450 гг. Сын Аркадия. Род. 10 апр. 401 г. Умер 28 июля 450 г.

Феодосий был объявлен Августом и соправителем Аркадия, когда ему было всего девять месяцев от роду. Семь лет спустя его отец, умирая, составил завещание, в котором объявил Феодосия своим преемником, опекуном же ему назначил персидского царя Исди-герда, заклиная его в том же завещании употребить все свое могущество и прозорливость на сохранение трона за его сыном. Когда Исдигерд увидел доставленный ему документ, он проявил добродетель, достойную большого удивления и вечной памяти. Он не стал пренебрегать поручением Аркадия, все время хранил с римлянами нерушимый мир и сохранил Феодосию державу. Сенату он тотчас же отправил послание, в котором угрожал войной всякому, кто попытается устроить против него заговор (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 1; 2). Управление государством было возложено сначала на префекта Анфимия (Сократ: 7; 1), а с 414 г. сосредоточилось в руках старшей сестры Феодосия Пульхерии (Феофан: 401). Хотя ей было всего 15 лет, она, по словам Созомена, обладала умом мудрейшим. Свое девство она посвятила Богу. К тому же направила она своих сестер, а для пресечения всяких козней удалила из дворца всех мужчин. Приняв на себя заботы правления, Пульхерия вершила все дела прекрасно и весьма благонаравно, делая хорошие распоряжения (Созомен: 9; 1). Впрочем, Евнапий описывает это время совсем другими красками и говорит, что при Пульхерии выставлялись на публичную продажу большие и малые народы для желающих купить управление ими. Целые страны продавались явно у публичных банкиров, как всякий другой товар на рынке. Кто хотел грабить Геллеспонт, покупал Геллеспонт, другой покупал Македонию, третий - Кирену. Всякому можно было покупать управление и одним народом, и многими народами во вред подвластным. При этом можно было не опасаться законов, которые были не то что слабее и тоньше паутины, но рассеивались и разносились легче праха (Евнапий: 87).

Брату Пульхерия старалась дать подобающее царю образование. Люди сведущие учили его ездить на коне, владеть оружием и сообщали познания в науках (Созомен: 9; 1). Феодосий знал греческий и латинские языки, математику, астрономию, историю, рисовал, писал красками и даже сам иллюстрировал переписанные им книги, а за красивый почерк получил прозвище «Калиграф». Он много читал, часто по ночам, при свете сконструированной им особой лампы (Дашков: «Феодосий Младший»). Сестра же давала ему наставления, как держать себя на царских выходах, как следует одеваться, как сидеть и ходить. Не менее руководила она и его благочестием, приучая постоянно молиться и почитать иереев (Созомен: 9; 1). В дальнейшем, став юношей и зрелым мужчиной, Феодосий продолжал во всем подчиняться сестре, которая одна из всего потомства Феодосия I походила характером на своего великого деда (Гиббон: 32). В императорском дворце Феодосий устроил порядок, подобный монастырскому: вставал рано утром и вместе с сестрами пел антифоны во славу Божию, знал на память Священное писание и рассуждал о нем с епископами как священник. По характеру был он человек незлобивый (Сократ: 7; 22), легковверный и, по выражению Феофана, всяким ветром носимый, отчего часто подписывал бумаги, вовсе не читая их. Однажды Пульхерия подложила между прочими бумагу

об отдаче ей в рабство супруги его, императрицы Евдокии, которую он, не читая, подписал, за что сестра потом укоряла его. Эта Евдокия была дочерью философа Леонтия. Пульхерия сама женила на ней брата в 421 г. Императрица отличалась умом, красотой, красноречием, и Феодосий горячо любил ее. К несчастью для него, две глубоко почитаемые им женщины не смогли ужиться друг с другом. В 439 г. Евдокия, чтобы отстранить Пульхерию от власти, попыталась удалить ее от двора и сделать дьяконицей, как давшую обет девства. Узнав об этом, Пульхерия уехала из дворца в Евдомон. Но уже в 441 г. правление Евдокии кончилось. Феофан рассказывает, что некто Павлиан, человек весьма образованный и красивый, пользовался особым расположением императрицы, которая часто беседовала с ним наедине. В день Рождественских святок кто-то поднес Феодосию яблоко необыкновенной величины и красоты. Император послал его Евдокии, а та отослала Павлиану. Павлиан же, спустя два дня, поднес его императору. Таким образом, связь их раскрылась. Феодосий сослал Павлиана в Каппадокию и приказал казнить. Евдокия сама удалилась в Иерусалим и прожила там до самой смерти. После этого Феодосий с большим трудом уговорил Пульхерию возвратиться во дворец (Феофан: 417, 440-442).

Почти все царствование Феодосия, если не считать короткой войны с Персией, прошло в мире. Но незадолго до его смерти империя пережила разрушительное нашествие гуннов. В 442 г. гуннский правитель Аттила потребовал от Феодосия, чтобы ему были выданы все переметчики и выслана дань, а также, чтобы были отправлены посланники для переговоров о платеже дани на будущее время. В ответ он получил уведомление, что римляне не выдадут прибегших под их покровительство людей, но вместе с ними примут войну (Приск: 3). Разгневанный этим высокомерным ответом, Аттила двинул свои орды на империю. В трех последовательных сражениях римская армия была разбита. После этого гунны взяли и разрушили все города в Иллирии и Фракии, кроме Андрианополя и Гераклеи, и раздвинули свое владычество от Геллеспонта до Фермопил и предместий Константинополя (Феофан: 442). В 447 г. заключен был мир. Феодосий согласился выдать Аттиле всех переметчиков, немедленно выплатить 6000 либр золота и каждый год выплачивать еще по 2000. По словам Приска, ужас перед Аттилой был так велик, что римляне повиновались всякому его требованию и на любое понуждение с его стороны смотрели как на приказ повелителя (Приск: 5, 6). Вскоре после этого позорного мира Феодосия постигла скоропостижная смерть. Во время охоты лошадь сбросила его в реку Лик; он повредил при падении спинной хребет и на другой день скончался (Гиббон: 34).

ФЕОДОСИИ III

Византийский император в 715 -717 гг.

Феодосий, человек, по словам Феофана, простой и ничтожный, был сборщиком податей в Адрамитии. В 715 г. приставшие сюда воины Опсикиева легиона провозгласили его императором. Феодосий бежал от мятежников в горы, но те разыскали его и насильно облекли в императорские одежды. После этого в течение шести месяцев мятежники воевали с городским флотом Константинополя, наконец изменою вошли в столицу, опустошили ее и сотворили много беззаконий. Император Анастасий II, в самом начале мятежа бежавший в Никею, отдался в руки Феодосия и был сослан им в Фессалоники (Феофан: 707).

Феодосий получил власть в очень сложное время. Из-за многих неурядиц расстроилось управление империей, а между тем арабы стали угрожать уже самому Константинополю. К столице приближалась большая армия, а также флот в количестве до 1800 судов. Узнав об этом, военные и государственные правители, ввиду неопытности Феодосия и неспособности его противостоять врагам, приступили к нему с уговорами, просили освободить престол и, без всякого вреда для себя, стать частным человеком. Феодосий, вняв их уговорам, сложил с себя власть (Никифор: 716). Вместе с сыном он постригся в монахи и остаток своих дней провел в Эфесе в полном покое (Феофан: 708). Он прославил себя аскетическим образом жизни, так что после смерти местные жители долгое время почитали его как святого (Дашков: «Феодосий Третий»).

ФЕОПОМП

Легендарный спартанский царь из рода Эврипонтидов, правивший в VIII в. до Р.Х. Сын Никандра.

Феопомп сделал важное и последнее дополнение к государственному устройству Ликурга - ввел коллегия эфоров. Говорят, жена Феопомпа упрекала его за то, что он передаст своим детям меньшую власть, чем получил сам. «Да, меньшую, - отвечал царь, - зато более прочную». Действительно, потеряв то, что для них было лишним, спартанские цари избежали зависти, грозившей им опасностью; им не пришлось испытать того, что пришлось испытать царям мессенским и аргосским со стороны их подданных, когда они не пожелали поступаться чем-либо из своих прав в пользу демократии. Действительно, мессенцам и аргосцам достались сначала по жребию даже лучшие земли в сравнении со спартанцами; но счастье их продолжалось недолго. Своевластие царей и неповиновение народа положили конец существовавшему порядку вещей (Плутарх: «Ликург»; 7).

Со времен Феопомпа царская власть в Лакедемонском государственном устройстве, по видимому, основывалась преимущественно на законе, но она не являлась верховной властью в полном смысле: царь был верховным вождем военных сил лишь в том случае, когда он выходил за пределы страны. Сверх того, царям предоставлялось ведать религиозными культами. Таким образом, царская власть являлась как бы некоей неограниченной и несменяемой стратегией, но право казнить цари имели исключительно только во время похода (Аристотель: «Политика»; 3; 9; 2).

На царствование Феопомпа пришлось также и Первая Мессенская война (743-724 гг. до Р.Х.). Она окончилась падением Итомы и покорением Мессении. В последние годы царствования Феопомпа у лакедемонян начался спор с аргосцами из-за Фиреатидской равнины. Феопомп не принимал участия в этом деле вследствие горя, так как в то время как раз умер его сын Архидам. После Феопомпа царствовал его внук Завксидам (Павсаний: 3; 7).

ФЕОФИЛ

Византийский император Аморийской династии, правивший в 829-842 гг. Сын Михаила II. Род ок. 812 г. Умер 20 янв. 842 г.

Получив императорскую власть, Феофил пожелал прослыть приверженцем правосудия и неусыпным стражем гражданских законов. С этой целью он прежде всего решил предать смерти и гибели сообщников своего отца, которые обеспечили ему царство, убив Льва Армянина. Он собрал во дворце всех чиновников и объявил, что хочет наградить тех, кто помогал его отцу победно бороться за царство. Обманутые такими речами, они все назвали себя Феофил же велел схватить их и казнить. В последующие годы он так преуспел в делах правосудия, что всем дурным людям был страшен, а всем хорошим - удивителен. Каждый день он проезжал по центральной улице, направляясь в Влахернский храм, и при этом был доступен для всех, в особенности же для обиженных, которые могли выплакать ему все свои обиды. Чтобы лучше знать нужды византийцев, император имел обыкновение обходить рынок и осматривать товары. У каждого торговца он спрашивал, за сколько продает тот свой товар, и делал это не мимоходом, а весьма внимательно и усердно и спрашивал не про что-то одно, а про все: еду, питье, топливо, одежду. Он не позволял купцам вздувать цены и наживаться. Рассказывают, что однажды Феофил заметил в гавани огромный корабль и стал узнавать, чей он и какие припасы везет. В ответ он услышал, что корабль - августы. Удивленный и огорченный этим, он велел сжечь его вместе с якорями, парусами и всем грузом. «Кто когда видел, - сказал он, - чтобы ромейский царь или его супруга были купцами?» Свою жену Феодору он осыпал всевозможными оскорблениями и даже пригрозил лишить ее жизни, если только уличит в чем-то подобном.

Не меньше, чем о законности, пекся Феофил о делах религии. По словам своего жизнеописателя, он любил церковное пение так, как только отец может любить детей своих, а по светлым праздникам не отказывался и сам управлять хором в храме святой Софии. Он

сочинял гимны, клал на музыку стихиры, поправлял старинные оды и писал духовные стихи, которые и после его смерти исполнялись в церквах во время праздников. Однако в вопросах веры он придерживался тех же взглядов, что и его отец, и потому гнал как только мог почитателей икон. Тюрьмы при нем были переполнены иконописцами и монахами, а многие монастыри и обители превращены в мирские пристанища. Всем богомазам он велел отречься от своего ремесла, и те, кто хотел сохранить свободу, должны были плевать на иконы и топтать их ногами.

В войнах Феофилу не было успеха. Едва приняв власть, он должен был начать борьбу с арабами, которая тянулась с перерывами до самой его смерти. В октябре 829 г. в сражении у острова Фасос полностью погиб ромейский флот. В последующие годы арабы не переставали грабить Кикладские острова. Еще хуже складывалось положение в Сицилии. В 831 г. мусульмане захватили Мессину и Палермо. Под властью ромеев осталась лишь небольшая часть острова с блокированными Сиракузами. В Азии дела шли с попеременным успехом. В 831 г. Фео-фил рассеял большое арабское войско, пленив 25 000 врагов. Весной 837 г. ромеи взяли и разграбили Запетру, родной город халифа Му-тасима. Но уже летом 838 г. арабы вторглись в пределы империи и на Дазимонской равнине произошло жестокое сражение. Сначала успех был на стороне ромеев, и они обратили арабов в бегство. Но потом мусульмане вновь построились в боевые ряды и повернули ход битвы. Ромеи, не выдержав их натиска, бежали. Сам Феофил едва не попал в плен - враги уже окружили его со всех сторон, но царские отряды совместно с персами (они сражались на стороне Феофила) обступили его и под покровом ночи сумели провести к своим. После этой победы арабы взяли Амо-рий - родной город императора, и устроили там страшную резню. В 840 г. они достигли Южной Италии, захватили Тарент и осадили Бари. Ромеи с большим трудом сдерживали их наступление. Сам Феофил вскоре после гибели родного города занемог тяжелой желудочной болезнью и скончался в 842 г., будучи еще совсем молодым (Продолжатель Феофана: 3; 1-4, 8-10, 13, 16, 29, 31, 34, 34, 40).

ФИЛЕТЕР

Правитель Пергама в 283-263 гг. до Р.Х. Основатель династии Атталидов.

Пергам был сокровищницей Лисимаха, царя Фракии и малой Азии, а население города жило на самой вершине горы. Охрана крепости и сокровищ была вверена Филетеру из Тиеня, который с детства был евнухом. Случилось так, что на каких-то похоронах, во время театрального представления, при огромном стечении народа, кормилицу, которая несла на руках маленького ребенка Филетера, окружила толпа и стиснула настолько сильно, что ребенок был покалечен.

Получив прекрасное воспитание, Филитер оказался достойным доверия Лисимаха. Долгое время он верно служил царю, но затем, поссорившись с его женой Арсиной, которая клеветала на него, склонил Пергам к восстанию и управлял им, пользуясь обстоятельствами момента, так как видел, что город готов к отделению после того, как Лисимах, под тяжестью своих семейных несчастий, был вынужден убить своего сына Агафокла. Затем Селевк I Никатор напал на его страну и победил его, а впоследствии сам был побежден и убит. Во время этих смут евнух продолжал оставаться начальником крепости и управлял городом, щедро раздавая обещания и прочие знаки внимания. В течение 20 лет он оставался властителем крепости и сокровищ, а затем передал власть племяннику Евмену I (Страбон: 13; 4; 1).

ФИЛИПП I

*Легендарный царь Македонии, правивший в VII в. до Р.Х.
Сын Аргея (Геродот: 8; 137-139).*

ФИЛИПП II

Царь Македонии в 359-336 г. до Р.Х. - Сын Аминты III. Род. ок. 382 г. до Р.Х. Умер 336 г. до Р.Х.

Ж : 1) Фил-ла, сестра элимитидского князя Дерды; 2) Олимпиада, дочь зпнрского царя Неоптолрма; 3) Авдата; 4) Меда, дочь царя гетов; 5) Никезиполида; 6) Фил-лина; 7) Клеопатра.

В начале своего царствования македонский царь Александр II, старший брат Филиппа, откупился от войны с иллирийцами, договорившись с ними о размене и выкупе и дав им в заложники Филиппа (Юстин: 7; 5). Спустя год Александр установил дружеские отношения и мир с фиванцами (в 369 г. до Р.Х.), отдав им опять в заложники Филиппа. Фиванский полководец Пелопид увел тогда Филиппа, а с ним еще тридцать мальчиков из самых знатных семей в Фивы, чтобы показать грекам, как далеко простирается влияние фи-ванцев благодаря славе об их могуществе и вере в их справедливость. Филипп десять лет прожил в Фивах и на этом основании считался ревностным последователем Эпа-минонда. Возможно, что Филипп и в самом деле кое-чему научился, видя его неутомимость в делах войны и командования (что было лишь малой частью достоинств этого мужа), но ни его воздержанностью, ни справедливостью, ни великодушием, ни милосердием, - качествами, в коих он был подлинно велик! - Филипп и от природы не обладал, и подражать не пытался (Плутарх: «Пелопид»; 26). Пока Филипп жил в Фивах, его старшие братья сменяли друг друга на престоле. Последний - Пердикка III - погиб в войне с иллирийцами. После этого Филипп бежал из Фив в Македонию, где был провозглашен царем.

Македония находилась в то время в крайне затруднительном положении. В последней войне пало 4000 македонцев. Оставшиеся в живых трепетали перед иллирийцами и не хотели воевать. В то же время пеоны пошли войной на страну и опустошили ее. В довершение всех бед родственник Филиппа Павсаний выставил свои претензии на престол и собирался с помощью фракийцев овладеть Македонией. Еще одним претендентом на царствование был Авгей. Он нашел поддержку у афинян, которые согласились послать с ним 3000 гоплитов и флот.

Приняв власть, Филипп стал энергично укреплять армию. Он ввел в употребление новый вид построения, получивший название македонской фаланги, а потом путем упорных тренировок и непрерывных учений привил македонцам умение держаться в сомкнутом строю. Из пастухов и охотников он превратил их в первоклассных воинов. Кроме того, подарками и лаской он сумел внушить к себе любовь и доверие.

Павсания и пеонов Филипп склонил к миру дарами и хитроумными речами, против афинян же и Авгея выступил со всем войском и разбил их в сражении у Эгиан. Филипп понимал, что афиняне начали с ним войну лишь потому, что мечтали удержать Амфиполь. Сейчас же после победы он отправил посольство в Афины, объявил, что не имеет претензий на Амфиполь, и заключил с афинянами мир. ' Избавившись таким образом от войны с афинянами, Филипп в 358 г. до Р.Х. обратился против пеонов. Разгромив их в открытом сражении, он покорил всю их страну и присоединил ее к Македонии. После этого македонцы вновь обрели потерянную уверенность в себе, и царь повел их на иллирийцев. Вардил, царь иллирийцев, вывел против Филиппа 10-тысячное войско. Филипп, командуя конницей, рассеял конницу иллирийцев и обратился на их фланг. Но иллирийцы, построившись в каре, долгое время отражали атаки македонцев. Наконец, не выдержав, они обратились в бегство. Македонская конница упорно преследовала бегущих, довершив разгром. Иллирийцы потеряли в этом сражении до 7000 человек и по мирному договору ушли из всех захваченных ранее македонских городов (Диодор: 16; 2-4).

Покончив с иллирийцами, Филипп повел свое войско под Амфи-поль, осадил его, подвел под стены тараны и стал производить непрерывные приступы. Когда таранами разрушили часть стены, македонцы ворвались в город и овладели им. Из Амфиполя Филипп повел войско в Халкидику и с ходу взял Пидну. Находившийся здесь афинский гарнизон он отпустил в Афины. После этого, желая привлечь на свою сторону Олинф, он подарил ему Пидну. Далее он отправился к Кринидам и переименовал их в Филиппы. Населив этот прежде малочисленный город новыми гражданами, он овладел золотыми рудниками Пангея и так поставил дело, что имел от них ежегодный доход в 1000 талантов. Обретя большие богатства, Филипп начал чеканить золотую монету, и с этого времени Македония стала пользоваться такой славой и влиянием, каких прежде никогда не имела.

В следующем 357 г. до Р.Х. Филипп, призванный Алевадами, вторгся в Фессалию, сверг ферс-ких тиранов Ликофрона и Тисифона и вернул фессалийцам их вольность. С этого времени он всегда имел в фессалийцах надежных союзников (Диодор: 16; 8, 14).

В то время как дела Филиппа шли так успешно, он взял себе в жены Олимпиаду, дочь Неоптолема, царя молоссов. Устроил этот брак опекун девушки, ее дядя и двоюродный брат по отцу, царь молоссов Арриб, женатый на сестре Олимпиады - Троаде (Юстин: 9; 6). Впрочем, Плутарх сообщает, что Филипп был посвящен в самофракийские таинства одновременно с Олимпиадой, когда он сам еще был отроком, а она девочкой, потерявшей своих родителей. Филипп влюбился в нее и сочетался с ней браком, добившись согласия Арриба (Плутарх: «Александр»; 2).

В 354 г. до Р.Х. Филипп осадил Метону. Когда он шел впереди войска, пущенная со стены стрела пронзила ему правый глаз. От этой раны он не стал менее воинственным или более жестоким к своим врагам. Когда спустя некоторое время он заключил мир с врагами, то показал себя по отношению к побежденным не только умеренным, но даже милосердным (Юстин: 7; 6). После этого он овладел Пагами' а в 353 г. до Р.Х., по просьбе фессалийцев, ввязался в Священную войну, охватившую к этому времени всю Элладу. В чрезвычайно жестоком сражении с фокейским полководцем Ономархом македонцы одержали победу (во многом благодаря фессалийской коннице). 6000 фокейцев полегло на поле боя, а еще 4000 было взято в плен. Ономарха Филипп велел повесить, а всех пленных утопить в море как святотатцев.

В 348 г. до Р.Х. Филипп, желая овладеть Геллеспонтом, занял То-рону. Потом с большим войском он подступил к Олинфу (Диодор: 16; 35; 53). Поводом к войне послужило то, что олинфяне из сострадания дали у себя убежище двум братьям Филиппа, рожденным от его мачехи. Филипп, убивший прежде еще одного своего брата, хотел убить и этих двух, поскольку они могли притязать на царскую власть (Юстин: 8; 3). Разбив олинфян в двух сражениях, Филипп осадил их в городе. Благодаря предательству македонцы ворвались внутрь укреплений, город разграбили, а граждан продали в рабство.

В 347 г. до Р.Х. беотийцы, вконец разоренные Священной войной, отправили послов к Филиппу, требуя от него помощи. В следующем году Филипп вступил в Локриду, имея кроме своего еще и большое фессалийское войско. Фокейский полководец Фалек, не ожидая победить Филиппа, заключил с ним мир и со всем войском ушел в Пелопоннес. Фокейцы, лишившись после этого надежды на победу, все сдались Филиппу. Так Филипп без единого сражения окончил войну, продолжавшуюся уже десять лет. В благодарность амфикионы определили, чтобы Филипп и его потомки отныне имели в совете амфикионов два голоса.

В 341 г. до Р.Х. Филипп пошел походом на Перинф, осадил его и начал ломать стены машинами. Кроме того, македонцы построили башни, которые, возвышаясь над стенами города, помогали им бороться осажденными. Но перинфяне держались мужественно, делали каждый день вылазки и жестоко бились с врагом. Чтобы измотать горожан, Филипп разделил все войско на множество отрядов и одновременно со всех сторон вел штурм города, не прекращая боев ни днем ни ночью. Узнав о тяжелом положении осажденных, персидский царь счел для себя выгодным послать им большое количество продовольствия, денег и наемных солдат. Точно так же большую помощь перинфянам оказывали византийцы. Филипп, оставив часть войска под Перинфом, с другой половиной приступил к Византию.

В 340 г. до Р.Х. афиняне, узнав об осаде Византия, снарядили морскую экспедицию и отправили ее на помощь византийцам. Вместе с ними послали свои эскадры хиосцы, родосцы и некоторые другие греки. Филипп, оставив осаду, вынужден был заключить мир.

В 338 г. до Р.Х. Филипп внезапно захватил Элатею и переправил войско в Грецию. Все это было сделано так скрытно, что афиняне узнали о падении Элатеи не прежде, чем ее жители прибежали в Аттику, неся весть о наступлении македонцев.

На рассвете, когда встревоженные афиняне собрались на собрание, известный оратор и демагог Демосфен предложил отправить послов в Фивы и склонить их к совместной борьбе против захватчиков. Обращаться к другим союзникам уже не было времени. Афиняне согласились и отрядили послом самого Демосфена. Своим красноречием он вскоре склонил беотийцев к союзу, и таким образом два самых могучих греческих государства соединились для совместных действий. Афиняне поставили во главе своего войска Харита и Ли-сикла,

приказав им со всеми силами следовать в Беотию. Все бывшие тогда в Аттике молодые люди с удивительной охотой добровольно пошли на войну.

Оба войска соединились под Херонеями. Филипп сначала надеялся склонить беотийцев на свою сторону и отправил к ним послом Пифона, известного своим красноречием. Однако в народном собрании Пифон был побежден Демосфеном, и беотийцы в этот тяжелый час остались верны Элладе. Понимая, что ему теперь придется иметь дело с самой доблестной армией, какую только могла выставить Эллада, Филипп решил не спешить с началом сражения и дождался подхода следовавших за македонцами вспомогательных отрядов. Всего он имел до 30 000 пехоты и 2000 конницы. Сочтя свои силы достаточными, царь велел начать сражение. Александру, своему сыну, он поручил командование над одним из флангов.

Когда началось сражение, обе стороны бились с большим ожесточением, и долгое время не ясно было, кто одолеет. Наконец Александр прорвал вражеский строй и обратил своих противников в бегство. Это было началом полной победы македонцев (Диодор: 16; 53-84).

После Херонейской победы Филипп весьма хитроумно затаил в душе радость по поводу победы. В этот день он даже не принес обычных в таких случаях жертв, не смеялся во время пира, не допускал во время трапезы никаких игр; не было ни венков, ни благовоний, и, насколько это зависело от него, он держал себя после победы так, что никто не чувствовал в нем победителя. Не царем Греции он велел называть себя, а ее вождем. Он так умело скрыл свою радость перед лицом отчаянья своих врагов, что ни его приближенные не заметили, чтобы он чрезмерно радовался, ни побежденные не увидели в нем злорадства. Афинянам, которые выказали особую враждебность по отношению к нему, он без выкупа возвратил пленных и передал тела убитых для погребения. Кроме того, Филипп послал в Афины своего сына Александра для заключения мира о дружбе. С фиванцев Филипп напротив взял выкуп не только за пленных, но даже за право похоронить павших. Самым видным гражданам он велел отрубить головы, других отправил в изгнание, а имущество всех их забрал себе. Из числа бывших изгнанников он назначил 300 судьями и правителями государства. После этого, приведя в порядок дела в Греции, Филипп приказал созвать в Коринфе представителей всех государств для того, чтобы установить определенный порядок при сложившемся положении вещей (в 337 г. до Р.Х.).

Здесь Филипп определил условия мира для всей Эллады сообразно с заслугами отдельных государств и образовал из всех их общий совет. Одни только лакедемоняне отнеслись с презрением к его установлениям, считая не миром, а рабством тот мир, который дарован победителем. Затем определена была численность вспомогательных отрядов, которые должны были выставить отдельные государства либо в помощь царю в случае нападения на него, либо для использования их под его командой в случае, если он сам объявит войну кому-нибудь. И не было сомнения, что эти приготовления направлены против персидского государства. В начале весны Филипп послал вперед в Азию, подвластную персам, трех полководцев: Пармениона, Аминту и Аттала, сестру которого он взял себе в жены после того, как развелся с матерью Александра Олимпиадой, заподозрив ее в прелюбодеянии (Юстин: 9; 4-5).

Филипп сам готовился выступить в поход, но задержался в Македонии, справляя свадьбу своей дочери Клеопатры, которую он выдал за Александра I Эпирского, брата Олимпиады. Гости на это торжество были приглашены со всей Греции. По окончании пира начались игры и состязания. Филипп вышел к гостям, одетый во все белое, словно божество. Охрану свою он намеренно оставил в отдалении, чтобы показать грекам, какое он имеет к ним доверие.

Среди пажей Филиппа был некто Павсаний, происходивший из рода Орестидов. За свою красоту он сделался царским любовником. Однажды на пиру Аттал, напоив Павсания, стал смеяться над ним, как над непотребной женщиной. Павсаний, глубоко уязвленный его смехом, пожаловался Филиппу. Но царь оставил его жалобы без внимания, так как Аттал был человек знатный и к тому же хороший полководец. Он наградил Павсания, сделав его своим телохранителем. Так он думал исцелить его от обиды. Но Павсаний имел мрачное и непримиримое сердце. Царскую милость он воспринял как оскорбление и решил отомстить. Во время игр, когда Филипп остался без охраны, Павсаний подошел к нему, скрывая под одеждой короткий меч, и поразил царя в бок. Совершив это убийство, Павсаний хотел скрыться на коне, но был схвачен Пердиккой и убит (Диодор: 16; 91).

После выяснения причин убийства многие полагали, что Павсаний был подослан Олимпиадой, да и сам Александр не был, по-видимому, в неведении насчет замышлявшегося убийства, ибо Олимпиада не менее страдала от того, что ее отвергли, чем Павсаний от своего позора. Александр же опасался встретить соперника в лице брата, рожденного мачехой. Думали, что Александр и Олимпиада в своем одобрении толкнули Павсания на такое страшное злодеяние. Говорили, что в ночь похорон Филиппа Олимпиада возложила венки на голову висевшего на кресте Павсания. Спустя немного дней она сожгла снятый с креста труп убийцы над останками своего мужа и приказала насыпать холм на том же месте. Она позаботилась и о том, чтобы ежегодно приносить умершему жертвы. Затем Олимпиада принудила Клеопатру, из-за которой Филипп развелся с ней, повеситься, сперва умертвив в объятиях матери ее дочь. Наконец, она посвятила Аполлону меч, которым был заколот царь. Все это она сделала настолько открыто, как будто боялась, что преступление, совершенное ею, будет приписано не ей.

Филипп умер сорока семи лет, процарствовав двадцать пять лет. От танцовщицы из Лариссы у него был сын Арридей - будущий Филипп III (Юстин: 9; 7-8).

ФИЛИПП III АРРИДЕЙ

Царь Македонии в 324-317 гг до Р.Х. Сын Филиппа II Ж.: Эвридика, дочь Амиты, внучка Пердикки III.

Плутарх сообщает, что Арридей был прижит Филиппом II от распутницы Филинны. Когда он еще был ребенком, у него проявлялись добрые и благородные черты характера, но его испортила Олимпиада: от ее лекарств он повредился в рассудке (Плутарх: «Александр»; 77).

Тем не менее, несмотря на свое слабоумие, Арридей был после смерти Александра провозглашен царем. По свидетельству Юстина, это произошло следующим образом. По кончине Александра его друзья-диадохи сошлись в вавилонском дворце, чтобы договориться о новом порядке управления. Пердикка предложил ожидать родов Роксаны, которая была уже на девятом месяце беременности и вот-вот должна была родить от Александра. Если бы она родила мальчика, то его и следовало поставить в наследники отцу. Мелеагр возразил на это, что не следует оттягивать решения и дожидаться гадательного исхода родов Роксаны. «Нечего ждать, что родятся какие-то цари, - сказал он, - надо использовать уже родившихся». Если они хотят мальчика, то в Пергаме уже есть сын Александра по имени Геракл, рожденный Барсиной. Если же они предпочитают юношу, то в лагере находится Арридей, брат Александра, человек добродушный, которого весьма охотно примут все не только за его собственные качества, но и за то, что он сын Филиппа. Кроме того, Роксана по происхождению персиянка, и не подобает, чтобы македонцы брали себе царей, у которых в жилах течет кровь тех, чьи царства они разрушили. Этого и сам Александр не хотел. Наконец, умирая, он даже не упомянул о Роксане. Это мнение, впрочем, не встретило одобрения. Так Птолемей отказывался признать царем Арридея не только из-за постыдного занятия его матери, но также из-за серьезной болезни, которой тот страдал. Он опасался того, что Арридей будет только называться царем, а править будет другой. Птолемей предлагал выбрать царя из тех, кто благодаря своим высоким достоинствам стоял ближе всего к царю, кто правил областями и кому поручалось ведение войн.

Победило мнение Пердикки, и к нему присоединились все остальные. Итак, было решено ждать родов Роксаны и, если родится мальчик, дать ему в опекуны Леоната, Пердикку, Кратера и Антипатра. Немедленно все дали клятву повиноваться этим опекунам.

Всадники присоединились к этому решению, но пехотинцы вознегодовали, так как им не предложили участвовать в совещании; они провозгласили царем Арридея, выбрали из своей среды телохранителей и приказали ему именоваться по отцу Филиппом. Когда об этом было сообщено всадникам, они послали к пехотинцам, чтобы их успокоить, двух диадохов - Мелеагра и Атгала. Те, стараясь усилить свое влияние путем лести рядовой солдатне, не выполнили своего поручения и присоединились к пехотинцам. Мятеж тотчас разросся, приобретя главарей и советников. Вооруженные пехотинцы ворвались во дворец, чтобы уничтожить всех диадохов. Узнав об этом, всадники в страхе выступили из города,

расположились лагерем и в свою очередь стали запугивать пехоту. Но и взаимная вражда между главными полководцами не прекращалась. Аттал послал убийц к главе противной партии Пердикке. Однако убийцы не осмелились на него напасть: Пердикка был вооружен, держал себя вызывающе и выказал такую твердость духа, что по собственной воле вышел к пехотинцам, созвал их на сходку и разъяснил им, какое преступление они затеяли. Пусть они подумают, говорил он, против кого они подняли оружие; ведь это не персы, а македонцы, не враги, а сограждане, многие из них даже их родственники, и во всяком случае, их соратники, сотоварищи по лагерю и опасностям. Какое восхитительное зрелище для их врагов! Как они будут радоваться тому, что те, чье оружие нанесло им горестное поражение, теперь убивают друг друга и своей кровью совершают надгробные жертвоприношения теньям ими же убитых врагов.

Когда Пердикка произнес эту речь с исключительным своим красноречием, он до такой степени тронул пехотинцев, что они, одоббив его предложения, единогласно избрали его в вожди. Затем и со всадниками было достигнуто соглашение, и они пошли на то, чтобы признать царем Арридея. Часть державы была предназначена и сыну Александра, если он родится (Юстин: 13; 2-4).

Но очевидно, что избрав себе такого царя, диадохи с самого начала не собирались считаться с ним. Разъехавшись по своим сатрапиям, они стали готовиться к войне друг с другом. Война эта началась через несколько лет. Первоначально Арридей находился в полной власти Пердикки, который фактически управлял страной. В 321 г. до Р.Х. Пердикка погиб в Египте, и верх взяла противная ему партия. Птолемей назначил попечителем царя Пифона. Но на пути в Македонию Пифон отказался от этой должности из-за постоянных противодействий жены царя, Эвридики. Македонцы выбрали попечителем Антипатра. Арридея доставили в Македонию, где он оказался в полной власти Эвридики. Все интриги ее сводились к тому, чтобы не допустить к власти мать Александра Олимпиаду, которая еще при жизни своего сына удалилась на родину в Эпир и фактически правила там. Пока жив был Антипатр, он своей тяжелой рукой смирял властолюбие обеих женщин, но после его смерти страсти закипели с удвоенной силой. Полисперхонт, назначенный преемником Антипатра в Македонии и регентом, соединил свои силы с Эакидом, царем Эпира, и вместе с Олимпиадой выступил против Эвридики. В 317 г. до Р.Х. они осадили царицу в Эбиях. Едва враги подступили к городу, македонцы схватили Филиппа и выдали его Олимпиаде. Чуть позже, в Амфиполе была захвачена и Эв-ридика. Царя и царицу заключили в тесной камере, куда все необходимое подавалось через маленькое окошко. Впрочем, Олимпиада не собиралась томить их длительным заключением. Не дожидаясь, пока македонцы проникнутся жалостью к своему низложенному царю, она велела нескольким верным фракийцам заколоть Филиппа, а Эвридику принудила покончить жизнь самоубийством (Диодор: 18-19).

ФИЛИПП IV

Царь Македонии в 297-294 гг. до Р.Х. Сын Кассандра.

Согласно Павсанию, Филипп умер от чахотки (Павсаний: 9; 7; 3).

ФИЛИПП V

Царь Македонии в 221 - 179 гг. до Р.Х. Сын Деметрия II. Род. ок. 238 г. до Р.Х. Умер 179 г. до Р.Х.

Детство Филиппа прошло под опекой отчима - Антигона III. Вместе с государством царевич наследовал и его политику. Добившись немалых успехов в Греции благодаря помощи главы ахейского союза Арата, Антигон наказал Филиппу неуклонно следовать советам Арата и только через него вести переговоры с городами и приобретать знакомства среди ахейцев. И Арат так крепко забрал царевича в свои руки и так сумел его направить, что тот рернулся домой полным любви к своему наставнику и честолюбивого интереса к делам Греции. После смерти Антигона, этолийцы, презирая легкомыслие ахейцев, которые, привыкнув ждать спасения из

чужих рук и прятаться под защиту македонского оружия, предавались праздности и бездействию, начали тревожить Пелопоннес (221 г. до Р.Х.). При Кафиях они разбили Арата, и тот, как и прежде, поспешил прибегнуть к помощи македонского царя (Плутарх: «Арат», 46-47).

Филипп быстро прибыл в Пелопоннес. В Коринфе он нашел явившихся от союзных государств представителей и в совете с ними обсуждал, какие меры следовало принять против этолийцев. Единогласно решено было объявить им войну. После этого Филипп возвратился в Македонию и всю зиму деятельно собирал там войска.

В 219 г. до Р.Х. Филипп через Фессалию вступил в Эпир, соединился с эпиротами, захватил Амбракий, переправился через Амбракийский залив и взял приступом этолийские Фойтии. После этого никто не отваживался выступить против македонцев в открытом бою, и Филипп беспрепятственно опустошил всю Этолию. Он уже собирался переправиться в Пелопоннес, чтобы напасть на входивших в этолийский союз элейцев, но явились вестники из Македонии и сообщили, что дарданы стягивают войска и делают большие военные приготовления для нападения на страну. Филипп немедленно вернулся в Македонию. Воспользовавшись этим, этолийцы напали на эпиротов и предали их страну страшному разорению. Сожжено было и знаменитое Додонское святилище. Все думали, что Филипп не начнет уже в этом году войны, но, едва пришла зима, он с небольшим войском через Фессалию, Эвбею, Беотию и Мегариду вошел в Пелопоннес. Ничего не подозревавшие элейцы собрались тем временем вторгнуться в Сикионию, но на перевале Апелавра наткнулись на Филиппа. Множество элейцев было перебито, другие взяты в плен, бегством спаслось не более сотни. Все это казалось пелопоннесцам чем-то необыкновенным: в одно и то же время они получили вести о прибытии царя и о его победе!

Филипп же направился в Аркадию, причем много раз испытывал по пути снежные метели и лишения на перевале через Олигирт. Ахейцы во главе с Аратом-младшим дожидались его у Кафий. Соединившись вместе, оба войска подошли к Псофиду. Этот город, господствующий над Элидой, считался неприступным. С трех сторон он был прикрыт бурными реками, а с четвертой - высокой горой. Тем не менее Филипп, понимая, как важно для него обладание этой твердыней, велел готовиться к штурму. Македонцы переправились через реку и с ходу овладели стенами. Защитники бежали в акрополь, но сдались через несколько дней. Филипп передал город ахейцам и пошел на Ласион. Им он тоже овладел с ходу. После этого элейцы не решались уже выходить навстречу, и македонцы беспрепятственно грабили страну. Эпида с древности отличалась богатством и многолюдством, так что добыча была очень велика. Между тем сколь грозен был царь с врагами, столь же любезен оставался он с союзниками, так что пользовался доброй славой не у одних только ахейцев, но и у всех пелопоннесцев. В это время ему в равной степени были присущи пронизательность, память и радушие. К этому присоединялись царственная наружность и такой же характер, и, что всего важнее, военная доблесть и отвага. Некоторые города элейцев он взял приступом, другие сами открыли перед ним ворота. Так что еще до исхода зимы вся Трифилия признала его власть (Полибий: 4, 25, 29, 61,63-72, 74, 77,80).

Весной 218 г. до Р.Х. Филипп, посовещавшись с друзьями, решил распространить войну на море. Не откладывая дела, царь энергично принялся собирать корабли ахейцев и свои в Лехей, а своих фалангистов обучал гребле. Когда флот и сухопутное войско были готовы, Филипп высадился на земле пале-ян. Все свои усилия на этот раз он сосредоточил на овладении Кефал-лений, так как, имея этот остров, он мог господствовать над северо-западными берегами Пелопоннеса, главным образом над областью элейцев, а также над Эпиром, Этолией и Акарнанией. Но поскольку город кефалян был хорошо укреплен и овладеть им сразу не удалось, Филипп решил вновь перенести войну в Этолию и прежде всего взял Фермы. Всю местность он подверг жестокому разорению, не пощадив даже храмы богов. Из Этолии царь на кораблях отправился в Коринф и, высадившись здесь, быстрым маршем пошел на Лаконику. Лакедемоняне, предполагавшие, что македонцы все лето проведут в Этолии, были вне себя от ужаса, ибо события застигли их врасплох. Тем не менее царь Ликург II приготовился к битве на холмах вблизи Менелайона. Позиция казалась достаточно неприступной, но Филипп с пелтасками и иллирийцами смело ударил на врага и выбил его с высот. Лакедемоняне укрылись в

крепостях и со стен наблюдали за тем, как македонцы разоряют их страну. Так и не выманив их в поле, Филипп отступил в Коринф.

Между тем этолийцы, измученные войной, спешили заключить мир, так как расчеты их не оправдывались ходом событий: они надеялись найти в Филиппе неопытного мальчика, а на самом деле нашли в нем совершеннолетнего мужа как в замыслах, так и в исполнении их. Но сам Филипп считал, что время для мира еще не пришло. С наступлением зимы царь вернулся в Македонию. Весной 217 г. до Р.Х. он выступил против дарданцев и взял Билазоры, город весьма удобно расположенный на пути из Дардании в Македонию, так что благодаря этому подвигу он почти окончательно оградил себя от опасностей со стороны дарданцев. Вслед за тем он отправился в Фтиотиду и попытался с ходу взять Мелитеи. Когда попытка не удалась, Филипп направился к Фтиотийским Фивам, также принадлежавшим этолийцам. На этот раз осада проводилась с чрезвычайным упорством. Придвинув к городу осадные машины, македонцы разрушили часть стены, после чего фиванцы сдались. Таким образом Филипп обезопасил от набегов этолийцев Магнессию и Фессалию. Всех прежних жителей он продал в рабство и поселил здесь македонцев. Из Фив город был переименован в Филипполь.

Как раз в это время пришло известие о тяжелом поражении, которое потерпели римляне от Га-нибала. Когда Филипп сообщил эту новость бывшему фарскому тирану Деметрию, тот стал советовать ему возможно скорее кончить войну с этолийцами и, покорив Иллирию, переправиться с войском в Италию. Деметрий хорошо знал римлян и уверенно предрекал, что, победив их, Филипп сделает первый шаг к мировому господству. Подобными речами Деметрий быстро воспламенил Филиппа, царя юного, счастливого в своих начинаниях и мечтавшего о мировом владычестве. Филипп разослал в греческие города своих послов с просьбой явиться в Навпакт для начала переговоров, и сам прибыл туда же во главе своей армии. Так как война уже изрядно всем надоела, договориться было не трудно, и мир вскоре был заключен на условиях, что каждая сторона останется при своих владениях. После этого Филипп обратился против иллирийцев и одновременно стал готовить суда для переправы в Италию (Полибий: 5; 2-30, 97-111).

Вместе с тем он отправил своих послов к Ганибалу, который заключил с ним дружественный союз на таких условиях: Филипп переправится в Италию с флотом как можно большим (полагали, что он сможет снарядить 200 кораблей) и будет опустошать морское побережье; по окончании войны вся Италия будет принадлежать Карфагену; окончательно покорив Италию, Ганнибал отплывет в Грецию и поведет войну с тем, кого укажет Филипп; все завоеванные на этот раз земли будут принадлежать Македонии. Таков примерно был этот договор. Но когда македонское посольство отправилось в обратный путь, корабль их был захвачен римлянами. Филиппу пришлось отправить новое посольство, на что потребовалось много времени. К тому же римляне доподлинно знали теперь, что Филипп им враг, и могли заблаговременно подготовиться к войне (Ливвий: 23; 33-34, 39).

В это время стали проявляться дурные страсти Филиппа. Его природная испорченность одолела наносную сдержанность и вырвалась из-под ее власти. Постепенно обнажился и выявился истинный нрав Филиппа. Прежде всего, царь нанес обиду младшему Арату, нарушив его супружеские права, и долгое время никто об этом не догадывался, ибо Филипп был семейным другом обоих Аратов и пользовался их гостеприимством. Потом он начал выказывать враждебность к государственным порядкам греков, а вскоре уже открыто дал понять, что хочет избавиться от Арата.

Первый повод к подозрениям доставили события в Мессене. В городе вспыхнула междоусобная борьба. Арат с помощью запоздал, и Филипп, явившись на день раньше, тут же подлил масла в огонь: сначала он особо беседовал с властями и спрашивал, неужели у них нет законов против народа, а потом, в особой беседе с вожаками народа, спрашивал, неужели у них нет силы против тиранов. Обе стороны осмелели: власти попытались схватить и взять под стражу вожаков народа, а те во главе толпы напали на своих противников, убили их и вместе с ними - еще без малого 200 человек.

Когда это ужасное дело, подстроенное Филиппом, уже свершилось и царь старался еще сильнее ожесточить мессенцев друг против друга, прибыл Арат. Он сам не скрывал своего возмущения и не остановил сына, когда тот набросился на Филиппа с резкими и грубыми

упреками. Младшему Арату Филипп ничего не ответил, хотя и кипел от гнева, а старшего, прикидываясь, будто спокойно проглотил все сказанное и будто по натуре он сдержан и терпелив, как и подобает государственному мужу, взял за руку и увел из театра как друга. Но Арат чутко почувствовал перемену в царе и с этого времени стал удаляться от него. И когда Филипп двинулся в Эпир и просил его принять участие в походе, он отвечал ему отказом и остался дома (Плутарх: «Арат»; 49-51).

Филипп выступил против Аполлонии, находившейся в Южной Иллирии (214 г. до Р.Х.). Он подошел к ней по реке, ведя против течения 120 бирем, и начал правильную осаду города. Одновременно македонцы захватили эпирский Орик. Оба города были союзниками римлян и поэтому стали слать в Рим свои посольства, требуя помощи. Хотя римляне были связаны по рукам войной с Карфагеном, новая война не застала их врасплох. Пропретор Марк Валерий, командовавший флотом в Брундизии, с небольшим войском переправился через море и высадился в Иллирии. Римляне с ходу взяли Орик, а затем незаметно приблизились к Аполлонии и тихо вошли в город. Македонцы настолько далеки были от мысли о возможности войны с римлянами, что даже не заметили их прихода. Между тем Валерий узнал, наг сколько беспечно и нерадиво ведет себя неприятель, и решил воспользоваться этим. Следующей ночью римляне, не поднимая тревоги, в ночной тиши вышли из города и напали на македонский лагерь. Македонское войско охватил такой страх и ужас, что воины стали хватать любое подвернувшееся под руку оружие, но даже не пытались прогнать врага из лагеря. Сам Филипп спросонок бросился бежать полуголый и первый добежал до кораблей на реке. За ним неслась и прочая толпа. Весь лагерь был оставлен в руках римлян. Македонцы опустили на кораблях к морю и тут увидели, что устье реки заперто римским флотом. Филипп велел вытащить суда на берег и сжечь. В Македонию он вернулся посуху, с войском в значительной степени обезоруженным и обобраным (Ливвий: 24; 40).

Сразу вслед за этим Филипп возвратился в Пелопоннес и снова попытался обмануть мессенцев, но сохранить тайну не сумел и стал чинить открытые насилия и разорять страну. Тут Арат порвал с ним окончательно, а Филипп решил избавиться от него. Он принял решение убить Арата в уверенности, что пока тот жив, ему никогда не быть не то что тираном или царем, но даже просто свободным. Филипп поручил своему другу Тавриону известить Арата с помощью яда. Тав-рион сумел сблизиться с Аратом и дал ему яду, но не сильного и не быстродействующего. Все выглядело так, будто Арат занемог быстротечной чахоткой, которая и свела его в могилу. Однако злодеяние это не осталось тайной ни для самого Арата, ни для всей Эллады. Ахейцы с великими почестями погребли Арата (в 213 г. до Р.Х.) и с этого времени стали относиться к Филиппу с величайшим подозрением (Плутарх: «Арат»; 51-53).

Отличаясь большой твердостью в исполнении поставленных решений, Филипп не отказался от намерения завладеть Иллирией. Покончив с делами в Мессении, он повел свою армию к Лиссу. Осмотрев город, царь убедился, что тот прекрасно защищен с моря и суши. Что касается акрополя - Акролис-са - то тот был и вовсе не при-ступен. Чтобы захватить город и крепость, надо было прибегнуть к хитрости. Лучшую часть войска Филипп спрятал в поросших лесом лощинах. С остальными солдатами он подступил с другой стороны к городу. Иллирийцы увидели, что македонцев немного, и смело вышли против них за стены города. После короткого боя Филипп начал отступать. Тогда гарнизон Акролис-са тоже вышел из крепости, собираясь ударить им в тыл. Скрытые в лощинах македонцы немедленно ворвались в крепость. Город был взят на другой день. После падения этих твердынь большая часть иллирийцев покорилась Филиппу (Полибий: 8; 15-16).

Римляне тоже не теряли времени даром. Пока Филипп расширял свои владения в Иллирии, они нанесли ему удар в самой Элладе. В 211 г. до Р.Х. Марк Валерий Левин, явившись к этолийцам, побудил их своими речами вновь начать войну против Македонии. Сейчас же был заключен договор, по которому римляне обещали новым союзникам захватить для них Аккарнанию, а этолийцы - помогать римлянам вплоть до заключения мира. Филипп зимовал в Пелле. Туда ему донесли об отпадении этолийцев. Положение его сильно осложнилось. Филипп собирался ранней весной двинуться с войском в Грецию, но, чтобы обезопасить Македонию с тыла - от беспокойных иллирийцев и соседних им городов, прежде

напал на своих северных соседей. Опустошив Иллирию, он повернул в Пелагонию и взял Синтию, город дарданцев, где готовилось вторжение в Македонию, а потом пошел во Фракию на медов и захватил их столицу, город Иамфорину (Ливий: 26; 24-26).

Наконец летом 209 г. до Р.Х. Филипп пришел на помощь ахейцам, которые давно его о том умоляли. Им приходилось воевать и против этолийцев, и против лакедемонян. Спартанский тиран Маха-нид дожимал их на границах, а этолийцы опустошали их земли, переправив свое войско через пролив между Навпактом и Патрами.

Филипп высадился у Ламии в Фессалии. Этолийцы под предводительством Пиррия выступили против него. С ними были вспомогательные войска, посланные пергамским царем Атталом, и около тысячи римских моряков. Филипп дважды нанес Пиррию поражение. Перепуганные этолийцы укрылись за стенами Ламии, а Филипп через Фессалию и Беотию переправился на Эвбею, чтобы не допустить высадки Аттала, который, по слухам, собирался туда с флотом. Оставив на Эвбее гарнизон на случай появления Аттала, он с небольшим числом всадников и легковооруженных прибыл в Аргос. Тут народ поручил ему устройство Немейских игр (Ливий: 27; 29-30).

По окончании праздника Филипп оставался некоторое время в Аргосе. Он снял с себя царский венец и пурпурную одежду, дабы по виду приравнять себя к народу, показаться человеком добродушным и простым. Однако его неограниченная власть проявлялась в том, с какой свободой он предавался распутству. Филипп не довольствовался уже тем, что соблазнял вдов и прелюбодействовал с замужними женщинами. Он открыто посылал за всякой женщиной, какая только приглянулась ему, и если та не являлась немедленно на его зов, он совершал насилие прямо в ее доме. Ахейцам тяжело было смотреть на то, как он злоупотребляет своей властью. Но, будучи теснимы со всех сторон врагами, они вынуждены были терпеть и сносить чудовищные обиды (Полибий: 10; 26).

Закончив среди этих гнусностей Немейские игры, Филипп отправился к Димам, рассчитывая выбить гарнизон этолийцев, который позвали и приняли в свой город элейцы. Филипп не знал, что в Эли-де находится уже и римский гарнизон - около четырех тысяч легионеров. Только когда начался бой и царь увидел римские знамена, он догадался, с кем ему придется иметь дело, но было уже поздно отступить. Тогда Филипп во главе конницы бросился на римскую когорту. Его лошадь пронзили копьем, и царь свалился через ее голову. Вокруг него завязалась яростная битва. Филиппу пришлось мужественно отбиваться - пешему против всадников; множество людей было убито вокруг него, наконец, выхваченный своими воинами, он ускакал на другом коне. Вскоре пришло известие о смутах в Македонии - дарданы начали войну и захватили Орестиду. Филипп бросил этолийскую войну и поспешил на родину (Ливий: 27; 31-32).

В следующем году положение еще более усложнилось: из Азии переправился пергамский царь Аттал I, бывший также римским союзником. Этоляне сильно ободрились по прибытии римлян и царя Аттала; они наводили ужас на всех своих врагов и теснили их на суше, тогда как Аттал и проконсул Публий Сульпиций действовали на море. И не только акарняне, беотийцы и эвбейцы были в великом страхе, но и ахейцы. Ведь кроме этолийцев, с которыми ахейцы воевали, им грозил еще и лакедемонский тиран Маханид, расположившийся лагерем недалеко от аргосских границ. Все посольства, отправленные к Филиппу, умоляли царя о помощи, напоминая о бедах, которые грозили одним с суши, а другим с моря. Из собственного царства Филиппа тоже шли тревожные вести: против него поднялся иллирийский царь Скердилаид да и фракийцы, особенно меды, готовы были напасть на пограничные области Македонии. Из Беотии сообщали, что этолийцы перегородили валом и рвом Фермопильское ущелье в самом узком его месте, чтобы не дать Филиппу пройти на помощь союзным городам.

Столь беспокойная обстановка могла бы встревожить даже ленивого полководца. Филипп отпустил посольства, пообещав всем свою помощь, насколько позволяет время и обстоятельства, а пока сделал самое необходимое - отправил гарнизон на остров Пепарет, откуда пришло известие, что все окрестности опустошены Атталом. Полифанта Филипп послал с небольшим отрядом в Беотию, Ме-ниппа, еще одного своего военачальника, - в Халкиду, на Эвбею. Сам он отправился в Фессалию к Скотусе и распорядился переправить туда из Лариссы македонское войско. Узнав, что Аттал высадился в Локриде, Филипп ночью выступил в поход.

Македонцы оттеснили и разбили этолийский отряд, засевший в Фермопилах, вторглись в Фокиду и ускоренным маршем прошли ее чуть ли не за один день. Таким образом Филипп внезапно появился у Опунта, когда его никто не ждал. Аттала едва успел погрузить свое войско на корабли и бежал, а Филипп легко завоевал всю Дориду. После этого он совершил еще несколько молниеносных походов в разные части Эллады, но судьба в этом году словно смеялась над ним и враги каждый раз ускользали из его рук. Поэтому громких побед не было. Тем не менее царь считал, что действовал успешно - ведь Аттала отступил, а помощь бедствовавшим союзникам была оказана вовремя, и Филипп вернулся в Македонию, намереваясь начать войну с дарданами (207 г. до Р.Х.) (Ливий: 28; 5-8).

В следующие два года римляне, занятые войной с Ганнибалом, совсем забыли о Греции. Поэтому Филипп принудил этолийцев, брошенных римлянами, просить мира и заключил его на условиях, ему угодных. В 205 г. до Р.Х. проконсул Публий Семпроний, прибывший в Эпидамн с 35 кораблями и одиннадцать тысячами воинов, узнал, что этолийцы вышли из войны. Эпироты, утомленные долгой войной, решили принять на себя посредничество в заключении мира. Филипп охотно отправился в Фойнику и встретился здесь с Семпронием. Поскольку обе стороны искали способа окончить войну, мир заключен был сравнительно легко (Ливий: 29; 12).

В 203 г. до Р.Х., Филипп захватил Лисимахию, переправился в Азию и вероломно захватил Кий, все население которого продал в рабство. Эти города были союзниками этолийцев (Полибий: 15; 22-23). Немного погодя Филипп приказал тем из своих подданных, которые жили у моря, доставить флот, взял Самос и Хиос, опустошил часть земли Аттала I и попытался захватить Пергам (Аппиан: 9; 4). Благодаря выгодному положению гарнизон легко отражал нападения македонцев. Тогда царь обратил свою ярость и раздражение на предместья. Он не только жег и разрушал до основания храмы и алтари, но велел разбивать самые камни, чтобы всякое восстановление развалин сделать невозможным. Таким образом множество великолепных храмов было сравнено с землей. Не совершив больше ничего достойного, Филипп хотел незаметно сняться с якоря и отплыть к Самосу. Но Аттала, обнаружив отплытие македонцев, бросился со своим флотом в погоню. Союзниками его были родосцы. Настигнув Филиппа недалеко от Хиоса, они нанесли ему сильное поражение.

После этого война была перенесена в Карию. Филипп осадил родосский город Принас. Македонцы быстро изготовили навесы и другие приспособления и повели осаду при помощи подкопов. Но местность была скалистая, и попытка не имела успеха. Тогда Филипп придумал такое средство: днем он велел производить шум под землю, как будто земляные работы ревностно производились, а по ночам издали сносилась земля и насыпалась у входа в подкоп с целью наводить ужас на жителей города, которые судили о ходе работы по огромным кучам земли. Сначала принасяне мужественно выдерживали осаду, но потом, когда Филипп прислал объявить, что стена их подперта уже на протяжении чуть не двух плэфов, и спрашивал, что они предпочитают, покинуть ли невредимыми город или всем погибнуть вместе с городом, когда сожжены будут подпорки, принасяне поверили его словам и выдали город. Тем не менее вследствие недостатка продовольствия положение Филиппа в Азии было нелегким. С большим трудом насилием и лестью он добывал пропитание для голодного войска. К тому же он знал, что пергамцы и родосцы отправили посольства в Рим с жалобами на него и что римляне, только что победившие Ганнибала, имеют теперь свободные руки для македонской войны (Полибий: 16; 2-II, 24).

Если бы в это время Аттала и родосцы не дали Филиппу передышки, они вполне могли бы победить его даже без помощи римлян. Но, переправившись в 201 г. до Р.Х. на Эгину, Аттала пребывал в бездействии, ожидая ответа от этолийцев, которых он призывал вновь вступить в войну. Тем временем Филипп переправился через Геллеспонт во Фракию и успел собраться с силами. Две тысячи воинов вместе с Филоклом он отправил осаждать Афины, а сам стал захватывать один город за другим. Овладев во Фракии Маронейми и Эносом, он захватил затем Кипселу, Дориск и Серей. Оттуда он передвинулся к Херсонесу и принял под свою руку Элеунт, Каллиполь и еще несколько небольших крепостей. Лишь жители Абидоса закрыли перед царем ворота, и город был взят только после тяжелой осады и ожесточенного штурма, когда почти не осталось живых защитников (200 г. до Р.Х.) (Ливий: 31; 15-18).

В то же время Филипп и сирийский царь Антиох III заключили договор о разделе владений Египта, где в это время сел на престол малолетний Птолемей V. Филипп пообещал Антиоху помощь в завоевании Кипра, а Антиох Филиппу - в завоевании Кикладских островов. Об этом договоре, взволновавшем всех, родосцы донесли римлянам. Помимо родосцев и послы афинян обвиняли македонцев за осаду. Этолийцы, обеспокоенные ростом могущества Филиппа, стали опять проситься в число римских союзников. Римляне в свою очередь отравили Филиппу запрещение на совершение каких-либо действий против родосцев, афинян, а также Аттала или другого какого-нибудь друга римлян. На это Филипп ответил, что римлянам будет хорошо, если они будут держаться мира с ним на тех условиях, на которых они его заключили. Так был нарушен заключенный недавно договор, и началась Вторая Македонская война. Римское войско во главе с консулом Публием Сульпицием быстро переправилось в Элладу (Аппиан: 9; 4).

Узнав об этом, Филипп переправился с войском в Фессалию. Но он опоздал: римляне уже были в Афинах. Их корабли совершили дерзкий налет на Эвбею и сожгли союзную македонцам Халкидику. Желая отомстить, Филипп поспешил в Аттику. Афиняне были настороже, и македонцы, сделав несколько безуспешных приступов, отступили, страшно опустошив всю округу. Филипп поспешил в Аргос, где собрался совет Ахейского союза. Он хотел втянуть и ахейцев в войну против римлян, но те не торопились вступать в противоборство с таким опасным противником.

Между тем, собравшись с силами, Филипп выступил в Иллирию, где находилось римское войско. Обе армии встретились возле Атака и несколько дней прощупывали друг друга в небольших стычках. Но вот Филипп дождался, когда римские фуражиры вышли в поля за хлебом, и внезапно напал на них. Множество римлян было убито, и, чтобы спасти остальных, консул спешно вывел из лагеря легион. Македонцы, увлеченные преследованием, неожиданно были атакованы правильно построенным войском, и ход битвы сразу изменился не в их пользу. Сам царь оказался в опасности: под ним ранили коня, тот упал вместе со всадником, и Филиппа чуть было не затоптали. Спас его конник, который соскочил на землю, поднял растерявшегося царя и посадил его на своего коня. Пешим этот солдат не мог поспеть за своими, и его изрубили мечами римляне, поспешившие к тому месту, где упал царь. Филипп в страхе бросился прочь. Конь кое-как вынес его из болот, и царь наконец добрался до своего лагеря; там уже и не чаяли увидеть его живым и здоровым. Филипп велел разложить в лагере костры, а солдатам тихо и незаметно сниматься с места (Ливий: 31; 22-38). Всю зиму Филипп обучал македонцев и наемников, готовясь к войне так тщательно, как никогда раньше. Опыт прежних сражений сильно беспокоил его, поскольку превосходство римлян как в вооружении, так и в боевой выучке было налицо.

Весной 199 г. до Р.Х. Филипп выступил во главе армии к горным проходам из Эпира в Македонию. Вместо того, чтобы искать сражения, как это было в прошлом году, он велел укреплять гору Меропу. В ненадежных местах македонцы насыпали валы и возводили башни. Кроме того, установлено было множество метательных машин, чтобы держать противника на расстоянии. Царский шатер Филипп поставил на самом заметном возвышении, перед валами, рассчитывая своей уверенностью внушить ужас врагам и надежду своим. Весь этот год римляне простояли перед Меропой, не решаясь войти в проход.

Но в 198 г. до Р.Х. консулом был избран молодой и энергичный Тит Квинкций Фламиний (Ливий: 32; 5-6). Ему выпал жребий воевать с Филиппом и македонцами, и это было большой удачей для римлян, потому что для войны с этим народом им не нужен был полководец, во всем полагающийся лишь на силу, напротив - успеха скорее можно было добиться убеждением и переговорами. Македонская держава давала Филиппу достаточно войска для одного сражения, но в случае длительной войны пополнение фаланги, снабжение деньгами и снаряжением зависели от греков, и, если бы не удалось отрезать Грецию от Филиппа, судьба войны не решилась бы одним сражением. Ни разу до этого Греция не соприкасалась так близко с Римом и тогда впервые оказалась замешанной в его дела, и не будь римский полководец от природы человеком великодушным, чаще обращающимся к речам, чем к оружию, не будь он так настойчив, защищая справедливость, Греция отнюдь не столь легко предпочла бы новую чужеземную власть прежней, привычной.

Явившись в Эпир, Фламиний хотел силой проложить себе путь через горы. Битва обещала

быть чрезвычайно кровопролитной, но тут к консулу явилось несколько тамошних пастухов. Они сообщили, что есть окольный путь, не замеченный врагами, и обещали провести римлян так, чтобы самое большое на третий день добраться до вершины. Фламиний немедленно отправил в тыл македонцам четырехтысячный отряд и на третий день завязал новое сражение. В разгар упорной битвы македонцы неожиданно увидели римлян позади своих позиций на вершине горы и пришли в замешательство. Тотчас все македонское войско бросилось бежать (Плутарх: «Тит», 2, 4). Сам царь сначала опрометью пустился в бегство, но через пять миль сообразил, что в таких труднопроходимых местах противник все равно не сможет его преследовать. Филипп остановился на каком-то холме и стал собирать бегущих. Выяснилось, что в его войске погибло не более двух тысяч человек, а все остальные, словно по данному им знаку, собрались воедино и сомкнутым строем пошли в Фессалию. Римляне, пока это было возможно, преследовали их.

Двигаясь через Фессалию, Филипп уничтожал все, что нельзя было унести, а города сжигал. И враг не мог причинить более страшного зла, чем фессалийцам довелось претерпеть от союзников. Напротив, римляне, несмотря на то, что терпели сильную нужду в продовольствии, были удержаны консулом от грабежей. Всюду, куда они прибывали, восстанавливался порядок. Это очень расположило фессалийцев в их пользу. Один за другим фессалийские города переходили на сторону римлян. Из Фессалии Фламиний перешел в Фокиду и к исходу года завоевал ее всю. В то же время римский флот овладел Эвбеей. Но самой большой удачей Фламиния было то, что он переманил на свою сторону ахейцев - давних и наиболее верных союзников Македонии. Только ме-галопольцы, аргосцы и ахейские Димы сохранили верность Филиппу (Ливий: 32; 12-23). Когда же Фламиний, встретившись с Филиппом, предложил ему мир и дружбу при условии, что тот вернет грекам независимость и выведет караульные отряды из греческих городов, а Филипп этого условия не принял, все, даже приверженцы Филиппа, поняли, что римляне пришли воевать не против Греции, а против Македонии за освобождение Греции (Плутарх: «Тит»; 5).

В 197 г. до Р.Х. Фламиний без боя занял Беотию, а Филипп, наблюдавший за всеми этими успехами римлян из Македонии, объявил набор по всем городам его царства. Но молодых людей сильно не доставало, так как непрерывные войны, которым страна предавалась вот уже более 150 лет, истребили многие поколения македонцев. Царю пришлось записывать в войско новобранцев шестнадцати лет и дослужившихся до отставки ветеранов. С пополненным таким образом войском он отправился к Дию и там разбил свой лагерь. В фалангу было собрано 16 000 воинов - вся боевая мощь Македонского царства, - 8000 легковооруженных и 2000 конников.

Оба военачальника искали решительной битвы. Постепенно сходясь, обе армии случайно столкнулись неподалеку от города Ско-тусы на холмах, носивших название Киноскефалы. Легковооруженные немедленно бросились в бой, и македонцы стали теснить римлян. Один за другим гонцы возвращались к царю, крича, что римляне в страхе бегут; и в конце концов, это побудило Филиппа ввести в бой фалангу, хотя сильнопересеченная местность была неудобной для македонского строя. Точно так же поневоле должен был начать сражение и Фламиний, поскольку не видел другой возможности остановить отступление. Римляне пропустили сквозь ряды бегущих и затем сомкнулись для решительной битвы.

На правом фланге Филипп имел поначалу перевес. Македонцы наступали здесь с вершины холмов. Удар их массивной фаланги смял римлян, которые не выдержали натиска сомкнутых щитов и сарисс. Оставив разбитое крыло, Фламиний быстро поскакал к другому. Здесь положение было совсем другим. Македонская армия не успела еще вся втянуться в битву, и подходившие части должны были прямо с ходу вступать в бой. Фаланга, выстроенная скорее для похода, чем для сражения, едва вышла на кряж. Фламиний повел римлян в атаку на этот еще не выровненный строй. Вперед он пустил слонов. Как он и ожидал, македонцы после первого же натиска обратились в бегство. Часть римлян бросилась преследовать их, другая, развернувшись, зашла в тыл правому крылу македонцев. Тяжелая фаланга не имела возможности развернуться. К тому же, спустившись в долину, македонцы отдали врагу высоты. Избиваемые с двух сторон, они вскоре бросили оружие и обратились в бегство.

Филипп с немногими пехотинцами и конниками сперва поднялся на самый высокий холм,

чтобы взглянуть, как идет сражение на левом крыле. Увидев там повальное бегство и сверкание римских знамен, он понял, что битва проиграна, и сам обратился в бегство. В этом сражении, положившем конец македонскому могуществу, он потерял 8000 убитыми и 5000 пленными. Из Темпов Филипп отправился в Македонию, собирая по дороге остатки своей рассеянной армии, а в Лариссу отправил послов, чтобы начать с Фламинием переговоры о мире (Ливий: 33; 1-11).

Фламиний уже знал о том, что Антиох III готовится к походу на Европу, и потому охотно согласился на перемирие. Филипп отправил своих послов в Рим, и мир вскоре был заключен. По его условиям Филипп должен был предоставить свободу всем эллинам без исключения, как европейским, так и азиатским, и вывести гарнизоны из их городов. Затем он должен был отдать Риму все свои корабли, кроме пяти, и уплатить тысячу талантов контрибуции (Полибий: 18; 44).

В 196 г. до Р.Х. дарданы, преисполнившиеся презрения к побежденному Македонскому царству, перешли его границы и начали опустошать северные пределы. Казалось, что весь мир ополчился против Филиппа, что сама судьба преследует и его, и македонцев. И тем не менее, услышав об этом, царь решил, что уступить владения в самой Македонии будет горше смерти. Проведя по городам поспешный набор, он с шестью тысячами пехоты и пятьюстами всадниками внезапно напал на неприятеля у Стобов в Пеонии. Множество врагов было перебито в сражении, но еще более по полям, куда они разбрелись в поисках добычи (Ливий: 33; 19).

Между тем с уходом македонцев из Греции роль Филиппа в международных делах хотя и ослабла, но не сошла сразу на нет. После того как в 192 г. до Р.Х. у римлян началась война с Антиохом III, обе стороны в равной мере старались заручиться его поддержкой. Говорят, что Филипп совсем уже было собрался вверить себя судьбе и выступить на стороне Антиоха, но тут до него дошли слухи об одном, по виду великодушном, а на деле суетном поступке Антиоха - находясь у Киноскефал, царь велел собрать рассеянные по полю кости македонцев и насыпать над ними погребальный холм. У македонцев это деяние не вызвало благодарности, а самого Филиппа оно привело в бешенство. Он немедленно отправил послов к римлянам и объявил, что готов быть их союзником в войне с сирийцами.

И действительно - весной 191 г. до Р.Х. Филипп объединил свои войска с отрядом претора Бебия и вступил вместе с ним в Фессалию. Римляне напали на Факий, а македонцы - на Маллою в Перребии. По взятии последней, Филипп отправился к Лимнею. Лимнейцы некоторое время оборонялись, но, когда к городу подошел консул Маний Ацилий, они сдались. Царь отправился затем на Афаманию. Правивший там Аминандр бежал с семьей в Амбракию, а вся страна предалась под власть македонян. Как раз в это время на Балканский полуостров переправился консул Ацилий с основными силами римлян. Филиппу он поручил осаду Ламии, а сам выступил против Антиоха, которого вскоре и разгромил в Фермопильском проходе. Когда римляне после победы подошли к Ламии, жители предпочли сдать Ацилию, а не Филиппу, которому консул велел отступить от города. Несмотря на то, что македонцы потратили много сил на осаду этого города, а все плоды победы пожали римляне, Филипп на этот раз ничем не выказал своей обиды.

От Ламии Филипп пошел на Деметриаду и захватил ее без боя. Затем он овладел так же легко всей Долопией. В благодарность за услуги римляне отпустили к Филиппу его сына Деметрия, которого до этого удерживали в Риме в качестве заложника (Ливий: 36; 8, 13, 14, 25, 33, 35).

В 190 г. до Р.Х. новый консул Лу-ций Сципион повел римское войско через Македонию и Фракию к Геллеспонту. Этот путь был бы для него трудным и тяжелым, если бы Филипп не приготовил для него дороги, не принимал и не сопровождал его, заранее наведя мосты и приготова рынки. За это Сципион тотчас же освободил его от уплаты недоимок, получив на то полномочия от сената (Аппий: 11; 23).

В 189 г. до Р.Х. царь Афамании Аминандр возвратился из изгнания с помощью этолийцев и выбил македонские гарнизоны из всех своих городов. Узнав об отпадении Афамании, Филипп выступил из Македонии с шестью тысячами солдат. Но в узком ущелье при переходе через горы афаманцы напали на войско царя и нанесли ему чувствительные потери. Филипп принужден был вернуться. После этого этолийцы отобрали у македонцев Афаманию и

Долопию (Ливий: 38; 1-3).

В последующие годы Филипп старался всеми силами возродить прежнее могущество Македонии. Он резко увеличил поступления в казну, повысив налоги на урожай и пошлины на ввозимые морем товары, возобновил работы на заброшенных рудниках и начал разрабатывать множество новых. Чтобы восстановить прежнюю численность населения, поредевшего в предыдущих войнах, он заставлял своих подданных вступать в брак и заводить детей, а кроме того, начал массами переселять в Македонию фракийцев.

Притесняемые Филиппом фракийцы, перребы и афаманцы отправили посольства в Рим и жаловались на него сенату. Для разбора дела сенат отрядил в Македонию своих послов. Выслушав обе стороны, римляне решили спор в пользу афамантов и перребов, объявив, что Филипп должен вывезти гарнизоны из их городов и довольствоваться старыми границами Македонии. Сложнее оказался вопрос о фракийских городах Эносе и Маро-нее, ранее принадлежавших Македонии, а затем, во время войны с Римом, отпавших от нее. Судьба их так и осталась нерешенной. Однако и отсюда Филипп должен был вывести свои гарнизоны. Весь этот процесс, во время которого царь должен был оправдываться и изворачиваться, чтобы доказать свою правоту, а также самый приговор жестоко оскорбили и возмутили Филиппа. Он увидел, что римляне благоволят к его врагам и не останутся ни перед чем, лишь бы окончательно сломить могущество Македонии.

Не имея сил выступить против римлян, Филипп сорвал свой гнев на маронецах. В 185 г. до Р.Х. он приказал перебить в этом городе виднейших представителей антимакедонской партии. Чтобы оправдаться после этого перед сенатом, царь отослал в Италию своего младшего сына Деметрия. Сенат, выслушав Деметрия, решил оставить это преступление царя без последствий. Филиппу было объявлено, что он получает прощение только благодаря своему сыну. Обласканный римлянами Деметрий возвратился в Македонию, где его так же с восторгом приветствовал простой народ. С этих пор Деметрий постоянно был окружен вниманием толпы и считался другом римлян. И то и другое страшно раздражало отца.

В (83 г. до Р.Х. Филипп отправился походом во внутреннюю Фракию против одрисов, дентелетов и бессов. Он взял Филипполь, жители которого бежали в горы, а в Пеонии основал город Перейду (Ливий: 39; 24, 26, 34, 47, 53). Мысль о будущей войне с Римом ни на минуту не оставляла царя Зная, с каким могущественным врагом придется ему бороться, Филипп готовился к войне с большим тщанием. Всех граждан из приморских городов он переселил в Пеонию, а покинутые города заселил фракийцами, надеясь, что верностью новых поселенцев будет лучше обеспечено спокойствие городов в трудные времена. Множество народа было оторвано от родных очагов и выслано на чужбину (Полибий: 23; 10). В центральных районах страны строились крепости, и в них накапливались оружие, деньги и крепкие молодые люди. Оружия было запасено на 30 000 человек, восемь миллионов медим-нов хлеба надежно хранилось за стенами, а денег скопилось так много, что хватило бы на жалование десяти тысячам наемников в течение десяти лет (Плутарх: «Эмилий Павел»; 8).

Последние годы Филиппа были омрачены тяжкими раздорами в его семье. Персей, его старший сын, видя, что его брат Деметрий все больше приобретает расположение и уважение македонцев и милость римлян, решил, что только преступление сохранит ему надежду на царство, и на это направил все свои помыслы. Чтобы осуществить свой замысел, Персей стал поодиночке испытывать отцовских друзей. Видя растущую со дня на день ненависть Филиппа к римлянам, которой Персей способствовал, а Деметрий изо всех сил противился, друзья отца почувствовали неизбежную гибель юноши и решили помогать неминуемому будущему. Чтобы Деметрий представлялся отцу все более подозрительным, они нарочно переводили разговоры на то, что делается у римлян, одни осмеивали их нравы и обычаи, другие - их деяния, третьи - облик самого города, четвертые - какого-нибудь видного римлянина. А неосторожный юноша как по любви своей к римлянам, так и из соперничества с братом старался все это защитить и тем делал себя подозрительным для отца и уязвимым для доносов. Поэтому отец не посвящал Деметрия ни в какие свои намерения относительно Рима, но доверял лишь Персею, днем и ночью вынашивая с ним все свои замыслы. Старший сын вполне использовал эту близость. То и дело говорил он отцу, что римский лазутчик находится в их собственной семье, что Деметрий только и мечтает о том, как убить его, Персея, и самому получить власть из рук римлян Филипп

и верил и не верил в это, но с каждым днем все более и более отдалялся от младшего сына.

Подготовив таким образом почву, Персей вошел в заговор с правителем Пэонии Диасом, приказав ему любой ценой вкратиться в доверие Деметрию, чтобы узнать все его тайные замыслы и скрытые чувства. Диас воспользовался простодушием неосторожного юноши, не без основания гневавшегося на своих родных, и узнал, что тот замышляет бегство в Рим. Об этом немедленно сообщили Филиппу.

Царь как раз находился с войсками в стране медов (182 г. до Р.Х.). Отягченный подозрениями, он вернулся в Македонию и велел начать расследование. Среди прочих обвинений Филиппу передали подложное письмо, скрепленное поддельной печатью Тита Квинция. В письме содержалась просьба за Деметрия на тот случай, если увлеченный жаждой власти юноша уже сделал какой-то неверный шаг: ни-каких-де умыслов против кого-то из родственников у царевича нет, да и он, Тит Квинкий, совсем не тот человек, чтобы стать вдохновителем какого-нибудь нечестивого замысла. Это письмо предало достоверности Персеевым обвинениям.

Разобрав все эти улики, Филипп приказал убить Деметрия, но тайно, чтобы не обнаружить своих намерений против римлян. На одном из пиров юноше подали отравленное вино, а затем, когда он ушел в спальню и лежал, испытывая ужасные мучения, двое убийц задушили его, обмотав ему голову и шею покрывалом.

Но прошло совсем не много времени, и Филипп раскаялся в своей жестокости (Ливий: 40; 5, 21, 23, 24). К тому же Персей, устранив соперника, стал вести себя по отношению к отцу не только менее почтительно, но даже нахально, и держал себя не как наследник престола, а как царь. Филипп был этим оскорблен и с каждым днем все горше оплакивал смерть Деметрия. Потом, заподозрив, что он стал жертвой козней, он приказал подвергнуть пыткам доносчиков и свидетелей. Когда те во всем признались, открылся коварный обман Персея (Юстин: 32; 3). Но к этому моменту Персей был уже слишком силен, а Филипп слишком стар, чтобы можно было надеяться на возмездие. И все-таки царь всерьез думал о том, чтобы лишить сына престола. Он приблизил к себе Антигона, племянника Антигона III, и окружил его царскими почестями. Вслед за тем Филипп отправился по городам Македонии объявлять их правителям о своих видах на Антигона, и если б ему суждено было жить подольше, то он, несомненно, передал бы Антигону власть. Но, приехав в Амфиполь, царь заболел, слег в постель и вскоре умер (Ливий: 40; 56).

ФИЛИПП АРАВИТЯНИН, Марк Юлий

Римский император в 244-249 гг. Род. ок. 200 г. Умер 249 г.

По свидетельству Аврелия Виктора, этот Филипп был человеком очень низкого происхождения. Отец его будто бы даже был атаманом разбойников (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 28). В 243 г. он сделался префектом претория, а затем коварным образом завладел императорской властью, как об этом рассказано в жизнеописании Гордиана III. В 244 г. Филипп закончил войну с персами, начатую его предшественником, и возвратился в Италию. При нем с большой пышностью было отпраздновано тысячелетие Рима (Виктор: «О Цезарях»; 28). В 249 г. вспыхнуло возмущение в легионах, стоявших в Мезии. Филипп отправил для успокоения бунтовщиков сенатора Деция. Но восставшие провозгласили Деция императором и под его командованием двинулись на Италию (Гибон: 10). Филипп выступил против Деция и пал в бою под Вероной, а войско его было разбито и рассеяно. Вскоре в Риме был убит его сын и соправитель Филипп Младший, которому было всего двенадцать лет (Виктор: «О Цезарях»; 28).

ФИЛИПП ФИЛАДДЛЬФ

Царь одной из частей Сирии из рода Селевкидов, правивший в 94-83 гг. до Р.Х. Сын Антиоха VIII Грыпа.

Филипп вел войну со своим братом Деметрием Третьим Эвекром, который осадил его в

Верее. Филипп призвал на помощь парфянского царя Митридата Синака. Тот принудил Деметрия сдаться. После победы Филипп двинулся на Анти-охию, занял ее и стал царствовать над большей частью Сирии (Флавий: «Иудейские войны»; 13; 14; 3).

В 87 г. до Р.Х. младший брат Филиппа Антиох Дионис захватил Дамаск и провозгласил себя царем. Узнав, что противник его отправился в поход на арабов, Филипп подошел к Дамаску. Некий Милезий, который был оставлен для охраны крепости, передал ему город. Но так как Филипп оказался по отношению к Милезию неблагодарным и не даровал ему ничего из того, на что тот рассчитывал при сдаче города, и так как Филиппу было желательно, чтобы казалось, что он взял город, наведя страх на жителей, а не благодаря любезности Милезия, то он навлек на себя нерасположение жителей и вскоре должен был покинуть Дамаск. Дело было так: когда он однажды отправился на ипподром, Милезий запер город и стал оберегать последний для Антиоха.

ФИЛИППИК

Византийский император в 711 - 713 гг.

Настоящее имя Филиппика было Вардан. Он происходил из знатного армянского рода. Феофан пишет, что один затворник в обители Калистрата предсказал ему императорскую власть. Вардан доверил эту тайну своему другу, а тот донес властям. Правивший тогда Тиберий III велел высечь его плетьюми, остричь, заключить в оковы и сослать в Кефалинию. Юстиниан II, возвратившись в 705 г. на престол, велел вызвать его обратно в столицу, а затем сослал в Херсо-нес. Когда в 711 г. херсонесцы подняли восстание против Юстиниана, они провозгласили Вардана императором и переименовали его в Филиппика. Узнав об этом, Юстиниан выслал против херсонесцев флот во главе с патриkiem Мавром. Тот уже начал осаду, но херсонесцы призвали на помощь хазар и не дали Мавру войти в город. Филип-пик, воспользовавшись перемирием, бежал к хазарскому кагану. Немного времени спустя войско Мавра присоединилось к восстанию и стало просить кагана, чтобы тот отдал им Филиппика, которого они провозгласили императором. Каган связал их клятвой верности и потребовал за откуп много денег. Получив наконец Филиппика, воины посадили его на корабль и отправились в Константинополь. Столица сдалась им без боя, император Юстиниан был вскоре схвачен и обезглавлен, а Филип-пик венчался на царство.

Первым делом он собрал церковный собор, который отверг все решения Шестого Вселенского собора против монофелитов, сверг патриарха Кира и поставил Иоанна-еретика. Затем он стал проводить беззаботную и пустую жизнь в своих чертогах. Множество денег и драгоценных вещей, собранных прежними императорами, он расточил понапрасну и без всякой пользы. По разговорам его можно было принять за человека ученого и умного, но так как жил он неприлично и недостойно, то в глазах всех казался совершенно ничтожным. К тому же он был большой прелюбодей. Тем временем болгары захватили всю Фракию и в своих набегах доходили до стен столицы, а арабы овладели Мидией (Феофан: 703).

Низложение Филиппика было таким же стремительным и нелепым, как и его вознесение. По свидетельству Никифора, в 713 г. на Пятидесятницу император праздновал день основания города, а затем, после пира с друзьями, лег отдохнуть. В это время против него сложился заговор, который был немедленно приведен в исполнение. Некто Георгий по прозвищу Вураф, патрикий и полководец войск Оп-сикия, с ведома патрикия Федора послал одного из своих подчиненных Руфа с немногими войсками в Константинополь (Никифор: 713). Руф вошел во дворец, нашел Филиппика спящим, схватил, привел в почетную залу прасинов и тут выколол ему глаза. На другой день под именем Анастасия был венчан на царствие первый секретарь Филиппика Артемий (Феофан: 705).

ФИНТ

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов, правивший в IX в. до Р.Х. Сын Сибота.

Согласно Павсанию, в царствование Финты впервые произошло столкновение между

мессенцами и лакедемонянами. Лакедемонские юноши вместе с их царем Телеклом хотели убить Финту в храме Артемиды Лимнатиды. Но мессенцы, защищаясь, убили их всех и самого Телекла (Павсаний: 4; 4; 1-4).

ФЛАВИИ

Императорская династия, правившая в Риме в 69-96 гг.

ФЛАВИИ

Императорская династия, правившая в Риме в 268 -270, 293-363 гг.

ФЛАВИИ

Императорская династия, правившая в Западной и Восточной Римских империях в 364-455 гг. (Род Валентинианов - Феодосиев.)

ФЛАВИЙ СЕВЕР, Валерий

Римский император в 306-307 гг. Умер 307 г.

Север был уроженцем Иллири-ка и считался любимцем императора Галерия. После отречения Диоклетиана в 305 г. он получил титул Цезаря (Виктор: «О Цезарях»; 40). В 306 г., когда умер Констанций, Галерий возвел Севера в Августы и сделал своим соправителем. Он предполагал выделить ему западные провинции, но пришло известие, что преторианцы провозгласили императором в Риме Мак-сенция, сына Максимиана Герку-лия. Раздосадованный их своеволием, Галерий отправил Севера подавлять бунт и дал ему легионы, воевавшие прежде под началом Максимиана. Едва новый император явился в Италию, его солдаты отложились от него и перешли на сторону врага. Северу ничего не оставалось, как отступить от Рима. Он заперся в Равенне, а Максимилиан начал осаду. Видя, что немногие оставшиеся с ним воины уже готовы изменить ему, Север добровольно отрекся от власти в пользу Максимиана и отослал ему багряницу, а затем и сам отдался в его руки. Но своей уступчивостью он достиг лишь того, что ему позволили выбрать по желанию любой род смерти. Пленника отвезли в Рим, и здесь он перерезал себе вены (Лактанций: 25-26).

ФЛОРИАН, Марк Анний

Римский император в 276 г.

Флориан был братом императора Тацита. После его смерти он провозгласил себя императором. Но когда большинство конного войска признало императором опытного в военном деле Проба, Флориан, попользовавшись верховной властью в течение шести месяцев, вскрыл себе вены и погиб от потери крови (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 36).

ФОКА

Византийский император в 602- 610 гг. Умер 4 окт. 610 г.

Происхождение Фоки неизвестно. До своего стремительного взлета он служил сотником в Дунайской армии. По свидетельству Кедрина, он имел маленький рост и безобразную фигуру, густые щетинистые брови, сросшиеся на переносице, и рыжие волосы, а на щеке - уродливый широкий рубец. Он не получил никакого воспитания: не обладал познаниями ни в литературе, ни в законах, но зато был склонен к грубым наслаждениям - пьянству и сладострастию (Гиббон: 46). Однако он пользовался большим влиянием среди солдат. В 599 г. он был среди депутатов Дунайской армии, явившихся в Константинополь с жалобами на полководца Коментиола,

Феофан пишет, что Фока, разговаривая с императором Маврикием на тайном совете, грубо противоречил ему, так что один из патрикиев дал Фоке оплеуху и выщипал ему бороду. Тремя годами позже дунайские легионы подняли мятеж и провозгласили Фоку экзархом (главнокомандующим). Во главе армии он двинулся на Константинополь. В столице произошло восстание, и Маврикий бежал. Патрикий Герман (на его дочери был женат старший сын Маврикия Феодосий) стал было искать престола, но цирковая партия прасинов не допустила этого и стала превозносить Фоку. Между тем Фока остановился в Евдоме и вызвал туда патриарха, народные партии и сенат. Он притворно предложил увенчать императорским званием Германа, однако Герман также притворно отказался. Тогда в церкви Иоанна Крестителя Фока был провозглашен императором и на третий день въехал в столицу в царской колеснице (Феофан: 592, 594).

По свидетельству всех историков, время правления Фоки было отмечено необузданным террором. Едва приняв бразды правления, он велел обезглавить своего предшественника Маврикия. Вместе с ним были казнены пять его сыновей, в том числе грудной младенец. Затем Фока велел отрубить мечом голову брату Маврикия Петру. Были убиты стратег Коментиол, ипост-ратег Георгий, доместик Пресентин, погибли многие другие приближенные прежнего императора. Константину, жену Маврикия, Фока сначала заключил в каком-то частном доме (Симокатта: 8; 11, 13), но позже велел казнить вместе с тремя ее дочерьми. Был убит также Герман с его дочерью (Феофан: 599). В последние годы правления император погубил и всех тех, кто содействовал ему в захвате власти (Симокатта: 8; 15).

В 603 г. возобновилась война с персами, которая шла крайне неудачно для римлян. Фока казнил полководца Нерсеса, перед которым много лет трепетали враги, и поручил командование своему приближенному Леонтию. В том же году римляне дважды потерпели поражение. В 605 г. пала Дара. В 606 г. персы ограбили всю Сирию, Палестину и Финикию, уведя в плен множество людей. В 607-м они завладели Арменией, Галатией и Пафлагонией, дошли до самого Халкидона. Фока оказался не в силах противостоять врагам. Несколько раз против него устраивались заговоры, но они были раскрыты и подавлены с большой жестокостью. Наконец и константинопольская чернь отвернулась от императора. В 609 г. во время конских игр прасины ругали Фоку и кричали, намекая на его любовь к спиртному: «Опять ты выпил свою чашу и смысл потерял!» Император велел перехватывать крикунов, многих изуродовать, а отсеченные члены, повесить на столбах ипподрома, другим отрубить головы, иных посадить в мешки и утопить в море. В ответ прасины сожгли преторию, разбили тюрьмы и выпустили заключенных (Феофан: 596, 598,-601).

Когда в 609 г. экзарх Африки Ираклий отложился от императора, все симпатии были на его стороне. Осенью 610 г. африканский флот, во главе которого стоял сын экзарха, тоже Ираклий, подступил к столице. 4 октября некто по имени Фотий, который был оскорблен Фокой, так как тот недавно обесчестил его жену, проник во дворец со множеством войска, тотчас захватил Фоку, снял с него императорское облачение, закутал в черные одежды, скрутив руки, связанные за спиной, и на судне вручил пленника Ираклию. Ираклий, увидев его, сказал: «Так-то, несчастный, ты правил государством». Тот ответил: «А ты намереваешься управлять лучше?» Ираклий приказал отрубить ему голову, затем отсечь все конечности, а тело проташить по форуму Быка и там предать сожжению. Тогда же казнили его брата Доментиола и некоторых ближних сподвижников (Никифор: 610).

ХАРИЛАЙ

Легендарный царь Спарты из рода Эврипонтидов, правивший в IX в. до Р.Х. Сын Полидекта. Племянник и воспитанник законодателя Ликурга.

После отъезда Ликурга и его смерти Харилай подверг опустошению Арголиду, а затем, несколько лет спустя, под его началом состоялось вторжение спартанцев в область Тегеи (Павсаний: 3; 7).

ЦЕЗАРЬ, Гай Юлий

Римский император в 49-44 гг. до Р.Х. Родоначальник Юлиев-Клавдиев. Род. ок. 100 г. до Р.Х. Умер 15 марта 44 г. до Р.Х.

Цезарь родился в 100 г. до Р.Х. (или, по другим подсчетам, в 102- 101 гг. до Р.Х.). Раннему началу его политической карьеры много способствовало родство с Марием, ибо Марий Старший был женат на Юлии, тетке Цезаря; от этого брака родился Марий Младший, который был, следовательно, двоюродным братом Цезаря (Плутарх: «Цезарь»; 1). В 86 г. до Р.Х. Марий, будучи у власти в Риме, назначил Цезаря, почти что мальчика, жрецом Юпитера (Вел-лей: 2; 43). Вскоре Марий умер, а сразу вслед за этим, в 85 г. до Р.Х., Цезарь потерял отца. Год спустя он расторг помолвку с Коссуцией, девушкой из всаднического, но очень богатого семейства, с которой его обручили еще подростком, и женился на Корнелии, дочери того Цинны, который четыре раза был консулом. Она родила ему дочь Юлию (Светоний: «Юлий»; 1).

Когда Сулла, бывший врагом Цинны, в 82 г. до Р.Х. захватил власть, он не смог ни угрозами, ни обещаниями побудить Цезаря к разводу с Корнелией (Плутарх: «Цезарь»; 1). Лишенный жреческого сана, жениного приданного и родового наследства, Цезарь был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться, несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку (Светоний: «Юлий»; 1). Однажды, когда его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сул-ланских воинов. Дав начальнику отряда Корнелию взятку в два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен (Плутарх: «Цезарь»; 1). Наконец он выхлопотал себе помилование с помощью девственных весталок и своих родственников и свойственников Мамерка Эмилия и Аврелия Котты. Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец Сулла сдался, но воскликнул: «Ваша победа, получайте его! Но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали; в одном Цезаре таится много Мариев!» (Светоний: «Юлий»; 1).

В 80 г. до Р.Х. Цезарь начал военную службу в Азии в свите претора Марка Терма. Отправленный им в Вифинию, чтобы привести флот, он надолго задержался у царя Ни-комеда. Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту (Светоний: «Юлий»; 2). Обвинения в сожительстве с Никомедом преследовали Цезаря еще долгое время спустя, поскольку свидетелями этого позора стали многие римляне. Гай Меммий прямо попрекал Цезаря тем, что он стоял при Ни-комеде виночерпием среди других любимчиков на многолюдном пиршестве, где присутствовали и некоторые римские торговые гости. А Цицерон описывал в некоторых своих письмах, как царские служители отвели Цезаря в опочивальню, как он возлег на золотом ложе и как растлен был в Вифинии цвет юности этого потомка Венеры (Светоний: «Юлий»; 49).

Впрочем, дальнейшая служба принесла Цезарю больше славы, и при взятии Митилен он получил от Терма в награду дубовый венок (Светоний: «Юлий»; 2).

На обратном пути из Вифинии у острова Фармакуссы Цезарь был захвачен в плен пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали над морем. Когда пираты потребовали у него выкуп в 20 талантов, Цезарь засмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им 50 талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди этих свирепых киликийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти речи, видя в них проявление благодушия и шутливости. Однако как только прибыли все нужные деньги из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, он тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гавани против пиратов. Он застал их еще стоящими на якоре у острова, захватил в плен большую часть из них и велел распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой (Плутарх: «Цезарь»; 2).

В 78 г. до Р.Х. Цезарь служил в Киликии при Сервиллии Исаврине, но недолго: когда

пришла весть о кончине Суллы, он отъехал из Азии. Цезарь прибыл в Рим, собираясь принять участие в восстании Марка Лепида. Но ближе познакомившись с делами, он разочаровался как в самом вожде, так и в его предприятии. Поэтому он отказался от сообщничества с Лепидом, хотя тот и прельщал его большими выгодами (Светоний: «Юлий»; 3).

По прибытии в Рим, Цезарь привлек к суду Долабеллу по обвинению в вымогательствах в провинции, и многие из греческих городов предлагали ему свидетелей. Хотя Долабелла был оправдан (в 77 г. до Р.Х.), все согласно признали Цезаря одним из лучших судебных ораторов, и в дальнейшем в красноречии он сыскал славу не меньшую, чем в военном искусстве. Во всяком случае, Цицерон, перечисляя ораторов в своем «Бруте», заявлял, что не видел никого, кто превосходил бы Цезаря, и называл его слог изящным, блестящим и даже великолепным и благородным. Корнелию Непоту он писал о нем так: «Как? Кого предпочтешь ты ему из тех ораторов, которые ничего не знают, кроме своего искусства? Кто острее или богаче мыслями? Кто пышнее или изящнее в выражениях?» Как передают, Цезарь говорил голосом звонким, с движениями и жестами пылкими, но приятными. С юности он имел склонность к литературе. Известны были его риторическое сочинение «Похвала Геркулесу», трагедия «Эдип» и «Собрание изречений» (Светоний: «Юлий»; 55-56).

Чтобы отблагодарить греков за их усердие, Цезарь взялся вести их дело, которое они начали у претора Македонии Марка Лукулла, против Публия Антония, обвиняя его во взяточничестве. Цезарь так энергично повел его, что Антоний обратился с жалобой к народным трибунам в Рим, ссылаясь на то, что в Греции он не находится в равном положении с греками.

В самом Риме Цезарь, благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте. Да и его обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве. Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же после того, как иссякнут его средства. Цицерон был первым, кто посчитал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действий Цезаря он усматривает тиранические намерения (Плутарх: «Цезарь»; 4).

Но он ничего не мог поделать, поскольку с ранней юности в Цезаре было что-то неизменно привлекающее к нему сердца. Даже люди нерасположенные к нему постепенно попадали под силу его обаяния. Внешность Цезаря была чрезвычайно приятна. Говорят, он был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые. Здоровьем он отличался превосходным: лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи, да два раза во время занятий у него были приступы падучей. За своим телом он ухаживал слишком даже тщательно, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, и этим его многие попрекали. И одевался он, говорят, по-особенному: он носил сенаторскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка: отсюда пошло словцо Суллы, который не раз советовал своим сторонникам остерегаться плохо подпоясанного юнца (Светоний: «Юлий»; 45).

Первое доказательство любви к нему народа Цезарь получил в 70 г. до Р.Х., в то время, когда, добываясь должности военного трибуна одновременно с Гаем Помпилием, был избран большим числом голосов, нежели тот; второе же, и еще более явное, - когда после смерти своей тетки Юлии (в 68 г. до Р.Х.), жены Мария, он не только произнес на форуме речь в честь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времен прихода к власти Суллы. Народ криками и рукоплесканиями одобрил этот смелый поступок. Точно так же Цезарь произнес речь на форуме во время похорон своей жены Корнелии. В том же году он отправился в Испанию в качестве квестора при преторе Ве-тере (Плутарх: «Цезарь»; 5).

Говорят, что однажды в качестве квестора он объезжал для судопроизводства общинные собрания в Дальней Испании и прибыл в Гадес. Там, в храме Геркулеса, он увидел статую Александра Великого. Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей деятельности. Ему уже было 33 года, а он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в

этом возрасте уже покорил мир. Размышления об этом произвели на Цезаря столь большое впечатление, что он тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для совершения более великих дел (Светоний: «Юлий»; 7).

Приехав после отправления должности (в 67 г. до Р.Х.), Цезарь женился на Помпее и вновь вернулся к прежнему образу жизни.

Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешевую цену, он, как говорят, прежде чем получить первую должность, имел долгов на 1300 талантов. Назначенный смотрителем Аппиевой дороги, он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом (в 65 г. до Р.Х.), выставил 320 пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников (Плутарх: «Цезарь»; 5). Не довольствуясь этим, он украсил на свои средства комиции и форум базиликами, а на Капитолии выстроил временные портики.

Снискав расположение народа, Цезарь попытался через трибунов добиться, чтобы народное собрание предоставило ему командование в Египте, хотя он еще не был ни претором, ни консулом. Поводом для внеочередного назначения было то, что александрийцы изгнали своего царя, объявленного в сенате союзником и другом римского народа: в Риме это вызвало всеобщее недовольство (Светоний: «Юлий»; 10-11). Рим тогда разделялся на два стана - приверженцев Суллы («оптиматов»), имевших большую силу, и сторонников Мария («популярлов»), которые были полностью разгромлены, унижены и влачили жалкое существование (Плутарх: «Цезарь»; 6). Притязания Цезаря не имели успеха. Он не добился своего из-за противодействия оптиматов. Стараясь в отместку подорвать их влияние любыми средствами, Цезарь восстановил памятники побед Гая Мария над Югуртой, кимврами и тевтонами, некогда разрушенные Суллой (Светоний: «Юлий»; 11). Ночью он принес на Капитолий и поставил сделанные втайне изображения Мария и богинь Победы, несущих трофеи. На следующее утро вид этих блестящих золотом и сделанных чрезвычайно искусно изображений вызвал у смотрящих чувство изумления перед отвагой человека, воздвигнувшего их (имя его, конечно, не осталось неизвестным). По этому поводу было созвано заседание сената. Но Цезарь так умело выступил в свою защиту, что сенат остался удовлетворенным, и сторонники Цезаря еще больше осмелели и призывали его ни перед чем не отступать в своих замыслах, ибо поддержка народа обеспечит ему первенство и победу над противниками (Плутарх: «Цезарь»; 6). И в самом деле, председательствуя в следующем году в суде по делам об убийствах, Цезарь объявил убийцами тех, кто во время проскрипций Суллы получал из казны деньги за головы римских граждан, хотя корнелиевы законы и делали для них исключение (Светоний: «Юлий»; 11).

Между тем в 63 г. до Р.Х. умер верховный жрец Метелл, и два известнейших человека, пользовавшихся одинаковым влиянием в сенате, - Сервилий Исаврйский и Катул - боролись друг с другом, добиваясь этой должности. Цезарь не отступил перед ними и также выставил в народном собрании свою кандидатуру. Казалось, что все соискатели пользуются равной поддержкой, но Катул, из-за высокого положения, которое он занимал, более других опасался неясного исхода борьбы и потому начал переговоры с Цезарем, предлагая ему большую сумму денег, если он откажется от соперничества. Цезарь, однако, ответил, что будет продолжать борьбу, даже если придется для этого еще большую сумму взять в долг (Плутарх: «Цезарь»; 7). После этого он стал домогаться сана великого понтифика с помощью самой расточительной щедрости. Вскоре он вошел в такие долги, что при мысли о них он, говорят, сказал матери, целуя ее утром, перед тем, как отправиться на выборы: «Или я вернусь понтификом, или совсем не вернусь». И действительно, он настолько пересилил обоих своих опаснейших соперников, намного превосходивших его и возрастом и положением, что даже в их собственных трибах собрал больше голосов, чем оба они, во всех вместе взятых (Светоний: «Юлий»; 13). Победа Цезаря внушила сенату и знати опасение, что он сможет увлечь народ на любую дерзость.

Как раз в это время был раскрыт заговор Каталины, который намеревался не только свергнуть существующий строй, но и уничтожить всякую власть и произвести полный переворот. Сам он покинул город, когда против него появились лишь незначительные улики, но его сообщники продолжали плести заговор.

Неизвестно, оказывал ли тайно Цезарь в чем-нибудь поддержку и выражал ли сочувствие этим людям, но в сенате, когда заговорщики были полностью изобличены и Цицерон, бывший тогда консулом, спрашивал у каждого сенатора его мнение о наказании виновных, все высказались за смертную казнь, и лишь Цезарь выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по своему происхождению и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это не вызвано крайней необходимостью. Если же впрямь до полной победы над Катилиной они будут содержаться под стражей в италийских городах, то позже сенат сможет в обстановке мира и спокойствия решить вопрос о судьбе каждого из них.

Это предложение показалось настолько человеколюбивым и было так сильно и убедительно обосновано, что не только те, кто выступал после Цезаря, присоединились к нему, но и многие из говоривших ранее стали отказываться от своего мнения и поддерживать предложение Цезаря, пока очередь не дошла до Катона и Ка-тула. Эти же начали горячо возражать, а Катон даже высказал в своей речи подозрение против Цезаря и выступил против него со всей своей резкостью (Плутарх: «Цезарь»; 7-8).

Рассказывают, что, когда между Цезарем и Катоном шла напряженная борьба и жаркий спор и внимание всего сената было приковано к ним двоим, Цезарю откуда-то подали маленькую табличку. Катон заподозрил неладное и, желая бросить на Цезаря тень, стал обвинять его в тайных связях с заговорщиками и потребовал прочесть записку вслух. Тогда Цезарь передал табличку прямо в руки Катону, и тот прочитал бесстыдное письмо своей сестры Сервилии к Цезарю, который ее соблазнил и которого она горячо любила. «Держи, пропойца», - промолвил Катон, снова бросая табличку Цезарю, и вернулся к начатой речи (Плутарх: «Катон»; 24). Наконец, было решено казнить заговорщиков, а когда Цезарь выходил из здания сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много собравшихся юношей из числа охранявших тогда Цицерона. Как рассказывают, Курион, прикрыв Цезаря своей тогой, благополучно вывел его, да и сам Цицерон, когда юноши оглянулись, знаком удержал их. Позже его обвиняли в том, что он не воспользовался представившейся тогда прекрасной возможностью избавиться от Цезаря, а испугался народа, необычайно привязанного к Цезарю. Эта привязанность проявилась через несколько дней, когда Цезарь пришел в сенат, чтобы защищаться против выдвинутых подозрений, и был встречен враждебным шумом. Видя, что заседание затягивается дольше обычного, народ с криками сбежался и обступил здание, настоятельно требуя отпустить Цезаря (Плутарх: «Цезарь»; 8).

В 62 г. до Р.Х. Цезарь был избран претором. Когда народный трибун Цецилий Метелл, невзирая на запрет других трибунов, выступил с самыми мятежными законопредложениями, Цезарь встал на его защиту и поддерживал его с необычайным упорством, пока сенат указом не отстранил обоих от управления государством. Несмотря на это, Цезарь отважился остаться в должности и править суд; лишь когда он узнал, что ему готовы воспрепятствовать силой оружия, он распустил ликторов, снял преторскую тогу и тайком поспешил домой, решив при таких обстоятельствах не поднимать шум. Через день к его дому сама собой, никем не подстрекаемая, собралась огромная толпа и буйно предлагала свою помощь, чтобы восстановить его в должности; но он сумел ее унять. Так как этого никто не ожидал, то сенат, спешно созванный по поводу этого сборища, выразил ему благодарность через лучших своих представителей, его пригласили в курию, расхвалили в самых лестных выражениях и, отменив прежний указ, полностью восстановили в должности (Светоний: «Юлий»; 16).

Если не считать этого инцидента, год его претуры прошел спокойно, и лишь в собственном доме Цезаря произошел неприятный случай.

Один из вожаков народа Пульхр Клодий, известный своим богатством и красноречием, но в бесчестии и дерзости не уступавший никому из прославленных распутников, был влюблен в Помпею, жену Цезаря, и пользовался взаимностью. Но женские комнаты строго охранялись, а мать Цезаря Аврелия, почтенная женщина, своим постоянным наблюдением за невесткой делала свидания влюбленных трудными и опасными. Это заставило Клодия пойти на неслыханную дерзость - переодевшись в женское платье, он пробрался в дом Цезаря, чтобы встретиться с Помпеей во время чествований Доброй богини. Хитрость его обнаружилась, и Клодий с позором был изгнан из дома. Цезарь тотчас развелся с Помпеей. Однако, будучи

призван на суд в качестве свидетеля (Клодий был обвинен в кощунстве, поскольку увидел таинства, видеть которые мужчине было строго запрещено), он заявил, что ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия. Это заявление показалось очень странным, и обвинитель спросил его: «Но почему же тогда ты развелся со своей женой?» - «Потому, - ответил Цезарь, - что на мою жену не должна упасть даже тень подозрения». Одни говорят, что он ответил так, как действительно думал, другие же - что он сделал это из угрождения народу, желавшему спасти Клодия. И действительно, Клодий был оправдан (Плутарх «Цезарь»; 9-10). Сам Цезарь никогда не был идеальным мужем. Он был падок и расточителен на любовные утехы. Говорят, что он был любовником многих знатных женщин - в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея. Но более всех остальных любил он мать Брута, Сервилию (Светоний: «Юлий»; 50).

После претуры Цезарь получил в управление провинцию Испанию, но некоторое время не мог уехать из-за противодействия кредиторов. Во всю свою жизнь Цезарь тратил много и не считая. Жил он сначала в скромном доме на Су-буре, а когда стал великим понтификом, то поселился в государственном здании на Священной дороге. О его великой страсти к изысканности и роскоши сообщают многие. Так, говорят, что он заложил и отстроил за большие деньги виллу близ озера Неми, но она не совсем ему понравилась, и он разрушил ее до основания, хотя был еще беден и в долгах. Резные камни, чеканные сосуды, статуи, картины древней работы он всегда собирал с увлечением. Красивых и ученых рабов он покупал по таким неслыханным ценам, что сам чувствовал неловкость и запрещал записывать их в книги (Светоний: «Юлий»; 46-47). Так как Цезарь не смог прийти к соглашению со своими кредиторами, с криком осаждавшими его и противодействовавшими его отъезду, он обратился за помощью к Крассу, самому богатому из римлян. Крассу нужны были сила и энергия Цезаря для борьбы против Помпея, поэтому он удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и, дав поручительство на сумму в 830 талантов, предоставил Цезарю возможность отправиться в провинцию.

Рассказывают, что, когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» - «Что касается меня, - ответил им Цезарь с полной серьезностью, - то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

Сразу же по прибытии в Испанию он развил энергичную деятельность. Присоединив в течение нескольких дней к своим двадцати когортам еще десять, он выступил с ними против каллаиков и лузитанцев, которых и победил, дойдя затем до Внешнего моря и покорив несколько племен, ранее не подвластных римлянам. Достигнув такого успеха в делах военных, Цезарь не хуже руководил и гражданскими: он установил согласие в городах и, прежде всего, уладил споры между заимодавцами и должниками. А именно, он предписал, чтобы из ежегодных доходов должника одна треть оставалась ему, остальное же шло заимодавцам, пока таким образом долг не будет выплачен. Совершив эти дела, получившие всеобщее одобрение, Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател, и дал возможность обогатиться во время похода своим воинам. Он отправился в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру на консульских выборах и справить триумф. Лицам, помогавшимся триумфа, надлежало оставаться вне Рима, а ищущим консульской должности - присутствовать в городе. Цезарь, который вернулся как раз во время консульских выборов, не знал, что ему предпочесть, и поэтому обратился в сенат с просьбой разрешить ему домогаться консульской власти заочно, через друзей. Катон первым выступил против этого требования, настаивая на соблюдении закона. Когда же он увидел, что Цезарь успел многих расположить в свою пользу, то, чтобы затянуть разрешение вопроса, произнес речь, которая продолжалась целый день. Тогда Цезарь решил отказаться от триумфа и стал добиваться должности консула (Плутарх: «Цезарь»; 11-13).

Соискателей консульства было двое: Марк Бибул и Луций Лукцей. Цезарь соединился с последним.

Так как тот был менее влиятелен, но очень богат, они договорились, что Лукцей будет обещать центуриям собственные деньги от имени обоих Оптиматы, узнав об этом, испугались,

что Цезарь не остановится ни перед чем, если будет иметь товарищем по высшей должности своего союзника и единомышленника, они дали Бибулу полномочия на столь же щедрые обещания и многие даже снабдили его деньгами. Сам Катон не отрицал, что подкуп совершается в интересах государства. По той же причине оптиматы позаботились, чтобы будущим консулам были назначены самые незначительные провинции - одни леса и пастбища. Такая обида побудила Цезаря примкнуть во всех своих действиях к Гнею Помпею, который в это время был не в ладах с сенатом, медлившим подтвердить его распоряжения после победы над Митридатом. С Помпеем он помирил Марка Красса - они враждовали еще со времен их жестоких раздоров при совместном консульстве - и вступил в союз с обоими, договорившись не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих (Светоний: «Юлий»; 19).

Соединив после прежней вражды Помпея и Красса дружбой, Цезарь поставил могущество обоих на службу себе самому и под прикрытием этого человеколюбивого поступка произвел незаметно для всех настоящий государственный переворот. Ибо причиной гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга. Итак, Цезарь, поддерживаемый с двух сторон благодаря дружбе с Помпеем и Крассом, добился успехов на выборах и с почетом был провозглашен консулом вместе с Кальпурием Бибулом. Едва лишь он вступил в должность (в 59 г. до Р.Х.), как из желания угодить черни внес законопроекты, более приличествовавшие какому-нибудь дерзкому народному трибуну, нежели консулу, - законопроекты, предлагавшие вывод колоний и раздачу земель (Плутарх: «Цезарь»; 13). Лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для заселения, Цезарь предложил раздать людям, имеющим троих детей. Таким образом он создал себе огромное число приверженцев, ибо только одних отцов, имеющих троих детей, оказалось 20 000 (Аппиан: 14; 10). В сенате все лучшие граждане высказались против этого, и Цезарь, который уже давно искал к тому повода, поклялся громогласно, что черствость и высокомерие сенаторов вынуждают его, против его воли, обратиться к народу для совместных действий. С этими словами он вышел на форум. Здесь, поставив рядом с собой с одной стороны Помпея, с другой - Красса, он спросил их, одобряют ли предложенные законы. Когда они ответили утвердительно, Цезарь обратился к ним с просьбой помочь ему против тех, кто грозит противодействовать этим законопроектам с мечом в руке. Оба обещали ему свою поддержку, а Помпей прибавил, что против поднявших меч он выйдет не только с мечом, но и со шитом. Эти слова огорчили аристократов, которые сочли это выступление сумасбродной, ребяческой речью, зато народу они очень понравились.

Чтобы еще свободнее использовать в своих целях могущество Помпея, Цезарь выдал за него свою дочь Юлию, хотя та и была уже помолвлена с Сервилием Цепионом. Немного позже сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона, которого он провел в консулы на следующий год. Это вызвало сильное негодование Катона, заявившего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачными союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью женщин передают друг другу войска, провинции и должности (Плутарх: «Цезарь»; 14).

Между тем Цезарь старался находить себе поддержку и в других слоях населения. Так называемые всадники по своему положению занимали среднее место между сенатом и народом. Они пользовались большой силой и влиянием благодаря своему богатству и откупу налогов и податей, уплачиваемых провинциями. Эти всадники давно уже просили сенат о снятии с них части откупной суммы. Сенат медлил, а Цезарь, который тогда не нуждался в сенате, но имел дело только с народом, простил им треть откупной суммы. Всадники, получив эту неожиданную милость - даже больше того, что они просили, - начали боготворить Цезаря. Таким образом у него благодаря ловкому политическому ходу прибавилась новая группа сторонников, более сильная, чем народ. К тому же Цезарь постоянно устраивал зрелища и травли зверей, далеко выходя за рамки своего состояния. На все это он занимал деньги, и его зрелища превосходили все прежде бывшие обстановкой, расходами и блестящими подарками (Анним: 14; 13).

Бибул, товарищ Цезаря по консульству, всеми силами противодействовал его законопроектам; но так как ничего не добился и даже вместе с Катоном рисковал быть убитым

на форуме, то заперся у себя дома и не появлялся до истечения срока должности. Помпей же вскоре после своей свадьбы заполнил форум вооруженными воинами и этим помог народу добиться утверждения законов, а Цезарю получить в управление на пять лет обе Галлии - Предальпийскую и Заальпийскую - вместе с Иллириком и четыре легиона.

Из сенаторов лишь очень немногие посещали вместе с Цезарем заседания сената, прочие же, недовольные оскорблением их достоинства, воздерживались от участия в делах. Но наиболее позорным из всех тогдашних событий считали то, что в консульство Цезаря народным трибуном был избран тот самый Клодий, который осквернил и брак Цезаря, и таинство ночного священного действия. Избран же он был с целью погубить Цицерона; и сам Цезарь отправился в свою провинцию лишь после того, как с помощью Клодия ниспроверг Цицерона и добился его изгнания из Италии (Плутарх: «Цезарь»; 14).

По окончании его консульства преторы Гай Меммий и Луций Домиций потребовали расследования мероприятий истекшего года. Цезарь поручил это сенату, но сенат отказался. Потратив три дня в бесплодных пререканиях, он уехал в провинцию (Светоний: «Юлий»; 23).

Известия, приходящие из Галлии, также заставляли Цезаря спешить с отъездом. Могущественное племя гельветов, начавшее переселение со своих исконных земель, собиралось, как стало известно, переправиться через Родан (Рону) и пройти через земли недавно покорившихся Риму аллоброгов.

Ускорив свой отъезд из Рима, Цезарь в 58 г. до Р.Х. двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву. Во всей Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушил мост через Родан у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Те говорили, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его о соизволении на это. Зная характер гельветов, Цезарь не поверил в эти обещания. Однако, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил послам, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать: если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским Идам.

Тем временем при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собирались из Провинции, он провел от Леманского озера, которое впадает в реку Родан, до хребта Юры, разделявшего область секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что не может разрешить проход через Провинцию. Гельветы, обманувшись в своих надеждах, стали делать попытки прорваться в самых мелких местах Родана. Но мощь римских укреплений и упорное сопротивление Цезаря заставили их отказаться от этих попыток.

Тогда гельветы вступили в переговоры с секванами и через их землю начали переселение в страну сантонов, лежащую недалеко от границ Провинции. Узнав об этом, Цезарь понял, что в случае свершения их планов, для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в открытой и хлебородной местности воинственных и враждебных римлянам людей. Поэтому он поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовавших в окрестности Аквилеи и с этими пятью легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Оттуда он повел войско в страну аллоброгов и сегусиавов.

Тем временем гельветы уже перевели свои силы через область секванов и, вторгшись в страну эдуев, начали опустошать их поля. Тогда эдуи, амбарры и аллоброги прислали к Цезарю послов с просьбой о помощи. Цезарь, приняв во внимание их просьбы, решил выступить против гельветов.

Он вошел в страну эдуев и, дождавшись, когда три четверти гельветов переправятся через Арар, внезапно напал на ту часть, которая еще не перешла через реку. Множество гельветов было перебито, другие разбежались по лесам. После этого успеха он велел войску переправиться через Арар и двинулся вслед за гельветами, уходившими через страну эдуев. Пятнадцать дней он преследовал их, не начиная сражения. Потом необходимость заготовить продовольствием заставила его свернуть к богатому городу эдуев Бибракте. В это время гельветы внезапно развернули свой строй и напали на римлян (Цезарь: «Галльская война»; 1; 7-13, 23).

Несмотря на то, что нападение было неожиданным, Цезарь успел занять надежную позицию на склонах горы, собрав свои силы и выстроив их в боевой порядок. Когда ему подвели коня, Цезарь сказал: «Я им воспользуюсь после победы, когда дело дойдет до погони. А сейчас - вперед, на врага!» - и с этими словами начал наступление в пешем строю. После долгой и упорной битвы он разбил войско варваров, но наибольшие трудности встретил в их лагере у повозок, ибо там сражались не только вновь сплотившиеся воины, но и женщины и дети, защищавшиеся вместе с ними до последней капли крови. Все были изрублены, и битва закончилась только к полуночи (Плутарх: «Цезарь»; 18). От этого сражения уцелело около 130 000 гельветов, которые обратились в бегство и укрылись в стране лингонов. Цезарь отправил к лингонам гонцов с письменным приказом не помогать побежденным ни хлебом, ни чем-либо иным: тех, кто окажет помощь, он будет рассматривать как врагов наравне с гельветами.

Доведенные, таким образом, до последней крайности, гельветы сдались Цезарю. Он велел им сдать все оружие, а самим вернуться в те земли, которые они покинули, поскольку опасался, что покинутая страна будет заселена зарейнс-кими германцами. Позже он велел произвести перепись, и оказалось, что из 368 000 гельветов, выступивших в поход, назад вернулось только 110 000 (Цезарь: «Галльская война»; 1; 26-29).

С этой блестящей победы пошла слава Цезаря как выдающегося полководца. Все качества его богатой талантами натуры способствовали этому. Он замечательно владел оружием, а выносливость его казалась невероятной. В походе он обычно шел впереди войска, чаще пешком, иногда на коне, с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь. Самые длинные переходы он совершал с невероятной быстротой, налегке, в наемной повозке, делая по сотне миль в день, реки преодолевая вплавь или с помощью надутых мехов, так что часто опережал даже весть о своем приближении. Никогда никакие суеверия не вынуждали его оставить или отложить предприятие.

Воинов он ценил не за нрав и не за род и богатство, а только за мужество, а в обращении с ними одинаково бывал и взъискателен и снисходителен. Не всегда и не везде он держал их в строгости, а только при близости неприятеля; но тогда уже требовал от них самого беспрекословного повиновения и порядка, не предупреждал ни о походе, ни о сражении и держал в постоянной напряженной готовности, особенно в дожди и в праздники. Проступки солдат он не всегда замечал и не всегда должным образом наказывал. Беглецов и бунтовщиков он преследовал и карал жестоко, а на остальное смотрел сквозь пальцы. А иногда после большого и удачного сражения он освобождал их от всех обязанностей и давал полную волю. На сходках он обращался к ним не «воины!», а «соратники!» и одаривал добычей как никто другой из римских полководцев. Всем этим он добился от солдат редкой преданности и отваги. За все долгие годы войны ни один солдат не покинул его. Голод и лишения они переносили с великой твердостью, а в бою бились с непревзойденной доблестью. Не раз Цезарь одолевал полчища врага гораздо меньшими силами (Светоний: «Юлий»; 57-59, 65, 67, 68).

По окончании войны с гельветами к Цезарю явились с поздравлениями представители всех галльских общин. Несколько позже на своем общем собрании они решили просить Цезаря быть их союзником в войне с германским царем Ариовистом, который, переправившись через Рейн, захватил земли секванов и теперь вынашивал планы покорения всей Галлии. Особенно просили о помощи эдуи, союзники Цезаря в предыдущей войне. Но и без их просьб Цезарь понимал, что для римлян представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся от перехода в Провинцию и оттуда в Италию. Все это, по мнению Цезаря, необходимо было предупредить. Поэтому Цезарь отправил к Ариовисту послов с требованием прекратить дальнейшие массовые переселения через Рейн в Галлию и возвратить всех заложников эду-ям. Ариовист ответил ему высокомерным отказом, и после этого началась война.

Узнав, что Ариовист со всеми своими силами выступил для захвата Весонтиона - главной города секванов, Цезарь срочно вышел ему навстречу и занял Весантион прежде германцев. Появления врага ожидали со дня на день. Тем временем римские легионеры, для которых война с германцами была в новинку, стали расспрашивать о них галлов. Последние заявляли, что

германцы отличаются огромным ростом, изумительной храбростью и опытностью в употреблении оружия: в частых сражениях с ними галлы не могли выносить даже выражения их лица и острого взора. Вследствие этих рассказов всем войском вдруг овладела такая робость, которая немало смутила все умы и сердца (Цезарь: «Галльская война»; 1; 30-39). Когда Цезарь заметил, что начальники в его войске робеют, он собрал их на совет и объявил, что те, кто настроен так трусливо и малодушно, могут возвратиться домой и не подвергать себя опасности против своего желания. «Я же, - сказал он, - пойду на варваров с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария». Узнав об этом, десятый легион отправил к нему делегатов, чтобы выразить свою благодарность, остальные же легионы осуждали своих военачальников и, наконец, все, исполнившись смелости и воодушевления, последовали за Цезарем и после многодневного пути разбили лагерь в двухстах стадиях от противника. После этого Цезарь несколько раз выстраивал свои легионы, вызывая германцев на битву, но Ариовист не вступал в сражение. Пленные рассказали, что колдуньи запретили германцам начинать сражение раньше новолуния. Когда Цезарь узнал об этом и увидел, что германцы воздерживаются от нападения, он решил, что лучше напасть на них, пока они не расположены к бою, чем оставаться в бездеятельности, позволяя им выжидать более подходящего для них времени. Совершая налеты на укрепления вокруг холмов, где они разбили свой лагерь, он так раззадорил германцев, что те в гневе вышли из лагеря и вступили в битву. Цезарь нанес им сокрушительное поражение и, обратив в бегство, гнал их до самого Рейна, на расстоянии в четыреста стадиев, покрыв все это пространство трупами врагов и их оружием. Ариовист с немногими людьми успел все же переправиться через Рейн. Число убитых, как сообщают, дошло до 80000.

После этого, оставив свое войско на зимних квартирах в земле секванов, Цезарь сам, чтобы заняться делами Рима, направился в Галлию, лежащую вдоль реки Пада и входившую в состав назначенной ему провинции, ибо границей между Предальпийской Галлией и собственно Италией служила река Рубикон. Сюда к Цезарю приезжали многие из Рима, и он имел возможность увеличить свое влияние, исполняя просьбы каждого, так что все уходило от него, либо получив то, чего желали, либо надеясь это получить. Таким образом, действовал он в течение всей войны: то побеждал врагов оружием сограждан, то овладевал самими согражданами при помощи денег, захваченных у неприятеля. А Помпей ничего не замечал (Плутарх: «Цезарь»; 19-20).

Согласно Цезарю, страна, которую римляне объединяли под названием Галлии, делилась, собственно, на три части: в одной жили белый, в другой - аквита-ны, в третьей - те племена, которые на их собственном языке назывались кельтами, а римляне, по традиции, звали галлами (Цезарь: «Галльская война»; 1; I). Когда Цезарь находился в Ближней Галлии, до него часто доходили слухи, что соседи галлов - белый, занимавшие треть Галлии, заключают союзы против римлян и обмениваются заложниками. Указывались следующие причины для этих заговоров: прежде всего, белый боялись, что после покорения всей Галлии (то есть, собственно, Кельтики) римское войско пойдет на них, а, кроме того, их подстрекали к этому галлы, недовольные римским господством.

Встревоженный этими известиями и донесениями, Цезарь набрал в Ближней Галлии два новых легиона и отправился к войску (в 57 г. до Р.Х.). Через 15 дней он был уже у бельгийской границы. Так как он появился там внезапно и скорее, чем его могли ожидать, то ближайшие соседи бельгов, ремы, признали его власть. От них Цезарь узнал, что белый уже собрали все войско в одно место и готовы двинуться против него. Тогда он переправился через Аксону и устроил на ее берегу хорошо укрепленный лагерь. Сам лагерь находился на вершине холма, который с двух сторон круто обрывался, а спереди полого опускался в долину к небольшому болоту. На флангах Цезарь велел прокопать поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на концах этих рвов были заложены редуты, снабженные тяжелыми орудиями. Таким образом, белый, обладавшие большим численным превосходством, не имели возможности обойти римский строй. Сзади находилась река, через которую был наведен мост и шла поставка провианта. Сделав все эти приготовления, Цезарь стал спокойно поджидать бельгов, уверенный, что сможет дать отпор любой армии, как бы велика она ни была.

Подступив к лагерю и осмотрев внимательно римские позиции, белый некоторое время безуспешно пытались выманить Цезаря в долину. Затем они решили переправить часть своего войска через Аксону, предполагая в дальнейшем разрушить мост и отрезать лагерь Цезаря от страны ремов и тем лишить его продовольствия.

Узнав об этом, Цезарь перевел по мосту конницу и напал на бельгов в то время, когда они были заняты переправой. Всех, кто уже успел перейти, окружили и перебили, а натиск остальных отразили градом стрел и камней.

После этой неудачи белый созвали собрание и постановили, что лучше всего каждому возвратиться домой, а затем всем вместе собраться для защиты той области, в которую раньше всего вторгнутся римляне.

Согласно этому постановлению они выступили во вторую стражу из лагеря с большим шумом и криком, без всякого порядка и команды: каждый хотел идти впереди и поскорей добраться до дому. Таким образом, это выступление было похоже на бегство. Цезарь, узнав об этом, выслал вдогонку всю свою конницу и три легиона под командой легатов. Они напали на арьергард отступавших и много миль упорно преследовали его (Цезарь: «Галльская война»; 2; 1-2, 5, 8-11). Римляне учинили при этом такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимы для них (Плутарх: «Цезарь»; 20).

На следующий день Цезарь, не давая врагам опомниться от ужаса и бегства, вступил в землю суэсси-онов и осадил их город Новиодун. К городу были подведены галереи, насыпан вал и воздвигнуты осадные башни. Эти огромные сооружения, до сего времени невиданные и неслыханные в Галлии, и быстрота, с которой они были построены, произвели на суэссионов такое сильное впечатление, что они сдались без дальнейшего сопротивления.

От Новиодуна Цезарь вторгся в страну белловаков, которые также отдались под власть римлян, не оказывая сопротивления. Их примеру последовали амбианы (Цезарь: «Галльская война»; 2; 12-13). Однако воинственное племя нервиев, обитавшее в густых лесах, продолжало войну. Собравшись в количестве 60 000 человек, они внезапно напали на римских легионеров в тот момент, когда те были заняты сооружением вала вокруг лагеря и никак не ожидали нападения (Плутарх: «Цезарь»; 20). Сложилось чрезвычайно опасное положение. Легионы оказались отрезанными друг от друга и окружены со всех сторон. Особенно тяжело пришлось 7-му и 12-му легионам, где были ранены и перебиты почти все центурионы. Оценив обстановку, Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов и прошел в первые ряды. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество. Отступление прекратилось, и началась упорная битва. Вскоре на помощь подошел 10-й легион. С его приходом произошла полная перемена положения. Нервии проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались стоя на них, когда и эти пали и из их трупов образовались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои дротики и стрелы. Никто из них не обратился в бегство, и битва закончилась лишь после полного уничтожения всего их 60-тысячного войска. Оставшиеся в живых нервии отправили послов к Цезарю и сдались ему. Упомянув о несчастье, постигшем их народ, они сослались на то, что из 600 сенаторов уцелело только трое, а из 60 000 мужчин, способных носить оружие - едва-едва 50. Чтобы с очевидностью проявить милосердие к несчастным и молящим, Цезарь дал им полное помилование и разрешил остаться в своей стране и городах.

От нервиев Цезарь двинулся на адуатуков и осадил их в горной крепости. Адуатуки сначала хотели сражаться, потом завязали переговоры и согласились признать власть римлян. Но во время выдачи оружия, они внезапно сделали вылазку. После этого Цезарь взял крепость штурмом и велел продать в рабство всех мужчин способных носить оружие - всего 53 000 человек. Это было последнее сражение, остальные племена бельгов не решились испытывать судьбу и подчинились владычеству римлян (Цезарь: «Галльская война», 2; 22-34).

Когда весть об этом пришла в Рим, сенат постановил устроить пятнадцатидневные празднества в честь богов, чего не бывало раньше ни при какой победе. Но любовь народа к Цезарю окружила его победы - и в самом деле грандиозные - особенно ярким блеском.

Приведя в порядок дела в Галлии, Цезарь вновь перезимовал в долине Пада, укрепляя свое влияние в Риме (Плутарх: «Цезарь»; 20). Чтобы быть уверенным в будущем, он особенно старался каждый год иметь среди магистратов людей, ему обязанных, и только тем соискателям

помогал или допускал их до власти, которые соглашались защищать его интересы во время его отсутствия; он доходил до того, что от некоторых требовал клятвы и даже расписки (Светоний: «Юлий»; 23). Те, кто, пользуясь его помощью, добивался должностей, подкупали народ его деньгами, а получив должность, делали все, что могло увеличить могущество Цезаря (Плутарх: «Цезарь»; 21). Но когда в 56 г. до Р.Х. Луций Домиций, выдвинутый в консулы, стал открыто грозить, что, став консулом, он добьется того, чего не добился претором, и отнимет у Цезаря его войско - Цезарь забеспокоился (Светоний: «Юлий»; 24). Он вызвал к себе на совещание в Луку Помпей и Крас-са. Вместе с ними съехалось много знатных и выдающихся людей, в том числе более 200 сенаторов. На совещании было решено следующее: Помпей и Красс должны быть избраны консулами; Цезарю же, кроме продления его консульских полномочий еще на пять лет, должна быть также выдана определенная сумма денег (Плутарх: «Цезарь»; 21).

Возвратившись за Альпы, Цезарь застал всю Бельгику в брожении. Некоторые племена уже открыто отложились от римлян. Главными вдохновителями восстания были венеты, проживавшие на самом берегу океана. Цезарь разослал гарнизоны по галльским крепостям, часть войск отправил в Аквитанию, чтобы воспрепятствовать посылке вспомогательных отрядов, а сам поспешил с войском в страну венетов. Сюда же должен был прийти отстроенный за зиму на реке Литере флот.

Война с венетами оказалась очень трудной. Они избегали открытых сухопутных сражений, где все преимущества были на стороне римлян, а укрывались в своих укрепленных городах, расположенных на конце косы или на мысу. С суши к ним нельзя было подойти из-за высоких приливов, а если и удавалось взять верх над жителями сооружением огромных насыпей и плотин, они легко ускользали на своих кораблях. Завоевав несколько городов, Цезарь убедился, что все это напрасный труд, что даже захват городов не останавливает бегства неприятелей и что вообще им нельзя причинить вреда. Успех кампании могла решить только морская битва, которая и произошла вскоре на глазах Цезаря. Во многом успеху римлян способствовал мертвый штиль, наступивший во время сраженья: так как галльские суда, оснащенные парусами, не имели весел, они оказались бесполезны против римских галер и все были захвачены. Это сражение положило конец войне с венетами и со всем побережьем. После гибели флота защитники городов уже не чувствовали себя в безопасности и со всем достоинством сдались Цезарю. Он велел казнить сенаторов и зачинщиков мятежа, а прочих продать в рабство (Цезарь: «Галльская война»; 3; 9-16). Пока шла эта война П. Красс, посланный в Аквитанию, разгромил войско тамошних галлов и принудил их покориться римлянам. Таким образом, все галльские народы, кроме моринов и менапиев, укрывавшихся в непроходимых лесах, оказались побежденными.

В следующую зиму (в 55 г. до Р.Х.) два германских племени - усипеты и тенктеры - перешли большой массой через Рейн недалеко от его впадения в море и вторглись в землю менапиев. Едва Цезарь узнал об этом, он, запасшись продовольствием и мобилизовав галльскую конницу, выступил им навстречу.

Германцы отправили к Цезарю послов, которые просили его не начинать войны, поскольку усипеты и тенктеры не по своей воле перешли Рейн, а были изгнаны свебами. Они просили у Цезаря свободных земель и разрешения селиться в Галлии. Цезарь отвечал, что свободной земли в Галлии нет, да и не справедливо будет, если чужую землю захватят те люди, которые не могли защищать своей. Впрочем, он готов поселить их в стране убиен, также страдавших от свебов. Пока шли эти переговоры, армии сближались, и вдруг, совершенно внезапно, германская конница напала на галльскую, рассеяла ее и обратила в бегство.

Испытав таким образом на себе вероломство германцев, Цезарь на следующий день задержал их послов, а сам со всем войском внезапно обрушился на германский лагерь (Цезарь: «Галльская война»; 4; 1, 7-8, 12-15). Четыреста тысяч человек, включая женщин и детей, были изрублены в один день; немногие вернувшиеся назад были приняты германским племенем сугамбров (Плутарх: «Цезарь»; 22).

После удачного завершения войны Цезарь решил последовать за бежавшими через Рейн. Он хотел внушить германцам страх за свои собственные земли и тем самым предостеречь их от переходов в Галлию. Хотя работы по постройке моста представлялись чрезвычайно трудными вследствие ширины, глубины и быстроты течения этой реки, он твердо решил добиться своей

цели (Цезарь: «Галльская война»; 4; 16-17). Он приказал вколотить в дно реки огромные и толстые сваи и, как бы обуздав силу потока, в течение десяти дней навел мост, вид которого превосходил всякие ожидания. Затем он перевел свои войска на другой берег, не встречая никакого сопротивления, ибо даже свебы, самые могущественные среди германцев, укрылись в далеких лесных дебрях. Поэтому он опустошил огнем землю врагов, укрепил бодрость тех, которые постоянно были союзниками римлян, и вернулся в Галлию, проведя в Германии восемнадцать дней (Плутарх: «Цезарь»; 22-23).

Хотя лето уже подходило к концу, Цезарь решил предпринять поход в Британию, так как знал, что почти во все войны с Галлией оттуда посылались подкрепления его врагам. Но когда он попытался собрать сведения о Британии, оказалось, что сами галлы ничего толком не знают о ней. Цезарь пригласил к себе отовсюду купцов, но и от них не смог дознаться ни о самом острове, ни о народах, его населявших. Не смущаясь этим, он погрузил два легиона и часть конницы на 98 грузовых кораблей и с этими силами благополучно пересек пролив. Множество британцев ожидало римлян на берегу, не желая допустить их высадки, так что солдаты начали ожесточенный бой, даже не вступив еще на землю неведомого острова. Пока бой шел в воде, все преимущества были на стороне британцев. Но как только легионы вступили на твердую землю, построились и почувствовали себя в родной стихии, они атаковали врага и обратили его в бегство. Только отсутствие у римлян конницы (которая задержалась в пути) спасло британцев от полного разгрома.

Разбитые враги запросили мира. Цезарь заявил, что прощает им их необдуманность, и потребовал заложников. Но заверения британцев были лишь уловкой. Они видели, что римлян мало, что конницы у них нет (она так и не добралась до Британии из-за бури), что продовольствие добывается с большим трудом, и, собравшись с силами, вновь напали на римлян, когда те занимались уборкой хлеба. Обратив врагов в бегство, Цезарь через несколько дней дал британцам еще одно сражение у стен своего лагеря и после этого покинул остров (Цезарь: «Галльская война»; 4; 20-36).

Всю следующую зиму солдаты строили корабли для нового похода в Британию, поскольку неудача первого похода во многом была следствием неудачной конструкции кораблей, не приспособленных для плавания в океане. Теперь конструкция была изменена согласно указаниям Цезаря.

Летом 54 г. до Р.Х. Цезарь погрузил на восемьсот новых кораблей пять легионов пехоты, две тысячи всадников и с этими силами вторично прибыл в Британию. На этот раз бриты не решились мешать высадке. Оставив десять когорт для охраны кораблей, Цезарь двинулся в глубь острова и утром напал на бритов вблизи реки. Не выдержав удара, те бежали в лес на заранее укрепленную засеками позицию. Но и здесь им не удалось задержаться: седьмой легион штурмом взял укрепленное место.

На следующее утро Цезарю донесли, что сильная буря повредила все его корабли. Он прекратил преследование, вернулся в лагерь и приказал вытащить все корабли на берег и обнести их общим укреплением. На это ушло около двух недель. Между тем бриты, увидев, что на этот раз римляне прибыли в большом количестве и не собираются оставить их в покое, решили, забыв о внутренних раздорах, объединиться для борьбы с общим врагом. Верховное командование они поручили Кассивеллауну.

Завершив укрепление лагеря, Цезарь вновь начал поход в глубь острова. Бриты избегали теперь открытых сражений и избрали тактику, доставлявшую римлянам много хлопот. Из-за тяжелого вооружения те не могли преследовать противника. Между тем бриты на своих легких колесницах постоянно насакивали на римский строй, стараясь увлечь за собой вражескую конницу. Когда им это удавалось, они соскакивали с колесниц и навязывали римской коннице неравный бой. Мелкие отряды, посланные за продовольствием и фуражом, всегда находились под угрозой внезапного нападения. Цезарю не оставалось ничего иного, как держать конницу в непосредственной связи с легионами и вредить врагу только опустошением его полей и поджогом дворов, насколько это могла сделать легкая пехота во время своих трудных походов. Вскоре ему удалось захватить главную крепость Кассивеллауни, защищенную лесами и болотами, и захватить большое количество скота и пленников. После этого Кассивеллаун завязал с Цезарем переговоры и согласился признать власть римлян.

Лето подходило к концу. Из Галлии приходили известия о восстаниях. Цезарь вынужден был удовлетвориться этим призрачным успехом, отвел войско назад к морю и с немалыми трудностями переправил его через пролив (Цезарь: «Галльская война»; 5; 8-23)..

В Галлии его ждало письмо, которое не успели доставить ему в Британию. Друзья, находившиеся в Риме, сообщали о смерти его дочери, супруги Помпея, скончавшейся от родов. Как Помпеем, так и Цезарем овладела великая скорбь, друзей же охватило смятение, потому что теперь распались узы родства, которые еще поддерживали мир и согласие в страдающем от раздоров государстве: ребенок также вскоре умер, пережив свою мать лишь на несколько дней (Плутарх: «Цезарь»; 23).

Чтобы поставить свое сильно увеличившееся войско на зимние квартиры, Цезарь вынужден был разделить его на много частей, а сам, как обычно, отправился в Италию. Но в это время вспыхнуло всеобщее восстание в Галлии, и полчища галлов, бродя по стране, стали разорять зимние квартиры римлян и нападали даже на укрепленные лагеря. Эбуроны во главе с Амбиоригом перебили целиком один из римских легионов, возглавляемый Коттом и Титурием. Затем Амбиориг с 60-тысячной армией осадил легион Цицерона в стране нервиев и едва не взял лагерь штурмом, ибо римляне все были ранены и удержались скорее благодаря своей отваге, нежели силе (Плутарх: «Цезарь»; 24).

Узнав об этом, Цезарь прибыл в Самаробриву и вызвал сюда два ближайших легиона. С ними он поспешил на помощь Цицерону. Проведав о его приближении, галлы сняли осаду и все двинулись навстречу Цезарю, у которого насчитывалось едва 7000 солдат. Было слишком опасно принимать бой в открытом поле, поэтому Цезарь велел строить лагерь. Когда же враги, обманутые малыми размерами укреплений, без всякого порядка стали штурмовать валы, римляне сделали вылазку и нанесли им поражение. Галлы бежали, а Цезарь вошел в лагерь Цицерона и соединился с ним.

Эта победа заставила галлов задуматься, и многие из тех, кто готов был уже присоединиться к Амбиоригу, решили выждать дальнейших событий. Цезарь без помех отвел три легиона к Самаробриве и здесь перезимовал с ними (Цезарь: «Галльская война»; 5; 49-53). Обстановка все это время оставалась тревожной. Приходили известия, что тревры заключили дружественный союз с Амбиоригом. К ним присоединились нервии, аду-атуки, менапии и некоторые из за-рейнских германцев. Следовало действовать быстро и решительно.

Еще до окончания зимы Цезарь стянул к себе четыре ближайших легиона и с ними неожиданно вторгся в страну нервиев. Прежде чем те могли собраться или убежать, он захватил множество скота, пленников, отдав их в добычу солдатам, и опустошил поля. Этим он принудил нервиев покориться и дать заложников. Быстро окончив эту операцию, он отвел легионы назад на зимние квартиры (53 г. до Р.Х.).

В начале весны Цезарь, по обыкновению, назначил общегалльское собрание, на которое явились все, кроме сенонов, карну-тов и треверов. Цезарь усмотрел в этом сигнал к войне и двинулся, прежде всего, на сенонов. Те еще не были готовы к боевым действиям и поэтому прислали заложников и попросили мира. Их примеру последовали карнуты.

Замирив эту часть Галлии, Цезарь обратил внимание на войну с треверами и Амбиоригом. Он направил против них два легиона, а сам, с пятью другими, внезапно напал на менапиев, предал огню их дворы и селения, захватил много людей и скота. Это вынудило и менапиев отправить послов с просьбой о мире. Оставив здесь часть войска, Цезарь продолжил поход на треверов. Но еще прежде его прихода треверы были разбиты претором Лабиемом (его легион уже несколько месяцев был осажден в укрепленном лагере) и покорились Риму. Поэтому Цезарь, не останавливаясь, попробовал совершить новое вторжение за Рейн, чтобы помешать германцам выступить на помощь Амбиоригу. Главной целью его были свебы. В несколько дней солдаты навели мост через реку, и Цезарь перевел большую часть своих сил в Германию. Однако из сообщений союзных убиев он узнал, что свебы изготовились к битве у самых отдаленных границ своей земли подле Бакенского леса. Вторгаться так глубоко в пределы их земель не входило в планы Цезаря, поэтому он переправился обратно и пошел против Амбиорига через Арденский лес, самый большой во всей Галлии. Вперед он выслал конницу во главе с Минуцием Басилой. Двигаясь стремительно и скрытно, Басила вдруг напал на Амбиорига и его эбуронов, когда те совершенно этого не ожидали. Сам Амбиориг, правда,

успел бежать, но армия его была рассеяна.

Цезарь устроил главный лагерь в самом центре страны эбуронов, в Адуатуке, оставив здесь один легион под командованием Цицерона, а остальное войско разделил на три части и приказал опустошать страну. Все селения и дворы, какие только попадались на глаза, были сожжены, все посева уничтожены (Цезарь: «Галльская война»; 6; 2-5, 8-10, 29-33, 43).

С наступлением осени, римляне отошли в Дурокортор в стране ремов. Галлия была усмирена, но далека от покорности. Зимой Цезарь отправился в Цизальпийскую Галлию, а галльские князья стали съезжаться между собой и договариваться о новом восстании.

В конце зимы 52 г. до Р.Х. первыми восстали карнеты и перебили всех римлян в Кенабе. К ним присоединились арверны, во главе которых встал бесстрашный Верцингеториг. Сеноны, парисии, пикто-ны, кадурки, туроны, аулерки, лемовики и анды немедленно пристали к мятежу. По единогласному постановлению они вручили верховное командование Верцингеторигу. Набрав среди этих приморских племен целую армию, он двинулся в глубь страны, где его поддержали битуриги.

Ответные меры Цезаря были, как всегда, стремительны. Через непроходимый в это время года Кевеннский хребет, он вторгся в область арвернов и подверг ее опустошению. Затем, оставив здесь молодого Брута, Цезарь быстрым маршем прошел через страну эдуев в область лингонов, где зимовали два его легиона. Сюда он приказал подойти и всей остальной армии. Затем он взял Веллаунодуну, город сенонов, Кенаб, город карнуетов, и Новиодунт, город битуригов. Но вместо того, чтобы повергнуть галлов в уныние, эти поражения только воодушевили их. Битуриги постановили уничтожить все свои слабоукрепленные города, дабы они не достались в руки неприятеля. В один день их было сожжено более двадцати. Примеру битуригов последовали и другие племена. Уцелели только хорошо укрепленные крепости. Избегая решительных битв, галлы упорно охотились за римскими фуражирами, нападая на них при первой возможности. Вскоре римляне стали испытывать сильные лишения, так как страна была сильно разорена и почти весь провиант приходилось добывать с боем.

Тогда Цезарь подступил к главной твердыне битуригов - Авари-ку, поблизости от которого разбил лагерь сам Верцингеториг. Город был окружен рекой и болотом и доступен только в одном, очень узком месте. Цезарь велел строить плотину и продвигать к стенам крытые галереи. Галлы постоянно делали вылазки, нападая на римлян во время их работы, но те все же успешно справились с ней. За 25 дней они подвели к самым укреплениям галлов широкую плотину, а затем под прикрытием сильного ливня пошли на штурм и с первого приступа овладели городом. Из 4000 гарнизона едва сумела спастись пятая часть. Остальные были перебиты внутри стен. Римляне захватили большие запасы хлеба, что дало им возможность без нужды дожидаться конца зимы. Весной Цезарь поручил четыре легиона Лабиему для похода на сенонов, а шесть повел сам на арвернов к Герговии по течению Элавера. Верцингеториг следовал за ним по другому берегу. Осмотрев местоположение города - он лежал на очень высокой горе, и все подступы к нему к нему были трудны, - Цезарь оставил всякую мысль о штурме и даже о блокаде. К тому же до него стали доходить вести о готовящемся отпадении эдуев, - очень влиятельного галльского племени, которое одно только и хранило пока верность римлянам. Цезарь поспешил в земли эдуев, но опоздал - те уже восстали. Их примеру последовали беллоаки.

После этого положение римлян сделалось критическим. Цезарь собрал все свои силы в один кулак, призвал на помощь союзных германцев и стал отступать к границам Галлии. Узнав об этом, Верцингеториг объявил своим, что для полной победы необходимо напасть на уходящих римлян.

Предложение это было одобрено, и на следующий день галльская конница, разделенная на три отряда, одновременно атаковала на марше римскую армию с фронта и обоих флангов. При известии об этом Цезарь разделил и свою конницу на три отряда и бросил ее на врага. Сражение закипело сразу во всех пунктах. Колонна остановилась, и обоз был принят легионами в середину. Умело маневрируя своими силами, Цезарь всякий раз поворачивал фронт в ту сторону, откуда грозила наибольшая опасность, и отбил все атаки. Наконец на правом фланге германская конница опрокинула галльскую и преследовала ее до самого лагеря. После этого началось повсеместное бегство галлов. Преследуя их, римляне учинили жестокую резню. Галлы

в беспорядке отступили к Алесии, городу ман-дубиев, и укрылись за ее стенами. Цезарь шел по пятам бегущих. Затем, осмотрев укрепления галлов, он решил обложить Алесию блокадой, так как взять ее штурмом не было никакой возможности.

Крепость лежала очень высоко на вершине холма, подошва которого омывалась с двух сторон двумя реками. Чтобы пресечь подвоз продовольствия, римляне построили вокруг Алесии линию укреплений длиной 11 миль. Поняв, что им угрожает голодная смерть, галлы попытались прорваться из окружения, но римляне в упорном бою разбили их и загнали обратно за стены. После этого Верцингеторигу оставалось надеяться только на помощь извне. Он разослал вестников во все галльские общины, заклиная соплеменников прийти на выручку осажденным.

Цезарь знал от перебежчиков и пленных о намерениях врага и заблаговременно приготовился к борьбе на два фронта. На некотором расстоянии от первой линии укреплений он велел строить вторую, обращенную наружу, длина которой достигала 14 миль. В то же время, готовясь к осаде, он усиленно свозил в свой лагерь продовольствие и фураж.

Все эти приготовления оказались очень своевременными, так как огромные полчища галлов, в количестве, достигающем 300 000 человек, собрались отовсюду к Алесии. Сначала они попытались взять римские укрепления с ходу, но были отброшены с большим уроном. По прошествии суток устроен был второй штурм. На этот раз галлы ночью подкрались к римской линии, засыпали ров и с криком бросились на стену. Поднявшийся шум послужил сигналом для другой армии, и Верцингеториг повел своих солдат на внутренние укрепления. В темноте множество галлов угодило в приготовленные Цезарем ловушки - замаскированные ямы с кольями на дне. Затем они попали под град различных метательных снарядов, которыми их засыпали со стен, и понесли во всех пунктах огромные потери, но нигде не добились успеха. С наступлением рассвета галлы отошли.

Третий штурм галльские вожди готовили с большой тщательностью. Осмотрев все римские позиции, они вскоре обнаружили высокий холм, который в силу своей величины не был включен в систему укреплений. Стена была построена здесь прямо на отлогом спуске, что давало большие преимущества атакующим. В условленный день галлы сосредоточили против этого места 60 000 человек для прорыва, а остальным назначено было отвлекать на себя внимание осажденных. Этот третий штурм оказался самым ожесточенным и тяжелым. Стиснутые с двух сторон многократно превосходящими их силами, римляне отбили все атаки. Дождавшись, когда ударный отряд галлов увяз в сражении, Цезарь сделал вылазку, напал на него с тыла и перебил большую его часть. Начавшееся отсюда бегство вскоре сделалось всеобщим и бесповоротным. Конница, посланная преследовать отступавших, совершила разгром: множество народа было перебито и взято в плен, остальные разбежались по своим общинам. На другой день сдался и Верцингеториг со своей армией. Двадцать тысяч эдуев и арвернов Цезарь отпустил по домам, чтобы вновь заручиться поддержкой этих влиятельных галльских племен, остальных пленных он раздал своим солдатам в качестве награды за их ратный труд (Цезарь: «Галльская война»; 7).

Зимой 51 г. до Р. Х. Цезарь приступил к замирению Галлии. С частью своих сил он вторгся в страну битурингов, но запретил своим воинам жечь усадьбы и убивать безоружных. Увидев, что Цезарь открывает им путь к возврату своей дружбы, битуринги выдали заложников и признали над собой власть Рима. Затем он явился в землю кар-нутов и одним своим появлением рассеял собиравшиеся здесь отряды. То же случилось в стране бел-ловаков, которые после нескольких неудачных сражений согласились покориться Цезарю. Когда выяснилось, что римляне милостиво обошлись с побежденными, послов прислали и другие племена. Цезарь благосклонно принял изъявления покорности от тех общин, на верность которых он мог рассчитывать, стараясь в то же время обессилить войной тех, кто под видом фальшивой покорности думал получить лишь передышку для подготовки нового восстания. Так землю Амбиорига он разорил убийствами, пожарами, грабежами и массовой продажей людей в рабство. Затем Цезарь разослал своих легатов во все стороны, поручив им борьбу со множеством небольших галльских отрядов, еще продолжавших сопротивление. Вступая в сражение там и здесь, римляне в большинстве из них одерживали победы. Сам Цезарь объезжал галльские общины, казнил для острастки зачинщиков, но в остальном действовал уговорами и

утешениями. Узнав, что жители Укселлоду-на упорно отказываются сдаться его легатам, Цезарь внезапно появился под его стенами. Город был хорошо укреплен и в изобилии снабжен продовольствием. Рассмотрев все это, Цезарь решил отнять у осажденных воду. С огромным трудом римляне возвели плотину и построили десятиэтажные башни, с высоты которых могли постоянно обстреливать все подходы к источнику, откуда горожане брали воду. Но, даже умирая от жажды, жители продолжали обороняться и сдались только после того, когда подземными ходами была перехвачена и отведена в сторону жила их источника. Всем мужчинам этого города Цезарь велел отрубить руки. Этой жестокой карой он внушил ужас тем, кто еще не сложил оружия (Гирций: «Галльская война»; 8; 3, 5, 16, 21, 25, 38, 41, 43, 44).

Последний год правления Цезаря в Галлии (50 г. до Р.Х.) прошел в полном покое. Это дало ему возможность сосредоточить свое внимание на событиях в Италии, где постепенно набирали силу его враги. Помпей за годы его отсутствия приобрел колоссальное влияние, сравнимое с тем, каким пользовался в свое время Сулла: он управлял провинциями, в его подчинении находились войска, по его указке избирались консулы. Сенат, ненавидевший Цезаря и видевший в Помпее единственную защиту против него, оказывал этому необъявленному диктатору всемерную поддержку.

Оба консула 50 г. до Р.Х. - Марцелл и Павел - были противниками Цезаря. Марцелл начал свое консульство с того, что предложил послать Цезарю преемников в Галлию, так как срок его полномочий истекал. Очевидно было, что, как только Цезарь распустит войска и станет частным человеком, его немедленно привлекут к суду по делу о его первом консульстве. Цезарю пришлось дать Павлу огромную взятку в 1500 талантов только за то, чтобы тот прямо не выступал против него. Точно так же Цезарь заплатил долги народного трибуна Куриона, ища его заступничества. В противовес Марцеллу Курион внес в сенат предложение, чтобы и Помпей в свою очередь, вместе с Цезарем, отказался от наместничества и войска. Он указывал на то, что оба полководца с недоверием относятся друг к другу, следовательно, спокойствие в государстве не наступит до тех пор, пока они не превратятся в частных людей. Но когда это предложение было поставлено на голосование и большинство сенаторов стало склоняться к нему, Марцелл распустил сенат (Аппиан: 14; 26, 27, 30, 32).

В это сложное время Цезарь решил поставить себе на службу не только чужое, но и свое собственное красноречие. В 51 г. до Р.Х. он написал и опубликовал «Записки о Галльской войне». Очень любопытные по содержанию, они отличались красотой и сжатостью слога, а также ясностью изложения. Уже в античности «Записки» считались классическим художественным произведением, а их автор - выдающимся историком и писателем. Так Гирций, выражая общее восхищение, писал в своем продолжении к «Запискам»: «С каким старанием не обрабатывали другие писатели свои сочинения, но, по общему признанию, ни одно из них не может сравниться по изяществу формы с этими записками. Они были изданы с целью сообщить будущим историкам достаточные сведения о столь важных деяниях; но они встретили такое единодушное одобрение, что, можно сказать, у историков предвосхищен материал для работы, а не сообщен им. Но этому обстоятельству мы имеем право удивляться более, чем кто-либо другой: все другие знают красоту и обработанность его сочинений, а мы знаем также, с какой легкостью и быстротой он их написал» («Галльская война»; 8).

В конце года Цезарь с одним легионом переправился через Альпы и прибыл в Равенну, последний пункт, на который распространялась его власть. Отсюда он отправил в сенат письмо с просьбой разрешить ему сохранять свои полномочия в Предальпийской Галлии и Иллирике, с правом командования двумя легионами, еще в течение года, до тех пор, пока он вторично не выступит соискателем на консульских выборах (Плутарх: «Цезарь»; 31). Помпей готов был согласиться на это предложение, но новый консул Лутул добился его провала. Таким образом, положение сделалось безвыходным, а гражданская война неизбежной.

В начале 49 г. до Р.Х. Курион передал сенату письмо Цезаря. Оно содержало торжественный перечень всего того, что совершил Цезарь за годы своей службы Риму, а также его заявление, что он хотел бы отказаться от власти вместе с Помпеем; но так как тот не соглашается на его предложения, то и он не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за отечество и за себя самого. Едва письмо это было прочитано, все сенаторы громко закричали, что принимают его за объявление войны. Негодование их было столь велико, что

сторонники Цезаря вынуждены были спасаться бегством, опасаясь расправы. Народные трибуны Антоний и Кассий, а также Курион бежали из Рима, переодевшись рабами (Аппиан: 14; 32, 33).

Узнав об этом, Цезарь созвал своих солдат и обратился к ним со страстной речью: в начале он обвинял сенат и Помпея в происках против него, а в конце попросил солдат защитить его доброе имя. Легионеры единодушным криком заявили, что они готовы защищать своего полководца от обид (Цезарь: «Гражданская война»; 1; 7).

Под рукой у Цезаря в этот момент было всего 5000 солдат, но он, по своему обыкновению, начал действовать смело и решительно. Несколько надежных центурионов с небольшим отрядом храбрых солдат, одетых в гражданское платье, он выслал вперед, поручив им занять Аримин - первый город в Италии по пути из Галлии (Аппиан: 14; 35). Между тем, чтобы не возбуждать подозрений, он продолжал заниматься обычными делами: присутствовал на народных зрелищах, обсуждал план устройства гладиаторской школы, а затем отправился на многолюдный ужин. Но когда закатилось солнце, он с немногими спутниками, в повозке, запряженной мулами с соседней мельницы, тайно тронулся в путь. Факелы погасли, он сбился с дороги, долго блуждал и только к рассвету, отыскав проводника, пешком, по узеньким тропинкам вышел наконец на верную дорогу. Он настиг когорты у реки Рубикона, границы его провинции, которую он не имел права переходить. Здесь он помедлил и, раздумывая, на какой шаг он отваживается, сказал, обратившись к спутникам: «Еще не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие» (Светоний: «Юлий»; 31). Он помолчал, некоторое время обдумывая свой замысел, но затем, отбросив все колебания, воскликнул: «Пусть будет брошен жребий!» - и направился к переходу (Плутарх: «Цезарь»; 32). Быстро подойдя к Армину, Цезарь на заре захватил его и двинулся дальше, оставляя части своего войска в удобных местах. Все ближайшее население он привлек на свою сторону либо силой, либо гуманным отношением. Начались бегство и переселение из всех мест; люди бежали в испуге, с плачем. Никто ничего не знал в точности, все думали, что Цезарь идет с бесчисленным войском (Аппиан: 14; 35). Рим был затоплен потоком беглецов из окрестных селений, здесь царили разброд и паника. Все уже столько месяцев говорили о гражданской войне, но, когда она вспыхнула на самом деле, оказалось, что ничего к ней не готово. Помпей, который был ошеломлен стремительностью своего врага не менее других, поверил ложным слухам, что война уже у ворот, что она охватила всю страну, и, поддаваясь общему настроению, объявил публично, что в городе восстание и безвластие, а затем покинул Рим, приказав следовать за собой сенаторам и всем тем, кто предпочитает свободу и отечество тирании (Плутарх: «Цезарь»; 33). Консулы выехали за ним. Сенаторов же долго удерживало сомнение, и они ночевали все вместе в здании сената. Однако на другой день большая часть их отправилась вслед за Помпеем (Аппиан: 14; 37). Цезарь включил в состав своего войска всех набравшихся для Помпея воинов, которых он захватил в итальянских городах, и с этими силами, уже многочисленными и грозными, двинулся на Помпея к Капуе. Но тот не стал дожидаться его прихода, бежал в Брундизий, а оттуда отплыл в Диррахий. Цезарь хотел тотчас же поспешить за ним, но у него не было кораблей, и потому он вернулся в Рим. В течение шестидесяти дней, без всякого кровопролития, он сделался господином всей Италии. Он велел вскрыть государственную казну и взять из нее суммы, необходимые для дальнейшего ведения войны (Плутарх: «Цезарь»; 35). Над Римом он поставил Лепида Эмилия, а над Италией и итальянскими войсками - народного трибуна Марка Антония. Вне Италии Цезарь назначил Куриона управлять Сицилией, Квинта - Сардинией, в Иллирию послал Гая Антония, а Цизальпинскую Галлию поручил Лицинию Крассу. Для Ионийского и Тирренского морей он приказал быстро сформировать две эскадры, а командующими над ними поставил Гортензия и Долабеллу. Укрепив таким образом Италию, Цезарь двинулся в Испанию, где размещались главные силы помпеянцев (Аппиан: 14; 41-42).

Обороной Испании руководили три легата Помпея: Афраний, Петрей и Варрон, имевшие под своим началом семь легионов. Узнав о приближении Цезаря, Афраний и Петрей с пятью легионами выдвинулись в Ближнюю Испанию, в область веттонов, а Варрона оставили прикрывать Дальнюю. Цезарь начал войну, имея при себе шесть легионов. Поначалу дела его шли неважно. Он устроил свой лагерь неподалеку от Илерды, занятой противником, между

двумя реками - Сикорисом и Цингой, расстояние между которыми достигало тридцати миль. С наступлением весны началось бурное таяние снегов в горах. Обе реки вышли из берегов и широко разлились; ни одной из них нельзя было перейти, подвоз продовольствия прекратился, и армия Цезаря жестоко страдала от голода. Когда вода немного спала, Цезарь попробовал восстановить разрушенные мосты, но враги, укрепившись на соседних берегах, не давали закончить работы. Не смущаясь этим, Цезарь велел построить несколько кораблей, на повозках доставить их к реке 20 милями выше лагеря и затем переправить на них несколько когорт. Солдаты незаметно прошли по вражескому берегу, захватили холм, стоявший на самом берегу, и закрепились на нем. После этого с двух сторон начали быстро наводить мост и закончили работу через два дня. Подвоз хлеба таким образом был восстановлен.

Конница Цезаря стала переправляться через мост и нападать на фуражиров противника. Потерпев несколько поражений, те уже с большой опаской решались на свои рейды. К тому же Цезарю удалось переломить враждебность местных испанских племен. На его сторону перешли оскийцы, кала-гурританцы, тарраконцы, якетаны и аусетаны, а также иллурагвонцы, жившие у реки Ибера. Их примеру последовали и несколько более отдаленных племен. Афраний и Петрей стали опасаться, что вскоре могут вовсе лишиться подвоза продовольствия, и решили отступить от Илерды в Кельтиберию, поскольку имя Помпея у тамошних племен было широко известно, и они могли рассчитывать на их верность.

Приняв такое решение, они снялись с лагеря и стали отходить к Иберу. Цезарь также вывел своих солдат из лагеря и начал преследовать врага. Ему удалось сначала остановить Афрания и Петрея, а потом захватить горное ущелье на их пути. Помпеянцы оказались в очень тяжелом положении: с тыла их теснила конница Цезаря, а с фронта грозили его легионы. Все ожидали, что Цезарь атакует растерявшегося врага и довершит свой удачный маневр блестящей победой. Но он отказался от боя, говоря, что в гражданской войне почетнее добиваться своих целей малой кровью. И друзья, и солдаты осуждали его за такое решение, но он остался непреклонен. Действительно, положение помпеянцев и без того было тяжелым. Они оказались отрезаны и от запасов продовольствия, и от Ибера. Посоветовавшись, Афраний и Петрей решили возвращаться к Илерде, где еще оставались у них кое-какие припасы. Цезарь упорно преследовал противника, постоянно атакуя его арьергард, и стеснил до такой степени, что помпеянцы могли продвигаться вперед лишь с величайшим трудом. Наконец он прижал Афрания и Петрея к Сикорису в неудобном для переправы месте и стал обносить их лагерь валом. Простояв четыре дня без фуража, дров и хлеба, те запросили пощады. Цезарь отвечал на это, что никогда не стремился к братоубийственной войне и теперь готов заключить мир, выдвигая при этом лишь единственное условие: помпеянцы должны распустить свои легионы и оставить Испанию. Преторам поневоле пришлось согласиться и распустить свое войско (Цезарь: «Гражданская война»; 1; 38, 39, 48, 54, 59-61, 64, 70-73, 78, 80, 83-86).

После этой победы вся Испания перешла на сторону Цезаря, а третий претор - Варрон - сдался без боя вместе с двумя своими легионами.

Устроив дела в Испании и оставив здесь четыре легиона под командованием Кассия, Цезарь отправился в Италию. По дороге он принял сдачу Массилии, все эти месяцы упорно осаждаемую его претором Требонием С побежденными он обошелся мягко, несмотря на то, что массилийцы показали свое явное расположение к Помпею и капитулировали не прежде, чем исчерпали все средства для борьбы (Цезарь: «Гражданская война»; 2; 20-22).

Таково было положение дел у самого Цезаря. Его легаты действовали с меньшим успехом. Курион переправился из Сицилии в Африку с двумя легионами, поначалу добился успеха, но потом был наголову разгромлен союзником Помпея, мавританским царем Юбой, и погиб. В эти же дни близ Иллирии Антоний потерпел поражение от Октавия, действовавшего на стороне Помпея. Другое войско Цезаря, стоявшее в Цезальпийской Галлии, взбунтовалось, так как было недовольно своим жалованьем. Все это вынуждало Цезаря торопиться. В Плаценции он успокоил бунтовщиков своими речами и казнил для острастки 12 зачинщиков (Аппиан: 14; 45, 47). Затем, захвав ненадолго в Рим, Цезарь провел собственное избрание в консулы на следующий год, вернул изгнанников и возвратил гражданские права детям лиц, объявленных при Сулле вне закона, а также путем некоторого снижения учетного процента облегчил положение должников. Издав еще несколько подобных распоряжений, он на одиннадцатый

день выступил в поход во главе пяти легионов (Плутарх: «Цезарь»; 37). Другие одиннадцать легионов дожидались его в Брундизии. Между тем Помпей, имевший в своем распоряжении целый год для подготовки, успел стянуть к себе из восточных провинций 20 легионов.

В начале января 48 г. до Р.Х. Цезарь уже был в Брундизии. Он сделал смотр армии и флоту - многое его не удовлетворило. Кораблей оказалось в два раза меньше необходимого, а среди легионеров нашлось много больных, негодных к дальнейшей службе. Кроме того, стоял разгар зимы, то есть время самое неудобное для мореплавания. Но Цезарь считал жизненно необходимым немедленно выступить против Помпея, несмотря ни на какие препятствия. Он лично отобрал наиболее боеспособные части, погрузил на транспортные суда семь легионов и в бурю отплыл к берегам Эпира. Удача как всегда сопутствовала ему в этом дерзком предприятии. Помпей, имея в своем распоряжении более ста прекрасных боевых кораблей, мог легко погубить Цезаря в самом начале войны. Но никто не ждал, что он явится так рано, пренебрегая бурной погодой и почти не имея при себе боевых кораблей. Поэтому, не встретив никакого сопротивления, Цезарь высадил солдат между Ке-равнийскими скалами и сейчас же отправил корабли за второй частью своей армии. На этот раз его флоту повезло меньше. Бибул, командовавший помпеянской эскадрой, напал на корабли Цезаря и сжег 30 из них вместе со всем экипажем.

Сам Цезарь ускоренным маршем двинулся на Орик и взял его без боя. Отсюда он стремительно отправился к Аполлонии, принял ее сдачу и продолжил свой путь на север, надеясь также легко овладеть Диррахием, где находились главные продовольственные склады Помпея. Тот одновременно узнал о переправе Цезаря и о падении своих городов (Цезарь: «Гражданская война»; 3; 2-4, 6, 8, 11-13). Он выступил из Македонии с великой поспешностью и успел прийти к Диррахию прежде Цезаря (Аппиан: 14; 55-56). Цезарь встал лагерем у реки Апса вблизи Аполлонии, решив там дожидаться прибытия своих легионов из Италии.

Но прошло много месяцев, зима уже приближалась к концу, а те не появлялись. Известно было, что помпеянский флот плотно блокирует побережье, поэтому легаты не решались начать переправу (Цезарь: «Гражданская война»; 3; 13, 14, 25). Раздосадованный их нерешительностью, Цезарь решил сам отправиться в Брундизий. Он переоделся в одежду частного человека и никем не узнанный сел на корабль, направлявшийся в Италию. Но началась буря, и кормчому, к великому негодованию Цезаря, пришлось вернуться обратно в Эпир. Тогда Цезарь отправил через море Постумия с четырьмя приказами немедленно приступить к переправе. Первый приказ Постумий должен был вручить Габинию. Если бы тот отказался, то второй приказ поручал это сделать Антонию, а третий - Калену. Четвертый должен был быть прочитан перед войском в том случае, если бы никто из легатов не решился исполнить волю Цезаря. Габиний действительно не осмелился на плавание, вместо этого он повел добровольцев вокруг моря по берегу. Когда командование перешло Антонию, тот посадил солдат на грузовые суда и вышел из Брундизия, доверившись удаче Цезаря. Случилось так, что отряд Габиния почти полностью был перебит в Иллирии. Антоний же, преодолев все препоны, благополучно добрался до Эпира (Аппиан: 14; 57-59).

С наступлением весны война приняла более деятельный характер. Помпей разбил лагерь неподалеку от Диррахия на высоком месте, где корабли могли без особого труда приставать к берегу. Цезарь понял, что Помпей сознательно затягивает войну, рассчитывая таким образом обресть своих противников на голод и лишения. Так как флот помпеянцев господствовал на море, Цезарь не мог получить никаких припасов из Италии или Галлии. Добывать же продовольствие на месте оказалось очень непросто - местность была суровая и гористая, никогда не обеспечивавшая себя хлебом даже в мирное время, а теперь к тому же разоренная Помпеем.

Осмотрев позиции, Цезарь начал захватывать высокие холмы вокруг лагеря противника. Укрепив вершины холмов редутами, он велел затем копать между ними ров и насыпать вал. Таким образом, лагерь Помпея оказался как бы в осаде. Имея большой перевес в коннице, он не мог теперь ею воспользоваться. К тому же вскоре стал ощущаться острый недостаток фуража. Лошадей кормили листьями с деревьев и размолотыми тростниковыми корнями. Когда же были сняты все кормовые травы и не стало хватать даже листьев, Помпей решил на вылазку.

В назначенный день несколько когорт помпеянцев высадились с кораблей позади

укреплений Цезаря и внезапно атаковали его солдат с тыла. Не ожидая этого, те были опрокинуты и бежали. Повсюду начались такое смятение и ужас, что остановить их не было никакой возможности (Цезарь: «Гражданская война»; 3; 42, 43, 58, 63, 69).

Цезарь вышел навстречу солдатам, тщетно пытаясь повернуть бегущих назад. Он хватался за знамена, но знаменосцы бросали их, так что неприятель захватил 32 знамени. Сам Цезарь едва не был при этом убит. Схватив какого-то рослого и сильного солдата, бежавшего мимо, он приказал ему остановиться и повернуть на неприятеля. Тот в смятении перед лицом ужасной опасности поднял меч, чтобы поразить Цезаря, но подоспел оруженосец и отрубил ему руку (Плутарх: «Цезарь»; 39). Все было оставлено, и самый вал вокруг лагеря никем не охранялся, так что если бы Помпей совершил на него нападение, он и его мог бы взять своими силами и этим завершить войну. Но он заподозрил, кажется, какую-то хитрость и послал своих преследовать бегущих вне лагеря. Помпейцы перебили около тысячи человек, но упустили полную победу. Цезарь прекрасно это понимал, и вечером, когда Помпей отвел свои войска, признался друзьям, что война могла бы быть в этот день закончена, если бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать (Аппиан: 14; 62).

Тем не менее поражение было налицо. Все прежние замыслы Цезаря потерпели крушение, и он решил изменить весь план войны (Цезарь: «Гражданская война»; 3; 73). Сообщают, что, придя к себе в палатку и улегшись, он провел ночь в мучительной тревоге и тяжелых размышлениях о том, как неразумно он командует. Он говорил себе, что перед ним лежат обширные равнины и богатые македонские и фессалийские города, а он вместо того, чтобы перенести туда военные действия, расположился лагерем у моря, на котором перевес принадлежит противнику, так что скорее он сам терпит лишения осажденного, нежели осаждает врага. В таком мучительном душевном состоянии, угнетаемый недостатком продовольствия и неблагоприятно сложившейся обстановкой, Цезарь принял решение двинуться против двух легионов Помпея, расположенных в Македонии под командованием Сципиона. Он рассчитывал либо заманить Помпея туда, где тот должен будет сражаться в одинаковых с ним условиях, не получая поддержки с моря, либо разгромить Сципиона, предоставленного самому себе (Плутарх: «Цезарь»; 39).

Быстро снявшись с лагеря, Цезарь отступил в Аполлонию, а оттуда ночью стал скрытно отступать в Фессалию. Так как весть о его поражении уже распространилась повсюду, некоторые города стали закрывать перед Цезарем ворота. Тогда он в гневе взял штурмом небольшой город Гофмы и предал его на разграбление своим воинам (Аппиан: 14; 64). Оба войска вступили на равнину Фарсала и расположились там лагерем. Помпей опять хотел вернуться к своему плану затягивания войны, который в его положении был наиболее разумным, но окружавшие его сенаторы и полководцы своими советами упорно склоняли его к тому, чтобы дать генеральное сражение, и в конце концов убедили его на это согласиться (Плутарх: «Цезарь»; 42).

К этому моменту Цезарь имел до 22 000 человек и, в том числе около 1000 конников. Войско Помпея было примерно в два раза больше, конников же он имел около 7000. Он построил свою армию между городом Фарсалом и рекой Энпеем, Цезарь расположился напротив него (Аппиан: 14; 70, 75). Всего в строю у Помпея находилось ПО когорт. Конницу, всех стрелков и пращников он поставил на левом фланге (правый был защищен рекой). Цезарь выстроил против него в три линии 80 своих когорт. Но боясь, как бы правое крыло его не было обойдено многочисленной конницей, он поспешно взял из третьей линии по одной когорте из легиона и образовал из них четвертую линию, которую выставил против конницы. Между обоими войсками было ровно столько места, сколько необходимо было для взаимной атаки. Однако Помпей отдал приказ ждать атаки со стороны Цезаря, не двигаясь с места. Цезарь велел третьей линии оставаться на месте и повел в атаку первую и вторую. По всему фронту начался упорный рукопашный бой. Тем временем всадники с левого фланга Помпея, сопровождаемые пращниками и стрелками, атаковали правое крыло Цезаря. Конница Цезаря была смята и отступила. Как только Цезарь это заметил, он дал сигнал когортам образованной им четвертой линии. Те быстро бросились вперед сомкнутыми рядами и так бурно атаковали Помпеевых всадников, что из них никто не устоял; все они повернулись и бежали. С их удалением все стрелки и пращники остались беззащитными и были перебиты. Не прерывая атаки, когорты

обошли левое крыло и напали на помпеянцев с тыла. В то же время Цезарь приказал третьей линии, которая до сих пор спокойно стояла на месте, броситься вперед. Этой двойной атакой помпеянцы не могли уже выдержать и все без исключения обратились в бегство. Сам Помпей через задние ворота бежал в Ларису. Оттуда с немногими друзьями и в сопровождении тридцати всадников он добрался до моря, сел на корабль и отплыл в Египет. В Пелусии Помпей был коварно убит по приказу царя Птолемея. Всего в сражении при Форсале помпеянцы потеряли 15 000; еще 24 000, укрывшиеся на какой-то горе, сдались на другой день Цезарю. Большинство из них он включил в свои легионы (Цезарь: «Гражданская война»; 3; 88, 89, 92-94, 96, 99).

Еще не зная о смерти своего врага, Цезарь двинулся на восток. Отправив войско в Азию, он переправлялся в лодке возчика через Геллеспонт, как вдруг встретил Луция Кассия с десятью военными кораблями помпеянцев. Вместо того, чтобы обратиться в бегство, Цезарь, подойдя вплотную к Кассию, сам потребовал его сдачи, и тот покорно перешел к нему (Светоний: «Юлий»; 63). Услыхав, что Помпей отправился в Египет, Цезарь отплыл за ним (Аппиан: 14; 88, 89). С собой он взял два легиона (в обоих было всего 3200 человек) и 800 всадников. Только прибыв в Александрию, он узнал о смерти Помпея.

Поскольку ничего его здесь больше не задерживало, Цезарь мог бы вернуться в Италию. Но он остался в Александрии еще на некоторое время. Во-первых, его отплытию препятствовали противные ветры, а во-вторых, он решил вмешаться в междоусобную войну, которая шла в это время в Египте между Птолемеем XIII и его сестрой Клеопатрой VII. Цезарь объявил, что спор между царем и царевной подлежит решению римского консула (Цезарь: «Гражданская война»; 3; 106, 107), и тайно вызвал Клеопатру из изгнания. Покоренный ее красотой и обходительностью, Цезарь решил примирить царицу с ее братом. Молодой царь, совсем еще мальчик, неожиданно увидев сестру во дворце, вскипел гневом и, выскочив на улицу, стал вопить, что его предали, и в конце концов на глазах у собравшейся толпы сорвал с головы царскую диадему и швырнул ее на землю. Так как из-за этого возникло большое смятение, то воины Цезаря схватили Птолемея; египтяне, однако, уже поднялись. С первого же натиска они могли бы взять дворец, напав одновременно с суши и с моря; римляне не были в состоянии оказать им сопротивление, поскольку не позаботились ни о чем, полагая, что находятся среди друзей. И это случилось бы, если бы Цезарь не вышел бесстрашно к египтянам и, стоя в безопасном месте, не пообещал им сделать все, что они хотят. Затем Цезарь появился в многолюдном собрании, поставил рядом с собой Птолемея и Клеопатру и прочел завещание их отца, в котором было написано, чтобы они по египетскому обычаю вступили друг с другом в брак и царствовали бы совместно, а римский народ их опекал. Царство он отдал им обоим и таким образом в тот момент водворил спокойствие. Но потом снова началось возмущение, так как евнух Потин постоянно настраивал египтян против Цезаря и Клеопатры. Ахилла со своими солдатами двинулся от Пелусия на Александрию (Дион: 42; 35-36).

Первоначально египтяне имели над римлянами огромный численный перевес. Ахилла занял всю Александрию, а в руках Цезаря остался прилегавший к Большой гавани царский дворец и театр. Он расположил свои когорты в узких улицах перед стенами дворца и отразил все атаки врагов (Цезарь: «Гражданская война»; 111). Ахилла попытался овладеть гаванью, где стояло множество кораблей, и таким образом лишить Цезаря подвоза продовольствия. Цезарь принужден был, отражая опасность, устроить пожар (Плутарх: «Цезарь»; 49). Он сжег все египетские корабли, вместе с теми, которые находились в доках, так как не мог охранять такого большого района малыми силами (Цезарь: «Гражданская война»; 111). Распространяясь со стороны верфи, пожар уничтожил огромную Александрийскую библиотеку (Плутарх: «Цезарь»; 49). Часть солдат Цезарь послал захватить Фаросский маяк и узкий вход в гавань, чтобы подкрепления и провизия могли безопасно подходить к нему морским путем (Цезарь: «Гражданская война»; 112).

В последующие дни Цезарь расширил и укрепил свои позиции в прибрежной части города. Солдаты строили шанцы, насыпали рвы и пробивали тараном проходы в стенах домов. Тем временем младшая сестра Клеопатры, Арсиноя, попыталась захватить власть. Она приказала убить Ахиллу и поставила во главе египетского войска своего воспитателя, евнуха Ганимеда. Впрочем, в положении Цезаря это ничего не изменило, так как Ганимед руководил

военными действиями с такой же бдительностью, как Ахилла. Прежде всего, он попробовал отнять у Цезаря воду. Так как собственных источников в Александрии не было, город снабжался по водопроводу нильской водой. Ганимед приказал заложить подземные каналы и пустить в водопроводы нижней части города морскую воду. Но все усилия египтян пропали даром: обнаружив, что вода в водопроводах испорчена, Цезарь приказал рыть колодцы и вскоре имел в своем распоряжении достаточно хорошей воды.

На помощь осажденным в Александрию переправился еще один легион с большим запасом продовольствия. Это обстоятельство направило энергию Ганимеда в другую сторону. Понимая, что сохранивший контроль над портом и господствовавший на море Цезарь будет постоянно наращивать силы, он приказал собирать ото всюду корабли и готовиться к морскому сражению. Лучшая часть египетского флота была уже сожжена Цезарем, но александрийцы свели к городу сторожевые корабли, а также отремонтировали несколько старых и вскоре имели в своем распоряжении около тридцати судов - примерно столько же, сколько у римлян. Узнав об этом, Цезарь решил не избегать морского сражения: он объехал со своим флотом Фарос и напал на египтян в гавани Эвносте. Успех сопутствовал ему и здесь: римляне захватили два корабля, а три потопили - остальные поспешно отступили к Фаросу под защиту своих солдат.

Видя это, Цезарь решил овладеть Фаросом. Сам он напал со своим флотом на одну часть острова, а на другую переправил с дамбы десять когорт. После упорного боя большинство защитников острова бежало, а 6000 из них сдались в плен. На следующий день римляне захватили и мост, соединявший остров с городом. Проход для кораблей Цезарь велел завалить камнями и таким образом запер египетский флот в гавани. Египтяне немедленно попытались отбить такую важную позицию. Часть из них высадилась с кораблей в тылу у римлян, и затем мост был атакован с двух сторон. Легионеры не выдержали натиска и бежали к кораблям, но многие из них были перебиты или утонули («Александрийская война»; 1, 4, 9, 10; 12, 13, 16-20). Сам Цезарь сел в ближайшую лодку, однако вскоре сообразил, что из-за множества спасающихся она непременно утонет. Тогда он прыгнул в воду и с немалым трудом доплыл до кораблей. Египтяне пускали в него стрелы, и Цезарю приходилось все время нырять, но он все же не выпустил из рук своих записных книжек (Плутарх: «Цезарь»; 49). Пурпурный плащ его остался в руках врагов, и они повесили его как трофей (Аппиан: 14; 90).

Возвратившись во дворец, Цезарь отпустил царя Птолемея, который был в плену у римлян с самого начала войны. Он надеялся, что юноша заключит с ним почетный мир, но тот вместо этого стал во главе египетской армии. Впрочем, как показало дальнейшее, он сделал это на свою беду. На помощь Цезарю уже шло большое войско под командованием Митридата (будущего Боспорского царя). Митри-дат с ходу взял Пелусий и устроил свой лагерь на берегу Нила. Царь Птолемей выступил против него со всей египетской армией. Узнав об этом, Цезарь тоже погрузил свои легионы на корабли и благополучно соединился с подошедшим ему на выручку войском.

Птолемей поставил лагерь на высоком, укрепленном самой природой месте. Не взирая на это Цезарь начал его штурм. Римляне бились с большим ожесточением, но долгое время не могли преодолеть вражеских укреплений - египтяне сражались упорно и наносили им большие потери. Вскоре Цезарь заметил, что вражеский отряд, защищавший господствовавшую над лагерем высоту, увлеченный боем, покинул свои позиции. Он немедленно отправил туда три отборные когорты во главе с Карфуленом. Карфулен захватил высоту, а затем атаковал с нее растерявшихся египтян. Эта атака решила исход войны. Враги обратились в бегство. Птолемей пытался спастись на корабле, но тот был сильно перегружен и утонул.

Воодушевленный этой внезапной и скорой победой, Цезарь с конницей поспешил ближайшим сухим путем в Александрию и победоносно вступил в город. Египтяне при его приближении сложили оружие и оделись в одежды молящих о милосердии. Цезарь принял их капитуляцию и обошелся с побежденными как всегда великодушно. На царский престол он возвел Клеопатру, которая к этому времени сделалась его любовницей, и ее младшего брата («Александрийская война»; 24, 27, 28, 31). Отдыхая после трудов, Цезарь совершил вместе с Клеопатрой плаванье вверх по Нилу на 400 кораблях, предаваясь любовным наслаждениям (Аппиан: 14; 90). Не раз он пировал до рассвета на ее корабле с богатыми покоем, а позже признал

своим родившегося у царицы сына (Све-тоний; «Юлий»; 52).

Покончив со всеми делами, Цезарь отправился сухим путем в Сирию. Он уже знал, что ему предстоят новые войны. Фарнак, царь Боспора и прежний союзник Помпея, захватил Малую Армению, изгнал из Каппадокии царя Арио-барзана и напал на царя Галатии Дейотара. Когда же против него выступил Домиций, которому Цезарь поручил управление Азией, он и ему нанес поражение. После этого Фарнак вернул себе Понт - царство его отца Митридата, и провозгласил себя царем Азии. В то же время пришло известие, что Африка стала оплотом помпеянцев, а в Испании взбунтовались находившиеся там легионы, и провинция эта вновь отпала от Цезаря. Доходили вести и о глухом брожении италийских легионов, а также о беспутном поведении Антония, которого Цезарь оставил вместо себя в столице.

Цезарь понимал, что все это требует его личного присутствия в Риме, но решил предварительно так устроить те провинции и местности в Азии, которые он собирался посетить, чтобы они освободились от внутренних раздоров, подчинились бы римским законам и управлению и перестали бы бояться внешних врагов. Побывав почти во всех значительных городах, Цезарь определил людям, оказавшим ему услуги, награды от имени государства и от себя лично, произвел расследования и вынес приговоры по прежним местным тяжбам; соседним с Сирией царям, тиранам и династам, которые все поспешили к нему, он обещал свое покровительство, и они простились с ним, полные дружественных к нему и к римскому народу чувств.

Затем он посетил Киликию, Каппадокию и Галатию, собирая силы для борьбы с Фарнаком. Легионы, которые ему удалось стянуть к себе, были весьма посредственными. Из старых его частей с ним был только один 6-й легион (в котором к этому времени осталось не более тысячи человек), два легиона он сформировал из разбитого войска Домиция, и один легион дал ему царь Галатии Дейотар. С этими силами Цезарь вступил в Понт. Фарнак ожидал его на одном из высоких холмов вблизи города Зелы. Цезарь занял холм поблизости и стал устраивать здесь лагерь. Внезапно он увидел, что Фарнак вывел свое войско из лагеря и повел на штурм его позиции. Эта внезапная атака, противоречащая всем канонам военной науки, застала Цезаря врасплох. Он бросился поспешно строить свои легионы, началась суматоха, которая едва не переросла в панику. Но все же римляне удержались на вершине холма, а затем на правом фланге 6-й легион начал теснить противника. На крутом склоне отступление понтийцев превратилось в беспорядочное бегство, так что на плечах врагов римляне ворвались в лагерь Фарнака и захватили его. Все его огромное войско было либо перебито, либо сдалось, он сам спасся бегством вместе с немногими всадниками («Александрийская война»; 34, 40, 65, 66, 69, 72-76). Передают, что по поводу этой внезапной и, против бжидания, легкой победы. Цезарь сказал: «О, счастливый Помпей! Так, значит, за то тебя считали великим и прозвали Великим, что ты сражался с такими людьми при Митридате, отце этого человека!» В Рим Цезарь послал следующее донесение: «Пришел, увидел, победил» (Аппиан: 14; 91). Всю военную добычу Цезарь подарил солдатам. Вместо Фарнака он сделал царем Боспора Митридата, оказавшего ему большую помощь в Египте, а сам поспешно двинулся в Европу («Александрийская война»; 78).

По пути он разбираал дела городов, но, узнав, что в Риме произошло восстание и что Антоний, начальник его конницы (Цезарь на этот год был провозглашен диктатором), вынужден с войском охранять форум, Цезарь все бросил и поспешно отправился к Риму. Он вернулся в Италию в конце 47 г. до Р.Х.

Когда Цезарь вернулся в Рим, гражданское волнение улеглось. Но вспыхнуло новое волнение уже в самих войсках из-за того, что им не выдали вознаграждение, которое были им обязаны выдать за победу при Фарсале, и из-за того, что они до сих пор еще, вопреки закону, продолжают оставаться на военной службе. Войска требовали, чтобы их всех распустили по домам. Цезарь и в самом деле им однажды обещал какие-то неопределенные награды в Фарсале и другой раз - по окончании войны в Африке. В ответ на все эти требования Цезарь послал к солдатам некоторых из начальников с обещанием выплатить каждому воину еще по 1000 драхм. Но войско ответило, что оно не хочет больше обещаний, а хочет, чтобы деньги были выданы тотчас. Саллюстий Крисп, посланный к ним по поводу этого, чуть не был убит, его спасло только бегство. Тогда Цезарь, несмотря на то, что друзья увещевали его остерегаться

нападения со стороны войска, направился к воинам на Марсово поле и внезапно появился на трибуне.

Солдаты с шумом, но без оружия сбежали к нему со всех сторон. Когда он их спросил, чего они хотят, они в его присутствии не осмелились говорить о вознаграждении, но, считая требование, чтоб их уволили, более умеренным, стали кричать об этом, надеясь, что Цезарь, нуждаясь в войске для предстоящих войн, будет с ними говорить о вознаграждениях. Цезарь же, к изумлению всех, нисколько не колеблясь, сказал: «Я вас увольняю». Когда они были еще более этим поражены и когда настала глубокая тишина, Цезарь добавил: «И выдам все обещанное, когда буду справлять триумф с другими войсками». Когда они услышали такое неожиданное для себя и одновременно милостивое заявление, ими овладел стыд, к которому присоединились расчет и жадность: они понимали, что, если оставят своего императора в середине войны, триумф будут справлять вместо них другие части войск, а для них будет потеряна вся добыча с Африки, которая, как они полагали, должна быть велика; к тому же, будучи до сих пор ненавистны врагам, они станут теперь ненавистны также Цезарю. Беспokoясь и не зная, что предпринять, солдаты совсем притихли, дожидаясь, что Цезарь им в чем-нибудь уступит и под давлением обстоятельств передумает. Цезарь со своей стороны тоже замолк, а когда приближенные стали увещевать его что-нибудь сказать еще и не говорить кратко и сурово, оставляя войско, с которым столь долго он вместе воевал, он в начале своего слова обратился к ним «граждане» вместо «солдаты»; это обращение служило знаком того, что солдаты уже уволены со службы и являются частными людьми.

Солдаты, не стерпев этого, крикнули, что они раскаиваются и просят его продолжать с ними войну. Когда же Цезарь отвернулся и сошел с трибуны, они с еще большей стремительностью и криками настаивали, чтобы он не уходил и наказал виновных из них. Он еще чуть-чуть задержался, не отвергая их просьбы и не возвращаясь на трибуну, показывая вид, что колеблется. Однако все же он взошел на трибуну и сказал, что наказывать из них он никого не хочет, но он огорчен тем, что и 10-й легион, который он когда-то предпочитал все другим, принимал участие в мятеже. «Его один, - сказал он, - я увольняю из войска. Но и ему я отдам обещанное, когда вернусь из Африки. Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных с ограбившими рядом, так что они находятся в вечной друг с другом вражде, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю». Рукоплескания и благодарность раздалась от всех, и только 10-й легион был в глубокой скорби, так как по отношению к нему одному Цезарь казался неумолимым. Солдаты этого легиона стали тогда просить метать между ними жребий и каждого десятого подвергнуть смерти. Цезарь при таком глубоком раскаянии не считал нужным их больше раздражать, он примирился со всеми и тут же направил их на войну в Африку (Аппиан: 14; 92-94).

Он двинулся в новый поход в самом начале 46 г. до Р.Х., на который его в третий раз избрали консулом. Война, предстоявшая Цезарю, обещала быть очень трудной и опасной. В Африку бежали все его самые заклятые враги и лучшие полководцы Помпея: Сципион, Лабий и Петрей. Доносили, что помпеянцы успели собрать и обучить двенадцать легионов. Союзником их был нумидийский царь Юба, а Нумидия в военном отношении представляла из себя грозную силу. Ходили слухи, что кроме четырех собственных легионов, обученных на римский манер, царь имел бесчисленную конницу, несколько эскадр боевых кораблей и 120 слонов.

Все это, впрочем, не смущало Цезаря, который всем своим видом демонстрировал бодрость и уверенность в победе. Переправившись на Сицилию к Лилибею, он тотчас же объявил о своем желании сесть на корабли, хотя при нем было не больше одного легиона новобранцев и вряд ли шестьсот всадников. Свою палатку он поставил у самого берега, так что волны почти что разбивались о нее. Это он сделал с той целью, чтобы никто не надеялся на какую-либо задержку, но чтобы все были со дня на день и с часу на час готовы к отъезду. Противные ветры и бурная погода задержали отплытие. Тем временем к Лилибею подошли еще четыре легиона из новобранцев и пятый, набранный из ветеранов, а также конница в количестве около двух тысяч человек. С этими шестью легионами Цезарь погрузился на корабли и пустился в плаванье. Сильный ветер разметал его корабли, большинство из них сбились с курса

и направились в совершенно различные стороны. Цезарь достиг Африки и высадился на берег около Адрумента («Африканская война»; 1-3). Говорят, что, сходя с корабля, он оступился и упал. Многие сочли это за дурную примету, но он тут же обратил это в хорошее предзнаменование, воскликнув: «Ты в моих руках, Африка!» (Светоний: «Юлий»; 59). Между тем под его началом оказалось не более трех тысяч пехотинцев и шестьсот всадников. С такими ничтожными силами рискованно было начинать войну. Цезарь отправил Ватиния с десятью кораблями на поиски потерявшихся, а сам устроил лагерь у города Руспины. Переправа и сбор войска в одном месте из-за бурной погоды проходили очень медленно и затянулись на несколько недель.

Тем временем цезарианцы с большим трудом добывали себе провиант. Помпеянцы разорили страну и свезли весь хлеб в хорошо укрепленные города. Цезарю, чтобы не раздражать население, приходилось действовать уговорами и просьбами, и таким образом ему удалось свезти в свои укрепленные пункты некоторое количество хлеба, которое он бережно расходовал. Когда же помпеянцы, возглавляемые Сципионом, разбили свой лагерь в непосредственной близости от лагеря Цезаря и их конница начала перехватывать его фуражиров, войско цезарианцев стало терпеть страшную нужду в провианте и фураже. В этой крайности ветераны и всадники собирали на берегу морскую траву, промывали ее в пресной воде и кормили лошадей. Сципион несколько раз выстраивал свое войско, вызывая Цезаря на бой, но тот благоразумно держал своих солдат внутри укреплений. Вскоре положение его несколько облегчилось: заблудившиеся корабли постепенно собирались к нему, из Сицилии прибыло несколько свежих легионов, а претор Саллюстий Крисп доставил из Кирены большой транспорт с хлебом.

Тогда Цезарь тоже стал выводить солдат за укрепления и вступать в стычки с помпеянами. Многие в этой войне было непривычно даже для его ветеранов. Никогда еще Цезарю не приходилось иметь дела с такими массами конницы, которая буквально не давала его легионам сделать ни одного шага, постоянно атакуя с тыла и флангов. Поскольку собственных всадников у Цезаря было мало, ему пришлось обучать легионеров тактике отражения конных атак, и он, как фехтмейстер новичков-гладиаторов наставлял своих солдат, на сколько шагов они должны отступить от врага, как они должны против него становиться, на каком расстоянии оказывать сопротивление, когда выбегать, когда отходить и грозить отступлением, с какого места и как пускать копья. Еще больше смущали цезарианцев слоны, которых Сципион имел у себя около шестидесяти. Чтобы приучить солдат к их виду, Цезарь велел доставить из Италии несколько этих животных и показал, в какую часть их тела можно легко попасть копьем, даже тогда, когда они защищены броней. К виду, реву и запаху слонов приучали также лошадей.

Наконец, собравшись со всеми силами, Цезарь двинулся к Тапсу и осадил его. Сципион также подошел сюда со всем своим войском и в сопровождении Юбы. Обе стороны стали готовиться к решительному сражению («Африканская война»; 8, 9, 12, 19-21, 24, 34, 71, 72, 79).

В то время как Сципион трудился над устройством лагеря, Цезарь, с невероятной быстротой пройдя лесистыми местами, удобными для неожиданного нападения, быстро атаковал его строй, находившийся перед валом (Плутарх: «Цезарь»; 53). Против слонов, стоявших на флангах помпеянцев, Цезарь поставил по пять когорт 5-го легиона, которые сами просили предоставить им эту честь. На правом фланге пращники и стрелки осыпали слонов снарядами и стрелами. Устрашенные свистом пращей и камней, те повернули, перетоптали сзади себя много столпившегося народа и бурно устремились в недоделанные ворота вала. Следом за ними бежала нумидийская конница. Легионы с ходу овладели валом, перебили тех немногих храбрецов, которые пытались защищаться, и бросились истреблять бегущих. В этот день перебили до десяти тысяч человек, причем собственные потери Цезаря были минимальны.

От Тапса Цезарь направился к Утике. По пути он захватил город Парады, жители которого упорно не хотели открыть перед ним ворота. Всех их без различия возраста и пола свезли на площадь и сожгли на огромном костре в назидание всем остальным африканцам. Этот ли жестокий пример или обычная мягкость Цезаря к молящим о пощаде возымели свое действие - неизвестно, но после этого все города стали открывать перед ним ворота. Царя Юбу жители Замы не пустили в его собственную столицу, и он покончил с собой. Нумидия была

присоединена к Риму в качестве провинции («Африканская война»; 81, 83, 85, 87, 88, 91, 94).

Вернувшись в Рим, Цезарь справил подряд четыре триумфа: в честь побед над галлами, египтянами, Фарнаком и Юбой. Все они отличались невероятной пышностью. Убранство галльского триумфа было из лимонного дерева, понтийского - из аканфа, александрийского - из черепахового рога, африканского - из слоновой кости (Веллей: 2; 56). Зрелища тоже были устроены с невиданным прежде размахом. Звериные травли продолжались пять дней, на них римляне впервые увидели жирафа (Плиний: 8; 27; 69). Была показана битва двух полков по 500 пехотинцев, 20 слонов и 300 всадников с каждой стороны. Для морской битвы было выкопано озеро на малом Кодетском поле: в бою участвовали биремы, триремы и квадрире-мы тирийского и египетского образца со множеством бойцов. На все эти зрелища отовсюду стекалось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и переулкам, а давка была такая, что многие были задавлены до смерти (Светоний: «Юлий»; 39). После триумфов Цезарь на 22 000 столах устроил угощение для всех граждан (Плутарх: «Цезарь»; 55). На пиру впервые подавалось вино четырех сортов (Плиний: 14; 17; 97), а дорогих рыб мурен было подано 6000 (Плиний: 9; 81; 171). Кроме того, каждому римлянину Цезарь велел выдать по десять мер зерна и по столько же фунтов масла, а деньгами - по 400 сестерциев. Тех, кто платил за жилье в Риме до двух тысяч сестерциев и в Италии до 500, он на год освободил от платы (Светоний: «Юлий»; 38).

Каждому ветерану Цезарь выплатил по 5000 аттических драхм, каждому центуриону - по 10 000, а каждому военному трибуну - по 20 000 (Аппиан: 14; 102). Он дал им и землю, как обещал (Светоний: «Юлий»; 38).

Выбранный после этого в четвертый раз консулом, Цезарь в 45 г. до Р.Х. отправился покорять Испанию, где подняли мятеж сыновья Помпея и куда бежали все помпеянцы, еще не сложившие оружия. Эта война, против ожидания, оказалась едва ли не самой трудной. Несмотря на свою молодость, братья собрали удивительно большую армию и выказали необходимую для полководцев отвагу, так что Цезарь, вторгшийся в Испанию, оказался в крайне опасном положении (Плутарх: «Цезарь»; 56). Помпеи совершили большую ошибку, вступив с Цезарем в столкновение немедленно по его прибытии. В решительной битве у Кордубы помпеянцы поначалу стали теснить цезарианцев. Видя это, Цезарь выхватил щит у одного из оруженосцев и бросился вперед строя. Солдаты последовали за ним и бились с большим ожесточением до самого вечера (Аппиан: 14; 103, 104). Только к концу дня Цезарь одержал победу, перебив до тридцати тысяч врагов и положив немало своих. Позже он признался друзьям, что много раз он сражался ради победы, но теперь впервые бился ради спасения своей жизни. Старший из братьев Помпеев был вскоре убит, а младший спасся с немногими сторонниками. Это была последняя война, которую пришлось вести Цезарю. В честь нее он отпраздновал пятый триумф, как бы венчавший собой его победу в гражданской войне (Плутарх: «Цезарь»; 56).

Цезарь возвратился в Рим, внушив к себе такой страх и приобретя такую славу, каких не имел до него никто. Вот почему и сенат, и народ постарались увенчать его невиданными почестями и угождали ему так безмерно, как будто он был бог, а не простой смертный. Во всех святилищах и публичных местах ему совершали жертвоприношения и посвящения и устраивали в его честь воинские игры. Его нарекли отцом отечества и выбрали пожизненным диктатором и консулом на десять лет; особа его была объявлена священной и неприкосновенной; для занятия государственными делами ему были установлены сиденья из слоновой кости и золота, при жертвоприношении он имел всегда облачение триумфатора. Цезарь принял все эти почести, кроме десятилетнего консульства, назначив на ближайший (44 г. до Р.Х.) консулами себя и Антония (Аппиан: 14; 106, 107). Злые языки утверждали при этом, что с наибольшим удовольствием Цезарь воспользовался правом постоянно носить лавровый венок, чтобы прикрывать безобразившую его лысину. Действительно, известно было, что эта плешь доставляла ему много огорчений, и, чтобы спрятать ее, он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб (Светоний: «Юлий»; 45). Выборы магистратов Цезарь поделил с народом: половина кандидатов избиралась по желанию народа, половина - по назначению Цезаря (Светоний: «Юлий»; 41). Было установлено, чтобы город ежегодно праздновал дни боевых побед Цезаря, чтобы жрецы и весталки каждые пять лет совершали за него

молебствования и чтобы тотчас же по вступлении в должность магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь. В честь его рождения месяц Квинтилий был переименован в Юлий. Было также постановлено посвятить ему храмы и, прежде всего, храм Милосердия (Аппиан: 14; 106). Впрочем, многие считали, что Цезарь вполне заслужил последнюю честь. Он почти никогда не опускался до личной мести и прощал многих, выступавших против него с оружием в руках. Некоторым своим прошлым врагам, как, например, Бруту и Кассию, он даже предоставил почетные должности, сделав их преторами. Кроме того, Цезарь не допустил, чтобы статуи Помпея лежали сброшенными с цоколя, но велел поставить их на прежнее место. Что касается знати, то одним он обещал на будущее должности консулов и преторов, других также прельщал должностями и почестями и всем одинаково внушал большие надежды, стремясь к тому, чтобы властвовать над добровольно подчиняющимися (Плутарх: «Цезарь»; 57-58).

Он совершенно спокойно переносил едкие нападки поэтов и злопыхателей, ни разу не воспользовавшись своей огромной властью для того, чтобы заткнуть им рот. Гаю Кальву, который, ославив его эпиграммами, стал через друзей искать примирения, он добровольно написал первый. Валерий Ка-тулл, по собственному признанию Цезаря, заклеил его навечно в своих стихах о Мамурре (в 57-м стихотворении Катулл писал: «В чудной дружбе два полных негодяя - кот Мамурра и с ним похабник Цезарь...»), но, когда поэт принес извинения, Цезарь в тот же день пригласил его к обеду, а с отцом его продолжал поддерживать обычные дружеские отношения. Жестокий урон, нанесенный его доброму имени книжкой Авла Це-цины и бранными стихами Пи-фолая, он перенес спокойно, как простой гражданин (Светоний: «Юлий»; 73, 75).

Льстецы не раз пытались провозгласить Цезаря царем, но, зная, как ненавистен этот титул народу, он неизменно отвергал его. Однажды, когда Цезарь возвратился из Альбы в Рим, друзья отважились приветствовать его, назвав царем. Он отвечал сурово, что его зовут не царем, а Цезарем, и прошел мимо, выразив всем своим видом неудовольствие. Но все же, при всем своем уме и осторожности, Цезарь не избежал ошибок и не сразу нашел верную манеру поведения. Так, когда сенаторы, консулы и преторы в первый раз пришли к нему, чтобы объявить о каких-то чрезвычайных почестях в его честь, он хотел по обычаю приветствовать их стоя, но друзья удержали его, и Цезарь выслушал речь сенаторов и отвечал им, сидя в кресле, словно царь. Этого высокомерия сенаторы никогда не смогли ему простить (Плутарх: «Цезарь»; 60). Чернь же он раздражил тем, что лишил власти ее избранных - народных трибунов Марула и Флава - за то, что те сеяли ненависть к нему, уверяя, что Цезарь ищет царской власти (Ливии: 116).

Обратившись к устройству государственных дел, Цезарь исправил календарь; из-за нерадивости жрецов, произвольно вставлявших месяцы и дни, календарь был в таком беспорядке, что уже праздник жатвы приходился не на лето, а праздник сбора винограда - не на осень (Светоний: «Юлий»; 40). Цезарь предложил лучшим ученым и астрологам разрешить этот вопрос, а затем, ознакомившись с предложенными способами, создал собственный, тщательно продуманный и улучшенный календарь (Плутарх: «Цезарь»; 59). Он установил, применительно к движению солнца, год из 365 дней, и вместо вставного месяца ввел один вставной день каждые четыре года.

Он пополнил сенат, доведя его численность до 900 человек, к старым патрициям прибавил новых, увеличил число преторов, эдилов, квесторов и даже младших должностных лиц. Восемьдесят тысяч граждан были расселены Цезарем по заморским колониям.

Среди его мероприятий были и непопулярные: число лиц, получавших хлеб из казны, он сократил почти в два раза, кроме того, не оправдал он и много раз возникавшие надежды на отмену долговых обязательств. Суд он правил необычайно тщательно и строго. Тех, кто был осужден за вымогательство, он даже изгонял из сенаторского сословия. На иноземные товары он наложил пошлину и с особой строгостью соблюдал законы против роскоши; вокруг рынка были расставлены сторожа, которые отбирали и приносили к Цезарю запрещенные яства.

День ото дня он задумывал все более великие и многочисленные планы устройства и украшения столицы, укрепления и расширения державы: прежде всего, он задумал воздвигнуть храм Марса, какого никогда не бывало, засыпав для него и сравнив с землей то озеро, где

устраивал он морской бой, а на склоне Тарпейской скалы устроить величайший театр; гражданское право привести в надлежащий порядок, отобрав в нескольких книгах все самое лучшее и самое нужное из огромного множества разрозненных законов; открыть как можно более богатые библиотеки, греческие и латинские, поручив их составление и устройство Марку Варону; осушить Помптинские болота; спустить Фуцинское озеро; проложить дорогу от Верхнего моря через Апеннинский хребет до самого Тибра; перекопать каналом Истм; усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев; а затем пойти войной на парфян через Малую Армению, но не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем (Светоний: «Юлий»; 40-44).

Но Цезарю не суждено было исполнить этих начинаний: он погиб в результате заговора. Возвратившись с войны, он распустил свою преторскую когорту. Друзья просили, чтобы Цезарь окружил себя телохранителями, и многие предлагали свои услуги. Он не согласился, заявив, что, по его мнению, лучше один раз умереть, чем постоянно ожидать смерти (Плутарх: «Цезарь»; 57). Заговор сложился в начале 44 г. до Р.Х., и в нем участвовало более шестидесяти человек; во главе стояли Гай Кассий, Марк Брут и Децим Брут. Сперва они колебались, убить ли Цезаря на Марсовом поле или же напасть на него на Священной дороге или при входе в театр. Но когда было объявлено, что в иды марта сенат соберется на заседание в курию Помпея, то все охотно предпочли именно это место и время (Светоний: «Юлий»; 80).

В день, выбранный для покушения, Цезарь отправился в сенат в сопровождении Децима Брута. Сообщают, что Артемидор из Кни-да, знаток греческой литературы, сумел проведать о заговоре. Он подошел к Цезарю, держа в руке свиток, в котором было написано все, что он намеревался донести Цезарю о планировавшемся убийстве, и шепнул: «Прочитай это, Цезарь, сам, не показывая другим, - и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле». Цезарь взял в руки свиток, однако прочесть его ему помешало множество просителей, хотя он и пытался много раз это сделать. Так он и вошел в сенат со свитком в руке. Антония, верного Цезарю и отличавшегося большой телесной силой, Децим Брут нарочно задержал на улице, заведя с ним длинный разговор.

При входе Цезаря сенат поднялся с места в знак уважения. Заговорщики же, возглавляемые Марком Брутом, разделились на две части: одни стали позади кресла Цезаря, другие вышли навстречу вместе с Туллием Кимвром просить за его изгнанного брата. Все они скрывали под одеждой короткие мечи. Цезарь сел в кресло, отклонил их прошение, а когда они подступили к нему с просьбами более настойчивыми, выразил каждому из них свое неудовольствие. Тут Туллий схватил обеими руками тогу Цезаря и начал стаскивать ее с шеи, это было знаком к нападению. Каска первым нанес удар мечом в затылок; рана эта, однако, была неглубока и несмертельна. Цезарь, повернувшись, схватил и задержал меч. Он воскликнул: «Негодяй Каска, что ты делаешь?» Непосвященные в заговор сенаторы, пораженные страхом, не смели ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать. Все заговорщики, готовые к убийству, с обнаженными мечами окружили Цезаря: куда бы он не обращал взор, он повсюду встречал удары мечей. Некоторые рассказывают, что отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута, который считался его ближайшим другом (или даже сыном), накинул на голову тогу и подставил себя под удары. Цоколь статуи Помпея, подле которой скончался Цезарь, был сильно забрызган кровью. Как сообщают, он получил двадцать три раны.

Охваченный ужасом сенат разбежался. Собравшись на следующий день, он назначил Цезарю божеские почести и не отменил даже самых маловажных из его распоряжений. Но и убийцы его не подверглись осуждению - все они получили в управление провинции. Народ поначалу не выразил никаких чувств. Однако, увидев, как несут через форум труп Цезаря, обезображенный ударами, толпа начала волноваться. Чернь нагромоздила вокруг трупа скамейки, решетки и столы менял, подожгла все это и таким образом предала тело Цезаря сожжению. Затем одни, схватив горящие головни, бросились поджигать дома убийц Цезаря, другие побежали по всему городу, стараясь схватить их. Никого из убийц найти не удалось; напуганные происходящим, они поспешили уехать из Рима (Плутарх: «Цезарь»; 64-68).

Царь Эпира из рода Пирридо", правивший в 331-313 гг. до Р.Х. Сын Арриба.

Ж.: Фтия.

В 316 г. до Р.Х. Эакид пытался помочь своей сестре Олимпиаде в ее войне с Кассандром и был изгнан из Эпира македонцами. В 313 г. до Р.Х. он вернулся, захватил власть и вновь выступил против Кассандра. Филипп, один из полководцев Кассандра, разбил эпи-ротов. Эакид бежал в Этолию и вскоре погиб. Царская власть перешла к Алкету II (Диодор: 19).

ЭВДАМИД I

Царь лакедемонян из рода Эврипонтидов, правивший в 331-305 гг. до Р.Х. Сын Архидама III.

ЭВДАМИД II

Царь лакедемонян из рода Эврипонтидов, правивший в 275-244 гг. до Р.Х. Сын Архидама IV (Плутарх: «Агис»; 3).

ЭВКЛИД

Царь лакедемонян из рода Агидов, правивший в 227-221 гг. до Р.Х. Сын Леонида II и брат Клеомена III.

Клеомен III сделал брата царем, чтобы избавиться от обвинений в единовластии (Плутарх: «Клеомен»; 32). В битве у города Селас-сии в 221 г. до Р.Х. Эвклид командовал периэками и союзниками, укрепившимися на холме Эвое. Когда македонцы пошли в атаку, Эвклид упустил момент и не ударил на наступавших. В результате солдаты Антигона III взойшли на Эву и опрокинули строй лакедемонян. Эвклид погиб во время битвы (Полибий: 2; 68).

ЭВМЕН I

Правитель Пергама в 263-241 гг. до Р.Х. из рода Атталидов. Племянник Филетера.

Эвмен наследовал власть после своего дяди Филетера и сумел подчинить окружающие области. Он даже вступил около Сард в сражение с Антиохом I, сыном Селевка, и победил его (Страбон: 13; 4; 2). Но самым большим из подвигов Эвмена было то, что он заставил галатов отступить от моря в глубь страны. Ему наследовал его двоюродный брат Аттал I (Павсаний: 1; 8; 2).

ЭВМЕН II СОТЕР

Царь Пергама в 197 -160 гг. до Р.Х. из рода Атталидов.

В 195 г. до Р.Х. Эвмен со своим флотом помог римлянам захватить Гитий, город, которым в то время владел спартанский тиран На-бис (Ливий: 34; 29). Вскоре после этого сирийский царь Антиох III стал сватать за Эвмена свою дочь. Но Эвмен отказался принять ее (он видел, что Антиох уже задумывал войну против римлян и под давлением такой необходимости хочет связаться с ним узами родства), а когда его братья Аттал и Филетр удивились, что он отказывается вступить в родственные сношения со столь великим царем и своим соседом, он указал им, что в будущей войне римляне окажутся сильнее вследствие твердости духа и настойчивости. «Я лично, - сказал он, - в случае победы римлян спокойно буду править в своей стране; если же победителем окажется Антиох, то я могу ждать, что все будет у меня отнято» (Аппиан: 12; 5).

Когда война между Римом и Антиохом началась, Эвмен отправился на Эгину и долго пробыл там, не зная, что предпринять: вернуться ли для защиты своего царства или ни в коем случае не отделяться от римлян, на которых он только и надеялся. В 191 г. до Р.Х., когда вблизи

Греции появился римский флот, Эвмен присоединился к нему со своими пятьюдесятью кораблями. Вблизи Фокеи союзники встретились с сирийской эскадрой, разгромили ее, а затем преследовали до Эфеса (Ливий: 36; 42- 45). В следующем году Эвмен опять отплыл с флотом на помощь римлянам. В его отсутствие сирийцы подступили к Пергаму и сильно опустошили его окрестности, но город взять не смогли. Узнав об опасности, которая грозила его собственному царству, Эвмен поспешно вернулся в Пергам. Отразив врага с помощью союзников-ахейцев, он отплыл затем к Геллеспонту, чтобы обеспечить переправу римского войска в Азию. Благодаря Эвмену переправа прошла так, словно все побережье было замирено: никто не препятствовал римлянам, каждый корабль стоял на страже в отведенном месте и не было никакой суеты.

Еще большие услуги оказал Эвмен союзникам во время решительной битвы при Магнезии. Ему было поручено командование левым флангом римского войска, против которого Антиох двинул в атаку серпоносные колесницы. В ответ Эвмен приказал критским лучникам, пращникам и метателям дротиков вместе с несколькими турмами конницы выдвинуться вперед и разом со всех сторон пустить свои стрелы и дротики. Под этим градом разнообразных метательных снарядов кони взбесились и помчались куда попало, не разбирая дороги. Испуг и смятение распространились от колесниц на стоящие рядом вспомогательные отряды сирийцев, которые разбежались, лишив прикрытия тяжелую конницу и фалангу. После этого Эвмену уже несложно было опрокинуть левый фланг врага, что в конечном счете и принесло римлянам победу (Ливий: 37; 18, 33, 42, 43).

В 189 г. до Р.Х. Эвмен отправился в Рим, где был принят с величайшим почетом. На заседании сената Эвмену было предложено самому выбрать награду за свои заслуги перед республикой и высказать безбоязненно свои пожелания, так как сенат намерен сделать для него все возможное. Эвмен попросил присоединить к своему царству земли, отторгнутые у Антиоха. Сенаторы уважили его просьбу и постановили, что все земли по эту сторону Тавра, подвластные Антиоху, должны быть отданы Эвмену, за исключением Ликии и Карий до реки Меандра, которые должны были отойти родосцам; все греческие города, платившие дань Атталу, должны были уплачивать таковую впредь и Эвмену, и только те, которые платили Антиоху, освобождались от дани (Полибий: 21; 18, 24). В Европе Эвмен получил Хер-сонес, Лисимахию и все те укрепления, деревни и области, которыми прежде владел Антиох (Ливий: 38; 39). Таким образом, Пергам, который до этого включал в себя лишь незначительную территорию, сделался сильным азиатским государством. Значение свое среди окрестных правителей Эвмен поднял также богатством и тем влиянием, которым он поначалу пользовался среди римлян. Он отстроил город и насадил в Никифории парк; воздвиг, кроме того, из любви к пышности священные здания и библиотеки и возвысил город Пергам до того состояния, в котором он находился в дальнейшем (Страбон: 13; 4; 2).

В последующие годы Эвмен вел борьбу за преобладание в Малой Азии с понтийским царем Форна-ком. И здесь, как и прежде с Антиохом, он старался заручиться поддержкой Рима, а также Вифинии и Кападокии (Полибий: 24; 8, 9). В 179 г. до Р.Х. Форнак, застигнутый врасплох жестоким нападением врагов, помирился с ними на тех условиях, которые они ему поставили (Полибий: 25; 2).

В 175 г. до Р.Х. Эвмен изгнал из Сирии узурпатора Гелиодора и посадил на престол Антиоха IV Эпи-фана, сына Антиоха III. К этому времени между ним и римлянами начались недоразумения, прежней дружбы уже не было, и Эвмен спешил заручиться благодарностью своего могущественного соседа (Аппиан: 12; 45).

В 172 г. до Р.Х. Эвмен ездил в Рим и своей горячей речью в сенате убедил республику начать войну с македонским царем Персеем (Аппиан: 9; XI; 2-3). О происках Эвмена хорошо знали в Македонии. Не в силах опровергнуть обвинения пергамца, Персей решил расправиться с самим обвинителем и подослал к нему убийц. Было точно известно, что Эвмен на обратном пути должен посетить Дельфы. В ожидании царя убийцы приехали в Дельфы и осмотрели все окрестности. В назначенный день они спрятались на вершине высокой стены, мимо которой проходил Эвмен, и обрушили вниз два огромных камня. Один из них поразил царя в голову, другой - в плечо. Когда Эвмен пришел в себя, его перевезли на Эгину и там лечили в глубокой тайне, так что даже распространился слух о его смерти. Кое-как оправившись от болезни, Эвмен возвратился в Пергам и с величайшим усердием принялся за подготовку к войне.

Не довольствуясь посылкой войск, он сам явился в Фессалию с двумя тысячами и участвовал в неудачном для римлян сражении при Сикурии. В критический момент, когда опрокинутые македонской конницей римляне стали отступать, Эвмен, соединившись с фессалийцами, прикрыл отступление и очень многих спас от смерти и плена {Ливий: 42; 16, 18, 59}.

В последующие годы дела римлян в Македонии также шли неважно, и Эвмен постепенно охладел к войне. Он и сам не принимал участия в военных действиях, и помощь посылал символическую. В 168 г. до Р.Х. Персей даже завязал с Эвменом переговоры, предлагая или перейти на его сторону, или помирить его с римлянами. Поддерживать Персея Эвмен отказался, а за мирное посредничество потребовал 1500 талантов. Скардный Персей не пожелал давать таких денег, и переговоры закончились ничем. Впрочем, одной цели македонский царь все же достиг - с этого времени римляне стали относиться к Эвмену с подозрением {Аппиан: 9; 18}.

В 166 г. до Р.Х. Эвмен сам отправился в Рим, чтобы лично разрешить все недоразумения с сенатом. Обстоятельство это повергло сенаторов в большую тревогу. Как ни враждебно сенаторы были настроены к царю, они ни за что не желали обличить себя. Попав в такое затруднительное положение, сенаторы приняли закон, по которому никакому царю отныне не разрешался доступ в Рим. Эвмен уже был в Брен-тезии. Здесь его встретил квестор с сенатским определением, предлагавшим Эвмену передать свою просьбу через квестора. Эвмен понял волю сената и сказал, что ни в чем не нуждается (Полибий: 30; 20).

ЭВНОМ

Легендарный царь Лаконики из рода Эврипонтидов, правивший в X в. до Р.Х. Сын Пританида.

Эвном имел две жены. От первой у него родился сын Полидект, а от второй, Дионассы, - Ликург. Желая разнять драку, Эвном был ранен кухонным ножом и умер, оставив престол своему старшему сыну Полидекту (Плутарх: «Ликург»; 1).

ЭВРИДАМИД

Царь лакедемонян из рода Эврипон-тидов, правивший в 241-228 гг. до Р.Х. Сын Агиса IV.

Эвридаמיד был малолетним ребенком, когда казнили его отца. Во все время жизни Эвридамида власть его была номинальной и страной управляли цари из рода Агидов - сначала Леонид II, а потом его сын Клеомен III. Последний, по свидетельству Павсания, приказал отравить мальчика (Пав-саний: 2; 9; 1).

ЭВРИКРАТ I

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в конце VIII - начале VII вв. до Р.Х. Сын Полидора (Павсаний: 3, 2).

ЭВРИКРАТ II

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в VII в до Р.Х. Сын Анаксандрида.

В царствование Эврикрата лакедемоняне терпели немало поражений в войне с тегетами (Павсаний: 3;3).

ЭВРИПОНТ

Легендарный царь Лаконики из рода Эврипонтидов, правивший в X в. до Р.Х. Сын Соя.

Плутарх пишет, что Эврипонт заискивал у народа, желая приобрести любовь черни, и поступился частью своих прав неограниченного монарха. Вследствие этих послаблений народ

поднял голову. Следующие за Эврипонттом цари были или ненавидимы народом за свою строгость по отношению к нему, или становились предметом насмешек за свою уступчивость и слабохарактерность. Поэтому в Спарте долго царили безначалие и смута (Плутарх: «Ликург»; 2).

ЭВРИПОНТИДЫ

Царский род, правивший в Лаконике в XI-III вв. до Р.Х.
Основан Проклом, сыном Аристодема.

ЭВФАЙ

Легендарный царь Мессении из рода Эпитидов, правивший в 763-733 гг. до Р.Х. Сын Антиоха.

Эвфай стал царем Мессении в то время, когда вражда между мессенянами и лакедемонянами достигла предела и вот-вот должна была начаться Первая Мессенская война. Впрочем, она началась все равно неожиданно. Лакедемоняне послали вестника, чтобы объявить мессенянам войну, но, подготовившись к войне тайно и насколько возможно незаметно, они дали клятву, что ни длительность войны, ни ее бедствия не заставят их отказаться от предприятия прежде, чем они не овладеют Мессенией силой оружия. Принеся такую клятву, лакедемоняне ночью напали на Амфею, назначив начальником своего войска Алкамена, сына Те-лекла. Так как ворота были открыты и никакой стражи не было, лакедемоняне легко захватили этот важный город и перебили всех его жителей (в 743 г. до Р.Х.).

Когда мессеняне узнали о событиях в Амфее, они стали стекаться из своих городов в Стеник-лар. Собравшемуся народу Эвфай объявил о начале войны и советовал не падать духом после взятия Амфеи, не думать, будто этим решен весь исход войны, и не бояться великой силы лакедемонян, превосходящей их собственную.

Распустив собрание, Эвфай стал держать всех мессенян под оружием, побуждая незнающих военное дело учиться ему, а тех, кто знал его, еще с большим, чем прежде, старанием им заниматься. В течение четырех лет война сводилась к опустошительным набегам.

В 739 г. до Р.Х. Эвфай объявил поход и приказал следовать за войском также и рабам с кольями и всем еобходимым для постройки укреплений. Лакедемоняне, узнав об этом, сами двинулись в поход. Оба войска сошлись в местности, которую пересекал глубокий овраг. Эвфай к тому же приказал обнести лагерь кольями, так что лакедемоняне не решились на битву и отступили. На следующий год они вновь пошли на мессенян под руководством царей Феопомпа и По-лидора. На этот раз оба войска горели желанием сразиться, но на стороне лакедемонян было численное преимущество, а также превосходство в военных навыках и опыте. Не обращая на это внимания, Эвфай, едва началось сражение, с отборным отрядом устремился в атаку со всей силой отчаянной храбрости и благодаря редкой доблести обратил лакедемонян в бегство. Тем временем другое крыло мессенян было разбито, и сражение окончилось так же безрезультатно, как и первое, хотя было гораздо более кровопролитным.

После этой битвы положение мессенян становилось все хуже и хуже. Они были разорены набегам, и, кроме того, на них обрушилась болезнь. Обсудив положение, они решили покинуть поселения внутри страны и переселиться на вершину Итомы. Защищенное самой природой место они укрепили еще искусственно, сделав совершенно неприступным.

В 733 г. до Р.Х. лакедемоняне подступили к Итоме. Мессеняне, как и в прошлый раз, атаковали их с необыкновенным пылом и жаром. Эвфай, бросившись на окружение Феопомпа, получил много смертельных ран. Через несколько дней он умер, успев узнать, что это сражение также не принесло победы ни одной из сторон.

Поскольку сыновей Эвфай не оставил, мессеняне избрали царем его родича Аристодема (Павсаний: 4; 5-10).

ЭМИЛИАН, Марк Эмилий

Римский император в 253 г. Род. в 206 г. Умер 253 г.

Эмилиан был по происхождению мавр, очень воинственный, но не безрассудный. Он провозгласил себя Августом и выступил против императора Галла и его сына. Однако те были убиты их солдатами еще прежде его появления. Сам он правил четыре месяца и был убит в Умбрии неподалеку от Спо-летия (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 31).

ЭПИТ

Мифический царь Мессении из рода Гераклидов, правивший во второй пол. XI в. до Р.Х. Родоначальник Эпити дов. Сын Крггфонта.

Отец Эпита был убит заговорщиками вместе со всей семьей. Один только Эпит остался в живых из всего дома, так как он, будучи еще ребенком, воспитывался у деда Кипсела в Аркадии. Когда он возмужал, аркадяне помогли ему вернуться в Мессению. В этом возвращении ему помогли также остальные цари дорийцев. Эпит отомстил прежде всего убийцам своего отца, а затем соучастникам этого убийства. Привлекая на свою сторону знатнейших из мессеиан обходительностью, а тех, которые были из народа, подарками, он заслужил такое уважение, что потомки его стали называться Эпитидами, а не Гераклидами-

ЭПИТИДЫ

Легендарный царский род, правивший в Мессении в XI-VIII вв. до Р.Х. Основан Эпитом, сыном Кресфонта.

ЭХЕСТРАТ

Легендарный царь Лаконики из рода Агидов, правивший в X в. до Р.Х. Сын Агиса I.

В царствование Эхестрата лакедемоняне заставили выселиться всех взрослых, способных носить оружие, жителей Кинурии за то, что те делали набеги на Арголиду (Павсаний: 3; 2; 2).

ЮЛИИ-КЛАВДИИ

Императорский род, правивший в Риме в 49 г. до Р.Х. - 68 г. Основан Цезарем.

ЮЛИАН, Флавий Клавдий

Римский император в 360-363 гг. Род. в 332 г. Умер 26 июня 363 г.

Юлиан был сыном Юлия Констанция, одного из сводных братьев Константина I. Императору Констанцию II он приходился двоюродным братом. Мать его умерла вскоре после его рождения, а затем в 337 г. был убит и его отец (Марцеллин: 25; 3). Юлиана избавил от смерти его юный возраст. Ему и его брату Галлу было дано повеление жить в Макелле в Каппадокии, неподалеку от города Кесарии. Здесь находились великолепный царский дворец, бани, сады и источники. Пленникам установлено было царское содержание. По указанию императора Констанция, их обучали наукам и гимнастике. Мальчики также присоединены были к клиру и читали народу церковные книги (Созомен: 5; 2). На Галла, впрочем, образованность не произвела никакого влияния: он вырос свирепым, необузданным и за свою жестокость в конце концов поплатился жизнью. Юлиан, напротив, много и усердно занимался сначала в Каппадокии, а потом в Константинополе. В науках он был весьма искусен, греческий язык знал намного лучше латинского. Был он, кроме того, искусен в красноречии, обладал прекрасной памятью и в некоторых вещах разбирался лучше философов (Евтропий: 10; 16) Воинскими упражнениями он тоже занимался с большим усердием, был очень подвижен и обладал большой физической силой, хотя и был невысок ростом {Виктор: «О жизни и нравах римских

императоров»; 43). Пишут, что он имел обыкновение в платье частного человека прогуливаться по столице и заводить разговоры со встречными- Вследствие этого популярность его стала возрастать (Созомен: 5; 2). В народе распространилась молва, что Юлиан мог бы хорошо управлять делами Римской империи. Сделавшись слишком гласного, эта молва стала наконец беспокоить Констанция. Поэтому император вновь выслал Юлиана из столицы в Никомедию (Сократ: 3; 1). Здесь встретил он философа Максима Эфесского, который, преподавая учения философов, поселил в нем ненависть к христианской религии. Когда же его заподозрили в этом, Юлиан в страхе сбрил себе волосы и притворился, что ведет жизнь монаха. Тогда же он увлекся наукой предсказания и ревностно стал изучать ее (Созомен: 5; 2).

В 354 г. Галл был казнен по приказу Констанция. Юлиан едва не разделил судьбу брата: семь месяцев он провел в крепости под Ме-диоланом В ожидании приговора, но за него заступилась императрица Евсевия. Юлиан получил свободу и позволение отправиться в Афины для завершения образования. Уже в следующем году Констанций вызвал Юлиана к себе, пожаловал титул Цезаря, выдал за него свою сестру Елену и поручил управление галльскими и германскими провинциями, которые в это время опустошали полчища германцев (Марцеллин: 15; 2, 8). Таким образом, император, как будто, оказывал своему двоюродному брату величайшее доверие. Однако повсюду ходила молва, что Юлиан был избран в Цезари вовсе не для того, чтобы облегчить трудное положение Галлии, но сделано это было с целью вернее погубить его самого в жестокой войне. Думали, что при своей полной неопытности в военном деле он не вынесет самого звука оружия (Марцеллин: 16; 11). Но недоброжелатели Цезаря просчитались: жажда славы Юлиана была безмерна, и он с большим рвением взялся за исполнение возложенных на него обязанностей (Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 43).

Он немедленно отправился в Галлию и провел зиму в Виенне, напряженно готовясь к войне. Жизнь он вел самую умеренную: довольствовался простой и случайной пищей рядового солдата, спал на войлоке и бараньем тулупе, ночи проводил в государственных делах и за философскими занятиями, а дни всецело отдавал военным заботам. Летом 356 г. он двинулся в Германию. Часть алеманов он устранил и прогнал одним своим появлением, других разбил в сражении при Бротоме. Варвары были ошеломлены, но не собирались слагать оружие. Когда Юлиан отступил с частью сил на зимовку в Се-ноны, ему пришлось выдержать от них месячную осаду. Весной 357 г. он опять выступил против врагов, вышел к берегам Рейна и восстановил здесь Три Таберны - старое римское укрепление, недавно взятое и разрушенное алеманами. Вскоре он узнал, что семь алеман-ских царей собрали свои силы близ города Аргентората, и поспешил навстречу врагу. Когда две армии сошлись друг с другом, Юлиан построил свои легионы, расположив всю конницу на правом фланге. Германцы настолько были уверены в своем превосходстве, что первыми атаковали римский строй. Римская конница не выдержала и подалась назад, но легионеры, плотно сомкнув щиты, сдержали удар. Началась упорная битва. Долгое время неясно было, на чью сторону склоняется успех. Однако, в конце концов, превосходство римского оружия дало себя знать. В попытке прорвать римский строй множество варваров было перебито, остальные стали отступать и наконец обратились в бегство. Юлиан преследовал их до самого Рейна (Марцеллин: 16; 2-5, 11-12).

Враг бежал из римских провинций, но император решил не давать ему покоя даже в собственных его пределах. Он перевел войско через Рейн и внезапно напал на алеманские селения. Римляне захватывали в плен людей, а все остальное предавали огню и уничтожению. Видя это страшное опустошение, цари алеманов отправили к Юлиану посольства с мирными предложениями. Он согласился дать им десятимесячное перемирие и возвратился на зимние квартиры в Галлию. В 358 г. Юлиан выступил против салийских франков, которые обосновались на римской территории вблизи Токсиандрии. Обрушившись на них, он принудил их просить мира и принял в римское подданство. Затем он так же стремительно напал на хамавов, многих перебил, а остальных изгнал из пределов империи. Вскоре хамавы прислали послов, обещали покориться Риму и получили позволение вернуться в свои разоренные селения.

Очистив Галлию, Юлиан вновь обратился к алеманам - он во второй раз переправился через Рейн и двинулся в глубь Германии. Рассвирепевшие солдаты предавали поля огню,

угоняли скот, а людей убивали без пощады. Видя это страшное разорение, цари алеманов один за другим стали просить мира. Они обязались выдать пленных и снабдить Юлиана всем необходимым для строительства крепостей (Марцеллин: 17; 1, 8, 10). В 359 г. были восстановлены семь старых римских пограничных городов, разрушенных германцами. Затем Юлиан в третий раз переправился через Рейн против тех царей, которые еще медлили с покорностью. После того как их поля и жилища были сожжены и многие из их племени взяты в плен и перебиты, эти цари прислали послов и смиренно просили пощады. Юлиан заключил с ними мир (Марцеллин: 18; 1-2).

Закончив в четыре года тяжелую войну, он вновь укрепил западные границы империи и добился таких успехов, каких от него никто не ожидал. Встревоженный ростом его популярности, Констанций решил отобрать у Юлиана самые боеспособные части под предлогом начала войны с персами. Но когда в 360 г. германские отряды узнали, что их перебрасывают на восток, они взялись за оружие и взбунтовались. Со страшным шумом солдаты окружили дворец Юлиана в Паризии и провозгласили его Августом. Юлиан упорно сопротивлялся настояниям всей толпы: он то выказывал негодование, то простирал руки, моля и заклиная, чтобы они не совершали недостойного дела, но наконец должен был уступить. Его поставили на щит и, за неимением диадемы, возложили на голову цепь, которую сорвал с себя один из знаменосцев. Извещая о своем избрании, Юлиан отправил Констанцию два письма: в одном, официальном, не было ничего вызывающего или оскорбительного. Но другое, личное, содержало в себе порицания и едкие нападки.

До конца года он в четвертый раз переправился через Рейн и совершил дерзкое нападение на ат-туарийских франков, которые совершали набеги на окраины Галлии. Франки не ждали от римлян такой стремительности, и поэтому победа досталась Юлиану без труда; множество народа было перебито или взято в плен. Уцелевшие просили мира, и император предоставил им мир на таких условиях, какие счел подходящими (Марцеллин: 20; 4, 8, 10). Желая расположить к себе всех без исключения, он притворялся, что привержен к христианскому культу, от которого втайне давно отошел. Он отдавался - о чем знали немногие посвященные в его секреты - авгуриям и соблюдал все то, что всегда чтили поклоняющиеся богам. А чтобы сохранить это пока в тайне, он в праздник Рождества посетил в Виенне церковь и вышел из нее лишь по окончании службы.

С наступлением весны 361 г. Юлиан повел свою армию из Галлии к берегам Дуная. По пути он узнал о смерти Констанция, быстро проехал через Фракию и вступил в Константинополь (Марцеллин: 21; 2, 8, 12). Утвердившись в столице, он изгнал и казнил некоторых приближенных Констанция и сильно сократил придворный штат, уволив многих слуг, поваров и брдобреев, получавших при прежнем императоре огромные деньги за свое ремесло. Мера эта была необходима и своевременна, но современники жаловались, что император одним эдиктом превратил Константинопольский дворец в пустыню. Даже в столице Юлиан сохранил тот аскетический образ жизни, к какому привык в походах. Трапеза его была настолько проста, что состояла из одних овощей. Всю жизнь он не знал ни одной женщины, кроме своей жены. Все его время было посвящено неутомимой деятельности. Днем он был занят решением государственных вопросов, давал аудиенции, диктовал письма; вечером удалялся в библиотеку и обращался к трудам другого рода. За время своего короткого правления он успел написать несколько объемистых сочинений, кроме того, после него остались некоторые из его речей и тщательно обработанное сочинение против христианской религии. За всеми этими занятиями он забывал о благопристойности своего вида. Юлиан сам признавался в одном из писем, что ногти на его руках часто не стрижены, а пальцы в чернилах. В бороде его, которую он по примеру всех философов нежно лелеял, гнездились множество насекомых. В обращении он был очень прост и старался подражать добродетелям первых принципсов. Хотя он и носил диадему, однако отказался от титула господина. Вновь избранных консулов он приветствовал стоя, а потом проводил пешком. Он часто посещал заседания константинопольского сената и выступал здесь с речами. Все эти забытые проявления республиканских традиций вызывали неизменное удивление современников (Гиббон: 22).

Точно так же заботился Юлиан о возрождении древней религии. Он издал указы, разрешавшие открывать храмы, приносить жертвы и восстанавливать культы старых богов.

Чтобы придать большую силу своим распоряжениям, он созвал во дворец пребывавших в раздоре между собой христианских епископов вместе с народом, раздираемым ересями, и дружественно увещевал их, чтобы они предали забвению свои распри и каждый, беспрепятственно и не навлекая на себя опасности, отправлял свою религию. Он выставлял этот пункт в расчете, что, когда свобода увеличит раздоры и несогласия, можно будет не опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях. Вместе с тем он запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского вероисповедания.

Из Константинополя Юлиан переехал в Антиохию и здесь стал готовиться к походу против персов. Много времени отдавал он и служению богам. Языческие религиозные церемонии были восстановлены с невиданным раньше размахом: в иной день закалывалось по сто быков и без счета приносился в жертву разнообразный скот и белые птицы. Выставляя напоказ свое усердие, император сам подносил вместо жрецов священную утварь и совершал моления, окруженный толпой женщин. Гонений против христиан он не начинал, но, когда вдруг сгорел храм Аполлона Дафнейского, Юлиан заподозрил христиан в поджоге и закрыл самую большую церковь в Антиохии (Марцеллин: 22; 3-5,9-10, 12-14).

В 363 г. во главе большой армии Юлиан выступил из Сирии в Месопотамию и переправился через Евфрат (Марцеллин: 23; 2). Двигаясь вдоль реки, римляне вступили в Ассирию и заняли здесь одну за другой несколько крепостей. Некоторые из них были покинуты жителями, другие сдались после правильной осады. Особенно упорно защищался гарнизон Майозамаль-хи. Преодолев все препятствия, Юлиан подошел к персидской столице Ктесифону и разбил у его стен большое войско. Однако осмотрев укрепления города, он отказался от мысли о его осаде и после разорения и опустошения страны повел армию к Кордуэну (Марцеллин: 24; 1-2, 4, б, 8). В Ма-ранге римляне разбили еще одну армию, пытавшуюся заслонить им дорогу. Однако после этого их стал донимать голод в опустошенной стране. Юлиан велел раздать солдатам все запасы, заготовленные для царского стола. Стараясь разделить с ними все трудности, он часто без всякой необходимости подвергал себя опасности. Узнав однажды, что персы напали на один из римских отрядов и теснят его, он, не одев панциря, с одним только щитом поспешил на помощь. В разгоревшемся сражении кто-то из персов метнул в императора копьё, которое пробило ребра и застряло в нижней части печени. Умирающего Юлиана перенесли в палатку, и здесь он скончался короткое время спустя. Марцеллин пишет, что до самого конца он сохранял исключительную твердость и вел беседу с философами Максимом и Приском о высоких свойствах человеческого духа (Марцеллин: 25; 1-3).

ЮСТИН I

Византийский император в 518- 527 гг. Род. ок. 450 г. Умер 1 авг. 527 г.

Юстин был по происхождению иллирийский крестьянин. При императоре Льве он, чтобы избавиться от нужды, вместе с двумя братьями пешком добрался до Константинополя и поступил на военную службу. Прокопий пишет, что у братьев по прибытии в город не было ничего, кроме козжих тулупов да прихваченных из дома сухарей, но здесь им сразу повезло: поскольку они отличались прекрасным телосложением, их отобрали в придворную стражу. Впоследствии, при Анастасии, Юстин участвовал в Исаврийской войне. Затем он постепенно достиг большой силы и был поставлен во главе придворной стражи (Прокопий: «Тайная история»; 6). Императорскую власть Юстин получил сверх всякого ожидания, потому что много было людей знатных и богатых, которые состояли в родстве с умершим Анастасием и имели больше прав присвоить себе столь великую власть. Человеком весьма сильным был тогда надзиратель императорских опочивален Аман-тий. Как скопец, он сам по закону не мог владычествовать, однако хотел положить венец самодержавной власти на Феокрита, преданного ему человека. С этой целью он призвал Юстина, дал ему большое количество денег и приказал раздать их людям, которые особенно были годны к подобному делу и могли облечь Феокрита в порфиру. Но Юстин, потому ли, что этими деньгами подкупил народ, или потому, что снискал ими расположение к себе так называемых постельничих, - об этом рассказывают

по-разному, - сам себе приобрел царскую власть и вслед за тем лишил жизни как Амантия, так и Феокрита с некоторыми другими людьми.

Юстин вызвал к себе в Константинополь жившего во Фракии Виталиана, некогда покушавшегося лишиться Анастасия верховной власти, потому что опасался его силы и его воинственности, о которых повсюду неслась молва. Чтобы внушить ему доверие, Юстин объявил его начальником над частью войска и затем произвел в консулы. В сане консула Виталиан явился во дворец и у дворцовой двери был коварно умерщвлен (Евагрий: 4; 1, 3). В отличие от предшествующих императоров, Зинона и Анастасия, Юстин исповедовал строгое православие. Он приказал сместить около полусотни сирийских епископов-монофизитов и воздвиг гонения на приверженцев всех еретических направлений (Дашков: «Юстин Первый»). Антиохийскому предстоятелю Северу Юстин даже хотел схватить и отрезать язык за хулы на Халкидонский собор (Евагрий: 4; 4).

По свидетельству Прокопия, Юстин был чужд всякой учености и даже не знал алфавита, чего раньше у римлян никогда не бывало. И в то время, когда в обычае было, чтобы император прикладывал собственную руку к грамотам, содержащим его указы, он не был способен ни издавать указы, ни быть сопричастным тому, что совершается. Некто Прокл, которому выпало быть при нем в должности квестора, вершил все сам по собственному усмотрению. Но чтобы иметь свидетельство собственноручной подписи императора, те, на кого это дело было возложено, придумали следующее. Прорезав на небольшой гладкой дощечке контур четырех букв, означающих на латинском языке «прочитано», и обмакнув перо в окрашенные чернила, какими обычно пишут императоры, они вручали его Юстину. Затем, положив упомянутую дощечку на документ и взяв руку императора, они обводили пером контур этих четырех букв так, чтобы оно прошло по всем прорезам в дереве.

Юстин жил с женщиной по имени Луппикина. Рабыня и варварка, она была в прошлом куплена им и являлась его наложницей. И вот, вместе с Юстином, на склоне лет, она достигла императорской власти. Эта женщина не отличалась никакими достоинствами, она так и осталась несведущей в государственных делах. Во дворце она появилась не под собственным именем (слишком уж оно было смешное), но стала именоваться Евфимией. Сам Юстин не сумел сделать подданным ни худого, ни хорошего, ибо был он на редкость слаб умом и поистине подобен вычному ослу, способному лишь следовать за тем, кто тянет его за узду, да то и дело трясти ушами. Он отличался простотой, не умел складно говорить и вообще был очень мужиковат. В глубокой старости, ослабев умом, он стал посмешищем для подданных, и все относились к нему с полнейшим пренебрежением, поскольку он не понимал, что происходит. Племянник же его, Юстиниан, будучи еще молодым, стал заправлять всеми государственными делами и явился для римлян источником многих несчастий (Прокопий: «Тайная история»; 6, 8, 9).

ЮСТИН II

Византийский император в 565 - 578 гг. Умер 4 окт. 578 г.

Сын сестры Юстиниана Юстин был куропалатом (начальником дворцовой охраны). После смерти дяди он облекся в порфиру. Никто не знал о кончине старого императора и об избрании нового до тех пор, пока он сам в царском облачении не явился на ипподром. Первым делом он вызвал к себе с Дуная двоюродного брата, тоже Юстинина, сначала обласкал его, потом изобразил гнев, сослал в Александрию и там велел умертвить. В жизни своей Юстин был беспорядочен: утопал в роскоши и постыдных удовольствиях, был страстный любитель чужого имущества, продавал все должности и даже священные степени и отличался двумя пороками - наглостью и малодушием (Евагрий: 5; 1, 2).

Во внешних делах он с самого начала повел себя заносчиво и прежде всего перестал выплачивать установленную прежними императорами дань варварам. Иоанн пишет, что вскоре после того, как Юстиниан ушел из мира, в Константинополь явилось множество аваров, чтобы по обычаю нагрузиться дарами и уйти. Немного дней спустя они пришли к Юстину и сказали ему: дай нам, как давал умерший царь, и отпусти нас к своему царю. Но император Юстин, скорбевший по поводу того, сколько авары берут и уносят из царства, сказал им: больше вы

ничего не получите и уйдете ни с чем. А когда они начали угрожать, он разгневался на них и сказал им: вы, дохлые собаки, угрожаете царству ро-меев? Знайте, что я обстригу у вас все волосы, а потом сниму и головы. По его приказанию они были схвачены и отправлены на корабли, и он, удалив их из города, продержал полгода в неволе. Авары убоялись и долго не показывались. Наконец они прислали новое посольство, заключили союз и несколько лет оставались друзьями империи {Иоанн: 3; 6; 24}.

Но этот двусмысленный успех оказался единственным. Италия, отбитая с большим трудом у готов в предыдущее царствование, была потеряна в первые же годы правления Юстина. В 569 г. на Апеннинский полуостров вторглись лангобарды. В короткий срок они овладели большей частью страны, и к 573 г. под властью римлян остались Романия, берег от Римины до Анконы, Рим и нижняя часть полуострова {Дашков: «Юстиниан Второй»}. У империи уже не было сил для того, чтобы противостоять этому новому нашествию. К тому же из-за легкомыслия Юстина римляне были вскоре втянуты в гораздо более опасную войну: император отказался выплачивать персам установленную при Юстиниане дань в 500 фунтов золота и вмешался в армянские дела. Следствием этого была война, ставшая, по словам Симокатты, источником всех бедствий для римлян и персов. Поначалу римляне имели некоторый успех, но после того, как Юстин сместил популярного полководца Маркиана, персы перешли в наступление и в 574 г. овладели Дарой. Услыхав об этом, Юстин, потрясенный стремительным натиском несчастий, а вскоре после того пораженный и болезнью безумия, решил заключить с персами перемирие. А так как болезнь поражала его все сильнее (у него отнялись ноги), то он решил назначить себе соправителя. По совету своей жены Софии он усыновил и объявил Цезарем начальника царских телохранителей Тиберия. После этого до самой смерти он не участвовал в делах правления (Симокатта: 3; 9-11).

ЮСТИНА ДИНАСТИЯ

Династия Византийских императоров, правившая в 518-578 гг. Основана (Юстином Первым.

ЮСТИНИАН I ВЕЛИКИЙ, Флавий Петр Савватий

Византийский император в 527- 565 гг. Род. ок. 482 г. Умер ноябрь 565 г.

Юстиниан происходил из семьи иллирийских крестьян. Когда дядя его, Юстин, возвысился при императоре Анастасии, он приблизил к себе племянника и сумел дать ему разностороннее образование. Способный от природы, Юстиниан мало-помалу стал приобретать при дворе известность и влияние, особенно после того, как Юстин сам сделался императором. В 521 г. он был удостоен консульского звания {Дашков: «Юстиниан Великий»}. С годами Юстин впал в явное слабоумие, и бразды правления перешли к Юстиниану. По словам Прокопия, это был человек, исполненный хитрости и коварства, отличавшийся неискренностью, хорошо умевший скрывать свой гнев. Он был двуличен, опасен, являлся превосходным актером и умел проливать слезы не от радости или горя, но искусственно вызывая их в нужное время по мере необходимости. Он постоянно лгал: скрепив соглашение грамотой и самыми страшными клятвами, он тут же отступал от обещаний и зарок. Неверный друг, неумолимый враг, легко податливый на зло, он не брезговал доносами и был скор на наказания. Но, будучи таким по характеру, он старался показать себя доступным и милостивым ко всем, кто к нему обращался. Доступ к нему был открыт для любого, и он никогда не гневался на тех, кто стоял перед ним или говорил не так, как подобает. Вместе с тем он никогда не выказывал смущения перед тем, кого собирался погубить. Он никогда наружно не проявлял ни гнева, ни раздражения по отношению к тем, кто ему досадил. Во внешности его ни тогда, ни позже не было ничего от царского достоинства, да он и не считал нужным блюсти его, но и языком и внешним видом, и образом мыслей он был подобен варвару. Он почти не испытывал потребности во сне и никогда не ел и не пил досыта, но ему было достаточно едва прикоснуться к еде кончиками пальцев, чтобы прекратить трапезу. Казалось, для него это дело второстепенное, навязанное ему

природой, ибо он зачастую по двое суток оставался без пищи.

Под стать себе он выбрал и подругу, так как жена его, Феодора, с которой он жил еще задолго до свадьбы, также соединяла в себе множество пороков. Ее отец был надсмотрщиком зверей в цирке, а сама она с детства участвовала в представлениях мимов и занималась проституцией. По свидетельству Прокопия, она часто приходила на обед, сооруженный в складчину десятью, а то и более молодцами, отличающимися громадной телесной силой и опытными в распутстве, и в течение ночи отдавалась всем сотрапезникам; затем, когда все они, изможденные, оказывались не в состоянии продолжать это занятие, она отправлялась к их слугам, спариваясь с каждым из них, но и тогда не испытывала пресыщения от своей похоти. Часто в театре на виду у всего народа она снимала платье и оказывалась нагой посреди собрания, имея лишь узенькую полоску на срамных местах, не потому, однако, что она стыдилась показывать их в народе, но потому, что никому не позволялось появляться здесь совершенно нагим. Юстиниан влюбился в нее до безумия. Сначала он сошелся с ней как с любовницей, хотя и возвел ее в сан патрикии. Пока жива была императрица Евфимия, жена Юстина, Юстиниан никак не мог сделать Феодору законной супругой. Но после ее смерти в 523 г. он стал добиваться обручения с Феодорой. Поскольку человеку, достигшему senatorского звания, нельзя было жениться на блуднице, он заставил императора изменить древние законы и с тех пор жил с Феодорой как с законной женой.

В апреле 527 г. Юстиниан был провозглашен императором римлян наряду со своим дядей. Он вступил на престол вместе с Феодорой, а спустя четыре месяца Юстин скончался от болезни. И подданные, и соседние народы сразу почувствовали жесткую руку нового императора {Прокопий: «Тайная история»; 8, 9, 13, 14}. В делах веры он старался придерживаться православия и в 529 г. поднял великое гонение на язычников и всякую ересь, причем имущество их велел отбирать в казну. Император обнародовал указ, согласно которому язычники и еретики не допускались на государственную службу (Феофан: 521). «Справедливо, - писал Юстиниан, - лишать земных благ того, кто неправильно поклоняется Богу». (Дашков: «Юстиниан Великий»). Храмы этих еретиков и особенно тех, которые исповедовали арианство, и все их имущество он велел отписать в казну {Прокопий: «Тайная история»; 11}. Гонения не коснулись только монофизитов, ибо им открыто покровительствовала императрица. Действительно ли это было или они договорились так между собой, чтобы один защищал исповедников одного течения, а другой - противоположного - неизвестно (Евагрип: 4; 10). Однако они сочли нужным сделать вид, что в религиозных спорах идут противоположными путями (Прокопий: «Тайная история»; 10). Что же касалось нехристиан, то в их отношении Юстиниан высказывался еще более сурово: «Язычников не должно быть на земле!» Тогда же была закрыта Платоновская Академия в Афинах {Дашков: «Юстиниан Великий»). Против самаритян, отказавшихся креститься, были двинуты войска. В результате трехлетней ожесточенной войны (529-532 гг.) более 20 000 из них было убито, еще двадцать тысяч продано в рабство за границу, а остальные приняли насильственное крещение. Полагают, что в Самаритянской войне погибло около 100 000 римских подданных, а плодородная провинция превратилась в пустыню, покрытую пеплом и развалинами (Гиббон: 47). Корыстолюбие Юстиниана не знало границ. По словам Прокопия, он со всей земли забирал в свои руки частное имущество римлян, на одних возводя какое-нибудь обвинение в том, чего они не совершали, другим внушив, будто это имущество они ему подарили. Многие же, уличенные в убийстве или других подобных преступлениях, отдавали ему все свои деньги и тем избегали наказания за свои прегрешения. Он учредил множество монополий, продав благополучие подданных тем, кто не гнушался идти на такую мерзость. Сам он, получив плату за такую сделку, устранялся от этого дела, предоставив тем, кто дал ему деньги, возможность заправлять делом так, как им заблагорассудится (Прокопий: «Тайная история»; 8, 19).

Однако, несмотря на царящее везде беззаконие, именно в царствование Юстиниана были проведены важные реформы в области права. Реализуя свои обширные планы возрождения былого величия Рима, Юстиниан не мог обойтись без наведения порядка в делах законодательных. В середине VI века старое римское право из-за массы новых, часто противоречащих друг другу императорских и преторских эдиктов превратилось в запутанное нагромождение плодов юридической мысли, предоставлявшее искусному толкователю

возможность вести судебные процессы в ту или иную сторону, в зависимости от выгоды. В силу этих причин, едва заняв трон, Юстиниан распорядился провести колоссальную работу по упорядочению огромного количества указов правителей и всего наследства античной юриспруденции. В 528-529 гг. комиссия из десяти правоведов кодифицировала указы императоров от Адриана до Юстиниана в двенадцати книгах «Кодекса Юстиниана». Не вошедшие в этот кодекс постановления были объявлены утратившими силу. К 534 г. было выпущено 50 книг «Ди-гест» - юридического канона по обширному материалу всего римского законодательства. По окончании деятельности комиссий Юстиниан официально запретил всю законотворческую и критическую деятельность юристов. Комментировать и толковать законы стало отныне нельзя. Это сделалось исключительной прерогативой императора (Дашков: «Юстиниан Великий»).

Юстиниану пришлось утверждать свою власть не только законом, но и прямым насилием. В начале VI века население столицы еще не имело к своим василевсам того почтения, которое установилось позже. Столичные жители, особенно на ипподроме во время ристалищ, не смущались выкрикивать свое нелестное мнение о правителях, а в случае чего чернь бралась и за оружие. Императоры Зинов и Анастасий многие годы вели с константинопольцами форменную войну и отсиживались в своих дворцах, словно в осажденных крепостях. Юстиниану пришлось укреплять авторитет своей власти железом и кровью. Начало его правления было отмечено мощным восстанием в столице, известным как восстание «Ника». Все началось с того, что городские власти Константинополя приговорили какого-то мятежника к смерти. 14 января 532 г. горожане захватили тех, кого вели на казнь, и тут же, ворвавшись в тюрьму, освободили всех заключенных там за мятеж или иное преступление. Город был подожен, словно он находился в руках неприятелей. Храм Софии, бани Зевксипп и императорский дворец от пропилий до дома Ареса погибли в пламени; тогда же сгорели многие частные дома. Юстиниан с императрицей и некоторые из сенаторов пребывали в страхе и бездействии. 17 января Юстиниан приказал Ипатию и Помпею, племянникам ранее правившего императора Анастасия, как можно скорее отправиться домой; то ли он подозревал их в посягательстве на свою жизнь, то ли сама судьба вела их к этому (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 1; 24). Утром 18-го сам император вышел с Евангелием в руках на ипподром, уговаривая жителей прекратить беспорядки. Он говорил, что жалеет о том, что не прислушался прежде к требованиям народа. Однако его освистали и заставили удалиться с позором. Часть собравшихся кричала: «Ты лжешь, осел!» Другие требовали, чтобы императором стал Ипатий. Немедленно толпы народа ворвалась в дом Ипатия и, несмотря на отчаянное сопротивление и слезы жены, одели его в захваченные царские одежды. К мятежу примкнула значительная часть сенаторов (Дашков: «Юстиниан Великий»). Солдаты, как те, на которых была возложена охрана дворца, так и все остальные, не проявляли преданности императору, но и не принимали явно участия в деле, ожидая, каков будет исход событий. Терзаемый страхом Юстиниан собрал во дворце совет из оставшихся с ним придворных. Они совещались между собой, как лучше поступить: остаться в столице или обратиться в бегство на кораблях. Немало было сказано речей в пользу и того и другого. Многие склонялись к тому, что следует бежать, но императрица Феодора возразила им: «Помоему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение, и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тому, кто появился на свет, нельзя не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо... У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы тебе, спасшемуся, не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что пурпур - лучший саван». Так сказала Феодора. Слова ее воодушевили всех, и, вновь обретя утраченное мужество, они начали обсуждать, как им следует действовать. Все свои надежды Юстиниан возложил на полководцев Велисария и Мунда. Велисарий только что вернулся с войны с персами и привел с собой множество копьеносцев и щитоносцев. Мунд же начальствовал над варварами-герулами (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 1; 24). Решено было напасть на мятежников, собравшихся на ипподроме по случаю коронации Ипатия. Велисарий с трудом провел свой отряд через сгоревшую часть города и внезапно явился перед трибунами. По его приказу воины начали пускать стрелы в толпу и разить направо и налево мечами. Огромная, но неорганизованная масса людей смешалась, и тут через «ворота мертвых» на арену пробилась три тысячи герулов Мунда. В результате страшной резни было перебито около

тридцати тысяч человек (Дашков: «Юстиниан Великий»), Ипатия стащили с трона и отвели вместе с Помпеем к императору. На следующий день солдаты убили и того и другого, а тела их бросили в море. Юстиниан конфисковал их имущество, а также имущество всех других членов сената, которые приняли их сторону (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 1; 24). Неслыханная жестокость, с которой была подавлена «Ника», надолго устрасила римлян. Дальше, почти до самой смерти, Юстиниан правил спокойно.

После установления мира столица предстала перед глазами жителей обезображенной пожарами и разрушениями. Город представлял собой кучу чернеющих холмов, он был наполнен дымом и золою, всюду распространявшийся запах гари делал его необитаемым, и весь его вид внушал зрителям ужас, смешанный с жалостью {Дашков: «Юстиниан Великий»). Особенно горожане сожалели о гибели храма святой Софии, основанного Константином Великим. Но не прошло и сорока дней, как рабочие по велению императора приступили к сооружению нового храма. Десять тысяч человек, под руководством лучших архитекторов изо дня в день трудились на этой грандиозной стройке в течение пяти лет и одиннадцати месяцев. Сам император, одевшись в полотняную тунику, ежедневно наблюдал за ходом работ и поощрял их усердие своим фамильным обращением, своей заботливостью и своими наградами (Гиббон: 40). Вновь воссозданный храм поражал и своими размерами, и величиной своего купола, и невиданной по красоте и богатству внутренней отделкой. Говорят, что после освящения собора Юстиниан обошел его и воскликнул: «Слава Богу, признавшего меня достойным для свершения такого чуда. Я победил тебя, о Соломон!» (Дашков: «Юстиниан Великий»).

Возрождение Софии положило начало невиданной по своим размерам строительной деятельности Юстиниана. Поврежденный пожаром константинопольский дворец был отреставрирован с небывалой роскошью. На азиатском берегу Пропонтиды, неподалеку от Халкедона, был возведен роскошный, окруженный садами дворец Ге-рея - летняя резиденция императора. В одном Константинополе и в соседних предместьях Юстиниан построил двадцать пять церквей во имя Христа, Святой Девы и святых; эти церкви были большей частью украшены мрамором и золотом. Но не только столица ощутила на себе заботу императора - едва ли не каждый из значащихся в календаре святых был почтен сооружением особого храма; едва ли не каждый из городов империи был облагодетельствован постройкой мостов, госпиталей и водопроводов, а Карфаген и Антиохия, разрушенные войнами и землетрясениями, были отстроены полностью. На границах империи возвели множество крепостей и укреплений для сдерживания напора варваров. Только на дунайской границе отстроили восемьдесят замков. Во Фракии и Дакии, превращенных гуннами в пустыню, были вновь основаны и заселены колонистами города. В Греции были исправлены развалившиеся укрепления Афин, Коринфа и Платей, защищены укреплениями Коринфский перешеек и Фермопильский проход. Не менее мощные укрепления были возведены на персидской границе, в Херсонесе Фракийском, в Крыму и Эфиопии (Гиббон: 40).

Все царствование Юстиниана прошло в ожесточенных войнах с варварами и соседями. Он мечтал расширить пределы своей державы до границ прежней Римской империи. И хотя его планы осуществились далеко не полностью, масштабы сделанных при нем завоеваний были впечатляющими.

В 532 г., после заключения мира с Персией, Юстиниан сосредоточил свои усилия на возвращении захваченной вандалами Африки. В качестве повода для начала войны были использованы внутренние распри в Вандальском королевстве. Еще в 531 г. свергнув и убив дружественного римлянам Хильдерика, власть в Карфагене захватил узурпатор Гелимер. Юстиниан объявил ему войну, хотя большинство сената высказалось против этой затеи. В июне 533 г. на шестистах судах в Африку было отправлено 15-тысячное войско под командованием Велисария. В сентябре римляне высадились на африканском берегу, осенью и зимой 533-534 гг. под Дециумом и Трикамаром Гелимер был разбит, а в марте 534 г. сдался Велисария.

Сразу вслед за тем началась Итальянская война. Летом 535 г. две небольшие, но хорошо обученные и оснащенные армии вторглись в пределы остготской державы: Мунд захватил Далмацию, а Велисарий - Сицилию. С запада Италии грозили подкупленные римским золотом франки. Устрашенный король готов Теодат начал было переговоры о мире и соглашался уже

отречься от престола, но в конце года Мунд погиб в стычке, а Вели-сарий спешно отплыл в Африку на подавление солдатского мятежа. Теодат, осмелев, прервал переговоры и заключил под стражу императорского посла.

Мятеж в Африке вызван был решением Юстиниана присоединить все земли вандалов к фиску, в то время как солдаты надеялись, что император разделит их между ними. Легионы восстали, провозгласив командующим простого солдата Стоцу. Почти вся армия поддержала его, и Стоца осадил Карфаген, где заперлись немногочисленные верные императору войска. С прибытием Велисария, мятежники отступили от города, но война на этом не утихла. Собрав под свои знамена рабов и уцелевших вандалов, Стоца еще десять лет вел войну против императорских войск. Окончательно Африка была покорена только к 548 г. (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 3, 4). К этому времени Ливия, протянувшаяся на столь огромные пространства, по словам Прокопия, была до такой степени разорена, что встретить там человека на протяжении долгого пути было делом нелегким и даже примечательным. А между тем, в этой богатейшей провинции до войны одних вандалов проживало около восьми миллионов человек, не считая потомков тех, кто прибыл сюда во времена римского владычества. Вина за этот ужасающий разгром целиком лежала на императоре, который, не позаботившись о прочном обеспечении своей власти, спешно отозвал из Африки Велисария, совершенно безосновательно возведя на него обвинения в тирании. После этого он немедленно послал оценщиков земли и наложил прежде небывалые и жесточайшие налоги. Земли получше он присвоил себе, стал преследовать ариан, а солдатам перестал платить жалование. Возникший вследствие этих причин мятеж и привел к конечному разорению Африки (Прокопий: «Тайная история»; 18).

Одновременно с Африканской войной продолжалось завоевание Италии. Зимой 536 г. Велисарий вернулся на Сицилию. В середине ноября римляне штурмом взяли Неаполь. Готский король Теодот был убит заговорщиками, а престол захватил Витигас. Но эта перемена уже не могла спасти готов. В ночь с 9 на 10 декабря 536 г. Велисарий вступил в Рим. Попытка Витигаса отбить город назад, несмотря на более чем десятикратное превосходство в силах, оказалась неудачной. В конце 539 г. Велисарий осадил Равенну, а следующей весной столица готов пала. Готы предложили Велисариию быть их королем, но полководец отказался. Тем не менее подозрительный Юстиниан отозвал Велисария из Италии и отправил сражаться с персами, которые в 540 г. внезапно напали на восточные провинции Византии. Следующие десять лет, когда империи пришлось одновременно вести три тяжелые войны, были самыми трудными в царствование Юстиниана (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 5, 6).

Нападение персов на Сирию в 540 г. было внезапным и ошеломляющим. «Тогда же, - пишет Псевдо-Дионисий, - поднялся восточный ветер, то есть царство Персидское. Оно также усилилось и приготовилось к войне при помощи сильных народов всего Востока. Поднялись все цари земли восточной и направились на землю ромеев. Они прошли, разорили и покорили страну до великого города Антиохии и осадили его. Так как город возвел укрепления, чтобы оказать сопротивление врагу, то враг победил его, завоевал, разорил, сжег, пленил и разрушил до основания. Он унес даже мраморные плиты, которые были вделаны в стены и в дома, и весь город увели в плен». После этого набега персидская армия отступила на свою территорию, но война, начавшаяся таким образом, продолжалась еще много лет, оттягивая на себя значительные силы империи. В том же году гунны перепит Дунай, опустошили Скифию и Мезию. «По причине многочисленности их никто не мог устоять передними, - пишет Псевдо-Дионисий. - Они поэтому с таким презрением относились к этому царству, что послали сказать через послов: приготовьте нам дворец ваш - вот мы идем туда. Так что страх напал на императора и на вельмож. Ворота дворца тотчас были заперты и укреплены железными цепями, как если бы город весь сдавался без боя и старались укрепить только дворец. Ничего подобного не было ни видано, ни слыхано с основания города» (Дьяконов). Направленный против них племянник императора Юст погиб (Феофан: 531). Варвары осадили город. «Они прорвали внешнюю стену, разграбили и сожгли все предместья, - пишет Михаил Сириец, - пленили всех, кого нашли там и ушли. И опять пришли во второй и в третий раз. Потом, когда римляне собрались с силами против них, они истребили их всех мечом в битве» (Дьяконов). Славяне, участвовавшие в этих походах сначала как союзники гуннов, в дальнейшем продолжали свои набеги уже самостоятельно. Никакие укрепления не могли сдержать их страшного натиска. По

свидетельству Прокопия, гунны, славяне и анты почти каждый год совершали набеги на Иллирию и Фракию и творили ужасающие насилия по отношению к тамошнему населению. Здесь было убито и поработано столько людей, что вся эта область стала подобна Скифской пустыне (Прокопай: «Тайная история»; 18).

В Италии дела римлян также шли неважно. В 541 г. готским королем сделался Тотила. Ему удалось собрать разбитые дружины и организовать умелое сопротивление немногочисленным и плохо обеспеченным отрядам Юстиниана. За пять последующих лет римляне лишились в Италии почти всех своих завоеваний. Опальный Велисарий в 545 г. опять прибыл на Апеннины, но уже без денег и войск, практически на верную смерть. Остатки его армии не смогли пробиться на помощь осажденному Риму, и 17 декабря 546 г. Тотила занял и разграбил Вечный город. Вскоре готы сами ушли оттуда, и Рим ненадолго вернулся под власть Юстиниана. Обескровленная римская армия, не получавшая ни подкреплений, ни денег, ни продовольствия, стала поддерживать себя грабежом мирного населения. Это, как и восстановление суровых римских законов, привело к массовому бегству рабов и колонов, которые непрерывно пополняли войско Тотилы. К 550 г. он вновь овладел Римом и Сицилией, а под контролем Константинополя остались лишь четыре города - Равенна, Анкона, Кротон и Отранте (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 7). По свидетельству Прокопия, Италия к этому времени была разорена еще больше, нежели Африка (Прокопий: «Тайная история»; 18).

В 552 г. Юстиниан направил в Италию тридцатитысячную армию во главе с энергичным и талантливым полководцем Нарсесом. В июне в битве при Тагинах войско Тотилы были разгромлено, а сам он погиб. Остатки готов вместе с преемником Тотилы, Тейей, отошли к Везувию, где во втором сражении были окончательно уничтожены (Прокопий: «Войны Юстиниана»; 8). В 554 г. Нарсес одержал победу над 70-тысячной армией франков и алеманов (Агафий: 2).

В том же году, воспользовавшись междоусобной войной вестготов, римляне захватили юго-восток Испании с городами Кордубой, Картаго-Новой и Малагой (Дашков: «Юстиниан Великий»).

Между тем Придунайские провинции продолжали опустошаться варварами. В конце 559 г. огромные полчища болгар и славян напали на Фракию, завоевали ее, многих убили и взяли в плен. Когда варвары подступили к стенам столицы, Юстиниан мобилизовал всех способных носить оружие, выставил к бойницам городское ополчение цирковых партий, дворцовую стражу и даже членов сената. Командовать обороной он поручил Вели-сарию. Нужда в средствах оказалась такой, что для организации кавалерии Велисарий собирал лошадей из императорского ипподрома, из богоугодных заведений и даже брал их у зажиточных горожан. Император приказал готовить корабли для того, чтобы отправиться на Дунай и отнять у варваров переправу. Узнав об этом, болгары и славяне просили через посла позволить им беспрепятственно возвратиться на свою сторону Дуная. Юстиниан послал к ним племянника Юсти-на и пощадил их (Феофан: 551).

Наконец, в 562 г. был заключен мир с персами. Причем после двадцатилетней опустошительной войны границы обеих империй остались практически без изменений (Гиббон: 42).

Таким образом, несмотря на, казалось бы, непреодолимые препятствия, несмотря на поражения, мятежи, набеги варваров, разорение государства и обнищание народа, несмотря на мириады жертв, Римская империя все-таки возродилась. Заплаченная за это цена была огромна, и уже современники Юстиниана ясно сознавали, что она неоправданно велика. Сам император к концу жизни как будто охладел к честолюбивым мечтам своей молодости. Он увлекся теологией и все меньше и меньше обращался к делам государства, предпочитал проводить время во дворце в спорах с иерархами церкви или даже невежественными простыми монахами. Летом 565 г. он разослал для обсуждения по епархиям догмат о нетленности тела Христова, но результатов его уже не дождался: он умер между 11 и 14 ноября (Дашков: «Юстиниан Великий»).

Византийский император Ираклейской династии, правивший в 685-695 и 705-711 гг. Сын Константина IV. Род. в 669 г. Умер 7 дек. 711 г.

Едва приняв власть, Юстиниан, по словам Феофана, возмутил весь порядок условий и договоров, сделанный его отцом Константином, и в 688 г. двинулся во Фракию против славян и болгар. Поначалу он добился успеха: болгар прогнал и, дойдя до Фессалоники, захватил там великое множество славян. Всех их - одних силой оружия, а других уговорами - он заставил переселиться в Малую Азию за Абидос в Опсикийскую область. Но на обратном пути император был застигнут болгарами в тесных горных проходах и с великою потерей войска, со множеством раненых едва мог уйти. Из переселенных славян Юстиниан набрал 30-тысячное войско, которое вооружил и снарядил на римский манер. Полагаясь на эти силы, он написал халифу, что более не хочет сохранять письменно заключенного мира. В 692 г. император со славянскими отрядами и с конницей пошел к Севастополю. Арабы объявили, что они не нарушали мира, но принуждены это делать по вине Юстиниана. Под руководством Муамеда они устремились на римлян, сразились с ними, но были разбиты. Тогда Муамед решил действовать по-другому: он тайно сошелся с вождем славян Гебулом, послал к нему колчан, набитый деньгами, обманул его многими обещаниями и уговорил перебежать к себе с 20 тысячами славян. После этого Юстиниан велел перебить всех оставшихся славян вместе с женами и детьми и отступил.

Со своими собственными подданными Юстиниан жил ничуть не лучше, чем с соседями. Он начал много построек, а надзирателем за работами поставил Стефана Перса, своего секеллария и первого евнуха, человека кровожадного и безжалостного: мало того, что он бесчеловечно мучил работников, но и самих начальников побивал камнями. Однажды в отсутствие императора он осмелился высечь кнутом, как секут розгами детей, императрицу Анастасию, мать императора. В то же время он всячески обижал народ и сделал имя императора ненавистным. В должность генерал-счетчика Юстиниан определил какого-то аббата Феодота, который прежде жил в отшельничестве во фракийских теснинах. Этот бедовый и слишком жестокий человек, требуя счетов, налогов и взысканий, вешал на веревках и подкуривал соломой многих государственных правителей, людей знатных и знаменитых. Также поступал он и со многими частными жителями, мучая их понапрасну, без вины и без всякого предлога. Сверх того градоначальник по царскому повелению заключал весьма многих в темницы и заставлял томиться их там по много лет. Все это увеличивало в народе ненависть к императору. Между тем Юстиниан потребовал от патриарха Каллиника сделать молебствие для разрушения церкви пресвятой Богородицы, которая находилась близ дворца, чтобы на этом месте возвести беседку и ложи для цирковой партии венетов, где бы они могли принимать императора. Патриарх отвечал на это: мы служим молебствия для основания церкви, а на разрушение их молебствий не имеем. Но император все же настоял на своем, и церковь была разрушена.

Воспользовавшись всеобщим недовольством, полководец Леонтий в 695 г. сверг Юстиниана и, отрезав ему ноздри и язык, сослал в Херсонес Таврический. Ненавистных всему народу Стефана и Феодота сожгли на форуме Быка. До 698 г. низложенный император тихо жил в Крыму. Но, узнав о свержении Леонтия Тиберием III, воспрянул духом и объявил херсонитам, что вновь собирается царствовать. Тамошние жители, испугавшись опасности со стороны империи, решили либо убить Юстиниана, либо выдать Тиберию. Проведав об этом, он спасся бегством и, достигнув Дараса, потребовал свидания с каганом хазар. Каган принял Юстиниана с великими почестями, взял под свою защиту и отдал ему в жены свою кровную сестру Феодору. Спустя некоторое время Юстиниан, отпросившись у кагана, уехал в Фанагорию и жил там с женой. Тиберий тем временем вступил с хазарами в переговоры и обещал кагану множество даров, если он пришлет ему живого Юстиниана или хотя бы его голову. Каган наконец уступил его просьбам и отправил к Юстиниану охрану под предлогом защиты от его собственных соплеменников, а сам приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только они получат на то приказ. Но так как через слугу кагана об этом была известна Феодора, все стало известно Юстиниану. Он, призвав Папаца для беседы наедине, задушил его струной. Затем так же он убил и архонта Валгица. Феодору он отослал в Хазарию, а сам сбежал из Фанагории и прибыл в Томы. Найдя

там рыбацкое судно, Юстиниан доплыл на нем до Символы, расположенной неподалеку от Херсонеса. Отсюда он послал тайно за своими друзьями и поплыл дальше на запад. Неподалеку от устья Днестра корабль попал в бурю. Все уже отчаялись в спасении. Тогда Миак, слуга императора, сказал: «Вот, господин, мы погибаем. Дай Богу обет во имя твоего спасения не наказывать никого из твоих врагов, если он вернет тебе царство». Но Юстиниан отвечал ему в гневе: «Да потопит меня Бог на этом месте, если я пощажу кого-нибудь из них». Невредимый вышел из этой бури и достиг Дуная. Своего друга Стефана он послал к болгарскому хану Тервелю с тем, чтобы тот дал ему помощь для овладения империей его предков, и обещал Тервелю множество даров и свою дочь в жены. Тервель принял Юстиниана с почестями и дал ему в помощь много славян и болгар. Вооружившись, они на следующий год появились у Константинополя (Феофан: 680, 683, 686, 687, 696). Подойдя к стене Влахерн, Юстиниан в течение трех дней требовал у жителей, чтобы они приняли своего императора. Они же гнусно поносили и отсылали его. Тогда Юстиниан ночью вошел вместе с немногими сопровождавшими в город через водопровод и таким образом овладел столицей. Вскоре он обосновался во Влахернском дворце. Ираклия, брата Тиберия, и других его архонтов и оруженосцев он велел повесить на дереве у стены (Никифор: 704). Потом послал розыски во внутренние земли и перебил без разбору многих, замешанных и незамешанных в его низложении. Императора Тиберия и его предшественника Леонтия он велел в оковах влечь по городу. Когда же совершались конские ристалища и Юстиниан сидел под своим балдахином, их притащили и бросили перед ним. До окончания игр он попирал их ногами, а потом отослал на Собачий рынок и велел обезглавить (Феофан: 698). Хану Тервилю, раскинувшему шатры за стеной Влахерн, Юстиниан выказал большое внимание: пришел к нему сам, накинул на него императорскую хламиду, провозгласил кесарем, посадил рядом с собой и приказал, чтобы народ преклонил колена перед ними обоими. Затем, одарив его богатыми подарками, отослал назад. Калли-ника, городского патриарха, за то, что тот обесчестил его и провозгласил Леония, Юстиниан ослепил и сослал в Рим. Вместо него поставил патриархом Кира, который в годы ссылки предрек ему второе царствование. По отношению к подданным Юстиниан совершил множество убийств и злодеяний. Одних он назначал на архонат и сразу же посылал вслед за ними других и убивал; других призывал на обед и убивал ядом; третьих топил в мешках в море. По единогласной молве он был для подданных крайне жестоким зверем. Затем он послал в Хазарию за своей женой Феодорой и за своим сыном Тиберием, родившемся от нее, и венчал их на царствие. После этого, в 710 г., он разорвал мир с болгарами и, приведя многочисленную армию во фракийские области, выступил на войну с ними к городу Анхиалу. Но болгары, неожиданно для войска, рассеявшегося по этой равнине для заготовки продовольствия, напали и многих из них убили, других забрали в плен. А самого Юстиниана, оставшегося в Анхиале, осаждали три дня. Он ночью перебрался на судно, бежал оттуда и снова вернулся в Константинополь (Никифор: 704, 705, 707).

Расправившись со своими врагами в столице, Юстиниан решил покарать за заговор против него также херсонитов и боспорян. В 710 г. он снарядил большой флот на средства столичных жителей, поставил во главе него патрикия Стефана и велел ему истребить мечом всех жителей в Херсонесе, никого не оставляя в живых. Римляне, прибыв в Херсонес, захватили крепость, так как никто им не воспротивился, и уничтожили всех мечом, кроме подростков. Свершив это дело, Стефан оставил архонтом в городе спафария Илью, погрузился на корабли и отплыл назад, но в пути флот его попал в бурю и почти весь затонул. Когда Юстиниан узнал об этом, то ничуть не опечалился, но, напротив, еще больше преисполнился радости и был уже в высшей степени одержим безумием. Он объявил, что отправит вторую армию, разрушит Херсонес и сравняет его с землей. Услышав об этом, херсониты послали к кагану хазар и отдалась под его защиту. Спафарий Илья поднял восстание и провозгласил вместе с херсонитами императором армянина Вар-дана, которого переименовали в Филиппика. Юстиниан в ожесточении заколол детей Ильи на груди матери, а ее саму заставил выйти замуж за ее повара, родом индийца. Вслед за тем император снарядил второй флот во главе с патрикием Мавром, дал ему для осады тараны и осадные машины и приказал сравнять с землей стены Херсонеса и весь город, не оставляя в живых ни единой души. Как только переправился Мавр, он разрушил тараном две башни, но тут явились хазары, и война прекратилась (Феофан: 703). Патрикий

Мавр, не зная, как продолжать осаду, и в то же время опасаясь возвращаться к Юстиниану, перешел на сторону херсонитов и Филиппика {Никифор: 711}. Так как флот медлил и письма не приходили к императору, он отправился в Синопу, поближе к Херсоне-су. Тем временем Филиппик прибыл в столицу и без сопротивления овладел городом. Юстиниан же со своим войском приплыл позже и остановился в Дамастрии. Филиппик выслал против него спафария Илью, который вступил в переговоры с императорскими воинами и всем им обещал безопасность. Все солдаты бежали от Юстиниана, оставив его одного, и приняли сторону Филиппика, а Илья с яростью устремился на Юстиниана, схватил его за шею и набедренным мечом отрубил ему голову {Феофан: 703}. Оруженосца Иоанна Филиппик отправил за сыном Юстиниана Тиберием. Они захватили его бежавшим в алтарь храма Пресвятой Богородицы. Иоанн вытащил малютку, держащегося за святой крест, не считаясь ни со святостью алтаря, ни с обильными слезами его бабки Анастасии - защищая внука, та сама оказалась вместе с ним в опасности, - и зарезал как бессловесную тварь за стеной на паперти. Вслед за ним умертвили многих из приближенных Юстиниана. Таков был конец Ираклейс-кой династии {Никифор: 711}.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1996. Акрополит Георгий. Летопись Великого логофета Георгия Акрополита. //ВИПДА. СПб., 1863.
- Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993.
- Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.
- Аристотель. Политика. - В кн.: Аристотель. Соч. в 4 тт., т.4. М., 1983.
- Арриан. Поход Александра. М., 1993.
- Виктор С. Аврелий. О Цезарях. - В кн.: Римские историки четвертого века. М., 1997.
- Виктор С. Аврелий. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. - Там же.
- Виктор С. Аврелий. О знаменитых людях. - Там же.
- Вриений Никифор. Исторические записки. М., 1997.
- Геродиан. История императорской власти после Марка. СПб., 1995.
- Геродот. История. М., 1993.
- Григора Никифор. Римская история. СПб., 1862.
- Диодор. Историческая библиотека. СПб., 1774.
- Дион Кассий. История. (Отрывки.) - В кн.: Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. Смоленск. 1995.
- Дука. Византийская история. - В кн.: Византийские историки Ду-ка, Сфрандизи, Лаоник Халкондил о взятии Константинополя турками. //ВВ. Т.7. 1953.
- Евагрий. Церковная история. СПб., 1853.
- Евнапий. Продолжение истории Дексиппа. - В кн.: Византийские историки. СПб., 1860.
- Евсевий. Церковная история. М., 1993.
- Евсевий. Жизнь Константина. - В кн.; Евсевий Памфил. Сочинения. Т.2. СПб., 1849.
- Евтропий. Краткая история от основания Города. - В кн.: Римские историки четвертого века. М., 1997.
- Зосим. Новая история. (Отрывки). - В кн.: Хрестоматия по истории Древнего Рима Под ред. С. Л. Ут-ченко. М., 1962.
- Иоанн. Церковная история. (Отрывки). - В статье: Дьякон А. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI-VII вв. //ВДИ, 1946, No1.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
- Кандид. История. - В кн.: Византийские историки. СПб., 1860.
- Киннам Иоанн. Краткая история царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859.
- Комнина Анна. Алексиада. СПб., 1996.
- Ксенофонт. Греческая история. СПб., 1993.
- Курций Руф К. История Александра Македонского. М., 1993.
- Лактанций. О смерти гонителей. - В кн.: Лактанций. Творения. Пер. Карнеева. СПб., 1848.
- Лев Диакон. История. М., 1988.

- Ливий Т. История Рима от основания города. М., 1993.
- Малх. Византийская история. - В кн.: Византийские историки. СПб., 1860.
- Марцеллин Аммиан. Римская история. СПб., 1994.
- Менандр. Продолжение истории Агафия. - В кн.: Византийские историки. СПб., 1860.
- Никифор. Никифора патриарха «Краткая история». // ВВ. Т. 3. 1950.
- Олимпиодор. Олимпиодора «История» в записях и выборках Фо-ТИЯ.//ВВ. Т.8. 1956.
- Павсаний. Описание Эллады. М., 1994.
- Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1868.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1994.
- Полибий. Всеобщая история. СПб., 1995.
- Приск. Сказания Приска Паний-ского/ Пер. Г.С. Дестуниса// Ученые записки Второго отд. Имп. Акад. Наук. Кн. 7, вып. 1. СПб., 1861.
- Продолжатель Феофана Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
- Прокопий Кесарийский. Войны Юстиниана. (Кн. 1-4 в кн.: Прокопий Кесарийский. Война с персами Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. Кн. 5-8.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996.
- Прокопий Кесарийский. Тайная история - Там же.
- Псамафийская хроника. - В кн.: Две византийские хроники. М., 1959.
- Пселл Михаил. Хронография. М., 1978.
- Светоний Гай Т. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1993.
- Себеос. История. Ереван, 1939.
- Симокатта Феофилакт. История. М., 1996.
- Скилица Иоанн. Хроника. (Отрывки). - В кн.: Лев Диакон. История. М. 1988.
- Созомен. Церковная история. СПб., 1851.
- Сократ. Церковная история. Саратов. 1912.
- Сочинители истории Августов. (Властелины Рима). М., 1992.
- Страбон. География. М., 1994.
- Сфрандизи Георгий. Большая хроника. - В кн.: Византийские историки Дука, Сфрандизи, Лаоник Халкондил о взятии Константинополя турками.//ВВ. Т. 7. 1953.
- Тацит К. Анналы. - Соч. в 2-х тт., т. 1, М, 1993.
- Тацит К. Жизнеописание Юлия Агриколы. - Там же.
- Тацит К. История. - Соч. в 2-х тт., т. 2 М., 1993.
- Федор. Извлечение из «Церковной истории» Федора чтеца, по изложению Никифора Каллиста. - В кн.: Сокращение Церковной истории Филосторгия, сделанное патриархом Фотием. СПб., 1854.
- Феодорит. Церковная история. СПб., 1852.
- Феофан. Хронография. - В кн.: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884.
- Филосторгий. Церковная история. - В кн.: Сокращение Церковной истории Филосторгия, сделанное патриархом Фотием. СПб., 1854. Флавий И. Иудейские древности. М., 1994.
- Флавий И. Иудейская война. Минск, 1991.
- Фукидид. История. М., 1993.
- Халкондил Лаоник. История. - В кн.: Византийские историки Дука, Сфрандизи, Лаоник Халкондил о взятии Константинополя турками //ВВ. Т 7. 1953.
- Хониат Никита. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1860-1862.
- Цезарь Ю. Записки. М., 1993.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» // ВДИ, 1954, No 2-4.
- Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. М., 1997.
- Дашков СБ. Императоры Византии. М., 1997.
- Дройзен И. История эллинизма Ростов-на-Дону, 1995.
- Дьяконов А. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах в VI-VII

вв.//ВДИ 1946 №1.

Кравчук А. Закат Птолемеев. М., 1973.

Лурье Ф.М. Российская и мировая история в таблицах. СПб., 1995.

Манандян. Маршруты персидских походов императора Ираклия. // ВВ. Т. 3.1950.

Скржинская Е. Ч. Комментарий к «Getica» Иордана. - В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.

Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. Смоленск, 1995.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.